

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25 $\left(\frac{1866}{3}\right)$

The gift of
EUGENE SCHUZLER
U.S. CONSUL
AT BIRMINGHAM, ENG.

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ

НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ. 1866.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ III. — СЕНТЯБРЬ 1866.

- I — СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА. — II. — ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ. ГЛАВА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ. — Н. И. Костомарова.
- II — ЦЕНТРЪ РИМСКАГО МІРА И ЕГО ПРОВИНЦІИ. — I. — С. В. Ешевскаго.
- III. — ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ. — I. — С. М. Соловьева.
- IV. — БОРЬБА ВЕНЕЦИ СЪ АВСТРІЕЮ въ 1848 и 1849 годахъ. — СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. — В. Г. Асмѣнко.
- V. — ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НАКАНУНЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. — СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. — М. М. Стасюлевича.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги. Первое полугодіе. — II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская. В) Иностранная: 1) Французская литература; 2) Нѣмецкая литература.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Объ учрежденіи во Франціи новой спеціальной «Нормальной школы». — Циркуляръ по этому предмету г. Дюрюи. — Спеціальныя коллегіи во Франціи и реальныя гимназіи у насъ. О «Запискѣ» и «Программѣ» учебника всеобщей исторіи», составленныхъ въ 1850 г. Т. Н. Грановскимъ. М. Стасюлевича.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Сентябрь, 1866. — Земское обозрѣніе: Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній: 1) Дѣятельность земскихъ учреждений по народному образованію. Н. П. Коллюпанова. — Экономическое обозрѣніе: I. Новѣйшія преобразованія по государственной отчетности. Z. — II. О современномъ городскомъ общественномъ управленіи. L. — III. Обзоръ городского хозяйства въ 1858 году, въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья первая. Н. П. Коллюпанова. — Иностранное обозрѣніе: I. О парламентской реформѣ въ Англіи. W. — II. Паденіе Германскаго союза. Статья первая. А. М. — III. Корреспонденція изъ южной Италіи. E. O.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленіе. Настоящій томъ не могъ выйти въ назначенный срокъ по обстоятельствамъ, которыя Редакція не могла предвидѣть.

С. В. Урусовъ

“ VESTNIK

EUROPY. t. 3 (1866)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы.

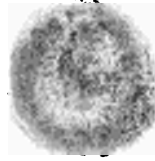

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XXX. — ТОМЪ СЛХХVII. — 9/21 СЕНТЯБРЯ 1866.

Digitized by Google

17-7

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

September

СЕНТЯБРЬ.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Газетная, 20.

1866.

P Slav 176. 25

~~Slav 302~~

1879. Oct. 6.
Wife of
Eugene Schuyler, U. S. Consul
at Birmingham, Eng

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

На углу Могилевской и Каменноостровской, № 7/2.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Zródło tej sprawy, z którego następujące płynęli potoki, wprowadzie tajemne rady skrycie chowane być mają i nie trzeba odkrywać tego, собы на потом przestraszą nieprzyjaciela miało *).»

(Рузск. библіот. Кракска. В. 1. 6).

II.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ**).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Избраніе Шуйскаго въ дари. — Ограниченіе царской власти. — Царскія грамоты. — Объясненія съ Минщиками и польскими послами. — Царское вѣнчаніе.

19 мая, когда еще тѣло Дмитрія лежало на площади, Шуйскій собралъ бояръ, своихъ единомышленниковъ, и говорилъ:

---

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ уммысленіяхъ, старательно скрываемихъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». (Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопроса, касающагося смутнаго времени).

**) См. предъидущее въ первой части: «Названный царь Дмитрій», помѣщенной въ том. I и II, мартъ и іюнь 1866.

Томъ III. Отд. I.

«Мы совершили единодушно подвигъ праведный, честный, полезный и спасительный для земли; еслибъ только Богу угодно было, чтобъ меньше крови пролилось! Богъ, который земныя царства раздаетъ кому хочетъ, благословилъ наше умышленіе. Теперь, когда вора больше нѣтъ на свѣтѣ, и русскіе люди избавились отъ обольщенія чернокнижника и бѣсоугодника, который всѣмъ намъ отвелъ глаза, — теперь нужно выбирать новаго царя. Родъ нашихъ государей пресѣлся, и надобно намъ поискать въ Московскомъ государствѣ человѣка знатной породы, прилежнаго въ святой восточной вѣрѣ, во всемъ благочестиваго, — чтобъ онъ держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіялъ добродѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или своимъ собственнымъ царскимъ. Вы, можете быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ. Но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ по крайности казался такимъ для своихъ подвластныхъ ¹⁾».

Шуйскій описывалъ такія качества, какими самъ славился. Онъ былъ не молодъ и опытенъ, бережливъ до скупости, и уничтоженіемъ Дмитрія доказывалъ свое благочестіе и преданность вѣрѣ и русскимъ старымъ обычаямъ. Бояре сказали, что есть такой человѣкъ въ русской землѣ только одинъ — князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій, какъ водится, для виду поломался и согласился.

Бояре и думные люди пригласили властей. Приказали зазвонить въ колоколь, чтобъ собрался на площадь народъ. Поляки, оставшіеся живыхъ, перепугались, услышавши звонъ, — они думали: вѣрно москвитяне собираются перебить насъ всѣхъ остальныхъ. И не прежде отошло у нихъ отъ сердца, какъ узнали, въ чемъ дѣло. По однимъ извѣстіямъ, это было 19, по другимъ 20 мая.

Пока выжидали на площадь архіерея, и бояре стали на лобномъ мѣстѣ — народу бѣжало не мало. Но площадь около лобнаго мѣста предварительно заняли соумышленники Шуйскаго, сотники и пятидесятники войсва, подговоренные прежде торго-

¹⁾ De Thou, XIV, стр. 499—500. — Хотя эти слова приводятся такимъ историкомъ, какъ де-Ту, который никогда не былъ на мѣстѣ описываемыхъ событій, но въ нихъ такъ вѣрно отразился характеръ Василя Шуйскаго, что, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ получить о нихъ свѣдѣніе отъ лицъ, стоявшихъ весьма близко къ событіямъ того времени.

все люди и вообще участники въ возстаніи противъ Димитрія; вѣроятно, были тамъ и преступники, которые выпущены были изъ тюремъ въ день убійства.

Бояре начали говорить:

«Бывшій патриархъ, Игнатій, былъ слугою и потаковникомъ разстриги. Неподобаешь ему оставаться на патриаршествѣ, и надобно намъ избрать на соборную апостольскую церковь патриарха.»

То былъ только хитрый приступъ! Хотѣли говорить собственно о царѣ, а начали о патриархѣ.

Тогда изъ толпы заговорили:

«Напередъ патриарха, пусть изберется царь на царство, а потомъ уже патриаршеское избраніе произвольно будетъ учинить великому государю.»

Другіе сказали:

«Разослать во всѣ города Московскаго государства грамоты, чтобъ изъ всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обираія.»

— Для чего выборныхъ людей собирать и ждаты! — подхватили третьи. «Невозможно намъ оставаться безъ царя. Благородный князь, Василій Ивановичъ Шуйскій, избавилъ насъ, при Божіей помощи, отъ прелести вражей, и отъ власти богопротивнаго еретика, разстриги; онъ едва было не пострадалъ отъ сего плотояднаго медвѣдя; онъ живота своего не щадилъ за избавленіе Московскаго царствія. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ отрасль благороднаго ворони царскаго! Родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручится ему царство російскаго скипетродержавія!»

Тогда поднялись голоса:

«Пусть царствуетъ надъ нами благовѣрный князь Василій Ивановичъ! Онъ избавилъ насъ отъ пагубы, отъ мерзavaго еретика Гришки Отрепѣва ¹⁾.»

Приверженцы Шуйскаго говорили, что народа было множество; но лѣтописцы, передающіе современныя извѣстія, указываютъ, что Шуйскій былъ избранъ не народомъ, а только соумышленниками.

Съ лобнаго мѣста повели новаго царя въ церковь. И тамъ сказалъ князь Василій Ивановичъ:

«По Божію изволенію и по вашему хотѣнію, я избранъ на престолъ Московскаго государства, и наречень отъ всѣхъ царемъ. Еще при царѣ Борисѣ, и послѣ него, я принималъ отъ

¹⁾ Фукоа Филар. 8.

многихъ обиды и оскорбленія, неправды и гоненія. Я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее, и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора».

Это было условлено заранѣе боярами, которымъ, разумѣется, было пріятно ограничить самодержавную власть государя. Но тутъ же оказались голоса, противные этому нововведенію. «Никогда не творилось у насъ такого, — говорили иные, — не затѣвать новаго государства!» Конечно, Василию было пріятнѣе послушать этого совѣта; но онъ здѣсь былъ боярское твореніе. Отступили бы отъ него бояре — и онъ бы остался безпомощенъ. Онъ не могъ поступать противъ воли бояръ. Василий не послушался тогда оберегателей самодержавія; цѣловалъ крестъ на томъ, чтобъ ему безъ боярскаго приговора не предавать никого смерти, не отнимать вотчинъ и имущества у братьевъ и и дѣтей осужденныхъ, а у гостей и торговыхъ людей — лавокъ и дворовъ. Такъ какъ при Борисѣ доносничество стало всѣмъ ненавистно, то Василий Ивановичъ обѣщался не слушать ложныхъ доводовъ, но смысывать накрѣпко и ставить доносителей съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, того казнить.

Послѣ того какъ Василий Ивановичъ произнесъ эту присягу, по составленной крестоцѣловальной записи, присягали всѣ присутствующіе, также по крестоцѣловальной записи, служить и прямить государю, его царицѣ, и дѣтамъ, когда они будутъ, — и не учинить имъ никакого лиха ни зельемъ, ни корнемъ.

Тотчасъ была отправлена во всѣ предѣлы Россійскаго государства грамота, сообщающая русскому народу, что праведнымъ судомъ Божиимъ, за грѣхи всего христіанства, богоотступникъ, еретикъ, чернокнижникъ, Гришка Отрепьевъ, назвавшись царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, прельстилъ московскихъ людей, былъ на московскомъ престолѣ, и хотѣлъ поправить христіанскую вѣру и учинить латинскую и лютерскую. Но Богъ объявилъ людямъ его воровство, и онъ кончилъ жизнь свою злымъ способомъ. Сообщалось во всеобщее свѣдѣніе русскому народу, что у него въ хоромахъ найдены грамоты ссылочные, воровскія, съ Польшею и Литвою и съ папою: видно изъ нихъ, что папа присылалъ къ нему, для утвержденія въ вѣрѣ законника, который, вмѣстѣ съ Гришкою, также принялъ смерть отъ людей православныхъ. Сверхъ того оповѣщалось грамотою, будто полякъ, жившій при Гришкѣ, объявилъ, что воръ, разстрига, намѣревался везти пушечный нарядъ за городъ, якобы для стрѣльбы, — созвать туда бояръ, дворянъ и всякаго званія людей, и въ то же время приказалъ быть тамъ литовскимъ людямъ въ вооруженіи съ

копьями и пиццалами: на видѣ для воинской потѣхи, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы всѣхъ бояръ, думныхъ людей и большихъ дворянъ побить. И было розписано у него, кому кого убивать; и была у нихъ дума потомъ захватить Москву и раздарить воеводѣ Сендомирскому и его роднѣ города на Руси, чтобы, такимъ способомъ, можно было насильно приводить православныхъ людей въ латинскую и лютерскую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что нѣкто Золотой-Квашининъ, измѣнившій царю Ивану Васильевичу и уѣхавшій въ Литву, связывалъ, что Гришка поступилъ воеводѣ Сендомирскому дать многіе города, а королю польскому отдавалъ Смоленскую и Сѣверскую земли. Въ заключеніе, грамота извѣщала, что совершился выборъ новаго царя всѣмъ Московскимъ государствомъ. Духовные — митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ; бояре, окольнічьи дворяне, приказные люди, столъники, страпчїе, дѣти боярскїе, гости торговые и всякіе люди Московскаго государства, били челомъ князю Василю Ивановичу Шуйскому, чтобы онъ былъ царемъ и великимъ княземъ, по степени прародителей отъ Рюрика и отъ Александра Невскаго, отъ котораго происходили предки князя Василя, правившіе суздальскимъ удѣльнымъ княженіемъ. Предписывалось въ каждомъ городѣ собрать людей всякаго чина и званія, и духовныхъ и свѣтскихъ, — прочитавъ эту грамоту, — и они всѣ должны цѣловать врестъ, по врестоцѣловальной грамотѣ, и въ продолженіе трехъ дней слѣдовало служить молебны съ волокольнымъ звономъ ¹⁾.

Эта грамота такъ писалась, чтобы въ каждомъ городѣ обмануть русскихъ людей. Вездѣ тогда могли ложно думать, что всѣ города, исключая того, куда присылался полученный списокъ грамоты, участвовали въ выборѣ новаго царя. Въ одномъ городѣ могли подумать, что хоть изъ него выборныхъ въ Москву, какъ всѣмъ имъ извѣстно, не посылали, но дворяне и дѣти боярскїе этого города и уѣзда его, бывшіе въ службѣ, находились въ Москвѣ, и ихъ слово могло пойти за весь городъ и уѣздъ; въ другомъ — можно было поставить дѣло такъ, что, какъ бы случайно, — только этого города людямъ не пришлось быть на избранїи; не идти же одному городу противъ всей русской земли; и очевидно такому городу, не заявивши своего голоса при избранїи, оставалось только спокойно присоединить свое желаніе къ общей волѣ другихъ городовъ, земель, волостей и уѣздовъ.

Разомъ съ царскою грамотою разслана была грамота отъ бояръ такого же содержанія. Бояре увѣряли народъ, что они

¹⁾ Собр. г. гр. II, 304.

всѣ, и другихъ званій люди, дѣйствительно были челомъ Василію Ивановичу принять престоль, и избрали его московскимъ царемъ ¹⁾.

Для рѣшительнаго увѣренія русскаго народа въ томъ, что бывшій царь былъ Гришка, а не Димитрій, разослана была на другой день, послѣ этихъ грамотъ, грамота отъ имени царицы-инокини Мары. Она извѣщала, что тотъ, который царствовалъ и взялъ дѣвку латинской вѣры изъ Польши, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею, помазалъ муромъ, и на царство вѣнчалъ; чтобы учинить въ Россійскомъ государствѣ лютерскую и латинскую вѣру, и всѣхъ отвести отъ Бога, — не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ, Гришка-разстрига. «А мой сынъ Димитрій Ивановичъ (говорила грамота отъ имени Мары) убитъ въ Угличѣ передо мною и передъ моими братьями, и теперь лежитъ въ Угличѣ. Это извѣстно боярамъ и дворянамъ. А когда этотъ воръ, назывался ложно царевичемъ, колдовствомъ и черно-книжествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, за мною долгое время не посылалъ, а прислалъ ко мнѣ своихъ совѣтниковъ, и велѣлъ беречь, чтобы ко мнѣ никто не приходилъ, и никто со мной не разговаривалъ. И когда онъ велѣлъ насъ привести въ Москву, то былъ на встрѣчѣ у насъ одинъ, и не велѣлъ къ намъ пускать ни бояръ ни другихъ какихъ людей, — и говорилъ намъ съ великимъ прельщеніемъ, чтобы мы его не облачали, угрожалъ и намъ, и всему роду нашему смертнымъ убійствомъ. Онъ посадилъ меня въ монастырь, приставилъ за мной своихъ совѣтниковъ, чтобы оберегать меня, и я не смѣла объявить въ народѣ его воровство, а объявила боярамъ и дворянамъ, и всѣмъ людямъ тайно.» Въ заключеніе, вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-разстриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престоль выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими, была ему челомъ о принятіи царства.

Слушавшіе грамоту должны были вообразить себѣ, что Марья принимаетъ участіе въ правительствѣ: грамота эта кончалась обѣщаніемъ жалованья свѣше прежняго отъ царя Ивана Васильевича и отъ ней царицы Мары ²⁾. Въ какой степени уважалъ царь Василій мать Димитрія — показываетъ просьба ея, обращенная, уже по изложеніи Шуйскаго, къ польскому королю: тамъ инокиня Марья жалуется, что Шуйскій даже не кормилъ ее какъ слѣдуетъ.

По способу изложенія, эта грамота могла бы, кажется, про-

¹⁾ Собр. г. гр. II. 300.

²⁾ Собр. г. гр. II. 306.

известіи впечатлѣніе обратное тому, какъ домогался Василій, по крайней мѣрѣ между тѣми, которые случайно видѣли прошедшія событія поближе. Царица говорила, что называвшій себя Димитріемъ, по своемъ прѣздѣ въ Москву, видѣлся съ ней въ первый разъ безъ свидѣтелей: тогда какъ чуть не вся Москва выходила смотрѣть на трогательное зрѣлище свиданія сына съ матерью. Въ граматѣ говорилось, что разстрига угрожалъ царичѣ смертью, и Марѳа отъ страха признала его сыномъ; тогда какъ, по здравому разсудку, было явно, что не онъ могъ ей угрожать, а она ему, и отъ нея зависѣла его участь и царство. Стоило только Димитріевой матери объявить, что онъ не сынъ ея, и все обольщеніе исчезло бы мгновенно. Въ граматѣ говорилось, что разстрига присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, тогда какъ въ Москвѣ извѣстно было, что за ней ѣздилъ Михаилъ Скопнѣй-Шуйскій, человекъ близкій въ Василію, человекъ рода его, который со вступленія на престолъ не только не былъ сосланъ какъ сообщникъ разстриги, но входилъ въ силу. Въ граматѣ царица объявляла, что разстрига содержалъ ее тайно, никого не допускалъ къ ней; тамъ же говорилось, что она объявляла о его воровствѣ боярамъ и думнымъ людямъ и всякимъ людямъ; слѣдовательно, она содержалась такъ, что могла видѣться со многими. Одно такое противорѣчіе этой граматѣ самой себѣ, казалось, должно было лишить ее довѣрія. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Марѳа дала согласіе на такую грамату, или она была писана безъ ея согласія. Но видно было, что новый царь не боялся явной лжи и обмана: иначе, онъ самъ не надѣялся бы, что его признаютъ въ новомъ достоинствѣ, послѣ того какъ онъ самъ, при Борисѣ, производя слѣдствіе надъ убитымъ Димитріемъ, показалъ, что Димитрій убилъ самъ себя, — потомъ, при вступленіи названаго Димитрія, поклонился ему какъ законному царю и заявлялъ, что, вмѣсто Димитрія, убить поповъ сынъ, а настоящій Димитрій живъ и вступаетъ на царство; — послѣ того, наконецъ, какъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ ссылки, былъ близкимъ человекомъ у разстриги. Теперь, послѣ смерти того, кого онъ призналъ настоящимъ, онъ заявлялъ, что оба прежнія его показанія были ложью, и представлялъ русскому народу новымъ, уже третьимъ способомъ это запутанное дѣло: что Борисъ приказалъ убить малолѣтнаго царевича, и что царевичъ дѣйствительно былъ убитъ по этому повелѣнію.

Послѣ разсылки граматъ, отправились въ Угличъ: митрополитъ Ростовскій Филаретъ, Астраханскій епископъ Θεодосій ¹⁾,

¹⁾ По житію его видно, что онъ не былъ тогда при открытіи мощей, но, ѣзучи изъ Астрахани въ Москву, умеръ на дорогѣ въ Царичинѣ.

два архимандрита: Спасскій и Андроніевскій, бояре: Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и двое Нагихъ — Григорій Ѳедоровичъ, братъ царицы, и Андрей Александровичъ. Они должны были перенести мощи царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву.

Въ ожиданіи мощей, новое правительство расправлялось съ поляками. Марина осталась во дворцѣ подъ стражею; съ нею дозволили видѣться воеводѣ. Въ самый страшный день погрома поляковъ, бояре предоставили ему вмѣстѣ съ дочерью поплакать о превратностяхъ судьбы своей. Изъ дома во дворецъ, изъ дворца въ домъ его провожали и охраняли отъ толпы, которая, какъ только завидѣла, что Мнишевъ выходитъ изъ дома, бросилась было на него не съ добрымъ духомъ. Когда онъ возвращался отъ дочери, москвичи заглядывали ему въ глаза, любовались его униженнымъ высокоуміемъ и показывали тѣлодвиженіями свое торжество. Съ тѣхъ поръ Марина оставалась во дворцѣ, по однимъ извѣстіямъ до среды ¹⁾, по другимъ — до пятницы слѣдующей недѣли. Въ эти дни Шуйскій приказалъ ей доставлять кушанье отъ воеводы, потому что она не могла ѣсть отъ того стола, который готовился во дворцѣ. Ея собственный поваръ погибъ въ субботу вмѣстѣ съ музыкантами. Наконецъ, бояре, посовѣтовавшись между собою, рѣшили, что ее надобно отпустить къ отцу, но воспользовавшись случаемъ, чтобы взять съ нея и съ отца за тѣ издержки, которыя, ради ихъ, такъ щедро расточалъ покойный царь изъ казны. Пришли къ Маринѣ отъ царя и бояръ и говорили:

«Мужъ твой, Гришка Отрепьевъ, воръ, измѣнникъ и престестникъ, обманулъ насъ всѣхъ, назвавшись Димитріемъ; но ты, дочь сендомирскаго воеводы, знала его въ Польшѣ, и завѣдомо было тебѣ, что онъ воръ, а не прямой царевичъ; и ты за него вышла замужъ! Теперь, если ты хочешь быть на волѣ и идти къ своему отцу, то отдай и вороти все, что воръ тебѣ пересылалъ въ Польшу и давалъ въ Москвѣ.»

Марина указала имъ на свои драгоценности, украшенія, одежды и сказала:

— Вотъ мои платья, ожерелья, камни, жемчугъ, цѣпи, браслеты. Вы можете взять все; оставьте мнѣ только одно ночное платье, въ которомъ бы я могла уйти къ отцу. Я готова вамъ заплатить и за то, что проѣла у васъ съ моими людьми.

— Мы съ тебя за проѣсъ ничего не беремъ, — сказали

¹⁾ Monum. Hist. Russ. 178.

москвичи, — а ты верни намъ 55,000 рублей за все, что воръ переслалъ тебѣ въ Польшу.

— Не только то, что мнѣ прислали — отвѣчала Марина — но еще много и своего я потратила на путешествіе сюда, чтобъ было честиѣ вашему государю и вамъ всѣмъ московскимъ людямъ. У меня ничего болѣе нѣтъ, кромѣ того, что я отдаю вамъ и что вы можете взять. Отпустите меня на свободу, съ отцомъ моимъ: умоляю васъ, — и мы вышлемъ вамъ все изъ Польши, что вы требуете ¹⁾.

По извѣстію Петра, москвичи не прежде ее отпустили къ отцу, какъ поговоривши съ воеводою объ этомъ. Они потребовали денегъ въ вознагражденіе за потраченное Димитріемъ. Изъ расписки, представленной впоследствии Мнишвомъ, видно, что у него взяли тогда наличными десять тысячъ рублей (что составило 33,333¹/₂ злотыхъ польскихъ). Но, сверхъ того, у него позабирали лошадей, кареты, драгоценности и вино, котораго онъ привезъ съ собою въ большомъ количествѣ; одного венгерскаго оставалось тогда тридцать бочекъ; видно было, что Мнишекъ собирался порядочно угоститься и весело пожить въ чужой землѣ ²⁾. Мнишекъ, отдавая деньги и все свое имущество, умолялъ, чтобъ его отпустили въ Польшу.

Москвичи сказали: «еще рано тебя выпускать, а дочь твою къ тебѣ отпустимъ.»

— Возьмите деньги и все, что у меня есть, только отпустите ко мнѣ дочь съ ея гофмейстериною и съ придворными дамами ³⁾.

Въ дневникахъ польскихъ нѣтъ этого извѣстія; несомнѣнно однако то, что Марина, обобранная до-чиста, отправилась къ отцу въ одномъ платьѣ. На другой день, какъ будто на посмѣяніе, прислали ей пустые сундуки. Съ нею переѣхали дамы, но не всѣ; нѣкоторыя были разобраны боярами и содержались у нихъ въ домахъ подъ надзоромъ ихъ женъ.

Воевода, чувствовавши себя еще недавно на верху блаженства, отъ того что дочь его царица, и теперь принималъ ее съ церемонными поклонами, титуловалъ царицей и предпочиталъ выражать свою любовь болѣе знаками уваженія къ ея царскому достоинству, чѣмъ теплымъ сочувствіемъ отца въ несчастной дочери. Съ нею сидѣли въ неволѣ соотечественницы, въ нищетѣ, въ униженіи, чуть не въ однихъ рубашкахъ, и то оста-

¹⁾ Petr. 196.

²⁾ Собр. г. гр. II. 333.

³⁾ Petr. ibid.

вленныхъ имъ изъ жалости, и многія горячо оплакивали мужевъ, погибшихъ въ страшный день народной кары. Марина казалась несчастнѣе всѣхъ ихъ. Недавнее царственное величіе, радость родныхъ, поклоненіе подданныхъ, пышность двора, надежды молодой счастливой жизни — все разбилось въ одинъ мигъ, все исчезло какъ сонъ! Изъ вѣнчанной повелительницы народа, который такъ недавно встрѣчалъ ее съ восклицаніями, принять на престолъ своихъ владыкъ, стала она теперь невольницею; и въ устахъ прежнихъ подданныхъ честное имя царской супруги замѣнилось позорнымъ именемъ вдовы обманщика, подлой соучастницы его преступленія. «Она и потому была несчастнѣе другихъ вдовъ, говоритъ современникъ ¹⁾, что ей не дозволено было послѣ недолгихъ дней любви, принять послѣднее дыханіе супруга, не позволено было ей даже похоронить его и оплакать. Но всего ужаснѣе было то, что, находясь подъ надзоромъ враговъ его, она должна была сносить ихъ грубыя рѣчи — видѣть ихъ радость о своемъ горѣ. Всегда на виду у нихъ, она не смѣла предаться своей горести, чтобъ не дать своимъ злодѣямъ повода къ удовольствію. Эта женщина прошла тогда тяжелую школу! Марина вооружилась твердостію духа, закалилась волею. «Я царица, говорила она, и останусь царицею!» И на переکورъ своему низверженію, своему униженію, она укрѣпилась въ одной мысли — остаться царицею и мстить за свое поруганіе, за порчу своей жизни.»

Съ Мнишвами оставалось 230 человекъ свиты; а съ прислугою было всего около 300 человекъ. Значительная часть полявовъ, кромѣ важнѣйшихъ пановъ, родственниковъ Мнишка и посольской свиты, выслана изъ Москвы въ Польшу. Они пошли пѣшкомъ на скудномъ пропитаніи. Съ ними отправились и ограбленные иновемные кушцы, пріѣхавшіе наживаться въ московской землѣ. Остальныхъ полявовъ велѣно было размѣстить по дворамъ и отпускать имъ на содержаніе отъ царскихъ щедротъ. Когда приставы для этого потребовали тѣхъ полявовъ, которые во время рѣзни укрылись на посольскій дворъ, — они слезно просили пословъ не отпускать ихъ отъ себя. Москвичи говорили имъ: «не бойтесь ничего; все миновалось! Царь будетъ вамъ давать съѣстные припасы и жалованье деньгами.» — «Мы, отвѣчали поляви, лучше будемъ питаться крохами отъ посольскаго стола, нежели кормиться отъ московскаго обилія и брать жалованье отъ вашего дая.» Согласился идти за приставами одинъ панъ Тарло, и съ нимъ поступили хорошо; ему дали помѣщеніе

¹⁾ Inno Petricii, 135,

и дѣсти рублей на платье. Тогда многіе москвичи, хозяева дворовъ, гдѣ размѣстили поляковъ, принимали ихъ съ состраданіемъ, давали имъ платье, деньги, кормили и поили ихъ. Большая часть жителей столицы не участвовала въ избіеніи гостей, и недобрыя страшнаго утра прошедшей субботы; даже многіе изъ тѣхъ, что въ первомъ порывѣ бросились бить Литву; ушлиша отъ бояръ, будто Литва собирается извести государя и бояръ, раскаялись въ своей опрометчивости, когда узнали, что Литва не собиралась бить государя и бояръ, а убили государя бояре сами.

Послы требовали объясненія и отпуска. Имъ сказали, что ихъ допустить къ царской рукѣ въ слѣдующее воскресенье и послѣ того они пойдутъ себѣ въ свою землю. Послы ожидали съ нетерпѣніемъ дня, чтобъ скорѣе уѣхать изъ края, внушавшаго имъ ужасъ.

Въ воскресенье ихъ не позвали, какъ было обѣщано. Въ этотъ же день Москва зашумѣла. Цѣлую недѣлю жители столицы были въ какомъ-то чаду, также точно, какъ и вся московская земля, получивши вѣсть о переворотѣ. Очень многіе не могли придти въ себя и разсудить, что это за дивныя дѣла дѣлаются, и что это такое творять бояре съ землею? Недавно былъ на престолѣ царь Димитрій Ивановичъ; его чудесному спасенію радовалась вся земля московская: жилъ онъ и здравствовалъ; сомнѣнія въ его дѣйствительности если и были прежде, то уже исчезли, когда родная мать признала его сыномъ, а бояре, близкіе къ царскому дому, увѣрили, что это Димитрій настоящій, и сами служили ему уже вотъ около года. Теперь вдругъ читается въ церквахъ, что это былъ растрига, еретикъ Гришка Отрепьевъ; его убиваютъ безъ всякаго суда, трупъ его валяется изуродованный и искаженный на поруганіе уличнымъ гулякамъ, и новый выбирается царь, будто бы волею всей земли, а въ Москву не съѣзжалась земля русская, и сами москвичи не видали, какъ это вдругъ сдѣлалось, и не подавали своего согласія...

Вотъ въ воскресенье, 20-го числа, стекается много народа на Красную площадь. Кто убилъ царя? кто выбралъ новаго? кричатъ, требуютъ объясненія. Думные люди, пособники Шуйскаго, стали грудью за свое созданіе, вышли на лобное мѣсто и обѣщали народу представить явныя улики, что бывшій на престолѣ дѣйствительно воръ и обманщикъ, растрига, еретикъ, и хотѣлъ истребить православную вѣру. Послѣ того они говорили: «вотъ Господь Богъ открываетъ свою благодать, являетъ мощи новаго чудотворца Димитрія царевича. Его святое тѣло въ Угличѣ исцѣленія подаетъ одержимымъ различными болѣзнями,

во увѣреніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, и многіе о чудесахъ его свидѣтельствовали и извѣщали на соборѣ. Явленіе новыхъ мощей было важно для русскаго народа. Онъ не привыкъ подвергать сомнѣнію такія происшествія, которыя церковь ему указывала за явленіе Божіей благодати. Извѣстіе о томъ, что мощи скоро перевезутъ въ Москву, поразило толпу, и она согласилась ждать указанія свыше, которое должно успокоить совѣсть.

Впрочемъ, москвичи должны были, размысливши, почувствовать, что, домогаясь власти, новый царь искусно сдѣлалъ Москву невольною участницею своихъ домогательствъ. Когда онъ съ боярами истребилъ Дмитрія, Москва уничтожала поляковъ, за которыхъ, главнымъ образомъ, какъ выставлялось народу, Дмитрій возбудилъ противъ себя необходимость убить его. Не всѣ умерщвляли поляковъ, но послѣ совершившагося дѣла разобратъ было невозможно: кто тутъ прилагалъ руки, и кто былъ въ сторонѣ? Истребленіе поляковъ въ Москвѣ угрожало возможностью мести отъ Сигизмунда и отъ всей польской націи. Поляки не стануть разбирать, кто здѣсь былъ виновенъ, а будутъ считать виновною всю Москву, даже все Московское государство. Такъ, свергнуть Шуйскаго было трудно, не смотря на то, что съ перваго взгляда могло казаться легко. Его выбрали бояре и толпа приверженцевъ; а чтобы покуситься на его сверженіе, нужно было имѣть на виду претендента и при томъ высокаго происхожденія, или прежде чѣмъ нибудь уже пріобрѣвшаго любовь московскаго народа. Изъ лицъ высокаго рода, выше Шуйскаго былъ Мстиславскій. Но этотъ не предприимчивый и не честолюбивый, вообще очень ограниченный по уму и способностями бояринъ, заранѣе говорилъ, что если его стануть просить въ цари, то онъ пострижется въ монахи. Поневолѣ Москвѣ приходилось терпѣть то, что произошло.

Послы ждали и досадовали, что ихъ не зовутъ. Въ понедѣльникъ, второй посолъ отправился въ Дмитрію Шуйскому узнать: что это значитъ, что ихъ обѣщали звать и не позвали?

Во вторникъ, 26 числа, пригласили ихъ во дворецъ въ отвѣтную палату. Они тамъ увидали Мстиславскаго, братьевъ Шуйскихъ: Дмитрія и Ивана, Ивана Никитича Романова, трехъ братьевъ Голицыныхъ, Татищева, брата царицы Марѣи Нагого и еще нѣсколько другихъ. Лица были знакомыя, такъ недавно признававшія Дмитрія; нѣкоторые изъ нихъ были облагодѣтельствованы имъ, возвращены изъ заточенія; одинъ изъ нихъ недавно увѣрялъ всѣхъ, что бывшій царь ему племянникъ, другой — что онъ ему двоюродный братъ, а теперь они проповѣ-

думать вмѣстѣ съ другими, что онъ обманщикъ. Какъ измѣнились лица, такъ измѣнилась вся обстановка. Исчезла прежняя веселость, прежняя пышность! Не виднѣлись болѣе радостныя, сияющія довольствомъ лица. Всѣ глядѣли какъ-то смутно, какъ будто бы сошлись они на похороны; не пестрѣли алебардчики и стрѣльцы въ нарядныхъ одеждахъ; не вѣяло прежней свободой въ обращеніи, не раздавалась музыка, не пѣлись пѣсни. И Кремль и дворецъ—все приняло суровый характеръ, даже казались суровѣе, чѣмъ прежде были. Шуйскій былъ скупъ, и все кругомъ его, какъ будто, проникалось качествомъ новаго владѣтеля. Бояре сухо указали мѣста посламъ королевскимъ. Послы сѣли. Бояре усѣлись. Мстиславскій, первый въ думѣ, развернулъ бумагу и сталъ читать. Онъ помянулъ событія прошедшаго времени, сказалъ про убійство настоящаго Дмитрія, гласно приписавъ его Борису. Онъ вспомнилъ о перемиріи, установленномъ на 20 лѣтъ и утвержденномъ обоюдною грамотою; и потомъ говорилъ Мстиславскій такъ: «по дьявольскому умнпшенію, Гришка Отрепьевъ, б.....ъ сынъ, чернецъ, діавонъ, воръ, впалъ въ чернокнижіе, и за то осужденный отъ святѣйшаго отца патріарха убѣжалъ въ государство вашего короля, назвался княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, царевичемъ, былъ у Сигизмунда, короля вашего. И мы, бояре русскіе, услышали объ этомъ въ Москвѣ и послали въ сенаторамъ вашимъ литовскимъ съ грамотою Смирнова - Отрепьева, родного дядю этого вора, чтобъ онъ обличилъ его и показалъ бы передъ вашими сенаторами, что это не настоящій Дмитрій, какимъ онъ себя сказывалъ. Потомъ патріархъ и архіереи наши послали въ архіепископамъ и епископамъ вашимъ о томъ же самомъ. Но король Жигимонтъ и паны и рада не приняли нашего извѣстія, забыли договоръ, который утвердили присягою: чтобъ нивакому неприятелю нашему не помогать ни казною, ни людьми. Когда этотъ воръ, съ людьми польскаго короля, прибылъ въ землю Сѣверскую, чернь, люди неразумные тотчасъ ему повѣрили, сдавали города, везали воеводъ. А потомъ, Божіимъ судомъ, царя Бориса смерть постигла. И этотъ воръ сѣлъ на столицѣ Московскаго государства, — хотѣлъ насъ всѣхъ погубить и вѣру нашу христіанскую истребить. А съ воеводою Сендомирскимъ пришло много людей, жолнѣровъ, народа вашего, и чинили они великія насилія и оскорбленія русскимъ людямъ. Царица, мать истиннаго Дмитрія, которую воръ казывалъ своею матерью, хотя съ перваго раза, отъ страха, и признавала его сыномъ, но потомъ тайно объявила намъ, что онъ воръ. И мы, не терпя такого вора надъ собою, убили его, а чернь наша, негодуя на вашихъ людей за насилія, которыя

они чинили, безъ нашего вѣдома; бросиася на нихъ, и тогда случилось великое кровопролитіе. А вся эта смута началась отъ вашего короля и отъ васъ пановъ ради: вы нарушили крестное дѣлованіе и мирное постановленіе. Теперь, Божиимъ милосердіемъ, и по согласію всего духовнаго чина, и бояръ, и дворянъ, и всѣхъ людей, учиненъ царемъ русскимъ Василій Ивановичъ Шуйскій. И онъ, государь милостивый и мудрый, жалѣеть о толкомъ кровопролитіи, и всѣхъ вашихъ молодыхъ людей, которые остались въ большомъ числѣ, со всѣми ихъ имуществами, приказалъ проводить за границу Московскаго государства. Все это мы вамъ послаемъ объявляемъ, чтобъ вы знали неправду короля вашего и всего государства вашего, что вы поступаете не по-христіански.»

Выслушавши это, послы переглянулись между собою, отошли въ сторону и говорили шопотомъ. Потомъ Гонсѣвскій, знавшій по-русски, говорилъ длинную рѣчь... «Если Сигизмундъ король, сдѣлавъ онъ между прочимъ, принялъ въ себѣ изгнанника — этимъ онъ не нарушилъ мирнаго договора. И варвары не отказываютъ въ убѣжищѣ гонимымъ и просящимъ пріюта. Можно указать много примѣровъ, что люди частные, убѣгая изъ отечества по нуждѣ и отъ страха, собирали рати, получали пособія, воевали противъ своихъ недруговъ, и отъ этого не нарушалась дружба и союзъ между государствами. Борисъ принялъ же къ себѣ Густава, сына короля шведскаго Эрика, въ то самое время, когда Сигизмундъ воевалъ съ Швеціею, и не отпустилъ его отъ себя, хоть его просили объ этомъ черезъ посольства. Ни король нашъ, ни люди его не вѣрили сначала рассказамъ этого человѣка, пока не пришли ваши люди — нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ разныхъ городовъ, — и всѣ они увѣрили, что этотъ человѣкъ настоящий Димитрій Ивановичъ, и потому король далъ изгнанному милостыню, и нани, изъ христіанскаго милосердія, давали ему милостыню. Вѣдь и вы, какъ христіане, тоже даете убогимъ милостыню.» Гонсѣвскій увѣрялъ, что Сендмирскій воевода «проводилъ названнаго Димитрія съ немногими людьми и воротился по королевскому приказанію.» Какъ только король получилъ отъ Бориса посольство черезъ Постника Огарева, тотчасъ приказалъ ему воротиться. Гонсѣвскій увѣрялъ, будто подъ Новгородомъ - Сѣверскимъ совсемъ не было поляковъ. Вообще Гонсѣвскій старался поставить дѣло такъ, чтобъ казалось, будто вовсе не помощію поляковъ овладѣлъ престоломъ разстрига, а сами русскіе возвели его. «Не всѣ ли вы и князь Шуйскій, вѣнчаный государь, и другіе пріѣзжали къ нему въ Тулу, признавали государемъ, присягали, а потомъ привели въ

столицу и вѣнчали на царство? — говорилъ Гонсевскій. Не вы ли сами, и тѣ, которые бывали отъ васъ въ посольствѣ, твердили, что не намъ народъ посадилъ вамъ государя на столицѣ, а вы сами его добровольно призывали?... Были мы со всѣми вами на переговорахъ, а не слышали ни отъ кого, чтобъ онъ не былъ настоящій Димитрій. Даже если кто нибудь изъ людей нашего народа ваявалъ сомнѣніе, такъ вы нашихъ увѣряли, что онъ истинный государь вашъ. Тенерь, послѣ этикъ увѣреній и присяги, вы убили его. За что же винить короля и Рѣчь Посполитую?... Во всемъ ваша вина. Мы не споримъ противъ убійства и не жалѣемъ этого человѣка. Сами видѣли, съ какимъ высокоуміемъ онъ съ нами обращался, какъ требовалъ необычнаго императорскаго титула, какъ не хотѣлъ принимать грамоты отъ короля. Намъ жалъ только многихъ почтенныхъ людей, которые вовсе не спорили съ вами за этого человѣка и не стерегли его особы. Вы ихъ перебили, перемучили, разграбили достояніе; да еще вы же насъ и вините, будто мы перемиріе нарушили! Вы говорите, что виновата чернь въ кровопролитіи; мы такъ думаемъ, что вы захотите наказать виновныхъ, и принимаемъ ваше извиненіе, приписуемъ настоящій несчастный случай грѣхамъ нашимъ и Божиему попущенію; отпустите же съ нами воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ остальныхъ поляковъ, оставшихся живыми, со всѣми ихъ имуществами. А мы, прибывши къ его величеству королю, будемъ стараться о продолженіи мира на вѣчныя времена. Если же вы насъ, не по обычаю христіанскому, задержите и оскорбите этимъ короля и Рѣчь Посполитую, Королю польскую и великое Княжество Литовское, тогда уже трудно будетъ вамъ на чернь ссылаться, и случившееся пролитіе невинной крови братьевъ нашихъ останется не на черни, а на вѣнцѣ настоящаго государя и на васъ, думныхъ боярахъ. Изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго ни для вашего, ни для нашего народа.»

Бояре выслушали находчивый и ловкій отвѣтъ, въ которомъ была и ложь, на примѣръ, что Димитрій остался вовсе безъ помощи подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Бояре только перелазылались другъ съ другомъ. Потомъ Михайло Татищевъ началъ говорить почти тоже, что Мстиславскій, и послы отвѣчали Татищеву почти тоже, что уже прежде говорили. Наконецъ, Татищевъ, какъ будто со злости, повернулъ рѣчь на посторонній предметъ, и сталъ послабѣ колоть глаза тѣмъ, что теперь ихъ государству плохо — внутри безпорядки, а извнѣ съ одной стороны татары нападаютъ, а съ другой шведы.

На это замѣчаніе Гонсевскій, между прочимъ, сказалъ: «Мы

не знаемъ о внутреннихъ нашихъ беспорядкахъ, о которыхъ вы говорите, и не думаемъ, чтобы они были. Правда, мы люди свободные, привыкли говорить свободно, охранять права вольности и свободу народную. Но это нельзя считать беспорядкомъ; хоть бы и случились въ нашемъ отечествѣ какія нибудь недоразумѣнія, какъ между людьми бываетъ, то въ польскомъ и литовскомъ народѣ достанетъ на столько доблести, чтобы каждый пожертвовалъ своими частными выгодами для отечества, — и если теперь осмѣлятся оскорбить насъ посторонній непріятель, то наши легко между собой согласятся и не дозвоятъ чужеземцамъ посягать на свободу и вольность нашу.»

Бояре замѣтили Татищеву, что онъ не встаети завелъ объ этомъ рѣчь. Наконецъ, Мстиславскій сказалъ:

«Все это сдѣлалось за грѣхи наши. Воръ этотъ и насъ и васъ обманулъ. Вотъ, Михайло Нагой, родной братъ старой царицы; онъ называлъ себя его дядею — спросите его! Онъ вамъ скажетъ, что это былъ вовсе не Дмитрій; настоящій Дмитрій въ Угличѣ; за его тѣломъ поѣхалъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ съ архіереями; они привезутъ его и похоронятъ между предками его. А ваше слово объ отпускѣ вашемъ и всѣхъ польскихъ людей мы доложимъ великому государю и дадимъ вамъ отвѣтъ.»

Послы просили позволенія повидаться съ воеводой, — имъ этого не дозволил. Когда они возвращались изъ дворца, то увидали Мнишва, Марину и другихъ у оконъ, смотрѣли одинъ на другого, а поговорить не могли.

Черезъ два дня бояре позвали Мнишва для объясненія. На него напустились бояре, называли его виновникомъ смуты, упрекали его будто поляки съ нимъ вмѣстѣ умышляли овладѣть Москвою, говорили, что ему слѣдовало бы испытать такую же участь, какую испыталъ разстрига, его вать.

Мнишегъ отвѣчалъ рѣзко: «я не набивался съ своею дочерью. Вы всѣ согласились на ея бракъ! Вы прислали къ намъ посольство просить мою дочь за вашего царя! Вы увѣрили, что онъ настоящій наследственный государь вашъ. Ваши письма цѣлы; они у короля въ Польшѣ. Съ какою же совѣстью вы говорите, будто мы васъ обманули? Вы обманули насъ, а не мы васъ! Полагаясь на ваше слово, на письма, на крестное цѣлованіе, мы пріѣхали къ вамъ какъ братья и друзья, а вы поступили съ нами какъ съ злѣйшими врагами. Мы довѣрились вамъ безъ всякой хитрости; мы помѣстились не толпами, а рассѣялись по разнымъ улицамъ. Мы бы этого не сдѣлали, если бы у насъ было что нибудь дурное на умѣ! А у васъ былъ медъ

на устахъ и горькая желчь въ сердцѣ. Устами вы насъ приѣтствовали, а въ сердцѣ помышляли, какъ бы насъ передупнуть, какъ послѣ и оказалось. Сколько теперь останется въ Польшѣ злополучныхъ вдовъ и сиротъ! Когда онѣ узнаютъ объ этомъ, то денно и ношно будутъ взывать къ Богу, плакать и призывать отмщеніе за эту неслыханную бойню. Какъ же вы теперь будете отвѣчать передъ Всемогущимъ Богомъ! Какая слава пойдетъ о васъ по чужимъ землямъ! Если Димитрій, какъ вы теперь говорите, былъ не настоящій царевичъ, а обманщикъ, то казните виновныхъ въ этомъ, а не другихъ. Развѣ не могли вы схватить Димитрія, какъ вы его прежде называли, или Гришку разстригу, какъ вы его теперь называете, безъ нашей крови и безъ убійства нашихъ братій? Но пусть уже терпимъ мы — я и дочь моя — за то, что довѣрились вашимъ просьбамъ, приглашеніямъ, посольствамъ, обѣщаніямъ и крестовому цѣлованію вашему! а друзья и ближніе наши — чѣмъ заслужили это? Чѣмъ виноваты музыканты, пѣсенники и купцы, которые привезли къ вамъ товары? За что погибли невинно женщины и дѣвицы? Еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы обнимали насъ, угощали насъ, а теперь насъ обобрали, держите хуже чѣмъ плѣнныхъ и не пускаете домой. Мы не воевать къ вамъ съѣхались, а на свадьбу! Есть Богъ на небесахъ: Онъ праведенъ и ревнивъ къ отмщенію! Онъ не оставитъ безъ наказанія убійства, и възвѣсть на дѣтяхъ вашихъ въ будущее время!»

На это бояре изложили вины убитаго царя противъ русскихъ обычаевъ, выставили на видъ его коварные замыслы и сказали Мнишку:

«Былъ бы твой зять благодаренъ за то, что его возвели на такую высоту, и любилъ бы насъ, и довѣрялъ больше намъ, чѣмъ иноземцамъ и полякамъ, такъ этого съ нимъ не было бы, хоть онъ и не истинный былъ сынъ Ивана Васильевича — онъ самъ зналъ это хорошо! Мы думали, что при немъ будетъ лучше, что мы черезъ него возвысимся и процвѣтемъ, а онъ насъ сдѣлалъ послѣдними — ни во что поставилъ! Онъ жилъ по иноземному обычаю и насъ заставлялъ то же дѣлать, а намъ это было не любо. Чтобы не было большой бѣды и не стало пролито крови, и чтобы нашу православную христіанскую вѣру сохранить, мы его убили. А вы, поляки, вели себя гордо и безчинно; безчестили нашихъ женъ и дочерей, — по улицамъ и распутьямъ чинили насильства и безчинства — били, кололи, сѣкли, поносили, ругались, толкали нашихъ, плевали на нашихъ, и черезъ то огорчили сердца множества людей нашихъ, привели ихъ въ

гнѣвъ и ярость, такъ что мы никакими мѣрами не могли укротить народа и запретить ему. Мы не радуемся тому, что въ смутѣ погибли напрасно и невинные люди; но нельзя же насъ винить за то, что сдѣлала яростная чернь, — никакой человѣкъ укротить ее не можетъ, когда она начнетъ своевольничать. А что ты говоришь про женщинъ и дочерей вашихъ людей, такъ имъ лучше у нашихъ женъ и дочерей, чѣмъ твоей дочери у тебя. Мы съ тебя, воевода, хотимъ взыскать все, что зять твой пересылалъ тебѣ и твоей дочери въ Польшу. Сколько было жемчугу, камней и всякаго узорочья — все это онъ взялъ изъ нашей казны, и ты намъ долженъ все воротить. Да еще дай намъ, воевода, крестное цѣлованіе, что ты и другіе изъ твоего рода не станете мстить за то, что избили вашихъ ближнихъ, и приложите стараніе помирить насъ съ королемъ.»

— Все, что мой покойный зять, убитый государь вашъ, посылалъ моей дочери, возлюбленной невѣстѣ, — говорилъ воевода, — все это вы у ней взяли; отняли даже и то приданое, что мы ей дали, и отпустили ее ко мнѣ въ одномъ ночномъ платьѣ. Все это знаете вы сами, и видѣли: что у нашихъ пропало во время замѣшательства, все это вашимъ женамъ досталось. И вы, ограбивши насъ и обобравши, хотите еще съ голыхъ сорвать, когда у насъ едва рубашки на тѣлѣ остались. Я вамъ все отдалъ въ своей крайней нуждѣ! Это были мои собственные деньги, а вашего и гроша за мной не осталось — больше ничего не могу дать. Я за себя готовъ дать крестное цѣлованіе, что не буду мстить за нехристіанское и безчеловѣчное избіеніе нашихъ соотечественниковъ. А за короля моего не могу обѣщать — я не ровня ему! Онъ мой государь и повелитель. Какъ могу я съ нимъ равняться и договариваться?»

Съ него сняли допросъ. Спрашивали, какъ явился въ Польшѣ человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, и для чего воевода принялъ его и провожалъ въ Московское государство, и для чего король давалъ ему деньги. Мнишекъ показалъ, что ему извѣстно, что этотъ человѣкъ явился прежде всего въ Киевѣ въ монашескомъ одѣяніи, потомъ былъ у воеводы кіевскаго Константина Острожскаго, и тамъ не объявилъ о себѣ, а потомъ пришелъ къ Адаму Вишневецкому, гдѣ и рассказалъ, что онъ сынъ Ивана Васильевича, что его спасъ докторъ, въ Угличѣ, положивъ на его мѣсто другого ребенка, а его отдалъ на воспитаніе въ сыну боярскому, который посовѣтовалъ ему скрыться между чернецами. Князь Адамъ Вишневецкій повезъ его къ брату своему Константину въ Жалозицы, гдѣ его призналъ истиннымъ Димитріемъ пріѣхавшій въ Жалозицы слуга литов-

скаго канцлера Петровскій, будто бы служившій въ Угличѣ и видѣвшій знаки на тѣлѣ царевича; а ѣдучи къ королю съ нимъ, князь Константинъ Вишневецкій завезъ его въ Самборъ и тамъ привналъ его царевичемъ слуга воеводы, пойманный подъ Псковомъ, находившійся въ Москвѣ въ неволѣ и видѣвшій царевича въ младенчествѣ. Всѣмъ казалось тогда это вѣроятно: и самому королю и сенаторамъ. Деньги ему давалъ король и паны въ видѣ милостыни. Самъ онъ воевода провожалъ его въ Московское государство съ дозволенія короля и рѣшился на это съ тѣмъ, чтобы испытать: точно ли онъ царевичъ. Еслибъ кто нибудь изъ московскихъ сенаторовъ отозвался съ противнымъ на границѣ, онъ бы его оставилъ ¹⁾.

— Ты остаешься здѣсь — сказали потомъ бояре — и другіе паны останутся, пока мы увидимъ и узнаемъ, какъ можно будетъ сойтись съ королемъ, а ты долженъ уплатить чего недостаать въ нашей казнѣ.

— Пусть будетъ воля Бога обо мнѣ — сказалъ воевода — я принимаю крестъ, который онъ далъ мнѣ, и буду все терпѣть, чтобы вы со мной ни дѣлали. Больше того, сколько вамъ Богъ попускаетъ, вы не можете мнѣ сдѣлать!

Его отвели снова въ его помѣщеніе и оставили подъ стражей ²⁾.

Шуйскій продолжалъ упрочивать свою власть и поворить память бывшаго царя. 30 мая (по свидѣтельству видѣвшаго эту сцену голландскаго купца), на лобномъ мѣстѣ всенародно показывали настоящую семью того, кто, какъ говорили, ложно выдавалъ себя за Дмитрія. Купецъ говорить, что тутъ были: отецъ, мать и братья Гришки Отрепьева. По другому извѣстію была только тутъ женщина простого званія, которую выдавали за мать убитаго, и мужчина, называвшійся его братомъ ³⁾. Вѣроятно отца не показывали, потому что отца Григорія Отрепьева считали тогда уже не бывшимъ на свѣтѣ. «Я видѣлъ собственными глазами — говорить голландецъ — какъ они цѣловали крестъ и клялись, что бывший царь — ихъ кровный Григорій Отрепьевъ ⁴⁾». Тогда говорили, что разстрига посылалъ въ Галичъ и всѣхъ своихъ свойственникововъ, числомъ до шестидесяти, велѣлъ посадить въ тюрьму. О Григорѣ Отрепьевѣ, какъ видно изъ современныхъ дѣлъ ⁵⁾, распространили на Руси въ то время

¹⁾ Соб. г. гр. II, 293 — 296.

²⁾ Визов. 53—57.

³⁾ Vid. 28. — Московск. рѣзня. The report of a bloody massacre.

⁴⁾ The report of a bl. mas.

⁵⁾ Польск. Дѣл. Арх. ин. дѣлъ № 26.

такое свѣдѣніе. Онъ былъ родомъ изъ Галича, сынъ боярскій. Отца его Богдана когда-то зарѣзалъ литвинъ въ нѣмецкой слободѣ. Молодой Григорій впалъ въ крайнюю бѣдность и служилъ въ холопахъ у Романовыхъ, а потомъ у Бориса Черкаскаго, и, надѣлавши какихъ-то преступленій (заворовавшись), ушелъ и постригся въ чернецы въ Спасоевфиміевскій монастырь въ Суздаль. Потомъ онъ скоро ушелъ и оттуда, и перешелъ въ Галичъ на родину, въ монастырь св. Іоанна Предтечи. И тамъ не жилъ онъ долго, ходилъ изъ монастыря въ монастырь и пришелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ былъ чернецомъ его дѣдъ Замятня Отрепьевъ. Архимандритъ Пафнутій принялъ его ради нищеты и сиротства и посвятилъ въ діаконы. Въ діаконскомъ чинѣ пробылъ онъ въ Чудовѣ годъ. Патріархъ Іовъ бралъ его къ себѣ во дворъ для переписки книгъ (для книжнаго письма). Григорій прилежно занимался чтеніемъ лѣтописей, и въ патріаршемъ дворѣ принаровился ко всему и обо всемъ спрашивалъ, что въ послѣдствіи пригодилось ему для обмана. Между тѣмъ, не ограничиваясь чтеніемъ бытописаній, Григорій впалъ въ еретичество, началъ заниматься чернокнижествомъ, свелъ знакомство съ бѣсами. Его хотѣли поймать, а онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ двумя монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ въ Литву. Такъ оповѣстили народу. Тогда съ лобнаго мѣста было объявлено десять преступленій убитаго царя: онѣ были изложены въ грамотѣ, которая впослѣдствіи была разослана по Россіи. Что касается до того монаха, который прибылъ съ этимъ царемъ, и всѣмъ, показывая себя, назывался Гришкой Отрепьевымъ — о немъ сохранились разныя извѣстія. Одни говорятъ, что царь Димитрій за буйство и пьянство сослалъ его въ Ярославль, и тамъ, послѣ смерти Димитрія, онъ продолжалъ увѣрять всѣхъ, что Гришка Отрепьевъ дѣйствительно онъ, а никакъ не тотъ, который царствовалъ подъ именемъ Димитрія. Шуйскій спроводилъ куда-то этого опаснаго человѣка ¹⁾. По другому извѣстію ²⁾, этотъ монахъ, послѣ смерти Димитрія, сознался, что онъ не Гришка, а былъ подкупленъ разстригою и принялъ на себя имя Гришки. Впослѣдствіи одни говорили, что онъ былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, другіе — что онъ былъ инокъ Пимень. Но по свидѣтельству современника ³⁾ въ то время мало вѣрили, чтобъ Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ: мнѣніе это сложилось уже впослѣдствіи. Тогда, напротивъ, изъ тѣхъ, кото-

¹⁾ Margeret.

²⁾ Is. Mass. 102.

³⁾ Ibid.

рые не признавали въ немъ истиннаго Димитрія, охотнѣе соглашались вѣрить, что онъ былъ воплощенный бѣсъ, а тѣ, которые размышляли объ этомъ болѣе, считали его полякомъ, котораго подготовили іезуиты, научили по-русски и послали скитаться въ видѣ калѣки и нищаго по московской землѣ и узнать ея исторію и ея бытъ, а потомъ, когда онъ воротился въ Польшу, они, съ благословія папы, пустили его играть роль Димитрія, работая такимъ образомъ для своихъ видовъ—вести въ Московскомъ государствѣ латинство; но объявлять такимъ образомъ все-народно было невозможно: во первыхъ, не было на то никакихъ доказательствъ, а во вторыхъ, чтобы увѣрить народъ, что онъ былъ отнюдь не истинный Димитрій, надобно было непременно назвать его какимъ нибудь инымъ именемъ; безъ того всякій вправѣ былъ возразить—если вы сами не знаете кто онъ, то, значить, не знаете, что онъ не Димитрій.

Черезъ день, послѣ чтенія на площади повѣсти о преступленіяхъ Гришки, царь Василій Ивановичъ вѣнчался на царство обычнымъ порядкомъ. Обрядъ царственнаго вѣнчанія совершалъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, и въ привѣтственной рѣчи сказавъ: «Нынѣ тобою, богоизбранный государь, благочестіе обновляется, и православная христіанская вѣра просвѣщается, и святныя божія церкви отъ еретическихъ соблазновъ освобождаются. И великій царскій престолъ пріемлетъ тобою украшеніе благочестія ¹⁾».

Царь спѣшилъ совершить обрядъ и не сталъ дожидаться новаго патріарха: обрядъ укрѣплялъ его въ царскомъ достоинствѣ. Шуйскій былъ до сваредности скупъ и здѣсь не измѣнилъ своему качеству. Онъ совершилъ свое вѣнчаніе съ возможно малыми издержками. Физиономія новаго царя представляла контрастъ съ прежнимъ. Это былъ старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, толстый, лысый, подслѣповатый, съ красными глазами, съ рѣдкою бородой, съ лукавымъ взглядомъ и съ выраженіемъ лица, не располагающимъ къ довѣрію и сочувствію. Было полезно дать для народа какой нибудь праздникъ, чтобы занять его ображеніемъ. Народъ привыкъ въ послѣднее время къ шумнымъ и блестящимъ празднествамъ. Если многимъ не нравился московскій характеръ разстригиной веселости, то все-таки веселые праздники тѣшили народъ, когда они отправлялись по-русски.

¹⁾ А. А. Э. II. 105.

II.

Перенесеніе мощей царевича Димитрія. — Окружная грамота. — Новый патриархъ. — Объясненіе съ польскими послами и задержаніе ихъ.

Черезъ день послѣ вѣнчанія, 3-го іюня, наступило большое торжество: прибыли мощи Димитрія царевича. Царь со всѣми архіереями и архимандритами, съ огромнымъ числомъ духовенства, съ боярами и думными людьми встрѣчалъ ихъ за Каменнымъ-городомъ. Съ нимъ рядомъ всенародно шла инокиня Марѳа, мать Димитрія, подтверждая своимъ присутствіемъ и дѣйствительность мощей, и ложность того, кого называли прежде Димитріемъ. Современникъ очевидецъ рассказываетъ, что многіе, не довѣряя истинѣ всего, что выдавалъ Шуйскій, остервенились на него до того, что хотѣли убить его камнями, когда онъ выѣхалъ за городъ встрѣтить мощи Димитрія ¹⁾. Мощи внесли въ Архангельскій соборъ и поставили на мѣстѣ, на которомъ имъ слѣдовало почивать въ грядущіе вѣка на поклоненіе благочестивымъ. Тогда царица Марѳа, если буквально вѣрить грамотѣ, написанной отъ Шуйскаго всему народу русскому ²⁾, — передъ всѣмъ народомъ громко сказала:

«Я виновата передъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, Василиемъ Ивановичемъ, всея Руси, и передъ священнымъ соборомъ, и передъ всѣми людьми Московскаго государства и всея Руси; а больше виновата передъ новымъ мученикомъ — передъ сыномъ моимъ царевичемъ Димитріемъ. Терпѣла я вору, разстригъ, лютому еретикъ и чернобнижнику, не объявляла его долго; а много крови христіанской отъ него богоотступника лилось, и раззореніе христіанской вѣрѣ хотѣло учиниться; а дѣлалось это отъ бѣдности моей, потому что, когда убили моего сына Димитрія царевича, по Бориса Годунова велѣнью, меня держали послѣ того въ великой нужѣ, и весь родъ мой былъ разосланъ по дальнѣйшимъ городамъ, и жили всѣ въ вѣчной злой нужѣ, — такъ я, по грѣхамъ, обрадовалась, что отъ великой и нестерпимой нужи освобождена, и вскорѣ не извѣстила. А какъ онъ со мной видѣлся, и онъ запретилъ мнѣ злымъ запрещеніемъ, чтобъ я не говорила ни съ кѣмъ. Помилуйте меня, государь и весь народъ московскій, и простите! чтобъ я не была въ грѣхѣхъ и въ проклятствѣхъ отъ всего міра.»

¹⁾ Маржер. 102.

²⁾ А. Э. II. 111.

Царь сказалъ, что для великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, и для благовѣрнаго страсотерпца, царевича Димитрія, честныхъ его и многоцѣлебныхъ мощей, прощаетъ царицу инокиню Марѳу, и просить митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и весь освященный соборъ, чтобы они съ нимъ вкупѣ о царицѣ Марѳѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, чтобы Богъ показалъ свою милость и освободилъ душу ея отъ грѣховъ.

Разсказывали тогда, что когда въ Угличѣ открыли мощи Димитрія, то, какъ всегда бывало при подобныхъ событіяхъ, весь храмъ наполнился неизрѣченнаго благоуханія. Мощи были цѣлы, ничѣмъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстахъ часть землѣ отдана; на лицѣ и на головѣ, цѣлы рыжеватые волосы; оставалось ожерельице, низанное жемчугомъ съ пуговками; въ лѣвой рукѣ была ширинка, шитая золотомъ и серебромъ. Тѣло его было въ саванѣ, а сверху покрыто кафтанцемъ камчатнымъ на бѣлыхъ хребтахъ съ нашивкою изъ серебра, пополамъ съ золотомъ, — все было цѣло. Только на сапожкахъ носки подошвъ отстали, а въ рукѣ у него нашли горсть орѣховъ; говорили, когда его убили, то онъ въ то время игралъ орѣшками, и эти орѣшки облились кровью, и для того ихъ положили съ нимъ во гробъ. У гроба его происходили исцѣленія еще въ Угличѣ, а какъ привезли мощи въ Москву — въ первый день исцѣлилось тринадцать человекъ, а на другой день двѣнадцать ¹⁾).

Полякамъ, бывшимъ въ Москвѣ, конечно, не по вкусу приходилось открытіе мощей Димитрія. Находились однако и русскіе, которые не вѣрили имъ и распускали дурные толки объ этомъ. Начали говорить, что «нашли мальчика десяти лѣтъ стрѣлцаго сына, по имени Ромашка, заплатили за него отцу большія деньги, убили и положили въ Угличѣ на мѣсто Димитрія, — и распустили молву въ народѣ, будто у тѣла Димитрія дѣлаются чудеса, что исцѣленія совершаются; — это одинъ подлогъ: эти плуты приходятъ и притворяются, будто они больны были и выздоровѣли, поклонившись мощамъ.»

Послѣ привезенія мощей, двѣ недѣли происходили чудеса и исцѣленія; и какъ совершится какое нибудь исцѣленіе — по всей Москвѣ раздается звонъ, и люди потому знаютъ, что Димитрій царевичъ, новоявленный угодникъ, сотворилъ чудо. По одному извѣстію, случилось, что введенный во храмъ одинъ больной умеръ. Это объяснили его безвѣріемъ. Иностранцы протестанты спрашивали у сидѣвшихъ около церкви увѣчныхъ и слѣ-

¹⁾ А. А. Э. II. 111—11.

ныхъ — что же васъ не исцѣляетъ царевичъ? «По маловѣрїю нашему» — отвѣчали страдальцы. — «Богъ черезъ ангела своего объявляетъ нашимъ архіереямъ и попомъ, кого онъ удостоитъ исцѣлить.» Иноземцы удивлялись находчивости этихъ людей и вѣрности вѣры православныхъ, непонятной для нихъ протестантскаго свободомыслія ¹⁾).

Черезъ два дня по открытіи мощей послана была еще одна окружная грамота во всѣ города русскіе: въ ней извѣщалось объ явленіи угодника, о покаяніи Марѳы, и излагались вины признаннаго обманщикомъ царя, называвшаго себя Димитріемъ. Онъ прельстилъ Польшу, Литву и Московское государство волшебствомъ и сдѣлался царемъ; предалъ смерти многихъ православныхъ христіанъ, которые его обличали, понялъ за себя дочь Сендомирскаго воеводы, и, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею; приводилъ въ церковь съ оружіемъ иновѣрцевъ, отнималъ у москвичей женъ, хотѣлъ до основанія разрушить Московское государство и попрасть святую вѣру, хотѣлъ раззорить церкви и устроить костелы. Въ обличеніе его дѣла посылались во все-народное свѣдѣніе копии съ договора съ Мнишками, гдѣ обманщикъ отдавалъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ; разослано извѣстіе о томъ, что Сендомирскій воевода говорилъ, что разстрига писалъ къ нему изъ Москвы и отдавалъ городъ Смоленскъ и Сѣверскую область. Говорилось, будто самъ Сендомирскій воевода сознался предъ боярами, будто онъ узналъ впоследствии, что зять его не настоящій Димитрій, и отъ тоски заболѣлъ, — и все это случилось за то, что они злоумышляли о раздѣленіи христіанской вѣры.

Разосланы были копии съ найденныхъ у Димитрія писемъ папы и римско-католическихъ прелатовъ, показывающія, что папа считалъ его принявшимъ латинскую вѣру и согласнымъ ввести ее въ Россію. Но ничто, кажется, не могло столько ужаснуть народа, какъ показаніе, будто бы, братьевъ Бучинскихъ, служившихъ у Димитрія. Они, какъ говорила грамота, сознавались, что въ пятницу, наканунѣ своей смерти, разстрига говорилъ съ Вишневецкимъ такъ: «Время мнѣ утвердить свое государство и распространить вѣру римскаго востела, а начальное дѣло будетъ побить бояръ; а если мнѣ не перебить бояръ, то они меня самого убьютъ.» — «Если ты побьешь бояръ, то на тебя всей землей стануть,» — сказалъ Вишневецкій. «Я умыслилъ вотъ какъ — сказалъ Гришка — вывести нарядъ за городъ для погѣхи, а въ воскресенье велю туда выѣхать воеводѣ Сендомирскому,

¹⁾ Ис. Мам. 109.

и тебѣ, и старостѣ Саноцкому, и Домарацкому, и всѣмъ полякамъ и литвѣ въ доспѣхахъ и съ оружіемъ, а я выѣду съ боярами и дворянами; и когда начнутъ изъ наряда стрѣлять — въ тѣ поры я велю полякамъ ударить на бояръ и дворянъ и побивать ихъ. Я уже указалъ, кому убивать бояръ: князя Феодора Мстиславскаго убьетъ Михайло Ратомскій, а Шуйскихъ побьютъ Тарло да Стадниціе; и другихъ бояръ я распредѣлилъ убить — человекъ двадцать; а когда ихъ побьютъ, тогда во всемъ будетъ моя воля.» Гришка надѣялся что народъ тогда будетъ покоренъ ему. Бучинскій замѣтилъ: «если ты побьешь бояръ, кто у тебя будетъ въ царствѣ урывать и сидѣть въ приказахъ?» — «У меня — сказала Гришка — все умышлено, все готово, — будутъ править царствомъ: воевода Сендожурскій, Тарло, Стадниціе, да ты Вишневецкій, и иные ваши пріятели, да еще пошлю въ Польшу и въ Литву. Тогда мнѣ будетъ надежно, и государство мое будетъ безъ опасенія, и я скоро всѣхъ приведу въ римскую вѣру. Я уже видѣлъ тому примѣры; кого безвинно убить велю — никто за того слова не молвить¹⁾.» Таково было показаніе, которое выставляли отъ Бучинскихъ. Дѣйствительно ли такъ говорили Бучинскіе — неизвѣстно; но одного изъ братьевъ Бучинскихъ утромъ 17 мая вытащили изъ кустарника²⁾, и могло быть, что онъ для спасенія жизни говорилъ о мертвомъ то, что боярамъ было угодно. Такимъ образомъ, убійство разстриги выставлялось предъ русскимъ народомъ дѣломъ крайней и поспѣшной необходимости, единственнымъ средствомъ отвратить грядущее ниспроверженіе вѣры, разореніе государства и подчиненіе рускаго народа иноземцамъ.

Новый царь хотѣлъ, чтобъ всѣ эти событія были извѣстны для его оправданія и за предѣлами Московскаго государства. Онъ отправилъ (вѣроятно чрезъ англійскую компанію) къ англійскому королю Іакову I письмо, гдѣ подробно рассказывалъ о всемъ случившемся въ Московскомъ государствѣ, извѣщалъ о своемъ воцареніи и изъявлялъ желаніе находиться съ Англійей въ такихъ же дружескихъ сношеніяхъ, въ какихъ были прежніе цари. Во время смуты, англичанъ не посмѣли тронуть москвичи наравнѣ съ другими иноземцами. Шуйскій ихъ выгородилъ заранѣе. Этого мало. По ихъ просьбамъ, Бучинскій, не смотря на свою близость къ Димитрію, остался въ живыхъ. Шуйскій, передъ англичанами — протестантами, ненавистниками католичества, старался выставить, что главная вина убитаго царя была связь съ папою

¹⁾ А. А. Э. II. 101.

²⁾ И. Масс. 98.

и иезуитами и явное желаніе насильно вводить папизмъ въ Московскомъ государствѣ ¹⁾. Новый царь отправилъ гонца въ Крымъ извѣстить, что разстрига, который оскорбилъ крымскаго царя и затѣвалъ войну съ Крымомъ, былъ воръ, обманщикъ и достойно наказанъ по дѣламъ своимъ, а новый московскій государь желаетъ съ крымскимъ жить въ дружбѣ и мирѣ ²⁾.

Шуйскій думалъ, что этимъ всѣмъ онъ уничтожитъ въ народѣ сочувствіе и сожалѣніе объ убитомъ царѣ, и расположитъ русскій народъ быть ему послушнымъ. Онъ удалилъ изъ Москвы въ ссылку людей, которые были искренно привержены къ разстригѣ, не прилагали рукъ къ перевороту и могли быть новому царю опасны. Богданъ Бѣльскій былъ сосланъ въ Казань, Афанасій Власьевъ — въ Уфу, князь Рубецъ-Мосальскій — въ Корелу. Другихъ онъ тоже разослалъ по воеводствамъ на службу, чтобъ только удалить ихъ изъ Москвы и отъ своей особы; у иныхъ отнималъ помѣстья и вотчины. Такъ говорятъ лѣтописцы ³⁾. Шуйскій тотчасъ же забылъ свое обѣщаніе, и началъ мстить людямъ, которые ему грубили.

Новоизбранный патриархъ былъ прежній митрополитъ Казанскій Гермогенъ, ревнитель старины, ненавистникъ иноземщины, которому разстрига оказалъ нерасположеніе за то, что онъ вставалъ противъ его брака и требовалъ крестить Марину. Ничего не было естественнѣе, какъ избрать такого патриарха. Но онъ не пользовался тогда всеобщимъ добрымъ мнѣніемъ. Вспоминали, что во-время-оно своей молодости онъ былъ въ донскихъ казакахъ, не хвалили его поведеніе послѣ того какъ онъ, вступивъ въ духовное званіе, былъ попомъ въ Казани. Въ архіерейскомъ санѣ онъ показывалъ высокомеріе, былъ вообще злого нрава, чрезвычайно суровъ и жестокъ, окружалъ себя дурными и злыми людьми и черезъ нихъ дѣлалъ много несправедливостей. Сдѣлавшись патриархомъ, онъ безпрестанно досаждалъ царю, чтобъ выказать свое достоинство. И патриархъ и царь любили равно слушать сплетни и наушничества; поднялся прежній обычай доношничества ⁴⁾. . . . Шуйскій вновь однако не смѣлъ посягать явно на казни и убійства. Онъ еще не укрѣпился и еще не былъ самодержавенъ. Верховная власть въ сущности находилась въ рукахъ бояръ.

Надобно было чѣмъ нибудь рѣшить съ поляками. Шуйскій

¹⁾ Милл. 60—62.

²⁾ Ив. Масъ. 89.

³⁾ Хроногр. Арх. комм.

⁴⁾ Хроногр. Арх. Ком.

и бояре разсуждали, что если поляки приводили разстригу, и король Сигизмундъ благоприятствовалъ ему, то теперь могутъ по-давно воспользоваться случаемъ избіенія своихъ подданныхъ. Правда, было извѣстно въ Москвѣ, что въ Польшѣ въ то время былъ рожошъ, возстаніе противъ королевской власти. Но дѣло московское легко могло стать дѣломъ оскорбленія всей польской націи, — и поляки могли прекратить свои домашнія недоразумѣнія для того, чтобы обратиться на Москву дружно. Не даромъ послы объясняли боярамъ, что поляки легко возстановляютъ нарушенный у себя порядокъ, коль скоро имъ угрожаетъ внѣшняя сила. Злоба москвичей къ папизму, насильственная смерть священника въ Москвѣ во время богослуженія, могли вызывать въ Польшѣ религиозную ненависть противъ Московскаго государства. Поэтому правительство сочло за лучшее держать у себя сколько возможно болѣе залоговъ на случай покушенія поляковъ. Рѣшили не выпускать не только пановъ, прибывшихъ съ Мариною, но даже пословъ, а для того сочли удобнымъ придратъса къ нимъ, чтобы оправдать себя отъ обѣщанія отпустить ихъ домой, даннаго имъ прежде.

Послы дожидались нѣсколько дней, что скажутъ на ихъ просьбу объ отпускѣ. Нѣсколько дней ихъ водили обѣщаніемъ, извинялись сначала торжествомъ царскаго вѣнчанія, а потомъ торжествомъ перенесенія мощей Димитрія. Дни шли за днями. У нихъ перемѣнили приставовъ: вмѣсто Волконскаго дали имъ Ивана Михайловича Воротынскаго и при немъ дьяка Дороея Брехну. Наконецъ, послы вышли изъ терпѣнія, послали боярамъ въ думу письмо, гдѣ снова просили себѣ отпуска, а прочимъ панамъ, своимъ соотечественникамъ, освобожденія... «Мы боимся — писали они — если безъ насъ государь вашъ пошлетъ своего посла въ Польшу, то какъ бы онъ не потерпѣлъ какихъ-нибудь оскорбленій отъ людей, не знающихъ дѣла, но слышавшихъ, что ихъ братьевъ побили въ Москвѣ. Отсюда возникло бы еще большее недоумѣніе между вашимъ и нашимъ государями 1).»

Въ отвѣтъ на это заявленіе, прибылъ въ посламъ отъ боярскаго думы Михайло Игнатьевичъ Татищевъ и дьякъ Василій Телешевъ. Татищевъ показалъ имъ копію съ записи, данной Димитріемъ Мнишку на Новгородъ и Псковъ Маринѣ, — королевское письмо, гдѣ Сигизмундъ говоритъ, что Димитрій сѣлъ на престолъ съ помощію польскаго короля и польскаго народа, — письма папы, кардинала и легата, гдѣ они уговариваютъ его строить въ Москвѣ, по своему обѣщанію, востелы. «Есть у насъ

1) Hist. Monum. Russ. II, 131.

и еще много такихъ писемъ — сказалъ Татищевъ — царь ихъ отправляетъ къ королю со своими посланниками Григоріемъ Константиновичемъ Волконскимъ и дьякомъ Андреемъ Ивановичемъ, а вы послы останетесь въ Россіи съ поляками, и дождете, пока возвратятся посланники съ отвѣтомъ короля.»

— Вы себя только болѣе стыдите, чѣмъ намъ вредите — сказалъ Олесницкій. — Воевода рѣшился отдать дочь за него, когда его увѣрили, что онъ царевичъ Дмитрій. Чтожъ тутъ удивительнаго, что отецъ хотѣлъ устроить дочь свою, какъ можно лучше? Отъ васъ зависѣло исполнить это или не исполнить. Вы сами не только соглашались отдать Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а еще признали ее государыней до коронаціи. Нечего удивляться и письмамъ святаго отца, легата и кардинала. Въ прежнихъ договорахъ между нашими государствами о взаимномъ мирѣ всегда ставилось условіе, чтобы людямъ русской вѣры служить въ Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ въ родство, пріобрѣтать имѣнія и въ нихъ строить церкви и исповѣдывать свою вѣру, а нашимъ людямъ въ Московскомъ государствѣ пріобрѣтать имѣнія и строить костелы; а также и въ главныхъ городахъ государства имѣть костелы для богослуженія. Святой отецъ, заботясь о вѣчномъ мирѣ между нами, чтобы невѣріе не распространялось, а христіанская вѣра возносилась, хотѣлъ властію своей освятить эти условія вѣчнаго мира между нами. Онъ тутъ не себѣ, а всему христіанству искалъ добра, и за это не слѣдуетъ гнѣваться, а должно вамъ благодарными ему быть. А что касается королевскаго письма, то вы сами, черезъ Аванасія Власьева и другихъ посланниковъ, приписывали королю возведеніе Дмитрія и благодарили его; и королю не приходилось вести споровъ объ этомъ, а только оставалось согласиться съ вами. Стыдно, Михайло, говорить противъ самого себя! Все это дѣло велось вами, думными боярами, въ Москвѣ; вами началось, вами и нарушилось! Если же вы насъ, пословъ, задержите безъ всякой причины, если мы по неволѣ тутъ останемся, то значить, мы въ плѣну у васъ. Этого не дѣлается не только въ христіанскихъ царствахъ, но и у невѣрныхъ.»

Татищевъ удалился. Послы пришли въ уныніе, а Олесницкому сдѣлалось даже дурно. Съ тѣхъ поръ они увидѣли, что ихъ держать въ неволѣ. Дворъ окружили стрѣльцами, не позволяли выходить на улицу. Находясь въ тѣснотѣ, при многолюдствѣ, посольскіе люди лишены были чистаго воздуха, и боялись, во время дождя, проходить изъ избы до избы; имъ приходилось идти по колѣна въ грязи; не допускали ихъ видѣться и гово-

рять съ единосемцами, которыхъ содержали подъ стражею въ разныхъ мѣстахъ столицы,—и не было имъ вѣсти изъ дому.

Вслѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней (18 іюня были они въ Смоленскѣ), отправились московскіе посланники въ Польшу. Это были прежніе пристава у польскихъ пословъ: князь Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ. Свита ихъ простиралась до пятидесяти человекъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Съ ними поѣхалъ изъ свиты содержимыхъ въ Москвѣ польскихъ пословъ Якубъ Борковскій съ двадцатью девятью человекъ, да по два и по одному человеку отъ задержанныхъ въ Москвѣ пановъ Мнишковъ, Вишневецкаго, троихъ Стадническихъ (Мартына, Андрея и Матѣяша) и Тарла. Тогда стали уходить изъ Москвы иностранцы, бывшіе на царской службѣ. Уже имъ при новомъ царѣ не было такъ выгодно и полезно какъ при Димитріѣ. Они просились на родину и были отпускаемы. Это считали тогда необычнымъ дѣломъ. Ушло такимъ образомъ болѣе пятисотъ человекъ, а нѣкоторые, выступивши изъ службы Шуйскаго, остались въ Московскомъ государствѣ и поступили на службу къ его врагамъ ¹⁾.

III

Тревога въ Москвѣ. — Козни Молчанова и Шаховскаго. — Волненіе въ Сѣверской землѣ. — Слухи о Димитріѣ. — Ссылка поляковъ.

Не долго тѣшился Шуйскій безопасностью, которую упрочивалъ себѣ въ русской землѣ грамотами, объясненіями и церемониальными торжествами! Спустя нѣсколько дней поднялся мятежъ въ городѣ. Ночью, на воротахъ нѣкоторыхъ боярскихъ домовъ и тѣхъ дворовъ, гдѣ помѣщались поляки, появились надписи, написанныя, будто царь приказываетъ перебить и истребить всѣхъ живущихъ въ нихъ бояръ и иноземцевъ. Злоумышленники хотѣли низложить Шуйскаго и задумали употребить то самое средство, которое онъ употребилъ при погибели разстриги. Послѣ 17 мая, толпа черни, разжигаемая всякого рода удалцами, разлакомилась на грабежъ и кровь. У многихъ чесались руки — сдѣлать снова какой нибудь кровавый праздникъ. Удалые ударили въ набатъ, пошелъ переполохъ по Москвѣ. Бояре на этотъ разъ кое-какъ утишили толпу. Черезъ нѣсколько дней потомъ, 15 іюня, въ воскресенье передъ обѣдней, опять зашумѣла Москва; заволновался народъ, пошли толки, будто царь будетъ говорить съ

¹⁾ Масс. 106.

народомъ на лобномъ мѣстѣ. Мосевичи на этотъ разъ, быть можетъ, надѣялись сдѣлать царю нѣсколько важныхъ вопросовъ. Царь шелъ изъ дворца въ обѣднѣ. И тутъ изъ-за кремлевскихъ стѣнъ услышалъ онъ знакомый ему шумъ народнаго бунта. Василий, по собственному опыту, зная приемы боярскихъ крамоль, смекнулъ, что это не сама собою волнуетса чернь, а поднимають ее бояре, тайные недруги его. Онъ обернулся къ окружающимъ его думнымъ людямъ и спросилъ: «Что это? — кто изъ васъ волнуеть народъ?» — Бояре говорили: «неизвѣстно, кто созываетъ народъ именемъ царскимъ.» У Шуйскаго навернулись слезы... Онъ сказалъ: «Зачѣмъ выдумываете разныя коварства? Коли я вамъ не любъ, я оставляю престолъ! Вы меня избрали, вы меня можете и низложить!» Онъ отдалъ свой царскій посохъ, снялъ шапку и продолжалъ: «Возьмите, и выбирайте себѣ того хотите!» И тотчасъ же, не дожидая, чтобы эту выходку приняли не въ шутку, Шуйскій опять взялъ посохъ, надѣлъ шапку и говорилъ: «Мнѣ уже надоѣли эти возни! Хотите умертвить, — умерщвляйте! Хотите перебить или, по крайней мѣрѣ, ограбить бояръ и иноземцевъ?.... Если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновнымъ!»

Стоявшіе около него сказали: «Мы, государь, цѣловали крестъ повиноваться тебѣ, и теперь хотимъ умирать за тебя! Наказывай виновныхъ какъ знаешь!»

Уговорили народъ разойтись. Тогда схвачено было пять челоуѣкъ, которыхъ признали виновными въ возмущеніи; ихъ высѣли кнутомъ и сослали.

Но все это, какъ говорится, были только цвѣтики; ягодики выросли въ Сѣверской землѣ. Въ числѣ лицъ, расположенныхъ къ разстригѣ, были: князь Григорій Шаховской и князь Андрей Телятевскій. Шуйскій принялъ за правило удалять такихъ на воеводства въ провинціи, думая этимъ устранить отъ себя смуту. Но такія мѣры часто способствуютъ появленію смуть, такъ что нерасположенные къ государю люди, лишенные возможности возмущать столицу, гдѣ государь въ пору можетъ узнать объ опасности и предупредить ее, возмущаютъ области, откуда государю приносятся извѣстія тогда уже, когда дѣло заходитъ далеко.— Шаховской отправленъ въ Путивль, а Андрей Телятевскій — въ Черниговъ. Послѣдній, какъ видѣли мы, былъ сначала однимъ изъ упорныхъ противниковъ Дмитрія, а потомъ, присягнувши ему, сдѣлался его приверженцемъ, и теперь готовъ былъ сдѣлаться его мстителемъ противъ Шуйскаго.

Когда Дмитрія убили, Шаховской, во время всеобщей суматохи, похитилъ царскую печать. Шуйскій, тотчасъ по сво-

емъ воцареніи, послалъ его въ Путивль. Не зная этого, Шаховской взялъ съ собою двухъ человѣкъ; одинъ изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, былъ русскій, по прозвищу Молчановъ; другой — какой-то полякъ. Нѣкоторые говорятъ, что Шаховской съ этими лицами бѣжалъ изъ Москвы, но это ошибка. Изъ разрядныхъ книгъ видно, что онъ не бѣжалъ, а посланъ былъ царемъ на воеводство.

Дворянинъ Молчановъ былъ, какъ уже то говорено, изъ приближенныхъ покойнаго царя. При Борисѣ его обвиняли въ чернокнижествѣ; а потомъ его такъ отстегали вѣнцомъ, что у него на спинѣ, какъ увѣряли послы Шуйскаго въ Польшѣ, остались навсегда слѣды этого наказанія, — и по этимъ примѣтамъ можно было узнать его личность. Говорили, что разстрига держалъ его при себѣ ради чернокнижія, въ которомъ Молчановъ искуссился.

Пріѣхавъ въ Серпуховъ — трое этихъ лицъ остановились у какой-то нѣмки, пообѣдали у ней, и, прощаясь съ нею, Шаховской далъ ей цѣлую горсть денегъ и сказалъ: «Вотъ тебѣ, нѣмка, возьми! А когда мы назадъ воротимся, дадимъ еще больше, а ты смотри припасай хорошія медъ и водку!» — «А что вы за люди?» — спросила женщина. — «Я князь изъ Москвы, и объявляю тебѣ, что у тебя ѣлъ и пилъ царь. Его москвичи хотѣли убить, а онъ ушелъ и на свое мѣсто оставилъ другого. Москвичи убили этого другого и думаютъ, что они убили царя.»

Переpravляясь черезъ Оку, подъ тѣмъ же городомъ, они дали перевозчику шесть талеровъ на водку. Шаховской сказалъ: «ты знаешь кто мы?»

— Не знаю, кто вы — сказалъ перевозчикъ.

— Молчи, братецъ! — сказалъ Шаховской таинственно. Видишь, вотъ этотъ молодой господинъ — это царь Димитрій Ивановичъ; ты царя перевозилъ! Его хотѣли убить, а Богъ его сохранилъ. Онъ ушелъ, и придетъ назадъ съ большимъ войскомъ, и сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ они рассказывали одно и то же въ каждомъ городѣ, куда пріѣзжали, вплоть до самого Путивля. Вѣсть о томъ, что Димитрій живъ, разошлась съ необычайною быстротою; не прошло мѣсяца, и повсюду, куда они пріѣзжали, только и рѣчи было, что царь спасся, и что таковой-то да другой видали его.

Въ Путивлѣ Молчановъ и полякъ разстались съ Шаховскимъ и отправились въ Самборъ къ женѣ Мнишка, мачихѣ Марины, рассказывать ей о случившемся и совѣтоваться съ нею и ея ближними: какъ устроить мщеніе Шуйскому и москвитянамъ,

истребившимъ царя. А Шаховской, вступивши на воеводство, созвалъ въ Путивлѣ сходку и говорилъ:

«Измѣнникъ Шуйскій съ такими же измѣнниками, какъ самъ сговорились убить нашего государя Дмитрія Ивановича и перебили поляковъ, что находились въ Москвѣ. Но царя Богъ спасъ; онъ ушелъ изъ Москвы и теперь уѣхалъ въ Самборъ въ своей тещѣ; тамъ соберетъ онъ войско и придетъ снова. Пойдите, братцы, за своего законнаго государя! Онъ приказалъ уговаривать и просить, чтобъ вы были ему вѣрны какъ прежде. Помогите ему сотворить отмщеніе надъ злодѣями, невѣрными собаками! Онъ ихъ такъ накажетъ, что и внуки и правнуки помнить будутъ. Теперь вамъ и за себя надобно стоять! Шуйскій злобствуетъ на васъ за то, что вы первые признали Дмитрія; утвердившись царемъ, онъ хочетъ васъ, и всю Сѣверскую землю, жестоко наказать! Поднимайтесь противъ него, а не то,—будетъ вамъ всѣмъ такое горе, какое было когда-то Новгороду при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.»

Путивляне знали Дмитрія и любили его, когда онъ проживалъ у нихъ въ городѣ. Всѣ съ жаромъ кричали:

«Пойдемъ на Шуйскаго за своего государя!»

Написали грамоты и разослали съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ по своему уѣзду. Побѣжали изъ Путивля гонцы въ сосѣдніе города съ тѣмъ же извѣстіемъ, съ такими же увѣщаніями, какими склонялъ путивлянъ Шаховской. Сѣверцинѣ волею-неволею приходилось ополчиться за Дмитрія. Съ одной и съ другой стороны на этотъ край находила бѣда. Поворотся ли Шуйскому—Дмитрій придетъ съ польскимъ войскомъ и будетъ наказывать русскихъ, которые отступились отъ него, и первая подвергнется карѣ Сѣверская земля! Не поворотся Шуйскому, но не станутъ ополчаться—придетъ рать изъ Москвы, и постигнетъ ихъ беззащитныхъ кара отъ Шуйскаго! Поэтому, вооруженіе Сѣверщины за Дмитрія пошло быстро. Путивльскій уѣздъ былъ уже въ нѣсколько дней весь на военной ногѣ. Моравскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколь, Елецъ—стали за Дмитрія. Но главнымъ средоточіемъ сдѣлался Елецъ, потому что тутъ убитый царь назначилъ сборъ войска, намѣреваясь идти на татаръ. И туда уже успѣли собраться ратные люди... Въ однихъ городахъ воеводѣ побили, другихъ бросили въ тюрьмы, а въ иныхъ сами они отложились отъ Шуйскаго. Предводителемъ возстанія избранъ былъ Истома Пашковъ, сынъ боярскій. Онъ писалъ грамоты во всѣ города, приглашалъ всѣхъ стоять за Дмитрія, и угрожалъ его мстью всѣмъ тѣмъ, которые будутъ держаться

стороны измѣнника Шуйскаго. Казаки дали знать на Донъ, и оттуда слѣшили на защиту царя, которому донцы такъ храбро и славно служили.

Царь сначала хотѣлъ подѣйствовать увѣщаніемъ и послалъ Крутицкаго митрополита Пафнутія съ духовенствомъ. Но Пафнутій скоро увидѣлъ, что ничего не сдѣлаетъ, и удалился. Тогда вслѣдъ за ними двинулось войско подъ начальствомъ Ивана Михайловича Воротынскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ для увѣщанія послана была въ Елецъ грамота отъ инокини Марѣи. Мать Димитрія увѣрила, что сынъ ея Димитрій убитъ въ Угличѣ, теперь лежатъ его мощи въ Архангельскомъ соборѣ, а тотъ, который царствовалъ и былъ убитъ всенародно, не былъ ея сынъ. Грамату повезъ братъ ея Михайло Нагой. Грамоты эти подѣйствовали плохо. Народъ твердилъ, что инокиня Марѣя говоритъ теперь такъ по неволѣ, потому что сама находится въ рукахъ Шуйскаго, а прежде при Димитріѣ она цѣлый годъ не то говорила. Не дѣйствовало въ пользу Шуйскаго даже открытіе св. мощей. Русскіе, наученные многими явными и тайными продѣлками Бориса, Шуйскаго и ихъ клеветовъ, и тутъ подозрѣвали обманъ. Имя Димитрія было такъ страшно, что Шуйскій, когда отправлялъ Воротынскаго съ товарищами къ Ельцу, то скрывалъ и отъ воиновъ и отъ московскаго народа, противъ какого врага идетъ эта рать. По его приказанію распушена молва, будто пятьдесятъ тысячъ крымцевъ напали на украинскіе города. Ратные люди приблизились къ Ельцу, и только тогда узнали, что имъ приходится драться съ земляками. Началась стычка. Пашковъ легко разсѣялъ рать Шуйскаго. Она тотчасъ же сама разбѣжалась, какъ на нее напали. Взятыхъ въ плѣнъ царскихъ ратниковъ били плетями и казнили, а другихъ отсылали въ Москву съ вѣстію. «Вы думали, б....ы дѣти — кричали имъ мятежники — съ своимъ шубникомъ убить государя, людей его перебить и крови напиться! Потрескайте блиновъ, да попейте-ка лучше воды! Вотъ царь придетъ — проучитъ онъ васъ за крошайство!»

Въ Москвѣ начали появляться подметныя письма, гдѣ увѣрили народъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ, и уговаривали москвичей заранѣе низвергнуть Шуйскаго, а иначе царь будетъ казнить всю столицу. Въ Москвѣ не всѣ были увѣрены, что прежній царь дѣйствительно убитъ. Его трупъ былъ черзътуръ обезображенъ: знавшіе его близко не могли тогда узнать лица его, и теперь легко могли довѣрять молвѣ о его спасеніи. Начались въ Москвѣ зловѣщія толкованія. «Истинно — говорили многіе — на площади лежалъ не царь, а другой: волосы у него

были длинныя, а царь острится передъ свадьбой. У царя была бородавка подъ носомъ, а у этого не видно было; да вотъ тѣ, что въ баню съ царемъ ходили говорить, что у него было родимое пятно на правомъ боку, а этотъ голый лежалъ, и пятна не было на немъ, да и зубы у него и ногти черныя — совсѣмъ не царскіе, а мужичьи.» — «Эка! — возражали имъ — видали вы какіе у него волосы были? Да онъ всегда въ шапкѣ ходилъ, ни передъ кѣмъ не ломалъ ее; а кто тамъ видалъ его родимое пятно, да бѣлые зубы — нешто дѣвки, что въ баню ему водили, такъ имъ не до того было!» — «А за чѣмъ же его сожгли?» — говорили недовольные Шуйскимъ — «они бъ его нарочно такимъ составомъ помазать должны, чтобъ не портился, а то затѣмъ и сожгли, что ошиблись; не того убили, который царствовалъ.» — «Вотъ еще!» — возражали сторонники Шуйскаго — «чортъ бы сталъ пачкаться около такой гадости еретика! за тѣмъ сожгли, что ходить сталъ, да морозъ зеленъ побилъ». Возмутители, приходившіе въ Москву, слонялись промежъ народу, увѣряли, что царь Дмитрій живъ: «не мы одни его видѣли, говорили они, а много людей съ нами было: истинно тотъ самый царь, и въ царскомъ вѣнцѣ и со скипетромъ; царскій нарядъ онъ увезъ съ собой, и лошади его, какъ здѣсь ѣздили.» Ихъ ловили и былъ имъ одинъ конецъ — камень на шею и въ Москву-рѣку! и ни одинъ изъ нихъ не страшился и передъ смертью кричалъ, что умираетъ за истиннаго государя, и клялся, что онъ живъ. Тогда сочинилась такая сказка: будто Дмитрій заранѣе узналъ, что противъ него заговоръ; былъ у него служитель, похожій на него; онъ его нарядилъ въ свое платье и приказалъ лечь на царскую постель: тотъ не понималъ, что это значить, и думалъ, что это какая нибудь шутка. На него наскочили убійцы: онъ закричалъ — я не Дмитрій, я не Дмитрій! А тѣ думали, что разстрига сознается въ своемъ воровствѣ и убили его, а настоящій царь ушелъ заранѣе ¹⁾).

Надобно было принять мѣры. Показалось опаснымъ оставлять поляковъ въ Москвѣ, особенно Марину и отца ея. До нихъ дошелъ слухъ, что Дмитрій живъ: это было имъ очень пріятно. Они надѣялись, болю скоро этотъ Дмитрій будетъ близко, народъ востанетъ за него и ихъ освободитъ. Но въ то же время это было для нихъ и опасно. Тѣ изъ москвичей, которые не хотѣли Дмитрія и считали вѣсть о его спасеніи польскою кривою, — могли придти въ неистовство и побить плѣнныхъ пановъ. Носились слухи, будто все-какіе знатные люди уговари-

¹⁾ Is. Mass. 109.

шли за городомъ въ полѣ народную толпу побить поляковъ. Будетъ ли перевѣсъ на сторонѣ Димитрія, или станется на-противъ — въ томъ и въ другомъ случаѣ, казалось нужнымъ удалить поляковъ изъ столицы.

Въ августѣ стали высылать пановъ съ ихъ дворами въ раз- ные мѣста. Прежде всѣхъ отвезли Вишневецкаго въ Кострому; туда же послали весь оршакъ Мнишковъ сына, старосты Саноц- каго; за нимъ дней черезъ пятнадцать Тарлы были посланы въ Тверь; а еще нѣсколько дней спустя Стадниціе, Нѣмоевскій и нѣкоторые другіе паны — въ Ростовъ. Послѣ нихъ дошла очередь и до Мнишковъ. Юрій Мнишекъ тогда уже не былъ въ Кремлѣ; его помѣстили въ домѣ Аванасія Власьева, отнятомъ у хозяина. 26 августа его повезли, вмѣстѣ съ царицею, въ Ярославль; туда же отправили и сына его, и брата Яна (старосту Красно- ставскаго), и племянника Павла (старосту Луковскаго).

IV.

Болотниковъ. — Мятежъ въ украинныхъ городахъ. — Возмущеніе Мордвы. — Волненіе въ Астрахани, Перми, Псковѣ. — Болотниковъ подходитъ къ Москвѣ. — Видѣніе. — Челобитная Варлаама.

Съ каждымъ днемъ приносили извѣстія, что Московское го- сударство радуется спасенію Димитрія. Но самъ Димитрій не являлся. Молчановъ, которому сначала Шаховской думалъ дать эту роль, жилъ въ Самборѣ, называлъ себя Димитріемъ и сму- щалъ поляковъ. Конечно, сначала мало было такихъ простодуш- ныхъ, чтобъ ему повѣрили. Но слухъ о жестокостяхъ въ Мо- сквѣ до такой степени раздражилъ Польшу, что поляки готовы были потавать всякому обману, всякой продѣлкѣ, лишь бы она влонила къ отищенію за соотечественниковъ и къ низверже- нію Шуйскаго. Мачиха Марины держала у себя обманщика. Но явиться съ этою ролью въ Москву Молчановъ не осмѣливался. Его знали многіе; знали также и прежняго царя. Молчановъ, смуглый, съ покляпымъ носомъ, съ черными волосами, съ под- стриженной бородой и нахмуренными бровями — вовсе не былъ похожъ на Димитрія. Одно сходство — у него была на лицѣ бородавка, но и та у Молчанова была не на томъ мѣстѣ лица, на какомъ у Димитрія. Но тутъ явился къ нему Иванъ Исая- вичъ Болотниковъ, холопъ князя Телятевскаго. Маленькимъ по- налъ онъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ, ра- боталъ въ оковахъ на турецкихъ галерахъ и былъ освобожденъ

въ числѣ другихъ плѣнниковъ, по однимъ извѣстіямъ — венеціанцами, по другимъ — нѣмцами, а по освобожденіи привезенъ въ Венецію. Здѣсь онъ оставался нѣсколько времени и потомъ рѣшился возвратиться въ отечество чрезъ Польшу.

Этотъ бывалый человекъ, услыша, что въ Самборѣ живетъ Дмитрій, прибылъ туда и сошелся съ Молчановымъ. Болотниковъ не видалъ никогда того, который царствовалъ подъ именемъ Дмитрія, и, быть можетъ, вѣрилъ искренно, что передъ нимъ тотъ самый. Молчановъ замѣтилъ, что это человекъ предприимчивый, живой и смѣтливый. Называя себя Дмитріемъ, Молчановъ спрашивалъ его: «желаешь ли служить противъ измѣнниковъ, бояръ клятвопреступниковъ?» Болотниковъ отвѣчалъ: «Я готовъ за своего государя, во всякое время, принести животъ свой!» — «Ну, такъ вотъ тебѣ сабля, вотъ епанча съ моихъ плечъ и тридцать червонцевъ; больше у меня нѣтъ! Я дамъ письмо тебѣ; ты поѣдешь съ нимъ въ Путивль и отдашь моему воеводѣ, князю Шаховскому; онъ учинитъ тебя воеводой, и ты будешь воевать за меня противъ всѣхъ измѣнниковъ, на сколько Богъ поможетъ тебѣ.» Болотниковъ прибылъ въ Путивль съ письмомъ. Шаховской поручилъ ему отрядъ въ 12,000 человекъ. Болотниковъ отправился въ комарницкую волость и возвѣщалъ всѣмъ, что онъ самъ видѣлъ Дмитрія, и Дмитрій нарекъ его главнымъ воеводою.

Предводители отрядовъ, руководимые княземъ Шаховскимъ, начали возмущать боярскихъ людей противъ владѣльцевъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, мелкихъ противъ большихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Все дѣлалось именемъ Дмитрія. Въ городахъ заволновались посадскіе люди, въ уѣздахъ — крестьяне; поднялись стрѣльцы и казаки. У дворянъ и дѣтей боярскихъ зашевелилась зависть къ высшимъ сословіямъ — столбникамъ, окольниковымъ, боярамъ; у мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ — къ богатымъ гостямъ. Пошла проповѣдь вольницы и словомъ и дѣломъ: воеводѣ и дьяковъ вязали и отправляли въ Путивль; холопы разоряли дома господъ, дѣлили между собой ихъ имущество, убивали мужчинъ, женщинъ насилывали, дѣвицъ разставляли... Въ Москвѣ умножались подметныя письма, призывавшія народъ возстать на Шуйскаго за истиннаго, законнаго государя Дмитрія Ивановича. Шуйскій счелъ это дѣломъ дьяковъ и сталъ сличать руки, но не нашелъ виновнаго.

Посланъ былъ противъ Болотникова князь Юрій Трубецкой въ Кромахъ. Но какъ только послышалось, что идетъ Болотниковъ, — Юрій Трубецкой съ товарищами разсудили, что имъ не

сладить съ Болотниковымъ и отступили. За тѣмъ всё служилые люди этого отряда самовольно разошлись по домамъ ¹⁾. Ясно было, что ратные не хотятъ служить Шуйскому.

Митежъ охватилъ Московское государство чрезвычайно быстро, шелъ какъ пожаръ. Послѣ разбѣга войскъ Воротынскаго и Трубецкаго, городъ за городомъ возмущались. Въ Веневѣ, Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Орлѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, провозгласили Димитрія. Дворяне Лапуновы братья—Захаръ и Провопъ, тѣ самые, что поклонились со всею землею Димитрію подъ Кромами, теперь возмущили рязанскую землю. Съ ними, на челѣ рязанцевъ, стали противъ Шуйскаго вліятельные Сумбуловы. Возстали противъ него города тверскіе: Зубцовъ, Ржевъ, Старица; сама Тверь еще держалась: на жителей ея въ этомъ дѣлѣ имѣлъ вліяніе епископъ Теокистъ. Возмутился и городъ Владимиръ и вся земля его. Въ нижегородской землѣ боярскіе холопы и крестьяне, услыша призывъ Болотникова, поднялись на своихъ господъ, на все начальствующее. Возмутилась мордва, еще, по большей части, языческая: она тогда возимѣла надежду освободиться отъ московской власти; составилось мордовское полчище, вооружилось луками и стрѣлами. Явились у нихъ предводители, поборники своенародности, выборные люди — Московъ и Воркадинъ ²⁾. Они осадили Нижній-Новгородъ, вмѣстѣ съ шайками холопей и крестьянъ. Арзамасъ, Алатырь отпали отъ Шуйскаго. На поволжѣ возмутился Свияжскъ. Въ Казани, какъ и въ Твери, удерживалъ власть Шуйскаго мѣстный архіерей — митрополитъ Ефремъ. Богданъ Бѣльскій не присталъ къ измѣнѣ. Онъ зналъ хорошо, что того, кого онъ призналъ сыномъ Ивана Васильевича, не было на свѣтѣ, а новаго онъ не зналъ. Нерасположеніе къ Шуйскому, видно, не доходило у этого человѣка до того, чтобы рѣшиться на все, лишь бы ему повредить. Но въ далекой Астрахани, посланный туда на воеводство, приверженецъ Димитрія, князь Хворостининъ, первый возмутилъ людей, и оттого-то въ этомъ краѣ возстаніе приняло иной характеръ, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго міра. Вмѣсто того, чтобы люди незнатные ополчились на знатныхъ, тамъ люди мелкіе съ дьякомъ Карповымъ стали-было за власть Шуйскаго. Но бояринъ Хворостининъ велѣлъ сбросить съ раската дьяка Карпова и его пособниковъ, объявилъ царемъ Димитрія и приглашалъ ополчаться за спасеннаго государя не только русскихъ, но и ногаевъ. Въ отда-

¹⁾ Ник. лѣт. 79.

²⁾ Ник. лѣт. 82.

ленной пермской землѣ пронеслась вѣсть о спасеніи Дмитрія: пермичи не хотѣли давать ратныхъ людей Василию и пили чаши за здоровье Дмитрія. Въ Великомъ Новгородѣ, хотя не было явнаго отпаденія отъ Шуйскаго, но и тамъ не могли собрать ратной силы. Во Псковѣ воевода Шереметевъ, хотъ врагъ Шуйскаго, не измѣнялъ его дѣлу; но въ городѣ была сумятица. Шуйскій требовалъ со Пскова денежной подмоги; собрали 900 рублей и послали ихъ съ выборными. Но въ письмахъ, которыя повезли эти выборные, богатые гости написали въ нихъ, что они измѣнники, и по такимъ письмамъ этихъ выборныхъ чуть не побили въ Москвѣ; насилу заступились за нихъ псковскіе стрѣльцы, которыхъ находился тамъ цѣлый пригваръ. Услышавши о бѣдѣ своихъ земляковъ, они всѣмъ приказомъ подали царю челобитную, увѣряли, что присланные псковскіе выборные вовсе не измѣнники, и поставляли за нихъ свои головы. Во Псковѣ Шереметевъ правилъ, какъ независимый государь, и собралъ ополченіе на царя Василя Шуйскаго, и вмѣстѣ съ дьякомъ Иваномъ Граматинымъ распоряжался произвольно достояніемъ жителей, давалъ и отнималъ помѣстья. Онъ своимъ своевольствомъ вооружилъ подчиненныхъ противъ себя и расположилъ ихъ противъ царя: творилъ онъ все царскимъ именемъ. Въ пригородахъ псковскихъ явилась измѣна: тамошніе стрѣльцы провозгласили Дмитрія.

Разбѣжавшіеся ратные люди, ушедшіе каждый въ свою сторону, стали возмутителями, часто невольными, уже только потому, что разносили вѣсть объ успѣхахъ того, кто назывался спасеннымъ въ другой разъ Дмитріемъ. Другіе умышленно волновали народъ, объявляя, что теперь настало время отплатить прежнимъ сильнымъ міра сего; что царь Дмитрій на то идетъ, чтобы все перевернуть на Руси: богатые должны обнищать, нищіе обогатѣть; бояре станутъ мужиками, а холопы и мужики вознесутся въ боярство и будутъ править землею. Холопы и крестьяне соблазнялись этими подбужденіями, вооружались дубьемъ и косами и спѣшили въ полчище Болотникова. Съ этимъ полчищемъ онъ шелъ къ столицѣ. На дорогѣ примкнуло къ нему ополченіе Истома Пашкова; съ нимъ соединился отрядъ вольницы, пришедшій изъ Литвы. Начальствовалъ имъ панъ Хмѣлевскій.

Отовсюду стекались къ Болотникову шайки. Только шедшей изъ Владимира не посчастливилось — князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій разсѣялъ ее. Серпуховъ сдался Болотникову. Въ Коломнѣ отважились сопротивляться. Напавшій на этотъ городъ Хмѣлевскій былъ отбитъ. Но потомъ коломенскіе стрѣльцы

передались; городъ былъ взятъ и разграбленъ¹⁾. Полчище двинулось къ Москвѣ. Въ пятидесяти верстахъ отъ нея, близъ села Троицкаго, встрѣтила его еще одна рать московская подъ начальствомъ Мстиславскаго. Ратные не захотѣли биться и разошлись. Мстиславскій съ товарищами: Воротынскимъ, Голицынымъ, Нагимъ и Димитріемъ Шуйскимъ вернулись въ Москву. Болотниковъ гнался за ними и 22 октября сталъ въ селѣ Коломенскомъ, за 7 верстъ отъ столицы.

Положеніе Шуйскаго и его партіи было ужасное. Надобно было нравственно дѣйствовать на Москву.

И вотъ, двѣнадцатаго октября, когда уже слышали, что Болотникову сдастся городъ за городомъ и онъ идетъ къ столицѣ, кто-то, вѣроятно, духовнаго званія, передъ царемъ и патриархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ объявилъ, что ему было видѣніе. «Молился я — говорилъ онъ — о мирѣ всего міра и лютыхъ на насъ нашедшихъ и легъ почивать, и вотъ въ полночь, слышу, звонятъ въ большой колоколъ, что сняли Борисовымъ повелѣніемъ, и говорю самъ себѣ: что это такое? Кажется, нѣтъ большого праздника; открылъ я оконце; вижу: какъ будто день, такъ свѣтло; и думаю самъ себѣ — какъ же это ночь такъ скоро прошла? Анъ идетъ знакомый мой, я и спрашиваю его: чтò это за звонъ? А онъ говоритъ — иди въ церковь Успенія Богородицы, тамъ тебѣ видѣніе преславное будетъ! Я грѣшный всталъ и пошелъ по улицамъ, и думаю: чтò это значитъ — теперь осень и дождливая погода, а путь сухой? Пришелъ я къ церкви, вижу: неизрѣченный свѣтъ, и пришелъ я къ западнымъ дверямъ и поклонился до земли и всталъ, а врата церковныя отворены, и увидѣлъ я Господа Бога моего, сидящаго на престолѣ: кругомъ его ангелы; стоятъ одесную — надежда наша Заступница, а по лѣвую сторону, Предтеча Христовъ и лики святыхъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ отецъ; вижу я, Пресвятая Богородица кланяется до земли Богу и говоритъ: «Сыне мой и Боже мой! пощади люди своя, познавшіе тебе, истиннаго Бога, меня ради матери твоей; многіе изъ нихъ вспомнятъ грѣхи свои и хотятъ прійти въ покаяніе.» А владыка и Господь мой говоритъ къ своей матери: «О мати моя вселюбезная! Смущаютъ они мнѣ злобами своими и лукавыми нравами; осквернили церковь мою праздными бесѣдами, мерзвіе обычаи отъ языкъ воспріяли, брады

¹⁾ Въ Коломенѣ были Иванъ Бутурлинъ и Семень Глѣбовъ. Потомъ присланы были Семень Прозоровскій и Василій Сукинъ. Но они, послѣ пораженія Хивлевскаго, ушли въ Москву, а Бутурлина смѣнилъ царь Василій Ивановъ Пушкинымъ.

свои постригаютъ, содомскія дѣла творять и неправедный судъ судятъ, правыхъ насилуютъ, чужія имѣнія грабятъ!» Тогда надежда наша Заступница и Предтеча Христовъ и всѣ святые стали кланяться и молить Бога, говорили: «помилуй, владыко, родъ христіанскій; они не будутъ такъ творить!» А Господь Богъ сказалъ: «не стужай мнѣ, мати, и ты, друже мой, Іоанне, и вси мои святые? Нѣтъ истины въ царяхъ и патріархахъ и во всемъ народѣ моемъ. Изыди матъ моя отъ мѣста сего и вси святые съ тобою. Я предамъ ихъ кровопійцамъ и немилостивымъ разбойникамъ, да покаются малодушные и придутъ въ чувствіе, и тогда пощажу ихъ!...» Тогда кто-то подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «иди, угодниче Христовъ, повѣдай, что видѣлъ и слышалъ!»

Тогда патріархъ и освященный соборъ заповѣдали постъ, съ 14 до 19 октября, всѣмъ отъ мала до велика, не исключая младенцевъ; совершалось моленіе о избавленіи царствующаго града отъ злыхъ разбойниковъ и кровопійцъ, и народъ, пораженный этимъ нежданымъ обрядомъ, со страхомъ ожидалъ чего-то ужаснаго и бѣжалъ въ церковь, забывая то, что волновало умъ его, и отдавая со смиреніемъ судьбу свою Богу и властямъ предрекающимъ.

Къ этому времени относится появленіе и, вѣроятно, обнародованіе челобитной старца Варлаама, которая должна была увѣрить народъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ.

«Въ 110 году (1602) (говорится въ этой челобитной), въ великій постъ на второй недѣлѣ въ понедѣльникъ, шелъ я, старецъ Варлаамъ, въ Москвѣ Варварскимъ вѣстцомъ; позади меня шелъ молодой чернецъ. Онъ сотворилъ молитву, повлонился мнѣ и говорилъ: «Старецъ! изъ какой ты обители?» Я отвѣчалъ: «Постригся я по немощи и начало имѣю Пафнутаева монастыря Рождественскаго въ Боровскѣ.» — «А какой на тебѣ чинъ? Ты крылошанинъ?» — спросилъ молодой чернецъ? — «какъ тебя зовутъ?» «Мое имя Варлаамъ. А ты какой обители и какой на тебѣ чинъ, и какъ тебѣ имя?» — Онъ сказалъ: «жилъ я въ Чудовѣ монастырѣ; чинъ имѣю діаконовскій; зовутъ меня Григорій, а прозываюсь я Отрепьевъ?» Я спросилъ: «что тебѣ Замятня и Смирной Отрепьевы?» Онъ отвѣчалъ: «Замятня дѣдъ, а Смирной дядя.» Я сказалъ: «Какое тебѣ дѣло до меня?» Онъ отвѣчалъ: «Я жилъ у архимандрита Пафнутія въ Чудовомъ монастырѣ и сложилъ похвалу московскимъ чудотворцамъ: Петру, Алексію и Іонѣ; и патріархъ Іовъ, вида мое досужество, началъ меня брать на царскую думу вездѣ съ собою, и я вошелъ

въ славу великую. Но мнѣ не хочется славы и богатства земного; не только видѣть и слышать про то не хочу, а хочу скрыться изъ Москвы въ дальній монастырь. Есть монастырь въ Черниговѣ: пойдѣмъ въ этотъ монастырь.» Я сказалъ: «когда ты жилъ у патриарха, такъ не привыкнутьъ тебѣ въ Черниговѣ. Слышалъ я: монастырь черниговскій — мѣстечко не великое.» Молодой чернецъ сказалъ: «Я хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь. Въ Печерскомъ монастырѣ многіе старцы души свои спасали.» Я сказалъ: «читалъ я патерикъ печерскій». Отрепьевъ сказалъ: «поживемъ въ Печерскомъ монастырѣ, да пойдѣмъ до святаго града Іерусалима.» Я сказалъ: «Печерскій монастырь за рубежемъ въ Литвѣ; не смѣть намъ ѣхать за рубежь.» Онъ сказалъ: «Государь московскій учинилъ миръ съ королемъ на двадцать лѣтъ; теперь все вольно и заставъ нѣтъ.» — Я сказалъ: «Для душевнаго спасенія и для печерскихъ чудотворцевъ и для святыхъ града Іерусалима и гроба Господня пойдѣмъ.»

«Вотъ, мы съ нимъ увѣрились по-христіански, чтобъ ѣхать намъ вмѣстѣ, и уговорились на завтрашній день сойтись въ иконномъ ряду, чтобъ вмѣстѣ ѣхать.

«На другой день, въ урочный часъ, мы сошлись въ иконномъ ряду. А у него приговоренъ ѣхать съ нимъ еще одинъ старецъ именемъ Мисаилъ: въ мірѣ его звали Михайло Повадинъ, а я его зналъ у князя Ивана Ивановича Шуйскаго. Вотъ мы пошли за Москву-рѣку и наняли подводы до Болхова и поѣхали; а изъ Болхова поѣхали до Карачева, а изъ Карачева до Новгорода-Сѣверскаго. Тутъ мы вошли въ Преображенскій монастырь, строитель Захарія Лихаревъ поставилъ насъ на клиросѣ; а Григорій, въ день Благовѣщенія, служилъ въ обѣднѣ за діакона и ходилъ за пречистою.

«Мы пробыли тамъ до третьей недѣли по пасхѣ. Тогда мы наняли вожа Ивашка Семенова, отставленнаго старца, и пошли на Стародубъ. Иванъ провелъ насъ въ кіевскую землю. Первый литовскій городъ намъ былъ Лоевъ; второй Черниговъ, а третій Кіевъ. Мы стали жить въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, и жили три недѣли. Послѣ того Гришка вздумалъ ѣхать ко князю Василию Острожскому и отпросился у архимандрита Елисея Штетенецкаго. Я извѣщалъ про него архимандрита и братію и говорилъ, что мы хотѣли итти въ Іерусалимъ, а онъ теперь хочетъ итти къ Острожскому. Онъ тамъ скинетъ съ себя иноческое платье и заворуется. Архимандритъ Елисей сказалъ: «здѣсь, въ Литвѣ, земля вольная; въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ такой и пребываетъ.» Я просилъ у архимандрита, чтобъ далъ мнѣ сожителство въ Печерскомъ монастырѣ, но архимандритъ съ братією

не дозволили и сказали: «Четверо васъ пришло; четверо и подите отсюда.» Пришли мы въ Острогъ, ко князю Василю Острожскому, а тотъ князь Василій Острожскій въ сущей христіанской вѣрѣ пребываетъ. Мы у него пересѣтовали, а на осень меня и Мисаила князь отправилъ въ Дерманскій монастырь, а Гришка уѣхалъ въ Гоцу къ пану Гойскому и тамъ скинулъ съ себя иноческое платье и сталъ учиться по-латыни, и по-польски и по-лютерски. И сталъ Гришка отменнивь и законопреступнивь православной сущей христіанской вѣры. Я князю Острожскому говорилъ, чтобъ онъ взялъ изъ Гоци Гришку и велѣлъ, по прежнему, быть ему чернецомъ и діабеномъ; а князь Острожскій сказалъ: «здѣсь земля вольная; въ каковой вѣрѣ кто хочеть, въ таковой и пребываетъ. Сынъ мой Янушъ родился въ православной вѣрѣ, и принялъ латинскую; мнѣ его не унять. Да теперъ и панъ Краковскій въ Гоцѣ.»

«Прозимовалъ Гришка въ Гоцѣ, а на весну, послѣ великаго поста, онъ пропалъ безъ вѣсти и очутился въ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго и назвался царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, и князь Адамъ повѣрилъ Гришкѣ и далъ ему колесницъ и лошадей. Князь Адамъ поѣхалъ изъ Брагина въ Вишневецъ и взялъ съ собою Гришку, и сталъ возить его по панамъ, по роднымъ своимъ, и вездѣ называлъ его царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ. Въ Вишневецѣ Гришка лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ великаго дня проводилъ его Адамъ до короля Сигизмунда и сказалъ королю, что онъ царевичъ Дмитрій. Король его звалъ въ рукѣ, а Гришка сказалъ королю такъ: «слыхалъ ли ты про великаго князя московскаго Ивана Васильевича всея Руси самодержца, что былъ великъ и грозенъ и славенъ во многихъ ордахъ? Я сынъ его присный Дмитрій Ивановичъ. Какъ судомъ Божиимъ не стало отца нашего на Россійскомъ государствѣ и остался царемъ братъ мой Федоръ, меня измѣнники послали въ Угличъ и присылали много разъ воровъ испортить или убить меня, но Богъ не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго ихъ замысла и избавилъ меня невидимою силою, и много лѣтъ сохранялъ меня въ судьбахъ своихъ. Теперъ же я пришелъ въ мужество и помышляю, съ Божіею помощію, итти на престолъ прародителей моихъ. Можно тебѣ разумѣть, милостивый король, если твой холощъ тебя или брата твоего или сына у тебя потеряеть, каково тебѣ въ тѣ поры будетъ! Разумѣй, посему, каково мнѣ теперъ.» Тогда передъ королемъ признали его княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ пять братьевъ Хрипуновыхъ, Петрушка, человекъ Истома Михнева, Ивашко Шварь, Ивашко вожь, да мужики посадскіе кіевляне.

«Гришка и Адамъ Вишневецкій отправились отъ короля въ Самборъ, а я королю про этого Гришку извѣщалъ, что онъ не царевичъ Димитрій, а чернецъ, зовутъ его Гришкою, а по прозвищу онъ Отрепьевъ, и ходилъ онъ со мною вмѣстѣ. А король и радные паны не вѣрили мнѣ и послали меня къ Гришкѣ въ Самборъ и къ воеводѣ Сендомирскому къ пану Юрію Мнишку, и написали обо мнѣ листъ. Какъ меня привезли въ Самборъ, Гришка велѣлъ съ меня снять иноческое платье, и бить, и мучить. Тогда говорилъ разстрига Гришка про меня и про сына болгарскаго Якова Пыхачова, будто мы подсланы отъ царя Бориса, чтобъ убить его. Якова Пыхачова велѣлъ Гришка казнить смертію, а меня велѣлъ послѣ битья и мукъ заковать въ кандалы и бросить къ тюрьму. 15 августа Гришка пошелъ войною къ Москвѣ, а меня велѣлъ держать въ Самборѣ въ тюрьмѣ, и держали меня пять мѣсяцевъ, пока пани Мнишкова и дочь Марина не выпустили на свободу. Послѣ того, я былъ въ Кіевскомъ монастырѣ—а сентября 14. 114 года (1605), вышелъ я въ Смоленскъ; тамъ смоленскіе бояре повелѣли мнѣ жить въ Авраміевоу монастырѣ.»

Эта челобитная была распространена въ свое время, вошла во множество снимковъ послѣдующихъ редакцій хронографовъ и служила для исторіи важнѣйшимъ доказательствомъ, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ чернецъ Гришка Отрепьевъ. Но, всмотрѣвшись въ нее пристально легко видѣть, какой это мутный и недостоверный источникъ. Здѣсь открываются несообразности:

1) Варлаамъ говоритъ, что онъ убѣждалъ съ Гришкою въ 7110 году, въ великій постъ (1602), а по извѣстіямъ, сообщеннымъ поляками, видно, что тотъ, кто назвалъ себя Димитріемъ, былъ въ Кіевѣ уже въ 7109 (т. е. съ сентября 1600 по сентябрь 1601 г.).

2) Варлаамъ рассказываетъ, что, проживавши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти ко князю Острожскому. Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его, ибо, если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя иночесвое платье, а потомъ, самъ пошелъ съ Гришкою въ Острогъ. Странно допустить, чтобъ Гришка отправился вмѣстѣ съ человекомъ, который на него доносилъ и наблюдалъ за нимъ. Невозможно допустить такую неосторожность въ отъявленномъ шутѣ.

3) Варлаамъ рассказываетъ, что Острожскій отослалъ его съ товарищемъ Мисаиломъ Повадинымъ въ Дерманскій монастырь, а Гришка ушелъ въ Гоцу и потомъ—весною 1603 г. про-

паль безъ вѣсти, а вслѣдъ за тѣмъ очутился въ Брагинѣ во дворѣ Адама Вишневецкаго. Но изъ словъ самого Варлаама видно, что онъ, уѣхавши въ Дерманскій монастырь, не видалъ болѣе Гришки, слѣдовательно, если даже не сочинилъ своихъ извѣстій, то писалъ по слухамъ и соображеніямъ. Варлаамъ самъ себѣ противорѣчить, говоритъ, что Гришка изъ Гощи безъ вѣсти пропалъ, а потомъ, что онъ очутился у Вишневецкаго, гдѣ и назвался Димитріемъ. Но если Гришка безъ вѣсти пропалъ, то почему Варлаамъ знаетъ, что тотъ, кто во дворѣ Адама Вишневецкаго назвался Димитріемъ, былъ знакомый ему Гришка? Онъ не говоритъ, чтобъ видѣлъ его лично тогда, какъ онъ назвался Димитріемъ; слѣдовательно, слыша, что кто-то назвался у Вишневецкаго Димитріемъ, онъ могъ только предположить, что это долженъ быть Гришка.

4) Мнишекъ, хорошо знавшій дѣло, на допросѣ, учиненномъ ему въ Москвѣ, объявилъ, что Вишневецкій передалъ претендента брату Константину, и претендентъ жилъ въ Жалозицахъ, а не въ Вишневецѣ, какъ показывается Варлаамъ, потомъ пріѣхалъ въ Самборъ, и оттуда Мнишекъ съ Константиномъ Вишневецкимъ повезли его въ Краковъ къ королю, а Варлаамъ говоритъ, будто Адамъ Вишневецкій возилъ его въ Краковъ. Нѣтъ повода думать, чтобы Мнишекъ, въ этомъ мѣстѣ своего показанія, сказалъ неправду, потому что не было на то никакой причины. слѣдовательно, Варлаамъ не зналъ близко обстоятельствъ дѣла, о которомъ говорить.

5) Варлаамъ приводитъ рѣчь, которую Гришка говорилъ Сигизмунду III. Но какимъ образомъ могъ Варлаамъ слышать эту рѣчь? Это приведеніе рѣчи въ такомъ подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной. Притомъ—называвшій себя Димитріемъ никакъ не могъ начинать своей рѣчи такъ: «слыхалъ ли ты король про царя Ивана Васильевича?» Это было бы со стороны претендента черезъ-чуръ наивно.

6) Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ короля о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Но гдѣ, чрезъ кого, какимъ образомъ? объ этомъ онъ не говоритъ; а изъ его же челобитной видно, что онъ оставался въ Дерманскомъ монастырѣ. Отчего здѣсь такая недомолвка, когда о свиданіи своемъ съ Гришкою въ Москвѣ и о странствованіи съ нимъ вплоть до разлуки, случившейся тогда, когда Гришка уѣхалъ въ Гощу, Варлаамъ сообщаетъ очень подробно? Почему же онъ не говоритъ, какъ узналъ про самозванство Гришки, какъ выѣхалъ изъ Дерманскаго монастыря, какъ дошелъ до короля? Такое умолчаніе важнѣйшихъ обстоятельствъ, такая не-

соотвѣтственность въ способѣ изложенія челобитной сильно вредятъ ей достовѣрности.

7) Варлаамъ говорить, что признали Гришку за Димитрія брата Хрипуновы; но о дозволеніи братьямъ Хрипуновымъ возвратиться въ отечество просилъ Сигизмундъ Димитрія, уже царствовавшего въ Москвѣ. Если бы Хрипуновы были въ числѣ первыхъ, признавшихъ названаго Димитрія еще въ Краковѣ, то не предстояло бы необходимости просить за нихъ. Эту несообразность замѣтилъ еще Карамзинъ.

8) Варлаамъ говорить, что Гришка сына боярскаго Якова Пыхачева велѣлъ казнить, а его, Варлаама, заключить въ тюрьму. Здѣсь несообразность и невозможность: конечно, прежде всего Гришка, имѣя власть надъ обоими, казнилъ бы Варлаама, какъ человѣка, который хорошо зналъ его и могъ обличать.

9) Наконецъ, Варлаамъ говорить, что въ 1605 г. онъ былъ въ Смоленскѣ. Это очевидная нелѣпость. Какъ могъ человѣкъ, обличавшій разстригу и за то пострадавшій, освободившись изъ тюрьмы, отправиться въ государство, гдѣ властвовалъ тотъ, кого онъ обличалъ и кому могъ быть вреденъ?

Замѣчательно противорѣчіе между челобитною Варлаама и грамотою патріарха Іова. Въ грамотѣ патріаршей Варлаамъ названъ монахомъ Чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Варлаамъ говорить, что Гришка прожилъ въ Кіевѣ всего три недѣли, ушелъ прочь изъ Кіева къ Острожскому, и когда онъ уходилъ къ Острожскому, то это считалось удаленіемъ изъ монастыря. А въ грамотѣ Іова, по показанію Венедикта, — Гришка, живя въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, служилъ въ то время и у Острожскаго въ Кіевѣ, какъ Кіевскаго воеводы, и чрезъ это не разрывалъ своей связи съ Печерскимъ монастыремъ. Варлаамъ говорить, что когда онъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гришка хочетъ уйти къ Острожскому, архимандритъ сказалъ, что «здѣсь земля вольная, кто какъ хочетъ, въ такой вѣрѣ тотъ и пребываетъ.» А въ показаніи Венедикта говорится, что тотъ же самый архимандритъ посылалъ достать Гришку; тогда онъ ушелъ не къ Острожскому, какъ показываетъ Варлаамъ, а къ запорожцамъ. Венедиктъ показываетъ, что Гришка пришелъ ко князю Адаму Вишневецкому отъ запорожцевъ. Варлаамъ показываетъ, что онъ туда пришелъ изъ Гоци. По грамотѣ патріарха Іова, какой-то чернецъ Пименъ водилъ Гришку съ товарищами черезъ границу; Варлаамъ не зналъ Пимена, а знаетъ въ этомъ случаѣ иное лицо, какого-то Ивашку-вожа. Кто же изъ нихъ лгалъ?

Существуетъ документъ очень замѣчательный, свидѣтельству-

ющій о дѣйствительномъ товариществѣ Григорія съ Варлаамомъ и Мисаиломъ. Это надпись на книгѣ Василя Великаго, хранящейся на Волынѣ въ Загоровскомъ монастырѣ, такого содержания: «Лѣта отъ сотворенія міра 7110 мѣсяца августа въ 31 день, сію книгу Великаго Василя далъ намъ, Григорію съ братією съ Варлаамомъ да Мисаиломъ: Константинъ Константиновичъ, нареченный во святомъ крещеніи волею Божією милостію пресвѣтлое княже Острожское воевода кievскій.» Подъ словомъ «Григорію» приписано *другой рукою*: «царевичу Московскому.» Само собою разумѣется, что приписку эту сдѣлалъ человѣкъ, знавшій, что того, кто царствовалъ въ Москвѣ, считали въ дѣйствительности Григоріемъ Отрепьевымъ, странствовавшимъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ, и, вѣроятно, съ наивною цѣлію показать видъ, какъ будто бы тотъ, кто писалъ надпись, сдѣлалъ и приписку, и, именуя себя царевичемъ Московскимъ Димитріемъ, писалъ себя въ то же время и Григоріемъ. Приписка эта отнюдь не важна и могла быть включена въ позднѣйшее время; важно только то, что надпись на книгѣ подтверждаетъ справедливость многоразличныхъ показаній, что Григорій Отрепьевъ, монахъ Чудова монастыря, дѣйствительно странствовалъ въ польской Украинѣ и проживалъ у Острожскаго вмѣстѣ съ монахами Варлаамомъ и Мисаиломъ. Но та же самая надпись на книгѣ ни мало не даетъ права признать, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ въ самомъ дѣлѣ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ; напротивъ, при сличеніи этой надписи, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣланной Отрепьевымъ, съ почеркомъ названнаго царя Димитрія не оказывается сходства. По этому, ни челобитная Варлаама, ни надпись на книгѣ Василя Великаго не могутъ служить доказательствами, чтобъ названный царь Димитрій и Гришка Отрепьевъ были однимъ и тѣмъ же лицомъ.

V.

Обьясненіе Болотникова съ москвичами. — Ослабленіе мятежа. — Дворяне оставляютъ Болотникова. — Пораженіе мятежниковъ. — Вѣгство Болотникова. — Перенесеніе тѣлъ Годуновыхъ. — Примиреніе патріарха Іова съ московскимъ вродомъ.

Болотниковъ построилъ острогъ, укрѣпилъ его деревомъ и валомъ. Казаки, по своему обычаю, стали копать норы и подземные ходы. Отсюда Болотниковъ разсылалъ грамоты по Москвѣ и по разнымъ городамъ, возбуждалъ бѣдныхъ и меньшихъ про-

тѣхъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ. «Вы всѣ (было имъ сказано) боярскіе холопы — побивайте своихъ бояръ, берите себѣ ихъ женъ и все достояніе ихъ — помѣстья и вотчины! Вы будете людьми знатными; и вы, которыхъ называли шпынами и безименными, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ животы! Вы были послѣдніе — теперь получите боярства, овольничества, воеводства¹⁾! Цѣлуйте всѣ крестъ законному государю Дмитрію Ивановичу!»

Москвичи послали къ Болотникову выборныхъ. «Вся Москва — говорили они — хочеть, чтобы ты показалъ намъ Дмитрія. Если въ самомъ дѣлѣ онъ живъ, — всѣ придутъ къ нему, упадутъ ему въ ноги и поцѣлуютъ крестъ служить ему и пріимить во всемъ.»

— Я самъ видѣлъ его въ Польшѣ — говорилъ Болотниковъ — своими глазами; онъ живъ и меня послалъ и назначилъ самъ своимъ воеводою. И вы его скоро увидите!

«А, можетъ быть, это другой? — сказали москвитяне. — Того, кто выдавалъ себя за Дмитрія, убили въ Москвѣ²⁾.»

Съ тѣмъ ушли москвичи. Болотниковъ отправилъ посланца въ Путивль къ Шаховскому и писалъ ему: «посылай, князь, скорѣе въ Польшу, — пусть царь Дмитрій ѣдетъ скорѣе! Я съ москвичами держалъ переговоры: они обѣщали поклониться ему, если онъ пріѣдетъ, и всѣ узнають, что онъ тотъ самый, что былъ прежде. Не нужно ему войска, — пусть ѣдетъ самъ-другъ, — дѣло идетъ хорошо! Какъ только москвичи его увидятъ — тотчасъ же возьмутъ своихъ измѣнниковъ за шею и отдадутъ ему³⁾.»

Желанный и дѣйствительно любимый многими Дмитрій не явился. Болотникову скоро приходилось увидѣть, что возбужденіе меньшихъ людей противъ большихъ было средство годное только на малое время. Оно дало ему силу; оно же подорвало его дѣло. Дворяне и дѣти боярскіе въ разныхъ городахъ, не зная достоверно, что тотъ, кого считали Дмитріемъ, болѣе не существуетъ, возстали при его имени и готовы были идти за него, потому что онъ къ нимъ былъ щедръ и милостивъ, потому что надѣялись наградъ за услуги, а теперь его именемъ поднимають противъ нихъ слугъ, и крестьянъ и холопей. Имъ приходилось теперь охранять свое достояніе, свои семьи и свою жизнь. Во многихъ городахъ цѣловали крестъ Дмитрію и тотчасъ же начали каяться, когда къ нимъ врывались шайки бѣглыхъ, всякого рода, и стали насилловать женщинъ, расхищать

¹⁾ А. Э. II. 123.

²⁾ Petr. 209.

³⁾ Petr. 209. — Buss.

имущества. Современники говорятъ, что они не уважали даже святыни церквей, расхищали церковную утварь, обдирали образа, оскверняли Божіи храмы. Это извѣстіе правдоподобно. Тогда на Руси, не смотря на видимое официальное благочестіе, было много такихъ, которыхъ только по имени можно было назвать христіанами. Они не знали ничего въ дѣлѣ вѣры, не ходили и въ церковь. Да въ полчищахъ, возставшихъ за Дмитрія, было много и нехристіанъ — магометанъ и язычниковъ. Эти явленія должны были внезапно охолодить ревность къ Дмитрію, охватившую разомъ почти всю Русь, и охоту помогать Шуйскому. Москва, болѣе другихъ городовъ, имѣла тогда поводовъ не поддаваться Болотникову. Въ Москвѣ жили бояре, окольничьи, дьяки, знатные люди, которыхъ Болотниковъ грозилъ перебить или обратить въ простолюдиновъ, а на мѣсто ихъ возвести безыменныхъ людей; въ Москвѣ жили зажиточные торговцы и промышленники, которыхъ дворы, лавки, деньги, — все это заранѣе отдавалось въ дѣлежъ неимущимъ, и все это дѣлалось именемъ Дмитрія, и все это не похоже было на Дмитрія, котораго знали, какъ покровителя промысловъ, торговли, зажиточности и роскоши.

Тутъ еще пособило Шуйскому и то, что шайки мятежниковъ пошли на Тверь. Тверской архіепископъ воодушевилъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, представилъ имъ, что на нихъ наступаютъ хищники; — и тѣ, вмѣстѣ съ посадскими людьми, также дорожившими своимъ достоинствомъ, отбили враговъ.

Въ нестройныхъ мужичьихъ мятежахъ всегда бываетъ такъ, что и малый успѣхъ привлекаетъ къ мятежу огромныя массы, и малая неудача отнимаетъ у нихъ духъ. Примѣръ Твери подействовалъ на пригороды, привыкшіе, по преданію, слѣдовать главному городу земли. Зубцовъ, Ржевъ отпали отъ Дмитрія. Въ ржевскомъ уѣздѣ составилось ополченіе изъ дѣтей боярскихъ; у нихъ начальникомъ былъ Колычевъ. Смоленскъ удерживалъ въ повиновеніи Шуйскому князь Буракинъ, — и смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе ополчились, чтобъ итти на выручку Москвѣ. Примѣру ихъ послѣдовали пригороды мѣстной земли: Дорогобужъ, Вязьма, Серпейскъ, попробовавшіе, что значитъ крестное цѣлованіе Дмитрію. Можайскъ, прежде поднявшійся за Дмитрія, опять ударилъ челомъ Шуйскому. Двинская земля, Вологда, Ярославль, гдѣ вообще торговля избрала себѣ путь, и гдѣ, черезъ то, развилось благосостояніе — не поддались увѣщаніямъ Болотникова и отправили стрѣльцовъ для защиты Москвы противъ Болотникова. Когда пронеслась вѣсть, что Дмитрій живъ, — вся русская земля готова была встрѣтить Дмитрія и выдать ему на казнь новаго царя. Но когда, съ одной стороны, царь не

показывался, и начиналось сомнѣніе въ томъ, что онъ спасенъ; а съ другой стороны, именемъ Дмитрія поставлено было кровавое знамя переворота русской земли вверхъ дномъ, то большая часть отступила назадъ, и готова была лучше сносить власть Шуйскаго, лишь бы сохранить достояніе и порядокъ жизни.

Въ самомъ полчищѣ Болотникова сдѣлалось раздвоеніе. На одной сторонѣ стояли дворяне и дѣти боярскіе, на другой — холопы, казаки, бѣглецы крестьяне — вообще самыя мелкіе безыменные люди. У послѣднихъ главою былъ Болотниковъ; начальниками первыхъ были: Истома Пашковъ и братья Ляпуновы. Между Истомаю и Болотниковымъ возникло личное соперничество. Истома твердилъ, что онъ избранъ былъ прежде воеводою, чѣмъ Болотниковъ; хвалился притомъ, что онъ былъ дворянинъ, а Болотниковъ холопскаго происхожденія. Болотниковъ съ гордостію говорилъ, что его самъ Дмитрій сдѣлалъ своимъ военачальникомъ и онъ, какъ назначенный лично отъ царя, имѣетъ надъ всѣми первенство. Болотниковъ хотѣлъ власть Дмитрія утвердить на одномъ черномъ народѣ. Истома и Ляпуновы, напротивъ — хотѣли Дмитрія такого, какимъ знали его на царствѣ. Вообще дворяне, находившіеся въ подмосковномъ полчищѣ во имя Дмитрія, поставлены были въ противорѣчіе съ тѣмъ оборотомъ, какой приняло дѣло. Вначалѣ честолюбіе ихъ щевотала вражда къ тѣмъ, которые были ихъ сильнѣе — зависть къ боярамъ, овольничьимъ, вообще къ вельможамъ; имъ хотѣлось низложить вельможъ и замѣнить собою ихъ первенство въ землѣ русской. Но теперь они увидали, что возстаніе Болотникова поражаетъ ихъ самихъ...., что холопы и бѣглецы крестьяне хотѣли быть выше дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ послѣднимъ хотѣлось стать выше бояръ.... Не возможно же было имъ служить такому дѣлу, которое клонилось къ ихъ общему униженію и раззоренію.

Братья Ляпуновы и воевода Григорій Сунбуловъ пріѣхали въ Москву и поклонились Шуйскому. Съ ними пріѣхала толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ; за ними послѣдовали стрѣльцы, которые въ Коломенѣ передались — было Болотникову.

Шуйскій не только простилъ ихъ, — еще и обласкалъ, а Проконію Ляпунову далъ званіе думнаго дворянина. Шуйскій замѣтилъ честолюбіе и способности этого челоуѣка, понялъ, что имъ держится рязанская земля и думалъ привязать его къ себѣ. Это, на будущее время, ему не удалось. Ляпуновы не терпѣли Шуйскаго и были, напротивъ, привержены къ прежнему царю, но теперь пока, свѣрѣпя сердце, должны были, только ради сохраненія порядка въ землѣ русской и безопасности имуществъ и

жизни лицъ своего званія, стоять на его сторонѣ. По примѣру Лапуновыхъ и рязанцевъ приходили изъ обоза Болотникова другіе дворяне и дѣти боярскіе и просили позволить имъ идти на враговъ въ Коломенское. Шуйскій не велѣлъ и не хотѣлъ начинать наступательной войны съ Болотниковымъ, пока не подойдетъ болѣе ратныхъ силъ въ Москву. Пришли, наконецъ, ожидаемыя ополченія дворянъ и дѣтей боярскихъ: Смоленской, Ржевской и Тверской земель, и стали на Дѣвичьемъ-Полѣ. Съ часу на часъ ожидали Двинскую рать.

Болотниковъ увидалъ, что тогда какъ онъ занимается укрѣпленіемъ своего обоза въ селѣ Коломенскомъ, въ Москву безпрепятственно проходятъ на службу Шуйскому ратныя силы. Надобно было начать приступъ. 26 ноября Болотниковъ перешелъ черезъ Москву-рѣку и направилъ свой главный напоръ на Гонную, или Рогожскую слободу, и въ то же время отправилъ по другой сторонѣ Москвы-рѣки часть ополченія, чтобъ не допускать прохода ратныхъ изъ Смоленской земли. Истома Пашковъ сталъ въ Красномъ селѣ, чтобы перервать сообщеніе съ Ярославлемъ и не допустить оттуда ратныхъ людей къ Москвѣ¹⁾.

Такъ распоряжались въ воровскомъ обозѣ, когда въ Москвѣ собирался походъ на воровъ.

Въ этотъ же день, въ Архангельскомъ соборѣ патриархъ Гермогенъ съ освященнымъ соборомъ отслужилъ молебенъ предъ гробомъ Димитрія. Ратные люди были собраны на Красную площадь. Послѣ молебна вынесли изъ Кремля съ цѣніемъ и колокольнымъ звономъ покровъ, которымъ были покрыты мощи царевича Димитрія. Духовенство окропляло ратныхъ людей св. водою. Затрубили тревогу. Двинулись на бой. Покровъ, отъ котораго ожидали чудотворной помощи, понесли впередъ къ Калужскимъ воротамъ. Царь, на своемъ боевомъ конѣ, поѣхалъ вслѣдъ. У Серпуховскихъ воротъ стоялъ молодой Михайло Васильевичъ Свопинъ-Шуйскій съ князьями — Андреемъ Голицынымъ и Татевымъ.

Рать Шуйскаго ударила на мятежниковъ, отбила ихъ, нахватала плѣнныхъ. Тогда Истома Пашковъ вдругъ оставилъ свой постъ и съ четырьмястами стрѣльцовъ, въ сопровожденіи товарищей своихъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ, пріѣхалъ въ Москву и поклонился Шуйскому. Болотниковъ прекратилъ нападеніе и ушелъ въ свой станъ²⁾.

Пашковъ своимъ переходомъ много пособилъ Шуйскому.

¹⁾ А. А. Э. II, 135.

²⁾ Нвк. лѣт. 83. — Врем. XVI, 60. — Petr. 208.

Когда его окружили москвичи и стали спрашивать, — онъ объявилъ, что Болотниковъ лжетъ — Дмитрія никакого нѣтъ!

— Развѣ онъ не въ Путивлѣ? — спрашивали москвичи.

— Его тамъ не бывало; Шаховской выдумалъ и разсказываетъ, будто онъ самъ въ Польшѣ, а ему приказалъ приводить къ присягѣ людей Московскаго государства. Никто не видалъ его, и никто не знаетъ, чтобъ онъ спастся! ¹⁾

Это извѣстіе такъ подѣйствовало на москвичей, что они стали тѣснѣе приставать къ Шуйскому; Дмитріево имя ихъ болѣе не соблазняло, а идти за Болотникова готовы были только одни бездомные бродяги, да безповойные холопи.

Шуйскій принялъ очень милостиво Истому, и расчелъ, что лучше прекратить смуту милостію. Онъ послалъ къ Болотникову, — увѣщевалъ сдаться и обѣщавъ ему важный чинъ за это.

Болотниковъ отвѣчалъ: «Я цѣловалъ крестъ своему государю Дмитрію Ивановичу, — положить за него животь. И не нарушу цѣлованія, не уподоблюсь измѣннику и клятвopеступнику Истомѣ. Вѣрно буду служить государю моему и скоро васъ провѣдаю ²⁾».

Послѣ этого отказа Михайло Скопинъ-Шуйскій съ княземъ Иваномъ Шуйскимъ, стоявшіе въ Даниловскомъ монастырѣ, за Серпуховскими воротами, 2 декабря, пошли въ Коломенское. Они рассчитывали, что хотя Болотниковъ похваляется, но силы его значительно уменьшились, послѣ отдѣленія дворянъ и дѣтей боярскихъ, и, кромѣ казаковъ, у него мало людей опытныхъ, — все войско его состояло изъ холопей и крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ ни пошло. Болотниковъ вышелъ противъ нихъ, при урочищѣ Котлахъ ³⁾, не выдержавъ напора, ушелъ въ Коломенское и заперся въ острогѣ, надѣясь на твердость этого острога. Тамъ его воеводы осадили. Они стрѣляли изъ пушекъ три дня, и не могли разметать острога, который былъ обсыпанъ землею по казацкому обычаю. Мятенники заповзли въ земляныя норы и укрывались тамъ отъ ядеръ, а огненные ядра утушали сырыми воловьими кожами. Наконецъ воеводы, узнавши ихъ хитрости, сдѣлали огненные ядра съ «нѣкоею мудростію», говорить лѣтописецъ ⁴⁾, такъ что угасить ихъ было невозможно, — и пожаръ распостранился внутри острога. Тогда Болотниковъ съ своимъ полчищемъ выскочилъ изъ острога и пустился бѣжать по Сер-

¹⁾ Petrei, 208.

²⁾ Petrei, 209.

³⁾ Рукop. Филар. 11.

⁴⁾ Врем. XVI, 61.

пуховской дорогѣ. Ратные люди погнались за нимъ, поражали бѣгущихъ и хватали плѣнныхъ, кидавшихъ оружіе. Казаки заперлись въ деревнѣ Заборьѣ и сдѣлали, по своему обычаю, укрѣпленіе изъ тройного ряда саней тѣсно связанныхъ и облитыхъ водою. Скопинъ - Шуйскій нашель, что нельзя далѣе преслѣдовать Болотникова и оставить позади себя непріятеля въ укрѣпленіи, изъ котораго онъ могъ сдѣлать на него вылазку сзади. Онъ осадилъ заборскій таборъ. Казацкій атаманъ Дмитрій Беззубцовъ предложилъ сдаться, если казаковъ не стануть убивать и примуть въ службу. Скопинъ далъ слово. Беззубцевъ вышелъ и положилъ оружіе. Скопинъ привелъ его въ Москву съ казаками. За Скопинимъ гнали туда такое множество плѣнныхъ, что по-турьмамъ въ Москвѣ не стало для нихъ помѣщенія. Ихъ помѣщали по палатамъ каменнымъ ¹⁾ и тамъ было тѣсно.

Царь простилъ казаковъ, сдавшихся въ Заборьѣ, принялъ ихъ въ службу и приказалъ размѣстить по дворамъ, а всѣхъ тѣхъ, которые взяты были въ плѣнъ, во время бѣгства или въ бою подъ Москвою, велѣлъ утопить (посадить въ воду) ²⁾, а иныхъ посадили на колъ. Михайло Скопинъ-Шуйскій, еще очень молодой, получилъ санъ боярина. Въ тотъ же санъ былъ возведенъ и Колычевъ, начальникъ ржевскаго ополченія. Большая была радость царю отъ этой побѣды: по государству въ вѣрные города послана была грамота; вездѣ благодарственныя молебствія, колокольный звонъ, а царь въ Москвѣ праздновалъ свое новоселье: онъ построилъ себѣ новый дворецъ, освятилъ его и учредилъ по обычаю пиръ боярамъ, а къ нему приходили съ поздравленіями и подносили подарки. Бывшій деревянный дворецъ Дмитрія еще не былъ сломанъ и стоялъ пустой; никто не рѣшился бы жить въ немъ.

Болотниковъ прибѣжалъ въ Серпуховъ, собралъ тамошнихъ жителей, которые пристали прежде на его сторону и спрашивалъ: «станетъ ли у васъ запасовъ, когда я останусь у васъ и будемъ отсиживаться?»

— Намъ самимъ ѣсть нечего! — отвѣчали серпуховцы ³⁾.

Тогда Болотниковъ отправился далѣе и остановился въ Калугѣ. Калужане, во имя Дмитрія, приняли его и взялись отсиживаться отъ Шуйскаго.

Шуйскому предстояло два способа вести войну противъ Бо-

¹⁾ Т. е. строеніямъ, назначеннымъ для храненія пожитковъ, преимущественно у купцовъ на дворахъ для храненія товаровъ.

²⁾ Ник. 88. — Времен. XV, 61. — Рук. Филар. 41. — А. А. Э. II, 136.

³⁾ Вязов. 72.

лотникова и уничтожить его. Или сосредоточить всѣ силы войска у Калуги, гдѣ засѣлъ предводитель возстанія; или раздѣлить войска на отряды и разсылать по разнымъ мѣстамъ, гдѣ противились царской власти и ожидали Димитрія, и такимъ образомъ усмирить возстаніе по частямъ. Шуйскій выбралъ послѣднее, вѣроятно полагая, что партія Болотникова слаба. Онъ отправилъ за Болотниковымъ свѣжую ратную силу подѣ Калугу, съ своимъ братомъ Иваномъ. За ними вслѣдъ поѣхали туда съ новыми силами: князь Мстиславскій, князь Михайло Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Данило Мезецкій, Борисъ Петровичъ Татевъ и другіе воеводы ¹⁾. За тѣмъ отряды пошли для усмиренія украинныхъ городовъ. Полагали, что эти воеводы одинъ за другимъ и возьмутъ украинные города.

Между тѣмъ, по прежнему, Шуйскій продолжалъ дѣйствовать на народъ нравственными мѣрами. Побѣда надъ Болотниковымъ была оглашена по всей Россіи, какъ дѣло великое, какъ явленіе Божіей благодати. Послѣ 26 ноября разосланы были грамоты къ владыкамъ съ извѣстіемъ о погромѣ и бѣгствѣ Болотникова. Архіереи приказывали мѣстнымъ духовнымъ начальствамъ созывать людей всѣхъ состояній и прочитывать въ церквахъ грамоту и служить молебны со звономъ. Божію благодать приписывали заступничеству святыхъ, между прочимъ, мѣстныхъ того края, куда посылался экземпляръ грамоты, и особенно силѣ новоявленнаго чудотворца Димитрія царевича. Въ грамотѣ поручалось народу блюстись отъ воровъ, и, гдѣбъ они не появлялись, тотчасъ же ловить и доставлять къ приказнымъ людямъ. Такія же грамоты отсылались по всей Руси въ монастыри ²⁾.

Шуйскій нашелъ полезнымъ для себя примирить народъ съ памятью Бориса и съ патриархомъ Іовомъ; связать тѣмъ самымъ свое царствованіе съ прежней исторіей до разстриги и возбудить еще болѣе вражды и омерзенія къ разстригѣ. Еще передъ пришествіемъ Болотникова, царь Василій приказалъ отрыть тѣло Бориса, его жены и сына въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Двадцать монаховъ несли тѣло Бориса, посвященнаго предъ смертію въ монашество, и двадцать бояръ и думныхъ лицъ знатнаго званія несли гробы: царицы Марьи и Ѳедора. Ихъ понесли къ Троицкимъ воротамъ. Множество монаховъ и священниковъ въ черныхъ ризахъ провожали ихъ съ надгробнымъ пѣніемъ. За ними ѣхала въ закрытыхъ саняхъ Ксенія. Народъ слышалъ ея причитанья и проклятіе убійцамъ. «Горько мнѣ безродной си-

¹⁾ Хроногр. Арх. Коммис.

²⁾ А. А. Э. II. 136.

ротѣ! вопила она, — злодѣй воръ, что назывался ложно Димитріемъ, погубилъ моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милаго братца, — весь мой родъ заѣлъ! И самъ пропалъ, и при животѣ своемъ и по смерти надѣлалъ бѣды всей землѣ нашей русской! Господи, осуди его судомъ праведнымъ! ¹⁾ Ихъ тѣла похоронили въ притворѣ у Троицы, близъ Успенской церкви.

Въ февралѣ 1607 года, царь придумалъ новую церемонію въ томъ же родѣ. По совѣту его патриархомъ Гермогеномъ посланы въ отставленному патриарху: Крутицкій митрополитъ Пафнутіи съ духовными лицами, приглашать Іова въ Москву, чтобы тамъ снять съ московскихъ людей тяготѣвшее на нихъ бремя вѣтвопреступленія. Для бывшаго патриарха послана была изъ царской конюшни царская каптана, обитая внутри соболями въ восемь лошадей.

14-го февраля пріѣхалъ Іовъ въ Москву. 16-го составили грамату и оповѣстили всѣмъ жителямъ столицы, чтобы 20 февраля, въ пятницу — всѣ гости, торговые и посадскіе люди, мастеровые, служилые и всѣ вообще явились въ Кремль, въ Успенскій соборъ. Помѣститься всѣмъ было не возможно въ соборѣ, и большинству приходилось наполнять Кремль. Составили челобитную отъ гостей и торговыхъ людей, какую слѣдовало подать въ церкви патриарху.

Въ назначенный день, при многочисленномъ стеченіи народа, бывший патриархъ вошелъ въ соборную церковь, приложился къ образамъ, и сталъ у патриаршаго мѣста. Новый патриархъ Гермогенъ отправлялъ богослуженіе. Потомъ, выборные для подачи челобитной подошли къ патриарху. Одинъ проговорилъ ото всѣхъ рѣчь, и просилъ прочитать ясно и внушительно.

Патриархъ Гермогенъ приказалъ прочитать челобитную съ амвона архидакону Олимпію. Въ ней московскіе люди сознавались въ своемъ преступленіи, — что, присягнувъ Борису и Федору, они приняли на государство Московское вора Отрепьева и за это остались связанными отъ святаго патриарха. Было сказано: ....«Не только живущіе во градѣ семъ, но и живущіе во всѣхъ градѣхъ страны сей просятъ разрѣшенія и прощенія, — какъ живымъ отъ мала до велика, такъ и тѣмъ, которые уже отошли отъ міра сего прежде....» По прочтеніи этой челобитной, прочитана была прощальная и разрѣшительная грамота отъ бывшаго патриарха. Припоминая прошедшія событія, патриархъ теперь объявилъ, что настоящій Димитрій убитъ въ Угличѣ; но не смѣлъ назвать убійцу, потому что прежде называлъ этого убійцу

¹⁾ Bussov. 69.

законнымъ царемъ. Онъ разрѣшалъ и въ семь вѣкѣхъ и въ будущемъ весь народъ отъ клятвопреступленія Борису и его дѣтямъ, и, съ своей стороны, просилъ у всѣхъ прощенія за свое заглаваніе.

Такимъ образомъ, было видно и понятно, что прежде бывшій патріархъ признавалъ предъ всѣмъ народомъ законность вступленія на престолъ Василя по родовому праву ¹⁾. Окончивъ обрядъ, патріархъ уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ скоро скончался.

Такъ, всѣми средствами Шуйскій старался утвердить власть свою, основанную не на избраніи страны, а на крикахъ подученной толпы. Шуйскій самъ себѣ противорѣчилъ: онъ объявилъ Бориса убійцею Димитрія и слѣдовательно незаконнымъ подыскателемъ престола, на который онъ не могъ взойти, еслибъ Димитрій былъ живъ. Мощи Димитрія творили чудеса въ обличеніе злодѣянія Борисова, — и тотъ же Шуйскій овазываетъ всенародную честь праху убійцы Димитрія и призываетъ бывшего патріарха разрѣшить народу тягость его преступленія; а это тяжелое преступленіе — невѣрность Борису, тогда какъ Борисъ, будучи объявленъ злодѣемъ-убійцею святого младенца, не могъ, въ глазахъ народа, быть лицомъ, которому надобно было сохранить вѣрность. Такъ, обстоятельства запугивали Шуйскаго. Онъ, какъ говорится, словно утопающій за соломинку хватался, за все, лишь бы удержаться. Нравственнаго успѣха было для него мало отъ всего этого! Шуйскій держался на престолѣ болѣе всего страхомъ всеобщаго раззоренія, которое грозило отъ восстававшихъ шаекъ черни, и отсутствіемъ таковаго лица, къ которому бы могло устремиться народное желаніе въ это смутное время.

VI.

Примѣръ украинныхъ городовъ. — Осада Болотникова въ Калугѣ. — Явленіе царевича Петра. — Пораженіе царскаго войска подъ Калугою. — Болотниковъ и царевичъ Петръ въ Тулѣ.

Разсчетъ царя на упадокъ силъ Болотникова былъ не совсемъ вѣренъ. На югѣ, въ краю, который тогда носилъ общее названіе украинныхъ городовъ, былъ другой духъ, чѣмъ въ Москвѣ и собственно въ московской землѣ, или московщинѣ. Уже давно московскіе государи старались утвердить полное единство земли и слитіе всѣхъ народныхъ мѣстныхъ интересовъ подѣ

¹⁾ А. А. Э. II. 148—160.

властію и нравственнымъ первенствомъ Москвы, такъ чтобъ вся Русь не думала и не чувствовала иначе отъ Москвы. Но стихія древней раздѣльности искала себѣ исхода и находила въ южныхъ областяхъ. Чѣмъ далѣе русская жизнь шагала на югъ отъ Москвы, тѣмъ ослабѣвало въ народномъ сознаніи слитіе частей Руси, тѣмъ народъ былъ вольнѣе и своеобразнѣе, тѣмъ болѣе было мѣстныхъ особенностей и стремленій не подчиняться Москвѣ. Полное явленіе этого свободнаго, противодѣйствующаго московскимъ государственнымъ интересамъ, начала, было въ казачествѣ. Но казачество не отдѣлялось отъ русскихъ земель непрерывною границею. Если не по опредѣленнымъ формамъ, то по духу оно было, такъ сказать, въ череполосномъ владѣніи съ государствомъ. Земля Сѣверская, земля преимущественно называемая Украинною (т. е. земля нынѣшнихъ губерній — Орловской, Воронежской, Калужской, Тульской), и земля Рязанская — заключали въ себѣ много казацкаго, противнаго тому, чего хотѣла государственная власть. Оттого Іовъ въ своей граматѣ и называлъ сѣверскую украину «прежде погибшею (давно погибшею) землею». Въ украинныхъ городахъ было убѣжище всего, что не уживалось въ центрѣ Россіи и въ старыхъ ея областяхъ. Туда укрывались бѣглецы холопы и крестьяне, недовольные произволомъ помѣщика, приказчика или міра, не хотѣвшіе платить поборовъ посадскіе, не желавшіе служить дѣти боярскіе; туда ускользали сдѣлавшіе преступленіе и ожидавшіе казни; самыя служилые люди посылались туда въ видѣ наказанія. Земли для жителей было вдоволь — за собственность полей не приходилось спорить. Отдаленность отъ столицы и вслѣдствіе этого недостатокъ надзора давали тамошнему населенію болѣе свободы. Неожиданныя находенія крымскихъ татаръ заставляли жителей вообще держаться на военной ногѣ, приучали къ оружію, развивали духъ удалства и наѣздничества. Небезпечность жизни мѣшала строгой осѣдлости и гражданскому порядку. Тамъ было приволье, раздолье! Тамъ была игра опасностей, охота къ приключеніямъ — тамъ все необычное, какъ, на примѣръ, чудесное спасеніе царя, находило и вѣру и сочувствіе! Сказка была подъ стать раздольному житью-быттю украинныхъ земель; жизнь строгая являлась тамъ въ видѣ гнета. Тамъ кипѣли побужденія нежившихся подъ государственнымъ строемъ, искавшихъ другого строя жизни, и потому такъ легко приставали украинцы къ новому знамени, когда оно поднималось противъ Москвы. Для многихъ же — стать подъ это знамя, было приманчиво, потому что они видѣли тутъ возможность добычи, — и хотѣлось имъ пожить славно, хотя бы коротко, на счетъ ста-

рой Руси, раздѣлать ея богатства и корысти. Подъ бокомъ украинскихъ городовъ, съ одной стороны, было донское, съ другой — днѣпровское казачество. И то и другое, по первому свисту, готово было двинуться въ сѣверу и стать заодно съ украинскими городами, чтобъ начать смуту.

Отъ этихъ причинъ, воеводы, посланные на украинные города, встрѣчали вездѣ сопротивленіе и были отбиты. Воеводы подъ Калугой также плохо успѣвали. Пытались они зажечь острогъ¹⁾, гдѣ сидѣлъ Болотниковъ. Для этого рубили лѣсъ и дѣлали деревянную гору, которую хотѣли влечь такъ, чтобы она становилась все ближе и ближе къ острогу, потомъ воспользоваться погодою, когда вѣтеръ будетъ дуть на Калугу, и зажечь. Но Болотниковъ не допустилъ этой деревянной горѣ подойти подъ стѣны своего острога, — высочилъ и самъ съегъ деревянную гору тогда, когда она еще была далеко отъ острога. Приступы ратныхъ царскихъ силъ не удались; на нихъ люди были побиты и поранены, а города все таки не взяли¹⁾. Болотникову приходилось выносить долгую и тяжелую осаду. Шаховской послалъ было на выручку ему отрядъ, подъ начальствомъ князя Мосальскаго, но царскіе бояре предупредили его и выслали изъ обоза Ивана Никитича Романова съ Мезецкимъ. Эти воеводы напали на воровъ при рѣкѣ Выргѣ. Была сѣчь кровавая. День и ночь бились. Мосальскій палъ въ битвѣ. Большая часть его людей погибла, а остальные въ отчаяніи, чтобъ не достаться побѣдителямъ, сѣли на бочки съ порохомъ, зажгли ихъ, и взлетѣли на воздухъ²⁾.

Воеводы, осаждавшіе Калугу, обрадовались этому успѣху и думали, что Болотниковъ теперь, лишившись подмоги, упадетъ духомъ. Извѣстили его о пораженіи Мосальскаго и предложили просить милости. Болотниковъ посмѣялся надъ ними. Въ Калугѣ еще не истощился запасъ и хлѣба, и меду, и пшена, и пороку и свинца; а казаки были воины храбрые и терпѣливые... Осада продолжалась цѣлую зиму и походила на осаду Кромъ. Царскія войска расположились станомъ: пьянствовали, играли въ зернь; въ станѣ набилось много веселыхъ женщинъ; часто ратные люди были оплошны и терпѣли за то. Не разъ изъ Калуги Болотниковъ неожиданно выскакивалъ и причинялъ опустошенія: казаковъ убьютъ человекъ три, четыре, а московскихъ ратныхъ людей, захваченныхъ врасплохъ, человекъ пятьдесятъ. Воеводы, когда имъ надоѣдала осада, предпринимали приступы,

¹⁾ Нил. 84.

²⁾ Нил. 85.

и всегда дѣло оканчивалось большою потерей людей и лошадей. Осада продолжалась до самой весны. Царю было видно, что не представлялось возможности взять Болотникова въ Калугѣ, а въ другихъ мѣстахъ дѣла шли неудачно — и мятежъ прибывалъ и усиливался....

Тутъ явился къ услугамъ Шуйскаго одинъ нѣмецъ, жившій въ Москвѣ; имя его было Фридрихъ Фидлеръ. Былъ онъ родомъ изъ Кенигсберга, занимался аптекарскимъ дѣломъ. Онъ велѣлъ передать Шуйскому, что берется освободить русскую землю отъ Болотникова.

— Я знаю яды — говорилъ онъ Шуйскому, когда его призывали. — Я передамъ Болотникову и изведу его! Я покажу свое радѣнье къ тебѣ, государь, и государству Московскому.

— Если ты вѣрно послужишь мнѣ эту службу, — я дамъ тебѣ помѣстья и много денегъ! — сказалъ ему царь — только ты мнѣ присягнешь, что не учинишь измѣны.

Фидлеръ произнесъ такую присягу: «Во имя всехвальной Троицы, клянусь отравить ядомъ врага государства и всей русской земли Ивана Болотникова. Если жъ я этого не сдѣлаю, если ради корысти, я обману государя, — то не будетъ мнѣ части въ царствіи небесномъ, и подвигъ Господа Христа, сына Божія, пребудетъ на мнѣ тощъ, и сила Духа Святаго да отступится отъ меня, и не почиетъ на мнѣ утѣшеніе Его! Святые ангелы, хранители христіанскихъ душъ, да не помогаютъ мнѣ, — и все естество, созданное на пользу человѣка да будетъ мнѣ во вредъ! Пусть тогда всякое зелье и всякая ѣда станетъ мнѣ отравою! Пусть земля живымъ поглотитъ меня, и дьяволъ овладѣетъ душою и тѣломъ, и буду мучиться во вѣки! И если я обману своего государя, не учиню такъ, какъ обѣщаль, и не погублю отравою Болотникова, да пойду въ исповѣди, и священникъ меня разрѣшитъ отъ этихъ клятвъ, то священническое разрѣшеніе не должно имѣть силы!»

Клятва эта до того была страшною, говоритъ современникъ, что волосы дыбомъ поднимались у тѣхъ, кто слышалъ ее. Шуйскій повѣрилъ Фидлеру, далъ 1,000 рублей и коня. Задавокъ былъ великъ; обѣщаній дали ему гораздо больше!

Фидлеръ отправился въ Калугу, передался Болотникову и сказалъ: «Шуйскій послалъ меня отравить тебя; но у меня нѣтъ того въ мысляхъ. Вотъ ядъ — дѣлай съ нимъ, что хочешь!»

Болотниковъ оставилъ его у себя. Неизвѣстно, что Фидлера побудило такъ поступить. Всего вѣроятнѣе, что, явившись въ Калугу, онъ не избѣжалъ на себя подозрѣнія, и чтобъ выпутаться

изъ него, рѣшился отъкрыть замыселъ Шуйскаго, чтобы самого себя спасти отъ мести Болотникова. Когда въ Москвѣ объ этомъ узнали — стали колотъ глаза всѣмъ нѣмцамъ этимъ поступкомъ. — Вотъ какова честность нѣмецкая! — говорили москвичи.

Къ концу зимы, однако, запасы истощились, сообщеніе было прервано, и въ Калугѣ начинался недостатокъ. Но холопы и казаки, составлявшіе ратную силу, довольствовались малымъ, и уже, за недостаткомъ говядины и хлѣба, ѣли лошадей, но могли еще держаться. Хуже всякой осады, Болотникова тяготило то, что Дмитрія, котораго онъ ждалъ, не было. Напрасно Шаховской писалъ къ Молчанову, чтобы Дмитрій скорѣе ѣхалъ въ Москву. Самъ Молчановъ порисовался не много въ званіи Дмитрія, поманилъ этимъ и подурачилъ жену Мнишка, хотѣвшюу какаго бы то ни было мщенія за мужа и дочь; набралъ денегъ, что ему жертвовали для предпріятія, да потомъ рассудилъ, что гораздо благоразумнѣе удалиться отъ тревоженій и опасностей, и пересталъ называться Дмитріемъ, остался пока въ Польшѣ до поры до времени зажиточнымъ господиномъ. Надобно было отыскать другаго Дмитрія... А между тѣмъ Шаховской напелъ, что, пока не явится Дмитрій, смуту въ Московскомъ государствѣ можетъ поддерживать Петръ.

Еще въ послѣднихъ мѣсяцахъ царствованія названнаго Дмитрія, на побережьяхъ Каспійскаго моря, терскіе и волжскіе казаки стали досадовать и завидовать донскимъ, что тѣ, послуживъ Дмитрію, пользовались отъ него выгодами. Эти казаки были гнѣшіе, проводили большую часть жизни на лодкахъ, а въ рядахъ ихъ были бѣгле холопы и разные бездомные и безыменные люди, которымъ судьба не давала счастья и удачи на Руси. Терскіе казаки стали думать — какъ бы имъ поживиться: громить ли турецкія суда на Курѣ, идти ли служить шаху казильбашскому. Они между прочимъ такъ говорили въ своемъ кругу: «Государство и хотѣлъ бы насъ пожаловать, да лихіе бояре переводятъ каюванье, а намъ его не даютъ.» Тутъ выбралось изъ нихъ человекъ триста, что ни-есть отважныхъ; у нихъ головой былъ атаманъ Федоръ; съ нимъ они пустились на казачье воровское умшленіе. «Вотъ что братцы, — стали говорить они, — какъ бы кто да назвался царевичемъ Петромъ! Будто былъ сынъ у царя Федора, вмѣсто дочери, и будто сына подмѣнили дочерью; что назвали дочерью — та умерла, а настоящій сынъ, царевичъ, здравствуетъ. То-то бы мы много шуму надѣлали по Волгѣ и добычи получили!» Такая мысль пришла имъ въ голову послѣ того, какъ Борисъ распустилъ слухъ, что идущій на него, подъ именемъ Дмитрія, есть обманщикъ, назвавшій себя ложно Ди-

митріемъ. Казаки сами, вѣроятно, не додумались бы до этого, еслибъ имъ не подали примѣра.

Оказалось у нихъ двое, годящихся на такое дѣло: одного звали Илейкою, другого — Митькою. Митька былъ сынъ астраханскаго стрѣльца. «Я — сказалъ Митька — на Москвѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не знаю. Я родился и жилъ все въ Астрахани.»

— А я — сказалъ Илейка — въ Москвѣ бывалъ; какъ жилъ въ Нижнемѣ, такъ ѣздилъ въ Москву и прожилъ тамъ съ Рождества до Петрова дни у подъячаго Дементія Тимоѣева, у св. Володимира - въ - Садахъ.

— Ну, такъ тебѣ же быть Петромъ! — воскликнули казаки. Илейка сталъ Петромъ.

Этотъ Илейка (какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ свою біографію) былъ родомъ изъ Мурома. Жилъ тамъ торговый человекъ, звали его Тихономъ; у него была жена Ульяна. Она покинула мужа и жила съ посадскимъ человекомъ Иваномъ Коровиннымъ, и отъ такого беззаконнаго сожительства родился сынъ Илейка. Когда отецъ его умеръ, — мать, по завѣщанію умершаго, постриглась въ Воскресенскомъ муромскомъ монастырѣ и тамъ скоро умерла. Илейка остался безъ пріюта, безъ рода безъ племени. Онъ началъ ходить по наймамъ. Сначала взялъ его къ себѣ нижегородскій человекъ; жилъ онъ у него въ сидѣльцахъ, продавалъ яблоки и горшки. Тутъ онъ и въ Москву ѣздилъ, какъ показывалъ. И такъ, въ званіи сидѣльца, прожилъ онъ года три. Но не полюбилась эта жизнь Илейкѣ, — онъ пошелъ служить въ кормовыхъ казакахъ на судахъ и плавалъ по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани. Въ этомъ званіи онъ пробылъ также года три и служилъ у разныхъ хозяевъ. Изъ Нижняго отправится на суднѣ въ Астрахань, тамъ заимуетъ и кормится мелкою торговлею: накупить по кожѣ, да по холсту у торговаго человека и идетъ на татарскій базаръ, продастъ это — перепадетъ ему денегъ пять, либо шесть, — тѣмъ и кормится. Придетъ весна — Илейко пристанетъ къ какому нибудь купцу, доплыветъ до Казани — тутъ поживетъ; потомъ, опять съ кѣмъ нибудь плыветъ на суднѣ либо въ Нижній, либо въ Астрахань. Кормовые казаки получали содержаніе отъ хозяина и работали то, что прикажетъ хозяинъ. Илейка занимался по части страпни. Судьба заносила его въ хлыновскую Вятку, и тамъ жилъ онъ полтора года; а потомъ онъ очутился на поволжскомъ низовѣ снова. Илейка многого насмотрѣлся, многого натерпѣлся. Житье бурлацкое ему надоѣло. Онъ пошелъ въ военное званіе. Тогда бывало: если служащій стрѣлецъ заболѣетъ или просто не за-

хочетъ идти въ походъ, то нанимаетъ вмѣсто себя кого нибудь. Въ Казани Илейка нанялся вмѣсто племянника стрѣлцаго пятидесятника, и ходилъ въ походъ въ Тарки, противъ Шамхала, а потомъ воротился въ Астрахань. Житье военное ему полюбилось. Но хотѣлось ему вести его повольнѣе; онъ присталъ къ вольнымъ казакамъ и подружился съ казаками: Нагибовъ, да Наметкою, вошелъ чрезъ нихъ въ казакскій кругъ, и, какъ сказано выше, поступилъ въ царевичи ¹⁾.

Выдумка трехсотъ молодцовъ понравилась всему терскому казачеству. Какъ только разнесся слухъ, что явился Петръ, такъ и нахлынуло къ нему казаковъ четыре тысячи. Терскій воевода Петръ Головинъ узналъ, что у казаковъ затѣвается что-то недоброе, потребовалъ ихъ на сборъ, въ Теркъ. Они его не послушали и поплыли къ верху по Волгѣ. Димитрію дали знать объ этомъ. Онъ послалъ къ казакамъ Третьяка Юрлова съ грамотою, и приглашалъ называющаго себя Петромъ ѣхать въ Москву, если онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ; а если онъ чувствуетъ за собой, что онъ не царевичъ, то пусть лучше удавится сворѣе изъ предѣловъ Русскаго государства ²⁾.

Царевичъ поплылъ далѣе вверхъ по Волгѣ и давалъ знать, что ѣдетъ къ своему дядюшкѣ, царю. Конечно, онъ едва ли считалъ возможнымъ явиться въ Москву; тамъ бы его подвергнули испытанію — точно ли онъ Петръ. А такъ какъ ему доказать этого нельзя было, то дѣло кончилось бы тѣмъ, что его бы тамъ повѣсили. Казакамъ хотѣлось попользоваться именемъ царевича, чтобъ удобнѣе надѣлать смуты по Волгѣ и пограбить суда и города. Такъ доплыли они до Свияжска и поднимались вверхъ. У Вязовыхъ горъ, стрѣлцкій голова изъ Кокшайска сказалъ имъ, что разстригу убили, — они поворотили назадъ. Доплывая до Казани, они смекнули, что воеводы не пропустятъ ихъ назадъ; въ Казани былъ воеводой Василій Петровичъ Морозовъ, а въ другихъ (т. е. въ товарищахъ) у него былъ только что сосланный туда Богданъ Бѣльскій. Казаки послали въ Казань Третьяка Юрлова съ сорока товарищами извѣстить, что они согласны выдать вора, который называется именемъ царевича Петра, — приведутъ и отдадутъ его сами посланные — цѣловали крестъ на томъ за своихъ товарищей. Бояре имъ повѣрили и не радѣли о караулѣ на Волгѣ. Этимъ пользуясь, казаки проѣхали на низъ, держась берега нагорной стороны; плывя далѣе внизъ, они ограбили нѣсколько промышлен-

¹⁾ А. А. Э. II, 174.

²⁾ Маржер. 91.

ныхъ судовъ, грабили волжскіе городки, а у Царицына ограбили и убили посла, отправленнаго Шуйскимъ къ шаху Аббасу; убили тутъ же и воеводу Авинфіева¹⁾. Погулявъ по Волгѣ, они переправились обычнымъ путемъ сообщенія Волги съ Дономъ — по Камышенеѣ; оттуда переволоклись на рѣку Илавлю, впадающую въ Донъ, а потомъ поплыли по Дону.

До нихъ доходили вѣсти о волненіяхъ на югѣ Московскаго государства; они слышали, что казаки, ихъ братья, уже отправились помогать новому Дмитрію. И Петръ съ своими отправился въ ту же сторону, искать счастья. Отъ Монастырища онъ поплылъ по Донцу. Тутъ явился къ нему посланецъ Шаховскаго Горайно, изъ Путивля, и говорилъ: «иди, царевичъ Петръ, воевать за царя Дмитрія и за себя противъ похитителя престола Шуйскаго!» Петру былъ на-руку такой зазывъ; ему и прежде хотѣлось, чтобъ его позвали; и онъ продолжалъ плыть вверхъ по Донцу на стругахъ. Казаки напали на Царевъ-Борисовъ, который еще не поддавался тѣни Дмитрія. Его защищали воеводы: Михайло Богдановичъ Сабуровъ и князь Юрій Пріимковъ-Ростовскій. Казаки взяли городъ и воеводъ полонили. Отсюда они поплыли по Осколу, взяли въ острогъ Осколъ воеводу Матвѣя Бутурлина, переволоклись на Сеймъ и достигли Путивля. Здѣсь Петръ показалъ свою царскую грозу. Въ Путивлѣ уже сидѣло нѣсколько плѣненныхъ воеводъ и дворянъ подъ карауломъ. Царевичъ приказалъ ихъ всѣхъ побить. Казаки и холопы затѣвали надъ ними всякія потѣхи: однихъ бросали въ ровъ со стѣны, другихъ съ башенъ; а на кого изъ нихъ были особенно злы — тѣхъ распинали по стѣнамъ, прибивали руки и ноги гвоздями, а потомъ разстрѣливали изъ пищалей. Таки погибъ, между прочимъ, князь Бахтеяровъ, котораго Шаховской, смѣнивши своею особою, не отпустилъ. Убивши его, Петръ царевичъ взялъ дочь его къ себѣ «на позоръ, на постелю»²⁾. Послѣ такой расправы, Петръ объявилъ, что идетъ за холоповъ и меньшихъ людей противъ большихъ и лучшихъ.

Болотниковъ былъ сострадательнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ царевичъ казацкаго произведенія. Болотниковъ хоть и былъ холопъ по рожденію, но въ малолѣтствѣ увезенъ изъ Россіи; онъ свое горе и униженіе перенесъ на чужой сторонѣ, и потому у него злоба къ высшимъ и большимъ людямъ была слабѣе, чѣмъ у Петра, который выросъ и жилъ въ нуждѣ, мыкалъ горе на русской землѣ и теперь имѣлъ возможность на другихъ выли-

¹⁾ Никон. 80.

²⁾ Никон. 80.

вать горечь сердца, разъядаемаго тяжелыми воспоминаніями. Петръ былъ самый послѣдній человѣкъ, какимъ считался на Руси незаконнорожденный сынъ. Теперь этотъ, по рожденію послѣдній, сдѣлался по рожденію первымъ и упивался призрачнымъ величіемъ своей роли, заглушая сознаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ ¹⁾. Впрочемъ, онъ могъ своевольствовать, на сколько ему позволялъ Шаховской. Послѣдній съ нимъ обращался какъ съ царевичемъ только оттого, что ему нужна была какая-бы то ни была фигура съ царственнымъ призракомъ, лишь бы тянуть смуту и погубить Шуйскаго. Шаховской не обѣщала Петру престола, потому что, какъ увѣрялъ, былъ живъ коронованный царь Димитрій, его дядя, а Шаховской сдѣлала его только пособникомъ и намѣстникомъ Димитрія. Тогда о Петрѣ Ѳедоровичѣ, царевичѣ, сочинили и распустили такую исторію: жена царя Ѳедора Ивановича боялась брата своего Бориса, который уже мѣтилъ на царство. Пришлось ей родить. Она родила сына. Но чтобъ Борисъ не извелъ младенца, она подмѣнила его дѣвочкою, сказала будто родила дочь, а сына отдала на воспитаніе Андрею Щелкалову и на попеченіе князя Мстиславскаго. Царевичъ росъ у жены Щелкалова за ея собственнаго сына полтора года, а потомъ его отдали Ѳедору (или Григорію) Васильевичу Годунову, который также зналъ тайну: у него онъ жилъ два года, потомъ его отдали въ монастырь, недалеко отъ Владимира на Клязьмѣ, игумену, и тотъ научилъ ребенка грамотѣ. Когда онъ грамоту узналъ, игумень написалъ Григорію Васильевичу, считая ребенка его сыномъ, но того уже не было въ живыхъ, а родные его сказали: «у племянника (т. е. родного) нашего не было сына; не знаемъ откуда взялся этотъ мальчижь.» И пошли они съ нимъ къ Борису, а тотъ написалъ къ игумену, чтобы прислалъ мальчика къ нему. И мальчика повезли къ Борису. Но царевичъ догадался, что ему грозитъ что-то недоброе, и убѣжалъ съ дороги, и прибѣжалъ къ князю Бартинскому и скрывался у него, а потомъ убѣжалъ къ донскимъ казакамъ, гдѣ и объявилъ про себя ²⁾.

¹⁾ Впрочемъ не всѣ современники признаютъ Петра царевича незаконнымъ сыномъ. Есть извѣстіе въ хронографѣхъ, что онъ былъ родомъ муромецъ, сынъ сапожника и служилъ въ стрѣльцахъ. Другое извѣстіе, также въ хронографѣхъ, называетъ его уроженцемъ Звенигорода; звали его Петрушка, ремесломъ онъ былъ гончаръ и назывался онъ сыномъ не Ѳедора, а Ивана Ивановича. Въ послѣднемъ извѣстіи ошибкою отнесена къ этому Петру біографія другого самозванца, явившагося позже и дѣйствительно называвшагося сыномъ царевича Ивана Ивановича. Мы признаемъ достовернѣе извѣстіе, основанное на собственномъ его показаніи, снятомъ послѣ того, какъ онъ былъ взятъ Шуйскимъ.

²⁾ Рукоп. Bibl. Krasnisk.

Явленіе Петра поддержало возстаніе, а иначе оно должно было угаснуть, когда не являлся Димитрій. Новое лицо царскаго достоинства, чудесно спасшееся, не давало успокоиться взволнованному народному воображенію. Пришедшіе казаки составляли для смуты военную силу, болѣе крѣпкую, чѣмъ толпы крестьянъ и холопей. Въ добавокъ, на радость Шаховскому, пришли служить еще не найденному Димитрію полки запорожцевъ. Они почували, что въ Московскомъ государствѣ безурядица, и бѣжали туда искать себѣ рыцарской славы.

Шаховской отправилъ Петра въ Тулу, а за нимъ двинулся и самъ. Надобно было выручить изъ осады Болотникова и его также присоединить къ себѣ въ Тулу. Въ началѣ мая Шаховской послалъ на войско, осаждавшее Калугу, отрядъ подъ начальствомъ князя Андрея Телятевскаго. Московскіе воеводы, находившіеся подъ Калугою, узнали объ этомъ отъ языковъ заблаговременно. Имъ пришлось выбирать что нибудь изъ двухъ: либо дожидаться, пока на нихъ нападутъ подъ самую Калугу, либо не допускать Телятевскаго и выслать противъ него отрядъ. Они выбрали послѣднее — послали на Телятевскаго часть своего войска съ князьями: Борисомъ Татевымъ и Андреемъ Черкасскимъ. Этотъ отрядъ встрѣтилъ Телятевскаго на берегу рѣки Пчельни, сталъ биться и былъ разбитъ на-голову. Оба князя — предводители царскаго отряда — пали въ битвѣ. Рать ихъ побѣжала въ лагерь подъ Калугу 2 мая, и тамъ сдѣлалось великое смятеніе и разстройство. Въ это время воеводы опять задумали зажечь городъ. Повезли груды дровъ, соединенныя вмѣстѣ въ сплошной дровяной валъ; за нимъ двинулись туры, заслонявшія ратныхъ людей. Уже одинъ конецъ дровяного вала близился къ городской стѣнѣ.... и вдругъ, подъ этимъ валомъ, съ громомъ и трескомъ, поднялась земля, и бревна, дрова, туры, лошади, люди разлетѣлись!... на остальное войско напалъ неописанный страхъ: никто не ждалъ этого, никто не понималъ, — что это?... ратные бѣжали во всѣ стороны; брошены пушки, возы; никто не успѣлъ даже схватить платья или ручнаго оружія. Оказалось послѣ, что Болотниковъ, узнавши заранее, что замышляютъ противъ него, устроилъ подземельный ходъ, подкатилъ туда пороху и зажегъ его въ то время, какъ только дровяной валъ сталъ на мѣстѣ подкопа. Воеводы также бѣжали безъ оглядки. Тогда выскочили осажденные; и начали говорить современникъ¹⁾, разбойники и богоотступники посѣкать безъ милости царское войско. Многие (въ степенной книгѣ го-

¹⁾ Хроногр. Археогр. комм.

воротятся тысячь пятнадцать — число безъ сомнѣнія преувеличенное) передались неприятелю. Даже нѣмцы, обыкновенно честно исполнявшіе договоръ, перешли тогда къ Болотникову. Только Михайло Скопинъ-Шуйскій и здѣсь показалъ себя, что не похожъ на другихъ. Онъ съ своимъ полкомъ не бѣжалъ, а мужественно, въ порядкѣ, отступилъ, отбиваясь отъ Болотникова. Въ рядахъ его войска былъ прежній сподвижникъ Болотникова, Истома Пашевъ. Теперь онъ, дворянинъ, грудью стоялъ за дворянское и царское дѣло. Говорили послѣ, что въ царскомъ войскѣ была измѣна: нѣкоторые подумали, что если и впрямь Дмитрій живъ и возьметъ верхъ, тогда можно передъ нимъ черезъ это выслужиться.

Болотниковъ выступилъ изъ Калуги и соединился съ Телятевскимъ. Ихъ полчище пришло въ Тулу, а тамъ были уже Петръ и Шаховской.

VII.

Сборъ и походъ царя на мятежниковъ. — Осада Тулы. — Заточеніе. — Взятіе Тулы. — Судьба мятежниковъ. — Нѣсколько названныхъ царевичей.

Пораженіе царскаго войска подъ Калугою сильно встревожило Москву. Ожидали, что полчище Болотникова, теперь усиленное казаками, снова подступитъ къ столицѣ. Царь сталъ думать думу съ боярами — порѣшили, что слѣдуетъ идти на войну самому царю. Положили сколько собрать со всего государства ратныхъ по сохамъ. Судя по грамотѣ въ Бѣлозерскій уѣздъ, брали по шести человекъ съ сохи — по три конныхъ и по три пѣшихъ. Этихъ людей брали съ посадовъ, со всѣхъ волостей, съ дворцовыхъ, съ черносопныхъ, съ патриаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ, монастырскихъ и съ имѣній свѣтскихъ владѣльцевъ, если эти владѣльцы сами не были на службѣ лично, именно съ имѣній, принадлежащихъ вдовамъ, недорослямъ, приказнымъ людямъ и бѣгавшимъ со службы. Воеводы должны были принимать даточныхъ людей и выдавать имъ жалованье за два мѣсяца впередъ, по 2 рубля. Эти деньги собирались съ тѣхъ же имѣній, которыя доставляли даточныхъ людей. Ратные даточные люди должны быть не стары, не увѣчны, не замѣчены въ дурномъ поведеніи, не зернщики, и вооружены луками, пицалами, рогатинами и бердышами. Послѣ того, какъ снаряжали даточныхъ людей, ихъ раздѣляли на десятки, пятидесятки; выбирали изъ посадскихъ и волостныхъ людей надъ ними пятидесятскихъ и десятскихъ. Ихъ отправили въ Серпу-

ховъ, сборное мѣсто царскаго войска. Съ прибытія на это мѣсто считалась за ними служба, и они съ этого времени получали жалованье; дорога отъ мѣста ихъ жительства до Серпухова не входила въ расчетъ. Деньги, собираемыя въ посадахъ и уѣздахъ, слѣдовало присылать въ Москву съ волостными старостами и цѣловальниками въ тѣ приказы, куда приписаны были по управленію земли, откуда высылались даточные люди ¹⁾. Пока даточные сходились въ Серпуховъ, 21 мая, выступилъ изъ Москвы царь съ тѣмъ войскомъ, какое у него было въ наличности. Московю править остался братъ царскій Дмитрій и князья: Одоевскій и Трубецкой.

Патріархъ оповѣстилъ по всему Московскому государству объ этомъ походѣ и указывалъ въ грамотѣ, кто были измѣнники царя. Это были тати и разбойники: холопи боярскіе и казаки донскіе и волжскіе.

Московское государство раздѣлилось на два лагеря: въ одномъ былъ царь и все, что считало себя лучшимъ по роду, по богатству и по значенію; на время оставлены родословные счеты: бояре, дворяне и дѣти боярскіе, люди торговые — стали какъ бы однимъ сословіемъ. Теперь имъ угрожалъ врагъ всѣмъ опасный въ равной степени. Въ противоположномъ лагерѣ было все безыменное, худое, обиженное обстоятельствами, владѣемое и ничѣмъ не владѣвшее, битое и никого не смѣвшее побить, гнетомое закономъ и не находившее въ законѣ для себя позволенія гнуть другихъ. Кромѣ немногихъ, или дѣйствительно обманутыхъ, или ловившихъ въ мутной водѣ рыбу — людей лучшихъ и даже середнихъ тутъ не было.

Шуйскій стоялъ болѣе мѣсяца въ Серпуховѣ, дожидаясь сбора войска, которое приходило отрядами изъ разныхъ сѣверныхъ и восточныхъ земель. Между тѣмъ, на востокъ, война съ мятежниками повелась лучше для Шуйскаго. Арзамасъ и Алатырь, признавши Дмитрія, опять покорились царю Василю. Нижній-Новгородъ былъ въ осадѣ отъ сброднаго полчища, состоявшаго изъ русскихъ крестьянъ и мордвы, которая увидала тогда случай отомстить Московскому государству за свое давнее народное угнетеніе. Это полчище бѣжало, какъ только услышало, что воеводы (Григорій Пушвинъ и Сергѣй Адауровъ) взяли Арзамасъ и Алатырь. Войско, составленное изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ: изъ каширянъ, тулянъ, ярославцевъ, угличанъ и городовъ низовыхъ, подъ начальствомъ Хилкова и Глѣбова, взяло городъ Серебрянные-Пруды и принудило тамъ бывшихъ мятеж-

¹⁾ А. А. Э. II, 170.

никовъ поцѣловать крестъ царю Василю. На другой день оно разбило воровскую шайку, которая шла на выручку этому городу, потомъ повернуло въ Дѣдилову. Но, нечаявши, тутъ застали они большое скопище; пришлось съ нимъ биться; ихъ разбили вору. Воеводы убѣжали въ Каширу. Тогда Шуйскій на смѣну Хилкову назначилъ Андрея Васильевича Голицына. Къ нему присоединилось ополченіе Рязанской земли съ Провошемъ Япуновымъ, Ѳедоромъ Булгаковымъ; главнымъ воеводою надъ нимъ былъ князь Борисъ Лыковъ. Болотниковъ послалъ противъ нихъ передовой полкъ, подъ начальствомъ князя Телятевскаго. Съ нимъ были казаки: донскіе, терскіе, волжскіе и яцкіе да украинныхъ городовъ — Путивля и Ельца — люди, тысячь до тридцати всего.

На берегу рѣчки Возмы, въ семнадцать верстахъ отъ Коширы, встрѣтились оба войска, въ девятую пятницу послѣ Пасхи. Вой продолжался — говорятъ хронографъ ¹⁾, съ перваго часа дня до пятаго. Вдругъ, по извѣстію одной современной лѣтописи, князь Телятевскій, съ четырьмя тысячами, отсталъ отъ мятежниковъ и присоединился къ войску Шуйскаго. Это рѣшило побѣду — мятежники бѣжали. Впрочемъ извѣстіе это, если не представляетъ совершенной невозможности, то, съ другой стороны, противорѣчитъ русскимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, которыя говорятъ, что Телятевскій былъ взятъ въ Тулѣ. Во всякомъ случаѣ, на берегахъ Возмы царское войско одолѣло мятежниковъ и гнало ихъ на пространствѣ тридцати верстъ. Тогда тысяча семьсотъ молодцовъ — воровъ, за рѣчкою Возмою, засѣли въ буеракѣ и отстрѣливались. На нихъ покусились напасть рязанцы, но воровскіе казаки не подпустили ихъ близко къ себѣ и мѣткими выстрѣлами перебили у нихъ много людей и лошадей. Рязанцы отступили. Подоспѣли иные и бросились на воровъ казаковъ; и тѣхъ отбили казаки отъ буераковъ. Прошла пятница; прочіе царскіе люди гнали бѣгущихъ, а вору казаки продолжали сидѣть въ своемъ буеракѣ. Бояре послали сказать: «добейте челомъ царю и великому князю Василю Ивановичу всея Руси, принесите свою вину, выйдите изъ буерака. Царь государь милосердъ — помилуетъ васъ и отдастъ вамъ вины ваши.» Вору казаки отвѣчали: «мы помремъ здѣсь всѣ, а не сдадимся!» Бояре повторили свои убѣжденія; вору казаки упрямылись. Таеъ прошла и суббота. Въ воскресенье бояре послали на нихъ большую конную ратную силу. Подошедши къ нимъ, конные сошли съ лошадей и стали добывать воровъ. Тѣ

¹⁾ Хроногр. Арх. Ком.

дружно отстрѣливались до тѣхъ поръ, пока у нихъ ставало пороку. Только послѣ того, какъ нечѣмъ было имъ стрѣлять, оставшіеся въ живыхъ согласились сдаться. Но ужъ тутъ имъ не было милосердія. Всѣхъ истребили за то, что они побили государевыхъ людей; оставлено было въ живыхъ только семь человѣкъ. Дворяне, нижегородцы и арзамасцы говорили: «шелъ воръ Петрушка съ Терека Волгою; встрѣтилъ онъ насъ на Волгѣ и хотѣлъ насъ побить, а эти самые казаки не дали насъ на смерть.» По ихъ просьбѣ пощадили этихъ семерыхъ.

Вѣсть объ этомъ дѣлѣ разнеслась по окольной странѣ — страхъ обдалъ мятежниковъ, ободрилась партія Шуйскаго. Царь выступилъ изъ Серпухова. Алексинъ, городъ до сихъ поръ признававшій Димитрія, сдался. Чтобы и другіе города заохотить принести повинную — царь, не только простилъ алексинцевъ, а еще надѣлилъ ихъ съѣстнымъ¹⁾. Съ передовымъ отрядомъ шелъ Скопинъ-Шуйскій и раньше цѣлаго войска сталъ подходить въ Тулѣ. Болотниковъ выслалъ изъ города сильный отрядъ противъ него. За семь верстъ отъ города воры хотѣли не пропускать ратныхъ черезъ топкую и грязную рѣчку Воронью — стали на ея берегу, огородились засѣкою изъ срубленнаго лѣсу. Былъ упорный и долгій бой. Скопинъ-Шуйскій одолѣлъ. Раненые царскіе люди перешли рѣчку въ разныхъ мѣстахъ и погнали воровъ вплоть до Тулы. Много ихъ легло; много было схвачено. Такимъ образомъ, гоняясь за ними, ратные царскіе люди добѣжали до самаго города Тулы, и человѣкъ десять, вслѣдъ за ворами, сами сгоряча вскочили въ городскіе ворота, — тамъ ихъ и побили²⁾. Это происходило въ десятую пятницу по пасхѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 30 іюня, пришло большое войско и самъ царь съ нимъ. Обложили Тулу. Говорятъ, что всего въ войскѣ съ Шуйскимъ было людей тысячь до ста. Начиная отъ Крапивинской дороги, по обѣимъ сторонамъ, раста- нулось вокругъ Тулы главное войско³⁾. На Каширской дорогѣ, на Черной горѣ и на рѣчкѣ Тулѣ, стоялъ Каширскій полкъ подъ начальствомъ Андрея Голицына: тутъ было войско, пришедшее главнымъ образомъ изъ-подъ Арзамаса съ прибавкою изъ другихъ украинныхъ городовъ. Нарядъ (артиллерія) боль-

¹⁾ Рук. Флар. 418.

²⁾ Хр. Археогр. комм. 539.

³⁾ Войско раздѣлилось на три полка: въ большомъ — бояринъ, князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій да бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ; въ передо- довомъ — бояринъ, князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ; въ сторожевомъ полку — бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, да Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

шой поставили въ двухъ мѣстахъ: близъ рѣки Упы по Каширской дорогѣ и у Крапивинскихъ воротъ, оградилъ его турами. Подлѣ Каширскаго полка Андрея Голицына, по рѣчкѣ Тулкѣ, стали татарскіе мурвы изъ города и уѣзда казанскаго, романовскіе, свѣжскіе, кузьмодемьянскіе, арзамасскіе, стали чувашаи и черемисы. Главнымъ воеводою надъ ними всѣми былъ князь Петръ Араслановичъ Урусовъ. Сверхъ того значительная часть татаръ съ черемисами и чувашами отправлена была разорять украинные и сѣверскіе города и села за то, что не хотѣли признавать царя Василя и стояли противъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, въ войскѣ царя Василя была громада инородцевъ. Рязанскіе города: Михайловъ, Спасскъ, Сапожекъ, сдавались и признавали царя Василя Шуйскаго. Прибытіе волжскаго вора въ сущности больше повредило воровскому дѣлу, чѣмъ помогло: тѣ, которые обманывались и въ самомъ дѣлѣ думали, что Димитрій живъ, теперь уже сомнѣвались, когда вмѣсто Димитрія явился какой-то Петръ, о которомъ прежде они и не слыхивали, чтобъ на свѣтѣ былъ такой царевичъ. Вѣроятно это-то было причиною, что и Телятевскій передался, если вѣрно послѣднее. Этотъ человекъ, когда-то вѣрный Борису, не хотѣлъ передаться Димитрію, когда его все уже признало. Но какъ скоро разъ онъ по совѣсти призналъ его государемъ, то и оставался ему вѣренъ до крайности. Онъ не зналъ достоверно, что царь его погибъ, и потому сражался за его имя до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился, что царя этого нѣтъ на свѣтѣ, и самъ онъ служить орудіемъ обмана.

У мятежниковъ, говорятъ, было тысячъ до двадцати. Прошло два мѣсяца въ осадѣ; исходилъ третій. Оказался недостатокъ. Осажденнымъ пришлось ѣсть лошадей; стало имъ это противно. Они бунтовались — толпа приступила къ Болотникову и Шаховскому. «Гдѣ же вашъ Димитрій! — кричали воры. — Вы говорите, что онъ живъ и будетъ къ намъ; гдѣ онъ?! его нѣтъ, и мы погибнемъ напрасно!..» Болотниковъ такъ объяснялся: «Когда я воровался изъ Италіи черезъ Польшу — меня потребовалъ къ себѣ царь; я увидалъ молодого человека, лѣтъ двадцати осми. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ царь Димитрій, что онъ ушелъ изъ Москвы, когда его убить хотѣли. Онъ съ меня взялъ крестное цѣлованіе — служить ему вѣрно. Я ему буду служить до конца живота моего; не знаю, истинный ли онъ Димитрій, или нѣтъ. Я не видалъ его, когда сидѣлъ онъ на московскомъ престолѣ. Еще попытаемся: пошлемъ нарочнаго за тѣмъ, чтобъ онъ непременно сюда ѣхалъ. Тогда увидите — истинный ли онъ

царь ¹⁾.» Болотниковъ послалъ въ Польшу донского атамана Заруцкаго, выступившаго здѣсь впервые на ту роль, какую игралъ долгое время.

Прошло нѣсколько недѣль. Заруцкій не ворочался. Онъ и не поѣхалъ въ Польшу, а засѣлъ въ Стародубѣ. Болотниковъ послалъ другого казака за Димитріемъ. Въ Тулѣ межъ тѣмъ толпа болѣе и болѣе приходила въ неистовство. Приступили къ Шаховскому. «Ты, князь — кричали мятежники — всему заводчикъ! Ты распустилъ слухъ, что Димитрій ушелъ изъ Москвы, и твердилъ намъ, что вотъ прійдетъ, вотъ прійдетъ Димитрій; а Димитрія нѣтъ какъ нѣтъ! Мы тебя посадимъ за приставы и не выпустимъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ твоего Димитрія. А если онъ не придетъ, такъ мы тебя Шуйскому отдадимъ!» Его посадили въ заключеніе.

Но и Шуйскій съ своимъ войскомъ тяготился осадой. Засѣвшіе въ Тулѣ холопы и казаки, какъ ни скудно ѣли, какъ ни тѣсно помѣщались, а отбивались такъ, что ратные люди, послѣ всякой попытки итти на приступъ, уходили назадъ съ урономъ. Но хуже того: въ войсѣ царскомъ началась шатость. Татарскій князь Урусовъ со своими мурзами ушелъ изъ царскаго войска въ Крымъ. Тутъ пришелъ къ Шуйскому какой-то Мѣшокъ Кравковъ; родомъ онъ былъ изъ города Мурома, большой хитродѣлецъ, какъ называетъ его лѣтопись. «Я обещаю тебѣ, государь — сказалъ онъ — потопить Тулу водою. Они сдадутся!» — «Я обещаю тебѣ большія милости — сказалъ царь — если ты это сдѣлаешь.» Хитродѣлецъ во всю ширину русла рѣки Упы сработалъ плотъ и приказалъ на него сыпать землю; плотъ съ землею пошелъ на дно — и теченіе рѣки перервалось. Вода вышла изъ береговъ и залила Тулу. Люди начали ѣздить по улицамъ на лодкахъ. Вода вошла въ кладовыя: потопила хлѣбные и прочіе запасы. Прежде былъ недостатокъ, а тутъ еще сдѣлался голодъ. Люди ѣли дохлыхъ лошадей, мышей, кошекъ, собакъ, грызли кожу ²⁾.

Мятежники заключили, что Шуйскій сдѣлалъ это волшебствомъ. Отыскался и у нихъ волшебникъ и взялся разрушить очарованіе. Это былъ какой-то старый монахъ. «Дайте мнѣ сто рублей, — сказалъ онъ Болотникову и Петрушевѣ — я знаю такое средство, что влѣзу въ воду и сдѣлаю такъ, что прорвется плотина.» Ему пообѣщали. Онъ бросился въ воду. Людямъ показалось, что отъ этого вода забурлила, заклокотала, — и люди

¹⁾ Petrei. 212.

²⁾ Рус. Флар. 14.

потомъ говорили, будто онъ чуть не часъ былъ подъ водою. Но сколько бы времени онъ тамъ ни былъ, а какъ выльзъ изъ воды, то сказалъ: «нѣтъ, ничего не сдѣлаешь! Видите, какъ я испараналъ! Шуйскому сдѣлали плотину 12,000 бѣсовъ: половину ихъ я привелъ на нашу сторону, а шесть тысячъ не поддаются — меня всего испаранали!» — Когда волшебникъ не помогъ имъ, мятежники, посовѣтовавшись между собою, послали къ Шуйскому сказать такіа слова: «мы сдаемъ городъ, если ты, царь, помилуешь насъ и не будешь казнить смертію. А если нѣтъ, то будемъ держаться, хотя бы пришлось намъ другъ друга съѣсть!»

Шуйскій отвѣчалъ:

— Хотя я и присягнулъ никого въ Тулѣ не миловать, однако, за вашу храбрость и мужество, я вамъѣняю гнѣвъ на милость. Жалую васъ и оставляю васъ при животѣ! А вы мнѣ служите и будьте вѣрны такъ, какъ были вѣрны вору. Подѣлуйте мнѣ крестъ!

Болотниковъ выѣхалъ изъ Тулы верхомъ, въ заднія ворота, гдѣ воды было меньше. Онъ явился передъ Шуйскимъ во всемъ вооруженіи, снялъ съ себя саблю, положилъ передъ царемъ, ударилъ челомъ до земли и сказалъ:

— Царь-государь! Я вѣрно держалъ крестное цѣлованіе тому, кто въ Польшѣ назывался Димитріемъ. Точно ли онъ Димитрій, или нѣтъ — я не могъ этого знать; не видалъ его я прежде. Я ему вѣрно послужилъ — онъ меня покинулъ! Я теперь въ твоей власти. Если тебѣ угодно убить меня, — вотъ моя сабля: убей! А если ты, по твоему крестному обѣщанію, помилуешь меня, — я тебѣ служить буду вѣрно, такъ, какъ я до сихъ поръ служилъ тому, кто меня оставилъ!

— Встань! будетъ такъ, какъ я обѣщаль! — сказалъ царь.

Привели Шаховского. Онъ сказалъ царю: «Меня посадили въ тюрьму мятежники за то, что я хотѣлъ сдать городъ тебѣ, государь!»

Шуйскій притворился, что вѣрить Шаховскому. Онъ былъ явнымъ бояринъ.

18 октября, царь изъ-подъ Тулы прибылъ въ Москву, ѣдучи въ коляскѣ, обитой краснымъ сукномъ. Пышности было мало. Шуйскій наблюдалъ, чтобы его торжества обходились дешевле. За то и москвичи какъ-то лѣниво прославляли его подвиги. Даже и колокола звонили плохо въ день его въѣзда!

Съ Петра сняли показаніе. Онъ рассказывалъ свою жизнь. Его повѣсили близъ Москвы, на Серпуховской дорогѣ. Болотникова съ казацкимъ атаманомъ Нагибою, другомъ Илейки, отвезли въ Каргополь, — ихъ засадили въ тюрьму. Нѣмцевъ сослали

въ Сибирь; туда пошелъ и Фидлеръ. Потомъ Болотнивову выкололи глаза. Наконецъ утопили и Болотнивова и Нагибу. Сдѣлано было это втайнѣ; народъ не долженъ былъ знать, что царь нарушилъ обѣщаніе помиловать этихъ воровъ; но, вѣроятно, ихъ погубили съ боярскаго вѣдома. Казалось, невозможно было царю, обязавшемуся править по боярскому совѣту, оставить жизнь тому, кто посягалъ на униженіе и бояръ, и всего сословія лучшихъ людей. Телятевскаго оставили при своемъ достоинствѣ. Шаховскаго сослали въ Каменную пустынь, на Кубенское озеро. Простыхъ плѣнныхъ не щадили: ихъ бросали сотнями въ рѣки, и вода выносила ихъ во множествѣ на берегъ; — извѣденные рыбами и раками ихъ трупы кругомъ столпи разносили зловоніе¹⁾.

Уничтоженіе царевича Петра не привело въ порядокъ окраинъ Московскаго государства; напротивъ, наступилъ ужаснѣйшій хаосъ. У казаковъ проявился сейчасъ же другой Петръ царевичъ. Съ легкой руки Петра начали удалцы называться именами такихъ царевичей, какихъ на свѣтѣ не было. Такъ въ Астрахани проявился царевичъ Августъ; кто-то назвался Иваномъ Ивановичемъ, сыномъ царя Ивана Васильевича отъ жены Колтовской; потомъ явился тамъ же Лаврентій царевичъ и называлъ себя сыномъ убитаго отцомъ царевича Ивана Ивановича. А въ польскихъ юртахъ, то есть въ поляхъ, сопредѣльныхъ съ казацкими жильями, появились царевичи: Ѳеодоръ, Ерофей, Клементій, Савелій, Семень, Василій, Гаврило, Мартынъ, и называли себя сыновьями царя Ѳедора Ивановича²⁾. Но всѣ эти царевичи исчезали какъ привидѣнія. Поднялся, на зло Шуйскому и на долгое страданіе Московскому государству, страшный, давно ожидаемый призракъ въ другой разъ воскресшаго Дмитрія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Явленіе второго Дмитрія.

Долго жданный Дмитрій явился. Царь Василій Шуйскій узналъ о немъ тогда еще, когда стоялъ подъ Тулою. Одни гово-

¹⁾ Хроногр. Арх. Ком. — Никон. Лѣт. 91. — Визв. 75, 79.

²⁾ Истор. смут. вр. т. II. Прилож. № VII.

рять, что его звали Богданомъ, и что онъ былъ литвинъ; другіе называютъ его Матвѣемъ Верекиннмъ изъ Стародуба; третьи—Иваномъ; четвертые говорить, что онъ былъ сынъ убѣжавшаго въ Литву при Грозномъ князя Курбскаго; пятые — что онъ былъ еврей и т. д. По однимъ извѣстіямъ, его выслала въ Московское государство жена Мнишка, черезъ своего агента Мѣховецкаго, по другимъ — его отыскалъ въ Кіевѣ, посланный нарочно съ цѣлю найти Дмитрія, путивльскій попъ Воробей. Намъ кажется болѣе достовѣрнымъ сказаніе, записанное въ одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ ¹⁾. Былъ онъ родомъ стародубецъ, переселился въ Бѣлую Русь, училъ дѣтей у священника въ Шкловѣ, потомъ перешелъ въ Могилевъ, и тамъ также договорился учить дѣтей у священника церкви св. Николая, Федора Сашковича, который, подобно многимъ своимъ собратіямъ, держалъ школу. Учитель—бездомный скиталецъ, поселился у просвирника той же церкви Терешки, и такъ былъ бѣденъ, что лѣтомъ ходилъ въ взорванномъ тулупѣ и носилъ бараній шлыкъ, потому что не на что было ему сдѣлать себѣ лѣтней одежды. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ, и тамъ почему-то сочли его шпиономъ, задержали и посадили въ тюрьму. Тогда онъ, для своего избавленія, сказалъ на себя, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Дмитрія. Пропойскій подстароста Рогоза Чечерскій извѣстилъ объ этомъ своего старосту пана Зѣновича; а тотъ приказалъ его отпустить и проводить въ Московское государство. Къ нему пристало тогда двое молодцовъ — одинъ по имени Грицько, другой Раговинскій. Они провели его въ Попову-Гору. Тамъ, какъ узнали, что идетъ Нагой, стали его спрашивать о Дмитріѣ, и такъ какъ всѣ толковали, что онъ живъ, то и названный Нагой сталъ убѣждать ихъ, что Дмитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Еще пристало къ нему нѣсколько молодцовъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Рукинъ, подъячій. Съ ними онъ отправился въ Стародубъ и тамъ говорилъ такъ:

«Я Нагой, родной дядя царя; самъ царь недалеко, идетъ съ паномъ Мѣховецкимъ, ведетъ тысячу конныхъ. Вотъ онъ скоро васъ обрадуетъ, придетъ и пожалуетъ васъ за вашу вѣрность, и дастъ вамъ большія льготы.»

Прошло нѣсколько времени. Не приходилъ Мѣховецкій съ Дмитріемъ. Его товарищъ Алексѣй Рукинъ отправился по сосѣднимъ городамъ рассказывать, что Дмитрій живъ. Было легко найти легковѣрныхъ, потому что Шаховской уже подготовилъ въ этому Сѣверскую землю. Рукинъ пріѣхалъ въ Путивль. «Гдѣ

¹⁾ Руков., принадл. Арх. Ком.

Димитрій? — спрашивали его. Онъ отвѣчалъ — «въ Стародубѣ!» Они задержали его, послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколькихъ своихъ путивлянъ и сказали ему: «мы тебя замучимъ, если ты не покажешь намъ Димитрія.» Стародубцы уже терли терпѣніе — когда пришли къ нимъ путивляне. Въ Стародубѣ толпа жителей, вмѣстѣ съ пришедшими изъ Путивля, приступили къ названому Нагому и спрашивали: «Гдѣ же Димитрій, почему онъ не приходитъ? Гдѣ онъ — туда мы пойдемъ къ нему головами!» Нагой говорилъ — «не знаю!» Тогда стародубцы стали грозить пыткой. Нагой увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за Рукина за то, что онъ ихъ ложно увѣрялъ. Стали полосить ему спину кнутомъ, приговаривая: «говори, гдѣ Димитрій, гдѣ Димитрій?!» Тогда, не стерпя муки, Алешка закричалъ: «смилуйтесь, ради Никола Чудотворца! — я покажу вамъ Димитрія!»

Его отпустили. Тогда онъ указалъ на того, кто названъ Нагимъ, и сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ! Онъ передъ вами, и смотрите какъ вы меня мучите. Онъ у васъ въ рукахъ! Вы можете и его убить рядомъ со мною. Онъ для того не объявился вамъ сразу, чтобы сказать: рады ли вы его приходу будете!» Новопозванному Димитрію оставалось или принять на себя это имя, или подвергнуться пытке. Онъ, принявъ повелительный видъ, махнулъ грозно палькою и сказалъ: «вы, б..... дѣти, все еще меня не знаете! Я — государь!» Это было сказано съ такою рѣшимостію, что стародубцы, пораженные, невольно упали къ ногамъ его и закричали: «виноваты, государь, передъ тобой! — не узнали тебя! Промилуй насъ! Ради тебѣ служить противъ твоихъ недруговъ! Животъ свой положимъ за тебя!»

Его повели съ колокольнымъ звономъ въ городъ (замокъ); убрали для него покой, какъ могли, чтобы они казались царскимъ жилищемъ, несли ему подарки и деньги.

Тогда наиболѣе убѣждалъ стародубцевъ и располагалъ вѣрить отысканному Димитрію стародубецъ Гаврило Веревкинъ.

Изъ Стародуба разсланы были грамоты въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы люди русскіе спѣшили къ своему царю. Посланы были гонцы съ грамотами и въ Москву. Въ нихъ извѣщалось всѣмъ, что, «съ Божіею помощію, Димитрій спасся отъ убійцъ; благодарить московскихъ людей за то, что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола и снова просить, чтобы его въ другой разъ посадили на царство.» Изъ Сѣверской земли, гдѣ такъ давно ждали Димитрія, собралось къ нему тысячи три вольницы, севрюковъ. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Современники думали, что этотъ

Мѣховецкій и выпустилъ Дмитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

Въ это время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, посланный, какъ выше сказано, отъ Болотникова искать Дмитрія. Казацкій атаманъ явился къ Дмитрію и съ разу увидалъ, что это вовсе не тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ. Но Заруцкому нужно было Дмитрія какого-нибудь; Заруцкій поклонился ему, увѣрилъ всѣхъ, что, дѣйствительно, узналъ въ немъ настоящаго государя. Онъ не поѣхалъ назадъ въ Тулу, остался при Дмитріѣ, сдѣлался его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ. Вору хотѣлось испытать: точно ли преданы ему и вѣрны стародубцы. И вотъ, однажды, онъ выѣхалъ за ворота съ Заруцкимъ; и начали они разъявжаться и сражаться копьями. По тайному приказанію Дмитрія, Заруцкій сбиль его съ коня. Дмитрій упалъ и показывалъ видъ будто сильно ушибенъ. Заруцкій пустился бѣжать. Народъ закричалъ: «ловите, держите измѣнника!» Схватили его, связали и привели къ Дмитрію. Тотъ всталъ и, засмѣявшись, сказалъ: «благодарю васъ, православные христіане! Вотъ, теперь я дважды увѣрился, что вы мнѣ вѣрны!» Всѣ стародубцы смѣялись, а Заруцкій все-таки схватилъ нѣсколько порядочныхъ пиньковъ. Но послѣ того всѣ знали, что Заруцкій самый близкій человѣкъ въ царю Дмитрію.

Дмитрій нѣсколько времени оставался въ Стародубѣ, ожидая болѣе силъ, а между тѣмъ отправилъ къ Шуйскому, находившемуся подъ Тулою, посланца, одного боярскаго сына изъ Стародубскаго уѣзда. Этотъ человѣкъ смѣло явился передъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ съ грамотою. Въ ней Дмитрій называлъ Шуйскаго измѣнникомъ, похитителемъ и требовалъ уступить ему престолъ. Посланецъ, съ своей стороны, сказалъ царю: «прямой ты измѣнникъ! Подыскался царства подъ нашимъ государемъ.» Царь приказалъ его пытать, вѣроятно, чтобъ вывѣдать отъ него о состояніи дѣлъ. Но у посланца не вымучили никакой вѣсти. Онъ жарился на огнѣ, да въ то же время рсточалъ на Шуйскаго всевозможныя ругательства. Такъ онъ и умеръ въ мукахъ.

Когда, наконецъ, понабралось у Дмитрія сѣверской вольницы, онъ двинулся на Карачевъ, вzialъ его, оттуда повернулъ къ Козельску: разбилъ и взялъ въ плѣнъ московскій отрядъ и вернулся къ Карачеву. Тутъ литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, заспорили за добычу, полученную подъ Козельскомъ отъ разбитаго московскаго отряда, и думали уйти. Дмитрій былъ не предприимчиваго и не храбраго нрава, и притомъ подозрителенъ. Онъ сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ

нельзя довѣряться. Взявши одного поляка, по имени Кроликовскаго, да нѣсколько московскихъ людей, онъ бѣжалъ тайкомъ въ Орелъ. Въ Орлѣ легъ онъ спать въ одной избѣ съ Кроликовскимъ и съ однимъ московскимъ человѣкомъ. Ночью московскій человѣкъ вынулъ ножъ, зажегъ свѣчу и подошелъ въ Дмитрію. Но Дмитрій не спалъ. Кроликовскій лежалъ, приклонивши голову на колѣнахъ Дмитрія. Дмитрій толкнулъ Кроликовскаго, тотъ вскочилъ, а московскій человѣкъ уронилъ свѣчу, поскорѣ легъ, и притворился спящимъ. Дмитрій перешелъ на другое мѣсто и не спалъ до свѣту. На другой день Дмитрій хотѣлъ бѣжать подальше. Но тутъ за нимъ прислалъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскахъ. «Воротись, извѣщаль онъ его—будешь самъ здѣсь на лицо, такъ войско тебя послушается и не разойдется!» Дмитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ: раздумывалъ такъ-и-сякъ, и, наконецъ воротился, по просьбѣ Мѣховецкаго, въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы, при первомъ случаѣ, выдать его. Собразивши все это, Дмитрій опять тайно убѣжалъ. На этотъ разъ онъ уже не остановился въ Орлѣ, а бѣжалъ въ Путивль. По всему видно, онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ званія Дмитрія, случайно принятаго въ Стародубѣ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ на столько силы, чтобъ носить это имя и радъ былъ случаю улизнуть и избавиться отъ своей роли. Но и теперь, какъ въ первый разъ, не удалось ему. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ нѣкто Валавскій. Съ нимъ было тысяча человѣкъ. Онъ шелъ изъ Украины отъ знатнаго пана, князя Романа Ружинскаго, на помощь Дмитрію. Потомъ Самуилъ Тышкевичъ привелъ украинскую вольницу. Современники говорятъ, что игравшій роль Дмитрія не хотѣлъ имъ сказаться и назвать себя царскимъ именемъ; но всѣ стали допытываться и уличать его, и онъ не могъ извернуться и долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который уже признавалъ себя за Дмитрія. «Куда же ты это бредешь?» спрашивали его. «Меня — говорилъ онъ — поляки оставляютъ, а своимъ я не довѣряюсь. Они меня выдадутъ или убьютъ; такъ я хотѣлъ бѣжать въ Путивль. Тамъ люди мнѣ издавна преданы. Оттуда я и первый разъ, по смерти Годунова, былъ приглашенъ на царство!»

Его не пустили. Вслѣдъ за тѣмъ явились къ нему новые пособники изъ Браславскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневецкій. Послѣднему, должно быть, очень дико было признавать новое лицо за то самое, которое онъ зналъ такъ близко, какъ рѣдкій тогда могъ знать въ Польшѣ.

Понятно, что такими пособниками руководила обычная въ Украинѣ охота къ шатаію и разбоіамъ. Руководило ими и желаніе отомстить за тѣхъ, которые потерпѣли въ Москвѣ во время бойни, и за тѣхъ, которые томились въ плѣну. Много было въ Польшѣ женъ и дѣтей, которыя въ томительной невѣдѣнности о судьбѣ своихъ мужьевъ и отцовъ взывали о справедливой карѣ живому московскому народу, говорить современнѣй стихоплетъ. Это чувство должно было служить нравственнымъ предлогомъ къ оправданію своей лжи. Доблестные поляки — говорить тотъ же стихоплетъ — выступая съ призракомъ царя, увѣряли единогласно, что Димитрій ушелъ изъ Москвы отъ смерти. Самъ Богъ помогъ ихъ справедливому дѣлу: они мстили за тяжкія оскорбленія своимъ согражданамъ ¹⁾.

Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву, а изъ Карачева со всѣмъ полчищемъ пошелъ къ Брянску. Русскіе предупредили его и сожгли Брянскій посадъ, а въ самый городъ ввели крѣпкій гарнизонъ. Воръ стоялъ подъ Брянскомъ нѣсколько недѣль. Въ это время къ нему привезли казаки изъ Дона одного изъ названныхъ царей, Ѳедора, выдававшего себя за небывалаго сына царя Ѳедора Ивановича. Димитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ казнить. За девять дней до Рождества, прибылъ на помощь Брянску воевода князь Иванъ Семеновичъ Буракинъ. Зима была въ тотъ годъ теплая, и въ декабрѣ все еще не замерзала Десна. По ней плавали льдины; былъ большой холодъ и въ водѣ и въ воздухѣ. Литовскіе люди никакъ не ожидали, чтобъ ихъ непріатели рѣшились итти вплавь. Но московскіе люди не побоялись холоду, перешли рѣку и дружнымъ натискомъ выбили изъ окоповъ толпу; тутъ же ударили на нее осажденные въ Брянскѣ. Довольно воровъ побили и побрали въ плѣнъ. Шайка снялась съ обоза и отступила къ Карачеву, а оттуда воръ опять пріѣхалъ въ Орелъ ²⁾.

II.

Новыя польскія силы. — Недоразумѣніе вора съ поляками.

Въ польскихъ владѣніяхъ имя Димитрія все больше и больше привлекало удалцовъ. Письма Мѣховецкаго зазывали поляковъ

¹⁾ Pieśń o tyraństwie Szujskiego.

²⁾ Marchocki, Histor. wojny Mosk. 6—10. — Никон. Лѣт. 92—95. — Хронорг; Арх. Ком. — Вусс. 81—83. — Ротк. 212.

во имя военной славы и мщенія за убійствѣ въ Москвѣ. Тогда рокошъ окончился въ Польшѣ. Но куда было обратиться воинскую отвагу? Мѣховецкій и братія его указывали ей новый путь; что не чувствовало себя спокойныхъ въ Польшѣ, стремилось тогда въ Московское государство. Тутъ были проигравшіеся и пропившіеся шляхтичи, которымъ, ради насущнаго хлѣба, приходилось пристать къ какому нибудь дѣлу, достойному шляхетскаго званія, а такое дѣло и могло быть только военное; были тутъ неоплатные должники, которые, долго увертываясь отъ заимодавцевъ, пользуясь неприкосновенностію шляхетскаго чело-вѣка въ его собственномъ домѣ, просиживали по дѣльнымъ днямъ взаперти, дожидаясь солнечнаго захода, послѣ котораго нельзя было по юридическимъ обычаямъ задерживать должниковъ. Скучно было такое положеніе; заимодавецъ имѣлъ право, поймавъ должника на улицѣ, засадить въ вѣжу; оставалось итти либо въ монахи, либо въ разбойники; вдругъ въ московской землѣ открылся должникамъ случай и отъ заимодавца улизнуть, и весело пожить и шляхетской чести не замарать; тутъ были банниты, осужденные за разные своевольства и опасавшіеся въ отечествѣ казни; были тутъ и такіе молодцы, у которыхъ просто руки чесались: для нихъ было все равно, что въ одну, или въ другую сторону свѣта отправиться, лишь бы пожить весело; а весело жить имъ было не придумчиво иначе, какъ только грабить, разворять другихъ и вообще дѣлать кому нибудь вредъ.

Главнымъ заводчикомъ выхода въ Московское государство въ польской Украинѣ сталъ князь Романъ Рожинскій. По его призыву собралось до четырехъ тысячъ удалцовъ. Передъ праздникомъ Рождества Христова этотъ отрядъ вступилъ въ Московское государство и сталъ подъ Черниговымъ. Рожинскій отправилъ посланцевъ въ Орелъ извѣстить, что новое войско изъ Польши пришло служить царю Димитрію, обѣщается явиться къ нему съ раннею весною, а теперь желаетъ заключить договоръ. Вслѣдъ за тѣмъ это войско двинулось подъ Новгородъ-Сѣверскій, а оттуда въ Кромь. Уже кончалась зима. Изъ Кромъ поляки отправили къ называющему себя Димитріемъ тридцать чело-вѣкъ посланцевъ. Димитрій пригласилъ ихъ къ себѣ и, ради царской важности, отвѣчалъ имъ не самъ лично, а черезъ Валавскаго, который называлъ себя царскимъ канцлеромъ. Послѣ рѣчи Валавскаго, Димитрій самъ отвѣчалъ по-русски; онъ старался походить на русскаго царя: «я обрадовался, говорилъ онъ, когда узналъ, что Рожинскій идетъ, но потомъ услышалъ, что онъ мнѣ не доброжелательствуетъ, и теперь хотѣлъ бы, чтобъ онъ вернулся назадъ. Меня Богъ уже посадилъ на столицѣ

одинъ разъ безъ Рожинскаго, и въ другой разъ посадить. Вы требуете денегъ? У меня много добрыхъ полеймовъ, такихъ какъ вы, а я еще никому ничего не давалъ. Я убѣжалъ изъ столицы отъ милой супруги и друзей, и не только не взялъ съ собой денегъ, но и платья. Я знаю, что вы говорили съ посланцемъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ, на льду; вы допрашивались: тотъ я, или нѣтъ. А я съ вами не игрывалъ въ карты?»

Поляки вспыхнули и выразились передъ нимъ въ такихъ выраженіяхъ: «вотъ мы видимъ, что не прежній ты; прежній умѣлъ цѣнить и принимать людей рыцарскихъ, а ты не умѣешь! Жаль, что мы пришли къ такому не благодарному; мы перескажемъ нашей братьѣ, что насъ къ тебѣ послали, пусть знаютъ, какъ имъ поступать!» Съ гнѣвомъ они вышли отъ него. Дмитрій послалъ за ними въ догонку и приглашалъ на обѣдъ. «Не сердитесь — говорили полякамъ посланцы — царю васъ обнесли.» — «Кто жъ бы это насъ обнесъ?» стали разсуждать поляки, и заключили, что это долженъ быть Мѣховецкій.

— Да, да! — подтверждали хоромъ — это онъ, онъ! чуетъ онъ, что приходится уступить начальство Рожинскому?...

Составилось коло. Голоса раздвоились. Одни кричали: «вернемся въ Польшу; ничего добраго тутъ намъ не будетъ!» Другіе, которые знали уже поближе вора и были съ нимъ въ Орлѣ, говорили: «останемся у него на службѣ! Все будетъ иначе, лишь бы самъ кн. Рожинскій въ нему пріѣхалъ.»

Въ великій постъ пріѣхалъ Рожинскій въ Орель. Ему хотѣлось, прежде всего, низвергнуть Мѣховецкаго и самому сдѣлаться гетманомъ Дмитрія. Ему хотѣлось держать все дѣло самому, чтобъ царь, подъ именемъ Дмитрія, былъ только орудіемъ въ его рукахъ. Его сопровождало двѣсти товарищей и четыреста пятьдесятъ человѣкъ пѣхоты, служившихъ на его издивеніи. Послѣ перваго ихъ ночлега въ Орлѣ, утромъ, называвшій себя царемъ позвалъ ихъ въ своей царской ругѣ. Но тутъ только Рожинскій съ товарищами по этому приглашенію двинулся съ мѣста, какъ бѣжить ему на встрѣчу другой посланецъ, и говорить: «воротитесь! Еще царь моется въ банѣ; у него такой обычай; онъ отъ трудовъ облегчается банею и здоровье свое сберегаетъ! Подождите, когда царь окончитъ мытье и восядетъ на своемъ царскомъ сѣдалищѣ.» Рожинскій не слишкомъ уважалъ царское достоинство этого царя и не хотѣлъ подчиняться царственному этикету, тѣмъ болѣе, когда это происходило отъ желанія какъ нибудь отвязаться отъ Рожинскаго. Дмитрій ясно видѣлъ, что этотъ навязчивый и властолюбивый человѣкъ пришелъ не для того, чтобъ служить, а чтобъ

повелѣвать Димитріевымъ именемъ. Рожинскій объявилъ, что не хочетъ ждаты. Онъ самовольно вошелъ въ избу, гдѣ жила царь, и не хотѣлъ выходить изъ нея. Димитрій принужденъ былъ уступить и вышелъ; но когда выступалъ изъ дверей, то нарочно отвернулъ голову отъ той стороны, гдѣ стоялъ Рожинскій. Онъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Рожинскій подошелъ къ нему первый и поцѣловалъ руку. За нимъ всѣ поляки подошли къ царской рукѣ. Послѣ этой церемоніи, царь пригласилъ Рожинскаго и всѣхъ товарищей на обѣдъ.

Обѣдъ былъ приготовленъ на равныхъ столахъ. Димитрій сѣдѣлъ за однимъ столомъ съ Рожинскимъ, хоть это было для него не вкусно. Чтобы досадить Рожинскому и его партіи, онъ началъ разговоръ о прошломъ рѣвольтѣ, спрашивалъ: нѣтъ ли между прибывшими рокошанъ. И тутъ, какъ будто негодую на рокошанъ за короля Сигизмунда, онъ заставилъ поляковъ выслушать такое неприятное замѣчаніе на ихъ счетъ: «ни за что бы я не захотѣлъ быть у васъ вородемъ. Московскій государь не на то родился, чтобы имъ помыкалъ какойнибудь архидіаконъ, или, какъ онъ тамъ у васъ зовется — архидіаконъ что ли?»

Поляки давали ему отвѣты въ защиту своей націи.

Послѣ пира, Рожинскій просилъ назначить ему разговоръ. Ему отвѣчали, что онъ будетъ позванъ на другой день. Пришелъ этотъ другой день, Рожинскому послали сказать, что его позовутъ завтра. И это завтра пришло и прошло, а Рожинскаго не звали. Его поляки взволновались и кричали: «Мы разѣдемся!» Пѣхота первая стала выступать изъ Орла. За нею самъ Рожинскій собирался уѣзжать. Тутъ нѣсколько ротмистровъ и товарищей, которые прежде находились при ворахъ, поговорили промежъ собою, потомъ бросились къ Рожинскому и стали его упрашивать. «Потерпите, ваша княжеская милость, до утра. Мы соберемъ волю. Если царь останется такимъ неблагодарнымъ къ намъ, такъ мы всѣ сложимся, отрѣшимъ отъ начальства Мѣховецкаго и выберемъ гетманомъ тебя, князя Рожинскаго. Все войско будетъ слушаться тебя!»

Рожинскій обрадовался: тѣ изъ его соотечественниковъ, которые еще не стояли подъ его начальствомъ, теперь сами готовы подчиниться ему. Рожинскій остановился, и сталъ дожидать утра въ предмѣстіи Орла.

На утро собралось волю. Тамъ были и тѣ, что прежде находились, и тѣ, что вновь пришли съ Рожинскимъ. На этомъ волю низложили Мѣховецкаго отъ начальства, избрали гетманомъ Рожинскаго, и отправили къ Димитрію такое заявленіе: «Воли царь хочетъ, чтобы съ нимъ оставались поляки, пусть

приметь князя Рожинскаго, назоветъ своимъ гетманомъ и выдастъ намъ на судъ тѣхъ, которые оговаривали князя царю. На Мѣховецкаго и на его не многихъ сторонниковъ наложили бандо, т. е. изгнаніе изъ войска; онъ лишился покровительства и защиты со стороны его прежнихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.» Сообщили объ этомъ Дмитрію. Онъ отвѣчалъ: «никого не назову и не выдамъ, самъ приѣду въ коло.»

Принесли это извѣстіе въ коло. Рожинскій сказалъ: «теперь будьте спокойны, и дожидайтесь царя, — не мѣшайтесь въ рѣчи. Я за васъ за всѣхъ говорить буду!»

Димитрій приѣхалъ на богато-убранномъ конѣ, въ золотомъ тканной одеждѣ. Его провожало нѣсколько московскихъ людей, пожалованныхъ имъ въ бояре; по бокамъ шли пѣшіе ратники. Онъ вѣхалъ въ коло. Тамъ поднялся шумъ. Дмитрію показалось, что поляки допрашиваются: точно ли онъ прежній царь, и называютъ его негодяемъ. Это его взбѣсило — онъ закричалъ: «цѣтте, скурви сынове!»¹⁾

Поляки переглянулись между собою; — выходка называвшаго себя царемъ ихъ раздражила. Они хотѣли было отвѣчать на нее рѣзко; но Рожинскій, какъ было сказано, заранѣе обязалъ ихъ не мѣшаться безъ его позволенія въ разговоры и ему одному поручить отвѣчать за всѣхъ.

Тогда Рожинскій приказалъ дать отвѣтъ одному изъ товарищей, Хруслинскому. Тотъ сказалъ: «мы для того послали по слову въ твоему царскому величеству, чтобы ты намъ объявилъ, кто тебѣ оговорилъ гетмана и все войско наше измѣнниками. А какъ твое величество самъ сюда приѣхалъ, такъ мы хотимъ отъ тебя здѣсь услышать это самое.»

Димитрій приказалъ отвѣчать за себя одному изъ своихъ московскихъ людей; тотъ началъ говорить; Димитрій сталъ недоволенъ рѣчью. Московскій человѣкъ не умѣлъ говорить понятнымъ для поляковъ способомъ. Димитрій закричалъ: «молчи! Ты не умѣешь по ихнему говорить. Вотъ я самъ буду!» Онъ обратился къ полякамъ и продолжалъ: «вы присылали ко мнѣ и требовали, чтобы я выдалъ и назвалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня въ чемъ нибудь предостерегаютъ. Никогда еще московскимъ государямъ не приходилось такъ поступать, чтобы они выдавали вѣрныхъ слугъ своихъ, которые ихъ предостерегаютъ! Не только для васъ я этого не сдѣлаю, а хотя бы самъ Господь Богъ сошелъ съ высокаго неба и приказалъ мнѣ такъ поступить!...»

¹⁾ March. 17.

Тутъ его перервалъ крикъ, слышались рѣзкія выраженія, потомъ волненіе нѣсколько стихло; одинъ изъ вола сказалъ: «что же ты хочешь около себя держать такихъ только, что тебѣ изъ-запустяка языкомъ прислуживаютъ, а не такихъ воиновъ, которые бы тебѣ служили жизнію и саблею? Ну, если ты не поступишь такъ, какъ хотимъ, то всѣ отойдемъ отъ тебя!»

— Какъ себѣ хотите! — сказалъ воръ — Идите!

Раздраженіе усилилось; стали кричать неистово: «убить обманщика! изрубить его.» Кричали другіе: «нѣтъ!» Кричали третьи: «поймать! А, сякой-такой сынъ! Мошенникъ! Ты позвалъ насъ, да еще кормишь неблагодарностью!»

Стрѣльцы, окружавшіе игравшаго роль царя, бросились на поляковъ, — поляки на стрѣльцовъ. Сдѣлалась суматоха... драка...

Среди всеобщаго безпорядка, Дмитрій поворотилъ коня и тихо поѣхалъ въ свой дворъ; вслѣдъ за нимъ поскакали изъ вола поляки, окружили его и сказали, что присланы стеречь его, чтобъ онъ не ушелъ. Воръ почувствовалъ всю тягость и унижительность своего положенія. Онъ долженъ былъ по-неволѣ играть царя, — сносить и наружное къ себѣ поклоненіе, и въ тоже время терпѣть оскорбленія!

Въ припадкѣ досады онъ началъ пить водку. Онъ не пилъ ея никогда, и теперь сталъ пить съ намѣреніемъ запиться до смерти. Это ему не удалось! Онъ не умеръ, — перенесъ тяжелое похмѣлье, и потомъ — рѣшился покориться своему жребію! Поляки прислали къ нему прежде Адама Вишневецкаго, названнаго его конюшимъ. Хруслинскій и Валавскій, царскій канцлеръ, побѣждали на предмѣстьѣ, въ ставку Рожинскаго, и стали упрашивать соотечественниковъ, — остаться служить царю; именемъ царя они обѣщали, что онъ снова пріѣдетъ въ коло и попроситъ прощенія за вчерашнюю дерзость.

Кое-какъ смиловались поляки надъ царикомъ, позволили пріѣхать къ нимъ въ коло. Воръ явился и объяснилъ, что сказанныя имъ слова: «цѣйте, скурви сынове», относились не къ полякамъ, а къ его московскимъ стрѣльцамъ. Поляки сказали: «такъ и быть, останемся на службѣ, коли царь обѣщаетъ намъ жалованья за двѣ четверти.» Царь обѣщалъ. Послѣ того Рожинскій съ своимъ отрядомъ отправился въ Кромы, и тамъ расположился до просухи. Царигъ, съ своими московскими людьми и поляками, прибывшими къ нему ранѣе, по прежнему жилъ въ Орлѣ. Отсюда отъ имени вора разсылались грамоты по московской землѣ. Одна изъ такихъ грамотъ, присланная въ Смоленскъ, дошла до насъ. Она писана цвѣтисто и пространно. Въ ней Дмитрій извѣщалъ, что одинъ изъ соумышленниковъ Шуй-

сваго предостерегъ его, и онъ успѣлъ уйти изъ Москвы въ Литву; онъ убѣждалъ отстать отъ вора и измѣнника Шуйскаго и покориться своему законному государю. «Сами вѣдаете — писалъ онъ — какъ я милосердъ, щедръ и праведенъ; и прежде я никого не казнилъ даже торговою казнію, не только что смертью.» Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій въ своей грамотѣ вооружался и противъ появившихся царевичей. «За наши грѣхи — выразался онъ — въ Московскомъ государствѣ объявилось еретичество великое: вражьиѣ совѣтомъ, зловозненнымъ умысломъ, многіе называются царевичами московскими, природными царскими сѣменами?» Онъ приказывалъ ловить этихъ царевичей, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до его царскаго указа ¹⁾).

Тутъ между новичками ходили толки и споры: что это за царь? Да въ самомъ ли дѣлѣ онъ настоящій Димитрій? Начальники изъ поляковъ были увѣрены, что это не тотъ, который царствовалъ въ Польшѣ и котораго считали убитымъ, но отелоняли разговоры объ этомъ и говорили: «нужно, чтобъ онъ былъ тотъ самый — вотъ и все!» Для успокоенія тѣхъ, которые заявляли сомнѣнія, выдумывали разные выходы. Какой-то изъ товарищей, Тронбчевскій, говорилъ: «хоть бы всѣ увѣрили меня, что онъ тотъ самый, который царствовалъ въ Москвѣ, я не дамъ себя уговорить! Я хорошо знаю перваго. Я былъ съ нимъ подъ Новгородомъ - Сѣверскимъ.» Тронбчевскій вошелъ съ царикомъ въ разговоръ при свидѣтеляхъ и началъ ему вспоминать о прежнихъ событіяхъ; онъ умышленно говорилъ не такъ какъ было, а царикъ поправлялъ его и говорилъ какъ было и какъ Тронбчевскій считалъ правильнымъ. Тогда, при множествѣ своихъ товарищей этотъ Тронбчевскій сказалъ: «милосердый царь! признаюсь тебѣ; здѣсь былъ въ войскѣ одинъ такой человекъ, что не считалъ тебя за того, кто царствовалъ въ Москвѣ. Но теперь духъ святой осіялъ его, и онъ вѣритъ, что ты тотъ самый!» Царикъ улыбнулся. Этой комедіи достаточно было, чтобъ на время поддержать если не вѣру, то приличіе вѣры въ существо Димитрія ²⁾).

Такъ стояло это полчище до просухи; никто его не беспокоилъ. Новая сила еще подходила къ Димитрію. Прибыло еще три тысячи запорожцевъ. Эти люди то приходили, то уходили и вновь приходили. Заруцкій, еще до прихода Роинскаго, отправился на Донъ и теперь возвратился со свѣжимъ отрядомъ: въ немъ было тысячъ до пяти. Димитрій все болѣе и болѣе

¹⁾ Ист. смутн. врем. II. Прилож. стр. 57.

²⁾ Ист. смутн. вр. II. Прилож. № VII.

показывался царемъ преимущественно черни. Онъ велѣлъ объявить, что въ боярскихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы не признаютъ его, подданные крестьяне могутъ овладѣть имуществомъ ихъ; земли и дома ихъ дѣлаются крестьянскими животами, даже ихъ женъ и дочерей крестьяне могутъ взять себѣ въ жены или въ услуженіе ¹⁾).

III.

Ополченіе Шуйскаго. — Болховская битва. — Димитрій подѣ Москвою. — Битва на рѣкѣ Химѣ. — Дѣйствія Лисовскаго въ Рязанской землѣ.

Когда въ Сѣверской землѣ собирались тучи на царя Василія Шуйскаго — самъ царь Василій въ январѣ женился на той самой княжнѣ Марѣ Буйносовой-Ростовской, на которой ему предложилъ жениться Димитрій. Наступала весна; — царское войско отправилось въ походъ подѣ главнымъ начальствомъ царскаго брата Димитрія Ивановича Шуйскаго ²⁾. Въ этомъ войскѣ были дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, но значительная часть его состояла изъ татаръ, мещерскихъ, касимовскихъ, кадомскихъ, темниковскихъ и арзамасскихъ. Каждаго уѣзда татары составляли особый отрядъ подѣ начальствомъ избраннаго головы. Пока войско собиралось, Димитрій Шуйскій съ съ воеводами стоялъ въ Бѣлевѣ ³⁾, а потомъ двинулся къ Болхову.

Услыхавши, что войско Шуйскаго двинулось на вора, поляки, стоявшіе въ Кромахъ съ Рожинскимъ, прибыли снова въ Орелъ. Въ самый день ихъ прихода сдѣлался пожаръ въ Орлѣ и загорѣлся домъ, гдѣ жилъ царикъ. Онъ долженъ былъ бѣжать въ ставку Рожинскаго, на предмѣстьѣ. Отсюда онъ двинулся къ Болхову. Войско Димитрія изъ Орла поспѣшило къ Болхову. 10 мая, за десять верстъ съ небольшимъ отъ Болхова, сошлись враждебныя силы. Передовая рать Рожинскаго сдѣпилась съ передовымъ полкомъ царскаго войска. Московскіе люди подѣ на-

¹⁾ Хроногр. Археогр. комм. — *Marchos. Hist. wojny Mosk.* 20. — *Визнов.* 82.

²⁾ Распределеніе воеводства было такое: товарищемъ Шуйскаго — Михайло Алексѣевичъ Нагой; впереди — бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ сторожевомъ полку — бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. А съ ними посланы многіе ратные люди изъ всѣхъ городовъ, дворяне и дѣти боярскіе, — и съ мещерскими князи, и мурзы, и татарове. А съ касимовскими мурзы и съ татарове, — голова Жозанъ Петровъ, сынъ Болтинъ; а съ кадомскими — Остаеой Яковлевъ сынъ, Сохонецъ; съ темниковскими — Федоръ Клокачевъ; съ арзамасскими — Степанъ Шитловъ — нижегородецъ.

³⁾ Хроногр. Арх. комм.

частьствомъ Голицына бѣжали, привели въ безпорядокъ большой полкъ, пробились сквозь него и достигли до сторожевого полка. Но этимъ полкомъ начальствовалъ человекъ похрабрѣе и искуснѣе другихъ — князь Иванъ Куракинъ, тотъ, который прошедшею зимою отбилъ вора отъ Брянска. И теперь онъ отразилъ поляковъ, хоть и самъ потерпѣлъ; нѣмецкая рота, служившая въ московскомъ войскѣ, тогда вся пропала; за то у вора пропала цѣлая хоругвь Тупальскаго, которая далеко отъ своихъ увлеклась впередъ и наткнулась на храбрый сторожевой полкъ. Стало смеркаться. Поляки воротились въ свой обозъ, русскіе — въ свой.

Утромъ 11 мая, Рожинскій двинулъ въ бой противъ московскихъ людей все свое войско. Московскіе люди стали за болотомъ, которое трудно было перейти. «Они, — говорили поляки, думаютъ, что мы такіе простаки, что такъ и полѣземъ въ болото, не разсмотрѣвши хорошенько мѣста!» Поляки начали искать удобнаго мѣста для переправы и нашли его. Въ то же время пришло въ голову слугамъ, которые находились при возахъ, наткнать значковъ въ возы; возы двигались, поднялась пыль. Московскіе люди не могли различить хорошенько возовъ, видѣли только въ облакѣ пыли значки и вообразили, что, должно быть, идетъ огромное войско. Московскіе воеводы разсудили, что вступать въ бой опасно, — лучше уйти къ Болхову. И призывали отправлять нарядъ. Нашелся измѣнникъ, сынъ боярскій, каширинъ Иванъ Лихаревъ: онъ перебѣжалъ къ Рожинскому и объявилъ, что московскіе люди хотятъ уходить и уже отправили нарядъ; поляки нарочно задерживали возы вдали, чтобъ московскіе люди не могли разобрать, что тамъ такое, а сами стали переправляться черезъ болото. Тогда московскіе люди рѣшительно потеряли духъ и бѣжали въ безпорядкѣ; ихъ свирѣпо преслѣдовали поляки верстъ двадцать, отняли у нихъ нарядъ и догнали до засѣки. То была большая деревянная стѣна съ землянымъ присыпомъ. Такія стѣны тянулись на сотни верстъ; онѣ охраняли государство отъ татарскихъ набѣговъ. По длинѣ засѣки стояли башни, а кое гдѣ въ стѣнахъ продѣланы были ворота. Когда пришлось московскимъ людямъ вбѣгать въ такія ворота и тѣсниться, поляки наперли на нихъ со всѣхъ сторонъ и жестоко ихъ побѣдили. По степи, гдѣ бѣжали московскіе люди, лежало чрезвычайно много труповъ; они долго оставались безъ погребенія; цѣлое лѣто послѣ того, вѣтеръ разносилъ по окрестностямъ смрадъ отъ гнѣющихъ людскихъ и конскихъ тѣлъ. Побѣдителямъ, кромѣ пушекъ, досталось много разнаго оружія. «Вотъ, говорили поляки, какъ ихъ Богъ покаралъ за гордость!

Они хвалились, что дойдутъ до Кіева, а теперь поражены отъ малаго польскаго войска — ихъ тысячъ сто, а нашихъ какихъ-нибудь тысячъ пять! и мы ихъ такъ побили.»

Черезъ день потомъ, 13 мая, Рожинскій подступилъ подъ Болховъ; тамъ, кромѣ гарнизона, заперлось тысячъ пять убѣжавшихъ съ поля битвы. Старшими въ Болховѣ были: князь Третьякъ-Сейтовъ да Гедройць, родомъ литвинъ: проживалъ онъ когда-то на Запорожьѣ, оттуда убѣжалъ въ Московское государство и тамъ уже усвоилъ московскую народность. Болховцы сперва отбивали приступы, но въ среду, 14 мая, разсудивъ, что нельзя имъ удержаться, сдались и присягнули царю Димитрію ¹⁾.

Болховская побѣда значительно поддержала Димитрія. Поляки стали вѣрить въ его родовое счастье и обращались съ нимъ уважительнѣе, а онъ понималъ, что безъ поляковъ существовать не можетъ. Онъ собралъ ихъ и говорилъ: «Я надѣюсь, съ вашею помощію, скоро сѣсть на столицѣ предковъ! Заплачу вамъ тогда за всѣ ваши труды и отпущу въ отечество. Умоляю васъ не покидать меня! Когда я буду государемъ въ Москвѣ, и тогда безъ поляковъ не могу я сидѣть на престолѣ; хочу, чтобы при мнѣ всегда были поляки: одинъ городъ держать будетъ у меня московскій челоуѣкъ, а другой — полякъ. Золото и серебро — все, что есть въ казнѣ — все ваше будетъ, а мнѣ останется слава, которую вы мнѣ доставите. Когда вамъ придетъ нужда уйти домой, не покидайте меня, куда не придутъ на ваше мѣсто другіе поляки изъ Польши.» Чтобы богѣе придать видъ справедливости своему дѣлу, поляки сыиграли еще одну комедію. Какой-то бернардинъ началъ кричать: «это со-всѣмъ не тотъ царь, что прежде назывался Димитріемъ! Я съ нимъ жилъ въ одной кельѣ, въ Самборѣ! Наша война несправедная, надобно воротиться назадъ!» И какъ будто для того, чтобы увѣрить поляковъ, что называвшій себя Димитріемъ — обманщикъ, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Но послѣ того, онъ говорилъ своимъ такъ: «я ошибался! Удивительно, какъ это я подумалъ что онъ не прежній!... Теперь я увидѣлъ и удосто-вѣрилъ, что онъ точно тотъ самый, котораго я зналъ въ Самборѣ!...»

Изъ-подъ Болхова двинулось войско Димитрія въ столицѣ очень спѣшно. Передовой полкъ составляли московскіе люди, сдавшіеся въ Болховѣ. Они, только-что перешли рѣку Угру, тотчасъ отдѣлились отъ полчища, убѣжали впередъ въ Москву и

¹⁾ March. 25. — Hist. Dm. falsa. — Ник. 97. — Хроногр. Арх. Ком. 545.

дали знать царю, что воръ идетъ скоро; но войско его не такъ огромно, какъ могло показаться тѣмъ, что были разбиты подъ Болховымъ. «Это такъ только по грѣхамъ нашимъ стало!» говорили они.

Вышло другое царское войско противъ воровскаго полчища. Оно было подъ начальствомъ Михайла Снопина-Шуйскаго, и стало на рѣкѣ Незнани. Но Рожинскій съ воровъ не пошелъ ему на встрѣчу а повелъ свое полчище черезъ Козельскъ и Калугу на Можайскъ. Нигдѣ не нашли они сопротивленія. Вездѣ люди выходили съ хлѣбомъ и солью — встрѣчали Дмитрія своего законнаго царя, съ образами и коловольнымъ звономъ. Только въ Можайскѣ не хотѣли-было принять его и заперлись въ монастырѣ святого Николая. Но этотъ монастырь съ острогомъ стоялъ на небольшомъ холмѣ, и съ сосѣдняго большого холма можно было видѣть, что дѣлается въ городѣ; поляки съ этого холма стали стрѣлять изъ пушекъ и скоро принудили осажденныхъ сдать и присягнуть царю Дмитрію. Царикъ вѣхалъ въ монастырь и поклонился чудотворному образу святого Николая.

Изъ Можайска двинулось полчище подъ столицу. Подъ Звенигородомъ встрѣтилъ ихъ полякъ, Петръ Борзовскій, изъ свиты задержанныхъ польскихъ пословъ. Онъ, именемъ пословъ, приглашалъ своихъ соотечественниковъ выйти изъ предѣловъ Московскаго государства, и не нарушать мирнаго договора, заключеннаго между Москвою и Польшей. Рыцарское коло дало ему такой отвѣтъ: «что вы это говорите, то вы говорите по неволѣ — Москва васъ къ этому принуждаетъ! А мы, коли сюда зашли, такъ уже ничьихъ приказаній не слушаемъ, только на помощь Божію надѣемся, и не оставимъ своего предпріятія, пока не посадимъ на престолъ того, съ кѣмъ пришли!»

1-го іюня достигли они Москвы, и, въ солнечный день, удивлялись красотѣ золоченыхъ верховъ безчисленныхъ церквей царской столицы. Сначала поляки остановились на правомъ берегу Москвы-рѣки, съ сѣверной дороги. Изъ города не показывалось живой души. Поляки осмотрѣлись и стали между собою говорить: «мѣсто неудобно; мы сами стоимъ внизу, и около насъ горы — онѣ будутъ намъ, при случаѣ, помѣхою! Притомъ, Москва будетъ получать запасы изъ своихъ земель; мы такъ ничего ей не сдѣлаемъ! А мы лучше перейдемъ на другую сторону рѣки и станемъ мѣшать подвозить въ столицу продовольствіе.» По этому соображенію они переправились черезъ Москву-рѣку и стали обозомъ въ селѣ Тайнинскомъ, за семь верстъ отъ столицы. Но вышло противно ихъ планамъ. Они хотѣли

стѣснить Москву и не допускать провозъ запасовъ въ столицу, а вмѣсто того были сами стѣснены Москвою. Продовольствіе для нихъ должно было подходить съ южной и съ западной сторонъ Москвы, а для того, чтобъ достигъ ихъ стана — огибать городъ. Во время этого огиба, москвичи захватывали возы съ запасами, и, такимъ образомъ, попало въ плѣнъ нѣсколько значительныхъ вупцовъ, ѣхавшихъ съ товарами изъ Сѣверской земли. Надобно было искать иного мѣста.

Снялись и двинулись. Московское войско вышло изъ столицы, и за Тверскими воротами заступило — было имъ дорогу. Поляки пробились сквозь его и дошли до села, называемаго Тушино. Мѣсто показалось имъ удобнымъ. Здѣсь они рѣшились заложить лагерь. Избранное мѣсто между Москвою-рѣкою и извилюстою рѣчкою Выходнею отлично было ограждено водою съ трехъ сторонъ. Только съ одной стороны, на пространствѣ 700 шаговъ, нужно было сдѣлать искусственное укрѣпленіе отъ ближайшаго къ Москвѣ-рѣкѣ изгиба рѣки Выходни до Москвы-рѣки.

Не успѣли остановиться поляки на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ приходитъ вѣсть, что московская сила, собравшись вновь, готовится напасть на нихъ. Прежде нападенія явилось къ нимъ двое поляковъ: Домарацкій и Бучинскій, извѣстные слуги Дмитрія. Они извѣщали отъ имени пословъ, что заключенъ миръ, и поляки должны выйти изъ предѣловъ Московскаго государства. «Это хитрость московская», — закричало волю, — «нечего этому вѣрить! Они насъ хотятъ усыпить. Нѣтъ! Не выйдемъ отсюда, пока не посадимъ на престолъ царя Дмитрія!»

Рожинскій рѣшилъ предупредить нападеніе московскихъ войскъ и напасть самому на московскій обозъ. Войско царя Василія, состоявшее на половину изъ русскихъ, на половину изъ татаръ и другихъ инородцевъ, стояло подъ городомъ, растянувшись до рѣки Ходынки. На Ваганьевомъ-Полѣ стоялъ самъ царь Василій со всѣмъ разрядомъ. Его станъ былъ оцепанъ ровомъ и по рву были поставлены стрѣльцы и пушкари съ орудіями ¹⁾.

Съ 4-го на 5-е іюня ночью двинулъ Рожинскій свое войско тремя отрядами на московскій обозъ ²⁾. Московскіе знатные люди

¹⁾ Начальство въ московскомъ войскѣ распределено было такъ: въ большомъ полку — бояринъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ; въ передовомъ полку — бояринъ кн. Иванъ Михайловичъ Воротинскій и околанчій князь Григорій Петровичъ Ромодановскій; въ сторожевомъ — стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, да Федоръ Борисовичъ Головинъ.

²⁾ Вѣсто пошелъ Адамъ Вишневецкій, вправо, къ рѣкѣ Москвѣ, Хруслинскій, а самъ Рожинскій входилъ по дорогѣ между зарослями.

стали и не ожидали нападенія; была надежда, что заключенъ миръ съ Польшою, и послы принудятъ своихъ единоземцевъ отступить отъ вора. Поэтому, когда передъ разсвѣтомъ Рожинскій напалъ на московскій обозъ, то московскіе люди, проснувшись, хоть и хватились за оружіе и начали драться отчаянно, да порядка у нихъ не было. Поляки разгромили ихъ, забрали весь ихъ обозъ съ пушками; на протяженіи пяти верстъ гнали бѣгущихъ побѣдители. Но когда обвидѣло, то часть войска московскаго, та, которая стояла на Ваганьковѣ съ царемъ, увидѣла погромъ своихъ, бросилась на полявовъ, прогнала ихъ за рѣку Химку. Московскимъ людямъ не удалось, однако, вернуть ни своихъ пушекъ, ни захваченнаго поляками обоза: польская челядь его ограбила въ то время какъ польскіа товарищи дрались съ войскомъ царя Василія. Поляки привели въ свой лагерь одного знатнаго плѣнника — князя Василія Мосальскаго. Изъ страха онъ присягнулъ вору и обѣщаль служить.

Эта стычка не была полезна царю Василію. Дѣла его шли плохо и въ другихъ мѣстахъ. Рожинскій, когда шелъ въ Болхову, отпустилъ отрядъ, подъ предводительствомъ Лисовскаго, въ Рязанскую землю. Въ этомъ отрядѣ былъ всякій сбродъ изъ польскихъ владѣній, да еще донскіе казаки и московскіе воровскіе люди. Лисовскій занялъ Зарайскъ. Мятежъ противъ Василія распространялся по Рязанской землѣ. Пронскъ сталъ за Дмитрія. Прокопія Ляпунова ранили пулей въ ногу. Удача въ Рязанской землѣ зависѣла отъ этого человѣка; куда велъ онъ рязанцевъ, туда шли они. Когда онъ не могъ уже быть въ дѣлѣ, все пошло дурно въ Рязанской землѣ. Братъ его Захаръ приступилъ было къ Зарайску и былъ разбитъ. Лисовскій набралъ много плѣнныхъ, а другіе изъ побѣжденнаго войска добровольно покинули оружіе и пристали къ нему. Надъ убитыми рязанцами Лисовскій приказалъ насыпать холмъ въ память своей побѣдѣ. Войско Лисовскаго увеличилось тогда воровскими людьми изъ урянныхъ городовъ Московскаго государства до тридцати тысячъ.

Изъ - подъ Зарайска Лисовскій пошелъ на Коломну. Этотъ городъ былъ взятъ пристуномъ. Бояринъ Князь Владимиръ Долгорукій достался въ плѣнъ; Лисовскій вzialъ съ собой коломенскаго владыку Юсифа и двинулся къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ князя Куракина ¹⁾. На до-

¹⁾ Распределение было таково: въ большомъ полку — князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ и товарищъ его Григорій Григорьевичъ Пушкинъ; въ передовомъ — бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и князь Григорій Константиновичъ Волковскій; въ сторожевомъ — чашникъ Василій Ивановичъ Вутуринъ.

рогѣ между Москвою и Коломною на Медвѣьемъ броду встрѣтились они съ Лисовскимъ. Битва была упорная. Лисовскій былъ разбитъ, потерялъ нарядъ; много плѣнныхъ изъ его отряда взято. Освободили владыку Иосифа и Долгорукаго. Лисовскій убѣжалъ въ Тушино въ беспорядкѣ. Но приходъ его все-таки усилилъ Дмитрія, потому что съ нимъ прибѣжало много людей годныхъ къ бою. Коломна была освобождена, и царь приказалъ укрѣпить ее. Это былъ важный пунктъ для охраненія Москвы и сообщенія съ югостокомъ.

Въ Москвѣ расположеніе умовъ было таково, что способствовало тому, чтобы споръ между Василиемъ и призравомъ Дмитрія тянулся сколько возможно долѣе. Въ Москвѣ больше чѣмъ гдѣ нибудь было знавшихъ навѣрное, что Дмитрія, который царствовалъ, нѣтъ на свѣтѣ — и потому Москва не могла скоро передаться вѣдомому обманщику всѣмъ городомъ, особенно, когда этотъ обманщикъ шелъ съ ненавистными для Москвы поляками. Но большая часть Москвы не любила и Шуйскаго. Поэтому тѣ изъ москвичей, у которыхъ совѣсть была полегче, какъ только увидали, что двое называются царями: одинъ въ Москвѣ, а другой подъ Москвою въ Тушинѣ, то и заключили, что изъ такого положенія дѣла можно извлекать собственную пользу, и не стали затрудняться крестнымъ цѣлованіемъ, даннымъ Шуйскому, а переходили въ Тушино, когда находили это для себя выгоднымъ. Подъ-стать было бѣгать туда простымъ людямъ: царикъ Тушинскій, по необходимости, долженъ былъ казаться царемъ черни. Но въ нему стали переходить и знатные люди. Еще когда воръ подходилъ къ столицѣ, трое князей служившихъ въ войскѣ Скопина - Шуйскаго: Иванъ Катывевъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Трекуровъ обвинены въ измѣнѣ и сосланы, а ихъ товарищи казнены. Послѣ Ходынскаго дѣла, уѣхалъ въ Тушино стольникъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, человекъ очень ограниченныхъ способностей, но знатнаго рода. Съ нимъ поѣхалъ одинъ изъ Черкасскихъ князей, Дмитрій Мамстрюковичъ, и по ихъ примѣру другіе, носившіе высокое званіе, стольники и страпчіе, поѣхали туда же, а на нихъ глядя, поѣхали съ поклономъ въ Дмитрію дѣвы и подьячіе. Князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, князья Иванъ и Семень Засѣины, и многіе стольники и страпчіе; а съ посольскаго приказа отбѣхалъ первый подъячій Петръ Алексѣевъ Гребеневъ, съ нимъ два подьячихъ Ивашки Веригина дѣти Ковертевы¹⁾. Москвичи стали пугаться и подумывать: какъ имъ быть, если городъ возьметъ Дмитрій. «И

¹⁾ Хроногр. Арх. Ком. — Някоп. Лѣтоп. 96. 100. 106. — Marchoc. 21. 36.

впрямъ видно онъ настоящій, когда къ нему чиновные люди идутъ», говорили въ народной толпѣ? «Что же? Бояре и дворяне учинили смуту, а не мы; они подняли народъ, людей царскихъ перебили, самого царя прогнали, а мы ничего не знаемъ: такъ и скажемъ!» — «Да — замѣтилъ кто-то — онъ такой разумникъ и вѣдунъ, что какъ на кого взглянетъ, такъ и узнаетъ: виноваты ли тотъ или нѣтъ!» — «Бѣда, сказалъ какой-то удалецъ — я вотъ этимъ ножемъ пятерыхъ полявовъ и слугъ зарѣзалъ¹⁾».

Войско вора каждый день усиливалось новыми охотниками, приходившими изъ польскихъ владѣній. Прибылъ нѣкто Бобровскій съ гусарскою хоругвью; потомъ Андрей Млоцкій съ двумя хоругвями — гусарскою и казацкою; потомъ Александръ Зборовскій и Выламовскій. У нихъ было у каждого до тысячи конныхъ. Наконецъ, разнесся слухъ, что идетъ въ Тушино на помощь и Янъ Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, знаменитый богатырь и воевода. Его осудили въ отечествѣ за буйство, а онъ, не подчиняясь приговору суда, набралъ толпу вольницы всякого рода и повелъ ее въ Московское государство. Его дядя канцлеръ Левъ Сапѣга не одобрилъ такой затѣи, но удержать его не могъ. Чувствуя себя царемъ черни, воръ вначалѣ держался равенства въ обращеніи съ сообщниками. «У нашего царя — говорить современникъ — все дѣлается какъ по евангелію; всѣхъ равняетъ онъ на службѣ²⁾». Вначалѣ тому не противились; но какъ пристали къ вору породистые люди, возникли споры о старшинствѣ, зависть и соперничество.»

Не долго можно было обманывать народъ надеждами на небывалыя льготы. У Дмитрія или лучше сказать у Рожинскаго, который всѣмъ заправлялъ, не много было денегъ: доставалось только по тридцати золотыхъ на человѣка. Недостатокъ казны рѣшили пополнить сборомъ дани съ Сѣверской земли, которая повиновалась имени Дмитрія. Для сбора этой дани послано по два человѣка съ отрядами: одинъ московскій человѣкъ, другой полякъ. Куда они приходили, тамъ народъ начиналъ чувствовать, что льготы царя Дмитрія больше на словахъ состоятъ, чѣмъ на дѣлѣ.

¹⁾ Petr. 218.

²⁾ Marchoc. 37.

IV.

Переговоры съ новыми польскими послами и отпускъ ихъ. — Увольненіе плѣнныхъ поляковъ. — Мнишекъ и Марина въ воровскомъ таборѣ. — Призваніе Мариною вора первымъ своимъ мужемъ.

Вѣроятнѣйшимъ способомъ избавиться царю Василю отъ тушинскаго соперника казалось уладить дѣло съ полявами, утвердить мирный договоръ и чрезъ посредство польскихъ пословъ удалить поляковъ, служившихъ вору. Посланники царя Василя воротились изъ Польши въ 1607 г. За ними отправились въ Москву послы польскіе: Воловичъ и князь Друцкій-Сокольницкій. Пребываніе русскихъ пословъ въ Польшѣ обѣщало мало надеждъ. Пока они доѣхали до польской столицы, то въ каждомъ городѣ принуждены были терпѣть оскорбленія. Приставы предостерегали ихъ, что ихъ убить могутъ. Польша была сильно раздражена за убійство и грабежи надъ полявами въ Москвѣ. Московскіе послы слышали повсемѣстные крики о войнѣ и мщеніи Москвѣ. Въ столицѣ ихъ держали почти подъ стражею, и не допускали до представленія королю, пока не кончился сеймъ. Имъ говорили, что это дѣлается потому, что тогда съѣхалось въ Варшаву много родственниковъ и друзей убитыхъ въ Москвѣ, и потому положеніе ихъ не безопасно. Когда послы жаловались на стѣсненіе, имъ напоминали, что польскіе послы и оставшіеся въ живыхъ паны задержаны въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ, ихъ допустили къ Сигизмунду. Представленіе ограничилось обычными церемоніями. Послѣ того назначили пановъ для переговоровъ съ ними. Тутъ оказалось, что дѣло такъ запуталось, что невозможно было рѣшить его мирно. Послы, по наказу, сваливали появленіе названнаго Дмитрія на поляковъ, а поляки оправдывали себя тѣмъ, что московскіе люди сами признали его истиннымъ Дмитріемъ, обвиняли москвитянъ за убійство своихъ единоплеменцевъ, требовали выпуска задержанныхъ пословъ и возвращенія ограбленнымъ торговцамъ ихъ имуществъ. Московскіе послы на счетъ послѣдняго дѣла отзывались, что имъ не дали объ ономъ уполюмочія и жаловались въ свою очередь, что новые вору находятъ себѣ въ Польшѣ поддержку. Паны говорили имъ на прямыя: «если вашъ государь отпустить сендомирскаго воеводу съ товарищами и всѣхъ польскихъ людей, которые теперь у васъ въ Москвѣ; то не будетъ ни Дмитрашки, ни Петрушки. А если вашъ государь ихъ не отпустить, то Дмитрашка будетъ Дмитрій царь, и Петрушка будетъ царевичъ Петръ, и наши станутъ съ ними за одно.»

Послы уѣхали изъ Польши ничего не добившись, и могли только привести извѣстіе, что вслѣдъ за ними будутъ польскіе послы въ Москву.

Узнавши, что московскіе послы воротились, задержанные въ Москвѣ послы: Олесницкій и Гонсѣвскій, требовали, чтобы ихъ отпустили. Но приставы сказали имъ на это, что имъ слѣдуетъ ждать, пока прійдутъ изъ ихъ отечества новые послы. Олесницкій и Гонсѣвскій вышли изъ себя, отзывались неуважительно о московскомъ правительствѣ и царѣ, кричали: «нѣтъ правды ни въ нашемъ государствѣ, ни въ вашихъ боярахъ,» — обращались грубо съ приставами. Посольскіе люди кричали московскимъ людямъ: «быть вамъ на воляхъ съ боярами и съ вашимъ государемъ!» Но какъ ни горячились они, все-таки остались въ почетной неволѣ¹⁾. Это не мѣшало имъ, однако, по обычаю ссориться между собою. Въ посольскомъ дворѣ была чрезвычайная тѣснота; человѣкъ до трехсотъ въ немъ помѣщалось. Для ихъ духовнаго утѣшенія москвичи позволили быть съ ними вмѣстѣ отцу іезуиту съ двумя братьями іезуитскаго ордена. Такъ-какъ въ числѣ задержанныхъ поляковъ было много православныхъ, честимыхъ схизматиками, и диссидентовъ, то іезуиты стали обращать ихъ къ лону римско-католической церкви; отъ этого поднялись споры и диспуты, и дошло до того, что диссиденты хотѣли было убить іезуитовъ: насилу послы успокоили волненіе²⁾. Такъ дожидались они, пока прібыли новые польскіе послы. Это было уже осенью 1607 года. Олесницкій и Гонсѣвскій стали тогда просить отпуска и представляли, что теперь уже нѣтъ повода ихъ держать — новые послы пріѣхали. Царя не было тогда въ Москвѣ. Управлявшій столицей братъ его, князь Димитрій, не только не выпустилъ ихъ, но еще выговаривалъ за то, что они отзываются дерзко о царѣ, и въ видѣ наказанія уменьшилъ имъ кормъ.

Послѣ прибытія царя Василя Шуйскаго, начались переговоры съ новыми польскими послами. Долго они домогались, чтобы къ переговорамъ допущены были прежніе задержанные послы. Московскіе бояре упирались противъ этого. Никакъ не могли сговориться: московскіе бояре подали польскимъ посламъ на письмѣ обвинительныя статьи противъ польскаго короля и пановъ, а польскіе послы давали имъ на письмѣ отвѣтъ, гдѣ оправдывали своихъ и обвиняли во всемъ московитянъ. Польскіе послы оправдывались главнымъ образомъ тѣмъ, что никакъ не поляки посадили на престолъ Димитрія, а сами московитяне, не-

¹⁾ Моск. Арх. Ин. Д. Дѣла Польск. № 26.

²⁾ Ann. Societ. Jesu, 1608, стр. 732.

довольные тиранствомъ Годунова, приняли его въ себѣ и признали кореннымъ своимъ царемъ. «Развѣ — говорили они — не князья, бояре, воеводы и всѣ дворяне послали къ нему въ Путивль, проводили до Орла, а оттуда до Тулы, — и тамъ прѣехали къ нему изъ Москвы на поклонъ, не связанные, а добровольно — вашъ нынѣшній государь, Василій Ивановичъ, другіе Шуйскіе, Мстиславскій и ты самъ, князь Воротынскій и всѣ знатнѣйшіе дворяне, бояре и лучше люди.... Вѣдь у васъ, кромѣ бояръ, князей и дворянъ, было сто тысячъ войска. Зачѣмъ же не поймали тогда Дмитрія? Вѣдь нашихъ было какихъ-нибудь нѣскольکو сотъ....¹⁾»

Они старались очистить отъ всего не только короля своего и польскую націю вообще, но даже Мнишева и его родственниковъ; отрицали, будто Мнишевъ принялъ отъ Дмитрія запись на Смоленскъ и Сѣверскую землю, сомнѣвались даже и въ записи, данной его дочери на Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ извиняли воеводу, еслибъ и такъ было; потому что всякому отцу дозволительно, отдавая дочь замужъ, думать о ея обезпеченіи.

Бояре выставляли имъ на видъ, будто Мнишевъ самъ сознавался, что Дмитрій дѣйствовалъ по наущенію короля и пановъ рады.

— Не могъ, — отвѣчали послы, — воевода и сенаторъ говорить такую небылицу на короля. А еслибъ и такъ было, то это онъ говорилъ по принужденію, по вашей волѣ. Что же это за свидѣтельство?» Они опровергали многое очень ловко и искусно: такъ наприимѣръ, когда бояре объясняли, что царица Марѳа признала сыномъ своимъ Гришку Отрепьева потому, что онъ грозилъ ей смертью, паны замѣтили, что это невозможно; еслибъ онъ убилъ ее за то, что она не хотѣла признать его сыномъ, то тѣмъ самымъ показалъ бы всѣмъ, что онъ не истинный Дмитрій, а самозванецъ. «Вы держите ее въ рукахъ, въ неволѣ, и дѣлаете съ нею, что хотите, — такъ она и говоритъ по вашему приказанію.» — Приходилось защищать и Аеанасья Власьева, котораго бояре называли воромъ. Послы вспоминали, что этотъ Аеанасій Власьевъ не разъ ѣздилъ отъ прежнихъ царей посломъ и въ Польшу, и въ императору, и заключали изъ того, что послѣ того нельзя и распознать, кто изъ москвичей воръ и кто честный человѣкъ. Относительно обвиненія короля и польскихъ пановъ въ намѣреніи искоренить въ Московскомъ государствѣ православную вѣру, польскіе послы увѣряли, что въ польскихъ владѣніяхъ ненарушима остается греческая вѣра, а папа въ Италіи

¹⁾ Suppl. 425.

дозволяетъ строить церкви, гдѣ отправляется богослуженіе по восточному обряду. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что въ Польшѣ духовенство греческой вѣры пользуется большими правами, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ; польскій король не смѣетъ лишить сана митрополита и епископа русской церкви, а въ Московскомъ государствѣ цари по своему произволу смѣняютъ и назначаютъ своихъ архіереевъ.

Москвичи обвиняли воеводу и прибывшихъ съ нимъ поляковъ, будто они затѣвали побить бояръ и захватить власть въ Московскомъ государствѣ.

Послы противъ этого указывали, что воевода и другіе пріѣхали на свадьбу съ такимъ числомъ людей, съ какимъ невозможно покорять большихъ городовъ. «Вы взводите на поляковъ — говорили послы — будто они ругались надъ образами, привязывали въ поясамъ кресты, ходили въ церкви съ оружіемъ, брали у москвичей насильно женъ и дочерей, и причиняли московскимъ людямъ различныя оскорбленія. Что большая часть взведеннаго на поляковъ — сущая неправда, видно изъ того, что у поляковъ образъ въ такомъ же уваженіи, какъ и у русскихъ; если кто могъ позволить себѣ чтонибудь подобное, то развѣ лютеране; намъ неизвѣстно, были ли лютеране въ числѣ пріѣхавшихъ съ Мнишвомъ; но во всякомъ случаѣ въ Московскомъ государствѣ есть много своихъ лютеранъ, и прежде всего надобно поискать виновныхъ между послѣдними. Если въ самомъ дѣлѣ происходили какіянибудь безчинства отъ нѣкоторыхъ польскихъ людей низкаго званія, то воевода и другіе паны никакъ не постояли бы за нихъ и наказали бы виновныхъ; нужно было только указать на такихъ преступниковъ. Правда, люди наши приходили въ церкви съ оружіемъ, но это потому, что они не знали здѣшнихъ обычаевъ; слѣдовало бы вамъ прежде огласить это; тогда поляки бы не посмѣли поступать въ чужой сторонѣ противно обычаямъ. Они знаютъ, что въ чужую землю ѣздить не съ своими обычаями, а чтобъ чужіе обычаи узнать.» Поляки увѣрили, будто имъ неизвѣстно, были ли диссиденты въ числѣ пріѣхавшихъ съ Мнишвомъ, но они тогда хорошо знали, что ихъ было довольно.

Всего болѣе паны протестовали противъ задержанія Оленицкаго и Гонсѣвскаго; они, какъ послы, ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставляемы въ чужомъ государствѣ. Въ заключеніе всего, требовали отпуска воеводы и другихъ пановъ, и вознагражденія пограбленнаго имущества у торговцевъ.

Паны домогались, чтобъ имъ дозволили видѣться съ воеводою, и не хотѣли продолжать переговоровъ. Бояре долго упор-

ствовали. Сношенія прекратились. Новые посланники, находясь въ Москвѣ, стали, подобно старымъ, чувствовать себя въ неволѣ.

Но тогда подступалъ къ Москвѣ Димитрій. Войска Шуйскаго постыдно убѣжали. Столицѣ угрожала бѣда. Надобно было уступить. И вотъ, приказано было привезти воеводу съ дочерью и иныхъ поляковъ изъ ссылки.

Мнишекъ съ дочерью, съ сыномъ, братомъ и племянникомъ и съ толпою слугъ проживалъ все это время въ Ярославлѣ. Плѣннымъ панамъ дали для помѣщенія четыре двора: въ одномъ помѣщался старикъ воевода, въ другомъ—Марина съ своими дамами, въ третьемъ—сынъ Юрія староста Сапоцкій, въ четвертомъ—братъ Юрія съ своимъ сыномъ. Первые три двора находились рядомъ и соединялись между собою. Они стояли возлѣ самаго вала полуразвалившейся крѣпости. Четвертый дворъ былъ поодаль отъ нихъ. Немалочисленный оршаекъ пановъ размѣстили по разнымъ дворамъ посадскихъ, по близости къ панскимъ помѣщеніямъ. Туда же заслали купцовъ, задержанныхъ и ограбленныхъ въ Москвѣ. Приставы наблюдали за плѣнниками, берегли ихъ, чтобы они не убѣжали; но вообще поляки жили довольно льготно. Сначала большую часть лошадей у нихъ отобрали, оставивъ только немного, но потомъ позволили продать ихъ русскимъ. Имъ дозволили носить оружіе: былъ случай, что одинъ слуга выстрѣлилъ въ русскаго стрѣльца. Содержаніе имъ шло отъ казны, вообще нескучное; сверхъ всякихъ припасовъ—баранины, говядины, рыбы—имъ давали пиво и вино. Лѣтомъ 1607 г., часть прислуги, именно 53 человѣка, отправили въ Польшу; съ ними же выѣхали и девять купцовъ, потерявшихъ безвозвратно то, что у нихъ отнято быто въ Москвѣ, и то, что слѣдовало имъ въ уплату за забранные Димитріемъ товары. Изъ прислуги не дозволено было уѣзжать людямъ шляхетской породы, «а иной изъ насъ—говорить современникъ—радъ былъ въ то время хлопотъ назваться, лишь бы избавиться отъ неволи и уѣхать на родину.» Необходимо безъ столкновеній съ русскими. Приставы жаловались, что поляки ведутъ себя нагло, между собой и со стрѣльцами дерутся и пытаются убѣгать. Присланному на слѣдствіе воеводѣ Михайлу Михайловичу Салтыкову посадскіе люди, напротивъ, доносили, что сами эти приставы дѣлали жителямъ всякія насилія, не спуская женскому полу. Однако, жалобы на намѣреніе бѣжать оказались тогда справедливыми. Дворжницкаго, содержавшагося въ Ярославлѣ, съ тридцатью семью человѣками, ва умыселъ бѣжать, сослали въ Вологду и тамъ держали по-строже на скудномъ пропитаніи. Нерѣдко русскіе, разгулявшись,

не пропускали случая загнать полякамъ какую нибудь загвоздку. Однажды, напримѣръ, польскіе слуги ѣхали за водою. Толпа русскихъ напала на нихъ, и одинъ, сидѣвшій на конѣ, хлеснулъ плетью поляка, который везъ воду, и закричалъ: «вы, б..... дѣти, съ своимъ разстригою, надѣлали намъ хлопотъ и кровопролитія въ землѣ нашей!» Строго было запрещено передавать полякамъ вѣсти, нѣсколько разъ стрѣльцовъ приводили къ крестному цѣлованію, по этому дѣлу, но, по замѣчанію полява, пригнуть хлопу все равно, что ягоду проглотить. Паны слышали все, что тогда рассказывали по Московской землѣ о спасеніи Димитрія, ихъ веселили вѣсти о томъ, что московское государство возмущается противъ царя Василя Шуйскаго, что войска его разбиваются, что многіе чаютъ пришествія Димитрія. Между прочимъ ихъ навѣщалъ и ободрялъ одинъ католическій монахъ августинскаго ордена, замѣчательно странной судьбы человѣкъ. Странствовалъ онъ лѣтъ двадцать по Индіи, проповѣдуя католичество; былъ въ Персіи, получилъ отъ шаха проѣзжую грамоту въ Россію, и возвращался чрезъ нее въ Европу. Это было въ царствованіе Бориса. Московское государство не жаловало католическихъ проповѣдниковъ; его за что-то схватили и сослали въ Соловки. Названный царь Димитрій, узнавъ объ немъ, приказалъ привести его къ себѣ. Былъ онъ родомъ испанецъ, и черезъ него царь хотѣлъ завести сношеніе съ Испаніей. Онъ былъ въ дорогѣ, когда Димитрія убили. Царь Василій велѣлъ отправить его въ Борисоглѣбскій монастырь близъ Ростова. Отсюда этотъ монахъ (по имени Николай де Мело) завелъ съ Мнишками тайную переписку; онъ надѣялся впоследствии черезъ Мнишка получить благосклонность польскаго короля, и сообщалъ ему разныя утѣшительныя вѣсти о Димитріѣ ¹⁾. Такъ проживалъ воевода съ своей родней въ Ярославлѣ до іюня 1608 года. Тогда воеводу, Марину, ихъ свиту, родственниковъ привезли въ Москву. Какъ только новые послы переговорили съ Мнишкомъ и его родственниками, то съ своей стороны стали уступчивѣе. Неволя слишкомъ надоѣла плѣнникамъ: они умоляли поскорѣе ѣхать бы то ни было покончить, до поры до времени, съ Москвою. Бояре домогались возобовленія двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго Борисомъ. На это послы не согласились: рѣшиться на долговременное перемиріе — значило бы оставить дѣло оскорбленія своихъ соотечественниковъ. Взаимная нужда сближала спорившихъ. Паны увѣряли, что когда отпустятся прежніе

¹⁾ Hist. Rus. Mon. II, 193.

послы и задержанные паны, то дастся приказаніе полякамъ, находившимся въ Тушинѣ, отойти отъ вора.

Въ іюлѣ порѣшили наконецъ съ ними на томъ, что переговоры будутъ продолжаться впослѣдствіи съ цѣлю заключить миръ, или по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнее перемиріе, а пока ограничиться на короткій срокъ прекращеніемъ вражды. 23 іюля составили перемирный договоръ на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, до 20 іюня 1610 года. Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ поляковъ, задержанныхъ во время убійства бывшаго царя, слѣдовало отпустить и дать имъ все нужное до границы: воевода же обязывался не называть вора Лжедмитрія зятемъ, и Марина должна была отказаться отъ титула московской царицы. Послы должны были требовать, чтобъ Рожинскій и всѣ поляки, служившіе самозванцу безъ королевскаго позволенія, отошли отъ него немедленно и впередъ не приставали бы къ бродягамъ, которые стануть называться царевичами. Рубежъ оставался въ прежнемъ видѣ. Съ обѣихъ сторонъ договоръ утверждёнъ присягою ¹⁾.

Послы и съ ними задержанные прежніе послы были отпущены въ половинѣ августа. Но Мнишекъ успѣлъ какъ-то дать знать въ Тушино, что они ѣдутъ и изъявилъ желаніе, чтобъ ихъ перехватили. Съ поляками отправились въ провожатыхъ князь Владимиръ Тимофеевичъ Долгорукій съ тысячею человекъ ратныхъ людей. Такъ какъ нельзя было ѣхать прямо на Смоленскъ, то поѣхали на Угличъ, оттуда на Тверь, а изъ Твери на Бѣлую. Послы и воевода благополучно проѣхали Угличъ, Тверь, стали уже приближаться къ Бѣлой. Рожинскій послалъ въ погоню отрядъ, подъ начальствомъ Александра Зборовскаго и Стадницкаго; съ ними поѣхалъ и отрядъ московскихъ людей, подъ начальствомъ князя Василя Мосальскаго, недавно присягнувшаго вору. Отъ имени царя отправился Валавскій, носившій названіе канцлера. Въ тушинскомъ лагерѣ разсуждали и такъ и иначе. Взять Марину и привезти въ лагерь могло быть съ одной стороны полезно; съ другой — опасно. Нельзя было поручиться, что Марина согласится играть роль жены и признавать обманщика за прежняго своего мужа; за то еслибъ можно было расположить ее къ этому, то сила самозванца возрасла бы черезъ то. Поляки согласились отправить за ними погоню только для того, чтобъ русскіе повсюду узнали, что царь покушается возвратить себѣ жену, но въ самомъ дѣлѣ у нихъ было даже желаніе, чтобъ этого не случилось, чтобы казалось, будто царь

¹⁾ Польск. дѣла арх. минист. иностр. дѣлъ 27.

хотѣлъ воротить свою супругу, да не успѣлъ; главное, лишь бы слухъ пошелъ, что царь посылалъ за женою. Димитрій написалъ грамоты въ города, признававшіе его: въ Торопецъ, Луки, Заволочье, Невель, о томъ, что отпущены изъ Москвы литовскіе пани и паны; повелѣвалось ихъ задержать и посадить подъ стражу¹⁾. Валавскій отправился съ полкомъ своимъ, и съ умысломъ приостановился, чтобъ не дойти до конвоя, за которыми слѣдовали Мнишекъ съ дочерью. Мнишекъ и Олесницкій, конечно, предувѣдомленные, желая, чтобъ ихъ нагнали и взяли, въ селѣ Верховъѣ остановились, упрямылись, не слушали конвойныхъ, медлили нарочно, чтобъ дать время и возможность воровскимъ людямъ догнать ихъ. За Валавскимъ шелъ Зборовскій, но и тотъ совсѣмъ не надѣялся, чтобы можно было догнать ихъ, пошелъ за ними будто въ погоню, — и сверхъ ожиданія и желанія, подъ деревнею Любеницами, наткнулся на нихъ 16 августа. Многіе изъ бывшихъ съ княземъ Долгорукимъ для провожанья Марины и Мнишковыхъ дѣтей боярскихъ — вязьмичи, смоляне, дорогобужане, съ дороги самовольно разбѣжались и разѣхались по своимъ помѣстьямъ. У Долгорукаго оставалось мало людей; онъ не могъ защищаться: не выдержалъ напора. Русскіе ушли. Паны достались своимъ. Въ числѣ ихъ былъ и посоль Олесницкій. Гонсѣвскій уѣхалъ прежде иною дорогою и уже перебрался за границу.

Недалеко оттуда въ Царевѣ-Займищѣ стоялъ Янъ Сапѣга съ семью тысячами удалыцовъ, собравшихся съ нимъ идти на Москву. Сапѣга уже извѣстилъ Димитрія, что онъ идетъ къ нему на помощь, а Димитрій уже послалъ ему грамоту, гдѣ обѣщалъ пожаловать его такъ, какъ у него и на умѣ нѣтъ, но требовалъ, чтобъ онъ, проходя чрезъ московскія земли, не велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ грабить и насиловать русскихъ жителей. Въ это время Марина, страшась за неизвѣстность своей судьбы, рѣшилась отдаться подъ защиту Сапѣгѣ.

29 августа, Сапѣга пріѣхалъ къ ней въ Любеницы и на другой день привезъ ее въ Царево-Займище, а на слѣдующій день двинулся въ путь къ Тушину. Марина ѣхала съ панами; посланники за нею ѣхали особо отъ Сапѣги, хоть рядомъ съ нимъ. Въ селѣ Сорокинвахъ, 1 сентября, явился къ ней панъ Заблоцкій отъ имени Димитрія, поздравилъ съ освобожденіемъ и приглашалъ къ супругу. Въ Можайскѣ ее встрѣчали съ хлѣбомъ солью, какъ свою государыню²⁾. Она не видѣла трупы Димитрія, и ей могло казаться возможнымъ, что онъ, какъ ее увѣрили,

¹⁾ Акт. кст. II. 121.

²⁾ Diar. Sapiehy.

спасся отъ смерти въ страшное утро 17 мая 1606 года, и потому Марина, сидя въ каретѣ, была весела и пѣла. Подъѣхалъ къ ней кто-то и сказалъ: «вы, Марина Юрьевна, веселыя пѣсенки распѣваете—оно бы кстати было веселиться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ вашего мужа; на бѣду, тамъ не тотъ Димитрій, который былъ вашимъ супругомъ, а другой.» Марина, услышавши это, начала плавать. Тутъ подъѣхалъ къ ней одинъ изъ главныхъ пановъ, вѣжета, Зборовскій, и спросилъ: «что вы такъ грустны? вамъ слѣдуетъ веселиться; вы скоро прійдете къ вашему супругу.» — «Мнѣ говорятъ совсѣмъ иное,» — сказала Марина. — Кто сказалъ вамъ иное? спросилъ панъ. По извѣстію нѣмецкаго лѣтописца ¹⁾, сказавшій Маринѣ правду былъ польскій шляхтичъ, и когда присталъ къ нему панъ — тотъ увертывался и говорилъ: «я не утверждалъ, что Димитрій не прежній, а сказалъ, что въ лагерѣ говорятъ, будто онъ не прежній.» Это не помогло ему; его связали и въ Тушинѣ съ нимъ раздѣлялись. По извѣстію поляка, бывшаго на службѣ вора ²⁾ (Мархонцаго), Маринѣ объявилъ объ этомъ первый князь Мосальскій. Могло быть, конечно, что, услышавши прежде какойнибудь намекъ отъ шляхтича, она спрашивала Мосальскаго, а тотъ объявилъ ей истину. Какъ бы то ни было, женское чувство возмутилось — Марина стала упрямиться и отбиваться.

8 сентября, приближаясь къ Звенигороду, Марина ѣхала въ своей каретѣ, окруженная войскомъ, уже какъ плѣнница. Въ Звенигородѣ она простояла два дня; предлогъ былъ — присутствовать при переложеніи мощей ³⁾; но въ это время она все упрямилась, паны старались ее уломать. Тутъ Мосальскій, объявившій ей, что она встрѣтитъ въ Тушинѣ другого Димитрія, а не прежняго своего мужа, — увидѣлъ, что ему не сдобровать и убѣжалъ къ Шуйскому. Марину повезли далѣе: она горько плакала и жаловалась на свою судьбу.

11 сентября (1 ст. ст.) привезли ее къ Тушину. Верстъ за десять выѣхало къ ней двое пановъ съ поздравленіями. Повѣздъ слѣдовалъ далѣе; виднѣлся таборъ, — отъ него было всего двѣ версты. Тогда явился къ царицѣ Ружинскій, извинялся за царя, что онъ самъ не выѣхалъ на встрѣчу, потому что нездоровъ и приглашалъ Марину въ обозъ. Но Марина кричала, что не поѣдетъ ни за что. Вести ее насильно нельзя было, потому что нужно было, чтобы всѣ видѣли нѣжную радость двухъ супру-

¹⁾ Buss. 21.

²⁾ Marchoc. 39.

³⁾ Собр. госуд. грам. II, 389.

говъ при свиданіи. Остановились на берегу Москвы-рѣки, на сухомъ лугу, противъ табора. Зборовскій и Стадницкій уѣхали къ своему царю, а Сапѣга принялся уговаривать Марину играть роль.

Марина слышать не хотѣла. Черезъ нѣсколько часовъ Зборовскій, посовѣтовавшись съ царикомъ, снова пріѣхалъ и приглашалъ ѣхать къ царю Сендомирскаго воеводу. Мнишекъ поѣхалъ съ Рожинскимъ. На другой день поѣхалъ, по приглашенію Зборовскаго, къ царю Олесницкій. Какими глазами взглянули въ первый разъ Мнишекъ и Олесницкій на новаго Дмитрія — неизвѣстно; но должно быть не поддались сразу. Олесницкій, представившись Дмитрію, обѣдалъ не у него, а у Рожинскаго. 15 сентября (5 ст. ст.), Мнишекъ еще разъ поѣхалъ къ царю: — «это онъ хочетъ узнать истинный ли онъ Дмитрій» — говорили поляки. Въ другое посѣщеніе Мнишекъ сошелся съ вормъ. Новый претендентъ на званіе Дмитрія обѣщалъ Мнишку триста тысячъ рублей и въ полное владѣніе Сѣверскую землю съ четырнадцатью городами. Что въ этотъ день Мнишекъ поддакъ и соблазнился на обѣщанія вора и съ своей стороны продалъ ему дочь — показываетъ то, что на другой день Дмитрій уже осмѣлился пріѣхать къ царицѣ. Марина, какъ увидѣла его, то отвернулась отъ него съ омерзѣніемъ и была очень разсержена за то, что онъ осмѣлился явиться къ ней въ качествѣ супруга. Паны надѣялись, что она обойдется, оставили ее подъ стражею, а Сапѣга сталъ показывать царю свое войско.

Между тѣмъ въ Москвѣ отъ Мосальскаго узнали, гдѣ очутился Сендомирскій воевода съ дочерью, и отправили въ Тушино Василя Бутурлина и князя Прозоровскаго. На переговоры съ ними вышли: Мнишекъ, оба брата Вишневецкихъ и Рожинскій; къ сожалѣнію, не осталось подробностей этихъ переговоровъ, извѣстно только, что они ничѣмъ не окончились. Съ послами Шуйскаго паны обходились дружески ¹⁾. Самъ Мнишекъ, впоследствии, когда въ Польшѣ на него были обвиненія, увѣрялъ, что въ то время онъ совѣтовалъ москвичамъ отдаться польскому королю и Рѣчи Посполитой. Но этому показанію нельзя придать большой вѣры.

Паны достигли своего, и, при помощи нѣжнаго родителя, уговорили Марину. Къ ихъ голосу присоединилъ свой голосъ іезуитъ, увѣряя, что на все должно рѣшаться для блага церкви. Такъ, наконецъ, Марина согласилась играть комедію, но съ условіемъ, что называвшій себя Дмитріемъ не будетъ съ нею

¹⁾ Diar. Sapiehy.

жить какъ съ женой до тѣхъ поръ, пока овладѣетъ Мосевою. Есть извѣстіе, что іезуитъ даже обвинчалъ ихъ тайно для успокоенія совѣсти.

Въ то же время и посоль Сигизмунда успокоилъ свою совѣсть; воръ далъ ему грамоту на владѣніе городомъ Бѣлою и, на другой день 19 (9 ст. ст.), воръ вмѣстѣ съ Олесницкимъ приѣхалъ въ одной коляскѣ въ обозъ въ Маринѣ. Послуживши такимъ образомъ съ своей стороны обману, Олесницкій на другой же день (10 сентября) уѣхалъ изъ табора. Съ нимъ собрались въ отечество многіе изъ бывшихъ въ плѣну съ 1606 г. и большая часть женскаго двора Марины, но едва они уѣхали верстъ пятнадцать отъ обоза, какъ разнесся слухъ, что Шуйскій послалъ татаръ перерѣзать ихъ. Тогда отъ страха большая часть бѣжала назадъ въ таборъ, но Олесницкій сказалъ, что не вернется назадъ, чтобы съ нимъ ни случилось. Онъ благополучно добрался до Польши.

Въ тотъ же день, проводивши Олесницкаго, Сапѣга торжественно съ распущенными знаменами повезъ Марину въ воровской таборъ и тамъ, посреди многочисленнаго войска, Димитрій и Марина бросались другъ другу въ объятія... плакали, восхваляли Бога за то, что далъ имъ снова соединиться. Многіе умилялись, смотря на такое трогательное зрѣлище, и говорили: «ну, какъ же послѣ этого не вѣрить, что онъ настоящій царь Димитрій?!» Шляхтича, который объявилъ на дорогѣ Маринѣ, что въ Тушинѣ другой Димитрій, посадили на колъ.

Послѣ этого паны на радостяхъ нѣсколько дней праздновали и пиروвали. Рожинскій угощалъ Сапѣгу, Сапѣга Рожинскаго. Оба вождя повялились въ вѣчной дружбѣ и помѣнялись саблями въ знакъ побратимства. Сапѣга пьяный посѣтилъ царицу въ ея новомъ жилищѣ въ таборѣ и до того нагрузилъ, что, ворочаясь отъ царицы, упалъ съ лошади и ушибся. Царь также дѣлалъ пиры, но не умѣлъ угодить полякамъ. Они говорили — «его московскія кушанья грубыя простыя; медовъ и лакомствъ даетъ мало и скупю; настоящее италянское угощеніе!» А въ добавокъ ихъ покорило, когда воръ пилъ за здоровье Сигизмунда III, короля польскаго, и назвалъ его своимъ братомъ. «Это онъ на Господа Бога хулу произноситъ!» — говорили поляки ¹⁾.

Не всѣмъ можно было зажать ротъ. Изъ поляковъ очень многіе знали, что происходило передъ тѣмъ; знали какъ Марина упрячилась и не хотѣла признавать бродягу за своего прежняго мужа; вѣсть объ этомъ распространилась въ войскѣ, и, по

¹⁾ Dyar. Sapiehy.

ознанію соучастника и очевидца, прибытіе Марины вначалѣ скорѣе подорвало вѣру въ дѣйствительность царя Дмитрія, чѣмъ укрѣпило ее. Но большинству и не нужно было, чтобъ онъ былъ тотъ самый, который царствовалъ прежде. На него смотрѣли какъ на орудіе, и ему вовсе и не желали царствованія, а рассчитывали, что именемъ его можно свергнуть Шуйскаго, отомстить за оскорбленіе поляковъ и поживиться на счетъ Московскаго государства, а тамъ — будетъ, что будетъ. Совершенно невѣроятнымъ казалось, чтобъ на престолѣ усидѣлъ тотъ, котораго никто изъ видѣвшихъ перваго Дмитрія не могъ считать за одно лицо съ нимъ. Вѣроятно и Марина вытребовала у него условіе жить съ ней не по-супружески оттого, что считала этого человѣка нужнымъ только до времени ¹⁾).

1) Тѣмъ не менѣе католическая пропаганда хотѣла тогда воспользоваться для своихъ видовъ, на будущее время, путаницею въ Московскомъ государствѣ и считала, какъ видно, возможнымъ, что называвшій себя Дмитріемъ въ самомъ дѣлѣ можетъ царствовать на Московскомъ престолѣ. Написанъ былъ проектъ, котораго значительная часть дошла до насъ, хотя во многихъ мѣстахъ въ испорченномъ видѣ; онъ писалъ былъ на польсколатинской смѣси и раздѣленъ на параграфы. Шестой (первыхъ пяти мы не видали) толкуетъ о томъ, что московскій царь не имѣетъ права на цесарскій титулъ, но подаетъ ему надежду пріобрѣсти посредствомъ уніи королевскій, а впоследствии даже императорскій. Внушается предложеніе, что, по поводу распространенія ереси въ нѣмецкнн, австрійскій домъ можетъ потерять цесарское достоинство, и тогда можно передать его тому, кто отличится въ ревности къ защитѣ римской церкви. Седьмой — чтобы государственныя должности въ Московскомъ государствѣ давались не по роду, а по вниманію къ заслугамъ, съ цѣлю такимъ образомъ проводить унію (ad асорамъ unіonis) и такъ устроить, чтобъ, какъ государь своей королевскій титулъ, такъ думные люди сенаторскій титулъ, получали по вниманію свой уніи, чтобы сенаторскіе титулы слѣдовали за государскимъ, то есть, чтобы все исходило отъ верховнаго первосвященника; обѣщать туземцамъ всякія преимущества въ восстановленныхъ судахъ, совѣтахъ и пр., лишь бы склонялись къ уніи. Въ восьмомъ и девятомъ говорится объ отдаленіи духовныхъ и бояръ отъ царя. Вмѣсто ихъ слѣдуетъ приблизить людей годныхъ и вѣрныхъ, но прежнихъ не забывать совершенно, а допускать попеременно къ себѣ изъ нихъ; не слѣдуетъ дѣлать частыхъ угощеній, ибо это, кромѣ надержекъ, довело до настоящей трагедіи. Надъ думными удаленными отъ двора, слѣдуетъ наблюдать и запрещать имъ собранія. Десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый предлагаютъ средства къ устроенію двора и обереганію особы царской. Надобно удалить огромное число стольниковъ и замѣнить ихъ простыми и утиными людьми, такимъ образомъ и царица можетъ соблюдать польскій образъ жизни безъ поразительнаго измѣненія старинныхъ обычаевъ, и сами москвитине стануть это перелосать; увидавши, что царица и съ нею польскіе паны ѣдятъ съ тарелокъ, и сами велеть себѣ подавать тарелки; нужно царю такую стражу, которая бы не пускала никого въ Кремль, какъ прежде было. Чужеземцевъ выбрать на половину. Въ тѣлохранители и комнатные служители выбирать должно католиковъ, если, какъ надѣмся, вѣдется уніи. Изъ москвитянъ допускать только склонныхъ къ уніи, которые бы, послѣ бесѣды съ нашими людьми, хотѣли слушать наше богослуженіе и проповѣди; пусть отъ подданныхъ, а не отъ государя, начнется рѣчь объ уніи, а самъ государь

Мышекъ прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ въ тушинскомъ лагерѣ, а потомъ уѣхалъ въ Польшу. Онъ, какъ кажется, не

будетъ скорѣе посредникъ и судья, чѣмъ дѣятель и поощритель. Между нашими много такихъ, которыхъ нравы возбудили ненависть москвитянъ; надобно, чтобъ находящіеся при царѣ и царицѣ католики не навлекли укора святой вѣрѣ и униі. Полагаемъ слѣдуетъ раздавать самыя ближайшія придворныя должности, а москвитянамъ почетнѣйшія. Поляки должны брать слугъ и мальчиговъ изъ москвитянъ, а царица также изъ московскихъ домовъ должна брать къ себѣ во дворъ молодежь, какъ мужскаго пола такъ и женскаго. Поляки съ собою, если можно, пусть возьмутъ въ Польшу дѣтей знатныхъ фамилій, чтобъ измѣнить ихъ нравы и религію, да и для вѣрности. Тринадцатый параграфъ говоритъ коротко о томъ, что слѣдуетъ дѣлать тайный розыскъ о тайныхъ заговорщикахъ и соучастникахъ, наблюдать за приближенными, чтобъ знать, что кому нужно довѣрять. Въ четырнадцатомъ — о назначеніи особъ для приѣма чужеземцевъ. Въ пятнадцатомъ говорится, что канцелярскія дѣла должны производиться на отечественномъ, а не на латинскомъ языкѣ, но царю должно держать около себя знающихъ латинскій языкъ, непременно католиковъ, а не ариянъ или какихъ нибудь другихъ еретиковъ. Въ параграфахъ, съ шестнадцатаго до двадцатаго включительно, объ обезпеченіи царицы: она должна имѣть около себя достойныхъ священниковъ; сенаторы и подданные вообще должны ей принести присягу въ послушаніи; одинъ списокъ этой присяги долженъ быть въ Польшѣ; думные люди за своими подписями должны дать ей въ вѣно пограничныя области, куда чиновники назначались бы ею; сверхъ того ей слѣдуетъ купить маестность въ польскихъ владѣніяхъ по соседству съ тѣми, которыя ей уступлены въ Московскомъ государствѣ. Въ двадцать-первомъ предлагается перенести, хотя на время, столицу изъ Москвы по близости къ границѣ польской, въ слѣдующихъ видахъ: 1) удобнѣе пригласить чужеземное войско и получить помощь отъ союзниковъ; 2) въ случаѣ переворота, царицѣ удобнѣе убѣжать въ Польшу съ сокровищами; 3) миръ московскій лучше будетъ уважать царя, когда онъ въ отдаленіи; 4) объ униі легче вести переговоры, также строить семинаріи для обученія московскаго юношества и отправлять молодыхъ людей въ Вильно или куда нибудь въ другое мѣсто, ради измѣненія вѣры и нравовъ. Далѣе, въ спискѣ намъ извѣстномъ оная перерывъ: видно, что тутъ слѣдовалъ проектъ водворенія европейскаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ, изъ котораго остались нѣкоторые пункты. Предлагается искорененіе предрасудковъ, происходящихъ отъ невѣжества, которое такъ велико, что простые люди не имѣютъ понятія, что такое грѣхъ и вѣра, не знаютъ десяти заповѣдей; пастыри невѣжды, ничему не учатъ и сами ничего не знаютъ; проповѣди не говорятъ, исповѣдывать не умѣютъ; нужно завести училища, водворить воспитаніе людей науки, юристовъ, медиковъ, полковниковъ, историковъ, богослововъ, ораторовъ, математиковъ, людей способныхъ къ посольскому дѣлу; обратить вниманіе духовенства на добро отечества, на воспитаніе юношества и на поддержаніе убогихъ и пр. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ видно, между прочимъ, что проектъ этотъ списанъ еще до гибели царевича Петрушки, или по крайней мѣрѣ тогда, когда еще не знали достоверно о его гибели. Говорится, что сынъ старшаго брата Димитрія имѣетъ болѣе его правъ на престолъ по первородству, но это должно расположить Димитрія къ принятію униі, потому что тогда за нимъ какъ за правобѣрующимъ останется первенство. Вслѣдъ за тѣмъ пространное разсужденіе о томъ, что царю выгодно будетъ принять унию. Въ концѣ проекта приложенъ способъ, какъ вести дѣло униі. Предлагаются слѣдующія средства: запретить еретикамъ приѣзжать въ Московское государство, выгнать скитальцевъ чернецовъ, прибывающихъ изъ Константинополя съ турецкими переводчиками, заградить путь къ косякамъ польской Руси, ибо отъ этой Руси сталося крово-

могъ рѣшиться въ Польшѣ объявить тушинскаго вора однимъ лицомъ съ прежнимъ своимъ зятемъ. Современный стихоплетъ,

пролетіе, такъ что самъ царь едва ушелъ, и возникла большая чѣмъ прежде ненависть къ униі; надобно знать, съ кѣмъ говорить, и умѣть молчать, когда требуетъ этого дѣло; держать при царѣ очень мало католическихъ духовныхъ, а письма о предметахъ вѣры писать и носить осторожно; не заговаривать самимъ объ униі съ ними, а стараться, чтобъ сами схизматики стали дѣлать предложенія первыя не объ униі, а о разныхъ преобразованіяхъ въ религіи, къ этому же можно побудить, начавши слѣдованіе о бывшемъ заговорѣ, гдѣ участвовали духовные, и такимъ образомъ дойдетъ дѣло до преобразованія вѣры въ ученіи и правахъ. Слѣдуетъ возбудить вопросъ: справедливо ли имъ зависть отъ царьградскаго патріарха и отсюда его власть надъ ними. Отчего подъ этой властію у нихъ молодежь не учатъ, какъ у еретиковъ и въ нихъ крахъ, хотя у духовенства большіе доходы, да только они не идутъ на духовное воспитаніе и образованіе къ славѣ божіей и къ просвѣщенію душъ человеческихъ. Отъ чего нѣтъ наукъ, какъ было при св. Василіѣ, Златоустѣ, Николаѣ и другихъ святыхъ отцахъ, которые и сами были ученые люди, и другихъ учили, и повѣдали учиться. Видно, что латинскій костелъ лучше, когда тамъ такъ много людей достойныхъ, знающихъ языки еврейскій, греческій и равныя науки: права, исторіи, риторикѣ. Нужно бы имъ, по примѣру древнихъ патріарховъ, которые жили еще до раздѣленія церквей и прежде турецкаго господства, ввести преобразованія вѣры и правотъ, завести семинаріи, коллегіи; слѣдуетъ для примѣра приводить въ сравненіе порядки римско-католической церкви, указывать на ошибки въ уставахъ и правилахъ, о чемъ давно уже константинопольскіе патріархи, какъ Герберштейнъ пишетъ, возсылали требовать исправленія, ошибки, противныя греческой церкви и соборамъ, которыхъ постановленія они принимаютъ, и поэтому установить законъ, чтобъ все было восстановлено по образцу соборовъ и греческихъ отцовъ церкви, и чтобы устройствомъ занимались люди, расположенные къ униі, а такимъ путемъ нападутъ они и на утаенные доводы о первенствѣ римскаго первосвященника, которымъ они противное утверждаютъ. По этому поводу начнется у нихъ споръ; пошлютъ депутатовъ къ государю, а государь соборъ назначитъ, а тамъ, при Господней помощи, и къ униі можно будетъ приступить. Но прежде всего нужно соборными постановленіями и сочиненіями греческихъ отцовъ церкви указать имъ ихъ заблужденія, въ чемъ они отступили отъ церкви. На высшія духовныя должности поставить людей, расположенныхъ къ униі, чтобъ легко сдѣлать царю: духовныхъ подманывать привилегіями, свѣтскихъ — достоинствами; народу внушать, что ему облегчится работа и дастся свобода, нава существуетъ въ римской церкви, что слуги у господина не вѣчны; всѣмъ припоминать неволю грековъ: праведно было бы ихъ освободить; объ этомъ надлежитъ напоминать Московскому государству, потому что оно отсюда получило вѣру, а для этого нужна униі съ христіанскими государями. На этотъ же конецъ, пусть при царѣ будутъ находиться искусные священники, которые должны указывать суть дѣла, соображаясь съ теченіемъ времени, письменно и словесно, отнюдь не преувеличивая ничего; изъ нихъ одинъ пусть будетъ грекоуніатъ, а то хоть и два. Слѣдуетъ призвать ученыхъ, хотя бы и свѣтскихъ, для учреждаемыхъ семинарій, чтобъ учили философіи; слѣдуетъ отправлять подъ какими либо иными предлогомъ молодыхъ людей учиться въ Вианну или же туда, гдѣ вовсе нѣтъ схизматиковъ, напр. въ Италію, въ Римъ, въ греческую семинарію; а равно хорошо было бы, еслибъ господа поляки набрали съ собою адвѣншей молодежи и отдали въ Польшу учиться отцамъ іезуитамъ. Такіе воспитанники могли бы много уступить, будучи одного языка и одной націи съ москвитянами, да и господамъ полякамъ это великая заслуга. Немедленно построить костелъ

писавшій въ тотъ самый годъ, говоритъ, что воевода, возвращаясь изъ неволи въ свой Самборъ, займалъ въ польскій обозъ подъ Москвою, но не нашель тамъ цара ¹⁾. Между Мнишвомъ и дочерью возникли холодныя отношенія. Черезъ нѣсколько времени Марина писала отцу ¹⁾: «я нахожусь въ печали какъ по причинѣ вашего отъѣзда, такъ потому, что простилась съ вами не такъ, какъ бы хотѣла; я желала получить изъ вашихъ устъ родительское благословеніе, но видно я того не достойна.» Она просила простить ее, если, когда либо она по глупости, молодости или по злости оскорбила отца. Но отвѣта не получила Марина. Просила она чернаго бархату на постное платье, просила хлопотать о дѣлахъ своихъ, но проходили мѣсяцы: Мнишекъ не писалъ къ ней, и въ концѣ августа 1609 г. Марина умоляла отца написать и жаловалась, что, не смотря на множество писемъ своихъ, она не получила никакого отвѣта, и что только отъ чужихъ узнавала объ отцѣ. Видно, что Мнишекъ, сообразивъ, что дѣло тушинскаго вора въ Польшѣ не можетъ обратиться въ его пользу, игралъ тамъ роль какъ будто не участвуетъ въ обманѣ и не одобряетъ поступковъ дочери, и такимъ образомъ покинулъ ее совершенно на произволъ судьбы.

V.

Обращеніе Шуйскаго къ шведамъ. — Картина Тушинскаго табора. — Види Сапѣги на Троицкій монастырь. — Битва при Рахманцахъ. — Московскіе и тушинскіе перелеты.

Въ печальныхъ обстоятельствахъ, Шуйскій рѣшился обратиться къ чужой помощи. Еще въ 1607 году шведы предлагали Московскому государству содѣйствіе и пособіе. Выборгскій комендантъ писалъ къ корельскому воеводѣ князю Мосальскому и предлагалъ помощь. По приказанію Шуйскаго, отвѣтъ былъ

или монастырь въ Москвѣ ради царицы и находящихся тамъ поляковъ, а московитамъ не слѣдуетъ запрещать слушать наше богослуженіе, тѣмъ болѣе что у нѣкъ еретикамъ дозволено имѣть свой соборъ. Но паче всего надлежитъ слѣдить за ходомъ настоящаго предпріятія возвратить царю потерянное государство; если таме силъ, которая возвратитъ ему государство, будетъ охранять его особу, то вотъ и готово основаніе для уніи, особенно когда государю необходимо будетъ утверждать свою власть, а на это потребна унія, какъ сказано.

Подлинникъ этого проекта находится въ рукописи болѣе поздняго списка въ Библіотекѣ Красинскихъ.

¹⁾ Отъ 23 марта 1609 (Собр. госуд. грам. и дог. II. 359). Ранѣе того есть ея писмо отъ 26 января 1609. (ibid. 353).

данъ не только отрицательный, но надменный. «По божіей милости у насъ всѣ служатъ великому государю царю и великому князю Василью Ивановичу, и нѣтъ никакой розни между нами и впередъ nebudeтъ; а вы, не вѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйскія слова.» Воевода, скоро послѣ того отпавшій отъ Шуйскаго, увѣрялъ, что у государя московскаго есть многія собственныя рати, и онъ не нуждается въ наемныхъ. Черезъ нѣсколько времени король шведскій, зная печальное положеніе Россіи, послалъ гонца въ самому царю. Правительство московское рѣшилось скрывать отъ сосѣдей свою бѣду и притворяться сильнымъ. Царь въ то время стоялъ подъ Тулою противъ Болотникова. По его приказанію, бояре въ Москвѣ говорили гонцу, будто царь пошелъ въ походъ противъ крымскаго хана. Они на этотъ разъ обошлись вѣжливо со шведами, благодарили короля за предложеніе помогать, но увѣряли, что въ ихъ государствѣ нѣтъ такой смуты: если и были воры и разбойники, то ихъ уже побили. «Объявляемъ — было сказано въ отвѣтъ — что недруга у насъ никакой нѣтъ, а хотя какой пограничный государь и помыслить какую недружбу начать, намъ это не страшно: мы помощи чаемъ отъ единого Бога, и самому тебѣ извѣстно, что у нашего государя многія несчетныя русскія и татарскія рати ¹⁾.» Но когда тушинскій воръ сталъ подъ Москвою, когда съ каждымъ днемъ прибывали къ нему польскія дружины, югъ отналъ отъ царя, на востокѣ города стали колебаться, въ самой Москвѣ стали думать и такъ и иначе, тогда Шуйскій вспомнилъ о шведской помощи и отправилъ князя Васильевича Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобъ оттуда начать переговоры со Шведами. Новгородъ держался крѣпко Шуйскаго; была надежда на этотъ городъ и его землю. Можно было собрать ополченіе, а между тѣмъ Скопинъ долженъ былъ послать посольство въ Стокгольмъ и уговориться на счетъ присылки шведскаго войска.

Войско царика, стоя въ Тушинѣ, увеличивалось безпрестанно приходившими поляками. Большая часть этого войска состояла изъ сбродныхъ бандъ, составленныхъ на свой счетъ панами или же служившихъ каждая на свой счетъ — товариществомъ; къ нимъ собирались шляхтичи и назывались товарищами; какъ вообще въ польскомъ войскѣ, такая банда составляла — конфедерацію, устанавливала правила какъ имъ поступать и вести себя и обязывалась присягою повиноваться избранному предводителю. Сверхъ того въ обозѣ было множество пахолковъ и слугъ.

¹⁾ Дѣла Шведскія. Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Конные носили названіе гусарь, панцирныхъ и казаковъ. Гусары были вооружены длинными копьями, которыхъ концы волочились по землѣ, почему они назывались влочными; на этомъ копьѣ, воткнутомъ у луки сѣдла, привѣшенъ былъ двудвѣтный значокъ. Кромѣ копья, у гусара былъ палашь, называемый тогда концерь, и маленькое ружье. На головѣ у него былъ желѣзный шишагъ, на тѣлѣ сѣтка; у однихъ сѣтка была изъ плетеной проволоки, у другихъ изъ желѣзныхъ колець, а у многихъ были панцири изъ бляхъ; на ногахъ полусапожки съ особеннымъ родомъ шпоръ, называемыхъ гусарскими; на лошадяхъ у нихъ — гусарскія сѣдла накладывались на звѣринныя шкуры, у знатныхъ леопардовыя, у пахолковъ заячьи и волчьи; для красоты придѣлывали къ бокамъ коня большія орлиныя крылья. Казацкое оружіе было короткое копье, колчанъ и сѣбира. Сабли были равномѣрно и у гусаровъ и у казаковъ. Любимый цвѣтъ лунановъ или внутреннихъ одеждъ былъ бѣлый, а верхній плащъ, накинутый сверхъ вооруженія, былъ голубой или синій. Таковъ былъ наружный видъ поляковъ, служившихъ тогда въ Тушинѣ. Запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнавались съ перваго взгляда по широкимъ краснымъ шароварамъ, чернымъ киреямъ и большимъ бараньимъ шапкамъ. Донцы и московскіе люди были одѣты чрезвычайно разнообразно, смотря по состоянію, и отличались издали по своимъ колпакамъ, высокимъ воротникамъ и собраннымъ въ складки длиннымъ рукавамъ. Многие изъ нихъ были вооружены луками и колчанами со стрѣлами за плечемъ. Пестрота была чрезвычайная, какъ въ одеждѣ, такъ и въ нравахъ и въ рѣчи. Всего болѣе должна была слышаться тамъ рѣчь южнорусская, потому что изъ южной Руси было больше половины народа. Всего войска въ Тушинѣ было: поляковъ до 18,000 конницы и 2000 пѣхоты, да сверхъ того запорожскихъ казаковъ тысячь тридцать и донскихъ пятнадцать. Затѣмъ слѣдуетъ прибавить московскихъ людей неопредѣленное число. Сами предводители не знали, сколько ихъ было, ибо одни убывали, другіе прибывали. Главная сила вора была въ казачествѣ, которое стремилось къ ниспроверженію прежняго порядка и установленію казацкой вольницы; это совершенно сходилось съ задушевными стремленіями черни. У казаковъ, постоянно поддерживаемыхъ приливомъ всего, что не уживалось въ Польшѣ, Литвѣ и Московскомъ государствѣ, образовался, хотя неясно и неопредѣленно, свой образецъ общественнаго строя: отсутствіе родовитости и равенство по происхожденію, отсутствіе писанаго закона и замѣна его волею общества, выборная власть и выборный судъ и личное право каждаго итти куда угодно.

Наступила осень. Стали поляки думать, какъ имъ зимовать? Нѣкоторые совѣтовали стать около столицы въ волостяхъ: другіе представляли, что раздѣлить такимъ образомъ силы опасно; большинство положило на томъ, что слѣдуетъ остаться зимовать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ. Тогда начались постройки, и Тушино стало обращаться въ городъ очень быстро. Построили изъ хвороста съ соломой загоны или конюшни для лошадей. Для людей вырыли землянки и въ нихъ устроили печи. Тѣ, которые были познатнѣе и побогаче, привозили изъ ближнихъ селъ и деревень избы и ставили ихъ себѣ въ обозѣ; у иныхъ были и погреба при избахъ. Для царя и царицы построили просторное строеніе. Тушино сдѣлалось и мѣстомъ торговли: набралось вущовъ тысячъ до трехъ; они стояли особымъ обозомъ отъ военнаго, и тамъ продавалась всякая всячина. Гультаи жили весело и шумно; водки и пива было разливное море, какъ говорится. Ротмистры отправлялись по окрестностямъ, приказывали вурить вино и варить пиво на войско, и русскіе приготовляли все это на нихъ; поляки поселялись въ селахъ и гоняли русскихъ на винокурни и пивоварни, а собираемые запасы отправляли въ таборъ: туда привозили печеные хлѣбы, житные боханами, а пшеничные калачами и булками, масло, соль, овесъ. Для мяса гнали быковъ, барановъ и гусей. Игра въ карты и кости забавляла гультаевъ и доводила ихъ до дракъ и убійствъ: а это также разнообразило жизнь. Съ панами были цѣлыя псарни, и они гонялись за звѣрьми, по окрестнымъ лѣсамъ, которыхъ въ то время было изобиліе. Но болѣе всего веселили жизнь воиновъ Дмитрія женщины. Ихъ было тамъ множество. Туда изъ Литвы, Польши и Московскаго государства стекались толпами распутныя женщины, почувявъ лакомую жизнь. Сверхъ того удалцы хватали русскихъ женъ и дѣвицъ: отцы и мужья приходили ихъ просить, а молніры не иначе отпускали ихъ, какъ за деньги, да еще часто такъ, что возьмутъ деньги, а женщины не отпустить и говорятъ, что не получали денегъ, да въ другой разъ возьмутъ и отпустить за деньги, а потомъ гонятся за отпущенными и снова отнимутъ, и говорятъ, чтобъ въ третій разъ внесли деньги, и снова надобно выкупать. Сами женщины не рѣдко осваивались съ жизнію въ лагерѣ, привязывались къ молодцамъ, и когда мужья и отцы выкупали ихъ, то они сами бѣжали и вѣшались на шею любовниковъ. «Охъ!» — кричали онѣ, по выраженію современника — «вы — свѣтъ-благодѣтели!» — Были онѣ — говорить онѣ ¹⁾

¹⁾ Палиц. 40.

— очарованы волшебствомъ и оттого изгарали сердца ихъ. » Такой видъ получило Тушино въ концѣ осени.

Сапѣга хотя и подружился съ Рожинскимъ, но честолюбіе не позволяло ему признавать его власть, да и чью бы то ни было. Онъ вызвался взять Троицкій монастырь. Это было важно для видовъ поляковъ. Троицкій монастырь стоялъ на дорогѣ изъ Москвы въ Заволжскій край; по этой дорогѣ привозили въ Москву запасы; по этой же дорогѣ въ тушинскій лагерь должно было доставляться продовольствіе. Овладѣть этой дорогой значило обратить въ свою пользу главный продовольственный путь и затруднить его непріятелю. Поэтому, даже не взявши Троицы, было выгодно поставить подъ монастыремъ войско, чтобъ не допускать подвоза къ столицѣ. Но взять монастырь было выгодно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, монастырь былъ богатъ; прилично было завладѣть его сокровищами и деньгами; но еще болѣе онъ былъ важенъ въ нравственномъ отношеніи: это было самое святое мѣсто Московскаго государства. Монастырь былъ за Шуйскаго и поддерживалъ падавшее его значеніе на Руси. Архимандритъ Іосифъ и келарь Авраамій Палицынъ разсылали по Руси грамоты, возбуждали вѣрныхъ стоять за царя Василія и не довѣрять прельщеніямъ обманщика. Въ Новгородъ, въ Вологду, на край студенаго моря, въ страны Поволжскія, въ Казань, Нижній Новгородъ и даже въ далекую Сибирь достигали ихъ посланія, и, если гдѣ русскіе колебались отпасть отъ Шуйскаго, то часто именно потому, что Сергій и Нивонъ чудотворцы — за него; ополченія шли къ Москвѣ, и, проходя мимо Троицы, заходили въ обитель и тамъ получали благословеніе и ободреніе; монастырь не жалѣлъ своихъ сокровищъ на пожалованье ратнымъ людямъ, содержалъ у себя ратную силу и кормилъ ее на свое иждивеніе. Святыхъ Сергія и Нивона народное вѣрованіе считало дарователями побѣдъ. Дмитрій выросъ бы высоко, еслибъ въ этомъ монастырѣ, вмѣсто Шуйскаго, молились за него и желали добра ему.

Ближайшимъ поводомъ къ походу подъ Троицу тогда послужило то, что монахи, вышедши изъ стѣнъ своей обители и изъ лѣсовъ, нападали на гонцовъ, отправляемыхъ отъ имени Дмитрія по русскимъ землямъ. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Сапѣга говорилъ: «Царь Дмитрій Ивановичъ! стужаютъ твоему благородству эти сѣдые грайвороны, гнѣздящіеся въ своемъ каменномъ гробѣ? Они намъ дѣлаютъ всякія пакости. Слухъ носится, что ждуть князя Михайла Свояпина со шведами; когда они придутъ, то займутъ троицкую твердыню и могутъ быть намъ опа-

снѣ. Пока еще они не обрѣпли, пойдемъ смиримъ ихъ; а если не покорятся, то мы разсыпемъ по воздуху ихъ жилища.»

Подъ Троицу отправился Сапѣга со своими *сапѣжниками*, и къ нему присталъ Лисовскій, у котораго было тысячъ до шести казаковъ, разнаго сброда московской земли удалцевъ изъ украинскихъ странъ ¹⁾. Переметчики донесли въ Москву, что къ Троицѣ идетъ Сапѣга, и государь тотчасъ послалъ въ погоню за Сапѣгой войско подъ главнымъ начальствомъ брата своего Ивана. Сапѣга уже былъ за десять верстъ отъ Троицы, какъ услышалъ, что московское войско идетъ за нимъ; онъ повернулъ назадъ и дошелъ до деревни Рахманцы. Произошла битва; сначала московскіе люди, бывшіе съ Лисовскимъ, отступили передъ своими земляками; потомъ, передовой полкъ московскаго войска подъ начальствомъ Григорія Ромодановскаго сдѣлался съ казаками; подались и казаки. Но потомъ Сапѣга двинулся самъ съ гусарами и пятигорцами и поправилъ свое дѣло. Сторожевой полкъ Ѳедора Головина дрогнулъ, смѣшался, побѣжалъ, наперъ на большой полкъ, и тотъ пришелъ въ беспорядокъ. Русскіе были разбиты совершенно. Только князь Григорій Ромодановскій, у котораго тогда убили сына, показалъ, говорить лѣтописецъ, «храбрость и дородство». Тогда нахватали плѣнныхъ и въ числѣ ихъ поляковъ, которыхъ цѣлая хоругвь служила Шуйскому ²⁾.

Сапѣга, отдѣлавшись отъ непріятеля, повернулъ назадъ по своей дорогѣ, и на другой день, 23-го сентября, дошелъ до Троицы.

¹⁾ Въ дневникѣ Сапѣги такъ пересчитываютъ отдѣлы войска, пошедшаго подъ Троицу:

Два корнета, казаковъ по сту въ каждомъ.

Хоругвь казацкая, полкъ Буявскаго 100 конныхъ.

Сотня пѣхоты голубой (одежды).

120 конныхъ пятигорскихъ Дзѣвалтовскаго.

Пана Мирскаго 100 конныхъ.

Пана Колецкаго 150 конныхъ.

Дѣѣ хоругви пѣхоты по 250 (красной).

Полкъ гусаровъ подѣ двумя хоругвями 250 конныхъ.

Пятигорцевъ 200 конныхъ.

Казаковъ подѣ двумя хоругвями 250 конныхъ.

Лисовскій съ москвитянами 6,000.

Полкъ Яроша Стравинскаго, копѣйники 500 конныхъ.

Полкъ Марка Валамовскаго 700 конныхъ.

Полкъ казаковъ 200 конныхъ.

Весь полкъ пана Сапѣги съ пушками.

Полкъ пана Микулинскаго, копѣйниковъ 700 конныхъ, казаковъ 300.

²⁾ Нивон. лѣт. 101. — Duag. Sapiehy.

Эта новая потеря еще болѣе повредила Шуйскому. Въ его войскѣ были новгородцы, псковичи, дворяне и дѣти боярскіе заволжскихъ уѣздовъ. Отъ безпрестанныхъ неудачъ они потеряли надежду; они услышали, что въ разныхъ краяхъ Руси бродятъ поляки, что уже многіе города отступились отъ Шуйскаго, и самовольно разѣхались по домамъ. Трудно было удержать ихъ, когда они боялись за оставленныя семейства и каждую минуту могли опасаться, что противная сторона отмститъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ за ихъ службу Шуйскому. Нельзя было поручиться, чтобы край, сегодня вѣрный Шуйскому, не измѣнилъ ему завтра. Шуйскій (говоритъ лѣтописецъ¹⁾) видѣлъ, что надъ нимъ гнѣвъ Божій: то обращался къ церкви и молитвѣ, то призывалъ волшебницъ и гадалщицъ, то казнилъ измѣнниковъ, то объявлялъ москвичамъ: «кто мнѣ хочетъ служить, пусть служить и сидѣть въ осадѣ; а кто не хочетъ, — пусть идетъ теперь же; а оставшійся, пусть послѣ не бѣгаетъ: я никого не силю.» — «Мы всѣ готовы помереть за домъ Пресвятыя Богородицы!» — кричали москвичи. Никто не осмѣлился явно сказать, что не желаетъ Шуйскому служить: боялись, что Шуйскій хочетъ только этимъ путемъ узнать своихъ недоброхотовъ. Всѣ цѣловали крестъ на вѣрность царю. Но очень многіе на другой день послѣ того бѣжали въ Тушино. Не то, чтобы тутъ была какая нибудь вѣра въ Дмитрія; не всѣхъ и ненависть къ Шуйскому побуждала бѣжать. Многіе такъ поступали отъ нечего дѣлать, ради пробы выгодъ. Побывавши въ Тушинѣ, ворочались въ Москву, а потомъ, поживши въ Москвѣ, снова ѣхали въ Тушино. Послужать Дмитрію — воротятся къ Шуйскому; потомъ опять ѣдутъ, признаютъ вора Дмитріемъ; а когда у Дмитрія имъ надоѣстъ, — приѣзжаютъ снова съ повинною на вѣрную службу Шуйскому. Для ратныхъ людей ни Дмитрій, ни Шуйскій не имѣли авторитета законности: и тотъ и другой давали жалованье; получивъ жалованье отъ Шуйскаго, бѣглецы получали жалованье въ Тушинѣ, а потомъ ворочались, выпрашивали прощенье и служили Шуйскому, пока имъ давалось жалованье отъ Шуйскаго; и такъ случалось, что иной москвичъ разъ пять или шесть бѣгалъ изъ Москвы въ Тушино и ворочался назадъ. Такимъ образомъ, москвичи-торговцы привозили изъ Москвы въ Тушино и припасы, и одежду, и лекарства, брали за это хорошія деньги, и Тушино было въ изобиліи, а Москва день-ото-дня терпѣла недостатокъ; только московскіе торговцы, разживаясь въ Тушинѣ, сберегали копѣйку про черный день. При этомъ происхо-

¹⁾ Хроногр. Арх. комм. — Ник. 101.

дѣло по нѣсколькѣ разъ цѣлованіе креста: бѣглець, пришедши въ Тушино, цѣловалъ крестъ царю Дмитрію, когда ворочался съ повинною, то цѣловалъ крестъ царю Василию. Такихъ называли перелетами. Удостоверившись въ ихъ непостоянствѣ, поляки и казаки не стали дорожить ими и презирали ихъ. Чувства долга не оказалось въ наличности. Родственники и даже родители отпускали такимъ образомъ своихъ кровныхъ говоря: «если возьмутъ Москву, намъ будетъ легче, когда родня наша служить въ Тушинѣ.» Очень много бѣжало къ вору холопей. Тогда-то, вѣроятно, чтобъ приманить отходящихъ отъ вора, установленъ законъ, что холопи, убѣжавшіе отъ своего господина воровствомъ, если ворочались и приносили вину свою, то ихъ слѣдовало отпускать на волю, а не отдавать прежнимъ господамъ. Отъ этого дѣйствительно многіе возвращались отъ вора; но за то многіе и бѣжали къ вору именно для того, чтобъ потомъ снова воротиться и получить прощеніе и свободу.

Царь Василій хотъ постоянно казался милостивымъ и прощающимъ, но не разъ и казнилъ недоброжелателей. Между виновными попадались и невинные. Царь не смѣлъ трогать только тѣхъ, которые были посильнѣе: имъ прощалось многое такое, за что казнили другихъ неважныхъ. Никто не уважалъ царя; имъ играли какъ ребенкомъ (говорятъ современники), точно также какъ въ Тушинѣ обращались съ царемъ тушинскимъ¹⁾. У послѣдняго, по прежнему, всѣмъ управлялъ, всѣми повелѣвалъ Рожинскій. Явились было недовольные его властію и хотѣли снова поставить гетманомъ Мѣховецкаго. Не смотря на то, что на Мѣховецкаго наложено было бандо, онъ находился тогда въ войскѣ. На это смотрѣли снисходительно, пока не узнали, что его готовятъ на мѣсто Рожинскому. Тогда Рожинскій сталъ искать его, чтобъ убить. Мѣховецкій ушелъ къ царю; Рожинскій взялъ четырехъ слугъ, бросился въ царскую избу и при главахъ царика приказалъ убить баннита. Царикъ оскорбился, гѣввался, а Рожинскій закричалъ на него: «молчи, а не то — я и тебѣ голову сорву!» Царикъ долженъ былъ терпѣть и повиноваться: если онъ нуженъ былъ для поляковъ, то самъ онъ безъ поляковъ не могъ существовать.

¹⁾ А. И. 115.

VI.

Успѣхи вора. — Псковъ. — Борьба богатыхъ съ бѣдными. — Призваніе Дмитрія — Переяславль. — Суздаль. — Угличъ. — Ростовъ. — Пѣгнъ митрополита Филарета. — Ярославль. — Поволжскіе города, Владимиръ, Шуя, Балахна, Арзамасъ и другіе признають Дмитрія. — Вѣрность Шуйскому Нижняго, Смоленска. — Колебаніе Новгорода. — Удаленіе и возвращеніе Скопина. — Убіеніе Татищева. — Пораженіе Кернозицкаго.

Въ московской землѣ дѣло самозванца на короткое время пошло-было очень успѣшно. Еще въ іюлѣ покорились на имя Дмитрія пограничныя Литвѣ города: Невель, Заволочье, Великія Луки. По сосѣдству съ ними, въ литовской землѣ въ Усвятскомъ староствѣ былъ сборъ охотниковъ итти на Москву подъ начальствомъ Сапѣги. Своевольные литовскіе люди врывались въ эти уѣзды, дѣлали грабежи и насилія, уводили въ полонъ людей, многихъ убивали и замучивали. Великолуцкій намѣстникъ Ѳеодоръ Плещеевъ, ревностный поборникъ вора, врагъ Шуйскаго, приводилъ во кресту жителей этихъ городовъ; присягали по станамъ и волостямъ дворяне, дѣти боярскіе и всѣ служилые люди, старосты и цѣловальники волостей, и прикащики, всѣ посадскіе и крестьяне. Они думали, что послѣ того перестанутъ на нихъ набѣгать литовскіе люди. Но ихъ покорность не прекратила этихъ набѣговъ, и послѣ того Плещеевъ долженъ былъ ходатайствовать передъ усвятскимъ подстаростою, чтобъ онъ не дозволялъ людямъ изъ Литвы дѣлать нападеній на эти уѣзды.

За Великими Луками отпали отъ царя Василя Псковъ и всѣ пригороды. Внутреннія обстоятельства общественной жизни во Псковѣ совпадали съ этимъ отложеніемъ. Псковъ во многомъ имѣлъ тогда еще особую фizioномію. Нигдѣ на Руси не осталось столько слѣдовъ старой удѣльновѣчевой жизни, какъ въ этомъ городѣ. Въ эпоху паденія его свободы изъ него не было такого большого вывода жителей въ низовскія страны какъ изъ Новгорода, слѣдовательно старыя привычки и преданія тамъ переходили отъ дѣдовъ и прадѣдовъ въ ихъ поколѣнія. Порядовъ самоуправленія посадовъ и волостей при Иванѣ Васильевичѣ далъ остаткамъ старины жизнь и движеніе. Псковичи сходились во всенародную избу, какъ въ древности на вѣче. Одно только не дѣлало похожимъ эти сходки на вѣча былаго времени: это произволь намѣстниковъ, которые дозволяли многое однимъ на счетъ другихъ, мирволили богатымъ, потому что получали отъ нихъ взятки. Такимъ образомъ, въ городѣ образовались дѣ

постоянно враждебныя стороны: одна — богатыхъ и значительныхъ, другая — бѣдныхъ и простыхъ. Присланный воеводою Петръ Шереметевъ и дьякъ Иванъ Грамотинъ держали сторону знатныхъ и богатыхъ гостей и сдѣлались ненавистны мелкимъ людямъ. Они побрали себѣ въ кормленье дворцовыя села, отягощали крестьянъ, заставляли въ Псковѣ мастеровыхъ на себя работать. Псковская земля обложена была тяжелыми поборами; раскладка велась неправильно, такъ что тягость падала на бѣдныхъ, а богатые выгораживали себя при помощи начальства. Вскорѣ послѣ приѣзда въ Псковъ Шереметева, царь потребовалъ со Пскова девятьсотъ рублей. По всей справедливости, этотъ поборъ должны были нести богатые гости, «мужи славные, кипящіе богатствомъ, мнящіеся предъ Богомъ быть великими людьми» (по выраженію лѣтописи ¹⁾); но, при содѣйствіи воеводы, раскладка сдѣлана была такъ, что сборъ этотъ припалъ на весь Псковъ, и въ томъ числѣ на бѣдныхъ людей и на вдовъ; а бѣдныхъ, разумѣется, было болѣе, чѣмъ богатыхъ. По поводу этого дѣла, во всенародномъ собраніи поднялся ропотъ. Гости дали совѣтъ Шереметеву отправить главныхъ крикуновъ съ деньгами въ Москву, какъ будто въ качествѣ выборныхъ, и написать тайно, что эти люди не хотятъ добра царю, и что сборъ былъ только съ гостей, а мелкіе люди не хотѣли ничего давать. Такихъ подстрекателей къ недовинovenію выставлено пять человекъ ²⁾. Ихъ отправили неправильно уже потому, что слѣдовало міромъ выбрать тѣхъ, которые поѣдутъ въ Москву съ деньгами; а Шереметевъ безъ выбору послалъ ихъ, по своему распоряженію. Объ нихъ написали въ Новгородѣ, что какъ только они приѣдутъ, то посадили бы ихъ въ тюрьму какъ измѣнниковъ, а потомъ отправили въ Москву. Но одинъ изъ этихъ пяти, Ерѣма Сыроматникъ, услужилъ Шереметеву тѣмъ, что работалъ на него безденежно. Шереметевъ не помѣстилъ его имени въ числѣ тѣхъ, кого слѣдовало засадить. И такъ въ Новгородѣ посадили въ тюрьму вмѣсто пяти — только четырехъ человекъ. Ерѣма же убѣжалъ назадъ въ Псковъ и рассказалъ народу, какую хитрость дѣлаютъ гости. Весь Псковъ заволновался; псковичи требовали суда надъ главными семью гостями, что дали совѣтъ послать пятерыхъ на гибель. Шереметевъ не могъ оборонить этихъ гостей, да и не хотѣлъ; онъ посадилъ ихъ въ тюрьму и вымогалъ съ нихъ большія взятки за то, что не выдастъ ихъ народу, а въ Москву при-

¹⁾ Псковск. 322.

²⁾ Самсонъ Тихвинецъ, Федоръ Умойса-Грязью, Ерѣма Сыроматникъ, Овсѣянъ, Рязовъ, Ильюща Мясникъ.

нужденъ былъ написать въ пользу четырехъ, что изъ-за нихъ сдѣлалось во Псковѣ смятеніе, и если ихъ казнятъ, то простой народъ побьетъ за нихъ гостей.

Въ Москвѣ въ то время четырехъ обвиненныхъ во Псковѣ вывели на смертную казнь. Тогда бывшіе въ Москвѣ псковскіе стрѣльцы всѣмъ приказомъ подали челобитную, ругаясь, что эти люди не измѣнники и выражались такъ: «наши головы въ ихъ головы!» Осужденныхъ отпустили въ Псковъ. Прибывши туда, они подняли на богатыхъ уже и безъ того раздраженный черныи народъ; злоба нагипѣла на Шереметева, а отъ него перешла и на царя Василя. Онъ казался для нихъ царемъ знатныхъ, большихъ и богатыхъ, а потому они готовы были пристать къ тому, кто въ противоположность Василю скажется царемъ меньшихъ, чернаго народа. Такимъ именно царемъ и явился тогда Димитрій. Укротивши Болотникова, царь Василій прислалъ въ Псковъ двумя посылками, одну за другой, болѣе четырехъ сотъ человѣкъ плѣнныхъ севрюговъ. Псковичи приняли ихъ сочувственно, поили ихъ, кормили, одѣвали, и плакали, глядя на нихъ какъ на страдальцевъ за народъ, тогда какъ въ Новгородѣ, напротивъ, подобныхъ присланныхъ туда поволотили палицами и бросили въ Волховъ. По Псковскимъ пригородамъ народъ болѣе чѣмъ во Псковѣ ненавидѣлъ царство Василя. Даже дѣти боярскіе, люди не земскіе, а служилые, негодуя на Шереметева, расположены были пристать къ другому царю. Этимъ воспользовался Плещеевъ, и въ 1609 году послалъ стрѣльцовъ приводить къ Димитрію пригороды: Себежь, Опочка, Красный, Островъ, Изборскъ присягнули Димитрію. Дѣти боярскіе въ своихъ помѣстьяхъ вооружили крестьянъ за Димитрія. Шереметевъ послалъ было на нихъ ратную силу, составленную изъ дворовыхъ своихъ, владычныхъ и монастырскихъ людей, съ сыномъ своимъ Борисомъ. Но эта рать сама едва ушла отъ пригородцевъ. Плещеевъ занялъ Ржевъ и оттуда выступилъ въ Псковскую землю. Псковскіе пригороды и волости составляли ополченіе и приставали къ нему. Плещеевъ началъ собирать кормы на войско царя Димитрія, и строго приказывалъ не грабить жителей, требуя отъ нихъ всѣхъ цѣловать крестъ Димитрія. Въ то же время Шереметевъ и Грамотинъ, его дьякъ, собирали съ крестьянъ около Пскова также кормы и подымщину на имя царя Василя, жестоко мучили на пыткахъ тѣхъ, которыхъ брали въ плѣнъ какъ присягнувшихъ Димитрію. «Зачѣмъ мужикъ крестъ цѣлуетъ?» говорили они имъ. Но когда крестьяне волостей, отданныхъ въ кормленье Шереметеву и Грамотину, пришли къ нимъ и спрашивали, чтѣ имъ дѣлать, то воевода и

дьякъ, чтобъ сохранить отъ разворенія волости, которыя имъ давали доходы, сами велѣли мужикамъ цѣловать крестъ вору.

Народъ попался между двухъ огней: тамъ его приневоливали къ Дмитрію, а тутъ къ Василюю. Но во имя Василя на него тяжелѣе налегали. Тутъ прислали еще новгородцы уговаривать псковичей стоять вмѣстѣ съ ними противъ вора, и обнадеживали ихъ, что скоро придутъ нѣмцы (т. е. шведы) на помощь. Это извѣстіе, вмѣсто того, чтобъ успокоивать псковичей и удерживать подъ властію царя Василя, только волновало ихъ и вооружало противъ Василя. Нѣмцы вообще оставили по себѣ непріятное преданіе для Пскова издревле. Старинныя распри и безпрестанныя битвы Пскова съ «нѣмцами» еще не выдохлись изъ народныхъ воспоминаній. Псковичи кричали: «не хотимъ нѣмцевъ, не дадимъ нѣмцамъ раззорять нашихъ волостей!» Шереметевъ держался большихъ и богатыхъ, а большіе и богатые, уповая на свою силу, презирали убогихъ и меньшихъ и не ходили во всенародную избу; а между тѣмъ простые псковичи и стрѣльцы собирались сами; къ нимъ приходили толпы поселянъ, шумѣли, толковали, что не слѣдуетъ служить нѣмцамъ. Среди такой неурядицы, Плещеевъ съ пригородными силами подошелъ къ городу и сталъ у Образа на полѣ. Тутъ прибѣжалъ въ Псковъ нѣкто Богданъ Неведрѣевъ съ товарищами. Это были бѣглецы изъ Москвы дѣти боярскіе. Они сообщили псковичамъ, что войско Шуйскаго разбито на голову подъ Болховымъ; царь Дмитрій идетъ на Москву и вѣрно овладѣетъ ею, а въ Москвѣ зlobятся на псковичей; изъ Пскова присланъ туда доносъ объ измѣнѣ на семьдесятъ человекъ посадскихъ, главныхъ коноводовъ. «Какъ нѣмцы придутъ — говорилъ онъ — тотчасъ станутъ казнить и посадскихъ и стрѣльцовъ!» Шереметевъ хотѣлъ было навести страхъ: ловилъ «заводчиковъ», пыталъ ихъ, сажалъ въ тюрьмы. Для крѣпости онъ построилъ новыя тюрьмы съ оградю. «Вотъ — говорили псковичи — теперь и темницы поставили съ оградю; прежнія были безъ ограды!» Черезъ нѣсколько времени явился во Псковъ агентъ Дмитрія, стрѣлецкій голова Огибаловъ; съ нимъ пришли псковитяне и пригородскіе стрѣльцы. Они принесли грамоту, сложенную мудрымъ словомъ, по выраженію лѣтописца ¹⁾. Грамота стала расходиться въ народъ; волненіе усиливалось. Шереметевъ поймалъ Огибалова, посадилъ въ тюрьму, а товарищей его и стрѣльцовъ разослалъ изъ Пскова — пригородныхъ въ пригороды, а псковскихъ — въ стрѣлецкую слободу за рѣку Мирожу. Но эта мѣра только помогла мятежу, потому

¹⁾ Псков. Лѣтоп. 324.

что давала стрѣльцамъ удобнѣйшій случай: они пристали къ Плещееву. Шереметевъ созывалъ псковичей и спрашивалъ: «что у васъ за дума, скажите мнѣ?» — «У насъ никакой думы нѣту, — отвѣчали ему псковичи, — только нѣмцевъ мы не хотимъ и за то помремъ!»

Лѣто проходило. Толпы тѣснились въ осады; кромѣ посадскихъ и стрѣльцовъ тамъ были поселяне. Собранія день ото дня становились бурнѣе. Псковъ (выражаясь словами лѣтописи) раздѣлился на двое: одни, не довѣрая Димитрію, готовы были еще держаться царя Василія, другіе надѣялись, что за Димитріемъ будутъ они избавлены отъ властительскихъ насильствъ; тогда было все исполнено мздоиманія и грабежа, всякая правда вывелась изъ Пскова, всякая добродѣтель потоптана и предана неправдѣ, лжи и лукавству: властители умножили воровъ и обманщиковъ, поклепщиковъ, подметчиковъ, грабителей—кормильцевъ своихъ; имъ числа не было, и многихъ совратили они съ праваго пути; не оставалось праведнымъ мѣста, гдѣ прожить ¹⁾. Думали, что съ новымъ царемъ будетъ лучше. Вспоминалось короткое льготное время при первомъ Димитріѣ и возникали надежды.

Когда такимъ образомъ волновался городъ, въ сентябрѣ 1608 года, разнесся по городу слухъ, что нѣмцы, которыми давно пугали псковичей, подошли къ городу и стоятъ на Устьи у Николы. Это такъ взволновало всѣхъ, что уже никакъ нельзя было удержать толпы. Все закричало, что передаются Плещееву. Сторонники вора отворили великія ворота, и народъ посыпалъ въ поле, и у церкви Алексѣя божьяго-человѣка начали псковичи цѣловать крестъ царю Димитрію.

Сентября 2, вошли плещеевскіе ратные люди въ городъ, и на другой день совершилось крестное цѣлованіе Димитрію отъ всего города. Всѣхъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ северюковъ, присланныхъ Шуйскимъ, выпустили съ честію, накормили, одѣли, и отправили подъ Москву. Плещеевъ объявленъ воеводой въ Псковѣ. Псковичи послали съ повинною къ царю въ Тушино. Вслѣдъ за тѣмъ началась поголовщина. Собирали ратныхъ и отправляли на помощь Димитрію; собирали деньги и запасы. Тогда досталось богатымъ гостямъ. Прежде мирволилъ имъ Шереметевъ; теперь они-то и должны были платить и содержать ратныхъ.

Вслѣдъ за Псковомъ Иванъгородъ покорился Димитрію. Въ Орѣшкѣ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ призналъ тушинскаго царика.

Города восточной Россіи, съ прихода вора подъ Москву,

¹⁾ Псковск. лѣт. 325.

подавались ему быстро одинъ за другимъ и притомъ такъ, что какъ скоро признаеть его царемъ городъ — вслѣдъ за тѣмъ признаеть его и весь округъ, который къ городу тянетъ. Городъ былъ средоточіемъ своей земли; жители приписанныхъ къ городу пригородовъ, становъ и волостей привыкли повиноваться городу: оттуда разсылались приказанія и распоряженія, туда доставлялись подати, и городъ платилъ и отвѣчалъ государству за всю землю или область; если происходило какое нибудь всенародное совѣщаніе то въ томъ же городѣ; городъ землѣ указывалъ; жители въ своихъ селахъ, деревняхъ, починкахъ не разсуждали о томъ, какъ исходить управленіе надъ ними сверху изъ Москвы, для нихъ достаточно того было, что городъ ихъ велитъ имъ дѣлать то и другое. Поэтому когда говорилось о городѣ, то, за малыми исключеніями, разумѣлся и весь уѣздъ его.

Сдался Переяславль-Залѣсскій. Потомъ въ Суздальъ какой-то Меньшикъ Шиповъ убѣдилъ жителей цѣловать крестъ законному царю Димитрію. Архіепископъ Галактіонъ присталъ къ нему, и примѣръ архимандрита подѣйствовалъ на тѣхъ, которые еще колебались. Весь уѣздъ, вслѣдъ за городомъ, призналъ царя тушинскаго. Сапѣга, стоя подъ Троицею, заправлялъ сдавшимися городами; онъ, въ октябрѣ, отрядилъ въ Суздаль Лисовскаго, чтобы оттуда приводить къ повиновенію сосѣдніе города. Воеводой назначенъ былъ въ Суздаль Ѳедоръ Плещеевъ ¹⁾. Самъ воръ отъ себя послалъ суздальцамъ похвальную грамоту.

Сдался Угличъ. Сапѣга прислалъ туда какого-то пана Очковскаго, который тотчасъ же началъ своевольничать ²⁾.

Ростовъ упорствовалъ. Тамъ былъ митрополитомъ Филаретъ Никитичъ. Онъ удерживалъ жителей въ повиновеніи царю Василію Шуйскому. Въ тушинскомъ лагерѣ, однако, знали, что этотъ человекъ не былъ изъ числа искренно преданныхъ Шуйскому. Филарета нужно было достать. Прежде ему послали увѣщанія. Онъ не принялъ ихъ. Тогда рѣшились достать его силою. Переяславцы собрались съ московскими людьми, присланными Сапѣгою изъ-подъ Троицы, и пошли на Ростовъ. Они напали на него врасплохъ, 11 октября. Филаретъ тогда вошелъ въ соборную церковь, облачился въ архіерейскія одежды; народъ столпился въ церкви. Митрополитъ приказалъ протопопамъ и священникамъ причащать народъ и приготовить къ смерти. Переяславцы, овладѣвъ городомъ, ринулись на соборную церковь. Ростовцы стали было защищать двери, но митрополитъ подо-

¹⁾ Ник. 108.

²⁾ А. И. 113.

шелъ къ дверямъ, приказалъ ихъ отворить, встрѣчалъ переяславцевъ и началъ ихъ уговаривать, чтобъ они не отступали отъ законной присяги. Переяславцы не слушались, бросились на митрополита, сорвали съ него святительскія одежды ¹⁾, одѣли въ сермягу, покрыли голову татарскою шапкою, посадили на возъ вмѣстѣ съ какою-то женкою, конечно для насмѣшки, и въ такомъ видѣ повезли въ Тушино. Тогда ограбили церковь, гдѣ находились мощи ростовскихъ чудотворцевъ, изрубили въ куски серебрянный гробъ святого Леонтія и золотое изображеніе угодника ²⁾. Довольно людей было перебито при оборонѣ церковныхъ дверей ³⁾.

Димитрій принялъ Филарета съ почетомъ. Филаретъ не отличилъ предъ всѣми вора; хотъ прежняго Димитрія онъ зналъ лично очень хорошо и никакъ не могъ теперь ошибиться. «Филаретъ — говоритъ Авраамій Палицынъ — былъ разуменъ; не склонился ни направо, ни на лѣво ⁴⁾ и въ истинной вѣрѣ пребылъ твердъ.» Его нарекли патриархомъ. Димитрій далъ ему въ почестъ золотой поясъ, приставилъ рабовъ служить ему. По свидѣтельству иноземца ⁵⁾, Филаретъ подарилъ Димитрію дорогой восточный ахонтъ, находившійся въ его жезлѣ. Но въ Тушинѣ все таки побаивались его, не довѣряли ему и подстерегали за каждымъ его словомъ и мановеніемъ. Было отъ чего. Признавши перваго Димитрія, получивши отъ него милости, онъ потомъ служилъ Шуйскому, открывалъ мощи младенца Димитрія, теперь служилъ второму Димитрію, и вонечно не могъ быть ему столько же преданъ, сколько самъ ему былъ нуженъ.

Тѣмъ не менѣе именемъ новонареченнаго патриарха писались грамоты, и признаніе Филаретомъ Димитрія усиливало довѣріе и расположеніе къ этому новому Димитрію. Филарета считали ближайшимъ родственникомъ прежней царской династіи.

За Ростовомъ сдѣлся Ярославль. Какъ только распространилась тамъ вѣсть объ успѣхахъ Димитрія, черные люди взбунтовались, начали угрожать лучшимъ; многіе лучшіе бросали свои дома и бѣжали для спасенія жизни. Воевода князь Ѳеодоръ Барятинскій, чтобъ не быть растерзаннымъ, присягнулъ Димитрію. По его примѣру, англичане и нѣмцы, жившіе въ этомъ торговомъ городѣ, и нѣкоторые русскіе торговцы думали - было

¹⁾ Ник. VIII, 104.

²⁾ Виссов.

³⁾ Ник. VIII, 104.

⁴⁾ Стр. 51.

⁵⁾ Висс. 88.

снасти свои имущества признаніемъ вора, присягнули ему съ условіемъ, чтобъ ихъ не отдавали на грабежъ черни. Воевода Борятинскій посылалъ изъ Ярославля въ Тушино боевые запасы, и жители собрали до 30,000 рублей на провольствіе тушинской рати ¹⁾ и содержали у себя въ городѣ гарнизонъ въ 1,000 человекъ.

Взятіе Ярославля подѣйствовало на близкіе города по Волгѣ и на сѣверѣ. Поворилась добровольно Кострома, гдѣ поставили воеводой князя Мосальскаго - Горбатаго. Поворились Рыбная Слобода, Молога, Юрьевъ Поволжскій, Кашинъ, Бѣжецкій-Верхъ, Пошехонье, Чаронда, Тверь, Бѣлоозеро, Торжокъ. Барятинскій послалъ въ Вологду письмо и цѣловальную запись ²⁾. Чернь заволновалась, воевода Никита Михайловичъ Пушкинъ и дьякъ Рахманинъ - Вороповъ удерживали ее, ничего не могли сдѣлать и, выжидая времени, уступили. Лучшіе люди въ Вологдѣ, для спасенія своихъ имущества, въ угоду черни также цѣловали крестъ вору. Послали оттуда наказъ въ Тотьму, и этого города жители, по современному выраженію: «отъ нуки со слезами крестъ цѣловали ³⁾».

Во Владимирѣ воеводою былъ овольничій Иванъ Годуновъ. При вступленіи Димитрія на престолъ, онъ вмѣстѣ со свойственниками Годуновыхъ былъ удаленъ на воеводство въ Сибирь. Казалось бы, если на кого, то на него можно было надѣяться. Партія Димитрія, въ какомъ бы видѣ она ни возрадалась, была прирожденно-враждебною всякому тому, кто былъ близокъ по крови къ Годунову. Но этотъ воевода не могъ, какъ Годуновъ, быть расположенъ и къ Шуйскому. Шуйскій хотѣлъ его перевести въ Нижній, а на его мѣсто посадить во Владимирѣ Третьяка - Сеитова; но Годуновъ не выѣхалъ изъ Владимира. Сначала онъ хотѣлъ было сопротивляться войскамъ тушинскаго царика, но когда Суздаль отпалъ къ Димитрію, а Василій Шуйскій оказывалъ Годунову недовѣріе, Годуновъ присягнулъ Димитрію. Годуновъ привелъ ко крестному цѣлованію Владимирѣ ⁴⁾ поѣхалъ самъ въ Тушино; поклонился вору и былъ имъ облаканъ ⁵⁾. Примѣръ Годунова долженъ былъ усиливать партію царика и служить новымъ подтвержденіемъ того, что онъ истинный Димитрій.

¹⁾ А. Э. I, 186. — Bussov. 82.

²⁾ А. Э. I, 180.

³⁾ А. Э. I, 180.

⁴⁾ А. И. II, 182.

⁵⁾ А. И. II, 417.

За Владимиромъ покорилися имени Дмитрія Шуя, Балахна, Лухъ, Гороховець, Романовъ, населенный татарами. Стали передаваться города и волости на востокъ, населенные инородцами. Арзамасъ призналъ Дмитрія. Мордва и черемисы вооружились во имя его. Касимовскій царь измѣнилъ Шуйскому и призналъ Дмитрія.

Нижній Новгородъ удержалъ въ повиновеніи Василию воевода Алябьевъ. Этотъ городъ въ то время имѣлъ уже важное значеніе. Онъ былъ среднимъ пунктомъ восточной торговли: тутъ была главная таможня для товаровъ, плившихъ по Волгѣ и, по причинѣ разгрузки, производился обширный торгъ. Поэтому тутъ проживало нѣсколько купеческихъ домовъ, которые были связаны интересами съ московскими гостями, стоявшими за Шуйскаго. Вообще торговые люди, какъ люди богатые, были на сторонѣ Шуйскаго, и потому Нижній, какъ по преимуществу торговый городъ, больше чѣмъ какой другой городъ казался преданнымъ и вѣрнымъ царю Василию. Но и изъ Нижняго многіе, принадлежавшіе къ черни, ушли изъ города въ шайки и ополчались за Дмитрія.

Не поддавалась Дмитрію Рязань, удерживаемая Лапуновыми, которые ненавидѣли Шуйскаго, но не хотѣли мѣнять его на вора. Оставались вѣрными царю московскому Смоленскъ и Коломна.

Новгородъ былъ уже близокъ къ переходу на сторону тушинскаго царика. Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій выслалъ въ Швецію Семена Васильевича Головина (своего шурина) да дьяка Сыдавнаго, а самъ хотѣлъ дожидаться ихъ въ Новгородѣ. Но онъ увидалъ, что новгородцы волнуются. Примѣръ Пскова на многихъ дѣйствовалъ въ Новгородѣ. Скопинъ совѣтовался съ новгородскимъ воеводою Михайломъ Игнатьевичемъ Татищевымъ. Они вдводемъ сообразили, что войска при нихъ не много, и Скопинъ вышелъ изъ города съ тѣми, которые у него были, къ Иваньгороду; на дорогѣ онъ услышалъ, что Иваньгородъ уже отпалъ отъ Шуйскаго. Изъ отряда Скопина нѣкоторые убѣжали назадъ въ Новгородъ. Скопинъ отправился къ Орѣшку, но въ Орѣшекъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ тамошній воевода не пустилъ его и объявилъ себя за Дмитрія. Скопину оставалось самому убѣжать въ Швецію, чтобы выпросить иноземныхъ силъ и съ ними войти въ Новгородъ. Онъ находился уже на устьи Невы, на пути въ Швецію, какъ вдругъ явилось къ нему изъ Новгорода посольство. Митрополитъ Исидоръ подѣйствовалъ на новгородцевъ: они всѣмъ городомъ обѣщались стоять за Шуйскаго и пожелали воротить Скопина. За

нимъ послали старостъ изъ пяти концовъ города; догнавши Скопина, они просили его вернуться и цѣловали крестъ за весь Новгородъ. Скопинъ воротился; его приняли съ честію. У молодого полководца была способность дѣйствовать на толпу и направлять ее.

Въ Тушинѣ слышали, что Новгородъ, хотѣвши было отпасть отъ Шуйскаго, снова сопротивляется Димитрію. Въ Тушинѣ разсказали, что для этого нужно послать къ Новгороду отрядъ, чтобы придать отваги своимъ доброжелателямъ, и испугать недоброжелателей. Былъ посланъ полковникъ Керновицкій съ литовскими людьми. Когда онъ приблизился къ Новгороду, въ городѣ сдѣлалось смятеніе, стали подозрѣвать другъ друга въ измѣнѣ. Тогда Михайло Игнатьевичъ Татищевъ вызвался итти предводительствовать войскомъ, которое нужно было вести противъ Керновицкаго. Татищева не любили въ Новгородѣ, и его недоброжелатели пришли къ Скопину и сказали: «мы чаемъ, Михайло Татищевъ за тѣмъ идетъ на Литву, что хочетъ измѣнить царю Василю и Новгородъ сдать.» Скопинъ, вмѣсто того, чтобъ защищать Татищева, собралъ ратныхъ людей новгородцевъ и сказалъ имъ: «вотъ что мнѣ говорятъ про Михайла Татищева, разсудите сами!» Недоброжелатели Татищева подняли крикъ и такъ вооружили всѣхъ противъ него, что толпа бросилась на него и растерзала...

Скопинъ похоронилъ тѣло его ¹⁾ въ Антоньевѣ монастырѣ, а имущество его было продано съ публичнаго торга. Такъ окончилъ жизнь этотъ человекъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ убійства сидѣвшаго на престолѣ подъ именемъ Димитрія: прошлое не спасло его отъ подозрѣнія, чтобъ онъ не могъ пристать къ новому претенденту на Димитрія. Тогда въ Московскомъ государствѣ уже никому не вѣрили, и рѣдкій по совѣсти могъ самъ за себя поручиться.

Керновицкій безотпорно приблизился къ Новгороду и расположился въ Хутынскомъ монастырѣ. Городъ заволновался. Лучшие люди, ради спасенія отъ грабежа, въ случаѣ насильнаго взятія города, кричали о сдачѣ. Но разошелся слухъ по новгородской землѣ, что литва подходитъ къ Новгороду, и поселяне стали собираться въ ополченіе и спѣшить на выручку городу. Въ Тихвинѣ составила рать подъ начальствомъ Степана Горихвостова, а изъ Заонежскихъ погостовъ ополчились крестьяне подъ начальствомъ Евсѣя Резанова. Оба ополченія пошли спасать Новгородъ. Тихвинцы шли впередъ и дошли до Грузина.

¹⁾ Ник. 189.

Тутъ нѣсколько человекъ изъ нихъ попалось въ плѣнъ. Литовскіе люди привели ихъ въ свой станъ и стали пытать и допрашивать: «сколько вашихъ?» Тѣ были люди простые, не знали счету и не могли объяснить имъ, еслибъ и хотѣли; они только и говорили, что сила большая идетъ. Литовцы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что противъ нихъ идетъ огромное войско, и отступили отъ Хутыня. Керновицкій сталъ въ Старой Русѣ. Но если Новгородъ оставался еще во власти Шуйскаго, то окрестности быстро поддавались Дмитрію; дѣло Василя Шуйскаго все таки казалось шло въ проигрышу въ Новгородской землѣ, какъ казалось проиграннымъ и въ другихъ русскихъ земляхъ.

VII.

Осада Троицы. — Предложеніе сдать. — Приступъ 13 октября. — Подвѣсъ. — Подвиги русскихъ людей. — Зима. — Бѣдствіе осажденных. — Смуты. — Приступы 27 мая и 28 іюня 1609 г.

При быстромъ успѣхѣ воровскаго дѣла, не доставало только стѣснить повѣрѣнче Москву, заставить ее испытать голодъ: тогда враждебная царю Василю партія взяла бы верхъ и въ Москвѣ, какъ она взяла уже верхъ въ иныхъ городахъ. Такъ и рассчитывали въ Тушинѣ, и съ этою цѣлю Сапѣга дѣятельно занимался осадю Троицы. Кромѣ Лисовскаго, съ нимъ были съ своими отрядами князь Адамъ Вишневецкій, Тышкевичъ, Будзило. Сначала казалось полкамъ взять монастырь нетруднымъ дѣломъ. Стѣна монастырская была не высока, всего до двухъ съ половиною саженой до зубцовъ, а съ зубцами до $3\frac{1}{2}$, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже менѣе, всего же пространства занимала 550 саженой. Эти стѣны, по тогдашнему способу постройки, раздѣляли на бои, то есть отдѣлены были арусы съ отверстиями для выстрѣловъ; было три рода боевъ: подошвенный, средний и верхній; послѣдній былъ уже наверху стѣны, на одной чертѣ съ зубцами; сверху надъ зубцами были крыши. Эти не высокія стѣны были очень толсты: три сажени въ ширину, и сдѣланы изъ твердаго камня. Въ стѣнѣ были башни разнаго вида ¹⁾. Съ восточной стороны охватывалъ монастырь лѣсъ, съ юга и съ запада

¹⁾ По описи, составленной при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, ихъ было двѣнадцать: *плотничья*, на углу западной и сѣверной сторонъ; на сѣверѣ и сѣверовостоѣ, *кошачья* съ воротами, *солляная*, *кузничья* и *наукомьяная*; на востоѣ, *сушильная*, *красная* съ воротами, *житничья*, *наукомьяная*; между восточною и южною сторонаю, *плитничья*; на югѣ, *луговая*, *водная* съ воротами; на западѣ, *поребная*.

за стѣною было нѣсколько прудовъ; и такъ, съ западной и южной стороны обитель была защищена водою. На западной сторонѣ, противъ погребной башни, и на сѣверной, противъ конюшенной, были особыя монастырскія заведенія — на первой пивной дворъ, а на послѣдней конюшенный дворъ; эти дворы составляли въ военномъ отношеніи какъ бы передовыя укрѣпленія. Въ монастырѣ было ратныхъ тысячъ до трехъ слишкомъ или болѣе. Начальствовало ими двое воеводъ — Григорій Борисовичъ Долгорукій-Роцца и Алексѣй Голохвастовъ: оба были враги между собою. Долгорукій былъ тотъ самый, который, передавшись первому Дмитрію, служилъ ему усердно воеводою въ Путивлѣ. Казалось, плохой изъ него былъ слуга Шуйскому; но Долгорукій, искренно служившій первому Дмитрію, котораго признавалъ по совѣсти настоящимъ, не хотѣлъ служить второму, будучи убѣжденъ, что онъ обманщикъ. Кромѣ ратныхъ людей, въ монастырѣ набилось множество поселянъ изъ монастырскихъ слободъ, сожженныхъ отчасти непріятелями, отчасти самими жителями. Это многолюдство имѣло и выгоды и невыгоды: здоровые и нестарые поселяне были годны на военное дѣло, въ случаѣ нужды; здоровыя женщины исполняли разныя работы. Но за то женщинъ было такъ много въ тѣсномъ пространствѣ, что, по извѣстію очевидцевъ, инымъ приходилось родить младенцевъ при чужихъ людяхъ, и нието со срамотою своею не скрывался. Тѣснота увеличивалась еще отъ множества скота, загнаннаго въ монастырскую ограду.

Сапѣга и Лисовскій, подошедшій къ Троицѣ, сперва съ войскомъ своимъ объѣхали монастырѣ вокругъ. Раздавалась военная музыка. Литовцы и русскіе-тушинцы кричали и похвалялись, пугая осажденныхъ. Потомъ войско расположилось станомъ — Сапѣга сталъ на западной сторонѣ, Лисовскій на юговосточной, у Терентьевской роцци. Приказали строить остроги съ избами.

Прежде начатія военнаго дѣла, Сапѣга, 29 сентября, пробовавъ склонить монастырѣ къ сдачѣ убѣжденіемъ. Онъ послалъ московскаго человѣка по имени Безсона Руготина, съ однимъ письмомъ къ воеводамъ, а съ другимъ къ архимандриту Іосифу. «Пишемъ къ вамъ, жалуячи васъ — писалъ онъ къ воеводамъ — покоритесь царю Дмитрію Ивановичу, сдайте мнѣ городъ, будете вѣло пожалованы отъ царя Дмитрія Ивановича, какъ ни одинъ изъ великихъ вашихъ не пожалованъ отъ Шуйскаго; а если не сдадите, то знайте, что мы на то пришли, чтобы, не ввявъ его, не уходить отсюда; сами вѣдаете, сколько городовъ мы взяли; и Москва и царь вашъ въ осадѣ. Мы въ

томъ ручаемся, что не только будете намѣстниками въ Троицкомъ городѣ, но царь дастъ вамъ многіе города и села въ вотчину; а не сдадите города и мы возьмемъ его силой, тогда уже ни одинъ изъ васъ въ городѣ не увидитъ отъ насъ милости.» Въ письмѣ къ архимандриту онъ припоминалъ милости царя Ивана Васильевича къ Троицкому монастырю и его монахамъ, увѣбралъ ихъ, что они платятъ неблагодарностію сыну его Дмитрію Ивановичу, и ованчивалъ письмо такъ: «пишемъ тебѣ словомъ царскимъ, святче архимандрите: прикажи попамъ и монахамъ, чтобъ они не учили войско противиться царю Дмитрію Ивановичу, а молили бы Бога за него и за царицу Марину Юрьевну, а намъ городъ отворили безо всякой крови; а не поворитесь, такъ мы *заразъ* возьмемъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ *порубаемъ* всѣхъ!»

Воеводы и военачальники собрали совѣтъ съ архимандритомъ и соборными старцами, и составили вмѣстѣ такой отвѣтъ: «Темное державство, гордые военачальники, Сапѣга и Лисовскій и прочая дружина ваша! Десятигѣтнее отроча въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту. Мы приняли писаніе ваше, и оплевали его. Чтѣ за польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта, промѣнять честь на безчестье, ложь на истину, свободу на рабство, истинную вѣру греческаго закона оставить и покориться новымъ еретическимъ законамъ, отпадшимъ отъ Христовой вѣры, проклятымъ отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Чтѣ намъ за приобрѣтеніе и почесть — оставить своего православнаго государя и покориться ложному врагу и вамъ, иновѣрной латинѣ, и быть хуже жидовъ? Жиды, не познавши, распяли своего Господа, а мы знаемъ своего православнаго государя. Какъ же намъ, родившимся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестію и суетнымъ богатствомъ! Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе.»

Воеводы и всѣ ратные люди и всѣ находившіеся въ осадѣ цѣловали крестъ стоять вѣрно и вѣрно, и распредѣлили людей, гдѣ имъ стоять. Назначили головъ изъ старцевъ и дворянъ, по башнямъ и воротамъ устроили орудія въ бояхъ, и строго приказали, чтобъ всякій зналъ свое мѣсто. Другихъ назначили помогать имъ и подавать нужное. Оглашено было, чтобы никто безъ воеводскаго позволенія не смѣлъ выступать на вылазку.

Осаждающіе въ виду монастыря покатали изъ своего стана туры на колесахъ — подвижныя деревянныя батареи, и разставили ихъ вокругъ монастыря: было всѣхъ девять туръ; они

стояли на южной, западной и сѣверной сторонѣ ¹⁾. Между туррами по всей ихъ линіи рыли глубокой ровъ и насыпали землю, добытою изъ него, валъ.

Изъ демянства орудій, поставленныхъ на турахъ, начали палить по монастырю каждый день безъ отдыха съ утра до вечера и ночью. Но эти выстрѣлы мало вредили осажденнымъ. Орудія у литовскихъ людей были небольшія и стояли довольно далеко, такъ что пускаемыя ядра не долетали до монастыря, а падали въ пруды и на пустыя мѣста; а тѣ, которыя попадали въ стѣны, были уже на отлетѣ и только царапали камни. Стрѣльба такъ плохо шла, что, по извѣстію современника ²⁾, случалось, что, съ утра до вечера, направляли выстрѣлы въ одно мѣсто, и нивѣкъ не могли повредить стѣны.

13 октября, предводители устроили въ своемъ стану пирь. Раздавалась веселая, но дикая музыка. Цѣлый день войско и казаки пили, пѣли, скакали на лошадяхъ, стрѣляли для забавы. Когда стало вечерѣть, толпы всадниковъ выступили одна за другою; за ними развѣвались знамена густо какъ лѣсъ. Наконецъ вокругъ всего монастыря растаянулись разнородныя рати: тутъ были и поляки, и литва, и казаки днѣпровскіе, и казаки донскіе и татары, и инородцы, и свои русскіе московскіе люди, слуги вора. Сапѣжинцы, съ западной и сѣверной стороны, лисовчики, — съ южной и восточной, стрѣляли разомъ со всѣхъ туръ. Крикнуло все войско громкимъ голосомъ и бросилось въ монастырю; катили деревянные тарасы на колесахъ, чтобъ защищаться отъ выстрѣловъ; несли лѣстницы для приступа.

Уже темнѣло. Весь монастырь поднялся на ноги, всѣ поспѣшили на стѣны, принялись палить. Когда осаждающіе подходили ближе, выстрѣлы монастырскіе изъ пушекъ и пицалей такъ начали ихъ поражать, что у нихъ бодрость пропала: всѣ они черезъ чуръ пировали днемъ; и теперь большая часть была на похмѣльѣ. Они побросали свои лѣстницы и тарасы, и побѣжали. Довольно ихъ и легло. Тогда ободренные русскіе выскочили изъ монастыря и потащили въ ограду брошенныя лѣст-

¹⁾ Первые за прудомъ на Волкушѣ горѣ на южной сторонѣ, вторые за прудомъ подлѣ московской дороги, третьи за прудомъ къ Терентьевской рошѣ на юго-восточной сторонѣ, четвертые на Крутой горѣ противъ мельницы на юго-западной сторонѣ, пятые на Красной горѣ противъ водяной башни, такъ же на юго-западной, западнѣе предыдущихъ; шестые на Красной горѣ противъ пивнаго двора и погребовъ на западной сторонѣ; седьмые западнѣе предыдущихъ противъ келарской и казенныхъ палатъ; осьмые на Красной горѣ на сѣверозападной сторонѣ противъ плотничной башни, девятые на сѣверной сторонѣ противъ конюшенныхъ воротъ.

²⁾ Палац. 85.

ницы, повалили тудаже и тарасы: на нѣсколько дней было тѣмъ имъ готовить пищу и не нужно было подвергаться опасности, выходя за дровами.

Въ слѣдующіе дни за тѣмъ опять стали палить литовскіе люди съ своихъ туръ. Но удачный отбой приступа придалъ тогда бодрости осажденнымъ. Архимандритъ и монахи рассказывали, что является въ видѣніяхъ св. Сергій, велитъ не унывать и обѣщаетъ спасеніе. Нѣсколько разъ подъѣзжали литовскіе люди въ монастырю и заводили разговоръ: «Видите ли наше множество?» кричали они—«не губите себя напрасно, сдайтесь!» Иные смѣльчаки набѣдники подсаживали въ стѣнамъ, ругались надъ осажденными и вызывали ихъ на расправу. Осажденные — не только храбро отбивались, но сами дѣлали вылазки на враговъ. Одинъ разъ во время таковой вылазки взяли они въ плѣнъ ротмистра Брушевскаго, и подъ огнемъ стали допрашивать. Онъ сказалъ: «наши гетманы на томъ стоятъ, чтобъ взять монастырь, выжечь и разорить церкви и побить всѣхъ людей: они не отойдутъ отъ монастыря, не взявши его, хотя бы годъ пришлось стоять. Теперь уже ведутъ подкопъ подъ городовую стѣну и подъ башни. Напрасно его допрашивали: куда именно ведутъ подкопъ. Брушевскій все твердилъ, что не знаетъ этого. Вѣсть о подкопѣ возбудила ужасъ. Самые пылкіе и отважные, готовые выступить на вылазки, теряли мужество при мысли, что неожиданно могутъ полетѣть на воздухъ. Ожиданіе каждую минуту гибели было страшнѣе всякаго нападенія. Былъ между троицкими слугами одинъ по прованію Власъ Корсаковъ. Онъ назывался искуснымъ въ землеройствѣ: ему поручили подъ башнями и подъ стѣнами копать землю и дѣлать слуховые колодцы. Сверхъ того начали за стѣною до Служней слободы копать глубокой ровъ, чтобъ перервать подкопъ, если онъ будетъ поведенъ туда. Но все дѣлалось на обумъ: не знали навѣрное, куда вести работу. Литовскіе люди какъ увидѣли, что ровъ копается, бросились на рабочихъ. Со стѣны русскіе по нимъ стрѣляли. Вслѣдъ за тѣмъ монастырская рать сдѣлала вылазку и нѣсколькихъ поймали. Плѣнные подтвердили показаніе Брушевскаго и говорили, что подкопъ ведется, но не могли объяснить куда ведутъ его. Страхъ усилился. Архимандритъ, для ободренія унывающихъ, рассказывалъ, что ему являлся св. Сергій и возвѣщалъ, что монастырь останется цѣль. Ратные повторяли вылазки, бились со врагами храбро, а о подкопѣ довѣдаться не могли. Со дня на день страхъ пуще одолевалъ осажденных: ожидали съ часу на часъ смерти; толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей тѣснились въ церквахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, смерть ихъ застала среди благочестія, исповѣдывались и прича-

щались св. таинъ. Между тѣмъ литовскія пушки продолжали гремѣть. Монастырскія отвѣчали имъ. Наконецъ, на одной вылазкѣ, 4 ноября, поймали казаки раненаго и истекшаго кровью; онъ былъ родомъ изъ Дѣдилова, Рязанской земли. Стали пытаться его. «Подкопы сдѣланы и поспѣваютъ, — сказалъ онъ — на Михайловъ день хотятъ подставлять подъ стѣнами и подъ башнями зелье.» Его повели по городской стѣнѣ. Казакъ, ивнемогая отъ ранъ и мученій, указалъ имъ на Пятницкую башню и на поле прямо отъ нея. Далѣе онъ не въ силахъ былъ продолжать, — сталъ просить священника. Его исповѣдали и причастили, и онъ тутъ же скончался. Въ слѣдующую ночь поймали еще казака-рязанца. И тотъ сообщалъ тоже, что подкопъ ведется по направленію къ Пятницкой башнѣ.

Тогда принялись наскоро копать валъ и строить деревянныя тарасы противъ южной Пятницкой башни и ея окрестностей, внутри монастыря, чтобъ въ случаѣ, еслибъ неприятелю удалось взорвать Пятницкую башню, онъ встрѣтилъ бы готовое другое укрѣпленіе. Въ то же время нашли старый потайной ходъ изъ сушильной башни на восточной сторонѣ стѣны и прочистили его. Насталъ роковой Михайловъ день. По прежнему изъ всѣхъ туръ летѣли литовскія ядра, и въ тотъ день долетали уже въ средину обители; тамъ убили одного старика и старуху-монахиню. Во время вечерни, два ядра одно за другимъ упали въ церковь. Одно пробило доску у образа архистратига Михаила у праваго клироса и повредило подсвѣчникъ у образа св. Троицы. Другое пробило образъ Николая чудотворца. Народъ ужасно переполошился; но архимандритъ утѣшилъ его такими словами: «во время стихирнаго пѣнія, сведень былъ я въ забвеніе и увидѣлъ архистратига Михаила; лице его сіяло какъ свѣтъ, въ рукѣ у него былъ скипетръ, и онъ говорилъ сопротивнымъ: о враги—лютеры! ваша дерзость, беззаконники, дошла до моего образа. Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе скоро!»

Стали пѣть молебень архистратигу Михаилу. На другой день до разсвѣта зазвонили въ заутрени. Архимандритъ сказалъ народу, что видѣлъ въ эту ночь св. Сергія, и святой мужъ объявилъ, что Богородица съ ангельскими силами молится къ Богу о сохраненіи обители. Другіе монахи рассказывали, что въ эту ночь видѣли св. Сергія и св. Серапіона. Эти извѣстія ободряли осажденныхъ. Тогда воеводы поняли, что ждать болѣе не слѣдуетъ: надобно отважиться поддержать бодрость, внушенную рассказами о видѣніяхъ, и предприняли сильную вылазку. Ударили въ осадные волокола. Ратные высыпали изъ монастыря разными пу-

тями и произносили имя св. Сергія; то былъ «ясакъ» у нихъ. Шли въ бой не одни ратные, но слуги и крестьяне. Въ этотъ день не успѣли найти подкопа и уничтожить его, но посчастливилось троицкой рати взять нѣсколько неприятельскихъ орудій (нарядъ взявъ) ¹⁾. На слѣдующій послѣ того день, сдѣлана была вновь вылазка. Неизвѣстны ея подробности, но подкопъ все таки не былъ уничтоженъ ²⁾. Наконецъ, ноября 11, удалось наконецъ добраться до подкопа ³⁾. Авраамій Палицынъ приписываетъ это смѣлое дѣло двумъ крестьянамъ Клементьевской слободы. Они назывались Никонъ Шиловъ и Слота. Они-то набрали на устье того подкопа, который такъ давно тревожилъ воображеніе осажденныхъ; они вскочили туда, заткнули отверстие и зажгли порохъ насыпанный тамъ. Подкопъ взорвало; мужики-богатыри тамъ погибли. Но чего давно искали, то нашли они. Между тѣмъ на всѣхъ сторонахъ шла драка. Уже многихъ дворянъ и слугъ мужественныхъ и ратному дѣлу искусныхъ приходилось оплакивать троицкимъ людямъ; палъ храбрый голова Иванъ Внуковъ; онъ съ товарищемъ бросился изъ Святыхъ воротъ, сбиль литву и казаковъ съ горы внизъ и очистилъ путь къ мѣсту подкопа. Тогда прославился Данило Селявинъ; былъ онъ силенъ тѣломъ и гораздъ саблею. Тягость у него была на сердцѣ; родной братъ его Осьва отъѣхалъ служить Сапѣгѣ. Данило говорилъ: «послѣ этого мнѣ жить не хочется,» и нашелъ онъ смерть подъ ударами казака-атамана Чики у Сергіева колодезя; но сподобилъ его Богъ преставиться уже въ иномъ образѣ. Тяжело раненныхъ спѣшили уносить въ монастырь и тамъ постригали. Досталось въ этотъ день сапѣжникамъ: у нихъ убили двухъ полковниковъ, четырехъ ротмистровъ и нѣсколько товарищей.

Воеводы ударили отбой. Ратные повернули въ монастырь. Но тутъ, изъ пивного двора, составлявшаго на вѣншей сторонѣ западной стѣны особое укрѣпленіе, старецъ Нифонтъ съ двумястами ратныхъ и тридцатью монахами сдѣлалъ вылазку, перешелъ прудовую ручьевину и бросился къ турмамъ; ихъ тогда слабо охраняли: войско было на другихъ пунктахъ занято дракою. Это захотило въ монастырѣ ратныхъ. Они порвались на вылазку снова. Воевода Алексѣй Голохвастовъ не пускалъ-было ихъ и поставилъ приставовъ у воротъ. Но ратные и слуги прогнали приставовъ, вырвались изъ вонюшенныхъ воротъ и посыпали на Красную гору. Литовскіе люди прогнали было ихъ съ горы вы-

¹⁾ А. И. П. 212.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

стрѣлами и заиграли уже на инструментахъ побѣду; но монастырскіе люди зашли въ овраги (Благовѣщенскій, Косой и Глинный), сзади бросились на туры въ распахъ и овладѣли первыми турами: схватили орудія, зажгли туры и тарасы. Литовскіе люди смѣшались, побѣжали къ другимъ турамъ. Палицынъ говоритъ, будто въ тотъ день троицкимъ людямъ удалось взять третьи, четвертые и пятые туры. Но въ современной выпискѣ о вылазкахъ¹⁾, не говорится сколько туръ взяли, только упоминается, что ихъ извѣли на дрова. У Палицына какъ будто такой смыслъ, что съ тѣхъ поръ туры не стояли уже около Троицы; а изъ выписки видно, что они продолжали стоять и впоследствии. Успѣли схватить восемь полуторныхъ пицалей, разнаго оружія литовскаго, нѣсколько плѣнныхъ, и возвратились со славою. Въ этотъ славный день потеря монастырскихъ людей простиралась до 174 убитыми и до 166 раненыхъ. Враговъ легло болѣе: по извѣстію монастырскаго лѣтописанія²⁾, ихъ пало до полутора тысячи, — число несомнѣнно чрезчуръ преувеличенное; но во всякомъ случаѣ побѣда въ этотъ день осталась за Троицею и оставила на будущее время важное нравственное вліяніе. Архимандритъ служилъ благодарственный молебенъ съ веселымъ звономъ. Люди ободрились и вѣрили, что св. Сергій не дастъ своей обители на раззореніе.

Послѣ того долго не дѣлали приступовъ. Сапѣга и Лисовскій предпочли взять монастырь блокадою. Они не рассчитывали, вѣроятно, что въ монастырѣ запасовъ довольно, и притомъ разставили войско такимъ обширнымъ кругомъ, что монастырь могъ имѣть сообщеніе извнѣ, какъ оказалось. Силы осаждающихъ уменьшились отправкою отрядовъ для укрощенія отпадавшихъ отъ Дмитрія городовъ; посланъ былъ даже и самъ Лисовскій. Впрочемъ, если монастырь и не могъ быть очень скоро взятъ, за то стояніе подъ нимъ не оставались безъ существенной выгоды для Дмитріева дѣла, потому что войско Сапѣги перерѣзывало путь сообщенія съ Москвою и мѣшало подвозить туда продовольствіе.

Настала зима. Сапѣжинцы и ихъ московскіе пособники жили въ построенныхъ наскоро избахъ и землянкахъ. Продовольствіе получали они грабежемъ по сосѣдству. Монастырскіе люди дѣлали на нихъ частыя вылазки; драки шли съ перемѣннымъ счастьемъ. Отважные монастырскіе осажденцы, вышедши партіями изъ монастыря, нападали на челядь, которая возила продовольствіе въ лагерь Сапѣги, и отбивали его. Изъ современнаго поль-

¹⁾ А. И. 211.

²⁾ Палиц. 124.

скаго дневника троицкой осады видно, что въ продолженіе всей зимы не проходило дня, чтобъ изъ монастыря не было вылазки, а не рѣдко было ихъ по двѣ—и утромъ и вечеромъ. На этихъ вылазкахъ нѣкоторые пріобрѣтали богатырскую славу. Такъ, современный писатель ¹⁾ рассказываетъ объ одномъ даточномъ крестьянинѣ; прозвище ему было Суета; росту онъ былъ огромнаго и очень силенъ, но неловокъ, не умѣлый въ дѣлѣ ратномъ. Надъ нимъ подсмѣивались; ему надоѣли эти насмѣшки. Онъ схватилъ бердышъ, сказалъ: «либо умру, либо славу получу ото всѣхъ!» бросился на непріятеля, и такъ началъ поражать враговъ, что никто противъ него стоять не могъ; и прославился ратною доблестью. Изъ слугъ монастырскихъ отличился тогда не одинъ за обитель св. Сергія. Осаждающіе хотѣли было отнять воду въ монастырѣ, и, по совѣту перебѣжавшихъ къ нимъ двухъ дѣтей боярскихъ переславцевъ, принялись было разрывать плотину на прудѣ у водной башни, чтобъ спустить воду въ рѣку Кончуру, и неудалось имъ это. Плѣнники, взятые на вылазкѣ, рассказали о намѣреніи; монастырскіе люди принялись работать и успѣли изъ пруда воду провести въ средину монастыря, такъ что прудъ, выкопанный ими, наполнился водою до того, что вода потекла на противоположную сторону къ монастырю.

Трудно было осажденнымъ доставать дровъ. Бывало всегда, когда нужно ихъ, выходятъ крестьяне съ оружіемъ рубить хворостъ, а уже не воротятся безъ того, чтобъ кое-какихъ не побили и не поранили сапѣжинцы и лисовичи. Бывало ворочаются монастырскіе люди, а ихъ спрашиваютъ: «а что стѣбитъ, за что купилъ эти дрова? за чью кровь?» Отецъ пойдетъ за дровами, чтобъ пропитать семью и пропадетъ; дѣти разведутъ огонь, а сами говорятъ: «вотъ это мы отца своего кровь пьемъ»; иные говорили: «сегодня мы пѣтомъ и кровію братій нашихъ напились, а завтра другіе нами наѣдятся и напѣются!»

Враги между тѣмъ, такъ привыкли одни къ другимъ, что въ промежутокъ между драками дружелюбно обращались между собою. Иногда литовскіе люди или русскіе, служившіе вору, подѣдутъ къ воротамъ монастырскимъ и попросятъ вина; имъ и вынесутъ, иногда даромъ, иногда на обмѣнъ; тутъ враги вмѣстѣ пили вино, шутили, подсмѣивались другъ надъ другомъ, иногда расходились по добру по здорову, обѣщая другъ другу задать бѣды на стѣчкѣ. Но случалось, что троицкіе люди подѣжавшихъ съ такими цѣлями къ воротамъ схватывали и уводили.

Не смотря на неудачу Сапѣги и на храбрость защитниковъ

¹⁾ Палл. 129.

монастыря, осадное положеніе привело однако къ великимъ бѣдамъ обитель. Пока еще можно было пробывать на воздухѣ, толпы народа помѣщались на дворѣ; настала зима, и надобно было тѣсниться въ душныхъ покояхъ. Тѣснота была невыносимая. Воду пили скверную; былъ недостатокъ хорошей пищи; вонь и сирадь въ покояхъ; вонь на дворѣ отъ зарѣзанныхъ и павшихъ животныхъ; открылась цынга; бѣднякамъ не на что было пить вина.

Пухли у людей десны, вываливались зубы, исходилъ изо рта невыносимый сирадь. У другихъ по тѣлу отъ нечистоты дѣлались струпья и раны; тѣ страдали поносомъ и ослабѣвши не могли двигаться съ мѣста; некому было ухаживать за больными; монахи были заняты, истомлены работами: некому было — говорить современникъ — ни перевернуть больного, ни приложить пластыря, ни промочить уста, ни умыть лица и ружь: изнемогающій отиралъ себѣ уста и глаза замаранною рукою и переводилъ болѣзнь на глаза и уста; въ ранахъ заводились черви, и люди умирали въ страшныхъ мукахъ безъ призрѣнія; смертность возрастала. Сначала хоронили труповъ по двадцати, а потомъ уже и по тридцати и поболѣе на день. Съ утра до вечера только и слышно было, что пѣніе похоронное да плачь оставшихся сиротъ. Одежды умершихъ, покрытыя вшами и червями, сваливались на возы и отвозились за стѣны, и тамъ ихъ жгли. Не всякій рѣшался привасаться къ нимъ. Такія бѣдствія постигали наиболѣе крестьянъ, потому что они были бѣднѣе и лишены были средствъ. Ратные люди, имѣвшіе состояніе, на соблазнъ другимъ вели въ монастырѣ пьяную и развратную жизнь. Накопленіе женщинъ при чрезвычайной тѣснотѣ располагало къ этому. «Ратныхъ людей, говоритъ Палицынъ, часто утѣшали сладкіе меду, и отъ того породились у нихъ блудныя бѣды.» У нихъ были ссоры съ монахами. Ратные говорили: «насъ долженъ кормить монастырь?» У кого и были свои запасы, и тотъ бралъ монастырскіе хлѣбы на день, а иногда и на цѣлую недѣлю, и продавалъ свою порцію другимъ. Монахи жаловались на нихъ; архимандритъ говорилъ: «перестаньте, братія, понапрасну истощать житницу чудотворцеву, мы не знаемъ, сколько времени протанется наше сидѣнье въ осадѣ. Какая вамъ польза истощить ее?» На это говорили монахамъ ратные: «Великое дѣло для васъ, коли мы возьмемъ хоть и лишнее? Ну, чтожь? Коли мы вамъ глаза колемъ, такъ мы перестанемъ у васъ брать; только ужъ какъ хотите, такъ справляйтесь съ сопротивными!» — «Видите-ли — говорили имъ монахи — какъ терпятъ иноки въ искусь: ни сна, ни покоя не знаютъ,

день и ночь около жара печного, и отъ дыма у нихъ глаза вытекають!» Двое даточныхъ людей, галицкіе казаки стали - было рассказывать, что имъ являлись Сергіи и Нивонъ и велѣли сказать, чтобъ ратные не брали лишняго, не пьянствовали, не сорили серебромъ, не ругались надъ тѣми, что въ пекарнѣ работаютъ. Но ратные да и всѣ вообще осмѣяли ихъ и «наплевали» на ихъ рѣчи, по выраженію современника ¹⁾. Болѣзни и несогласія между осажденными были извѣстны въ неприятельскомъ станѣ. Оттуда выбѣгали удалцы, подскакивали къ стѣнамъ и подсмѣивались надъ положеніемъ противниковъ. Монахи продолжали поддерживать духъ въ осажденныхъ рассказами о видѣніяхъ и явленіяхъ святыхъ.

Много троицкихъ людей было побито на вылазкахъ; еще болѣе перемерло отъ болѣзней. На бѣду монастырю, выбывали годные, а оставались «ѣдоки», то есть такіе, которыхъ надобно было только кормить, не чая отъ нихъ пользы въ ратномъ дѣлѣ. Воеводы послали къ царю челобитную, описывали свое бѣдствіе и умоляли прислать имъ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху. Челобитная ихъ дошла до царя благополучно. Въ Москвѣ, при троицкомъ подворьѣ, находился тогда келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ. Онъ сталъ хлопотать передъ царемъ за свою обитель. Шуйскій отвѣчалъ: «великая бѣда одержитъ Москву; я не въ силахъ помочь монастырю!» Келарь обращался къ царскимъ братьямъ; и тѣ не помогли. Келарь обратился къ патриарху, въ разнымъ боярамъ, и представлялъ, что если не послать теперь помощи, то монастырь не выдержитъ болѣе мѣсяца. Заступился за Троицу патриархъ Гермогенъ. Предъ царемъ и боярскою думою онъ говорилъ: «если будетъ взята обитель преподобнаго Сергія, то погибнетъ весь предѣлъ російскій до Овіана-моря, и царствующему граду настанетъ конечная тѣснота.» Царь послалъ атамана Сухого-Остапкова и съ нимъ шестьдесятъ человекъ; они повезли двадцать пудъ пороху. Келарь отправилъ съ нимъ двадцать человекъ троицкихъ людей, находившихся на подворьѣ. 15 февраля 1609 г., этотъ отрядъ проѣхалъ съвозъ обозъ Сапѣги и успѣлъ войти въ монастырь. Но четырехъ человекъ схватили, и Лисовскій приказалъ ихъ казнить противъ стѣнъ монастыря. Тогда, въ отместку, Долгорукій приказалъ вывести двадцать литовскихъ плѣнниковъ за ограду на гору противъ старой пекарни и казнить въ виду войска Сапѣги; а девятнадцать человекъ казаковъ вывели къ верхнему пруду и казнили передъ таборомъ Лисовскаго.

¹⁾ Палиц. 196.

Въ монастырѣ послѣ того носились слухи, что литовскіе люди и казаки, увидя казнь своихъ товарищей, взволновались и чуть было не убили Лисовскаго за то, что онъ казню четырехъ плѣнниковъ вызвалъ эту месть со стороны осажденных¹⁾).

Прибытіе слишкомъ небольшого отряда мало подало помощи осажденнымъ. Болѣзни свирѣпствовали, смертность не прекращалась; безпрестанными подозрѣніями одинъ другого въ измѣнѣ мучились осажденные. Дочь Бориса Годунова, иновиня Ольга, находившаяся тогда въ осадѣ, въ письмѣ къ своей теткѣ такъ описываетъ состояніе монастыря въ концѣ марта 1609 г.: «Я въ своихъ бѣдахъ чуть жива и конечно больна со всѣми старцами, и впередъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же за грѣхи наши моровое повѣтріе; великія смертныя скорби объяли всѣхъ людей; на всякій день хоронятъ мертвыхъ человѣкъ по двадцати, по тридцати и побольше, а тѣ, которые еще ходятъ, собою не владѣютъ: всѣ обезножили²⁾».

Ратные люди злобились на монаховъ; послѣдніе жаловались на ратныхъ; троицкіе служки также недовольны были монахами. Стрѣльцы писали челобитную къ царю, что старцы дурно ихъ кормятъ, даютъ имъ на шестнадцать человѣкъ пушной хлѣбъ и вырѣзываютъ изъ него середки; рыбой кормятъ ихъ только два раза въ недѣлю, и то однажды въ день, а раненымъ нѣтъ вина въ утѣшеніе; по ихъ запросу пить и ѣсть не даютъ. Ратные указывали, что монахи прежде всего себя самихъ должны понудить къ жесткой яствѣ и наложить на себя крѣпкое начало. Старцы писали къ царю, что стрѣльцы лгутъ: прежде имъ давали хлѣбъ неучетомъ, а они выносили изъ беларской и продавали, и потому имъ стали ставить четверть хлѣба передъ четверыхъ за обѣдомъ и ужиномъ; рыба имъ дается четыре раза въ недѣлю; въ постные три дня кормятъ горохомъ и соковою кашею; а вообще въ монастырѣ на всѣхъ было три яствы: щи, каша, а въ скоромные дни на четырехъ звено рыбы; прежде имъ пить давали квасъ, но потомъ перестали, потому что трудно было доставить дровъ, и нельзя было варить квасу.

«Мы — писали царю троицкіе власти — запасомъ съ всякими осадными людьми дѣлимся и не оскорбляемъ никого; какъ съли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ троицкій хлѣбъ, а своего мало было у всякаго припасено, и деньги, кому пригоже, даемъ.

¹⁾ Палл. 156.

²⁾ А. И. П., 213.

А какъ денегъ въ казнѣ не стало, такъ мы съ братьи собрали съ кого по рублю, съ кого по полтинѣ, а инымъ, кому надобно, занимаемъ и даемъ; 4 июня (1609) стрѣльцамъ дали по полтора рубли, ярославцамъ и галичанамъ по три рубли, а слугамъ троицкимъ всѣмъ на нужду по рублю, а крестьянамъ осаднымъ стѣннымъ по полтинѣ ¹⁾.»

Служки били челомъ государю, чтобы монахи ихъ допустили въ братской трапезѣ. Монахи отвѣчали, что прежде кормили служекъ въ трапезѣ, и говорилъ имъ архимандритъ: «ѣшьте то, что братія ѣдятъ; хоть изъ-передъ меня архимандрита возьми передъ себя, а свое передъ меня поставь!» Но они не хотѣли ѣсть въ трапезѣ, а носили по вельямъ; что въ трапезѣ ставить на четверыхъ, то у нихъ пойдетъ на одного въ кельѣ, а у иныхъ и жены и дѣти, у нѣкоторыхъ «жонки». Прежде они сами говорили, что имъ давать бы только щи и кашу да хлѣбъ недѣльные, а больше ничего и не хотятъ; а потомъ попросили рыбы; — имъ и рыбу стали давать: они недовольные стали просить опять, чтобы ихъ допустили въ братскую трапезу.

Старцы не ладили между собою. Составилась партія противъ соборныхъ старцевъ: жаловались, что архимандритъ и соборные старцы кормятъ старцевъ овсянницею и не даютъ квасу, заставляютъ пить одну воду, а сами бражничаютъ въ своихъ кельяхъ, съ своими заговорщицами и всѣ царскіе и братскіе обиходы на погребяхъ перевели. На мелкихъ дразгахъ не остановилось дѣло; стали подозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Обвинили казначея старца Іосифа Дѣвочкина. На него говорили, будто онъ съ перебѣжникомъ Оською Селявинымъ посылалъ письма къ тушинскому вору, изъявлялъ желаніе сдать монастырь. Григорій Долгорукій спорилъ съ Алексѣемъ Голохвастовымъ. Долгорукій потакалъ обвинителямъ. Голохвастовъ защищалъ Дѣвочкина. Когда Долгорукій приказалъ пытать обвиненнаго казначея, Голохвастовъ уговорилъ монастырскихъ слугъ не давать казначея въ пытку. Іосифъ заболѣлъ и скоро умеръ. Естественно было умереть Іосифу отъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ осадѣ: «онъ живой изъѣденъ былъ червями — говорилъ Авраамій Палицынъ; — маленькій червячокъ, впившись въ тѣло, выросъ величиною съ человѣческой палець, и отъ него умеръ казначей въ мученіяхъ.» Монастырскіе слуги доносили Долгорукову на Голохвастова, будто онъ внушалъ имъ и мужикамъ Клементьевскимъ, что отъ Долгорукова всѣмъ придется погибнуть и надобно отнять у него городовые ключи. Долгору-

¹⁾ А. И. II, 283.

кій просилъ Авраамія Палицына, чтобы тотъ ходатайствовалъ у царя перевести Голохвастова, ибо отъ него начинается ссора. Долгорукій, желая избавиться отъ Голохвастова, не показывалъ, однако, на него измѣны въ своемъ письмѣ къ царю; только нѣкоторые монахи доносили на Голохвастова; такое обвиненіе отсюда потомъ вошло и въ исторію Авраамія Палицына, который во время осады самъ лично въ монастырѣ не былъ, а записывалъ то, что ему говорили монахи. Враги казначея оговорили и бывшую ливонскую королеву Марью Владимировну, доносили, будто она называла царя Василя непристойными именами, именуетъ тушинскаго вора братомъ, будто она писала къ Сапѣгѣ: «спасибо вамъ, что вступились за брата моего московскаго государя царя Димитрія Ивановича»; писала и къ Рошинскому въ Тушино. Главная причина этому доносу была та, что королева расположена къ Дѣвочкину, посылала ему пироговъ и блиновъ прямо изъ своей поварни и медъ изъ царскихъ погребовъ, которые были у Троицы на случай царскихъ прїѣздовъ, а людей своихъ посылала по ночамъ топить Іосифу баню¹⁾.

Прошла зима. Болѣзни не прекращались; но съ наступленіемъ теплой погоды люди могли пробывать на свѣжемъ воздухѣ, и не страдать отъ невыносимой тѣсноты и духоты въ повахъ. Меньше нужно было дровъ, и потому не было необходимости часто выходить изъ монастыря, гдѣ тамъ много гибло людей. Монастырскіе слуги, избѣгая этихъ опасныхъ выходовъ, обломали въ монастырѣ крыши и топили ими. Враги продолжали стоять подъ монастыремъ, перестрѣливались съ осажденными. Не теряли прежняго терпѣнія и настойчивости и осажденные, а дѣлали вылазки. Ихъ удерживали отъ сдачи и внушали бодрость — слухи о скоромъ приходѣ Михайла Скопина-Шуйскаго со шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ.

Наконецъ, Сапѣга опять повулся на приступъ. Въ ночь съ 27 на 28 мая, со всѣхъ сторонъ кинулись на монастырь осаждавшіе съ лѣстницами, тарасами и съ разными стѣнобитными козьями. Но осажденные стрѣляли по нимъ изъ орудій, по-

¹⁾ Акт. ист. II, 286. Нѣтъ возможности добраться до истины, справедливо ли подозрѣвали въ измѣнѣ этихъ лицъ. Раздраженные непрерывными и долговременными опасностями, среди болѣзней, тѣсноты, духоты, подъ непрестаннымъ страхомъ смерти, люди всегда способны давать волю воображенію и видѣть другъ въ другѣ виновниковъ своихъ бѣдъ. Раждается невольная злоба на все окружающее. Тогда люди бывають расположены преувеличивать, и малѣйшіе признаки, внушающіе подозрѣніе, считать несомнѣннымъ доказательствомъ. Менѣе всѣхъ можно подозрѣвать Голохвастова, потому что самый врагъ его Долгорукій не рѣшался обвинять его въ измѣнѣ.

ставленныхъ въ подошевныхъ бѣлахъ, кололи ихъ изъ стѣнныхъ оконъ, когда они по лѣстницамъ добирались туда, съ верку стѣнъ метали на нихъ камни, лили кипятокъ съ каломъ, сѣру, смолу, и бросали мелкую известь, чтобъ засыпать имъ «скверныя очеса», какъ выражается троицкій историкъ. Осаждавшіе повернули назадъ, не сдѣлавъ ничего монастырю. Тогда осажденные въ свою очередь выскочили изъ монастыря, ударили на отступающихъ и взяли тридцать человекъ «пановъ» и русскихъ измѣнниковъ. Ихъ заставили молоть муку: «поиграйте въ жернова», — говорили они полякамъ, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что они шли на приступъ съ музыкою. Въ добычу осажденнымъ досталось нѣсколько тарасъ, щитовъ и лѣстницъ; это пошло имъ на дрова.

28 іюня, повторилъ Сапѣга приступъ. Пошли со всѣхъ сторонъ къ воротамъ; наперли особенно на острожегъ, который охранялъ колодезь за стѣною у пивного двора. Къ острожку былъ пристроенъ струбъ въ видѣ башни. Успѣли зажечь струбъ и стали готовить лѣстницы къ острожку. Но въ то же время изъ города кинулись свѣжіе удалцы на пивной дворъ и отбили нападеніе. Сапѣжинцы со всѣхъ пунктовъ принуждены были отступать. Князь Долгорукій съ ратными людьми и служками сдѣлалъ вылазку; — погнались за врагами, много ихъ побилъ, поймали языковъ, забрали у враговъ щиты, лѣстницы и проломныя ступы ¹⁾.

VIII.

Поборы и неистовства поляковъ и русскихъ воровъ. — Восстаніе народа. — Отпаденіе отъ Димитрія Галича, Соли Галицкой, Вологды, Тотмы. — Дѣятельность нижегородцевъ.

Упорство троицкой обители дѣйствовало нравственно на всю русскую землю московской державы и внушало смѣлость и надежду къ отпаденію отъ власти врага. Предводители воровскаго войсва должны были раздѣлять свои силы, посылать отряды для усмиренія городовъ, и чрезъ то затрудняли себѣ взятіе монастыря. Города, такъ быстро признававшіе Димитрія, скоро и быстро стали отъ него отпадать. Какъ только установились тушинскіе поляки въ своемъ обозѣ, такъ потребовали семь четвертей впередъ жалованья. Нужно было ихъ удовлетворить;

¹⁾ А. И. П. 285.

нужны были большія деньги. Одинъ представлялся способъ достать ихъ: собрать съ подданныхъ городовъ и уѣздовъ Московскаго государства. Андрей Млоцкій предложилъ разослать по заволжью отрядъ съ царскою грамотою и собирать казну. Нѣкоторые не хвалили такого средства. Одинъ изъ служившихъ у тушинскаго вора поляковъ, казъ самъ сказывалъ ¹⁾, представлялъ, что отягощеніе городовъ на первыхъ порахъ можетъ довести до бунта. Самъ носившій имя Дмитрія не совѣтовалъ дѣлать сборовъ, просилъ обождать, обѣщавъ уплату послѣ взятія Москвы. Но его не слушали, взяли отъ него разрядъ и распорядились его именемъ. Предложеніе Млоцкаго приняли: панъ разошлись въ разныя стороны. Съ каждымъ такимъ паномъ ѣхала толпа слугъ, и эти толпы очень скоро повернули дѣло иначе.

Воръ для ободренія подающихся ему русскихъ послалъ грамоты, гдѣ обѣщавъ тарханныя грамоты, по которымъ съ жителей не будутъ брать никакихъ податей ²⁾. Такія обѣщанія склоняли на его сторону жителей. Но они скоро увидѣли, что имъ не только не будетъ такихъ милостей, а еще, кромѣ всевозможныхъ отяготительныхъ сборовъ, дѣлаются имъ разныя безчинства. Панъ отправлялись въ города безъ подробнаго наказа, что имъ брать, а въ общихъ словахъ говорилось, что они сберутъ запасъ на столько-то ротъ; и жители оставались въ недоумѣніи: сколько они обязаны давать, а приходилось давать то, что захотѣли брать тѣ, которые къ нимъ пришли ³⁾. Изъ Тушина посылались сборщики свои, а Сапѣга изъ-подъ Троицы посылалъ своихъ, и случалось, что тушинскіе сборщики съ сапѣгинными сталкивались и ссорились между собою. Но и тѣ и другіе равно отягощали крестьянъ, и крестьяне должны были, такимъ образомъ, давать вдвое противъ того, сколько они прежде давали. Такъ, въ Угличѣ явился отъ Сапѣги панъ Основскій, сталъ требовать съ выти по рублю сверхъ того, что слѣдовало собирать съ нихъ по указу Дмитрія, и напоследокъ Дмитрій писалъ къ Сапѣгѣ, чтобы онъ удалилъ Основскаго ⁴⁾. Въ Ярославль пріѣхалъ Путило Рѣзановъ съ грамотою отъ Дмитрія, гдѣ приказывалось брать съ ярославцевъ всякіе товары на царя, но тамъ же было сказано, чтобы ярославцы, кромѣ его, никому не давали товаровъ; а вслѣдъ затѣмъ отъ Сапѣги

¹⁾ Марк. 44.

²⁾ А. И. П. 132.

³⁾ А. И. П. 147.

⁴⁾ А. И. П. 135.

пріѣхалъ собирать товары каковой-то Константинъ Даниловъ; воевода Оедоръ Барятинскій не сталъ ему давать товаровъ, а Даниловъ за это безчестилъ его въ судной избѣ¹⁾. Подобное дѣлалось по Ярославскому уѣзду. Въ Ярославскій уѣздъ прислалъ Димитрій своего посланца собирать запасы натурою, а Сапѣга прислалъ своего, какого-то Ивана Незабитовскаго съ товарищами, собирать съ тѣхъ же самыхъ людей для своего войска²⁾. Въ разныхъ мѣстахъ Владимирскаго и Заволжскаго края наѣзжали эти паны съ командами и брали у крестьянъ всякаго рода запасы. Въ Юрьевѣ-Польскомъ собирали столовые деньги по 27 рублей съ сохи; присланъ туда изъ Тупина панъ Хвощъ собирать на двѣсти человѣкъ запасу, а Сапѣга прислалъ пана Петра Михалевскаго собирать на своихъ тысячу человѣкъ³⁾. Тяжелы были вообще для русскихъ людей и подводы, но въ это время онѣ стали ужасны, ибо ратные люди, взявши лошадей сколько имъ захочется, не ворочали ихъ хозяину.

При такомъ шатаніи димитріевыхъ и сапѣгинныхъ ротмистровъ, поляки, литовцы и русскіе, разлакомившись шататься и своевольствовать, уже и нигѣмъ не посланные составляли загоны, по обычаю польскому назначали себѣ предводителей, врывались въ посады и села и своевольствовали. Паны распоряжались достояніемъ поселянъ безъ счета, безъ развѣтки, заставляли крестьянъ молотить собственный хлѣбъ, молоть, печь его, варить пиво, бить скотину, и тѣмъ же крестьянамъ на своихъ лошадяхъ возить въ таборъ, а потомъ отнимали у нихъ и лошадей; а другіе, забравшись въ русскіе края, заживали въ селеніяхъ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ⁴⁾. И царигъ и Сапѣга назначали села и деревни на кормъ панамъ; но случалось, что когда село отдано уже одному пану, являлся туда самовольно другой, и бралъ съ крестьянъ что хотѣлъ на себя. Такъ, сохранилась одна челобитная того времени, гдѣ крестьянинъ Перяславскаго уѣзда жалуется, что въ деревнѣ, отданной пану Талинскому, явился панъ Мошницкій, взялъ крестьянскаго сына и каждую ночь выгонялъ хозяина и семью, а самъ насильно держалъ на постели его невѣстеу. Казаки, татары, литва, поляки врывались загонами въ поселенія, пытали огнемъ и желѣзомъ хозяевъ, вымучивали у нихъ деньги, забирали платье, рухлядь. Мало того, что брали то, чѣмъ сами могли воспользо-

¹⁾ А. И. П. 138.

²⁾ А. И. П. 130.

³⁾ А. И. П. 147.

⁴⁾ А. И. П. 145.

ваться, но истребляли для потѣхи достояніе русскаго человѣка: убивали скотъ, кабановъ и бросали мясо въ воду или звѣрямъ, разсыпали хлѣбъ и топтали лошадьми. Ругаясь надъ русскимъ народомъ, казаки насилывали матерей и сестеръ предъ глазами сыновей и братьевъ, не щадили недорослыхъ дѣвочекъ, и, растлывши ихъ, отпускали нагими и окровавленными. Были случаи, что женщины, спасаясь отъ безчестья, рѣзались предъ глазами злодѣевъ, вырывались отъ нихъ, бросались въ рѣку. Дѣвочки и женщины, бѣгая отъ насилія, полунагія отъ нищеты, замерзали по лѣсамъ и полямъ ¹⁾).

Во Владимирскомъ уѣздѣ свирѣпствовали шайки Наливайки, который замучилъ девяносто три человѣка помѣщиковъ; димитріевъ воевода Вельяминовъ поймалъ его и казнилъ. Но за то десятки другихъ безчинствовали безнаказанно. Не слишкомъ церемонно они обращались со святынею церквей и съ монастырями. Нападутъ на монастырь, вымогутъ у монаховъ деньги, пытаются огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того нипочемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали овлады съ иконовъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, вляли на дискисы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья, и тѣми тканями, которыя были на плечахъ іереевъ божіихъ покрывали, говорить современникъ, себѣ заднія части тѣла; играли на образахъ въ карты или въ шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей ²⁾; на большихъ мѣстныхъ иконахъ творили блудное дѣло съ женщинами ³⁾).

Изъ разныхъ мѣстъ писались челобитныя къ Димитрію и къ Сапѣгѣ, который былъ тогда сильнѣе Димитрія. Но насилія не прекращались, а увеличивались съ каждымъ днемъ. По примѣру однихъ поступали другіе. Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ признанія Димитрія, какъ русскіе люди возненавидѣли царство его и стали отпадать отъ него.

Крестьяне, выгнанные изъ домовъ, собирались въ шайки,

¹⁾ Времен. XXIII, 6.

²⁾ А. И. П. 149, 191.

³⁾ Палец. — А. И. П. 147.

⁴⁾ Легенд. П. Стар. лѣтоп.

выбирали предводителей и стали мстить за опозоренныхъ и замученныхъ своихъ женъ и дѣтей. Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ поднялись подѣ начальствомъ сотника чарочника Федора Краснаго; въ Рѣшмѣ сталъ предводителемъ возстанія крестьянинъ Григорій Лапша. Поселяне Балахонскаго уѣзда ополчились подѣ начальствомъ Ивашка Кувшинникова. Въ Городецкомъ — Федоръ Наговицынъ, на Холуѣ — Илейка Деньгинъ стали на челѣ крестьянскихъ шаекъ; всѣ сносились между собою, собрались воедино и грянули на Лухъ, гдѣ были литовскіе люди, сбиравшіе запасы; ихъ разбили, схватили русскихъ дворянъ, пѣловавшихъ крестьянскому вору, и отправили въ Нижній. Въ Шуйскомъ уѣздѣ собралось двадцать пять тысячъ вооруженныхъ тѣмъ ни подало крестьянъ, но имъ не посчастливилось. Суздальскій воевода Плещеевъ пошелъ противъ нихъ въ ноябрѣ и загналъ ихъ въ шуйскій посадъ. Мужики заперлись во дворахъ на смерть и погибли не столько отъ оружія, сколько отъ огня, которому Плещеевъ предалъ весь посадъ.

Это нимаго не остановило возстанія. Оно разливалось съ быстротою, и когда перешло въ города, стало крѣпче и соединительнѣе. Край, гдѣ тогда происходило возстаніе, обнималъ пространство по обѣимъ сторонамъ верховой части теченія Волги до Нижняго, и по ея притокамъ на сѣверъ до Бѣлозера, и на югъ до Ови, и составлялъ средину или ядро Московскаго государства и его великорусской народности. Какъ по своимъ топографическимъ свойствамъ, такъ и по характеру народонаселенія онъ представлялъ не только различіе, но во многомъ противоположность съ тѣмъ, что показывалось тогда въ странѣ украинныхъ городовъ на югъ отъ столицы. Мало было приволья для жизни; земли было хотя и большое пространство, но плодородной мало; суровый климатъ, скудость произведеній, угрюмая природа. Работать приходилось много, а добывалось только то, что нужно для первыхъ потребностей. Крестьянинъ жилъ въ курной избѣ, съ своими животными, въ нечистотѣ, обувался въ лапти, одѣвался въ грубый домашній холстъ и въ грубую туземную овчину; ржаной хлѣбъ да жесткая овсяная каша были его обычною пищею; пшеничный хлѣбъ былъ лакомствомъ богатыхъ. Мясо ѣли рѣдко; только рыбы вдоволь было, и рыбная ловля, чрезвычайно разнообразная по своимъ способамъ, была важнѣйшимъ и распространеннымъ занятіемъ. Темнѣйшее невѣжество всѣхъ классовъ, не нарушаемое никакимъ умственнымъ потрясеніемъ, мѣшало возникнуть побужденіямъ добыть новыя средства къ улучшенію жизни. Множество крестьянскихъ деревень разсыяно было по этому пространству;

иныя были очень малы: двора два, три; онѣ тянули къ селамъ, гдѣ были церкви: надобно замѣтить, что ихъ было не такъ много, какъ теперь. Села и деревни разныхъ владѣній, царскія, дворцовыя, черносолныя (казенныя), владычнія и монастырскія, вотчинныя княжескія и боярскія помѣстья, отдаваемыя служилымъ за службу пожизненно, всё, составляя волости по роду ихъ принадлежности, тянули къ городамъ, средоточіямъ управленія, и составляли уѣздъ. Города были двухъ родовъ — большіе и малые или пригороды, и послѣдніе тянули къ первымъ по управленію. Обыкновенно около городовъ (но иногда и не близъ городовъ) располагались посады, мѣста торговли и промысловъ, населенные отличнымъ отъ крестьянъ сословіемъ посадскихъ. Но и тѣ и другіе составляли рабочій народъ — тяглыхъ людей, въ противоположность служилымъ. Ихъ отличительною чертою въ общественной жизни была строгая сомнѣтельность въ общество, называемое міромъ, при огромности семей по числу членовъ и по ихъ тугодѣлимости. Личность каждаго въ отдѣльности ничего не значила прямо предъ государствомъ; каждый зналъ только свой міръ, и общественная дѣятельность его была только подъ условіями міра; міръ за него отвѣчалъ, и онъ несъ отвѣтственность за міръ. Всякая власть, имѣвшая право надъ посадомъ или волостью, обращала свои требованія къ міру. Скосить владѣльцу сѣно, убрать рожь, овесъ или горохъ, давать дворцовому приказнику или монастырскому по сельскому установленные праздничные кормы, отправить даточныхъ въ войско, выслать рабочихъ на городовое дѣло, снарядить подводу, разверстать налоги по промысламъ въ посадѣ, раздѣлить землю въ волости, просить власть о льготахъ, поднять тяжбу объ обидахъ — все это было дѣло міра, а каждому члену этого міра оставалось повиноваться и дѣлать, что велеть. Власть міра была великою тягостью для народной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что міръ рѣдко даже имѣлъ возможность охранять своихъ членовъ отъ произвола правительственныхъ лицъ: послѣдніе всегда могли стѣснять и оскорблять всѣхъ по одиночкѣ, не стѣсняясь міромъ, а на міръ возлагали только отправленіе тягостей. Въ этомъ мірѣ вовсе не играла роли народная громада; имъ правили только такъ называемые лучшіе люди, которыхъ самъ же великорусскій народъ мѣтко окрестилъ «міроўдами». Изъ этихъ лучшихъ людей исключительно всегда выбирались выборные мірскіе чиновники — земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабачные головы и цѣловальники; правда, иногда избирали къ случайнымъ казеннымъ дѣламъ цѣловальниковъ и не изъ лучшихъ людей, но это бывало тогда, когда должность

цѣловальниковъ представляла одно отягощеніе и не давала никакихъ выгодъ. Въ волостяхъ были свои суды, но тамъ сидѣли только лучшіе люди; отъ лучшихъ людей зависѣла разверстка земель и налоговъ, и при этомъ лучшія земли они всегда старались приверстать себѣ; также точно и въ посадѣ лучшіе люди устраивали такъ, чтобы себѣ самимъ на счетъ прочихъ было повыгоднѣе въ дѣлахъ торговыхъ, а если случится подать челобитную, то три, четыре отца семействъ изъ лучшихъ людей составляли ее и свои имена ставили напередъ, остальные же и по именамъ не назывались, а считались подающими ее наравнѣ съ ними, въ сущности же имъ приходилось исполнять то, что лучшіе выдумаютъ. Когда въ городѣ созывалось собраніе посадскихъ и крестьянъ волостныхъ, то хоть и говорилось, что это собраніе всенародное, а на самомъ дѣлѣ туда приходили одни лучшіе люди; середніе и молодшіе не смѣли появляться, а доланы были повиноваться тому, что тамъ постановятъ. Въ это именно время, самоуправство лучшихъ людей дошло до высочайшей степени, такъ что гдѣ въ дворцовыхъ селахъ не было приказчиковъ, тамъ крестьяне сами просили ихъ водворить, лишь бы избавиться отъ произвола лучшихъ людей надъ середними и молодшими, т. е. бѣднѣйшими. Правительственные лица во всѣхъ видахъ — воеводы и дьяки въ городахъ, приказчики въ дворцовыхъ селахъ, всѣ вообще, подъ какимъ бы они видомъ ни явились, невольно ставивались съ лучшими людьми и мирволили имъ, потому что отъ нихъ получали за то выгоды. Нельзя сказать, чтобы тягость такого положенія не вызывала противодѣйствія; оно было, но страдательное: кому невозможно казалось терпѣть, тотъ бѣжалъ въ Сибирь или въ украинные города, или на Донъ, и оттого-то югъ Московскаго государства — притонъ недовольныхъ силъ — имѣлъ тогда иной характеръ, чѣмъ старое гнѣздо великорусскаго народа, гдѣ оставались тѣ, которые терпѣливо сносили иго тамошняго порядка, хотя, впрочемъ, оно по мѣрѣ побѣговъ становилось еще тяжелѣе, потому что съ этими побѣгами размѣръ повинностей не уменьшался, а еще при тяжелыхъ обстоятельствахъ государства увеличивался и падалъ на меньшее число членовъ міра. Критическое положеніе государства при Шуйскомъ вызывало увеличеніе тягостей, съ обычнымъ произволомъ лучшихъ людей и покровительствующихъ имъ властей; положеніе народной громады тяжелыхъ, не принадлежавшихъ къ немногимъ лучшимъ, стало чувствительнѣе: вдругъ имя Дмитрія, появившагося подъ Москвою, растревожило эту громаду; пронеслись обѣщанія льготъ; середніе и молодшіе, такъ назы-

взаимные вообще черные люди увидѣли для себя опору и спасеніе и стали приставать къ Димитрію. Оттого-то вездѣ черные люди производили возстанія въ пользу Димитрія и принуждали признавать его и лучшихъ изъ своихъ братій, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и духовныхъ. Воля почувшей свою крѣпость громады была страшна; но прошло мало дней—черные люди увидели, что они жестоко обманулись; ихъ положеніе не только не стало лучше, но еще хуже. Стали надъ ними безчинствовать, ругаться, своевольствовать, поляки, и казаки, и свои дворяне, и дѣти боярскіе, да и тѣ же самые лучшіе люди, признавши Димитрія, могли бы на нихъ налегать по прежнему: къ счастью, послѣдніе не могли сжиться съ властію Димитрія, потому что, будучи богаче изъ тяглаго народа, они первые доставались на разграбленіе ворами. Это прекратило возбужденіе страстей: и лучшіе и середніе и молодшіе всѣ соединились за одно, и власть лучшихъ людей взяла тогда верхъ больше чѣмъ прежде: они стали руководителями громады въ дѣлѣ возстанія противъ вора и его поляковъ. Тогда именно тѣ свойства края, которыя составляли прежде тягость для жизни, начали содѣйствовать этому дѣлу. Привычка подчинять личность волѣ міра, дѣйствовать міромъ, тянуть всѣмъ къ извѣстному средоточію—способствовала скорому переходу народа на сторону Шуйскаго, особенно какъ только возстаніе коснулось городовъ. Стоило только собрать въ городѣ лучшихъ людей, постановить приговоръ, и весь уѣздъ готовъ безропотно поступать какъ велеть въ городъ; тогда уже никакія надежды не тянули никого въ иную сторону. Громада народа, и прежде привышая повиноваться тому, что въ городѣ постановлено, теперь безпрекословно готова была за нимъ итти, такъ какъ каждый въ посадѣ и волости привыкъ повиноваться приговору своего міра. Съ другой стороны, и скудость жизни приучила народъ къ возможности терпѣть и голодъ, и стужу, и всякія лишенія, не бояться ни смерти, ни мукъ. Въ добавокъ, иноземцы оскорбили тогда послѣднее утѣшеніе и притомъ единственное духовное утѣшеніе народа—вѣру; при тогдашнемъ невѣжествѣ народа, вѣра, конечно, касалась чувствъ только поверхностію наружныхъ признаковъ; но за то, чѣмъ меньше было разсужденія, тѣмъ сильнѣе оскорблялось чувство видимымъ нарушеніемъ уваженія къ этимъ признакамъ. Наконецъ, одинъ примѣръ производилъ другой; слыша, что въ одномъ мѣстѣ возстаютъ, возставали и по сосѣдству, заключая, что власть Димитрія не крѣпка; а тутъ еще разносился слухъ, что царь Василій Шуйскій позвалъ нѣмцевъ на помощь, и скоро придутъ союзники, и тогда самый расчетъ

побуждалъ жителей приставать къ Шуйскому: думали, что Димитріева сторона падаетъ, и спѣшили въ пору пристать къ противной сторонѣ, пока можно будетъ избавиться отъ навазанія за измѣну ей.

Города, болѣе зажиточные чѣмъ села, большею частію только по неволѣ присягали вору, и потому легко стали сбрасывать съ себя эту присягу, какъ только услышали и увидали, что громада чернаго народа больше не стоитъ за ложнаго Димитрія. Раньше всѣхъ отпалъ отъ Димитрія Галичъ. Какъ только пришли туда литовскіе люди и казаки, галичанамъ показалось нестерпимо, а тутъ пришла грамота отъ царя Василя, гдѣ извѣщали ихъ, что князь Своянинъ ведетъ шведовъ; тогда галичане послали гонцовъ по всему своему уѣзду звать людей всѣхъ званій на всенародную сходку, цѣловали крестъ ¹⁾ стоять за Москву, за царя Василя, и всѣмъ за одно умирать за православную вѣру. Они присудили собрать съ сохи по сту человекъ, изъ которыхъ одна половина должна быть пѣшая, а другая конная, да еще кромѣ того призвали многихъ людей, снеслись съ Луговой и Горной Черемисою, готовою воевать за кого бы то ни было, и склонили ее на свою сторону; и Луговая Черемиса прислала Галичу пять тысячъ человекъ. Галичъ разослалъ по окрестнымъ городамъ дѣтей боярскихъ и посадскихъ съ вѣстями и приглашалъ повсюду жителей составлять ополченія и идти на сходку къ Галичу. Такіе посланцы поѣхали въ Вологду, въ Тотму съ грамотами, съ тѣмъ чтобы оттуда списки съ этихъ грамотъ посылались далѣе, въ Устюгъ, Соль-Вычегодскую, Вятку, Пермь и на Подвинье. Галичане приглашали приходять къ нимъ въ Галичъ, съ зельемъ и снарядомъ ²⁾. За Галичемъ возстала Соль-Галицкая; и тамъ составилось ополченіе и пристало къ Галицкому. Изъ Соли-Галицкой послали вѣстовщиковъ въ разные города. Въ Костромѣ взволновались посадскіе люди въ первой половинѣ декабря, напали на своего воеводу Димитрія Мосальскаго и на бывшихъ съ нимъ литовскихъ людей, перевязали ихъ, посадили въ тюрьму, а сами собрались всѣмъ посадомъ, пригласили служилыхъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ, и вмѣстѣ съ ними цѣловали крестъ царю Василю ³⁾. Мосальскій подъ пыткою наговорилъ имъ, что тотъ, кого называютъ Димитріемъ — поповъ сынъ Митька съ Арбата отъ Знаменья ⁴⁾. Мосальскому

¹⁾ 4 ноября (14 нов. ст.), Сапѣга зналъ уже объ этомъ; слѣдовательно, отпаденіе Галича случилось еще въ октябрѣ. А. И. П., 204.

²⁾ А. Э. Н. 186.

³⁾ Ibid. 206, 206.

⁴⁾ Ibid. 192.

Костромичи въ заключеніе отрубили руки и ноги и бросили въ воду. Возстало Бѣлоозеро: туда прибылъ за поборомъ изъ воровскихъ полковъ какой-то Северьянъ Витовтовъ. Бѣлозерцамъ стало тяжело; дошли до нихъ слухи, что въ другихъ мѣстахъ поднялись русскіе люди; и они, по ихъ примѣру, схватили пріѣхавшихъ къ нимъ за поборами и стали пытать; а тѣ наговорили имъ, что московскіе люди побили литовскихъ, и воръ, называющій себя Димитріемъ, хочетъ побить лучшихъ воинскихъ людей, а самъ послѣ того бѣжить въ Литву. Бѣлозерцы по этимъ вѣстямъ заключили, что Шуйскій беретъ верхъ надъ воровомъ, и отложились отъ вора. За Бѣлоозеромъ отложился отъ вора и присягнулъ Василю Каргополь, куда заонежскіе купцы принесли извѣстіе, что къ Скопину идетъ двѣнадцать тысячъ шведовъ. Каргопольцы, какъ и бѣлозерцы, присягнули потому, что сочли дѣло вора проиграннымъ.

Вологда, присягнувъ по отпискѣ ярославскаго воеводы, сначала ревностно стояла за Димитрія. Черный народъ держалъ въ страхѣ лучшихъ людей, признавшихъ его поневолѣ. Пушкина и Воронова, замѣчая въ нихъ неискренность, низложили. Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали туда двое дѣтей боярскихъ отъ Димитрія и стали читать грамоты: въ одной исчислялось, что слѣдуетъ вологжанамъ доставлять съ сохи: по 8 лошадей съ санями, съ рогожами, съ веретейми, да разныхъ запасовъ съ каждой выти; въ другой грамотѣ всѣ рыбные ловцы облагались повинностію ловить и доставлять рыбу на имя того, кто называется царемъ Димитріемъ¹⁾. Тутъ вологжане почували, что имъ будетъ нелегко. Тогда многіе стали говорить между собою шопотомъ: «хоть мы цѣловали крестъ, да поневолѣ; готовы подняться за царя Василя, еслибы только стали съ нами за одно другіе города: Устюгъ, Соль-Вычегодская и Тотьма²⁾. Но 29 ноября пріѣхалъ въ Вологду Ѳедоръ Нащокинъ да Иванъ Веригинъ съ товарищами, а съ ними панъ Ушминскій, литвинъ, съ разнымъ сбродомъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ. Нащокинъ поставилъ другого воеводу Булгакова, прежнихъ — Пушкина и Воронова, велѣлъ сковать, имѣнія купцовъ велѣлъ опечатать и обложить податями, да еще вымогалъ себѣ поминки въ свое удовольствіе³⁾. А пріѣхавшіе съ ними пустились по окрестностямъ собирать «стаціи», грабили, безчинствовали, и привезли въ Вологду за собою нѣсколько саней съ награблен-

¹⁾ А. О. II. 181.

²⁾ Ibid.

³⁾ Изъ Масс. 122.

нымъ; а вслѣдъ за ними пришла толпа обобранныхъ и обиженныхъ мужиковъ съ слезнымъ челобитьемъ. Тутъ вологжане потеряли терпѣнье, перевязали пришедшихъ къ нимъ, возстановили Пушкина и Воронова на прежнихъ мѣстахъ. Плѣнные съ пытки объявили, что въ тушинскомъ таборѣ голодъ; ратные люди простоятъ не болѣе рождественскихъ святокъ, а потомъ разойдутся. Это ободрило вологжанъ. Они сообразили, что воровская сторона слабѣетъ. Въ добавокъ плѣнные показали что тотъ, кто въ тушинскомъ таборѣ называется Димитріемъ, вовсе не тотъ человекъ, кто царствовалъ въ Москвѣ, и по своей смерти объявленъ разстригою Гришкою Отрепьевымъ; но они не могли согласиться въ показаніи: кто онъ именно. Одинъ называлъ его Стародубцемъ, другой — сыномъ Андрея Курбскаго, третій говорилъ, что рода его не знаетъ, но знаетъ только, что онъ воръ. Вологжане, по отдаленности, могли болѣе чѣмъ жители ближайшихъ къ столицѣ городовъ склоняться къ вѣрѣ, что тотъ и въ самомъ дѣлѣ Димитрій, кто себя этимъ именемъ называетъ; теперь признаніе его сообщниковъ давало имъ нравственную поддержку. Всѣхъ, пришедшихъ отъ Димитрія, они побили, побросали ихъ тѣла съ горы, и смотрѣли, какъ собаки пожирали эти тѣла ¹⁾. Пушкинъ и Вороновъ снова привели ихъ въ кресту: стоять за царя Василія и умирать другъ за друга ²⁾, и отправили о томъ же грамату въ Тотьму и Устюгъ.

Устюжна въ декабрѣ получила изъ Бѣлоозера отписку съ совѣтомъ — не попрасть вѣры и стоять за великаго государя, въ то время, когда пріѣхали туда воровскіе люди править корми. Устюжане не дали кормовъ, прогнали приставовъ, отправили по окрестности собирать дворянъ дѣтей боярскихъ и другихъ людей, и въ церкви Рождества Богородицы утвердились крестнымъ цѣлованіемъ стоять и животы положить за царя Василія Ивановича, написали на списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ оказалось числомъ 27 и всякихъ чиновъ людей числомъ шесть сотъ, раздѣлили ихъ на сотни, поставили изъ нихъ сотниковъ, пятидесятниковъ и боярскихъ, и послали въ Углицкій и Бѣлозерскій уѣздъ звать къ себѣ служивыхъ; иные пріѣзжали сами, а другихъ силою привозили и смиряли неповоряющихся ³⁾.

Тотьма съ Чарондою были отданы Тушинскимъ царемъ атаману Заруцкому ⁴⁾. Русскихъ раздражало то, что ихъ города

¹⁾ Г. Магн. 223.

²⁾ А. А. Э. II, 186.

³⁾ Повѣсть объ Устюжнѣ въ рукоп. Румянцевск. музея.

⁴⁾ А. А. Э. II, 186.

отдаются иноземцамъ въ отчину. Тотъма, скрѣпя сердце, цѣловала крестъ Дмитрію, по грамотѣ, присланной изъ Вологды. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали туда двое дѣтей боярскихъ, Палицынъ и Цыплятевъ, да съ нимъ какой-то панъ съ командою собирать поборы, выпустили изъ тюрьмы опальныхъ, содержавшихся въ Тотъмѣ, и тотчасъ же дали себя знать тотемцамъ. Тутъ приходитъ изъ Галича отписка вмѣстѣ со спискомъ грамоты царя Василя; это прислано одному изъ лучшихъ тотемскихъ людей, Козьмѣ Строганову. Онъ собралъ къ себѣ ночью лучшихъ людей, прочиталъ имъ грамоту. Они обрадовались. Черезъ нѣсколько дней, 1 декабря, пришла къ нимъ грамота изъ Вологды о томъ, что Вологда отложила отъ вора. Тогда и Тотъма возстала, цѣловала крестъ царю Василю, и общала быть за одно съ Вологдою.

Устюжане вовсе не цѣловали креста тому, кто назывался Дмитріемъ. Когда Вологда признала его, то въ Устюгъ послана была отъ воеводы Пушкина грамота съ образцомъ крестоцѣловальной записи царю Дмитрію; но въ то же время устюжане получили грамоту отъ царя Василя, и пришло къ нимъ извѣстіе, что Галичь и Кострома отложились отъ Дмитрія. Устюжане разсудили такъ: неизвѣстно, чья возьметъ; не лучше ли выдаться и пристать къ тому, кто будетъ посильнѣе и за кѣмъ будетъ имъ спокойнѣе. Уговаривая сосѣдей своихъ сольвычегодцевъ не спѣшить цѣловать креста царю Дмитрію, они выражались въ своей отпискѣ такъ: «помыслите, на чемъ вы дали душу свою царю Василю; если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, — до насъ еще далеко; успѣемъ съ повинною послать; а если мы послушаемъ Никиты (Пушкина, вологодскаго воеводы), то будетъ выслуга ему, а не намъ. Помыслите миромъ крѣпко и не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать, на чемъ совершится ¹⁾; — такъ-то, — разсуждаетъ современникъ — слыша, что раззоряются города и во огненные печи превращаются, мы не болѣзновали объ изгнанникахъ и даже домовъ своихъ не отворяли имъ, а говорили: эта бѣда еще далека отъ насъ и минуетъ насъ ²⁾». Такъ писали устюжане въ послѣднихъ числахъ ноября.

Не много дней спустя пришла изъ Вологды грамота, гдѣ тотъ же Никита Пушкинъ уговаривалъ стоять за царя Василя. Дошла къ устюжанамъ вѣсть, что уже возстало много городовъ противъ вора. Надѣясь, что дѣло Шуйскаго пойдетъ успѣшно,

¹⁾ А. Э. II, 188.

²⁾ Поход. сбор. 981.

они цѣловали крестъ стоять за царя Василю и положили съ посада и со всего уѣзда собрать по десяти человѣкъ съ сохи. Лучшіе люди снаряжали воиновъ отъ себя наймомъ; иные шли «охочими своими головами». Нарочные побѣжали въ Соль-Вычегодскую, Пермь, Вятку, съ грамотами. Въ Соль-Вычегодской собрали съ малой сошки (80 четв. посѣва) по четыре человѣка, а братья Строгановы (Максимъ, Никита, Андрей, Петръ) по 5 человѣкъ съ сошки ¹⁾.

Вслѣдъ за Устюгомъ и Солью-Вычегодскою, поселенія на берегахъ Сухоны, Выми, Сысолы, поднялись, собрали ратныхъ людей и отправили на соединеніе съ сольвычегодцами ²⁾. Собранные отряды шли въ Вологду, а оттуда въ Галичь, или же прямо въ Галичь и Кострому.

Между тѣмъ, съ другой стороны возстаніе получало силу. Нижній и Казань упорно не поддавались вору, хотя кругомъ ихъ города и волости передались ему. Бояринъ Ѳеодоръ Шереметевъ, стоявшій до того времени въ Бальчиѣхъ подъ Астраханью, прибылъ въ Казань съ своимъ полкомъ. Въ Нижнемъ были воеводами Алек. Андреевъ Рѣпинъ и Андрей Михайловъ Алябевъ. Послѣдній заправлялъ тогда всѣмъ, и поддерживалъ покорность царю Василю. Нижегородцы списались съ Шереметевымъ. По ихъ просьбѣ, Шереметевъ прислалъ изъ Казани отрядъ, состоявшій, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ татаръ и башкирцевъ. Алябевъ составилъ еще мѣстное ополченіе: въ него, кромѣ русскихъ служилыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, вошли иноземцы. Тамъ были нѣмцы, волохи, турки, сербы. Эти иноземцы въ разныя времена взяты были въ плѣнъ въ предшествовавшія польскія войны, поселены въ Нижегородскомъ краѣ, надѣлены помѣстьями, и, обжившись, вошли уже въ русскую жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ были свѣдущіе московскихъ людей въ ратномъ дѣлѣ и теперь пригодились. Съ такими силами Алябевъ пошелъ на Балахну, и требовалъ, чтобы этотъ городъ отпалъ отъ вора и призналъ власть Шуйскаго. Когда онъ доходилъ до Балахны, балахонцы вышли къ нему на встрѣчу изъ своего города, 8 декабря вступили въ бой, были разбиты, потеряли знамена, нарядъ и набаты. Балахонскій воевода Степанъ Голеницевъ, нѣсколько лучшихъ посадскихъ людей и казачій атаманъ Тимоха Толкаевъ, приводившій Балахну къ крестному цѣлованію на имя Димитрія, были взяты и отвезены въ тюрьму въ Нижній до государева указа. Балахонцы всѣмъ

¹⁾ А. А. Э. II. 190.

²⁾ А. А. Э. II. 200.

городомъ принесли повинную и цѣловали крестъ царю Василию. Но тутъ нижегородцы услышали, что на ихъ городъ наступаетъ ратная сила изъ Арзамаса, и поспѣшили домой. Алябьевъ успѣлъ вскочить въ городъ прежде чѣмъ враги подступили къ нему. Кромѣ татаръ и черемисъ, на него шли и свои нижегородцы, предпочитавшіе служить Димитрію вмѣсто Шуйскаго. Мѣстоположеніе Нижняго на высокой и крутой горѣ не таково, чтобы съ нимъ легко было справиться. 5 декабря, Алябьевъ сдѣлалъ вылазку и разбилъ своихъ сопостатовъ. Взято въ плѣнъ болѣе трехъ сотъ человекъ; гнали воровское войско верстъ за шестнадцать. Ночь спасла его. Побѣдители взяли знамена, набаты. Воротившись въ свой городъ, они услышали, что съ другой стороны идетъ новое полчище и уже находится въ селѣ Ворсмѣ; они выступили снова изъ города, и, не доходя 5 верстъ до села Ворсмы, за 40 верстъ отъ Нижняго ¹⁾, разбили воровскихъ людей, нахватали плѣнныхъ, дошли до Ворсмы и зажгли это село за приверженность къ Димитрію. На другой день нижегородцы подошли къ селу Павлову, встрѣтили тамъ еще одно воровское ополченіе, и его разбили; и тамъ побрали знамена и взяли въ плѣнъ людей ²⁾. Эти успѣхи ободрили нижегородцевъ. Они рѣшились итти въ дальнѣйшіе города и волости и принуждать отлагаться отъ вора. И вотъ, они послали грозную грамоту въ Муромъ и требовали, чтобы тамошніе жители покаялись, цѣловали крестъ царю Василию и прислали въ Нижній повинную ³⁾. Въ Гороховцѣ, Ярополчей волости (Вязникахъ), Павловомъ острогѣ, Шуѣ, принадлежавшемъ тогда Суздальскому уѣзду посадѣ, и другихъ волостяхъ того же уѣзда возстали жители по ихъ призыву и цѣловали крестъ царю Василию ⁴⁾. Около того же времени, въ Лухѣ схватили стоявшаго тамъ съ ворами пана Арамскаго и отравили въ Нижній ⁵⁾.

¹⁾ А. А. Э. II. 204.

²⁾ А. А. Э. *ibid.*

³⁾ А. И. II. 142.

⁴⁾ А. И. II. 144. 418.

⁵⁾ А. А. Э. II, 205.

IX.

Походъ Лисовскаго на Кострому и Галичь. — Сборъ возстанія въ Вологдѣ. — Положеніе сѣверовосточнаго края. — Пораженіе Вяземскаго. — Походъ нижегородцевъ. — Возстаніе Владимира, Ярославля и другихъ городовъ. — Новый походъ Лисовскаго. — Попытка взять Владимиръ и Ярославль. — Походъ на Кострому. — Неудачи Лисовскаго и Наумова. — Шереметевъ. — Пораженіе инородческихъ свопищъ. — Походъ Шереметева на Владимиръ. — Плачевное состояніе народа.

Какъ только вѣсть о возстаніи восточныхъ областей достигла Тушина, оттуда для усмиренія отправился съ отрядомъ князь Семень Вяземскій, а суздальскій воевода Плецеевъ получилъ приказаніе укрощать возстаніе въ Переяславлѣ. Сапѣга изъ-подъ Троицы отправилъ на то же дѣло Стравинскаго, потомъ Лисовскаго. Съ Лисовскимъ было четыре роты поляковъ (въ 180 человекъ каждая); къ нимъ присоединились двѣ тысячи запорожцевъ, да тысяча человекъ ярославскихъ и галицкихъ дѣтей боярскихъ, еще вѣрныхъ вору. Они пошли на Ярославль. Этотъ городъ не успѣлъ еще возстать. Его хотѣлъ было поднять солепромышленникъ Данило Эйловъ, нидерландецъ по происхожденію, но православной вѣры; онъ снарядилъ на свой счетъ отрядъ, вооружилъ луками, топорами и копьями, но посланный противъ него Лисовскимъ отрядъ уничтожилъ это возстаніе въ зародышѣ. Тысяча человекъ погибли въ соловарнѣ Эйлова. Нѣсколько возмущившихся деревень были сожжены. Самъ Эйловъ спасся съ тремя дочерьми въ погребѣ и остался живъ по ходатайству вѣрнаго Дмитрію иноземца Шмитта, заплативши за себя 600 талеровъ откупу ¹⁾.

Ополченія Галицкаго уѣзда и галицкихъ пригородовъ пошли противъ Лисовскаго, но, не доходя Ярославля двухъ верстъ, дѣти боярскіе, галичане и востромичи, испугались, передались Лисовскому и начали отнимать галицкій «огненный нарядъ», чтобы перевести его на сторону Лисовскаго, а пососныя люди солигалицкіе, галичане галицкихъ пригородовъ, — бѣжали назадъ, стараясь увести нарядъ съ собою. Лисовскій, усиливъ свой отрядъ измѣнниками, погнался за ними до Костромы. Здѣсь бѣгущіе крестьяне, подвѣржляемые костромскими силами, дали бой, но костромскіе дѣти боярскіе, которые вышли было къ нимъ на помощь, измѣнили, подобно своимъ товарищамъ подъ Ярославлемъ, и крестьяне разбѣжались вновь. 28 декабря, Кострома

¹⁾ А. А. Э. Ц, 203.

сдѣлась. Тутъ къ Лисовскому пристали и остальные костромскіе дѣти боярскіе, не хотѣвшіе служить Шуйскому ¹⁾.

За Костромою былъ взятъ Галичъ; посады былъ сожженъ. Люди разбѣжались въ лѣса. Крестьяне изъ Галицкаго уѣзда бѣжали къ сѣверу и строили засѣки въ лѣсахъ. Изъ Галича Лисовскій послалъ Пудовскаго въ Соль-Галицкую привести къ вѣрѣ Дмитрію жителей и наложить на нихъ окупъ — 250 р., за то, чтобы не разорять ихъ. Лисовскій разсчелъ, что чѣмъ жечь и истреблять ихъ имущества, гораздо лучше продать ихъ имъ самимъ. Въ Соль-Галицкой, около посада, острога вовсе не было, а въ городѣ стѣны согнили; недоставало ни наряду, ни пороха. Поэтому защищаться не было никакой возможности. Одни изъ жителей убѣжали въ засѣки. Другіе же, получивъ предложеніе Лисовскаго, должны были, по выраженію ихъ самихъ, «съ правезу животишка свои исцѣпна, да тѣ деньги собравъ, въ откупъ дать, чтобы изъ Галича воры въ нимъ войскою не приходили и домовъ ихъ не разорали и не пожгли и женъ и дѣтей не поругали ²⁾».

Трудно было пуститься зимою въ далекій путь на сѣверъ, когда жители готовы были встрѣчать гостей недружелюбно. Лисовскій, довольный тѣмъ, что задалъ остростеву непокорнымъ, воротился въ Тушино, и возстаніе открылось съ большею силою. Еще когда Лисовскій умиралъ Кострому и Галичъ, въ другихъ городахъ возникало возстаніе. 15 декабря, поднялось Пошехонье; тамъ устроилъ дѣло вологжанинъ Ларіонъ Монастыревъ; онъ привелъ ко крестному цѣлованію дѣтей боярскихъ и волостныхъ людей Пошехонскаго уѣзда на имя царя Василя. Возстали около того же времени уѣзды Кашинскій, Бѣжецко-Верховскій и Городецкій. На Устьрѣцкомъ стану, 21 декабря, переловили поляковъ, собиравшихъ поборъ; послали по волостямъ и погостамъ приводить жителей къ крестному цѣлованію царю Василю; отправили грамоты въ Тверь и Торжокъ съ увѣщаніями стоять противъ воровъ и измѣнниковъ, и противъ польскихъ и литовскихъ людей ³⁾. На Устюжну пошло изъ Углича ополченіе, составленное изъ черкасъ, нѣмцевъ и русскихъ воровъ. Противъ нихъ пошелъ избранный въ Устюжнѣ воеводою, прибывшій изъ Москвы, Андрей Петровичъ Ртищевъ, да присланный изъ Бѣлоозера на подмогу Ѳома Подщипаевъ; они были на голову разбиты у деревни Батѣвки 5 января, и, по слѣдамъ

¹⁾ А. А. Э. II, 198.

²⁾ А. И. Ц, 205.

³⁾ А. А. Э. II, 192.

ихъ, подошли непріатели въ Устюжнѣ; но тогда, говорятъ, былъ пономарю церкви Рождества Богородицы гласъ: «не устрашайтесь, православные христіане, не отпадайте; не дамъ дома своего на раззореніе иноплемennымъ.» Враги отошли отъ Устюжны и не взяли ее, хоть въ ней почти не было укрѣпленій. Устюжнѣ приписывали это событіе заступничеству Богоматери. Послѣ того они принялись укрѣплять посадъ, прорыли ровъ, вколотили надолбы, набросали подметныхъ каракуль (железныхъ фигуръ для порчи ногъ у непріательскихъ лошадей) готовили пушки, пищали, ядра и дробь, и послали въ Новгородъ просить пороха; на ихъ счастье успѣли имъ доставить пороха, а между тѣмъ на нихъ шель другой — посильнѣе — отрядъ изъ Тушина подъ начальствомъ поляковъ Петрицеаго и Казановскаго. Не доходя до Устюжны, они послали въ городъ грамоту, приглашая устюжнѣ покориться и повиниться. Но устюжнѣ не послушали. Въ рать у нихъ набилось много разныхъ людей, но мало было такихъ, которые были свѣдуши въ ратномъ дѣлѣ. Враги подступили въ ночь съ 2 на 3 февраля, пострѣляли по острогу, сожгли оставленную часть посада съ двумя церквами, отошли на мѣсто, называемое Подсосенье, за версту отъ Устюжны, и 4 февраля передъ разсвѣтомъ двинулись оттуда со щитами и возами, нагруженными соломою съ сѣрой для сожженія стѣнъ. Но тогда священники вынесли икону Богоматери въ воротахъ, посвященнымъ имени св. Димитрія (вѣроятно потому, что тамъ стояла икона этого святого), куда направляли приступъ. Рассказывали: когда священники пришли въ церковь за этой иконою — она сама двинулась съ своего мѣста и стала посреди церкви. Когда икона появилась на стѣнѣ, — это такъ воодушевило устюжнѣ, что они начали дружно отбиваться и воры отступили. Осажденные сдѣлали вылазку, отняли у нихъ мѣдную пушку и взяли въ плѣнъ пушваря по имени Капусту, котораго разсѣкли на части, и голову его воткнули на высокое дерево. 9 февраля, усиленные новымъ отрядомъ враги снова пошли на приступъ съ разныхъ сторонъ; горожане опять обратились въ Богородицѣ, и враги снова отступили. Тогда часть ихъ, наскучивъ неудачами, ушла за рѣку Мологу, а другая, отступивъ въ Подсосенье, на другое утро опять сдѣлала нападеніе. Враги съ крикомъ пускали въ острогъ стрѣлы съ зажженною соломою. Лѣзли на стѣны острога. Горожане дили на нихъ випатою съ каломъ. Горожане стали было терять духъ, но священники вынесли снова образъ Богоматери при колокольномъ звонѣ на стѣну; — набрались устюжнѣ мужества, отбивались дружно и отняли у враговъ знамя. Враги отступили и уже не нападали на

городъ. Устюжане въ память этого событія установили празднество, въ честь Богородицы, февраля въ 10 день ¹⁾).

На другой сторонѣ шуяне, разбитые Плещеевымъ, собрались въ новое ополченіе, подъ начальствомъ костромича Ѳедора Боборыкина. Къ нему пришелъ на помощь изъ Юрьева съ своею шайбою чарочникъ Ѳедоръ Красный. Плещеевъ выступилъ противъ нихъ. Они заперлись въ селѣ Даниловѣ. 11 февраля былъ бой; Суздальскій воевода былъ разбитъ и бѣжалъ въ Суздаль ²⁾). Боборыкинъ погнался за нимъ, но ему не удалось взять Суздаля ³⁾). Большая шайба воровскихъ людей разбила черныхъ людей въ селѣ Даниловскомъ; взяла острогъ приступомъ. Много народа пропало.

Присмирѣвшіе костромичи, тотчасъ послѣ ухода Лисовскаго, услышавъ, что къ нимъ идетъ помощь изъ Вологды, поднялись въ первыхъ числахъ марта и начали мстить своимъ дѣтямъ боярскимъ, которые измѣнили общему дѣлу. До двухъ сотъ человѣкъ замучили; не пощадили ихъ женъ и дѣтей, обрѣзывали у младенцевъ руки и ноги и вкладывали матерямъ въ ротъ, разрѣзывали беременныхъ женъ измѣнниковъ, сдирали съ живыхъ кожи ⁴⁾). Оставленный Лисовскимъ, воровской воевода Вельяминовъ успѣлъ съ ратными людьми запереться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Вслѣдъ за Костромою возстали Галичъ и Соль-Галицкая. Приговорили собрать по двадцать человѣкъ съ сохи; готовились идти всѣ своими головами. Галичане послали гонцовъ въ сѣверные города, извѣщали, что литовскіе люди и русскіе измѣнники воюютъ села, разоряютъ церкви, обдираютъ образа, бьютъ крестьянъ, безчестятъ женщинъ ⁵⁾). Умоляли о помощи. Писали, что литовскіе люди и воры намѣреваются идти на Вологду и на Сухону воевать дальнія мѣста. По такимъ отпискамъ, устюжане и сольвычегодцы собрали вновь по 5 человѣкъ съ малой сошки на «заставу», и послали въ Вологду на соединеніе съ ополченіями Вологды и Тотмы. Кромѣ устюжанъ и сольвычегодцевъ, бѣлозерцы, чарондцы, каргопольцы, жители береговъ Ваги и Двины собирали ратныхъ людей и отправляли въ Вологду. Этотъ городъ сдѣлался сборнымъ средоточіемъ возстанія для всего сѣвера. Со времени открытія бѣломорскаго торговаго пути, Вологда быстро возвышалась и богатѣла. Она

¹⁾ Рукоп. Румянц. музея, № 378.

²⁾ А. И. П., 178.

³⁾ А. И. П., 178.

⁴⁾ Нилон. лѣтоп. 111.

⁵⁾ Diar. Sapieluy.

⁶⁾ А. А. Э. П., 202.

была главнымъ перевозочнымъ мѣстомъ между Вѣликимъ моремъ и Москвою. Зимю съѣзжались туда подводы съ товарами для отправки весною къ морскому порту, а осенью скоплялись привезенные водою иностранные товары и съ наступившимъ зимнимъ путемъ развозились конно въ Москву и по всему государству. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, въ Вологдѣ образовались капиталы; купцы, вагъ и вездѣ зажиточные люди, держались Шуйскаго, и только въ крайнемъ случаѣ, ради спасенія своихъ имуществъ, уступили-было черни и присягнули вору. Но теперь, когда они стали увѣреннѣе, что дѣла Шуйскаго поправляются, что черный народъ, испытавъ обманчивость надеждъ на Дмитрія, не стоитъ больше за это имя, они стали помогать возстанію всѣми силами. Торговцы давали деньги. Большая потребность досчаниковъ и подводъ привлекала туда много рабочаго крестьянскаго народа. Образовалась привычка у народа скопляться въ Вологдѣ. Отъ этого изъ Вологды удобнѣе, чѣмъ изъ другого мѣста, было расходиться воззваніямъ и собирать въ Вологдѣ ратныхъ людей. Сверхъ того Вологда на сѣверѣ имѣла и религиозное значеніе. Тамъ и въ окрестностяхъ ея было много святыхъ. Тогда распространили слухъ, что св. Дмитрій Прилуцкій у своей гробницы явился нѣкоему старцу, велѣлъ ему взять свой образъ и привести въ городъ. Вологодскій владыка, вологодскій воевода Пушкинъ, всѣ ратные люди, собравшіеся тогда въ Вологдѣ, и много народа встрѣтили этотъ образъ на площади 4 января, поставили его въ церкви св. Спаса и дали обѣщаніе, въ воспоминаніе этого событія, построить на площади храмъ св. Дмитрія Прилуцкаго ¹⁾.

Не смотря однако на всеобщую рѣшимость возстать всѣмъ міромъ за русскую землю, не обошлось безъ смуть и ссоръ между городами. Тотъма не ладила съ Вологдою. Воеводу Пушкина и дьяка Воронова за то, что они прежде приводили во кресту на вѣрность вору, обзывали измѣнниками. Одинъ изъ воровъ, пойманный и присланный въ Тотъму, показывалъ на Пушкина, будто онъ тайно сносится съ ворами и обѣщаетъ сдать Вологду, когда будетъ послано туда воровское войско ²⁾. Устюжане, не присягавшіе вовсе Дмитрію, не могли простить вологодскимъ начальнымъ людямъ ихъ временной шатости и посылали въ Вологду отписки, обращаясь прямо къ вологодцамъ и не упоминая вовсе о воеводѣ и дьякѣ, такъ что вологодцы въ своей отпискѣ къ устюжанамъ должны были это замѣтить и

¹⁾ А. А. Э. II, 196.

²⁾ А. А. Э. II, 195.

увѣрять, что воевода Пушкинъ и дьякъ Вороновъ обо всемъ радѣють единомышленно съ вологодцами ¹⁾. Сверхъ того была неисправность въ поставкѣ средствъ къ содержанію рати. Сборные ратные люди получали жалованье помѣсячно изъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, откуда были высланы въ Вологду на сборъ; но усольскіе ратные люди жаловались, что имъ не присылають къ сроку жалованья и грозили разойтись по домамъ ²⁾. Вообще на словахъ рвенія было больше, чѣмъ на дѣлѣ. Такъ Пермь то-и-дѣло что присылала отписки съ увѣреніями въ непоколебимой вѣрности царю Василю, но ратныхъ силъ не присылала. Устюжане и сольвычегодцы не одинъ разъ выговаривали пермичамъ, что они только на словахъ показываютъ свою вѣрность. Вообще, чѣмъ дальше лежали отъ Москвы области Московскаго государства, тѣмъ меньше были привязаны къ его средоточію. Во первыхъ, громада сельскаго населенія состояла тамъ въ большемъ размѣрѣ изъ покоренныхъ инородцевъ, которые, разумѣется, не имѣли сердечной любви къ Москвѣ, для которыхъ существованіе и крѣпость Московскаго государства не составляли важной потребности, которымъ было все равно: будутъ ли править ими русскіе или поляки, Дмитрій или Василій, будутъ ли они, наконецъ, принадлежать Москвѣ или другому какому нибудь центру; во вторыхъ, — самое русское населеніе, еще рѣдкое въ то время, состояло въ значительномъ количествѣ изъ такихъ переселенцевъ, которые выходили изъ мѣста своей родины не съ пріятнымъ воспоминаніемъ о прежнемъ житьѣ, напротивъ, по опыту находили, что чѣмъ дальше отъ средоточія московской жизни, тѣмъ живется привольнѣе и легче, и не связывались съ нимъ путемъ тѣсныхъ, добровольныхъ сношеній. Отъ этого у нихъ на первомъ планѣ стояли свои мѣстные выгоды, и цѣнились ими выше государственныхъ. Такимъ образомъ, жители отдаленныхъ восточныхъ городовъ, во время всеобщаго бѣдствія Московскаго государства, не стѣснялись извлекать себѣ выгоды изъ печальнаго положенія соотечественниковъ. Такъ, верхотурскіе жилецкіе люди доставляли служилымъ людямъ, шедшимъ на войну за вѣру и русскую землю, хлѣбъ съ пескомъ и камешками. Оттого и содѣйствіе сѣверовосточнаго края въ дѣлѣ возстанія было очень слабо. Уже 17 марта, устюжане жаловались, что изъ пермской земли войска не прислано вовсе. Только и пришло что нѣсколько охочихъ людей. Въ

¹⁾ А. А. Э. Ц, 203.

²⁾ А. А. Э. Ц, 191.

концѣ марта изъ Кайгородка, Вымской земли и Соликамской пришло еще всего дѣвяносто шесть человекъ¹⁾.

Кое-какъ въ мартѣ собралось въ Галичѣ ополченіе: оно преимущественно состояло изъ поселянъ. Часть была на лыжахъ, часть на лошадяхъ. Надежныхъ воеводъ не было. Ополченіе раздѣлялось на десятки и состояло подъ начальствомъ выбранныхъ головъ, и было совсѣмъ не способно къ битвѣ съ опытнымъ настоящимъ войскомъ. Люди военные, дѣти боярскіе галицкой земли и галицкихъ пригородовъ объявились уже въ измѣнѣ: имъ не вѣрили, хотя они и давали повинныя за своими руками²⁾. Въ апрѣлѣ, надъ этимъ ополченіемъ избранъ былъ воевода Давыдъ Жеребцовъ; оно двинулось къ Костромѣ и 1 мая осадило Вельяминова въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ, съ другой стороны, продолжалъ дѣло возстанія Нижній Новгородъ. По возвращеніи Лисовскаго изъ Галича, изъ Тушина въ январѣ посланъ былъ князь Семенъ Вяземскій съ ополченіемъ подымныхъ (т. е. собранныхъ по числу дымовъ или домовъ) людей. Противъ него вышелъ Алябевъ, вступилъ въ бой и побѣдилъ. Самъ князь Вяземскій попалъ въ плѣнъ, и въ Нижнемъ Новгородѣ его повѣсили, не сносясь даже съ царемъ Василіемъ. Побѣдивши Вяземскаго, неутомимый Алябевъ съ своими нижегородцами пошелъ на Муромъ. Муромцы принесли повинную. Литовскіе люди и русскіе воры бѣжали во Владимиръ. Ободренные приближеніемъ нижегородцевъ, окрестные черные люди удвоили свою готовность къ возстанію; новыя шайки появлялись; прежнія возрастали. Противная сторона не только не опомнилась, но еще больше раздражала народъ наглостію и безчинствами. Ярославскій воевода князь Барятинскій писалъ въ Тушино къ своему царю, что онъ живетъ въ Ярославлѣ въ большихъ бѣдахъ. Съ одной стороны, ему угрожаютъ мужики, поднявшіеся противъ Дмитрія за Шуйскаго, а съ другой — литовскіе люди, казаки и свои сторонники русскіе безчинствуютъ и раздражаютъ народъ; онъ просилъ прислать побольше польскихъ и литовскихъ людей для обереженія, но въ то же время просилъ вывести польскихъ и литовскихъ людей изъ селъ, признающихъ власть Дмитрія, и дозволить имъ опустошать села державшихся Шуйскаго владѣльцевъ (измѣнничьи)³⁾. Точно также суздальскій воевода Плещеевъ и владимирскій Вельяминовъ жаловались Сапѣгѣ на грабежи и убійства, чинимые въ ихъ уѣз-

¹⁾ А. И. П., 208.

²⁾ А. И. П., 208.

³⁾ А. И. П., 179.

дахъ жителямъ отъ литовскихъ и русскихъ загонныхъ людей. Напрасно просили Сапѣгу писать къ нимъ съ великою угрозою. Тѣ же воеводы нуждались въ ратныхъ людяхъ и просили о ихъ присылкѣ, и пришедшіе ратные люди дѣлали то же, что дѣлаютъ загонные ¹⁾.

Однѣ толпы поднимались за Шуйскаго и за Московское государство противъ иноземцевъ и своихъ, которыхъ они называли измѣнниками, другія (изъ дѣтей боярскихъ и татары) поднимались за Дмитрія, называли измѣнниками тѣхъ, которые служатъ Шуйскому. И тѣ и другіе вооружались подѣ знаменемъ вѣры и правды; и тѣ и другіе обвиняли своихъ враговъ, что они ругаются надъ божьими церквами и образами ²⁾. Таково было состояніе края въ окрестностяхъ Владимира и Суздаля, когда изъ Мурома въ концѣ марта Алябевъ послалъ отрядъ ко Владимиру и 700 человекъ стрѣльцовъ и казаковъ подѣ главнымъ начальствомъ воеводы Микулина ³⁾, присланнаго Шереметевымъ съ Низу.

Владимирцы, которымъ уже трудно стало терпѣть своевольства, грабежи и всякаго рода насилія отъ воровскихъ людей, взволновались, отложились отъ вора и дѣловали крестъ Василю. Воевода Вельяминовъ, по русскимъ извѣстіямъ, не успѣлъ счастливо уйти, какъ это удавалось его товарищамъ въ иныхъ городахъ. Его поймали, повели въ соборную церковь и предложили ему *поновиться* (исповѣдь). Его духовный отецъ *пономъ* его, потомъ вывели его на площадь и сказали владимирцамъ: «вотъ, врагъ Московскаго государства.» Его убили камнями. Немедля дѣловали крестъ царю Василю и отправили челобитную съ повинной ⁴⁾. По польскимъ извѣстіямъ ⁵⁾, Вельяминовъ сначала сдался рати Шуйскаго и вышелъ къ ней съ хлѣбомъ съ солью, былъ оставленъ на воеводство, а потомъ, когда приступили къ Владимиру сторонники Дмитрія, сталъ съ ними сговариваться какъ сдать имъ городъ; они ему не повѣрили, подозрѣвая, что онъ поставилъ засаду и хочетъ ихъ заманить для того, чтобы, какъ они войдутъ въ посадь, на нихъ со всѣхъ сторонъ ударить и стѣснить. Но оба эти извѣстія согласны. Вельяминовъ, признавши Шуйскаго, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ заманить враговъ и погубить, и для

¹⁾ Ibid. 192.

²⁾ Ibid. 160.

³⁾ А. И. Ц, 202.

⁴⁾ А. И. Ц, 226. — Ник. 114.

⁵⁾ Diar. Sapiehy.

этого съ ними сносился, но народъ, узнавши про это, счелъ его измѣнникомъ и убилъ.

Вскорѣ послѣ того отпалъ отъ вора Ярославль. Вотъ, какъ было дѣло. Составленное въ Вологдѣ, какъ выше было рассказано, ополченіе пошло къ Волгѣ подъ начальствомъ присланнаго къ нему отъ Михайла Скопина-Шуйскаго воеводы Никиты Вышеславцева. Это ополченіе достигло въ мартѣ города Романова. Дворяне и дѣти боярскіе этого уѣзда держались вора, черные люди царя Василія; между двумя сторонами сдѣлался бой; одолѣли черные люди ¹⁾ и пристали къ Вышеславцеву. Городъ Романовъ былъ взятъ. Романовскіе татары, сторонники вора, бѣжали. Изъ Романова Вышеславцевъ разослалъ гонцовъ по окрестностямъ съ грамотою, гдѣ увѣрялъ, что называющій себя Димитріемъ воръ и богоотступникъ. «Сами видите, что дѣется», писалъ онъ: — «матерей вашихъ и женъ на постелю емлютъ и дома ваши разоряютъ и васъ побиваютъ ²⁾». Сторонникъ вора Петръ Головинъ вышелъ-было противъ него съ подымными людьми, согнанными насильно изъ селъ и деревень, но эти войны, какъ увидали идущихъ противъ себя своихъ братьевъ, перешли на ихъ сторону. Головинъ едва ушелъ въ Ярославль. Романовцы гнались за нимъ, но не догнали ³⁾. Ополченіе двинулось изъ Романова къ Ярославлю 16 марта ⁴⁾. Тутъ стали приставать къ нему дѣти боярскіе и казаки приволжскихъ городовъ и ярославцы. Вышеславцевъ остановился близъ Ярославля въ селѣ Егорьевскомъ. Русскіе сторонники тушинскаго царя съ литовскими людьми и казаками 7 апрѣля, подъ начальствомъ Самуила Тышкевича, подошли къ стану Вышеславцева; но когда началась битва, и неопытные въ ратномъ дѣлѣ крестьяне, такъ называемые лѣсники, стали подаваться, ярославскіе дѣти боярскіе, стоявшіе въ задней части рати Тышкевича, ударили сзади на поляковъ и на своихъ воровъ, а спереди наперъ на нихъ Вышеславцевъ съ воеводами Овсѣемъ Резановымъ и Федоромъ Леверьевымъ: они были разбиты на голову ⁵⁾. Въ Ярославлѣ сдѣлалась тревога.

Этотъ торговый городъ, стоявшій на перепутьи торговаго сообщенія Москвы съ Бѣлымъ моремъ, былъ населенъ купцами русскими и иностранцами. Для сохраненія своихъ товаровъ и

¹⁾ А. И. Ц, 179.

²⁾ А. И. Ц, 176.

³⁾ А. И. Ц, 193.

⁴⁾ А. И. Ц, 216.

⁵⁾ Diar. Sapiehy.

капиталовъ, они присягнули Димитрію, не видя впереди, чтобы Шуйскій могъ взять верхъ. Въ Ярославль было значительное число иностранныхъ торговцевъ, пріобрѣвшихъ тамъ осѣдность, нѣмцевъ и англичанъ, для которыхъ, разумѣется, по отношенію къ Московскому государству не существовало нравственныхъ побужденій. Скоро пошли на жителей тягости за тягостями. Они доставили въ тушинскій лагерь 30 тысячъ рублей готовыми деньгами. На нихъ наложили повинность снарядить на свой счетъ тысячу конныхъ ратныхъ людей; сверхъ того они должны были давать съѣстные припасы поставленнымъ въ городъ ратнымъ людямъ; наконецъ, паны-братья, какъ называетъ ихъ нѣмецъ, посовѣтовавшись, сочли ненужнымъ платить ярославцамъ за товары, а стали у нихъ брать безъ денегъ: что кому понравится, тотъ и беретъ себѣ въ первой лавкѣ. Чуть не по нраву русскій поляку, — полякъ его бьетъ, а иногда и русскій поляка отколотить. Кромѣ того въ этотъ городъ, который славился изобиліемъ всякой роскоши, пріѣзжали нарочно изъ тушинскаго обоза за припасами къ царскому обиходу. Такъ, въ ноябрѣ 1608 г., пріѣзжалъ туда страпчій Щепинъ собирать царю сахаръ въ головахъ и разныя пряности и лакомства. Съ нимъ были его холопы и донскіе казаки. Двое удалыхъ посадскихъ да двое монастырскихъ слугъ подобрали себѣ товарищей и зазвонили на всполохъ; набралось до тысячи человекъ, напали на дворъ, гдѣ остановился страпчій, разбили ворота, разломали заборъ; самъ страпчій ушелъ, преслѣдуемый ругательствами; одного изъ его слугъ убили, другого ограбили; взяли и у страпчаго все, что онъ везъ своему царю изъ Ярославля¹⁾. Такія вспышки повторялись и послѣ; возмущенія оканчивались грабежемъ; грабители спасались бѣгствомъ, а поляки и русскіе сторонники вора послѣ того сильнѣе утѣсняли остальныхъ жителей, и день ото дня положеніе ярославцевъ было невыносимѣе. Это было поводомъ къ тому, что всѣ жители Ярославля заводились, едва только подошелъ къ городу Вышеславцевъ.

Воевода князь Ѳеодоръ Бяратинскій съ дьякомъ Богданомъ Сутуповымъ напрасно хотѣли удержать городъ въ повиновеніи: связали двухъ приверженцевъ Шуйскаго, волновавшихъ городъ; но потомъ, сами, спасая собственную жизнь, убѣжали; за ними послѣдовали сторонники вора. Литовскихъ людей, которые тамъ находились, побили; успѣлъ убѣжать только одинъ ихъ начальникъ Тышчевичъ²⁾. Начальство въ Ярославль приняли князь

¹⁾ Челобит. въ дѣлахъ арх. комм.

²⁾ Рук. Имп. П. библ.

Петръ Ахамамуновъ да Григорій Тушинъ ¹⁾. 6 апрѣля, они встрѣтили Вышеславцева съ образами, съ хлѣбомъ-солью. Городъ, а за нимъ и уѣздъ его, цѣловали крестъ Василию.

По примѣру Ярославля отпали отъ вора Молога, Рыбная Слобода, города: Бѣжецкій Верхъ, Кашинъ (уѣзды этихъ городовъ прежде отпали). Угличъ опять находился во власти вора, но какъ только стало подходить къ нему русское ополченіе, посадскіе и дѣти боярскіе подвиглись итти на встрѣчу землякамъ съ хлѣбомъ-солью; тамошній воевода тушинскаго царика Ловчиковъ бѣжалъ безъ оглядки съ двумястами равнороднаго сброда. Угличане пошли на Колязинъ монастырь; тамошній игумень держался вора, и самый монастырь былъ защищаемъ ратными силами изъ русскихъ приверженцевъ. Угличане были отбиты ²⁾.

Повсюду тяглые люди составляли шайки, избирали голову, цѣловали крестъ стоять единодушно противъ враговъ вѣрн и Московскаго государства, били литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ. Дворяне и дѣти боярскіе слѣдовали за ними: кто волею, кто неволею. Вообще не они вляли начало возстанію. Тягость поборовъ и произвола въ обращеніи падала на тяглыхъ, а потому-то они, обманутые въ своихъ надеждахъ, ненавидѣли Димитрія. Роли перемѣшались. Димитрій переставалъ быть царемъ черни. Дворяне и дѣти боярскіе, уступивши черной толпѣ неволею, привыкали къ новому царю, потому что при немъ порядокъ оставался все тотъ же для ихъ пользы; они получали помѣстья и отъ Димитрія и отъ Сапѣги, и очень многихъ это привязало къ воровскому дѣлу. Они бы держались за это дѣло друнѣ, если бы въ раздачѣ помѣстеевъ не происходило путаницы; но изъ нихъ одинъ подъ другимъ рылъ яму, одинъ выпрашивалъ себѣ помѣстье, данное уже другому, и для этого описывалъ своего соперника измѣнникомъ, и по такимъ челобитьямъ одно и то же помѣстье давалось нѣсколькимъ лицамъ. Новый владѣлецъ выгонялъ прежняго силою и черезъ нѣсколько дней самъ былъ выгоняемъ тѣмъ, кто получалъ грамоту послѣ него на то же помѣстье, а иногда получившій помѣстье по грамотѣ Сапѣги терялъ его оттого, что являлся съ вооруженною силою другой дворянинъ или сынъ боярскій съ грамотою отъ царика. Такимъ образомъ, изъ сословія дворянъ и дѣтей боярскихъ быстро накоплялись недовольные правительствомъ Димитрія, и они легко приставали къ ополченію черныхъ, поднявшихся противъ

¹⁾ А. А. Э. II, 287.

²⁾ А. И. II, 241.

Дмитрія. Также добровольно приставали къ нимъ и тѣ, которые сами были разорены или оскорблены отъ своевольныхъ колѣнѣровъ. Но большинство служилаго сословія, признавши Дмитрія, тогда еще неохотно отлагалось отъ него, потому что еще не видѣло, чтобы сила его падала, а противная возрастала, и готово было отстать отъ него только тогда, когда увѣрилось, что онъ не крѣповъ, или накопившаяся сила черни брала верхъ.

Новые успѣхи возстанія не могли остаться безъ противо-дѣйствія съ воровской стороны. Узнавши объ отпаденіи Поволжья и Владимира съ его сосѣдними городами, Сапѣга отправилъ снова Лисовскаго, Стравинскаго и Будзила. Соединившись съ суздальскимъ воеводою Плещеевымъ, они подошли ко Владимиру 6 апрѣля, простояли подъ нимъ шесть дней и отошли. Городъ считался крѣпкимъ, осыпь была велика, орудій много. У владимирцевъ былъ тотъ самый нарядъ, который находился прежде у Вельяминова, а у осаждавшихъ не хватало силы. Притомъ владимирцы рѣшились защищаться отчаянно. Эти измѣнники сѣли на смерть — доносилъ объ нихъ своему Дмитрію Плещеевъ ¹⁾). Лисовскій отошелъ отъ Владимира и отправился въ Ярославлю. Впередъ его пошелъ туда Будзило и ростовскій воровской воевода Иванъ Наумовъ. Въ ополченіи, шедшемъ на Ярославль, было больше всего русскихъ воровъ, а также не мало черкасъ (малороссіянъ) и татаръ. Были дѣти боярскіе изъ возставшихъ городовъ: Ярославля, Пошехонья, Вологды, но не много ²⁾). Ярославцы отрядили заранѣе на рѣку Пахну, верстъ за семь отъ города, заставу, охранять переправу черезъ рѣку близъ двора, принадлежавшаго Спасскому монастырю. Въ то время, по причинѣ весенняго разлива, неудобно было переправиться въ иномъ мѣстѣ. Четыре дня застава не пропускала литовскихъ людей, но они тѣмъ временемъ высмотрѣли удобное мѣсто пониже, навели мостъ, и оставили у прежней переправы ярославскихъ и романовскихъ татаръ и донскихъ казаковъ отвлекать ярославцевъ, а сами 30 апрѣля перешли черезъ построенный ими мостъ и ударили въ тылъ заставѣ, охранявшей переправу и занятой битвой съ оставленными на переправѣ татарами и казаками. Застава была разсѣяна. Ратные люди, вышедши изъ Ярославля, бились цѣлый день до вечера и ушли въ городъ. Будзило сжегъ Спасскую слободу и подступилъ къ большому (внѣшнему) острогу. На дру-

¹⁾ А. И. П. 226.

²⁾ А. И. П. 268.

гой день, 1 мая, острогъ былъ взятъ. Измѣнилъ служба Спасскаго монастыря Григорій Каловскій, отворилъ семеновскія ворота и впустилъ въ острогъ враговъ ¹⁾. Они зажгли посадъ, входившій въ окрѣпость большого острога. Вышеславцевъ и съ нимъ присланный отъ царя другой воевода Сила Гагаринъ засѣли въ меньшемъ острогѣ, иначе въ среднемъ, которымъ окружена была внутренность торговаго посада, да въ городѣ, иначе въ Кремлѣ. Тамъ, кромѣ московскихъ и астраханскихъ стрѣльцовъ, присланныхъ Шереметевымъ и владимирцевъ, было много поволжскихъ поселянъ подъ начальствомъ Бѣляка Нагавицына изъ Кинешмы, и Семейки Свистова, Шуйскаго холопа ²⁾. Будзило дѣлалъ сильныя приступы въ день по два и по три раза. Третьяго или четвертаго мая приступы длились цѣлый день и ночь. Часовъ въ 12 ночи, съ четвертаго на пятое число мая, когда рать Будзила шла на приступъ съ огненными приметами и съ смоляными бочками, чтобы зажечь среднй острогъ, ярославцы дружно сами сдѣлали вылазку, побили приступающихъ, отняли у нихъ и зажигательные снаряды и знамена, и набрали плѣнныхъ ³⁾. На другой день Будзило отошелъ. Ярославцы думали, что Богъ избавилъ ихъ, какъ вдругъ 8 мая снова появились прежнйе враги и съ ними Лисовскій съ своею нестрою шайбою, въ виду Ярославля. Нѣсколько человекъ изъ его шайки перешли въ осажденный и объяснили, что Будзило, отошедши отъ Ярославля, встрѣтилъ на дорогѣ Лисовскаго съ прибыльными людьми, пришедшими изъ Ростова. Опять начались приступы по два и по три раза въ день. Литовскйе люди не хотѣли уходить, пока не возьмутъ города: — «всѣмъ ворамя Ярославль сталъ боленъ добрѣ» — говорить въ своей отпискѣ воевода ⁴⁾. Ярославцы защищались отчаянно, хотя у нихъ уже не доставало пороху. Они написали объ этомъ въ Вологду, въ Усолъе, просили также о прибавкѣ ратныхъ людей. Вологжане писали объ этомъ въ Соль-Вычегодскую и въ поморскйе города. Но пока помощь могла быть доставлена въ Ярославль изъ сѣверныхъ городовъ, городъ могъ быть взятъ. Отбиваясь отъ непрерывныхъ приступовъ, ратные люди, сидѣвшйе въ осадѣ, теряли товарищей, а тѣ, которые продолжали биться, жаловались еще на то, что имъ не платятъ жалованья; плата же эта должна была поступать изъ сѣверныхъ городовъ, откуда пре-

¹⁾ А. А. Э. II. 229.

²⁾ А. И. II. 226.

³⁾ Diar. Sapiehy.

⁴⁾ А. А. Э. II. 229.

имущественно набирались и присылались ратные люди. Пытались склонить ярославцевъ къ сдачѣ мирнымъ образомъ. Взятся за это ярославскій торговецъ Іоаннъ Шмиттъ, за доброжелательство къ Дмитрію принужденный бѣжать изъ города и теперь находившійся съ Лисовскимъ. Этотъ обрусѣлый нѣмецъ подвѣхалъ къ стѣнамъ Ярославля, и держалъ такую рѣчь: «подумайте, братцы; не доводите себя до кровопролитія. Царь Дмитрій милостивъ и проститъ васъ, и впередъ вамъ уже не будетъ насильствъ отъ польскихъ людей. Царь пришлетъ къ вамъ важнаго господина, котораго всѣ будутъ слушаться.» — «А подойди поближе къ воротамъ», закричали ему. Шмиттъ подошелъ; его схватили, увели въ городъ, сварили въ котлѣ меда и выбросили на съѣденіе собакамъ. Спасенный имъ недавно Данило Эйловъ не только не заступился за него, но еще возбуждалъ русскихъ къ казни ¹⁾. Къ счастью ихъ, Лисовскій, простоявъ до 22 мая у Ярославля, по просьбѣ воеводы Вельяминова, сидѣвшаго въ осадѣ, отошелъ къ Костромѣ, а Наумовъ ушелъ къ Ростову набирать новыя силы ²⁾. Между тѣмъ, по просьбѣ ярославцевъ, прибыли къ нимъ свѣжія силы изъ Вологды, Устюга и другихъ городовъ. До половины мая, Вологда и Устюгъ пять разъ присылали свѣжія силы ³⁾. Вятка, за невозможностію скоро собрать ратныхъ людей по сохамъ, сдѣлала заемъ въ триста рублей, наняла на эту сумму вольныхъ охотниковъ и послала ихъ въ Ярославль. Не доходя до Костромы, Лисовскій повернулъ къ Кинешмѣ: туда приступало новое ополченіе, вѣроятно на помощь Жеребцову, осаждавшему Вельяминова. Въ Кинешмѣ былъ жестокой бой; предводитель ополченія Федоръ Боборыкинъ былъ убитъ. Литовскіе люди взяли Кинешму, истребили ее, и на городищѣ отбивались десять дней отъ новаго ополченія, которое прибыло отъ Юрьевца-Повольскаго. Наконецъ они пробились и пошли къ Костромѣ; часть войска шла берегомъ на лошадяхъ, а часть на судахъ по Волгѣ; но за послѣдними на судахъ гнались русскіе и бились съ ними три дня и должно быть значительно вреда имъ нанесли, потому что, уходя на судахъ изъ подъ Кинешмы, подъ Костромою Лисовскій не имѣлъ судовъ для переправы. Тутъ съ нимъ соединился снова Иванъ Наумовъ съ свѣжими силами. Кострома занята была Жеребцовымъ; воры сидѣли въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Жеребцовъ до этого времени приступалъ къ нему нѣсколько разъ и все напрасно; онъ рѣшился осадить его и прину-

¹⁾ Вилл. 92.

²⁾ А. А. Э. II. 230.

³⁾ А. И. 212.

дять въ сдѣчѣ голодомъ. Онъ прокопалъ около монастыря ровъ отъ одного заворота рѣки Костромы до другого; потомъ прокопалъ подобный же ровъ еще тѣснѣе. Сидѣвшіе въ монастырѣ успѣли какъ-то дать знать своимъ подѣ Ярославль. Пришедшіе на помощь имъ Лисовскій и Наумовъ стояли на противоположномъ берегу Волги, въ селѣ Селищѣ, и долго не могли раздобыть судовъ. Пока они искали лодокъ и плотовъ, Жеребцовъ стрѣлялъ по нимъ черезъ рѣку. Такъ прошло двѣ недѣли. Они отошли отъ Костромы, услышавъ, что Шереметевъ посылаетъ противъ нихъ ополченіе съ низу. Наумовъ и Лисовскій думали удобнѣе переправиться черезъ Волгу ниже. Они двинулись къ Юрьеву-Повольскому, и, не доходя тридцати верстъ, напало на нихъ ополченіе, посланное Шереметевымъ, близъ села Рѣпмы, когда они стали было переправляться. Русскіе напали на нихъ на судахъ и жестоко поразили Наумова, который думалъ было укрыться на островѣ; у него отняли и оружіе, и всѣ запасы, и лошадей, а тѣ, которые остались живы, переплыли обратно босые и голые ¹⁾. Лисовскій съ Наумовымъ ушелъ назадъ, потому что за отрядомъ, разбившимъ Наумова, шелъ съ войскомъ бояринъ Шереметевъ.

Бояринъ Федоръ Шереметевъ всю зиму съ ратными людьми удерживалъ въ повиновеніи Казанскую и Вятскую земли. Тамъ главными сторонниками вора были инородцы, татары и черемисы: ихъ поднимала вообще ненависть къ русскимъ, ненависть побѣжденныхъ къ завоевателямъ. Шереметевъ разбилъ черемису подѣ Чебоксарами 22 декабря, а потомъ подѣ Свияжскомъ 1-го января, разсѣялъ большое скопище черемисъ, татаръ, чувашъ и русскихъ воровъ, ставшихъ съ инородцами за одно. Это скопище составилось изъ уѣздовъ Цивильскаго, Чебоксарскаго, Свияжскаго, Кокшайскаго, Алатырскаго и Арзамасскаго. Ихъ топтали и кололи какъ свиней, и наложили труповъ верстъ на семь, говорить современное извѣстіе ²⁾. Въ отдаленныхъ краяхъ Московскаго государства поляки и казаки не успѣли дать себя знать, поэтому тутъ упорнѣе держались вора, чѣмъ въ краяхъ ближе къ Москвѣ. Въ концѣ февраля (22 числа), когда уже возстаніе охватило столько уѣздовъ и земель, изъ отдаленнаго Саратова прибыли посадскіе къ царю съ изъясненіемъ поворности ³⁾.

Послѣ побѣды Шереметева, въ началѣ марта, пошло на Казань новое воровское ополченіе, составленное изъ татаръ, чу-

¹⁾ А. И. П. 282.

²⁾ А. А. Э. П. 168. — А. И. П. 168.

³⁾ Diar. Sapieluy.

вангъ, черемисъ и мордвы, и русскихъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцевъ Алатыря, Курмыша, Ядринска, Арзамаса, Темникова, Касимова. Надобно замѣтить, что многіе, считавшіеся въ числѣ русскихъ служилыхъ въ этомъ краю были также инородцы по происхожденію, но, принявши крещеніе, были верстаны въ службу и надѣлены помѣстьями. 11 марта, въ селѣ Бурундугѣ, на горной сторонѣ, посланные отъ Шереметева головы разбили на голову это разнородное ополченіе, взяли много плѣнныхъ, побрали знамена и набаты. Эти неудачи раздѣлили инородцевъ; одни шли за Димитріемъ, другіе, видя, что счастье не везетъ тѣмъ, которые шли за Димитріемъ, приставали къ Шереметеву. Такимъ образомъ, толпы черемисъ, чувашъ, мордвы, вотяковъ, татаръ, собирались шайками, пытаясь итти на Шереметева, а Шереметевъ высылалъ бить ихъ отряды, въ которыхъ были также черемисы, чуваша, мордва, татары ¹⁾. Темниковскіе татары поддались Димитрію, а въ мартѣ писали, что на нихъ идетъ татарская сила, жжетъ села и убиваетъ людей за Шуйскаго.

Устроивши такимъ образомъ до нѣкоторой степени понизовый край, Шереметевъ прибылъ въ Нижній, и, услышавъ, что возстаніе распространилось, рѣшился итти ему на помощь; онъ двинулся въ Муромъ, а оттуда въ Касимовъ. Касимовскій царь держался Димитрія. Шереметевъ осадилъ Касимовъ и взялъ его послѣ упорнаго сопротивленія. Тогда освобождены были узники, содержавшіеся въ этомъ городѣ изъ разныхъ мѣстъ за приверженность къ царю Василю ²⁾. Изъ-подъ Касимова Шереметевъ пришелъ въ Владимиръ и сталъ въ этомъ городѣ. Нѣсколько сотъ молодцевъ поплыли изъ Владимира по Клязьмѣ, чтобы пробраться до Москвы; но Сапѣга узналъ объ этомъ и послалъ отрядъ въ пять сотъ человекъ содержать караулъ по Клязьмѣ, чтобы не пропустить ихъ. Рѣка Клязьма въ то время была обычнымъ путемъ между Нижнимъ и Владимиромъ, и, перехвативши путь, Сапѣга приказывалъ также ловить купцовъ, которые плыли изъ Нижняго во Владимиръ.

Все это время междоусобной войны сопровождалось разореніями и варварствами въ восточномъ краѣ съ обѣихъ сторонъ. Разъяренный народъ не щадилъ литовскихъ людей и своихъ русскихъ противниковъ, сторонниковъ Димитрія, считавшихся измѣнниками русской землѣ. Съ остервененіемъ кидали польскихъ жолнѣровъ подъ ледъ и кричали: «вы, глаголи, пожрали нашихъ коровъ и телятъ; ступайте теперъ въ Волгу, обзирайте»

¹⁾ А. А. Э. II. 217.

²⁾ Никон. 116.

тесъ тамъ рыбы ¹⁾!> Свирѣпствовали звѣрски воины Лисовскаго: непокорнымъ всякаго возраста, всякаго званія, привязывали на шею камни и бросали въ воду, разстрѣливали ихъ изъ самопаловъ, инымъ перебивали ноги; попавши на непокорное село, жарили предъ глазами родителей младенцевъ, разбивали о пороги и углы стѣнъ, или пронизывали копьями, насиловали женщинъ въ присутствіи ихъ мужьевъ, братьевъ, сыновей. Такъ расправлялись съ непокорными. Но тамъ, гдѣ жители служили Димитрію, положеніе ихъ было мало чѣмъ лучше. Въ войскѣ тушинскомъ было множество челяди—пахолковъ; они не слушали своихъ господъ, убѣгали отъ нихъ, составляли шайки и своевольничали. Сотнями таскались они по Московской землѣ и сновали преимущественно тамъ, гдѣ жители были еще покорны, т. е. въ Суздальскомъ, Ростовскомъ уѣздахъ и по украиннымъ мѣстамъ. Напрасно требовали паны, чтобы они воротились. Пришлось послать для усмиренія ихъ роты. Нѣсколько старшинъ, избранныхъ этими молодцами, были схвачены: ихъ посадили на колъ посреди тушинскаго обоза ²⁾. Отъ того не легче было землѣ русской: свои измѣнники тервали ее пуще иноземцевъ. Не разъ случалось, что, когда у пришельцевъ возбуждалось чувство челоуѣволюбія, Московскаго государства воры называли ихъ за то бабами и щеголяли своею безчувственностію и звѣрствомъ. «И премѣнились тогда — говоритъ современникъ — жилища челоуѣческія въ жилища дивихъ звѣрей: медвѣди, волки и лисицы стали обитать на мѣстахъ селъ челоуѣческихъ, и хищныя птицы изъ дремучихъ лѣсовъ слетались надъ грудями челоуѣческихъ труповъ, и горы могилъ воздвиглись на Руси ³⁾» «Нѣсколько сотъ тысячъ московитянъ погубило тогда — говоритъ современный польскій стихоплетъ ⁴⁾, — кромѣ дѣтей и младенцевъ. А сколько погубило, сколько осрамлено женщинъ и дѣвицъ! сколько нагроблено народнаго достоянія! Все это за негоднаго Щуйскаго.» — «Камень бы заплывалъ о тогдашнихъ бѣдствіяхъ земли Московской», говоритъ очевидецъ, нѣмецъ ⁵⁾. Къ пущей бѣдѣ и раззоренію, въ этотъ годъ крымцы набѣгали на южныя предѣлы государства три раза, сожигали деревни, угоняли много скота, взяли въ плѣнъ толпы молодежи. Они шли какъ будто помогать царю Василю, но дѣлали Московскому государству не меньше вреда какъ поляки и чересы, служившіе тушинскому царю.

¹⁾ Виз. 98.

²⁾ Marchock. 48.

³⁾ Палиц. 48.

⁴⁾ Pieśń o tyranstwie Szujakiego.

⁵⁾ Виз. 91.

X.

Москва въ осаждѣ. — Мятель противъ Шуйскаго. — Дѣятельность патріарха Гермогена. — Изжвны. — Дороговизна. — Состояніе тушинскаго табора.

Тогда какъ въ восточной части московскаго государства происходила тяжелая борьба и съ иноземцами и съ своими ворами, въ самой столицѣ московскій государь чуть-чуть держался на своемъ престолѣ. Распространилась увѣренность, что царствованіе Шуйскаго не благословлено небомъ, что бѣдствія русской земли посылаются за грѣхи царя, такъ же, какъ въ царствованіе Бориса приписывали его грѣхамъ бѣдствія, постигавшія Московское государство. Москва держалась противъ тушинцевъ только оттого, что страшилась его разнороднаго диваго войска, а вовсе не изъ привязанности къ своему царю, не изъ сознанія его права. Пока еще открытъ былъ путь сообщенія съ Рязанскою областію, подвозъ припасовъ былъ хотя и затруднителенъ, да кое-какъ производился черезъ Коломну. Но изъ Тушина посланъ былъ въ январѣ или февралѣ ротмистръ Млюцкій; онъ сталъ передъ Коломною и перервалъ сообщеніе. Тогда Москва, отрѣзанная отъ юга, начала терпѣть сильную дороговизну и недостатокъ. Цѣна ржи возвысилась въ Москвѣ — сырой до рубля, а сухой до 40 алтынъ, а возъ сѣна стоилъ три рубля и выше ¹⁾).

Семнадцатаго февраля, сдѣлалось противъ царя Василя возстаніе. Главными коноводами въ этомъ дѣлѣ были рязанецъ Григорій Сумбуловъ, князь Романъ Гагаринъ и Тимошей Грязной; къ нимъ пристали дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, находившіеся въ Москвѣ на службѣ. Съ толпою сообщниковъ они вошли въ Кремль, явились въ боярскую думу и сказали: «надобно перемѣнить царя Василя: онъ сѣлъ на престолъ самовольствомъ, а не всею землею избранъ!» Изъ бояръ, сидѣвшихъ тогда въ думѣ, были братья Шуйскаго, его шурья и родственники Ростовскіе. Понятно, что они съ негодованіемъ выслушали такое предложеніе. Сверхъ того привержены были къ Шуйскому думные дьяки Яковъ Карташевъ и Томило Луговской, заправлявшіе тогда дѣлами въ боярской думѣ. Другіе бояре, князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, братья Василій и Андрей Голицыны, Колычевы, были нерасположены къ Шуйскому ²⁾, но не смѣли согласиться сразу на предпріятіе, за ко-

¹⁾ А. И. П. 180.

²⁾ А. И. П. 260.

торымъ еще не видно было общаго желанія. Поспоривши съ боярами, заговорщики пошли въ патріарху и звали его на лобное мѣсто. Патріархъ не отказался; онъ надѣялся отговорить толпу. Зазвонили въ набатъ. Народъ стекался толпами на Красную площадь. Послали опять звать бояръ; но изъ бояръ отважился ѣхать туда одинъ Василій Васильевичъ Голицынъ: онъ самъ мѣтилъ на престолъ и надѣялся на высоту своего рода и значеніе, и потому не боялся гнѣва Шуйскаго въ случаѣ неудачи. Стали на площади кричать противъ Василя; одни говорили: «онъ тайно убиваетъ и въ воду сажаетъ братью нашу дворянъ и дѣтей боярскихъ, и женъ ихъ и дѣтей ихъ убиваетъ; ужъ ихъ такимъ образомъ съ двѣ тысячи пропало! И теперь приказалъ онъ посадить въ воду братью нашу! Мы за это и встали». Патріархъ въ своей граматѣ, писанной впоследствии, извѣщалъ, что тогда онъ спрашивалъ ихъ: «кого же именно казнилъ Шуйскій.» — Они не назвали именъ, а про тѣхъ, которыхъ, какъ говорили, Шуйскій приказалъ бросать въ воду, сказали: «мы послали ихъ воротить; увидите сами, какъ приведутъ ихъ.» Патріархъ увѣряетъ, что это обвиненіе было ложное; но лѣтописцы вообще согласно повѣствуютъ, что Шуйскій дѣлалъ тайныя казни и убійства.

Стали читать грамату; объяснялось въ ней, что царь Василій избранъ на царство одной Москвою, а иные города того не вѣдаютъ. «Князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ! — кричала толпа служилыхъ: — изъ-за него кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ! Хотимъ выбрать иного царя.»

Патріархъ сказалъ: «Дотолѣ Москвѣ не указывалъ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань, а указывала всѣмъ городамъ Москва. Царь Василій возлюбленъ и избранъ и на царство поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями: московскими боярами и дворянами и всѣхъ чиновъ людьми, да изо всѣхъ городовъ при его избраніи и поставленіи были въ тѣ поры многіе люди и дѣловали ему крестъ всею землею, чтобы ему государю добра хотѣть и лиха не мыслить. Вы, забывъ свое крестное дѣлованіе, возстали не многими людьми на царя и хотите его безъ вины съ царства свести; а міръ того не хочеть и про то не вѣдаетъ! Вы прежде о той враждѣ къ намъ не прихаживали и къ намъ о томъ не присылали, и мы не пристаемъ къ вашему совѣту. А что вы говорите, что черезъ него кровь льется и земля не умирится, такъ это дѣлается по волѣ Божіей, какъ Господь самъ сказалъ: возстануть царство на царство и языкъ на языкъ, и будутъ глади, и пагубы и труси;

а теперь нашествіе язгы и междоусобная брань и пролитіе крови совершается по волѣ Божіей; а не царя вашего хотѣніемъ.»

Убѣжденія патріарха остановили противниковъ царя. Намекъ на то, что Москва указываетъ городамъ, долженъ былъ польстить самолюбію москвичей, и они не пристали къ совѣту родовыхъ служилыхъ людей. Притомъ же, если Шуйскій избранъ былъ не всею землею, то все таки не могъ онъ быть низложенъ иначе какъ всею землею. Съ голоса патріарха въ толпѣ начали кричать сторонники Шуйскаго, что смута противъ царя дѣлается по наущенію литовскихъ людей, что измѣнники хотятъ сдать Москву тушинскому вору. Когда столица была въ опасности, надобно было держаться хоть когонибудь. Заговорщики, оставшись безъ поддержки, сами спаслись только бѣгствомъ въ Тушино. Тогда ихъ уѣхало до 300 человекъ ¹⁾. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ князь Ѳедоръ Мещерскій и Михайло Молчановъ, убійца Ѳедора Борисовича. Они рассказывали, что Шуйскій, лежа на землѣ, едва умолилъ народъ о пощадѣ и чуть чуть было не прислали его къ Дмитрію въ желѣзныхъ дѣпяхъ ²⁾. Стрѣльцы, передавшіеся царю, говорили, будто Шуйскій отпросился у народа на три недѣли срокомъ, пока придетъ Свонинъ со шведами, а Шереметевъ съ татарами ³⁾.

Переметчики тогда другъ на друга доносили самозванцу и Сапѣгѣ: нѣкоторые увѣрили Сапѣгу, что предающіеся на сторону царя Дмитрія дѣлаютъ это съ хитростію, по наущенію Шуйскимъ.

Царь Василій не унывалъ и старался возбуждать области, писалъ и посылалъ грамоты за грамотами въ разные города. За невозможностію пройти изъ Москвы съ грамотами явно, посланцы Шуйскаго вливали себѣ грамоты въ лыжи возлѣ лыжныхъ ушей ⁴⁾, какъ показывалъ въ Путивлѣ одинъ перебѣжчикъ изъ Москвы. Такія грамоты возились въ Галичъ, Ярославль, Кострому, Устюжну ⁵⁾, Нижній, Вологду, Пермь и другіе города. Всѣхъ царь Василій убѣждалъ составлять ополченіе и воевать противъ иноземцевъ и русскихъ измѣнниковъ. Грамоты эти были рассылаемы имъ съ ноября 1608 года. Царь не ограничивался одними воззваніями къ благочестію и своенародному

¹⁾ Никон. 111. — А. Э. II. 290.

²⁾ Diar. Sapiehy.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ А. А. И. II, 180.

⁵⁾ А. А. Э. II, 188.

чувству русскому, но дѣлалъ распоряженія, самъ назначалъ надъ ратными головь (такъ дѣлалось въ Вологдѣ ¹⁾); объявлялъ всѣмъ прощеніе за прежнее, признавалъ, что если кто цѣловалъ крестъ вору, то это дѣлалось неволею, и обѣщалъ за вѣрность дать льготы на многія лѣта, пополнить раззоренія и миловать свыше прежняго ²⁾.

Но весною дороговизна и недостатокъ въ Москвѣ стали гораздо чувствительнѣе. До сихъ поръ, хотя съ затрудненіями, но проходили въ Москву все-какіе припасы изъ Рязанской земли, гдѣ объ этомъ дѣятельно и успѣшно хлопоталъ Прокопій Ляпуновъ. Въ началѣ апрѣля, въ Тушинѣ узнали объ этомъ и послали въ Коломну новыя силы съ бояриномъ Иваномъ Салтыковымъ, донскимъ атаманомъ Беззубцевымъ и нѣсколькими литовскими ротмистрами ³⁾; цѣнность хлѣба поднималась по днямъ. Опять сдѣлалось волненіе. Бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія; избранъ былъ для этого день Вербнаго воскресенія. Но какимъ-то образомъ объ этомъ заговорѣ въ пору узналъ Василій Бутурлинъ и донесъ царю. Бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ-Колычевъ былъ подвергнутъ пыткѣ. Съ нимъ схвачено нѣсколько человѣкъ. Крюкъ-Колычевъ выдержалъ пытку, ни на кого не показалъ. Его казнили, а прочихъ только посадили въ тюрьму. Заговоръ не былъ совершенно уничтоженъ, и враги Василія выбирали удобный случай извести его. Носились разные слухи: кто говорилъ, что царя изведутъ въ вешній Николинъ день, кто говорилъ, что на Вознесенье его застрѣлятъ ⁴⁾. По извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, цѣнность хлѣба доходила до семи рублей ⁵⁾. Эта цифра, вѣроятно, преувеличена, но нѣтъ сомнѣнія, что дороговизна была тамъ велика, что вывела изъ терпѣнія народъ. Дѣти боярскіе, торговцы и черныя люди толпою ворвались въ государю и кричали: «до чего намъ дожидаться? хлѣбъ дорогой; промысловъ никакихъ нѣтъ... ничего негдѣ взять и нечѣмъ купить. До чего это дойдетъ? уже намъ голодною смертью помирать.» Царь обнадеживалъ ихъ прибытіемъ Михайла Свопина-Шуйскаго со шведскими людьми. «Дайте сроку до вешняго Николы!» — говорилъ онъ; — увидите, что Москва избавится. А вы, купцы, говорилъ имъ царь, продавайте жито въ одну цѣну и не под-

¹⁾ А. А. Э. II, 208.

²⁾ А. А. Э. II, 224.

³⁾ Имп. Публ. Библ. рук. № 38.

⁴⁾ А. И. Ц, 249. — Никонов. 112.

⁵⁾ Ник. 112.

нижайте цѣнъ, не прячьте, богачи, хлѣба и не губите небогатыхъ ¹⁾). Въ самомъ дѣлѣ, по извѣстію современника, дороговизнѣ хлѣба и усиленію голода было причиною, между прочимъ, и то, что купцы, такъ же какъ и во времена Бориса, пользовались всенародною бѣдою и припрятали хлѣбные запасы, чтобы сбыть ихъ по возвышеннымъ цѣнамъ, по немногу выпуская въ продажу. На требованіе царя, чтобъ они не возвышали цѣнъ и вывели на продажу тѣ запасы, которые у нихъ собраны, купцы увѣряли, что у нихъ нѣтъ въ запасѣ хлѣба. Дѣло нѣскольکو поправилъ келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, если вѣрить его собственному разсказу. На монастырскомъ подворьѣ было много ржи; встали ее приберегли. Когда цѣны чрезвычайно поднялись, вдругъ келарь пустилъ свою рожь по два рубля. Купцы рассчитывали, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ скоро придти Скопинъ, и дѣло оборотится иначе, и Москва освободится отъ осады, а тутъ еще путь черезъ Коломну станетъ свободенъ, и тогда хлѣбъ упадетъ еще больше въ цѣнѣ, и по этому расчету купцы должны будутъ понизить цѣну. Но такое пониженіе не могло длиться долго и притомъ далеко не доходило до прежнихъ правильныхъ цѣнъ. Въ первой половинѣ мая хлѣбъ покупали, — рожь отъ полутора до двухъ рублей, овесъ отъ одного рубля до сорока алтынъ, крупъ гречневыхъ до трехъ рублей, горохъ и воноплю до трехъ рублей, возъ сѣна стоилъ до четырехъ рублей, корова для убоя отъ 10 до 20 рублей, баранъ 40 алтынъ, полоть ветчины 2 руб. Это были, по тогдашнимъ средствамъ, такія цѣны, что многіе должны были умирать голодною смертію. Былъ притомъ въ Москвѣ большой недостатокъ дровъ, и москвичи стали жечь дворянскихъ людей ²⁾).

Тогда пособилъ Василию князь Романъ Гагаринъ, бывшій зачинщикъ заговора 17 февраля. Онъ воротился изъ Тушина, гдѣ искалъ спасенія послѣ неудавшаго заговора, и въ Москвѣ всенародно говорилъ: «не прельщайтесь на дьявольскую прелесть; въ Тушинѣ истинный воръ; и все это заговоръ литовскаго короля, съ тѣмъ, чтобы христіанскую вѣру попать ³⁾». Я самъ былъ въ Тушинѣ и все видѣлъ. У нихъ страхъ отъ Михайла Васильевича Скопина: они узнали, что въ Новгородъ пришли нѣмецкіе свейскіе люди, и сами думаютъ бѣжать.»

Это было оповѣщено тогда, когда уже многіе на Москвѣ колебались и думали передать столицу Дмитрію. Но тутъ уз-

¹⁾ Палиц. 218.

²⁾ А. И. П., 250.

³⁾ Ник. 113.

нали, что самъ Тушинскій царикъ уже не крѣпокъ, и стали надѣяться на пришествіе Скопина. Поддерживался духъ мосевичей вѣстями о явленіяхъ. Рассказывали, что было такое видѣніе: святой Сергій вѣхалъ въ Москву съ двѣнадцатю возами, полными печеныхъ хлѣбовъ¹⁾. Когда распространился объ этомъ слухъ, собралась толпа; слуги Троицкаго подворья спрашивали, что это за голка? Народъ отвѣчалъ: «старецъ изъ дому св. живоначальныя Троицы пришелъ къ намъ, на двѣнадцати возахъ хлѣба печенаго привезено.»

Въ тушинскомъ лагерѣ по прежнему не было недостатка, тамъ все кипѣло изобиліемъ: скота, молока, сыру было такое множество, что брошенные головы, ноги и внутренности животныхъ привлекали изъ окрестностей собакъ, и обитатели табора терпѣли невыносимый смрадъ; пива и вина было разливное море: изъ монастырей навозили туда напитоковъ, пива было такъ много, что его разливали, а пили только лучшіе меды²⁾. За то были тамъ другого рода неудобства: войско было не въ сборѣ; пахолки самовольно разбѣгались. Товарищи стояли ротами въ разныхъ сосѣднихъ городахъ. Лисовскій бродилъ по восточной части Московскаго государства. Полковникъ Чижъ съ запорожскими казаками ходилъ по Смоленской землѣ. Мархоцкій стоялъ на перепутьи дорогъ къ столицѣ. Млоцкій съ Бобовскимъ пересѣкали путь изъ Москвы въ Коломну. Значительная часть полчища была подъ Троицею, да и оттуда многіе разошлись по Московской землѣ. Въ самомъ тушинскомъ таборѣ чувствовался недостатокъ ратныхъ силъ, и притомъ господствовало неустройство и отсутствіе дисциплины. Тамъ по прежнему бражничали, охотились, веселились съ женщинами разгульнаго поведенія. Въ февралѣ, войско забунтовало, потребовало жалованья и грозило разойтись. Царикъ говорилъ: «я бы и радъ былъ вамъ заплатить, да гдѣ же я найду. Вы все у меня изъ рукъ взяли; мнѣ самому едва что нибудь остается на пропитаніе.» Тогда его до такой степени напугали, что онъ хотѣлъ убѣжать, но объ этомъ намѣреніи узнали и не допустили его исполнить. Съ тѣхъ поръ онъ находился какъ будто подъ карауломъ. Въ такомъ положеніи дѣль, услышали тушинцы, что на нихъ идетъ бояринъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ вспомогательными шведскими силами.

Н. Бостомаровъ.

¹⁾ Ник. 118. — Палл. 220.

²⁾ Васс. 90.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.)

II.

ЦЕНТРЪ РИМСКАГО МІРА

■

ЕГО ПРОВИНЦІИ*).

I

Римская республика погибла въ мучительномъ бореніи. Ея паденіе было неизбежною необходимостію, и единственное оправданіе демократической диктатуры Цезаря заключается въ исторіи тѣхъ внутреннихъ смуть, которыми вызвана была эта диктатура. Многими чертами своего личнаго характера переходилъ Цезарь черезъ завѣтную грань чисто римскихъ возрѣній. Его пороки и добродѣтели были во многомъ чужды старому римскому народному характеру, и никогда яснѣе не высказалась эта противоположность, какъ во время знаменитаго засѣданія Сената, когда, послѣ заговора Катилины, Катонъ, во имя коренныхъ *римскихъ* убѣжденій, возсталъ противъ мнѣній Цезаря. Политическая реформа, введенная Цезаремъ, полагала начало новому порядку

---

*) Печатаемая ниже статья С. В. Ешевскаго заимствована изъ неизданныхъ его лекцій, читанныхъ еще въ 1858 году и исправленныхъ самимъ авторомъ. Предметъ ея принадлежитъ къ тому кругу идей, въ которомъ авторъ особенно любилъ производить свои изслѣдованія и наблюденія. Мы уже читали (томъ I, Мартъ, 1866, стр. 211) его статью: «Русская колонизація сѣверовосточнаго края»; подобный же вопросъ онъ изслѣдуетъ теперь въ области классическаго міра, въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ его существованія. — *Ред.*

вещей, несомнѣнному съ государственными учрежденіями республиканскаго Рима. Тѣмъ не менѣе она была логическимъ, необходимымъ результатомъ всего предшествовавшаго развитія. Для Рима VII-го вѣка послѣ основанія города (I-ый до Р. Х.) возможенъ былъ выходъ или въ анархію или въ диктатуру, въ военную монархію. Цезарь рѣшилъ послѣднее, но и на высшей степени своего могущества онъ остался вѣренъ своему прошедшему. Прирожденный вождь демократической партіи, онъ остался демократомъ даже и въ то время, когда полновластно располагалъ судьбами Рима, когда замышлялъ принять царскій титулъ. Власть, основанная имъ, была диктатура, но диктатура демократическая. Послѣ смерти Цезаря, новыми смутами доказана была для Рима невозможность возврата къ прежнимъ учрежденіямъ, несомнѣстность республиканской свободы съ господствовавшими стремленіями. Истощенное государство признало власть Августа. Съ восторгомъ привѣтствовали римляне приобрѣтеніе внутренняго мира и спокойствія, хотя бы то было и на счетъ политической свободы. Знаменитое слово Лудовика-Наполеона: «Имперія—это миръ,» въ устахъ Августа было бы еще справедливѣе, и миръ не замедлилъ обнаружить свои благотворныя слѣдствія. Первое время имперіи, по справедливости, названо золотымъ вѣкомъ Рима, относительно котораго здѣсь ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Абсолютизмъ является иногда *историческою* необходимостію, шагомъ впередъ въ государственномъ развитіи народовъ. Въ Греціи, въ эпоху борьбы демократіи съ олигархіей, греческіе тиранны, становясь во главѣ демократическихъ стремленій, окончательно подорвали аристократію, подготовили возможность новаго развитія свободныхъ учрежденій. Средневѣковыя городскія общины, безправные вилланы, примыкали всѣми своими надеждами къ монархической власти новой Европы, только въ ней одной находя защиту противъ феодальнаго самоуправства. Какъ переходное состояніе, какъ возможность иного лучшаго будущаго, абсолютизмъ имѣетъ себѣ историческое оправданіе, даже проявляясь въ суровыхъ, жесткихъ формахъ. Склоняясь подъ его иногда тяжелой опекой, растутъ и крѣпнуть тогда силы народа; дорастаетъ онъ до своего политическаго совершеннѣтія, до сознанія и признанія своей собственной полноправности. Поставленный самъ себѣ цѣлю, абсолютизмъ губительно дѣйствуетъ на все живое, смертельнымъ недугомъ поражаетъ органы общества.

Абсолютизмъ римскихъ императоровъ, основанный на демократической диктатурѣ, является въ исторіи съ двойственнымъ значеніемъ, потому что самое политическое устройство римскаго

мира прежде всего поражаетъ своею двойственностію. Позабудемъ на время, что всѣ *свободныя* государства древняго мира строились въ свои разнообразныя государственныя формы на крѣпкомъ фундаментѣ *рабства*. Кромѣ этого постоянного раздѣленія на рабовъ и свободныхъ, не менѣе рѣзкое различіе было и между лично свободными подданными одного и того же государства: между полноправными и неполноправными гражданами. Въ неполноправности было также много степеней, цѣлая іерархія. Между римскимъ гражданиномъ времени республики и провинціаломъ, въ политическомъ отношеніи, лежала цѣлая бездна. Отъ того и различна была ихъ постановка относительно абсолютизма императоровъ. Потомки древнихъ квиритовъ *) гибли, не вынося тяжелаго гнета деспотизма; для провинціаловъ, начало имперіи было зарею освобожденія, и они явились самою надежной опорой императорской власти. Если даже въ самомъ Римѣ время имперіи все болѣе и болѣе оскудѣвала и вырождалась римская кровь, за то въ стѣнахъ Вѣчнаго города сталкивались представители всѣхъ народностей, одинаково пользуясь правами римскаго гражданства, и даже на тронъ цезарей отрывалась возможность вступить не только галлу, сдѣлавшемуся римляниномъ во всѣхъ отношеніяхъ, но даже полудивному еракійцу или сыну Аравійской пустыни. Уже при Августѣ, скупомъ на раздачу правъ гражданства, было 4,137,000 римскихъ гражданъ, вмѣсто 450,000, считавшихся до Цезаря. А скоро и всѣ обитатели имперіи были признаны полноправными гражданами Рима. Въ первой четверти V вѣка по Р. Х., когда уже такъ ясно было безпомощное положеніе римской имперіи, когда готты Алариха уже ворвались въ священныя стѣны Вѣчнаго города, гальскій поэтъ, бывший префектъ Рима, обращаясь къ нему въ восторженномъ благоговѣніи, такъ опредѣляетъ историческое значеніе Рима для древняго міра: «Тебя не могли сдержать палачіе пещи Ливіи, тебя не остановили льды сѣвера. Какъ далеко простирается къ полюсамъ царство жизни, такъ далеко открыта земля для твоей доблести. Ты далъ общую родину различнымъ

*) Такъ назывались собственно граждане Рима, какъ основатели древняго города; въ этомъ названіи отразился вѣтхій культъ первоначальнаго населенія этой части Италіи, поклонявшагося Марсу, прованному Квириномъ — имя, перенесенное и на основателя Рима, Ромула. Этнографія часто представляетъ намъ примѣры слѣда религіи въ названіяхъ народовъ. Такъ напримѣръ, *Готомъ* или *Готти* заимствовали свое имя отъ одного изъ аттрабутовъ божества, общаго всѣмъ индоевропейскимъ народамъ (готъ, волосатій), который, въ новѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ, сохранился, какъ выраженіе отлеченнаго понятія о божествѣ, и сдѣлался собственнымъ: *Gott* т. е. Богъ. — *Ред.*

народамъ; для тѣхъ, кто жилъ внѣ закона, было благодѣніемъ твое владычество. Предлагая побѣжденнымъ часть во всѣхъ правахъ своихъ, ты сдѣлалъ городъ изъ того, что было прежде вселенною (*urbem fecisti quod prius orbis erat*); законами просвѣтилъ ты покоренную вселенную, ты заставилъ всѣхъ жить въ общемъ союзѣ.» Дѣйствительно, таково было значеніе Рима и въ особенности римской имперіи для разрозненныхъ народовъ древности. Имперія разбила исключительную замкнутость стараго Рима, сдѣлала общимъ достояніемъ то, что было до тѣхъ поръ священнымъ правомъ однихъ квинтовъ, до крайнихъ предѣловъ римскаго міра раздвинуть былъ померій ¹⁾ Вѣчнаго города. Съ полнымъ правомъ могъ говорить бл. Иеронимъ, подъ вліяніемъ скорбнаго чувства, о взятіи Рима готтами: «Отсѣчена была глава римской имперіи, цѣлый міръ погибъ въ одномъ городѣ.» Римъ время имперіи не былъ могущественнымъ городомъ, съ исключительными ему одному принадлежащими правами — это была столица огромнаго государства, обнимавшаго три части свѣта. Задача имперіи состояла въ томъ, чтобы обобщить вѣковые результаты исключительнаго, замкнутаго существованія Рима, и въ тѣ времена только абсолютизмъ императоровъ могъ совершить такое дѣло. Но, обобщая еще до него добытые результаты, абсолютизмъ не могъ стать самъ движущимъ началомъ новаго развитія.

Напротивъ, подъ его гибельнымъ вліяніемъ изсякали всѣ жизненные силы древняго Рима. Чѣмъ глубже и полнѣе проникала римская жизнь въ нравы покоренныхъ народовъ, тѣмъ менѣе становилось ее въ самомъ Римѣ, и скоро римлянъ можно было найти повсюду, кромѣ города Ромула. Самые блестящіе представители римской цивилизаціи были провинціалы; лучшими образцами римской доблести служили люди не-римскаго происхожденія. Но всѣмъ своимъ могуществомъ имперія была обязана республикѣ. Лучшіе литераторы сознаютъ, что дѣло ихъ современниковъ — не расширение предѣловъ государства, а сохраненіе того, что было уже приобретено республикою. Уже Августъ, умирая, завѣщалъ не раздвигать границъ имперіи. За немногими исключениями, завоеванія время имперіи были чисто оборонительными мѣрами. Скоро пришлось относить назадъ эту границу. Развитіе духовныхъ силъ государства прекратилось съ паденіемъ свободныхъ учреждений. Обыкновенно, въ процвѣтаніи литературы время Августу и послѣдующихъ императоровъ видятъ внутреннее оправданіе абсолютизма. Золотой вѣкъ Августа является какъ бы со-

¹⁾ Священная черта древняго города.

зданіемъ имперіи, какъ бы освященіемъ ея законности. На это указываютъ, чтобы доказать благотворное вліяніе абсолютизма, чтобы примириться съ утратою политической свободы. Обольщеніе исчезаетъ впрочемъ при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ временемъ. Абсолютизмъ самъ по себѣ безсиленъ, чтобы вызвать къ жизни духовныя силы народа. Напротивъ, онъ поражаетъ ихъ бесплодіемъ. Золотой вѣкъ Августа не былъ произведеніемъ имперіи. Это былъ результатъ предшествовавшаго развитія, послѣднее завѣщаніе умирающей свободы. Если въ немъ искать чьего либо оправданія, конечно это не будетъ оправданіе абсолютизма. Не забудемъ, что монархія Августа не была крутымъ переворотомъ; она не снесла съ лица земли республиканскія учрежденія. Скорѣе, это было ловкое соглашеніе монархическаго содержанія съ республиканскими формами. Абсолютизмъ еще не облеся во внѣшнія формы, ему одному свойственныя, не нашелъ еще даже себѣ приличнаго имени*). Преданія республиканской свободы еще были крѣпки и сильны, еще не утратили власти надъ умами; еще стояли самыя формы республиканскаго правленія, и даже тѣ императоры, въ комъ всего сильнѣе была склонность къ деспотизму, осторожно обращались съ ними. Это-то переходное время и ознаменовалось процвѣтаніемъ литературы. Когда абсолютизмъ сбросилъ съ себя оковы, когда въ Римѣ и въ провинціяхъ начались сатурналии деспотизма, тогда изсякъ живой источникъ умственной дѣятельности. Писатели, воспитывавшіеся подъ его гнетомъ и утратившіе самый смыслъ политической свободы, поражены бесплодіемъ, и ихъ то нужно считать представителями мысли временъ имперіи, а не великихъ поэтовъ, историковъ и ораторовъ переходнаго времени, еще принадлежавшаго республикѣ лучшимъ своимъ содержаніемъ. Если бы имперія была причиною такого блестящаго развитія умственной дѣятельности, то чѣмъ объяснить скоротечность этого развитія, быстрое паденіе литературы. Имперія дала литературѣ только матеріальное обезпеченіе, *otium*, досугъ, необходимый для нея—и только! Всѣмъ остальнымъ литература обязана предшествовавшему развитію. Абсолютизмъ былъ также губителенъ для свободнаго развитія мысли, какъ обоготвореніе императоровъ для религиозныхъ вѣрованій народа.

Въ римской исторіи мы видимъ вездѣ это двойное значеніе имперіи. Вліяніе Рима на народы, признававшіе его власть, распространеніе римской цивилизаціи и римскаго вліянія между

*) Самое слово *Imperium* заимствовано изъ міра республиканскихъ идей: собственно военная власть республиканскаго полководца. — *Ред.*

ними, и въ тоже время паденіе этой цивилизаціи, вымираніе всѣхъ живыхъ силъ древняго міра, утрату гражданской доблести и религиозныхъ вѣрованій. Въ судьбахъ римской имперіи мы будемъ слѣдить однакоже не за отношеніемъ ея къ прошедшему, но за той стороною, которая обращена къ будущему. Прежде всего нужно познакомиться съ предѣлами римскаго міра, съ тѣми народностями, на которыя простиралось вліяніе греко-римской образованности. Говорю, греко-римской — потому что Римъ временъ имперіи уже вполне подчинялся чарующему вліянію Эллады. Старый Катонъ напрасно возставалъ противъ вторженія Греціи въ Римъ. Онъ самъ подъ конецъ жизни прилежно изучалъ греческихъ писателей. Пламенная Греція овладѣла умами своихъ побѣдителей, и лучшіе люди послѣднихъ временъ республики были воспитаны на изученіи бессмертныхъ произведеній еще свободной Эллады. Половина владѣній Рима непосредственно признавала господство формъ греческой образованности; для другой половины, Римъ былъ проводникомъ ея.

Трудно съ точностью обозначить предѣлы римскаго міра. Они простирались далеко за границы *римской имперіи*. Имперія, это — провинціи, управляемыя, по конституціи Августа, или сенатомъ, или самимъ императоромъ. Но за ними были еще цари, признававшіе верховную власть Рима, народы данники, народы союзные, и т. д.

Вліяніе Рима распространялось и тамъ, куда не доходила власть его. Знаменитый путешественникъ Бартъ находилъ въ Африкѣ развалины римскихъ укрѣпленій, римскихъ гробницъ тамъ, куда до него не заходила нога европейца. Крайними предѣлами римскаго міра можно положить на югъ пустынную степь Сахары, гдѣ трудно было основать прочное поселеніе. На юго-востоку, Аравія и Эіопія представляли почти неодолимыя трудности для завоеванія. При Августѣ, Элій Галль сдѣлалъ — было попытку проникнуть въ пустыню Аравіи, но его предпріятіе кончилось полною неудачей. Провинція, основанная Траяномъ, подъ названіемъ Аравіи, съ главнымъ городомъ Бастрой, не принадлежала къ собственной Аравіи. Въ Эіопіи, въ началѣ нашей эры, было два государства: Нубійское на сѣверѣ, съ главнымъ городомъ Напатою, и Аксумитійское на юго-востоку, съ городомъ Аксуме. Нубія, которая была управляема царицами, почти постоянно носившими имя Капдакіи, не ушла отъ вторженій римлянъ. За 24 года до Р. Х., Петроній, правитель Египта, взялъ было Напату. Это былъ самый южный пунктъ, куда простиралось римское оружіе. Въ юго-восточную часть Эіопіи, въ Аксуме, доходило мирнымъ путемъ только греческое вліяніе. Владѣтель

Ассуме въ I вѣкѣ по Р. Х. былъ воспитанъ погречески. На дальнемъ востокѣ, Великая Арменія, Колхида и Иберія были въ большей или меньшей зависимости отъ Рима. Въ Діоскурій, или Севастополѣ, 130 толмачей употреблялись римлянами для сношеній съ народами Кавказа. *Ambigua gens* Арменіи, какъ называется ея Тацитъ, колебался между властію римлянъ и пареванъ. Имперія пареванъ полагала предѣлъ распространенію владычества римлянъ на востокѣ, и Евфратъ можно положить границею имперіи. Но за официальными границами находились *Regiones ultra fines imperii, dubiae libertatis* ¹⁾, на которыя простиралось вліяніе римлянъ, если не самая власть. Черное море, Рейнъ и Дунай отдѣляли имперію отъ пустынь Скиѳіи и Сарматіи и отъ лѣсистой Германіи. Атлантическій океанъ былъ границею западною. Но имперія переходитъ и эти границы. На берегахъ Чернаго моря находилось Босфорское царство, зависимое отъ Рима. Клавдій окончательно поворилъ открытку Цезаремъ Британію. Въ 43 году, совершилось завоеваніе, а въ 61 году, когда возстали поворенные, 3 римскихъ волоніи были разрушены, и 70,000 римскихъ поселенцевъ перерѣзано. Эта цифра погибшихъ всего лучше говоритъ о томъ, какой притокъ римскихъ колонистовъ былъ въ завоеванныя земли. За Рейнъ и Дунай далеко шло вліяніе Рима, и римское имя чтилось самыми отдаленными народами. Августъ раздѣлилъ всю римскую имперію на 28 провинцій. Изъ нихъ 16 были подъ непосредственной властію самого императора. Оставались 12 въ вѣдѣніи сената и народа римскаго. Первые назывались *stipendiariae*, вторыя — *tributariae*.

Греко-римская цивилизація въ эту эпоху проникла во всѣ концы римскаго міра, но не вездѣ одинаково было распространено ея вліяніе. Можно обозначить границу между распространеніемъ эллинизма и римскаго вліянія. Если провести линію почти по 37 градусу широты, которая будетъ отдѣлять Далмацію отъ Эпира на сѣверъ, и на югъ кончится около города Беронии, раздѣляя Киренаику отъ пустынь лежащихъ между нею и бывшимъ владѣніемъ Карвагена — эта линія будетъ раздѣльною между греческимъ и римскимъ міромъ. Исключеніе составитъ одна Сицилія, которая, находясь на западъ отъ этой линіи, принадлежала однакоже искони къ міру греческой цивилизаціи. Римское вліяніе господствовало на западѣ. Со временъ Александра эллинизмъ глубоко проникъ въ жизнь народовъ западной Азіи и Египта. Киренаика была странкою чисто греческаго образова-

¹⁾ «Страны за предѣлами имперіи, сомнительной независимости.»

ніа. Это раздѣленіе на міръ римскій и греческій глубоко коренится во всемъ прошедшемъ, оказываетъ вліяніе и на всю послѣдующую исторію. Соединенные подъ одною властію, римскій западъ и греческій востокъ не могли никогда слиться во едино. Разъединеніе проникало во всѣ сферы жизни, протестовало противъ насильственнаго соединенія и готовило будущее распаденіе на восточную и западную имперію, на восточную и западную церковь.

Мы рассмотримъ одна за другою эти двѣ главныя части римской имперіи: провинціи подчинившіяся римскому вліянію и провинціи съ господствующими формами греческой образованности. Замѣтимъ прежде всего одно обстоятельство. Какъ бы глубоко ни проникало въ жизнь чуждыхъ народовъ греческое или римское вліяніе, оно не могло однакоже совершенно стереть слѣдовъ прежнихъ національностей. Подъ внѣшними формами греческой или римской жизни коренились прежнія племенные начала; они воздѣйствовали на самый характеръ греческой или римской образованности, ими принятой, придавая ему свои племенные особенности.

Начнемъ съ *Италіи* и съ *западной половины имперіи*, которая вообще важнѣе для будущей исторіи христіанской Европы. Италія временъ республики простиралась въ сѣверу до устья Рубикона и гавани Луны. Въ концѣ V столѣтія отъ О. Р. (III-го до Р. X), Римъ окончательно покорилъ своей власти это пространство. Галлія цизальпинская и Венетія покорены въ 532 году; Лигурія во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го. Августъ окончилъ завоеваніе приморскихъ Альпъ. Августъ же раздвинулъ до Альпъ официальные предѣлы Италіи, раздѣливъ ее на 11 областей, управляемыхъ квесторами. Къ ней же присоединилъ онъ и Истрію. Закономъ такъ называемымъ *lex Julia* (90 и 89 гг. до Р. X.) Италія получила право гражданства, но это право дорого стоило ей. Война италиковъ противъ Рима стоила ей болѣе 300,000 ч., способныхъ носить оружіе. Самнитское и этрусское населеніе было почти совершенно уничтожено. Тяжело обрушились на Италію мѣры Силлы. Населеніе Италіи, уменьшившееся отъ войнъ и правительственныхъ распоряженій, еще болѣе гасло отъ экономическаго положенія страны, отъ сосредоточенія мелкихъ земледѣльческихъ участковъ въ рукахъ небольшого числа богатыхъ владѣльцевъ, отъ страшнаго притока рабовъ, отъ военныхъ колоній, отъ выселеній въ другія страны. Земледѣльческое населеніе, составлявшее главную силу Италіи, почти совершенно исчезло. *Latifundia perdidere Italianam*, говоритъ Плиній. Въ замѣчательномъ посланіи къ сенату,

Тиверій указываетъ на главные причины упадка благосостоянія Италіи, на *villagum infinita spatia*, на *servorum nationes*. Военныя колоніи, которыми думали Цезарь и Августъ восполнить недостатокъ населенія, оказали только вредное дѣйствіе. Колоніями отнималось мѣсто у прежнихъ землевладѣльцевъ, а поселенные солдаты не пополняли убыли. Повсюду видны опустѣвшіе города. Въ одномъ Лаціумѣ Плиній насчитываетъ 57 исчезнувшихъ народовъ или городовъ. Во всемъ Самніумѣ только два города заслуживали это названіе. На 32 народа, нѣкогда населявшихъ Самніумъ, Плиній указываетъ только 9 городовъ. Повсюду запустѣніе и развалины. Пастбищами замѣнились прежнія пашни, и страна, оставленная безъ обработки, дѣлалась нездоровой. Волей и неволей переселялись изъ Италіи ея обитатели, оставляя мѣсто рабамъ. Въ одинъ годъ вывелъ Августъ 120,000 колонистовъ изъ Италіи въ провинціи. Сколько же переселилось въ другое время, сколько добровольно оставляли Италію или шли въ Римъ, чтобы жить тамъ на счетъ государства?!

Вопросъ о томъ, въ какой степени сохранились прежніе народныя элементы Италіи, какъ глубоко шло вліяніе Рима, очевидно, разрушительно дѣйствовавшее на чуждыя національности, этотъ вопросъ важенъ не столько для исторіи самой римской имперіи, сколько для исторіи средневѣковой Европы. Какъ бы ни были живучи племенные элементы, они подчинялись однакоже политическому авторитету Рима, подавлялись имъ, были почти незамѣтны изъ-за него. Только послѣ конечнаго паденія политическаго могущества Рима становится виднѣе ихъ вліяніе на образованіе новыхъ народностей. Отсюда трудность изслѣдованія. Не многія изъ этихъ народностей оставили памятники своего существованія въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было составить о нихъ сколько нибудь полное понятіе. Эти памятники, если они и существуютъ, слишкомъ отрывочны и слишкомъ скудны. Большая часть народовъ покоренныхъ Римомъ утратила и языкъ свой вмѣстѣ съ политической независимостію. Всѣ извѣстія идутъ только отъ римскихъ и греческихъ историковъ, а они не всегда могли понять и изобразить отличительные признаки чуждыхъ народностей. Римскіе историки, напримѣръ, говоря о религіозныхъ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, почти постоянно давали туземнымъ божествамъ имена и атрибуты боговъ греко-римской мѣологии. Да притомъ, когда римскіе писатели обратили вниманіе на исторію покоренныхъ народовъ, для нѣкоторыхъ было это уже поздно. Они сами позабыли преданія о своей прежней жизни. Такъ, уже Катонъ старшій напрасно искалъ историческихъ воспоминаній у лигурійцевъ. Римское

вліяніе, если не совершенно уничтожило племенную основу искоренныхъ, то во всякомъ случаѣ сильно видоизмѣнило ее, и, освободясь отъ власти Рима, выступая снова на сцену, эти народности очевидно являлись не въ своей первобытной чистотѣ, но съ болѣе или менѣе чуждою примѣсью, иногда почти вполне утративъ черты своей прежней фязіономіи. Тѣмъ не менѣе сильно было вліяніе этихъ этнографическихъ элементовъ на образованіе новой народности, бывшей продуктомъ ихъ вліянія. На самомъ Римѣ время имперіи уже рѣзко почувствовалось вліяніе чуждыхъ народностей. Онъ, очевидно, далеко не похожъ на Римъ время республики: такъ измѣнился составъ и характеръ его народонаселенія. Еще рѣзче выступаютъ особенности новой италянской народности, отличающія ее и отъ чисто римской и отъ другихъ, легшихъ однакоже въ ее основу. Для насъ очень важно поэтому знать, какія племена въ Италіи еще сохраняли свою этнографическую самостоятельность во время римской имперіи, не утративъ внѣшнихъ своихъ признаковъ, и какія вполне или частью уже подчинились вліянію латинскаго элемента, котораго могучимъ представителемъ былъ Римъ. Относительно италянскихъ племенъ, кромѣ общей неизбежной трудности, для изслѣдователя судьбы древнихъ народностей, подъ властію Рима, есть еще особенная трудность.

Прежде чѣмъ слѣдить за измѣненіемъ той или другой народности, наука затрудняется въ самомъ ихъ опредѣленіи. Населеніе Аппенинскаго полуострова весьма разнообразно въ этнографическомъ отношеніи. Трудно подвести многочисленныя племена Италіи подъ большія народныя группы, но еще труднѣе опредѣлить характеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ. О нѣкоторыхъ еще дѣются споры ученыхъ, и не предвидится конца по крайней мѣрѣ до того времени, пока какой нибудь счастливый случай не прибавитъ новыхъ данныхъ къ ограниченному числу тѣхъ, которыя уже находятся въ распоряженіи науки. За исключеніемъ собственно латинскаго, только два племени, на противоположныхъ концахъ полуострова, являются съ яснымъ, хорошо знакомымъ науцѣ, характеромъ. Это — греки въ южной Италіи, галлы или вельты на сѣверѣ Аппенинскаго полуострова. Относительно другихъ народностей древней Италіи много еще темнаго, неразъясненнаго исторіею. Лигуры, веныты, загадочные этрусски занимали сѣверную и часть средней Италіи. За ними къ югу шли племена италійскія, въ которыхъ принадлежали и латины. Намъ не вполне еще ясны однакоже отношенія различныхъ племенъ, одинаково принадлежавшихъ въ этому семейству италійскихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ оставили и письмен-

ние памятники, но ихъ или не можетъ еще разгадать вполне филологія, или ихъ слишкомъ недостаточно для опредѣленія свойствъ самаго языка, на которомъ они писаны. На юговосточной оконечности Италіи находились племена апигіевъ, которые, кажется, отличаются, сколько можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ надписямъ, отъ италиковъ, но которые скоро подчинились эллинскому вліянію. Начнемъ съ юга обзоръіне различныхъ народностей Италіи.

Греки еще въ древности поселились въ южной части полуострова. Кумы, напримѣръ, были основаны за 1050 лѣтъ до Р. X. Многочисленныя поселенія выходцевъ Элады, дали названіе Великой Греціи всему юговосточному побережью Италіи. Полудикіе туземцы Апуліи, Калабріи, легко подчинялись вліянію народа образованнаго. Сближеніе произошло тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе были по языку и происхожденію племена, входившія въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Греческій языкъ скоро усвоился туземцами вмѣстѣ съ греческою образованностію. Племена Бруциума называются *bilingues* (Страб. VI, 2; Diog. XIII, 5), потому что они говорили на двухъ языкахъ, или же потому что элементъ осскій и греческій смѣшались въ ихъ нарѣчій. Апулія, бывшая во времена Тимея (400 л. отъ О. Р.) еще совершенно варварскою, была признаваема въ VI столѣтіи чисто греческою страной. Греческое вліяніе сильно вкоренилось въ нравы туземцевъ, когда Великая Греція вошла въ столкновеніе съ римлянами и потомъ подпала ихъ власти. Но римское владычество, подчиняя себѣ племена греческой образованности, вступало съ ними въ другого рода отношеніе, нежели къ другимъ племенамъ. Латинскій элементъ не могъ быстро распространяться на счетъ греческаго. Правда, подчиненіе Риму не осталось безъ нѣкоторыхъ слѣдствій. Кумы обратились къ римскому сенату, прося какъ милости позволенія писать на латинскомъ языкѣ свои оффиціальныя акты, но такихъ примѣровъ не много было въ исторіи греческихъ городовъ въ Италіи. Народы Восточной Греціи не были племенами низшей цивилизаціи относительно римлянъ. Напротивъ, послѣдніе, сохраняя свое оффиціальное презрѣніе ко всему, что не носило на себѣ чисто римскаго характера, не могли однакоже устоять противъ чарующаго вліянія эллинизма. Напрасны были возгласы Катона старшаго, противъ распространенія греческой образованности, а иногда строгія мѣры самого сената,—Греція поборила своему вліянію своего побѣдителя. Латинскій языкъ могъ быть языкомъ правительственнымъ въ городахъ Великой Греціи, за то погречески говорили всѣ образованные граждане самого Рима.

Намъ не нужно впрочемъ указывать на взаимную постановку Греціи и Рима, чтобы доказать живучесть греческаго элемента на югѣ Италіи. Есть факты, служащіе лучшимъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что римское владычество не сгладило слѣдовъ греческой колонизаціи. Даже въ Галліи, гдѣ одна Марсель была проводникомъ эллинизма, и тамъ ясныя слѣды народнаго употребленія греческаго языка мы находимъ въ VI вѣкѣ по Р. Х. Еще дольше сохранялся греческій языкъ, какъ языкъ народный, въ южной Италіи. Онъ началъ теряться только въ XIV столѣтіи въ Калабріи. По свидѣтельству знаменитаго Нибура, въ его время жители окрестностей Локръ еще говорили по-гречески. Со всѣмъ иное было съ племенами, вмѣстѣ съ латинами принадлежавшими къ одному и тому же семейству народовъ италійскихъ. Сліяніе съ римлянами совершилось довольно легко и латинскій языкъ скоро подчинилъ себѣ родственныя діалекты. Большинство племенъ италійскихъ оставило намъ образцы своего нарѣчія въ надписяхъ. Если нельзя на основаніи этихъ надписей получить полнаго понятія о языкѣ ихъ, все-таки можно судить о большей или меньшей близости его къ языку латинскому.

О близкомъ сходствѣ языка нѣкоторыхъ племенъ съ римскимъ сохранились и положительныя историческія извѣстія. Если двѣ знаменитыя надписи осковъ (Абелла въ Кампаніи и Банція въ Апуліи) только съ трудомъ могутъ быть объяснены латинскимъ языкомъ, за то мы знаемъ что ателланы, сатирическія представленія, давались въ Римѣ, начиная съ VI столѣтія отъ О. Р. на языкѣ осковъ, отъ которыхъ они и были заимствованы (Ателла въ Кампаніи). Римляне, слѣдовательно, могли вполне понимать это нарѣчіе. Оскій языкъ пережилъ политическое существованіе самаго народа. По свидѣтельству Страбона, на немъ еще говорили жители прежнихъ оскскихъ мѣстностей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, уже сдѣлавшихся вполне римлянами, а надписи въ Помпеѣ доказываютъ существованіе этого языка въ I-мъ столѣтіи по Р. Х. Вольски по языку болѣе отличались отъ римлянъ, чѣмъ оски, сколько можно судить по надписи, найденной въ Веллетри, столицѣ вольсковъ. Родственны съ латинскимъ были и нарѣчія марруциновъ, пиченовъ, марсовъ и другихъ племенъ. Тоже можно сказать и о сабинахъ. По крайней мѣрѣ, только близости діалектовъ можно объяснить ту легкость, съ которой сабины мѣняли свой языкъ на нарѣчіе осковъ или латинъ. Во время Варрона (I ст. по Р. Х.), языкъ сабинъ былъ, по свидѣтельству этого писателя, уже совершенно замѣненъ латинскимъ. Труднѣе сказать что нибудь положительное о языкѣ и населеніи Умбріи.

Историческія судьбы умбровъ скрыты во мракѣ, покрывающемъ древнѣйшую исторію Италіи. Геродотъ даетъ названіе Умбріи обширной странѣ до самыхъ Альпъ. Въ понятіяхъ римлянъ, умбры были *antiquissima gens Italiae*, и въ древности имъ принадлежала мѣстность Этрурїи и земли между Тибромъ и Аппенинами, которыя достались потомъ сабинамъ. Въ послѣдствіи времени, предѣлы Умбріи сократились. Умбры владѣли только пространствомъ между Тибромъ, Аппенинами и Адриатикою. Сеннонскіе галлы вторглись и поворили ихъ. Самое происхожденіе умбровъ долго было предметомъ сильныхъ споровъ, и иные хотѣли видѣть въ нихъ кельтовъ. Во многомъ замѣтно вліяніе этрусковъ. Въ 1444, въ Гоббіи, небольшомъ городѣ Папской области, стоящемъ на мѣстѣ умбрійскаго Игувиума, случайно найдено было 7 бронзовыхъ таблицъ, изъ которыхъ 5 покрыты были этрусскими и 2 латинскими письменами, такъ впрочемъ, что и тѣ и другія выражали звуки одного и того же языка. По мѣсту находенія, очевидно, это были надписи умбровъ. Съ 1613 года, когда сдѣлана была первая попытка объясненія, эти *tabulae Eugubinae* постоянно были загадкою для филологовъ, и если вспомнимъ, что Ланци, Отфридъ Мюллеръ, Гротендъ, Лассенъ и Лепсіусъ трудились надъ ихъ изученіемъ, трудно повѣрить, какъ до сихъ поръ остался неяснымъ таинственный смыслъ ихъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ нѣсколько фактовъ стало уже положительнымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Попытки объяснить ихъ языкомъ кельтскимъ оказались вполне не состоятельными. Близкое родство языка эвгубинскихъ таблицъ съ языкомъ латинскимъ неподвержено сомнѣнію. Сходство является не только въ созвучіи словъ, но и въ самомъ грамматическомъ строеніи языка. По всему видно, что языкъ умбровъ точно также какъ осскій, вольскій и сабинскій, принадлежалъ къ той же группѣ языковъ италійскихъ, составлялъ діалектъ того же языка. Этимъ объясняется и скорое поглощеніе его языкомъ латинскимъ. Эпоха его исчезновенія совершенно неизвѣстна. Нельзя даже опредѣлить ее сколько нибудь приблизительно вѣрно. Племена италійскія дали Риму блестящихъ представителей латинской литературы. Уроженецъ умбрійской Сарсины, Плавтъ, на ряду съ оссками, Енниемъ и Невиемъ, стоитъ въ ряду римскихъ писателей.

Перейдемъ теперь къ другимъ племенамъ, населявшимъ въ древности среднюю и верхнюю Италію, на которыхъ ясна печать чуждаго происхожденія, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ италиками. Прежде всего, мы встрѣчаемся съ таинственными этрусками. Уже для древнихъ было не разрѣшимой тайной ихъ происхожденіе. Рѣзко выдѣлялся языкъ и весь бытъ

этрусковъ отъ языковъ и быта другихъ народовъ Италіи. Трудно было не признать въ нихъ чуждыхъ поселенцевъ, и большинство древнихъ писателей, слѣдуя Геродоту, видѣли въ нихъ выходцевъ изъ Азіи, лидянъ. Титъ Ливій говоритъ о нихъ, какъ о горцахъ Ретійскихъ Альпъ. Діонисій Галикарнасскій заподозрѣваетъ ихъ лидійское происхожденіе, не находя нисколько сродства въ языкѣ и бытѣ. Онъ сообщаетъ и ихъ народное имя *расены*. Еще больше противорѣчій въ мнѣніяхъ новыхъ историковъ. Извѣстно предположеніе историка Нибура, по которому собственные этруски были племя Ретійскихъ Альпъ, новорившее тирреновъ-пеласговъ. Отфридъ Миллеръ предложилъ новую гипотезу. За ней слѣдовало мнѣніе Лепсіуса. Ни одно изъ нихъ еще не установилось прочно въ наукѣ. Отъ египтянъ, финикійянъ, хананеянъ и, наконецъ, отъ гиксовъ выводятъ нѣкоторые ихъ происхожденіе. Для насъ не столь важенъ впрочемъ самый вопросъ de origine этрусковъ, сколько отношеніе ихъ къ римлянамъ и живучесть ихъ племеннаго элемента. Въ политической исторіи Рима, этруски имѣютъ значеніе во все время періода царей и потомъ до взятія города галлами. Ихъ владычество простиралось несравненно далѣе въ первое время ихъ могущества (*in Tuscorum jure penes omnis Italia fuerat*). Къ сѣверу, власть и поселеніе ихъ шли по долинамъ Ломбардіи почти до Альпъ. Къ югу доходили они до Везувія. Кромѣ собственной Этруріи, была *Etruria Circumpraena* и *Etruria Campaniana*. Римляне окончательно разрушили политическую силу и самую самостоятельность Этруріи, но она всего менѣе могла легко слиться съ римлянами въ одинъ народъ. Самая исключительность, своеобразность языка и быта этрусковъ были надежною оградой противъ утраты племеннаго характера. Крѣпость храненія была кромѣ того въ характерѣ населенія Этруріи. Чрезвычайно любопытный примѣръ этого видимъ мы въ исторіи введенія христіанства между этрусками. Когда жители Флоренціи рѣшились принять христіанство, они поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы сохранена была неприкосновенною статуя Марса, особенно чтимаго жителями города. И дѣйствительно, средневѣковые летописцы Италіи упоминаютъ объ этой статуѣ, какъ о жилищѣ демона, даже въ XIII столѣтіи у ея подножія происходили кровавыя сцены, совершалось убійство Буондельмонте, бывшее началомъ долгихъ войнъ и смуть. Въ послѣднее время римскаго язычества, Этрурія была училищемъ греческой мудрости: гадатели и авгуры были извѣстны подъ общимъ именемъ этрусковъ и знаменитѣйшіе первосвященники Рима считали обязанностію въ Этруріи изучать преданія жреческой науки. Такъ, о Претекстатѣ,

одномъ изъ славнѣйшихъ бойцевъ за язычество во время Грациана и Валентиниана II, говоритъ Симмахъ, что онъ долго жилъ въ Этруріи для полнѣйшаго знакомства съ искусствомъ гаданія. Уже и потому долѣе другихъ народовъ Италіи могли сохранить этрусски свою племенную самостоятельность, что они выработали своеобразную образованность. Языкъ ихъ имѣлъ довольно богатую письменность, хотя преимущественно религіознаго содержанія. Памятники цивилизаціи этрусковъ въ огромномъ количествѣ остались до нашего времени. Положительныя извѣстія о существованіи языка этрусковъ идутъ по крайней мѣрѣ до II вѣка нашего хѣтосчисленія, но очевидно, что онъ жилъ въ устахъ народа гораздо долѣе того времени, къ которому относятся эти историческія свидѣтельства. Племенные же особенности, этнографическую основу, хранитъ народъ даже и тогда, когда утраченъ имъ самый языкъ. По рассказамъ Тита Ливія и Діонисія Галикарнасскаго, этрусскій языкъ былъ господствующимъ языкомъ между жителями Этруріи. На немъ говорили не въ однихъ горахъ, куда труднѣе всего проникаетъ чуждое вліяніе, гдѣ самыя условія мѣстности благопріятствуютъ храненію прежнихъ преданій. Онъ былъ разговорнымъ языкомъ и для болѣе образованныхъ жителей городовъ, гдѣ всего чаще было столкновеніе съ римлянами, и гдѣ языкъ латинскій былъ языкомъ правительственнымъ. Въ половинѣ II вѣка, по словамъ Авла Геллія, этрусскій языкъ еще удивлялъ римлянъ суровостію и странностію своихъ звуковъ, и на немъ еще говорили жители Этруріи. Флорентійцы и до сихъ поръ произносятъ *hгазіа*, вмѣсто *ггазіа*. Это послѣднее положительное извѣстіе; но это извѣстіе такого рода, что невозможно предположить быстрого исчезновенія языка этрусковъ вскорѣ послѣ Авла Геллія, а существованіе языка есть только внѣшній признакъ существованія самой народности, которая обыкновенно долго переживаетъ его исчезновеніе.

Къ сѣверо-западу отъ Этруріи, по берегамъ Генуэзскаго залива, лежала Лигурія, которая была окончательно покорена римлянами въ первой половинѣ VII вѣка отъ О. Р. По справедливому замѣчанію Нибура, исторія застаётъ этотъ народъ только въ эпоху его паденія. И дѣйствительно, играя важную роль въ преданіяхъ доисторическаго періода, лигуры рѣдко упоминаются въ достовѣрной исторіи. Гезіодъ считаетъ ихъ съ скивами и эеіопами за первобытныхъ обитателей земли. Въ древнѣйшее время, лигуры простирались отъ Пириней до Тибра, имѣя сѣверною границею Севенны и Швейцарскіе Альпы. По преданіямъ, сохраненнымъ между прочимъ Фукидидомъ, лигуры вѣтѣснили съ восточныхъ береговъ Испаніи скивановъ, перво-

начальныхъ населенцевъ Сициліи. Въ историческую эпоху, лигуры были сосредоточены по обоимъ склонамъ Аппенинскаго хребта и по берегамъ Средиземнаго моря, отъ устья Вара до устья Арно. На памяти исторіи осталось только время упадка лигуровъ. Катонъ Старшій уже не нашель у нихъ историческихъ преданій и выдалъ ихъ за грековъ, основываясь на формѣ щитовъ. По такому внѣшнему признаку, могущему кромѣ того быть совершенно случайнымъ, трудно, разумѣется, опредѣлить народность лигуровъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователь почти не имѣетъ подъ руками другихъ болѣе существенныхъ признаковъ. Въ то время, когда римскіе писатели обратили на нихъ вниманіе, лигуры были грубымъ и бѣднымъ племенемъ, жившимъ въ суровыхъ долинахъ Аппенинъ и приморскихъ Альпъ. Они вели жизнь полудикихъ племенъ. У нихъ не было и письменности. Надпись въ трехъ словахъ этрусскими буквами, изданная ученымъ Ланци, по всей вѣроятности принадлежитъ не ихъ языку. Изъ языка лигуровъ древніе писатели сохранили намъ только *три* слова съ значеніемъ, но по нимъ трудно опредѣлить, къ какой группѣ языковъ европейскихъ относится языкъ лигуровъ. Къ счастью, изслѣдованія Вильгельма Гумбольдта о языкѣ басковъ могутъ служить помощію для опредѣленія народности лигуровъ. Изучая географическія имена мѣстностей древней Испаніи, Вильгельмъ Гумбольдтъ пришелъ къ нѣкоторымъ неопровержимымъ результатамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) названія мѣстностей Пиринейскаго полуострова принадлежатъ двумъ языкамъ, совершенно различнымъ; 2) первая группа, заключающая въ себѣ большую часть принадлежавшихъ къ областямъ, занимаемымъ, по извѣстіямъ древнихъ, иберами, можетъ быть объяснена языкомъ басковъ, такъ что нельзя сомнѣваться въ тождествѣ басковъ съ древними иберами; 3) другая группа относится къ мѣстностямъ, гдѣ жили кельты, и сходна съ географическими названіями другихъ кельтскихъ странъ; объясненіе этихъ названій должно искать въ остаткахъ языка кимврскаго и галльскаго; 4) иберійскія названія мѣстностей, кромѣ Испаніи, встрѣчаются на югѣ Галліи, въ Италіи и на островахъ Средиземнаго моря; и 5) тамъ, гдѣ встрѣчаются иберійскія названія рядомъ съ географическими именами другихъ языковъ, ихъ можно считать древнѣйшими. Вильгельмъ Гумбольдтъ ничего не говоритъ о тождествѣ лигуровъ и иберовъ. Онъ ограничился доказательствомъ присутствія иберійскихъ названій мѣстностей, легко объяснимыхъ языкомъ басковъ, на Аппенинскомъ полуостровѣ. Окончательное признаніе иберійскаго происхожденія лигуровъ принадлежитъ Форіелю, коснувшемуся этого вопроса въ своемъ изслѣ-

дованіи объ образованіи италіанскаго языка. Языкъ басковъ былъ хорошо извѣстенъ Фориелю, и къ Лигуріи онъ приложилъ тотъ же методъ изслѣдованія, каковъ былъ употребленъ Гумбольдтомъ для древней Испаніи. Прежде всего, онъ указываетъ на городъ Лигурику или Лигурію въ Бетивѣ, потомъ переходитъ къ объясненію мѣстныхъ названій Лигуріи. Съ обычной своей скромностію Фориель не выдаетъ за положительный результатъ тождества лигуровъ съ иберами, представляя это мнѣніе какъ вѣроятную гипотезу; но кто знакомъ съ трудами Фориеля, съ его глубокою ученостію и добросовѣстностію, тотъ не усомнится придать его предположеніямъ несравненно болѣе вѣсу, чѣмъ придавалъ имъ скромный авторъ. До новыхъ изслѣдованій, иберійское происхожденіе лигуровъ можетъ быть признано наукою. Что касается до судьбы лигурійскаго языка подъ владычествомъ римлянъ, объ ней трудно сказать что нибудь положительное. Мы не находимъ извѣстій о распространеніи латинскаго языка въ Лигуріи. Достоверно только то, что, въ городахъ и вообще въ болѣе населенныхъ мѣстахъ, языкъ латинскій былъ господствующимъ въ послѣднее время римскаго владычества. Фориель думаетъ иначе о положеніи латинскаго языка въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. По его мнѣнію, для тѣхъ племенъ Лигуріи, которыя, по общему свидѣтельству древнихъ писателей, жили въ горахъ подобно дикимъ звѣрямъ, не было побудительныхъ причинъ мѣнять свое нарѣчіе на языкъ побѣдителей. Столкновения съ римлянами были не такъ часты, чтобы принудить ихъ къ этому. Потому есть вѣроятность думать, что эти полудикія племена долѣе другихъ сохранили языкъ свой, и Фориель предполагаетъ, что лигурійскій языкъ сохранился въ отдаленныхъ и малодоступныхъ мѣстностяхъ во все время римскаго владычества, уступивъ только вліянію новолатинскаго языка, т. е. италіанскаго, отъ котораго жители Генуи до сихъ поръ отличаютъ свой языкъ, генуезскій.

Намъ остается рассмотреть судьбу только двухъ племенъ сѣверной Италіи, именно венетовъ и галловъ. Венетія или Венеція принадлежала къ числу областей Италіи и лежала между Адиджемъ, Карнійскими Альпами и Адриатическимъ моремъ. Рѣка Тімаучъ отдѣляла ея отъ Истріи. Происхожденіе венетовъ было неизвѣстно древнимъ. Одни производили ихъ отъ пафлагонскихъ генетовъ, упоминаемыхъ у Гомера, другіе сближали ихъ съ гальскими венетами. Послѣднее мнѣніе впрочемъ было совершенно опровергнуто Полибіемъ, который, допуская нѣкоторое сходство въ нравахъ, положительно утверждаетъ, что ихъ языкъ былъ совершенно отличенъ отъ вельтскаго. Непріязнь къ галламъ за-

ставила венетовъ повориться Риму. Преданіе о построеніи Троянцами Падуи за долго до основанія Рима носить на себѣ печать греческаго происхожденія. Мнѣніе Маннерта, признававшего ихъ за вендовъ, т. е. славянъ, встрѣтило сильное возраженіе со стороны Цейса и Гротенфельда, хотя имѣеть за себя много вѣроятности. Мнѣніе Геродота, признававшего ихъ илирійцами, нашло многихъ послѣдователей. Нибуръ считаетъ ихъ впрочемъ за либурновъ далматскихъ. Форіель признаеть ихъ илирійцами и въ языкѣ албанцевъ или скипетаровъ предлагаетъ искать ближайшаго объясненія языка венетовъ, о которомъ впрочемъ извѣстно чрезвычайно мало, и отъ котораго не осталось письменныхъ памятниковъ. Латинскій языкъ вытѣснилъ, какъ кажется, совершенно туземное нарѣчіе. 13 народовъ, 9 городовъ Венетіи исчезли. Осталось только 7, изъ которыхъ Падуа занимаетъ первое мѣсто. За то въ небольшой области венетовъ было 6 римскихъ колоній, чѣмъ доказывается сильный притокъ сюда римскаго населенія. Галлы подъ предводительствомъ Белловеза, вторгнувшись въ сѣверную Италію и основавшіе тамъ прочное поселеніе, вѣроятно принадлежали въ обѣихъ отрасляхъ кельтскаго племени, хотя и нельзя этого доказать положительными свидѣтельствами древнихъ писателей, потому что списки племенъ, слѣдовавшихъ за Белловесомъ, представленные Титомъ-Ливіемъ и Полибіемъ, различны и почти не имѣють между собою ничего общаго. Кельтское племя распадалось, какъ извѣстно, на двѣ главныя отрасли, изъ которыхъ каждая до сихъ поръ еще сохранила языкъ свой. Это были собственно галлы, которыхъ потомки до сихъ поръ живутъ въ Шотландіи и Ирландіи, сохраняя языкъ свой, называемый гальскимъ, и кимвры, или собственно кельты, уцѣлѣвшіе въ Валлисѣ и Бретани. То и другое племя имѣло своихъ представителей въ италянско-Галліи. Населеніе цизальпинской Галліи состояло такимъ образомъ изъ смѣси пришельцовъ галловъ съ туземными обитателями, лигурами и италиками. Гальскій элементъ преобладалъ въ цизальпинской Галліи, но, очевидно, онъ долженъ былъ утратить многое изъ своей первоначальной энергіи, вслѣдствіе переселенія на чужую почву. Впрочемъ, въ самомъ характерѣ кельтскаго племени, въ его подвижности лежала возможность быстрого сближенія съ другими народами. Языкъ кельтовъ принадлежалъ въ той же семьѣ языковъ индо-европейскихъ, какъ и латинскій. Послѣ завоеванія Галліи цизальпинской, въ нее былъ постоянный приливъ римскихъ колонистовъ. Кромѣ правительственныхъ поселеній, колоній, туда шли во множествѣ и добровольно поселенцы изъ средней и южной Италіи. Во времена импе-

рин, долина По, менѣе нежели другія области Италіи, могла жаловаться на недостатокъ населенія. Среди общаго истощенія и обѣдненія Италіи, только Галлія цизальпинская могла сколько нибудь похвалиться благосостояніемъ. Гальскій элементъ долженъ былъ сильно ослабѣть при безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ римлянами, и, изъ всѣхъ племенъ чуждаго римлянамъ происхожденія, галлы всего скорѣе подчинились латинскому вліянію, всего легче промѣняли родной языкъ на языкъ побѣдителей. Это незначить, впрочемъ, что гальскій племенной элементъ совершенно уничтожился въ верхней Италіи. Свидѣтельство Полибія, прѣзжавшаго по этимъ землямъ, доказываетъ, какъ быстро совершалась латинизація кельтскихъ областей; онъ говоритъ, что нашелъ тамъ только нѣсколько селеній въ Альпахъ, оставшихся кельтскими. Это извѣстіе кажется Моммсену преувеличеннымъ.

Изъ одного мѣста Авла Геллія можно судить, что, въ половинѣ II вѣка послѣ Р. Х., гальскій языкъ былъ живымъ языкомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Даже изчезая, онъ долженъ былъ оставить замѣтный слѣдъ на языкѣ, его замѣнившемъ. Рассматривая судьбу различныхъ народностей Италіи подъ властію Рима и слѣдуя преимущественно за судьбою языка, внѣшняго признака народности, можно кажется сдѣлать два вывода: латинскій элементъ быстро распространился по всему Аппенинскому полуострову, не только подчинилъ себѣ другіе племенные элементы, но и сглаживалъ, уничтожалъ ихъ. Распространеніе латинскаго языка служитъ видимымъ доказательствомъ этого. Успѣхамъ латинскаго языка столько же содѣйствовало политическое преобладаніе Рима, сколько и близость къ нему нарѣчій родственныхъ ему племенъ италійскихъ. Латинскій языкъ былъ не только правительственнымъ языкомъ всей Италіи, онъ дѣлался языкомъ народнымъ, вытѣсняя прежнія нарѣчія. Плиній имѣлъ право сказать, что Римъ привелъ къ общему языку разнородныя и необработанныя нарѣчія племенъ. Разумѣется рядомъ съ классическимъ, изящнымъ языкомъ образованнаго римскаго общества, стояла грубая латынь низшихъ классовъ, и на ней-то отразилось по преимуществу вліяніе прежнихъ діалектовъ. Не забудемъ впрочемъ и другого нашего вывода. Латинскій элементъ не могъ совершенно сгладить другихъ племенныхъ элементовъ. Не только этнографическая основа, но самый языкъ этрусковъ, лигуровъ и галловъ, не говоря уже о грекахъ, сохранились до конца политическаго существованія римской имперіи. Когда палъ политическій авторитетъ Вѣчнаго города, эти подавленные прежде народныя стихіи вышли наружу. Они не могли, разумѣется, возвратиться къ прежней чистотѣ и самобытности, потому что время

самостоятельнаго развитія уже миновало для нихъ: языкъ этрусковъ и грековъ исчезли изъ обращенія уже послѣ паденія римской имперіи, но эти народныя стихіи древней Италіи въ соединеніи съ новымъ элементомъ, внесеннымъ варварами, могущественно подѣйствовали на образованіе новыхъ народностей. Вліяніе Рима не исчезло съ паденіемъ его политическаго могущества. Латинскія стихіи преобладаютъ въ новой итальянской народности, но она является далеко не въ своей первоначальной чистотѣ, видоизмѣненная до той же степени, въ какой, напр., языкъ итальянскій служилъ видоизмѣненіемъ народной латыни древней Италіи.

Перейдемъ къ *Испаніи*, первому завоеванію римлянъ внѣ предѣловъ Италіи. Древнѣйшіе обитатели Пиринейскаго полуострова были иберы. Къ нимъ черезъ Пириней явились кельты, своро смѣшавшіеся съ первобытными жителями и слившіеся съ ними въ одно племя кельто-иберовъ или дельтиберовъ. Оба племени впрочемъ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ своей первоначальной чистотѣ. Такъ, иберы (предки нынѣшнихъ басковъ) остались въ Пиринейхъ и по берегамъ полуострова. Кельты жили по берегамъ рѣки Гвадіаны (Anas) и въ с.-з. углу полуострова, въ нынѣшней Галисіи. Смѣсь кельтовъ съ иберами, или кельтиберы, занимали преимущественно среднюю часть Испаніи, водораздѣлъ между рѣками Эбро и рѣками текущими къ в. и ю.-в., кромѣ того жили въ Лузитаніи и сѣверной части полуострова. При этой разнонаселенности Испаніи, понятно рѣзкое различіе степени цивилизаціи, въ нравахъ и обычаяхъ различныхъ племенъ. Самый грубый почти полудикій народъ были кантабры и сѣверные горцы. Высшей степенью образованности отличались племена южной части, особенно иберы турдетаны. У нихъ, по свидѣтельству римскихъ писателей (Страбона), была даже своя литература, историческіе памятники, народныя пѣсни и древніе законы, писанные стихами, которымъ считали они 6,000 лѣтъ. Тоже самое говоритъ Страбонъ и о турдулахъ. Другія племена, по его же словамъ, имѣли также свою литературу, хотя и отличную отъ турдетанской, почти также какъ различны самыя языки. Греки оставили намъ довольно подробное описаніе нравовъ и образа жизни различныхъ племенъ Испаніи; гораздо смутнѣе извѣстія о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Сѣверные иберы, по свидѣтельству Страбона, праздновали плясками во время полнолунія безъименнаго Бога, они же приносили богу войны не только лошадей въ жертву, но и плѣнныхъ непріятелей. Къ кельтамъ и иберамъ присоединились но-

ные поселенцы. На побережьи основаны были факторіи и города частію греками изъ Родоса, Фокеи и Марсели, частію финикійцами и кареагенянами. Основаніе колоній не осталось безъ вліянія на бытъ туземцевъ. Особенно сильно было вліяніе кареагенянъ. Въ 516 г. отъ О. Р., началось преобладаніе ихъ въ Испаніи. Къ прежнимъ, уже цвѣтущимъ ихъ городамъ, Тартессъ и Гадейру присоединился новый Кареагенъ, основанный Гамильбаромъ и Газдубаломъ. Приобрѣтеніемъ Испаніи думали вознаградить себя кареагеняне за потерю Сициліи; но и въ Испаніи встрѣтились они съ тѣми же непримиримыми врагами, которымъ суждено было въ конецъ разрушить ихъ могущество. Въ 548 г. отъ О. Р., Публій Корнелій Сципіонъ совершенно изгналъ кареагенянъ съ полуострова, и основана была тамъ римская провинція. Съ тѣхъ поръ началось постепенное завоеваніе Испаніи римлянами, хотя это завоеваніе совершилось послѣ долгой упорной борьбы. Прошло два столѣтія, прежде чѣмъ римляне могли назваться властителями полуострова. Кельтиберы были покорены старшимъ Катонемъ только въ 557 году, послѣ упорнаго сопротивленія. Черезъ 20 лѣтъ, Тиверій Гракхъ окончилъ ихъ покореніе. Дорого стоило римлянамъ завоеваніе Лузитаніи и борьба съ Виріатомъ. Только послѣ паденія Нуманціи, въ 621 г., подчинились Риму племена, жившія на югѣ отъ Таго. Августъ довершилъ завоеваніе Испаніи и старался основаніемъ колоній, проведеніемъ дорогъ упрочить власть Рима. До Августа, Испанія была раздѣлена на 2 провинціи. Августъ раздѣлилъ ее на 3. Бетика была провинціей сенатской, Таррагонская (Таргасопенсія) и Лузитанія императорскими. Изъ этого очерка политическихъ судебъ Испаніи видно, какимъ разнообразнымъ вліяніемъ подвергалось населеніе полуострова. Прежде всего почувствовалось вліяніе грековъ и особенно кареагенянъ. Оно отразилось не только въ измѣненіи быта, но и въ самыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ туземцевъ. По уцѣлѣвшимъ надписямъ извѣстны имена 13 божествъ, чтимыхъ въ Испаніи. Большинство ихъ, кажется, финикійскаго или кареагенскаго происхожденія, потому что о божествахъ собственно иберійскихъ или кельтскихъ нѣтъ упоминаній въ извѣстіяхъ древнихъ. Еще глубже шло вліяніе римлянъ. Римляне высоко цѣнили природныя богатства Испаніи, и аристократы Рима спѣшили приобрѣтать тамъ владѣнія. Испанія покрыта римскими сооружениями: достаточно указать на водопроводы въ Толедо, Меридѣ, Таррагонѣ, на театрѣ въ Сагунтѣ, на общественныя зданія въ Альбантарѣ. 25 колоній было основано римлянами на Пиринейскомъ полуостровѣ. Подъ властію римлянъ не только поддерживалось, но и уве-

личилось прежнее матеріальное благосостояніе торговыхъ городовъ Испаніи. Города Испаніи до Веспасіана пользовались различными правами. Во времена Нерона, въ провинціи *Tarracensis* было 179 городовъ, изъ которыхъ 12 колоній, 13 римскихъ муниципій на правахъ латиновъ, 1 союзный городъ и остальные податные (данники); въ Бетигѣ было 175 городовъ, 9 колоній, 8 муниципій съ правомъ римскаго гражданства, 29 съ правомъ латиновъ, 9 союзныхъ, и остальные города трибутарные. Лузитанія имѣла 45 городовъ: т. е. 5 колоній, 1 римская муниципія, 4 муниципіи латинскихъ и остальные города трибутарные. Веспасіанъ далъ всѣмъ городамъ Испаніи право латиновъ; при Караваллѣ же, какъ извѣстно, всѣ подданные Рима получили право его гражданства.

Туземцы Испаніи должны были подчиниться римскому вліянію, и это совершилось довольно скоро. Римскія колоніи и муниципіи были рассадниками латинской образованности. Около проконсула, управлявшаго провинціей, группировались туземцы, желавшіе приобрести расположеніе римлянъ. Война Серторія еще болѣе ускорила распространеніе латинскаго элемента. Серторій перенесъ въ Испанію римское устройство и римскіе нравы. Школы въ Оскѣ и Кордовѣ въ дѣлѣ образованія не уступали школамъ Греціи и Рима. Латинская литература, привившаяся въ Испаніи, оказала свое дѣйствіе на самый Римъ. Испаніи обязанъ Римъ многими изъ своихъ замѣчательныхъ писателей. Оба Сенеки, Луканъ, Марціалъ, Квинтилианъ, Силій италіецъ, Флоръ, Помпоній Колумела и мн. др. были родомъ изъ Испаніи. Они придали новый характеръ римской литературѣ, сообщивъ ей качества, бывшія до сихъ поръ ей чуждыми. Латинско-испанское направленіе или стиль литературы легко отличить отъ чисто римскаго стиля и отъ латино-африканскаго. Характеръ иберійскихъ племенъ просвѣчиваетъ сквозь латинскую оболочку испанскихъ писателей, и уже во времена Эннія говорили, *Nisrape non gotape loqui*, о латинской рѣчи уроженцевъ Пиринейскаго полуострова, являвшихся въ Римѣ. Цицеронъ вооружался противъ эмфазы и напыщенности, бывшей общимъ характеромъ испано-латинской литературы, и имѣвшей огромное вліяніе на литературу Рима. Испанія дала Риму и 2 императоровъ, Траяна и Адриана. Кельто-иберійскіе туземцы Испаніи сильно поддались латинскому вліянію, приняли отъ Рима и нравы и гражданское устройство и самый языкъ. Основываясь на этомъ, говорятъ объ окончательномъ романизированіи Испаніи, но будемъ различать сильное вліяніе латинизма отъ полного его преобладанія, а тѣмъ болѣе отъ исключительнаго его господства. Нѣтъ спора, что

многія изъ племенъ Пиринейскаго полуострова сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ римлянами, но это были далеко не всѣ. Прежнія племенные стихіи оставались еще достаточно крѣпкими, во многихъ мѣстностяхъ, чтобы не сгладиться латинскимъ вліяніемъ. Еще въ V столѣтіи по Р. Х., жители Кадиса чтили подъ древнимъ названіемъ *Нетона* божество, принимаемое римскими писателями за Марса. Сохранились и положительныя свидѣтельства древнихъ о существованіи туземныхъ нарѣчій подъ властію римлянъ. Цицеронъ говоритъ о языкѣ испанцевъ, сравнивая его по грубости звуковъ съ языкомъ кареагенянъ. Самое извѣстіе Страбона о самостоятельной литературѣ турдетановъ, относясь къ I вѣку нашей эры, служить лучшимъ доказательствомъ продолженія мѣстнаго языка. Тоже можно вывести и изъ рассказовъ Тацита. Есть и еще доказательство и притомъ такое, что при немъ становятся совершенно излишними ссылки на древнихъ писателей. Это—сохранившійся до сихъ поръ языкъ басковъ въ с. частяхъ Испаніи. Вильгельмъ Гумбольдтъ доказалъ, что баски—прямые потомки древнихъ иберовъ. Этотъ единственно уцѣлѣвшій обломокъ племени, занимавшаго нѣкогда огромное пространство, лучше всего говоритъ о живучести племенныхъ типовъ. Могутъ возразить противъ справедливости догадки В. Гумбольдта, отрицать иберійское происхожденіе басковъ. Этимъ впрочемъ нисколько не ослабляется сила доказательства. Пусть баски не иберы, во всякомъ случаѣ они не позднѣйшіе пришельцы, а остатокъ какаго-то первобытнаго племени Испаніи, сохранившійся до нашего времени черезъ цѣлыя тысячелѣтія, не смотря на всѣ политическіе перевороты, постигавшіе Пиринейскій полуостровъ. И въ Испаніи, слѣдовательно, точно также какъ въ Италіи, быстрое распространеніе латинскаго элемента и языка не успѣло однакоже въ концѣ уничтожить прежнюю племенную основу, и здѣсь ей давалась возможность воздѣйствія, когда исчезнетъ политическая сила Рима и ослабнуть связи съ нимъ.

Въ *Галліи*, со временъ Цезаря, окончательно подпавшей власти Рима мы видимъ ту же разноплеменность первоначальнаго населенія, тоже разнообразіе чуждыхъ вліяній. Первые точныя извѣстія объ племенномъ составѣ народонаселенія Галліи находимъ въ комментаріяхъ Цезаря. Вотъ что говоритъ онъ: «Вся Галлія раздѣлена на 3 части, изъ которыхъ въ одной обитаютъ белги, въ другой аввитаны, въ третьей тѣ, которыхъ мы называемъ галлами и которые на своемъ языкѣ зовутся кельтами. Всѣ эти народы различаются другъ отъ друга нравами, учреж-

деніями и языкомъ.» Для каждаго изъ этихъ народовъ Цезарь обозначаетъ и границы. Аквитаны занимали пространство между Гаронной, Океаномъ и западными Пиринеями. Галлы или кельты жили между Гаронной и Нарбонской провинціей, съ одной стороны, Сеной и Марной съ другой. Къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, до Рейна и Океана, обитали белги. Извѣстія Цезаря легли въ основу свѣдѣній римскихъ писателей объ этнографіи Галліи. Ихъ повторяютъ всѣ писатели съ большими или меньшими вариантами. Иберійское происхожденіе аквитановъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. По языку, обычаямъ и устройству, аквитаны были сходны съ древнѣйшими обитателями Испаніи. Труднѣе опредѣлить отличіе Цезаревыхъ галловъ, или кельтовъ, отъ белговъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса, я приведу только общіе результаты научныхъ изслѣдованій. Различаясь довольно рѣзко, какъ замѣчаетъ и Цезарь, по языку и учрежденіямъ галлы и белги принадлежали къ одному и тому же великому племени кельтовъ. Послѣ долгихъ странствованій, о которыхъ смутныя преданія сохранила исторія, обѣ главныя отрасли кельтскаго племени, размѣстились такъ, какъ рассказываетъ Цезарь. Въ Галліи оба племени жили огромными массами другъ подлѣ друга. Въ другихъ странахъ, куда проникли кельтскія ополченія, галлы и белги были перемѣшаны между собою, какъ напр., въ цизальпинской Галліи. Цезарь говоритъ, что римляне неправильно называютъ кельтовъ галлами, и дѣйствительно это имя болѣе свойственно собственно белгамъ. Оба языка и кельтовъ и галловъ-белговъ сохранились до нашего времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, Великобританіи и Ирландіи. Въ своемъ описаніи народовъ Галліи, Цезарь не говоритъ о населеніи той юговосточной части Галліи, которая издавна была уже подъ властію Рима и составляла особую провинцію, или нарбонскую Галлію. Въ какой степени прилагается къ ней этнографическое дѣленіе Цезаря? Прежде всего замѣтимъ, что страна между Роной и Пиринеями занята была издревле тѣмъ же иберійскимъ населеніемъ, какое нашелъ Цезарь въ Аквитаніи. За Роной до Альпъ жили лигуры. Съ давняго времени началась борьба иберовъ и лигуровъ съ кельтами. За три столѣтія до нашей эры, иберы между Роной и Пиринеями исчезли, бывъ вытѣснены пришельцами. Два племени галловъ, вольцы-арекомиты и вольцы-тектосаги, заняли это пространство. Не то было въ областяхъ, населенныхъ лигурами. И сюда также проникло вторженіе кельтовъ, но кельты, принадлежавшіе къ обѣимъ отраслямъ этого племени, перемѣшались здѣсь съ побѣжденными и образовали кельто-лигуровъ. Такимъ образомъ, римляне знали въ Галліи 4

главныя группы народовъ: на ю.-в. и ю.-з. жили лигуры и аэвигтаны, народы иберійскаго происхожденія. Остальное пространство занято было двумя племенами кельтовъ: собственно кельтами и галлами, или белгами. Но кромѣ этихъ племенъ, еще задолго до могущества Рима, утвердилось на югѣ Галліи греческое вліяніе, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. За 600 лѣтъ до Р. Х., греки изъ Фокеи основали колонію на югѣ Галліи Массилію или Марсель. Самобытное существованіе греческаго свободнаго города продолжалось отъ 800—900 лѣтъ, и въ это время греческій элементъ могъ укорениться между племенами южной Галліи. Распространеніе римской власти и римскаго вліянія нѣсколько заслонило собою значеніе Марсели, помѣшало историкамъ опредѣлить характеръ и степень вліянія греческихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе было сильно это вліяніе, оставившее глубокой слѣдъ въ народномъ характерѣ населенія южной Франціи. Исторія самобытнаго существованія Марсели можетъ быть раздѣлена на 3 періода. Первый будетъ заключать распространеніе владѣній собственными средствами фокейскихъ грековъ (217 г. до Р. Х.). Во второй, Марсель является союзницей римлянъ, дѣйствуетъ въ ихъ интересахъ и съ ихъ помощію далеко распространяетъ свое политическое вліяніе. Наконецъ, 3-й періодъ, начинающійся со взятія Марсели Цезаремъ, есть время паденія самостоятельности греческой колоніи. Такого дѣленія Форіеля, которому наука обязана яснымъ опредѣленіемъ греческаго вліянія на населеніе южной Галліи. Въ первый періодъ, Марсель уже успѣла утвердить свое вліяніе по всему побережью, начиная отъ Монако до устья Сегуры въ восточной части Испаніи. 24 или 25 городовъ признавали власть Массиліи. Многіе изъ нихъ, какъ Ницца и Монако, существуютъ еще подъ прежними названіями. Во внутренности страны, исторія не знаетъ городовъ съ чисто греческимъ населеніемъ. Но греки Массиліи распространились по кельтскимъ и лигурійскимъ городамъ южной Галліи и утвердились въ нихъ такъ, что многіе изъ нихъ, напр. Авиньонъ, считались марсельскими колоніями. Благодаря союзу съ римлянами, Массилія получила власть надъ землями гельвиевъ и вольцевъ-арекомитовъ. Если земли первыхъ, гористыя и дикія, не приносили много пользы массиліотамъ, зато владѣніе вольцевъ-арекомитовъ съ городами Нимомъ, Арлемъ, Безье, были уже важнымъ приобрѣтеніемъ. Нимъ скоро сдѣлался греческимъ городомъ. Различныя владѣнія Марсели, кажется, не имѣли общаго имени, но страна между Роной и Альпами часто называется Массиліотидой. Вліяніе Марсели оказывалось и на языкѣ и на вѣрованіяхъ сосѣднихъ народовъ. Греческій языкъ

сдѣлался народнымъ для большей части племенъ, признававшихъ политическій авторитетъ фокейской колоніи. Мрачныя вѣрованія друидизма смѣнились свѣтской, поэтической мифологіей Элады.

Съ утвержденіемъ римлянъ въ Галліи ихъ вліяніе быстро распространилось между покоренными. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ возвратить свою независимость, Галлія покорилась своей участи. Самое завоеваніе стоило римлянамъ несравненно менѣе, чѣмъ покореніе Испаніи. Причина этого лежала столько же въ воинскихъ способностяхъ Цезаря, сколько и въ особенностяхъ политическаго устройства Галліи, въ раздробленности и взаимной враждѣ племенъ, въ характерѣ клановъ, составлявшихъ особенность кельтскаго племени, и, наконецъ, въ подвижности и въ способности принимать новизны, отличающей кельтовъ въ нынѣшнихъ французсахъ. Подчиненіе Риму было огромнымъ шагомъ впередъ въ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія Галліи. Подъ властію Рима утратили галлы свою воинственность, которою славились они прежде. Зная прежнюю исторію гальскихъ племенъ, странно читать у Тацита отзывы о ихъ малодушіи. «Галлы славились нѣкогда въ войнѣ, говоритъ онъ, но вмѣстѣ съ свободой потеряли они и доблесть.» Чтобы избѣжать упрека въ малодушіи, тревирь и нервіи выводили свое происхожденіе отъ германцевъ. *Dites et imbelles*, таковъ общій отзывъ Тацита. Ни одинъ народъ, покоренный Римомъ, не подчинился такъ скоро чуждому вліянію, не принималъ на себя такъ скоро внѣшніе признаки иной народности. О ю.-в. части Галліи, еще прежде завоеванной Римомъ, въ I вѣкѣ говорили, что она скорѣе можетъ назваться Италіей, чѣмъ провинціей. Такъ глубоко шло вліяніе Рима въ Нарбонской странѣ. Уже Цезарь ввелъ въ сенатъ многихъ ея уроженцевъ. Римская колонія Нарбонна была въ эту эпоху главнымъ мѣстомъ этой провинціи. Ветераны VI-го легіона были поселены въ Арлѣ на Ронѣ, и величественныя развалины римскихъ зданій свидѣтельствуютъ о быстро возникшемъ богатствѣ города. Еще больше остатковъ римскаго владычества сохранилъ г. Нимъ. Августъ, Адрианъ, Антонинъ украсили его памятниками. Остальная Галлія дѣлилась на 3 провинціи: Ліонскую, Аввитанію и Белгію. Ліонская занимала все пространство между Севернами и Лоарою, между Роной, Соной и Сеной. Главнымъ городомъ былъ Ліонъ, римская колонія, скоро сравнявшійся по значенію съ Нарбонной. Въ старомъ городѣ эдуевъ, Августодунумѣ (нынѣшнемъ Autun), были знаменитыя школы. Наконецъ, тамъ же начала возвышаться Лутеція, главный городъ паризіевъ. Въ Аввитаніи, безъ труда по-

коренной легатомъ Цезаря Крассомъ, было немного значительныхъ городовъ; на первомъ планѣ стоялъ Бордо, на землѣ битурнговъ, вельтскаго племени, поселившагося между иберами. Бордо былъ торговымъ и промышленнымъ городомъ, а подъ вонецъ римскаго владычества центромъ умственной дѣятельности южной Галліи. Белгія лежала между Рейномъ, Океаномъ и рѣками Роной, Соной и Сеной. Здѣсь жили между прочими нерви и тревирь, сильнѣйшіе изъ народовъ Цезаревой Белгіи, любившіе хвастаться мнимымъ своимъ происхожденіемъ отъ германцевъ; здѣсь же жили и батавы, народъ несомнѣнно германскій. Главный городъ провинціи былъ Трирь или Augusta Trevirorum, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался римскою колоніей. Его значеніе особенно усилилось въ послѣднее время римскаго владычества, потому что въ немъ не разъ жили императоры. Постоянное пребываніе войскъ на берегахъ Рейна заставило сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ раздѣленіи Августа, именно образовать два новые округа и новые административные центры, подъ именемъ Верхней и Нижней Германіи. Въ Верхней Германіи между Вогезами и Рейномъ, среди германскихъ племенъ, еще до Цезаря втѣснившихся въ Галлію, были города Страсбургъ (Argentoratum), Вормсъ (Barbetomagus), Шпейеръ (Noviomagus) и Майнцъ (Moguntia). Въ Нижнюю Германію переведены были съ праваго берега Рейна уби. Среди нихъ была основана знаменитая Colonia Agrippina (нынѣшній Кельнъ). Кромѣ убиевъ, племени германскаго, жили здѣсь еще тунгры, происхожденіе которыхъ неизвѣстно съ точностію. Въ послѣдствіи времени, административное дѣленіе Галліи измѣнилось. Діоклеціанъ или Константинъ Великій раздѣлилъ ее на 14, а Граціанъ на 18 провинцій. Сверхъ колоній, проведеніе дорогъ было могущественнымъ орудіемъ для распространенія римскаго вліянія. Еще Августъ проложилъ 4 главные дороги, которыя перерезывали всю транзальпинскую Галлію. Исходнымъ пунктомъ былъ Ліонъ. Отсюда, одна шла на сѣверъ, къ Рейну и Нѣмецкому морю, проходя черезъ Трирь. Другая направлялась къ в., къ портамъ Атлантики и къ Бретани. Югозападный путь шелъ черезъ Овернскія горы къ Аввитанскому заливу; и наконецъ четвертая дорога изъ Ліона направлялась по лѣвому берегу Роны и соединяла главные города Ліонской провинціи съ Марселью и Нарбонной. Улучшеніе путей сообщенія было одною изъ главныхъ заботъ римскаго правительства. Провода пути, важные въ стратегическомъ отношеніи, римляне не забывали и путей торговыхъ и въ этомъ отношеніи было много сдѣлано ими для Галліи. По рѣкамъ они старались улучшить плаваніе, устранивъ

естественныя препятствія. Друзь произвелъ гигантскія работы для плотинъ по Рейну. Былъ даже планъ соединить каналомъ Средиземное море съ Сѣвернымъ океаномъ. Римское населеніе стремилось въ Галлію, принося съ собою греко-римскую образованность. Вліяніе Рима отразилось не только на промышленной дѣятельности, но и на самомъ земледѣліи. Не смотря на запретъ Домиціана, виноградныя лозы садились во множествѣ, и виноградники явились даже въ Британіи. Множество фабрикъ возникло въ городахъ Галліи, снабжая своими произведеніями всѣ рынки имперіи. Если что могло сильно противодѣйствовать легкому сліянію галловъ съ римлянами, сдерживать быструю потерю кельтской народности — это были религиозныя вѣрованія гальскихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что, представляя болѣе или менѣе стройную систему, они не имѣли ничего общаго съ греко-римскою міеологіей, приносимою завоевателями.

Друидизмъ въ Галліи былъ не только религіей, но въ тоже время и могущественною политической силою. Правда, друиды не составляли касты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и ихъ коллегіи наполнялись людьми всѣхъ сословій, но во всякомъ случаѣ ихъ общество было строго замкнутымъ. Друидомъ могъ быть всякій, достаточно для того приготовленный, но это приготовленіе и искусь длились чрезвычайно долго. Часто по двадцати лѣтъ продолжалось ученіе посвященнаго, и, только послѣ многихъ испытаній, становился онъ членомъ жреческаго класса. Не смотря однакоже на эту трудность доступа, друиды считали между своими членами людей, принадлежавшихъ къ гальской аристократіи. Во главѣ друидской іерархіи стоялъ верховный жрецъ, избранный въ это званіе на всю жизнь. Въ центрѣ Галліи, въ области нынѣшняго Шартра, зимою было торжественное собраніе друидовъ со всей Галліи и здѣсь совершались общественныя жертвоприношенія, здѣсь же творился и верховный судъ. За отсутствіемъ политическаго единства, между племенами кельтовъ и галловъ, и политическаго центра, это единство давалось друидизмомъ. Въ рукахъ друидовъ была не только религія, но и право суда и наказанія. Жреческое вліяніе не только ограничивало власть мѣстной племенной аристократіи, но, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почти совершенно подчиняло себѣ. У эдуевъ ежегодно назначали друиды правителя, называемаго вергобре-томъ. Кого исключали друиды отъ участія въ общественномъ жертвоприношеніи, тотъ становился отверженникомъ общества. Какъ всякая теократія, друидизмъ дѣйствовалъ на воображеніе суровостію, строгостію своихъ наказаній. Богослуженіе сопровождалось человѣческими жертвами, которыми умилостивляли

раздраженное божество или снискивали его покровительство. Въ числѣ основныхъ догматовъ друидизма, на первомъ планѣ стоитъ вѣра въ загробную жизнь, внушавшая презрѣніе къ смерти. О божествахъ, которыя чтились въ Галліи, мы знаемъ очень немного. Римскіе писатели по своему обыкновенію даютъ имъ имена Меркурія, Аполлона, Марса, Юпитера, Минервы и т. д. Сохранились впрочемъ и имена туземныхъ божествъ. Это были: Гезусъ, Таранисъ, Теутатесъ, Беленусъ и т. д. Религіозное ученіе сохранялось въ памяти жрецовъ. Передавать его письму было строго запрещено, хотя, по свидѣтельству Цезаря, друиды и употребляли для письма греческія буквы*). Выраженныя стихами преданія и миѳы заучивались посвященными, и этимъ объясняется продолжительность приготвленія. Друиды боялись распространенія между народомъ главныхъ положеній своей доктрины, ревниво хранили ее только для небольшого числа посвященныхъ. Слѣдствіемъ этого скудость нашихъ свѣдѣній о сущности друидизма. Римскіе писатели, передавшіе намъ извѣстія о религіи друидовъ, очевидно, не могли вполне знать ее. Являясь народу хранителями религіозныхъ вѣрованій, друиды были въ тоже время и представителями вообще знаній всякаго рода. Выѣстѣ съ мѳологіей передавались изъ рода въ родъ космогоническія преданія, астрономическія свѣдѣнія, медицина и т. п. Главнымъ пунктомъ друидской мудрости уже во времена Цезаря была Британія. Одной изъ важныхъ сторонъ этой мудрости была мантика, искусство прорицанія. Рядомъ съ друидами были жрицы, истолковательницы воли боговъ. Нѣкоторыя жертвы могли приноситься богамъ только жрицами. На островѣ Сены, у западныхъ береговъ Арморики, жило 9 жриць, особенно чтимыхъ галльскими племенами, приписывавшими имъ власть надъ силами природы. Другая знаменитая коллегія жриць была на небольшомъ островѣ въ устьи Луары, куда не ступала нога мужчины. Надъ умами галльскихъ племень жрицы имѣли не менѣе власти, какъ и самыя друиды. Тѣ и другіе были хранителями кельтской народности, главными двигателями борьбы галльскихъ племень противъ поглощающаго вліянія римлянъ, и этимъ объясняется нетерпимость завоевателей противъ друидизма. Будь друиды только жрецами мѣстной религіи, Римъ оставилъ бы

*) Едва ли это справедливо, или, по крайней мѣрѣ, едва ли греческій алфавитъ былъ распространенъ въ Галліи, потому что самъ Цезарь, когда опасался, что его письмо къ намѣстнику можетъ попасться въ руки галловъ, написалъ его на латинскомъ языкѣ, но греческими буквами, чтобы галлы не могли прочесть его содержанія. — *Ред.*

ихъ въ покоѣ, потому что религіозная исключительность была вовсе не въ характерѣ римлянъ. Въмѣсто пропаганды своихъ вѣрованій, они скорѣе подчинялись религіи поворенныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ не преслѣдовали ея, не запрещали мѣстнаго богослуженія. Оффиціальной религіей Рима время имперіи было обоготвореніе цезарей. Преслѣдуя друидизмъ, римляне преимущественно старались подорвать его политическое значеніе, несомѣстимое со властію римской имперіи. Уже Августъ началъ преслѣдованіе кровавыхъ жертвоприношеній друидовъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ политическими побужденіями. Тиверій продолжалъ это дѣло, а Клавдій, по свидѣтельству Светонія, совершенно уничтожилъ въ Галліи суровую религію друидовъ, запрещенную Августомъ только для римскихъ гражданъ. Смертная казнь была назначена для ревнителей національных вѣрованій. Съ паденіемъ друидизма облегчился доступъ римскому вліянію, и мы видимъ его быстрые успѣхи. Оно проникло повсюду, измѣняя не только вѣрованія, но и самый образъ жизни, нравы туземцевъ Галліи. Казалось, Галлія вошла во всѣ интересы Рима. Галлы составляли значительную часть римскаго сената, они же съ честію явились и въ римской литературѣ. Первые преподаватели грамматики и риторики въ самомъ Римѣ были уроженцы транзальпинской Галліи. Галло-римская школа имѣла точно также свой особенный стиль, свое особенное направленіе, какъ и школа испано-латинская или афризано-латинская. Позже Испаніи явилась Галлія въ римской литературѣ, но ея особенности замѣчены были еще прежде римлянами. Национальный характеръ кельто-иберійскихъ племенъ Галліи, даже принимая чуждую оболочку латинской рѣчи, тѣмъ не менѣе давалъ себя чувствовать въ самомъ характерѣ писателей, уроженцевъ Галліи, въ особенномъ складѣ ума, въ особенностяхъ выраженія мыслей. При самомъ появленіи въ Римѣ галльскихъ ораторовъ, были замѣчены эти особенности народнаго характера: легкость рѣчи, плодovitость воображенія, эффектность, *argute loqui*. Народный характеръ кельтовъ не только сохранился во все продолженіе римской имперіи, онъ асенъ и на ихъ позднѣйшихъ потомкахъ, его можно отличить отъ вліянія другихъ племенныхъ элементовъ. Если Флавій Вопискъ въ III в. по Р. X. такъ характеризовалъ жителей Галліи: *gens inquietissima et avida semper, vel faciendi principis, vel imperii* ¹⁾, то эту же характеристику можно приложить частію и въ современнымъ фран-

¹⁾ Т. е. «Народъ безпокойный и всегда жадный къ тому, чтобы или сдѣлать себя государя, или чтобы получить власть.»

цугамъ. Господство католицизма во Франціи, устоявшее и противъ протестантской реформы, и противъ скептицизма, и безвѣрія XVIII вѣка, и время революціи, объясняетъ, почему друидизмъ такъ глубоко пустилъ корни въ религиозное сознаніе кельтовъ, почему такъ полно было его владычество надъ умами галльскихъ племенъ. Если этнографическая основа сохранилась, не смотря на чуждое вліяніе Рима и Греціи, и безпрестанно слышится во всей исторіи Галліи, то какъ бы полно, повидимому, ни было господство внѣшняго римскаго вліянія на покоренныхъ, нельзя сказать, чтобы оно сгладило даже внѣшніе признаки прежнихъ народностей. Не только греческое вліяніе вполне еще сохранилось на югѣ Галліи, мы видимъ ясныя слѣды живучести иберійскаго, кельтскаго и галльскаго элементовъ. Мало того, не смотря на преслѣдованіе со стороны императорской власти, на жестокія казни, самый друидизмъ не вполне исчезъ съ почвы Галліи. Какъ ни странно съ перваго раза кажется подобное явленіе, оно подтверждается нѣкоторыми извѣстіями. Не говоря уже объ Арморикѣ, гдѣ во всей почти чистотѣ сохранился элементъ кельтскій, и куда мало проникало римское вліяніе, ограничиваясь только большими городами, — присутствіе друидизма замѣтно даже въ V столѣтіи, а въ другихъ мѣстахъ Галліи еще позже, хотя, разумѣется, не въ такой степени какъ тамъ. Въ Арморикѣ онъ держался гораздо упорнѣе послѣ паденія римской имперіи. Въ другихъ мѣстахъ онъ угасъ несравненно прежде. Подъ римскимъ владычествомъ кельтскія божества приняли чуждое названіе, почти слилися съ сходными божествами Греціи и Рима. Такъ Беленусъ, бывший главнымъ божествомъ нѣкоторыхъ кантоновъ Галліи, слился съ греческимъ Аполлономъ; въ надписяхъ мы читаемъ *Apollini Beleno*. Храмы Беленуса и поклоненіе ему существовали въ V вѣкѣ. Алтарь его въ Парижѣ былъ рядомъ съ Юпитеромъ, Вулканомъ и прочими божествами греко-римской мѣологии. Авзоній, говоря о грамматикахъ въ Бордо, такъ отзывается объ одномъ изъ нихъ, о Фебицѣ:

«Qui Beleni aedituus
«Nil opis inde tulit.

Изъ стихотвореній того же Авзонія узнаемъ мы, какъ почетно считалось въ Галліи V вѣка происхожденіе отъ друидовъ, *e stirpe Druidarum*.

Греко-римская мѣология не могла вполне вытѣснить вѣрованій и преданій друидизма, особенно изъ массъ сельскаго народонаселенія. (Предсказанія жрицъ друидскихъ Александру Се-

веру, Аврелиану.) Точно также и латинскій языкъ, не смотря на его быстрое распространеніе, не уничтожилъ прежнихъ диалектовъ. Оставляя пока въ сторонѣ Марсель и греческій языкъ, приведемъ доказательство того, что языки иберовъ, кельтовъ, еще были народными языками для многихъ мѣстностей Галліи; даже въ Нарбонской провинціи, прежде другихъ подпавшей власти и вліянію Рима, гдѣ было такъ много римскихъ колоній, и гдѣ, повидимому, было такъ полно господство латинскаго элемента, онъ не уничтожилъ прежнихъ нарѣчій. Греческій языкъ прочно утвердился въ южной Галліи. Но бл. Іеронимъ, говоря о Марсели, называетъ ее трезязычною: и такъ, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ нужно допустить еще третій, который не могъ быть другимъ, какъ нарѣчіемъ туземцевъ. Какъ ни смѣшано было римское населеніе южной Галліи, въ той ея части, которая образовала изъ себя Нарбонскую провинцію, господствующимъ племеннымъ элементомъ былъ лигурійскій. Изъ словъ бл. Іеронима можно заключить о живучести лигурійскаго языка въ южной Галліи даже въ его время. О живучести кельто-гальскихъ нарѣчій мы имѣемъ еще болѣе положительныя извѣстія. На первомъ планѣ стоитъ свидѣтельство Сульпиція Севера. Сульпицій Северъ родился во второй половинѣ IV вѣка и написалъ, сверхъ священной исторіи, еще жизнь св. Мартина и 3 діалога, которыхъ содержаніемъ служатъ подвиги того же святителя. Діалоги написаны, какъ предполагаетъ большинство ученыхъ, около 405 г., слѣд. въ началѣ V вѣка. Въ діалогѣ первомъ выведенъ на сцену ученикъ Мартина, родомъ галль. Онъ отказывается начать рассказъ о чудесахъ Мартина, извиняясь неполнымъ знаніемъ тонкостей языка латинскаго. На этотъ отказъ говорить ему другой собесѣдникъ: *tu vero, vel Celtice, aut, si mavis, Gallice loquere, dummodo jam Martinum loquaris*; «т. е. говори по-кельтски или, если предпочитаешь, по-гальски, но только говори о Мартинѣ.» Такимъ образомъ, оба языка кельтскаго племени еще были разговорными въ Галліи въ концѣ IV и началѣ V вѣка. Сульпицій Северъ былъ самъ уроженецъ Галліи и потому могъ хорошо знать положеніе дѣла. Относительно кельтскаго языка мы имѣемъ и еще извѣстіе, относящееся къ нѣсколько позднѣйшимъ временамъ, именно свидѣтельство Аполлинарія Сидонія, знаменитаго епископа Оверни. Обращаясь къ Эдикцію, геройскому защитнику Клермона противъ Эйриха Готскаго, послѣднему представителю римской доблести, Аполлинарій Сидоній говоритъ: «Тебѣ обязаны тѣмъ, что высшее сословіе, оставивъ грубость кельтскаго языка (*squamam celtici depositura nobilitas*), теперь упражняется и въ ораторскомъ стилѣ и въ стихотвореніяхъ.» Дѣятельность

Экципія принадлежить ко 2-й половинѣ V вѣка. Если только, благодаря его вліянію и примѣру, овернскіе аристократы начали говорить и писать по-латыни, то можно смѣло предположить, что кельтскій языкъ оставался долго послѣ разговорнымъ для низшихъ классовъ, тѣмъ болѣе, что населеніе Оверни, въ V вѣкѣ, сохраняло на себѣ слѣды многихъ кельтскихъ учрежденій, такъ напримѣръ, остатки клановъ.

Относительно живучести языка галловъ или белговъ Цезаря, мы находимъ еще подтвержденіе свидѣтельству Сульпиція Севера. Около 409 г., бл. Иеронимъ сравнивалъ языкъ галатовъ, или азіатскихъ вельтовъ, съ языкомъ, которымъ говорили въ окрестностяхъ Трира. Существованіе кельтскаго языка въ сѣверо-западной оконечности Галліи не требуетъ доказательства, потому что бретоны до сихъ поръ хранятъ еще остатки этого языка. Точно также излишне говорить о языкѣ иберовъ въ ю.-в. части. Баски служатъ живымъ доказательствомъ того, какъ трудно утрачиваются племенные особенности и языкъ. Такимъ образомъ, положительными извѣстіями и притомъ такими, которыя относятся къ послѣднему вѣку политическаго существованія римской имперіи, доказывается сохраненіе племенныхъ элементовъ и языковъ древней Галліи не уничтоженныхъ латинскимъ вліяніемъ. Точно также какъ туземные діалекты, и притомъ еще съ большимъ основаніемъ, могъ сохраниться греческій языкъ на югѣ Галліи. Греческое вліяніе утвердилось въ этой мѣстности задолго до появленія римлянъ; оно имѣло все время для того, чтобы глубоко проникнуть въ жизнь сосѣднихъ народовъ. Римское владычество сокрушивъ политическую независимость Массиліи, не уничтожило греческаго вліянія, напротивъ, нѣкоторое время, способствовало его усиленію. Марсель сдѣлалась школой для знатныхъ римлянъ. Здѣсь, по свидѣтельству Тацита, было счастливое соединеніе греческой изящной образованности съ простотою нравовъ. Стеченіе въ Марсель римскаго юношества, желавшаго получить греческое воспитаніе, не осталось безъ вліянія и на галловъ, любившихъ во всемъ казаться римлянами. Рядъ положительныхъ свидѣтельствъ говоритъ о существованіи греческаго элемента на югѣ Галліи во все время римскаго владычества. Есть, кромѣ того, извѣстіе, что греческій языкъ пережилъ въ Галліи политическую власть Рима. Житіе св. Цезаря положительно доказываетъ, что греческій языкъ, въ VI вѣкѣ, наравнѣ съ латинскимъ употреблялся при богослуженіи въ Арль, а Арль не былъ городомъ, основаннымъ Марселемъ, хотя и признавалъ власть ея. Кельтское населеніе составляло большинство, и, если при всемъ томъ греческій языкъ сохранился

въ немъ даже въ VI вѣѣ, то конечно онъ дольше держался въ городахъ чисто греческаго происхожденія, какъ на примѣръ въ Марселѣ, въ Ниццѣ, въ Антибахъ и т. д. Если бы впрочемъ мы не имѣли никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о непрерывномъ существованіи языковъ греческаго, иберійскаго, кельтскаго и гальскаго во время римскаго владычества, языкъ провансальскій послужилъ бы неопровержимымъ доказательствомъ этого. Въ языкъ провансаловъ вошло слишкомъ много словъ греческаго, иберійскаго, кельтскаго и гальскаго происхожденія, чтобы можно было усомниться въ живучести этихъ языковъ. Слѣды греческаго вліянія замѣтны кромѣ того и на литературѣ провансальской и въ особенности на многихъ обычаяхъ, на нравахъ жителей южной Франціи. Латинское вліяніе не сгладило прежнихъ племенныхъ элементовъ Галліи, оно присоединилось къ нимъ, вводя новый ингредиентъ и на время подавивъ ихъ и вытѣснивъ, но не уничтоживъ. Чтобы ни говорили, даже самая мысль о самостоятельности не утратилась въ Галліи, она принимала только равныя формы, но жила и оказывала свое вліяніе на политическія событія, начиная съ I-го и оканчивая V вѣкомъ, когда, въ избраніи Авиты, еще разъ высказалось это стремленіе къ самостоятельности. Въ то же время, принимая на себя римское вліяніе, Галлія служила проводникомъ ему для Британіи и для Германіи.

До времени Цезаря, *Британія* была почти совершенно неизвѣстна римлянамъ, хотя торговцы древняго міра давно уже пользовались ея произведеніями. Первое открытіе острова, богатаго рудами, и преимущественно оловомъ, было сдѣлано финиціанами изъ Кадикса. Экспедиція Гамильтона познакомила кароагенянь съ Оловянными островами. Затѣмъ Питеасъ, грекъ изъ Марсели, посѣтилъ эти острова и оставилъ ихъ описаніе. Торговля спѣшила воспользоваться металлическимъ богатствомъ Британіи. Но купцы, проникавшіе на далекой островъ, хранили въ тайнѣ пути въ него, всего менѣе заботились о распространеніи свѣдѣній относительно неизвѣстныхъ странъ ими посѣщаемыхъ. О географическомъ положеніи Британіи ходили только смутныя извѣстія. Еще менѣе знали обитателей острова. Они сдѣлались извѣстны образованному міру только послѣ завоеванія. При первыхъ встрѣчахъ съ римлянами, бритты показались совершенными дикарями. Они красили себѣ тѣло, подобно дикарямъ сѣверной Америки, или татуировали его, какъ племена Тихаго Океана. Племена нынѣшней Шотландіи и Ирландіи были еще грубѣе своихъ южныхъ единоплеменниковъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, у

нихъ сохранилось еще людоѣдство. Исторія не знаетъ, какъ совершилось заселеніе Британіи, но сколько можно догадываться по народнымъ преданіямъ, это заселеніе совершилось не въ одно время и не однимъ племенемъ. Западная сторона нынѣшней Англіи называлась Кумри, восточная Lloëgr. Жители первой были кимры или камбрійцы; населеніе второй называлось логріянами. Камбрійцы называли себя древнѣйшими пришельцами на островъ съ дальняго востока Европы, но кажется они нашли въ Британіи уже жителей, вытѣсненныхъ ими на западъ, въ Еринъ или Ирландію, и на сѣверъ, въ горы нынѣшней Шотландіи. Ллоегры или логріяне были вторыми пришельцами. Мирно или силою оружія они заняли земли на югѣ и востокѣ нынѣшней Англіи, оттѣснивъ камбрійцевъ къ западу? Есть еще темное преданіе о третьемъ переселеніи въ Британію людей того же племени, основавшихся въ сѣверу отъ двухъ первыхъ племенъ, между заливомъ Фортскимъ и Солвайскимъ. Всѣ эти поселенцы принадлежали къ одному и тому же племени кельтовъ, хотя въ различномъ его отрасляхъ. Въ племенномъ тождествѣ этихъ поселенцевъ Британіи съ народами Галліи нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Тѣже самыя имена племенъ находимъ мы въ Британіи, какъ и въ Галліи. Белги по берегу моря, атробаты по Темзѣ, ценоманы по Стуру, паризіи по Гумберу.

Если бы впрочемъ и не было положительныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей о племенномъ родствѣ бриттовъ - съ галлами, то достаточно самаго поверхностнаго взгляда на древнѣйшіе памятники Англіи и Франціи, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ убѣжденіе въ этомъ родствѣ. Кельтскіе курганы, долмены, кромлеки (cromlecks) и другіе остатки друидическихъ зданій, во множествѣ разсѣяны по всему пространству, занимаемому въ древности бриттами и галлами. Самыя вещи, находимыя въ древнѣйшихъ могилахъ Англіи и Франціи, отличаются поразительнымъ сходствомъ. Другое еще болѣе неопровержимое свидѣтельство представляетъ языкъ жителей Ирландіи, горной Шотландіи, Валлиса и Корнваллиса, еще не вытѣсненный языкомъ англійскимъ. Кельты Британіи мало чѣмъ различались отъ своихъ галльскихъ единоплеменниковъ. Изолированное положеніе острова давало только первымъ возможность въ большей чистотѣ сохранить свои племенные особенности, безъ посторонней примѣси, безъ чуждаго вліянія. Изъ всѣхъ племенъ, на которыя дѣлилось населеніе Британіи, только обь одномъ, именно Coritani, жившемъ по берегамъ Гумбера, есть нѣкоторое основаніе думать, что оно было не кельтскаго, а скорѣе германскаго происхожденія; но оно, очевидно, не могло имѣть большого вліянія, тѣмъ

болѣе, что, въ древнѣйшую эпоху исторіи, между кельтами и германцами не было еще того различія, которое дается историческимъ развитіемъ народностей, и нѣкоторыя племена считаются то кельтами, то германцами. Болѣе 40 племенъ насчитываютъ древніе историки въ Британіи. Изъ нихъ нѣкоторые, сохранивъ свои имена, утратили свою независимость. 10 племенъ жили на югъ отъ Северна и Темзы. Благодаря, можетъ быть, сношеніямъ съ торговцами образованныхъ народовъ, у нихъ были уже нѣкоторые зачатки промышленности. Такъ, они сами приготовляли разныя вещи, нужныя для домашняго обихода. Ткали грубыя матеріи для одежды и были искусными земледѣльцами. Знали даже пользу удобренія. Этимъ впрочемъ только и могли они похвалиться передъ своими сѣверными сосѣдями. У послѣднихъ не было земледѣлія, они одѣвались въ шкуры и питались отъ скотоводства. Племена, жившія на сѣверной оконечности острова, не знакомы были даже и съ скотоводствомъ, жили только охотою. Относительно образа правленія мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. По всей вѣроятности, кланное устройство было преобладающей формою. У нѣкоторыхъ племенъ были впрочемъ общіе вожди для всего племени, передававшіе власть свою по наследству и притомъ не только сыновьямъ, но и вдовѣ. Нравы отличались дикою суровостію. Цезарь и Діонъ Кассій говорятъ даже о томъ, что у нихъ жены были общія, но, сколько можно судить по нѣкоторымъ фактамъ, едва ли это было справедливо. Религіей былъ друидизмъ, здѣсь разившійся еще болѣе, чѣмъ въ самой Галліи. Сюда приходили учиться галльскіе жрецы. Главнымъ центромъ друидскаго могущества былъ островъ Англезіи. Когда, въ 57 году нашей эры, Светоній Павлинъ, бывшій начальникомъ римскаго войска въ Британіи, рѣшился завладѣть имъ, онъ нашелъ тамъ множество друидовъ и жриць. Друидизмъ въ Британіи очень долго сохранялъ свою власть надъ умами, кажется долѣе, по крайней мѣрѣ, чѣмъ въ Галліи.

Римляне со временъ Цезаря начали завоеваніе Британіи. Два похода знаменитаго полководца (55 и 54 г. до Р. X.) познакомили Римъ съ малоизвѣстнымъ до тѣхъ поръ островомъ, но не утвердили власти римлянъ надъ бриттами. Оба раза римскіе легіоны послѣ побѣдъ надъ туземцами возвращались въ Галлію, не оставивъ прочныхъ поселеній въ Британіи. 97 лѣтъ послѣ вторженія Цезаря, бритты только поимени признавали вліяніе Рима и находились въ однихъ торговыхъ сношеніяхъ съ ними. Августъ трижды объявлялъ намѣреніе завоевать Британію и не успѣлъ исполнить его. Тиберій не думалъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, а смѣшная выходка Калигулы только покрыла позо-

ромъ римскаго императора. Клавдію принадлежитъ честь покоренія Британіи. Съ тѣхъ поръ римляне прочно утвердили свою власть надъ бриттами. Страшное возстаніе 61 года, въ которомъ разграблены были римскія колоніи: Камальдунумъ (Кольчестеръ), Веруламъ и Лондонъ, и погибло около 70,000 подданныхъ Рима, не привело однакоже къ освобожденію Британіи отъ чуждаго владычества. Римскіе легіоны сломили нестройныя ополченія варваровъ. Боадіцея, которая предводительствовала возставшими, лишила себя жизни. Римляне не только возвратили прежнія владѣнія, но и покорили себѣ еще новыя племена. Во время правленія Агриколы, линія укрѣпленій отъ Форта до Клейда обезопасила сѣверную границу римскихъ владѣній. Племена Каледоніи, сѣверной части острова, одни выдерживали борьбу съ завоевателями. Ихъ набѣги не разъ дѣлали сомнительною власть римлянъ. Адрианъ, чтобы положить конецъ имъ, построилъ знаменитую стѣну отъ Солвайскаго залива до устья Тейна (Тупе). Антонинъ и Септимій Северъ провели новыя линіи укрѣпленій, но ихъ все таки было недостаточно для безопасности провинціи. Съ IV вѣка, исчезло имя каледонянъ, его замѣнили имена пиктовъ, скоттовъ, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ тѣмъ же племенамъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣли средства имперіи, набѣги сѣверныхъ варваровъ дѣлались все смѣлѣе и опустошительнѣе. Въ V вѣкѣ, римскіе легіоны были выведены изъ Британіи, и бритты были предоставлены собственнымъ средствамъ и собственному управленію. Это самоуправленіе начинается съ 407 года, хотя Британія и признавала еще номинальную власть Рима. Въ 446 г., въ послѣдній разъ обратились къ нему кельто-римскіе вожди, прося защиты отъ сѣверныхъ варваровъ: «варвары, писали они къ Азцію, тѣснятъ насъ къ морю, море отталкиваетъ насъ къ варварамъ, и всюду встрѣчаетъ насъ гибель.» Римъ не былъ въ силахъ подать помощь далекой провинціи. Для него поднимался уже вопросъ о своемъ собственномъ существованіи, и Британія окончательно оторвалась отъ единства римской имперіи. Во время римскаго владычества, Британія была раздѣлена на 6 провинцій. Первая Британія заключала въ себѣ южную часть острова до Бристольскаго залива и теченія Темзы. Вторая Британія, нынѣшній Валлисъ, Flavia Caesariensis, простиралась до Гумбера. Махима, отъ Гумбера до Тейна. Valentia, до Клейда и Форта, и наконецъ Vesrasiana къ сѣверу отъ этихъ границъ. Въ этихъ провинціяхъ было много городовъ, частью бриттскаго, частью римскаго происхожденія. Первое мѣсто занимали 9 римскихъ колоній; за ними слѣдовали 2 муниципіи, Веруламъ и Юркъ; дагѣ, 10 городовъ съ правомъ лати-

новъ, и наконецъ города трибутарные. Всего 28 городовъ. Римское оружіе пролагало пути для грево-римской цивилизаціи. Языкъ латинскій сталъ языкомъ правительственнымъ въ городахъ Британіи; но на немъ говорили не одни римскіе чиновники. Если онъ не вытѣснилъ языка туземцевъ, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время сталъ съ нимъ рядомъ. Подъ римскимъ управленіемъ долженъ былъ измѣниться самый бытъ покоренныхъ, смягчились нравы полудикихъ племенъ Британіи. То, что говоритъ Тацитъ о галлахъ, вмѣстѣ съ свободой потерявшихъ будто бы и прежнюю доблесть, еще съ большею справедливостію можетъ быть отнесено къ бриттамъ. Власть Рима, противъ которой съ такимъ отчаяніемъ возставали и боролись бритты, сдѣлалась подъ конецъ для нихъ необходимостію. Оттого они не смѣли воспользоваться ослабленіемъ связей, приковывавшихъ ихъ къ Риму, стараются напротивъ всѣми силами поддержать и укрѣпить ихъ. Варварство, являвшееся ежеминутно предъ ихъ глазами въ лицѣ пигмовъ и скоттовъ, еще болѣе заставляло ихъ держаться Рима. Римское вліяніе не успѣло однакоже вполне переработать кельтскую народность, не проникло въ самую глубь общественной и частной жизни бриттовъ. Когда римскіе легіоны и римскіе магистраты оставили островъ, и Британія была предоставлена самой себѣ, прежніе племенные элементы вызваны были снова въ жизни. Формы римской администраціи, римское муниципальное устройство не могли сохраниться. Послѣ нѣкотораго колебанія, они уступили прежнимъ правительственнымъ формамъ. Британія снова распалась на множество мелкихъ владѣній съ особеннымъ вождемъ въ каждомъ. Если и уцѣлѣли еще слѣды римскаго вліянія, они скоро были снесены вторженіемъ саксовъ. Религія Одина вытѣснила и древнія преданія друидизма и начатки христіанства. Языкъ латинскій исчезъ изъ оборота. Языкъ галловъ и кельтовъ уцѣлѣлъ только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

Не глубоко шло римское вліяніе и въ *Провинціяхъ южно-дунайскихъ*. Здѣсь тоже ему не было времени прочно утвердиться между туземными племенными элементами. Здѣсь оно даже не всегда могло заслонить ихъ. Южно-дунайскія провинціи *Реція, Винделикія, Норикъ и Паннонія* были присоединены въ имперію только Августомъ и его преемниками, и то послѣ упорной борьбы. Особенно тяжело досталось окончательное покореніе Панноніи. Реція заключала въ себѣ нынѣшніе Граубюнденъ, Тироль и часть Ломбардіи; Винделикія, прежде составлявшая часть Реціи, заключала часть нынѣшней Швейцаріи, Ба-

денъ, Виртембергъ и Баварію; Норикъ былъ на мѣстѣ верхней и нижней Австріи, между Инномъ, Дунаемъ и Винервальдомъ (Wiener-Walde), большей части Штейермарка и Каринтіи; наконецъ, Паннонія обнимала восточную часть Австріи, Штейермаркъ, Каринтію и Крайнъ, всю Венгрію между Дунаемъ и Савой, и часть Босніи и Кроаціи. О населеніи этихъ провинцій мы имѣемъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Особенно много недоумѣній относительно этнографіи Реціи и Винделикии, хотя, по видимому, задача объясняется тѣмъ, что въ языкъ нынѣшнихъ швейцарцевъ сохранились еще остатки древнѣйшихъ, до-римскихъ нарѣчій. Въ нынѣшнемъ нарѣчій жителей кантона Фрейбурга давно уже замѣтно много словъ, происхожденіе которыхъ невозможно объяснить языкомъ латинскимъ или нѣмецкимъ. Эти слова не поддаются анализу и не представляютъ ничего сходнаго съ языками новѣйшей Европы. Если нѣкоторые пытались объяснить ихъ нижнебретонскимъ нарѣчіемъ, то эта попытка не привела еще къ положительнымъ результатамъ. Очевидно, что эти необъяснимыя слова должны принадлежать къ языку древнѣйшихъ обитателей страны, но народность этихъ обитателей не возможно опредѣлять при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній. Еще загадочнѣе остатки древнѣйшаго языка, сохранившіеся въ нынѣшнемъ нарѣчій гризоновъ. Исслѣдователи напрасно пробовали объяснять ихъ аналогію. Гризоны, это смѣсь туземнаго населенія съ германскими поселенцами. Въ ихъ нарѣчій потому чрезвычайно много словъ нѣмецкаго происхожденія. Ихъ, впрочемъ, легко отличить отъ всѣхъ другихъ; необъяснимыми же остаются слова, очевидно, принадлежащія къ языку туземцевъ. Народное преданіе, глубоко укоренившееся въ гризонахъ, говоритъ, что они потомки этрусковъ, вытѣсненныхъ изъ долинъ По кельтскимъ вторженіемъ. Если дать вѣру этому преданію, этруски подъ предводительствомъ вождя своего Рета (Rhetus) пришли сюда за 600 лѣтъ до Р. X. и дали названіе странѣ. Нѣкоторыя смутныя указанія древнихъ писателей какъ будто могутъ служить подтвержденіемъ этому преданію, а гипотеза новыхъ историковъ, выводящая самихъ этрусковъ изъ ретійскихъ альпъ, дѣлаетъ это преданіе еще болѣе вѣроятнымъ. Въ такомъ случаѣ, эти необъяснимыя слова нарѣчій гризоновъ будутъ остаткомъ давно исчезнувшаго языка этрусковъ. У науки нѣтъ, впрочемъ, еще средствъ повѣрить точными исслѣдованіями это предположеніе, и оно надолго, если не навсегда, должно оставаться только гипотезой. Населеніе Винделикии въ извѣстіяхъ древнихъ мало отличается отъ жителей Реціи. Оба племени были грубы и воинственны; оба извѣстны были раз-

боями. Въ Винделикии, впрочемъ, думаютъ видѣть ясныя слѣды кельтскаго населенія. Тоже самое можно сказать о норикахъ или таврискахъ. Они жили въ своихъ горахъ свободны и независимы подъ властію своихъ вождей или царей, и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ римлянами за нѣсколько времени до покоренія. Въ Панноніи жило иллирійское племя, славное своею храбростію, но стоявшее на самой низкой степени образованности. Впрочемъ и тутъ по нѣкоторымъ даннымъ можно полагать пребываніе кельтскихъ племенъ. Таковы, напр., были *Azali* въ верхней Панноніи.

Присоединеніе этихъ областей къ Риму измѣнило болѣе или менѣе значительно нравы ихъ обитателей. Повсюду мы видимъ римскія колоніи или муниципіи. Бѣдныя поселенія туземцевъ, только носившія имя городовъ, возвысились подъ римскимъ владычествомъ. Если въ Реціи, во время Катона, звганен, могущественнѣйшее племя провинціи, имѣло будто бы 34 города, то эти города были по всей вѣроятности просто деревнями. Во время же римлянъ, на первомъ планѣ стояла *Civitas Tridentina* (нынѣшній Триестъ) римская колонія. Въ Винделикии, *splendidissima colonia Augusta Vindelicorum* (нынѣшній Аугсбургъ), *Reginum*, *Camprodunum* и др. Въ Норикѣ, кромѣ *Nogeia*, древняго города таврисковъ, было довольно много колоній и муниципій, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ *Laureacum* съ огромной оружейной фабрикой, главная квартира II легіона и пристань для римскаго флота, оберегавшаго Дунай. Въ Панноніи извѣстны были древняя *Vindobona*, *Sirmium*, *Segesta* и др. Всѣ эти провинціи управлялись римскими императорами и охранялись войскомъ. Одною изъ главнѣйшихъ заботъ римскаго правительства было устройство дорогъ связывавшихъ различныя части имперіи и дававшія возможность быстрого передвиженія войскъ. Линія укрѣпленій шла по всему берегу Дуная, сдерживая набѣги задунайскихъ варваровъ. Въ какой степени проникало сюда и укрѣплялось римское вліяніе, сказать трудно. Прочному его водворенію препятствовало самое положеніе этихъ провинцій, постоянно бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій. За Дунаемъ жили варварскія племена, безпрестанно тревожившія римскіе предѣлы. Но и мирныя даже сношенія съ ними не могли не препятствовать распространенію латинскаго элемента. У Веллея Патеркула, писателя I вѣка по Р. Х., бывшаго участникомъ въ войнахъ и завоеваніяхъ первыхъ цезарей, мы находимъ слѣдующее извѣстіе о Панноніяхъ: «Не только всѣмъ паннонамъ извѣстно было римское устройство, но и самый языкъ; многіе занимались даже литературой и привычны были къ умственнымъ

трусамъ». Если это свидѣтельство сильно говоритъ въ пользу быстрого распространенія латинизма, то во всякомъ случаѣ оно предполагаетъ совмѣстное существованіе и прежнихъ племенныхъ элементовъ. Латинскій языкъ стоялъ на ряду съ туземнымъ, не вытѣснивъ его однакоже совершенно изъ оборота. Римская цивилизація дѣйствовала на измѣненіе нравовъ, но не могла стереть прежней грубости. Изъ этихъ провинцій набирались лучшія войска, образовывавшія, сначала, вспомогательныя когорты, а потомъ и самыя легіоны, и уже Тацитъ, говоря о Вителіѣ, упоминаетъ о той охотѣ и усердіи, съ какимъ становилась молодежь Реціи подъ римскія знамена. Римъ имѣлъ нѣсколько императоровъ изъ придунайскихъ провинцій; всѣ они отличались энергіею. Латинскій элементъ въ придунайскихъ областяхъ менѣе всего могъ вытѣснить прежніе племенные элементы, никогда даже не могъ закрыть ихъ собою, какъ это было въ Галліи и Испаніи, и однакоже дѣйствіе его было весьма сильно. Оно оставило рѣзкіе слѣды на бытѣ и на языкѣ покоренныхъ племенъ. Кромѣ приведенныхъ остатковъ языка гризоновъ и жителей Фрейбурга, сохранившихся до сихъ поръ, можно привести нѣсколько положительныхъ историческихъ извѣстій о томъ, что племена названныхъ провинцій сохранились гораздо послѣ паденія западной римской имперіи, даже съ прежними племенными названіями. Приведу одинъ только примѣръ, относящійся къ Реціи. Въ VI столѣтіи, какъ видно изъ Фортуната, Павла діакона и Кассіодора, Вгеупі Птолемея еще жили какъ особое племя, на тѣхъ же мѣстахъ, называясь Вгіонес или Вгеонес. Въ этихъ укрainaхъ римскаго міра, цивилизація и варварство стояли рядомъ, не уничтожая другъ друга, оказывая взаимное дѣйствіе. Римское владычество давало огромный перевѣсъ цивилизаціи; но присоединеніе придунайскихъ провинцій совершилось слишкомъ поздно для ея окончательной побѣды. Римскіе императоры не могли обезопасить покоренныхъ провинцій и побѣжденное-было варварство, снова взяло верхъ, уничтоживъ зачатки грекоримской образованности. Нельзя этого сказать объ Иллириѣ, Мезіи и Дакии. Изъ нихъ развѣ только Шугіа Романа завоевана за 23 до Р. X., и, заключая въ себѣ часть нынѣшней Кроаціи, всю Далмацію, почти всю Боснію и часть Албаніи, могла сколько нибудь подчиниться римскому вліянію. Многочисленныя племена Иллиріи и Далмаціи, давно знакомыхъ съ римлянами, должны были утратить многое изъ своего первоначальнаго быта. 7 народовъ Иллиріи пользовались правомъ италиковъ. И въ Иллиріи съ Далмаціею было 6 римскихъ колоній. Изъ сенатской провинціи Ил-

лирія сдѣлалась императорскою, была занята войсками. Мезія была поворена только Августомъ. Еще позже совершилось завоеваніе Дакии, т. е. нынѣшняго Банната, части Венгріи къ востоку отъ Тейсы; Седмиградской области, Буковины, части Галиціи, Молдавіи и Валахіи. Военственные племена даговъ или гетовъ при царѣ Беробистѣ стали извѣстны побѣдами надъ бельтскими и оракійскими племенами. При Децебалѣ, въ I столѣтіи, они навели ужасъ на римскую имперію, и Домиціанъ только деньгами могъ купить миръ. Со времени Траяна началось завоеваніе, послѣ кровопролитной долговременной борьбы. Траянъ хотѣлъ заселить опустошенныя области римскими колонистами, набранными изъ всѣхъ провинцій имперіи. Дакия была покрыта римскими дорогами и римскими колоніями, остатки которыхъ видны еще и теперь. Римская власть удержалась, впрочемъ, не долго. Въ 257 г., вся Дакия была во власти готтовъ; не смотря на то, латинское вліяніе оставило слѣды даже на отдаленнѣйшихъ потомкахъ римскихъ колонистовъ. Языкъ румуновъ принадлежитъ до сихъ поръ къ семьѣ языковъ романскихъ, хотя латинское происхожденіе въ немъ и затемнено чуждою примѣсью. Исслѣдованія Копитара, Шотта, Дица и др. филологовъ не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Волны варварскаго нашествія не могли снести остатковъ римской цивилизаціи. Гунны, авары, славяне, венгры, нѣмцы, селившіеся въ предѣлахъ римской Дакии и Мезіи, не вытѣснили языка Рима. Слишкомъ 3 милліона населенія обоихъ береговъ нижняго Дуная, изъ нихъ 400 чистыхъ валаховъ, еще зовутъ себя римлянами (Români) и въ настоящее время требуютъ отъ Европы признанія своей національной самобытности: кромѣ Молдавіи и Валахіи, они живутъ въ Седмиградской области, Венгріи и Бессарабіи, въ древнихъ Оракіи, Македоніи и къ югу до самой Фессаліи. Дунай дѣлитъ румуновъ на 2 діалекта: сѣверный или дакійскій, и южный или македонскій. Первый изъ нихъ болѣе обработанъ и имѣетъ менѣе чуждой примѣси. Половина словъ языка румуновъ — чисто латинскаго происхожденія. Въ другой половинѣ самое значительное число принадлежитъ словамъ славянскимъ, затѣмъ греческимъ, мадыарскимъ, турецкимъ, и наконецъ нѣмецкимъ и албанскимъ. Латинское происхожденіе отзывается столько же и въ грамматическихъ формахъ. Въ этомъ отношеніи Дицъ въ языкѣ румуновъ находитъ ближайшее сходство съ языкомъ итальянскимъ, такъ, что по его исслѣдованіямъ, въ группѣ языковъ романскихъ, румунскій стоитъ рядомъ съ итальянскимъ. Въ языкѣ румуновъ сверхъ связанныхъ составныхъ частей есть еще нѣсколько словъ, необъ-

яснимыхъ ни однимъ изъ живыхъ нарѣчій современной Европы. Они не поддаются никакому анализу. Это слова одиноко стоящія среди прочихъ, очевидно должны принадлежать древнѣйшему діалекту даковъ и гетовъ. Они уцѣлѣли въ простонародномъ нарѣчій, куда не такъ глубоко шло латинское вліяніе, гдѣ всего возможно было воздѣйствіе туземныхъ элементовъ. За недостаткомъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ, языкъ румуновъ является на помощь изслѣдователю. По его составнымъ частямъ можно судить о степени вліянія той или другой народности, занимавшей Дакию и Мезію. Изъ него становится ясно, что латинизмъ, римское вліяніе, не уничтожили въ конецъ мѣстнаго туземнаго элемента, который устоялъ противъ всѣхъ переворотовъ, которыхъ были свидѣтелями берега нижняго Дуная; но изъ него ясно и то, что латинскій элементъ прочно укоренился въ этой мѣстности, что онъ былъ такъ силенъ, что удержался и послѣ паденія политической власти Рима. Туземный элементъ, неуничтоженный, но, такъ сказать, разъединенный латинскимъ, потерялъ свою силу очень рано, не могъ воспользоваться освобожденіемъ отъ римской власти и сохранился только въ немногихъ словахъ, вошедшихъ въ составъ мѣстнаго латинскаго нарѣчія. Латинскій элементъ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ, былъ такъ силенъ, что не только одолѣлъ мѣстный, но побѣдоносно выдержалъ натискъ позднѣйшихъ вліяній и притомъ безъ всякой внѣшней, матеріальной поддержки, только своею жизненною силою.

Мы перечислили въ Европѣ всѣ провинціи, куда съ болѣею или меньшею силою проникало римское вліяніе. Въ *Силліи* оно не могло вытѣснить эллинизма, такъ глубоко проникшаго въ жизнь обитателей. Въ *Сардиніи* и *Корсикѣ*, составлявшихъ римскія провинціи съ 521 — 523 годовъ отъ основ. Рима, также сохранились во всей силѣ прежніе племенные элементы. Въ Сардиніи нездоровый климатъ препятствовалъ притоку римскихъ колонистовъ, и этотъ островъ часто служилъ мѣстомъ ссылки для римлянъ. Финикійскія и карфагенскія колоніи имѣли потому болѣе вліянія чѣмъ римскія. Въ Корсикѣ дикой и необработанной, населеніе состояло изъ тирреновъ, лигуровъ и римскихъ колонистовъ. Не смотря на 33 города, которые считаетъ Страбонъ, по его словамъ, корсиканцы были грубымъ народомъ, занимались только скотоводствомъ.

Въ числѣ западныхъ областей имперіи, есть еще области, гдѣ всего интереснѣе слѣдить за успѣхомъ латинизма и за воздѣйствіемъ туземнаго элемента: разумѣю *западную Африку* или *ливійскія провинціи*. Римъ встрѣтилъ здѣсь сильное государство,

грозное политическимъ могуществомъ и тою нравственною силою, которая дается своеобразною цивилизаціею, достигшей извѣстной степени развитія. Ожесточенная борьба съ Картеagenомъ кончилась побѣдою Рима только послѣ напряженныхъ усилій, послѣ долгихъ колебаній этой побѣды и многихъ поражений. За то и мечь Рима вѣковому врагу розыгралась въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Цвѣтущіе города картеагенскихъ владѣній, древнія колоніи предприимчивыхъ финиціанъ, легли въ развалинахъ. Самый Картеагенъ былъ срытъ. Казалось картеагенскому элементу грозила конечная гибель. Римляне преслѣдовали его со всѣмъ злобнымъ вниманіемъ врага, у котораго лежитъ еще на сердцѣ стыдъ недавнихъ поражений. Взятіе Картеагена Сципіономъ Эмилианомъ, въ 146 году до Р. Х., положило начало распространенію римскаго владычества во всей западной Африкѣ. Козни Югурты не могли спасти Нумидіи. Отданная Юбѣ, эта восточная часть бывшаго алжирскаго владѣнія была окончательно присоединена къ Риму въ 729 г. отъ основанія Рима. Еще прежде была покорена Цезаремъ Мавританія. Отданная Августомъ сыну Юбы, она при Калигулѣ тоже вошла въ составъ имперіи. Отъ Киренаики, гдѣ господствовало греческое вліяніе до Атлантическаго океана, сѣверная окраина Африки принадлежала римлянамъ. И здѣсь, какъ въ другихъ провинціяхъ, Римъ упрочивалъ свою власть рядомъ пограничныхъ укрѣпленій. Завоеваніе Алжира французами обнаружило какъ далеко на югъ въ глубь страны проникало римское оружіе, какъ мастерски пользовались римляне стратегическими пунктами. Въ 1850 г., колонна французскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Сентъ-Арно чрезъ тысячу препятствій пробиралась въ долину Уэдъ-Абіада, чтобъ покорить безпокойныхъ кабилонъ. Никогда еще такъ далеко не заходили экспедиціи, и французскій солдатъ утѣшалъ себя мыслию, что въ этихъ мѣстахъ онъ былъ первый изъ европейцевъ. Римская надпись вырѣзанная на скалѣ разрушила эти самолюбивыя мечты. Непроступные почти проходы, такъ долго задерживавшіе французское войско, были пройдены римлянами еще во время Антониновъ съ помощію вспомогательныхъ когортъ туземцевъ. Не разъ французы пользовались стратегическими указаніями римлянъ, ясными по развалинамъ римскихъ укрѣпленій. Еще болѣе данныхъ представляютъ открытія смѣлаго Барта, изслѣдовавшаго почти весь материкъ Африки. Остатки римскихъ укрѣпленій, римскія гробницы и надписи онъ находилъ такъ далеко къ югу, какъ нельзя бы было предположить прежде. Въ 1-мъ томѣ начатаго изданія его путешествія по Африкѣ, мы найдемъ описаніе этихъ римскихъ

памятниковъ и самыя рисунки. Я не имѣю времени остановиться на результатахъ добытыхъ Бартомъ, въ его путешествіи по тунисскимъ владѣніямъ по Тараболу, Сиртѣ и Сахарѣ; и притомъ для насъ не столько важно точное опредѣленіе границъ римскихъ владѣній въ Африкѣ и мало возможное еще въ наше время, сколько взаимная постановка римскаго и туземнаго вліянія, а при этомъ я буду имѣть случай разъ сослаться на Барта.

Западная часть сѣверной Африки подъ римскимъ владычествомъ дѣлилась на нѣсколько провинцій. Нѣкоторыя изъ нихъ управлялись сенатомъ, другія императорами. Эти провинціи Африки были слѣдующія: Мавританія, раздѣлявшаяся на Мавританію Tingitana (нынѣшній Марокко) и Мавританію Caesariensis (часть Алжира); обѣ управлялись прокураторами императора. Затѣмъ слѣдовала Нумидія (восточная часть Алжира), Африка (Тунисъ), и наконецъ новая Африка (часть Триполи). Разрушеніе Карсагена и городовъ его не надолго уничтожило матеріальное благосостояніе Африки и скоро ея провинціи получаютъ названіе кормилицъ Рима, Nutrices Romae. Плодородіе почвы, богатство произведеній и близость къ Италіи обращали на нея вниманіе Рима. Коммодъ основалъ особый африканскій флотъ, который долженъ былъ поддерживать постоянныя сношенія Италіи съ Африкой и доставлять хлѣбъ и другія произведенія африканскихъ провинцій въ житницы Рима.

Легкость сообщенія Италіи съ Африкой давала возможность множеству римлянъ переселяться въ ливійскія провинціи и основывать тамъ земледѣльческія поселенія или селиться въ городахъ для торговли и промышленности. Множество римскихъ колоній находимъ мы въ названныхъ 5-ти провинціяхъ. Въ Мавританіяхъ ихъ было 11 (по другимъ извѣстіямъ 21); въ остальныхъ областяхъ 6, а число римскихъ колоній не могло быть вообще значительно, потому что ихъ основаніе было дѣломъ государственнымъ, сопровождалось религіозными обрядами. Число свободныхъ поселеній римлянъ въ городахъ уже существующихъ и даже вновь заселенныхъ мѣстностей было несравненно значительно; такъ въ Нумидіи и Африкѣ было 15 муниципій съ римскимъ правомъ. Города древняго Карсагена одинъ за другимъ возставали изъ развалинъ, заселенные новыми колонистами. Съ самого Карсагена снято было проклятіе, осуждавшее его на вѣчное запустѣніе. Августъ вывелъ въ него гражданскую колонію изъ 3,000 италійскихъ семействъ; а во времена Тиберія Карсагенъ былъ уже первымъ городомъ Африки. Промышленный и торговый духъ прежнихъ обитателей, какъ бы перешелъ къ его новымъ посе-

ленцамъ, а превосходное положеніе мѣстности какъ нельзя болѣе благопріятствовало развитію благосостоянія молодого города. Скоро Картагенъ сдѣлался снова какъ бы соперникомъ стараго Рима, но соперникомъ не въ политическомъ могуществѣ, а въ богатствѣ и торговлѣ. Соперникомъ и ровней Риму явился Картагенъ и относительно образованія. Муниципальная курія Картагена, обыкновенно называемая сенатомъ, не щадила издержекъ на литературныя торжества, куда стекались представители древней мысли и поэзіи со всей Африки. Картагенъ былъ центромъ умственной дѣятельности для всего сѣверозападнаго побережья Африки. Древніе писатели, особенно Апулей, говорятъ съ восторгомъ объ его знаменитыхъ школахъ философіи и декламации, о публичныхъ чтеніяхъ въ библіотекѣ и въ театрѣ. Денежныя награды, статуи, воздвигаемыя на счетъ города литературнымъ знаменитостямъ, почетъ, которымъ окружало поселеніе Картагена эти знаменитости, — все это влекло къ нему поэтовъ, риторовъ и ораторовъ со всѣхъ странъ. На языкѣ поэтовъ Картагенъ назывался не иначе, какъ небесною музою, Каменою людей, носящихъ тогу, *Musa Coelestis, Samaena togatorum*. Бл. Августинъ даже въ IV вѣкѣ имѣлъ полное право говорить: *Duae urbes litterarum latinarum artifices, Roma atque Carthago*. Зданія Картагена возбуждали удивленіе путешественниковъ. Одна улица, называемая Небесной (*Coelestis*), была почти вся застроена великолѣпными храмами. Улица Банкировъ поражала множествомъ мрамора и золотыхъ украшеній. Другіе города по возможности дѣлили съ Картагеномъ и его матеріальное благосостояніе, и его участіе въ литературной и научной дѣятельности. Въ Африкѣ и Нумидіи торговый городъ Лептисъ, древняя колонія Сидона, до нѣкоторой степени возвратила себѣ прежнее значеніе. Тамъ же была Утика, прославленная смертію Катона. Во внутренней страны была Сакка и на скалѣ построенная Цирта, еще со временъ Миципы населенная греками. Въ Мавританіи, Цезарей, Модаура, Тагасте, Тибурсика и т. д. Зались и Ликсось находились на западномъ берегу Африки, омываемомъ Атлантическимъ океаномъ. Исторія христіанства въ сѣверной Африкѣ представляетъ самыя лучшія статистическія данныя, для опредѣленія числа значительныхъ поселеній въ 5 ливійскихъ провинціяхъ въ III столѣтіи: во время св. Кипріяна болѣе 200 епископовъ было пастырями африканской церкви. Въ IV вѣкѣ, число ихъ возрасло почти до 500, а каждая епископская кафедра предполагаетъ по необходимости сколько нибудь значительное поселеніе, если не городъ. Главная масса городскихъ и сельскихъ поселеній лежала, разумѣется, по морскому побережью.

Сюда почти тотчасъ послѣ завоеванія Карфагена, римская аристократія, начала выводить многочисленныя земледѣльческія колоніи. Ни въ какой провинціи имперіи римская аристократія не имѣла такихъ обширныхъ владѣній. Шестеро вельможъ, казенныхъ Перономъ, владѣли, по свидѣтельству Плинія, почти половиною Африки. Рядомъ съ государственною колонизаціею Рима шла частная колонизація богатыхъ гражданъ, извлекавшихъ изъ своихъ африканскихъ помѣстій огромные доходы. Весь сѣверозападный берегъ Африки былъ покрытъ римскими поселеніями, которыя становились рѣже по мѣрѣ того, какъ углублялись во внутренность страны, и наконецъ на окраинахъ Сахары и въ оазисахъ пустыни, они ограничивались военными укрѣпленіями и лагерами, оберегавшими житницу Рима отъ нападений вочевыхъ племенъ внутренней Африки. Въ своемъ распространеніи во внутренность страны, римское владычество и влияние шло по путямъ проложеннымъ смѣлыми торговцами Финикійи и Карфагена. Римская цивилизація и латинскій языкъ пронизали въ слѣдъ за легионами и прочно утверждались въ покоренныхъ мѣстностяхъ. Римская Африка дала много блестящихъ писателей Риму. Мало того въ исторіи римской литературы есть цѣлый періодъ, который справедливо можно назвать періодомъ латиноафриканскимъ, точно такъ, какъ мы называемъ предшествующіе латиноберійскимъ или латиноиспанскимъ. Развитие латиноафриканской литературы начинается со временъ Марка Аврелія. Кромѣ знаменитыхъ юристовъ, Африка дала Риму великолѣпныхъ ораторовъ, каковымъ на примѣръ былъ Фронтонъ. Еще большею славою пользовался Апулей, лучший представитель латиноафриканскаго духа. Этотъ періодъ идетъ до половины или до конца III вѣка, и его послѣднимъ представителемъ является карфагенскій поэтъ Немезіанъ (около 282 г.). Съ новою силою началось развитіе латино-африканской литературы съ тѣхъ поръ, какъ литература язычества начала уступать христіанскому краснорѣчію. Начало этой христіанской литературы Африки почти совпадаетъ со временемъ паденія ея языческой науки. Начиная съ Тертуліана и Минуція Феликса, идетъ почти непрерывный рядъ отцовъ африканской церкви и христіанскихъ писателей, славныхъ не одною святостію жизни, достойныхъ бойцевъ противъ умирающаго язычества. Св. Кипріанъ, Арнобій, Лактанцій и наконецъ послѣдній по времени и въ то же время знаменитѣйшій изъ христіанскихъ мыслителей и ораторовъ, уроженецъ Тагасте, епископъ нумидійской Гишпоны, бл. Августинъ, свидѣтель варварскаго нашествія, въ конецъ сокрушившаго и политическое могущество и самое влияние Рима. Епископъ Гишпоны былъ по-

слѣднимъ и полнѣйшимъ представителемъ латиноафриканской цивилизаціи, озаренной свѣтомъ христіанства. Перебирая въ памяти многочисленныхъ латинскихъ писателей Африки, языческихъ и христіанскихъ, зная непрерывный притокъ римскоитальянскаго населенія, притокъ, продолжавшійся до самаго послѣдняго времени, потому что до вторженія вандаловъ римская Африка пользовалась безопасностію отъ опустошительныхъ набѣговъ варваровъ, зная все это, трудно кажется предполагать, чтобы туземные племенные элементы, финикійское и карфагенское вліяніе удѣляло въ этихъ провинціяхъ; чтобы рядомъ съ религіей и языкомъ Рима стояла религія и языкъ ненавистныхъ Риму карфагенянъ, и однакоже это было такъ.

Прежде скажу нѣсколько словъ о туземныхъ племенахъ, до поселенія финиціянъ и развитія карфагенскаго могущества. Многочисленныя племена сѣверной Африки можно подвести подъ двѣ большія племенные группы. Это будетъ, во-первыхъ, могущественное племя либійское, котораго современными намъ представителями являются берберы. Племя либійское распадалось на двѣ федераціи. Федерация мазиковъ на песчаной окраинѣ Ситры, и племена гетуловъ, которыя съ южныхъ отлогостей Атласа шли въ невѣдомую даль южной Африки. На западъ отъ ливійскаго племени, почитаемаго древними за автохтоновъ, по сѣверозападному берегу Африки жило племя пришлое; по свидѣтельству древнихъ, это были мавры, прозванные также *Nomadi* или *Numidi* за свою привязанность къ кочевой жизни. О ихъ переселеніи и о дѣйствительности этого переселенія можно говорить только гипотезы. Такова напримѣръ гипотеза о ихъ заселенія изъ Ханаана. Туземныя племена Африки мало по малу покорились сначала финикійскимъ колоніямъ, потомъ Карфагену. Для насъ нѣтъ нужды говорить о постепенномъ распространеніи власти и вліянія Карфагена. Полудикіе и бродячія племена туземцевъ очевидно не могли ничего противопоставить успѣхамъ карфагенофиникійской цивилизаціи и тѣмъ крѣпче утвердилась эта цивилизація тамъ, куда она проникла. Въ своихъ путешествіяхъ, Бартъ нашелъ далеко на югѣ Африки римскій памятникъ, называемый туземцами памятникомъ Суффетовъ. Такъ, до сихъ поръ еще хранится въ народной памяти слѣдъ карфагенскаго владычества. Мрачная религія карфагенянъ вытѣснила грубый фетишизмъ туземцевъ. Финикійскій языкъ сдѣлался для нихъ языкомъ разговорнымъ. Только въ сѣверозападномъ углу Африки, среди мавровъ, сохранились и прежнія вѣрованія и можетъ быть прежніе діалекты. Являясь владѣтелями Африки, римляне встрѣтились съ финикійскою цивилизаціею, и, чтобы

остаться побѣдителемъ, латинскій элементъ долженъ былъ прежде всего вступить въ борьбу съ нею или признать совмѣстное ея существованіе рядомъ съ собою. Для перваго, т. е. для вѣчнаго вытѣсненія кареагено-финикійской цивилизаціи, Римъ, не смотря на свои громадныя средства, не имѣлъ достаточныхъ силъ. Туземный племенной элементъ, прикрываясь внѣшними формами цивилизаціи своихъ первыхъ завоевателей, не хотѣлъ отъ нихъ отказаться. Даже тамъ, гдѣ латинское вліяніе одерживало, повидимому, самую полную побѣду, и тамъ латинство на самомъ себѣ чувствовало сильное воздѣйствіе со стороны туземнаго племеннаго элемента.

Лучше всего это воздѣйствіе послѣдняго на латинство становится замѣтно въ латино-африканской литературѣ. Матеріаль литературы, т. е. языкъ чисто-латинскій, литературныя внѣшнія формы — тѣже римскія, и однако, внутреннее содержаніе, тонъ, стиль и приемы носятъ на себѣ рѣзкій слѣдъ туземнаго вліянія. Подъ внѣшними формами латинскаго краснорѣчія слышно присутствіе элемента чуждаго Риму. Лучшимъ представителемъ сущности и отличительныхъ особенностей латино-африканской литературы является Апулей среди языческихъ писателей римской Африки. На его остроумныхъ, исполненныхъ граціи и изящества разсказахъ, отразилась одна сторона африканскаго элемента; другая нашла себѣ полного выразителя въ христіанскомъ писателѣ—Тертуліанѣ. Его страстная апологія христіанства противъ язычниковъ лучше всего доказываетъ африканскую кровь автора. Но если въ литературѣ такъ сильно было вліяніе племеннаго туземнаго элемента, тѣмъ болѣе оно должно было чувствоваться въ нравахъ, въ жизни, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ языкѣ покоренныхъ. Характеръ населенія, наприм. самого Кареагена, рѣзко отличается отъ характера другихъ городовъ. Въ страшномъ развратѣ, смѣси фанатическаго исповѣданія христіанской религіи съ языческими обрядами, сказывалась африканская натура. Въ самыхъ церквахъ, на гробахъ мучениковъ, кареагенскіе христіане совершали пиры, съ характеромъ языческимъ, пиры, переходившіе часто въ дикую оргію. На судьбахъ христіанства, точно также какъ на судьбахъ римской цивилизаціи въ Африкѣ, видѣнъ рѣзкій слѣдъ туземнаго элемента. Христіанство было принято населеніемъ Африки съ тѣмъ же страстнымъ увлеченіемъ, которое его характеризовало во всѣхъ случаяхъ. Огромное число африканскихъ епископствъ всего лучше свидѣтельствуетъ о быстромъ распространеніи христіанства. Церковь кареагенская по своему вліянію не разъ соперничала съ самымъ Римомъ. Но, принимая его, населеніе Африки по своей

страстности, не могло остаться въ законныхъ предѣлахъ; оттого Африка, давая христіанскому міру знаменитыхъ исповѣдниковъ и учителей церкви, въ голосу которыхъ благоговѣнно прислушались церкви Европы и Азіи, была въ то же время мѣстомъ если не рожденія, то полного развитія многихъ ересей, преимущественно тѣхъ, которыя отличались фанатизмомъ, которыя требовали жертвъ и лишеній. Здѣсь прочно утвердилась ересь манихеевъ, явившаяся съ востока, и дававшая полный просторъ разгоряченному воображенію, соединявшая съ истинами божественной религіи персидскій дуализмъ и мистическое ученіе. Здѣсь же родилась и развилась во всей своей силѣ ересь донатистовъ, основанная Донатомъ, епископомъ одного города Нумидіи. Она возникла изъ фанатическаго осужденія христіанъ, ослабѣвшихъ во время гоненія Діоклетіана и выдавшихъ языческимъ магистратамъ книги св. писанія. Послѣдователи Доната не хотѣли принимать ихъ въ свое общеніе. Дикія племена Нумидіи и Гетуліи, вооруженныя, толпами нападали на христіанъ другихъ мѣстнѣй, обозначая свой слѣдъ губительными опустошеніями. Начавшись, повидимому, съ простаго вопроса церковной дисциплины, ересь Доната повела къ фанатическому изувѣрству. Не довольствуясь тѣмъ, что страшными опустошеніями доказывали правоту своего ученія, донатисты часто сами искали смерти, думая ея заслужить вѣнецъ мучениковъ. Часто въ назначенный заранѣе день, они свергались со скалъ, или принуждали по дорогамъ путешественниковъ убивать себя, грозя имъ въ случаѣ несогласія смертію и истязаніями. Въ фанатизмъ донатистовъ, въ ихъ склонности промѣнять осѣдлую жизнь на безпокойное, тревожное существованіе бродячихъ схимниковъ, нельзя не признать особенностей африканской природы, не стертыхъ римскою цивилизаціею.

Намъ не трудно будетъ показать живучесть прежнихъ племенныхъ элементовъ и во внѣшнихъ признакахъ, болѣе осязательныхъ и наглядныхъ, чѣмъ особенности народнаго характера. Мало того, что во всей чистотѣ сохранилась этнографическая основа, племенной типъ, вообще трудно изглаживаемый внѣшнимъ вліяніемъ, чрезвычайно долговѣчный, сохранилась религія и языкъ туземцевъ. Въ римской Африкѣ было два элемента, туземный и кареагенскій. Во многихъ мѣстностяхъ, первый уступилъ уже вліянію Кареагена, не имѣя въ себѣ достаточной внутренней крѣпости; за то кареагенская цивилизація упорно отстаивала свое существованіе. Встрѣчалась съ нею, латинство, или римское вліяніе, должно было терять надежду на исключительное преобладаніе. Мы видѣли, какъ долго въ Испа-

ни хранились слѣды кареагено-финикійскаго элемента, не уступивъ окончательно Риму во все время его политическаго владычества, и уничтоженные только христіанствомъ. Тѣмъ болѣе крѣпости этотъ элементъ долженъ былъ имѣть въ Африкѣ, гдѣ волоніи финикіянъ и кареагянъ лежали болѣе сплошною массою, и гдѣ туземцы стояли несравненно на нисшей степени развитія, чѣмъ многія племена Испаніи. Начнемъ съ живучести религиозныхъ вѣрованій Кареагена во все время владычества Рима, замѣтивъ при этомъ одну трудность изслѣдованія. И въ Африкѣ, какъ въ другихъ областяхъ римскаго міра, туземныя божества частію слились съ божествами греко-римской мифологіи, частію получили чуждыя имъ имена, взятая изъ той же мифологіи. Этой участи не избѣгли и божества кареагено-финикійскія, не смотря на то, что ихъ характеръ, повидимому, не имѣлъ ничего общаго съ предметами поклоненія эллиновъ и римлянъ. Два главнѣйшія божества Кареагена получили у римлянъ названіе Сатурна и богини Целесты. Третье божество финикійско-тирское, Мелькартъ, называется ливійскимъ Геркулесомъ и подъ этимъ именемъ чтился не въ одной Африкѣ, но и въ самой Италиі, также въ Испаніи и Галліи. Целеста была покровительницей Кареагена. Римляне, давши ей латинское имя, не согласны были въ понятіяхъ объ ея значеніи. Большая часть римскихъ писателей отождествляли ея съ Юноной, но другіе, въ томъ числѣ бл. Августинъ, котораго свидѣтельство имѣетъ въ этомъ случаѣ особенную важность, называютъ ее или Венерой или Ураніей. Греки вообще именуютъ ея Астартой и даютъ возможность повѣрить разнорѣчащія свидѣтельства римскихъ писателей. Древній Эсмунъ кареагянъ получилъ отъ римлянъ имя Эскулапа. Знаменитѣйшій храмъ его находился въ Бирсѣ. Геній-хранитель Кареагена чтился въ этомъ городѣ въ образѣ камня. За тѣмъ трудно уже отмѣчать божества кареагено-финикійскія подъ греко-римскими именами. Такъ, знаемъ, что поклоненіе Аполлону особенно процвѣтало въ Утикѣ, но сколько было въ этомъ культѣ финійскаго элемента, рѣшить невозможно. Кромѣ примѣси греко-римскаго религиознаго вліянія, замѣтно также быть можетъ еще большее вліяніе религіи Египта и азіятскаго востока. Культы матери боговъ, Митры, Сераписа, Изиды и Аммона, имѣли столь же многочисленныхъ приверженцевъ, какъ и художественный культъ эллинизма. Какъ ни трудно впрочемъ отличить кареагено-финикійскія божества подъ чуждыми имъ именами и среди постороннихъ религиозныхъ вліаній, историческія извѣстія говорятъ слишкомъ положительно, чтобы можно было усомниться въ продолжительности

существованія кареагено-финикійскаго культа во все время римскаго владычества. Финикійскій Ваальъ или Молохъ сохранилъ свой національный характеръ и подъ римскимъ именемъ Сатурна. Ему поклонялись не одни прямыя потомки древнихъ кареагенианъ. Италійскіе колонисты Африки въ свою очередь приняли многое изъ мрачныхъ вѣрованій кареагенианъ. Культъ Ваала или Молоха сопровождался кровавыми жертвами. Ему приносили въ жертву дѣтей. Когда сициліецъ Агаеокъ подступилъ подъ стѣны Кареагена, 200 младенцевъ, изъ самыхъ знатныхъ семей, по опредѣленію кареагенскаго правительства, одинъ за другимъ возложены были на руки статуи Ваала, раскаленной до красна. Число частныхъ жертвъ того же рода простиралось до 300. Напрасно Гелонъ послѣ побѣды запретилъ эти страшныя жертвы. Кареагениане остались вѣрны древнему культу. По свидѣтельству Тертуліана, въ его апологіи христіанства, публично приносили въ жертву Сатурну дѣтей до самаго проконсульства Тиверія во II вѣкѣ по Р. Х. Тиверій приказалъ пригвоздить жрецовъ Ваала къ деревьямъ, окружавшимъ мѣсто жертвоприношеній. Не смотря однако на строгое запрещеніе и жестокия казни ослушникамъ, принесеніе дѣтей въ жертву Ваалу-Сатурну долго еще продолжалось въ тайнѣ, самое же поклоненіе очевидно должно было пережить кровавыя жертвы. Въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей Африки, особенно бл. Августина, находится чрезвычайно много свидѣтельствъ о культѣ Целесты-Астарты. Великолѣпный храмъ ея находился въ самомъ Кареагенѣ. Кругомъ его были храмы божествъ меньшихъ и все это пространство, занимавшее собою около двухъ миль, было обнесено высокою стѣною. Только при Θεодосіѣ была затворена эта ограда, и запрещено было приносить жертвы въ храмъ Астарты-Целесты. При Гоноріѣ, Аврелій, епископъ Кареагена, обратилъ этотъ храмъ въ христіанскую церковь, и поставилъ епископскую кафедру на львѣ, прежде поддерживавшемъ статую богини, въ 420 г. по Р. Х. Многочисленные поклонники Астарты распустили будто бы изрѣченіе оракула, по которому предсказывалось, что всѣ храмы на улицѣ Целесты будутъ возвращены древнему культу. Чтобы воспрепятствовать смутамъ, трибуны Урсъ велѣлъ срыть всѣ оставшіеся храмы и въ томъ числѣ знаменитый храмъ самой Астарты-Целесты, такъ недавно обращенный въ христіанскую церковь. Съ паденіемъ храма не кончилось поклоненіе самой богини. Оно сохранилось въ V вѣкѣ и даже послѣ завоеванія Африки вандалами; идолы богини, уничтоженные въ храмахъ, хранились въ жилищахъ частныхъ людей до послѣдняго времени, и домашнее богослуженіе замѣняло

недостатокъ общественнаго. У Сальвіана Марсельскаго находимъ извѣстіе, что не только язычники чтли богиню, но сами христіане не стыдились приносить ей жертвы. Фактъ, часто встрѣчающійся въ исторіи христіанства въ Африкѣ. Игры въ честь Целесты продолжались также весьма долго. Народонасеніе Африки держалось за нихъ съ большимъ упорствомъ. Убѣжденія христіанскаго духовенства часто были безсильны, чтобы остановить самыхъ христіанъ отъ участія въ языческихъ торжествахъ. До насъ дошли увѣщанія бл. Августина, показывающія, какую силу имѣлъ еще древній культъ, если не надъ умами и вѣрованіями, по крайней мѣрѣ надъ привычками народонаселенія Африки.

То, что сказано о существованіи культовъ Ваала и Астарты до самаго послѣдняго времени римскаго владычества, предполагаетъ и существованіе культа другихъ національныхъ божествъ. Дѣйствительно, статуя Мелькарта или ливійскаго Геркулеса находилась еще въ Карфагенѣ, во время бл. Августина, и на пьедесталѣ читалась надпись въ честь божества. Карфагенскіе христіане нѣсколько времени требовали напрасно ея разрушенія. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, статуи боговъ сохранились еще дольше. Въ V вѣкѣ, въ одномъ городѣ Мавританіи найдены были идолы мѣстныхъ божествъ, скрытые въ пещерахъ. Языческія ночныя празднества, называвшіяся ноктурнами, отправлялись во многихъ мѣстахъ также въ V вѣкѣ. Точно также какъ религія карфагенянъ, должны были сохраняться, и вѣрованія африканскихъ племенъ, не принявшихъ на себя карфагенской цивилизаціи и религіи. Вѣрованія этихъ племенъ могли сохраняться тѣмъ болѣе, что отличались немногосложностію и вѣроятно не развились до общественнаго богослуженія. Здѣсь должно было господствовать частное домашнее поклоненіе, обыкновенно остающееся въ народѣ несравненно долѣе богослуженія общественнаго. Мавританія и Нумидія очень долго сохраняли вѣру въ своихъ боговъ, которымъ римляне незнаютъ именъ, и которые, какъ предполагаютъ, были не что иное какъ обоготворенные древніе предводители племенъ. До IV вѣка по Р. Х. и въ IV вѣкѣ, эта мѣстная религія удержалась въ большей или меньшей чистотѣ.

Перейдемъ теперь къ языку, другому внѣшнему признаку народности. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что латинскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ IV и въ V вѣкахъ, окончательно восторжествовалъ надъ языкомъ карфагенскимъ или пуническимъ, какъ называли его римляне. Факты, на которыхъ основываются эти писатели, не допускаютъ впрочемъ такого по-

положительнаго заключенія. Напротивъ, все говоритъ въ пользу совмѣстнаго существованія въ Африкѣ обоихъ языковъ рядомъ другъ подле друга. И притомъ, въ началѣ, пуническій языкъ долженъ былъ преобладать въ большей части мѣстностей. Даже въ городахъ, центрахъ римской власти и римской цивилизаціи, языкъ кареагенскій занималъ видное мѣсто. Онъ былъ даже не однимъ только языкомъ разговорнымъ, но и литературнымъ и юридическимъ. Любопытное подтвержденіе этому относится къ II вѣку нашей эры, именно ко времени Септимія Севера. Септимій Северъ былъ родомъ изъ Африки и до конца жизни не могъ отдѣлаться отъ пуническаго выговора, даже въ латинской рѣчи, которою онъ владѣлъ почти въ совершенствѣ. Онъ отличался еще большимъ краснорѣчіемъ на своемъ родномъ языкѣ. Онъ былъ уроженецъ Лептиса, и одно извѣстіе изъ его біографіи говоритъ положительно о томъ, что языкъ кареагенскій былъ разговорнымъ языкомъ Лептиса. Свидѣтельство знаменитаго юриста времени Септимія Севера, подобно ему уроженца Африки, Ульпіана, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что пуническій языкъ употребляли въ юридическихъ сдѣлкахъ, и онъ былъ слѣдовательно языкомъ, признаннымъ оффиціально римлянами. На пуническомъ языкѣ, какъ говоритъ Ульпіанъ, позволено было составлять *fidei commissa*. Въ проповѣдяхъ бл. Августина есть мѣста доказывающія, что кареагенскій языкъ былъ понятенъ еще въ V вѣкѣ для жителей Гиппона, хотя уже многіе не говорили на немъ. Въ одной изъ своихъ церковныхъ рѣчей, бл. Августинъ приводитъ народную кареагенскую пословицу. Если въ самыхъ городахъ языкъ латинскій не могъ вытѣснить мѣстныхъ нарѣчій, не смотря на то, что въ нихъ были главные массы чисто римскаго населенія, то очевидно, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, среди деревенскаго населенія, мѣстныя нарѣчія имѣли еще болѣе силы. Не смотря на блистательное развитіе латино-африканской литературы, латинскій элементъ не былъ проченъ въ Африкѣ, а владѣлъ только поверхностію общества, мало проникая въ нисшіе его слои. Тамъ хранились еще во всей своей чистотѣ туземные элементы, и когда нашествіе вандаловъ, потомъ внутрення смуты и наконецъ вторженія арабовъ разогнали и уничтожили эти верхніе образованные классы римско-африканскаго общества, вмѣстѣ съ ними исчезло латинское вліяніе. По крайней мѣрѣ, когда арабы завладѣли сѣверозападнымъ побережьемъ Африки, они нашли только вѣковѣчныя развалины римскихъ зданій, покрывавшія пространство римской Африки и углублявшіяся далеко въ пустыню. Населеніе, говорившее языкомъ латинскимъ, исчезло почти безслѣдно, мѣсто его заняли берберы, спу-

стившіеся на морское побережье изъ недоступныхъ долинъ Атласа, куда загнало ихъ оружіе карфагенянъ и потомъ римлянъ. Это были остатки первобытныхъ обитателей Африки. Въ ихъ воспоминаніяхъ сохранялись смутныя преданія о владычествѣ Карфагена, владычество же римлянъ было забыто, и самыя римскія сооруженія приписаны ими финикійскимъ выходцамъ. Еще легче должно было сгладиться римское вліаніе въ Мавританіи, менѣе другихъ ливійскихъ провинцій ему подчинившихся, въ большей чистотѣ сохранившей свою туземную этнографическую основу. Тамъ стоило только рухнуть политическому авторитету вѣчнаго города, чтобы вмѣстѣ съ нимъ исчезло и его нравственное и умственное вліаніе. Измѣненіе народностей, ихъ вырожденіе совершается вѣковыми усиліями, требуетъ неослабнаго вліанія чуждаго элемента, но, и подчиняясь ему, повидимому, совершенно, народъ еще долго хранитъ свои фізіологическія особенности, если не прежнія вѣрованія и не языкъ. Въ физической организаціи, въ складѣ ума, въ особенностяхъ народнаго характера, еще долго, быть можетъ навсегда, сохранится слѣдъ первоначальнаго этнографическаго элемента.

Сдѣлаемъ *общій выводъ* изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ провинцій западной или латинской части римской имперіи. Здѣсь былъ центръ латинскаго вліанія. На востокъ оно проникало, какъ увидимъ, весьма мало; тамъ почти безъ раздѣла царствовали эллинизмъ, съвозъ внѣшній покровъ котораго просвѣчивали мѣстные туземные элементы. Римское вліаніе торжествовало только тамъ, гдѣ не встрѣчало себѣ соперника въ эллинизмѣ. Его распространеніе началось, какъ и слѣдовало, съ Италіи. Только слившись съ родственными элементами племенъ южной и средней Италіи и подчинивъ себѣ немногочисленные племенные элементы, чуждые, оно перешагнуло за предѣлы полуострова, въ покоренныя провинціи. Одна за другою эти провинціи покорялись ему: Галлія цизальпінская, Лигурія, Венеція, южная Галлія трансальпінская, Испанія, средняя и сѣверная Галлія, Британія, острова Средиземнаго моря, придунайскія провинціи, и наконецъ Африка. Повсюду внѣшнія формы цивилизаціи запечатлѣны были латинскимъ характеромъ. Исключеніе составляли только тѣ мѣстности, гдѣ утвердилось греческое вліаніе, съ которымъ трудно было бороться латинскому. Въ этихъ мѣстностяхъ, латинизмъ могъ только стать рядомъ съ греческимъ элементомъ, занимая впрочемъ второе мѣсто. За то тамъ, куда не проникъ эллинизмъ, побѣда Рима была, повидимому, самая полная. Вѣчный городъ владелъ неодолимою силою притяженія для провинціаловъ. Лучшіе люди провинціи стремились къ

Риму, потому что тамъ былъ центръ не одной политической жизни, тамъ было средоточіе умственной дѣятельности; туда же влекла обольстительная приманка матеріальныхъ наслажденій. Прямое потомство древнихъ квиритовъ покрыло своими востанами поле битвъ въ трехъ частяхъ свѣта. Какъ войны и мирные колонисты шли римляне и италики во всѣ концы римскаго міра, неся съ собою римскую цивилизацію. Число выходцевъ изъ Италіи было огромно, но на убыльнѣ мѣста стремились притокомъ провинціаловъ. Лучше всего можно слѣдить за этимъ притокомъ по увеличенію числа римскихъ гражданъ. Провинціалы, получившіе это званіе, eo ipso должны были принять на себя всѣ отличительныя особенности римской цивилизаціи. Императоръ Клавдій снялъ римское гражданство съ одного богатаго и знатнаго уроженца Ликии, за то, что онъ не зналъ полатыни. Латинскій элементъ распространился поэтому съ необычайною быстротою во всѣхъ западныхъ провинціяхъ имперіи. Латинскій языкъ сдѣлался языкомъ правительственнымъ и оффиціальнымъ. Римская гордость поддерживала его въ этомъ значеніи, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было въ этомъ значеніи никакой необходимости. Отличные знатоки греческаго языка и литературы, являясь въ Грецію представителями Рима, говорили съ греческими магистратами не иначе какъ чрезъ переводчика. Римскія книжныя лавки были во всѣхъ провинціяхъ: въ Александріи, Лионѣ, Реймсѣ, Вьеннѣ и т. д. Овидій, Проперцій, Марціалъ были въ рукахъ каждаго; ихъ сочиненія увозили на родину чужеземцы, бывшіе въ Римѣ. *Me vinus omnia, me manus omnia habet*, могли съ гордостію говорить римскіе поэты. Ихъ стихотворенія читалъ суровый центуріонъ въ странѣ гетовъ и въ далекой Британіи, и не смотря однакоже на это, повидимому, полное господство, латинское вліяніе было безсилно уничтожить прежніе туземные племенные элементы. Они сохранялись даже тамъ, гдѣ всего сильнѣе было латинское вліяніе, гдѣ пережило оно политическую самостоятельность Рима, и гдѣ, повидимому, оно проникло въ самую глубь общественной жизни: въ Италіи, въ Галліи, Испаніи, въ Дакии и Мизіи, не говоря уже объ Африкѣ, островахъ, или Британіи и Дунайскихъ провинціяхъ. Мало того, давая покореннымъ народамъ вѣдшія формы римской цивилизаціи и литературное образованіе, римское преобладаніе дало возможность народному духу завоеванныхъ провинцій заявить себя въ большей или меньшей чистотѣ въ самыхъ произведеніяхъ чуждой письменности. Мы имѣли случай замѣтить въ развитіи римской литературы время имперіи періоды латино-иберійскій, латино-африканскій и латино-кельт-

скій. Такъ, на самомъ литературномъ образованіи побѣдителей отразилось воздѣйствіе побѣжденныхъ. Религіозныя вѣрованія западныхъ областей не могли имѣть такого общаго вліянія, какъ религія древняго востока. Важно и то, что они сохранились въ религіозномъ сознаніи побѣжденныхъ, не смотря на вліянія греко-римской мѣологии и частыя запретительныя мѣры римскаго правительства. До конца римскаго владычества сохранился друидизмъ въ Галліи и Британіи, туземныя финиційскія божества въ Испаніи, религія Карфагена въ римской Африкѣ. Ту же живучесть племенныхъ элементовъ запада замѣтили мы и въ языкахъ, изъ которыхъ многіе сохранились до нашего времени, другіе вошли въ составъ языковъ романскихъ или новолатинскихъ, оказавъ при этомъ болѣе или менѣе значительное дѣйствіе на самый составъ и формацію этихъ языковъ. Слѣды древнихъ діалектовъ нашли мы въ самомъ центрѣ латинизма, въ Италіи, и притомъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ столицы древняго міра. Еще яснѣе обнаружилась бы эта живучесть племенныхъ элементовъ, если бы мы стали слѣдить за ихъ проявленіями въ дѣятельности уроженцевъ той или другой области, даже вполне усвоившихъ себѣ римское образованіе. Этнографическія изслѣдованія относительно странъ, нѣкогда бывшихъ въ предѣлахъ римской имперіи, должны также дать много фактовъ для племенныхъ элементовъ туземцевъ римскаго міра. Но даже и въ настоящемъ своемъ состояніи, далеко еще неудовлетворительномъ, эти этнографическія изслѣдованія положительно доказываютъ существованіе племенныхъ типовъ, несглаженныхъ латинскимъ вліяніемъ.

Этимъ общимъ замѣчаніемъ мы заключимъ обзоръ западной, латинской части римской имперіи, чтобы перейти къ обзорѣнню *эллинскаго Востока*.

С. ЕШЕВСКІЙ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

III.

Э П О Х А

КОНГРЕССОВЪ.

I

Первая реставрація и Сто дней.

Конгрессъ, собраніе государей или представителей ихъ для рѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса, для возстановленія какихъ-нибудь нарушенныхъ отношеній, есть явленіе новой, европейско-христіанской жизни. Языческая древность, когда народы жили особнякомъ, не знала этого явленія; но когда европейскіе народы стали жить общою жизнію, стали заключать союзы для общихъ войнъ, эти войны должны были оканчиваться общими, болѣе или менѣе продолжительными совѣщаніями о возстановленіи мира, общими сѣздами или конгрессами. Когда вначалѣ общая жизнь западно-европейскихъ народовъ развивалась преимущественно подъ церковнымъ вліяніемъ, важнѣйшее общее дѣйствіе — великое движеніе Европы на Азію — было рѣшено на *соборѣ*, папою. Въ половинѣ XVII вѣка, страшная тридцатилѣтняя война кончилась на продолжительномъ вестфальскомъ сѣздѣ, на которомъ была утверждена законность освобожденія отъ Римской церкви, а папа долженъ былъ ограничиться безплоднымъ протестомъ. Вестфальскій конгрессъ для прекращенія тридцатилѣтней войны, до самаго Вѣнскаго конгресса, былъ важнѣйшимъ явленіемъ этого рода въ общей жизни европейскихъ государствъ; отношенія, на немъ установленныя, суще-

ствовали долго, долго ссылались на нихъ государства въ своихъ ссорахъ и сдѣлкахъ. Въ концѣ XVIII вѣка, въ Европѣ обнаружилось небывалое движеніе, поведшее къ страшной борьбѣ, борьбѣ за основы европейской жизни, за свободу и равенство государствъ противъ стремленія одного къ владычеству надъ всѣми. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ Европа видѣла цѣлый рядъ коалицій противъ этого стремленія, коалицій, постоянно неудачныхъ; наконецъ, коалиція 1813 — 1814 годовъ сломила могущество наполеоновской Франціи. Борьба почти всѣхъ государствъ Европы противъ Франціи должна была необходимо имѣть послѣдствіемъ сѣздъ государей и министровъ ихъ для того, чтобы разобратъся въ развалинахъ Наполеоновой монархіи и установить такія отношенія, которыя бы обезпечивали Европу на будущее время отъ подобныхъ монархій. Но однимъ конгрессомъ дѣло не кончилось: стали происходить явленія, которыя грозили нарушить установленный порядокъ вещей, и мы видимъ еще нѣсколько конгрессовъ, на которыхъ государи и министры ихъ совѣщаются о мѣрахъ для охраненія установленнаго порядка. Такимъ образомъ, любопытное время европейской политической жизни, отъ 1814 до 1823 года, мы имѣемъ право назвать *эпохою конгрессовъ*. Изложеніе событій этой эпохи составить содержаніе настоящаго сочиненія; но при этомъ, для необходимой полноты, мы должны также заняться явленіемъ, которое нанесло первый сильный ударъ отношеніямъ, господствовавшимъ въ эпоху конгрессовъ, — мы должны заняться греческимъ возстаніемъ и его слѣдствіями.

Еще въ то время, когда борьба послѣдней коалиціи противъ Наполеона далеко не была кончена, между союзниками начали обнаруживаться такія отношенія, которыя не обѣщали прочности союзу. Когда Наполеонъ былъ еще силенъ, страшенъ, тогда все направлено было къ одной цѣли, къ отнятію у него этой силы, къ освобожденію себя отъ страха предъ непобѣдимымъ императоромъ французовъ. Но когда непобѣдимый былъ побѣжденъ, когда страхъ предъ нимъ началъ исчезать, то естественно являлась мысль о будущихъ отношеніяхъ государствъ, естественно являлись новые страхи, опасенія, не перейдетъ ли преобладающая роль Франціи въ кабой-нибудь другой державѣ, и именно въ Россіи, императоръ которой стоялъ въ челѣ коалиціи по значенію своего государства и по своей личной дѣятельности, по своимъ личнымъ средствамъ. Австрія первая подняла тревогу на счетъ опасности, грозящей со стороны Россіи; ея страхъ предъ этимъ новымъ могуществомъ даже повелъ къ мысли о возможности и пользѣ примиренія съ

Наполеономъ, чтобъ его могуществомъ уравновѣситъ могущество русскаго императора. Англія, которая также постоянно мучилась опасеніями за нарушеніе политическаго равновѣсія, легко усвоила себѣ взгляды Австріи относительно Россіи, и англійскіе государственные люди готовы были подвергнуться *случайностямъ мира* съ Наполеономъ. Но у русскаго императора былъ вѣрный союзникъ; — союзникъ этотъ былъ самъ Наполеонъ, считавшій невозможнымъ для себя, какъ начальника новой династіи, оставаться на престолѣ побѣжденнымъ, обезславленнымъ, тогда какъ единственное право его на престолъ заключалось въ той славѣ и блескѣ, которыя онъ далъ Франціи въ замѣнъ ея свободы и матеріальнаго благосостоянія. Наполеонъ, разрушившій планы Австріи относительно примиренія, этимъ самымъ помогъ императору Александру пройти въ Парижъ, получить неслыханное торжество, стать въ такое высокое положеніе, предъ которымъ, по крайней мѣрѣ, въ первую минуту, всѣ должны были преклониться.

Прошло первое впечатлѣніе, и опять съ новою силою возникли опасенія на счетъ преобладанія Россіи; вопросъ о восстановленіи Польши подъ скипетромъ русскаго императора подлил масла въ огонь, и Вѣнскій конгрессъ готовъ былъ окончиться войною между союзниками ¹⁾. Открытая война была предотвращена уступками со стороны русскаго императора и короля прусскаго; но прежнія отношенія между союзниками не могли быть восстановлены безъ какого-нибудь новаго, особеннаго обстоятельства. Франція какъ нельзя лучше воспользовалась охлажденіемъ между союзниками; ея министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, сдѣлалъ въ Вѣнѣ одну изъ самыхъ блестящихъ дипломатическихъ компаній, какія только знаетъ исторія; почти всѣ инструкціи его были выполнены: Польша не соединилась всецѣло подъ скипетромъ русскаго императора, Пруссія не получила всей Саксоніи, и Франція была обезпечена со стороны Германіи, оставшейся въ прежнемъ раздробленіи; Франція, побѣжденная, униженная, получила опять важное значеніе, становилась покровительницею слабыхъ державъ; Англія и Австрія, волею-неволею, должны были заключить съ нею союзъ для противодействія Россіи и Пруссіи. Но въ то время, какъ Людовикъ XVIII торжествовалъ въ Вѣнѣ, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа — передъ возвратившимся съ Эльбы Наполеономъ!

¹⁾ Я не повторяю здѣсь подробностей, изложенныхъ уже мною въ статьѣ: «Вѣнскій Конгрессъ» (Русскій Вѣстникъ, 1866 г.).

Бурбонамъ съ эмигрантами трудно было управлять *страшными* французскимъ народомъ, по выраженію императора Александра I-го. Дѣйствительно, французскій народъ былъ страшенъ, дѣйствительно, этотъ народъ давно уже игралъ главную роль въ западной континентальной Европѣ. Представимъ себѣ общество, составленное изъ людей съ различными характерами: одинъ человекъ очень умный, дѣятельный и дѣловой; онъ постоянно и исключительно занятъ своими ближайшими интересами, отлично обдѣлалъ свои дѣла, разбогатѣлъ страшно; но онъ при этомъ необщителенъ, держитъ себя въ сторонѣ, неуклюжь, не представителенъ, не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія въ другихъ, принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ только тогда, когда тутъ замѣшаны его собственные выгоды, да и въ такомъ случаѣ не любитъ дѣйствовать непосредственно, но заставляетъ дѣйствовать за себя другихъ, давая имъ деньги, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ нанимаетъ вмѣсто себя рекрута. Таковъ англичанинъ, таковъ англійскій народъ. Другой человекъ — очень почтенный, но односторонне разившійся, ученый, сильно работающій головою, но не могшій, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло и потому не способный къ сильной физической дѣятельности, безъ средствъ отбивать нападенія сильныхъ, безъ средствъ поддержать свое значеніе, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбѣ сильныхъ: это — нѣмецкій народъ. Третій человекъ, подобно второму, не могъ, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло, но южная, живая, страстная натура, кромѣ занятій наукою и особенно искусствомъ, требовала практической дѣятельности; не имѣя способовъ удовлетворить этой потребности у себя дома, онъ часто уходитъ къ чужимъ людямъ, предлагаетъ имъ свои услуги, и нерѣдко имя его блеститъ на чужбинѣ славными подвигами, обширною, смѣлою дѣятельностію: таковъ италіанскій народъ. Четвертый человекъ смотритъ истомленнымъ; но, какъ видно, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, способный къ сильной дѣятельности; и дѣйствительно, онъ велъ долгую, ожесточенную борьбу за извѣстные интересы, и никто въ это время не считался храбрѣе и искуснѣе его. Борьба, въ которую онъ страстно ушелъ весь, истощила его физическія силы, а между тѣмъ, интересы, за которые онъ боролся, ослабѣли, смѣнились другими для остальныхъ людей; но онъ не выработалъ себѣ другихъ интересовъ, не привыкъ ни къ какимъ другимъ занятіямъ; истомленный и праздный, онъ погрузился въ долгій покой, судорожно повременамъ обнаруживая свое существованіе, безпокойно прислушиваясь къ призывамъ новаго и въ то же время оттягиваясь закоренѣлыми привычками къ старому: это народъ испанскій.

Но больше всѣхъ этихъ четверыхъ членовъ нашего общества обращаетъ на себя вниманіе пятый, ибо никто не одаренъ такими средствами и никто не употребляетъ такихъ усилій для возбужденія къ себѣ всеобщаго вниманія, какъ онъ. Энергичскій, страстный, быстро воспламеняющійся, способный къ скорымъ переходамъ отъ одной крайности въ другую, онъ употребилъ всю свою энергію на то, чтобъ играть видную роль въ обществѣ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ. Никто больше и лучше его не говоритъ; онъ выработалъ себѣ такой легкой, таковой удобной языкъ, что всѣ принялись усваивать его себѣ, какъ языкъ преимущественно общественный. У него такая представительная наружность, онъ такъ прекрасно одѣтъ, у него такія изящныя манеры, что всѣ невольно смотрятъ на него, перенимаютъ у него и платье, и прическу, и обращеніе. Онъ весь ушелъ во внѣшность; дома ему не живетъ; долго, внимательно заниматься своими домашними дѣлами онъ не въ состояніи, начнетъ ихъ улаживать — надѣлаетъ множество промаховъ, побурлитъ, побушуетъ, какъ выпущенный на свободу ребенокъ, устанетъ, потеряетъ изъ виду цѣль, къ которой началъ стремиться, и, какъ ребенокъ, дастъ себя вести кому-нибудь. Но зато никто такъ чутко не прислушивается, такъ зорко не приглядывается ко всему, что дѣлается въ обществѣ, у другихъ. Чуть гдѣ шумъ, движеніе, онъ уже тутъ; поднимется гдѣ какое-нибудь знамя, онъ первый несетъ это знамя; высветится какая-нибудь идея, онъ первый усвоитъ ее, обобщитъ и понесетъ всюду, приглашая всѣхъ усвоить ее; впереди другихъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ движеніи, передовой, застрѣльщикъ и въ крестовомъ походѣ и въ революціи, опора католицизма и невѣрія, увлекающійся и увлекающій, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный въ своихъ увлеченіяхъ, способный возбуждать къ себѣ сильную любовь и сильную ненависть, *страшный народъ французскій!* Среди угловатаго и занятаго постоянно только своимъ дѣломъ англичанина; ученаго, трудолюбиваго, но слабого и вовсе не изящнаго нѣмца; живого, но нерашливаго и разбросавшагося итальянца; молчаливаго, полусоннаго испанца, — французъ движется неутомимо, говоритъ безъ умолку, говоритъ громко и хорошо, толкаетъ, будитъ, никому не даетъ покоя; другіе начнутъ борьбу нехотя, по нуждѣ, французъ бросается въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, изъ любви къ славѣ; всѣ сосѣди его боятся, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ, что онъ дѣлаетъ: иногда кажется, что онъ утомился, истомленный внѣшнею борьбою, занялся своими домашними дѣлами; но эти домашнія занятія кончатся или революціею, которая возбудитъ

движеніе по всему сосѣдству, или военнымъ деспотизмомъ, который, чтобъ дать занятіе и славу народу, не оставитъ въ повоѣ Европы.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ первымъ дѣломъ объединенной Франціи было броситься на Италію. Испанія, могущество Габсбурговъ могли только сдержатъ страшный французскій народъ въ его властолюбивыхъ стремленіяхъ; но и тутъ Франціи удалось расширить свои владѣнія на счетъ Германіи. Слабость послѣднихъ Валуа дала протестантизму усилиться во Франціи, дала страшному народу возможность самому порѣшить религиозный вопросъ; онъ порѣшилъ его послѣ ожесточенной усабицы, гдѣ католики и протестанты «съ французскою яростію» (*furia francese*) терзали другъ друга, варварски истребляя женщинъ и дѣтей. Занявшись этимъ домашнимъ дѣломъ, французы оставили въ повоѣ Европу на извѣстное время; но когда религиозная усабица прекратилась, Франція сейчасъ же принимаетъ грозное положеніе относительно сосѣдей. Смерть помѣшала Генриху IV осуществить его планы; смуты, происходившія вначалѣ царствованія Людовика XIII, опять заняли французовъ дома; но когда Ришелье успокоилъ эти смуты, Франція снова является на первомъ планѣ, рѣшительницею судебъ Европы во время тридцатилѣтней войны. Послѣ *Дитской игры* (фронды), одного изъ характеристичѣйшихъ эпизодовъ французской исторіи, Людовикъ XIV, самый представительный, слѣдовательно самый французскій изъ французскихъ королей, солнце-король, великій король для Франціи, даетъ своему народу обширную внѣшнюю дѣятельность и великую славу; Франція достигаетъ цѣли своихъ постоянныхъ стремленій: она первенствующее государство въ Европѣ; ея великій король служитъ недосыгаемымъ образцомъ для государей; онъ распоряжается въ сосѣднихъ странахъ, какъ хочетъ, коалиція противъ него не удаются; но когда Людовикъ XIV сказалъ, что «нѣтъ болѣе Пиренеевъ», образуется сильная коалиція, предъ которою великій король долженъ смириться.

Истощенная царствованіемъ Людовика XIV, Франція, повидимому, пріутихла надолго, и Европа стала поуспокоиваться на ея счетъ; относительно тихо было и внутри, даже и во фронду не играли. А между тѣмъ страшный народъ былъ занятъ сильною работою умственною, кипѣла дѣятельность литературная; французскіе писатели съ «*furia francese*» ринулись на прошедшее и настоящее, допрашивая ихъ, что сдѣлано и дѣлается для человѣка и человѣчества? Подлѣ запросовъ законныхъ, подлѣ выводовъ разумныхъ, тутъ было много фрондѣрства, много швольничества; тутъ высказались слѣдствія того умственного, литера-

турнаго рабства, въ которомъ древній міръ, съ эпохи возрожденія, держалъ европейское человѣчество, несмотря на видимое процвѣтаніе литературъ національныхъ. Въ наше время, классическое образованіе сообщаетъ человѣку, его получившему, полноту знанія жизни человѣчества, дѣлая человѣка живымъ, непосредственнымъ соучастникомъ жизни юнаго человѣчества, оно освѣжаетъ его, возвращаетъ ему силы, какъ сельская жизнь лѣтомъ, соединеніе съ безыскусственною, и потому великою художницею природою, освѣжаетъ, восстанавливаетъ силы человѣка, истомленнаго городскою жизнію, городскою дѣятельностію. Въ наше время, классическое образованіе лишено своего односторонняго, вреднаго вліянія, благодаря тому, что мы относимся свободно къ древнему міру, благодаря успѣхамъ исторіи, науки человѣческаго и народнаго самопознанія, благодаря усиленному изученію исторіи и другого, европейско-христіанскаго міра, благодаря изученію своего, народнаго. Въ Англии и въ вѣка предшествовавшіе вліяніе классическаго образованія умѣрилось практическою дѣятельностію классически образованныхъ людей, которая безпрестанно обращала ихъ къ своему, заставляла изучать его, заставляла съ любовію и уваженіемъ относиться къ своей *старой Англии*. Не такъ было во Франціи, гдѣ впечатлѣнія, полученныя въ школѣ отъ изученія явленій древняго міра, оставались во всей своей силѣ. Древній міръ былъ поднятъ высоко, явленія греческой и римской исторіи являлись образцовыми, исключительно достойными подражанія, свое было унижено, считалось варварскимъ, съ презрѣніемъ и даже ненавистію отзывались о среднихъ вѣкахъ. И здѣсь мы не должны упускать изъ виду народнаго характера французовъ, которые, не изучая внимательно подробностей, особенно увлекались блестящею, картинною дѣятельностію Греціи и Рима, увлекались сценическою постановкою дѣятелей, а извѣстно, какіе охотники французы до этой сценической постановки. Жизнь древнихъ республикъ являлась великолѣпнымъ театральнымъ представленіемъ, и какъ сильно хотѣлось участвовать въ подобномъ же представленіи, дѣйствовать на такой широкой сценѣ. Это вліяніе односторонняго изученія древняго міра обнаруживалось болѣе или менѣе повсюду, рѣзко выразилось въ сочиненіи, которое болѣе всѣхъ другихъ пришлось по настроенію французскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка и, въ свою очередь, наиболѣе содѣйствовало этому настроенію, — въ сочиненіи, которое имѣло самое сильное вліяніе на ходъ революціонныхъ явленій: я говорю о *Contrat social* Ж. Ж. Руссо. Ясно видно, что когда авторъ писалъ это сочиненіе, онъ постоянно имѣлъ передъ глазами Гре-

днѣ и Римъ, формы ихъ политической жизни; отсюда такъ понятна знаменитая выходка его противъ представительной формы: «Идея представительства есть идея новая; мы ее получили отъ феодальнаго правительства, отъ этого несправедливаго и нечестиваго правительства, въ которомъ человечество унижено, въ которомъ самое имя человѣка употреблялось въ унижительномъ значеніи. Въ другихъ республикахъ, и даже въ древнихъ монархіяхъ, никогда народъ не имѣлъ представителей.»

Въ то время, когда французское общество исторически раздѣлялось съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, объявило имъ непримиримую войну, правительство отказалось отъ своей направительной дѣятельности; отчуждивъ себя совершенно отъ жизни общества, не зная, не понимая, что въ немъ дѣлалось и сдѣлалось, оно, разумѣется, потеряло всѣ средства быть правительствомъ, средства *править, давать направление*, — и слѣдствіемъ была страшная революція. Французская республика перешла въ имперію; императоръ далъ французскому народу неслыханную славу; но, возбудивъ противъ себя всю Европу, долженъ былъ промѣнять громадную монархію на островъ Эльбу. Франція вошла въ прежнія границы и получила старую династію съ новыми правительственными формами. Но могъ ли успокоиться страшный народъ?

Дѣло неслыханное въ исторіи, чтобъ какой-нибудь народъ, потрясенный революціоннымъ движеніемъ, вдругъ успокоивался; тѣмъ менѣе могъ успокоиться народъ французскій по своему характеру и по условіямъ своей революціи. Въ XVII вѣкѣ была революція въ Англіи, по нѣкоторымъ признакамъ сходная съ французскою; но въ сущности разница между обоими явленіями была громадная. Въ то время, какъ сильное религіозное движеніе потрясло Англію, династія Тюдоровъ прекращается и восходитъ на престолъ новая, чужая, Шотландская династія. Кто внимательнѣе взглянетъ въ фигуры Стюартовъ, какъ онѣ очертились въ исторіи, для того судьба знаменитой ошибками и несчастіями фамиліи будетъ ясна: это были люди чужіе, случайно попавшіе въ непривычную среду; они не знали началъ англійской жизни, англійскихъ преданій, у нихъ были свои преданія, свои привычки; эти преданія и привычки столкнулись съ преданіями и привычками англійскими; Стюарты начали дѣйствовать по-шотландски, какъ шотландскіе короли, — и слѣдствіемъ была революція. Въ основѣ движенія была борьба за англійскую старину противъ новаго, чужого, шотландскаго, стюартовскаго. Религіозное движеніе давало только особую окраску явленію, поддавало болѣе горячаго матеріала. Для

огромнаго большинства революція была печальнымъ явленіемъ, несчастіемъ; военный деспотизмъ Кромвеля, преобладаніе людей, которыхъ Кромвель по убѣжденію и расчету былъ представителемъ, еще болѣе возбудили нерасположеніе большинства къ революціи, и народъ съ исереннымъ, сознательнымъ восторгомъ привѣтствовалъ возвращеніе Карла II, привѣтствуя возвращеніе желанной старины, стараго, привычнаго хода дѣлъ, и только совершенная неспособность Стюартовъ — передѣлаться изъ шотландскихъ королей въ англійскіе, вынудила вторую революцію.

Совершенно другое было во Франціи. Здѣсь революціонное движеніе пошло въ слѣдствіе стремительнаго желанія оторваться отъ старины и создать новый лучший міръ отношеній для себя и для цѣлаго человечества, ибо для француза мало устроить что-нибудь для себя, ему нужна широкая, всемірная сцена, онъ пропагаторъ по природѣ, ему нужно, чтобъ всѣ народы слушали его, принимали, волею или неволею, его ученіе. Крайности движенія, неприложимость выработанныхъ теоретически началъ оттолкнули многихъ отъ революціи. Но на главный, существенный вопросъ были разные отвѣты для англичанина и для француза. Англичанинъ спрашивалъ: какую выгоду принесла ему его революція, кромѣ защиты англійской старины отъ шотландскихъ притязаній Стюартовъ? Отвѣтъ былъ, что выгоды нѣтъ, и защита старины стоила слишкомъ дорого, можно было бы подешевле. Получивши такой отвѣтъ, англичанинъ отворачивался отъ своей революціи. Но для француза былъ другой отвѣтъ: если революція не принесла блаженства на землѣ, какъ ожидали люди съ слишкомъ разгоряченнымъ воображеніемъ; если она сопровождалась явленіями очень непривлекательными; если, наконецъ, она показала свою несостоятельность, бросивши истомленную Францію въ добычу военному деспотизму,—то, съ другой стороны, она уничтожила такіа явленія, которыя были ненавистны, создала рядъ новыхъ, лучшихъ для большинства отношеній. Карлъ II Стюартъ возвращался на англійской престолъ съ условіемъ возстановленія старины, возстановленія того порядка вещей, который былъ при его предшественникахъ, и который былъ нарушенъ революціею. Людовикъ XVIII настаивалъ и настоялъ, что онъ добровольно дастъ новое политическое устройство Франціи; но это было плохое прикрытіе: тѣмъ самымъ, что онъ признавалъ необходимость царствовать не такъ, какъ царствовали его предшественники, онъ осуждалъ старое правленіе и оправдывалъ революцію. Въ Англійи огромное большинство было за полное возстановленіе старины при возстановленіи Стюартовъ; во Франціи за полное возстановленіе старины было незначительное мень-

шинство, незначительная партія. Эта партія преимущественно состояла изъ эмигрантовъ, людей, которые оставили Францію вмѣстѣ съ Бурбонами, теперь возвратились вмѣстѣ съ ними, и нашли свои имѣнія въ чужихъ рукахъ, должности, которыя принадлежали имъ по старинному праву, замѣщенными новыми людьми, дѣтьми революціи. Но какимъ образомъ возвратились они теперь въ 1814 году?—по милости правительства? по эту милость предлагалъ имъ и Наполеонъ, и они не приняли ея. Они возвратились теперь въ слѣдствіе торжества своего начала, которому они оставались до конца вѣрными. Слѣдовательно, они возвратились торжествующими, побѣдителями? Но гдѣ же слѣдствія торжества, побѣды? гдѣ награды, гдѣ почетъ за вѣрность тому началу, которое теперь торжествовало, гдѣ раскаяніе со стороны людей, не признававшихъ этого начала и теперь принужденныхъ признать его? Эмигрантамъ бросали въ глаза упрекъ, что они ничему не научились, ничего не забыли; отъ нихъ требовали сдѣлки между старымъ и новымъ; но благоразумно ли требовать невозможнаго? Сдѣлка предполагаетъ взаимныя уступки; но какую уступку сдѣлали представители новой Франціи представителямъ старой? Ту, что признали старую династію единственно законною? но какую награду получили люди, которые постоянно признавали это? что было уступлено въ пользу старыхъ слугъ и приверженцевъ этой старой династіи? Ничего. Новая Франція не хотѣла ничего уступить старой. Новая Франція нашла для себя полезнымъ возвратитъ изъ изгнанія старую династію, возвратитъ ей прежнее значеніе; но не считала для себя выгоднымъ возвратитъ прежнее значеніе, прежнія матеріальныя средства вѣрнымъ слугамъ этой династіи, отъ которыхъ требовалось, чтобъ они забыли прошлое; но какъ они могли забыть прошлое, когда въ памяти объ немъ и заключалось все ихъ значеніе, все ихъ достоинство, всѣ ихъ права? Какъ они могли забыть его именно теперь, когда и новая Франція вспомнила объ немъ и возстановляла его? Новая Франція помнила прошлое, насколько это было для нея выгодно, и забывала все то, что могло нанести ущербъ ея новымъ выгодамъ; отъ старой Франціи требовалось наоборотъ, чтобъ она забыла выгодное для себя прошлое, и научилась—жертвовать всѣмъ для новой Франціи, когда послѣдняя не хотѣла ни чѣмъ для нея пожертвовать. Къ требованію неблагоразумному, къ требованію невозможнаго присоединялось требованіе не очень нравственное: требовалось, чтобъ Бурбоны, изъ-за выгоды быть на тронѣ новой Франціи, забыли объ интересахъ старыхъ вѣрныхъ слугъ своихъ, страдавшихъ за эту вѣрность къ нимъ.

Такимъ образомъ, возвращеніе Бурбоновъ условливало необходимо продолженіе революціоннаго движенія во Франціи, ибо старая и новая Франція были сопоставлены безъ всякой сдѣлки, безъ взаимныхъ уступокъ, слѣдовательно, были сопоставлены для борьбы. Кромѣ того существовали условія, благоприятствовавшія усиленію борьбы и ея продолженію. Король Людовикъ XVIII былъ человѣкъ умный, но старый, болѣзненный, во время своего долгаго царствованія только по имени не могшій получить привычки къ правительственной дѣятельности, не могшій потому дать должную силу своему правительству, особенно среди такого народа, какъ французскій, правитель котораго, чтобъ быть сильнымъ и популярнымъ, долженъ энергически заявлять свое существованіе, свою дѣятельность, Людовикъ XVIII былъ бы очень хорошій король въ государствѣ, гдѣ конституціонный порядокъ уже окрѣпъ, но былъ мало способенъ содѣйствовать его укрѣпленію во Франціи, гдѣ этотъ порядокъ только-что начался. Не имѣя собственной семьи и приврѣпленный болѣзнію къ вресламъ, Людовикъ нуждался всегда въ любимца, въ человѣка, который двигался за него, смотрѣлъ и слушалъ за него; король, повидимому, сильно привязывался къ такому человѣку; но старый эгоистъ скоро утѣшался, если обстоятельства заставляли его удалить отъ себя любимца, и спѣшилъ замѣнить его другимъ. По своей холодной натурѣ, по отсутствію сильныхъ убѣжденій религіозныхъ и политическихъ, Людовикъ XVIII, казалось, былъ способенъ кое-что забыть и кое-чему научиться, т. е. былъ способенъ забывать объ интересахъ людей, тѣсно связанныхъ съ династією, способенъ обращать вниманіе на интересы новой Франціи; но эта способность не повела ни къ чему, при отсутствіи яснаго, опредѣленнаго взгляда на свое положеніе и положеніе Франціи, и, главное, при отсутствіи энергии. Революціонное движеніе во Франціи могло быть сдержано только правителемъ сильнымъ по своимъ личнымъ средствамъ, какъ взволнованная религіозною борьбою Франція была успокоена Генрихомъ IV, который сталъ ходить къ обѣдни въ угоду католическому большинству, и издалъ Нантскій эдиктъ для протестантскаго меньшинства; но при этомъ все чувствовало силу правительства, король не царствовалъ только, но управлялъ, направлялъ народныя силы, народную дѣятельность. Но предпоследній Бурбонъ былъ похожъ не на перваго Бурбона, а на послѣднихъ Валуа. Какъ послѣдніе Валуа, по слабости своей, выпустили изъ рукъ направленіе народнаго движенія, дали католикамъ и протестантамъ самимъ перевѣдываться другъ съ другомъ и выбирать себѣ вождей, которые заслоняли собой королей, и послѣд-

нимъ оставалось одно — перебѣгать отъ одной партіи къ другой: такъ и Людовикъ XVIII, не имѣя безстыдной откровенности Екатерины Медичи, дѣйствовалъ однако совершенно въ ея духѣ, готовъ былъ, смотря по обстоятельствамъ, нынче идти къ обѣдни, а завтра къ проповѣди; не умѣя направлять движенія, онъ далъ усилиться и разнуздаться партіямъ и погубилъ свою династію. Скажутъ: положеніе Людовика XVIII было совершенно иное, чѣмъ, на примѣръ, положеніе Генриха IV; Франція при Людовикѣ XVIII получила либеральную конституцію, для утвержденія которой личность короля не должна была сильно выдаваться впередъ. Но не должно забывать, что Франція только-что начинала свою новую, конституціонную жизнь, и начинала ее при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ; слабость новорожденного строя была очевидна при каждомъ движеніи машины; король съ яснымъ, опредѣленнымъ политическимъ взглядомъ и съ сильною волею долженъ былъ тутъ явиться на помощь и отстранить неблагопріятныя условія, мѣшавшія укрѣпленію новаго устройства; это новое устройство было монархическое, его судьба тѣсно была соединена съ судьбою возстановленной Бурбонской династіи въ виду двоихъ враговъ — республики и бонапартизма; для низложенія этихъ враговъ, для утвержденія конституціонной монархіи, личность перваго конституціоннаго монарха должна была сильно выдаваться впередъ, особенно среди французскаго народа, который, по природѣ, доступнѣе другимъ обаянію сильной личности. Сравненіе съ Генрихомъ IV является не случайно: поведеніе перваго Бурбона относительно большинства и меньшинства должно было служить образцомъ для возстановленнаго Бурбона: большинство и меньшинство должно было удовлетворить немедленно и потомъ сильною рукою удерживать ихъ отъ возобновленія борьбы, сильною рукою сдерживать людей, которые бы стали провозглашать, что удовлетвореніе недостаточно.

Несостоятельность перваго короля возстановленной династіи была главнымъ неблагопріятнымъ условіемъ для его утвержденія, для прегражденія революціоннаго движенія. Вторымъ условіемъ было раздѣленіе въ домѣ королевскомъ. Наслѣдникомъ бездѣтнаго Людовика XVIII былъ братъ его, графъ Артуа, человекъ, уступавшій ему въ умѣ и образованности, но имѣвшій цѣльную натуру, неспособный измѣнять своимъ убѣжденіямъ, своимъ привязанностямъ; онъ явился въ новую Францію полнымъ представителемъ старой, и потому, разумѣется, всѣ тѣ, которые сочувствовали старой Франціи, сосредоточились около него; король не могъ имѣть вліянія на брата, не умѣлъ заставить его сообразоваться съ своими взглядами, потому что эти

взгляды не были ясно опредѣлены, не умѣлъ заставить приверженцевъ старой Франціи подчиниться своей волѣ, потому что эта воля была слаба, и такимъ образомъ передавалъ ихъ брату, дѣлалъ изъ своего наслѣдника главу партіи. Имѣя главу въ наслѣдникѣ престола, имѣя, слѣдовательно, за себя будущее, эта партія дѣйствовала мимо короля, на котораго, какъ на слабого старика, не могшаго долго жить, она мало обращала вниманія. Ея претензіи, не могшія, разумѣется, уменьшиться, вслѣдствіе такого положенія, раздражали приверженцевъ новой Франціи, которые, видя, что наслѣдникъ престола не будетъ за нихъ, враждебно относились къ старшей линіи Бурбоновъ. Графъ Артуа былъ уже старикъ, но и сыновья его давали мало обезпеченія для новой Франціи: старшій, герцогъ Ангулемскій, не отличался ни дарованіями, ни привлекательнымъ характеромъ; онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей, дочери Людовика XVI; бездѣтная, безъ привязанностей, которыя бы могли смягчить ея душу, сдѣлать ее доступною радостямъ настоящаго и надеждамъ въ будущемъ, герцогиня Ангулемская жила прошедшимъ, изъ котораго вынесла непримиримую ненависть къ новой Франціи и не скрывала этой ненависти. Бездѣтность герцога Ангулемскаго сосредоточивала надежды приверженцевъ династіи на второмъ сынѣ графа Артуа, герцогѣ Беррійскомъ, отличавшемся чрезвычайно неприятнымъ характеромъ, рѣзкими, раздражающими манерами.

Подлѣ старшей линіи Бурбоновъ, обѣщавшей такъ мало для будущей новой Франціи, существовала младшая, Орлеанская линія, представитель которой, Людовикъ-Филиппъ, уже давно не могъ скрыть наслѣдственныхъ честолюбивыхъ стремленій. Его менторъ, знаменитый Дюмурье, еще въ 1795 году писалъ къ предводителю Вандейскаго возстанія, Шаретту, что Франція нуждается въ монархіи, только не въ монархіи Людовика XIV; что нуженъ король, который третьему сословію далъ бы то, что Бурбоны могли бы дать только дворянству и духовенству; что единственною возможною связью между республикою и монархіею служить молодой герцогъ Орлеанскій. Ученикъ усвоилъ себѣ вполнѣ взглядъ учителя. Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ давали знать въ Россію объ его дѣятельности въ Англіи, въ 1804 году: «Онъ молодъ, но не вдается ни въ какія развлеченія, свойственныя молодости. Хитрый, интригантъ, честолюбивый чрезъ мѣру, онъ проводитъ свои досуги за ландкартами, всюду поддерживаетъ корреспонденцію, даже во Франціи. Какой-то Монжуа, который принимаетъ иногда нѣмецкую фамилію Фробергъ, его повѣренный, безпрестанно разъѣзжаетъ изъ Англіи на континентъ по порученіямъ

своего принца. Онъ, повидимому, помирился съ Людовикомъ XVIII, но не перестаетъ добиваться французскаго престола, и если Бонапартъ будетъ сверженъ, то друзья герцога Орлеанскаго представятъ, что отъ законнаго монарха не будетъ никакой безопасности для людей, вотировавшихъ смерть Людовика XVI, также для прибрѣтшихъ имѣнія эмигрантовъ и духовенства, тогда какъ герцогъ Орлеанскій, такъ сильно впутанный въ революцію, не будетъ никому мстить и не будетъ покровительствовать эмигрантамъ. Герцогъ готовъ былъ принять предложеніе шведскаго короля Густава IV служить подъ шведскими знаменами противъ наполеоновской Франціи; готовъ былъ принять начальство надъ англійскою экспедиціею въ Мексику или Буэнос-Айресъ или на Ионическіе острова. Въ 1808 году, онъ явился въ Гибралтаръ, чтобъ принять участіе въ испанскомъ возстаніи противъ французовъ, но не былъ допущенъ до этого англичанами, по представленіямъ Людовика XVIII. Въ 1814 году, когда возникъ вопросъ о томъ, кому занять праздный престолъ французскій, то мысли объ удобствахъ младшей линіи Бурбоновъ передъ старшею необходимо пошли въ ходъ; ихъ раздѣлялъ и императоръ Александръ; но существовало сильное возраженіе: старшая линія имѣла преимущество предъ всѣми другими соискателями по законности, *легитимности*; какъ скоро начала этой законности нарушались, и выставлялись выборы, то герцогъ Орлеанскій не имѣлъ преимущества предъ другими соискателями: почему, напримѣръ, его должно было предпочесть Бернадоту? Людовику-Филиппу оставалось продолжать заявлять свое сочувствіе къ новой Франціи, заявлять свой либеральный образъ мыслей, чѣмъ онъ прибрѣталъ расположеніе русскаго государя; такъ, онъ принялъ порученіе императора Александра внушить королю Обѣихъ Сицилій о необходимости переимѣнить прежнее поведеніе на болѣе либеральное. Совѣты, подрѣзанные именемъ могущественнаго императора, рѣшителя судебъ Европы, подѣйствовали: палермскій кабинетъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать, что король постарается мудрымъ управленіемъ уничтожить невыгодное впечатлѣніе, произведенное на императора Александра его прежнимъ поведеніемъ, что дурной совѣтникъ, именно духовникъ королевскій теряетъ прежнее значеніе и не будетъ вмѣшиваться ни во что. Между тѣмъ, Людовику-Филиппу оставалось дожидаться, пока старшая линія будетъ низвержена вслѣдствіе своей слабости, и онъ принялъ это выжидательное положеніе, положеніе вѣрона надъ умирающимъ. Но Людовику-Филиппу, предвидя низверженіе старшей линіи, не понималъ ясно главной причины этого низверженія; не понималъ, что для Франціи нужно правитель-

ство сильное, король сильный своими личными достоинствами, энергическій, способный стоять наглядно въ челѣ народа, способный давать чувствовать, что сильная рука править, направляетъ и умѣряетъ движеніе. Употребляя самыя легкія средства для обращенія на себя вниманія недовольныхъ старшею линіею, либеральничая и популярничая, усиливая болѣзнь, которою страдала Франція, потому что эта болѣзнь была ему выгодна, Людовикъ-Филиппъ вовсе не обладалъ средствами,— по достиженіи своей цѣли, остановить развитіе болѣзни; онъ страдательно далъ себя въ распоряженіе обстоятельствамъ; это страдательное положеніе, бывшее слѣдствіемъ слабой природы человѣка, въ свою очередь, разумѣется, не могло развить въ немъ силы, энергіи. Такимъ образомъ, и младшая линія Бурбоновъ, въ своемъ представителѣ, оказывалась несостоятельною. Возстановленные Бурбоны думали, что они возвращаются владѣть отцовскимъ достоинствомъ, и не понимали, что они должны завоевать Францію, какъ завоевалъ ее Генрихъ IV; Франція 1814 года была похожа на сказочную богатырку, соглашавшуюся отдать свою руку только тому богатырю, который прежде побѣдитъ ее въ бою: между Бурбонами обѣихъ линій не было ни одного такого богатыря.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, заключавшимся въ личныхъ свойствахъ членовъ возстановленной династіи и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, присоединялось неблагопріятное отношеніе массы французскаго народа къ этой династіи. Масса была равнодушна къ Бурбонамъ. Оставля уже въ сторонѣ характеръ французскаго народа, легкость, съ какою онъ забываетъ старое и бросается на новое, не надобно упускать изъ вниманія того, какія событія пережилъ этотъ народъ: въ какія-нибудь двадцать лѣтъ онъ видалъ столько внутреннихъ перемѣнъ, столько движенія, подвиговъ, славы, что это короткое время, равнявшееся въѣкамъ по богатству событій, могло отбить у него память о прошломъ. Въ крайнемъ изнеможеніи, съ равнодушіемъ, отъ этого изнеможенія проистекавшимъ, Франція приняла Бурбоновъ. Возстановленная династія не воспользовалась этимъ временнымъ изнеможеніемъ Франціи, чтобъ завоевать ее, пустить въ ея почву глубокіе корни, и потому какъ скоро изнеможеніе исчезло, исчезли и Бурбоны, неспособные совладѣть съ возстановленными силами и направить ихъ. Реставрація, произведенная на-спѣхъ въ Парижѣ, въ извѣстномъ кружкѣ, заставила Францію вспомнить о Бурбонахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она помнила хорошо и недавно прожитое ею послѣ старой монархіи, она помнила хорошо республику и имперію. Такимъ образомъ, исторія создавала для Франціи три партіи: бурбонскую или роялистскую, республи-

канскую и императорскую или бонапартистскую; трудность для Бурбоновъ старшей линіи сдѣлаться съ новою Франціею создавала еще четвертую партію — орлеанскую. Въ 1814 году, три послѣднія партіи — республиканская, императорская и орлеанская были слабы: республиканская не могла собрать своихъ силъ при Наполеонѣ; императорская пала вслѣдствіе несчастій имперіи; орлеанская была въ зародышѣ. Роялистская партія была сильнѣе другихъ; но не должно забывать, что она усилилась не собственными средствами; не она, своими силами, средствами, добытыми ею внутри Франціи, низвергла Наполеона и произвела реставрацію; наоборотъ, реставрація, произведенная паденіемъ Наполеона предъ усиліями коалиціи, подняла роялистскую партію. Событія французской исторіи съ 1814 года, какъ ближайшія слѣдствія этой исторіи съ 1789 года, представляютъ намъ борьбу названныхъ партій. Борьба эта, разумѣется, не могла ограничиться одною парламентскою сферою; каждая партія имѣла цѣлю перемѣну династіи или перемѣну образа правленія: отсюда ошибки и ослабленіе одной партіи, ведшія къ усиленію другихъ, вели въ тоже время къ революціи, которою пользовалась наиболѣе по обстоятельствамъ усилившаяся партія. Условія такого хода борьбы, такого хода исторіи заключаются въ силѣ перваго переворота, направленнаго къ совершенному уничтоженію стараго, и въ трудности поэтому установить что-нибудь прочное, ибо исчезли преданія, исчезло уваженіе къ существующему на фактъ, какъ къ чему-то освященному, вѣками нерушимому; въ привычкѣ отсюда рѣшать каждое столкновеніе переворотомъ, какъ средствомъ самымъ легкимъ; въ большомъ количествѣ партій, богатомъ наслѣдствѣ революціи и ея слѣдствій; въ несостоятельности королей возстановленной династіи, давшихъ своею слабостію просторъ партіямъ; наконецъ, въ характерѣ народа, жаднаго къ борьбѣ внутренней и внѣшней, жаднаго и привычнаго къ борьбѣ партій и къ рѣшенію ея уличнымъ боемъ въ Парижѣ: ибо, изучая исторію Франціи въ XIX вѣкѣ, не должно забывать Лиги и Фронды.

Съ первыхъ же дней пребыванія возстановленныхъ Бурбоновъ въ Тюльери, обозначились всѣ тѣ отдели и подводные камни, между которыми имъ нужно было проводить свой старый, поврежденный бурей корабль. Немедленно же Бурбоны явились передъ глазами новой Франціи окруженные привидѣніями, выходцами съ того свѣта; но эти выходцы спѣшили показать, что у нихъ есть плоть и кровь. Старинное высшее дворянство, получившее придворныя должности, стремилось занять и должности правительственныя, но тутъ оно встрѣтило соперниковъ, людей

имперіи, похитителей въ его глазахъ, какъ похитителемъ былъ самъ императоръ въ глазахъ законнаго короля: если восстановлена власть законная, то справедливо-ли вѣрныхъ слугъ этой законной власти отстранять въ пользу слугъ власти незаконной? Старинное дворянство второстепенное требовало возвращенія имѣній и мѣстъ, занятыхъ другими, новыми людьми, также слугами власти незаконной. Людовикъ XVIII думалъ, что, сопоставивши такимъ образомъ старыхъ и новыхъ людей при страшномъ взаимномъ ожесточеніи, онъ примиряетъ старую и новую Францію! Понятно, что представители старой Франціи назвали короля якобинцемъ и сосредоточились около наследника престола, графа Артуа, который былъ послѣдовательнѣе брата: «Захотѣли, говорилъ онъ, конституціоннаго правленія; попробуемъ его: если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей». Роялистскимъ депутатамъ юга онъ сказалъ: «Будемъ пользоваться настоящимъ, господа, а за будущее я вамъ ручаюсь». Это ручательство за будущее заставляло людей новой Франціи искать взорами другого человѣка, который бы поручился имъ въ другомъ смыслѣ за будущее; ихъ взоры встрѣчались съ герцогомъ орлеанскимъ, который своею привѣтливою улыбкою говорилъ имъ: «Все, что только вамъ угодно, господа, все въ будущемъ».

Борьба начала немедленно же разыгрываться; призывъ къ ней послышался съ церковныхъ кафедръ. Къ борьбѣ политическихъ партій присоединялась борьба религіозная.

Христіанство заявляетъ свою вѣчность тѣмъ, что ставитъ наивысшее требованіе для нравственнаго человѣческаго совершенствованія, и тѣмъ, что отрѣшается отъ всѣхъ временныхъ, преходящихъ формъ, и, имѣя дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ его нравственнымъ совершенствованіемъ, посредствомъ этого совершенствованія дѣйствуетъ и на улучшеніе общественныхъ формъ. Отсюда понятно, что христіанство сильно, когда свободно отъ примѣси вещей міра сего, и слабѣетъ по мѣрѣ приобщенія къ нему чуждыхъ началъ. Такъ оно ослабѣло въ католицизмѣ, который запуталъ религію въ политическія отношенія, сдѣлалъ «царство не отъ міра сего» царствомъ міра сего, и возбудилъ противодѣйствіе, выразившееся въ протестантизмѣ XVI-го и невѣрїи XVIII-го вѣка. Но попытка XVIII вѣка, безъ помощи религіи, во имя разума человѣческаго создать новое, лучшее общество — не удалась; отчаянные борцы за царство разума должны были, послѣ ужасовъ французской революціи, воскликнуть, подобно Юліану: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Послѣ этого естественно и необходимо должно было начаться обраще-

ніе въ религіи, къ христіанству. Жозефъ де-Мэстръ имѣлъ полное право говорить людямъ, жаловавшимся на революцію: «На что вы жалуетесь? скажите, пожалуйста! Развѣ вы не сказали формально Богу: «Мы Тебя не хотимъ, выходи изъ нашихъ законовъ, изъ нашихъ учреждений, изъ нашего воспитанія!» Что же сдѣлалъ Богъ? Онъ вышелъ и сказалъ вамъ: «Дѣлайте, какъ знаете!» Результатъ — милое царствованіе Робеспьера. Ваша революція — это великая и страшная проповѣдь, произнесенная Провидѣніемъ челоуѣчеству; проповѣдь состоитъ изъ двухъ частей; первая: злоупотребленія поражаютъ революцію, — эта часть относится къ государямъ. Вторая часть: злоупотребленія все же лучше революціи — относится къ народамъ».

Но въ страшной проповѣди была еще третья часть, которую не разслушали люди съ направленіемъ Жозефа де-Мэстра. Третья часть состояла въ томъ, что не должно чистое смѣшивать съ нечистымъ, что не должно папою и иезуитами отпугивать народы отъ христіанства; что христіанство могло быть усилено, возстановлено только тѣми средствами, какими оно было первоначально распространено, что правительство можетъ содѣйствовать распространенію въ народѣ христіанства однимъ способомъ — когда оно само проникнуто христіанскимъ духомъ, дѣйствуетъ постоянно, сообразуясь съ правилами христіанской нравственности; но когда вмѣсто духовныхъ средствъ правительство станетъ дѣйствовать средствами внѣшними, матеріальными, предписаніями, принужденіями, приманками, то нанесетъ только страшный вредъ религіи, породитъ, съ одной стороны, толпу лицемѣровъ и ханжей, съ другой — толпу ожесточенныхъ враговъ религіи, ибо желая къ чистому прикасаться нечистыми руками.

Въ описываемое время можно было съ успѣхомъ дѣйствовать для распространенія религіозности во Франціи, еслибы французское духовенство умѣло приблизиться къ чистотѣ голубиной и мудрости змѣиной, еслибы было способно дѣйствовать духовными, апостольскими средствами. Но французское духовенство не имѣло среди себя людей, сильныхъ личными средствами, которые бы производили могущественное впечатлѣніе своею мудростію и чистотою. На самомъ верху оно представляло однѣ посредственности, неспособныя понять свое положеніе, его выгоды и невыгоды, неспособныя сдерживать и направлять меньшихъ собратій своихъ. И духовенство взглянуло на реставрацію, какъ взглянули на нее эмигранты, то-есть, какъ на возстановленіе старины, нарушенной революціей, причемъ всякая сдѣлка съ послѣднею была въ ихъ глазахъ беззаконіемъ, грѣхомъ. И духовенство, подобно эмигрантамъ, прежде всего ухватилося за

самый сильный матеріальный интересъ, раздѣлявшій старую и новую Францію: во время революціи, имѣнія эмигрантовъ и духовенства были распроданы; въ покупщикахъ этихъ имѣній новая Франція приобрѣла самыхъ сильныхъ приверженцевъ, старая—самыхъ злыхъ враговъ, боявшихся, что старые владѣльцы потребуютъ назадъ свои имѣнія. Хартія Людовика XVIII обезпечивала новыхъ владѣльцевъ; но старые не обращали вниманія на хартію, и продолжали возбуждать опасеніе новыхъ: тщетно послѣдніе опирались на хартію; роялистскіе журналы отвѣчали на это, что законъ могъ обезпечить матеріальную сторону продажъ, но онъ не могъ сообщить имъ нравственности, не могъ сдѣлать, чтобъ дѣло безнравственное превратилось въ дѣло честное предъ общественною совѣстію. Въ эту борьбу между старыми и новыми свѣтскими землевладѣльцами вмѣшалось французское духовенство, соединивъ свое дѣло съ дѣломъ старыхъ землевладѣльцевъ, и стало ратовать за матеріальный интересъ средствами, вовсе не для этой цѣли назначенными, чѣмъ произвело соблазнъ и унизило свой нравственный характеръ въ виду многочисленныхъ враговъ, порожденныхъ XVIII вѣкомъ и революціею; съ церковныхъ кафедръ раздались возгласы противъ продажи церковныхъ и эмигрантскихъ имѣній, священники не давали причастія покупщикамъ этихъ имѣній. Въ Парижѣ былъ случай, который показывалъ, что духовенство хотѣло оставаться вполне вѣрнымъ своимъ старымъ взглядамъ и обычаямъ: оно отказалось хоронить актрису Рокуръ.

Духовенство жило одними воспоминаніями старины и тѣмъ возбуждало противъ себя новую Францію. Правительство своею неловкостью увеличивало раздраженіе. Оно вѣрило, что можно возстановить и усилить религіозность во французскомъ народѣ внѣшними мѣрами, правительственными распоряженіями. Король и братъ его думали, что правительственнымъ предписаніемъ можно легко, вдругъ ввести во Францію такое же строгое соблюденіе воскресныхъ дней, какое они видѣли въ Англіи, не обративъ вниманія ни на характеръ французскаго народа, ни на привычки, приобретенныя имъ со времени революціи. По настоянію короля, главный директоръ полиціи, не посовѣтовавшись съ министрами, издалъ приказаніе не работать въ воскресные и праздничные дни, купцамъ не торговать, не отпирать своихъ лавокъ и магазиновъ; кофейныя и другія заведенія подобнаго рода не могли быть открыты въ продолженіе церковной службы; другимъ предписаніемъ возстановлялись церковныя церемоніи во всей Франціи, причемъ во время процессіи съ Тѣломъ Христовымъ предписано было украшать всѣ дома. Предписанія возбу-

дили сильныя волненія, особенно между людьми, которыхъ матеріальные интересы были ими нарушены, между лавочниками, чернорабочими и т. п. Протестанты кричали, что нарушается свобода вѣроисповѣданія, выговоренная хартіею, потому что протестанта принуждаютъ украшать свой домъ для церемоніи, въ которой онъ видитъ выраженіе суевѣрія; дѣтей реформации, которыхъ было немного, поддерживали своими кривыми дѣти революціи, или такъ называемые философы, которыхъ было очень много. Правительство обнаружило, при этомъ удобномъ случаѣ, свою неспособность и слабость; перепуганные министры стали требовать, чтобъ директоръ полиціи подалъ въ отставку и тѣмъ утишилъ бурю. Самый рѣзкій, самый скорый на жесткое слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ, не самый твердый и храбрый изъ членовъ королевскаго дома, герцогъ Беррійскій, навинулся на несчастнаго директора полиціи: «Мнѣ хорошо во Франціи, говорилъ герцогъ, я не хочу возвращаться туда, откуда мы пріѣхали, а это непременно случится, если мы дадимъ волю ханжамъ.»

Здѣсь былъ необдуманнѣйшій поступокъ, невниманіе въ свойствамъ среды, въ которой правительство должно было дѣйствовать. Но были случаи, гдѣ Бурбоны, безъ нарушенія своего царственнаго и человѣческаго достоинства, не могли уклониться отъ столкновения съ новою Франціею. Торжественная заупокойная служба по Людовикѣ XVI и его семействѣ, въ присутствіи королевской фамилии, была торжественнымъ упрекомъ для многихъ и многихъ; эта служба была тяжела и для тѣхъ, къ которымъ могъ относиться упрекъ въ страшномъ дѣлѣ или въ сочувствіи къ нему, и для тѣхъ, которые въ этихъ воспоминаніяхъ видѣли торжество представителей старой Франціи; многіе готовы были жалѣть и раскаиваться, но тяжело было униженіе, въ которое людей новой Франціи ставило это раскаяніе предъ людьми старой Франціи, не имѣвшими въ чемъ раскаиваться. И послѣдніе не сдержались при этомъ случаѣ; — не скажемъ: не хотѣли сдержаться, потому что намъ, сповоино смотрящимъ на дѣло, представляется необходимо вопросъ: могли ли они сдержаться? Всякое торжество есть слѣдствіе потребности выразить извѣстное чувство, и, въ свою очередь, служить къ возбужденію, усиленію этого чувства; обратимъ вниманіе и на характеръ народа, съ которымъ имѣемъ дѣло, и не удивимся, что представители старой Франціи, по поводу этихъ печальныхъ торжествъ, сильно высказали свои чувства, что въ печати явились жестокія выходки противъ революціи и ея слѣдствій, противъ идей, ею порожденныхъ. Эти выходки, разумѣется, сильно раздражили приверженцевъ новой

Франціи, и несочувствовавшихъ революціоннымъ увлеченіямъ, и раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, что нельзя еще было исполнѣ его высказать.

Перчатка была брошена, вызовъ на смертельный бой между старою и новою Франціею сдѣланъ, вызовъ, необходимый уже въ слѣдствіе самаго появленія среди новой Франціи представителей старой Франціи, вызовъ, необходимый среди народа, страстнаго къ борьбѣ, мало способнаго къ сдѣлкамъ, и, при отсутствіи сильной руки, которая бы развела людей, готовыхъ броситься другъ на друга, и дала другой выходъ ихъ возбужденнымъ силамъ. Но какъ ни необходима была борьба, какъ ни сильны были побужденія къ нимъ въ слѣдствіе ошибокъ слабого правительства, все же эта борьба не могла вдругъ повести къ перевороту, къ сверженію этого слабого правительства: Франція была слаба, истощена, ей нужно было собраться съ силами; партіямъ надобно было рѣзче обозначиться; Франція была застигнута врасплохъ паденіемъ имперіи и реставраціею, ей нужно было нѣсколько времени, чтобъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. Но, прежде чѣмъ она осмотрѣлась, переворотъ совершился; какъ будто по театральному свистку, декорации перемѣнились, Бурбоны исчезли изъ Тюльери, гдѣ опять явился императоръ. Этотъ внезапный переворотъ совершился въ слѣдствіе отношеній войска къ Бурбонамъ.

Имперія и войско были понятія, не мыслимыя другъ безъ друга; имперія пала въ слѣдствіе того, что императорское войско было не въ состояніи бороться съ войсками цѣлой Европы, въ слѣдствіе того, что побѣда оставила его знамѣна. У войска отняли полководца, водившаго его къ побѣдамъ, давшаго ему такое великое значеніе, такое выгодное положеніе; все, что было враждебно императору, было враждебно и войску, орудію силы и власти императора, и все это враждебно императору теперь торжествовало, и реставрація была слѣдствіемъ этого торжества: каково же было положеніе войска, его отношенія къ Бурбонамъ? Войско было императорское, побѣды, возбуждавшія къ нему сильное сочувствіе въ воинственномъ народѣ, были побѣды императора: это нестерпимо кололо глаза представителямъ старой Франціи, раздражало, возбуждало ихъ неприязнь къ войску, которое платило имъ тою же монетою; императорское войско было побѣждено, унижено войсками союзныхъ государей: представители старой Франціи превозносили, какъ благодѣтелей, враговъ, помрачившихъ военную славу новой Франціи. Правительство Бурбоновъ было безъ войска; но войско существовало и было противъ правительства. Для утвержденія возстановленной династіи;

ей нужно было создать свое войско, но этого было мало: нуженъ былъ новому войску знаменитый полководецъ изъ Бурбоновъ или изъ ихъ ревностныхъ приверженцевъ, который былъ бы способенъ побѣдить старое императорское войско, или своими побѣдами могъ заставить войско забыть о побѣдахъ императора. И то и другое было невозможно, а другихъ средствъ привязать къ себѣ императорское войско не было у Бурбоновъ.

При первомъ вступленіи Бурбоновъ въ Тюльери, вражда ихъ къ императорскому войску, страхъ ихъ предъ нимъ обнаружился самымъ рѣзкимъ образомъ: они никакъ не могли рѣшиться провести ночь подъ охраною наполеоновскихъ гвардейцевъ, и гренадеры императорской гвардіи были отосланы съ дворцовыхъ карауловъ. Этимъ первымъ дѣйствіемъ возстановленной династіи вполне обозначилось отношеніе ея къ войску. Войско, оттолкнутое такимъ образомъ отъ правительства, составило необходимо народъ въ народѣ съ своими особыми интересами; оттолкнутое новымъ государемъ страны, оно продолжало жить памятью о старомъ императорѣ, но это не была одна только память. Бурбоны, какъ было естественно въ ихъ положеніи, поспѣшили создать себѣ свое войско: возстановлена была королевская гвардія (*maison militaire du roi*); собрано было 10,000 дворянъ, старыхъ и молодыхъ, и дано имъ содержаніе, равнявшееся содержанію 50,000 простого войска (именно 20,000,000). Явилось королевское, бурбонское войско; а другое, старое войско было чье? оно, разумѣется, осталось войскомъ императора Наполеона, не могло на себя смотрѣть иначе, ибо само правительство, всѣ смотрѣли на него такъ; поэтому неудивительно, что въ казармахъ безпрестанно раздавались клики: «Да здравствуетъ Императоръ!» Войсковая масса, какъ вообще народныя массы, не можетъ дѣйствовать во имя отвлеченныхъ принциповъ, она приковывается къ извѣстной личности, къ извѣстному имени, и легко приводитъ ее въ движеніе этимъ лицомъ, этимъ именемъ. Отъ сильнаго усердія и уваженія до суетѣрнаго поклоненія переходъ легокъ. А тутъ дѣлалось все, чтобъ привязать войско еще сильнѣе къ имени Наполеона: армію сокращали; до 16,000 императорскихъ офицеровъ были отпущены на половинномъ жалованьѣ; и это въ то самое время, когда набрана была королевская гвардія, когда въ армію и флотъ помѣщали старыхъ роялистовъ, когда морскимъ офицерамъ-эмигрантамъ, вступившимъ теперь въ королевскій флотъ, зачиталось время службы ихъ иностраннымъ державамъ; трехцвѣтная кокарда новой Франціи была отнята у войска и замѣнена бѣлою кокардою старой Франціи. Много старыхъ наполеоновскихъ солдатъ возвратилось

во Францію изъ плѣна, изъ гарнизоновъ иностранныхъ крѣпостей, сданныхъ союзникамъ только въ послѣднее время: у этихъ старыхъ солдатъ не могли отнять трехцвѣтной какарды; они объясняли реставрацію тѣмъ, что, въ ихъ отсутствіе, иностранцы, по заговору дворянъ и поповъ, вошли во Францію и учредили новое правительство. Такимъ образомъ, во Франціи стояло лагерь враждебное правительству войско, не обнаруживавшее явно вражды только по отсутствію полководца, дожидавшееся его возвращенія, и правительство не имѣло другого, своего войска противопоставить этой враждебной вооруженной силѣ, оно не имѣло ни войска, ни полководца. Бурбоны старались привлечь къ себѣ наполеоновскихъ маршаловъ; но только правительства сильныя могутъ надѣяться крѣпко привязать къ себѣ людей, перешедшихъ по силѣ обстоятельствъ и по слабости убѣжденій изъ враждебнаго лагеря; люди подобнаго рода служатъ усердно только сильному правительству; какъ же скоро правительство обнаруживаетъ слабость, непрочность, какъ скоро подлѣ правительства образуются другія силы, то эти люди обыкновенно позволяютъ себѣ получать выгодныя мѣста, брать награды у правительства, и въ то же время заискивать у другихъ силъ, показывать предъ ними, что они служатъ правительству только такъ, вовсе не изъ усердія, показывать свое недовольство правительствомъ, позволять себѣ злословить его, насмѣхаться надъ нимъ. Только правительству сильному выгодно подкупать способныхъ людей, правительство слабое напрасно истрачивается на это: примѣръ несчастнаго Людовика XVI служить тому доказательствомъ. При томъ же слабость возстановленныхъ Бурбоновъ высказывалась всего яснѣе у нихъ во дворцѣ: король не имѣлъ твердости и силы заставить окружающихъ сообразоваться со своею волею: если онъ ласкалъ наполеоновскихъ маршаловъ, желалъ привязать ихъ къ себѣ, желалъ слить старую знать съ новою, то придворные его не хотѣли этого слитія, и особенно женщины давали полную свободу своимъ чувствамъ: жена маршала Нея была оскорблена пренебреженіемъ, оказаннымъ ей придворными дамами. Но и мужчины были не очень осторожны: восторгъ придворныхъ предъ герцогомъ Веллингтономъ, побѣдителемъ войска императорскихъ, конечно, не могъ быть пріятель-маршаламъ императорскимъ.

Партія бонапартистская была сильна тѣмъ, что за нее была вооруженная сила; кромѣ того она могла рассчитывать на большинство сельскаго населенія, которое, будучи чуждо конституціоннымъ вопросамъ, позабывъ о Бурбонахъ въ революціонное время, по характеру своему, находилось подъ обаяніемъ

личности императора, какъ олицетворенія силы и славы, тогда какъ возстановленные Бурбоны, безцвѣтные, безличныя, были приведены иностранцами; кромѣ сельскаго населенія, бонапартистская партія могла рассчитывать и на нисшее городское населеніе; наконецъ, эта партія была сильна тѣмъ, что имѣла ясно опредѣленную цѣль. Не въ такомъ выгодномъ положеніи находилась либеральная или конституціонная партія, хотя и многочисленная въ высшихъ гражданскихъ сферахъ. Ея положеніе было затруднительно по отношенію къ правительству, которое хотя уступило странѣ либеральную конституцію, но представляло мало ручательства, что эта конституція будетъ поддержана на будущее время; другое затрудненіе этой партіи состояло въ томъ, что конституціонный вопросъ во Франціи былъ спорный, рѣшался теоретически на непрочной почвѣ, взрытой революціею; разнородныя мнѣнія и взгляды перекрещивали другъ друга, отсюда темнота, неопредѣленность, легкое и бесплодное отрицаніе. По всему было видно, что зданіе конституціонной монархіи во Франціи не было готово какъ только была дана хартія, что ей нужно было долго и долго отстраивать; а легко ли было это сдѣлать на колеблющейся почвѣ, при смутныхъ отношеніяхъ правительственныхъ, при борьбѣ партій, при извѣстномъ характерѣ народа, способнаго и привычнаго къ разрушенію стараго, способнаго проповѣдывать новое, но не выдержливаго, мало способнаго на тяжелый, усидчивый трудъ созиданія.

Слабость либеральной партіи во Франціи, слабость, которою она до сихъ поръ страдаетъ, высказалась въ описываемое время въ органѣ этой партіи: *Цензоръ*, издававшемся двумя молодыми адвокатами — Контомъ и Дюнуайе. Не смотря на то, что въ хартіи была обѣщана свобода печати, правительство сочло нужнымъ, по обстоятельствамъ времени, удержать цензуру для сочиненій, имѣвшихъ менѣе 30-ти печатныхъ листовъ, вслѣдствіе чего либеральные журналы, чтобъ избавиться отъ цензурныхъ сдержекъ, выходили большими томами. Страстный поклонникъ свободы, равенства, справедливости, демократіи, *Цензоръ* громилъ крайности революціи, военные деспотизмы, не былъ противъ Бурбоновъ, но отвергалъ принципъ божественнаго освященія королевской власти, отвергалъ аристократію, вліяніе духовенства. Мало ясности, опредѣленности могъ сообщить *Цензоръ* своимъ читателямъ при обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, и могъ усиливать только вредную привычку къ бесплодному либеральничанью, привычку легко обходиться, легко порѣшавъ съ серьезными явленіями политической жизни народовъ, пробавляться громкими словами и фразами. Положительная сторона журнала

относилась къ вопросамъ торговымъ, промышленнымъ, политико-экономическимъ; но эта сторона не могла удовлетворять общество, неуспокоенное на счетъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ.

Цензоръ не допускалъ никакой сдѣлки между старою и новою Франціею: онъ былъ органомъ того мѣщанскаго направленія, которое, усиливаясь все болѣе и болѣе, стремилось къ господству и достигло его. Примирить старую Францію съ новою задумалъ первый талантъ времени, Шатобрианъ. Мало французскихъ дѣятелей представляло въ такой чистотѣ кельтическую натуру, какъ Шатобрианъ, натуру живую, страстную, восприимчивую, способную бросаться изъ одной стороны въ другую, честолюбивую, тщеславную, созданную для борьбы, ведущую борьбу для самой борьбы. Бретонскій дворянинъ, Шатобрианъ былъ воспитанъ въ старомъ, уединенномъ замкѣ, въ фамиліи, бѣдной настоящимъ, которая жила одною памятью о прошломъ; гордый своимъ происхожденіемъ отецъ, набожная мать, восторженная сестра — вотъ первое окруженіе будущаго знаменитаго писателя; лишенный твердой, здоровой, школьной, научной пищи, онъ подчинился безраздѣльному господству фантазіи. Съ такимъ-то приготовленіемъ молодой Шатобрианъ перекинулся изъ своей провинціи въ Парижъ, гдѣ готовилась революція. Первая оргія революціи, взоткнутыя на пию головы произвели такое сильное впечатлѣніе на Шатобриана, что онъ тогда же рѣшился эмигрировать. Но политическая буря уже разшевелила его: поднялось честолюбіе, страшное желаніе играть роль: но какую избрать роль при томъ страшномъ хаосѣ, безъ яснаго пониманія, въ чемъ дѣло? Вдругъ приходитъ ему въ голову мысль открыть сѣверный путь изъ Европы въ Азію, и, безъ приготовленія, безъ средствъ, онъ отправляется въ Америку. Возвратясь оттуда, ничего не сдѣлавши, онъ узнаетъ, что родные его гибнутъ на гильотинѣ, и пристаётъ къ эмигрантамъ; но здѣсь отталкиваютъ его односторонность, мелкость интересовъ у людей мелкихъ по натурѣ; Шатобрианъ удаляется въ Англію и принимается за перо. Въ первомъ его произведеніи: «*Историческій опытъ о революціи*», ярко выразились столпоуверенія двухъ впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ — одно изъ революціонной Франціи, другое изъ эмигрантскаго лагеря: онъ нападаетъ на революцію, но объявляетъ ее неизбежною; нападаетъ на абсолютизмъ, но республику въ развращенное время считаетъ невозможною; въ теоріи признаетъ суверенитетъ народа, на практикѣ смотритъ на него съ отвращеніемъ; отрицаетъ всякую гражданскую свободу и допускаетъ только личную; кто не хочетъ зависѣть отъ людей, тотъ долженъ обратиться къ жизни дикихъ; о Христѣ

говорить, какъ о человѣческомъ явленіи; папство, реформацію, всю исторію христіанства представляетъ въ черномъ свѣтѣ, даетъ христіанству только два года жизни и ждетъ новой религіи; господство закона называетъ отвратительнымъ тиранствомъ; появленіе законовъ и правительствъ величайшимъ несчастіемъ. Въ послѣдствіи, самъ Шатобріанъ называлъ свой «Опытъ» противорѣчивою, отвратительною и смѣшною книгою; но книга эта имѣетъ свое значеніе: въ ней вполне отразился весь ходъ понятій, явившійся въ послѣдніе года XVIII вѣка вслѣдствіе революціи; весь этотъ хаосъ удобно прошелъ черезъ горячую голову молодого кельта, который въ дѣтствѣ питался мечтами въ феодальномъ замкѣ, встрѣтился съ жизнью въ революціонномъ Парижѣ и потомъ въ эмигрантскомъ лагерѣ, и въ промежутокъ побывалъ въ Америкѣ и прочелъ кое-что. У Шатобріана сильно высказалось и это отчаяніе, которое овладѣло тогда людьми, видѣвшими, что революція не обновила міра; отчаявшись въ возможности этого обновленія человѣческими средствами, они стали ждать помощи свыше; но, расгорясь съ прошедшимъ и настоящимъ, они стали ждать новой религіи.

Но уже это самое ожиданіе новой религіи предвѣщало скорое обращеніе къ христіанству, религіи нестарѣющейся, всегда способной обновлять человѣка и общество. Два года прошло, новая религія не являлась, обращеніе къ христіанству становилось все сильнѣе и сильнѣе, и Шатобріанъ является глашатаемъ и пособникомъ этого обращенія. Послѣ сильнаго изверженія непереваренныхъ впечатлѣній и понятій въ «Опытѣ о революціи», поворотъ въ другую сторону совершился быстро въ горячей натурѣ Шатобріана. Въ то время, когда Бонапартъ, удовлетворяя требованію большинства французскаго народа, заключилъ конкордату съ папою; въ тотъ самый день, когда въ Нотр-Дамѣ было возобновлено богослуженіе, въ Монитерѣ было объявлено съ похвалою о новой книгѣ Шатобріана: «Духъ христіанства», заключавшей въ себѣ поэтическое оправданіе обстановки христіанства, какъ она образовалась въ западной католической Европѣ. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, авторъ хвастался, что онъ своею книгою убилъ вліяніе Вольтера, спасъ дѣло, которое Римъ не могъ поддержать, окончилъ революцію и началъ новую литературную эпоху. Люди, не сочувствовавшіе книгѣ, говорили въ насмѣшку, что Шатобріанъ доказалъ, что христіанство даетъ больше матеріаловъ для оперы, чѣмъ другія религіи. Авторъ преувеличивалъ достоинство своей книги; но за то и насмѣшники, противъ воли своей, указывали на важное ея значеніе для большинства. Вольтеръ сильно повредилъ религіи, дѣйствуя могуще-

ственнымъ средствомъ для большинства, особенно во Франціи, дѣйствуя насмѣшкою, онъ былъ не въ сущность дѣла, былъ во внѣшнее, наглядное, но производилъ сильное впечатлѣніе на большинство, которое обыкновенно неспособно проникнуть въ сущность дѣла, ограничивается однимъ внѣшнимъ, нагляднымъ. Книга серьезная философско-богословскаго содержанія, и потому доступная немногимъ, не могла бы съ успѣхомъ противоdѣйствовать вольтеріанизму; надобно было подdѣйствовать на большинство доступнымъ для него образомъ, надобно было показать, что то, надъ чѣмъ смѣялись, не смѣшно, а прекрасно. Многіе и многіе, желавшіе обратиться къ христіанству, но удерживаемые страхомъ моды, насмѣшекъ, теперь, благодаря Шатобріану, освободились отъ этого страха: то, что было поругано, явилось теперь въ привлекательномъ свѣтѣ. Если до сихъ поръ древній греко-римскій міръ производилъ сильное впечатлѣніе красотою своей обстановки, и если Шатобріанъ доказалъ, что христіанство своею обстановкою выше другихъ религій, больше даетъ человѣку человѣческой пищи, то понятно, какъ его книга должна была содѣйствовать перемѣнѣ взгляда, какъ долженъ былъ выиграть тотъ міръ, въ которомъ образовалась обстановка христіанства.

Бонапартъ принялъ хорошо книгу Шатобріана, какъ соотвѣтствовавшую цѣлямъ правительства; авторъ вступилъ въ службу этого правительства, но скоро оставилъ ее: убійство герцога Англенскаго произвело на него такое же сильное впечатлѣніе, какъ и головы на пикахъ революціонеровъ. Прошло десять лѣтъ. Политическое низверженіе Наполеона совершилось; толпа, жадная на поруганіе падшаго величія, стаскивала статую императора съ Аустерлицей колонны; но этихъ низверженій было мало, надобилось низверженіе нравственное, и Шатобріанъ былъ тутъ съ своею громовою брошюрою, въ которой приписывалось Наполеону все безнравственное; Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ услугою, оказанною ему Шатобріаномъ: дѣйствительно, на первыхъ порахъ и при благоприятныхъ обстоятельствахъ впечатлѣніе было сильное; но скоро оказалось, что униженіе противника не могло восполнить недостатка величія въ представителѣ Бурбоновъ, и Наполеонъ выросъ снова.

Теперь Шатобріанъ выступаетъ съ новою брошюрою, написанною въ иномъ, примирительномъ духѣ (*Политическія размышленія о некоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и объ интересахъ всѣхъ французевъ*). Мы часто встрѣчаемъ добрыхъ людей, которые говорятъ: «и N. N. прекрасный человѣкъ, и M. M. прекрасный человѣкъ: и какъ жаль, что такіе прекрасные люди не терпятъ другъ друга; чтобы имъ помириться? они оба раз-

денки, чтобы любить друг друга!» Иногда добрые люди стараются помирить прекрасных людей, и, къ крайнему удивленію и оторченію своему, убѣждаются, что примиреніе невозможно. Шатобрианъ въ своемъ сочиненіи старается увѣрить, что старая Франція, старое управленіе были прекрасны, что наденіе ихъ должно быть вѣчнымъ предметомъ сожалѣнія; но и новая Франція также прекрасна, у нея есть хартія, которая не представляетъ что-нибудь совершенно новое: свобода была въ старой Франціи, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ; французская конституція не есть подражаніе англійской, потому что англійскій парламентъ есть не иное что, какъ усовершенствованное подражаніе французскимъ Генеральнымъ чинамъ, такъ что французы, повидимому, только подражаютъ своимъ сосѣдямъ, а на самомъ дѣлѣ возвращаются къ учрежденіямъ своихъ отцовъ. Новые французы не такъ легкомысленны, какъ старые, болѣе естественны, болѣе просты, болѣе отличаются народнымъ характеромъ; молодежь новой Франціи, воспитанная въ лагерѣ или уединеніи, болѣе серьезна и своебита; религіозность новыхъ французовъ не есть дѣло привычки, но результатъ убѣжденій; нравственность не есть плодъ домашняго воспитанія, но слѣдствіе просвѣщеннаго разума. Высшіе интересы заняли вниманіе, дѣльный міръ прошелъ передъ нами. Когда приходится защищать свою жизнь, когда передъ глазами падаютъ и возвышаются троны, то человѣкъ становится серьезнѣе, чѣмъ въ то время, когда единственнымъ предметомъ разговора служитъ придворная интрига, прогулка въ Булонскомъ лѣсу. Французы очень возмущали противъ того, какъ они были тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ и этою брошюрою Шатобриана: «Начала въ ней развитія должны быть усвоены всѣми французами»,—сказалъ король. Дѣйствительно, какъ было бы прекрасно, еслибъ всѣ французы вдругъ помирились, какъ было бы пріятно и покойно, особенно старику въ его креслахъ. И было много французовъ, которые готовы были помириться; но все затрудненіе состояло въ томъ, какъ, на чемъ мириться? Шатобрианъ воспитательно доказалъ, что старая и новая Франція, будучи обѣ прекрасны, должны помириться; но какъ? Этого не было, къ сожалѣнію, отыскать въ его брошюрѣ. И нашлись упрямцы между представителями и старой и новой Франціи, которые не соглашались съ знаменитымъ писателемъ, одни на счетъ красотъ новой, другіе на счетъ красотъ старой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, если старая Франція была такъ прекрасна, то какъ же случилось, что ее вдругъ сдали въ архивъ?

Вдругъ явились люди, которые начали разрушать прекрасное зданіе, а другіе, изъ проступка слабости или злонамѣренности, спокойно смотрѣли на это, признавали законными всякую силу, всякій совершившійся фактъ, и теперь эти люди правы, имъ должны уступить люди, которые, признавая, подобно Шатобріану, прекрасное прекраснымъ, протестовали и протестуютъ противъ его разрушенія, люди, которые одни вели себя, какъ прилично мужамъ! Приверженцы старой Франціи объявили, что они не хотятъ, въ угоду Шатобріану, смѣшивать людей самыхъ добродѣтельныхъ и самыхъ честныхъ съ людьми самыми преступными, что имъ мало дѣла до равенства, свободы, прогресса, равновѣсія властей, происхожденія и выгодъ представительнаго правленія. И, разумѣется, они были совершенно правы, объявивши, что вполне довольны тою Франціей, которая, по словамъ Шатобріана, была такъ восхитительна. Но всего болѣе должно было оскорбить ихъ то, что человѣкъ, выступившій защитникомъ старой Франціи, взявшійся вѣчно оплакивать паденіе прежняго управленія, поступилъ измѣннически, опозорилъ старую Францію, сказавши, что она занималась только придворными интригами, да прогулками въ Булонскомъ лѣсу, что высшіе интересы вызваны новою Франціею. Демократы, съ своей стороны, были очень недовольны похвалами старой Франціи, которая была имъ ненавистна, и насмѣялись они надъ декламаторскою галиматьею автора, надъ его энтузіазмомъ въ среднемъ вѣкѣмъ. Удивительное дѣло! кажется, расхвалилъ и тѣхъ и другихъ: и тѣ, и другіе разсердились.

Мириться было трудно, ссориться легко; легко было становиться на сторону старой или новой Франціи. Четыре журнала ратовали въ пользу первой (*Débats, Gazette de France, Quotidienne, Journal Royal*); цензура мѣшала имъ прямо высказываться противъ хартіи, но не мѣшала имъ вооружаться противъ конституціонныхъ началъ, смѣяться надъ ихъ защитниками, поворить революцію, имперію, восхвалять старую Францію, восхвалять испанскаго короля Фердинанда VII, восстанавливавшаго всецѣло старую Испанію. Странно было бы требовать, чтобъ цензура запрещала имъ все это; а между тѣмъ выходъ подобныхъ статей съ позволенія цензуры заставлялъ думать, что правительство руководить ихъ направленіе, потому что похвалы Наполеону или дѣятелямъ революціи не позволялись. Для этого нужно было хитрить, что и дѣлалъ бонапартистскій журналъ *Желтый Карл*. Журналъ «искусствъ и литературы», *Желтый Карл* ратовалъ за классицизмъ противъ романтизма, какъ протестовавшаго изъ стремленій обратиться въ старинѣ, къ этимъ

ненавистнымъ среднимъ вѣкамъ. Тутъ цензура не могла ничего запрещать, это было дѣло невинное, литературное; гдѣ же дѣло касалось политики, тамъ «Желтый Карлъ» съ благоговѣніемъ отзывался о королѣ, о Людовикѣ Желанномъ, порицалъ честолюбіе Наполеона, его нелиберальное направленіе. Но при этомъ хитрый и злой «Карлъ» вооружился страшнымъ, особенно во Франціи, оружіемъ — насмѣшкою, которою преслѣдовалъ защитниковъ реставраціи: изобрѣлъ орденъ *Гасильника*, въ кавалеры котораго жаловалъ людей, извѣстныхъ своимъ обращеніемъ къ старинѣ; изобрѣлъ другой орденъ *Флотера* для тѣхъ, которые, бывъ прежде ревностными слугами и хвалителями имперіи, теперь стали пламенными роялистами; созданъ былъ типъ провинціального дворянина, воздыхающаго о возвращеніи феодализма; подъ *Волтижерами Людовика XIV* были осмѣяны старые офицеры-эмигранты, явившіеся вмѣстѣ съ Бурбонами во Францію въ старыхъ костюмахъ, съ требованіемъ возстановленія полной старины. Цѣль была достигнута: на что нельзя было явно нападать, то было подкопано насмѣшкою.

Такимъ образомъ, пригрѣтыя слабостію правительства, партіи оживали одна за другой и расправляли свои силы. Шумъ, происшедшій отъ этого дѣйствія оживающихъ партій, испугалъ англійское правительство, которое вызвало изъ Парижа своего представителя, герцога Веллингтона, боясь, чтобы, при вспыхнѣвшей революціи, знаменитый ея полководецъ не былъ задержанъ. Представитель русскаго императора, Поццо-ди-Борго смотрѣлъ иначе на дѣло: онъ видѣлъ слабость Бурбоновъ, неумѣнье править, видѣлъ оживленіе партій, но не считалъ революцію близкою. По его мнѣнію, правительственная машина шла плохо: король рѣшаетъ дѣло съ однимъ министромъ, другіе ничего не значать, какъ случилось по поводу распоряженія о соблюденіи воскресныхъ дней: одинъ министръ распорядился, всѣ другіе объявили, что ничего не знаютъ. Маршалы принимаютъ все отъ двора и не имѣютъ деликатности признать себя довольными; у нихъ недостаетъ великодушія говорить съ генералами и офицерами откровенно, что предписываетъ имъ законъ чести вслѣдствіе новыхъ обязательствъ ихъ передъ королемъ; будучи такими же придворными, какъ и другіе, они не признаются однако, что имъ хорошо при дворѣ, и даже выставляютъ противное. Нація далеко еще не увѣрена въ утвержденіи Бурбоновъ на тронѣ; нѣкоторые рассчитываютъ на возвращеніе Бонапарта; другіе не потеряли изъ виду герцога Орлеанскаго. О Наполеонѣ серьезно не жалѣетъ никто изъ тѣхъ, которые хотятъ имѣть и признавать отечество; но значительное число людей, которымъ выгоднѣе

смута, желаютъ имѣть такого вождя, какъ онъ. Въ случаѣ, если бы обнаружилась серьезная реакція противъ короля, то корона будетъ предложена герцогу Орлеанскому. Въ іюнѣ 1814 года, Поццо-ди-Борго отправился къ любимцу королевскому, графу Блака, чтобъ прочесть ему наставленіе, какъ долженъ поступать конституціонный король: когда существуетъ въ странѣ народное представительство, то министерство должно быть королевскимъ совѣтомъ; при настоящихъ обстоятельствахъ надобно окружить палаты уваженіемъ, опредѣлить участь арміи, оставить подъ ружьемъ такое число людей, которымъ можно правильно уплачивать жалованье, остальныхъ отослать: они перестанутъ быть опасными, какъ скоро перестанутъ составлять корпусъ; устроить дѣла ордена Почетнаго Легіона, какъ можно деликатнѣе, чтобъ не оскорбить кавалеровъ, и главное, надобно разсуждать и рѣшать всѣ дѣла въ совѣтѣ министровъ. Поццо-ди-Борго не скрылъ отъ Блака тѣ опасенія, которыя были возбуждены усиленіемъ его собственнаго вліянія на короля.

До сентября 1814 года тянулось еще дѣло о бракѣ великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ, дѣло, начатое еще по предложенію Людовика XVIII изъ Англіи ¹⁾. Этого брака сильно желали люди, которые хотѣли посредствомъ вліянія императора Александра оттянуть Бурбоновъ отъ старой Франціи къ новой; но различіе исповѣданій служило неодолимымъ препятствіемъ. Императоръ Александръ требовалъ, чтобъ его сестра имѣла свою православную церковь во дворцѣ, и соглашался на одно, чтобъ она присутствовала публично при всѣхъ католическихъ церемоніяхъ. Король объявилъ препятствіе неодолимымъ, но прибавилъ, что, не принимая русскихъ условій, онъ и не отвергаетъ ихъ окончательно, а предоставляетъ императору и себѣ время подумать и найти какое-нибудь новое средство соглашенія. Блака предложилъ Поццо-ди-Борго слѣдующее: католическій могилевскій митрополитъ, поговоривъ съ великою княжною, дастъ знать министру королевскаго двора, что ея высочество показываетъ явное расположеніе къ католицизму, и что бракъ можетъ окончательно побудить ее къ публичному его принятію. Блака протестовалъ, что онъ не имѣетъ инструкціи отъ короля, но надѣется, что король приметъ эту *теологическую турнюру*, для отстраненія всѣхъ препятствій, и позволить великой княжнѣ имѣть греческую церковь, предоставляя чудесамъ благодати подѣйствовать со временемъ; кардиналъ Гонзальви предложилъ уговорить папу согласиться на *теологическую*

¹⁾ См. мою статью: «Ванскій Конгрессъ» (въ Русскомъ Вѣстникѣ).

муртору. Но императоръ Александръ отвѣчалъ, что предложеніе Блага нельзя принять; Поццо-ди-Борго долженъ замолчать, дожидаясь, что придумаетъ король, потому что онъ обѣщалъ думать. Такъ же окончилось и дѣло по испанскому предложенію о заключеніи брака между великою княжною Анною Павловною и королемъ Фердинандомъ VII. Здѣсь королевскіе министры внушали русскому послу Татищеву, что бракъ великой княжны съ герцогомъ Беррійскимъ представляетъ очень отдаленную перспективу, тогда какъ бракъ ея съ Фердинандомъ VII сдѣлаетъ ее тотчасъ королевою прекрасной страны. Что же касается до безпокойства, возбуждаемаго въ Россіи относительно вліянія монаховъ при испанскомъ дворѣ, то власть ихъ надъ королемъ вовсе не такова, чтобъ могла быть опасною для великой княжны. Герцогъ Санъ-Карлосъ умолялъ Татищева увѣрить императора, что великая княжна, ставши испанскою королевою, будетъ одна управлять и мужемъ, и государствомъ. Но императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, вслѣдствіе религіознаго препятствія.

Бракъ герцога Беррійскаго съ русскою великою княжною не состоялся, вліяніе Россіи, котораго такъ желали умѣренные либералы-роялисты, не усилилось; напротивъ, Людовикъ XVIII и министръ его Талейранъ рассчитывали поднять славу реставраціи, занять войско, отвлечь вниманіе войнолюбиваго народа отъ внутреннихъ дѣлъ войною противъ Россіи и Пруссіи въ союзѣ съ Англіею и Австріею; но эти надежды были обмануты уступчивостью Россіи и Пруссіи въ дѣлѣ польскомъ и саксонскомъ, и французское войско скоро нашло себѣ занятіе.

Мы видѣли, что, благодаря слабости Бурбоновъ, партіи оживали во Франціи, расправляли свои силы, но ни одна изъ нихъ не усилилась до такой степени, чтобы могла произвести революцію. Переворотъ произошелъ не изнутри, а извнѣ, когда среди войска, недовольнаго реставраціею, сохранившаго вполнѣ сочувствіе къ имперіи, явился знаменитый императоръ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Положеніе, созданное на-спѣхъ союзниками для Наполеона, было положеніе невозможное: всѣ понимали, что человѣку, который недавно предписывалъ законы Европѣ, будетъ тѣсна Эльбская имперія; отсюда естественный страхъ предъ его замыслами, естественное, нескрываемое желаніе видѣть его гдѣ-нибудь гораздо подалеже отъ Европы; это самое внушало страхъ Наполеону, заставляло его предупредить враждебныя противъ него намѣренія, ибо ему давали знать, что ему назначаютъ другую имперію — на Азорскихъ островахъ. Прежде чѣмъ стать императоромъ на Азорскихъ островахъ, нельзя ли попытаться стать

опять императоромъ французовъ? Успѣхъ очень вѣроятенъ: изъ Франціи въ началѣ 1815 года были вѣрныя извѣстія, что Бурбонами недовольны, войско живетъ памятью объ императорѣ; союзники разѣдутся изъ Вѣны 20 февраля, сильно охлажденные относительно другъ друга: разъ прекратилось общее дѣйствіе, возобновить его будетъ уже трудно; уже не говоря объ Азорскихъ островахъ, и на Эльбѣ жизнь невыносима: императоръ привыкъ къ дѣятельности, началъ строиться — нѣтъ средствъ; изъ Франціи не присылаютъ положенныхъ двухъ милліоновъ франковъ въ годъ; и сильное раздраженіе вслѣдствіе этого, и сильное оправданіе: въ неисполненіи условій разрѣшеніе начать враждебныя дѣйствія.

1 марта 1815 года корабль, песущій Цезаря, присталъ къ берегамъ Франціи, и Франція, обыкновенно такая чуткая во всякому шороху, остается покойною въ виду событія, долженствующаго рѣшить ея судьбу. Власти официально заявляютъ непоколебимую преданность Франціи къ потомству Генриха IV; либеральные писатели провозглашаютъ, что Франція не хочетъ деспота, останется вѣрна королю, давшему хартію: Франція слушаетъ все это и остается неподвижною. Дѣло должно быть рѣшено оружіемъ; но войско принадлежитъ императору. Бурбоны должны выбирать одно изъ двухъ: выслать войско противъ Наполеона, т. е. отдать ему его въ руки, или сосредоточить войско около себя, т. е. предать Наполеону беззащитную страну. Рѣшаются выставить войско; но при первой встрѣчѣ съ императоромъ, солдаты, блѣдные какъ смерть, не стрѣляютъ, и Наполеонъ уже говоритъ, что черезъ десять дней будетъ въ Тюльери. Въ потемкахъ начинаютъ дѣйствовать нечистыя силы; а во Франціи были тогда потемки, смута; общество, распатанное революціею, крайне ослабѣло нравственно, и въ такомъ ослабленіи общество позволяетъ выходить на первый планъ нечистымъ силамъ, нечистымъ людямъ. Является Фушэ, Фушэ, обрызгавшій себя кровью во время революціи, министръ полиціи во время имперіи, Фушэ, вмѣстѣ съ Талейраномъ, вынесшій изъ бурной эпохи то убѣжденіе, что только глупецъ остается въ домѣ, который горитъ. Когда, въ 1814 году, французское общество, неимѣвшее ни силъ, ни желанія поддерживать падавшую имперію, и въ то же время не знавшее, кѣмъ замѣнить императора, должно было однако, волею-неволею, заняться рѣшеніемъ вопроса, предложеннаго союзными государями, должно было выбрать изъ кандидатовъ, въ которыхъ было одинаково равнодушно, тогда, въ этой смутѣ и нерѣшительности, явился на первомъ планѣ Талейранъ и обдѣлалъ дѣло въ пользу воз-

становленія Бурбоновъ; Фушэ, отправленный Наполеономъ къ неаполитанскому королю Мюрату, страшно досадовалъ, что его не было въ Парижѣ при паденіи имперіи, что все сдѣлалъ одинъ Талейранъ, возстановивъ старшую Бурбонскую линію, которая не могла дать значенія цареубійцѣ Фушэ. Но теперь пришло его время: имперія поднимается, не смотря на различныя подозрѣванія, взгляды въ палатахъ и на бумагахъ, общество, равнодушное къ Наполеону, въ то же время не имѣетъ ни силы, ни желанія поддерживать Бурбоновъ; при такой смутѣ, нерѣшительности, отнимавшей, въ свою очередь, послѣднія нравственныя силы у общества, выдвигается Фушэ; изнеможенное нравственно общество позволяетъ ему дѣйствовать, позволяетъ дѣйствовать всякому, кто сохранилъ способность къ дѣйствию. Видя слабость, затруднительное положеніе Бурбоновъ, Фушэ еще до высадки Наполеона сталъ расправлять свои силы въ полной надеждѣ, что скоро придетъ его время, какъ вдругъ является Наполеонъ. Это сначала разстроило Фушэ; но онъ скоро понялъ, что и Наполеонъ такъ же слабъ, какъ Бурбоны, ибо если войско дастъ ему несомнѣнное торжество, то это войско по прежнему не въ состояніи бороться съ цѣлою Европою, а истощенная Франція не можетъ дать новыхъ средствъ къ борьбѣ; всего скорѣе произойдетъ сдѣлка между имперіею и Европою: на французскомъ престолѣ будетъ малютка Наполеонъ II съ регенствомъ матери, Маріи Луизы, а слабое женское правленіе всего выгоднѣе для Фушэ. «Это страшилище опять несетъ къ намъ деспотизмъ и войну,» — говорилъ прежній министръ о своемъ прежнемъ государѣ: — «дѣлать нечего, надобно ему помочь, а тамъ увидимъ, что дѣлать: вѣроятно, онъ найдетъ въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и мы».

Въ Тюльери держатся за послѣдняго человѣка, могущаго своею славою, своимъ вліяніемъ въ войскѣ спасти Бурбоновъ отъ «страшилища»; въ Тюльери ласкаютъ маршала Нея. Маршалъ, человѣкъ развитой односторонне, выдержливый въ битвѣ, не выдержалъ придворной ласки и лести, подумалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ ровня Наполеону, и, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ обстоятельствахъ люди, подобные ему, сталъ хвастаться и обѣщать, что привезетъ Наполеона въ клѣткѣ. Ней отправился къ войску, и тутъ другого рода внушенія, чѣмъ въ Тюльери: ему привозятъ письма отъ Наполеоновскаго гофмаршала Бертрана, представляють ему дѣло такъ, что все давно было улажено между Эльбою, Парижемъ и Вѣною, что Наполеонъ дѣйствуетъ по согласію съ своимъ тестемъ, императоромъ австрійскимъ, что англійскіе корабли нарочно удалились, чтобы пропустить маленькую фло-

тилію императора, плившую въ берегамъ Франціи. Ней не вѣдѣлъ въ себѣ средствъ устоять и противъ этихъ внушеній. И такъ, Бурбоны воспользовались его простотою, невѣденіемъ, и обошли; страшная досада, раздраженіе, что далъ себя такъ обмануть и поставить въ такое положеніе: войска не пойдутъ противъ императора, притомъ за него Австрія и Англія; какая же охота принести все въ жертву проигранному дѣлу? а тутъ и оправданіе: Бурбоны теперь ласкали, потому что имѣли нужду, а прежде гдѣ при ихъ дворѣ обошлись съ женою маршала? Ней собралъ солдатъ и объявилъ имъ, что дѣло Бурбоновъ навсегда проиграно, Наполеонъ долженъ царствовать. Восторженные крики были отвѣтомъ. Войско вмѣстѣ съ полководцемъ перешло на сторону своего императора, и Ней написалъ женѣ: «Мой другъ, ты не будешь больше плавать, уѣзжая изъ Тюльери».

Ней не привозитъ Наполеона въ вѣтѣхъ; Ней измѣнилъ. Бурбоны въ отчаяніи обратились къ Фушэ за совѣтомъ и помощію, какъ слабый человекъ въ дѣлѣ обращается къ колдунамъ и гадалщицамъ. Фушэ отвѣчалъ, что теперь поздно, что единственное средство спасенія уѣхать; если бы прежде къ нему обратились, то онъ бы спасъ; пусть не дивятся, если чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ министромъ Наполеона; онъ приметъ его министерство для избѣжанія его тиранства и для ускоренія его гибели, а избавившись отъ этого опаснаго безумца, онъ, Фушэ, быть можетъ и сдѣлаетъ для Бурбоновъ то, чего теперь сдѣлать не можетъ. Получивши таковой отвѣтъ, велѣли схватить Фуше, но онъ уѣхалъ черезъ садъ въ домъ бывшей королевы голландской Гортензіи. 19-го марта, Бурбоны выѣхали изъ Парижа; 20-го, Наполеонъ вступилъ въ Тюльери, и Фушэ сталъ при немъ министромъ полиціи. «Смерть Бурбонамъ! долой роялистовъ! долой поповъ!» кричала толпа.

Но крики толпы не могли обмануть Наполеона. Когда цѣль еще была впереди, тогда все вниманіе было обращено на средства къ ея достиженію; когда цѣль была достигнута, тогда затрудненія и опасности положенія стали обозначаться все яснѣе и яснѣе. Наполеонъ былъ прежній въ томъ смѣслѣ, что способности, энергія его не уменьшились; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ произошла и большая перемѣна. При постоянномъ успѣхѣ слабѣетъ сознаніе возможности неудачи, отсюда смѣлость и быстрота, необращеніе большого вниманія на препятствія, на условія неуспѣха; послѣ неудачи человекъ становится осторожнѣе, боязливѣе, т. е. онъ обращаетъ больше вниманія на препятствія, условія неуспѣха яснѣе для него выставляются. Такая перемѣна произошла и въ Наполеонѣ послѣ паденія. Прежде всего онъ

сознавалъ, что онъ уже не тотъ для другихъ, что очарованіе необходимости, неодолимой силы исчезло, что на него смотрятъ уже другими глазами, гораздо смѣлѣе, и насколько убило у него, настолько прибыло у другихъ. Это мучительное сознаніе уменьшенія своихъ нравственныхъ средствъ невольно заставляетъ человѣка принижать, уравниваться съ другими, занскивать въ нихъ, перемѣнять тонъ, что мѣшаетъ его прежней свободѣ, прежней развязности. 1-го января 1814 года, желая заглушить первое проявленіе самостоятельности Законодательнаго Корпуса, Наполеонъ говорилъ ему: «Вы хотите овладѣть властію: но что вы съ нею сдѣлаете? Франціи нужна теперь не палата, не ораторы, а генераль. Между вами есть ли генераль? и гдѣ ваше полномочіе? Франція меня знаетъ, а васъ знаетъ ли? Тронъ — это нѣсколько досокъ, обитыхъ бархатомъ; тронъ — это человѣкъ, и человѣкъ этотъ — я, съ моею волею, съ моимъ характеромъ, съ моею славою. Знайте, что меня можно убить, но нельзя оскорблять». Въ январѣ 1814 года Наполеону можно было такъ говорить, но въ мартѣ 1815 нельзя: генераль не спасъ Франціи отъ вражьяго нашествія, и Франція отреклась отъ своего уполномоченнаго; воля, характеръ, слава не спасли его; онъ остался живъ, но оскорбленный, и какъ оскорбленный?! Въ послѣдствіи, въ 1848 году, объясняя причины паденія Бурбоновъ обѣихъ линій, герцогъ Веллингтонъ говорилъ: «Меня не удивляетъ то, что происходитъ теперь во Франціи; немного ранѣе, немного поздѣе, и это должно было случиться. Я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ былъ во Франціи безпорядокъ, возмущеніе, республиканскій духъ былъ главнымъ двигателемъ: со времени республики народъ привыкъ смотрѣть на государей, какъ на похитителей. Наполеонъ уничтожилъ республику: это было похищеніе власти въ глазахъ народа, и такъ смотрѣли въ послѣдствіи при всякой перемѣнѣ правленія. Республика осталась въ глубинѣ народнаго духа. Династіи прошли одна за другою, не пустивши корней. Малѣйшее потрясеніе ихъ низвергало. Знаете-ли отчего? оттого, что монархія, разъ оповоренная, не имѣетъ болѣе власти надъ духомъ націи. Отчего Стюарты не могли никогда утвердиться въ Англіи? потому что народъ видѣлъ, какъ Марія Стюартъ была подъ судомъ и потеряла голову на эшафотѣ. Отчего Бурбоны не пустили снова корней во Франціи? оттого, что Людовикъ XVI былъ опозоренъ, осужденъ на смерть возмущившимся народомъ. Теперь Орлеанская фамилія была опозорена, тронъ сожженъ, дворецъ разграбленъ: будьте увѣрены, что съ нею покончено, династія пала навсегда». Знаменитый полководецъ сильно преувеличилъ дѣло: Стюарты пали не оттого,

что Марія Стюартъ была казнена, даже не оттого, что Карлъ I потерялъ голову на эшафотѣ: Стюартамъ надобно было много потрудиться, чтобы искоренить изъ сердець англійскаго народа любовь и уваженіе въ династіи и страхъ передъ революціею. Бурбоны пали не оттого, что Людовикъ XVI былъ осужденъ на смерть. Но въ словахъ герцога есть доля правды, и особенно его замѣчаніе справедливо относительно положенія Наполеона въ 1815 году: онъ возвратился слишкомъ скоро; въ ушахъ французовъ еще раздавались самые оскорбительные отзывы объ немъ, самые бранные эпитеты; очарованіе публично неприкосновеннаго имени исчезло: Наполеонъ возвращался уже не прежнимъ Наполеономъ.

Тяжело было Бурбонамъ утвердиться на французскомъ престолѣ: между ними и новою Франціею стояла имперія, эпоха могущества и славы; Бурбоны, не будучи въ состояніи дать Франціи такого могущества и славы, предложили вмѣсто того хартію. Теперь въ томъ же положеніи находился Наполеонъ: между нимъ и старою имперіею прошли Бурбоны; о самихъ Бурбонахъ не жалѣли, ихъ не защищали, но жалѣли о порядкѣ вещей, который, волею-неволею, принесли съ собою Бурбоны; хотѣли удержать этотъ порядокъ, и Наполеона встрѣчаютъ требованіемъ, чтобы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, чтобы не было прежняго честолюбія, прежняго деспотизма. И Наполеонъ не говоритъ въ отвѣтъ того, что сказалъ онъ Законодательному Корпусу 1-го января 1814 года; напротивъ, сулитъ миръ, свободу, обѣщаетъ быть другимъ человекомъ, чѣмъ прежде; онъ знаетъ, что хотя войско привело его въ Парижъ, но войско не удержать его на престолѣ, если Франція останется равнодушною передъ войсками враждебной ему Европы, и онъ замскиваетъ передъ Франціею, входитъ съ нею въ сношенія, наддастъ передъ Бурбонами, старается показать, что онъ лучше Бурбоновъ, что Франція выгоднѣе имѣть его государемъ, чѣмъ Бурбоновъ. Нѣтъ, Наполеонъ далеко не прежній Наполеонъ, и самъ онъ говоритъ на всѣ стороны, что онъ уже не тотъ: «Я пробылъ годъ на Эльбѣ, и тамъ, какъ въ гробу, я могъ слышать голосъ потомства; я знаю, чего должно избѣгать, знаю, чего должно хотѣть. Спасти дѣло революціи, упрочить нашу независимость политикою или побѣдою, и потомъ приготовить конституціонный тронъ сыну — вотъ единственная слава, которой я добиваюсь. Завтра же мы дадимъ свободу печати. Чего мнѣ ея бояться? Послѣ того, что было написано въ продолженіе года, ей нечего больше сказать обо мнѣ, но у нея еще остается сказать кое-что о моихъ противникахъ. Прошлый годъ говорили,

что я возстановилъ Бурбоновъ; этотъ годъ они меня возстановляютъ: мы квиты. Я умѣю исправиться, не то что Бурбоны, которые въ 25 лѣтъ ничему не научились, ничего не забыли».

Уяснилось, въ чемъ дѣло: два соперника борются за престолъ; ошибки одного поднимаютъ другого; Франці, равнодушной къ обоимъ, предоставляется право выбирать того, кто дастъ больше выгодъ; все вниманіе обращено на то, чтобъ уронить противника; Наполеонъ наивно выражается на счетъ свободы печати; онъ вовсе не смотритъ на нее съ конституціонной точки зрѣнія, а только какъ на средство борьбы съ Бурбонами: «мнѣ она не опасна, про меня уже сказано все дурное, пусть поговоритъ теперь о Бурбонахъ; это произведетъ сильное впечатлѣніе, потому что печать не будетъ направляться правительствомъ, цензурою.» Молодой совѣтникъ при королевскомъ дворѣ, знаменитый впослѣдствіи Деказъ отказался подписать поздравительный адресъ императору; ему выставляли на видъ быстрый успѣхъ Наполеона, свидѣтельствующій привязанность къ нему Франці: въ двадцать дней онъ прошелъ всю Францію, не встрѣчая нигдѣ препятствій: «Я не зналъ, — отвѣчалъ Деказъ, — что престолъ Франці служитъ бѣговымъ призомъ». Ни одинъ порядочный французъ не долженъ былъ знать этого; — но, къ несчастію для Франці, такъ было дѣйствительно. Реставрація имперіи застигла Францію также въ торопяхъ, застигла ее такою же усталою и равнодушною, какъ и реставрація Бурбоновъ. И Наполеонъ скоро это понялъ: когда старые приверженцы похваляли его съ чудеснымъ возвращеніемъ, съ торжественнымъ приемомъ, какой онъ встрѣтилъ въ народѣ, то Наполеонъ перебивалъ ихъ словами: «Время комплиментовъ прошло! они меня встрѣтили точно такъ же, какъ проводили *тысяч* (т. е. Бурбоновъ)». Въ руки императору попались адреса къ Людовику XVIII, написанные по поводу высадки Наполеона, адреса, наполненные выходками противъ «Корсиканскаго людоѣда», увѣреніями въ преданности къ Бурбонамъ; по приѣздѣ въ Парижъ, Наполеонъ получилъ адреса изъ тѣхъ же мѣстъ, подписанные тѣми же лицами: они заключали въ себѣ выходки противъ Бурбоновъ, увѣренія въ преданности къ императору.

Наполеонъ выигралъ бѣговой призъ; но торжество не было окончательное, затрудненія и опасности только что начинались. «Народъ, солдаты, субъ-лейтенанты сдѣлали все, имъ, однимъ имъ я всѣмъ обязанъ», — говорилъ Наполеонъ. Войско все сдѣлало, войско все и сдѣлаетъ: но тяжелый опытъ говорилъ другое. Когда нужно было защищать имперію отъ цѣлой Европы, тогда войско ничего не сдѣлало, и народъ не тронулся; соеди-

ненные государи обратились не къ народу, не къ войску. И Наполеонъ, для обезпеченія себя на случай неудачи, заискиваетъ въ якобинцахъ, въ ненавистныхъ идеологахъ. Онъ уже объявилъ себя раскаявающимся грѣшникомъ; произнесъ роковое: «не буду; не буду ни завоевателемъ, ни деспотомъ». Произнося эти слова, Наполеонъ думалъ, что усиливается, беретъ верхъ надъ соперниками: видимо было такъ, но съ другой стороны исчезло очарованіе силы и величія, отношенія перемѣнились. Люди несомнѣнной преданности къ имперіи, опальные за это при Бурбонахъ, отказывались принимать должности, предлагаемыя теперь императоромъ; другіе, принявшіе должности, обращались къ императору вовсе не съ прежнимъ благоговѣіемъ, дисциплина ослабѣла, полубогъ явился простымъ смертнымъ, признавшимся въ своихъ ошибкахъ, обѣщавшимъ, что впередъ не будетъ такъ дѣлать, какъ прежде; и не смотря на росказни, успѣхъ не былъ вѣренъ: едва ли Наполеонъ удержится на престолѣ, не отбиться ему и теперь отъ цѣлой Европы, какъ не отбился въ прошломъ году! И Наполеонъ, самъ далеко неувѣренный въ успѣхъ, видѣлъ ясно, какъ и другіе въ немъ неувѣренны, какъ со страхомъ смотрятъ впередъ, озираются на всѣ стороны, ища другой опоры, другого обезпеченія. Наполеонъ испыталъ странное для человѣка съ его характеромъ и привычками чувство, чувство слабости, чувство невыносимое для человѣка сильнаго, и только сильный человѣкъ можетъ испытывать это чувство.

Императоръ прежде всего долженъ былъ обратиться къ такъ называемымъ якобинцамъ, людямъ, сильно замѣшаннымъ въ революціи: они больше всѣхъ желали низверженія Бурбоновъ, которые не мирились съ ними, держали въ опалѣ. Карно, Фушэ были призваны въ министерство; но Наполеонъ зналъ, что это не бонапартисты, что у этихъ людей своя вѣра, свои преданія, что они могутъ поддерживать его только случайно, на время, въ виду общаго врага; Наполеонъ не довѣрялъ имъ, и не пустилъ другихъ якобинскихъ кандидатовъ въ министерство, что раздражило партію. Еще на дорогѣ въ Парижъ Наполеонъ объявилъ объ палатѣ распущенными, и повѣстилъ, чтобъ въ теченіе мая мѣсяца избирательныя коллегіи департаментовъ собрались въ Парижъ, подъ именемъ чрезвычайнаго собранія Майскаго поля, для принятія мѣръ въ исправленію и измѣненію конституціи согласно съ интересами и волею народа. Надобно было, слѣдовательно, какъ можно скорѣе приготовить эту исправленную и измѣненную конституцію. Но кто же возьмется за это трудное дѣло! Наканунѣ пріѣзда Наполеона въ Парижъ, 19 марта, въ *Journal des Débats* появилась яростная статья противъ возвра-

щавцагося императора: «Со стороны короля, — говорилось въ статьѣ, — конституціонная свобода, безопасность, миръ; со стороны Бонапарта рабство, анархія и война; при немъ намъ угрожаетъ мамелюкское управленіе. Это Аттила, это Чингисъ-ханъ, болѣе страшный, болѣе ненавистный, ибо въ его рукахъ средства цивилизаціи. Онъ является снова, этотъ человѣкъ, покрытый нашею кровію, преслѣдуемый недавно всеобщими проклятіями. Мы будемъ презрѣннѣйшимъ изъ народовъ, если протанемъ къ нему руки. Мы станемъ посмѣшищемъ Европы, бывши прежде ея ужасомъ. Наше рабство не будетъ имѣть извиненія, наше униженіе не будетъ имѣть границъ». Статья была подписана Бенжаменъ-Констаномъ, который изъ республиканца сдѣлался роялистомъ. Авторъ такъ говорилъ о себѣ въ приведенной статьѣ: «Я желалъ свободы подъ всѣми формами; я увидалъ, что она возможна при монархіи; я вижу, какъ король соединяется съ народомъ; я не буду презрѣннымъ перебѣзчикомъ, не стану волочаться отъ одной власти къ другой и прикрывать безчестіе софизмомъ». Вотъ человѣкъ, на котораго можно положиться, говорили роялисты: онъ самъ поставилъ между собою и Наполеономъ неодолимую преграду. Но Наполеонъ лучше зналъ людей, — въ видимой силѣ и стремительности умѣлъ угадывать признаки слабости: и Ней общалъ Бурбонамъ привести его въ плѣтъ. Наполеонъ призывалъ къ себѣ Бенжаменъ-Констана, чтобъ поручить ему дѣло составленія новой конституціи. Наполеонъ любилъ поговорить, особенно съ людьми замѣчательными, на которыхъ онъ хотѣлъ провзвести сильное впечатлѣніе, которые могли передать это впечатлѣніе другимъ; онъ встрѣтилъ длиннымъ монологомъ представителя либераловъ, идеологовъ: «Франція отдохнула и хочетъ или думаетъ, что хочетъ имѣть трибуну, палаты. Она не всегда ихъ хотѣла; она бросилась къ моимъ ногамъ, когда я достигъ власти. Вы должны хорошо помнить то время; вы тогда попробовали было стать въ оппозицію: но гдѣ вы нашли подпору, силу? нигдѣ. Я взялъ меньше власти, чѣмъ сколько мнѣ давали. Теперь все перемѣнилось. Правительство слабое, противное національнымъ интересамъ дало этимъ интересамъ привычку стоять на сторожѣ и задираетъ власть. Вкусъ къ конституціямъ, преціамъ, рѣчамъ, кажется, возвратился. Однако не обманывайте себя: вѣдь только меньшинство этого хочетъ. Народъ хочетъ только меня. Говорятъ, что я только солдатскій императоръ, — неправда: я императоръ крестьянъ, плебеевъ, Франціи! Между нами симпатія, не то что между мною и привилегированными. Я вышелъ изъ народныхъ рядовъ, народъ отзывался на мой голосъ. У меня и у него одна натура. Народъ

смотреть на меня, какъ на свою защиту, на своего избавителя отъ благородныхъ. Мнѣ стоитъ только сдѣлать знакъ, или отвернуть только голову, какъ всѣ благородные будутъ перерѣзаны во всѣхъ провинціяхъ. Но я не хочу быть королемъ жакеріи. Если есть средства управлять съ конституціею, — въ добрый часъ. Я человѣкъ изъ народа, если народъ хочетъ свободы, я обязанъ ему дать ее. Я призналъ его господство, я долженъ сообразоваться съ его волею, даже съ его капризами. Я не врагъ свободы; я ее отстранялъ, когда она загораживала мнѣ дорогу, но я ее понимаю, я былъ воспитанъ въ ней. Я хочу мира и могу получить его только посредствомъ побѣды. Я предвижу долгую войну; въ этой войнѣ нація должна меня поддержать; въ вознагражденіе за эту поддержку она, думаю, потребуетъ свободы — и получить ее. Я старѣю; спокойствіе конституціоннаго государя можетъ быть по мнѣ; по всей вѣроятности, оно будетъ еще больше по моему сыну».

Не нужно было имѣть много проникательности, чтобъ понять суть этого монолога, этой смѣси угрозъ своею силою и признанія въ своей слабости: «Я возвратился по народной волѣ; но для утвержденія моего на престолѣ, я долженъ вести долгія войны, одерживать побѣды; Франція должна меня поддержать, за эту поддержку она требуетъ свободы, я ее дамъ. Я обязанъ дать конституцію, если народъ ее хочетъ, потому что я признаю господство народа. Но если народъ ее не хочетъ?... да онъ и дѣйствительно ее не хочетъ, хочетъ ее только меньшинство; народъ хочетъ одного меня, и, смотрите: мнѣ стоитъ только отвернуть голову, и народъ васъ всѣхъ перерѣжетъ.» Въ словахъ Наполеона заключался тотъ же смыслъ, что и въ словахъ графа Артуа: «Захотѣли конституціоннаго правленія: попробуемъ его; если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей.» — «Если есть средства управлять съ конституціею, — въ добрый часъ,» говорилъ Наполеонъ. Разница состояла въ томъ, что въ словахъ Наполеона было еще меньше речательства за будущность конституціонной Франціи. Несмотря на то, Бенжаменъ-Констанъ, назначенный государственнымъ совѣтникомъ, принялъ порученіе составить новую конституцію и быстро исполнилъ его; думать много было нечего: стоило переписать англійскую конституцію. Наполеонъ сдѣлалъ возраженія противъ наследственнаго перства, но согласился допустить его: ему было мало дѣла до того, во сколько новая конституція пригодна для Франціи и будетъ ли долговѣчна; онъ смотрѣлъ на новую конституцію, какъ на временное постановленіе, соотвѣтствующее из-

вѣстнымъ условіямъ его положенія, и обнародовалъ ее подъ именемъ «*Дополнительнаго акта къ постановленіямъ имперіи.*» Упрекая Бурбоновъ за то, что они не хотѣли забыть своего прошедшаго, онъ не хотѣлъ забывать своего, выставляя на видъ славу этого прошедшаго. Когда Бенжамень-Констанъ настаивалъ, чтобъ въ новой конституціи не было помину о первой имперіи, Наполеонъ отвѣчалъ ему: «Вы у меня отнимаете мое прошедшее, а я хочу сохранить его. Что вы хотите сдѣлать изъ одиннадцати лѣтъ моего царствованія? Думаю, что у меня есть кое-какія права. И вся конституція должна быть связана съ прежнею; она чрезъ это получить освященіе многихъ лѣтъ славы и успѣха.» Никакъ не согласился императоръ также и на тотъ параграфъ новой конституціи, которымъ отмѣнялась конфискація имуществъ. Этотъ параграфъ былъ въ конституціи, данной Людовикомъ XVIII; но Наполеонъ упрекалъ Бурбоновъ въ непростительной слабости, и когда члены комитета, составленнаго изъ предсѣдателей отдѣленій государственнаго совѣта для рассмотрѣнія проекта новой конституціи, настаивали на принятіи параграфа, Наполеонъ въ сильномъ раздраженіи, задыхающимся голосомъ, съ конвульсивными движеніями въ рукѣ, сказалъ имъ: «Меня толкаютъ не на мою дорогу; меня ослабляютъ, меня связываютъ. Франція меня ищетъ и не находитъ болѣе. Франція спрашиваетъ, что случилось съ рукою прежняго императора, съ рукою, которая нужна ей для побѣды надъ Европою? Что мнѣ толкуютъ о благодати, объ отвлеченномъ правосудіи, объ естественныхъ законахъ? Первый законъ — законъ необходимости; первое требованіе справедливости есть требованіе спасенія государства. Хотятъ, чтобъ люди, которыхъ я осыпалъ богатствами, пользовались этимъ богатствомъ для составленія заговоровъ противъ меня за границею. Этого быть не можетъ, этого не будетъ; когда будетъ заключенъ миръ, тогда посмотримъ. Каждому дню его забота, каждому обстоятельству его законъ, каждому его натура. Моя натура не ангельская; повторяю, надобно, чтобъ почувствовали руку стараго императора.»

Старый императоръ обнаруживалъ, изумительную дѣятельность, писалъ по 150 писемъ въ день, а между тѣмъ руки стараго императора не чувствовалось. Никто не былъ увѣренъ, чтобъ этой руки было достаточно, и не былъ увѣренъ въ этомъ самъ Наполеонъ. Сначала онъ рассчитывалъ, что быстротою успѣха своего онъ смутитъ государей, уже разъединенныхъ, и они согласятся оставить его спокойно царствовать во Франціи; онъ надѣялся, что Австрія, больше всѣхъ напуганная подня-

тѣмъ значенія Россіи, поспѣшить уравновѣсить это значеніе поддержкою императорской Франціи. На дорогѣ къ Паризу, созывая чрезвычайное собраніе Майскаго поля, Наполеонъ цѣлю этого собранія, кромѣ измѣненія конституціи, поставилъ еще присутствіе при коронаціи императрицы Маріи-Луизы и короля римскаго, и нѣкоторые были обмануты этимъ торжественнымъ объявленіемъ, думали, что дѣйствительно Австрія на сторонѣ Наполеона, и что императоръ Францъ поспѣшитъ прислать дочь и внука Франціи. Но долго обманываться и обманывать было нельзя.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію дѣйствительно поразило сильно вѣнскихъ гостей и хозяевъ. Прежде всего излили свою горечь въ упрекахъ императору Александру, зачѣмъ онъ настоялъ на отсылку Наполеона на островъ Эльбу, въ такое близкое сосѣдство съ Италіею и Франціею; но потомъ, по инстинкту самосохраненія, должны были подчиниться вліанію русскаго императора, превосходившаго всѣхъ другихъ государей личными средствами. Наполеонъ опять оказывалъ ему услугу: польско-савсонскій вопросъ разстроилъ союзъ между четырьмя сильнѣйшими государствами Европы, ослабилъ значеніе императора Александра, бывшаго главою этого союза, далъ возможность и французскому правительству высказать свои враждебныя отношенія къ Россіи, условленныя личными отношеніями Людовика XVIII къ русскому императору. Но теперь опасность, снова начавшая грозить всѣмъ отъ Наполеона, возстановляла союзъ, возстановляла значеніе императора Александра, его первенство между союзными государями. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія Франціи къ Россіи. Императоръ Александръ, имѣвшій столько причинъ къ неудовольствію на Талейрана и не скрывавшій этого неудовольствія, теперь перемѣнилъ свое обращеніе съ министромъ Людовика XVIII, выразивъ всю готовность помочь королю въ борьбѣ съ похитителемъ; Талейранъ писалъ королю, что если иностранная помощь необходима, то надобно, чтобъ при подавнн этой помощи Россія играла главную роль, потому что она одна не можетъ думать объ увеличеніи своихъ владѣній на счетъ Франціи. 13-го марта представители осьми государствъ подписали декларацію, составленную Талейраномъ. Въ деклараціи говорилось, что Наполеонъ Бонапартъ, уничтоживши конвенцію, по которой онъ былъ утвержденъ владѣтелемъ острова Эльбы, и вторгнувшись во Францію съ цѣлю произвести смуту и переворотъ, тѣмъ самымъ потерялъ право на повелѣтельство законовъ и показалъ предъ лицомъ вселенной, что съ ними нельзя имѣть ни мира, ни перемирія. Въ

слѣдствіе чего государства объявляютъ, что Наполеонъ Бонапартъ поставилъ себя внѣ всякихъ отношеній гражданскихъ и общественныхъ, и, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, предалъ себя общественному мщенію. Государства употребятъ всѣ средства и соединятъ всѣ усилія для обезпеченія Европы отъ всякой попытки, которая будетъ грозить народамъ возобновленіемъ революціонныхъ беспорядковъ и бѣдствій. Всѣ государи Европы увѣрены, что Франція станетъ крѣпко при своемъ законномъ королѣ и уничтожить безумную и бессильную попытку; но если, противъ чаянія, изъ этого событія произойдетъ какая-нибудь серіозная опасность, то они готовы подать Французскому королю и народу и всякому другому правительству, подвергнувшемуся нападенію, необходимую помощь, какъ только она будетъ потребована.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, имѣли ли союзные государи право объявлять Наполеона внѣ отношеній гражданскихъ и общественныхъ за то, что онъ, въ качествѣ независимаго государя, напалъ на другого государя; мы замѣтимъ только, что эта декларація составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ европейской исторіи, показывая, до какихъ результатовъ могло идти общее союзное дѣйствіе государей и до какихъ результатовъ можно было идти въ послѣдствіи, еслибъ союзное дѣйствіе, но обстоятельствомъ, продолжилось.

Въ деклараціи 13 марта, государи еще говорили объ увѣренности своей, что *безумная* попытка Наполеона не удастся. Скоро они должны были разувѣриться; но чѣмъ быстрѣе были успѣхи Наполеона, тѣмъ сильнѣе становилась ревность императора Александра поддерживать союзъ и заставить его дѣйствовать такъ какъ говорилось въ деклараціи. 25 марта, подписанъ былъ договоръ между Россією, Пруссією, Австрією и Англією, въ которомъ союзники обязывались соединить всѣ свои силы для поддержанія парижскаго договора 30 мая 1814 года и рѣшеній вѣнскаго конгресса; Россія, Австрія и Пруссія обязались выставить немедленно по 150,000 войска, Англія платитъ 5 милл. фунт. субсидій. Знаменитѣйшій изъ генераловъ союза, герцогъ Веллингтонъ, отправился въ Нидерланды для организованія средствъ въ защитѣ противъ наступательнаго движенія Наполеона. Надѣялись еще, что Людовикъ XVIII и члены его фамилии удержатся въ законѣ нибудь углу Франціи; но и эта надежда скоро исчезла. Король не могъ остаться въ Лиллѣ при видѣ враждебнаго расположенія къ себѣ гарнизона, и удалился въ Нидерланды, гдѣ остался жить въ Гентѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Лилля онъ сказалъ герцогу Орлеанскому: «Вы можете дѣлать все, что вамъ

угодно.» Герцогъ объявилъ, что отправляется въ Англію, куда уже отослалъ свое семейство. «Это всего лучше,» отвѣчалъ король. Людовикъ-Филиппъ написалъ маршалу Мортъе прощальное письмо, въ которомъ находились слѣдующія выраженія: «Отдаю вамъ исполнѣннѣю команду, которую имѣлъ счастье раздѣлять съ вами... Будучи добрымъ французомъ, я не могу жертвовать интересами Франціи, потому что новыя несчастія принуждаютъ меня ее покинуть; уѣзжаю, чтобъ погребсти себя въ уединеніе и забвеніе.» Король и принцы были очень недовольны этими выраженіями. Рассказывали, что, при прощаніи съ маршаломъ Мортъе, герцогъ показавъ ему маленькую трехцвѣтную коварду и сказалъ: «Она меня никогда не покидала; не правда ли, что тяжело быть принужденнымъ покинуть Францію, не будучи въ состояніи опять надѣть эту коварду?»

Роялистскія движенія въ разныхъ углахъ Франціи были оставлены; вся Франція признала восстановленную имперію; но это нисколько не подѣйствовало на перемѣну отношеній Европы къ Наполеону. Напрасно старался онъ войти въ сношенія съ разными дворами, уѣзжая въ своемъ миролюбіи, напрасно переслалъ императору Александру договоръ, заключенный между Австріею, Англіею и Франціею противъ Россіи и Пруссіи: всѣ письма его были складываемы на столѣ конгресса и читаемы въ общемъ присутствіи; агентовъ его останавливали. Въ Германіи обнаружилось страшное ожесточеніе противъ Франціи, органомъ котораго явился преимущественно журналъ «*Рейнскій Меркурій*»: здѣсь говорилось, что съ французами нельзя обходиться какъ съ обыкновенными врагами, но какъ съ бѣшенными собаками — бить! Надобно вести войну съ Наполеономъ, но еще больше съ французскимъ народомъ, который 25 лѣтъ мучить Европу; нужно его разбить на нѣсколько отдѣльныхъ народностей: Бургундовъ, Шампанцевъ, Овернцевъ, Бретонцевъ, давъ каждой особаго короля; Альзасъ, Лотарингію и Фландрію присоединить къ Германіи, которую усилить единствомъ, давши императора. Но союзные государи и теперь, какъ въ 1814 г., ипѣшили отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи, объявить, что они ведутъ войну только съ Наполеономъ. Въ то же время союзники отстраняли и вопросъ о возвращеніи Бурбоновъ. Въ англійскомъ парламентѣ слышались сильныя возраженія противъ войны за Бурбоновъ, противъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи; въ слѣдствіе этого министерство, хотя и желавшее больше всего восстановленія Бурбоновъ, сочло нужнымъ объявить союзникамъ, что его британское величество не считаетъ себя обязаннымъ вести войну съ цѣлію навязать Франціи

какое нибудь правительство. Когда пошла рѣчь о манифестѣ союзниковъ, въ которомъ бы говорилось — что Европа принимается за оружіе для сокрушенія могущества Наполеонова, то представитель Англій въ Вѣнѣ, лордъ Кланварти объявилъ, что манифестъ не скажетъ всего, что долженъ сказать; нельзя довольствоваться низверженіемъ Бонапарта; не должно отворять двери якобинцамъ, которые хуже Бонапарта. Императоръ Александръ замѣтилъ на это, что якобинцы опасны только какъ союзники Наполеона, и потому ихъ надобно отвлечь отъ него; въ случаѣ его паденія они ему не наслѣдники. Надобно отложить всякую декларацію до того времени, когда союзныя войска приблизятся къ Франціи. Но надобно согласиться, что дѣлать, когда Бонапартъ будетъ низвергнутъ; надобно сообразить послѣдствія, принять мѣры для успокоенія Европы, которая не можетъ быть по-война, если во Франціи будутъ происходить волненія, а волненія не прекратятся, пока не установится въ ней правительство, удовлетворяющее всѣмъ. Лордъ Кланварти сказалъ на это, что Франція была счастлива подъ скипетромъ короля, имѣвшаго за себя голосъ націи. Императоръ замѣтилъ, что Людовикъ XVIII имѣлъ за себя страдательную часть народа, которая умѣетъ только вздыхать о бѣдствіяхъ революціи, а не умѣетъ ей препятствовать, но другая часть народа, которая дѣйствуетъ, выдается на первый планъ, владѣетъ странюю, эта часть подчинится ли правительству, которому измѣнила, будетъ ли ему вѣрна? Можно ли навязать его ей насильно войною истребительною и, можетъ быть, безвѣчною?—Кланварти сказалъ на это, что обязанность оканчивается тамъ, гдѣ начинается невозможность; но пока возможно, государства обязаны поддерживать права законнаго государя и не потрясать ихъ возбужденіемъ вопроса о томъ, нужно ли ихъ покинуть. «Мы прежде всего, возразилъ императоръ, имѣемъ обязанности въ отношеніи другъ къ другу и къ нашимъ народамъ. Если мы не увѣрены въ прочности королевскаго правительства, то, возстановляя его (какъ бы ни легко было возстановленіе), мы приготовимъ только для Франціи и для Европы новыя катастрофы. Въ случаѣ новаго переворота будемъ ли мы въ соединеніи, какъ теперь? Будетъ ли у насъ миллионъ солдатъ? Какая вѣроятность, что съ тѣми же элементами правительство Людовика XVIII будетъ болѣе прочно? Возстановленіе короля, котораго мы всѣ желаемъ, и я особенно, можетъ встрѣтить препятствія неодолимыя: надобно ихъ сообразить, приготовиться. Прошлый годъ можно было бы установить регенство, мнѣ казалось, что оно можетъ согласить всѣ интересы; но Марія Луиза, съ которою я говорилъ, не хо-

четъ ни подъ какимъ видомъ возвратиться во Францію, хочеть, чтобъ сынъ ея остался въ Австріи. Австрія также не хочеть регенства, не думаетъ объ немъ. Притомъ обстоятельства уже не тѣ. Я думаю, что для общаго соглашенія всего удобнѣе герцогъ Орлеанскій, французъ, Бурбонъ, мужъ принцессы изъ дома бурбонскаго, онъ имѣеть сыновей, онъ служилъ конституціонному дѣлу, носилъ три цвѣта, которыхъ никогда не должно было бы покидать, а это часто говорилъ въ Парижѣ. Онъ соединилъ бы всѣ партіи. Какъ вы объ этомъ думаете? Каково будетъ объ этомъ мнѣніе въ Англіи?» Лордъ Кланкарти отвѣчалъ, что онъ не можетъ угадать мнѣнія своего двора о предметѣ совершенно новомъ; но, по его мнѣнію, опасно покидать законность для каковаго бы то ни было похищенія. Меттернихъ, узнавши объ этомъ разговорѣ, объявилъ, что не время еще поднимать подобные вопросы, а надобно дожидаться событій; но во французской газетѣ, которая, какъ было извѣстно, издавалась подъ русскимъ вліаніемъ, появилась статья, гдѣ говорилось, что государства твердо рѣшились низвергнуть Наполеона, но не хотять вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, которая будетъ вольна избрать себѣ правительство какое захочеть.

Такимъ образомъ, если не былъ рѣшенъ вопросъ о Бурбонахъ, то вопросъ о Наполеонѣ былъ рѣшенъ окончательно, и это рѣшеніе отнимало руки у него и у его приверженцевъ. Видѣли изнеможеніе Франціи, недостаточность ея средствъ, видѣли невозможность успѣха въ борьбѣ съ цѣлою Европою и тѣмъ болѣе раздражались противъ человѣка, который требовалъ безплодныхъ усилій отъ народа, который своимъ появленіемъ поставилъ страну въ такое опасное положеніе, который служитъ единственнымъ препятствіемъ для восстановленія мира, для восстановленія истощенныхъ силъ. И даже въ случаѣ успѣха какая выгода? ясно видно, что «Дополнительный актъ» только временная мѣра, и побѣдоносный императоръ не будетъ долго обращать на него вниманія. Положеніе Наполеона было тяжко: для своего поддержанія, для полученія средствъ къ борьбѣ, онъ постоянно долженъ былъ принимать мѣры, которыя не соответствовали его характеру, его привычкамъ, связывали ему руки, унижали его въ собственныхъ глазахъ. Онъ долженъ былъ уступить *идеологамъ*, которыхъ такъ не любилъ, надъ которыми прежде такъ смѣялся, долженъ былъ дать имъ «Дополнительный актъ», который однако удовлетворилъ очень не многихъ. Но его ждало еще новое униженіе: онъ долженъ былъ дозволить демократическое движеніе, заискивать у черни. 24 апрѣля, толпа жителей изъ департаментовъ, составлявшихъ старинную

Бретань, сошлись въ Реннѣ и подписали актъ, которымъ обязывались поддерживать національное дѣло, вооружиться для защиты свободы и императора. Наполеонъ сильно разсердился сначала на эту незваную и непрошенную бретонскую федерацію; но братья его Луціанъ, Карнѣ и Фушѣ уговорили его признать ее и воспользоваться ея силами для борьбы съ Европою. Движеніе, признанное правительствомъ, быстро распространилось повсюду. Въ Парижѣ пошли въ федералы преимущественно рабочіе изъ предмѣстій, получившихъ кровавую извѣстность во время революціонныхъ ужасовъ; Наполеонъ считъ нужнымъ заискать у нихъ, похвалъ въ нимъ, называлъ храбрыми патриотами, обѣщаль имъ 40,000 ружей, сдѣлалъ имъ смотръ; федераты кричали: «да здравствуетъ императоръ!» но чаще и сильнѣе кричали: «да здравствуетъ нація! да здравствуетъ свобода!» Это возобновленіе революціонныхъ сценъ и криковъ навели ужасъ на достаточные классы и увеличили его отвращеніе къ правительству, вызвавшему эти сцены и крики. Въ провинціяхъ движеніе было еще сильнѣе, крики еще яростнѣе; раздавались угрозы духовенству, дворянамъ, богатымъ; марсельскій гимнъ, смоленувшій двадцать лѣтъ назадъ, раздавался повсюду. Наполеонъ, раздраженный этими явленіями и еще болѣе раздраженный сознаніемъ собственной слабости, собственного униженія, складывалъ всю вину на Бурбоновъ, которые, по его словамъ, сдали ему Францію сильно избалованною. Говорятъ, будто онъ признавался, что если бы могъ предвидѣть, до какой степени онъ долженъ будетъ заискать у демократической партіи, то никогда бы не оставилъ Эльбы.

Напрасно также Наполеонъ надѣялся, что освобожденная печать не будетъ ему опасна, что она бросится на Бурбоновъ, а его оставить въ покоѣ, потому что все дурное объ немъ уже сказано. Роялистскіе писатели открыто защищали Бурбоновъ и требовали ихъ возвращенія, какъ единственнаго средства спасти Францію. Другіе говорили, что такъ какъ союзники не хотѣтъ входить въ сношеніе съ императоромъ, то будущая палата представителей должна отправить къ нимъ депутацію и предложить имъ войти въ сношеніе съ націею; мало того, въ печати являлись прямыя вызовы къ убійству Наполеона. Въ новую палату депутатовъ было выбрано очень мало бонапартистовъ. Между адресами къ императору отъ избирательныхъ воллестей, собранныхъ къ Майскому полю, многіе отличались большою смѣлостію, сильно вооружались противъ деспотизма и непрерывныхъ войнъ первой имперіи; объявляли, что «Дополнительный актъ» недостаточенъ, что нація ожидаетъ полной либе-

ральной конституціи. Биржевой барометръ падалъ низко: при извѣстіи о высадкѣ Наполеона курсъ ренты понизился отъ 77 до 60 франковъ, 20 марта поднялся до 73 франковъ, но потомъ постепенно понизился до 55; банковыя акціи упали съ 1,200 до 800.

Это паденіе биржевого барометра предвѣщало приближеніе войны. Въ «Вѣнской газетѣ» явился докладъ комиссіи, составленной изъ представителей осьми государствъ, гдѣ помѣщены были возраженія на счетъ того, что иностранныя государства не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и низвергать государя, принятаго націю. «Государства знаютъ очень хорошо правила, которыми должны руководствоваться въ отношеніяхъ своихъ къ странѣ независимой и не станутъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, назначать ей форму правленія, давать ей государей согласно съ интересами или со страстями ея сосѣдей. Но они знаютъ также, что свобода націи, — перемѣнить свою систему правленія, должна имѣть предѣлы, и если иностранныя государства не имѣютъ права предписывать употребленіе, какое она можетъ сдѣлать изъ этой свободы, они имѣютъ право протестовать противъ злоупотребленія, какое она можетъ позволить себѣ на ихъ счетъ. Государства не считаютъ себя въ правѣ навязывать Франціи правительство; но они никогда не откажутся отъ права препятствовать тому, чтобъ, подъ видомъ правительства, во Франціи не образовался источникъ безпорядка и разрушенія для другихъ государствъ. Уничтоженіе правительства, которое хотятъ теперь возстановить, было основнымъ условіемъ мира съ Франціею. Вступая въ Парижъ, государи объявили, что никогда не вступятъ въ мирныя переговоры съ Бонапартомъ. Это объявленіе, съ восторгомъ принятое Франціею и Европою, повело къ отреченію Наполеона и конвенціи 11 апрѣля.» Комиссія выставляла на видъ, что французы, если бы даже при возстановленіи Наполеона они дѣйствовали свободно и единодушно, этимъ возстановленіемъ уничтожали парижскій договоръ и объявляли войну союзникамъ, возобновляя тѣ самыя отношенія, какія существовали до вступленія союзниковъ въ Парижъ. Противъ этого существовало возраженіе: между положеніемъ союзниковъ и Франціи въ 1814 и въ 1815 годахъ большая разница: въ 1814 г., Наполеонъ не предлагалъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ парижскій; теперь, въ 1815 году, Наполеонъ предлагаетъ точно такой же миръ: на какомъ основаніи союзники отвергаютъ его? только изъ оскорбленнаго самолюбія, зачѣмъ Франція возстановила то пра-

вительство, съ которымъ они прежде не хотѣли вступать въ мирныя соглашенія? На этотъ вопросъ комиссія отвѣчала очень не лестнымъ изображеніемъ Наполеона, для показанія, что съ такимъ человѣкомъ нельзя никогда входить въ мирныя соглашенія: «Человѣкъ, который пожертвовалъ милліонами людей и счастіемъ цѣлаго поколѣнія системѣ завоеваній, которую кратковременныя перемирія дѣлали еще тягостнѣе и ненавистнѣе, который, утомивши счастье безразсудными предпріятіями, вооруживши противъ себя цѣлую Европу и истощивши всѣ средства Франціи, былъ принужденъ наконецъ оставить свои проекты и отречься отъ власти; который въ то время, когда европейскіе народы предавались надеждѣ продолжительнаго спокойствія, замышлялъ новые перевороты и овладѣлъ трономъ, отъ котораго отревся, овладѣлъ посредствомъ двойного воровства въ отношеніи къ государствамъ, которыя слишкомъ великодушно его пощадили, и въ отношеніи къ правительству, которое онъ могъ низвергнуть только самою черною измѣною, — такой человѣкъ не представляетъ Европѣ другого ручательства, кромѣ своего слова. Послѣ пятнадцатилѣтняго жестокаго опыта, кто будетъ имѣть смѣлость принять это ручательство? Миръ съ правительствомъ, находящимся въ такихъ рукахъ, будетъ состояніемъ неизвѣстности, безпокойства и опасности. Государства должны будутъ постоянно держать войска свои наготовѣ, народы не воспользуются никакою выгодою настоящаго мира, они будутъ подавлены налогами всякаго рода, довѣренность не установится нигдѣ, промышленность и торговля будутъ находиться въ самомъ печальномъ положеніи, не будетъ ничего постояннаго въ отношеніяхъ политическихъ; чувство недовольства овладѣетъ всѣми, и каждый день Европа въ тревогѣ будетъ ждать врыва. Открытая война, разумѣется, предпочтительнѣе такого положенія.»

Указывалось, что теперь отношенія между Франціею и Европою такія же, какія были въ прошломъ году до вступленія союзниковъ въ Парижъ: и люди близкіе и приверженные къ Наполеону не могли не признать вѣрности этого указанія, относительно средствъ борьбы для Европы и для Франціи; невозможность борьбы представлялась ясно уму каждаго, и вслѣдъ за тѣмъ представлялось, какъ единственное средство избѣжать борьбы, то же средство, какое было употреблено и въ 1814 году, отреченіе Наполеона, котораго Европа также не хочетъ и теперь, какъ тогда не хотѣла, — мысль тѣмъ болѣе доступная для приверженцевъ имперіи, что являлась возможность отреченія Напо-

леона въ пользу сына, ибо союзники продолжали не настаивать на возвращеніе Бурбоновъ. Вслѣдствіе исчезновенія прежняго благоговѣнія къ непобѣдимому герою, близкіе люди обращались теперь свободно съ Наполеономъ и рѣшились говорить ему о необходимости отреченія, которое успокоитъ Францію и утвердитъ его династію. Но странно было бы ожидать, чтобы герой ста битвъ рѣшился на вторичное отреченіе, не испытавши военнаго счастья; отреченіе не уйдѣтъ и послѣ пораженія. «Такъ вы хотите австрійку регентшею? — отвѣчалъ онъ предлагавшимъ отреченіе: я не соглашусь на это никогда, ни какъ отецъ, ни какъ мужъ, ни какъ гражданинъ. По мнѣ лучше Бурбоны. Моя жена будетъ игрушкою всѣхъ партій, мой сынъ будетъ несчастенъ, Франція будетъ унижена подъ иностраннымъ вліяніемъ. Есть фамиліныя причины, которыхъ я не могу сказать». Но объ отреченіи сильно толковали уже враждебные журналы; *Цензоръ* говорилъ: «Если Наполеонъ отрекся, въ 1814 году, для предотвращенія междоусобной войны и прекращенія войны внѣшней, то зачѣмъ онъ не отрывается въ 1815 году, когда междоусобная война готова вспыхнуть, и Франціи грозитъ нашествіе всѣхъ народовъ Европы? Развѣ отечество менѣе дорого ему въ нынѣшнемъ году, чѣмъ въ прошломъ, и неужели отреченіе въ пользу Бурбоновъ предпочитаетъ онъ отреченію въ пользу собственнаго сына?»

Армія союзниковъ со всѣхъ сторонъ приближалась къ французскимъ границамъ. Было рѣшено, что императоръ встрѣтитъ ихъ на чужой почвѣ. Но прежде отъѣзда къ арміи, 1-ое іюня назначено было днемъ Майскаго поля или торжества принятія новой конституціи, то-есть, «Дополнительнаго акта». На Марсовомъ полѣ собралось 30,000 національныхъ гвардейцевъ изъ Парижа и департаментовъ, 20,000 императорской гвардіи и линейныхъ войскъ, члены избирательныхъ коллегій, депутаціи сухопутнаго и морского войска, новоизбранные члены палаты депутатовъ. Наполеонъ пріѣхалъ въ мантии, усѣянной пчелами, въ токъ съ перьями, въ атласныхъ башмакахъ. Архикашцлеръ провозгласилъ результаты подачи голосовъ въ пользу и противъ «Дополнительнаго акта»: 1,288,357 голосовъ оказались въ пользу, 4,207 противъ. Герольдмейстеръ, именемъ императора, провозгласилъ, что «Дополнительный актъ» принятъ народомъ. Наполеонъ говорилъ рѣчь: «Императоръ, консулъ, солдатъ — я все получилъ отъ народа. Въ счастья, бѣдствіи, на полѣ бранномъ, въ совѣтѣ, на тронѣ, въ изгнаніи, Франція была постояннымъ предметомъ моихъ мыслей и дѣйствій. Негодованіе

при видѣ поправныхъ правъ, священныхъ правъ, прибрѣтенныхъ двадцатью годами побѣдъ, вошь поруганной французской чести, мольбы націи снова призвали меня на этотъ тронъ. Если бы я не видѣлъ, что стремленія враговъ направлены противъ отечества, я отдалъ бы имъ это существованіе, противъ котораго они высказываютъ такое ожесточеніе. Французы, имѣющіе возвратиться въ свои департаменты, скажите согражданамъ, что пока они будутъ питать ко мнѣ чувства любви, ярость враговъ нашихъ будетъ бессильна. Французы! моя воля есть воля народа, мои права — права народа, моя честь, моя слава, мое счастье суть честь, слава, счастье Франціи.»

Но восторженные клики слышались только въ рядахъ войска, при видѣ котораго у многихъ сжималось сердце; тяжелое предчувствіе владѣло большинствомъ, и Майское поле не произвело ожидаемаго дѣйствія. Было обѣщано, что въ этотъ день будетъ коронація императрицы и короля римскаго: но гдѣ жена, гдѣ сынъ? Наполеонъ явился одиноко, обманутый и обманувшій. Нѣкоторые сѣвши на Марсово поле въ ожиданіи, что здѣсь произойдетъ отреченіе Наполеона отъ престола. Во время самаго торжества, Фушэ сказалъ тихонько королевѣ Гортензіи: «Императоръ упустилъ прекрасный случай отреченіемъ завершить свою славу и упрочить престолъ за сыномъ, я ему это совѣтовалъ, но онъ не хочетъ слушать совѣтовъ». Всѣ возвратились неудовлетворенные, и Майское поле явилось представленіемъ старой, наскучившей піесы съ обветшалыми декораціями и костюмами.

Собралась новая палата депутатовъ. Императоръ хотѣлъ, чтобъ президентомъ палаты былъ избранъ братъ его Луціанъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ государственныхъ министровъ, именно графъ Мерлэнъ-де-Дуэ: палата знала желаніе императора и выбрала прежняго сенатора Ланжюиннэ, высказавшаго свою враждебность къ имперіи въ 1814 году, даже ни одинъ бонапартистъ не попалъ и въ вице-президенты, которыхъ было четыре. Составъ палаты представлялъ хаосъ; партіи, изъ которыхъ ни одна не могла обѣщать себѣ большинства, беспорядочно сталкивались другъ съ другомъ (*discordia semina regum!*); но мнѣ всего можно было видѣть въ этой странной палатѣ желаніе поддержать имперію. Наполеонъ сердился, грозилъ: «Я не Людовикъ XVI, я не позволю предписывать себѣ законы адвокатамъ или отрубать себѣ голову бунтовщикамъ! За всѣ уступки меня оскорбляютъ; ну, хорошо! я распущу палату и аппеллирую въ Франціи, которая знаетъ одного меня». Занялись составле-

ніемъ палаты перовъ, и многіе отказались отъ опасной чести быть наполеоновскими перами; особенно огорчилъ Наполеона отказъ маршала Македональда.

Но побѣда можетъ все поправить и превратить мятежниковъ въ льстецовъ.... 12-го іюня, Наполеонъ отправился къ арміи.

Черезъ 12 дней курсъ на биржѣ поднялся, будетъ скоро миръ: получено было извѣстіе о пораженіи Наполеона.

С. Соловьевъ.

IV.

БОРЬБА

ВЕНЕЦИИ СЪ АВСТРІЕЮ

въ 1848—1849 годахъ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ издавъ, на итальянскомъ и французскомъ языкахъ, сборникъ подлинныхъ актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи венеціанской республики 1848—1849 годовъ ¹⁾. Сборникъ этотъ, составленный большею частію изъ бумагъ, найденныхъ въ портфель Даниель Манина, бывшаго президента и диетатора венеціанской республики, представляетъ самый полный документальный матеріалъ для исторіи того времени. Здѣсь собрана не только обширная переписка самого Манина съ главнѣйшими дѣятелями революціонной эпохи, но и множество чрезвычайно важныхъ и любопытныхъ свидѣтельствъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, а также выдержекъ изъ мемуаровъ и писемъ людей, стоявшихъ близко къ событіямъ того времени. Помѣщено, между прочимъ, нѣсколько весьма интересныхъ депешъ англійскаго консула въ Венеціи, Доулинса,

---

¹⁾ Documents et pièces authentiques, laissés par Daniel Manin, président de la république de Venise. Traduits sur les originaux et annotés par Planat de la Faye. Paris, 1860, 2 vols in-8.

въ лорду Пальмерстону, которыя проливаютъ новый и, безъ сомнѣнія, вполне вѣрный свѣтъ на многое въ тогдашнихъ отношеніяхъ. Благодаря такому сборнику, для исторіи наступило уже время произнести надъ событіями этой недавней эпохи судъ, основанный на положительныхъ документахъ, и освободиться отъ послѣднихъ приговоровъ, порожденныхъ политическими страстями и соперничествомъ партій.

Другими источниками мы пользовались съ крайнею осторожностью, принимая за аксіому, что исторической правды о событіяхъ близкаго къ намъ времени слѣдуетъ искать только въ актахъ и документахъ.

I.

На вѣискомъ конгрессѣ 1815 года, у австрійскаго правительства вынуждено было обязательство дать ломбардо-венеціанскому королевству конституціонное устройство. Но извѣстно, какъ неохотно приступаетъ Австрія къ выполненію своихъ либеральныхъ обѣтовъ. На первыхъ порахъ произведены были кое-какія реформы или, вѣрнѣе, удержано было кое-что изъ организаціи, данной этимъ провинціямъ императоромъ Наполеономъ; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда измѣнилось общее направленіе европейской политики, когда реакція обнаружила свою силу, австрійское правительство догадалось, что ему нечего бояться напоминаній извнѣ, и прекратило всякое дальнѣйшее развитіе конституціонныхъ началъ въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ. Обѣты и обязательства 1815 года были забыты, и австрійская система водворилась мало по малу въ сѣверной Италіи.

Существенныя черты этой системы настолько каждому извѣстны, что нѣтъ надобности возобновлять ихъ въ памяти читателя. Довольно будетъ сказать, что въ Италіи австрійское правительство дѣйствовало точно также, какъ въ Венгріи и въ славянскихъ земляхъ. Оно внесло туда три главнѣйшія орудія своей политики: войско, нѣмецкую бюрократію и полицію. Всѣ сколько нибудь вліятельныя административныя и даже судебныя должности въ королевствѣ заняты были нѣмцами; по крѣпостямъ разставлены были нѣмецкіе или кроатскіе гарнизоны, по селамъ расквартированы полевые войска. Полиція тайная и явная слѣдила за всѣми дѣйствіями образованнаго класса; надъ политическими и даже учеными изданіями установленъ былъ строжайшій ценсурный контроль. Слабая тѣнь народнаго представительства, которую сохраняли итальянскія провинціи отъ

наполеоновскихъ времяхъ, была отнята у нихъ постояннымъ и дѣятельнымъ вмѣшательствомъ нѣмецкой администраціи. Провинціи имѣли двоякаго рода представительныя собранія: центральныя, по одному въ каждомъ королевствѣ, и провинціальныя, числомъ семьнадцать. По смыслу хартіи, подписанной въ 1815 году императоромъ Францомъ, собранія эти составлялись на выборномъ началѣ и вѣдѣнію ихъ подлежали всѣ вопросы мѣстнаго провинціального хозяйства. Но на дѣлѣ не существовало ни того, ни другого. Выборы съ давняго времени уже происходили подѣ непосредственнымъ вліяніемъ администраціи, а члены центральныхъ собраній утверждались въ своемъ званіи императоромъ изъ лицъ, преданныхъ правительству или существовавшихъ казеннымъ жалованьемъ. Кругъ вѣдѣнія этихъ собраній былъ до послѣдней степени суженъ, и сами эти собранія обратились во что-то безцѣльное и комическое, когда у нихъ отнято было право составленія провинціального бюджета. Императорскій намѣстникъ, управлявшій провинціями, не пользовался никакою самостоятельностью; онъ былъ простымъ агентомъ правительства, засѣдавшаго въ Вѣнѣ. Отдѣльное провинціальное хозяйство, заведенное въ Италіи Наполеономъ I, мало по малу было уничтожено: доходы ломбардо-венціанскаго королевства шли прямо въ Вѣну, расходы производились также изъ общаго государственнаго казначейства. Однимъ словомъ, уничтожена была всякая тѣнь провинціальной самобытности, особености, и съ каждымъ годомъ яснѣе высказывалась конечная цѣль австрійской политики—отмечить и поглотить Италію.

Но развитію или довершенію этой цѣли съ теченіемъ времени должно было встрѣтиться наконецъ препятствіе. Съ 1846 года началось оппозиціонное движеніе во Франціи и Италіи. Отголоски парламентской борьбы, завязавшейся въ то время между министерствомъ Гизо и социалистической партіей, сильно волновали умы по ту сторону Альпъ. Интриги польской эмиграціи, галиційская рѣзня 1846 года, краковская катастрофа, напряженное и выжидательное положеніе Венгрии — все это встрѣчало на итальянскомъ полуостровѣ сочувственный отзывъ. Старый папа Григорій XVI, ревностный послѣдователь политики священнаго союза и другъ Австріи, уступилъ мѣсто новому первосвященнику, въ программѣ котораго стояло обѣщаніе самыхъ широкихъ реформъ. Италія вволновалась отъ Генуи до Палермо. Повсюду заговорили о реформахъ, объ уступкахъ — и какъ было не говорить, когда во главѣ прогрессивной партіи сталъ самъ первосвященникъ, повелѣвавшій двумястами милліонами католиковъ? Реформы явились въ Сардиніи, въ Тосканѣ,

въ Папской области; только Неаполь, австрійскія провинціи, да герцогства, находившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Австріи, оставались неподвижными.

Въ концѣ 1847 года пробилъ часъ пробужденія и для сѣверной Италіи. Сигналь былъ поданъ въ Миланѣ. Одинъ изъ депутатовъ ломбардскаго центрального собранія представилъ этому собранію записку, въ которой, ссылаясь на распространенншееся въ Ломбардіи всеобщее недовольство противъ правительства, предлагалъ образовать изъ членовъ центрального собранія особую комиссію, и поручить ей составить прошеніе о нуждахъ и желаніяхъ итальянскихъ подданныхъ Австріи. Депутатъ, выступившій съ этимъ предложеніемъ, назывался Назари. Онъ былъ мало извѣстенъ до того времени въ Миланѣ, но едва только распространился слухъ о его смѣломъ поступкѣ, какъ многія значительнѣйшія лица въ городѣ посѣщили прислать ему свои карточки, въ знакъ полного сочувствія и одобренія. Мѣстная администрація сочла себя сильно скандализированной этою демонстраціей, хотя и распустила за лучшее дать предложенію Назари законный ходъ. Когда изъ Вѣны пришелъ благопріятный отвѣтъ, графъ Шпауръ, губернаторъ Милана, прислалъ центральному миланскому собранію бумагу, написанную чрезвычайно сухо и заключавшую въ себѣ выговоръ какъ всему собранію, такъ въ особенности депутату Назари, за публичность, данную его поступку. Бумага эта извѣщала также, что императорское правительство само постоянно заботится объ улучшеніи участи своихъ вѣрноподданныхъ, и потому не нуждается ни въ какихъ напоминаніяхъ со стороны послѣднихъ; однимъ словомъ, правительство, снисходя на просьбу Назари, давало вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать, что оно очень недовольно всѣмъ совершившимся, и не желаетъ, чтобъ снисхожденіе его въ данномъ случаѣ было принято, какъ залогъ будущихъ уступокъ.

Въ Миланѣ, между тѣмъ, спѣшили воспользоваться благопріятной минутой. Едва успѣлъ составиться спеціальныи комитетъ изъ членовъ центрального собранія, избранныхъ губернаторомъ, такъ провинціальное миланское собраніе представило ему петицію о нуждахъ Ломбардіи, прося немедленно заняться изысканіемъ средствъ, могущихъ удовлетворить этимъ нуждамъ. Содержаніе адреса, въ общихъ чертахъ было слѣдующее:

«Дѣлами ломбардо-венецанскаго королевства долженъ завѣдывать вице-король, въ помощь которому избирается совѣтъ изъ лицъ исключительно итальянскаго происхожденія. Королевство будетъ имѣть свое отдѣльное хозяйство, не исключая себя однако изъ участія въ отбываніи общегосударственныхъ повин-

ностей. Подати и налоги будутъ взиматься сообразно характеру народной промышленности и производительнымъ средствамъ страны; отчеты о податяхъ и налогахъ должны публиковаться. Таможенная система должна быть преобразована, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду предполагаемое таможенное единство Италіи. Требуется также преобразовать правила конскрипціи и сократить нынѣшній восьмилѣтній срокъ военной службы. Наконецъ, слѣдуетъ дать болѣе публичности судебнымъ учрежденіямъ и создать гарантіи противъ произвольныхъ дѣйствій полицейскихъ властей».

Между тѣмъ, извѣстія о событіяхъ въ Миланѣ, достигнувъ Венеціи, пробудили тамъ весьма понятное чувство соревнованія вмѣстѣ съ желаніемъ добиться для венеціанской области тѣхъ же уступокъ и преобразованій, на какія соглашалось австрійское правительство въ Ломбардіи. Всего естественнѣе было бы ожидать, что венеціанское центральное собраніе послѣдуетъ примѣру ломбардскаго и войдетъ къ императорскому правительству съ прошеніемъ, подобнымъ адресу Назари. Но между депутатами венеціанскаго собранія не нашлось ни одного, который обладалъ бы нужной для того смѣлостью и рѣшимостью. Тщетно одинъ изъ венеціанскихъ гражданъ, адвокатъ Даніель Манинъ, искалъ между членами конгрегаціи патріота, который повторилъ бы въ Венеціи подвигъ Назари; всѣ отказывались, ссылаясь на равнодушіе товарищей и на невозможность вести борьбу собственными единичными средствами. Тогда этотъ самый Даніель Манинъ рѣшился выступить лично на политическую сцену.

Манинъ, подобно Назари, пользовался до того времени очень ограничленною извѣстностью. Его знали въ Венеціи, какъ частнаго и трудолюбиваго адвоката, друга бѣдныхъ и угнетенныхъ, но политическими убѣжденіями его интересовались очень мало. Онъ не имѣлъ никакого состоянія и содержалъ себя и свое семейство собственнымъ трудомъ. Ни въ какихъ политическихъ событіяхъ послѣдняго времени онъ не былъ непосредственно замѣшанъ.

21 декабря 1847 года, онъ явился въ центральное венеціанское собраніе и представилъ президенту прошеніе отъ собственного имени. Преданные австрійскому правительству члены собранія долго не хотѣли признать за подателемъ права входить съ подобнаго рода предложеніями; только энергическое заступничество депутата Морозини и четырехъ муниципальных совѣтниковъ побудило собраніе принять и выслушать прошеніе Манина.

«Вотъ уже тридцать два года—говорилось въ этой запискѣ—

какъ въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ существуетъ народное представительство, ибо тридцать два года уже существуютъ центральныя собранія въ Миланѣ и Венеціи, учрежденныя съ цѣлью доводить до свѣдѣнія правительства о нуждахъ и желаніяхъ страны.

«Впродолженіе этихъ многихъ лѣтъ, центральныя собранія ни разу еще не были истолкователемъ нашихъ нуждъ и желаній передъ правительствомъ, и послѣднее естественно должно думать, что мы не имѣемъ ни того, ни другого, что мы живемъ среди полнаго благополучія и совершеннаго довольства.

«Такимъ образомъ, правительство было введено въ ошибку молчаніемъ центральныхъ собраній; а между тѣмъ, у насъ нѣтъ благополучія, нѣтъ довольства, и напротивъ, мы имѣемъ много истинныхъ нуждъ и справедливыхъ желаній.

»Это молчаніе центральныхъ собраній вытекаетъ изъ боязни разгнѣвать правительство; но боязнь эта — ложная и оскорбительная, потому что ложно и оскорбительно предполагать, чтобы правительство даровало намъ народное представительство только въ насмѣшку; чтобы оно обманывало насъ и всю Европу, издавая законы, которыхъ оно не намѣрено исполнять, и преслѣдуя тѣхъ, кто захотѣлъ бы исполнять ихъ.

«Нашъ долгъ — уважать правительство. Кто уважаетъ его, тотъ вѣритъ, что оно ищетъ истины, что оно цѣнитъ тѣхъ, которые открываютъ ему ее, и порицаетъ тѣхъ, которые прячутъ ее.

«Теперь центральнымъ собраніямъ настало время увѣриться въ этомъ, пробудиться отъ долгаго сна, нарушить свое долгое молчаніе и показать на дѣлѣ, что они понимаютъ святость и важность своего назначенія.

«Ломбардское собраніе пробудилось уже и выступило на стезю долга. Одинъ изъ членовъ его совершилъ подвигъ добраго подданнаго и добраго гражданина, представивъ собранію записку, прилагаемую здѣсь въ копіи, и въ которой, отправляясь отъ неопровержимаго факта народнаго неудовольствія, предлагаетъ созвать комиссію, чтобъ отереть его причины и изучить средства для исправленія зла. Если, какъ я полагаю, предложеніе это будетъ принято, оно можетъ принести спасительные результаты и предотвратить, быть можетъ, гибельныя столкновенія.

«Примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія, и я надѣюсь, что наше собраніе не замедлитъ послѣдовать ему. Я умоляю его объ этомъ въ интересъ его чести, народнаго благосостоянія и общественнаго спокойствія.»

Вопреки собственному ожиданію Манина, венеціанское центральное собраніе съ замѣтнымъ сочувствіемъ отнеслось къ его

предложенію и обнаружило готовность заняться обсужденіемъ потребностей страны и возможныхъ для нея реформъ. Ободренный первымъ успѣхомъ, Манинъ представилъ собранію новое предложеніе, въ которомъ съ гораздо большею подробностію были указаны тѣ главнѣйшія потребности провинціи, удовлетвореніе которыхъ Манинъ считалъ дѣломъ самой настоятельной необходимости. «Прежде всего — говорилъ онъ въ своей запискѣ — надо, чтобы верховные законы, правильнымъ образомъ опубликованные, были соблюдаемы всѣми и всегда; чтобы признано было не только нашимъ правомъ, но даже обязанностью, не повиноваться законамъ неопубликованнымъ, точно также какъ приказаніямъ министровъ и чиновниковъ, несогласнымъ съ законами. Слѣдуетъ въ особенности, чтобы конституціонные законы нашего королевства, данные въ 1815 году, были приведены въ дѣйствіе съ строгою точностію. На основаніи этихъ законовъ, наша національность должна быть уважаема, наши территоріи должны образовать отдѣльное королевство, а не провинцію; мы должны быть управляемы сообразно нашему характеру и нашимъ правамъ, должны имѣть дѣйствительное національное представительство и умѣренную свободу печати.»

Далѣе, Манинъ поясняетъ, что всѣ эти требованія вытекаютъ изъ точнаго смысла законовъ 1815 года, и что если Ломбардо-Венеція нуждается до сихъ поръ въ подобныхъ преобразованіяхъ, то въ этомъ виновато австрійское правительство, не исполнившее своихъ обѣщаній, не приведшее въ исполненіе собственныхъ законовъ. Въ заключеніе, Манинъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ требованія итальянскихъ подданныхъ Австріи:

«Чтобы ломбардо-венеціанскія провинціи составляли совершенно отдѣльное королевство, національное и итальянское, съ австрійскимъ монархомъ во главѣ. Чтобы вице-король, руководимый совѣтомъ министровъ и представляющій императорскаго намѣстника, былъ облеченъ дѣйствительной властью, вполнѣ независимой отъ предписаній вѣнскаго тайнаго совѣта; чтобъ онъ повиновался единственно императору.

«Чтобы войско и флотъ состояли изъ однихъ итальянцевъ, и чтобъ всѣ другія войска были выведены изъ королевства.

«Чтобы финансы королевства не смѣшивались съ имперскими; чтобы для общегосударственныхъ потребностей взымалась опредѣленная ежегодная подать, а всѣ остальные доходы употреблялись бы на потребности королевства.

«Чтобы государственный долгъ королевства былъ приведенъ къ размѣрамъ, указаннымъ трактатами и патентомъ 27 августа 1820 года.

«Чтобы кругъ вѣдѣнія провинціальныхъ собраній былъ расширенъ; чтобы изъ двухъ центральныхъ собраній былъ составленъ одинъ общій для королевства сеймъ, который повѣрялъ бы ежегодный бюджетъ и вотируетъ бы налоги, займы и новые законы.

«Чтобы избирательные законы были преобразованы въ видахъ расширенія избирательныхъ правъ; чтобы правительственные чиновники не могли быть ни членами, ни президентами собраній или сейма; чтобы всѣ засѣданія были публичны.

«Чтобы гибельная опека, тяготѣющая надъ общиннымъ самоуправленіемъ, была уничтожена или существенно ослаблена.

«Чтобы печать была свободна, предварительная цензура уничтожена и замѣнена репрессивной.»

Обращаясь къ центральному собранію съ предложеніемъ подобнаго рода, Манинъ зналъ уже, что онъ выходитъ на бой не одинъ, что около него успѣла уже образоваться партія, очень немногочисленная, но считавшая въ рядахъ своихъ самыхъ достойныхъ дѣятелей національнаго возрожденія Италіи. Манинъ зналъ, что патріотическое одушевленіе было возбуждено имъ въ въ лучшихъ представителяхъ итальянской интеллигенціи, и что всякое слово его, обращенное къ инстинктамъ свободы и независимости, встрѣтитъ громкій сочувственный отзывъ. И онъ нисколько не обманывается на счетъ настроенія умовъ въ сѣверной Италіи: патріотическое возбужденіе его сообщалось Венеціи также успѣшно, какъ самъ онъ возбужденъ былъ нѣсколько недѣль назадъ смѣлымъ подвигомъ Назари. Нѣсколько друзей Манина, пользовавшихся личнымъ съ нимъ знакомствомъ или раздѣлявшихъ его образъ мыслей, успѣшили тѣснѣе примкнуть къ нему, чтобы вслѣдъ за тѣмъ отдать себя въ полное его распоряженіе. Демонстраціи, подобныя тѣмъ, которою Назари подалъ первый сигналъ въ народной борьбѣ, послѣдовали въ короткій промежутокъ времени одна за другою. Ниволо Томассо, одинъ изъ самыхъ популярныхъ литераторовъ того времени, прочелъ въ венеціанскомъ Атеней рѣчь, въ которой объяснилъ изумленнымъ слушателямъ, что *писанные* законы о книгопечатаніи въ королевствѣ ломбардо-венеціанскомъ несравненно либеральнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и что всѣ притѣсненія австрійской цензуры суть не что иное, какъ формальное нарушеніе закона; что, поэтому, незначѣтъ желать новаго устава по дѣламъ печати, надо только требовать, чтобы дѣйствующій уставъ строго соблюдался. Рѣчь эта произвела восторженное изумленіе; ораторъ, пользуясь благопріятной минутой, тотчасъ же прочелъ въ собраніи давно написанную имъ петицію, въ которой испрашива-

лось соблюденіе дѣйствующаго ценсурнаго кодекса. Петиція эта въ одну минуту была покрыта подписами всѣхъ присутствовавшихъ членовъ Аteneя; многочисленныя воші ея отправлены были во всѣ провинціи королевства, въ надеждѣ собрать новыя подписи. Вскорѣ за тѣмъ, адвокатъ Аvezани, пользовавшійся всеобщемо извѣстностью въ Венеціи, представилъ тамошнему центральному собранію записку, въ которой, напоминая о предложении Манина и указывая на произведенное имъ воодушевленіе, просилъ собраніе ходатайствовать передъ правительствомъ о немедленномъ исполненіи обѣщанныхъ реформъ и предъявлялъ требованія, еще прежде него заявленныя Маниномъ. Записка эта, вмѣстѣ съ предложеніями Назари и самого Манина, также во множествѣ списковъ распространена была въ провинціяхъ. Томмассо и Аvezани, подобно Манину, были представителями той партіи, которой современники дали названіе легальной. Партіи этой принадлежитъ первенствующая роль въ борьбѣ сѣверной Италіи за независимость, и по тенденціямъ своимъ она имѣетъ полное право на усвоенное ей названіе. Она состояла большею частію изъ людей, получившихъ серьезное юридическое образованіе, преимущественно изъ адвокатовъ; въ первоначальной программѣ ея не заключалось ничего революціоннаго; всѣ ея дѣйствія и стремленія основаны были на самой строгой легальности, и даже не чужды были консервативнаго принципа. Манингъ и его друзья не искали ничего новаго, ничего такого, что нарушало бы существующій законный порядокъ. Отличаясь сами строгимъ, чувствомъ законности, они требовали того же и отъ правительства. Они не домогались преобразованій въ законодательствѣ; они находили, что законы 1815 года очень хороши, и желали только, чтобы правительство не медлило болѣе приводить ихъ въ дѣйствіе. Каждому требованію этой партіи можно было найти юридическое основаніе въ кодексахъ, хотя мертвыхъ на практикѣ, но тѣмъ не менѣе считавшихся дѣйствующими и не отбѣненныхъ гласными послѣдующими распоряженіями. Партія Манина желала только одного, чтобы конституціоннымъ зачаткамъ, заключавшимся въ хартіи 1815 года, дано было законное развитіе, чтобы права, законнымъ образомъ пріобрѣтенныя націей или дарованныя ей, вошли въ практику и не парализировались секретными предписаніями австрійскаго правительства. Съ этой точки зрѣнія дѣйствія Манина и его друзей были несравненно законнѣе, легальнѣе дѣйствій австрійскаго правительства, считавшаго право и правду на своей сторонѣ.

Но пока представители національнаго движенія въ сѣверной

Италиі завязали такимъ образомъ легальную борьбу съ правительствомъ, масса, воодушевленная начавшимся движеніемъ, не замедлила перейти въ манифестаціямъ другого рода. Передъ открытіемъ опернаго сезона въ Миланѣ, австрійская полиція, опасаясь, чтобъ театръ не сдѣлался сценою патріотическихъ демонстрацій, опубликовала распоряженіе, которымъ воспрещались всякія выраженія одобренія или неодобренія. Когда, на одномъ изъ первыхъ представленій, нѣсколько молодыхъ людей нарушили это запрещеніе, и имъ закрытъ былъ входъ въ театръ, все миланское общество отказалось посѣщать оперу. Придумали вслѣдъ за тѣмъ и другую манифестацію, имѣвшую болѣе серьезныя послѣдствія. Въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ табакъ составлялъ государственную монополію, доставлявшую казнѣ весьма значительныя выгоды продажей сигаръ. Агенты революціонной партіи разбросали въ Миланѣ прокламаціи, въ которыхъ напоминалось, что нѣкогда американцы воздерживались отъ употребленія чаю передъ войною за независимость, и жители Милана приглашались слѣдовать ихъ примѣру и воздержаться отъ употребленія сигаръ. Прокламаціи эти не замедлили произвести впечатлѣніе: миланская молодежь приняла рѣшеніе прекратить съ новаго года куреніе. Когда, 2-го января, толпы гуляющихъ высыпали на улицы Милана и у нѣкоторыхъ изъ нихъ появились сигары, молодежь подвергнула ихъ оскорбленіямъ и принудила перестать курить. На главныя улицы Милана выдвинуты были сильныя военныя патрули; толпы народа разогнаны были драгунами, при чемъ городской мэръ, явившійся увѣщевать толпу, получилъ ударъ прикладомъ по головѣ. На слѣдующій день, не смотря на вывѣшенныя всюду объявленія, запрещавшія уличныя сходки, толпы народа снова появились на главныхъ площадяхъ; изъ одного дома сдѣланы были два выстрѣла по войскамъ; солдаты ворвались въ этотъ домъ и разграбили его.

Слѣдующіе дни прошли въ постоянныхъ столкновеніяхъ между гражданами и военными патрулями. Солдаты сами раздражали народъ, гуляя толпами по улицамъ съ сигарами въ зубахъ. Число убитыхъ и раненыхъ въ эти дни возросло до пятидесяти. Народное раздраженіе, чувство оскорбленной національности, расло съ каждымъ днемъ; можно было предвидѣть, что одними манифестаціями дѣло не кончится. Опасенія австрійцевъ особенно возбуждались тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣшеніе перестать курить—проникло въ низшіе классы народа, оставшіеся до тѣхъ поръ чуждыми патріотическому движенію, и нашло отголосокъ въ другихъ городахъ Ломбардіи—въ Комо, Бресціи, Падуи, Кремонѣ и Мантуи. Въ самомъ Миланѣ оппозиціонное движеніе не

ограничивалось уже кружкомъ либерально-настроенной молодежи, а втягивало, мало по малу, въ свой водоворотъ все итальянское общество. Знатнѣйшіе граждане Милана обратились къ правительству съ просьбою унять солдатъ, которые на улицахъ сами задѣвали прохожихъ и появлялись въ публичныхъ мѣстахъ не иначе, какъ съ сигарами въ зубахъ, съ очевидною цѣлью раздражить народъ и увлечь его къ беспорядкамъ. Когда, при столкновеніяхъ съ австрійскими патрулями, пали первыя жертвы народной оппозиціи, все лучшее миланское общество облеклось въ трауръ и отказалось на три дня отъ посѣщенія театровъ. Манifestаціи, совершенно невинныя по своему характеру, продолжались непрерывно въ Миланѣ и въ другихъ городахъ, и обнаруживали рѣдкое единодушіе гражданъ. Очевидно было, что существуетъ какая-то тайная руководящая сила, избобрѣтающая эти манифестаціи и наблюдающая за ихъ исполненіемъ. Такъ, на примѣръ, площадь Франческо въ Миланѣ, названная такъ въ честь императора Франца и служившая любимымъ мѣстомъ гулянья городскихъ жителей, съ 9 января вдругъ совсѣмъ опустѣла, и праздничныя толпы народа перешли на *corso Pio Nono*, до тѣхъ поръ всегда безлюдное. Подобное единодушіе итальянскаго общества заставляло полицію предполагать существованіе тайнаго революціоннаго комитета, но всѣ усилія ея открыть что либо подобное не приводили ни къ чему.

Тотъ же оппозиціонный духъ, тѣ же признаки готовившагоса революціоннаго движенія, обнаружались въ своромъ времени и въ венеціанской области. Страна эта, связанная съ Ломбардіею узами народности и одинаковостью политическаго положенія, казалась въ первое время гораздо болѣе спокойною и не возбуждала въ австрійскомъ правительствѣ столькихъ опасеній. Сюда, повидимому, съ большимъ трудомъ проникали патріотическія идеи и стремленія, одушевлявшія подвижное, сангвиническое населеніе Ломбардіи; венеціанцы обнаруживали больше стойкости, терпѣнія, и долше готовы были, какъ казалось, сносить австрійское иго. Но въ январѣ 1848 года и здѣсь обнаружился живой отголосокъ миланскихъ событій. «Когда я покидалъ Венецію въ началѣ прошлаго ноября — писалъ англійскій консулъ Доукинсъ къ Пальмерстону, отъ 18-го января — все было совершенно спокойно, и не смотря на незначительное волненіе, произведенное нѣкоторыми рѣчами въ засѣданіяхъ «ученаго конгресса», общество находилось въ своемъ обыкновенномъ состояніи. Теперь все измѣнилось: венеціанцы приняли систему миланцевъ, и едва ли есть въ Венеціи хоть одно итальянское семейство, гдѣ бы принимали австрійцевъ. Многіе приняли это рѣшеніе противъ воли,

но они дѣйствуютъ подѣ вліяніемъ системы устрашенія, принявшей невѣроятныя размѣры. Лица, которыхъ подозрѣваютъ въ расположеніи къ правительству, предаются общественному позору, и имена ихъ пишутся на стѣнахъ, какъ имена измѣнниковъ отечеству. А между тѣмъ, за исключеніемъ постоянныхъ поисковъ полиціи, правительство совершенно бездѣйствуетъ, и жалко видѣть, съ какою медленностью ведутся здѣсь дѣла. Отсутствіе всякаго контроля даетъ себя жестоко чувствовать; даже здѣшнія мѣстные власти сознаютъ это и горько жалуются на неподвижность вѣнскаго правительства, отъ котораго они не могутъ добиться отвѣта на свои учащенные представленія. Все это особенно очевидно въ настоящую минуту въ Миланѣ, гдѣ рѣшительныя мѣры необходимы, и гдѣ, какъ кажется, никто не знаетъ, въ чьихъ рукахъ главная правительственная власть. Вице-король, губернаторъ графъ Шпауръ, главнокомандующій фельд-маршалъ Радецкій, графъ Фикельмонъ и директоръ полиціи, каждый распоряжается по своему, и никто не отвѣчаетъ за принимаемыя въ королевствѣ мѣры. Одно только продолжается безостановочно — увеличеніе арміи; войска, не смотря на дурное время года, прибываютъ сюда ежедневно».

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ сѣверной Италіи, когда неожиданно разнеслась вѣсть объ арестѣ Манина, Томмасео и Аvezани. Эти три лица давно уже кололи глаза австрійской полиціи, какъ главные руководители народнаго движенія, которое итальянцы называли законной борьбой, и котораго въ Вѣнѣ боялись хуже, чѣмъ открытаго возстанія. Приведенный въ судилище и подвергнутый допросу, Манинъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я внимательно изучаю одну очень важную часть нашего законодательства, которая казалась мнѣ очень мало обработанною. Изученіе это убѣдило меня, что наше королевство владѣетъ превосходными законами, заключающими въ себѣ всѣ зародыши послѣдовательныхъ улучшеній, вызываемыхъ успѣхами цивилизаціи; и я подумалъ, что если эти законы принесли до сихъ поръ очень мало плодовъ, то причиною тому была наша безпечность, не позволявшая намъ пользоваться правами, вытекающими изъ нашихъ законовъ.

«Ведя уединенную жизнь, я могъ сообщить свои идеи только очень немногимъ. Онѣ были приняты съ насмѣшкою, какъ бредъ больного разсудка.

«Когда новый первосвященникъ и правительства Тосканы и Сардиніи выступили на путь реформъ, падѣлавшихъ такъ много шума, я не переставалъ повторять, что все, дарованное нынѣ

этими правительствами своимъ народамъ, императоръ австрійскій даровалъ ломбардо-венеціанскому королевскому гораздо ранѣе, въ 1815 году; что напрасно завидуемъ мы этимъ народамъ, потому что наше законодательство также хорошо, если еще не лучше; что мы грѣшимъ передъ нашимъ правительствомъ неблагодарностью, непризнавая дарованныхъ имъ выгодъ; что нелѣпо было съ нашей стороны просить у него того, что уже было дано; что прежде, чѣмъ добиваться новыхъ уступокъ, слѣдовало показать себя достойными тѣхъ, какими мы уже владѣемъ, т. е. воспользоваться ими; и что этимъ только именно мы могли бы выразить нашу признательность.*

Въ этихъ словахъ еще разъ съ замѣчательною ясностью связалъ Манинъ свое политическое *profession de foi* и программу своей политической дѣятельности. Строгая юридическая законность и строгая правильность политическаго силлогизма — вотъ основаніе всѣхъ его дѣйствій. Хартія ломбардо-венеціанскаго королевства заключаетъ въ себѣ значительную совокупность гражданскихъ правъ и еще болѣе значительные зародыши правильного конституціоннаго развитія; ergo, незачѣмъ добиваться законодательной реформы, незачѣмъ искать новыхъ правъ и учреждений, надо только требовать, чтобъ дарованныя закономъ права вошли въ практику, и чтобы существующія представительныя учрежденія вступили въ полное дѣйствіе. Такова была программа человѣка, давашаго имя цѣлой партіи, на знамени котораго было написано — уваженіе къ закону, знаніе закона, легальность.

Манинъ, безъ сомнѣнія, думалъ оправдать себя въ глазахъ австрійскаго правительства этимъ откровеннымъ заявленіемъ своего принципа. Но расчетъ въ этомъ случаѣ былъ не вѣренъ и обнаруживалъ слишкомъ идеалистическій взглядъ на вещи. Именно, эта легальность, эти юридическіе приемы, и были всего ненавистнѣе для австрійской администраціи. Не революціи боялись въ Вѣнѣ; революцію можно подавить, революція носитъ въ себѣ оправданіе грядущей реакціи; опасна эта легальная, обставленная всѣми атрибутами законности борьба, которую ведутъ не оружіемъ, а знаніемъ закона и неумолимою силою логики, борьба, которую нельзя признать мятежемъ, съ которою нельзя вступить въ открытое соперничество, и которая глубоко волнуетъ умы и оставляетъ по себѣ памятный слѣдъ. Вотъ этою-то борьбою руководилъ Манинъ, и тѣмъ самымъ становился непримиримымъ врагомъ австрійскаго правительства. Найти противъ такого человѣка серьезныя мотивы для обвиненія было бы трудно, предоставить ему свободу дѣйствія было бы неблагоразумно, опасно. Оставалось одно средство — судить его тайно, произнести

надъ нимъ приговоръ, который, намекая на многое, не говорилъ бы опредѣленно ни о чемъ, и затѣмъ предать его вѣчному тюремному заключенію. Такъ и задумала австрійская администрація. Манина держали въ строгомъ заключеніи, подвергали его ежедневнымъ допросамъ, приводили къ суду сотни свидѣтелей, допрашивали, уличали его друзей, даже собственную жену его, пускали въ ходъ различныя средства, чтобъ компрометтировать его въ глазахъ общества. Вся эта процедура была до того знакома каждому австрійскому подданному, что ни самъ Манинъ, ни близкіе къ нему люди не сомнѣвались, что ему грозитъ участь быть заживо погребеннымъ въ одномъ изъ тѣхъ таинственныхъ казематовъ, которыми издавна славилась Австрія. Но неожиданный ходъ событій, приблизившій катастрофу, о которой едва ли серьезно мечтала партія Манина, измѣнилъ участь узника и бросилъ его на другое поприще.

II.

Въ послѣдній день февраля 1848 года пришло въ Венецію извѣстіе о революціи въ Парижѣ и произвело на итальянцевъ поразительное впечатлѣніе. Внѣшній матеріальный порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, но глубокое внутреннее смятеніе обнаруживалось всюду. Вожди народнаго движенія поняли необходимость тѣснѣе сблизиться между собою и дѣятельнѣе приняться за работу. Каждому было понятно, что низверженіе Людовика-Филиппа должно было служить сигналомъ сильнаго потрясенія на всемъ материкѣ Европы и воспламенить горючій матеріалъ, накопившійся десятками лѣтъ.

Манинъ былъ застигнутъ этою вѣстью въ темницѣ. Образъ мыслей его къ тому времени успѣлъ уже значительно измѣниться. Заключение усилило его ненависть къ австрійцамъ и внушило ему убѣжденіе, что ничего нельзя ждать отъ правительства вѣроломнаго и эгоистическаго. Теперь уже не такъ заботливо старался Манинъ дать своимъ мыслямъ и дѣйствіямъ характеръ строгой юридической законности; имъ овладѣла заатаенная, страстная рѣшимость — добиться свободы, во что бы то ни стало, свободы для себя, для Венеціи, для Италіи! Быть можетъ, мстительное чувство человѣка, испытавшаго на себѣ безпощадные принципы австрійской политики, примѣшивалось къ этой патріотической рѣшимости и осложняло горечь и энергію, съ какою поклялся Манинъ въ неумолимой враждѣ къ Австріи. «Послѣ завтра, завтра, можетъ быть даже сегодня —

думать онъ, сидя въ темницѣ — я буду свободенъ, и мое освобожденіе будетъ сигналомъ къ возбужденію Венеціи. Какая форма правленія замѣнитъ тогда настоящую? какая болѣе всего подходитъ къ нынѣшнему положенію моего народа? Будетъ ли у насъ конституціонный король? — Но нынче народы думаютъ совсѣмъ не о томъ; къ тому же, конституціонная монархія рано или поздно приведетъ къ новой революціи, и слѣдовательно, къ новымъ бѣдствіямъ. Да и притомъ, какой смыслъ для этого народа будетъ имѣть слово *конституція*? Оно будетъ или дурно понято, или вовсе не понято, тогда какъ республика, съ ея преданіями славы и величія, съ надеждами, какія это слово заключаетъ въ себѣ для всѣхъ въ настоящую минуту, — будетъ всѣми понята, всюду найдетъ откликъ, и не вовлечетъ насъ впоследствии въ новую революцію. Встрѣтятся конечно трудности, препятствія; найдутся люди, которые станутъ въ оппозицію даже къ республиканскому правительству; но въ результатъ, всѣ прочіе итальянскіе народы поймутъ насъ наконецъ, и мы восторжествуемъ. Пламень свободы возгорится повсюду отъ нашего огня.»

Скоро наступило для Манина время примѣнить къ дѣйствительности мысли, которыми утѣшалъ и развлекалъ онъ себя въ заточеніи.

16 марта распространились въ Венеціи слухи, что въ Вѣнѣ вспыхнула революція, и что императоръ далъ обѣщаніе ввести конституцію. Вѣсть эта мгновенно наэлектризовала венеціанскую молодежь, давно уже отданную въ жертву агитаціи, и внушила ей рѣшимость дѣйствовать энергически и немедленно. Многочисленная толпа, собравшаяся въ тотъ день, по обыкновенію, на площади св. Марка, приняла намѣреніе произвести на вечернемъ спектаклѣ въ театрѣ громадную манифестацію и потребовать освобожденія Манина и Томмасео. Но полиція, во-время предувѣдомленная объ этихъ приготовленіяхъ, отмѣнила спектакль и заняла всѣ входы въ театръ; тогда агитаторы убѣдили толпу отложить манифестацію до слѣдующаго утра. Между тѣмъ, слухи о катастрофѣ въ Вѣнѣ подтвердились, и вышедшій 17 марта номеръ «Венеціанской Газеты» возвѣстилъ торжественно, что императоръ даровалъ своимъ народамъ свободу печати и согласился на созваніе центральныхъ конгрегацій королевства ломбардо-венеціанскаго. Толпа, возбужденная этимъ извѣстіемъ, высыпала на площадь; составлена была немедленно депутація къ губернатору, съ требованіемъ освободить изъ заточенія Манина, Томмасео и еще трехъ гражданъ, арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Губерна-

торъ, растерявшійся среди множества тревожныхъ извѣстій, стѣкавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, и не имѣвшій никакихъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Вѣнѣ, счелъ за лучшее удовлетворить требованію толпы и выпустить политическихъ узниковъ. Толпа, оглашая воздухъ криками: «да здравствуетъ Италия!» бросилась къ зданію темницы и вынесла оттуда на рукахъ своихъ любимцевъ. Манинъ, внезапно перенесенный изъ мрака тюрьмы на свѣтъ весенняго полдня, привѣтствовалъ толпу нѣсколькими словами, проникнутыми сознаниемъ важности совершившагося событія и взывавшими къ порядку. «Я не знаю, сказалъ онъ, вслѣдствіе какихъ событій похищенъ я изъ безмолвія моей темницы и перенесенъ съ триумфомъ на площадь св. Марка. Но по выраженію вашихъ лицъ, по вашему воодушевленію, я вижу, что чувства патриотизма и народности сдѣлали среди васъ большіе успѣхи во время моего заключенія. Радуюсь съ вами и благодарю васъ отъ имени моего отечества. Но заклинаю васъ, не будемъ забывать, что истинная и прочная свобода неразлучна съ порядкомъ, охранять который мы должны со всею ревностью, чтобъ показать, что мы достойны дарованной намъ свободы.

«Бываютъ однако такіа минуты и такіа чрезвычайныя обстоятельства, когда возстаніе становится не только нашимъ правомъ, но и долгомъ...»

При этихъ послѣднихъ словахъ, графъ Пальфи, благосклонно слушавшій до сихъ поръ Манина съ балкона, быстро вошелъ въ комнату и съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь. Это прервало на минуту рѣчь Манина; замѣтивъ дурное впечатлѣніе, произведенное на толпу поступкомъ губернатора, ораторъ перемѣнилъ тонъ и воззвалъ еще разъ къ порядку и умѣренности. Толпа въ торжественномъ шествіи, среди радостныхъ кликовъ, отнесла его домой, гдѣ онъ, почти безъ чувствъ, упалъ въ объятіе своей дочери. Многочисленная публика тотчасъ стеклась передъ его домомъ; венеціанскіе патриоты, отъ аристократа до ремесленника, спѣшили посѣтить своего любимца. День прошелъ среди сильной народноѣ агитаціи: толпы бѣгали по улицамъ, выбивая стекла въ окнахъ; трехцвѣтные флаги были вздернуты на шпицы городскихъ зданій. Правительство вывело на площади отряды итальянскихъ гренадеровъ; народъ привѣтствовалъ ихъ радостными кликами. Вечеромъ театръ освѣтился огнями; но вообще городъ казался еще спокойнымъ, хотя въ одномъ пунктѣ произошло столкновеніе съ нѣмецкимъ отрядомъ, причѣмъ двое изъ народа были ранены, а третій раздавленъ въ толпѣ.

Не такъ спокойно прошелъ слѣдующій день, 18 марта. От-

существо всякихъ положительныхъ извѣстій изъ Вѣны усиливало агитацію. Народъ тѣснился на улицахъ; патриоты собирали пожертвованія на національный складочный капиталъ; магазины всюду были закрыты. Войска вновь выведены были въ боевомъ порядкѣ на площади; толпа привѣтствовала итальянцевъ и освистала нѣмцевъ. Нѣсколько сорванцовъ на площади св. Марка задумали бросить въ нѣмцевъ камнями; послѣдніе, выведенные наконецъ изъ терпѣнія, открыли огонь; четверо изъ народа были убиты, пятеро или шестеро ранены.

Видъ крови произвелъ на толпу чрезвычайно сильное впечатлѣніе; само правительство испугалось послѣдствій кроваваго столкновенія и прибѣгло къ мѣрѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ весьма дѣйствительной — къ организаціи національной гвардіи. Пакетботъ, привезшій изъ Триеста вѣнскую почту, помогъ мѣстному начальству еще успѣшнѣе успокоить народонаселеніе города. Поздно вечеромъ показался губернаторъ на балконѣ своего дома и объявилъ столпившемуся народу, что императоръ даруетъ своимъ итальянскимъ подданнымъ свободу печати, соглашается на образованіе національной гвардіи и обѣщаетъ созвать въ возможно скоромъ времени центральныя конгрегации. Кончая свою рѣчь, губернаторъ выразилъ радость, что ему пало на долю быть первымъ конституціоннымъ губернаторомъ Венеціи и увѣщевалъ народъ поддержать порядокъ. Рѣчь эта была принята съ громкими рукоплесканіями; дома, выходяшіе на площадь, въ минуту освѣтились огнями; патрули національной гвардіи разошлись по городу, взявши на себя наблюденіе за порядкомъ. «Нынѣшнимъ утромъ — писалъ 19 марта англійскій консулъ къ лорду Пальмерстону — все представляется въ самомъ розовомъ свѣтѣ; площадь кипитъ народомъ, національная гвардія содержитъ патрули, и спокойствіе возстановлено всюду. Вопросъ только въ томъ, долго ли оно продолжится.»

Дѣйствительно, надъ этимъ вопросомъ слѣдовало призадуматься. Только крайняя близорукость могла довѣрять тишинѣ, возстановленной въ городѣ усердіемъ національной гвардіи. Революціонные элементы, накопившіеся десятками лѣтъ, ждали первой искры, чтобъ вспыхнуть; революціонные дѣятели, персоналъ которыхъ былъ неизвѣстенъ одной только австрійской полиціи, искали кругомъ себя ничтожнѣйшей опоры, чтобы выступить изъ скрывавшей ихъ до той поры тьмы. Эту опору предложило имъ австрійское правительство, согласившись на организацію національной гвардіи. Какое значеніе связано было съ этою мѣрой, можно видѣть изъ того, что когда, за нѣсколько часовъ до осуществленія его, Манинъ указывалъ на вооруженіе

національной гвардіи, какъ на средство успокоить городъ, одинъ изъ друзей его, адвокатъ Кастелли, замѣтилъ: «Бѣдный Манингъ! заточеніе помрачило его разсудокъ. Думать, что правительство согласится на организацію національной гвардіи въ минуту народной ярости — чистое безуміе; это значитъ просто желать опять попасть въ темницу.» Дѣйствительно, какъ скоро вооруженіе національной гвардіи было допущено, ничто не мѣшало революціонерамъ увеличить по произволу размѣры народной милиціи и образовать изъ нея значительную вооруженную силу. Уже въ вечеру 18 марта число милиціонеровъ, опредѣленное первоначально въ 200 человекъ, возросло до 2000; вмѣстѣ съ усиленіемъ численности національной гвардіи, расширялся и кругъ обязанностей, ей ввѣренныхъ. Революціонеры обладали могучимъ средствомъ приводить народъ въ волненіе; достаточно было кому нибудь изъ руководителей мятежа пустить слухъ, что австрійцы приготовляются бомбардировать городъ, что войска стагиваются къ Венеціи — и взволнованная толпа появлялась передъ жилищемъ губернатора, громко требуя объясненій. Правительство не видѣло другого исхода изъ этихъ постоянныхъ столкновеній, какъ бросать въ толпу уступку за уступкою. Благодаря ряду такихъ уступокъ, нѣмецкіе отряды одинъ за другимъ выводились изъ города и посты ихъ отдавались національной гвардіи. Правительство до того бездѣйствовало, что бездѣйствіе это поражало самихъ инсургентовъ. Планы Манина, сообщаемые имъ друзьямъ, встрѣчались послѣдними всегда съ крайнимъ неодобреніемъ, какъ продукты разстроенаго воображенія; никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы правительство само отдавалось въ руки революціи, и на Манина начинали смотрѣть съ сожалѣніемъ, какъ на человѣка, разумъ котораго склонился подъ гнетомъ тяжелыхъ испытаній. Съ какимъ непостижимымъ, тупымъ равнодушіемъ относилось австрійское правительство къ собственному своему положенію въ взволнованной странѣ и къ чередовавшейся передъ его глазами быстрой смѣнѣ впечатлѣній, лучше всего видно изъ слѣдующаго свидѣтельства корреспондента «Аугсбургской газеты»: «Двадцатаго числа, писалъ корреспондентъ, я прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Венецію. Хотя въ этотъ день не произошло ничего чрезвычайнаго, но я могъ убѣдиться, что провинція хорошо расчитанными шагами исподоволь приближалась къ разрыву съ Австріей, и что правительство погружено было въ непостижимыя иллюзіи. Частное дѣло привело меня во дворецъ губернатора, и тамъ, пока обо мнѣ докладывали, я успѣлъ обмѣняться нѣсколькими словами о положеніи дѣлъ съ нѣкоторыми главными чиновниками. Изъ этихъ разговоровъ я вывелъ

два заключенія: во первыхъ, что никто во всей Венеціи не понималъ такъ мало истиннаго положенія дѣлъ, какъ правительство; и во вторыхъ, что управленіе дѣлами въ эту критическую минуту ввѣрено было лицамъ, бессилю и совершенная неспособность которыхъ очевидны. Надо впрочемъ прибавить въ оправданіе администраціи, что она не только не имѣла никакихъ инструкцій изъ Вѣны, но что венеціанскій губернаторъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не зналъ даже, что происходитъ въ Миланѣ. А отъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ понятно каждому, зависѣло все.» Чѣмъ быстрѣе приближалась развязка, тѣмъ благодушнѣе становился взглядъ правительственныхъ лицъ на положеніе дѣлъ; дошло до того, что «Оффиціальная венеціанская газета» отъ 20 марта объявила, что тишина и порядокъ окончательно возстановлены въ Венеціи, а одинъ изъ членовъ правительства накануне провозглашенія республики увѣрялъ, что «все идетъ какъ нельзя лучше, и что поводы къ опасеніямъ исчезаютъ съ каждымъ днемъ.»

А между тѣмъ, одинъ наружный видъ города достаточно свидѣтельствовалъ, какая глубокая перемѣна совершилась въ настроеніи и нравахъ общества. На площади св. Марка, на которой въ обыкновенное время собирался каждый вечеръ весь венеціанскій beau-monde, теперь нельзя было встрѣтить ни одной женщины; вмѣсто изящныхъ дамъ и щеголеватыхъ кавалеровъ по ней расхаживали отъ восхода до захода солнца толпы простолюдиновъ, съ суровыми лицами и злобщими взглядами. Ни одинъ офицеръ не смѣлъ показаться на площади; солдаты итальянскихъ отрядовъ прогуливались обнявшись съ простолюдинами, вооруженными съ головы до ногъ. Въ низшихъ классахъ населенія обнаруживалась глухая, но упорная ненависть къ Австріи. Политическая идея, какъ извѣстно, нигдѣ такъ легко не популяризируется, какъ въ Италіи; политика не составляетъ тамъ достоянія образованнаго кружка — она питаетъ массы. Простой народъ въ Венеціи посвященъ былъ во всѣ политическія тайны полуострова и не пряталъ своего политическаго знамени. Простыя женщины говорили тому самому корреспонденту «Аугсбургской газеты», о которомъ мы уже упоминали: «Вотъ уже 34 года, какъ на всѣ наши требованія намъ постоянно отвѣчали изъ Вѣны: *нѣтъ!* можемъ ли мы любить подобное правительство?» Когда венеціанскаго простолюдина спрашивали, надѣется ли онъ быть счастливымъ подъ покровительствомъ Австріи, съ ея недавнею конституціей, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, синьйоръ, это невозможно. Австрія уже такъ много задолжала намъ денегъ, свободы и крови, что мы никогда не будемъ въ

состояніи ей вѣрить.» Когда одного ремесленника спросили, зачѣмъ поставили такой значительный отрядъ національной гвардіи во дворецъ губернатора, — «зачѣмъ, отвѣчалъ онъ; чтобы мы, и вы, синьоръ, могли спокойно спать въ своихъ постеляхъ; потому что тамъ — прибавилъ онъ, указывая на дворецъ — тамъ вѣчно работаетъ измѣна.»

Понятно само собою, что слабость правительства и враждебное ему настроеніе народныхъ массъ не были тайною для двигателей быстро приближавшагося переворота. Революціонные дѣятели, и во главѣ ихъ отважный, проицательный и ловкій агитаторъ, Манинъ, не теряли времени: они усердно двигали хорошо обдуманнй планъ разрыва, ожидая только минуты, наиболѣе удобной для внезапнаго и рѣшительнаго удара. Манинъ, конечно, былъ душою всего дѣла. Тотчасъ по освобожденіи изъ темницы затворился онъ въ своемъ домѣ, допуская въ себѣ только важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ гражданъ города. Мысль его работала съ болѣзненнымъ напряженіемъ; не одинъ разъ находили его въ кабинетѣ впавшимъ въ совершенное изнеможеніе отъ лихорадочной умственной работы; родные его начинали опасаться за его разсудокъ. Главная идея, неотвязчиво преслѣдовавшая его, состояла въ томъ, чтобъ овладѣть арсеналомъ. Арсеналь этотъ служилъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ, главною опоркою австрійцевъ; владѣть имъ, значило владѣть Венеціей. Онъ обладалъ весьма важными средствами обороны, и еслибы средства эти были употреблены въ дѣло, то его приходилось бы брать штурмомъ; но австрійскія власти были до того ослѣплены на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣла въ краѣ, что оставляли этотъ важный стратегическій пунктъ почти безъ защиты. Арсеналомъ начальствовалъ совершенно неспособный адмиралъ Мартини; для защиты его былъ поставленъ незначительный отрядъ кроатовъ, вовсе не приготовленный къ бою; на арсенальныхъ рабочихъ правительство никакъ не могло рассчитывать, потому что этотъ классъ людей составлялъ наиболѣе мятежный элементъ въ городѣ и заявлялъ свою ненависть къ правительству ежедневными буйствами. Все это было извѣстно Манину, и онъ не сомнѣвался въ возможности овладѣть арсеналомъ безъ пролитія крови; затрудненіе состояло въ томъ, что кому ни сообщалъ Манинъ своего плана, всѣ находили его безумнымъ и съ сожалѣніемъ пожимали плечами.

Весь промежутокъ между 18 и 22 числами марта употребилъ будущій диктаторъ на усиліе ввести въ кругъ своихъ идей вліятельнѣйшихъ лицъ города и друзей національнаго дѣла. Съ трудомъ поддавались они на его увѣщанія, пока наконецъ меха-

ническое сцѣпленіе событій не увлекло ихъ въ круговоротъ, въ который отважно ринулся ихъ руководитель.

Между тѣмъ, что австрійское правительство, съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ слѣдя за ходомъ быстро приближавшихся къ развязкѣ событій, окончательно пришло къ странной мысли, что въ самой Венеціи, помимо нѣмецкихъ властей, существуетъ охранительный элементъ, достаточно сильный, чтобы бороться съ революціоннымъ движеніемъ. Такимъ элементомъ мѣстныхъ власти считали муниципальное управленіе города. Управленіе это, будучи представителемъ интересовъ средняго сословія, преимущественно класса торговаго и промышленнаго, дѣйствительно, должно было чуждаться всякихъ революціонныхъ попытокъ; но австрійскія власти, уповая на консервативный характеръ муниципалитета, забывали, что революція была еще только фантомомъ, носившимся въ воздухѣ, тогда какъ патріотическое воодушевленіе, стремленіе приобрѣсти политическія гарантіи и дать странѣ лучшее хозяйственное управленіе не только овладѣли венеціанской буржуазіей наравнѣ съ другими сословіями, но непосредственно были связаны съ ея сословными интересами. Все это привело къ тому, что муниципальное управленіе города, далеко не претендуя обуздывать революціонное движеніе, пожелало напротивъ овладѣть имъ и дать ему направленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ правительство ввѣрило ему организацію національной гвардіи, оно сдѣлалось фокусомъ, въ которомъ сосредоточилось все городское управленіе, и къ которому сходились нити народнаго движенія. Сознывая всю важность своего новаго положенія, муниципалитетъ пригласилъ въ свою среду нѣсколько лицъ городского населенія, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ; лицами этими были адвокаты — Манинъ, Авесани, Кастелли и Лантана, двое негоціантовъ — Пинкерле и Реале, и нѣкоторые др. При ихъ участіи состоялись ежедневныя совѣщанія, касавшіяся общихъ дѣлъ городского управленія и частныхъ, вызванныхъ обстоятельствами времени. Одинъ изъ призванныхъ въ муниципалитетъ гражданъ, Пинкерле, на первомъ же засѣданіи предложилъ вопросъ: «если, рано или поздно, австрійское владычество будетъ упразднено въ Венеціи, муниципалитетъ находитъ ли себя достаточно сильнымъ, чтобы овладѣть браздами правленія?» Гипотеза эта на первый разъ показалась всему собранію настолько невѣроятной, что объ ней не захотѣли и толковать; а черезъ два дня, 21 марта, когда тотъ же Пинкерле возобновилъ свое предложеніе, подземная революціонная работа оказалась настолько всплывшею на поверхность, что слова Пинкерле возбудили живѣйшее вниманіе. Въ этотъ день случилось происшествіе, благо-

даря которому совершенное безсиліе правительственной власти въ городѣ сдѣлалось очевиднымъ для тѣхъ, для коѳо оно составляло еще тайну. Въ арсеналѣ начальствовалъ надъ рабочей командой нѣкто Мариновичъ, полковникъ, ненавидимый всѣми подчиненными за чрезмѣрную жестокость. Противъ этого Мариновича 21 марта вспыхнулъ бунтъ. Полковникъ, не вида спасенія, отдался подъ защиту отряда милиціи, содержавшаго при арсеналѣ караулъ. Милиціонеры защитили его отъ разъяренной толпы, посовѣтовавъ ему однакоже не показываться болѣе въ люди; безъ этой помощи со стороны національной гвардіи, полковникъ австрійской службы былъ бы растерзанъ своею командой. Случай этотъ, самъ по себѣ маловажный, произвелъ на всѣхъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, обнаруживъ все ничтожество правительственной власти и правительственнаго авторитета. Муниципалитетъ, наведенный Пинкерле вторично на гипотезу объ упраздненіи австрійскаго владычества въ городѣ, на этотъ разъ счелъ гипотезу весьма правдоподобною. Въ душу президента, графа Коррера, закралось подозрѣніе: отчего Манинъ такъ настойчиво уклонялся отъ участія въ муниципальных собраніяхъ и не посылалъ до сихъ поръ ни одного засѣданія? Вопросъ этотъ встревожилъ всѣхъ членовъ учрежденія, и Пинкерле получилъ приглашеніе тотчасъ отправиться къ Манину и попросить у него объясненія на счетъ плановъ, какіе онъ несомнѣнно читаетъ относительно близкаго будущаго страны. Возвратившись въ засѣданіе, Пинкерле объявилъ, что у Манина дѣйствительно есть планъ, но что онъ считаетъ опаснымъ и преждевременнымъ его обнаружить; впрочемъ, если подеста зайдетъ къ Манину утромъ на другой день, то тотъ объяснитъ ему все наединѣ. Объявивъ это во всеуслышаніе, Пинкерле прибавилъ на ухо адвокату Аvezани, что Манинъ ждетъ его нынѣшнюю же ночь.

Былъ уже первый часъ по полуночи, когда окончилось засѣданіе; Пинкерле и Аvezани отправились къ Манину и нашли его почти лишившимся голоса вслѣдствіе оживленныхъ преній, происходившихъ у него въ эту ночь съ вліятельнѣйшими гражданами города. Манинъ передалъ кратко содержаніе этихъ бесѣдъ. Оказалось, что патріоты не успѣли еще притти ни къ какому соглашенію. Одни ограничивались желаніемъ образовать изъ итальянскихъ провинцій конституціонное государство, подвластное Австріи; другіе проектировали создать совершенно независимое королевство ломбардо-венетіанское, съ принцемъ изъ австрійскаго дома на престолѣ. Что до самого Манина, то онъ не одобрялъ этихъ плановъ. «Прибѣгать къ соглашенію съ Австріей, говоритъ онъ, значить только терять драгоцѣнное время; помимо

открытой силы мы ничего не сдѣлаемъ и только упустимъ благоприятную минуту для освобожденія родины. Надо прежде всего овладѣть арсеналомъ, произведи для этого народное движеніе и имѣя опору въ національной гвардіи. Что до формы правленія, то республиканская ближе всѣхъ подходитъ къ привычкамъ, желаніямъ и воспоминаніямъ венеціанскаго народа. Только крикъ: «да здравствуетъ республика!» можетъ быть понятъ народомъ; только лозунгъ св. Марка можетъ найти отголосокъ въ Далмаціи.» На эту тему завязалась горячая бесѣда между Маниномъ и его ночными посѣтителеми; послѣдніе проговорились наконецъ, что и по ихъ мнѣнію возгласъ: «да здравствуетъ св. Маркъ!» болѣе всего позволяетъ рассчитывать на успѣхъ. Тогда Манинъ стремительно пожалъ имъ руки и воскликнулъ: «значить, мы съ вами одного мнѣнія!»

Рано утромъ 22-го марта пришелъ къ Манину подеста и удалился отъ него въ крайнемъ смущеніи; вѣроятно, онъ не находилъ исхода между соблазномъ успѣха, которымъ обольщала его агитаторъ, и конституціонными мечтами, гораздо болѣе приходившимися по сердцу главѣ венеціанскаго муниципалитета. Въ то же время прибѣгали къ Манину одинъ за другимъ отважнѣйшіе изъ патриотовъ, вѣроятно посвященные въ его планы, и убѣждали его не упускать минуты оцѣпенѣнія, овладѣвшаго правительствомъ; но Манинъ объявилъ, что онъ устраняетъ себя положительно отъ управленія народнымъ движеніемъ. Никто этому заявленію, конечно, не придавалъ вѣры, и Манинъ менѣе всѣхъ. Онъ понималъ, что часъ его приближается. Вся выгода минуты заключалась въ отсутствіи извѣстій и инструкцій изъ Вѣны, державшемъ мѣстныя австрійскія власти въ полной неизвѣстности и нерѣшительности; но инструкція каждый часъ могли притти, и тогда рѣшительная минута была бы потеряна. Неожиданное обстоятельство подтолкнуло Манина.

Въ десять часовъ утра, пока будущій диктаторъ томился въ мучительной нерѣшительности, какой-то неизвѣстный патриотъ силою врывается къ нему въ комнату и возвѣщаетъ прерывающимся отъ волненія голосомъ: «Идите скорѣе брать арсеналъ, или вы его не возьмете! Сегодня будутъ бомбардировать Венецію и, вѣроятно, отдадутъ ее на разграбленіе. Спѣшите, закликаю васъ!» Извѣстіе это (оказавшееся потомъ ложнымъ) потрясло Манина. «Если для взятія арсенала нужна только храбрость, сказалъ онъ, то мы возьмемъ его; но если требуются стратегическія познанія — я ихъ не имѣю.» Неизвѣстный продолжаетъ настаивать. «Моряки всѣ за васъ, говоритъ онъ. Не падайте духомъ передъ затрудненіями; намъ не время спорить; одѣ-

вѣйтесь, соберите сколько можете больше національной гвардіи, и въ арсеналь!» И, не дожидаясь отвѣта, патриотъ убѣгаетъ.

Лихорадочная энергія охватила Манина. На ключѣхъ бумаги написалъ онъ нѣсколько строкъ къ англійскому консулу, въ которыхъ, извѣщая его о предстоящемъ бомбардированіи, просилъ взять городъ подъ покровительство англійскаго знамени; записку эту онъ поручилъ своему другу Дели-Антони отнести по назначенію, прося его на возвратномъ пути собрать преданные національному дѣлу отряды милиціи и сосредоточить ихъ въ полудню гдѣ нибудь по близости арсенала. Затѣмъ, обнявъ свою дочь и давъ ей увѣщаніе не падать духомъ въ случаѣ несчастія, Манинъ крикнулъ своему шестнадцатилѣтнему сыну Джордію: «Въ арсеналь!» — «Вы хотите быть убитыми!» воскликнула въ ужасѣ жена Манина. — «Да, если это нужно» — отвѣтилъ Манинъ и быстро вышелъ изъ дому.

Онъ нашелъ городъ въ сильной агитаціи. Въ толпѣ только что разнеслась вѣсть объ убійствѣ Мариновича. Несчастный полковникъ не послушался совѣта спасшихъ его милиціонеровъ, и былъ убитъ арсенальной командой. Отряды національной гвардіи шовали по всѣмъ направленіямъ; Манину удалось нѣкоторые изъ нихъ увлечь за собою, несмотря на то, что начальникъ милиціи, Менгальдо, отдалъ ей приказъ не слушать оболъщенной агитатора. Около полудня присоединился къ нему Дели-Антони, также успѣвшій собрать значительный отрядъ гвардейцевъ; вмѣстѣ они отправились къ арсеналу.

Этотъ важнѣйшій въ городѣ стратегическій пунктъ предсталъ глазамъ революціонеровъ лишеннымъ всѣхъ средствъ обороны. Манинъ замѣтилъ внутри его только двѣнадцать человекъ милиціонеровъ, вошедшихъ туда, чтобъ восстановить порядокъ послѣ печальнаго событія съ Мариновичемъ. Манинъ поручилъ Дели-Антони ввести въ арсеналь, потихоньку, чтобъ не возбудитъ никакого подозрѣнія, какъ можно большее число національныхъ гвардейцевъ, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ за стѣнами зданія значительный резервъ. Самъ Манинъ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ подошелъ къ адмиралу Мартини, только что прибывшему въ арсеналь, и попросилъ у него объясненій на счетъ воинственныхъ приготовленій, совершаемыхъ, по слухамъ, австрійскими властями внутри арсенальныхъ стѣнъ. Мартини опровергалъ всѣ подобныя слухи и въ заключеніе предложилъ Манину съ друзьями самимъ осмотрѣть арсеналь и убѣдиться въ неосновательности ихъ подозрѣній.

Этого только и надо было заговорщикамъ. Бесѣда съ Мартини, ловко затянута на цѣлый часъ, дала Дели-Антони воз-

возможность ввести въ арсеналъ всѣхъ присоединившихся къ нему гвардейцевъ, а съ другой стороны, для Манина было чрезвычайно важно, чтобъ агенты его могли проникнуть во всѣ закулки арсенала и, подъ предлогомъ ревизіи, произвести рекогносцировку военного лагеря.

Ревизионная коммиссія, возвратившись съ осмотра, донесла Манину, что «взять сухопутный арсеналъ не предстояло никакихъ затрудненій;» тогда Манинъ самъ отправился въ арсеналъ. Тутъ подошли къ нему морскіе офицеры, исполнявшіе въ арсеналѣ гарнизонную службу и объяснили, какіе пункты зданія слѣдовало занять прежде всего. Въ ту же минуту приближалъ къ Манину посланный отъ Дели-Антони съ извѣстіемъ, что Мартини просилъ гвардейцевъ пропустить его къ военному губернатору города, графу Зики, но что гвардія, въ отвѣтъ на это, объявила Мартини военноплѣннымъ и потребовала его шпагу.

Манинъ немедленно поставилъ значительный отрядъ національной гвардіи для охраненія желѣзной рѣшетки, отдѣлявшей сухопутный арсеналъ отъ морского, находившагося еще въ рукахъ австрійскихъ властей, и отдалъ приказъ поставить въ позицію орудія и починить мостъ, разобранный арсенальной командой съ цѣлью воспрепятствовать бѣгству Мариновича. Затѣмъ онъ потребовалъ ключи отъ залы, въ которой сложено было оружіе, и, обратившись къ арсенальной командѣ и къ матросамъ съ увѣщаніемъ сохранить строгій порядокъ, передалъ начальство надъ арсеналомъ Граціани и вышелъ.

Нѣсколько минутъ спустя, майоръ австрійской службы Бодай показался съ отрядомъ пѣхоты у воротъ арсенала. Национальная гвардія, вооруженная ружьями и саблями, взятыми въ арсеналѣ, построилась въ карре и приготовилась къ защитѣ. Бодай отдалъ приказъ открыть огонь; но команда его, состоявшая исключительно изъ итальянцевъ, не думала повиноваться; кто-то изъ солдатъ ударилъ его самого штыкомъ въ плечо. Его тотчасъ обезоружили и повели въ арсеналъ. Национальная гвардія, упоенная первымъ успѣхомъ, готовилась растерзать его, и несчастный майоръ погибъ бы, еслибы Дели-Антони не прикрылъ его своимъ тѣломъ.

Между тѣмъ Менгальдо, начальникъ милиціи, при первой вѣсти о взятіи арсенала побѣжалъ къ губернатору Венеціи, Пальфи, и объявилъ, что единственное средство успокоить народонаселеніе заключается въ томъ, чтобы отдать въ руки гражданъ всѣ оборонительныя и наступательныя силы, которыми располагаетъ правительство; но Пальфи отклонилъ это предложеніе. «Всякая уступка съ нашей стороны, сказалъ онъ, по-

рождаетъ только новыя требованія; такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться. Я приглашаю муниципалитетъ формулировать разъ навсегда всѣ требованія, какія онъ считаетъ необходимыми, и представить ихъ мнѣ. Если въ ихъ требованіяхъ не будетъ посягательства на австрійское владычество, я охотно удовлетворю имъ; въ противномъ случаѣ, я приму всѣ необходимыя мѣры.» Муниципалитетъ, отозвавшись на приглашеніе графа Пальфи, назначилъ подъ предсѣдательствомъ педесты коммиссію, которая должна была начертать планъ конвенціи между австрійскими властями и городскимъ управленіемъ.

Манинъ, выйдя изъ арсенала, разсказалъ стоявшимъ у стѣнъ его морякамъ и солдатамъ баталіона Вимпфена, какимъ образомъ арсеналь попалъ во власть инсургентовъ. Солдаты отвѣчали радостными криками и сорвали съ своихъ касокъ австрійскіе черножелтые помпоны. Вѣсть, разлетаясь въ массѣ, опережала Манина; толпы народа выбѣгали къ нему на встрѣчу, радостно его привѣтствуя. Герой дня, отдохнувъ немного въ первой попавшейся тавернѣ, вышелъ на площадь св. Марка и тамъ обратился къ столпившемуся народу съ слѣдующимъ импровизированнымъ манифестомъ:

«Мы свободны! И мы вдвойнѣ можемъ этимъ гордиться, потому что приобрѣли свободу, не проливъ ни капли крови, ни своей, ни нашихъ братьевъ. Говорю *братьевъ*, потому что для меня всѣ люди братья.

«Но недостаточно ниспровергнуть власть, надо создать на мѣстѣ ея другую. По моему, лучшимъ правительствомъ для насъ будетъ республика, такъ какъ она напомнитъ намъ нашу прежнюю славу. Это не значитъ, чтобъ мы хотѣли отдѣлиться отъ нашихъ братьевъ другихъ — итальянцевъ; напротивъ, мы образуемъ одинъ изъ тѣхъ центровъ, которые послужатъ въ постепенному соединенію Италіи въ одно цѣлое.

«Итакъ, да здравствуетъ республика! да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ св. Маркъ!»

Народъ отвѣчалъ единственными криками радости.

Въ это самое время, во дворецъ губернатора входила депутація отъ муниципалитета съ планомъ конвенціи. Зловѣщіе крики, раздававшіеся на площади, потряскающій *vivat*, гремѣвшій каждый разъ, когда произносилось слово *республика*, лишили неспособнаго графа Пальфи послѣдняго самообладанія. Онъ подписалъ почти безъ возраженій предложенный ему планъ конвенціи.

Главныя условія соглашенія формулированы были въ слѣдующихъ восьми пунктахъ:

1) Существующее гражданское и военное управленіе упраздняется на сушѣ и на морѣ; власть его передается временному правительству, которое немедленно составится, и которое покаместъ замѣняютъ нижеподписавшіеся граждане.

2) Нѣмецкій полкъ Кинсваго, кroatскія войска и артиллерія очистятъ городъ и всѣ укрѣпленія; всѣ итальянскія войска и итальянскіе офицеры останутся въ Венеціи.

3) Всякаго рода военные снаряды останутся въ Венеціи.

4) Перевозъ войскъ совершенъ будетъ моремъ, черезъ Триестъ; для этого употреблены будутъ всѣ имѣющіяся средства.

5) Семействамъ отъѣзжающихъ офицеровъ и солдатъ будетъ оказано покровительство, и правительство, имѣющее составиться, позаботится о средствахъ къ ихъ отъѣзду.

6) Личности, семействамъ и собственности гражданскихъ чиновниковъ, итальянцевъ или нѣтъ, будетъ оказано покровительство.

7) Его сіятельство графъ Зики даетъ честное слово уѣхать послѣднимъ, чтобы гарантировать собою исполненіе вышепоказаннаго. Въ распоряженіе его сіятельства будетъ отданъ пароходъ для перевозки его вмѣстѣ со свитою и послѣдними остатками нѣмецкихъ войскъ.

8) Такъ какъ общественная казна должна остаться въ городѣ, то австрійскія власти получаютъ только то, что необходимо для перевозки войскъ. Войскамъ будетъ уплачено жалованье за три мѣсяца.

Конвенцію эту, со стороны Венеціи, подписали: Корреръ, Мигель, Фабрисъ, Джіованни, Авезани, Менгальдо и Пингерле. Въ седьмомъ часу вечера она была уже въ рукахъ у каждаго, отпечатанная особымъ прибавленіемъ къ «Оффиціальной газетѣ.»

Было довольно странно, что въ письмѣ гражданъ, взявшихъ на себя временно управленіе дѣлами новорожденной республики, отсутствовало имя того, усиліямъ и генію котораго Венеція была обязана своею свободой. Обстоятельство это не преминуло произвести въ народѣ всеобщее неудовольствіе. Напрасно Манинъ увѣрялъ друзей своихъ, что ему нуженъ отдыхъ; онъ самъ, безъ сомнѣнія, былъ уязвленъ поступкомъ муниципалитета. Народъ, для котораго искусный агитаторъ сдѣлался кумиромъ дня, громко протестовалъ противъ устраненія его отъ дѣлъ, подозрѣвая со стороны муниципалитета намѣреніе измѣнить форму правленія, провозглашенную Маниномъ. Послѣдній, отчасти изъ опасенія кровавыхъ столкновеній, а отчасти быть можетъ изъ расчета, рѣшился поздно ночью отпечатать свой знаменитый манифестъ, въ утру наклеенный на стѣнахъ города:

«Венеціанцы!

«Я знаю, что вы меня любите, и во имя этой любви я требую, чтобы среди законныхъ заявленій своей радости вы вели себя съ достоинствомъ, которое приличествуетъ людямъ, заслуживающимъ свободу.

Вашъ другъ
Манинъ.»

Манифестъ этотъ не успокоилъ однакоже народнаго волненія, а только сильнѣе разжегъ восторженное обожаніе, какимъ пользовался въ народѣ его недавній любимецъ. На разсвѣтъ 23 марта нѣсколько вліятельныхъ лицъ венеціанской буржуазіи послали адвоката Беллинато выразить правительственной комиссіи всеобщее неудовольствіе по поводу исключенія Манина и потребовать отъ президента комиссіи, Авезани, чтобы онъ сложилъ съ себя власть. Комиссія тотчасъ въ полномъ составѣ отказалась отъ своего полномочія и передала власть въ руки Менгальдо, начальника національной гвардіи.

Менгальдо, подеста Корреръ и нѣсколько вліятельныхъ гражданъ отправились вмѣстѣ затѣмъ къ Манину, чтобы условиться на счетъ дальнѣйшей участи республики. Плодомъ этого совѣщанія явилась слѣдующая прокламація, отпечатанная въ тотъ же день въ прибавленіи къ «Оффиціальной газетѣ»:

«Граждане, поименованные во вчерашнемъ прибавленіи къ № 67 «Газеты», какъ подписавшіеся на конвенціи, въ нынѣшнюю ночь сложили свою власть въ руки начальника національной гвардіи, такъ много послужившаго отечеству, съ тѣмъ, чтобы онъ организовалъ временно правительство.

«Упомянутый начальникъ гвардіи, Менгальдо, вывелъ сегодня всѣ баталіоны милиціи на площадь св. Марка и, испросивъ благословеніе патріарха нашему трехцвѣтному знамени, предложилъ согласію національной гвардіи и народа временное правительство, составленное изъ нижепоименованныхъ лицъ. Каждое имя было принято восторженными рукоплесканіями.»

Далѣе поименованъ былъ слѣдующій составъ временнаго правительства:

Даниель Манинъ, президентъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.
Томмасео, министръ народнаго просвѣщенія.

Паолуччи, морской министръ.

Кастелли, министръ юстиціи.

Пинверле, министръ торговли.

Солера, военный министръ.

Палеопапа, министръ внутреннихъ дѣлъ и публичныхъ работъ.

Камерата, министръ финансовъ.

Тоффоли, безъ портфеля.

«Такъ, говорить жена Манина въ своихъ, еще не изданныхъ, запискахъ — такъ окончилась въ Венеціи свои дни тираниія, воскресла свобода и совершилась революція, которая для современниковъ служила предметомъ удивленія, а потомствомъ будетъ названа баснословною!» Но, прибавимъ мы отъ себя, и для современнаго поколѣнія много невѣроятнаго, почти фантастическаго, представляется въ этомъ разительномъ событіи.

Что можетъ быть невѣроятнѣе, въ самомъ дѣлѣ, революціи, произведенной горстью людей безъ громкаго имени, какихъ-то темныхъ агитаторовъ, вынесенныхъ политической непогодой изъ срывавшей ихъ до той поры безвѣстности? Что можетъ быть баснословнѣе переворота, свершившагося почти въ нѣсколько часовъ, среди бѣлаго дня, вопреки громаднымъ матеріальнымъ силамъ одной изъ могущественнѣйшихъ державъ? Что болѣе похоже на сказку, какъ не сдѣяніе невѣроятныхъ условий, помогшихъ агитаторамъ обойти, нейтрализовать эти громадные силы и расправиться со стоявшей противъ нихъ во всеоружіи Австріей, какъ съ младенцемъ, еще не вышедшимъ изъ пеленокъ? Дисциплинированная и стяжавшая всеобщую извѣстность полиція, хитрая политика, давній навыкъ держать въ повиновеніи своихъ разноплеменныхъ подданныхъ, давнее счастье Габсбурговъ, могущественная военная сила — все было на сторонѣ Австріи; и ни одинъ изъ этихъ могучихъ рычаговъ не употребленъ былъ въ дѣло въ минуту, самую критическую за все время существованія имперіи!

Нельзя обвинять безусловно мѣстныя власти въ томъ, что онѣ допустили совершиться невѣроятному дѣлу. Онѣ заявили, правда, свою полнѣйшую неспособность, но главная вина не на ихъ сторонѣ. Виногато было центральное правительство, не умѣвшее выбрать достойныхъ людей для управленія окраннымъ государствомъ, которая скорѣе всякой другой готова была выскользнуть изъ когтей имперскаго орла; виновато оно было въ томъ, что въ самое критическое время, когда отъ одного часа все зависѣло, оно держало венеціанскія власти въ совершенной неувѣстности на счетъ того, что происходило въ Вѣнѣ и въ другихъ частяхъ государства. Въ венеціанскихъ событіяхъ 1848 года лучше всего высказалась пресловутая система Меттерниха, которая, угнетая народности, водворяя всюду непримиримую ненависть къ правительству и сѣя сѣмена будущихъ революцій, не оставляла себѣ ни одного ресурса на случай политической бури.

Вглядываясь въ событія 1848 года, можно подумать, что знаменитый дипломатъ давилъ народы всею тяжестью политическаго гнета лишь по какому-то дикому принципу, а вовсе не ради предупрежденія революцій, возможность которыхъ его высокошёрный умъ не хотѣлъ предвидѣть.

III

Жребій былъ брошенъ. Маленькая Венеція, со своими ничтожными средствами, съ нѣсколькими тысячами національной гвардіи, плохо вооруженной и еще хуже дисциплинированной, съ неустановившимся правительствомъ, вся сила котораго заключалась покамѣстъ въ народной любви и довѣрїи — дерзко и отважно разорвала связи, приковывавшія ее къ Австріи. Она слѣпо ринулась въ политическій водоворотъ, охватившій всю Италію, и отнынѣ судьба ея зависѣла отъ общаго хода дѣлъ на полуостровѣ. Поэтому краткій взглядъ на успѣхи революціи въ Италіи мы должны предпослать исторїи юной венеціанской республики.

Мы оставили Миланъ въ періодѣ сильнѣйшаго народнаго раздраженія, которое выражалось ежедневными, болѣе или менѣе грозными, манифестаціями. Раздраженіе это достигло высшей степени, когда получено было въ Миланѣ извѣстіе о вѣнской революціи. Мѣстныя власти до того были напуганы угрожающей быстротой народнаго движенія, что, оставляя государственные интересы ихъ собственной участи, заботились только о личной своей безопасности.

Вице-король бѣжалъ въ Верону; на стѣнахъ города выставлены были прокламаціи, извѣщавшія объ утвержденныхъ императоромъ конституціонныхъ уступкахъ. 18 марта, въ тотъ самый день, когда въ Венеціи появились первые патрули національной гвардіи и управленіе городомъ отдано было въ руки муниципалитета, тѣ же самыя завоеванія сдѣланы были миланцами. Но миланцамъ не такъ легко досталась окончательная побѣда: имъ пришлось имѣть дѣло съ Радецкимъ, далеко не столь неспособнымъ, какъ графъ Зиви. Пять дней продолжалась рѣзня на улицахъ города; гражданамъ приходилось обливать кровью каждую пядь земли, очищаемую отъ австрійцевъ. Только 22 марта поздно вечеромъ покинулъ Радецкій миланскую цитадель, подвергнувъ предварительно городъ бомбардированію.

Такимъ образомъ, два главные центра сѣверной Италіи, Миланъ и Венеція, въ одинъ день свергли съ себя чужеземное иго.

Что затѣмъ предстояло имъ? Рассчитывать на собственные средства въ борьбѣ съ врагомъ, во сто разъ сильнѣйшимъ, было бы безуиѣмъ; надѣяться на помощь иностранныхъ государствъ, охваченныхъ подобно Италіи революціоннымъ пожаромъ, не предвидѣлось большой вѣроятности. Остался одинъ шансъ — соединить свое дѣло съ таинственными замыслами короля сардинскаго, подстреканіемъ котораго сѣверная Италія была обязана до извѣстной степени первыми успѣхами революціоннаго движенія. Карлъ-Альбертъ, дѣйствительно, былъ единственный человѣкъ, на котораго могла рассчитывать Италія, какъ на виновника своего будущаго возрожденія. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе его плановъ, сдѣлавшихся уже общественнымъ достояніемъ, или въ оцѣнку его дѣйствій, столько разъ подвергавшихся разнорѣчивымъ толкованіямъ. Достаточно будетъ напомнить, что благородный, но несчастный боецъ за итальянскую независимость не обнаружилъ той энергіи, того генія, которыхъ требовали критическія обстоятельства времени. Нерѣшительный и недоувѣрявшій самому себѣ, Карлъ-Альбертъ никогда не умѣлъ пользоваться минутными выгодами своего положенія и никогда не могъ рѣшиться на такой шагъ, который обѣщаль громадный успѣхъ цѣною громаднаго риска; при всѣхъ своихъ благихъ намереніяхъ, онъ оказался ниже предначертанной задачи — быть можетъ потому именно, что эта задача угнетала его собственную мысль своею грандіозностью.

Какъ бы то ни было, въ мартѣ 1848 года Карлу-Альберту нельзя уже было ограничиваться ролью закулиснаго подстрекателя и продолжать маскировать свои планы. Если онъ хотѣлъ когда-либо привести эти планы въ исполненіе, то минута представлялась самая удобная. 22 марта онъ стоялъ уже укрѣпленнымъ лагеремъ на берегахъ Тичино; 23, когда въ королевской квартирѣ получено было извѣстіе о революціи въ Миланѣ, онъ обратился къ населенію Ломбардіи и Венеціи съ прокламаціей, вивывая ихъ соединить свои силы съ тридцатитысячною пиемонтскою арміею для борьбы за общее дѣло. «Судьбы Италіи свершаются! говорится въ этой прокламаціи. Неустрашимымъ защитникамъ поправнаго права улыбается лучшая участь! Народы Ломбардіи и Венеціи! Наша армія сосредоточивалась уже на вашихъ границахъ, когда вы предупредили насъ, освободивъ доблестный Миланъ: нынѣ эта самая армія предлагаетъ вамъ для предстоящей борьбы помощь, какою братъ обязанъ брату и другъ другу.»

По всему полуострову, изъ конца въ конецъ, раздался кликъ свободы, привнесъ къ національной войнѣ. Даже Цій IX при-

нужденъ былъ уступить теченію и отправилъ на берега р. По корпусъ подъ начальствомъ Джіованни Дурандо.

Обратимся теперь снова въ Венецію, гдѣ мы присутствовали только при провозглашеніи республики.

Вѣсть о событіяхъ 22 марта распространилась съ быстротою молніи по всѣмъ провинціямъ венеціанской области. Манинъ, понимая, до какой степени живуче было въ итальянскихъ городахъ воспитанное всею ихъ исторіею чувство соперничества и зависти, поспѣшилъ успокоить его манифестомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Провинціи, показавшія такое единодушіе въ защитѣ нашего народнаго достоинства, присоединяясь къ Венеціи, составятъ съ нами одну семью, въ которой не будетъ никакого различія ни въ правахъ, ни въ преимуществахъ, такъ какъ и обязанности для всѣхъ будутъ одинаковы.» Въ этомъ же манифестѣ провинціи приглашались выслать въ Венецію депутатовъ для составленія общей конституціи. Австрійскіе гарнизоны одинъ за другимъ очищали венеціанскіе города. Генераль Людольфъ, начальствовавшій надъ Тревизою и Беллуной, сдалъ ихъ временному правительству и ушелъ со своимъ отрядомъ въ Триестъ; генераль Ауэръ очистилъ Удино; падуанскій гарнизонъ сдался на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный выходъ, но оставивъ въ рукахъ жителей орудія и военные снаряды; страна между Брентой и Изонцо, Ровиго и округъ Полезина присоединились къ республикѣ. Не сдавалась только Верона, въ которой малочисленный гарнизонъ еще держался, благодаря энергіи коменданта, да въ самой Венеціи заперся въ казармахъ нѣмецкій отрядъ и не соглашался признать конвенцію, подписанную генераломъ Зики.

Манинъ, возведенный въ званіе президента республики, употребилъ свои первыя усилія для того, чтобы пріобрѣсть юному правительству возможно большую популярность. Нѣсколько мѣръ, встрѣченныхъ всеобщимъ сочувствіемъ, были предприняты немедленно вслѣдъ за упраздненіемъ австрійскаго владычества. Тамъ, напримѣръ, уничтожены были въ войскѣ и флотѣ унизительныя тѣлесныя наказанія; естественное право защиты даровано было каждому подсудимому; всѣ граждане республики объявлены были равноправными и уничтожены существовавшія въ австрійскомъ законодательствѣ различія въ правахъ и преимуществахъ. Главный вопросъ внутренней политики — начертаніе конституціи — предоставленъ былъ народнымъ депутатамъ, приглашеннымъ, какъ мы видѣли, отъ всѣхъ городовъ венеціанской области. Депутаты эти, по три отъ каждой муниципіи, собрались въ Венецію 12 апрѣля и образовали консульту — нѣчто въ родѣ госу-

дарственного совѣта, контролировавшаго теченіе дѣлъ. Выборные отъ Венеціи, Падуи, Виченцы, Тревизы, Удино, Беллуны и Ровино участвовали въ этомъ учрежденіи; только Верона, находившаяся въ рукахъ непріятеля, не могла прислать депутаціи.

Но главный вопросъ дня заключался не во внутреннемъ устройствѣ республики, а въ ея внѣшней безопасности. Надо было защитить во что бы то ни стало ея недавнюю политическую самостоятельность. Собственные средства республики были слишкомъ ограничены: подъ вліяніемъ перваго увлеченія Венеція успѣла выставить 700 человекъ національной гвардіи, къ которымъ присоединились до 4000 итальянцевъ, служившихъ въ австрійской арміи; въ государственной казнѣ находилась въ наличности сумма, простиравшаяся на наши деньги до 8 мил. р. с. ¹⁾ Но чтѣ могли значить эти силы въ сравненіи съ могуществомъ Австріи, которая въ мартѣ мѣсяцѣ располагала въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ 75 тысячнымъ превосходно обученнымъ войскомъ, при 100 слишкомъ орудіяхъ? Заботы республиканскаго правительства естественнымъ образомъ направились къ тому, чтобы поставить себя въ возможно-дружественныя отношенія къ державамъ, на сочувствіе которыхъ можно было рассчитывать. Сначала все клонилось, по видимому, въ хорошую сторону. Швейцарія признала Венеціанскую республику, какъ совершившійся фактъ; французскій консулъ на другой день послѣ провозглашенія республики явился вмѣстѣ со всѣми проживавшими въ Венеціи французами къ Манину съ выраженіемъ сочувствія къ новой республикѣ и при этомъ выразилъ надежду, что французское правительство не замедлитъ признать ее официально; такія же заявленія представилъ Манину американскій консулъ. Республиканское правительство, поощренное этими торжественными выраженіями сочувствія со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, предалось надеждамъ, оказавшимся весьма скоро слишкомъ преувеличенными. Главную опору внѣ полуострова предполагало оно найти во Франціи; подобный расчетъ основывался и на всегдашнихъ симпатіяхъ французской націи къ Италіи, и на тожествѣ правительственной формы, утвердившейся въ обѣихъ новорожденныхъ республикахъ, и на репутаціи Ламартина, какъ либерала и энтузіаста. Надежды на президента французской республики были такъ сильны, что еще 30 марта Томмассо прямо писалъ къ нему: «Намъ нужно оружіе, и немедленно. Долго Италія тщетно ожидала его отъ Луи-Филиппа, но тогда по крайней мѣрѣ можно

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляетъ сила республики англійскій консулъ въ Венеціи въ письмѣ къ лорду Пальмерстону отъ 26 марта 1848 г.

было ждать; теперь нельзя! Альфонсъ де Ламартинъ конечно не отвѣтитъ: у насъ нѣтъ оружія! Какъ у брата всегда есть кусокъ хлѣба, чтобъ раздѣлить его съ братомъ, такъ великая и могущественная французская республика найдетъ нѣсколько ружей, какое-нибудь военное судно, чтобъ уступить ихъ Венеціи, обезоруженной по чужой винѣ.» Въ послѣднихъ словахъ заключался намекъ на печальное обстоятельство, постигшее Венецію въ самый день освобожденія и тяжело отозвавшееся на ея дальнѣйшей участи. По непростительной оплошности правительства, составившагося 22 марта и предшествовавшего министерству Манина, Венеція потеряла весь свой флотъ. Это случилось такимъ образомъ: флотъ стоялъ въ гавани Пола, на восточномъ берегу Адриатическаго моря. Муниципалитетъ Венеціи, тотчасъ послѣ капитуляціи генерала Зики, озабочился возвращеніемъ морскихъ силъ государства въ Венецію, и въ этомъ смыслѣ отрядилъ къ адмиралу эскадры приказъ. Но по непонятному легкомыслію, приказъ этотъ поручено было передать по назначенію капитану австрійскаго судна, на которомъ графъ Цальфи отъѣзжалъ въ Триестъ. Лишь только судно вышло въ море, экипажъ и пассажиры воспротивились положительному исполненію порученія и принудили капитана держать путь прямо въ Триестъ, гдѣ депеша революціоннаго правительства и была передана въ руки австрійскихъ властей. Такимъ образомъ, венеціанская эскадра, ничего не зная о событіяхъ въ столицѣ, оставалась въ гавани Пола, пока не овладѣли ею австрійцы.

Письмо Томмасео къ Ламартину, также какъ и повторительныя ноты Манина, остались безъ всякаго официальнаго отвѣта. Правительство, мучимое неизвѣстностью и понуждаемое гнетущей крайностью, послало въ Парижъ двухъ уполномоченныхъ съ порученіемъ купить тамъ двадцать тысячъ ружей и пароходъ. Французское правительство согласилось продать ружья за 770,000 франковъ, но съ тѣмъ, чтобъ вся сумма была доставлена звонкою монетою въ парижскій банкъ или въ его марсельское отдѣленіе; но какимъ образомъ могли венеціанцы, лишенные флота, перевезти во Францію такое количество золота или серебра? Въ продажѣ парохода имъ было отказано наотрѣзъ, и обезкураженные эмиссары перенесли свои попытки въ Англію. Объясненіе этого равнодушія французской республики къ судьбамъ Венеціи мы находимъ въ собственномъ признаніи Ламартина, сдѣланномъ имъ въ его «Исторіи революціи 1848 года.» «Австрійскіе посланники — говорятъ бывший президентъ французской республики — приглашали Ламартина быть судьей предложеній, которыя императорскій кабинетъ готовъ былъ сдѣлать

Сардиніи. Рѣчь шла объ уступкѣ Ломбардіи и герцогства Пармы и дарованіи для Венеціи конституціи, съ вице-королемъ изъ австрійскаго дома. Ламартинъ ¹⁾ не колебался признать эти предложенія вполне удовлетворяющими законнымъ стремленіямъ Италіи къ освобожденію и пригласилъ австрійскій кабинетъ вести переговоры на этихъ основаніяхъ. Два раза такія сообщенія сдѣланы ему были полуофициально, и оба раза онъ говорилъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. > Такимъ образомъ, Ламартинъ готовилъ Венеціи участь испускательной жертвы при возстановленіи европейскаго мира и равновѣсія. Что касается лорда Пальмерстона, стоявшаго во главѣ англійскаго министерства, то его отношенія къ дѣлу Италіи ограничились обѣщаніемъ полнаго нейтралитета.

Мы не будемъ излагать здѣсь ходъ кампаніи 1848 года: ограничимся только указаніемъ тѣхъ военныхъ дѣйствій, которыми имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу венеціанской республѣки.

Цѣлью австрійцевъ, при началѣ кампаніи, было достигнуть соединенія корпуса генерала Нюгента, шедшаго изъ Фріула, съ главною дѣйствующею арміею Радецаго. Нюгентъ, разбивая по частямъ разбѣянные по Фріулю отряды волонтеровъ, преимущественно венеціанцевъ, производилъ на своемъ пути страшныя опустошенія: выжигалъ и грабилъ селенія, подвергалъ жителей жестокимъ истязаніямъ. Генералъ Дурандо, командовавшій папскою дивизіею, оставался въ наблюдательномъ положеніи на правомъ берегу По, повинувшись секретному предписанію своего правительства; получивъ наконецъ приказъ стать подъ начальство Карла-Альберта и посланный во Фріуль съ порученіемъ задержать Нюгента, онъ такъ растянулъ свою дивизію, что, послѣ ряда неудачныхъ дѣлъ, принужденъ былъ отступить къ Виченцѣ. Здѣсь, подерѣвленный венеціанскими отрядами, онъ съ успѣхомъ отразилъ попытку непріятели овладѣть городомъ; но главная цѣль австрійцевъ была тѣмъ не менѣе достигнута — Радецкій соединился съ Нюгентомъ. Съ тѣхъ поръ венеціанскіе города одинъ за другимъ стали подпадать власти австрійцевъ. Мужественнѣе всѣхъ защищалась Виченца. Пять дней выдерживала она всѣ ужасы непріятельской осады, наконецъ генералъ Дурандо, начальствовавшій гарнизономъ, въ виду дѣятельныхъ приготовленій непріятели къ штурму, рѣшился подписать капитуляцію. Гарнизонъ получилъ право выйти изъ города съ оружіемъ, но съ обязательствомъ — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не служить противъ Австріи. Такимъ образомъ, Италія потеряла одну

¹⁾ Авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

изъ значительнѣйшихъ крѣпостей своихъ и лишилась на три мѣсяца содѣйствія двѣнадцатитысячной дивизіи. Радецкій мало по малу ввелъ въ венеціанскую область 40-тысячную армию при 100 орудіяхъ. Удино и Беллуна были уже въ его рукахъ; Павія, послѣ паденія Виченцы, не могла держаться, и получила изъ Венеціи приказъ сдаться на капитуляцію. Республиканское правительство рѣшилось сосредоточить всѣ свои силы въ самой Венеціи, защита которой представляла болѣе шансовъ успѣха.

Никогда еще, быть можетъ, ни одно правительство не обнаруживало таковой энергической, судорожной дѣятельности, какъ министерство Манина, въ эти печальные апрѣль и май мѣсяцы 1848 года. Въ виду жестокихъ ударовъ, безпощадно наносимыхъ врагомъ, оно пустило въ ходъ всѣ свои ресурсы. Еще въ послѣднихъ числахъ марта обратился Манинъ къ венеціанцамъ съ пламеннымъ воззваніемъ встать поголовно на защиту народнаго дѣла. Венеція ополчалась по призыву своего вождя, наполняя ряды волонтеровъ и принося свое достоиніе на алтарь отечества; денежные пожертвованія стекались въ государственную казну; само правительство, для усиленія денежныхъ средствъ республики, открыло національный заемъ, быстро пополненный патріотизмомъ гражданъ. Но рассчитывать на собственные средства страны въ борьбѣ съ колоссальнымъ врагомъ было бы безуміемъ; правительство устремило всѣ свои усилія къ тому, чтобы добиться помощи извнѣ. Читателямъ извѣстно уже, какъ равнодушно отнеслась Франція къ отчаянному положенію Венеціи; равнодушіе это не отняло однако у Манина послѣдней надежды на помощь могущественнаго сосѣда. Напрасно собственные агенты извѣщали его изъ Парижа, что европейская дипломатія плететь интригу противъ освобожденія Италіи, напрасно одинъ изъ нихъ писалъ прямо: «Франція сдѣлалась монархическою болѣе чѣмъ когда либо»; Манинъ все еще надѣялся, что какая нибудь перемѣна въ составѣ французскаго правительства измѣнитъ положеніе дѣлъ, или что новый ударъ, обрушившійся на Венецію, расшевелитъ европейское сочувствіе. Но на всѣ ноты венеціанскаго правительства отвѣчали изъ Парижа молчаніемъ или ничего незначащими увѣреніями въ симпатіи и дружбѣ. Жюль Бастидъ, смѣнившій Ламартина, хотя лично былъ вполне преданъ итальянскому дѣлу, но какъ государственный человѣкъ понималъ, что торжество этого дѣла имѣло бы въ результатѣ усиленіе Карла-Альберта, на котораго Франція и безъ того смотрѣла, какъ на безпокойнаго сосѣда.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и безуспѣшности всѣхъ дипломатическихъ усилій, готовилась въ судьбѣ

Венеціи перемѣна, которую проникательные люди предвидѣли еще издалека. Правительство Карла-Альберта, предпринявъ войну за освобожденіе Италіи и принеся для этой цѣли тяжелыя пожертвованія, было воодушевлено конечно не однимъ безкорыстнымъ патріотическимъ энтузіазмомъ: оно видѣло въ перспективѣ вознагражденіе, которое удобнѣе всего могло осуществиться присоединеніемъ Ломбардо-Венеціи къ Піемонту. Ломбардское революціонное правительство само понимало, что бороться съ Австріей собственными средствами ему не по силамъ; оно рѣшило вопросъ о присоединеніи Ломбардіи къ Сардиніи тотчасъ вслѣдъ за освобожденіемъ Милана. Но Венеція, несмотря на свою тѣсную связь съ Ломбардіей, до сихъ поръ упорно отгоняла мысль о соединеніи; Манина плѣняло независимое существованіе республики, хотя онъ не сомнѣвался, что рано или поздно слитіе всей сѣверной Италіи въ одну монархію подъ свѣпцетромъ Карла-Альберта сдѣлается политической необходимостью. Личное нерасположеніе къ монархическимъ формамъ побуждало его однако, пока можно было, всѣми силами противодѣйствовать слянію. Ему не безызвѣстны были попытки Карла-Альберта пропагандировать въ провинціальныхъ городахъ республики присоединеніе къ Піемонту; такъ, въ одномъ интимномъ письмѣ къ Массимо д'Азеліо онъ прямо говорить, что генералу Дурандо дано изъ Турина секретное полномочіе внушать подданнымъ венеціанской республики, что Карлъ-Альбертъ до тѣхъ поръ не окажетъ имъ дѣйствительной помощи, пока Венеція не будетъ присоединена къ Сардиніи. Пока не существовало еще гнетущей крайности, Манинъ оправдывалъ свое противодѣйствіе этой мѣрѣ тѣмъ, что она возбуждала опасенія Франціи и отдаляла французскую помощь; но по мѣрѣ того, какъ военное счастье болѣе и болѣе отворачивалось отъ итальянскаго знамени, въ самомъ населеніи республики обнаружилось стремленіе къ слитію съ Піемонтомъ, какъ къ единственному исходу изъ безнадежнаго положенія. Нѣкоторые провинціальные города обратились къ правительству съ заявленіями въ этомъ смыслѣ; Манинъ, пытаясь стать въ этомъ щекотливомъ вопросѣ на почву законности, предоставилъ рѣшеніе его собранію, долженствовавшему составить послѣ окончанія военныхъ дѣйствій и устроить окончательныя судьбы Ломбардо-Венеціи. Но ждать окончанія войны въ то время, когда она грозила всей республикѣ ежеминутной погибелью, когда пали Виченца, Павія, когда все государство ограничилось почти одною только Венеціей съ ея округомъ — на это наконецъ не стало терпѣнія. Военныя дѣла принимали все худшій и худшій

оборотъ. Франція формально отказалась признать республику; папа Пій IX, на либеральную политику котораго Италия рассчитывала, быть можетъ, болѣе, чѣмъ на воинственный цѣль Карла-Альберта, издалъ свою знаменитую энциклику, въ которой торжественно отрекался отъ національнаго дѣла и становился подъ знамя реакціи; король неаполитанскій, втайнѣ неизмѣнно сочувствовавшій Австріи, воспользовался государственнымъ переворотомъ, чтобы снять съ себя конституціонную личину, и послалъ къ неаполитанской арміи приказъ возвратиться въ отечество. Такимъ образомъ, дѣло возрожденія Италіи лишилось покровительства духовнаго авторитета и содѣйствія значительнѣйшей изъ итальянскихъ державъ; неаполитанскія войска оставили союзниковъ, и только одинъ генералъ Пепе съ 4 тысячнымъ отрядомъ предпочелъ измѣнить присягѣ, чтобы не измѣнять долгу патриота, и ушелъ въ Венецію, гдѣ былъ немедленно назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ республики.

Въ виду печальнаго оборота, который принимало дѣло итальянской независимости, правительство Венеціи рѣшилось ускорить созваніемъ собранія, долженствовавшего рѣшить вопросъ о присоединеніи. 18-е іюня назначено было срокомъ открытія засѣданій; рѣшенію собранія предложены были впередъ три главные вопроса:

- 1) Политическія судьбы Венеціи должны ли быть опредѣлены немедленно, или по окончаніи военныхъ дѣйствій;
- 2) Если онѣ должны подвергнуться немедленному рѣшенію, то должна ли Венеція образовать отдѣльное государство, или присоединиться къ Пиемонту; и
- 3) Оставаться ли нынѣшнему временному правительству или уступить мѣсто другому.

Всворѣ вслѣдъ за декретомъ, созывавшимъ на 18-е іюня собраніе депутатовъ и весьма мало успокоившемъ умы, появились угрожающіе признаки отчаянія, въ которое все больше и больше впадала незнакомая съ истиннымъ положеніемъ масса венеціанскаго народа. Самые тревожные слухи ходили въ народной толпѣ; вѣсть о приближеніи Радецкаго съ 40 тысячнымъ войскомъ повергала въ ужасъ непривыкшее къ военнымъ бѣдствіямъ населеніе; агитація тайная и явная волновала умы, вызывая къ жизни затихшую при первыхъ увлеченіяхъ патриотизма вражду партій. 12-го іюня республиканскому правительству былъ поданъ адресъ, подписанный пятьюстами гражданами, настоятельно требовавшихъ купить какою бы то ни было цѣною помощь Франціи. Правительство, желая узнать на этотъ счетъ дѣйствитель-

ное мнѣніе страны, предложило гражданамъ, раздѣлявшимъ выраженное въ адресѣ желаніе, заявить о томъ подписями; такихъ подписей въ одни сутки собралось семь тысячъ. Тогда Манинъ, желая снять съ себя отвѣтственность въ дѣлѣ, которому онъ лично не сочувствовалъ, обратился къ итальянскимъ правительствамъ съ циркулярною нотою, въ которой, описывая безнадежное положеніе республики, ставилъ прямо вопросъ: намѣрена ли Италія спасти Венецію, или, отказывая ей въ помощи, принудить ее искать спасенія у иноплеменниковъ? Правительства, къ которымъ обратился Манинъ съ этою нотою, отвѣчали уклончиво: ни одно изъ нихъ не дало формальнаго обѣщанія помочь Венеціи, но всѣ въ одинъ голосъ высказались противъ вмѣшательства Франціи.

Между тѣмъ новыя тяжелыя удары обрушились на венеціанскую республику: неаполитанская эскадра, прирывавшая Венецію съ моря, получила приказъ вернуться въ Неаполь и снялась съ якоря; Пальма-Нова, мужественно защищавшаяся противъ превосходнаго непріятеля, сдалась на капитуляцію; въ самой Венеціи смятеніе и агитація обнаружались не только въ народной массѣ, но и въ рядахъ національной гвардіи: 29-го іюня гвардейцы произвели импозантную манифестацію въ пользу присоединенія къ Пиемонту. Положеніе столицы въ виду облежавшаго ее со всѣхъ сторонъ непріятеля возбуждало сильнѣйшія опасенія. Для защиты городскихъ укрѣпленій стояли подъ ружьемъ 18 тысячъ человѣкъ — сила хотя значительная по числу, но слабая по недостатку военной опытности и плохому вооруженію. Трудность защищать городъ увеличивалась разбросанностью мѣстоположенія, требовавшего присутствія сильныхъ отрядовъ на множествѣ пунктовъ. Финансовое положеніе страны также было чрезвычайно запутано. Нѣсколько мѣсяцевъ уже доходы получались съ одной только столицы; наличность кассы въ концѣ іюня могла покрыть издержки первой четверти слѣдующаго мѣсяца; мѣсячный доходъ равнялся 400,000 ливр., тогда какъ расходъ восходилъ до 3 милл. ливровъ ¹⁾.

Среди такого неутѣшительнаго положенія дѣлъ само правительство было радо, когда замедлившіяся вслѣдствіе военныхъ дѣйствій засѣданія депутатскаго собранія наконецъ открылись. Въ первомъ засѣданіи, состоявшемся 3-го іюля, Манинъ представилъ собранію отчетъ о дѣйствіяхъ временнаго правительства за стодневный срокъ, протекшій отъ возстановленія республики

¹⁾ Эти данныя о внутреннемъ состояніи республики мы находимъ въ письмѣ Манина отъ 21-го іюня 1848 г. къ Парето, сардинскому министру иностранныхъ дѣлъ.

до открытія собранія, и указалъ еще разъ на главные три вопроса, подлежащія рѣшенію собранія. Второе засѣданіе, слѣдовавшее на другой день за первымъ, было обильнѣе результатами. Въ самомъ началѣ преній депутатъ Ольперъ внесъ предложеніе, чтобы установлена была смертная казнь для того, кто заговорить первый о капитуляціи. Затѣмъ, послѣ того какъ собраніе почти единогласно высказалось о необходимости теперь же опредѣлить участь республики, какъ самостоятельнаго государства или какъ пьемонтской провинціи, вопросъ о присоединеніи былъ подвергнутъ баллотированію. Огромное большинство (127 противъ 6) высказалось въ пользу присоединенія. Манинъ, съ давнихъ поръ уже страдавшій опаснымъ недугомъ и во время самаго засѣданія подвергшійся мучительному припадку, передалъ въ руки собранія свои обязанности и предложилъ въ слѣдующее засѣданіе баллотировать членовъ новаго правительства. Въ этомъ третьемъ и послѣднемъ засѣданіи, открывшемся 5-го іюля въ пять часовъ утра, было принято послѣ продолжительныхъ преній предложеніе того же депутата Ольпера — объявить собраніе непрерывнымъ, для того чтобы оно могло замѣщать членовъ правительства, выходящихъ въ отставку. Затѣмъ депутатъ Мальфатти предложилъ объявить торжественное признаніе заслугъ Манина передъ отечествомъ, на что Манинъ, среди грома восторженныхъ рукоплесканій, отвѣтилъ слѣдующими словами: «Всѣ итальянцы вѣрно послужили своему отечеству; но если сограждане хотятъ вознаградить мои посильныя услуги, я умоляю, заклинаю ихъ — пусть этою наградою будетъ ненарушимость согласія, вчера провозглашеннаго! Пусть не говорятъ — во имя Бога, пусть не говорятъ ни о какихъ партіяхъ, до тѣхъ поръ, пока непріятель не изгнанъ изъ Италіи! Мы потолкуемъ о нихъ потомъ между собою, по братски! Это единственная награда, которой я отъ васъ требую.» Баллотировка президента новаго правительства дала слѣдующіе результаты: Манинъ получилъ 70 голосовъ, Палеокапа 42, Кастелли 9. Въ отвѣтъ на рукоплесканія, которыми депутаты привѣтствовали его вторичное избраніе, Манинъ отвѣчалъ: «Благодарю отъ всей души собраніе за это новое свидѣтельство довѣрія и любви, но не могу имъ воспользоваться. Я никогда не скрывалъ, что я какъ былъ, такъ и остался *республиканцемъ*. Я ничѣмъ не могу быть въ монархическомъ государствѣ, и могу тамъ принадлежать къ оппозиціи, но не къ правительству. Я прошу моихъ согражданъ не принуждать меня къ тому, что противно моимъ идеямъ; я умѣлъ жертвовать собою, но не умѣю отказаться отъ принципа. Притомъ, я усталъ, я утомясь самыми радостями, которыя мнѣ приходилось испы-

тывать въ эти послѣдніе дни. Я физически не способенъ къ дѣламъ; повѣрьте, головы моей не станеть; я буду только портить дѣло; отъ всей души прошу васъ уволить меня.» Несмотря на настоятельныя просьбы собранія, Манинъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи, и новое правительство, по результатамъ баллотировки, составилось изъ слѣдующихъ лицъ: Каstellи, Палеокапа, Камерата, Мартиненго, Каведалисъ, Реали.

Ровно чрезъ мѣсяць совершилось дѣйствительное присоединеніе Венеціи къ Пиемонту. Отнынѣ республика должна была составлять одно цѣлое съ королевствомъ Ломбардо-Сардинскимъ и пользоваться всѣми правами и преимуществами, которыя дарованы были Ломбардіи. Управленіе Венеціей сосредоточивалось въ рукахъ двухъ королевскихъ комиссаровъ; министерство Каstellи, избранное въ засѣданіи 5-го іюля, оставалось въ полномъ составѣ, при королевскихъ комиссарахъ, а президентъ его, Каstellи, назначенъ былъ третьимъ комиссаромъ, со стороны Венеціи.

Но не долго суждено было продолжаться новымъ порядкамъ: рокъ увлекалъ Италію. При Кустоцѣ, въ той самой мѣстности, которая въ кампанію нынѣшняго года ознаменовалась первою побѣдою австрійцевъ надъ итальянцами, въ іюнѣ 1848 г. былъ разбитъ Карлъ-Альбертъ. Двадцати тысячная пиемонтская армія въ продолженіе двухъ сутокъ мужественно противостояла втрое сильнѣйшему неприятелю; но тѣмъ прискорбнѣе были результаты неудачи. Смятеніе овладѣло всей сѣверной Италіей; въ самой Венеціи бѣглецы изъ сардинской арміи возбудили панической ужасъ. Карлъ-Альбертъ принужденъ былъ начать возвратное движеніе къ рѣкѣ По. Напрасно остановился онъ подъ стѣнами Милана, надѣясь спасти городъ отъ быстро слѣдовавшаго по пятамъ его неприятеля: въ Миланѣ не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни военныхъ снарядовъ, а битва, данная Радецекому подъ стѣнами города, окончилась вторичнымъ пораженіемъ пиемонтцевъ. 6-го августа, Радецкій, во главѣ своего побѣдоноснаго войска, торжественно вступилъ въ древнюю столицу Ломбардіи. Между воюющими сторонами заключено было перемиріе, въ силу котораго пиемонты должны были, между прочимъ, очистить Венеціанскую область и вывести свою эскадру изъ Адриатическаго моря.

Легко можно себѣ представить, какое отчаяніе распространила эта вѣсть въ Венеціи. Сначала никто, даже комиссары Карла-Альберта, не хотѣли вѣрить извѣстію; послѣдніе, движимые патріотическимъ чувствомъ, объявили, что они сочтутъ свое полномочіе конченнымъ, какъ скоро официально подтвердится

вѣсть объ оставленіи Венеціи. Въ собраніи консульта были немедленно приняты рѣшенія запереть всѣ проходы, открывавшіе непріятелю доступъ въ венеціанскимъ лагунамъ, образовать *комитетъ обороны* и созвать собраніе народныхъ депутатовъ. Вечеромъ того же дня консульта собралась вмѣстѣ съ сардинскими комиссарами обсудить положеніе дѣлъ. Толпа, взволнованная тревожными вѣстями, съ 6-ти часовъ высыпала на площадь и кричала подъ окнами дворца: *potizie! potizie!* (новостей, новостей!); по временамъ слышались крики: долой комиссаровъ! да здравствуетъ Манинъ! Шумъ съ каждою минутою усиливался; народъ хотѣлъ силою проникнуть во дворецъ, но былъ удержанъ національною гвардіей. Тогда появился на балконѣ одинъ изъ комиссаровъ, Колли, и, со всѣми предосторожностями, сообщилъ толпѣ печальную новость. Вопль тысячи голосовъ огласилъ площадь; «да здравствуетъ Манинъ!» гремѣла толпа, и вдругъ, за мѣтя среди себя своего любимца, съ триумфомъ понесла его во дворецъ. Тамъ консульта была въ полномъ сборѣ; толпа съ угрожающими жестами переговаривалась съ комиссарами и наконецъ, схвативъ Колли, повлекла его къ окну, чтобъ выбросить на мостовую; друзья Манина съ трудомъ могли спасти его. Самъ Манинъ принужденъ былъ вытти на балконъ, чтобъ призвать чернь къ сповойствію. Въ это время прибылъ во дворецъ французскій консуль, и Манинъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ нимъ, вновь появился на балконѣ и возвѣстилъ народу, что есть надежда на французскую помощь, что королевскіе комиссары отказываются отъ всякаго участія въ управленіи Венеціей, что на послѣ-завтра созвано будетъ собраніе народныхъ депутатовъ, а до тѣхъ поръ, въ продолженіе двухъ сутокъ, Манинъ одинъ будетъ управлять *республикой*.

Толпа привѣтствовала этотъ импровизированный манифестъ долго неумолкавшими руюплесканіями.

В. Авсъенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

V.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

НАКАНУНЪ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

G. Gorvius, Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen. Bd. VIII. 1866.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Исторія человѣчества и ея постепенная формація представляется намъ прямо въ обратномъ отношеніи съ исторіею формаціи той массы, которая служитъ какъ бы театромъ для первой. Наше настоящее въ неуловимо подвижныхъ и разнообразныхъ формахъ колыхается на поверхности остывшаго и окаменѣлаго ядра, называемаго «прошедшимъ»; земля, наоборотъ, остывшею неподвижною твердынею заковываетъ внутри себя подвижную, какъ жидкость, массу. Вчерашній день является уже почти новымъ пластомъ на томъ историческомъ ядрѣ, и обращается въ поверхность, по которой скользятъ новыя, причудливыя формы настоящаго бытія человѣчества, готовая завтра же улечься тонкимъ слоемъ и послужить поверхностью для новыхъ волнъ. И чѣмъ мы глубже спускаемся въ это ядро историческаго прошедшаго, тѣмъ его пласты толще: не только нельзя уже разобрать работы дня, недѣли, года, но часто нѣсколько лѣтъ

Томъ III. Отд. II.

и иногда цѣлое столѣтіе сливается въ одинъ пластъ; напротивъ того, чѣмъ мы ближе къ поверхности, къ современному, тѣмъ болѣе отчетливо представляется намъ работа времени, и десятилѣтіе, иногда отдѣльный годъ лежатъ другъ на другѣ ясно выдѣляющимися слоями, какъ бы неуспѣвшими сложиться въ большую однородную массу. Потому въ изученіи прошедшаго мы стараемся разложить, разобрать слившееся въ одно цѣлое, иногда обхватывающее десятки и десятки лѣтъ; работа требуетъ болѣе усидчивости, напряженности мысли и вниманія. Въ изученіи близкаго къ намъ времени предстоитъ трудъ иного рода: почва прошедшаго недовольно окрѣпла, даже десятилѣтія и почти отдѣльные годы продолжаютъ лежать уединенно, не составляя еще изъ себя тѣхъ пластовъ, которые мы называемъ періодами; а потому необходимо многое провидѣть и отыскать общее тамъ, гдѣ оно является совершенно раздѣльнымъ; мало для историка имѣть эрудиціи, громадныхъ свѣдѣній, трудолюбія, мы потребуемъ отъ него болѣе таланта, проницательности, и не даромъ у одного изъ древнѣйшихъ народовъ историки современнаго назывались пророками. Напрасно у такихъ историковъ мы искали бы того безпристрастія, съ которымъ можетъ относиться къ своему предмету изслѣдователь глубокой старины; въ его страсти заключенъ даже весь интересъ, вся жизнь мысли, которая сама можетъ сдѣлаться любопытнымъ предметомъ наблюденія. Къ числу такихъ историковъ относится и Гервинусъ, поставившій себѣ задачею изобразить намъ въ цѣлости едва остывшія подъ нами первыя десятилѣтія XIX вѣка.

Въ вышедшемъ нынѣ восьмомъ томѣ (состоящемъ изъ двухъ частей), онъ приступаетъ къ третьему десятилѣтію современной Европы, заключившемуся событіями 1830 года. Позади 1820 года остается время реакціи; впереди ожидаетъ эту эпоху десяти лѣтъ іюльская революція, обхватившая всю Европу. Очевидно, что отъ 1820 до 1830 года мы встрѣтимся съ фактами самаго смѣшаннаго характера: съ одной стороны живые слѣды предшествовавшей реакціи продолжаютъ во всей силѣ, а между ними уже мельбаютъ предвозвѣстники 1830 года.

Въ такія минуты все вниманіе историка должно устремляться прежде всего не на внѣшніе факты, гдѣ онъ не найдетъ себѣ руководительной нити, имѣя постоянно предъ собою двойное теченіе, но на духовную жизнь народовъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые стояли въ данное время во главѣ всего движенія. Страннымъ образомъ, такими двумя народами въ 20-хъ годахъ были именно тѣ, которые болѣе другихъ пострадали въ предшествующее десятилѣтіе и находились въ самомъ полномъ полити-

ческомъ разслабленіи. Это — нѣмцы и французы, и въ особенностн нѣмцы. Въ эту эпоху глубокаго своего политическаго паденія и распаденія, Германія какъ бы стремилась искупить свое уничтоженіе литературнымъ и научнымъ господствомъ, которое и достигло верха своего могущества. Когда въ политической жизни все было или австрійское, или прусское, или саксонское, или баварское, одна духовная жизнь говорила громко о единствѣ Германіи, и границы господства, напримѣръ, Гегеля были несравненно обширнѣе каждаго изъ многочисленныхъ тѣлъ, на которыя распадалась политическая Германія.

Было ли такое положеніе дѣлъ въ данную минуту для Германіи выгодною или потерю, опасностью или спасеніемъ, счастьемъ или несчастьемъ? Вотъ вопросъ, предъ которымъ останавливается нашъ историкъ девятнадцатаго столѣтія, говоря о томъ, что совершалось лѣтъ 40 тому назадъ въ Германіи, и притомъ наканунѣ того, что совершилось въ ней же на нашихъ глазахъ. Въ Вѣнѣ разсуждали тогда такъ: нѣмцы очень встревожены событіями недавней войны за независимость Германіи, вызвавшей на сцену живыя силы народа; надобно разсѣять ихъ вниманіе, надобно вернуть ихъ на любимую почву теорій и высшихъ спекуляцій; поэзія, искусство, наука ведутъ также въ славѣ, господству, которое можетъ утѣшить людей за потерю ими политическаго значенія, и потому въ Австріи изъ всѣхъ силъ начали покровительствовать литературѣ и наукѣ. Другіе смотрѣли иначе на тоже самое дѣло, и утѣшались тѣмъ, что хотя политическая зрѣлость націи будетъ такимъ путемъ совершаться медленнѣе, но высокая духовная жизнь укрѣпитъ національное чувство и подготовитъ переходъ къ высокому политическому развитію массъ. Защитники подобнаго взгляда ссылались на Шиллера и Фихте, которые именно вслѣдствіе скудости государственной дѣйствительной жизни, удалились въ область идеальнаго и тамъ воспитали то поболѣніе, которое выступило геройски въ войну за независимость Германіи 1813 и 1814 годовъ. Духъ германской націи представлялъ не разъ подобное явленіе: нельзя себѣ представить болѣе рѣшительнаго отреченія отъ дѣйствительной жизни, какую представили міру Минориты въ XIV вѣкѣ, и 200 лѣтъ спустя изъ ихъ среды въ Германіи вышли реформаторы, обновившіе весь бытъ Германіи. Но справедливо также и то, что послѣ такихъ періодовъ религіознаго или литературно-научнаго воодушевленія наступали для Германіи длинныя годы апатіи. Германія даже и въ самыя минуты крутыхъ переворотовъ всегда представляла одновременное и рѣшительное стремленіе итти по новой дорогѣ, и столь же рѣшительные слѣды стараго порядка вещей.

Потому справедливо практическіе англичане и французы смѣются надъ нѣмцами, увѣряя, что они никогда не научатся переводить свои мысли въ дѣянія. «И кто можетъ уличить французовъ и англичанъ во лжи, восклицаетъ Гервинусъ, въ виду того невѣроятнаго несовершеннолѣтія, раскола и бездѣйствія во всѣхъ политическихъ вопросахъ, которые при-всякомъ случаѣ дѣлають Германію посмѣшищемъ всего міра? въ виду этой арой любви къ украшеніямъ духа (Schöngeisterei) и этого обольстительнаго самодовольствія? и въ виду эгоистическаго направленія всѣхъ старовѣровъ въ науку, которые въ то время ставили выше всего познаніе для познанія, голую дѣятельность духа считали благороднѣйшею изъ всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей, и которые, наконецъ, думали прикрыть всякую національную наготу мантиею науки, или пріучились превлонять мысль подъ ярмо совершившихся фактовъ, и для каждаго жалкаго состоянія изобрѣтать снисходительную теорію?» Но дѣйствительно ли таково значеніе германской науки и великаго научнаго развитія германской націи? Для полнаго разрѣшенія таковаго вопроса, при обсужденіи ближайшаго къ намъ періода, современный историкъ болѣе нежели при какомъ-либо другомъ случаѣ вынужденъ будетъ стать въ положеніе пророка, и Гервинусъ самъ хорошо сознаетъ подобную необходимость, говоря, что «вопросъ о будущности Германіи» можетъ быть только рѣшаемъ, но не рѣшенъ, для чего пришлось бы обратиться къ «историческому пророчеству» (historisches Prophetenthum).

Такъ отзываясь Гервинусъ объ умственномъ состояніи Германіи между 1820 и 1830 годами, когда достигли своей апогеи такіе люди, какъ Шлейермахеръ (богословія), Гегель (философія), Савиньи (право), В. Гумбольдтъ (языковеденіе), братья Гриммы (германскія древности), и такіе историки, какъ Вилькенъ, Шлоссеръ, Раумеръ, Лео, Пертцъ, Гаммеръ и друг. Почти всѣ эти колоссы наукъ трудились и создавали въ Берлинѣ, и дальнѣйшая судьба Пруссіи можетъ быть скорѣе разсматриваема, какъ результатъ преобладанія ихъ идей, нежели милитаризма этой державы. Пруссія, раньше своихъ побѣдъ, сдѣлалась умственнымъ центромъ Германіи, но за то съ другой стороны такая локальность интеллектуальнаго развитія Германіи повліяла на самое его направленіе: сохраняя фирму германскаго, оно было на дѣлѣ прусскимъ, даже въ самыхъ чистыхъ областяхъ, какъ религія и философія, гдѣ мѣстное всего менѣе, повидимому, можетъ имѣть вліянія, пруссияцизмъ (Preussenthum) наложилъ свою печать. Шлейермахеръ трудился надъ созданіемъ, если можно такъ выразиться, прусской религіи; Гегель создалъ философію, которую

можно также назвать прусскою, а его философія исторіи, очевидно, направлена къ тому, чтобы показать, какимъ образомъ безконечное, въ теченіе вѣковъ и вѣковъ, стремилось достигнуть своего сознанія въ конкретномъ; такимъ конкретомъ у него является прусская монархія, основанная Фридрихомъ Великимъ.

Шлейермахеръ задумалъ о созданіи прусской религіи еще въ 1806 году, послѣ Аустерлицкой битвы, когда тѣло Германіи рухнуло. Его цѣлью было соединить въ одно обѣ евангелическія церкви; въ наполеоновскихъ идеяхъ онъ видѣлъ начала, враждебныя свободному духу протестантизма, и мужественно проповѣдывалъ въ Берлинѣ подъ саблю маршала Даву, командовавшего французскими войсками въ Берлинѣ. Впрочемъ, ему не равъ въ своей жизни приходилось, какъ онъ выражался самъ, «носить свою кожу на рынокъ». Стремленіямъ Шлейермахера какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали наклонности, давно обнаружившіяся въ Гогенцоллернскомъ домѣ Пруссіи къ религіозному объединенію Германіи подъ нѣкотораго рода протекторствомъ Пруссіи. Фридрихъ Вильгельмъ III былъ до такой степени занятъ этою идеею, которая преслѣдовала и Шлейермахера, что, подобно англійскому королю Генриху VIII, самъ пустился въ теологическія пренія и литературство. Но взглядъ короля былъ весьма ограниченный, и въ глубокомъ различіи двухъ евангелическихъ исповѣданій онъ видѣлъ одну поверхность дѣла, а именно различіе въ понятіи о таинствѣ причащенія. Въмѣстѣ съ Эйлертомъ онъ составилъ новую литургію и ввелъ ее въ войскахъ и при дворѣ; она приближалась нѣсколько къ католической мессѣ. Въ 1825, прусское правительство задумало даже силою навязать воѣмъ новое исповѣданіе. Не раздѣляя такихъ понятій объ уничтоженіи церковнаго различія въ Германіи, Шлейермахеръ рѣшился дѣйствовать болѣе радикально, и совершить переворотъ путемъ теологическаго примиренія противниковъ. Результатомъ его трудовъ была новая составленная имъ догматика въ 1821 г. Шлейермахеръ поставилъ себѣ задачу соединить противорѣчащія требованія ортодоксальнаго благочестія и религіознаго свободомыслія. Но этимъ Шлейермахеръ только увеличилъ вопросы богословскіе изъ области жизни въ область отвлеченной науки, и потому его великая попытка осталась замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ своего времени, но не принесла непосредственныхъ плодовъ.

Гегель, въ философіи, пошелъ еще дальше, нежели Шлейермахеръ, въ богословіи, но представилъ тотъ же самый недостатокъ, а именно пригодности своего ученія для всякаго положенія дѣла. А потому онъ нашелъ возможность во времена основанія Рейнскаго союза, когда жилъ еще въ Баваріи, восторгаться На-

полеономъ и выражать свою ненависть къ Пруссіи, а вскорѣ послѣ того, въ 1816, на вступительной лекціи въ Гейдельбергѣ, когда о Наполеонѣ не было помину, когда Блюхеръ явился побѣдителемъ при Ватерлоо, Гегель назвалъ Пруссію государствомъ интеллигенціи, именно въ ту минуту, когда Пруссія готовилась отказаться отъ своей политической миссіи въ Германіи. По прибытіи своемъ на кафедру въ Берлинъ (1818), Гегель перешелъ совершенно на сторону реакціи и прославлялъ карлсбадскія и вѣнскія постановленія. Еще прежде, въ самую минуту энтузіазма въ Германіи, когда было свергнуто иго Наполеона, Гегель въ Гейдельбергѣ говорилъ, что лучший результатъ этого освобожденія состоитъ именно въ томъ, что Германія снова получить возможность возвратиться на привычную себѣ почву и предаться высшимъ спекуляціямъ философіи. Но съ 1820 г., онъ самъ вступилъ въ область практики, результатомъ чего были его курсы философіи религіи, права и исторіи. Въ этой практикѣ Гегель, подобно Шлейермахеру, искалъ формальнаго примиренія дѣйствительнаго съ идеальнымъ, которое сводилось у него скорѣе на апологію дѣйствительности, какъ-то выразилось лучше всего въ его знаменитомъ положеніи: «что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно.»

Тѣмъ не менѣе и Шлейермахеръ и Гегель оказали весьма важную заслугу: одинъ своею догматикою открылъ новое поприще для историческаго изслѣдованія христіанства, другой своимъ глубокимъ и гениальнымъ анализомъ основныхъ идей государства положилъ начало новой исторической школѣ права, во главѣ которой стали такіе люди, какъ Нибуръ и Савиньи, носившіе впрочемъ на себѣ слѣды вліянія и гегелианства и вообще духа того времени. Конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго столѣтія былъ огромною практическою фабрикою созданія самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ государственныхъ учреждений. «Ученіе Гегеля, говоритъ Гервинусъ, образовало сторожевой маякъ, свѣтъ котораго не мало содѣйствовалъ тому, чтобы предостеречь Германію отъ пагубныхъ заблужденій англійскихъ и французскихъ утилитаріевъ и социалистовъ.» Такъ называемая историческая школа Германіи, при всемъ своемъ разногласіи съ философскою школою Гегеля, во взглядахъ на высокое значеніе государства шла рука объ руку. Но у Гегеля противодѣйствіе поверхностному либерализму, вытекавшему изъ ученій Руссо и Канта, рассматривавшихъ государство, какъ простой договоръ между лицами, выразилось въ теоретическомъ отвращеніи, а у Нибура оно опиралось на указаніе той бесплодности, которую обнаружилъ либерализмъ XVIII столѣтія въ дѣйствительной жизни.

Отецъ Нибура былъ злѣйшій врагъ французской революціи; самъ Нибуръ въ тѣ годы, когда люди бываютъ особенно энергичны, слышалъ о событіяхъ конца прошедшаго столѣтія отъ французскихъ эмигрантовъ, и подъ вліяніемъ ихъ рассказовъ великій историкъ нашего вѣка оставался до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Но въ то же время Нибуръ былъ человѣкъ толпы, истинный плебей, ненавидѣвшій все стѣснявшее свободу разумной жизни. Начала монархическія и министеріализмъ того времени такъ скомпрометировали себя въ глазахъ Нибура, что онъ часто говаривалъ: «Я сдѣлался бы демократомъ, если бы французская революція не представила мнѣ примѣра, до какой тиранніи можетъ доходить демократія.» Бывъ свидѣтелемъ того, какъ «просвѣщенный деспотизмъ», при Наполеонѣ I, умѣлъ поглощать все живое, не хуже древнихъ монархій», Нибуръ не хотѣлъ вѣрить въ возможность законной революціи, и считалъ всякій *coup d'état*, произведенный съ цѣлю измѣненія государственнаго устройства, постыднымъ преступленіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей Нибуръ читалъ свои лекціи «О временахъ революціи», въ 1829 году, слѣдовательно наканунѣ самой іюльской революціи. И эти же самыя идеи отбросили его въ далекое прошлое, гдѣ онъ нашелъ примѣръ вѣковаго существованія государственныхъ учреждений, въ противоположность новѣйшему времени, которое не можетъ остановиться ни на чемъ. Такой примѣръ долговѣчности ему представлялъ Римъ, и онъ предпринялъ написать обзоръ его исторіи съ тѣмъ, чтобы «въ стройной картинѣ представить постоянное, медленное развитіе римскаго государства, и такимъ образомъ произнести свой судъ надъ замыслами и стремленіями настоящаго.» Вотъ почему Гервинусъ замѣчаетъ, что «Нибуръ былъ своего рода доктринеръ, какъ Роге Колларъ во Франціи; онъ былъ, какъ Штейнъ, роялистъ и аристократъ по своему; вслѣдствіе того онъ не шадилъ ни одной стороны, боролся съ обѣими, и отъ обѣихъ выдерживалъ нападеніе; онъ не правилъ партіи дѣйствія за свою сдержанность, и правительственные люди не любили его за «безграничную кичливость». Онъ говорилъ: если подданные должны оставаться въ предѣлахъ повиновенія, что онъ находилъ желательнымъ, то и правительства должны умѣть править, а именно этого-то онъ и не замѣчалъ въ своемъ времени». Такимъ образомъ, историческая швола, подобно теологии и философіи 20-хъ годовъ, не приводила къ практическимъ результатамъ, и даже пронизанная прошедшимъ незамѣтно для самой себя проповѣдывала тираннію прошедшаго надъ настоящимъ.

Въ этомъ направленіи идей жилъ и другъ Нибура, Савиньи, еще болѣе тѣсно связанный съ публичною жизнью, но о которомъ

Я. Гриммъ тѣмъ не менѣе сказалъ, что «онъ болѣе склоненъ къ *magisterium*, чѣмъ къ *ministerium*», т. е. болѣе предназначенъ къ ученому, нежели государственному поприщу.

«Савиньи, по замѣчанію Гервинуса, вполне раздѣляя отвращеніе Нибура къ деспотизму, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, также возставалъ противъ теоріи власти по Галлеру, какъ и противъ либеральнаго рационализма, который отдавалъ науку всецѣло въ услуженіе времени и той узкой аренѣ, на которой самъ дѣйствовалъ. Совершенно какъ Нибуръ, онъ былъ оскорбляемъ тѣмъ суетнымъ и фанатическимъ вниманіемъ юношества въ политическія дѣла, но столько же, сколько и противоестественнымъ вторженіемъ внѣшней силы, ограничивавшей свободу преподаванія и ученія; бывъ въ сторонѣ, какъ и Нибуръ, отъ бессмысленныхъ ультраклерикальныхъ, ультрамонархическихъ и ультрааристократическихъ преувеличеній со стороны прислужниковъ правительства, Савиньи, какъ и Нибуръ, не имѣлъ достаточно духа вступить съ ними въ открытую борьбу; оба они были противъ лѣниваго застоя, также какъ и противъ смѣлыхъ прыжковъ въ государственной жизни; подобно Нибуру, Савиньи предпочиталъ оставаться въ пріуготовительной шволѣ коммунальной жизни, нежели шагать впередъ въ шволѣ жизни сословной (отсюда страстная привязанность обоихъ къ римскому міру); изъ того же самаго уваженія къ преданію, Савиньи выступилъ противникомъ стремленій къ объединенію законодательства, какъ Нибуръ противился требованіямъ конституцій.»

Эта скатая, но полная характеристика значенія внутренней дѣятельности такихъ двухъ всемірныхъ колоссовъ науки, какими были Нибуръ и Савиньи, должна навести cadaго на совершенно новыя мысли, которыя до Гервинуса не всегда приходили намъ въ голову; многое сдѣлается намъ яснымъ и въ другихъ эпохахъ, и въ другихъ обществахъ, если мы будемъ имѣть предъ глазами постоянно живой образъ Нибура и Савиньи, а не ихъ однѣ тѣни, въ которыхъ мы видимъ не болѣе, какъ геніальныхъ ученыхъ, углубившихся безкорыстно въ изслѣдованіе римской старины. Ихъ страстью къ старинѣ руководили взгляды на настоящее, и наоборотъ въ изученіи этой старины они почерпали новыя доводы въ пользу своихъ взглядовъ на свое настоящее. Намъ не покажется послѣ того страннымъ, что такіе передовые люди, какъ Нибуръ и Савиньи вызвали рано противъ себя нареканія, и еще при ихъ жизни, основатель изученія сравнительнаго законодательства во Франціи Лерминье (*Introduction générale à l'histoire du droit.* 1829) смотрѣлъ на Нибура и Савиньи, какъ на людей, которые работали въ пользу реакціо-

перовъ, желавшихъ угостить обмрачивыми реформами права. Такое же обвиненіе въ связяхъ съ реакціею падало и на Гегеля.

Савиньи, какъ извѣстно, возсталъ самымъ жестокимъ образомъ противъ предложенія Тибо приступить къ кодификаціи въ Германіи, и вообще противъ всего, что выходило не изъ исторической школы права, а изъ школы философско-правтической. Но при дѣйствительномъ положеніи Германіи, если бы всѣ юристы соединились около Тибо, то ихъ трудъ составить общее законодательство для всей Германіи не принесъ бы никакого плода; между тѣмъ Савиньи, хотя и старался систематически раздѣлить науку и жизнь, но тѣмъ не менѣе его работы послужили отличною приуготовительною разработкою матеріаловъ и оказали потому больше услуги въ будущемъ, нежели его труды противниковъ, преслѣдовавшихъ непосредственно практическія цѣли. Въ связи съ римскою исторіею Нибура, и подъ влияніемъ самого Нибура, Савиньи предпринялъ свой колоссальный трудъ исторіи римскаго права въ средніе вѣка, презираемые прогрессистами. На него посыпались упреки въ желаніи согнуть настоящее подъ иго римскаго права; между тѣмъ его противники должны были сознаться, что безъ труда Савиньи невозможно было отличить германскаго права отъ римскаго.

Если религія, философія и право въ Германіи удалились совершенно отъ жизни и искали себѣ въ этомъ періодѣ убѣжища въ давнопрошедшемъ, то тѣмъ болѣе мы должны того ожидать отъ языковѣдѣнія и науки древностей. Историческая школа еще могла оказать нѣкоторыя услуги господствовавшему тогда въ Германіи романтизму; но «пятый факультетъ», основателемъ котораго считали Фр. Вольфа, т. е. классическая филологія, она была направлена прямо противъ интересовъ романтизма.

«Классицизмъ, говоритъ Гервинусъ, въ теченіе трехъ (XVI, XVII и XVIII) вѣковъ, переpleвшій всю жизнь образованной Германіи, заворенившійся въ основахъ духоживительной реформаціи, привыкшій во всемъ находить ясность и блескъ греческой и римской культуры, образовалъ изъ своихъ почитателей совершенно замкнутую фалангу, которая естественно стала въ враждебныя отношенія къ эстетическимъ усладамъ, восточной туманности, средневѣковому полумраку и всѣмъ подобнымъ ошибочнымъ направленіямъ романтиковъ.» Труды Нибура по римской исторіи, Бѣка по государственному хозяйству Аеніа и въ особенности его изданіе надписей (1824 г.) легли широкимъ основаніемъ для изученія классической древности. Но романтизмъ нашелъ средство вторгнуться въ область классицизма, повидимому, прочно

оградившаго себя отъ всего современнаго, и это вторженіе принесло, неожиданно для самихъ дѣятелей, великіе результаты въ будущемъ, а именно породило сравнительное языкованіе. Еще въ предъидущемъ періодѣ, около 1810 года, Шлегель, въ качествѣ дилетанта, ввелъ въ Германіи изученіе санскритскаго языка своимъ трудомъ о языкѣ и образованности индусовъ; на то же указалъ и первый томъ Символики Крейцера. Санскритскій языкъ представилъ въ себѣ идеальный языкъ и сталъ выше латинскаго и греческаго; труды романтиковъ на поприщѣ санскритскаго языка «подъѣйствовали неприятно на закаленныхъ классиковъ»; Фоссъ, Г. Германнъ и Лобекъ отозвались неблагоприятно о первыхъ попыткахъ подчинить значеніе греческихъ древностей древностямъ санскритскимъ, а эти попытки въ сопоставленію мифологии индусовъ и грековъ, конечно, были далеко еще не строго критическія. Но въ первый разъ серьезно взялся за дѣло сравнительнаго языкованія датскій ученый Раскъ: начавъ свои изслѣдованія съ старыхъ формъ сѣверныхъ нарѣчій, исландскаго, англосакскаго, перейдя потомъ къ романскимъ и славянскимъ, онъ, во время путешествія чрезъ Петербургъ, познакомился съ финскимъ языкомъ, потомъ, отправившись чрезъ Астрахань, изучалъ семитическіе языки, чрезъ Персію и Индію достигъ Цейлона, началъ тамъ серьезное изслѣдованіе санскрита, пельми и малайскихъ нарѣчій. Этотъ первый толчокъ по новой дорогѣ языкованія вызвалъ на сцену В. Гумбольдта, который совершенно выдѣлился изъ старой узкой классической школы и въ этомъ періодѣ отъ 1820 до 1830 года явился такимъ же могущественнымъ творцемъ въ языкованіи, какимъ былъ Гегель въ философіи, или Нибуръ и Савиньи въ исторической школѣ.

«Въ жизни В. Гумбольдта, замѣчаетъ Гервинусъ, выразился наяснѣйшимъ образомъ тотъ фактъ, что въ Германіи неблагоприятное политическое положеніе всегда служитъ къ вѣщшему преуслѣванію наукъ. Карлсбадскія постановленія, заставившія Германію сдѣлать шагъ назадъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заставили В. Гумбольдта отказаться отъ прежней политической карьеры, и такимъ образомъ политическое униженіе Германіи дало новый блескъ германской наукѣ, удаливъ на ея поприщѣ такого великаго дѣятеля какъ Гумбольдтъ. Почти въ одно время съ Риттеромъ, который успѣлъ обнять весь земной шаръ для основанія сравнительной географіи, В. Гумбольдтъ обозрѣлъ всѣ языки земнаго шара, разсматривая ихъ какъ нѣчто органическое и утверждая нераздѣльность мысли и слова. Идя по этой дорогѣ, В. Гумбольдтъ отошелъ отъ прежняго своего взгляда на филологію, какъ на вспомогательную науку для исторіи и народовѣ-

дѣян, и сдѣлать изъ нея науку самостоятельную, нѣчто въ родѣ «физиологій интеллектуальнаго человѣка».

Я. Гриммъ, ограничивъ себя областью одного нѣмецкаго языка, пошелъ еще далѣе въ уединеніи науки отъ дѣйствительной жизни, и, дѣйствительно, ни въ одномъ научномъ корифей той эпохи отвращеніе отъ настоящаго не выразилось съ такою силою, какъ въ Я. Гриммѣ. «Никто, какъ онъ, не старался, говорить Гервинусъ, произвести разрывъ между наукою и жизнью, ради цѣлей науки, и притомъ такъ фундаментально и сознательно. Всѣ науки, говорилъ Я. Гриммъ, не терпятъ для себя ни малѣйшаго ограниченія; вслѣдствіе своей безпредѣльности онѣ неизбежно кажутся не практическими, такъ какъ онѣ не стѣсняются какою нибудь опредѣленною цѣлью». Когда онъ издавалъ свои государственныя древности, онъ имѣлъ въ виду эту новую отрасль познанія поставить противовѣсъ «перевѣшивающему стремленію къ настоящему.» Онъ горько жаловался на Савиньи, когда ему показалось, что тотъ возвращается къ практической жизни. Въ 1848 году, Гриммъ былъ огорченъ всего болѣе тѣмъ, что «ревъ общественнаго гула» можетъ подавить интересами дня вкусъ къ изученію древностей.

«Спрашивается, говорить Гервинусъ, не въ этомъ ли отвращеніи Я. Гримма къ настоящему, въ этомъ страстномъ возвращеніи къ прошедшему, лежали глубокіе признаки того, что въ Германіи уже начиналось стремленіе къ перерожденію? Гримму было хорошо извѣстно, что народы, чѣмъ болѣе они успѣваютъ въ жизни государственной и культурной, тѣмъ дѣлаются равнодушнѣе къ воспоминаніямъ старины, что впрочемъ не исключаетъ того, чтобы въ ученыхъ кружкахъ любовь къ старинѣ пробуждалась со всею силою именно тогда, когда этой старинѣ угрожаетъ совершенное паденіе: такимъ образомъ, въ основѣ его сильнѣйшихъ стремленій къ прошедшему могло лежать предчувствіе, что въ дверя стучится время, когда Германія захочетъ имѣть свое настоящее.»

Въ тѣсной связи съ языкованіемъ стоятъ исторія, но интересъ этой науки весь заключенъ въ ея отношеніи къ современной жизни, которой она должна служить точкою опоры и поприщемъ опыта. Но тѣмъ не менѣе, въ Германіи, въ ту эпоху такъ понималъ исторію одинъ Дальманъ, впрочемъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Гримма. Дальманъ, въ противоположность исторической школѣ того времени, полагалъ, что «наше настоящее есть также исторія, и потому, несмотря на опасность заблуждаться, предпочиталъ жить, дѣйствовать и дѣлать исторію, нежели безошибочно писать ее.» Но Дальманъ стоялъ съ своимъ

направленіемъ одного; господствующее стремленіе у всѣхъ было археологическое, съ тою замѣчательною особенностью, что предметы изслѣдованія представляли величайшее разнообразіе, и что исторія, между 1820 и 1830 годами, не имѣла для себя, подобно философіи, праву или языковѣданію, когонибудь одного во главѣ, на комъ можно было бы исчерпать все содержаніе исторической науки въ Германіи. Рядомъ съ такими трудами, какъ Нибура, «Римская исторія» и Отфр. Мюллера «Дорія», выходящими изъ трудовъ классической филологіи, шла «Всеобщая исторія» Роттека, имѣвшая въ 30 лѣтъ 16 изданій, и гдѣ авторъ преслѣдовалъ одну цѣль: служить своей партіи и переносить современныя либеральныя идеи на всѣ народы и на всѣ времена. Въ то же время Лео усиливался въ своей исторіи іудейскаго государства построить все на философскихъ началахъ и ввести въ исторію языкъ школы Гегеля. Съ другой стороны, подъ покровительствомъ Штейна образовалось историческое общество во Франкфуртѣ-на-Майнѣ для изученія собственно исторіи Германіи; плодомъ работъ этого общества было изданіе перваго тома Monumenta Germaniae въ 1826, подъ редакцію Пертца. Идея этого сборника памятниковъ исторіи Германіи ближайшимъ образомъ совпадала съ идеями исторической школы права: какъ послѣдняя признавала невозможнымъ сдѣлать какуюнибудь кодификацію для Германіи, прежде нежели будутъ совершены всѣ предварительныя историческія работы по законодательству, точно также собраніе «Памятниковъ» говорило противъ возможности мысли приступить къ какойнибудь катихизаціи исторіи Германіи, прежде нежели будутъ приготовлены и разработаны всѣ ея документы. Дѣйствительно, Луденъ въ виду этого изданія памятниковъ Германіи хотѣлъ даже остановиться съ своею «Исторіею Германіи»; другіе обратились къ мысли объ изложеніи специальной исторіи того или другого нѣмецкаго государства, Австріи, Пруссіи, Баваріи и т. д. Таковы были труды Пелица, Фойгта, Бѣттигера, Маннерта; наконецъ, нѣкоторые взялись за отдѣльные періоды времени: Мансо и Ашбахъ написали исторію остготовъ и вестготовъ; Раумеръ—исторію Гогенштауфеновъ; Вилькенъ—исторію крестовыхъ походовъ. Нѣмецкой историографіи, въ этомъ періодѣ времени, для того, чтобы объять всю исторію человечества, недоставало найти талантовъ для новой и новѣйшей исторіи. Этотъ пробѣлъ восполнили Ранке и Шлюссеръ. Ранке остановился на реформаціи, предпославъ ей исторію романскихъ и германскихъ народовъ отъ 1494 до 1535 (Berl. 1824), и исторію правителей и народовъ южной Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ (Berl. 1827). При всѣхъ своихъ талантахъ, огром-

номъ трудолюбіи, образцовой критикѣ источниковъ, мастерскомъ изложеніи, Ранке старался устранить всякое живое отношеніе исторической науки къ настоящему: вносить интересы настоящаго въ историческую работу значило, по его выраженію, «нанести ущербъ ея свободному выполненію.» Въ прямой противоположности съ Ранке стоялъ Шлоссеръ, который всегда желалъ «быть опытнымъ совѣтникомъ настоящаго.» Такой характеръ носитъ его обширная исторія восемнадцатаго столѣтія (1823), за которою послѣдовала исторія древняго міра (1825), написанная «съ очевиднымъ намѣреніемъ, говоритъ Гервинусъ, дать назиданіе уснувшему поколѣнію того времени въ великомъ урожѣ любви древнихъ къ отечеству и свободѣ.» Точно также позже Дальманъ съ такими же цѣлями взялъ на себя трудъ написать исторію французской и англійской революціи.

«Но Шлоссеръ, продолжаетъ Гервинусъ, по своему личному характеру, всегда держался далеко отъ непосредственнаго вторженія въ политическую жизнь; онъ стоялъ по срединѣ между французскими историками, направленными на настоящее, и людьми чистой науки въ Германіи; въ вопросахъ практическихъ это былъ человѣкъ строго научный; являясь судьей исторіи, онъ никогда не былъ приверженцемъ какой нибудь партіи настоящаго; пораженный болѣе другихъ возвратнымъ теченіемъ своего времени, онъ тѣмъ не менѣе владѣлъ собою даже и подѣ впечатлѣніями минуты; онъ углублялся въ великую историческую жизнь какой нибудь великой эпохи, но, какъ наследникъ странствующей души своего Данте, въ тишинѣ направлялъ свой взоръ къ божескому; будучи цензоромъ временъ и людей, онъ продолжалъ быть анахоретомъ, котораго не достигали бури внѣшняго міра въ его научномъ убѣжищѣ. Въ своемъ трудѣ (исторія XVIII вѣка) онъ предупреждалъ свое время не пребывать въ страшномъ усыпленіи предшествовавшаго столѣтія, которое принесло такіе ужасные плоды, и говорилъ съ тою громовою силою, которая даетъ чувствовать въ его сочиненіяхъ желѣзный голосъ. И этотъ трудъ былъ писанъ именно въ ту эпоху, когда плоды Карлсбадскихъ конференцій достигли полной зрѣлости, когда германскій сеймъ совершенно поработился Веронскимъ постановленіямъ, когда во Франціи крестились одинаково и при имени революціи и при имени Наполеона.... Книга Шлоссера была однимъ изъ самыхъ важныхъ актовъ политико-историческаго діагноза и консультаци у одра больного, о которомъ исторія и историографія будутъ говорить много. Она повѣяла первымъ свѣжимъ воздухомъ среди всеобщей замкнутости. Историческое пониманіе и обсу-

деніе политическихъ положеній времени въ болѣе широкихъ кругахъ нѣмецкаго общества началось именно съ Шлоссера.»

Разсматривая вмѣстѣ взятое интеллектуальное состояніе Германіи и перебравъ въ памяти имена корифеевъ науки, достигшихъ въ этотъ періодъ 10 лѣтъ одновременно верха своего могущества, каждый въ своей области знанія, мы не можемъ не признать этой эпохи золотымъ вѣкомъ наукъ. Но въ этомъ золотомъ вѣкѣ германской науки, насъ прежде всего поражаетъ одно обстоятельство: мы привыкли встрѣчать золотые вѣка въ эпохи блестящаго политическаго развитія странъ, на языкѣ которыхъ литература достигла высшей степени развитія; таковы были золотой вѣкъ Августа, Лудовика XIV. Германія, между 1820 и 1830 гг., не только не представляетъ ничего подобнаго, но даже прямо обратное: слава нѣмецкой науки и слава авторитета ея представителей того времени могла равняться развѣ одному политическому ничтожеству самой страны. Самъ нѣмецкій историкъ сознается, что личности подобныя, В. Гумбольдту, какъ бы доказали собою, что политическое уничтоженіе Германіи всегда служило средствомъ къ ея интеллектуальному могуществу. Эти слова Гервинуса особенно многозначительны въ наше время, когда Германія, повидимому, достигла такого огромнаго политическаго развитія силъ; какое должно вывести изъ этого заключеніе для будущаго интеллектуальнаго могущества Германіи? Должно ли оно пасть въ той степени, въ какой увеличилось ея политическое могущество? Но рѣшеніе этого вопроса слишкомъ преждевременно, потому что новое политическое могущество Германіи должно вызвать столько внутреннихъ и внѣшнихъ недоумѣній, что результаты всего совершившагося нѣтъ возможности указать даже и приблизительно.

Другая отличительная черта золотого вѣка наукъ въ Германіи, наканунѣ 30-хъ годовъ, состоитъ въ томъ непреодолимомъ отвращеніи къ современному и отъискиваніи идеаловъ, которыми отличались корифеи той эпохи, за небольшимъ исключеніемъ Шлоссера и Дальмана. Причина такого отвращенія понятна: въ самой Франціи революція породила разочарованіе и недовѣріе; въ Германіи, куда революція явилась врагомъ національной независимости, передовые люди невольно чувствовали во всемъ двойственность и внутреннюю борьбу между идеєю справедливаго и законнаго и преувеличенными требованіями людей, выдававшихъ себя апостолами такой справедливости. Въ средніе вѣка папство было вездѣ сильно, кромѣ Рима; то же можно сказать и о германской наукѣ (по отношенію ея къ окружающей дѣйствительности: она господствовала вездѣ, Германія была учительницею

всего міра, но у себя дома оказывалась безсильною на практикѣ, или по крайней мѣрѣ дѣйствовала такъ медленно, что для одного поколѣнія это дѣйствіе осталось незамѣченнымъ.

Совершенно другую картину представляетъ исторія французской образованности въ тотъ же періодъ времени, хотя положеніе ея было тоже самое, какъ и въ Германіи. Французская образованность, какъ и германская, достигла между 1820 и 1830 годами блестящаго развитія, среди столь же глубокаго паденія политическаго вѣса страны. Послѣдніе годы реставраціи Бурбоновъ вывели на сцену такія же научныя знаменитости, какъ и Германія: Ламенне, Кузенъ, Вильменъ, Шампольонъ, Бюрнуфъ, Дону, Фориель, Ренуаръ, наконецъ Гизо, Тьерръ, Авг. Тьерри,— вотъ рядъ авторитетовъ, которыхъ вліяніе, рядомъ съ корифеями нѣмецкой науки, хотя и ниже ихъ, распространилось далеко за предѣлы Франціи. Но характеръ французской образованности представлялъ совершенно иное значеніе по своимъ отношеніямъ къ современной жизни. Германская наука была въ оппозиціи съ утвердившимся на ея глазахъ порядкомъ вещей, но эта оппозиція выразилась пассивно, т. е. совершеннымъ разрывомъ съ настоящимъ и удаленіемъ въ прошедшее, которое представляло легкое средство къ борьбѣ и съ яростными прогрессистами, и съ упорными ретроgrадами, примиряя въ то же время легко человѣка съ самимъ собою. Во Франціи наука не ограничилась пассивною ролью и взяла на себя руководство настоящимъ. Это лишало ея, конечно, той глубины научной, которой отличались корифеи того времени Германіи, но за то она выигрывала въ дѣйствительномъ вліяніи на общество. Французская наука стала въ прямую и довольно открытую оппозицію съ господствовавшимъ порядкомъ вещей, желавшимъ возвратитъ Францію къ идеямъ, предшествовавшимъ 1789 году. Если правительство Бурбоновъ не видѣло такъ ясно этой оппозиціи, то только потому, что во Франціи произошло одно явленіе, котораго мы не встрѣчаемъ въ Германіи: въ эпоху реставраціи, французское общество было обуреваемо новыми соціальными и религіозными системами, во главѣ которыхъ стояли Фурье и С. Симонъ. «Эта жалкая исторія горячечной лихорадки (eines Wahnfiebers)», какъ называетъ Гервинусъ тѣ двѣ системы, имѣли глубокое вліяніе на общество, и серьезная, строгая, хотя и оппозиціонная наука казалась спасеніемъ, по сравненію съ ученіями Фурье и С. Симона.

Изъ всѣхъ отдѣловъ наукъ, во Франціи, явилась самою могущественною и самою вліятельною именно исторія; на ней всего болѣе можно замѣтить то отношеніе, въ которомъ стояли французскіе ученые той эпохи къ дѣйствительной жизни. Въ

область исторіи была перенесена борьба, совершавшаяся въ нѣдрахъ общества, и если противники углублялись въ научную сферу, то единственно съ цѣлью добыть тамъ новыя орудія для пораженія своихъ противниковъ. Такимъ образомъ, Гизо представилъ въ эту эпоху образецъ не меньшаго трудолюбія, какъ и немѣцкіе ученые, своимъ изданіемъ памятниковъ для изученія англійской революціи и французской исторіи; ему послѣдовали въ этомъ направленіи Мишо, Пужула, Тьерри. Точно также во Франціи появились историческія произведенія съ тенденціями романтической школы: какъ Вилькенъ написалъ исторію крестовыхъ походовъ, Раумеръ исторію Гогенштауфеновъ, такъ во Франціи, издалъ исторію крестовыхъ походовъ Мишо, извѣстный врагъ революціи. Въ Германіи, историческая наука приобрѣла національную окраску и обнаружила доктрину, извѣстную подъ именемъ тевтонизма; во Франціи, въ параллель съ нею явилась доктрина галлицизма. и Авг. Тьерри написалъ свою исторію завоеванія Англій норманнами (1825) въ видахъ возвратить историческое значеніе гальской расѣ. Еще далѣе пошелъ въ этомъ направленіи Форіель, одинъ изъ самыхъ солидныхъ и глубокихъ ученыхъ Франціи, воспитавшій все послѣдующее поколѣніе ея историковъ. Онъ избралъ почву своихъ изслѣдованій «Исторію южной Галліи подъ владычествомъ германскихъ завоевателей» (окончена въ 1836 г.), и сдѣлался главнымъ представителемъ антигерманскаго духа въ исторической наукѣ.

Рядомъ съ этими изслѣдователями исторіи явились и другого рода писатели, которые поставили себѣ задачею освободить общество отъ усилія историковъ восемнадцатаго вѣка смотрѣть на прошедшее въ очки настоящаго, съ какою-нибудь личною и временною цѣлью, и которые хотѣли придать исторіи настоящей ея интересъ помимо придуманнаго интереса съ какою-нибудь политической идеею. Таковы были труды Баранта, и въ особенности его «Исторія герцоговъ бургундскихъ» (1825); онъ поставилъ себѣ задачею «возвратить исторіи ту привлекательность, которую у нея похитилъ историческій романъ,» и дѣйствительно онъ сумѣлъ заставить читателя отвлечься отъ своего настоящаго и войти совершенно въ жизнь людей XIV и XV вѣка.

«Всѣ эти историки, говоритъ Гервинусъ, были дѣтьми новаго времени; при видѣ зрѣлища великихъ народныхъ массъ, дѣйствующихъ самобытно и приведенныхъ въ движеніе, они прониклись совершенно новымъ историческимъ пониманіемъ, и въ своемъ направленіи возстали противъ двухъ крайностей. Съ одной стороны, они вооружились противъ систематизирующаго, философско-прагматизирующаго духа и риторическихъ приѣмовъ пи-

свѣтел XVIII вѣка, применившихъ къ Вольтеру, и которые, рассматривая прошедшее сквозь очки настоящаго, видѣли въ исторіи порожденіе обстоятельствъ и своевольныхъ личныхъ вліяній, капризовъ людей и случая; эти люди, по выраженію Тьерри, «обращались съ фактами, презирая правомъ и разумомъ, что совершенно хорошо для того, чтобы произвести въ умахъ и въ государствѣ революцію, но никуда не годится, чтобы писать исторію.» Съ другой стороны, они сами точно также рѣшительно возвращались въ новымъ правамъ, а именно — писать исторію въ политическихъ видахъ, дѣйствовать на настоящее и примѣромъ и поученіемъ. Форіель въ своемъ трудѣ, Дону на своихъ лекціяхъ въ Collége de France строго воздерживались отъ такихъ тенденцій; Тьерри возставалъ противъ того метода, который «стремился писать исторію въ пользу какой-нибудь одной идеи» и дѣлать изъ нее комментарий къ новому времени; Барантъ возставалъ за тоже противъ Вильмена и Гизо. Но именно Барантъ самъ такъ близко стоялъ къ дѣйствующимъ и дающимъ тонъ людямъ, что не могъ твердо держаться на своей точкѣ зрѣнія.» Дѣйствительно, его стремленіе излагать фактъ съ такою ясностью, чтобы онъ находился, такъ сказать, въ рукахъ читающаго, еще болѣе вызывалъ въ каждомъ мысль о современномъ.

Французская исторіографія третьяго десятилѣтія нашего вѣка имѣла еще одну особенную черту, только одной ей свойственную. Ставъ на сторону оппозиціи Бурбомамъ, исторія во Франціи имѣла для себя готовый предметъ, который самъ по себѣ былъ уже враждебенъ реставрированному правительству; это именно — прославленіе во всѣхъ видахъ и по всевозможнымъ случаямъ Наполеона I. Смерть Наполеона дѣлала такую демонстрацію удобною даже для тѣхъ, которые не имѣли никакой привязанности къ бонапартизму; въ то время ни у кого еще не было мысли, что со временемъ эти похвалы и восторгъ предъ памятью Наполеона I могутъ разчистить дорогу Наполеону III, тогда еще весьма молодому человѣку. Историческая литература 20-хъ годовъ наводнилась брошюрами, мемуарами, сочиненіями, имѣвшими цѣлью возбудить неопасный для либераловъ энтузіазмъ къ умершему герою и вмѣстѣ съ тѣмъ неудовольствіе къ правительству, смѣнившему его. «Исторія того времени, по счастливому сравненію Гервинуса, обратилась вся въ непрерывный комментарий къ сатирѣ Беранже о господствѣ карликовъ на гробницахъ великихъ мертвецовъ великаго времени». Во главѣ всей этой тенденціозной исторической литературы стояла исторія великой арміи въ 12-мъ году, Сегюра (1824), обратившая эту несчастную кампанію въ громадную эпопею, которая имѣла цѣлью

тронуть сердце писателя рассказомъ великихъ бѣдствій величайшаго изъ героевъ. Отъ Наполеона всего одинъ шагъ къ революціи, и потому за наполеоновскими исторіями и въ связи съ ними слѣдовала исторія революціи. Цѣль послѣдней—тоже вездѣ проводить незамѣтно сравненіе революціонныхъ и наполеоновскихъ идей съ контръ-революціонными. Первымъ на поприщѣ этого рода тенденціозной литературы явился одинъ публицистъ и писатель романовъ Леритъ (L'Héritier), издавшій *Les fartes de la gloire, ou les Braves recommandés à la posterité* (1818—1823), впрочемъ отчасти и съ цѣлью спекуляціи. Изъ подражанія ему Боденъ издалъ въ сокращеніи исторію Франціи и Англіи «для народнаго употребленія» (1824). Другой спекуляторъ взялся издать снова уже устарѣвшую исторію Франціи Анветіля и просилъ того же Бодена дописать къ ней исторію французской революціи. Боденъ указалъ издателю на одного молодого человѣка, который готовъ былъ выполнить эту работу, рассчитанную на четыре тома, за нѣсколько сотъ франковъ, и въ имени котораго Боденъ соглашался присоединить и свое для выцщаго распространенія книги. Это былъ Тьерръ изъ Марселя (род. 1797). Получивъ юридическое образованіе въ Э, Тьерръ недавно предъ тѣмъ временемъ (1821) явился въ Парижъ и устроился при редакціи *Constitutionnel*. Статьи Тьерра въ журналахъ и лекціи объ англійской революціи въ Атенеѣ обратили на него всеобщее вниманіе, и сами издатели исторіи революціи замѣтили по первымъ двумъ томамъ, что молодой авторъ способенъ доставить имъ серіозныя выгоды. Планъ изданія былъ расширенъ, и работа возложена на одного Тьерра. Такимъ образомъ, съ третьяго тома, «Исторія революціи» является серіознымъ трудомъ; указанія барона Луи познакомили Тьерра съ финансовыми вопросами революціи; Фoa и Жюмини — познакомили его съ военною стороною. Но при всемъ томъ политическое значеніе труда Тьерра преобладало: не выступая ни ярымъ противникомъ революціи, ни ея усерднымъ защитникомъ, авторъ прикрылся безпристрастіемъ, что въ то время требовало уже значительной доли смѣлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на заслуги возрожденія, произведеннаго революціею, и тѣ великіе таланты, которые, не будучи жестоки сами по себѣ, увлекались теченіемъ политическихъ страстей. Однимъ словомъ, Тьерръ отнесся къ революціи съ точки зрѣнія оптимизма и вмѣстѣ фатализма, который изображаетъ исторію чѣмъ-то въ родѣ силлогизма, гдѣ идея, въ своемъ внутреннемъ развитіи, управляетъ всѣмъ ходомъ вещей.

«Исторія революціи» Минье, явившаяся почти въ то же самое время, еще болѣе отразила на себѣ послѣдній характеръ.

Автору было тогда всего 28 лѣтъ, но еще прежде онъ обратилъ на себя вниманіе самого Талейрана своими статьями въ «*Comptoir*» объ иностранной политикѣ и лекціями о времени революціи въ Атенѣ. Въ ранней юности, онъ написалъ сочиненіе объ учрежденіяхъ Лудовика IX, и тамъ въ первый разъ установилась въ немъ та точка зрѣнія, которой онъ не измѣнилъ и впослѣдствіи. Въ этомъ сочиненіи Минье настаивалъ на томъ, что въ исторіи управляетъ и рѣшаетъ справедливость, что сила вещей перевѣшиваетъ людской произволъ, и что, наконецъ, люди, оставаясь бессознательными и безвластными въ отношеніи «самой глубины вещей», творятъ, какъ орудіе провидѣнія, которое часто употребляетъ для достиженія своихъ цѣлей болѣе людскія страсти, нежели людской разумъ. Эта же самая точка зрѣнія примѣнена у Минье и къ французской революціи. Авторъ не заботится о полнотѣ фактовъ, какъ Тьерръ; это, такъ сказать, одинъ скелетъ, но за то тѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу посылки и заключенія.

«Такое пониманіе значенія революціи, заключаетъ Гервинусъ, ослѣпило всѣхъ непривычнымъ освѣщеніемъ. Оно было неудобно прагматикамъ, которые думали, что революція, при болѣе мудромъ руководеніи, могла бы быть направлена къ безвредному; оно оскорбляло моралистовъ, которые видѣли въ такомъ приписываніи необыкновенной силѣ логикѣ исторіи стѣсненіе человѣческой свободы; оно внушало отвращеніе и поверхностнымъ либераламъ, которые не нашли въ книгѣ Минье живой страсти, что, по ихъ мнѣнію, должно было составлять первую рекомендацію передовыхъ историковъ.»

Люди прагматическіе, и въ особенности тѣ, которые стояли во главѣ управленія обществомъ, не могли быть довольны теоріею, утверждавшею въ исторіи человѣческихъ обществъ силу обстоятельствъ и возможность для провидѣнія избирать страсти для достиженія своихъ цѣлей. При томъ же настроеніи, въ которомъ находилась Франція, подъ управленіемъ возстановленныхъ Бурбоновъ, труды Тьерра и Минье перетолковывались весьма охотно, какъ прямыя панигирики и апологіи революціоннаго времени.

Но тенденціозная историческая литература обращается къ прошедшему, и порицаетъ ли или превозноситъ она это прошедшее, во всякомъ случаѣ общество выигрываетъ отъ нея мало. Главный вопросъ остается неразрѣшеннымъ: чего можно ожидать въ будущемъ? Историческая тенденція только можетъ усиливать, внушать симпатіи или антипатіи къ тому или другому прошедшему факту и къ его продолженію въ настоящемъ; но программу будущаго можетъ давать только историческая ана-

логія. Потому весьма естественно было во Франціи 20-хъ годовъ отъ тенденціи въ исторіи перейти къ аналогіи, и нигдѣ аналогія не произвела такого сильнаго впечатлѣнія и не овладѣла въ такой степени общественнымъ умомъ, какъ именно во Франціи.

Эта аналогія представлялась въ ту эпоху сама собою: уже давно была замѣчена въ литературѣ сходство между закономъ историческаго развитія Франціи и Англіи; Англія прошла давно опыты Франціи: еще въ половинѣ XVII столѣтія она имѣла революцію, которая произошла во Франціи только въ концѣ XVIII вѣка и притомъ сопровождавшуюся такимъ же кровопролитіемъ и даже убійствомъ; точно также были въ ней возстановлены Стюарты, какъ во Франціи Бурбоны. Еще въ 1814 г. замѣтилъ эту аналогію исторіи Франціи и Англіи, Бенжаменъ Констанъ, и говорилъ, что вступленіе Лудовика XVIII и введеніе хартіи избавляетъ Францію отъ необходимости дѣлать двѣ революціи, которыя представляетъ Англія въ 1660 и 1688 г., такъ какъ Лудовикъ XVIII соединилъ обѣ эти революціи вмѣстѣ, и явился не Карломъ II Стюартомъ, а прямо Вильгельмомъ III Оранскимъ. Но Бурбоны не обращали вниманія на эту аналогію, и тогда въ исторической литературѣ начали являться безпрерывныя обращенія къ исторіи англійской революціи и восторги предъ Вильгельмомъ III. Вильменъ въ своемъ «Кромвеллѣ» (1819), въ лицѣ Карла II Стюарта изобразилъ довольно прозрачно Артоа. Въ томъ же году, Авг. Тьерри говоритъ о господствующей во Франціи модѣ желать для французской исторіи Вильгельма III. С. Симонъ написалъ открыто сравненіе Бурбоновъ и Стюартовъ (*Des Bourbons et des Stuarts*. 1822); хотя онъ остановился на смерти Кромвелля и Наполеона, но тѣмъ не менѣе далъ почувствовать, что конецъ Стюартовъ можетъ служить урокомъ для другихъ. Ламеннѣ предсказывалъ тоже самое. Но когда умеръ Лудовикъ XVIII, и когда послѣ него вступилъ на престолъ Карлъ X, какъ Іаковъ II Стюартъ наслѣдовалъ Карлу II, историческая аналогія сдѣлалась предметомъ даже научныхъ изслѣдованій. Оба первые тома «Исторіи революціи въ Англіи» Гизо вышли въ свѣтъ годъ спустя послѣ перемѣны на престолѣ. На слѣдующій годъ (1827), Арманъ Каррель издалъ «Исторію контръ-революціи въ Англіи при Карлѣ II и Іаковѣ II», въ которой онъ открыто говоритъ, что исторія той реакціи особенно важна въ это время, «въ которое мы живемъ».

Эта историческая аналогія имѣла для себя то преимущество, что ее охотно повторяли люди либеральные, но умѣренные, и

которые ласкали себя надеждою въ одно и то же время видѣть переворотъ и избавиться отъ ужасовъ революціи 1793 года, внушавшихъ омерзенеіе. Противъ этой аналогіи возстали только ревностные ройялисты въ смыслѣ Бурбоновъ и отчаянные республиканцы. Послѣ іюльской революціи явилась еще одна партія, которой эта аналогія не приходилась по нраву, именно вслѣдствіе того, что она указывала на французскаго Вильгельма III не въ ея лагерь; это были имперіалисты или бонапартисты: въ 1841 году, принцъ Лудовикъ Наполеонъ (III) возсталъ противъ теоріи іюльской революціи, разчищая мѣсто новымъ политическимъ комбинаціямъ (Fragm. hist. 1841).

Аналогическая шеола исторіи во Франціи воспитывала постепенно въ умахъ неопредѣленный образъ лица, въ которомъ нуждалась Франція, и Вильгельмъ III, герой 1688 года англійской исторіи, служилъ программою качествъ нравственныхъ и общественныхъ, которыя слѣдуетъ требовать отъ того, кто рѣшился бы взять на себя эту роль.

Эту роль принялъ Лудовиѣ-Филиппъ Орлеанскій, родственникъ, какъ и Вильгельмъ III Оранскій, царствовавшаго короля, и какъ Вильгельмъ, представлявшій своимъ характеромъ такую же рѣзкую противоположность съ тѣми началами, которыя господствовали во Франціи при послѣднихъ Бурбонахъ.

Таковы были результаты умственнаго движенія, совершившагося въ западной Европѣ наканунѣ тридцатыхъ годовъ въ тѣхъ двухъ ея обществахъ, которыя тогда властвовали повсюду силою своей интеллигенціи и въ то же время у себя дома представляли картину глубокаго политическаго паденія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что французская интеллигенція, уступая нѣмцамъ въ глубинѣ мысли и основательности, вела лучше свое общество къ практическимъ цѣлямъ; но дальнѣйшая судьба Франціи и переворотъ 1848 года обнаружили всю слабость основаній умственнаго движенія этой страны наканунѣ тридцатыхъ годовъ, и всю шаткость какъ тенденціознаго, такъ и аналогическаго приѣма исторической науки. Игра въ «Вильгельма-Третьяго» осталась игрою и въ дѣйствительной жизни, чѣмъ она была и прежде въ ученыхъ и публицистическихъ соображеніяхъ. Франція тридцатыхъ годовъ не представляла, какъ то оказалось въ послѣдствіи, тѣхъ условій, какія заключала въ себѣ Англія восьмидесятыхъ годовъ семнадцатаго вѣка. Такимъ образомъ, бу-

---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

---

1. ОБЗОРЪ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВЪ 1866 ГОДУ.

Желая предпослать обзору текущей литературы по русской исторіи, въ настоящемъ году, общую картину дѣятельности нашихъ и иностранныхъ ученыхъ за весь предшествующій годъ, мы должны были занять первые два тома нашего журнала (мартъ и іюнь) полнымъ по возможности обзоромъ литературы русской исторіи въ 1865 году, помѣстивъ при этомъ указаніе на все, что явилось замѣчательнаго по русской исторіи въ періодическихъ изданіяхъ, въ журналахъ, газетахъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и заключивъ свою хронику перечнемъ иностранныхъ книгъ и статей о русской исторіи въ томъ же 1865 году.

Приступая нынѣ къ разбору текущей литературы по русской исторіи, мы должны будемъ измѣнить нѣсколько свою прежнюю систему, какъ то требуется сущностью самаго дѣла. А именно, при трехмѣсячномъ обзорѣ мы должны будемъ ограничиваться одними книгами; что же касается до статей, появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, то разсмотрѣніе ихъ можетъ быть представлено только по окончаніи всего года, когда каждый журналъ образуетъ собою полный и законченный экземпляръ.

Такимъ образомъ, наша хроника за 1866 годъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: А) книги, и В) статьи; при томъ, первый отдѣлъ раздѣлится на два полугодія.

А. КНИГИ.

Первое полугодіе.

Исторія русской церкви. Макарія Архіепископа Харьковскаго. 1866. Слб. Т. IV и V.

Четвертый и пятый томы «Исторіи русской церкви» составляютъ продолженіе обширнаго труда, начатаго преосвященнымъ еще въ 1846 году въ санѣ архимандрита, и изображаютъ состояніе отечественной церкви въ періодъ монгольскаго ига. Отъ автора не ускользнуло ни одно сочиненіе, сообщающее новыя историческія свѣдѣнія. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ этомъ родѣ было изданіе ученымъ Миклошичемъ «Актвъ Константинопольскаго патріархата», объяснившее нѣкоторые факты русской церковной исторіи, до сихъ поръ оставшіеся необъясненными. Напримѣръ, въ нашихъ лѣтописяхъ разсказывается, что, по смерти святит. Алексія, великокняжескій духовникъ, архимандритъ Михаилъ (Мятай), осмѣлился переселиться въ митрополитій домъ, надѣтъ на себя бѣлый клобукъ, носить митрополитію мантию и жезлъ, садиться въ алтарѣ на митрополитіемъ мѣстѣ, распорядиться всею прислугою, казною и ризницею митрополита, править дѣлами церкви, собирать дани съ духовенства, обращаться круто не только съ простыми священниками, но и игуменами, архимандритами, съ самими даже епископами. Такіе поступки архимандрита, сколько извѣстно, возбуждали протестъ со стороны одного только Діонисія, епископа Суздальскаго. Базалось необъяснимо, какъ это дозволилъ себѣ архимандритъ присвоивать непринадлежащую ему власть, и какъ могла вся русская церковь повиноваться похитителю и терпѣть такое грубое нарушеніе каноническихъ правилъ (Апост. 29. Лаодик. 57). Хотя, въ Новгородѣ, лица, избранныя народомъ и возведенныя въ епископскій санъ, еще до рукоположенія управляли всею епархіею, но тамъ въ избраніи ихъ принимало участіе и новгородское духовенство, и, такимъ образомъ, не нарушая древняго обычая, поручало власть надъ собою лицу, котораго вслѣдъ за тѣмъ представляло митрополиту для посвященія. Притомъ, тамъ много значило еще и то, что владыка избирался изъ трехъ кандидатовъ по жеребьямъ, которые клаясь на престолѣ. Тотъ, на кого упалъ жребій, казался указаннымъ какъ бы свыше самимъ Богомъ, а въ Москвѣ, по свидѣтельству лѣтописей, архимандритъ Михаилъ самовольно, при содѣйствіи одного только великаго князя, присвоилъ себѣ верховную власть въ русской церкви. Такимъ образомъ, кандидатура его могла быть признана противною церковнымъ правиламъ—30-му апостольскому и 3-му седьмого вселенскаго собора, по которымъ «всякое избраніе во епи-

свона, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками», недействительно и подвергается избраннаго низверженію и отлученію. Теперь изъ Acta Patriarchatus узнаемъ, что дѣло было очень просто. Цареградскій патріархъ Макарій, по смерти святителя Алексія, своими грамотами передалъ русскую церковь архимандриту Михаилу, «и предоставилъ ему полную власть надъ нею до рукоположенія его въ санъ архипастыря» (Acta Pat. Const. II, 120. Ист. рос. церк. IV, 63 и 64). Такимъ образомъ, патріархъ сдѣлалъ архимандрита Михаила своимъ уполномоченнымъ представителемъ въ Россіи. Михаилъ, поэтому, имѣлъ право распоряжаться у насъ церковными дѣлами. Онъ только преувеличилъ эту власть употребленіемъ митрополичьихъ одеждъ и благословеніемъ епископовъ, если только подъ этимъ послѣднимъ терминомъ не скрывалось оффиціальное представленіе, которое ему, какъ представителю патріарха, и обязаны были дѣлать русскіе епископы. Все это извѣстно было въ Россіи, а потому русскіе епископы и подчинялись суду Михаила и не протестовали противъ него. Протестъ сдѣлался возможнымъ только по низверженіи патріарха Макарія, когда его довѣрительныя грамоты уже потеряли свою силу. Тогда-то протестовалъ и Діонисій, епископъ Суздальскій, а прежде сопротивленія и съ его стороны не видно было. Права Михаила, конечно, извѣстны были и лѣтописцу; но онъ, можетъ быть по нерасположенію къ уполномоченному патріарха, котораго вообще духовенство наше не любило, вромолчалъ о патріаршнихъ грамотахъ, и дѣло оставалось неразгаданнымъ. Такихъ неразгаданныхъ событій въ исторіи русской церкви можно было найти очень довольно, и, благодаря изданію Миклошича, нѣкоторые изъ нихъ теперь уяснены.

У автора «Исторіи русской церкви» находилось подъ руками много старинныхъ рукописей, и вообще онъ обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, какое доступно не всякому. И все это вошло въ исторію русской церкви. По этому главная важность ея въ томъ, что она знакомитъ съ новыми историческими матеріалами. Жаль только, что у насъ критика еще не уяснила относительнаго значенія матеріаловъ для нашей церковной исторіи вообще. Напр. въ какой мѣрѣ церковный историкъ можетъ довѣрять нашимъ лѣтописцамъ? Лѣтописи велись въ монастыряхъ монахами, слѣдовательно людьми, болѣе или менѣе преданными церкви, сторонниками епископовъ и митрополита, находившимися въ зависимости отъ нихъ, а поэтому и пристрастными. Въ нашихъ лѣтописяхъ сказаніе о какомъ либо порокѣ епископа весьма рѣдко. По лѣтописямъ, митрополиты, занимавшіе московскую кафедру, отличались высокими добродѣтелями, хотя бы даже при вступленіи на нее и употребляли недостойныя средства. Неужели же, достигши цѣли, они становились совсѣмъ другими людьми? Другой вопросъ: въ какой мѣрѣ историкъ можетъ пользоваться жизнеописаніями св. подвижниковъ?

Эти жизнеописанія составлялись людьми, если иногда и близкими къ описываемому лицу, то его почитателями, составлялись обыкновенно съ извѣстными приемами, по извѣстной формѣ. Въ исторіи русской церкви сказанія о событіяхъ берутся изъ лѣтописей и другихъ источниковъ не всегда съ критикою. Исторія, напр., не вѣритъ въ преступленія епископа ростовскаго Теодора (т. III, 19), а вѣритъ показаніямъ лѣтописей о поступкахъ митрополита литовскаго Романа, вѣроятно потому, что лѣтописи находятъ для себя подтвержденіе въ Acta Patriarchatus. Но въ Константинополѣ могли осудить Романа въ угоду великимъ князьямъ московскимъ. Притомъ, до окончанія разбирательства митрополитъ Романъ умеръ, и защищать его было некому (Ист. IV, 43—45). Гораздо строже относится ученый авторъ исторіи русской церкви къ памятникамъ нашей духовной литературы. Въ послѣднее время у насъ открыто ихъ довольно много, и, безъ достаточныхъ основаній, они часто приписывались какому либо извѣстному, отличавшемуся образованіемъ лицу. Въ «Исторіи» весьма основательно доказана несостоятельность такихъ положеній. Такъ, напр., мы узнаемъ изъ нея, что изъ сочиненій, приписываемыхъ митрополиту Кириллу II, «Правило» принадлежитъ ему несомнѣнно, «Поученіе къ юнамъ» можетъ быть усвоено съ достовѣрностью, а прочія семь приписываются несправедливо или неосновательно» (т. V, прим. IV, VIII и IX).

Основаніемъ для раздѣленія «Исторіи» положены отношенія, въ которыхъ, въ различныя времена, русская церковь находилась къ восточно-каеолической, и каждый періодъ характеризуется измѣненіемъ этихъ отношеній. Въ предисловіи къ «Исторіи» это отношеніе называется идеею, которою проникаются и связуются въ одно стройное цѣлое всѣ періоды исторіи (стр. VII). Но эта идея не можетъ объять всѣхъ сторонъ религіозной жизни русскаго народа, объяснить всѣ явленія въ исторіи русской церкви, — это касается только внѣшней стороны ея, а не внутренней. Такъ, напр., едва ли можно отыскать непосредственную связь съ Константинополемъ такихъ событій, какъ появленіе ереси стригольниковъ, или возникшіе споры о постѣ въ день Параскевы Пятницы, гнѣніи адилуія и т. п. Оттого-то «Исторія русской церкви» можетъ показаться болѣе исторіею ея внѣшности, нежели ея внутренняго быта. Нѣкоторые историческіе вопросы первой важности остаются неразрѣшенными. Напр., въ какомъ отношеніи къ духовенству находились міряне? «Исторія русской церкви» вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Любя вѣру и церковь, предки наши естественно чтили пастырей церкви и особенно высшихъ представителей ея — іерарховъ. Излишне было бы приводить на это доказательства. Обыкновенная похвала доброму князю въ лѣтописяхъ нашихъ такая: бѣ іереюлюбець и мнхолоубецъ, митрополита же и епископы чтище и

послушаше ихъ, аки самаго Христа» (Поли. Собр. р. лѣт. V. 5, 8. Ист. р. ц. V, 265 и 266). Но эти слова не рѣшаютъ вопроса — лѣтопись говорить о князѣ, а не о народѣ, указываетъ частное явленіе, что вотъ такой-то князь любилъ духовныхъ; другіе князья могли не любить и дѣйствительно не любили. Изъ той же «Исторіи русской церкви» мы узнаемъ, что въ 1295 году «ростовскій князь Константинъ Борисовичъ взялъ подъ стражу своего владыку Тарасія со всѣми бывшими при немъ людьми»; Димитрій Донской сажалъ въ темницы митрополитовъ Кипріяна и Пимена, а Ольгердъ — св. Алексія.

При изученіи религіозной жизни русскаго народа въ періодъ монгольскаго ига естественно обращаетъ на себя вниманіе та глубокая приверженность, которую наши предки питали къ виѣшней, обрядовой сторонѣ религіи. Въ Новгородѣ волновалъ вопросъ о «Господи пошлуй» съ прибавленіемъ впереди о или безъ онаго. Въ Псковѣ сдѣлалось смятеніе по поводу разныхъ обрядовъ (Псковск. 303—304). Эта приверженность къ ритуалу ограждала нашихъ предковъ отъ всякаго «новшества», но вмѣстѣ съ тѣмъ она и послужила основаніемъ для русскаго раскола, столь знаменательнаго въ вышней церкви. «Исторія церкви» не показываетъ, откуда явилась у насъ такая строгость понятій о неприкосновенности ритуала, чѣмъ она поддерживалась и какъ развивалась. Лѣтописи и другіе литературные памятники татарскаго періода жалуются на упадокъ нравственности въ то время. «Каждо на зло рупцѣ уготовляетъ», говоритъ одинъ русскій пастырь того времени, «судьи емлютъ, князь грабитъ и изъядаетъ, сильный сокрушаетъ немощнаго, заступающаго не бѣ, и сокрушаетъ и погубляетъ всякъ» (Рус. Каз. акад. библ. № 860, л. 325). Прежде всего, со всѣми подобными жалобами слѣдуетъ поступать осторожно и не принимать общихъ всѣмъ временамъ человѣческихъ пороковъ за нравственное растлѣніе общества въ извѣстную эпоху, а надлежитъ обращать вниманіе преимущественно на такія черты, которыя зависятъ отъ условій своего времени. Такъ, напр., наѣзды на чужіе предѣлы указываютъ на недостаточность правъ собственности въ татарскій періодъ, посяганіе на свободу слабыхъ личностей свидѣтельствуетъ объ упадкѣ чувства гражданской свободы, очень естественномъ и неизбѣжномъ явленіи подъ чуждымъ завоевательнымъ игомъ. Пресвященный Макарій, слѣдуя проф. Соловьеву, не приписываетъ татарскому игу нравственнаго вліянія на нашихъ предковъ. «И въ прежнія времена, говоритъ онъ, — мы видѣли у себя примѣры отнюдь не меньшаго варварства, кровожадности, безчеловѣчія и въ князьяхъ и въ самомъ народѣ. Теперь только, можетъ быть, представлялось болѣе случаевъ къ проявленію этихъ дурныхъ качествъ, или нѣкоторые случаи были болѣе рѣзки. А что не отъ ига монгольскаго зависѣла эта жестокость и грубость — свидѣльствуютъ собою новгородцы. Они почти

вовсе не находились подъ вліяніемъ монгольскаго владычества и по прежнему пользовались гражданскою свободою и вольностію, а они-то болѣе всѣхъ русскихъ отличались буйствомъ, свирѣпостію и безчеловѣчіемъ». Намъ кажется, что такой приговоръ надъ новгородцами справедливъ только отчасти. Правда, что частыя смуты или «голки», какъ онѣ назывались въ Новгородѣ, подають поводъ укорять новгородцевъ въ буйствѣ, но едва ли они были свирѣпѣе и безчеловѣчнѣе тѣхъ русскихъ, которые находились подъ крѣпчайшимъ гнетомъ татарскаго ига. Намъ кажется даже противное. При множествѣ смутъ въ Новгородѣ, убійствъ было немного; во время возстанія убьютъ человѣкъ пять—шесть, и объ этомъ записывается въ лѣтописяхъ. Намъ кажется, что если сосчитать всѣ междоусобія, о которыхъ упоминають лѣтописцы, то при всѣхъ этихъ событіяхъ едва ли погибло въ Новгородѣ столько народа, сколько погубилъ его въ томъ же Новгородѣ царь Иванъ Васильевичъ въ продолженіе ужаснаго мясоѣда 1571 года. Отсутствіе тѣлеснаго наказанія и пытки на судѣ не показываютъ особеннаго передъ иными русскими безчеловѣчія въ новгородцахъ. Нельзя, думаемъ также, оставить безъ вниманія извѣстія Герберштейна, который сообщаетъ, что «въ Новгородѣ нѣвогда жилъ народъ честный и гуманный, но переселенные туда изъ Москвы внесли нравственную заразу». Есть другое подобное извѣстіе о псковичахъ, которое говоритъ, что псковичи были такъ честны, что въ торговыхъ дѣлахъ иноземцы вѣрили одному ихъ слову, тогда какъ переселенные туда послѣ паденія независимости Пскова московскіе люди отличались совсѣмъ иного рода нравственными качествами въ сношеніяхъ съ иностранцами. Замѣтимъ также, что новгородцы были образованнѣе, по крайней мѣрѣ грамотнѣе прочихъ русскихъ, и это доказывается тѣмъ, что большая часть рукописныхъ памятниковъ русскихъ принадлежитъ Новгороду. Преосвященный Макарій причину видимаго имъ въ монгольскій періодъ упадка нравственности находить въ недостаткѣ просвѣщенія, крайнемъ невѣжествѣ, а больше всего въ томъ, что ученіе о христіанской вѣрѣ не глубоко проникло въ сердца сыновъ Россіи и не сдѣлалось въ нихъ главнымъ началомъ дѣятельности (V. 272). Недостаткомъ просвѣщенія и невѣжествомъ можно съ одинаковою справедливою объяснять всякое зло, потому что всѣ пороки человѣческіе, всѣ ошибки, заблужденія имѣють корнемъ своимъ невѣжество. Важно указать на степень этого невѣжества и на обстоятельства, которыя его поддерживали. Желательно было бы, чтобъ авторъ разъяснилъ, *отчего* въ теченіе столькихъ вѣковъ «ученіе о христіанской вѣрѣ не глубоко проникло въ сердца сыновъ Россіи»? Это безспорно — вопросъ первой важности для церковной исторіи, если только подъ исторіею разумѣть, какъ то слѣдуетъ, преимущественно исторію развитія нравственно-религіозной жизни общества. Не скрывается ли причина того факта,

на который указывает самъ ученый авторъ, въ томъ, что предки наши приняли христіанство изъ Греціи въ такое время, когда тамъ высшая обрядовая сторона уже закрывала существенный смыслъ религіи? Греки, такъ ревниво старавшіеся сохранить вліяніе на богатую Россію, мало думали о духовныхъ пользахъ ея, и прислали къ намъ пастырей, ненавшихъ по русски, которые, подобно митрополиту Нифору, среди русскаго народа стояли «безгласны и совершенно безмолвны»; за то умѣли собирать съ него десятины и отсылать ихъ въ Константинополь, желавшій сдѣлать Россію своимъ леннымъ владѣніемъ. Въ теченіе многихъ столѣтій отъ народа не могла укрыться ни «безгласность» пастырей, ни продѣлки, которыми пользовались они для достиженія высшаго сана, ни тяжесть ихъ поборовъ. Мало народъ слышалъ и видѣлъ добра отъ чужеземнаго духовенства, мало и уважалъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе узкаго, односторонняго пониманія религіи только въ значеніи обряда, не развилось уваженіе и къ нравственнымъ правиламъ, составлявшимъ сущность религіи.

Много и другихъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, оставлено безъ полнаго разрѣшенія. Напр., «Исторія русской церкви» перечисляетъ татаръ, родоначальниковъ новыхъ знаменитыхъ русскихъ фамилій, принявшихъ православіе. Но чтó ихъ побуждало перемѣнять вѣру? Причины могло быть много: и дѣятельность русскихъ миссіонеровъ и торжественность богослуженія и превосходство славяно-русской цивилизаціи передъ татарскою. Чтó особенно на татаръ дѣйствовало? Въ «Исторіи церкви» перечислено до 180 монастырей, основанныхъ въ татарскій періодъ. Были такіе, гдѣ монахи отличались строгостію подвижничества, гдѣ отъ сукхояденія плоть прилипала къ костямъ (Ист. рус. церк. т. V прим. № 7, стр. 415). Но были и такіе, гдѣ господствовало пьянство и пренебреженіе къ монастырскимъ уставамъ (ibid. Т. IV, 224). Отчего это различіе происходило, и какое вліяніе оно оказывало на нравственность вообще?

Татарскій періодъ въ «Исторіи русской церкви» раздѣленъ на 8 главъ. Въ нихъ послѣдовательно говорится объ іерархіи, паствѣ, монастыряхъ, богослуженіи, церковномъ правѣ, духовной литературѣ, состояніи вѣры и нравственности, и наконецъ, объ отношеніи русской церкви къ другимъ церквамъ и религіознымъ обществамъ. Такое дѣленіе удобно для изслѣдованія: оно въ каждой главѣ даетъ возможность разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, рѣшать подходящіе вопросы, разрѣшать недоумѣнія, чѣмъ особенно и замѣчательны V и VI главы «Исторіи русской церкви». За то такой планъ дробитъ дѣятельность лицъ; отъ этого сглаживаются характеры; дѣйствующія лица являются не живыми людьми, а блѣдными тѣнями, отличными другъ отъ друга только названіями.

Трудъ пресвященнаго Макарія, конечно, принадлежитъ къ числу

самыхъ капитальныхъ произведеній по отечественной исторіи, но предметъ изслѣдованія, избранный имъ, представляетъ столь великую важность, и вмѣстѣ чрезвычайную трудность, что было бы несправедливо ожидать, въ наше время, такого произведенія по исторіи русской церкви, которое не оставляло бы ничего желать. Автору предстоитъ пройти еще обширное поприще, и мы желали по мѣрѣ силъ своихъ высказать ему, чего наука отечественной исторіи ждетъ еще отъ него, зная его силы и ученое трудолюбіе.

Сборникъ на 1866 годъ, изданный обществомъ древне-русскаго искусства при Императорскомъ публичномъ музеѣ. Съ 68-ю литографированными рисунками на XXIII таблицахъ и 9-ю полнотипажамъ въ текстѣ. 1866. Москва.

Въ началѣ этого замѣчательнаго сборника помѣщена обширная статья, г. Буслаева: «Общія понятія о русской иконописи». Она передаетъ болѣе общія понятія о христіанскомъ искусствѣ, на Востокѣ и Западѣ, сравнительно между собою, и перечисляетъ многіе памятники христіанскаго искусства вообще. Собственно о русской иконописи сказано немного, и на ея исторію мало обращено вниманія.

Г. Буслаевъ говоритъ: «что въ разъясненіи искусства имъ принять путь сравнительнаго изслѣдованія, въ которомъ наша иконопись должна занять свое мѣсто между соотвѣтствующими ей явленіями въ исторіи христіанскаго искусства, какъ восточнаго, такъ и западнаго, и опредѣлить свое отношеніе къ послѣднему. Къ памятникамъ древне-христіанскимъ она относится какъ къ своимъ источникамъ, а къ искусству западному, позднѣйшему, какъ явленіе, столько же, какъ и оно, самостоятельное, и заслуживающее такого же уваженія по отношенію къ выраженнымъ ею потребностямъ исторической жизни.»

По смыслу статьи слѣдовало бы обратить вниманіе преимущественно на тѣ историческія стороны развитія искусства, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ давали ему направленіе. Иначе многое въ искусствахъ останется непонятнымъ. Напримѣръ: рѣзкая противоположность въ развитіи христіанскаго искусства въ церквахъ западной и восточной, разъяснимы только при этихъ условіяхъ.

По своему складу, западъ не сходилъ съ востокомъ. На западѣ Римъ распространилъ языкъ свой. Западъ олатинился. Вмѣстѣ съ языкомъ усвоена была и латинская цивилизація западными народами. На востокъ же, греки посредствомъ своей колонизаціи распространили свой языкъ и выработанный ими строй цивилизаціи, и хотя принуждены были покориться римскому оружію, но не усвоили языка и обычаевъ своихъ покорителей. Такимъ образомъ, какъ только сложилась римская имперія — то уже нашла въ себѣ начало двоенія, которое естественнымъ путемъ и высказалось въ исторіи политическимъ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную.

Восточная римская имперія, съ греческою національнію, болѣе развитой нежели имперія западная съ національнію латинской, стала возвышаться со времени Константина и принятія христіанства. Римъ, надменная, но уже падающая столица западной римской имперіи, гдѣ гнѣздились еще остатки язычества, сталъ смотрѣть на христіанскую Византію, свою соперницу, завистливо и враждебно. Такимъ образомъ, съ отличіями въ складѣ жизни политической, религіозной и умственной отлично развивалось на западѣ и востокѣ искусство.

Въ первые вѣка, христіанское искусство еще не установилось; мы видимъ въ немъ только продолженіе языческаго искусства. Гонимые христіане боялись открыто выразить свои понятія и выражали ихъ въ символахъ и эмблемахъ. Такого рода христіанское искусство первыхъ вѣковъ, или періода церкви гонимой, сохранилось въ римскихъ катакомбахъ, въ гробницахъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ. Этотъ періодъ не можетъ служить образцомъ для послѣдующихъ періодовъ развитія христіанскаго искусства. Со времени Константина, когда христіанская церковь сдѣлалась господствующею, сталъ вырабатываться положительный характеръ христіанскаго искусства въ формахъ болѣе скромныхъ и солидныхъ, чѣмъ искусство языческое. Византія ненавидѣла все языческое и самый Римъ, какъ средоточіе его; она со времени Константина стала принимать характеръ восточный, и въ устройствѣ двора и его церемоніяхъ, въ одеждѣ и даже въ искусствахъ. Такъ какъ христіанство въ началѣ развилось на Востокѣ, а съ нимъ вмѣстѣ выразились и формы христіанскихъ искусствъ, то Византія, по справедливости, обратилась на Востокъ, какъ къ первоначальному его источнику, а не на Западъ, гдѣ долгое время и по принятіи христіанства существовали въ искусствахъ формы языческія, что подтверждаютъ и позднѣйшія римскія катакомбы, построенныя уже послѣ времени Константина.

Такимъ образомъ, христіанское искусство церкви западной и восточной, съ самаго начала, уже пошло разными отдѣльными путями.

Во время Юстиніана, Византія, кромѣ политическаго вліянія на Италію, имѣла вліяніе и на ея искусства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ постройки Юстиніановы въ Италиі. Но въ слѣдующіе вѣка, когда Византія отдалилась отъ Италіи, западное искусство впало въ уродливый, такъ называемый романскій стиль, который состоитъ въ обезображеніи античнаго и византійскаго искусства.

Періодъ искусства византійскаго, начиная съ Константина до императора Василія Македонянина, т. е. X вѣка, можно считать лучшимъ и цвѣтущимъ періодомъ. Вѣкъ иконоборства въ VIII вѣкѣ произвелъ только временной застой, но не убилъ искусства, что ясно подтверждаютъ памятники IX вѣка, какъ на примѣръ: миниатюры рукописи Григорія Навіаннина IX в. и византійская псалтырь X вѣка,

также и другія произведенія византійскаго искусства этого времени. При всемъ уваженіи къ почтенной статьѣ г. Буслаева, нельзя однакоже согласиться съ нимъ, чтобы въ этотъ періодъ византійскаго искусства отъ Константина до Василія Македонянина произошли такіа рѣзкія измѣненія въ степени усовершенствованія искусствъ, и IX вѣкъ назвать варварскою эпохою византійскаго стили. Въ этомъ вѣкѣ, во время Василія Македонянина (который самъ былъ артистъ), мы видимъ такіе образцы, которые не уступаютъ вѣку Юстиніана. Чѣмъ, напримѣръ, миниатюры рукописи Григорія Назіанзина IX в. и византійскаго псалтыря ниже библии въ императорской библиотекѣ въ Вѣнѣ V вѣка, въ которой многія фигуры коротки и даже съ дурной постановкой. Эту библию V вѣка, по искусству, можно поставить ниже приведенныхъ нами рукописей IX вѣка. Разсматривая византійскіе памятники искусствъ, начиная отъ IV до X вѣка включительно, можно находить и плохіе и хорошіе, и многіе изъ послѣднихъ не уступаютъ помпейскимъ и геркуланскимъ фрескамъ; это зависѣло отъ личныхъ способностей и умѣнья мастеровъ, даже въ одной и той же рукописи часто можно встрѣтить миниатюры разныхъ достоинствъ.

Періодъ X, XI и XII вѣковъ замѣчателенъ повсемѣстнымъ господствомъ византійскаго искусства на Востоку и Западѣ. Тогда Византія имѣла могущественное вліяніе на весь христіанскій міръ. Всюду проникали ея просвѣщеніе, торговля, предметы роскоши и моды. Западныя историки умышленно старались затмить ея славу, и отводили ей едва замѣтное мѣсто во всеобщей исторіи, рисуя ее то блѣдными, то мрачными красками. Намъ не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ итти за ними безъ самобытной повѣрки. Г. Буслаеву, какъ любителю древне-христіанскаго искусства, надлежало болѣе обратить вниманія на этотъ періодъ византійской славы, потому что онъ разъясняетъ исторію и значеніе византійскаго искусства на Западѣ, и причины его появленія тамъ, и вліяніе его на дальнѣйшее развитіе западнаго искусства. Онъ разъясняетъ также и вліяніе искусства византійскаго у насъ въ Россіи, и у другихъ славянскихъ народовъ, и на Востоку. При этомъ невольно бросаются въ глаза тѣ особенности и случайности византійскихъ памятниковъ на Западѣ, которыя произошли подъ западнымъ вліяніемъ; въ археологическомъ значеніи онѣ важны. Иногда попадаются на изображеніяхъ греческихъ принадлежности, принятія только западною церковью; иногда между греческими подписями есть и латинскія, иногда даже изображеніе латинскихъ святыхъ и т. п. Укажемъ между прочимъ на рѣзкій примѣръ: въ греческихъ произведеніяхъ восточной церкви нигдѣ не встрѣчается у апостола Петра ключей въ рукахъ, между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ греческихъ на Западѣ является Петръ съ ключами. Много такого рода памятниковъ, но мы укажемъ хоть на врата базилики св. Павла въ

Римъ, сдѣланныя въ Цареградѣ, или Византіи, въ 1070 году. Эти превосходные врата, по прямому и стройному рисунку фигуръ, должны быть въ числѣ лучшихъ образцовъ для нашихъ иконописцевъ. На этихъ вратахъ апостолъ Петръ изображенъ съ ключами. Придѣланъ-ли этотъ ключъ послѣ на Западѣ, или греческій художникъ, вопреки своимъ обычаямъ, сдѣлалъ его по заказу Рима? Западной церкви нуженъ былъ ключъ въ рукахъ апостола Петра; потому что папы считали себя прямыми преемниками св. Петра и его ключа отъ царствія небеснаго.

Мы привели этотъ примѣръ, съ цѣлью показать, что слѣдуетъ пользоваться съ разборомъ и осторожностію тѣми греческими произведеніями на Западѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе отражается западное вліяніе, иногда даже въ смыслѣ догматическомъ. Въ особенности, это важно, когда подобныя памятники принимаются какъ образцы для иконописи восточной церкви. Въ этомъ случаѣ изслѣдованіе и разборъ памятниковъ восточныхъ были бы весьма полезны. Одинъ Кавказъ (еще мало изслѣдованный) представилъ бы намъ богатые матеріалы древне-христіанскаго искусства, не говоря о другихъ мѣстахъ. Памятники славянскіе въ этомъ отношеніи также могли бы быть отчасти полезны. Всѣ эти памятники имѣютъ характеръ чисто византійскій, также какъ и памятники наши русскіе.

Первые матеріалы для исторіи древняго нашего христіанскаго искусства преимущественно составляютъ фрески и немногія сохранившіяся мозаики. На нихъ, къ сожалѣнію, мало обращено вниманія, даже многія изъ нихъ (въ наше время) варварски истреблены невѣждами. По этимъ фрескамъ можно прослѣдить постепенный переходъ искусства изъ рукъ мастеровъ греческихъ въ руки нашихъ русскихъ мастеровъ. Древнія фрески наши важны не только какъ матеріалы для исторіи христіанскаго искусства, но и для исторіи нашихъ русскихъ народовъ. Фрески кievскія, владимірскія, старолadoжскія, новгородскія и другія составляютъ богатые для этого матеріалы.

Миніатюры въ нашихъ рукописяхъ только отчасти могутъ служить пособіемъ въ исторіи русскаго искусства; потому что большая часть ихъ состоитъ только изъ очерковъ, заплеснутыхъ слегка краскою безъ тѣней, пробѣловъ и живонокъ. За то они важны при сравненіи рисунковъ. Они относятся положительно къ извѣстному времени, тогда какъ въ иконахъ этого иногда бываетъ трудно добиться; потому что древнія наши иконы часто бывали исправляемы, нѣтъ и по нѣсколькы разъ; и эти исправленія относились къ разнымъ временамъ и школамъ. Не разъ намъ случалось видѣть подъ пошибомъ Палеховскимъ, или московскимъ, рисунокъ чисто греческій, и изучать операція знатоковъ надъ подобными иконами, когда они снимали по нѣсколькы слоевъ, записанныхъ разными пошибами, подъ которыми скрывались иконы

греческаго письма. Рисунокъ много, а иногда и вовсе, терлется подъ наслоеніемъ подобныхъ исправленій. У насъ рѣдкую икону рѣже XVI вѣка можно встрѣтить неисправленную. Поэтому миниатюры нашихъ рукописей, при сравнительномъ рисункѣ очень полезны, также и при археологическихъ разработкахъ.

Г. Буслаевъ, рассматривая рѣзбу и складни другихъ народовъ, не обратилъ вниманія на наши металлическія произведенія литыя и рѣзныя иконы, кресты, панагіи, складни и т. п., которыя въ нашемъ христіанскомъ искусствѣ составляютъ весьма важную и самую древнюю отрасль, перешедшую къ намъ отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанствомъ ¹⁾. Одни изъ этихъ памятниковъ греческаго происхожденія, другіе дѣлались въ Россіи по образцамъ греческимъ и даже съ греческими надписями, нѣкоторые же чисто русскіе. Случаются и такіе, гдѣ замѣтно вліяніе Запада, а иные вовсе неопредѣленнаго содержанія.

Интересно бы прослѣдить періоды ихъ измѣненія въ рисункахъ, въ сравненіи съ рисунками иконописи и ихъ содержаніемъ. На памятникахъ этого рода встрѣчаются всевозможныя изображенія, начиная съ символическихъ, которыя до сихъ поръ еще не вполне разгаданы. На иныхъ, древнѣйшихъ, мы видимъ даже примѣсь преданій языческихъ. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ попадаютъ довольно хорошою работою.

Говоря о русской иконописи, г. Буслаевъ мало обратилъ вниманія на школу новгородскую. Объ ней составили неудовлетворительное понятіе, судя по послѣднимъ ея произведеніямъ, въ періодъ слабости, послѣ завоеванія и разграбленія Великаго Новгорода. Между тѣмъ, какъ произведенія школы новгородской, по своему достоинству, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Характеръ ея пошиба греческій, съ довольно правильнымъ рисункомъ и размѣромъ и прекрасной постановкой фигуръ. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ есть памятники новгородской иконописи XIV, XV и XVI вѣковъ, достойные особеннаго вниманія изслѣдователей нашего древняго искусства.

Относительно русской иконописи вообще, ее можно раздѣлить на два главные періода:

1) греческій, представителемъ котораго былъ Новгородъ до XVI вѣка;

2) періодъ съ примѣсю западнаго вліянія, представительницею котораго была Москва.

Всѣ другія ничтожныя уклоненія, въ манерѣ или пошибѣ писанія иконъ, въ умѣннн чертитъ лучше, или хуже, фигуры, принадлежать

¹⁾ Нѣкоторые, непонимающіе исторію нашего христіанскаго искусства, называютъ литые кресты и образа искусствомъ раскольничьимъ.

въ тому, или другому періоду и пошибу, и неизвѣстно, на какомъ основаніи нѣкоторые называютъ ихъ отдѣльными школами.

Такимъ образомъ, на школу новгородскую, какъ на продолженіе греческой, слѣдуетъ обратить все вниманіе, потому, что Новгородъ былъ представителемъ и средоточіемъ нашихъ искусствъ въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Г. Буславевъ допускаетъ вліяніе на Новгородъ нѣмецкаго искусства, и существованіе у насъ въ Россіи романскаго стиля. Намъ кажется, что съ этимъ согласиться нельзя. Новгородъ, не смотря на древнія свои сношенія съ Западомъ, не могъ отъ него заимствовать, потому, что искусства новгородскія были несравненно выше западныхъ. А если у новгородцевъ являются нѣкоторыя произведенія западнаго искусства — нѣмецкія и стила романскаго, то это произведенія наносныя, случайно появившіяся у насъ въ Россіи. Образцами и совершенствомъ въ искусствахъ для Новгорода были только греки. Тамъ даже и свои хоронія произведенія величали корсунскими (даже позднѣйшія XVI вѣка).

Въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Новгорода, когда его богатства и произведенія искусствъ перешли въ Москву, которая тогда сдѣлалась главою Россіи, появленіе въ Москвѣ и при дворѣ иностранныхъ художниковъ дали другой толчекъ нашему искусству. Тогда вліяніе западное вступаетъ въ борьбу съ византійскимъ. Нововведеніе западныхъ рисунковъ въ нашей иконописи, по содержанию, небывалыхъ между нашими иконописцами, произвели соблазнъ и споры за неприкосновенность нашей религіозной старины, отъ налива на нее вліянія латинства. Замѣчательны споры Висковатаго и другихъ объ этомъ предметѣ.

Жаль, что г. Буславевъ также мало обратилъ вниманія на этотъ періодъ и не представилъ сравнительныхъ свѣдѣній: а) какое содержаніе имѣли рисунки нашихъ мастеровъ до появленія у насъ западнаго вліянія; б) какого рода или содержанія появились у насъ рисунки съ Запада символическія, догматическія и историческія и т. д., и когда именно? Многіе изъ рисунковъ западныхъ, появившихся въ оное время въ нашей иконописи, противорѣчатъ преданіямъ, а иные даже догматамъ нашей восточной церкви.

Такимъ образомъ, вліяніе Запада незамѣтно, мало по малу, вкралось въ нашу иконопись. Ислѣдователю нашего христіанскаго искусства слѣдовало бы химически разложить и отдѣлить — что въ ней чисто греческое, и въ чемъ именно примѣсь западная. Сколько было ея въ XVI вѣкѣ, и сколько въ XVII, до появленія въ нашихъ церквахъ живописи италянскон и изгнанія нашей иконописи? Новыя школы московскаго періода — Строгановскія, царскія, московскія и другія, должны бы быть рассмотрѣны съ этой точки, кромѣ технической ихъ

части, или пошиба. Вообще исторія нашихъ искусствъ требуетъ хорошей разработки матеріаловъ, для этого уже у насъ довольно подготовлено. Въ числѣ ихъ почтенное мѣсто занимають и труды Ѡ. И. Буслаева.

Кромѣ статьи г. Буслаева укажемъ еще на статью «О значеніи луны подъ крестомъ.»

На древнихъ греческихъ крестахъ луны подъ крестомъ вовсе не встрѣчается, а въ родѣ луны есть украшенія изъ растений, въ видѣ древняго якоря (какъ надежды спасенія), что можно видѣть на многихъ древнихъ памятникахъ. Луна подъ крестомъ явилась въ позднѣйшее время, у народовъ, имѣвшихъ столкновенія съ магометанами. Въ Малороссіи, съ XVII и преимущественно съ XVIII вѣка, стала почти вездѣ появляться на церквахъ луна подъ крестомъ; древнее украшеніе греческое подъ крестомъ перешло въ луну. Въ Малороссіи во время казачества, въ непрерывной борьбѣ съ турками и татарами, на которыхъ они смотрѣли какъ на злѣйшихъ враговъ христіанства, легко могла выработаться эта мысль и получить символическое значеніе — торжество креста надъ луной.

Сборникъ извѣщаетъ о находкѣ древнихъ украшеній на великокняжескихъ одеждахъ, выкопанныхъ во Владимірскомъ уѣздѣ. Это очень важное приобрѣтеніе для нашей археологіи, но мы не станемъ о немъ распространяться въ настоящее время, надѣясь, что скоро представится случай говорить объ этомъ снова.

Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Андрея Попова. Выпускъ первый. Москва. 1866.

Съ содержаніемъ книги и значеніемъ ея предмета знакомитъ начало предисловія, которое мы и приведемъ:

«Издаваемый выпускъ заключаетъ въ себѣ первую часть задуманнаго труда: описанія и критическаго разбора хронографовъ, какъ произведеній древней литературы нашей по всеобщей исторіи. Слово «хронографъ» въ старину имѣло два значенія. Этимъ именемъ называлась обыкновенно переводная византійская лѣтопись Георгія Амартола, Малалы, Манассіи. Подъ нимъ же разумѣлись и позднѣйшія славянскія компіляціи по всемірной исторіи, составляемыя изъ разныхъ источниковъ и въ разное время.

«Только въ послѣднемъ значеніи и въ смыслѣ компіляціи, хронографъ подлежитъ нашему описанію и изслѣдованію. Памятники, относящіеся сюда, сами собою распадаются на двѣ части. Въ однихъ строго преобладають византійскіе и южнославянскіе источники, въ другихъ сильная примѣсь западныхъ, перешедшихъ къ намъ въ XVII вѣкѣ черезъ Польшу.»

Въ изданномъ теперь выпускѣ изслѣдователь занимается хроногра-

фами первого рода или первой редакции, въ которой онъ различаетъ три вида: 1) эллинскій и римскій лѣтописецъ, памятникъ XV вѣка, составленный изъ греческихъ хроникъ Іоанна Антиохійскаго, Малала и Георгія Амартола; 2) древняя редакція такъ называемаго хронографа, памятникъ, за которымъ по преимуществу утвердилось это имя. Составленіе его г. Поповъ относитъ къ 1512 г. Онъ собранъ изъ византійскихъ историковъ, библейскихъ книгъ, южнославянскихъ и русскихъ лѣтописей. 3) Хронографъ особаго состава въ двухъ спискахъ XV—XVI вѣка, составленный изъ Георгія Амартола, библейскихъ книгъ и Манассія. Изученіе хронографовъ, у насъ до сихъ поръ мало обращавшихъ на себя вниманіе нашихъ историковъ и археологовъ (кромя сочиненія Иванова не имѣли мы ничего важнаго въ этомъ родѣ), не мало важно для исторіи нашего просвѣщенія. Оно даетъ намъ возможность до извѣстной степени уразумѣть кругъ свѣдѣній о судьбахъ человѣческихъ вообще, какой былъ доступенъ нашимъ предкамъ, по крайней мѣрѣ образованнымъ лицамъ своего времени. По нимъ слагались понятія, взгляды, умствованія и предразсудки, имѣвшіе вліяніе на теченіе умственной, политической и общественной жизни. Хронографы были любимымъ чтеніемъ мудролюбивыхъ головъ онаго времени. Многочисленность ихъ списковъ доказываетъ ихъ распространенность. Вторая редакція хронографа, которая должна составить предметъ изслѣдованія во второмъ выпускѣ, будетъ гораздо любопытнѣе первой, какъ потому, что тамъ больше извѣстій о русскихъ событіяхъ, такъ и потому, что «многія статьи первой редакціи сокращены, опущены и замѣнены новыми», и слѣдовательно представляютъ образчикъ русскихъ взглядовъ. Трудъ г. Попова, преимущественно библиографическій, исполняется съ добросовѣстностію и знаніемъ дѣла, и конечно останется полезнымъ путеводителемъ для всѣхъ, кто захочетъ съ какою бы то ни было ученою цѣлью заняться хронографами. Его окончаніе и относительная полнота дастъ возможность удѣлить въ нашемъ журналѣ мѣсто для подробнаго разсмотрѣнія значенія хронографовъ для исторіи нашего просвѣщенія.

Холмскій Грекоунитскій мѣсяцесловъ на 1866 годъ. Варшава.

Здѣсь помѣщено нѣсколько статей, относящихся къ исторіи и археологіи русскаго народа въ Польшѣ и Западной Руси, преимущественно въ церковномъ отношеніи. Статья «О грекоунитской церкви въ Западной Руси» архіепископа Антонія, перепечатана изъ Русскаго Вѣстника 1864 года. — За нею слѣдуетъ статья покойнаго іерея холмской грекоунитской епархіи Іоанна Поцѣя, изъ книги, изданной въ Варшавѣ 1852 года, подъ названіемъ «О древнемъ христіанствѣ.» Авторъ приводитъ свидѣтельства о существованіи въ древней христіанской церкви рѣшетчатыхъ перегородокъ между алтаремъ и тра-

певую, но не берется рѣшить: когда рѣшетчатые перегородки замѣнились иконостасами, затѣмъ описываетъ существующіе роды иконостасовъ.—Послѣ этого, слѣдуетъ небольшая статья «Древняя Русь въ царствѣ Польскомъ,» служащая въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы введеніемъ къ слѣдующей затѣмъ статьѣ, извлеченной изъ составленнаго въ 1853 году влючаремъ варшавскаго кафедральнаго собора и напечатаннаго въ Почаевѣ въ 1863 году сочиненія: «Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи,» подъ названіемъ: «Начало и распространеніе христіанской вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго.» Авторъ приводитъ разныя свидѣтельства и мнѣнія о томъ, что въ Польшѣ былъ въ употребленіи славянскій обрядъ при началѣ распространенія христіанской вѣры. Вопросъ этотъ не подвинуть настоящей статьєю далѣе того, что сказали о немъ Мацѣевскій и Фризе, (въ «Церковной исторіи Польши»). Автору статьи мѣшаютъ произвольные выводы и положенія. Тамъ, напр., онъ увѣраетъ, что въ язычествѣ славянское племѣ отличалось единствомъ слова, однообразіемъ обычаевъ, сходствомъ понятій о божествѣ и тождествомъ языческихъ религиозныхъ обрядовъ. Но противъ этого довольно указать на развитіе мѣлологіи и жреческой религіи у прибалтійскихъ славянъ и на совершенное отсутствіе жрецовъ и храмовъ и на скудость общественной религіи у прочихъ славянъ, напр. у русскихъ. Если, по извѣстію нашего лѣтописца, у народовъ русской *отчины* были различныя обычаи и нравы, то какое различіе должно было существовать между одноплеменными народами, отдѣленными другъ отъ друга и большими пространствомъ и разнообразнѣйшими условіями исторической жизни? Обращая вниманіе на общія племенные черты, не слѣдуетъ упускать и различій, чтобы не впасть въ односторонность. Авторъ думаетъ видѣть влияніе древняго православія въ Польшѣ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ структуры костеловъ, обращенныхъ алтаремъ къ востоку и носящихъ на себѣ признаки византійскаго стила. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти признаки не составляютъ вовсе отличія восточнаго православія исключительно, и встрѣчаются повсемѣстно въ католическомъ западномъ мірѣ. Византійское искусство въ свое время имѣло повсюду влияніе.— Далѣе, слѣдуетъ: «О возстановленіи древнихъ правъ грекоунитской церкви», съ перепечаткою папскихъ постановленій, относящихся къ этой церкви преимущественно по вопросу о сохраненіи восточнаго обряда.—Послѣдняя историческая статья въ мѣсяцесловѣ «О положеніи русскаго народа въ бывшемъ Польскомъ королевствѣ,» отрывокъ изъ сочиненія Іоанна Поцѣя «О десятинахъ на Руси,» гдѣ собраны отрывки изъ королевскихъ привилегій и постановленій, касающихся грекорусской религіи и ея послѣдователей, начиная отъ Городельскаго сейма до введенія церковной уніи въ концѣ XVI вѣка.

Описание старинных царских утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей Московской оружейной палаты, съ объяснительными указателями. Павла Саввантова, съ двѣнадцатю таблицами рисунковъ. Спб. 1866.

Въ предисловіи къ этому сочиненію г. Саввантовъ объясняетъ, что источникомъ для его описанія служилъ архивъ оружейной палаты, состоящій изъ разныхъ рукописныхъ книгъ и столбцовъ XVI и XVII вѣковъ. О содержаніи этого рукописнаго богатства сообщается слѣдующее извѣстіе въ томъ же предисловіи. «Въ 1,374 рукописныхъ книгахъ находятся подробныя описанія московскихъ соборовъ, монастырей и церквей съ ихъ ризницами и книгохранилищами, святительскихъ облаченій, крестовъ, образовъ, книгъ, домашней рухляди, разныхъ матерій и пр.; также царскихъ утварей, одеждъ, посуды, ратныхъ доспѣховъ, оружія, конскаго прибора и пр. Сверхъ того, книги выходныя, чиновныя, переписныя, кроильныя, записныя, ладанныя, приходныя и расходныя. Въ 8,192 столбцахъ палатскаго архива заключается множество замѣчательныхъ подробностей о внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ царскаго двора, о состояніи московскаго и русскаго искусства, о государевыхъ художникахъ и ремесленникахъ, занимавшихся въ мастерскихъ палатахъ. Изъ этихъ книгъ и столбцовъ мы можемъ получить ближайшія и самыя вѣрныя свѣдѣнія не только о вещахъ и нарядахъ, принадлежавшихъ нашимъ царямъ, царицамъ, царевичамъ и царевнамъ, но и о самомъ образѣ ихъ жизни, также о доходахъ, какіе тогда получались въ казну царсеую, о подаркахъ, приносимыхъ послами и другими лицами, о жалованьѣ и наградахъ придворнымъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ за ихъ службу, подвиги и заслуги, о пріемѣ и угощеніи чужестранныхъ пословъ и мн. др.

Изъ этого-то архива г. Саввантовъ сдѣлалъ извлеченія, гдѣ содержится «довольно подробное, но отнюдь не полное описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, также одеждъ и уборовъ царицъ и царевенъ,» а именно въ нихъ описаны:

1) Платье, оружіе, ратный доспѣхъ и конскій приборъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова, 1589 г. 2) Платье царя Михаила Ѳедоровича, 1629 г. 3) Оружіе и ратный доспѣхъ царя Михаила Ѳедоровича, 1641 г. 4) Платье и нѣкоторыя вещи царя Алексѣя Михайловича, 1676 г. 5) Царская утварь (регалии) и платье царя Ѳедора Алексѣевича, 1682 г. 6) Царскіе подарки боярину князю В. В. Голицину, 1681 и 1682 г. 7) Платье, головной и спальный уборъ царицы Евдокіи Лукьяновны, 1642 г. 8) Одежды царевны Софіи Алексѣевны, 1681 г. «Въ издаваемомъ описаніи старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора встрѣчается — говорить г. Саввантовъ — много такихъ предметовъ, которые до сихъ поръ

оставались безъ всякаго объясненія или же были объясняемы невѣрно. Въ нашемъ объяснительномъ указателѣ, который слѣдуетъ за описаніемъ, изслѣдователи старины найдутъ подробности, необходимыя для точнѣйшаго уразумѣнія какъ предметовъ описанія, такъ и ихъ названій.» Само собою разумѣется, что послѣ прежнихъ археологическихъ трудовъ многіе описываемые здѣсь предметы встрѣчаются не въ первый разъ, но по способу собранія ихъ воедино, и по ихъ сопоставленію между собою, книга г. Саввантова есть приобрѣтеніе для занимающихся изученіемъ стариннаго быта московской Руси. Самая важная часть ея—объяснительный словарь, гдѣ объяснены какъ по предметному значенію, такъ и по этимологическому производству, многія изъ встрѣчающихся въ старинныхъ памятникахъ названій, хотя нѣкоторыя, и очень важныя, оставлены будущимъ изслѣдователямъ. Поразительно обиліе арабскихъ, персидскихъ и татарскихъ словъ, вошедшихъ въ нашъ старый языкъ и свидѣтельствующихъ о громадномъ вліяніи Азии на жизнь и бытъ московской Руси, хотя о происхожденіи ихъ можно еще поспорить. Такъ напр., обычная одежда випунъ производится изъ татарскаго слова, но не скорѣе ли нашъ випунъ тоже, что жупанъ у западныхъ славянъ, слово, совпадавшее съ древнимъ славянскимъ названіемъ правителей, извѣстныхъ еще Константину Порфирородному, и не заимствовали ли его, наоборотъ, татары отъ русскихъ? Важнѣйшій, по нашему мнѣнію, недостатокъ этого словаря тотъ, что въ немъ не обозначено, когда какая вещь съ ея названіемъ является извѣстною въ употребленіи, и какія измѣненія съ нею происходили. Вотъ, напр., государственное яблоко или яблоко царскаго чина, какъ оно называется въ словарь г. Саввантова. Тамъ говорится, что яблоко употреблялось до царя Василія Шуйскаго, въ 1597 г., но умалчивается о томъ, что объ немъ, сколько извѣстно, не упоминается раньше. То же о шалкахъ горлатныхъ не сказано, въ какія времена онѣ появились. Сарафанъ объясненъ «*длинною женскою одеждою*», но сдѣлано замѣчаніе и приведенъ примѣръ, что сарафаны были и мужскіе. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что названіе сарафанъ въ XVII вѣкѣ только изъ этого примѣра намъ дѣлается знакомымъ, а о женскомъ сарафанѣ въ XVII вѣкѣ мы до сихъ поръ не знаемъ, и опредѣленіе его женскою одеждою основано на теперешнемъ, а не на прежнемъ историческомъ его значеніи. Подобные словари тогда только могутъ принести надлежащую пользу наукѣ, когда существованіе вещей стариннаго быта будетъ изложено, но возможности, исторически, а тамъ, гдѣ по недостатку данныхъ этого нельзя сдѣлать, слѣдуетъ сказать, что кромѣ приведенныхъ указаній нѣтъ другихъ, и время происхожденія вещи неизвѣстно.

Утро. Литературный и Политический Сборник. М. И. Погодина. Москва. 1866.

Между статьями, большинство которых чисто литературного содержания, укажем на статью г. Погодина: «Дѣтство, воспитаніе и первые литературныя опыты Карамзина.» Эта статья, кажется, должна быть началомъ біографіи Карамзина, которой мы ожидаемъ отъ г. Погодина; она обнимаетъ то время, когда Карамзинъ будучи ребенкомъ, находился въ родительскомъ домѣ въ Симбирской губерніи, потомъ—воспитывался въ Москвѣ въ пансіонѣ Шадена, потомъ — вступилъ въ военную службу, скоро вышелъ изъ нея, и поселился въ Москвѣ, до своего отъѣзда въ заграничное путешествіе. Здѣсь читатель узнаетъ, кто и какое вліяніе имѣлъ на него въ младенчествѣ, какія книги любилъ онъ читать, что занимало его дѣтскій и юношескій умъ и воображеніе, къ чему льнуло его сердце, что онъ переводилъ съ иностранныхъ языковъ, какъ относился къ литературнымъ произведеніямъ, чѣмъ, наконецъ, начиналъ свое поприще оригинальнаго русскаго писателя. Мы считаемъ излишнимъ вдаваться въ передачу того, что сообщаетъ намъ г. Погодинъ. Карамзинъ для русскихъ — такая личность, которая всѣхъ и каждого занимаетъ, и статья г. Погодина будетъ безъ сомнѣнія прочитана съ наслажденіемъ. Кромѣ этой статьи, въ «Утрѣ» помѣщено нѣсколько матеріаловъ для біографіи Карамзина: переписка его съ Каподистрією, письмо его къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ по случаю кончины ея супруга, письмо Жуковскаго ко вдовѣ Карамзина по случаю его кончины, и отношеніе графа Блудова къ министру двора князю Волконскому, по поводу двухъ никогда не печатанныхъ его записокъ, конфиденціально сообщенныхъ верховной власти въ свое время. Эти записки достойны особаго вниманія по важности предметовъ, къ которымъ онѣ относятся. О первой говоритъ Блудовъ: «Основная общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ, что въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все, противное правиламъ онаго, можетъ имѣть вредныя и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и гибельныя для нея послѣдствія. Съ сею главною мыслию и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя, и тѣмъ объясняются отзывы его, иногда слишкомъ рѣзкіе или и не вполне основательные, о преобразованіяхъ Петра Великаго, и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія императора Александра.» Вторая записка его касается Польши. Карамзинъ говорилъ императору: «Государь, если вы возстановите древнюю Польшу, то или падетъ Россія, или русскіе снова зальютъ Польшу кровью и возьмутъ Прагу штурмомъ.» Записка эта кончается такими же словами: «пусть суще-

ствуешь, благоденствуетъ царство Польское подъ скипетромъ Александра, какъ оно есть, но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть, и какъ она оставлена вамъ Екатериной.»

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Ю. Ф. Самаринъ. Москва. 1866.

Здѣсь помѣщены письма, болѣе или менѣе извѣстныя публикѣ, и печатанныя въ «Днѣ» въ прошломъ году вмѣстѣ съ письмомъ отца Мартынова, написаннымъ въ защиту иезуитовъ противъ передовой статьи «Дня», также помѣщенной въ настоящей книгѣ. Апологія отца Мартынова сложена очень ловко. Г. Самаринъ выставляетъ противъ него громаду данныхъ, долженствующихъ представить иезуитовъ въ черномъ цвѣтѣ. Авторъ руководствуется извлеченіями изъ разныхъ сочиненій отцовъ иезуитовъ, а въ особенности изъ книги Бозенбаума, а также и папскими декретами, особенно буллою Климента XIV, уничтожившаго иезуитскій орденъ. Сколько намъ ни случалось читать сочиненій объ иезуитахъ, мы не встрѣчали сочиненія объ этомъ предметѣ, отличающагося вполне историческимъ безпристрастіемъ. Объ иезуитахъ писали или ихъ друзья, или враги. Собственно объ отношеніяхъ иезуитовъ въ Россіи, у г. Самарина говорится въ четвертомъ письмѣ. Авторъ вспоминаетъ о Поссевиנѣ, о самозванцахъ, о проискахъ иезуитовъ при Петрѣ въ Москвѣ, и останавливается на Екатеринѣ II. Когда папа уничтожилъ орденъ иезуитовъ, Екатерина приняла ихъ и водворила въ Бѣлоруссіи. Екатерина, приобрьвъ Бѣлоруссію и надѣясь рано или поздно приобрьсть другія земли рѣчи Посполитой, еще болѣе чѣмъ Бѣлоруссія заключавшія жителей римско-католическаго вѣроисповѣданія, думала устроить у себя самобытную, независимую отъ непосредственнаго вліянія папскаго латинскую церковь, и начала съ того, что оказала покровительство ордену, гонимому тогда римскимъ дворомъ. Въ царствованіе императора Павла I, иезуиты поднялись въ Россіи, благодаря отцу Груберу, успѣвшему приобрьсти вліяніе на императора. Имъ дали двѣ католическія церкви въ Петербургѣ, разрѣшили заводить въ западныхъ губерніяхъ заведенія, возвращались имъ по мѣрѣ открытія этихъ заведеній отобранныя польскимъ правительствомъ имѣнія; составилось новое положеніе объ управленіи римско-католическими церквами, по которому ордена изъяты были отъ епархіальнаго управленія. Груберъ успѣлъ очернить и удалить врага иезуитовъ, митрополита Сестренцевича; иезуиты овладѣли римско-католическими церквами въ Саратовскомъ и Новороссійскомъ краю, въ Астрахани и въ Моздокѣ. Наконецъ, по ходатайству императора Павла I, папа Пій VII возстановилъ орденъ исключительно для Россіи. Первые годы царствованія императора Александра были для нихъ благоприятны, хотя имъ и было строго запрещено совращать православныхъ. На иезуитовъ смотрѣли какъ на самыхъ дов-

нихъ дѣятелей, способныхъ подавлять революціонныя движенія. Сардинскій повѣренный въ дѣлахъ Жозефъ де-Местръ, совѣтникъ и наставникъ нашихъ министровъ, поддерживалъ эту идею. Пребываніе въ Россіи многихъ французскихъ эмигрантовъ, людей съ до-революціонными понятіями, повѣрка имъ воспитанія русскаго юношества, открывали дорогу іезуитской пропагандѣ. Многіе государственные люди — между прочимъ князь Голицынъ, Кочубей, Ростопчинъ — имъ покровительствовали; знать отдавала имъ дѣтей на воспитаніе. Но когда оказалось, что они возвращаютъ въ свою вѣру, и между прочимъ удалось имъ обратить въ католичество сына министра князя Голицына и жену Ростопчина, вліяніе ихъ окончилось; ихъ изгнали въ 1816 году. Г. Самаринъ указываетъ на нѣкоторыя послѣдующія попытки іезуитовъ возвратитъ свое вліяніе. Вообще это четвертое письмо г. Самарина очень любопытно по отношенію къ русской исторіи.

Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Г. П. Данилевскаго. Харьковъ. 1866.

Въ этой книгѣ читатель найдетъ сборникъ библиографическихъ свѣдѣній о трехъ украинскихъ дѣтеляхъ на умственномъ поприщѣ: Сковородѣ, Каразинѣ и Квитѣ. Григорій Савичъ Сковорода принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, отъ которыхъ мало осталось чего нибудь осязательнаго для потомковъ, и которые, однако, остаются достояніемъ исторіи по силѣ вліянія, какое они оказывали въ свое время на окружавшую ихъ среду. Поэтому возникаетъ для многихъ неудобопонятное обстоятельство: сочиненій Сковороды почти никто не читаетъ и не знаетъ въ Малороссіи, а имя Сковороды во всемъ краѣ произносится съ почтеніемъ до сихъ поръ. Это оттого, что, по словамъ г. Данилевскаго, — «онъ бесѣдами и примѣромъ своей жизни во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ; зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересланныхъ отъ автора къ мирнымъ приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовало. Мимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій ходячій коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познанія и жажду добра и дѣла, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды.» Такіе люди неоднократно появлялись на Руси въ разныхъ краяхъ общества. Они бывають иногда важнѣе для общественнаго развитія, чѣмъ сотни посредственныхъ ученыхъ и литераторовъ. Василій Назарьевичъ Каразинъ оставилъ по себѣ память своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ основаніи Харьковскаго универси-

тета. Можно сказать, что онъ былъ виновникомъ его открытія. Въ прошломъ году Харьковскій университетъ заговорилъ даже о поставленіи ему памятника. Григорій Ѳедоровичъ Квитка, одинъ изъ замѣчательныхъ писателей русскихъ, приобрѣлъ литературную славу своими превосходными повѣстями и драматическими пьесами изъ малороссійскаго быта. Современникъ Гоголя, онъ уступаетъ ему въ творчествѣ, но превосходитъ его вѣрностію красокъ, которыми изображаетъ народную жизнь, изученной съ рѣдкою добросовѣстностію, любовію и опытомъ долгой жизни. Кромѣ біографій этихъ трехъ лицъ, г. Данилевскій помѣстилъ пространнѣйшій историческій очеркъ состоянія Харьковскихъ народныхъ школъ съ 1732 по 1865 годъ.

Чтеніе изъ русской исторіи (св исхода XVII вѣка). Петръ III.—Екатерина II. П. Щебальскаго. Выпускъ пятый. Москва. 1866. Стр. 261.

Отдаленныя времена нашей исторіи имѣютъ для себя несравненно больше установившуюся историческую литературу, нежели времена ближайшія къ намъ. Весьма недавно мы устремились къ изученію прошедшаго столѣтія, и, весьма естественно, на первыхъ порахъ приходится ограничиваться изданіемъ памятниковъ и документовъ, подготовленіемъ средствъ будущему историку. С. М. Соловьевъ только что входитъ въ XVIII вѣкъ, и пройдетъ еще не одинъ годъ прежде нежели онъ соберетъ въ одно стройное цѣлое то, что пока остается разсѣяннѣмъ въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, и воспользуется разнообразными документами, обнаруженными по сіе время. Во ожиданіи такого труда было бы полезно ввести въ общество познаніе о недавно прошедшихъ временахъ болѣе достойное того, что уже сдѣлано въ исторической наукѣ, и въ бѣгломъ, но систематическомъ очеркѣ познакомиться съ новыми документами большинство публики, сохранившее въ памяти одну рутину своей школьной эпохи. Таковую работу уже давно предпринялъ г. Щебальскій, и нынѣ вышедшій пятый выпускъ его «Чтеній изъ русской исторіи» посвященъ самой важной и любопытной эпохѣ прошедшаго столѣтія, а именно *Екатерининскому вѣку* до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1774 году. Три мѣсяца правленія Петра III составляютъ какъ бы вступленіе къ главному предмету.

Петръ III царствовалъ три мѣсяца; въ эти три мѣсяца, онъ издалъ 1) указъ о прекращеніи гоненій на раскольниковъ и назначеніи попечителей къ раскольничьимъ обществамъ для защиты ихъ противъ православнаго духовенства; 2) указъ о *вольности дворянской* въ отношеніи службы и права поступленія на службу иностраннымъ государямъ дружественныхъ державъ; 3) указъ о причисленіи монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ къ государственнымъ; 4) указъ объ уничтоженіи *тайной канцеляріи* ровыскихъ дѣлъ и «ненавистнаго слова и

дѣло», и о рѣшеніи дѣлъ по умышленіямъ на особу государя или на цѣлость или спокойствіе отечества — обыкновенными судебными мѣстами; при этомъ выражено было первое слово осужденія противъ пытки.

Пусть намъ не скажутъ имени правителя, издавашаго подобныя указы чуть не въ первые дни своего воцаренія, и спросятъ при этомъ, какое мы можемъ составить мнѣніе о характерѣ виновника подобныхъ преобразованій? Мы невольно сказали бы, что общество, въ которомъ явился подобный правитель, должно было до него находиться въ весьма печальномъ положеніи, что его нужды были вопіющія, и что его правитель, отвѣчая этимъ нуждамъ, спѣшилъ снять съ него тяготѣвшія надъ нимъ оковы. Самъ авторъ соглашается, что «подобной быстроты не обнаруживалъ даже самъ гениальный Петръ I.» О распоряженіяхъ Петра III можно даже сказать, что онъ своими реформами какъ бы старался предупредить возможность появленія самозванца его имени, Емельяна Пугачева, и слѣдовательно, всѣ бѣдствія, которыя испытала наша земля въ послѣдующее царствованіе. И чрезъ три мѣсяца Петръ III былъ свергнутъ съ престола, въ противность всѣмъ ожиданіямъ, на которыя мы имѣли бы право, судя по духу его первыхъ распоряженій.

Какъ все это объяснить? «Не слѣдуетъ-ли подозрѣвать, говоритъ авторъ, отвѣчая на подобный вопросъ, что тѣ реформы производились нѣсколько опрометчиво? Современники были убѣждены въ этомъ, и въ запискахъ людей того времени можно найти весьма бѣды замѣчанія объ этой опрометчивости.» Но можно ли быть сколько нибудь опрометчивымъ, когда спѣшишь снять съ общества подобныя цѣпи, какими душило его страшное *слово и дѣло*? Можно ли сказать о Петрѣ III, что онъ спѣшилъ облегчить судьбу части крестьянъ, когда Екатерина II, вскорѣ по своемъ воцареніи, сдѣлала тоже самое? Неужели удача и неудача служатъ основаніемъ при оцѣнкѣ дѣятельности историческихъ лицъ? Паденіе Петра III объясняютъ также его чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ Фридриху Великому; мы поняли бы подобный доводъ, если бы Петра III можно было упрекнуть въ чрезмѣрномъ уваженіи къ Лудовику XV и въ подражаніи правамъ Версаля. Но какимъ образомъ могло быть для него пагубно уваженіе къ Фридриху, который въ ту эпоху уже заслужилъ названіе Великаго?

Мы полагаемъ, что всѣ эти неловкіе доводы къ объясненію переворота 28 іюня 1762 года внушаются намъ блескомъ царствованія Екатерины II, который могъ бы быть омраченъ справедливою оцѣнкою Петра III. Причины паденія Петра III лежатъ прежде всего въ состояніи нашего общества того времени: оно не принимало ни малѣйшаго участія въ государственной жизни; въ основѣ управленія лежали

не государственныя идеи, а личныя цѣли; люди различались не по мнѣніямъ, а по интересамъ. При такомъ положеніи вещей, всѣ наперерывъ стараются быть благодѣтелями общества и народа, но эти благодѣнія служатъ только приманкою для толпы, чтобы при его помощи достигнуть власти. Какъ иначе мы объяснимъ, что архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ при Петрѣ III, въ 1761 году, сильно протестуетъ противъ отнятія у духовенства имѣній, и при Екатеринѣ II, въ 1763 году, тотъ же Дмитрій Сѣченовъ принимаетъ участіе въ составленіи указа объ отобраніи церковныхъ имѣній?

Впрочемъ мы не можемъ сказать, чтобы г. Щебальскій остался безусловно подѣ обаяніемъ господствующаго взгляда на характеръ и значеніе переворота 28 іюня, но, намъ кажется, онъ поставилъ въ тѣни самое важное, и на первомъ мѣстѣ выставилъ такія причины, которыя нигдѣ и никогда не производили переворотовъ.

«Что касается до графа Панина—такъ говоритъ авторъ ниже, въ исторіи царствованія Екатерины II—то, содѣйствуя видамъ Екатерины, онъ имѣлъ цѣлью возведенія на престолъ великаго князя Павла. Собственно, переворотъ 28 іюня совершился помимо его участія. Но, принявъ этотъ переворотъ въ томъ видѣ, какъ онъ совершился, Панинъ однакоже желалъ доставить торжество тѣмъ политическимъ идеямъ, которыми онъ проникся во время своего пребыванія въ Швеціи. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ императрицей въ первые дни ея царствованія, онъ обратилъ ея вниманіе на частые перевороты, которыхъ жертвою былъ въ послѣднее время русскій престолъ, а вслѣдствіе того и все государство. Могла ли, говорилъ онъ, при такихъ условіяхъ быть послѣдовательна и наша правительственная система, безъ чего однакоже невозможны ни внутреннее благоденствіе страны, ни ея вліяніе въ дѣлахъ внѣшней политики? Эта система измѣнялась съ каждымъ переворотомъ. Необходимо, заключалъ Панинъ, чтобы она покоилась не на лицѣ, самое существованіе котораго подвергается случайностямъ, а на неизбѣмыхъ учрежденіяхъ, каковы, напримѣръ, шведскій сенатъ, хранитель основныхъ законовъ государства и правительственныхъ преданій. Мысль эта, заключаетъ авторъ, не имѣла послѣдствій, но ее нельзя оставить безъ вниманія. Она доказываетъ, что Панинъ былъ не временщикъ, болѣе или менѣе способный, но что онъ обладалъ взглядомъ и просвѣщеніемъ настоящаго государственнаго человѣка.»

Но не доказываетъ ли также эта мысль, что самый переворотъ былъ совершенъ далеко не во имя интересовъ страны, и что люди, совершавшіе его, руководились вовсе не государственными соображеніями? Авторъ косвенно соглашается съ этимъ, и, раздѣляя восторгъ предъ Екатерининскимъ вѣкомъ, въ тоже время допускаетъ, что перевороты XVIII вѣка «не оставались безъ вліянія ни на благосостояніе

и достоинство страны, ни на общественную нравственность.» Если же это такъ, то въ такомъ случаѣ понятно, почему либерализмъ времени Екатерины былъ такъ поверхностенъ, почему слава ея правленія не принесла тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было бы ожидать и отъ эпохи, менѣ блестящей.

Мы далеки отъ мысли приглашать отечественныхъ историковъ, при оцѣнкѣ такихъ личностей, какъ Екатерина II, идти по дорогѣ Хама и ограничиваться только тѣмъ, чтобы срывать покровъ съ ихъ частной жизни; но историкъ обязанъ не ослѣпляться ни блескомъ либеральныхъ фразъ, ни народными хваленіями, и обратить вниманіе на искренность намѣреній и умѣнье привести ихъ въ исполненіе.

«Наказъ» Екатерины II, изданный ровно сто лѣтъ тому назадъ (14 дек. 1766 г.), принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ блестящихъ актовъ ея царствованія, но и до сихъ поръ весьма мало доступенъ для изученія. Авторъ останавливается на немъ съ бѣльшею подробностью, нежели то мы находимъ въ историческихъ сочиненіяхъ общаго содержанія.

«Екатерина, пишетъ авторъ, читала много сочиненій, касавшихся такъ называемаго публичнаго права, или науки о государственномъ устройствѣ, и, между прочимъ, творенія знаменитаго французскаго публициста Монтескьё. Изучая ихъ, она встрѣтила множество мыслей и стремленій, которыхъ были совершенно чужды наши законы. Болѣе всего хотѣлось ей внести въ самый духъ русскаго законодательства нѣкоторую мягкость и уваженіе къ человѣческому достоинству, истребить пытки, уничтожить, или хотя смягчить крѣпостное право, дать сословіямъ нѣкоторую самостоятельность и самоуправленіе.

«Вотъ мысли, которыя ее занимали въ первые годы ея царствованія. «Два года я читала и писала, находимъ мы въ одной оставшейся послѣ нея запискѣ, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ», не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и cadaго особенно. Предусиживъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленные людямъ разнымъ, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: *Ce sont des axiomes à renverser des migaïlles* ¹⁾. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать». Но далеко не всѣ раздѣляли увлеченіе молодой императрицы и молодыхъ ея придворныхъ. Ученый Болтинъ,

¹⁾ Это такъ ясно, что бьетъ въ глаза.

одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи въ то время, назидательно говорилъ: «Исправляя обычаи и нравы, надо быть весьма осторожну; надобно на добрыхъ вѣсахъ вѣсить неудобности обычая съ пользой, чаемою отъ уничтоженія его, и когда вѣсъ будетъ ровень, то лучше оставить вещи такъ, какъ онѣ были.» Уничтоженіе пытки казалось многимъ ниспроверженіемъ всей юриспруденціи; никто изъ насъ не будетъ увѣренъ въ своей жизни, если уничтожать пытку, говорили нѣкоторые, основывая это предположеніе на воображаемой свирѣпости русскаго простолюдина. Другіе съ жаромъ возставали за сохраненіе вѣрностнаго права. Однимъ изъ тѣхъ, которые съ наибольшою горячностію порицали мысли императрицы, былъ извѣстный уже намъ современникъ и порицатель Ломоносова, Сумароковъ. Онъ выражалъ, и выражалъ съ обыкновенной своей запальчивостію, опасеніе, что предположенія государыни распространять въ народѣ своевольство, что народъ нашъ не готовъ для подобныхъ законовъ; онъ говорилъ, повторяя мысль постоянно руководившую польскимъ шляхетствомъ, что между помѣщикомъ и вѣрностнымъ его человѣкомъ не должно быть никакого иного суда, какъ собственный судъ его самого, помѣщика; удивлялся, что Екатерина желала бы запретить продавать крестьянъ «какъ скотину», разлучая отца съ сыномъ, мать съ дочерью (что было запрещено еще Петромъ, но не исполнялось). «Продавать людей какъ скотину, писалъ онъ, не должно; но гдѣ же брать (деньги), когда крестьяне будутъ вольны?» Не видѣлъ онъ никакой надобности и въ томъ, чтобъ учить «подлый народъ», а находилъ болѣе полезнымъ поощрять знаменитыхъ писателей (подобныхъ Монтескьё, говорилъ онъ, и очевидно думалъ: подобныхъ Сумароковымъ). — «Многіе критиковали Монтескьё, написала Екатерина, — прочитавъ замѣчанія своего критика, — не разумѣя его; вижу, что я жребій сей съ онимъ раздѣляю!»

«Были и другія возраженія, заслуживавшія большаго вниманія. Они шли изъ среды людей съ болѣе развитыми понятіями. Такъ, княгиня Дашкова, въ разговорѣ съ извѣстнымъ французскимъ философомъ Дидро, выражала опасеніе, чтобъ власть надъ крестьянами, если ее отнять у помѣщиковъ, не перешла къ мелкимъ чиновникамъ, «которые, подъ маской службы, стануть разорять и грабить ихъ.» Надо признаться, что, при тогдашнемъ весьма жалкомъ состояніи чиновничества въ Россіи, замѣчаніе княгини Дашковой имѣло очень серьезное значеніе.

«Всѣ эти возраженія, раздѣляемыя весьма многими, убѣждали Екатерину, что ея мысли, еслибъ онѣ и нашли мѣсто въ законодательствѣ, едва ли получатъ полное приложеніе на практикѣ, а благоразумный законодатель долженъ умѣть согласовать свои личныя убѣжденія съ понятіями и обычаями страны, для которой онъ тру-

дится. Но какъ узнать эти понятія? Какъ сдѣлать, чтобъ выраженіе этихъ понятій было голосомъ не одного кружка, не одного сословія, не одной мѣстности, а дѣйствительно всей страны? Кто уважетъ ея многообразныя, серьезныя, дѣйствительныя нужды и желанія? Исторія предшествующихъ вѣковъ даетъ на это отвѣтъ. Прежніе цари, начиная съ Іоанна IV до Петра, нерѣдко созывали соборы для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; само уложеніе было составлено, или, по крайней мѣрѣ, утверждено соборомъ; уничтоженіе мѣстничества было тоже «соборнымъ дѣяніемъ.» Петръ пересталъ созывать соборы, потому что совершаемое имъ дѣло не находило сочувствія въ большинствѣ массы. Онъ принужденъ былъ принять на себя всю отвѣтственность, какъ и все бремя своихъ правительственныхъ дѣлъ; а при ближайшихъ его преемникахъ уже порвалось и преданіе о земскихъ соборахъ; оно, притомъ, не согласовалось съ тѣми правительственными понятіями, которыя въ то время утвердились на Западѣ, а оттуда перешли и къ намъ. По мнѣнію государственныхъ людей Запада, совѣщаніе государя съ людьми, не составляющими его непосредственный, имъ самимъ избранный совѣтъ, несомнѣнно съ царскимъ величіемъ, съ независимостію самодержавнаго монарха. Но Екатерина думала иначе. Она не находила въ исторіи Россіи, чтобы соборы стѣсняли свободную волю нашихъ государей, и чтобъ цари Алексѣй или Ѳеодоръ были менѣе самодержавны, чѣмъ Анна или Елисавета; только существовало то различіе, что избраніе Михаила, напримѣръ, совершенное выборными отъ всей земли, представляло болѣе ручательствъ прочности, нежели избраніе Анны, произведенное нѣсколькими сановниками, и что тягости ливонской войны, рѣшенной соборомъ при Іоаннѣ Грозномъ, могли казаться не столь обременительными для народа, какъ тягости шведской войны при Петрѣ.

«Но кого, какія сословія пригласить къ совѣщанію о замышляемыхъ преобразованіяхъ? Наша исторія представляла примѣры только всесословныхъ или земскихъ соборовъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ,—напримѣръ во Франціи, къ которой любили въ то время обращаться за примѣрами,—преобладали собранія, гдѣ имѣли мѣсто лишь дворянство и духовенство. Такой же составъ имѣли и польскіе сеймы. Къ собраніямъ такого рода склонялась большая часть совѣтниковъ государыни, образовавшихся подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ западной Европѣ понятій; они находили естественнымъ пригласить къ совѣщанію лишь тѣ сословія, среди которыхъ можно было встрѣтить болѣе или менѣе просвѣщенныя понятія. Можно думать, что Н. Панинъ, почитавшій шведскую конституцію образцовою, совѣтовалъ устранить нижнія сословія; Бибииковъ полагалъ, что если и допустить въ собраніе всѣ сословія, то «чтобы не они составители законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ самихъ, или

изъ постороннихъ особъ, а не столь въ многомъ числѣ состоящее собраніе, и (чтобъ) большое общество депутатовъ тому законоположительному собранію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало.»

«Нельзя не сознаться, что слишкомъ многочисленное собраніе неудобно для серьезнаго обсужденія дѣлъ; не менѣе справедливо и то, что тамъ, гдѣ большинство имѣетъ недостаточныя понятія о предлагаемыхъ вопросахъ, но гдѣ рѣшеніе зависить однакожь отъ числа голосовъ, легко можетъ восторжествовать надъ здравымъ смысломъ и желаніемъ общаго блага интрига, или глупая поблажка страстямъ. Но, во первыхъ, императрица вовсе не намѣрена была предоставить собранію окончательное рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ. Главное ея желаніе было изучить изъ живаго источника нужды и потребности всѣхъ частей своего государства, всѣхъ сословій своего народа; она желала, чтобы ни единый интересъ, ни одна потребность не были лишены возможности заявить себя, ходатайствовать за себя; провознести же послѣднее слово она предоставляла себѣ. Она желала, чтобы люди свѣдущіе и заинтересованные разработали вопросы, указали на различные способы ихъ рѣшенія; дать же преимущество тому или другому рѣшенію долженствовала верховная власть. Поэтому лучше казалось ей снести неудобство слишкомъ многолюднаго собранія, но за то доставить возможность высказаться всякой дѣйствительной потребности. Затѣмъ мысль Бибикова о разсмотрѣніи законодательныхъ вопросовъ небольшимъ числомъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей естественно должна была осуществиться, потому что вездѣ, въ каждомъ законодательномъ собраніи, всѣ важнѣйшіе вопросы предварительно и во всей подробности разсматриваются составленными изъ среди этихъ собраній комиссіями; общее же собраніе только обсуждаетъ ихъ доклады. Для подобныхъ комиссій можно было и у насъ набрать достаточное число людей свѣдущихъ; но сверхъ того необходимы были указанія на мѣстныя потребности, понятія и обычаи; необходимо было, слѣдовательно, присутствіе большаго числа коренныхъ обывателей различныхъ частей имперіи, которые, сверхъ того, могли бы судить, удовлетворяютъ ли этимъ потребностямъ, понятіямъ и обычаямъ вновь начертываемые законы.

«Руководствуясь этими соображеніями, императрица издала манифестъ (14-го декабря 1766 г.), коимъ приглашала дворянство — по уѣздамъ, купечество — по городамъ, однодворцевъ — по провинціямъ, пахотныхъ солдатъ и государственныхъ крестьянъ — также по провинціямъ, казачьи войска и, наконецъ, осѣдлыхъ инородцевъ избрать изъ своей среды депутатовъ и, снабдивъ ихъ полномочіями, прислать въ Москву. «Мы созываемъ ихъ, писано въ этомъ достопамятномъ манифестѣ, не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и не-

достатки каждаго, но и допущены они быть имѣють въ комиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія.» Что же касается до депутатовъ, то они, кромѣ опредѣленнаго за нахождение въ комиссіи жалованья, освобождались на всю жизнь, и каково бы ни было ихъ преступленіе, отъ смертной казни, пытки и тѣлеснаго наказанія, а имѣнія ихъ отъ конфискаціи. За оскорбленіе депутата опредѣлено было двойное противъ общаго закона наказаніе и каждому изъ нихъ предполагалось раздать особыя медали, съ правомъ (по окончаніи дѣла) внести ихъ въ свои гербы, «дабы потомки узнать могли, къ какому великому дѣлу они участниками были.»

Комиссію уложенія предполагено было открыть лѣтомъ 1767 г., а весною повелѣно было произвести выборы депутатовъ въ эту комиссію. Для этого къ назначенному губернаторомъ дню, въ указанное имъ мѣсто, должны были съѣхаться мѣстные дворяне и избрать изъ среды себя предводителя, который, тотчасъ по своемъ избраніи, дѣлался предсѣдателемъ собранія. Подъ его предсѣдательствомъ должны были производиться выборъ депутата и сочиненіе наказа, которымъ послѣднему надлежало руководиться при объясненіи нуждъ и желаній своихъ вѣрителей. Точно такимъ же образомъ производились выборы по городамъ, только предсѣдатель избирательнаго собранія назывался головой. Какъ предводитель, такъ и голова избирались на два года (эти должности съ того времени существуютъ и понынѣ). Одиодворцы и казенные крестьяне должны были собираться по погостамъ и тамъ избирать повѣренныхъ, которые уже, съѣхавшись въ одно назначенное для всей провинціи мѣсто, составляли избирательное собраніе для назначенія депутата въ комиссію. Что касается до инородцевъ, то начальствующимъ лицамъ было велѣно, не придерживаясь буквально изданнаго «Обряда» избранію, приноровлять порядокъ избранія къ мѣстнымъ обычаямъ.

«Весною 1767 года, какъ сказано, по уѣздамъ и провинціямъ начались выборы въ депутаты комиссіи объ уложеніи. Никогда еще, по крайней мѣрѣ съ весьма отдаленныхъ временъ, не было въ Россіи такого движенія; никогда лицамъ различныхъ сословій не было открыто возможности сходиться и совѣщаться о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Съ какими же чувствами и предположеніями съѣзжались избиратели въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества? Объ этомъ сохранилось мало извѣстій, или по крайней мѣрѣ, мало извѣстій объ этомъ обнародовано. Вообще, какъ кажется, избранія были произведены въ порядкѣ, и народонаселенія отнеслись къ предстоявшему имъ дѣлу серьезно, не скрывая отъ правительства существующихъ несовершенствъ суда и администраціи, въ надеждѣ, что тоже правительство постарается и исправить эти несовершенства. Изъ многихъ мѣстъ присланы были

государынѣ выраженія глубокой признательности; въ другихъ думали воздвигать ей памятники. Эти заявленія доказываютъ, что народонаселеніе Россіи не безучастно относилось къ дѣлу, задуманному императрицей, и что, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ, были люди, понимавшіе великое значеніе этого дѣла и руководившіе общественнымъ мнѣніемъ. Что же касается до того, какъ смотрѣли сословія на свои собственныя обязанности, въ чемъ заключались ихъ нужды и желанія, то это ясно видно изъ наказовъ, данныхъ депутатамъ ихъ избирателями. Улучшеніе быта духовенства, и особенно сельскаго, и доставленіе ему способовъ къ образованію составляло предметъ почти всеобщихъ желаній; какъ дворянство, такъ и всѣ прочія сословія единодушно просили о заведеніи школъ и училищъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и университетовъ или академій; весьма общи были ходатайства о мѣрахъ къ охраненію народнаго здравія; было нѣсколько заявленій относительно необходимости ограничить власть помѣщиковъ; костромское дворянство, руководимое А. И. Бибиковымъ, предлагало принять мѣры къ устройству сословія свободныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Купечество и мѣщанство просили защиты противъ своеволія воеводъ и военныхъ начальниковъ. Города просили также о расширеніи ихъ самоуправленія, объ учрежденіи банковъ, и о принятіи мѣръ къ развитію промышленности и улучшенію судебной части, введеніемъ сокращеннаго и словеснаго дѣлопроизводства. Изъ весьма многихъ мѣстностей поступили ходатайства, чтобъ обязанности предводителей и головъ изъ временныхъ сдѣланы были постоянными; между дворянствомъ довольно обще было ходатайство о недопущеніи въ его среду лицъ, не имѣющихъ на то правъ по происхожденію, и о недозволении покупать имѣнія лицамъ другихъ сословій, чего, напротивъ, эти послѣднія домогались; изъ среды же дворянства было представлено нѣсколько заявленій противъ стремленія двухъ послѣднихъ правительствъ исключить пытку изъ уголовного процесса.

«Таковы были наиболѣе общія и наиболѣе замѣчательныя заявленія, внесенныя въ указы депутатамъ. Но говоря объ этихъ наказахъ, необходимо сдѣлать особую оговорку относительно двухъ мѣстностей,—Остзейскаго края и Малороссіи. Законодательство обѣихъ этихъ провинцій болѣе или менѣе отличалось отъ великороссійскаго; обѣ онѣ имѣли свои особыя права, утвержденныя при ихъ присоединеніи къ Россіи и, главное, обѣ онѣ имѣли свои особливныя историческія преданія. Названныя провинціи, или по крайней мѣрѣ многіе въ нихъ, желали сохранить всѣ эти особенности. Намъ извѣстно лишь весьма немного подробностей относительно остзейцевъ, но указы, данныя малороссійскимъ депутатамъ, достаточно изслѣдованы. Въ нихъ выразились очень характеристическія особенности этой страны и послѣдствія вліяній, которыя она испытала. Такъ, на примѣръ, въ то время какъ

въ Великороссіи вовсе не обнаруживалось непріязни между сословіями, мысль, что въ общемъ собраніи депутатовъ представителямъ дворянства придется сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами и даже крестьянами, возмущала внуковъ тѣхъ пановъ, которые, можетъ быть, засѣдали на польскихъ сеймахъ. Не нужны намъ новые законы, кричали нѣкоторые, и не зачѣмъ ѣхать въ Москву, какъ развѣ за тѣмъ, чтобы просить подтвержденія старинныхъ правъ и вольностей. Всѣ поборы снять и войско вывести изъ Малороссіи, — вотъ что намъ нужно, поддерживали ихъ другіе, какъ во времена Скоропадскаго. Дворянство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ требовало, чтобы его депутаты просили о восстановленіи избранія гетмановъ вольными голосами всей Малороссіи, вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Во многихъ мѣстахъ просили, чтобы никому не было дозволено покупать имѣній въ Малороссіи, иначе какъ съ дозволенія мѣстнаго дворянства (по примѣру Остзейскихъ губерній). Когда же Безбородко, отецъ будущаго канцлера, заикнулся, что слѣдовало бы просить объ ограниченіи произвола помѣщиковъ надъ крестьянами, то противъ него воздвиглась всеобщая буря.

«Все это раздражало Румянцева, который проникнуть будучи чувствомъ строгой дисциплины, не понималъ, чтобы такое своеволие было допускаемо въ благоустроенномъ государствѣ. Онъ горько жаловался императрицѣ на большую часть малороссійскаго дворянства, присовокупляя, что только отчасти города и крестьяне приняли манифестъ 1766 года какъ великую милость. Но Екатерина смотрѣла шире на вещи, нежели ея генераль-губернаторъ, и нисколько не смущалась отъ этихъ притязаній. «Я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они излагаютъ умоначертанія прежнихъ временъ,» отвѣчала она Румянцеву. И точно: что могли значить голоса вѣсколькихъ повѣтовъ, обнаруживавшихъ какое-то стремленіе къ обособленію, когда на нихъ голосъ всей Россіи, въ лицѣ ея представителей отвѣчалъ бы veto (не позволяю)! Общее представительство страны есть колоссальный жерновъ, который обращаетъ въ прахъ всѣ мелкіе интересы, несогласные съ общимъ. Справедливость обязываетъ замѣтить притомъ, что если въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Малороссіи и обнаруживался духъ польскихъ сеймиковъ, то были и такіе, которые устраняли всякое существенное различіе между Великороссіей и Малороссіей, и почти всѣ выражали желаніе тѣснѣе сблизиться съ остальнымъ дворянствомъ. Въ наказѣ черниговскихъ дворянъ прямо выражалось желаніе «объ укрѣпленіи между ними и прочимъ російскимъ народомъ совершенной дружбы и единодушія.» Почти вездѣ выражалось желаніе, чтобы малороссійскому дворянству дарованы были тѣ же льготы, какъ и великороссійскому, чтобы ему доставлены были средства къ образованію, чтобы учреждены были банки, чтобы заведены были родословныя книги. Та-

книжъ образомъ, не взирая на довольно сильное стремленіе къ сохраненію своей особенноти, въ средѣ малороссійскаго дворянства являлось и сознаніе о необходимости и пользѣ полного слитія съ Имперіей. Что касается до городскихъ и казачьихъ обществъ, то это было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

«Довольная общимъ ходомъ выборовъ въ депутаты, Екатерина, въ ожиданіи ихъ сбора въ Москву, пожелала сама лично познакомиться съ нѣкоторыми частями Имперіи и предприняла поѣздку по Волгѣ. 2-го мая 1767 г., она сѣла на особо приготовленное для нея, изящно отдѣланное рѣчное судно, и начала свое путешествіе съ Твери. Императрицу сопровождала блестящая свита: двое Орловыхъ, оба Чернышевы, Бибиковъ, Елагинъ и многіе другіе изъ иностранныхъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Среди этого избраннаго общества медленное плаваніе казалось пріятною прогулкой: «ничего не можетъ пріятнѣе быть, какъ вояжировать безъ усталы цѣлымъ домомъ,» писала государыня къ Н. Панину, оставшемуся при великомъ князѣ. Вездѣ, мимо какого селенія ни проѣзжала царская барка, народъ высыпалъ толпами и провожалъ ее берегомъ отъ селенія до селенія. Купечество и дворянство приготовляли въ городахъ императрицѣ встрѣчи, въ которыхъ выражалась горячая преданность русскаго народа къ царю, какъ верховному своему представителю, и преданность самой особѣ Императрицы, которая успѣла уже пріобрѣсть огромную популярность. Съ своей стороны, императрица, пользуясь близостью отъ Волги усадьбъ нѣкоторыхъ лично ей извѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщала ихъ, останавливалась передъ нѣкоторыми церквами и заходила въ нихъ помолиться. Легко понять, что все это увеличивало популярность императрицы. Дряхлые старцы приказывали выводить себя, чтобъ передъ смертію взглянуть на ту, царствованіе которой открывало новую эру; въ Казани одинъ древній старикъ выведенъ былъ подобнымъ образомъ, «и такъ мнѣ обрадовался, писала императрица, что почти говорить не могъ; я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень старъ и почти слѣпъ, и какъ онъ головою все подвигался, чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ.»

«Но если Екатеринѣ были пріятны эти иногда простодушныя, и тѣмъ болѣе искреннія выраженія народной къ ней преданности, если въ ея расчеты могло входить желаніе возбуждать своимъ присутствіемъ это чувство, то все таки главною ея цѣлію было изучать обозрѣваемый ею край. И она не упускала этого изъ виду. Она знала Россію доселѣ лишь по бумагамъ и рассказамъ; теперь вся ширь и глубь ея раскрывалась передъ нею. «Это цѣлое особое царство, писала она изъ Казани, и только здѣсь, углубясь въ него, постигаешь, какое необъятное дѣло — составить законодательство для Россіи, и какъ мало нынѣ

существующіе законы соотвѣтствуютъ положенію страны! Столько разныхъ объектовъ достойныхъ взгляда! Мыслей же на десять лѣтъ здѣсь набрать можно.» Чѣмъ далѣе она подвигалась, тѣмъ шире передъ нею раскрывалось неисчислимое богатство Приволжскаго края. Привыкнувъ къ тощимъ пашнямъ и приземистымъ лачужкамъ, окружающимъ Петергофъ и Ораніенбаумъ, императрица дивилась этому густому слою чернозема, который покрываетъ поля приволжскихъ крестьянъ, этимъ садамъ, которые окаймляютъ тамошнія селенія. Чѣмъ далѣе спускалась она по Волгѣ, тѣмъ плодоснѣе становилась страна, но тѣмъ явственнѣе въ то же время обнаруживалось и неустройство; у Симбирска уже вѣяло пустыней, степью; самый городъ показался императрицѣ «скарёднымъ», недоимки въ тамошней провинціи были огромныя, не смотря на всѣ естественныя условія къ благосостоянію и даже богатству.

«Здѣсь государыня оставила Волгу, которая далѣе показала бы ей еще пустыни; богатая «мыслями на десять лѣтъ», она поѣхала въ Москву сухопутемъ, чтобъ открыть депутатскую комиссію, и еще разъ, окончательно просмотрѣть свой наказъ. Для этого, пишетъ она въ одной недавно найденной запискѣ, «назначила я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный наказъ комиссіи уложенія. Тутъ при каждой строкѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать, что хотѣли...»

«Открытие комиссіи для составленія уложенія происходило 30-го іюля (1667 года). Наканунѣ этого дня депутаты, имѣя во главѣ генераль-прокурора князя Вяземскаго, отправились прежде всего въ Успенскій соборъ, послѣ чего приняты были императрицею. Каждый изъ нихъ имѣлъ медаль съ надписью: *блаженство каждаго и всѣхъ*, съ обозначеніемъ года и числа манифеста о созваніи депутатовъ. Затѣмъ 31-го числа послѣдовало и самое открытие комиссіи. Собралось 567 ¹⁾ представителей администраціи и народонаселенія Россіи, — людей принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, мѣстностямъ и племенамъ нашего отечества. Князь Вяземскій предложилъ собранію приступить прежде всего къ избранію своего предводителя. По большинству голосовъ избраны: старшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ (вяземскій депутатъ), графъ З. Г. Чернышевъ (волоколамскій депутатъ) и А. И. Бибиковъ (костромской депутатъ). Императрица утвердила послѣдняго. Затѣмъ въ средѣ собранія образованы были 19 комитетовъ для разсмотрѣнія различныхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ занятій собранія. Такимъ образомъ, одинъ изъ этихъ комитетовъ разсматривалъ различные предметы относительно преобразованій, которыя предлагались по разнымъ частямъ управления, другой занимался улучшеніемъ

¹⁾ Полное число было 652; не всѣ, повидимому, воспользовались своимъ правомъ.

судопроизводства, третій обсуждалъ мѣры къ умноженію народнаго благосостоянія, другіе, наконецъ, устройствомъ духовенства, развитіемъ промышленности и торговли и т. п. Каждый изъ этихъ комитетовъ, занимаясь своимъ специальнымъ предметомъ, по мѣрѣ изготовленія имъ работъ своихъ, вносилъ ихъ на обсужденіе общаго собранія; сущность дѣла, практически-полезная сторона его, разрабатывалась специальными комитетами, но главный общественный интересъ заключался въ засѣданіяхъ комиссіи; на нихъ вербѣдко присутствовала сама Екатерина, но тайно, не будучи видима. Нѣтъ сомнѣнія, что это были засѣданія весьма любопытныя; здѣсь выражались, какъ тогда говорили, *умоначертанія* не только самихъ депутатовъ, но и избравшихъ ихъ обществъ; къ сожалѣнію, засѣданія комиссіи уложенія еще не извлечены изъ нашихъ архивовъ, и мы весьма мало о нихъ знаемъ, хотя и извѣстно, что бумаги, относящіяся до работъ комиссіи, сохранились и безъ сомнѣнія будутъ открыты для историческихъ изслѣдованій. Комиссія существовала болѣе года и не довела до конца своихъ занятій. Она была распущена осенью 1768 года по причинѣ разрыва съ Турціей. Начинаясь война требуетъ, сказано было въ указѣ 18-го ноября, чтобы какъ правительство, такъ и граждане обратили все свое вниманіе и направили всѣ свои усилія для защиты отечества.

«Это, конечно, совершенно справедливо. Но Екатерина объявляла, что распускаетъ комиссію «до новаго указа», — а между тѣмъ этого новаго указа о возобновленіи комиссіи не послѣдовало во все ея царствованіе, равно какъ и при ея преемникахъ: какія же могли быть тому причины? Иные думаютъ, что комиссія оказалась ниже предложенной ей задачи, другіе, — что въ ней обнаружались попятныя къ ограниченію верховной власти. Последнее изъ этихъ мнѣній невѣроятно. Депутаты должны были во время своего пребыванія въ Москвѣ сообразоваться съ данными имъ наказами, а большая часть этихъ наказовъ уже рассмотрѣна исторіей и содержаніе ихъ приведено выше. Въ нихъ не заключается ничего похожаго на желаніе ограничить верховную власть. Напротивъ, они выражали сознаніе, что все благо ожидается народомъ отъ верховной власти, къ которой онъ поэтому и обращался съ полною откровенностію и надеждою.

«Что же касается до того, будто комиссія оказалась неспособною исполнить задачу, для которой она была собрана, то и это обвиненіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Мысли, выраженныя въ наказахъ депутатамъ, вообще серьезны и не даютъ повода заключать, чтобы лица, ихъ писавшія, были тупы; тѣмъ менѣе это можно думать о тѣхъ, которые были избраны для объясненія этихъ мыслей передъ лицомъ правительства. Можно замѣтить между этими мыслями нѣсколько такихъ, которыхъ нельзя назвать либеральными; но странно было бы

и ожидать, чтобы вся масса народонаселения въ какой нибудь странѣ состояла изъ либераловъ! Императрица желала слышать голоса своихъ подданныхъ не столько для того, чтобы составить изъ нихъ теорію публичнаго права, сколько для того, чтобы узнать ихъ дѣйствительныя нужды и желанія, а въ этомъ отношеніи полезно заявленіе желаній даже странныхъ и явно противорѣчащихъ здравымъ началамъ. Изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами, императрица могла убѣдиться, что еслибъ и издать формальный законъ, напримѣръ, о всеобщемъ уничтоженіи пытки, то онъ едва ли на самомъ дѣлѣ исполнялся бы привычными къ старинной практикѣ судьями; съ другой стороны, она должна была заключить, что при этомъ единодушно заявляемомъ стремленіи къ образованію, скоро должно наступить время, когда общественное мнѣніе само признаетъ этотъ варварскій обычай бесполезнымъ и безнравственнымъ. Точно также она должна была убѣдиться, что не наступило еще время разрушить основанія крѣпостнаго права; отъ малороссійскихъ помѣщиковъ, напротивъ того, сдѣланы были заявленія о распространеніи этого законоположенія. Въ самой комиссіи нѣсколько словъ, сказанныхъ объ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній, возбудило сильнѣйшее негодованіе. Однако эти слова были сказаны, и богатѣйшіи между русскими помѣщиками, графъ Шереметевъ, выразилъ готовность дать свободу всѣмъ своимъ крестьянамъ. Не менѣе важно было для правительства узнать, что въ той же Малороссіи довольно сильны еще преданія о гетманскомъ управленіи; что тамъ довольно сильна еще партія, которая желала бы установить между Великою и Малою Россіей отношенія, подобныя тѣмъ, которыя существовали между нею и королевствомъ Польскимъ, то есть образовать въ ней, подъ гетманскою булавою, особое управленіе, связанное съ Имперіей лишь нѣкоторыми условіями; что дворянство Прибалтійскаго края лучше хочетъ не вносить въ свое провинціальное управленіе никакихъ преобразованій, нежели допустить тѣ, которыя замышлялись для остальныхъ частей Россіи. Стремленіе эстляндскихъ и лифляндскихъ депутатовъ, уклониться отъ общаго для всей Россіи законодательства, заставило императрицу однажды съ гнѣвомъ воскликнуть: «Они подданные Россійской Имперіи! Я не лифляндская императрица, но Всероссийская!» Обо всѣхъ этихъ стремленіяхъ, несогласныхъ съ благомъ имперіи, правительство могло узнать, и узнать съ достовѣрностію, лишь изъ наказовъ депутатамъ и изъ ихъ заявленій, а потому и принять соотвѣтствующія мѣры. И такъ, вотъ уже одна чрезвычайно важная и полезная сторона дѣятельности комиссіи уложенія. Но можетъ быть самыя ея работы оказались очень слабыми? Можетъ быть, въ числѣ этихъ 567 депутатовъ, едва нашлось нѣсколько человекъ, стоявшихъ въ уровень съ своимъ призваніемъ? Весьма вѣроятно, что очень многіе изъ нихъ дѣйстви-

тельно не могли быть серьезными законодателями, какъ это впрочемъ бываетъ въ выборныхъ собраніяхъ и другихъ, болѣе просвѣщенныхъ странъ; важно было уже то, что депутаты были люди, практически знавшіе страну, и что ихъ интересы связаны съ ея интересами. Мы знаемъ притомъ, что Москва имѣла своимъ представителемъ графа П. Панина, Ярославъ — князя М. Щербатова, челоѣвка, котораго наблюденія надъ современнымъ ему состояніемъ Россіи весьма замѣчательны; графъ З. Чернышевъ, князь М. Н. Волконскій, генераль-прокуроръ Вяземскій, фельдцейгмейстеръ Вильбуа, Биляковъ, Мельгуновъ, бывшій потомъ генераль-губернаторомъ въ Архангельскѣ, графъ Брюсъ, начальствовавшій потомъ въ Москвѣ, князь А. Голицынъ, бывшій главнокомандующій — люди постоянно занимавшіе видныя мѣста въ царствованіе Екатерины, Кутузовъ — будущій князь Смоленскій — ученый Миллеръ, князья Трубецкіе и Оболенскіе, Орловы, Нарышкины, — однимъ словомъ, лучшіе люди тогдашней Россіи находились въ числѣ депутатовъ, — а въ каждомъ собраніи, подобномъ комиссіи, достаточно нѣсколькихъ десятковъ даровитыхъ и дѣльныхъ людей, чтобъ сообщить всему собранію серьезное направленіе. Впрочемъ, вотъ что писала сама императрица объ этой комиссіи нѣсколько лѣтъ послѣ ея закрытія: «комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, — съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Они всѣ части закона собрали и разобрали по матеріямъ и *болѣе того бы сдѣлали*, еслибъ турецкая война не началась.» Къ этому можно прибавить еще, что работы комиссіи послужили главнѣйшимъ основаніемъ для важныхъ и полезныхъ преобразованій, совершенныхъ впослѣдствіи Екатериной. Мысль костромскаго дворянства едва ли не была образцомъ, слѣдующему, Императоръ Александръ положилъ первое начало устройству сословія собственниково-земледѣльцевъ и которая получила въ наши дни окончательное осуществленіе славнымъ указомъ 19-го февраля 1861 года.

«Но въ такомъ случаѣ еще больше непонятно, почему, по окончаніи турецкой войны и никогда потомъ, ни Екатерининская комиссія, ни какое нибудь другое подобное ей собраніе не были призваны? Дать на это положительный отвѣтъ м. дрено. Можно думать, что между лицами, окружавшими императрицу, было много несочувствовавшихъ законодательнымъ работамъ съ помощію выборныхъ людей, которые если и подали добрые совѣты правительству и доставили ему полезныя свѣдѣнія, то вскрыли и много беспорядковъ, обнаруженіе которыхъ не могло быть пріятно начальствующимъ лицамъ. Затѣмъ, вскорѣ по окончаніи турецкой войны, въ восьмидесятыхъ годахъ, обнаружались во Франціи первые признаки революціи, которая именнo началась борьбою между правительствомъ и выборными собраніями. Это обстоятельство имѣло весьма существенное вліяніе на образъ мыслей

не только совѣтниковъ императрицы, но и ея самой, относительно пользы выборныхъ собраній. Сила, которая въ нихъ заключается, такъ велика, что она можетъ возбуждать опасенія даже тогда, когда нѣтъ къ тому никакихъ видимыхъ причинъ.

«Какъ бы то ни было, но комиссія была распущена. Оставлены были только спеціальныя комитеты, работы которыхъ, вмѣсто общаго собранія депутатовъ, представлялись уже прямо правительству. Эти комитеты продолжали свои занятія до тѣхъ поръ, пока не приводили ихъ къ концу, и затѣмъ упразднились. Послѣдній изъ нихъ закрытъ въ 1774 году.

«Должно признаться, что упраздненіе комиссіи, которое въ настоящее время кажется дѣломъ весьма достойнымъ сожалѣнія, не произвело на современниковъ большого впечатлѣнія. Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что большинство даже образованныхъ классовъ, не видя прямыхъ послѣдствій работъ комиссіи, было къ нимъ равнодушно. Но прошло не много времени, и сыновья тѣхъ, которые засѣдали въ комиссіи уложенія, говорили о ней, какъ о дѣлѣ превосходящемъ всѣ прочія громкія и славныя дѣла Екатерины. «Память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, — восклицаетъ сынъ А. И. Бибикова въ «Запискахъ» о жизни своего отца, — временемъ исчезаютъ; геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми и неимовѣрными нашего вѣка побѣдами затмятся: но дѣла благотворительницы и законодательницы Россіянъ пребудутъ въ сердцахъ ихъ въ роды родовъ неизгладимыми и тверже запечатлѣнными, нежели бы начертаны на величественныхъ памятникахъ, смиреніемъ твоимъ отринутыхъ!»

Вотъ, въ какихъ главныхъ чертахъ изображаетъ нашъ авторъ самое содержаніе «Наказа»:

«Наказъ, какъ видно по самому его названію, есть инструкция, написанная Екатериною для членовъ созданной ею комиссіи; это изложеніе тѣхъ мыслей, которыми она желала, чтобъ они руководствовались. Наказъ есть, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ политическій катихизисъ Екатерины, политическое ученіе, которое она преподавала Россіи. Вотъ важнѣйшія его черты: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства.» Ласкатель, говоритъ далѣ Екатерина, любя въ увѣрять монарховъ, что народы для нихъ сотворены: «однакожь мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа.» Государь, хотя и самодержавный, управляетъ посредствомъ законовъ, которые до изданія ихъ разсматриваются особымъ учрежденіемъ, и если оно замѣчаетъ въ нихъ несовершенства, то представляетъ о томъ государю. Такое учрежденіе

въ Россіи—сенать, которому въ свою очередь другія правительственныя учрежденія представляютъ о несовершенствахъ дѣйствующихъ законовъ. Цѣль законовъ—«предохранять безопасность каждаго особо гражданина.» Они должны быть общи для всѣхъ гражданъ безъ исключенія: въ этомъ состоитъ «равенство всѣхъ гражданъ».—«Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, то бы ужъ больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякій изъ нихъ собственной наслаждается безопасностію, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.» Законы должны какъ можно менѣе стѣснять личную свободу человѣка и воспрещать лишь то, что вредно всему обществу, или отдѣльнымъ его членамъ. Они должны примѣняться къ понятіямъ народа, для котораго издаются. Слѣдуетъ избѣгать излишества законоположеній; народныя нравы слѣдуетъ исправлять не столько законодательными мѣрами, сколько вліяніемъ примѣра, дѣйствіемъ на обычаи и понятія народа.

«Нарушеніе закона есть преступленіе; но преступленіе имѣетъ множество степеней, которымъ должны соотвѣтствовать и различныя степени наказаній. Вообще надо имѣть въ виду, что цѣль наказаній заключается не въ томъ, чтобы мучить «тварь чувствами одаренную: они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій.» Вообще же «гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать», — а предупреждать ихъ можно всего надежнѣе посредствомъ приведенія въ совершенство воспитанія. Самое тяжкое преступленіе есть то, которое нарушаетъ спокойствіе и безопасность общественную, каковы умыселъ и заговоръ противъ государя или государства; но при этомъ надлежитъ весьма внимательно наблюдать, чтобы не придать слишкомъ важнаго значенія дѣламъ въ дѣйствительности незначительнымъ, напримѣръ: не смѣшивать разговоры, оскорбительныхъ для чести государя, съ дѣйствіями, составляющими настоящую измѣну, или заговоръ; даже письменнымъ язвительнымъ порицаніямъ не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія, — иначе «умы почувствуютъ притѣсненіе и угнѣтеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, отвергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ.» Вообще должно избѣгать чрезмѣрной суровости въ уголовныхъ законахъ: жестокость возбуждаетъ озлобленіе; пусть суровыми мѣрами истребленъ въ странѣ какой-нибудь родъ злодѣяній: «но порокъ въ

общенародіи остается отъ жестокости сея происходящей; умы народа испортились: они приобъехали къ насильству. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претергнїи наказанія заключающееся.» Обвиняемому должны быть доставлены всѣ средства къ оправданію; ему должно быть предоставлено право отводить тѣхъ изъ числа судей, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ пристрастіи противъ себя. «Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само челоѣчество вопіетъ противу оныя и требуетъ, чтобъ она была все уничтожена. Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.» Предварительное лишеніе свободы обвиняемаго должно дѣлаться съ крайнею разборчивостью. Тайные доносы составляютъ зло; обвиненіе должно производиться гласно; но съ другой стороны весьма важно, чтобы преступленіе, сдѣлавшись извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Отписываніе имѣній въ казну у преступниковъ не должно быть терпимо. Уложеніе должно стараться сдѣлать книгою общедоступною, «которую бы за малую цѣну достать можно было, на подобіе букваря.»— «Приговоры судей должны быть народу вѣдомы, такъ и доказательства преступленій, чтобы всякій изъ гражданъ могъ свазать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ.»

«Главы наказа, касающіяся преступленій и наказаній, суть самыя обработанныя и заключаютъ наиболѣе новыхъ для тогдашняго нашего общества взглядовъ. Въ другихъ главахъ императрица касалась различныхъ важнѣйшихъ вопросовъ законодательства, между прочимъ положенія крѣпостныхъ людей. Она осуждала крѣпостное право прежде всего съ той точки зрѣнія, что оно задерживаетъ увеличеніе народонаселенія. У крестьянъ, пишетъ она, едва ли и четвертая часть рождающихся дѣтей достигаетъ совершеннолѣтія. Обремененные непомѣрными оброками, они принуждены покидать свои семейства и уходить вдаль, на заработки, отчего и земледѣліе и нравственность страдаютъ. Не увѣренные въ своей имущественной безопасности, они скрываютъ свое богатство, когда случайно успѣли его приобрести, зарываютъ свои деньги и, къ общему ущербу, не пускаютъ ихъ въ оборотъ. «Не должно вдругъ, и чрезъ узаконеніе общее, дѣлать великаго числа освобожденныхъ; но законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.» Не худо было бы давать въ собственность земледѣльцамъ, особенно рачительнымъ и трудолюбивымъ, ихъ поля. Въ странѣ, гдѣ большая часть народонаселенія не имѣетъ никакой собственности, не можетъ быть ни трудолюбія, ни богатства. Далѣе императрица рекомендуетъ поддержаніе земледѣлія и торговли, устройство банковъ, возбужденіе довѣренности и кредита посредствомъ строгаго и быстрого взысканія

долговъ, установленіе прочной монетной системы, учрежденіе правильно организованной полиціи; убѣждаетъ обратить самое серьезное вниманіе на воспитаніе, давать которое, въ мѣрѣ, допускаемой средствами, она относитъ къ естественнымъ и безусловнымъ обязанностямъ родителей; посвящаетъ цѣлый отдѣлъ государственному «строительству,» или хозяйству, то есть обзорѣню источниковъ государственныхъ доходовъ и правильному ихъ употребленію; наконецъ она касается важнаго вопроса о кодификаціи, указывая собрать отдѣльно основные законы, отдѣльно — законы временные и отдѣльно же указы, издаваемые на извѣстные случаи.»

Исторія «Наказа», разработанная во всѣхъ подробностяхъ, безъ сомнѣнія дастъ со временемъ ключъ къ пониманію характера исторіи всего царствованія Екатерины II. Мы слышали, что одво изъ правительственныхъ мѣстъ намѣрено издать всѣ докуменаты, относящіеся къ «Наказу» и «Коммиссіи»; тогда для науки настанетъ время разобрать это дѣло всесторонне; до тѣхъ же поръ, мы вынуждены, на многое отвѣчать такъ, какъ то сдѣлалъ и авторъ, говоря: «дать на это положительный отвѣтъ мудрено!» Замѣчаніе автора, что «коммиссія выборныхъ», не смотря на данное обѣщаніе собрать ее снова послѣ турецкой войны, никогда не была собрана, потому что между близкими людьми къ императрицѣ было много непріязненно смотрѣвшихъ на выборныхъ людей, которые могли открыть правительству ихъ злоупотребленія — такое замѣчаніе весьма правдоподобно, но все же остается весьма важный вопросъ: почему императрица видѣла себя въ необходимости принять въ соображеніе неудовольствія нѣкоторыхъ лицъ на дѣло, клонившееся къ государственной пользѣ и вредное однимъ интересамъ начальствующихъ лицъ? Рѣшеніе такого вопроса приведетъ насъ, вѣроятно, къ иной точкѣ зрѣнія на характеръ Екатерининскаго вѣка.

Какъ бы то ни было, трудъ г. Щебальскаго, включая въ себя, какъ мы замѣтили выше, много результатовъ, почерпнутыхъ изъ новѣйшихъ документовъ, представляетъ большой интересъ. Прошедшее наше столѣтіе въ той же степени любопытно, въ какой мало извѣстно. Чѣмъ болѣе мы будемъ чувствовать себя независимыми отъ него, чѣмъ болѣе мы будемъ смотрѣть на XVIII вѣкъ, какъ на свою древнюю, отшедшую въ вѣчность исторію, тѣмъ безпристрастнѣе опѣнимъ его значеніе. Еще недавно не было исторнику никакой возможности заниматься изученіемъ XVIII вѣка у насъ; какъ будто полагали, что XVIII вѣкъ еще не кончился, что мы еще участвуемъ и въ его недостаткахъ и въ его преступленіяхъ. Въ послѣднее время, мы начали относиться совершенно иначе и гораздо смѣлѣе, гораздо самостоятельнѣе къ этой выстѣ и знаменитой и печальной эпохѣ. Это всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ, что люди чувствуютъ себя

въ другой эпохѣ, и что предшествовавшее время отходить окончательно въ область исторіи.

Очеркъ русской исторіи. В. Санина. Выпускъ I. Спб. 1866 г. стр. 64.

Цѣль автора—говорится въ предисловіи—состоить въ томъ, чтобы имѣть «въ виду не столько изложеніе событій прошлаго, сколько объясненіе прошлымъ настоящаго; не столько обращено было вниманіе на характеристику крупныхъ событій русской исторіи въ ихъ послѣдовательной связи, сколько на группировку данныхъ, объясняющихъ, какъ сложился современный намъ бытъ Россіи.» Однимъ словомъ, авторъ намѣревался представить очеркъ исторіи культуры въ Россіи, и привелъ въ началѣ и въ концѣ своего «Очерка» многочисленные источники и пособія, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда. Но объемъ сочиненія (четыре листа) не дозволилъ автору воспользоваться указанными имъ средствами, какъ того можно было бы желать, и потому «Очеркъ» явился немного болѣе обширнымъ тѣхъ отдѣловъ, которыми въ учебникахъ заключаются періоды, подъ рубриками: «войско», «школы», «финансы» и т. п. Кромѣ того, авторъ не выработалъ для себя никакой опредѣленной системы, и выбиралъ предметы изложенія, какъ бы случайно; вслѣдствіе того, въ отдѣлѣ «Варяжская Русь», мы встрѣчаемъ, напримѣръ, рубрику «Торговля и промыслы»; а въ третьемъ отдѣлѣ «Московское государство» этой рубрики больше вовсе не находимъ. По той же причинѣ многое и весьма важное вовсе опущено: авторъ доводитъ свой очеркъ до Петра I, и между тѣмъ опускаетъ переворотъ, совершившійся въ бытѣ крестьянъ при Годуновѣ; этотъ пропускъ тѣмъ болѣе страненъ, что въ предъидущемъ отдѣлѣ (Монгольское иго) имѣлась особая рубрика: «Города и селенія.»

Впрочемъ, многіе отдѣлы изложены авторомъ съ достаточною подробностью и дѣлаютъ его трудъ полезною справочною книгою. Потому было бы желательно, чтобы авторъ въ заключеніе своего «Очерка» присоединилъ каталогъ предметовъ, упоминаемыхъ въ немъ, и кромѣ того не ограничивался бы голословнымъ перечнемъ своихъ источниковъ въ началѣ труда, но при каждомъ извѣстіи указывалъ не только книгу, но и самое мѣсто, гдѣ можно найти всѣ подробности о томъ же самомъ предметѣ. Только при этомъ условіи, его трудъ можетъ быть признанъ весьма полезнымъ для каждаго, кто интересуется исторіею нашей цивилизаціи. Авторъ можетъ въ этомъ отношеніи избрать себѣ образцемъ любое сочиненіе въ этомъ родѣ на иностранныхъ языкахъ: нельзя найти ни одного, которое бы голословно приводило факты, не указывая на источники, потому что въ этомъ-то и состоитъ вся сила подобныхъ «Очерковъ». Авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что «каждый, кто знакомъ съ русскою исторіею по источни-

камъ, можетъ указать трудъ и въ особенности статьи въ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ взяты въ «Очеркъ» отдѣльные факты.» Но нельзя ни отъ кого ожидать такого знакомства съ русскою исторіею, чтобы онъ удерживалъ въ памяти, что такое-то изслѣдованіе напечатано въ такомъ-то журналѣ, въ такомъ-то году, и въ такомъ-то номерѣ. Притомъ «хорошо знакомые» съ русскою исторіею будутъ меньше интересоваться трудомъ г. Санина, нежели тѣ, которые еще желаютъ ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ изъ исторіи нашей культуры. Указаніе автора на то, что «перечисленіе источниковъ заняло бы слишкомъ много мѣста,» не можетъ быть принято въ уваженіе, если подумать о томъ, что безъ подобнаго перечисленія весь его трудъ теряетъ главное свое значеніе.

«Очеркъ русской исторіи» г. Санина замѣчателенъ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ сдѣлать культуру въ русской исторіи главнымъ предметомъ и даже исключительнымъ, но желательно было бы видѣть выполненіе такого труда нѣсколько въ большемъ размѣрѣ и съ болѣе строгою и опредѣленною системою, наконецъ, съ точнымъ указаніемъ источниковъ, а не съ однимъ перечнемъ ихъ названій, который въ этомъ видѣ никому не можетъ быть нуженъ: для этого существуютъ болѣе обширные каталоги историческихъ книгъ.

II. НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

А. РУССКАЯ.

Курсъ международного права. Проф. Д. Каченовскаго. Книга вторая. Харьковъ. 1866. Стр. 336.

Авторъ дѣлитъ свой курсъ на *общую* и *особенную* части. Въ нынѣшнемъ году вышла въ свѣтъ вторая книга общей части, содержащая въ себѣ второй отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Происхожденіе и развитіе международного права». Но въ этомъ второмъ и чисто историческомъ отдѣлѣ авторъ доводитъ свой предметъ только до реформаціи; исторія международного союза отъ реформаціи до нашего времени составитъ третью книгу, которую авторъ надѣется издать въ 1868 году, и ея онъ заключить общую часть.

Въ нашей новѣйшей литературѣ мы не имѣемъ ни одного колнаго систематическаго изложенія курса международного права, и потому трудъ Д. И. Каченовскаго оказываетъ большую услугу, пополняя такой важный пробѣлъ. Этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе и по эпохѣ, въ которую ему было суждено явиться: мы живемъ теперь

именно въ тѣ дни. когда все, что имѣеть силу, говорить, что оно ненавидитъ тѣ или другіе трактаты и стремится къ уничтоженію ихъ, а трактаты служатъ прежде всего источникомъ международнаго права. Но это нисколько не противорѣчитъ ни сущности вообще ученія о международномъ правѣ, ни тому profession de foi, которое высказываетъ нашъ авторъ по поводу разбора извѣстнаго труда бельгійскаго профессора Лорана. Дѣйствительно, народы въ своихъ международныхъ отношеніяхъ стремятся къ той же цѣли, къ которой стремятся отдѣльные люди въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, и которой они хорошо достигли образованіемъ государства. Отдѣльные люди заключили уже между собою союзъ, государство, охраняемый верховною властью, съ цѣлью жить въ мирѣ другъ съ другомъ. Того же хотятъ достигнуть народы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. «Когда и какими именно способами, спрашиваетъ авторъ, устроится прочный миръ между народами, сказать трудно, но едва ли есть поводы сомнѣваться, что развитіе гражданственности должно завершиться общечеловѣческимъ союзомъ.» Какъ ни обще и отдаленно выраженіе автора, но изъ него можно вывести, что созданіе прочнаго, ненаружимаго международнаго права, а слѣдовательно и вѣчнаго мира, какого отдѣльные люди уже достигли въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, обусловливается обстоятельствомъ, лежащимъ внѣ международнаго права, а именно «развитіемъ гражданственности». Чѣмъ болѣе развита гражданственность, тѣмъ затруднительнѣе для политическихъ страстей, расчетовъ, комбинацій, разжигать войну между народами. Англія служить тому лучшимъ примѣромъ: англійскому государственному чловѣку почти нѣтъ возможности вовлечь націю въ войну противъ ея воли. Но каково должно быть то развитіе гражданственности, при которомъ народы соединятся въ одинъ общечеловѣческой союзъ? Это — идеаль, и наука международнаго права ничего не остается пока, какъ изслѣдовать историческимъ путемъ, какія побужденія сблизили между собою народы, чѣмъ они поддерживались, какія формы союза народовъ создавались въ различныя времена, почему онѣ становились негодными, и какимъ новымъ формамъ должны были уступать свое мѣсто? Наконецъ, на какихъ основахъ покоится союзъ новѣйшихъ народовъ между собою, и почему въ самыя послѣдніе годы мы должны были сдѣлаться свидѣтелями непрерывнаго протеста противъ положительнаго международнаго права, который завершился наконецъ извѣстными словами императора французовъ Наполеона III: «я ненавижу Вѣнскіе трактаты!»

Авторъ, въ настоящемъ выпускѣ своего «Курса» слѣдовалъ именно историческому методу изложенія международнаго права. Мы остановимся на одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его труда, интересъ котораго увеличивается современными событіями въ Германіи. Въ § 21,

Д. И. Каченовскій говорить спеціально о «Международномъ значеніи Священной Римской имперіи до реформаціи.»

Если мы вернемся мыслью къ среднимъ вѣкамъ, и, не вникая въ подробности, бросимъ взглядъ на общую картину западной Европы, принимая вещи за то, чѣмъ онѣ назывались, то мы будемъ поражены тѣмъ преимуществомъ, которымъ западная Европа, повидимому, пользовалась чуть не десять столѣтій тому назадъ. Она, по своей наружности, представляла именно тотъ идеалъ международныхъ отношеній, который мы рисуемъ для себя въ далекомъ будущемъ. Въ тѣ времена, западная Европа, состоя изъ такихъ королевствъ, какъ Франція, Англія, Італія, Испанія, Германія, и притомъ раздѣленныхъ на безчисленное множество герцогствъ, графствъ, архіепископствъ, епископствъ, орденовъ, вольныхъ городовъ, въ то же самое время составляла одно цѣлое подъ названіемъ *Священной Римской Имперіи*. Св. Римская Имперія была такимъ образомъ, по счастливому выраженію нашего автора «международною монархіею». Во главѣ ея стоялъ императоръ и папа; предѣлами этой монархіи были предѣлы католицизма и латинскаго языка, какъ языка науки и церкви. Сеймы и соборы были высшими трибуналами этой всесвѣтной имперіи. Феодалное право было общее на всемъ ея пространствѣ. Однимъ словомъ, большого формальнаго единства и въ болѣе широкихъ предѣлахъ, мы не встрѣчаемъ ни въ одинъ моментъ исторіи человѣчества.

Но всѣмъ извѣстно, какъ безсодержательна была эта удивительная форма международныхъ отношеній въ средніе вѣка, и какъ этотъ средневѣковой «миръ» служилъ непрерывнымъ источникомъ войнъ. Однако вліяніе формальнаго единства было такъ велико, что европейское общество, при всемъ разнообразіи своихъ народовъ, выработало изъ себя обязательное для всѣхъ постановленіе «Божьяго мира», въ силу котораго въ извѣстные дни никто не смѣлъ вести войны — учрежденіе, которое едва ли было бы возможно и въ наше несравненно болѣе просвѣщенное время.

Средніе вѣка именно отличаются тѣмъ, что ихъ высокіе идеалы имѣли для себя самое узкое реальное основаніе, и потому эти идеалы были шатки и подвергались непрерывнымъ колебаніямъ, даже они служили источникомъ кровопролитія и междоусобія. Высокое въ средніе вѣка было въ то же время, если можно такъ выразиться, не заслуженно, и въ этомъ смыслѣ незаконно; если мы не представляемъ у себя возможности новой св. Римской имперіи, новаго рыцарства, то не потому, чтобы мы были ниже среднихъ вѣковъ, но именно потому, что мы менѣе способны къ колоссальной и вмѣстѣ официальной лжи и самообману. Потому-то съ успѣхами цивилизаціи, св. Римская имперія должна была отказаться отъ своего существованія въ формѣ привидѣнія и искать себѣ тѣла; дѣйствительно, съ XV столѣтія она

является съ менѣе громкимъ титуломъ, но болѣе реальнымъ: *Imperium nationis germanicae*, т. е. Германской имперіи. Такъ сократилась къ новому времени европейская международная монархія въ конкретную нѣмецкую имперію. Нѣмецкая имперія съ того времени должна была собственно перестать основываться на международномъ правѣ и сдѣлаться, какъ Франція, Англія, предметомъ обыкновеннаго государственнаго права. Но нѣмецкая имперія унаслѣдовала все хаотическое и идеальное устройство св. Римской имперіи, и, на основаніи вѣнскихъ трактатовъ, обратилась совершенно въ международную федерацію, составляющую какое-то особенное челоуѣчество въ челоуѣчествѣ. Обращеніе *германской имперіи* въ *германскій союзъ* только увеличило хаотическое состояніе германской націи. Германскій союзъ сдѣлался миниатюрой того союза, который въ средніе вѣка обхватывалъ всю западную Европу подъ именемъ св. Римской имперіи; на Германію походила одна Италия, составлявшая подобный же союзъ королевствъ, великихъ герцогствъ и герцогствъ, но еще хуже сплоченный, нежели германскій союзъ. На нашихъ глазахъ оба эти союза исчезаютъ, если уже не исчезли, и заключеніе автора, что «существованіе германскаго союза кажется необходимымъ для общаго спокойствія на западѣ» — едва ли не слѣдуетъ выразить обратно. Международное европейское право скорѣе страдало отъ того, что въ центрѣ Европы находилась масса, называвшаяся громкимъ, но пустымъ именемъ союза, который въ дѣйствительности не связывалъ ничего: достаточно было явиться какому нибудь честолюбцу въ такомъ тѣсно сплоченномъ государствѣ, какъ Франція, чтобы европейскій миръ могъ быть каждую минуту нарушенъ. Паденіе германскаго союза во всякомъ случаѣ будетъ громадною эпохою въ исторіи новѣйшаго международного права, и устраниемъ важнѣйшаго препятствія къ его дальнѣйшему развитію. Возможенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, былъ успѣхъ въ единеніи народовъ европейской семьи, когда одинъ изъ главныхъ ея членовъ былъ безъ головы, безъ воли, безъ политической идеи? Нужно ли рѣшить заключеніе какого нибудь договора, торговаго или почтоваго съ Германією, или признать существованіе новаго Итальянскаго королевства, и вдругъ какой нибудь самомалѣйшій членъ германскаго союза одинъ не дасть своего согласія. При такомъ положеніи вещей невозможно было и думать о серьезномъ сближеніи европейскихъ націй между собою.

Мы считаемъ послѣдующій отдѣлъ въ трудѣ Д. И. Каченовскаго, а именно «о вліяніи рыцарства на военные обычаи и международныя сношенія въ западной Европѣ», — однимъ изъ лучшихъ мѣстъ во всемъ его сочиненіи. Авторъ воспользовался почти всеми богатыми источниками по этому вопросу, и, какъ намъ кажется, вѣрно оцѣнилъ значеніе рыцарства въ исторіи развитія международного права. Мы

находимъ только въ этомъ отдѣлѣ весьма важное, по нашему мнѣнiю, опущенiе, а именно, авторъ ничего не говоритъ о паденiи рыцарства, совершившемся въ XIV и XV вѣкахъ, и подготовившемъ сервантесова Донъ-Кихота. Рыцарство, какъ и св. Римская имперiя, было паллиативною мѣрою и болѣе заключало въ себѣ формы, нежели реальнаго содержанiя, а потому и раздѣлило участь св. Римской имперiи. Паденiе рыцарства должно быть разсматриваемо вслѣдствiе того, какъ успѣхъ цивилизацiи: рыцари были рыцарями въ исполненiе внѣшняго закона, лежавшаго внѣ нравственныхъ побужденiй человѣка, и потому имъ предстояло рано или поздно сдѣлаться своего рода фарисеями. Человѣкъ новаго времени дѣйствуетъ болѣе въ силу внутренняго голоса совѣсти, и потому рыцарство должно было упраздниться вмѣстѣ съ реформацiею. Если бы авторъ не опустилъ изъ виду этой послѣдней исторiи рыцарства, факты которой такъ богато собраны въ *Histoire des Français des divers États, par Monteil*, то, безъ сомнѣнiя, онъ не заключилъ бы этого отдѣла словами: «лучшiе полководцы и офицеры до нашего времени сохранили рыцарскiй духъ во всей чистотѣ и слѣвѣ.»

Послѣднiй отдѣлъ: «Взглядъ на исторiю международной торговли и морскаго права въ среднiе вѣка», есть, конечно, важнѣйшiй, по сущности самого предмета. Торговое и морское право есть почти единственное право, которому народы подчиняются добровольно, безъ участiя какой нибудь внѣшней силы, и которое диктуется необходимостью вещей. По справедливому замѣчанiю автора, «морское право имѣетъ характеръ всемирный, и доказываетъ ясно, что *право можетъ быть произведенiемъ многихъ народовъ* . . .» Верховная власть не участвовала въ разработкѣ и кодификацiи этихъ космополитическихъ обычаевъ. Однимъ словомъ, если бы кто усомнился въ способности народовъ вырабатывать изъ самихъ себя международное право, такъ какъ нѣтъ трибунала, который могъ бы налагать на всѣ народы одинаковыя права, то существованiе морскаго права служитъ лучшимъ тому опроверженiемъ. Какъ ни обстоятельно изложенъ этотъ отдѣлъ въ трудѣ Д. И. Каченовскаго, но мы должны упрекнуть автора въ томъ, что онъ, подобно прочимъ историкамъ международнаго права, опустилъ совершенно изъ виду кодексъ морскихъ законовъ, помѣщенный въ ассизахъ Иерусалимскаго королевства ¹⁾. Ничто такъ не содѣйствовало сближенiю европейскихъ народовъ, а слѣдовательно и выработкѣ международныхъ отношенiй, какъ именно крестовые походы. Иерусалимское королевство можно было назвать государствомъ всѣхъ нацiй, и его ассизы представляютъ самый любопытный памятникъ для историка

¹⁾ Этотъ кодексъ переведенъ вполнѣ на русскiй языкъ въ т. III «Исторiи среднiхъ вѣковъ въ ея писателяхъ» и т. д. М. Стасюлевича. Спб. 1866.

международного права. Между прочимъ, и въ морскихъ ссисвахъ отразилась новостъ и независимость отношеній латинскихъ колонистовъ на востокъ въ XII и XIII столѣтїи. Вообще крестовые походы и судьба Иерусалимскаго королевства заслуживали бы занять въ трудѣ Д. И. Каченовскаго особый отдѣлъ¹⁾, и надобно думать, что при послѣдующихъ изданїяхъ авторъ сочтетъ полезнымъ восполнить этотъ пробѣлъ въ сочиненїи, которое займетъ почетное мѣсто въ нашей историко-политической литературѣ, и послужитъ важнымъ пособїемъ для людей занимающихся историческою наукою.

В. ИНОСТРАННАЯ.

1) ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

L'Oratoire de France au dix-septième et au dix-neuvième siècle, par le père Adolphe Perraud, prêtre de l'Oratoire, professeur d'histoire ecclésiastique à la Sorbonne. 1 vol. in-8, Paris, 1866, Douinot éditeur.

«Ораторїя», основанная въ Парижѣ въ 1611 г. извѣстнымъ Веруллемъ, въ теченїе XVII и XVIII вѣковъ наполняла своимъ именовъ всю Францію; можно даже сказать, что въ этотъ періодъ времени исторїя Ораторїи была вмѣстѣ и интеллектуальною исторїею всей страны. Это было цѣлое министерство народнаго просвѣщенїя, съ тѣмъ только отличїемъ отъ подобнаго учрежденїя въ наше время, что Ораторїя, какъ, въ среднїе вѣка, ордена, была основана не инициативою правительства, а частныхъ лицъ, и имѣла свое независимое управленїе, своего генерала и т. д. Все народное просвѣщенїе и его органы, высшія и низшія школы, находились въ рукахъ членовъ Ораторїи. Когда революція уничтожила все, напоминающее среднїе вѣка, Ораторїя была также закрыта въ 1792 году; но когда Наполеонъ I создалъ «университетъ Франціи», т. е. министерство народнаго просвѣщенїя, онъ не сдѣлалъ ничего другаго, какъ скопировалъ «Ораторїю», и даже глава «университета» носилъ средневѣковое названїе *Великаго-Маистра*.

Такимъ образомъ, исторїя «Ораторїи» во Франціи есть собственно исторїя, если можно такъ выразиться, *волею* министерства народнаго просвѣщенїя, и слѣдовательно исторїя самой французской образованности за послѣднїя два столѣтїя. Нѣтъ возможности удовлетворительно понять важнѣйшихъ событїй XVII и въ особенности XVIII сто-

¹⁾ Безъ сомнѣнїя, самъ авторъ согласится, что тѣ пять, шесть строчекъ, въ которыхъ онъ выразилъ свой взглядъ на значенїе крестовыхъ походовъ (стр. 253) далеко не исчерпываютъ предмета. Этотъ взглядъ весьма вѣренъ, но тогда еще болѣе жаль, что авторъ ограничился только тѣми немногими словами.

лѣтія, безъ того, чтобы не говорить объ Ораторіи, которая своею дѣятельностью въ народныхъ школахъ подготовляла общественныя судьбы. Но Франція не представила до сихъ поръ ни одной полной обстоятельной и *безпристрастной* исторіи этого замѣчательнаго въ свое время учрежденія. Новое соч. Ад. Перрѣ къ сожалѣнію служитъ только доказательствомъ, что эту тему избирають только для проведенія какихъ нибудь мелкихъ личныхъ идей. Авторъ — самъ членъ Ораторіи, но не той знаменитой Ораторіи, а ея поддѣлки, новой Ораторіи, которая сложилась тайно во время революціи и потомъ при реставраціи сдѣлалось явнымъ. До 1828 года, членами этой новой Ораторіи были члены прежней, но съ того времени она перешла въ другія руки: сначала во главѣ ея стояли Скорбіакъ и Солинисъ, а съ 1840 и до 1865 извѣстный abbé Vautain. Въ нынѣшнемъ году, Ораторія перешла въ руки новаго общества, которое такимъ образомъ проектируетъ цѣль своего существованія: «правиломъ составленія общества будетъ избраніе самими членами. Въ немъ будутъ обсуждаться всѣ высшіе вопросы литературы, исторіи, философіи, политической экономіи. Всякая работа, по программѣ ея, дѣлается предметомъ устныхъ преній, и въ концѣ каждаго академическаго года раздаются награды тѣмъ, которыхъ сочтутъ достойными сами ученики». Къ этой новой Ораторіи принадлежитъ и нашъ авторъ, профессоръ церковной исторіи въ Сорбоннѣ. Новая Ораторія подняла великое имя, пришедшее въ забвеніе, избрала ея же средство, но поставила себѣ инныя цѣли и явилась вслѣдствіе иныхъ требованій. Древняя Ораторія родилась, какъ оппозиція іезуитамъ, и провела все время въ отчаянной борьбѣ съ ними; древняя Ораторія выступила на сцену съ цѣлью защищать галликанскую церковь отъ притязаній римскаго всепоглощенія; новая Ораторія есть не что иное какъ горсть ультрамонтановъ, преслѣдующихъ несовременныя и прямо противоположныя цѣли тѣмъ, которыхъ домогалась древняя Ораторія. Можно ли послѣ этого ожидать отъ члена нынѣшней Ораторіи искренней и добросовѣстной исторіи древней Ораторіи? Читатель угадываетъ отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ заключенъ въ самомъ заглавіи его труда: «Ораторія Франціи *въ семнадцатомъ и въ девятнадцатомъ столѣтіи.*» Гдѣ же, спросимъ мы, *восемнадцатое* столѣтіе? Исторія Ораторіи въ восемнадцатомъ столѣтіи мало подходитъ къ идеямъ автора, и онъ вычеркнулъ ее однимъ почеркомъ пера. И отъ противниковъ ультрамонтанскихъ ученій Ораторія мы не можемъ ожидать большаго безпристрастія. Причина того заключается именно въ трагической судьбѣ этого общества.

«Ораторія» была основана въ первый разъ во Флоренціи, и, — что особенно замѣчательно — почти въ томъ же самомъ году (1548), когда было основано «Общество Іисуса», орденъ іезуитовъ. Основателемъ ея былъ весьма талантливый и уважаемый во Флоренціи Филиппъ Нери.

Цѣль іезуитовъ и ораторіевъ была одна и та же: спасти католичество и его представителя; но средства къ достиженію того они избрали прямо противоположныя. Іезуиты стремились открыто подавить человѣческую волю, всякую независимую мысль; ораторіи, напротивъ того, ищутъ установить уваженіе къ разуму и чувствованію отдѣльнаго человѣка. Въ училищахъ іезуитовъ отвергается всякій новый методъ, всякій новый взглядъ; у ораторіевъ стараются зорко слѣдить за всѣмъ новымъ и вводить его у себя. Оттого іезуиты не могли породить никого выше историка Маріаны или теолога Молинны; Ораторія вызвала умы, невозможные для іезуитовъ, какъ Массильона, Ричарда Симона, Малекранша; даже Паскаль, Арно, Николь связаны съ Ораторією, и Боссюэта отнести можно также къ ней.

Но въ Италіи Ораторія не сдѣлала успѣха; страна и общество оказались болѣе сподручными для іезуитовъ. Настоящее и историческое значеніе Ораторіи начинается во Франціи, гдѣ ей положилъ основаніе кардиналъ Беруль въ 1611 году. Задача Ораторіи во Франціи состояла въ борьбѣ съ іезуитами и въ отстаиваніи правъ Галликанской національной церкви. Боссюэтъ, врагъ іезуитовъ, въ слѣдующихъ словахъ описываетъ это новое учрежденіе, которое, подобно «Обществу Іисуса», не было собственно монашескимъ орденомъ, а посвятило себя на то, чтобы утвердить христіанство не требованіемъ безусловнаго повиновенія догматамъ, но правильнымъ развитіемъ и распространеніемъ образованія и добрыхъ нравовъ.

«Кардиналъ Беруль, говоритъ Боссюэтъ, образовалъ общество, которому онъ не хотѣлъ давать другого духа, кромѣ духа той же самой церкви; другихъ правилъ, кромѣ каноновъ; другихъ старшихъ, кромѣ епископовъ (и такъ, о папѣ не было рѣчи); другихъ узъ, кромѣ узъ милосердія; другихъ обѣтовъ, кромѣ крещенія и священства; это общество считаетъ святою свободою священнымъ обязательствомъ; въ немъ повинуются, безъ рабской зависимости, правятъ, не повелѣвая; тамъ власть составляетъ кротость, уваженіе внушается не страхомъ; тамъ милосердіе гонитъ страхъ и дѣлаетъ чудеса, и само общество, не зная другого ига, кромѣ самого себя, умѣетъ не только плѣнить, но и уничтожить собственную волю; это — общество, гдѣ для образованія настоящихъ пастырей ведутъ ихъ къ источнику истины; они, имѣя всегда въ рукахъ святыя книги, ищутъ смысла буквы въ духѣ, и духа въ проповѣди, глубины въ уединеніи, уваженія въ дѣйствіи, конца въ благодати, которою заключаютъ все, и которая есть единственное сокровище, Іисусъ Христосъ».

Въ этихъ чертахъ есть много протестантскаго, и потому не удивительно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи Ораторія по своему принципу, слѣдуя за прогрессомъ Общества, сама выступила на болѣе широкой путь. Такимъ образомъ, мы поймемъ возможность связи между

Ораторіей и тѣми реформаторскими движеніями, которыя обнаружались повсюду въ XVIII столѣтіи. Довольно сказать, что въ 1789 году многіе члены національнаго собранія и національнаго конвента были учениками изъ школъ Ораторіи, которыми была усѣяна вся Франція.

Но судьба Ораторіи тѣмъ не менѣе была печальная: іезуиты и ультрамонтаны ненавидѣли ее, какъ самаго злого и жестокаго противника; либералы, вышедшіе изъ ея школъ и обязанные ей своимъ развитіемъ, были недовольны ея умѣренностью. Такимъ образомъ, революція, сама отчасти порожденная Ораторіею, начала съ того, что закрыла въ 1792 году всѣ ея школы.

Нашъ авторъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ отказаться отъ того, что составляло славу древней Ораторіи, какъ общества, изъ котораго исходили самыя великодушныя идеи, и старается вывести на сцену одну мистическую сторону, желая такимъ образомъ доказать связь новой Ораторіи съ ея великою предшественницею. Но новая Ораторія не имѣетъ съ древнею ничего общаго, кромѣ имени, и едва ли бы въ настоящее время во Франціи дозволили воскресить Ораторію въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до революціи.

Не смотря на все вышесказанное нами, мы обращаемъ вниманіе читателя на трудъ Перро отчасти потому, что въ новѣйшей литературѣ исторія Ораторіи не имѣетъ для себя почти ничего связнаго, а также и потому, что противъ воли самого автора въ его трудѣ заключено много интересныхъ цитатъ и указаній, которыя всегда могутъ быть полезны, особенно если читатель будетъ помнить о настоящихъ цѣляхъ автора.

Administration de la commune de Paris, par M. J. Le Berquier. 1 vol. 1866. Par.

Исторія города въ исторіи государства занимаетъ весьма важное мѣсто, а исторія такого города, какъ Парижъ, бывала не рѣдко исторіею цѣлой Франціи. Въ настоящее время управленіе Парижа имѣетъ огромный механизмъ и бюджетъ, который не уступитъ бюджету иного второстепеннаго государства. Авторъ въ обширномъ введеніи сдѣлалъ историческій обзоръ администраціи Парижа, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, и доказалъ, что въ управленіи этого города всегда преобладали прежде муниципальныя учрежденія, какъ то было еще и недавно въ періодъ времени отъ 1830 до 1848 года. Но съ тѣхъ поръ духъ муниципальный совершенно палъ, и авторъ показываетъ, въ какой степени это паденіе можетъ приносить вредъ дальнѣйшему благосостоянію города Парижа.

Louis XV. 1724—1757. Par J. Michelet. Paris. 1866. in 8°. p. 455.

Многотомный трудъ знаменитаго историка Франціи, начатый имъ еще въ 1830 году, приходитъ къ окончанію. Теперь вышелъ предпо-

свѣдній томъ, обнимающій царствованіе Лудовика XV отъ смерти Регента до Росбахской битвы (1724—1757); слѣдующій и послѣдній томъ, подъ заглавіемъ: «Лудовикъ XVI», уже отданный въ печать, изобразитъ положеніе Франціи до 1789 года, начала революціи.

Основная мысль автора уже извѣстна: онъ всегда ставитъ на первое мѣсто народныя массы, и ихъ благоденствіемъ или бѣдствіями опредѣляетъ характеръ эпохи. Содержаніе настоящаго тома подходитъ, какъ нельзя болѣе, подъ его главную мысль: общество угнетено; лица, стоявшія во главѣ его, не только не отличались достоинствами, но были даже замѣчательны своимъ ничтожествомъ. Лудовикъ XV съ юныхъ лѣтъ представлялъ собою человѣка дурно воспитаннаго, слабого, страстнаго и безнравственнаго. Флерн, орудіе іезуитовъ, въ продолженіе всей своей старческой, политической дѣятельности, преслѣдуетъ одну эгоистическую мысль: владѣть особою короля и направлять его волю къ выгодамъ духовенства. Женщины, имѣвшія такое огромное вліяніе на короля, не отличались политическимъ тактомъ; все ограничивалось одною чувственностію. Только съ выступленіемъ на сцену маркизы Помпадуръ возвышается, по мнѣнію автора, и внѣшнее значеніе Франціи и внутренній ея блескъ. Монтескьё, Вольтеръ, Дидеро, и ихъ произведенія, L'Esprit des Lois, L'Essai sur les moeurs, L'Encyclopédie, сдѣлались украшеніемъ этого періода времени Лудовика XV и поставили его выше остальной части правленія этого государя, послѣдовавшей за 1760 годомъ, когда обнаружилось паденіе государства. Авторъ видитъ симптомы этого паденія въ появленіи Руссо, въ его академической диссертациі не въ пользу наукъ и искусствъ, въ сентиментальномъ значеніи «Новой Элоизы».

Но и въ сравнительно лучший періодъ времени, отъ 1724—1757, событія описаны у Мишле такими мрачными красками, что мысль историка о его достоинствахъ кажется бездоказательною. Франція унижена извнѣ и опозорена внутри. Дочери короля, державшія въ своихъ рукахъ и отца и власть, не могли помочь всеобщему распаденію и сдѣлались сами выраженіемъ господствующаго порока. Историкъ, любящій придавать особое значеніе частной жизни государей и находящій въ ней причины, унижающія самую власть, находится совершенно въ своей сферѣ при изложеніи царствованія Лудовика XV. Процессъ Дамлена, произведшій скандалъ, возстановленъ имъ въ полномъ видѣ; авторъ употребилъ весь свой талантъ, все свое знаніе, чтобы изъ остатковъ современныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи воссоздать его въ первоначальномъ видѣ.

Авторъ кончаетъ свой томъ изложеніемъ вѣрованія XVIII столѣтія; по его мнѣнію это вѣрованіе — credo — состояло въ слѣдующей фразѣ Вольтера: «цѣль человѣка — дѣйствіе». Отсюда основаніе новой

нравственности; въ этомъ—протестъ противъ упорной инерціи, бывшей выраженіемъ средневѣкового времени.

Послѣ возмущающаго разсказа о политическихъ и придворныхъ интригахъ, авторъ переходитъ къ болѣе интересному, хотя парадоксальному изложенію убѣжденій XVIII вѣка (1720—1757). Франція, говоритъ онъ, своими литературными талантами совершила нравственное завоеваніе Европы. Монтескьё и Вольтеръ своею «теоріею дѣйствія» предсказали смерть католичеству, и нашли непронизводительность и недѣятельность въ немъ; доказывая свободу дѣйствія, отвергая всякій фатализмъ, но признавая вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣняемость начала дѣйствія, они образовали нравственное единство міра. Дидеро, Прометей XVIII вѣка, создалъ людей, освободилъ природу, замыслилъ энциклопедію, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ Руссо, противника науки.

Живой, энергическій слогъ всегда творитъ убѣжденіе въ сердцѣ читателя даже и при изложеніи такихъ своеобразныхъ взглядовъ, каковы взгляды Мишле, внушающіе иногда чувство сомнѣнія. Единственная предосторожность въ подобныхъ случаяхъ—строгое изученіе источниковъ и внимательное чтеніе сочиненій другихъ изслѣдователей, меньше страстныхъ, болѣе положительныхъ.

Время управленія Лудовика XV нуждалось въ разъясненіи. Послѣдующія за этимъ государемъ правительства считали своею обязанностію скрыть исторію самой личности короля. Это была государственная тайна. Два только человѣка въ то время были допущены въ дипломатическіе архивы: историкъ регентства—Лемонтей, и историкъ паденія іезуитовъ. Сорокъ лѣтъ, протекшихъ отъ одного событія до другого, дошли до насъ въ описаніи внѣшнихъ событій, военныхъ и литературныхъ, въ анекдотахъ парижскихъ. Никто не коснулся дѣйствительнаго центра дѣйствія, управленія внутрѣнности Версаля. Все было «дѣломъ кабинета». Кабинетъ не былъ заломъ министровъ и мѣстомъ присутствія, но небольшимъ убѣжищемъ, въ которомъ король писалъ, часто противъ своего министерства, своей фамиліи, своимъ родственникамъ, друзьямъ, испанцамъ, австрійцамъ. Извлечение изъ д'Аржансона, сдѣланное въ 1825 году, раскрыло только внѣшнюю политику этого превосходнаго правителя въ его краткое министерство. Къ счастью, въ 1857 году его честный и смѣлый племянникъ, узнавъ о приготовляющемся изданіи записокъ своего дяди и боясь ихъ искаженія отъ излишнихъ предосторожностей, снялъ завѣсу и издалъ самъ истиннаго Лудовика XV (édition Janet, in-12).

Въ полномъ свѣтѣ тогда обнаружилась тайна этого царствованія: «фамилійный заговоръ». Король является не такимъ уже нерѣшительнымъ, какъ о немъ до сихъ поръ думали, но подъ вліяніемъ постоянной идеи. Вліяніе министровъ и близкихъ къ нему женщинъ тогда

было успѣшно, когда они сообразовались съ этою идеею, служили годамъ фамиліи.

Свидѣтельство д'Аржансона тѣмъ болѣе важно, что онъ жаркій и искренній поклонникъ королевской власти. Онъ упорно любитъ короля, возлагаетъ на него надежды, вѣритъ, что рано или поздно король будетъ что нибудь значить. Истина, противъ его воли, исходитъ, срывается съ его языка. Онъ говорить ее съ сожалѣніемъ, невольно. Даже въ немилости, онъ — тотъ же. Его глубокая вѣра не поколебима. Онъ хранитъ еще долгое время свое монархическое убѣжденіе, надежду спасенія въ королѣ. Тѣмъ сильнѣе онъ потрясенъ, когда узналось, что все потеряно, и Франція отдана Австріи. Тогда онъ падаетъ подъ тяжестью этого удара и не переживаетъ его. Странный свѣтъ проливается этою исповѣдью; но она коротка, отрывиста, не полна. Д'Аржансона можно понимать съ помощію другого обширнаго и добросовѣстнаго журнала де Люина, описавшаго Версаль день въ день. Изъ покоевъ королевы онъ видитъ все, дѣлаетъ замѣтки при числахъ въ выраженіяхъ осторожныхъ, но большею частью ясныхъ. Королева, хотя и набожная, и ея друзья мало участвовали въ движеніи Версаля и оставались въ дали отъ дофина и вліяющихъ дамъ. Люинъ, свидѣтель честный, печальный, уважающій, но его уваженіе не составляетъ еще одобренія. Его хронологія проста, и чрезвычайно подробно подтверждаетъ важные факты д'Аржансона и другихъ, безъ знанія о нихъ, безъ всякаго намѣренія. Онъ разъясняетъ Барбье и Госсе, онъ доказываетъ, что Сулави былъ часто очень свѣдущъ въ дѣлахъ. Кромѣ тавихъ источниковъ, Мишле пользовался записками Сень-Симона и другихъ современниковъ, оставаясь постоянно вѣрнымъ своей основной идеѣ и сохраняя на все своеобразную точку зрѣнія.

La France sous Louis XV, par M. Alphonse Jobez, ancien représentant. Tome III. Paris. 1866. p. 477, in-8.

Какъ важенъ личный взглядъ автора, въ томъ можно удостовѣриться сравненіемъ двухъ сочиненій объ одномъ и томъ же предметѣ. Содержаніе третьяго тома «Франція при Лудовикѣ XV» — обнимаетъ министерство Флѣри съ 1732 по 1743, господство м-мъ Шатору съ 1743 по 1745 г. и м-мъ Помпадуръ съ 1745 по 1746 — совершенно тотъ же періодъ, который обработалъ Мишле въ своемъ «Лудовикѣ XV». Но Жобе, не проникнуть, подобно Мишле, ни ненавистью, ни предвзятою идеею; онъ несравненно спокойнѣе излагаетъ отношенія внѣшнія и событія внутреннія во Франціи. Онъ не скрываетъ и ея язвъ, не упускаетъ ни малѣйшей характеристической черты, живо описываетъ паденіе парламента и торжество клерикальной партіи, но онъ не заставляетъ читателя безпрестанно догадываться, и даетъ ему въ руки самые факты. Такое спокойствіе въ самомъ историкѣ конечно

не электризуетъ читателя, не заставляетъ съ жадностію пробѣгать читаемыя страницы, не волнуетъ его, но за то такой трудъ лучше знакомитъ съ самыми событіями. Карты, внесенныя въ самый текстъ, и указанія на источники, которыми пользовался авторъ, дѣлаютъ его сочиненіе особенно интереснымъ для изученія.

Les Cahiers de 89 ou les vrais principes Ibéroaux, par Léon de Ponciens. Paris. 1866. p. 411.

Авторъ хотѣлъ представить общественное положеніе Франціи предъ французскою революціею: удовлетворяло ли оно народной французскою жизни, въ чемъ нуждались разныя сословія и какъ выразились ихъ тревожныя ожиданія лучшаго порядка? Главная мысль его книги состояла въ розысканіи: понятія свободы и революціи представляются ли какъ синонимы и два тождественные факта, или революція составляетъ болѣзнь нашего вѣка, тогда какъ свобода — его неотъемлемую принадлежность? революція въ историческомъ ходѣ дѣлъ принесла ли пользу свободѣ или ей вредила, и наконецъ революціонеры — истинные ли либералы? Два принципа лежатъ въ основаніи этого сочиненія:

«Если справедливо, что каждая эпоха, каждая нація, возбуждается общею идеею, что Франція XIX вѣка руководится свободою и что либеральная идея — самая достойная возбудить страсти людей, то необходимо, чтобы все враждебное свободѣ было по тому самому враждебно истинному прогрессу нашего времени и нашей страны.»

«Съ другой стороны, если политическая свобода возможна только съ развитіемъ народнаго сознанія и пониманія, то все противное логикѣ и долгу замедляетъ появленіе истинной свободы.»

Изложеніе содержанія тетрадей, врученныхъ разными сословіями всей Франціи лицамъ избраннымъ въ члены національнаго собранія, составляетъ канву къ изложеннымъ идеямъ автора. «Тетради 1789 года», безъ всякаго сомнѣнія, выражали волю страны. Главный ихъ характеръ — повелительный тонъ инструкцій, данныхъ депутатамъ ихъ избирателями; это приказаніе, зрѣло обдуманное тѣми, которые дали его, чистосердечно принятое тѣми, которые его получили, стремится къ полному преобразованію національныхъ учреждений. Вотъ ихъ главные черты: реформа совершается не радикальнымъ разрушеніемъ, но глубокимъ измѣненіемъ. Королевская власть сдѣлается конституціонною, законодательное право распредѣляется между націею и королемъ, предоставляя одной обсужденіе, написаніе, вотированіе закона, другому санкцію и обнародованіе. Последнее право составляетъ принадлежность исполнительной власти, которою будетъ облеченъ король внѣ всякаго національнаго надзора. Франція сохранитъ контроль, достойный ихъ обоихъ, владѣя дѣйствіями правительства чрезъ назначеніе налога. Для управленія странюю, для публичныхъ предпріятій,

для войны, король нуждается въ деньгахъ, которыя достаются только налогомъ. Этотъ же налогъ не можетъ быть свободно признанъ націею прежде, какъ она одобритъ отчетъ сдѣланнымъ издержкамъ и изложеніе предстоящихъ тратъ, и довѣритъ собраніе податей отвѣтственнымъ лицамъ. Периодическое собраніе, свободно избранное, составитъ представительство Франціи. Всѣ граждане, къ какому бы классу они не принадлежали, будутъ имѣть равное право быть представителями.

Не менѣе глубоки измѣненія въ гражданской жизни, предвидѣнныя «Тетрадами»:

Въ древнемъ управленіи все составляло привилегію, въ новомъ все должно уравниваться. Преимущества, усвоенныя сословіямъ, провинціи, городу, должности, должны быть уничтожены. Привилегіи, которыхъ пользованіе не оправдалось никакимъ законнымъ правомъ, исчезнутъ безъ вознагражденія, тѣ же, которыхъ обладаніе коренилось въ законѣ, уничтожатся, за вознагражденіе, назначенное генеральными штатами. На будущее время всякій французъ, въ какомъ бы сословіи онъ ни родился, будетъ имѣть одинаковыя права и касательно своего ремесла и своего мѣстопребыванія.

Приложеніе этихъ общихъ правилъ влечетъ за собою много добавочныхъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшія, во 1-хъ, матеріальная организація духовенства, во 2-хъ, увеличеніе мѣстнаго значенія на счетъ централизаціи, административная децентрализація при единствѣ закона, въ 3-хъ, преобразование судовъ, въ 4-хъ, законодательство для земледѣлія и торговли.

Наказы избирателей согласны во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, за исключеніемъ трехъ: 1) поголовная подача голосовъ отвергнута большинствомъ знати, 2) свобода прессы утратила все духовенство, 3) продажа церковныхъ имѣній была требуема большимъ числомъ свѣтскихъ избирателей.

Таковъ краткій анализъ содержанія тетрадей.

Касательно же вопроса о свободѣ въ 1789, авторъ удивляется рѣдкому единодушію въ мартѣ и апрѣлѣ 1789 г. въ различныхъ классахъ народа и истинному согласію, существовавшему между Франціею и ея королемъ.

Въ какой степени, въ ту эпоху желательно было матеріальное и нравственное обезпеченіе свободы, авторъ не можетъ сказать, но онъ не думаетъ, чтобы народъ и государь когда нибудь предприняли политическое дѣло съ большимъ чистосердечіемъ и честностію, какъ Людовикъ XVI и Франція начали въ 1789 г. опытъ свободы.

Сочиненіе оканчивается объяснительными статьями чрезвычайно важными въ историческомъ отношеніи, и вообще оно представляетъ большую важность для изученія исторіи большой революціи. Особенно

любопытно сравненіе содержанія «Тетрадей», какъ выраженіе народной воли, съ тѣмъ революціоннымъ потокомъ который вмѣстѣ съ монархіею унесъ за собою и самую народную волю.

La Révolution et le Livre de Mr Quinet, par Peyrat. Paris. 1866. p. 230.

Послѣднее сочиненіе Кинэ о французской революціи произвело цѣлую бурю во французской литературѣ; неблагопріятный отзывъ, сдѣланный имъ о террористахъ или якобинцахъ, вызвалъ возраженія. Одни какъ Верморель, издають съ этою цѣлью сочиненія важнѣйшихъ монтаньяровъ; другіе, какъ Гамель ¹⁾, пишутъ обширныя монографіи о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ той эпохи, и рисуютъ, напримѣръ, Робеспьера, съ иной точки зрѣнія. Пейра собралъ въ одно всѣ статьи свои изъ *l'Avenir national* и прибавилъ къ нимъ двѣ главы: о матеріальныхъ результатахъ революціи и о войнѣ съ Англіею. Цѣль его — полемизировать съ Кинэ, и потому Пейра принимаетъ на себя защиту якобинцевъ, считая ихъ великою революціонною партіею и великою школою управленія. Онъ защищаетъ диктатуру «Комитета общественнаго блага» на дѣлѣ и въ теоріи. На дѣлѣ, полагаетъ онъ, эта диктатура была навязана обстоятельствами, имѣла не ожидаемые результаты, и спасла революцію. Въ теоріи, она оправдывалась, по его мнѣнію, самыми сильными авторитетами политики: Макиавелемъ, Монтескье, Руссо, Ройе-Колларомъ, которыхъ идеи основывались на глубокомъ изученіи важнѣйшихъ событій исторіи древней и новой. Однимъ словомъ, авторъ является «доктринеромъ террора.»

Кинэ, по словамъ Пейра, хотя принадлежитъ также къ разряду партіи демократической, но, утомленный рѣшительными дѣйствіями террористовъ, проникнутый сожалѣніемъ къ плачевной участи жирондистовъ, онъ потерялся при окончательномъ сужденіи результатовъ французской революціи и, самъ себѣ противорѣча, старался риторическими фразами исказить настоящее значеніе французской революціи и указать на отсутствіе того разрушительнаго духовнаго элемента, которымъ была проникнута реформація въ Германіи и въ другихъ странахъ. Ему какъ будто досадно, что политическая буря Франціи мало коснулась духовнаго направленія и не обновила это вѣтхое тѣло. Изъ всего долгаго анализа религіозныхъ революцій можно только заключить, что Кинэ мало опытенъ въ аналогіи событій: «во время христіанскихъ императоровъ, говоритъ онъ, необходимо было вырвать народъ египетскій изъ культа фараоновъ, вся нація бессмысленно толпилась около враговъ. Центуріонъ вышелъ изъ толпы и нанесъ первый ударъ молотомъ въ храмъ Изиды. Толпа послѣдовала его примѣру и окончила то, что центуріонъ началъ. Съ этого момента Еги-

¹⁾ См. о ихъ трудахъ ниже, на стр. 57 и 58.

петъ принадлежить новому міру. Такого центуріона не доставало революціи французской.»

Но этотъ же свободный мыслитель, возстающій противъ террористовъ, утверждаетъ, что «нѣтъ ничего пустѣ увѣренности, что сила не въ состояніи дѣйствовать противъ идей» (il n'est rien de plus vain que de croire que la force ne peut rien contre les idées).

Пейра особенно интересно изложилъ состояніе Франціи со времени 1792 г. и во время дѣйствія террористовъ до времени паденія національнаго конвента. Извлеченіемъ изъ книги Кинэ многихъ мѣстъ о послѣдующемъ жалкомъ періодѣ истощенія Франціи, нищеты, разврата онъ старался доказать неосновательность главныхъ положеній автора революціи и частыя противорѣчія его самому себѣ въ главныхъ своихъ убѣжденіяхъ.

Histoire de Robespierre d'après des papiers de famille, les sources originales et des documents entièrement inédits, par Ernest Hamel. Tome deuxième. Les Girondins. Paris. 1865. p. 780 in-8.

Этотъ второй объемистый томъ исторіи Робеспьера явился годъ спустя послѣ перваго тома этого сочиненія. Ссора съ издателями, обвиненіе готовящейся лицамъ, взявшимся за это изданіе, побудили автора самого издать второй томъ своего обширнаго труда. Авторъ объявляетъ, что онъ не хочетъ примкнуть къ партіи, распространяющей извѣстныя, традиціонныя идеи, основанныя на лжи и клеветѣ и легко усвояемыя невѣжествомъ. Для него существуетъ чистая область науки, куда не достигаютъ несчастные раздоры и удовольшенія партій. Онъ посвятилъ часть своей жизни этой работѣ, повинаясь внутреннему голосу своей совѣсти и нисколько не колеблется отдать своему труду все свое спокойствіе.

Онъ считаетъ этотъ моментъ для изданія втораго тома самымъ удачнымъ, потому что въ это время, по его мнѣнію, сдѣлано послѣднее и самое жестокое усиліе ¹⁾ унизить великаго гражданина, котораго исторію онъ излагаетъ. Давно не видали, говоритъ онъ, такой громады несправедливостей, оскорбленій, брошенныхъ на имена побѣжденных Термидора. «Честный» Куртуа долженъ весело улыбаться въ своей могилѣ, а Луве сбросить свой саванъ, чтобы снова приняться за изданіе своихъ смѣшныхъ Робеспьеріадъ. Эти оскорбленія, заимствованныя изъ словаря термидо-жирондистской партіи, эти дерзкія посягательства на историческую истину возбуждали бы смѣхъ и презрѣніе, если бы происходили отъ какого нибудь ничтожнаго историка, но сердце автора очень сокрушено тѣмъ, что все это передано лицомъ уважаемымъ въ демократіи.

¹⁾ Здѣсь разумѣется послѣдній трудъ Кинэ о французской революціи.

Книга Книгѣ «Революція» составляетъ, по мнѣнію автора, памфлетъ противъ французской революціи. Успѣхъ ея объясняется дѣятельностію партіи. Безпристрастная и спокойная исторія, почерпнутая изъ достовѣрныхъ источниковъ, а не изъ мемуаровъ заинтересованныхъ лицъ, не возбудитъ ни такого негодованія, ни такого энтузіасма.

Лично авторъ очень доволенъ собою, что слѣдитъ за Робеспьеромъ шагъ за шагомъ, чтобы выказать его въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми и событіями того времени. Онъ увѣренъ, что голая истина лучше всего укажетъ на ничтожность декламаций, сдѣлавшихся эхомъ послѣ 70 лѣтъ, и требуетъ, чтобы его книга читалась медленно, въ свободное время, съ перомъ въ рукѣ.

Таковъ раздоръ, существующій въ современной французской литературѣ касательно важнѣйшаго лица, игравшаго рѣшительную роль во время революціи. Гамель во главѣ своего сочиненія поставилъ эпитетъ: *scribitur ad nagrandum et probandum*.

Впрочемъ, не трудно объяснить себѣ причину такого раздора даже среди людей, посвящающихъ всю свою жизнь на научные труды. Наука всегда отражаетъ на себѣ состояніе общества. Во Франціи, и нынѣшнее ея правительство и его враги одинаково ссылаются на «великіе принципы» 1789 года и стараются выдать себя за апостоловъ этихъ принциповъ. Это обстоятельство даетъ намъ ключъ къ пониманію всего того, что высказывалось въ послѣднее время во французской литературѣ относительно революціи 1789 и ея дѣятелей. Тутъ не одинъ научный споръ объ историческомъ значеніи революціи, но и упорная междоусобная брань современныхъ партій, облеченная въ литературныя формы.

Oeuvres de Danton, recueillies et annotées par A. Vermorel. Paris. 1866. p. 316.

Подобно сочиненіямъ Робеспьера, изданы А. Верморелемъ рѣчи Дантона съ предисловіемъ, составляющимъ треть всего сочиненія и объясняющимъ его политическую жизнь. Въ концѣ приложены замѣчанія, касающіяся процесса Дантона, и отчетъ о манифестѣ союзныхъ государей противъ республики.

Георгъ Жакъ Дантонъ родился въ Арсисъ-сюръ-Объ, 26 октября 1759 года, и былъ сыномъ арсискаго прокурора Жака Дантона и Маріи Магдалины Камю. Два раза онъ вступалъ въ бракъ: въ іюнѣ 1787 г. онъ женился на Антоанетѣ Габріелѣ Шарпантье, умершей 10 февр. 1793 г. Въ іюнѣ этого года онъ вступилъ въ другой разъ въ бракъ съ дѣвицею Софіею Жели. Послѣ смерти Дантона, молодая вдова вышла замужъ въ другой разъ за Дюпена, жила до 1844 года и скрывала свое первое супружество.

Историческая дѣятельность Дантона началась въ 1789 году, когда онъ явился главою клуба кордильеровъ, сдѣлавшись грозой аристо-

кратія. Въ это время онъ исполнялъ обязанности адвоката при парламентѣ и въ государственномъ совѣтѣ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ его домашней жизни, извѣстно только, что онъ купилъ свою должность отъ Гюе-де-Пези, 25 марта 1787, за 78,000 ливровъ.

Обвиненіе въ подкупѣ обыкновенно произносилось въ это время современниками надъ лицами, стоявшими въ управленіи, и легко усвоивалось въ послѣдствіи историками. Робеспьерръ одинъ не подвергся этому бесславію столь обыкновенному въ ту эпоху. Надъ Дантономъ главное обвиненіе въ продажности было произнесено въ запискахъ Лафайета, но документы, оставшіеся послѣ него, доказываютъ, что у него было столько же средствъ во время его смерти, сколько онъ имѣлъ въ 1789. Дантонъ, утверждаетъ авторъ, не былъ человѣкомъ развратнымъ, расточительнымъ, погрявшимъ въ долги, какъ обыкновенно думаютъ; напротивъ, онъ представляется привязаннымъ къ порядку, къ семьѣ и экономіи. Въ доказательство того приводится его страстная привязанность къ двумъ женамъ. Лишившись первой жены, которую онъ такъ любилъ, что чрезъ семь дней послѣ ея смерти велѣлъ вырыть ея тѣло, чтобы съ нею снѣсть маску и еще разъ обнять ее, онъ вступилъ въ бракъ съ молоденькой женщиною безъ всякаго приданого. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ любилъ послѣднюю жену; мысль о ней преслѣдовала его до ступеней эшафота и мучила въ этотъ послѣдній моментъ его гордую и сильную душу: «бѣдная моя жена! — Ну, Дантонъ, безъ слабости.» Касательно же «пышныхъ отелей», онъ никогда въ нихъ не жилъ. Министръ послѣ 10 августа, онъ чрезъ шесть недѣль, въ первое засѣданіе конвента, отказывается отъ всѣхъ выгодъ своего положенія. Еще и теперь можно видѣть тотъ отель, въ которомъ жилъ Дантонъ въ 1788 и во время ареста: скромное буржуазное жилище, не имѣющее даже воротъ. Ничто въ немъ не заставляетъ предполагать ни многочисленныхъ слугъ, ни богатой мебели, ни лошадей, ни каретъ, ничего пышнаго, составляющаго принадлежность богатыхъ жилищъ.

Сень-Жюсть представилъ докладъ объ обвиненныхъ: Дантонъ, Камиллѣ Демуленъ, Геро, Филиппъ, Лакроа, какъ сообщниковъ герцога Орлеанскаго, Дюмурье, Фабре-д'Еглантона и враговъ республики. Докладъ былъ составленъ по замѣчаніямъ Робеспьерра, принятъ единодушно, среди живыхъ рукоплесканій. Отчетъ обо всемъ дѣлѣ, составленный Коффингалемъ и опубликованный въ бюллетенѣ революціоннаго судилища, не имѣетъ полной достовѣрности. Отвѣты осужденныхъ, преимущественно Дантона, искажены, ложны и по большей части опущены. Нельзя найти въ Монитерѣ слѣда споровъ, которые были по случаю этого процесса. На вопросъ о жилищѣ, Дантонъ отвѣчалъ: «скоро имъ будетъ ничтожество, а мое имя въ Пантеонѣ.» Его сильная защита раздражила официальнаго обвинителя и вызвала декретъ

конвента: «чтобъ всякій, обвиненный въ заговорѣ и сопротивляющійся или оскорбляющій національный судъ, былъ бы тотчасъ удаленъ отъ обсужденій.» Въ слѣдствіе такого декрета судъ, не выслушавъ защиты обвиненныхъ, осудилъ ихъ на смерть. Мониторъ, 6 апрѣля 1794, извѣстилъ публику, что 5 апрѣля (Жерминаля) послѣ трехъ дней дебатовъ Дантонъ и другіе осуждены на казнь. Въ тотъ же день, въ пять съ половиною часовъ, приговоръ былъ исполненъ на площади революціи.»

John Foster Kirck. Histoire de Charles le Téméraire duc de Bourgogne. Traduction de l'anglais par Ch. Flor. O'Squar. Tome deuxième. Paris. 1866, p. 434.

Мы уже дали ¹⁾ отчетъ о переводѣ перваго тома исторіи Карла Смѣлаго Фостера Кирка, теперь предъ нами второй томъ перевода того же сочиненія, столь же интересный, заключающій смерть Филиппа Добраго, вступленіе на бургундскій престолъ Карла Смѣлаго и его борьбу съ Лудовикомъ XI.

Тридцати трехъ лѣтъ Карлъ вступилъ въ управленіе государствомъ въ полномъ цвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ, безъ колебаній и боязни, съ умѣньемъ переносить физическое утомленіе. Положеніе его, какъ государя, было завидное. Никто въ его время не пользовался такою дѣйствительною властію, никто не располагалъ большими и неистощимыми доходами. Нидерланды были богаты, тогда какъ другія страны были бѣдны; Нидерланды пользовались всѣми послѣдствіями своего хорошаго состоянія, тогда какъ остальная Европа истощилась непрерывными войнами. Англія была добычею сопернической войны алой и бѣлой розы. Франціи угрожалъ переворотъ. Испанія, Італія и Германія, раздробленныя на мелкія государства, были въ постоянной внутренней борьбѣ.

Одни Нидерланды, не угрожаемые вѣншиимъ врагомъ, могли спокойно наслаждаться благодѣяніями свободной и счастливой жизни, находя достаточную опору своего союза въ привязанности къ своему государю. Счастливый Карлъ могъ беззаботно управлять, опираясь на свои прекрасные города, накопленныя сокровища, толпы торговцевъ и ремесленниковъ.

Брюгге, въ которомъ недавній властелинъ сошелъ въ могилу среди той пышности, какою онъ постоянно окружалъ себя, былъ въ это время въ зенитѣ своего величія. Онъ былъ центромъ европейской торговли, рынкомъ для мѣны товаровъ изъ трехъ частей свѣта. Драгоцѣнные камни и благовонія прибывали сюда съ Востока, москательные товары и краски — изъ Італіи, масла и вина — изъ Франціи, ленъ — изъ Англіи и Італіи, хлѣбъ и земледѣльческіе продукты

¹⁾ См. выше, 1866. т. II. отд. III, 174 стр.

изъ Германіи и Скандинавіи, слоновая кость, кожи, перья и резина съ береговъ Африки.

Семнадцать торговых обществъ изъ такого же числа государствъ, основались въ Брюгге. Многія иностранныя правительства посылали сюда для жительства своихъ агентовъ и представители большихъ торговыхъ европейскихъ домовъ встрѣчались каждый день на биржѣ для обсужденія лажа, повышенія и пониженія цѣнъ. Образъ жизни въ Брюгге былъ чрезвычайно пышный. Пребываніе въ немъ столькихъ богачей туземныхъ и иностранныхъ и постоянный приливъ чужеземцевъ, имѣющихъ дѣла съ жителями, сдѣлали необходимымъ гостепрѣимство, увеличившееся отъ соревнованія. Пирры составлялись изъ кушаньевъ чрезвычайно рѣдкихъ, доставляемыхъ изъ отдаленныхъ странъ; за столомъ веселились во всемъ блескѣ своихъ прелестей дамы, извѣстныя въ свѣтѣ своею красотою и изящностью нарядовъ. Аристократія страны, привлеченная столь разнообразными удовольствіями, сдѣлала изъ Брюгге мѣсто частыхъ и блестящихъ зрѣлищъ. Не рѣдко среди его улицъ и обширныхъ площадей шумное движеніе торговли прерывалось воинственными звуками, и толпы рыцарей съ своими оруженосцами являлись стройными рядами. Здѣсь также пребывалъ и дворъ государя. Брюгге обыкновенно предназначался для брачныхъ празднествъ своихъ властелиновъ.

Менѣ чѣмъ въ полстолѣтія это благополучіе, воздвигнутое повидимому на прочномъ основаніи, должно было разрушиться и исчезнуть. Обширныя улицы и публичныя площади Брюгге молчаливы въ настоящее время и поросли травой, но ихъ древнее величіе все еще привлекаетъ вниманіе путешественника. Нѣсколько дней спустя послѣ своего вступленія на престолъ, Карлъ готовился покинуть Брюгге, чтобы отправиться въ Гентъ, столицу, въ которой онъ долженъ былъ официально принять управленіе провинціею и быть признаннымъ, какъ графъ фландрскій. Гентъ — городъ мануфактурный. Народонаселеніе въ немъ однородно и обычаи развивались самостоятельно безъ смѣшенія съ иностранными. Образъ жизни проще, чѣмъ въ Брюгге, нѣтъ такихъ богатствъ, муниципальныя привилегіи очень обширны, и масса населенія имѣла болѣе правъ и политическихъ привилегій.

Рабочее населеніе раздѣлялось на 52 гильдій, но «большая гильдія» ткачей составляла треть жителей и значительно вліяла на управленіе городскими дѣлами. Англійскіе рабочіе настоящаго времени въ Ланкаширѣ прямо происходятъ отъ этихъ фламандскихъ ткачей и прядильщиковъ XV столѣтія.

Англія въ началѣ своей исторіи отличалась стремленіемъ все привлекать, сближать, собирать. Она болѣе всего обязана Нидерландамъ, чѣмъ какой нибудь другой странѣ. Она наслѣдовала торговое благосостояніе, которому Нидерланды положили основаніе, она заимствовала

оттуда же свои фабрики, усовершенствовавъ ихъ своимъ гениемъ и распространивъ ихъ до безконечности. Всѣ смуты и несчастія Нидерландовъ послужили въ пользу Англіи. Въ XVI вѣкѣ кардиналъ Гранвелла часто жаловался на переѣзду въ торговыхъ отношеніяхъ объихъ земель. Англія посылала въ Нидерланды большое количество предметовъ фабричныхъ, въ особенности льняныхъ произведеній, которыя до сихъ поръ сама извлекала изъ этихъ провинцій, доставляя имъ суровне.

Гранвелла хотѣлъ помочь такому жалкому положенію запретительными законами и воспрещеніемъ переселенія, но герцогъ Альба болѣе заботился о раззореніи Фландріи, чѣмъ о нанесеніи вреда англичанамъ, и ускорилъ такое переселеніе торговой дѣятельности изъ Нидерландовъ въ Англію. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ Гентъ отличался между всѣми городами своими безпокойными тенденціями, своимъ упорствомъ распространить власть на меньшіе города и деревни, зависящія отъ его территоріи, непрерывною борьбою съ городами своими соперниками и частымъ возстаніемъ противъ своихъ государей. Его частная исторія, какъ большою и свободнаго города, оканчивается страшнымъ навазаніемъ, понесеннымъ въ 1527 г. отъ руки императора Карла V. Гентъ не вставалъ болѣе послѣ разрушительныхъ дѣйствій гнѣва этого государя. Уже во время Филиппа Добраго Гентъ почувствовалъ вліяніе союза и постепеннаго сплоченія разныхъ провинцій, которое наконецъ должно было сдѣлаться гибельнымъ для гордыхъ требованій отдѣльнаго города.

Послѣ возстанія, продолжавшагося два года, Гентъ былъ побѣжденъ и подчиненъ. Его магистратъ представился герцогу въ рубашкѣ, съ веревкою на шеѣ. Трое главныхъ воротъ были заперты и осуждены на постоянное закрытіе въ воспоминаніе осужденія на полное разрушеніе, которому городъ обреченъ былъ подвергнуться; гильдіи были лишены знаменъ и оружія; многія сотни лицъ были повѣшены, потоплены и обезглавлены; вмѣсто обывоченной пени назначена такса подъ именемъ «*cuillotte*» со всякаго товара, ввезеннаго въ городъ или пущеннаго въ продажу.

На этомъ городѣ Карлъ Бургундскій изучилъ свое военное ремесло. Та гордая сила, съ какою онъ совершилъ повелѣніе своего отца, не повредила ему въ глазахъ имъ побѣжденнаго народа. Жители Гента стремились выразить ему свое сочувствіе и оказать поддержку во все время его удаленія отъ двора. Филиппъ сдѣлалъ по этому случаю замѣчаніе, что Гентъ былъ всегда покоренъ сыну своего властелина, но никогда самому властелину. Граждане надѣялись, что Карлъ, вступивъ на престолъ, оплатитъ имъ за ихъ преданность и уничтожитъ тѣ карательныя мѣры, которыя были употреблены противъ нихъ со времени послѣдняго возстанія. Карлъ не уклонился

сдѣлать уступки въ ихъ пользу. Онъ долго испытывалъ депутатовъ, посланныхъ отъ имени города просить герцога пріѣхать въ Гентъ, и успокоенный ихъ увѣреніями, отправился изъ Брюгге съ значительною свитою знати, со своею молодою дочерью, съ большимъ запасомъ драгоцѣнныхъ камней и коронъ, оставленныхъ Филиппомъ.

Сообразно неизмѣнному обычаю, герцогъ остановился на ночь въ деревнѣ Свинаерде, въ разстояніи мили отъ Гента. Сюда собралось большое число лицъ, изгнанныхъ въ разное время за политическія и и другія преступленія, чтобы испросить у герцога прощенія и восстановления своихъ правъ. Ссылка была въ то время обыкновеннымъ наказаніемъ даже за преступленія значительной важности, и былъ обычай, чтобы новый властелинъ, по случаю своего торжественнаго въѣзда, давалъ большія милости и возвращалъ права тѣмъ, которые ихъ лишились. Лица, надѣявшіяся на этотъ разъ воспользоваться преимуществами этого обычая, провели ночь въ сосѣднемъ полѣ, и Карлъ приказалъ рассмотреть каждое дѣло отдѣльно, чтобы самые виновные не могли на другой день присоединиться къ его свитѣ.

На слѣдующій день (суббота 28 іюня) была годовщина народнаго праздника, въ половину религіознаго, въ половину сатурнальнаго, одного изъ тѣхъ торжествъ, которыя празднуются съ избыткомъ грубой распушенности въ католической Европѣ и преимущественно во Фландріи. Это былъ праздникъ св. Льевена, мученика седьмого вѣка, котораго останки хранились въ кафедральномъ соборѣ Гента. Народъ имѣлъ обычай утромъ того дня собираться на паперти церкви и, принявъ раку съ драгоцѣнными реликвіями, совершать торжественную процессію до деревни Гутемъ, мѣста, въ которомъ совершилось страданіе. Почитатели этого святаго («fous de Saint-Liévin») проводили тамъ день и слѣдующую ночь въ оргіи, оканчивавшейся ссорами, которыя не были столь кровавы послѣ запрещенія членамъ гильдіи являться на праздникъ съ оружіемъ. На другой день они возвращались въ Гентъ и помѣщали реликвіи, профанированныя сатурналіями, на ихъ прежнее мѣсто.

Въ настоящемъ случаѣ, магистратъ, предчувствуя непріятности, могущія произойти отъ въѣзда герцога въ улицы города, полныя опьянѣлыхъ работниковъ, и трудность сохраненія порядка во время церемоніи, постановилъ, чтобы процессія вышла изъ города въ субботу вечеромъ и возвратилась въ слѣдующій понедѣльникъ. Послѣдствіемъ такого распоряженія былъ удивительный порядокъ повсюду въ воскресенье утромъ, когда Карлъ, предшествуемый муниципальнымъ начальствомъ, духовенствомъ, религіозными орденами, представителями гильдій и главнѣйшими гражданами, въѣзжалъ въ городскія ворота и направлялся къ церкви св. Іоанна въ сопровожденіи своихъ вельможъ и изгнанныхъ, получившихъ прощеніе въ числѣ 800. Здѣсь онъ далъ

присягу, по обыкновенной формѣ, въ сохраненіи привилегій графства. Представители народа равнымъ образомъ приносили клятву быть хорошими и покорными подданными. Въ руки Карла дали веревку отъ колокола, въ который онъ звонилъ въ знакъ своей власти надъ Фландрією. По окончаніи церемоній Карль удалился со своей свитой въ комнаты, для него приготовленныя. Въ это время низшіе классы народа, повидимому не принимавшіе никакого участія въ прибытіи своего государя, проводили время въ шумныхъ пиршествахъ въ Гутемѣ. Утромъ въ понедѣльникъ они приготовились къ возвращенію въ Гентъ. Многие изъ нихъ были пьяны, но другіе болѣе занимались серьезными дѣлами, нежели тою благочестивою цѣлью, для которой собирались. При образованіи процессіи сдѣлалось замѣтно, что каждый былъ вооруженъ. Знамена готовы были развернуться въ данный моментъ. При выборѣ дороги процессія вступила въ городъ тѣсною улицей, въ которой находился домъ, занимаемый сборщиками ненавистой таксы (sueillotte). Процессія остановилась въ этомъ мѣстѣ. Раздался крикъ: «долой сборъ». Послышались ироническія восклицанія со стороны окружающихъ реликвию святого: «Св. Льевень отказывается идти впередъ, онъ желаетъ пройти чрезъ домъ, необходимо ему очистить проходъ.» Тотчасъ употребили въ дѣло заступы и другія орудія разрушенія, и въ нѣсколько минутъ небольшой домъ былъ сравненъ съ землею.

Съ торжествомъ толпа отправилась далѣе, вмѣсто дороги къ церкви она избрала другую на рынокъ пятницы, въ обыкновенное мѣсто собранія гильдій. Мощи святого были поставлены среди площади. Народъ расположился кругомъ въ порядѣ, установленномъ вѣжами. Тотчасъ стали развиваться знамена тѣхъ формъ и цвѣтовъ, которыя были запрещены, и тѣмъ самымъ возвѣстили, что Гентъ въ возстаніи.

Слухъ обо всемъ происшедшемъ уже достигъ до Карла, отправленный имъ посоль для узнанія причины возмущенія не возвращался. Карль вскочилъ на лошадь и со свитой явился на мѣсто дѣяствія. При его приближеніи крики усиливались, и толпа, все болѣе спланиваясь, направлялась къ нему. Вельможи не безъ страха видѣли себя постепенно окруженными толпою грубыхъ и рѣшительныхъ лицъ и колебались продолжать путь, но народъ звалъ ихъ приблизиться безъ всякой боязни, а увеличившаяся толпа скоро отрѣзала имъ всякое отступленіе.

Съ нахмуренными бровями, съ страшнымъ взглядомъ, обличавшимъ гнѣвъ, проѣзжалъ Карль по площади. Сойдя съ лошади предъ думою, онъ обратился къ народу съ краткими восклицаніями гнѣва и презрѣнія; замѣтивъ какого-то человѣка болѣе другихъ участвовавшего въ беспорядкахъ, онъ ударилъ его палкою, закричавъ: «я тебя хорошо знаю.» Вмѣсто того, чтобы робко бѣжать отъ насилія и отъ этого повелительнаго и раздраженнаго взгляда, какъ это дѣлали мно-

гіе сильныя и гордыя воины, свободный человѣкъ Гента разразился страшнымъ ругательствомъ, и, принявъ вызывающее положеніе предъ лицомъ своего повелителя, приглашалъ его злобщимъ и угрожающимъ голосомъ повторить оскорбленіе. Вызовъ былъ такъ сдѣланъ, что Карлъ не отказался отъ исполненія: его палка поднялась снова, но Людовикъ Брюгге, сеньоръ де-Грутузь, вельможа, знавшій хорошо характеръ и привычки своихъ соотчичей, удержалъ поднятую руку и тихо, серьезно сказалъ герцогу: «ради Бога, не бейте этого человѣка». Потомъ, отвѣдя герцога въ сторону, Грутузь упрекалъ его въ выраженіяхъ очень открытыхъ за поведеніе смѣлое и необдуманное: «здѣсь не представляется случай для вашей смѣлости и боеваго безстрашія. Въ этотъ моментъ необходимы благоразуміе и осторожность, если вы не желаете навлечь на себя погибель. Повѣрьте, что эту толпу не озадачатъ ваши угрозы и рѣзкія выраженія. Наша жизнь на волоскѣ.»

Такому сужденію нельзя было не повиноваться! Полагаясь вполнѣ на совѣтъ и опытность своего умнаго васалла, Карлъ сообразилъ, куда можетъ увлечь его вспыльчивый характеръ, и, взойдя на балконъ предъ ратушею, явился взорамъ народа. Волненіе вдругъ прекратилось! Одна изъ замѣчательныхъ чертъ въ характерѣ жителей Гента: при полномъ возстаніи противъ своего государя, они рѣдко, забываютъ уваженіе, которымъ обязаны его лицу. Когда же Карлъ обратился къ нимъ по фламандски, какъ къ дѣтямъ, они вдругъ вспомнили, что еще не привѣтствовали радостный въѣздъ государя, и со всѣхъ сторонъ раздались крики: «добро пожаловать». Послѣ короткаго привѣтствія, Людовикъ Грутузь, знакомый съ народною рѣчью, старался расположить толпу къ государю, который вступалъ на престолъ не по праву покупки или побѣды, но путемъ прямаго наслѣдства и съ желаніемъ знать чувства своихъ подданныхъ, чтобы удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ. Его рѣчь была принята съ единодушнымъ взрывомъ рукоплесканій, и можно было ожидать, что дѣло устроится назначеніемъ комитета, какъ вдругъ человѣкъ изъ толпы, «огромный и суровый поселянинъ», появился на балконѣ со стороны герцога, куда онъ взобрался по стѣнѣ зданія. Ударивъ кулакомъ, облеченнымъ въ желѣзную перчатку, по окну, чтобы привлечь на себя вниманіе, онъ обратился къ соотечественникамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Братья, вы пришли сюда изложить ваши обиды и жалобы герцогу; ваше первое желаніе — неправда ли? — видѣть наказаніе тѣхъ, которые худо правили вашимъ городомъ и обманывали васъ и государя?» Да закричала толпа, такъ внезапно обращенная отъ своихъ мыслей къ дѣйствительности.

«Вы требуете, не правда ли? — уничтоженія «сбора?»

— Да! — Да!

«Вы желаете, чтобы запертые входы въ городъ были открыты, зна-

мена возвращены и всё ваши обычаи восстановлены, какъ это было издавна?»

— Да, да! закричала толпа, которой энтузіазмъ увеличивался, какъ пожаръ.

Обратясь тогда къ герцогу, какъ громомъ пораженному при такомъ практическомъ изложеніи народной воли, импровизированный депутатъ сказалъ:

«Вотъ, государь, вератѣ то, что народъ, собравшійся внизу, рѣшился отъ васъ требовать и на что вы должны обратить вниманіе. Я говорилъ его именемъ, и вы слышите, онъ принимаетъ мое заявленіе за свое собственное.»

Увеличившееся возстаніе ясно доказало Карлу и его благородному совѣтнику, что бесполезно избѣгать затрудненій ихъ положенія. Нѣсколько мгновеній ихъ взаимные взгляды выражали затрудненіе и нерѣшительность. Наконецъ, Грутузъ возвратилъ свое обыкновенное хладнокровіе, и, обратясь къ той личности, появленіе которой испортило всё его планы, сказалъ тономъ презрительной важности: «мой другъ, не было необходимости тебѣ взлѣзать сюда на мѣсто назначенное для герцога и его свиты. Можно было выслушать тебя снизу, и государь далъ бы тебѣ отвѣтъ. Мнѣ кажется, ты удивительный чудакъ. Ступай, сойди, сойди! Ступайте и вы и вся ваша шайка! Государь съумѣетъ устроить свои дѣла съ народомъ и не нуждается въ депутатахъ.» Человѣкъ сконфуженный тотчасъ повиновался и скрылся въ толпѣ. Карлъ далъ обѣщаніе взять въ соображеніе жалобы гражданъ, вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи свиты, безъ затрудненія, воротился въ свое жилище.

Всю ночь народъ остался въ сборѣ на мѣстѣ подъ распущенными знаменами. Карлъ совѣтовался со своими ближними, и, боясь за свою дочь, за сокровища, привезенныя изъ Брюгге, рѣшился уступить и согласиться на всё требованія народа. Грутузъ именемъ герцога явился къ народу и потребовалъ нѣсколько лицъ, чтобы лично выслушать изъ устъ герцога подтвержденіе обѣщаній, данныхъ имъ и высказанныхъ этимъ вельможею. Тогда мощи св. Льевена были отнесены въ церковь, заложеныя ворота отворены и еще разрушенъ домъ, служившій къ собранію ненавистой пени. Новость объ этихъ насиліяхъ омрачила еще болѣе гнѣвное выраженіе лица Карла. На утро онъ покинулъ Гентъ. Глубоко вѣзвалось въ мысли герцога подобное оскорбленіе. Карлъ въ началѣ своего царственнаго поприща мечталъ о борьбѣ съ иностранными державами въ намѣреніи увеличить свои владѣнія внѣшними побѣдами. Но для этого онъ долженъ былъ опираться на своихъ подданныхъ; примѣръ же Гента былъ заразителенъ и для другихъ городовъ. Мы видѣли, въ какихъ затрудненіяхъ нахо-

дился герой при вступленіи на престолъ, они не исчезли для него и во все остальное время его боевой жизни.

Сочиненіе Кирка, почерпнутое изъ самыхъ лучшихъ источниковъ и составленное мастерски, даетъ наилучшее понятіе о жизни и времени этого послѣдняго средневѣкового властелина.

La civilisation moderne. Cours professé à l'Académie de lausanne par Louis Jousserandot. Paris. 1866. p. 476.

Всякій, кто ожидалъ бы найти въ этомъ сочиненіи нѣчто похожее на анализъ, сдѣланный въ европейской исторіи Боклемъ и Дрэперомъ, очень бы ошибся. Это снимокъ съ извѣстнаго сочиненія Гизо «Исторія европейской цивилизаціи,» приправленный внесеніемъ новыхъ началъ современнаго движенія европейскаго общества и не заключающій въ себѣ той глубины мысли, которая отличаетъ маститаго французскаго историка-философа. Въ основаніе образованія, какъ здѣсь, такъ и тамъ положено развитіе частной личности, бывшее въ одно и то же время средствомъ и цѣлью образованія. Особенности каждой расы много имѣютъ вліянія на это развитіе. Авторъ не первый замѣчаетъ, что восточные народы вообще не способны идти по той же дорогѣ, какъ индо-европейцы. Образованіе у нихъ въ застоѣ и имѣетъ только мимолетный блескъ. Вотъ почему Европа оставила за собою далеко Азію и успѣла извлечь плодотворные плоды изъ христіанства. Религія христіанская, по мнѣнію автора, довольно чужда прогрессивному движенію и приобрѣла значительную важность вслѣдствіе борьбы, завязавшейся между римскимъ духовенствомъ, имѣвшимъ намѣреніе воспользоваться къ поработенію народовъ, и народнымъ инстинктомъ, возставшимъ противъ этой попытки. Личная независимость съ этихъ поръ дѣлается предметомъ стремленій для всѣхъ ненавидящихъ церковное иго и составляетъ шагъ по дорогѣ истиннаго образованія. Заключительными идеями автора была необходимость отдѣленія церкви и государства, къ которому стремится наше время, и удаленіе препятствій, которыя встрѣчаетъ развивающаяся частная дѣятельность въ государственной организаціи. Не смотря на высказанную авторомъ въ предисловіи мысль, что нельзя довольствоваться сужденіями чисто отвѣченными, что всякая теорія, не подерѣвленная событіемъ изъ жизни человѣчества, немощна, въ его сочиненіи недостаетъ многихъ подробностей, которыя, если нельзя было внести въ текстъ, то очень удобно можно бы было помѣстить въ видѣ примѣчаній.

Не смотря, впрочемъ, на легкость сужденій, наложенныхъ въ разсуждаемомъ нами сочиненіи, и на неисчерпаемость содержанія такого важнаго вопроса, тринадцать лекцій профессора лозанской академіи читаются съ удовольствіемъ и составляютъ хорошіи краткіи эскизы развитія европейской жизни.

Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française, recueillie et publiée avec d'autres lettres relatives à la réforme et des notes historiques et biographiques, par Herminjard. Tome I (1512—1526). 1866. Genève. Paris. p. 495.

Мысль автора издать переписку французскихъ реформаторовъ съ разными лицами, находившимися въ соприкосновеніи съ ними по дѣламъ религіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Раскинутый матеріалъ для исторіи французской реформаціи теперь сосредоточивается въ одномъ изданіи, которому объясненія автора, основанныя на строго-научныхъ розысканіяхъ, придаютъ особый интересъ. Изъ 192 нумеровъ писемъ, 53 были совершенно неизвѣстны, нѣкоторые извѣстны въ отрывкахъ, многія въ первый разъ переведены съ нѣмецкаго на французскій. Тезисы Фореля не были перепечатаны *in extenso* послѣ первоначальнаго текста. Всѣ напечатанныя въ этомъ изданіи письма хотя и съ латинскимъ текстомъ, объяснены краткимъ изложеніемъ содержанія и многочисленными превосходными замѣчаніями. Извлеченіе этихъ писемъ изъ рѣдкихъ сочиненій дѣлаетъ ихъ въ настоящее время доступными для ученыхъ изысканій.

Изданіе начинается съ «Посвященія», сдѣланнаго Лефевромъ въ его комментаріяхъ къ посланію св. Павла 15 декабря 1512 г. Комментаріи указываютъ, какъ должно понимать текстъ этого посланія и посвящены знаменитому Вильгельму Брисонне.

Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Harlem. Publié pour la première fois, d'après le Ms hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le Prince Michel Obolensky et M-r le D-r A. Van der Linde. Tome I p. 310. Tome II p. CXVI et 312. Bruxelles. 1866.

Сочиненіе Масса Гарлемскаго о смутахъ въ Россіи при Борисѣ Годуновѣ и самозванцахъ, обнародованное въ первый разъ по голландскому оригиналу трудами князя Михаила Оболенскаго и голландскаго ученаго Ван-дер-Линде, доставляетъ новыя свидѣтельства историкамъ смутной эпохи, и новый интересъ въ разсказѣ очевидца, проведшаго свою молодость въ Россіи.

Исаакъ Масса родился въ Гарлемѣ, столицѣ сѣверной Голландіи, въ 1587 году. Гравюра, снятая съ портрета его, сдѣланнаго знаменитымъ гарлемскимъ живописцемъ Францомъ Галсъ, носитъ надпись: anno 1635 — in œolis Massa — ætatis suæ 48. Сорока осьми лѣтъ онъ умеръ.

Принадлежа къ благородной итальянской фамиліи, которая, съ первыхъ временъ реформаціи, оставила католицизмъ, удалилась изъ Италіи въ Нидерланды, Исаакъ Масса исповѣдывалъ кальвинистское ученіе и былъ привязанъ къ Морицу Оранскому, какъ главѣ религіозной партіи.

Въ молодости, Масса былъ посланъ своими родителями въ Москву «узнать торговлю»; онъ былъ предназначенъ къ торговлѣ шелкомъ и

потому во всю свою жизнь придавалъ большое значеніе персидской торговлѣ. Прибытіе его въ Россію было около 1600 года, такъ какъ въ слѣдующій годъ онъ дѣлается очевидцемъ московскихъ событій и описываетъ ихъ. Во время своего восьмилѣтняго пребыванія въ Россіи онъ записывалъ все, что видѣлъ и что узналъ замѣчательнаго, касательно событій въ ней происходившихъ. Печальное положеніе торговыхъ дѣлъ, опасность отъ долгаго пребыванія въ Россіи среди смутъ тамъ царствовавшихъ и подвергавшихъ самую жизнь опасности принудили автора записокъ оставить страну.

Масса былъ очевидцемъ бѣльшей части событій, которыя онъ описываетъ естественно и просто. Онъ «видѣлъ» ужасы голода (1602), торжественный въѣздъ, и нѣсколько времени спустя, погребеніе герцога Іоанна Датскаго; онъ «видѣлъ» посольство Ганзы (1603), возвращеніе войскъ изъ похода въ Георгію, австрійскаго посла, прибывшаго въ Москву въ 1604 г., приверженцевъ перваго Лже-Димитрія плѣнными въ столицѣ въ 1605 году, великолѣпную свиту Марини, невѣсты Димитрія, и кровавую свадьбу (1606); онъ даже видѣлъ тѣло убитаго царя и хитрости, къ которымъ прибѣгали, чтобы доказать народу, что Димитрія не было въ живыхъ.

Такимъ образомъ, составилось это сочиненіе Исаака Масса. Критическій разборъ его разсказа представляетъ многочисленныя замѣчанія издателей, приложенныя къ тексту, которыя имѣютъ содержаніемъ сравненіе сочиненія съ современными документами, служащими источникомъ для русской исторіи.

Точность и правдивость Исаака Масса вслѣдствіе того представляются вѣ въ всякаго сомнѣнія. Важность его свидѣтельства еще увеличивается отъ его сношеній съ дворомъ и отъ дружбы «нѣсколькихъ знатныхъ секретарей». Свободный отъ политическихъ партій, авторъ не принадлежалъ и къ той націи, которая бы невольно смотрѣла мрачно на событія въ Россіи. Молодой, свободный отъ предрасудковъ, религіозный и нравственный, авторъ соединялъ въ себѣ всѣ качества правдиваго историка.

Со вступленіемъ на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича, Масса былъ уполномоченъ генеральными штатами (23 мая 1614) отправиться въ Россію и наблюдать за исполненіемъ торговыхъ обѣщаній, данныхъ штатамъ русскими послами. Интриги англійскаго посла Джона Мерика заподозрили Исаака Масса въ глазахъ близкихъ къ царю бояръ и отдали надолго его свиданіе съ царемъ. Любопытно описаніе, какое Масса дѣлаетъ проискамъ англійскаго посла. Архангельскій воевода и князья, администраторы страны, къ которымъ Масса обратился со своимъ посланіемъ, не могли дѣйствовать безъ полномочія царя; по ихъ словамъ, нельзя было и дивиться тому, такъ какъ они «знали устройство страны, какъ самихъ себя». Пока военный корабль нидер-

ландскій, привезшій русское посольство въ Архангельскъ, не возвратился въ Голландію, нельзя было ничего сдѣлать въ этотъ годъ. Годъ спустя, въ октябрѣ 1615 г., Масса воротился въ Голландію, чтобы дать отчетъ въ томъ, что случилось въ Москвѣ. Онъ сопровождалъ второе русское посольство, — первое, отправленное прямо изъ Россіи въ Нидерланды. Оно состояло изъ придворнаго лица — Ивана Гавриловича Кондырева и секретаря Михаила Невѣрова.

Русское посольство имѣло дѣлю требовать: присылки посла, вспомоствованія деньгами и военными снарядами, строгаго наблюденія за сборами рекрутъ въ службу короля шведскаго или польскаго, отовзанія нидерландцевъ, уже обязавшихся службою, и наконецъ помощи штатовъ для послыи московскихъ пословъ во Францію. Посольство воротилось изъ Франціи въ январѣ 1616 г. и оставалось въ Гагъ до мая мѣсяца по случаю льда въ каналѣ. 7 мая было рѣшено, чтобы Масса вновь отправился въ Россію въ сообществѣ московскихъ пословъ, чтобы отвести царю письма генеральныхъ штатовъ, и, дождавшись отвѣта, воротился, какъ можно скорѣе. Въ эту вторую поѣзду въ Россію Масса не былъ посланъ въ качествѣ формальнаго посла, и получилъ одновременно три тысячи флориновъ и золотую медаль обмѣновенной цѣнности. Послѣ переѣзда въ 37 дней, военный корабль штатовъ высадилъ московскихъ пословъ въ Архангельскѣ 12 іюля. Масса, предполагавшій отправиться въ Москву съ Кондыревымъ, былъ удаленъ отъ него.

Посолъ поссорился со своимъ секретаремъ Невѣровымъ по поводу ихъ пребыванія во Франціи. Посолъ какъ человекъ придворный, знавшій нравъ русскаго великаго канцлера, домогался личной выгоды и старался доказать, что успѣхъ посольства во Франціи зависѣлъ отъ его дѣятельности и искусства. Его друзья хотѣли выхлопотать ему въ вознагражденіе воеводство или землю. Секретарь же, напротивъ, грозилъ рассказать въ Москвѣ, что, если бы они не были снабжены въ Голландіи генеральными штатами, то были бы похожи на бродягъ и нищихъ и никогда не достигли бы Франціи; что если бы они не имѣли рекомендательныхъ писемъ отъ штатовъ и принца и принцессы Оранскихъ, они не имѣли бы такого приѣма во Франціи, какой имъ былъ сдѣланъ; что, если бы генеральные штаты не дали имъ въ сопровожденіе военнаго корабля, они подверглись бы стыду, и безъ помощи Мортана ихъ предложенія, которыя они намѣрены были сдѣлать Франціи, встрѣтили бы вѣчное презрѣніе.

Отчетъ Исаака Масса о своемъ второмъ путешествіи въ Россію, помѣщенный въ замѣчаніяхъ (стр. XC — CIX), представляетъ чрезвычайный интересъ характеристикою лицъ и разныхъ встрѣтившихся обстоятельствъ. При допросѣ царемъ посла Кондырева, царица-мать была скрыта въ той же комнатѣ; царь, опираясь на плечо великаго,

канцлера, спрашивавъ самъ Ивана въ продолженіе почти трехъ часовъ объ его путешествіи.

Большія затрудненія были дѣлаемы Исааку Масса до представленія царю, и онъ долгое время содержался, какъ плѣнникъ. Отъ сидячей жизни Масса сдѣлался боленъ и потребовалъ брадобрѣя для того, чтобы пустить себѣ кровь.

При этомъ требованіи комиссаръ былъ изумленъ и сообщилъ свое безпокойство канцлеру, который шелъ во дворецъ дать отчетъ совѣту, боярамъ и вельможамъ. Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, президентъ совѣта, спрашивалъ: «кто же этотъ брадобрѣй». Ему отвѣчали—онъ долженъ быть нѣмецъ. (Русскіе не имѣютъ брадобрѣевъ). На это два или три товарища Мстиславскаго возразили, что нужно передать царю. Петръ Третьяковъ, бывшій въ званіи канцлера, немедленно отправился къ его величеству, который освѣдомился о мнѣніи бояръ, и, получивъ отчетъ, приказалъ послать къ Исааку Масса русскаго, искуснаго въ ставленіи рожковъ, а если же понадобится брадобрѣй, то чтобы смотрѣли за нимъ очень строго, слушали всѣ разговоры и избѣгали бы по возможности брадобрѣя-нѣмца. Мстиславскій, говорятъ приверженцы нидерландской партіи, держалъ сторону англичанъ. Въ этомъ удостовѣрялъ Исаака Масса, между прочимъ князь Михаилъ Бѣлосельскій и другіе.

Масса остался недоволенъ корыстолюбіемъ канцлера Петра Алексѣевича Третьякова, который ему много стоилъ подарковъ и жалалъ еще большихъ. Многія лица, высоко поставленныя, только терпѣли этого сановника, но ожидали скорой перемѣны. Иванъ Никитичъ, дядя царя, одинъ только держалъ сторону Исаака Масса и говорилъ предъ совѣтомъ: «господа, я не вижу неудобства дать побольше свободы Исааку, потому что онъ жилъ болѣе 17 лѣтъ въ нашей землѣ и нѣтъ дома Москвы, котораго бы онъ не зналъ, зачѣмъ же смотрѣть на него какъ на иностранца?»

Вельможи подтвердили такое мнѣніе. Оно впрочемъ не обошлось даромъ и стоило Исааку Масса 231 флоринъ. Въ счетъ, поданномъ генеральнымъ штатамъ въ издержкахъ путешествія въ 1616 и 1617 годахъ сказано:

«Князю Ивану Никитичу, чтобы приобрѣсти его расположеіе — большой кубокъ позолоченный въ 2 фунт. 8 унцій, купленный въ Москвѣ за 33 рубля, считая рубль въ 7 флориновъ, 231 флоринъ».

«Князю Михаилу Бѣлосельскому — большой серебряный кубокъ за дружбу, которой онъ удостоивалъ, и за оказанныя услуги — въ 66 флориновъ».

Счетъ этимъ издержкамъ вообще очень интересенъ.

По возвращеніи въ отечество, Масса возбудилъ ненависть и зависть многихъ изъ своихъ гражданъ, вызвалъ подозрѣніе въ корыстолюбіи и

не былъ уже болѣе употребляемъ въ сношеніяхъ съ Россією. Авторъ его біографіи, Ван-дер-Линде, принимаетъ его сторону и объясняетъ неудовольствіе противъ него согражданъ описаніемъ вражды нидерландскихъ торговцевъ въ Россіи. «Личная ненависть нашихъ нидерландскихъ торговцевъ, говоритъ Масса, невыразима; она побуждаетъ ихъ къ клеветѣ и къ взаимной враждѣ даже братьевъ между собою».

Въ I томѣ разсматриваемаго нами сочиненія помѣщены: 1) Нидерландскій текстъ исторіи войнъ и смуть московскихъ. 2) Приложенія. 3) Описаніе областей Сибири, самоѣдовъ, тунгусовъ и путей, ведущихъ изъ Московіи на востокъ и сѣверъ, которые нынѣ посѣщаются русскими. Это сочиненіе, написанное на латинскомъ языкѣ, приписывается также Исааку Масса. 4) Краткое описаніе путей и рѣкъ впадающихъ на востокъ, также имена городовъ въ Сибири, основанныхъ русскими и управляемыхъ намѣстникомъ... (на латинскомъ языкѣ, его же). 5) Легенда о жизни и смерти Димитрія, послѣдняго великаго князя Московскаго. Новый переводъ 1606 г. (на франц. языкѣ).

Послѣдняя статья разобрана критически нидерландскимъ ученымъ при жизнеописаніи Исаака Масса (II Томъ, стр. XVIII—XXXV) и тщательно сличена съ рассказомъ о томъ же предметѣ въ исторіи московскихъ войнъ. Ванъ-дер-Линде, кажется, не считаетъ Исаака авторомъ этой легенды.

II-й томъ заключаетъ: 1) Этюдъ Ван-дер-Линде объ Исаакѣ Масса. 2) Французскій переводъ исторіи московскихъ войнъ и смуть. 3) Замѣчанія историческія и критическія.

Издатели заслужили полную признательность за изданіе рѣднаго и драгоценнаго для Россіи нидерландскаго историка. Ко второму тому приложенъ планъ Москвы 1606 года, сдѣланный Исаакомъ Масса.

2) НАМѢЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Von W. Wattenbach. Zweite umgearbeitete Auflage. Berlin. 1866.

Въ 1858 г. вышло первое изданіе этого руководства къ изученію историческихъ источниковъ Германіи въ средніе вѣка. Необходимость въ немъ уже чувствовалась давно, и руководство было принято съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Недостатки, неизбежныя при всякой попыткѣ, были указаны автору съ дружескою внимательностью его же сверстниками изъ школы Ранке. При новомъ изданіи такія ошибки исправлены, нѣкоторые прежде пропущенные источники приняты во вниманіе вмѣстѣ съ новою литературною дѣятельностью восьмилѣтняго промежутка времени между двумя изданіями.

Но при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ планъ и характеръ книги не измѣнились. Она не составляетъ полнаго препарата для изысканій, но

одно систематическое изложение источниковъ, которые распределены сообразно ихъ содержанию въ каждомъ отдѣлѣ. Стремиться въ библиографической полнотѣ автору не было никакой надобности, при существованіи сочиненія Потгаста ¹⁾; довольно было пользоваться обыкновенно употребительными изданіями и сочиненіями, въ которыхъ бы заключались дальнѣйшія изслѣдованія. Въ началѣ книги, авторъ приводитъ тѣ сочиненія, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда. Книга Ваттенбаха состоитъ изъ литературнаго введенія, разъясняющаго изданія XVI вѣка, житія святыхъ, сборники для мѣстной исторіи, знаменитые «*Monumenta Germaniæ historica*» (источники германской исторіи) и разные труды на историческомъ поприщѣ въ XIX вѣкѣ, — и пяти отдѣловъ.

Первый отдѣлъ «Старина», отъ первыхъ ея началъ до господства Карловинговъ. Въ этомъ отдѣлѣ описаны легенды, жизнь св. Северина, начало христіанскихъ историческихъ сочиненій, историки остготскіе: Кассіодоръ и Иорнадъ; вестготскій — Исидоръ; франкскій — Григорій Турскій, Фредегаръ, «Дѣянія франковъ» (*Gesta Francorum*) и франкскія житія святыхъ.

Второй отдѣлъ — «Карловинги», отъ начала VIII вѣка до начала X вѣка. Отдѣлъ этотъ заключаетъ важнѣйшихъ литературныхъ представителей этого времени: самого Карла, Алкуина, Павла Діакона, Ангилберта, Эгингарда, — обзоры монастырей и каждой страны, образовавшейся изъ монархіи Карла В.

Третій отдѣлъ — «Время Оттоновъ», отъ Генриха I до смерти Генриха II. Подробности литературныя этого времени распределены по государствамъ.

Четвертый отдѣлъ — «Салийскіе императоры», отъ избранія Конрада II до смерти Генриха V. Богатый запасъ историческаго матеріала касается не только Германіи и Италіи, но и восточныхъ предѣловъ Германіи: Богеміи, Польши, Венгріи.

Послѣдній отдѣлъ — «Вельфы» и «Вайблинги», отъ смерти Генриха V до половины XIII вѣка.

Не всякая историческая литература имѣетъ для себя такой обстоятельный и добросовѣстный обзоръ своихъ памятниковъ, каковымъ представляется трудъ Ваттенбаха. Судьба западныхъ славянъ, германизированныхъ въ эпоху Оттоновъ и въ послѣдующія времена, дѣлаетъ «Историческіе источники Германіи въ средніе вѣка» интересными и для нашихъ изслѣдователей исторіи вообще славянскаго міра.

Monumenta Germaniæ Historica, edidit Georgius Henricus Pertz. Scriptorum tomus XIX. Hannoverae. 1866 p. 772 in folio.

Деятнадцатый томъ германскихъ лѣтописей, издаваемыхъ неудо-

¹⁾ Bibliotheca historica Medii aevi. Berl. 1862.

нимымъ Пертцомъ, заключаетъ въ себѣ лѣтописи гогенштауфенскаго періода и слѣдующаго вѣка, написанныя въ Веронской Маркѣ, Тосканѣ, въ римской области и въ королевствѣ Сициліи. Къ нимъ присоединены лѣтопись Барселонская и недавно открытыя издателемъ въ Шотландіи древнѣйшія лѣтописи Линдисфарненская и Дюнельменская и три книги жизнеописанія знаменитаго короля Канута. За нимъ слѣдуютъ остальные лѣтописи Германіи, написанныя въ областяхъ въ тотъ вѣкъ связанныхъ съ Германією: въ Помераніи, Пруссіи, Ливоніи и Силезіи. Наконецъ, лѣтописи польскія, извлеченныя Вильгельмомъ Арндтомъ изъ библіотекъ Силезіи, Пруссіи, Галиціи, Польши и Россіи, изданы имъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ знатокомъ польской исторіи Ричардомъ Репеллемъ, профессоромъ Бреславскимъ. Издатель германскихъ лѣтописей надѣется, что соединенными усиліями этихъ двухъ ученыхъ древняя польская исторія, до сихъ поръ мало извѣстная, будетъ раскрыта для общаго изученія. Розысканіямъ Арндта въ библіотекахъ Петербурга особенно содѣйствовали: академикъ Кунигъ — въ библіотекѣ академіи наукъ и библіотекари Бычковъ и Мюнцловъ — въ публичной Императорской библіотекѣ. Благодарность, возданная имъ наравнѣ съ другими иностранными учеными въ изданныхъ Пертцомъ лѣтописяхъ, завѣряетъ насъ, что участіе Россіи въ данномъ изданіи имѣло свое истинное значеніе.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, XIX томъ «Памятниковъ Германіи», кромѣ своего общаго интереса, представляетъ для нашей отечественной исторіи особую важность, такъ какъ многіе изъ источниковъ, изданныхъ въ немъ, относятся къ областямъ, составляющимъ нынѣ территорію Россіи, какъ Польша и Ливонія, или говорящимъ нашимъ языкомъ, какъ Галиція. А потому мы полагаемъ, что для отечественныхъ ученыхъ будетъ удобно имѣть въ нашей хроникѣ полное оглавленіе содержанія нынѣ вышедшаго тома «Памятниковъ Германіи», чтобы такимъ образомъ знать напередъ, что можно надѣяться въ немъ найти, и воспользоваться тѣмъ при изслѣдованіяхъ славянской старины.

Указаніемъ книгъ, упоминаемыхъ въ 16-ти томахъ Пертцовскаго изданія отъ I — XII, XVI — XIX . . . . . VI — XXXIV
Предисловіе . . . . . XXXV — XXXVI

ДРУГАЯ ЧАСТЬ ЛѢТОПИСЕЙ ИТАЛІИ.

Верхняя Италия.

	Стр.
I — III. Лѣтописи Веронскія:	1 — 18
I. Краткая лѣтопись. 1095 — 1178	2 — 4
II. Лѣтопись св. Троицы. 1117 — 1223 г.	2 — 6
III. Лѣтопись Париса Серетскаго. 1117 — 1277	2 — 18

Стр.

IV. Лѣтопись Мантуанская. 1183 — 1299	19 — 81
V. Хроника Ромадина Падуанскаго. 1200 — 1230, 1262, изданная профессоромъ Филиппомъ Яффе	32 — 147
VI. Лѣтопись Падуанская монастыря св. Юстини. 1207—1270, изд. Яффе	148 — 193
VII. Фриульская лѣтопись (annales Foroiulieneses). 1252 — 1331, изд. Вильг. Арендъ	193 — 222
Замѣтки Пассерина. 1343 — 1364	222 — —

Тоскана.

VIII. Лѣтопись Флорентинская. 1110 — 1173	223 — 224
IX. Лѣтопись Сиенская (annales Senenses). 1107 — 1407, изд. Береромъ	225 — 235
X. Лѣтопись Пизанская Бернарда Марангона. 1004—1175. изд. Карломъ Пертцомъ	236 — 266
Пизанскія замѣтки. 1128 — 1148. 1154	266 — —

Церковная Область.

XI. Лѣтопись Реатинская. 1054 — 1377	267 — 268
XII. Лѣтопись Урбеветанская. 1161 — 1313	269 — 273
XIII. Римскія замѣтки. 1111 — 1123	273 — —
XIV. Лѣтопись Сублаценская (annales Sublacenses). 1145 — 1216	274 — —
XV. Лѣтопись Цецканенская (annales Ceccanenses). 1217	275 — 303

Королевство Сицилія.

XVI. Лѣтописи Монте-Кассинскія (annales Casinenses) 1000 — 1212.	303 — 320
I. 1000 — 1167	305 — 307
II. 1000 — 1152	305 — 311
Продолженіе I, 1153 — 1182	311 — 318
Продолженіе II, 1183 — 1212	318 — 320
Замѣтки Кассинскія, 1349, 1362, 1500	320 — —
XVII. Хроника Риккарда, писца изъ города Сентъ-Жермена, построеннаго у подошвы Монте-Кассино. 1189 — 1243	321 — 334
Его же письмо къ отцамъ монастыря Монте-Кассино, посланное при его смерти	334 — 336
XVIII. Лѣтопись Ромульда II архіепископа Салернскаго. 893 — 1173, изд. Вильгельма Арендъ	337 — 461
XIX. Донесеніе о Венеціанскомъ мирѣ въ 1177 году	461 — 463
XX. Журналъ Матвея Жювенато, изд. Германомъ Пабстъ	464 — 493
XXI. Лѣтописи Сицилійскія. 1027 — 1232	494 — 500
Часть I, 1027 — 1252	494 — 498
Продолженіе. 1253 — 1265, 1282	498 — 500

Испанская марка.

XXII. Лѣтопись Барселонская. 1149	— — 501
---	---------

Амлія.

XXIII. XXIV. Лѣтописи Линдисфарненская и Дунельменская	502 — 507
XXIII. Annales Lindisfarrenses. 532 — 993	502 — 507
XXIV. Annales Dunelmenses. 995 — 1199	507 — 508
XXV. Царствованіе Канута или похвала королевы Эммы, монаха св. Вертина	509 — 525

ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЛѢТОПИСЕЙ ГЕРМАНИИ.

Померанія.

	Стр.
Померанскія лѣтописи, изд. Вильг. Арндтъ	710 — 721
XXVI. Лѣтопись и замѣтки въ древняго монастыря Помераніи Кольбадъ, недалеко отъ Старгарда (Annales et notae Colbazienses). 17 — 1860	710 — 720
XXVII. Каминскія замѣтки (notae Saminenses) 1496 — 1496	— — 721

Пруссія.

Прусскія лѣтописи изд. Арндтомъ	690 — 708
XXVIII. Лѣтопись Прусской земли. 1029 — 1450	691 — 698
XXIX. Короткая Прусская лѣтопись. 1190 — 1887	696 — 696
XXX. Лѣтопись каноника Самбиенскаго. 3 — 1838	696 — 708

Ливонія.

XXXI. Лѣтопись Дюнемундская. 1313 — 1848, изд. Арндтомъ	708 — 709
---	-----------

Силезія.

Силезскія лѣтописи, изд. Арндтомъ	526 — 570
XXXII. Древняя бреславская лѣтопись. 1238 — 1308	527 — 529
XXXIII. Лѣтопись бреславскаго магистрата. 1149 — 1491.	527 — 531
XXXIV. Большая лѣтопись бреславская. 1230 — 1371	531 — 533
XXXV. Замѣтки бреславскихъ монаховъ св. Клары. 1200 — 1632	533 — 536
XXXVI. Силезская лѣтопись сборная (annales Silesiae compilati). 967—1249	536 — 540
XXXVII. Лѣтопись Гриссовиенская большая. 1230 — 1306	541 — 542
XXXVIII. Лѣтопись Гриссовиенская меньшая. 1292 — 1812	542 — —
XXXIX. Лѣтопись ордена цистерцианскаго въ Гейриховѣ, ч. I, 971—1817	543 — 546
Продолженіе 1315 — 326	546 — —
Замѣтки 1880 — 1410	546 — 547
XL. Лѣтопись Гейриховская. 477 — 1298.	547 — 548
XLI. Лѣтопись Любевская (annales Lubenses). 1241 — 1315	548 — 549
XLII. Эпитафия силезскихъ герцоговъ. 1201 — 1342	550 — 552
XLIII. Лѣтопись верхней Силезіи. 1071 — 1290.	552 — 553
XLIV. Хроника польско-силезская. 1278	553 — 570

Польша.

Польскія лѣтописи, изд. Ричардомъ Репеллемъ, профессор. Бреславскаго университета, и Вильг. Арндтомъ	574 — 639
XLV. Древняя краковская лѣтопись. 948 — 1122, 1136	577 — 578
XLVI. Лѣтопись любенскаго монастыря (annales lubinenses). 1143—1175	578 — 580
XLVII. Лѣтопись каменецкая. 965 — 1165	580 — 582
XLVIII. Лѣтопись краковскаго капитула. 1831	582 — 607
XLIX. Лѣтопись краковская сборная. 966 — 1291.	582 — 606
I. Каталогъ краковскихъ епископовъ	— — 608
LI — LIV. Польскія лѣтописи. I, II, III, IV.	609 — 663
LI. Польская лѣтопись I. 965 — 1325	614 — 656
LII. Польская лѣтопись II. 899 — 1330	612 — 654
LIII. Польская лѣтопись III. 899 — 1325	618 — 656
LIV. Польская лѣтопись IV. 899 — 1327, 1378	618 — 656

	Стр.
Продолженіе польскихъ лѣтописей I и III. 1890 — 1419	656 — 668
LV. Люблинскія замѣтки. 1456 — 1497	— — 663
LVI. Краткая краковская лѣтопись. 965 — 1185	663 — 665
Продолженіе краткой краковской лѣтописи. 1142 — 1283	665 — 666
LVII. Мѣховецкая лѣтопись. 947 — 1434	666 — 677
LVIII. Крестовская польская лѣтопись (annales Sanctae Crucis Polonici). 960 — 1410	677 — 687
LIX. Журналъ и замѣтки Владиславскія. 1296 — 1366	687 — 689

Венгрія.

LX. Лѣтопись пресбургская изд. Арндтомъ. 997 — 1203	571 — 573
Указатель составленный Пабстомъ	721 — 769
Глоссарій его же	769 — 772

Таблицы: I образцовъ лѣтописей къ стр. 35; II къ стр. 543.

Можно утвердительно сказать, что колоссальный трудъ германскихъ ученыхъ, направляемый знаменитымъ Берлинскимъ библиотекаремъ Пертцемъ, останется однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ исторической дѣятельности нашего времени. Англія и Франція въ то же время сдѣлали для своей исторіи много подобныхъ изданій, но ни одно не пользуется такимъ авторитетомъ, какъ «Памятники Германія». Это изданіе должно служить образцемъ для всѣхъ странъ, гдѣ могутъ быть предпринимаемы такіа работы.

Обыкновенно нѣмцевъ ученыхъ упрекаютъ въ томъ, что они мало заботятся о распространеніи знанія въ обществѣ, чѣмъ всегда такъ гордится французская ученость. Но нельзя этого сказать объ ученыхъ издателяхъ «Памятниковъ Германія»: при своемъ трудѣ, вовсе не доступномъ для большинства по латинскому языку лѣтописей и дороговизиѣ изданія, они выпускаютъ въ свѣтъ въ переводѣ лучшія историческія произведенія подъ заглавіемъ: *Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*. До сихъ поръ вышло болѣе 40 номеровъ.

Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets. Ende 1745 bis Ende 1756. Archivarische Vorstudien für die Geschichte des siebenjährigen Krieges. Erster Band. Stuttgart. 1866. S. 453.

Акты здѣсь приведенные никогда еще не представлялись изслѣдователю во всемъ ихъ объемѣ. Двадцать девять изъ нихъ сдѣлались извѣстны еще въ сентябрѣ 1757¹⁾ и до сихъ поръ считались главнымъ источникомъ семилѣтней войны. Судьба же остальныхъ актовъ дѣйствительно удивительна: упакованные невѣжественными солдатами провозились они среди войны изъ Дрездена въ Берлинъ и обратно, и

¹⁾ Mémoire raisonné sur la conduite des cours de Vienne et de Saxe et sur leurs desseins dangereux contre S. M. le roi de Prusse, avec les pièces originales et justificatives qui en fournissent les preuves.

потомъ совершали не менѣе тяжелую дорогу изъ Дрездена въ Варшаву.

Кромѣ этихъ актовъ авторъ предварительныхъ этюдовъ воспользовался семейными бумагами саксонскаго генералъ-лейтенанта, графа Фицтума фонъ-Экштедтъ отъ 1756 до 1763 года и саксонскаго генералъ-фельдмаршала графа Рutowскаго.

Въ первомъ этюдѣ, составляющемъ «введеніе,» объяснена не только цѣль изданія, но изложены и самыя результаты новыхъ розысканій. Онъ служитъ темою доказательствъ, тогда какъ другіе этюды въ ихъ хронологической послѣдовательности будутъ средствомъ для доказательствъ. Можно надѣяться, что столѣтняя загадка семилѣтней войны подвергнется теперь новой переработкѣ.

Всѣ согласны въ томъ, что событія, представленныя на этомъ новомъ основаніи въ ихъ внутренней связи, произведутъ переворотъ, значительный переворотъ не только въ исторіи Германіи, но и Европы. Авторъ сочиненія стремится найти въ дрезденскихъ актахъ ключъ къ обще-историческому взгляду, къ разъясненію не только тайнъ саксонскаго, но вообще европейскихъ кабинетовъ, на сколько онѣ выражаются въ саксонской дипломатіи того времени.

Существуетъ одна монографія ¹⁾ о пирнскомъ лагерѣ, основанная на изученіи источниковъ, но въ ней авторъ не коснулся политической стороны столкновенія.

Вообще европейская точка зрѣнія семилѣтней войны осталась чуждою для нѣмецкихъ историковъ. Преобладающее число ихъ были пруссаки, потому понятно, что они невольно усвоивали и распространяли прусскій взглядъ на событія. Современникъ войны, Архенгольдъ, прусскій офицеръ, первый изложилъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ привлекательно-наивномъ тонѣ древнихъ лѣтописцевъ, «фридриховы сказанія» о семилѣтней войнѣ. Это задушевное въ своемъ родѣ превосходное изложеніе справедливо сдѣлалось народнымъ и главнымъ источникомъ, изъ котораго еще до сихъ поръ школы и народъ почерпаютъ исторію битвъ и побѣдъ прусскаго «героя-короля.»

Потребность въ критическомъ и научномъ изученіи архивныхъ источниковъ замѣтно проявилась въ первое десятилѣтіе нашего вѣка. Нѣкоторые государственные архивы открылись избраннымъ лицамъ. Снова прусскіе ученые взялись за трудъ. Преиссъ описывалъ жизнь Фридриха II большею частію изъ прусскихъ источниковъ. Раумеръ и Ранке умѣли проложить дорогу къ лондонскому государственному

---

¹⁾ Beleuchtung der Kriegswirren zwischen Preussen und Sachsen von Ende August bis Ende October 1756 u. s. w. von Heinrich Aster, Königl. Sachs. Obersten v. d. Armee. Dresden. 1848.

архиву (State Paper Office). Шлоссеръ и Стуръ работали въ заботливо хранимомъ парижскомъ архивѣ.

Основная мысль, что Фридрихъ II взялся за оружіе въ 1756 для противодѣйствія австрійско-русскому наступательному союзу, составляетъ верно прусскаго перевода саксонскихъ актовъ, сдѣланнаго вцѣрвнѣ графомъ Герцбергомъ въ *Mémoire raisonné*, и повтореннаго позже самимъ Фридрихомъ въ его историческихъ сочиненіяхъ. Напрасно царственный историкъ искалъ доказательствъ своей мысли въ насильно открытомъ саксонскомъ архивѣ, въ 1756 году. Напрасно впоследствии искали недостающаго подтвержденія этой же основной мысли новѣйшіе историки въ англійскихъ, французскихъ, нидерландскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ источникахъ.

Когда нельзя было доказать, что этотъ австрійско-русскій наступательный союзъ принадлежитъ къ обманчивымъ политическимъ призракамъ, часто встрѣчавшимся въ XVIII столѣтіи, что король прусскій обманулся, старались оправдать его дѣйствія увѣренностію «im guten Glauben.» Защитники его углубились въ стремленіе согласить дѣйствія своего героя съ представленіемъ, которое они себѣ однажды объ немъ составили. Шлоссеръ утѣшался предположеніемъ, что Кауницъ, бывший самъ себѣ секретаремъ, унесъ съ собою въ могилу истинную тайну. Стуръ находилъ правдоподобнымъ, что Кауницу удалось какимъ нибудь путемъ довести до Фридриха II ложное извѣстіе съ цѣлю его рассердить и чрезъ то побудить къ ложному шагу ¹⁾).

Отдавая справедливость заслугамъ Архенгольца, Темпельгофа, Кокса, Прейсса, Ранке, Раумера, Шлоссера, Стура, Гумберга, Вутке, Шёнинга, Менцеля, Майлата, Штенцеля, Маколей, Кноппа, Германна, Кнезебека, Ренуара, Карлейля, Арнета, и другихъ, за постановку событий и за изслѣдованіе первоначальныхъ причинъ семилѣтней войны, авторъ имѣетъ намѣреніе «сдѣлать тусклымъ блестящее» (*das Strahlende zu schwärzen*). Онъ боится обвиненія въ неблагодарности за желаніе доказать, что всѣ эти труды только предварительные. Будущій историкъ, когда наступитъ пора написать исторію этихъ знаменитыхъ битвъ, соединить всѣ эти лучи въ одинъ фокусъ, дать творческую силу всѣмъ предварительнымъ работамъ этихъ представителей исторической науки.

Пока еще главная задача настоящаго и ближайшаго поколѣнія предварительно должна состоять въ заботѣ объ изслѣдованіи архивовъ для собранія «драгоценнаго матеріала.»

Обнародованіемъ этого сочиненія авторъ, по его словамъ, только вноситъ скромную лепту къ будущей работѣ.

¹⁾ P. T. Stahr, *Forschungen und Erläuterungen über Hauptpunkte der Geschichte des siebenjährigen Krieges*. Hamburg. 1842. I. s. 58.

Содержаніе первой книжки состоитъ изъ четырехъ этюдовъ: въ первомъ, рѣшается задача самого сочиненія и характеристика личностей; во второмъ — «С.-Петербургъ и Ахенъ» (1745 — 1754) гг.; въ третьемъ — «Вестминстеръ и Версаль» (отъ января 1755 до августа 1756); въ четвертомъ — «безвредныя передвиженія» прусской арміи, 29-го августа до 6-го сентября 1756.

Характеръ Фридриха II, его жадность къ приобрѣтеніямъ, знаменательный отзывъ Фридриха-Вильгельма I въ отвѣтъ на ходатайство Австріи о спасеніи жизни осужденнаго отцомъ на смерть наследника престола, мнѣніе объ немъ извѣстныхъ дѣятелей того времени, его современниковъ, самыя подробныя обстоятельства, могущія дать новый свѣтъ старымъ событіямъ, разъяснены и представлены въ настоящемъ свѣтѣ. Можно надѣяться, что это сочиненіе придастъ новое значеніе многимъ происшествіямъ и нашей отечественной исторіи XVIII столѣтія, и укажетъ на отдаленный источникъ той борьбы Пруссіи съ Австріей, которая разразилась на нашихъ глазахъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Auswärtige Acten. Zweiter Band. (Niederlande). Herausgegeben von Dr. Heinrich Peter. Berlin. 1866.

Коммиссія, назначенная для изданія источниковъ и актовъ къ исторіи Великаго курфирста (XVII вѣкъ), поручила издателю этого тома осмотрѣть архивы въ Гагѣ. Родство курфирста съ Оранскимъ домомъ, одинаковое вѣроисповѣданіе, разнообразныя политическія и коммерческія интересы тѣсно связывали тогда Бранденбургъ съ Нидерландами, и въ продолженіе 48-лѣтняго управленія Фридриха-Вильгельма эти отношенія хотя были иногда холодны и отрывочны, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень искренны, постоянно и неразрывно живы и разносторонни, поэтому нидерландскіе архивы обѣщали богатую добычу. Настоящая книга заключаетъ въ себѣ добытый матеріалъ изъ этихъ архивовъ; въ ней значительное количество поучительныхъ, важныхъ актовъ, но далеко не соответственное ожиданіямъ, потому что для первыхъ тридцати лѣтъ находится много пробѣловъ.

По характеру уніи и сообразно съ ходомъ вещей, дѣйствія республики внѣ границъ, управленіе иностранною политикою генеральныхъ штатовъ, были поручены постоянному собранію депутатовъ Семи провинцій. Сношенія съ иностранными державами, договоры заключались отъ имени ихъ уполномочивающихъ и по ихъ порученію; депутаты же давали инструкціи посламъ республики и принимали ихъ отвѣты. Если сначала дѣло не передавалось на обсужденіе провинцій, то депутаты провинцій имѣли право при каждомъ предложеніи доставлять отчетъ своему начальству — штатамъ и добиваться рѣшенія ихъ. Часто провинціи принимали прямое участіе въ иностранной политикѣ: онѣ за-

ключали договоры съ иностранными государствами и представляли предложенія генеральнымъ штатамъ. Иностранныя государства обыкновенно пользовались такимъ путемъ, чтобы достигнуть чего нибудь отъ республики. Курфирсть особенно употреблялъ для этого провинцію Гельдернъ; она же чрезъ своихъ депутатовъ дѣлала представленія, которыхъ самъ курфирсть не хотѣлъ предложить генеральнымъ штатамъ или не могъ.

Случалось даже, что провинціи и города съ личною отвѣтственностію посылали пословъ къ чужестраннымъ дворамъ, чтобы противодѣйствовать генеральнымъ штатамъ. Вообще однако управление иностранною политикою оставалось въ рукахъ генеральныхъ штатовъ; они составляли единство во внѣшней политикѣ, какъ государь въ монархическихъ государствахъ. Депутаты провинцій Голландіи и западной Фрисландіи, собираясь четыре раза въ годъ, рѣшали дипломатическія дѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ также самостоятельно, какъ генеральные штаты. Ихъ рѣшеніе было представляемо генералитету, — въ важныхъ же случаяхъ сами штаты *in pleno* дѣлали это, и часто безъ всякой перемѣны, большею частію все было принимаемо словесно (*overgenomen*). Въ званіи «ратспенсіонера» Голландія имѣла лицо особенно для этого назначенное. При значительномъ расширеніи и важности государственной дипломатіи необходимъ былъ человекъ, который бы всѣмъ управлялъ, который бы при необходимыхъ свѣдѣніяхъ былъ въ состояніи ознакомить членовъ магистрата со связью и положеніемъ вещей, который, какъ умственный посредникъ, управлялъ бы государственною дипломатіею по ясному плану. Ратспенсіонеръ былъ на самомъ дѣлѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Голландіи, и когда генералитетъ не имѣлъ такой должности, онъ былъ постояннымъ его членомъ и комиссіи, извѣстной подъ именемъ «*Secreet Besogne van H. N. M.*» или «*H. N. M. Gedeputeerde tot de buitenlandsche zaken,*» и рѣшавшій самыя тайныя дѣла безъ сношенія съ полнымъ собраніемъ; такимъ образомъ вскорѣ ратспенсіонеръ сдѣлался самъ членомъ генеральныхъ штатовъ. По своей двойной обязанности и участию въ двухъ государственныхъ учрежденіяхъ, онъ имѣлъ задачей соглашеніе ихъ касательно вопросовъ внѣшней политики. Въ безштатгалтерское время ратспенсіонеръ былъ единственнымъ руководителемъ, душою иностранной политики государства.

Вторымъ вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ при генеральныхъ штатахъ, былъ принцъ Оранскій. Назначеніе его состояло въ главномъ начальствѣ надъ арміею и флотомъ въ званіи капитана и генераль-адмирала (*Capitein en Admiraal Generaal*). Кромѣ того онъ былъ постояннымъ членомъ государственнаго совѣта, хотя это не имѣло особеннаго значенія, съ тѣхъ поръ какъ совѣтъ былъ ограниченъ во вліяніи на веденіе войны и на министерство финансовъ. Во

всякомъ случаѣ, штатгальтеръ, пока эта должность существовала, былъ сильнымъ лицомъ въ государствѣ. Заслуги перваго лица, носившаго это званіе, воинскія государственныя дарованія, перешедшія отъ него наслѣдственно къ его потомству, придали голосу Оранскихъ принцовъ въ общественныхъ дѣлахъ тотъ перевѣсъ, который никакъ не коренился въ государственномъ положеніи ихъ званія. Домъ Оранскій, вмѣстѣ съ участіемъ въ дѣлахъ республики, болѣе или менѣе ревностно преслѣдовалъ свои династическіе интересы, имѣлъ часто значительныя, самостоятельныя сношенія съ иностранными государствами. Главное его значеніе для европейской политики выражалось въ томъ, что въ продолженіе семнадцатаго столѣтія онъ преслѣдовалъ также konsekventно, какъ Голландія, значительную политическую цѣль, совершенно противоположную. Принцы Оранскіе, вопреки близорукой торговой политики Голландіи, усвоили политическое значеніе и задачу Нидерландовъ быть поборниками свободы Европы противъ испанскаго и французскаго преобладанія. Отсюда борьба между оранскою и голландскою или аристократическою партіею, продолжавшаяся все семнадцатое столѣтіе; отсюда колебаніе внутренней и внѣшней политики въ Нидерландахъ, сопряженное съ пораженіемъ или побѣдою дома Оранскаго! Съ преобладаніемъ принцовъ они занимали то положеніе, какое имѣлъ въ безштатгальтерское время ратспенсіонеръ, они были средоточіемъ, единственнымъ руководителемъ политики; они наставляли и направляли государственную внѣшнюю дипломатію, настойчиво вліяли на рѣшенія генеральныхъ штатовъ.

И такъ, въ республикѣ соединенныхъ Нидерландовъ были три дѣятеля — генеральные штаты, штаты Голландіи и штатгальтеръ, которые въ одно и тоже время, часто даже враждебно другъ другу, принимали значительное участіе въ управленіи иностранною политикою. Въ началѣ XVII вѣка, вліяніе Голландіи и принцовъ еще незначительно; дипломатическія сношенія находятся въ рукахъ генералитета. Въ концѣ 30-тилѣтней войны, именно съ вестфальскаго мира, власть генералитета устраняется, штаты Голландіи или ихъ именовъ ратспенсіонеръ и принцъ Оранскій руководятъ дѣлами даже безъ содѣйствія генералитета, который къ готовому рѣшенію прибавляетъ свое согласіе для официальной формы. Въ современныхъ монархическихъ государствахъ того времени общественное и частное положеніе государей и ихъ совѣтниковъ совпадаетъ, и рѣшеніе дипломатическихъ дѣлъ зависитъ отъ главы государства; въ Нидерландахъ для успѣха дѣла необходимы были непрерывные переговоры и сношенія съ принцами, съ ратспенсіонеромъ, съ нѣкоторыми членами штатовъ Голландіи, съ генеральными штатами, съ магистратами нѣкоторыхъ городовъ (именно съ бургомистрами Амстердама, часто переговоривавшимися съ иностранными послами, въ томъ числѣ и съ послами курфирста).

Если при этих сношеніяхъ не приходили ни къ какому результату, то генералитетъ не давалъ никакого рѣшенія.

При такомъ развѣтвленіи и развитіи хода дѣлъ въ Нидерландахъ каждое важное политическое рѣшеніе можно назвать «компромиссомъ» между разнообразными сталкивающимися интересами. Гага была главнымъ мѣстомъ дипломатической борьбы въ XVII вѣкѣ. Она приводила въ дѣйствіе свое искусство, интриги, разнообразныя, часто неблагородныя средства, подкупъ, устрашеніе и др.

Не только заграничные дипломаты въ Гагѣ, но и послы республики за границей должны были въ своихъ отчетахъ на родину сообразоваться съ этою тройственностію государственнаго управленія. Они были хотя по имени уполномочены генеральными штатами.

Издатель, передавая акты посланниковъ сообразно главнымъ отдѣламъ царствованія великаго курфирста, искусно охарактеризовалъ каждое великое событіе изъ этого замѣчательнаго и продолжительнаго управленія въ связи съ европейскими дѣлами. Жаль только, что многіе акты изданы на голландскомъ языкѣ безъ перевода, съ краткимъ содержаніемъ. Предисловіе же издателя къ каждому отдѣлу можетъ служить и разъясненіемъ актовъ и превосходнымъ историческимъ очеркомъ.

Порядокъ распредѣленія слѣдующій:

- I. Союзъ 1655. (1646 — 1655). — Введеніе. Акты.
- II. Сѣверная война (1655 — 1660). — Введеніе. Акты.
- III. Союзъ противъ Мюнстера (1665 — 1666). Введеніе. Акты.
- IV. Союзъ 1672 (Отчеты Амсронга 1671 — 1672). Введеніе. Акты.
- V. Походъ на Рейнъ и въ Вестфалію. (отчеты Амсронга 1672 — 1673). — Введеніе. Акты.
- VI. Нейтралитетъ и новый союзъ (отчеты Брассера и Ахтиенговена 1673 — 1674). — Введеніе. Акты.
- VII. Война со шведами (отчеты фонъ деръ Тохта 1674 — 1679). — Введеніе. Акты.
- VIII. Раздоры послѣ мира (отчеты Амсронга 1679 — 1681). — Введеніе. Акты.
- IX. Переговоры о новой коалиціи (отчеты Амсронга 1681 — 1684). — Введеніе. Акты.
- X. Отчеты Якова Гана (1687 — 1688). — Введеніе. Акты.

Geschichte von England zur Zeit der Tuders. Von S. Thommea. Erster Band, erste Lieferung. Mainz. 1866. S. 96.

Авторъ этого сочиненія, Томмесь, имѣетъ притязаніе разсвѣтъ туманъ, наведенный на это время англійской исторіи реформаторскими стремленіями историковъ.

Англійскіе и нѣмецкіе протестантскіе писатели, при своихъ религіозныхъ тенденціяхъ, часто умалчиваютъ о фактахъ, не подходящихъ къ ихъ образу мысли и выдвигаютъ впередъ личные взгляды и сим-

патіи. Ревность ихъ простирается даже до того, что они щадятъ и оправдываютъ страсти, пороки, бездѣйствіе и преступленія, которыми омрачена память Генриха VIII, Кромвеля, Краммера. Задача разсматриваемаго сочиненія — представить истинную, на источникахъ основанную, для читателя интересную и привлекательную исторію этого періода. Дѣло историка, по мнѣнію автора, состоитъ не только въ простомъ изложеніи фактовъ, но въ полной послѣдовательности такихъ достовѣрныхъ событій, чтобы одно объясненіе всѣхъ движеній давало полное удовлетвореніе и содѣйствовало къ пониманію даже нашихъ современныхъ жгучихъ вопросовъ. Источники и историки постоянно имъ приводятся въ подтвержденіе разсказа. Война, дипломатія, управление, земское положеніе, преимущественно же политическо-религіозно-революціонное движеніе также полно представлены, какъ и во всякомъ другомъ сочиненіи объ этомъ періодѣ. Нравы и обычаи страны разсматриваются вмѣстѣ съ ходомъ политической исторіи. Народъ живетъ, дѣйствуетъ, чувствуетъ, мыслить, онъ долженъ явиться предъ читателемъ со своими достоинствами и недостатками и перенести его мысленно въ то время. Авторъ сдѣлалъ себѣ задачею — въ чемъ, по его мнѣнію, состоитъ высокое призваніе историка — представить картину, полную жизни, наглядную, удовлетворительную и при этомъ изложенія внести свое пониманіе исторической жизни въ область прошедшаго такъ, чтобы уничтожить сухость ученыхъ пріемовъ, доставить увлекательное чтеніе, сообщить историческимъ лицамъ и ихъ дѣйствіямъ пластическую опредѣленность, свѣжій духъ дѣйствительности, живую истину вмѣстѣ съ ясностью, зоркостью и теплотою изложенія. Таковы притязанія автора. Вмѣстѣ съ полнымъ изложеніемъ церковныхъ и политическихъ событій Англіи въ XVI вѣкѣ съ изложеніемъ не въ духѣ партій, но съ государственной стороны, со стороны права и нравственности, авторъ соединяетъ изложеніе событій и въ другихъ странахъ имѣющее связь съ содержаніемъ его сочиненія. Пока мы имѣемъ дѣло только съ обѣщаніями автора, такъ сказать, приманкою для читателей; но насколько они осуществляются, еще нельзя сказать. Первый выпускъ перваго тома касается войны Алой и Бѣлой розы, царствованія Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III, и оканчивается вступленіемъ на престолъ Генриха VII Тюдора и его бракомъ съ Елизаветою Йоркскою. Авторъ, безъ сомнѣнія, католикъ, и сочиненіе пишется очевидно, съ политическою цѣлью. Въ изложеніи онъ не привлекателенъ, языкъ его сухъ и образы историческіе недостаточно ясны. Замѣчаній много, какъ будто каждый фактъ нуждался въ цитатѣ, ничего впрочемъ иногда не разъясняющей. Дождемся другихъ выпусковъ для окончательнаго сужденія обо всемъ сочиненіи, но начало обѣщаетъ мало въ будущемъ.

Der Antheil der Eidgenossen an der europäischen Politik in den Jahren 1512 — 1516. Ein historischer Versuch von Dr. Wilhelm Gisi. Schaffhausen. 1866. S. XI u 285 in-8.

Это сочиненіе обнимаетъ небольшой отдѣлъ исторіи Швейцаріи, но полный замѣчательныхъ событій. Швейцарцы въ первый разъ обратились къ своему собственному интересу, сознали вліяніе, которое они оказывали на политику европейскихъ дворовъ. Не какъ наемники слѣдуютъ они зову иностранцевъ, но самостоятельно хватаются за животрепещущіе вопросы и руководятся ими въ своихъ основаніяхъ. Въ обзорѣ, сдѣланномъ въ введеніи, авторъ развиваетъ положеніе Италіи съ 1494 года, дѣли и тайныя желанія великихъ властителей во время перемѣнъ французско-итальянскаго соперничества и доходитъ до событій послѣ равенской битвы, въ слѣдствіе которой положеніе Ломбардіи обуславливалось вмѣшательствомъ Швейцаріи. Разрѣшеніе дѣлъ сѣверной Италіи перешло въ ихъ руки чрезъ быстрое отступленіе французскихъ войскъ и чрезъ завладѣніе герцогствомъ Миланскимъ.

Не обращая вниманія на священную лигу, швейцарцы стали заботиться о распространеніи своей области. Чрезъ ихъ содѣйствіе Сфорца вступилъ на отцовскій престолъ и обязалъ ихъ щедрою платою быть его защитниками. Съ этихъ поръ императоръ Максимилианъ и папа, Франція и Венеція, болѣе чѣмъ прежде, старались привлечь на свою сторону швейцарцевъ. Какъ въ битвахъ, такъ теперь въ переговорахъ Швейцарія должна была рѣшать и сдѣлалась мѣстомъ интригъ государей. Сраженіе, выигранное при Новарѣ, въ которомъ нѣмецкія войска не могли выдержать бурнаго напора швейцарцевъ, задержало попытку Людовика XII завладѣть Миланомъ. Здѣсь возникшая слава и воодушевленная ненависть къ Франціи увлекла швейцарцевъ къ новымъ и болѣе отважнымъ предпріятіямъ. Состоялся походъ въ Бургундію и если бы подкупъ де ла Тремуля и вѣроломство противъ императора Максимилиана не восторжествовали, угрожающее положеніе могло бы быть смертельнымъ ударомъ Людовику XII.

Слѣдующій годъ (1514) былъ проведенъ въ дипломатическихъ переговорахъ, подъ руководствомъ Льва X, но Швейцарія положила основаніе имъ вслѣдствіе своего географическаго положенія, готовности къ борьбѣ и любви къ битвамъ. Папскіе планы и замыслы окончились съ вступленіемъ на французскій престолъ Франциска I.

Обладаніе Миланомъ послужило еще разъ поводомъ къ войнѣ и битва при Мариньяно была выиграна французами. Слава о непобѣдимости швейцарцевъ была потрясена, но ужасъ, внушаемый ими долго господствовалъ и послѣ отступленія при Мариньяно. Это выразилось въ слѣдующемъ мирѣ, заключенномъ съ Франціею, мирѣ гордомъ, но омраченномъ годовою денежною платою.

Сочиненіе написано на основаніи источниковъ и литературы разработанной со времени историческихъ трудовъ Ранке. Лица и событія представлены въ новомъ свѣтѣ. Разбираемый трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія ученыхъ дѣятелей исторической науки.

Die Deutsche Geschichte. Für Schule und Haus, von Dr phil. Friedrich Kohlbrausch, Königl. Hannoverschen General-Schuldirector. Fünfzehnte Auflage. Abtheilung I, XII u 335, Abtheilung II. VI u 433. 1866. in-8.

Пятнадцатое изданіе уже достаточно говорить за сочиненіе, извѣстное и русской публикѣ. Но теперь оно является, при очень незначительномъ исключеніи, въ полной переработкѣ и почти въ новомъ видѣ. Многія новыя изслѣдованія, касающіяся древней исторіи, приняты въ сочиненіе; сама литература разработана удовлетворительнымъ образомъ; обзоры и характеристики большихъ отдѣловъ обнимаютъ государственное развитіе и правильное обсужденіе событій; рассказъ доведенъ до настоящаго времени. Авторъ умѣлъ соединить оба назначенія своего сочиненія: быть въ одно и тоже время полезнымъ и для школы и для домашняго образованія. Разъясненіе внутреннихъ отношеній Германіи въ различныхъ фазисахъ ея развитія занимаетъ большее мѣсто въ этомъ изданіи. Рыцарство, городской бытъ, духовенство, судебное устройство и крестьянскія отношенія обработаны съ большимъ вниманіемъ. Хотя нѣтъ частыхъ ссылокъ на ученые сочиненія, но употребленіе ихъ ясно для всякаго знакомаго съ дѣломъ; видна также заботливость ознакомить въ рассказѣ съ новѣйшими изслѣдованіями; въ другихъ случаяхъ сдѣланы и самыя замѣтки. Таковы напр. объясненія мѣста пораженія Бара, императорскаго коронованія Карла Великаго и т. д. Сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ передано въ текстѣ, но въ замѣчаніи обозначена настоящая историческая точка зрѣнія. Кромѣ помѣщенныхъ въ текстѣ литературныхъ свѣдѣній, въ началѣ каждаго замѣчательнаго періода находится обзоръ главныхъ источниковъ и необходимыхъ пособій.

Въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ авторъ не держался ни одной изъ крайнихъ партій, но смотрѣлъ на событія съ безпристрастной точки зрѣнія. Въ такомъ смыслѣ представлены имъ споръ за инвеституру, борьба Гогенштауфеновъ съ папами, Фридриха I съ Вельфомъ. Въ періодъ реформаціи авторъ далекъ отъ мысли отречься отъ своего протестантскаго взгляда, но нигдѣ не является фанатикомъ, отдаетъ должное католическому направленію, оцѣниваетъ по заслугамъ Фердинанда I и безъ ненависти рисуетъ Фердинанда II. Густавъ Адольфъ не является у него жаднымъ, умно рассчитывающимъ побѣдителемъ, а Тили — богобоязливымъ, дающимъ пощаду вождямъ, какъ они въ новѣйшее время представляются историками; также пожаръ Магдебурга не приписывается фанатизму еван-

геллческаго духовенства. Новѣйшій взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ невыгодный для Фридриха II прусскаго, роняющій его славу, не помѣщенъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Напротивъ того, здѣсь превозносятся его творческій геній, талантъ полководца, неутомимая дѣятельность и забота о благѣ подданныхъ, впрочемъ безъ всякой идеализаціи достоинствъ короля и снисхожденія къ слабостямъ и недостаткамъ. Для измѣненія въ указаніи поводовъ къ семилѣтней войнѣ, авторъ не имѣлъ актовъ и дипломатическихъ документовъ, обнародованныхъ въ послѣдніе мѣсяцы.

Исторію войны за освобожденіе Германіи авторъ оставилъ въ прежней формѣ и объемѣ.

Новѣйшія событія разсмотрѣны имъ очень осторожно, безъ всякаго желанія увлечь въ среду партій.

Der Abfall der Niederlande. Von T. Golzwarth. 1. Band. Genesis der Revolution 1559 bis 1566. Schaffhausen, bei Hurter, 1865. XVI und 465 S. in-8.

Не смотря на превосходное сочиненіе американскаго историка Мотлея объ утвержденіи независимости Нидерландовъ отъ испанскаго владычества, авилось новое изслѣдованіе, написанное католическимъ священникомъ; авторъ силится представить это событіе съ другой точки зрѣнія, съ прогрессивно-католической. Онъ не считаетъ Вильгельма Оранскаго основателемъ этого новаго государства, представителемъ національной и религіозной свободы. Правда, онъ не вводитъ на него и такихъ тяжелыхъ обвиненій, какъ другой историкъ этого событія Кохъ, приписывающій все возстаніе интригѣ аристократовъ. Медленно и осмотрительно приступаетъ новый католическій историкъ къ своему дѣлу, искусно переиждиваетъ истину съ ложью и старается увлечь читателя, повидимому, точными свѣдѣніями. По его мнѣнію, Вильгельмъ Оранскій слишкомъ возвысился при Карлѣ V, воспиталъ въ себѣ одно честолюбіе, не мирившееся съ королемъ Филиппомъ II, который утратилъ все обаяніе у фламандской аристократіи чрезъ свою нелюбовь къ войнѣ, мирныя наклонности. Память Вильгельма подъ искуснымъ перомъ автора помрачилась, и онъ представляется нравственно падшимъ честолюбивымъ лицемеромъ. Мрачный образъ бездарнаго властелина, замкнутаго въ своемъ величіи, превратился у него въ изображеніе человека мирнаго, ненавидѣвшаго войну, никогда не пролившаго крови. Трудно встрѣтить болѣе безцеремонное обращеніе съ фактами, и, какъ образецъ того, сочиненіе Гольцварта любопытно въ своемъ родѣ. Кто же не знаетъ, что вовсе не дворянство подняло религіозный вопросъ, какъ средство возбудить умы; дѣло возникло изъ давленія испанскимъ правительствомъ самостоятельной, самобытной жизни народа. Противодѣйствіе увеличенію епископствъ родилось не изъ искусственно произведенной интриги,

такъ какъ всѣ строгіе католики были противъ этой мѣры и заявили свой протестъ, а изъ сознанія вреда оттого происходившаго. Король пользовался этимъ средствомъ для эгоистическихъ цѣлей, и церковь только служила ему орудіемъ къ притѣсненію лучшихъ своихъ подданныхъ.

Со времени собранія штатовъ, которое, по мнѣнію автора, король допустилъ по своей слабости, и отъ котораго онъ могъ требовать пособія отъ Нидерландовъ въ своихъ финансовыхъ нуждахъ, любовь испанца, оскорбленная противорѣчіемъ, обратилась на народъ, не замышлавшій подобнаго ограниченія правъ короны. Какъ же велика была эта любовь, мы тотчасъ же можемъ узнать изъ 8-й главы сочиненія, гдѣ даже и католическій историкъ не могъ скрыть, какъ много погубила инквизиція вѣрныхъ подданныхъ короля изъ народа, изъ строгихъ католиковъ, которые были мучимы на основаніи эдиктовъ вѣры и инквизиторской власти. Тысячи искали спасенія на чужбинѣ! Но и здѣсь нашелся нашъ историкъ; онъ говоритъ о страшномъ голодѣ, угрожавшемъ массамъ, о недостаткѣ работы и вознагражденія, и имъ приписываетъ выселеніе. Онъ пошелъ далѣе: въ числѣ выходцевъ были богатые купцы, имъ, по его словамъ, нечего было бояться инквизиціи, они страшились дикихъ элементовъ народнаго возстанія. Но справедливость требуетъ указать въ католическомъ писателѣ на одну сторону его труда, которую можно назвать преимуществомъ. Заслуги безстрашныхъ защитниковъ католицизма, труды ученыхъ богослововъ, борьба вѣрныхъ послѣдователей стараго ученія и ихъ стойкость противъ нововведеній описаны у него съ большою точностью. Эта сторона дѣла была до сихъ поръ опускаема изъ вида протестантскими историками. Въ изложеніи содержанія авторъ весьма напоминаетъ собою Карлейля.

Holbein und seine Zeit. Von Dr. Alfred Woltmann. I Theil. Mit 31 Holzschnitten und einer Photolithographie. Leipzig. 1866. p. 376.

Сочиненіе это въ высшей степени замѣчательно. Въ немъ не только изображенъ Гансъ Гольбейнъ съ его любовью къ искусству и съ тою обстановкою, которая сдѣлала его достояніемъ умственной жизни человѣчества; представлены также общія историческія событія XV и XVI вѣковъ съ ихъ внутренней стороны. Историческій переворотъ въ Италіи и Германіи, возрожденіе и реформація нашли сочувствіе въ искусствѣ, сильную опору въ ея представителяхъ, и авторъ не упустилъ изъ виду этой тѣсной связи. Аугсбургъ очерченъ, какъ городъ, явившійся представителемъ въ маломъ видѣ движенія всей Германіи; его историческая судьба изложена съ сочувствіемъ, основаннымъ на положительныхъ данныхъ. Имя Гольбейна — отца, тѣсно связано съ судьбою города; здѣсь же родился въ 1495 году знаменитый живописецъ

время реформаціи Гансъ Гольбейнъ. Наружность его мужественная, благородная. Серьезность, умственное превосходство, вмѣстѣ съ тѣмъ пріятная свѣтскость выражались во всей его внѣшности. Свободно, смѣло, съ самосознаніемъ вступилъ онъ въ свѣтъ. Съ ясностью взгляда онъ соединялъ нѣжную чувствительность. Нѣкоторая иронія играла на его тонкихъ губахъ, но онъ умѣлъ сдерживать ее и замѣнять разумнымъ спокойствіемъ. На портретѣ онъ представленъ въ красной шляпѣ, въ сѣрой мантии съ бархатной обшивкой, безбородый, съ гладкими, каштановыми волосами.

Базель былъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія Ганса Гольбейна; Фробенъ и Ашербахъ, лучшіе и благороднѣйшіе дѣятели того времени въ этомъ городѣ, были его друзьями. Эразмъ, отталкивавшій своимъ тонкимъ чувствомъ все грубое и невѣжественное, находился съ нимъ въ сношеніяхъ. Въ Англіи принялъ его въ собственный домъ, такъ основательно названный Эразмомъ—школою чисто христіанскаго благочестія, Томасъ Морусъ, столько же умный, сколько благочестивый и твердый человекъ.

Самымъ интереснымъ памятникомъ личныхъ отношеній Эразма и Гольбейна, памятникомъ того, какъ умъ и стремленіе обоихъ людей въ разныхъ областяхъ были взаимно родственны, служатъ рисунки Гольбейна на поляхъ Эразмовой книги «Похвала глупости.» Экземпляръ изданія 1514 г., вышедшаго у Фробена, въ настоящее время хранящійся въ базельскомъ музеѣ, украшенъ перомъ Гольбейна. Не принужденно, не по извѣстной мѣрѣ являлись эти импровизаціи гевія, но подъ впливомъ случая и расположенія. Самые рисунки доказываютъ, что ихъ творецъ самъ вчитывался въ ученый языкъ остроумнаго современника и понималъ ту высшую идею, которая проникаетъ все сочиненіе.

Авторомъ разсматриваемаго сочиненія приведены въ образецъ пять рисунковъ изъ «Похвалы глупости»: 1) осель передъ лютнею, 2) глупость, сходящая съ кафедры, 3) Полифемъ, Нимфы и Силенъ, 4) женщины предъ изображеніемъ Богородицы, 5) Николай де-Лира.

Удачный, хватающій за сердце юморъ, остается постоянно во всей иллюстраціи съ начала до конца, съ момента восхода на кафедру Моріи, глупости, круглой, молоденькой женщиной съ вздернутымъ носомъ и въ дурацкой шапкѣ, готовящейся бесѣдовать съ сидящими внизу лицами—до того времени, какъ она осторожно, съ чрезвычайно смѣшной важностію и размахиваніемъ рувъ сходитъ съ кафедры, а ея слушатели, къ которымъ она только что обращалась съ словами *valete, plaudite, vivite, bibite*, слѣдили за ней съ разнообразнымъ выраженіемъ лицъ.

Многимъ изображеніямъ художникъ далъ черты лицъ современ-

ныхъ; такъ напр. въ изображеніи короля нельзя не узнать императора Максимилиана, въ папѣ — Льва X.

Въ одно время съ нѣмецкимъ авторомъ англійскій ученый Ворнумъ, директоръ національной галлерей въ Лондонѣ, написалъ сочиненіе о Гольбейнѣ.

Второй томъ нѣмецкаго сочиненія появится въ свѣтъ послѣ личнаго знакомства автора разсматриваемаго нами труда съ англійскимъ сочиненіемъ и будетъ заключать пребываніе художника въ Англии, его вліяніе на искусство, его произведенія на деревѣ и отношеніе къ современному искусству, именно къ Дюреру.

Такимъ образомъ, Германія, не имѣвшая, послѣ сочиненія Ульриха Гегнера, изданнаго въ 1827, ни одного спеціальнаго сочиненія о Гольбейнѣ, будетъ обладать новымъ полнымъ, ученымъ и интереснымъ изслѣдованіемъ объ этомъ художникѣ, котораго можно назвать нѣмецкимъ Рафаэлемъ: кисть Гольбейна, какъ и кисть Рафаэля, работала для реформаціонныхъ идей не менѣ пера какаго нибудь протестантскаго богослова.

Über Künstler und Kunstwerke, von Hermann Grimm. Zweiter Jahrgang. Heft I u II mit 2 Photographien. Berlin. 1866 S. 40.

Второй годъ начинается это превосходное изданіе, состоящее изъ капитальныхъ статей по предметамъ искусства. На этотъ разъ оно посвящаетъ свои столбцы Рафаэлю. Трудно было автору статьи бороться съ общепринятымъ убѣжденіемъ о вліяніи древности на этого гениальнаго творца. Авторитетъ Пассаванта, безусловно господствующій почти тридцать лѣтъ, дѣлалъ всякую попытку представить иначе предметъ — стремленіемъ, посягающимъ на какое-то законное право. Но строгій анализъ жизни Рафаэля и его времени далъ автору возможность выйти изъ обычной колеи. Рѣшительнаго, безусловнаго вліянія древности не замѣтно ни на Рафаэля, ни на другихъ блистательныхъ представителей искусства въ то цвѣтущее время итальянской живописи. Только въ зрѣлыя лѣта Рафаэль свободно усвоился съ классическою древностью; греческаго образованія у Рафаэля вовсе не было. На самыхъ его созданіяхъ нѣтъ слѣда погруженія въ античную жизнь. Конечно, все образованіе вѣка покоилось на ней; она дѣйствовала и на живопись, такъ какъ ни одна отрасль искусства не можетъ быть оторвана отъ всеобщаго хода духовнаго развитія.

Но защитники древности хотятъ видѣть въ ней внезапное, чуднымъ образомъ вліяющее дѣйствіе во время папы Юлія II и ей приписываютъ цвѣтущее состояніе итальянской живописи. Это ошибка! Образовательныя эпохи не дѣйствуютъ однимъ ударомъ. Переворотъ совершается медленно. Процвѣтаніе итальянскаго искусства въ XVI вѣкѣ возрастаетъ по немногу на почвѣ, которую прошедшее время и его

художники приготовили. Произведенія древней скульптуры, которые Рафаэль нашелъ въ Римѣ въ 1508, не были многочисленны. На нихъ не смотрѣли въ то время, какъ на что-то необыкновенное и недостижимое по своей техникѣ или идеѣ. Изъ греческихъ произведеній вообще ничего не было; вазы, бронзы и камни не представляли отличныхъ собраній. Напротивъ того, процвѣтало около Рафаэля, въ Римѣ и во Флоренціи, животворное флорентійское искусство. Оно въ продолженіе двухъ вѣковъ знакомяло художниковъ и публику съ развитіемъ искусства. Фантазія Рафаэля, богато наполненная воззрѣніями флорентійскими, нашла также въ Римѣ, куда онъ стремился, произведенія извѣстныхъ мастеровъ. Всѣ знаменитые флорентинцы работали въ Римѣ. Ихъ труды и характеръ хотѣлъ перенять Рафаэль, они составили основаніе его взглядовъ. Древняя скульптура, хотя и возбуждала его удивленіе, не входила однако въ кругъ его идей и не могла вліять, какъ нѣчто давно знакомое, на своеобразныя произведенія его творчества. Мазаччіо, Липпи, Боттичелли, Гирландайо, Перуджино, Леонардо, Микель-Анжело являлись мастерами, которыхъ свѣжіе труды вызывали на горячее подражаніе. Рафаэль пошелъ по этой дорогѣ и достигъ славы въ Римѣ еще въ первые годы своей жизни. Этотъ превосходный трактатъ объ отношеніи Рафаэля къ древности былъ читанъ въ археологическомъ обществѣ, въ праздникъ Винкельмана ¹⁾.

Denkmale deutscher Baukunst, Bildnerel und Malerei, von Einführung des Christenthums bis auf die neueste Zeit. Herausgegeben von Ernst Förster. Zehnter Band. Leipzig. 1866. 4°.

Съ историческимъ знаніемъ очень тѣсно связаны памятники архитектуры, скульптуры, живописи. Ничто такъ хорошо не выражаетъ направленіе вѣка, такъ близко не знакомитъ съ подробностями жизни извѣстнаго времени, какъ взглядъ, брошенный на изображеніе искусства въ то время. Искусство идетъ неразрывно съ умственнымъ движеніемъ народной жизни и выражаетъ всѣ ея стремленія. Между многими замѣчательными историческими рисунками этой книги особенно замѣчательно изображеніе алтаря въ городской церкви въ Веймарѣ, работы знаменитаго Луки Кранаха. 80-лѣтній старецъ, посвятившій свою кисть

¹⁾ На дняхъ вышли III и IV тетради того же труда Германна Гримма. Въ нихъ помѣщены дополненія къ жизни Микель-Анжело, его различныя стихотворенія: посланіе къ папѣ Юлію II, советы и проч., представляющія новую сторону генія художника. Вліяніе Дюрера на Рафаэля оцѣнено безпристрастно, и отношеніе Гёте къ искусству по поводу «Распятія» Дюрера изложено въ формѣ возраженія на статью Вагена (Goethe's Kunstartheil въ Zeitschrift für bildende Kunst). Въ концѣ приложено объявленіе съ весьма лестнымъ отзывомъ о выходѣ III тома «Исторіи живописи въ Италіи» Крова и Кавалькавелли, сочиненія, служащаго лучшимъ памятникомъ самой безкорыстной любви къ предмету.

на распространіе лютеранскаго ученія, стоитъ рядомъ съ самимъ реформаторомъ XVI столѣтія — Лутеромъ, предъ изображеніемъ распятаго Спасителя. Оставляя въ сторонѣ болѣзненное выраженіе божественнаго страдальца и всѣ атрибуты духовной картины, хорошо знаменующіе вѣрованія XVI вѣка, мы укажемъ въ особенности на историческія личности, сгруппированныя въ память религіознаго движенія въ то время. Съ одной стороны, самъ живописецъ, благочестивый, скромный и честный простодушнѣе; подлѣ него съ открытою библіею смѣлый защитникъ мысли — реформаторъ, взоръ его полонъ огня, спокойствіе въ осанкѣ, глубокая задумчивость, непоколебимое мужество, полнота мысли въ каждой чертѣ. На внутренней сторонѣ боковой двери слѣва — курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ и его жена Сивилла Клевская, справа — три сына курфирста. На лицѣ курфирста рана, полученная имъ въ сраженіи при Мюльбергѣ. Каждый отдѣлъ этого замѣчательнаго изданія: зодчество, скульптура, живопись снабженъ текстомъ, выражающимъ историческое значеніе памятника и его полное описаніе.

Вотъ содержаніе 10 тома:

Зодчество:

Монастырская церковь въ Эриковѣ, 1147—1240 г. съ 4 изображеніями.

Часовня въ замкѣ Егеръ, 1200 г. съ 8 изображеніями.

Церковь св. Маріи на гардунгеровой горѣ близъ Бранденбурга, 1140—1440 г. съ 2 изображеніями.

Развалины св. Бавона въ Гентѣ, 1200 г. съ 1 изображеніемъ.

Катедральный соборъ въ Турне, 1110—1325 г. съ 5 изображеніями.

Домъ ратуши въ Гентѣ, 1481—1515 г. съ 1 изображеніемъ.

Домъ ратуши въ Брюсселѣ, 1441 г. съ 1 изображеніемъ.

Церковь въ Енненбахѣ въ прирейнскомъ Пфальцѣ, 1200 г. съ 8 изображеніями.

Церковь въ Оттербергѣ въ прирейнскомъ Пфальцѣ, 1200 г. съ 2 изображеніями.

Св. Гудула въ Брюсселѣ, 1226—1300 г. съ 1 изображеніемъ.

Мюнстеръ въ Бернѣ, 1421—1502 г. съ изображеніемъ.

Скульптура:

Золотой интендендіумъ императора Гейнриха II, 1011 г. съ 1 изображеніемъ.

Памятникъ императора Карла IV въ Прагѣ, 1848 г. съ 1 изображеніемъ.

Страсти Христа, 11 барельефовъ изъ X столѣтія.

Гробница герцога Гейнриха благочестиваго Баварскаго, XIV ст., съ 1 изображеніемъ.

Ночь Шиллинга, 1864 г. съ 1 изображеніемъ.

Живопись:

Страшный судъ Рожера ван-дер-Вейденъ въ Бургундіи, 1448 г. съ 8 изображеніями.

Алтарь изъ монастыря Анкина, 1511 г. съ 7 изображеніями.

Бѣгство въ Египетъ, 1386 г. съ 1 изображеніемъ.

Іовъ и его друзья, 1806 г. съ 1 изображеніемъ.

Аполлонъ среди пастуховъ, 1809 г. съ 1 изображеніемъ.

Распространеніе христіанства въ Германіи, съ 1 изображеніемъ.

Алтарь Луки Кранахъ въ городской церкви въ Веймарѣ, 1555 г. съ 2 изображеніями.

Св. Рохъ, съ 1 изображеніемъ.

Кодексъ Валерія Максимо въ городской библиотекѣ въ Лейпцигѣ, 1468—1466 г. съ 2 изображеніями.

Die Religion und Mythologie der Griechen, von Hartung. Dritter Theil. Leipzig. 1866. VI S. 237.

Это третья часть общей мифологіи и вторая — греческой религи и мифологіи. Цѣль автора была совмѣстить всю обширную массу мифологическихъ сказаній въ одно систематическое цѣлое, приурочить многочисленные отрывки изъ древнихъ авторовъ къ одной общей идеѣ и такимъ образомъ составить полное представленіе религіозныхъ вѣрованій древности. Эта часть греческой мифологіи такъ богато обставлена разнообразными свѣдѣніями изъ древнихъ поэтовъ, такъ хорошо проверена съ новѣйшими изысканіями о томъ же предметѣ, что представляетъ самую полную и стройную обработку древней мифологіи. Разбираемое сочиненіе состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1) о Зевсѣ; 2) о богинѣ земли; 3) о Герѣ и Афродитѣ; 4) о Палладѣ и Артемидѣ; 5) о Гекатѣ и Левкотеѣ сообща съ морскими богами. Каждый отдѣлъ представляетъ ученую диссертацию, имѣющую своимъ содержаніемъ объясненіе всѣхъ богинь и боговъ того же свойства изъ греческаго міра. Но, къ сожалѣнію, книга написана тяжело и можетъ служить только для справокъ.

Hellenismus und Christenthum, oder die geistige Reaction des antiken Heidenthums gegen das Christenthum. Von Dr. Heinrich Kellner. Köln. 1866. S. 454. in 8°.

Новѣйшіе ученые Чирнеръ и Ласо разъяснили въ своихъ сочиненіяхъ, что подѣйствовало на паденіе языческаго міра, но ихъ изслѣдованія мало коснулись того сопротивленія, какое выказалъ падавшій гигантъ. Этотъ пробѣлъ въ исторіи человѣческаго развитія рѣшился пополнить авторъ указываемаго нами сочиненія. Одною изъ высшихъ задачъ исторической науки представляется тайна религіознаго превращенія, совершившагося въ продолженіе первыхъ пяти столѣтій нашей эры. Мысль древняго человѣка, воспитанная въ самостоятельномъ изслѣдованіи и окрѣпшая при свободныхъ условіяхъ государственнаго строя, закалилась въ своеобразномъ развитіи. При измѣнившихся обстоятельствахъ и совершенно неблагоприятныхъ ся проявленію, она умѣла однако долго сохраняться въ той чистотѣ, въ какой проявилась впервые на цвѣтущей почвѣ греческаго міра. Приращенія изъ области вѣрованій другихъ народовъ римской территоріи составили наконецъ одно цѣлое съ первоначальной основною мыслию древняго образованія. «Мы обожаемъ, говоритъ римскій судья, безсмертныхъ боговъ, которымъ поклоняется вся вселенная, которымъ служатъ священныя

особы государей. Наше богопочитаніе состоитъ въ веселіи, празднованіи, пѣніи, играхъ, пиршествахъ и раздольи. Вы же молитесь распятому человѣку, котораго благоволеніемъ не могутъ воспользоваться предающіе себя нашимъ удовольствіямъ, потому что онъ запрещаетъ веселость, радуется воздержанію, прокликаетъ страсти и любитъ обманчивое и бесплодное цѣломудріе. Что онъ можетъ сдѣлать для благоденствія человѣчества, когда самъ не могъ защититься отъ преслѣдованія самыхъ ничтожныхъ людей?» (Ruinart, Acta Mart. p. 75, при описаніи страданія около 170 г. послѣ Р. X.). Не могла же такая гордая мысль, воплотившая въ себѣ существо древняго человѣка, легко уступить свое мѣсто новому явленію, признать безъ отчаяннаго упорнаго сопротивленія господство печали, страданія, согласиться на признаніе братомъ человѣка, чуждаго ихъ обществу. Духовная борьба эллинизма съ христіанствомъ какъ всякое умственное явленіе, имѣетъ свой интересъ и свою исторію. Она ведется отрывисто, скачками, безъ опредѣленнаго плана, безъ плодотворныхъ послѣдствій, но раскрываетъ обильно требованія и помыслы того времени. Любопытно для всякаго прослѣдить, что думали образованные противники въ то старое время о явленіи полномъ интереса до сего дня, чего держались они въ своемъ ученіи и направленіи, чего надѣялись они для будущности? Представленіе такой борьбы бросаетъ новый свѣтъ и на самое христіанство, на его развитіе и исторію; что не существуетъ, съ тѣмъ нельзя бороться. Здѣсь же еще болѣе раскрывается вмѣстѣ съ философскою и политическою стороною древняго общества и религіозное настроеніе древней жизни въ ея позднѣйшемъ періодѣ. Мысль автора была связать разнообразный матеріалъ, представить самобытную мысль въ объективномъ историческомъ методѣ и удовлетворить современнымъ научнымъ вопросамъ. Не касаясь подробностей этого превосходнаго труда, мы представимъ читателямъ пока полную его программу:

- I. Положеніе христіанства въ Римской имперіи. Его существованіе скрито вначалѣ отъ образованныхъ язычниковъ.
- II. Постепенное распространеніе христіанства. Умственная реакція противъ него.
- III. Философъ Цельсъ, около 150 г. по Р. X.
- IV. Лукіанъ Самосатскій, около 200 по Р. X.
- V. Флавій Филостратъ — неоплатонистъ.
- VI. Неоплатонизмъ и его отношеніе къ христіанству вообще. Плотинъ и Аскленій.
- VII. Порфирій. 233 — 304 по Р. X.
- VIII. Сочиненіе Герома, правителя Визнни противъ христіанъ, и три книги невѣрнаго автора противъ христіанской религіи.
- IX. О халдейской мудрости и объ орфейскихъ и герметійскихъ сочиненіяхъ. Разговоръ «Аскленія».
- X. Ямвлихій Халкидскій. Ум. около 380 по Р. X.
- XI. Императоръ Юліанъ, р. 881, ум. 863 по Р. X.
- XII. Разговоръ «Филопатриса». 863 по Р. X.

XIII. Лабаній и Силомахъ.

XIV. Эвнаний Сардскій около 400 по Р. X.

XV. Историкъ Зосимъ. Конецъ V вѣка.

XVI. Прокъ Ликійскій, р. 412, ум. 485 по Р. X.

XVII. Послѣдніе остатки язычества и его паденіе. Симплицій Книжкійскій.

XVIII. Выводы изъ предъидущаго. Ричардъ фонъ-Альмъ и его взглядъ на языческія и еврейскія свидѣтельства. Взглядъ на противохристіанскія сочиненія настоящаго времени. Заключеніе.

Особенно интересна послѣдняя глава этого сочиненія, въ которой излагается взглядъ нѣмецкаго ученаго Альма (Richard von der Alm, *Die Urtheile heidnischer und jüdischer Schriftsteller der vier ersten christl. Jahrhunderte über Jesus und die ersten Christen. Leipzig. 1864*). Ричардъ Альмъ употребилъ съ враждебною цѣлю тѣ же мѣста языческихъ и еврейскихъ писателей, которые подъ перомъ англійскаго богослова Лардифа (*A large collection of ancient jewish and heathen testimonies of the truth of the Christ. 1764—76*) послужили въ защиту христіанства.

Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer. Nach den Quellen dargestellt von Dr. phil. Gust. Fr. Hertzberg, ausserord. Prof. der Geschichte an der Univers. zu Halle. Erster Theil. Von Flaminus bis auf Augustus. Halle. 1866. XII. 540

Проф. Гертцбергъ, уже извѣстный своими сочиненіями ¹⁾ изъ греческой исторіи IV вѣка до Р. X., составилъ нынѣ обширный планъ написать исторію Греціи подъ римскимъ владычествомъ со времени Фламинна и Филопемена до уничтоженія античной жизни на греческомъ полуостровѣ. Исторія Греціи послѣ разрушенія Коринѳа еще не была обработана полнымъ и самостоятельнымъ образомъ. Нѣкоторыя отдѣльныя части изъ этого длиннаго, сумрачнаго времени, начиная отъ торжества Муммія надъ ахейцами до Юстиніана, старательно и отчасти превосходно изучены, а именно, что касается одной части исторіи аѳинской — исторіи аѳинскихъ философскихъ школъ. Не говоря о многочисленныхъ монографіяхъ, изслѣдующихъ тотъ или другой вопросъ изъ позднѣйшаго времени греческой исторіи, мы замѣчаемъ, что, въ различныхъ большихъ сочиненіяхъ общаго содержанія, соедѣнія Риму области, особенно въ римской исторіи Моммзена, и капитальныя событія греческой исторіи разъяснены самымъ поучительнымъ и остроумнымъ образомъ.

Но недостаетъ самостоятельнаго труда, въ которомъ видна была бы попытка представить связную исторію Греціи со времени паденія Коринѳа до Юстиніана съ возможно полнымъ собраніемъ и употре-

¹⁾ Das Leben des Königs Agesilaus II von Sparta. 1856. Die Asiatischen Feldzüge Alexanders des Grossen. 2 Th. 1864.

бленіемъ разбросаннаго матеріала и съ надлежащимъ пользованіемъ надписями.

Существуютъ еще два спеціальныя сочиненія объ этомъ времени Цинкейзена и Финлея, но оба они не представляютъ ни полнаго, ни систематическаго изложенія. Цинкейзенъ въ первомъ томѣ своей исторіи Греціи даетъ богатый, но далеко не полный матеріаль, который могъ быть усвоенъ только, какъ предварительная работа. Финлей въ своей «Греція подъ римскимъ владычествомъ» (Greece under the Romans) также не сообщаетъ вполне историческаго матеріала въ важныхъ отдѣлахъ. Кромѣ того въ подробностяхъ у него встрѣчаются ошибки, во взглядахъ — несостоятельность. Особенно хорошо въ его сочиненіи одно развитіе соціальнаго быта эллиновъ подъ римскимъ владычествомъ.

Авторъ предлагаемаго сочиненія имѣетъ въ виду только изображеніе исторіи Греціи, но не исторіи грековъ или эллинизма въ римское время. Будущему времени необходимо представить разрѣшеніе этой задачи, для которой еще не существуетъ предварительно необходимыхъ работъ. Нѣмецкій ученый надѣется, что его книга будетъ именно такимъ полезнымъ предварительнымъ трудомъ для будущаго смѣлаго историка, который возьмется за разрѣшеніе болѣе огромной задачи.

Затрудненіе встрѣтилось автору и въ его предварительномъ трудѣ; это—точное опредѣленіе греческой области. Сюда входили не только полуостровъ отъ Олимпа до водъ, окаймляющихъ Лаконію, но Македонія, Византія, Критъ и Родосъ. Греки малоазійскіе и сицилійскіе также не должны были оставаться безъ вниманія.

Въ обзорѣ исторіи отъ Фламиніана до сраженія при Пидѣ главнымъ стремленіемъ автора было высказать свой критическій взглядъ на политику римлянъ въ отношеніи Греціи по изслѣдованіямъ Моммзена и Петера, этихъ двухъ антагонистовъ по своимъ воззрѣніямъ на римскую исторію.

Въ остальной части своего сочиненія, отъ сраженія при Пидѣ до Августа, авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ полноту фактовъ, и довелъ предпринятую имъ исторію Греціи до смерти Августа (14 г. по Р. X.).

Die Völker des östlichen Asien. Studien und Reisen von Dr. Adolf Bastian. Erster Band. Geschichte der Indochinesen. S. 376. Zweiter Band. Reisen in Birma in den Jahren 1861—1862. S. 521. Leipzig. 1866. London. Trubner et Co.

Въ настоящее время изъ обѣщаннаго авторомъ обширнаго труда появились только двѣ части: первая, заключающая исторію индокитайцевъ, и вторая, описывающая путешествія въ Бирманскую имперію въ 1861 и 1862 годахъ. Обработка исторіи восточнаго индѣй-

скаго полуострова очень недавняя; авторъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ, что сдѣлано до него по этому предмету. Статьи Зангермана, Кравфурда, Ричардсона, Бурнея, Ферейя, Масона, Юле для Бирманскаго государства, Лубера, Жонеса, Пальгоа и Бовринга для Сиама, были имъ приняты во вниманіе. Литература объ этой части Индіи значительно ограничена и встрѣчается еще одно важное неудобство: невозможно обозрѣть всего, такъ какъ важнѣйшія статьи разбросаны въ трудно доступныхъ журналахъ.

Для нашей западной культуры чрезвычайно важною представляется совершенно независимо развивавшаяся культура восточной Азіи. Обѣ онѣ взаимно расходятся въ отдѣльные разряды и представляютъ при изученіи ихъ отношеній строгій контроль выведенныхъ законовъ, въ то время какъ всѣ другія намъ извѣстныя цивилизаціи (за исключеніемъ въ догеографическое время погившихъ въ Америкѣ) болѣе или менѣе смѣшаны съ нашею: или послужили раннимъ основаніемъ или сдѣлались вѣтвями въ позднѣйшее развитіе.

Исторія Камбоджи до сихъ поръ еще не написана; авторъ въ своемъ описаніи этой страны включилъ саги, слышанныя имъ изъ устъ самого народа.

Для сіамской исторіи въ распоряженіи автора были тѣ же сочиненія, изъ которыхъ отрывочныя извѣстія были обнародованы уже прежде Жонесомъ и еще недавно Пальгоа, но кромѣ нихъ авторъ имѣлъ еще многія другія, которыя или не были извѣстны обоимъ вышеупомянутымъ писателямъ, или они не воспользовались ими.

О Пегу находятся краткія свѣдѣнія у Масона по бирманскимъ или пегуанскимъ авторитетамъ. Авторъ, по собственному изслѣдованію, представилъ ихъ въ распространенной формѣ, присоединилъ сіамскіе переводы и кромѣ того содержаніе трудно доступныхъ книгъ по изустнымъ сообщеніямъ.

Въ исторіи бирманской, въ статьѣ, касающейся Тагунга, авторъ повторилъ въ главныхъ чертахъ способъ выраженія Бурнея, тогда какъ искусственное происхожденіе династїи составляетъ только переводъ въ хроникѣ, которою онъ пользовался и которую предварительно каждый можетъ провѣрить. Напротивъ національныя преданія лично собраны авторомъ и присоединены къ обнародованнымъ въ журналѣ для всеобщаго землевѣдѣнія (1863).

Короткія главы объ Араканѣ, Агомъ и Сингфо помѣщены для полноты по свидѣтельствамъ другихъ лицъ, цитованныхъ въ текстѣ, потому что авторъ самъ не посѣтилъ эти племена и могъ только ввести, рассказы слышанные имъ въ Бирманѣ.

Глава объ Аннамѣ является только, какъ прибавленіе, потому что пребываніе автора въ Кохинхинѣ было очень коротко, чтобы онъ могъ основательно воспользоваться историческими матеріалами.

Кары упоминаются часто въ послѣднее время въ отчетахъ миссіонеровъ, но авторъ въ извѣстному могъ еще прибавить кое что новое.

Вторая часть легче читается, чѣмъ первая, и болѣе представляетъ интереса читателю, неспециалисту.

Dr. H. Graetz, *Geschichte der Juden von der Verbannung der Juden aus Spanien und Portugal, bis zur ersten dauernden Ansiedelung der Marranen in Holland (1618)*. Leipzig. 1866. S. 527. Noten LXXXIV.

Эта новая исторія евреевъ составляетъ IX томъ сочиненій, издаваемыхъ въ теченіи 11 лѣтъ институтомъ для изслѣдованія израелитской литературы, подъ руководствомъ Лудвига Филиппсона, въ Боннѣ, Гольдшмита въ Лейпцигѣ, Герцфельда въ Брауншвейгѣ. Все шестнадцатое столѣтіе, эпоха реформаціоннаго движенія въ западной Европѣ, объяснено авторомъ съ любопытной точки зрѣнія еврейской литературы. Богатство матеріала удивительное, и авторъ умѣлъ имъ воспользоваться и группировать такъ, что только интереснѣйшее и замѣчательное, почерпнутое изъ современныхъ источниковъ латинской и еврейской литературы выступаетъ впередъ. Вниманіе, утомленное переселеніями этого безпріютнаго племени, сосредоточивается наконецъ на обширномъ разказѣ о рейхлипо-пфеферкорнской враждѣ, занимающемъ почти половину сочиненія. Талмудъ послужилъ яблокомъ раздора между гуманистами и обскурантами; Рейхлинъ и Лутеръ, вопросъ о талмудѣ, и реформація явились вмѣстѣ и держали верхъ надъ средневѣковыми предразсудками. По мнѣнію автора, Рейхлинъ нуждался только въ неустрашимости Гуттена и еще болѣе въ ясности мысли, соединенной съ нею, чтобы сдѣлаться гораздо болѣе искуснымъ реформаторомъ церкви и общества, чѣмъ самый Лутеръ. Онъ имѣлъ предъ собою образецъ въ отцѣ церкви Іеронимѣ, которому хотѣлъ подражать въ знаніи языка евреевъ. Не менѣе любопытна для отечественнаго историческаго знанія двѣнадцатая глава этого сочиненія — евреи въ Польшѣ. Здѣсь изображено столкновеніе еврейской колоніи съ нѣмецкою, непріязнь къ евреямъ Генриха Анжубскаго, расположеніе къ нимъ Стефана Баторія и Сигизмунда III, еврейско-польскіе синоды, распространеніе реформаціи въ Польшѣ и споры между евреями и польскими диссидентами.

Karl von Raumer's Leben, von ihm selbst erzählt. Stuttgart. 1866.

Престарѣлый педагогъ, Карлъ Раумеръ, обнарудовалъ многія обстоятельства своей жизни въ различныхъ частяхъ своихъ сочиненій. Близкія къ нему лица просили составить изъ этихъ разбросанныхъ частей связный разказъ, и старецъ не задолго до смерти рѣшился исполнить просьбу своихъ друзей.

Но автобіографъ предназначилъ свое изложеніе только для сво-

ихъ, не для публики. При требованіяхъ со всѣхъ сторонъ напечатать автобіографію, друзья уважаемаго педагога не могли отказать этому желанію.

Авторъ увеличилъ многіе рассказы новыми дополненіями и примѣчаніями и довелъ ихъ въ неразрывной связи до начала своей эрлангенской дѣятельности. О послѣдней дѣятельности издатель почерпнулъ свѣдѣнія отъ друзей автора, Томазіуса, Шейрля и Гарлесса.

Раумеръ родился 8 апрѣля 1783 г. въ Вёрлицѣ. Отецъ его былъ замѣчательный сельскій хозяинъ, мать была благочестивая женщина, очень привязанная къ дѣтямъ. Въ глубокой старости педагогъ вспоминалъ тѣ молитвенные стихи, которымъ научила его мать. Первое образованіе онъ получилъ отъ матери и въ вёрлицкой школѣ. Начало французской революціи сдѣлало глубокое впечатлѣніе на юношу. Онъ во всю жизнь живо вспоминалъ рассказъ о страшномъ убійствѣ принцессы Ламбалль. Гусарскій мундиръ, часто видѣнный юношей въ вёрлицкомъ саду, имѣлъ на него сильное вліяніе, и онъ готовился вступить въ гусары, но потомъ эта страсть исчезла. Авторъ очень любовно описываетъ свое пребываніе въ берлинской, іоакимталъской гимназій во время ректорства Мейерротто, и переходъ въ геттингенскій университетъ. Проректоромъ университета былъ, въ то время ученый авторъ сочиненія «о германскихъ университетахъ¹⁾» Мейнерсъ. Изъ его сочиненія много заимствовалъ автобіографъ для характеристики студентской жизни. Приѣздъ Гёте въ Геттингенъ произвелъ энтузіасмъ среди студентовъ и послужилъ поводомъ къ блистательной оваціи молодежи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Геттингенѣ, молодой Карлъ Раумеръ перешелъ въ Галле и выразилъ свои впечатлѣнія и философскія размышленія въ хорошихъ стихахъ. Въ 1804 г., онъ оставилъ университетъ и поселился въ Дессау въ отцовскомъ домѣ. При возвращеніи снова въ Галле, молодой человѣкъ предался лекціямъ Стеффенса о внутренней естественной исторіи земли. Онъ чудесно подѣйствовали на него. Въ молодой душѣ возникли призраки и картины природы, предчувствія, возбужденныя Новалисомъ, превратилась въ образы. Великая мысль Стеффенса, что земля имѣетъ исторію, особенно поразила его. По Стеффенсу человѣкъ былъ индивидуальное, самостоятельное созданіе, вѣнецъ и заключеніе земного творенія.

Самъ профессоръ — Стефенсъ, 31 года, былъ красивый и умный, въ высшей степени живой, легко подвижной, часто вспыльчивый при величайшей добротѣ сердца, богатый фантазіями, разговорчивый, въ прекрасномъ значеніи этого понятія, съ врожденнымъ даромъ слова,

¹⁾ «Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten», von Meiners. 1802.

которое, полное мысли и чувства, всегда увлекало слушателей. Такъ чудесно дѣйствовали его лекціи, въ которыхъ по образу древней естественной философіи, знаніе возвышалось на крыльяхъ поэзіи! Его воинственная рѣчь, въ февралѣ 1813 г., въ Бреславлѣ произвела сильное дѣйствіе; вторая рѣчь, въ октябрѣ 1813 г., на рынкѣ въ Марбургѣ, воодушевила слушателей его до того, что друзья французовъ едва избѣгли ихъ рукъ: только заключеніе въ тюрьму и крупкіе затворы спасли ихъ.

Совершенно различный отъ Стеффенса былъ другой профессоръ университета въ Галле, Шлейермахеръ. Маленькій, спокойный, очень осторожный человѣкъ! Въ обществѣ онъ никогда не произносилъ рѣчи. Внимательно слѣдилъ за рѣчами другихъ, быстро схватывалъ ихъ содержаніе и соглашался или противорѣчилъ съ свойственною только ему діалектической остротою и ловкостью.

Въ обществѣ этихъ двухъ отличныхъ ученыхъ проводилъ свои студентскіе годы Раумеръ въ Галле. Подъ вліяніемъ Стеффенса отправился онъ во Фрейбергъ къ профессору Вернеру для изученія минералогіи и геогновіи и здѣсь же посвятилъ себя историческому изученію. Сочиненіе Карла Раумера о Палестинѣ, изданіе и объясненіе св. Августина, исторія педагогики составляютъ славу этого писателя. Раумеръ умеръ въ іюнѣ 1865 г.

Его автобіографія сообщаетъ много данныхъ для характеристики Германіи во времена нашествія Наполеона I.

Studien von Johannes Scherr. Leipzig. 1866. Dritter Band.

Вотъ уже третья книга этюдъ того историка - философа, который восхищается своимъ языкомъ, своеобразнымъ сближеніемъ поразительныхъ событій исторіи человѣчества и тѣмъ рѣвкимъ, страстнымъ обсужденіемъ, которое высоко ставитъ автора, хотя часто въ разрѣзъ съ общепринятыми убѣжденіями.

«Гюпатія» — первый біографическій очеркъ, въ которомъ авторъ полагаетъ въ основаніе религіознаго чувства — боязнь пустоты (*horror vacui*), страхъ смерти. Человѣкъ желаетъ расширить опредѣленные границы своего бытія далѣе здѣшней жизни: счастливый, чтобы продлить вкушенное имъ счастье въ этой жизни; несчастный, чтобы найти «тамъ» счастье, въ которомъ онъ здѣсь обманулся; идеалистъ, чтобы въ высшихъ областяхъ достигнуть чистыхъ формъ, элементовъ истиннаго, добраго и прекраснаго. Только немногіе, о которыхъ Лукрецій говоритъ: «*rasata posse omnia mente tueri*», могутъ понять мысль уничтоженія «себя самого» и при послѣднемъ часѣ воскликнуть подобно Манфреду «*earth, take these atoms*» (земля, возьми свои частицы). Цѣлые милліоны и сотни милліоновъ желаютъ спастись, пережить смерть и могилу. Таковы общіе взгляды автора, служащіе его исход-

ною точкою зрѣнія. Затѣмъ онъ рисуетъ исторію человѣчества въ слѣдующихъ конкретныхъ чертахъ.

Мѣсто дѣйствія языческо-христіанской трагедіи онъ ищетъ въ Александріи, и это подаетъ поводъ автору восторженно говорить о Македонскомъ юношѣ, указать на слухи о его чудесномъ происхожденіи отъ Юпитера и отыскивать въ его геройскомъ походѣ въ Азію нѣчто вакхическое. Падающее язычество старалось чрезъ разныя комбинаціи и союзы продлить свое существованіе. Оно со времени предчувствія своей гибели окладѣло, было сговорчиво и терпѣливо. Особенно въ Александріи торговыя сношенія настойчиво требовали, чтобы различныя корыстлюбивыя чужестранныя божества или ихъ приверженцы жили между собою, или по крайней мѣрѣ другъ подлѣ друга, въ сносномъ мирѣ. Языческія божества давно уже ознакомились съ еврейскими вѣрованіями чрезъ многочисленную колонію дѣтей Израиля. Появленіе христіанства принесло новое въ высшей степени дѣйствительное основаніе въ эту часть народонаселенія. Новое вѣрованіе нетерпимо отнеслось къ язычеству и иудейству, едва существовавшимъ, въ своемъ оборонительномъ положеніи, въ теплой странѣ Египта, выработавшей уже христіанское монашество. Изъ египетскихъ пустынь вышли толпы босоногихъ, въ черныхъ мантияхъ, которые именемъ распятаго объявили разрушительную войну всему прекрасному, что создало языческій міръ. Императоръ Θεодосій, сынъ испанскаго солдата, въ послѣдній разъ соединилъ въ своемъ лицѣ власть надъ всею имперією. Необыкновенна была сцена изъ исторіи этого времени — вопросъ императора въ полномъ собраніи сената: «служеніе Юпитеру или Христу должно быть религією римлянъ?» Мертвые должны были хоронить мертваго. Римскій сенатъ уже нѣсколько вѣвовъ былъ только жалкимъ привидѣніемъ, которое, какъ бы въ насмѣшку, цезаризмъ удерживалъ; Юпитеръ же былъ уже задолго до этого мертвымъ. Удивительно однако, что всемогущая воля не вызвала единства рѣшенія въ сенаторскомъ собраніи мумій для отверженія любовника Данаи, Европы и Семелы. Только большинствомъ голосовъ было опредѣлено: всемогущій Юпитеръ отрѣшается, и его религія брошена и отиѣнена.

Разрушительная работа надъ язычествомъ особенно дѣятельно производилась въ провинціяхъ Востока. Епископъ Александрійскій Теофилъ, представленный современниками въ такомъ сомнительномъ свѣтѣ, былъ однимъ изъ ревностныхъ гонителей языческой мерзости. Онъ жилъ въ постоянной враждѣ съ языческимъ и еврейскимъ населеніемъ Александріи. Евреи и язычники, послѣдніе подъ руководствомъ философа Олимпія, сошлись на одной дорогѣ противъ епископа, при видѣ общей опасности. Имѣя на своей сторонѣ чернь города, а въ ближайшей пустынѣ нитрійской всегда готовую опору въ монахахъ, епископъ оказался сильнѣе. Такъ разрушенъ былъ Серапеумъ, какъ главное

иѣсто язычества въ Александріи. Сильность Теофила поразила язычество и іудейство въ метрополиі Египта и сдѣлало христіанство господствующею религіею. Новая религія не была уже только религіею бѣдныхъ и угнетенныхъ, но также и важныхъ лицъ. Жены послѣднихъ гордо выступали по улицамъ и площадямъ въ дорогихъ одеждахъ, вышитыхъ изображеніями изъ христіанскихъ сказаній, съ экземпляромъ священнаго писанія, повѣшеннаго на шеѣ на золотой цѣпи; рабы держали надъ ними зонтики для защиты отъ лучей палящаго солнца и несли ихъ молитвенныя подушки и вѣера. Побѣжденное язычество еще не вполне пало, значительное число людей высшаго общества и и утонченнаго образа жизни сохранило если не вѣру въ старыхъ боговъ, то вкусъ къ древней философіи.

Преемникомъ блаженнаго Теофила на епископскомъ престолѣ Александріи былъ такой же ревнитель христіанства, его племянникъ Бириллъ (412—44). Онъ захотѣлъ покончить съ іудействомъ и язычествомъ въ Александріи. Епископъ былъ человекъ рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ! Первыми жертвами были евреи, которые пришли въ ярость и съ оружіемъ напали на своихъ противниковъ въ театрѣ и на улицахъ. Евреи навѣрное были бы уничтожены, если бы императорскій префектъ Орестъ не вмѣшался въ дѣло и не подавилъ возстанія. Орестъ былъ тяжело раненъ монахомъ Аммоніемъ, который былъ потомъ схваченъ, судимъ и обезглавленъ. Святой Кириллъ выставилъ тѣло этого мученика для назиданія вѣрующихъ и потомъ торжественно похоронилъ. Префектъ долженъ былъ понести наказаніе за противодѣйствіе Кириллу. Орестъ стоялъ поперекъ дороги епископа: во первыхъ, чрезъ презрѣніе христіанскаго духовенства и свою худо скрываему ю наклонность къ языческо-эллисской философіи; во вторыхъ, стараніемъ сохранить согласіе между пестрымъ населеніемъ Александріи, и въ третьихъ вслѣдствіе признанія Кирилломъ только собственной власти не изъ святительскаго честолюбія, но единственно «въ большую славу Бога.»

Лично префектъ не могъ быть тронуть, потому онъ долженъ былъ быть пораженъ въ ближайшей къ нему особѣ. Дружная съ нимъ философа Гипатія была признана опорой язычества въ Александріи и имѣла личныя столкновенія съ епископомъ, потому что эта дѣвственная язычица дерзко соперничала съ нимъ въ славѣ. Въ одно время, какъ онъ въ церкви совершалъ службу предъ смѣшанною и болѣе бѣдною толпою, она въ своемъ жилищѣ читала философскія лекціи, на которыя въ колесницахъ и носилкахъ стекалось избранное александринское общество.

Гипатія была дочь знаменитаго математика Теоона, издавашаго комментарий къ Евклиду и Птоломею; одаренная отъ природы, рано ознакомилась она съ математикой и астрономіей. Строгою математическою

школою вошла она въ область философіи и была жаркою послѣдовательницею неоплатонизма, для котораго въ исходу IV вѣка христіанской эры древнее средоточіе эллинской философіи, Аѳины, сдѣлались высшею школою. Гюпатія также посѣщала эту школу и въ особенности слушала неоплатоническаго мистика Плутарха младшаго, въ академію котораго принимала его дочь Асклипигенія.

Вообще въ это время женщины играли замѣчательныя роли, не только въ музеяхъ и мастерскихъ, но и на поляхъ битвы, въ залахъ совѣта и на тронѣ. Стоитъ только вспомнить Зенобію, Амалазунту, Плацидію, Гонорію, Пульхерію и Евдокію.

Послѣ хорошо употребленныхъ годовъ ученія и путешествія, возвратилась Гюпатія въ Александрію и сдѣлалась учительницею философіи. Она осталась язычницею и дѣвою, такъ сказать, позднимъ осуществленіемъ понятія Паллады-Аѳины. Красивая лицомъ и станомъ, умная, образованная, краснорѣчивая, она была окружена поклонниками и не обращала на нихъ вниманія. Если вѣрить лексикографу Свидѣ, оставившему намъ много интересныхъ извѣстій изъ древности, Гюпатія отклоняла влюбленныхъ въ себя слишкомъ энергическими средствами безъ всякой стыдливости, свойственной дѣвцамъ¹⁾.

Недоступная любви, прекрасная и цѣломудренная философа тѣмъ сильнѣе отдавалась дружбѣ и тѣмъ доказывала, что она не романтическая, а чисто античная натура. Между ея друзьями замѣчательны были двое: императорскій префектъ Орестъ, имѣвшій много заботы отразить энергическое посягательство св. Кирилла на намѣстническія свои права и полномочіе, и христіанскій сановникъ, Синезій Киренскій, епископъ Птолемаиды, бывшій ученикъ Гюпатіи. Будущій епископъ у ногъ молодой язычницы, какъ ея слушатель, представляетъ странную картину, встрѣчающуюся только въ большія переходныя эпохи.

Синезій составляетъ, какъ извѣстно, группу древнѣйшихъ христіанскихъ поэтовъ вмѣстѣ съ Климентомъ Александрійскимъ, Григоріемъ Назіанзиномъ и Меодіемъ Патарскимъ. Епископъ Птолемаиды былъ въ основаніи болѣе неоплатоникъ, нежели христіанинъ, отсюда объясняется искренность и продолжительность его дружескихъ къ ней отношеній. Семь писемъ Синезія къ философѣ составляютъ истинную и вѣчную для нея честь. Епископъ посылаетъ къ ней свои сочиненія для обсуждения, и отъ ея одобрительной или неодобрительной критики зависитъ ихъ появленіе или неоявленіе въ свѣтъ.

Можно сказать, что оба противоположные принципа, христіанство

¹⁾ Pannos mensibus foedatos illi ostendisse dicitur et dixisse: hoc quidem adamas, o adolescens! et sic animum ejus sanasse. Suidas, art. Hypatia.

и язычество, въ Александріи воплотились въ св. Кириллѣ и дѣломудренной Гюпатіи. Столкновение должно было произойти. Св. Кириллѣ могъ по справедливости предполагать, что его противникъ Орестъ находилъ сильную поддержку въ академіи прекрасной дѣвственницы, и что отсюда выходили антикирилловскія эпиграммы, заставлявшія александрійское общество болѣе смѣяться на счетъ святителя, какъ то было приличнымъ. Разнеслась молва между монахами внѣ города и народомъ внутри его, что прекрасная философа есть проклятая колдунья, и ея академія составляетъ мѣсто дьявольскихъ мистерій и оргій. Отовсюду стеклись толпы подѣ начальствомъ священника Петра, прозывавшагося лекторомъ, на улицу, въ которой былъ домъ Гюпатіи. Колесница философи ожидала ее у воротъ, такъ какъ, не зная о народномъ возстаніи, Гюпатія хотѣла выѣхать. Она вышла, сѣла въ колесницу и, поправляя одежду, бросила презрительный взглядъ на шумную толпу. Лошади хотѣли уже двинуться, какъ Петръ подалъ сигналъ, и озлобленная толпа бросилась на нее. Гюпатія была выхвачена, и въ одно мгновеніе ея платье разорвано въ куски. Дѣвичья нагота овамѣнелой отъ удивленія женщины открылась предъ всѣми. Поруганная, она была повлечена въ ближайшую церковь и разорвана на куски.

Главнымъ источникомъ для этого преданія послужила автору церковная исторія Сократа Схоластика, обвиняющая время съ 304 по 439 годъ въ семи книгахъ (lib. V, cap. 16; lib. VII, cap. 14, 15).

Съ такимъ же увлеченіемъ и одушевленіемъ написанъ и второй очеркъ «Кромвель.» Какъ великаго человѣка превозноситъ авторъ похвалами лорда протектора, какъ людей ограниченныхъ представляетъ онъ Стюартовъ. Въ этой борьбѣ короля съ парламентомъ онъ находитъ не только британское, но европейское человѣческое значеніе.

Третья статья этюдъ носитъ длинное заглавіе «Русская домашняя, придворная и государственная трагедія.» Сущность статьи—жизнь и смерть царевича Алексѣя Петровича. Ничего новаго не можетъ найти русскій читатель въ этой небольшой статьѣ, но она легко читается вслѣдствіе искуснаго умѣнья автора располагать событія. Онъ начинается съ заманчивой главы «Счастлива, какъ принцесса» и описываетъ печальную судьбу Шарлотты Брауншвейгъ-Вольфенбютельской, жены Алексѣя. Вообще весь этотъ рассказъ изъ русской жизни носитъ на себѣ болѣе романтической характеръ.

Оригиналенъ взглядъ автора на Вольтера, въ статьѣ «Коронованіе Вольтера.» Онъ не изъ тѣхъ немногихъ общенсторическихъ личностей, говоритъ авторъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка, и къ которымъ всѣ истинные люди стремятся съ почтительною любовью, какъ къ существу высшаго разряда. На немъ не покоится взоръ съ такимъ сильнымъ внутреннимъ довольствомъ, какъ на Мильтонѣ, Лессингѣ,

Вашингтонъ. Вольтеръ не чистая душа (*anima candida*), и въ продолженіе долгой жизни представляет не мало примѣровъ низости. Его тщеславіе переходитъ въ смѣшное. Ни одинъ нѣмецкій гофратъ, ни одинъ французскій подпрефектъ, не стремился такъ ревностно за титулами и лентами, какъ этотъ повелитель умовъ. Вся эта горечь противъ великаго писателя вылилась изъ устъ автора за то, что Вольтеръ могъ бы сдѣлаться повелителемъ государей и, бывъ имъ, сдѣлалъ себя рабомъ. (Er, welcher der Tyran der Könige sein konnte und wirklich war, machte sich zu ihrem Sklaven. S. 233.)

«Колдунья Вларуса» (*Die Hexe von Glarus*) развиваеъ нравы и повѣрья швейцарцевъ въ концѣ XVIII вѣка. «Загадка Тампля» (*Das Räthsel des Tempels*) раскрываеъ убѣжденіе автора, что сынъ Людовика XVI, дофинъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Людовика XVII, не умеръ 8-го іюня 1795 г. въ Тамплѣ, но былъ спасенъ изъ темницы. Въ концѣ этой интересной статьи авторъ замѣчаетъ, что по ея окончаніи онъ получилъ 23-го іюня 1865 года таинственнымъ образомъ извѣщеніе, изъ большого сѣвернаго нѣмецкаго города, что истинный дофинъ былъ спасенъ изъ Тампля, но нието изъ явившихся подъ этимъ именемъ претендентовъ не былъ имъ. Спасенный дофинъ послѣ приключеній разнаго рода отправился будто бы въ Петербургъ съ группою актеровъ и тамъ водворился. Лѣтомъ 1844 года постигла его смерть въ Карлсбадѣ, куда онъ ѣздилъ лечиться.

«Всемирно-историческій моментъ» (*Eine weltgeschichtliche Stunde*)—эта послѣдняя статья этюдодъ Шерра описываеъ переходъ отъ управленія Людовика Филиппа къ революціи 1848 года.

Kleine politische Schriften, von Julius Fröbel. Erster Band. Stuttgart. 1866.

Авторъ, издавая вмѣстѣ свои отдѣльныя статьи, руководился убѣжденіемъ, что его идеи не остались безъ вліянія на ходъ дѣлъ въ Германіи и имѣютъ еще и теперь существенное значеніе. Онъ желалъ представить удовлетворительное изображеніе нѣмецкихъ національныхъ событій не со стороны революціоннаго движенія, но въ смыслѣ реформы. Только изъ разсмотрѣнія дѣйствительнаго состоянія Германіи, Европы, политическаго міра вообще, можно дойти до правильнаго убѣжденія о томъ, что необходимо для Германіи на ея пути къ реформѣ и что желательно именно въ этихъ границахъ. Многія изъ статей этого сборника перепечатаны изъ американскихъ журналовъ, другія написаны въ Вѣнѣ во время публицистской дѣятельности автора, но основанія у нихъ одни и тѣ же, какъ въ Нью-Йоркѣ и Санъ-Францискѣ. Одно письмо о равенствѣ и неравенствѣ расъ, вытекающее изъ практическихъ основаній, помѣщено на англійскомъ языкѣ.

I. Первый отдѣлъ занимаютъ статьи и письма о европейскихъ и американскихъ событіяхъ: 1) будущность Европы, 2) испано-американ-

ская раса и ея государство, 3) три письма о вѣрѣ, суевѣрїи и мистицизмѣ, 4) рабство и замышляемое дѣленіе штата Калифорніи, 5) китайскій вопросъ, 6) сфера женской дѣятельности, 7) европейскія событія и всесвѣтская политика, 8) пять писемъ въ журналѣ Санъ-Франциско объ европейскихъ и американскихъ событіяхъ, 9) избирательная рѣчь за кандидатство на званіе прозидента Фремонта, говоренная въ нѣмецкомъ собраніи въ Филадельфіи 11-го октября 1856 г., 10) письмо въ «Нью-іорской Трибунѣ» о равенствѣ и неравенствѣ расъ.

II. Нѣмецкое переселеніе, его національное и культурное значеніе.

III. Германія и Вилла-Франкскій міръ.

IV. Письма о новѣйшихъ брошюракъ нѣмецкихъ партій.

V. Требования нѣмецкой политики.

VI. Германія въ австрійскомъ конституціонномъ вопросѣ.

Въ статьѣ «о будущности Европы» авторъ предлагаетъ вопросъ: предстоитъ ли Европѣ паденіе, или ей удастся обновиться чрезъ самую себя уясненіемъ ея собственныхъ идей и ихъ осуществленіемъ?

Не отвѣчая прямо на вопросъ, онъ старается разъяснить нѣкоторыя мысли, находящіяся въ связи съ нимъ.

Важнѣйшею ошибкою въ Европѣ, говоритъ онъ, можно считать уваженіе къ революціи, какъ самому вѣрному средству къ обновленію. Революціи суть болѣзни или болѣзненные кризисы общественнаго организма, и очень сомнительно, кризисы ли онѣ возникающаго развитія или паденія. Исторія показываетъ намъ, что не рѣдко движеніе, считаемое за движеніе впередъ, и потрясенія, которыя его ускоряютъ, являются при паденіи и ему содѣйствуютъ. Не только неудавшіяся, но также счастливо совершившіяся революціи могутъ означать паденіе, точно такъ какъ въ извѣстномъ возрастѣ индивидуума счастливо перенесенная болѣзнь не возвращаетъ старой массы силъ. Болѣзни молодости и болѣзни старости съ трудомъ различаются у народовъ, и перемѣна можетъ сдѣлаться вредною, потому что въ несчастномъ случаѣ мнимое средство обновленія поведетъ съ двойною скоростію къ истощенію.

Болѣе пятидесяти конституцій, замѣчаетъ авторъ, создала Франція, вступивъ на путь революціи. Одна возникала за другою и тотчасъ исчезала, и при всемъ томъ осталась прежняя полицейская тираннія. Въ то время какъ мечтательные люди революціи стремились создать вѣчныя постановленія, уничтожаемыя при бурѣ слѣдующаго дня, условія стараго общественнаго порядка, котораго законы, считаемыя устраненными, снова появлялись, утверждались въ тишинѣ.

Это практическая основная истина для пониманія общественныхъ процессовъ переворота, истина не довольно ясно сознаваемая демократическими партіями Европы, что толчокъ революціи есть не что

иное, какъ потрясеніе, данное извѣстной части общества, что эта возбужденная къ движенію часть всегда двигается другими спокойными силами, когда старое уничтожается, а новое создается. Другими словами, обстоятельства, о которыхъ думаютъ, что они тотчасъ правльно во время революціи устанавливаются, только могутъ быть установлены медленно послѣ революціи слѣдующихъ десятокъ и сотней годовъ.

Имѣя въ виду особый характеръ германской національности, авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Мысль, взглядъ, есть вѣчно устремляющій впередъ руководитель, который бываетъ такъ связанъ съ тяжелою, медленно двигающеюся исторіею, что онъ видитъ только цѣль, но не достигаетъ ее. Нѣмецкіе теоретики находятъ въ этомъ утѣшеніе, они смотрятъ на процессъ своего мышленія, какъ на процессъ дѣйствительной исторіи, одерживаютъ верхъ, уничтожаютъ, безъ отдыха, идеально созидаютъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ практически засажены въ тюрьму теоретически побѣжденными властями или посланы въ изгнаніе. Мы далеки отъ такихъ самообольщеній! Но немногіе далеки отъ самообольщенія, что мысль должна перейти въ дѣйствительность. Каждая система заключаетъ въ себѣ односторонность, вызывающую противодѣйствіе, къ которому дальнѣйшее развитіе уже подготовлено. Мы можемъ въ мысли систематически сдѣлать выводъ, выходя изъ извѣстнаго пункта, — исторія же никогда не бросается совершенно въ объятія одной системы, потому что всегда находятъ въ запасъ пару другихъ системъ — будущаго и прошедшаго. Она не прыдетъ, какъ мысль, одну нитку за другой, но разомъ прыдетъ всѣ нитки «на жужжащемъ станѣ времени.» Она — самый большой врагъ послѣдовательности въ теоретическомъ смыслѣ.»

Собраніе мелкихъ статей Фрѣбеля явилось какъ нельзя болѣе кстати для современныхъ событій въ Германіи. Литературная дѣятельность автора служитъ выраженіемъ тѣхъ мыслей, которыя давно уже волновали эту страну въ значительной части ея представителей, и Фрѣбель особенно долго остававливается на идеи германскаго единства и на такъ называемомъ политическомъ равновѣсіи Европы, давая тому и другому опредѣленіе съ своей точки зрѣнія, усвоенной имъ на американской почвѣ.

Erinnerungen an Leopold I, König der Belgier, von Lucian Herbert. Leipzig. 1866. 216.

Личныя воспоминанія автора о покойномъ бельгійскомъ королѣ Леопольдѣ I, снискавшемъ себѣ всеобщее уваженіе, обратятъ вниманіе будущаго его біографа. Для насъ въ нихъ представляютъ особый интересъ описанныя авторомъ отношенія императора Александра I къ будущему королю Бельгіи: какъ извѣстно, Леопольдъ находился въ русской военной службѣ.

Don Pedro V, König von Portugal, von Schelhorn. Nürnberg. 1866.

Не смотря на всю краткость правленія Донъ Педро V-го, скончавшагося въ 1861 году, оно осталось весьма памятнымъ въ судьбахъ Португаліи и возбудило всеобщую симпатію къ себѣ въ Европѣ. Когда 16 сентября 1855 года онъ вступалъ на престолъ, народъ встрѣчалъ его съ восклицаніями: О, Есрегасове! Авторъ съ особенною любовью останавливается на дѣломъ радѣ либеральныхъ формъ, которыми Донъ Педро открылъ свою внутреннюю дѣятельность. Изъ внѣшнихъ событій онъ обратилъ вниманіе на памятное столкновеніе Португаліи съ Франціею, и представилъ это любопытное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ.

20 ноября 1857 года французскій корабль «Charles Georges», собственность нантскаго арматора, бросилъ якорь подъ начальствомъ капитана Русселя на португальскомъ островѣ Квитенгона, въ заливѣ Кондуція, входъ въ который былъ воспрещенъ иностраннымъ кораблямъ. Португальскій военный крейсеръ захватилъ этотъ корабль. Два мѣсяца предъ тѣмъ французскій корабль вышелъ изъ острововъ «Бурбона», чтобы нагрузиться свободными неграми на Мадагаскарѣ, Коморскихъ островахъ и на восточномъ берегу Африки; онъ былъ снабженъ всѣми бумагами, которыя доказывали законность его занятій и имѣлъ должнаго агента правительства. Напротивъ того, 110 негровъ, бывшіе на кораблѣ, увѣряли, что они захвачены насильно и что на кораблѣ находятся несомнѣнные доказательства запрещенной торговли неграми. Капитанъ не могъ доказать своего контракта съ неграми, но показалъ только свидѣтельство отъ шейховъ, между тѣмъ, какъ было извѣстно, что они просто продавали негровъ. Признанный за корабль, торгующій неграми, Charles-Georges былъ отведенъ крейсеромъ въ Мозамбикъ и преданъ суду. По его опредѣленію, французскій правительствующій агентъ и экипажъ освобождены, взысканіе корабля одобрено, капитанъ Руссель, какъ торговецъ неграми, былъ приговоренъ къ денежной пенѣ и двухлѣтнему заточенію, противъ чего онъ апеллировалъ къ суду адмиралтейства въ Лиссабонѣ.

Французское министерство оспаривало право португальскаго крейсера визитировать французскій корабль, а поэтому и отвергло всѣ послѣдствія этого осмотра. Французское правительство смотрѣло на все происшествіе, какъ на дѣло чести и на оскорбленіе своего флага. Не меньшей важности придавали этому обстоятельству король португальскій, его министры и народъ. Необычайное волненіе обхватило народонаселеніе маленькой страны. Но сила одержала верхъ. Французское правительство угрожало, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, прервать дипломатическія и консульскія сношенія и начать блокаду Таго. Французскіе военные корабли явились предъ Лиссабономъ, и положеніе дѣлъ приняло очень непріязненный видъ. Португалія со-

вершила единственный возможный для маленького, но независимаго государства поступокъ и объявила: 1) Что португальское правительство видитъ себя въ несостояніи противиться правительству Франціи и освобождаетъ корабль.

2) Такъ какъ французское правительство отвергло посредничество третьей державы на счетъ содержанія вопроса, португальское отклоняетъ посредническій судъ о вознагражденіи.

3) Требованіе вознагражденія Франціею будетъ тотчасъ исполнено. Капитанъ Руссель освобожденъ, корабль возвращенъ и 349 т. франковъ вознагражденія безъ всякаго спора было выплачено.

Авторъ не удовольствовался однимъ сочувственнымъ и подробнымъ изложеніемъ жизни самаго короля, и предпослалъ ему подробный взглядъ на исторію страны, географическо-статистическія свѣдѣнія и государственное устройство. Почти половина всего сочиненія о Педро V относится къ изложенію положенія Португаліи до вступленія Педро на престолъ.

Herzog Albrecht von Sachsen-Teschen, als Reichsfeld-Marschall. Nach Original-Quellen bearbeitet von Alfred v. Vivenot. Zweiter Band: Zur Geschichte des Baseler Friedens. 1-te Abtheilung: November 1794 bis April 1795. Wien 1866. S. 650.

Два года тому назадъ вышла первая часть этого сочиненія, обнимающая первые годы начальствованія герцога Альбрехта Саксен-Тешенскаго, имперскаго фельдмаршала въ революціонную войну. Спеціальнй предметъ не возбудилъ сочувствія въ германской литературѣ, ожидающей очень много интересныхъ документовъ отъ вѣнскихъ архивовъ, но не восхваленій незначительной личности, не имѣвшей никакого вліянія на ходъ революціонной войны. Эта несчастная имперская армія, одержимая жалкимъ недугомъ тогдашняго имперскаго устройства и связанная съ прусскою рейнскою арміею, обреченною къ недѣятельности, очень мало совершила, и своими дѣйствіями никакъ не могла попасть на дорогу всемірной исторіи.

Но всесторонній взглядъ на политическія причины великой катастрофы могъ оживить все сочиненіе, если бы авторъ вѣрно понялъ свою задачу. Дѣйствительно новое заглавіе второго тома: «Къ исторіи Базельскаго мира» уже доказываетъ намѣреніе автора придать большій интересъ своему предпріятію. Сообразно своей новой цѣли, онъ неограничивается актами гофкригсрата и регенбургскаго имперскаго сейма, но знакомитъ читателя съ дипломатическою корреспонденціею Тутута, документами бельгійской и нидерландской войнъ и сношеніями между важнѣйшими вѣнскими центральными учрежденіями. Въ текстѣ и замѣчаніяхъ къ своей книгѣ авторъ сообщаетъ множество выписокъ и извлеченій, но чрезъ это его сочиненіе еще не дѣлается достояніемъ науки.

Въ предисловіи ко второму тому онъ уже высказывается, какъ рьяный австриецъ и дѣлаетъ рѣзкія замѣчанія на сочиненіе Трейтшке (*Historische und politische Aussätze vornehmlich zur neuesten deutschen Geschichte, von Treitschke. 1865. Leipzig*).

Въ самомъ сочиненіи онъ проводитъ неудачную полемику противъ Гейссера и Зибеля и при своемъ неумѣннѣ совладать съ представляющимися для разрѣшенія вопросамъ не различаетъ важное отъ неважнаго, фразу отъ дѣла, извѣстное отъ неизвѣстнаго. Не вполне откровенный, онъ противорѣчитъ самому себѣ непрерывно; въ усвоеніи и сообщеніи своего матеріала онъ дѣлаетъ самыя грубыя ошибки противъ точности и достовѣрности. Вивенó — жаркій австрийскій патриотъ, изъ того наивнаго разряда людей, которые считаютъ оскорбленіемъ любви къ отечеству раскрытіе прежнихъ ошибокъ и недостатковъ. Онъ уважаетъ Франца II, видитъ геніальность въ Тугутѣ, плѣняется Клерфе и Лербахомъ, ему кажется измѣною императору, имперіи и нѣмецкой націи, что Пруссія неуважила этихъ превосходныхъ людей. Онъ считаетъ наглостью, что Пруссія на самомъ дѣлѣ держитъ себя, какъ равносильное государство рядомъ съ императорскою властію, и что историки просто принимаютъ эти факты и считаютъ Пруссію правою.

Maria Theresia und Marie Antoinette. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Zweite vermehrte Auflage, mit Briefen des Abbé de Vermond an den Grafen Mercy. Leipzig, Paris, Wien. 1866 p. 415.

Изданія Арнета отдичаются точностью и высокимъ историческимъ значеніемъ содержанія. Переписка Маріи Терезіи съ Маріей Антоанеттой возбудила такой интересъ въ отдаленныхъ странахъ, что послѣ года уже понадобилось второе изданіе. Сообщенія имъ точныя письма королевы къ ея матери были тотчасъ признаны за лучшее и надежнѣйшее основаніе къ опредѣленію точности многихъ другихъ писемъ, обнародованныхъ въ недавнее время подъ ея именемъ. Пока не знали точныхъ писемъ королевы, выдуманныя возбуждали большое вниманіе. Засвидѣтельствованіе графа Гунольштейна, о находящихся въ его обладаніи автографахъ королевы теперь подверглось полному сомнѣнію. Независимо отъ противорѣчащаго содержанія оказывается значительное различіе внѣшней формы большаго числа этихъ писемъ отъ точныхъ писемъ королевы, по крайней мѣрѣ касательно перваго года ея пребыванія во Франціи. Подобное случилось и съ факсимиле мнимыхъ автографовъ, которые сообщены Фелье-де-Коншъ въ третьемъ томѣ его во многихъ отношеніяхъ драгоцѣннаго собранія писемъ. Ихъ поддѣльность представляется внѣ всякаго сомнѣнія при сравненіи съ достовѣрными письмами королевы. Во второмъ изданіи кромѣ прежнихъ писемъ Маріи Терезіи находятся два совершенно неизвѣстныхъ. Первое (№ I. S. 1) заключаетъ наставленіе императрицы эрцгерцо-

гнивъ въ моментъ ея отъѣзда во Францію. Второе письмо (№ II. S. 6) императрицы къ Маріи Антоанеттѣ взято изъ находящейся въ государственномъ архивѣ выпискѣ, которая также имѣетъ въ себѣ всѣ признаки неподдѣльности. Изъ писемъ королевы къ матери не нашлось ничего новаго. Два новыхъ письма королевы къ графу Францу фонъ-Розенбергу помѣщены авторомъ: одно изъ собранія княгини Розенбергъ, другое изъ списка, бывшаго при письмѣ императора Юсифа II къ его сестрѣ, Маріи Антоанеттѣ.

Меньшее значеніе имѣютъ также въ первый разъ напечатанныя письма Маріи Антоанетты къ австрійскому послу въ Парижѣ графу Мерси. Письма, учителя и довѣреннаго совѣтника королевы, аббата Вермона къ графу Мерси составляютъ важное дополненіе къ разъясненію мало извѣстныхъ обстоятельствъ въ жизни Маріи Антоанетты въ послѣдній годъ ея пребыванія въ Вѣнѣ и въ первый годъ ея поселенія на французской почвѣ. Въ особенности они бросаютъ ясный свѣтъ на способъ и средство доставки писемъ дофини къ ея матери, о которомъ въ послѣднее время много спорили.

Изъ новостей второго изданія замѣчательна характеристика французской королевы, написанная рукою Пихлера и составленная изъ тѣхъ сообщеній, которыя получались императрицею отъ дочери изъ Парижа и давали поводъ къ совѣтамъ и предостереженіямъ, которыми наполнены письма императрицы къ ней.

Изъ этого изданія многое объясняется и въ характерѣ несчастной королевы французской и въ ея образѣ дѣйствій. До послѣдней минуты она остается гордою наследницею славы Габсбургскаго дома. Въ юньской книжкѣ (1 Juin) *Revue des deux Mondes* помѣщено превосходное обсужденіе изданій Арнета касательно Маріи Антоанетты съ подробнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ писемъ. Съ безпристрастіемъ отдается полная справедливость благонамѣренности нѣмецкаго издателя писемъ французской королевы.

Marie Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Leipzig, Paris, Wien. 1866. S. 300.

Вслѣдъ за изданіемъ писемъ императрицы - матери къ королевѣ французской — ея дочери, является переписка Маріи Антоанетты съ братьями Юсифомъ и Леопольдомъ, какъ дополненіе прежней корреспонденціи. Особенную важность имѣетъ переписка Юсифа съ сестрою. Различіе лѣтъ между имъ и его младшею сестрою сдѣлало привязанность между ними еще болѣе нѣжною. Сестра чувствовала къ брату уваженіе, какъ къ главѣ фамиліи, и онъ, подобно матери, позволялъ себѣ съ теплымъ участіемъ къ ея судьбѣ дѣлать ей замѣчанія, когда того требовали ея поступки. Такъ онъ поступилъ при ея письмахъ къ Розенбергу и тѣхъ признаніяхъ, которыя онъ заключали. Но еще

болѣе онъ выказалъ заботливости къ Маріи Антоанеттѣ въ тѣхъ увѣщаніяхъ, которыя онъ ей послалъ въ моментъ своего отъѣзда изъ Версаля. Строго и ѣдко звучать иногда его упреки, но Маріи Антоанетта ихъ не принимаетъ съ дурнымъ чувствомъ, въ убѣжденіи, что они происходятъ изъ чистаго источника братской любви. До конца своей жизни сохранила она постоянную, ничѣмъ непоколебленную привязанность къ столь же любимому, какъ уважаемому брату.

Менѣе искренни были отношенія королевы французской къ ея брату Леопольду. Уже одно то обстоятельство, что Антоанетта была десяти лѣтъ, когда Леопольдъ наслѣдовалъ своему отцу въ управленіи Тосканю, и что она съ тѣхъ поръ его не видала, должно было отразиться на ея перепискѣ. До вступленія Леопольда на австрійскій престолъ послѣ смерти Іосифа королева французская къ нему не писала. Нельзя сказать, что Леопольдъ не принималъ полнаго участія въ ея судьбѣ, которая въ моментъ развитія ихъ переписки уже приняла угрожающее положеніе. Письма доказываютъ его расположеніе вполне. Первое, возвѣщавшее о смерти Іосифа, другія, написанныя имъ во время полученія ложнаго извѣстія, что бѣгство королевской фамиліи изъ Франціи удалось.

● Въ этомъ собраніи все вниманіе читателей обращаютъ на себя два первыя письма Іосифа. Царственный братъ упрекаетъ сестру за вмѣшательство въ государственныя дѣла и въ замѣщеніи министерскихъ должностей, указываетъ на ея нескромность въ письмѣ къ Розенбергу по случаю разговора съ Шоазелемъ, объясняетъ ей ея положеніе, какъ супруги и королевы, предостерегаетъ отъ высокой игры и легкаго общества, оперныхъ баловъ, верховой ѣзды, привлекаетъ къ избранному чтенію, отклоняетъ отъ неумѣстныхъ протекцій, совѣтуетъ умѣренно нравиться, обращать вниманіе на свое пребываніе въ церкви, сохранять дружбу въ семьѣ.

Достаточно и этихъ двухъ писемъ любящаго брата, чтобы имѣть надлежащее понятіе о тогдашнемъ французскомъ обществѣ и положеніи въ немъ королевы. Для историка того времени изданія Арнета имѣютъ несомнѣнную важность.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Объ учрежденіи во Франціи новой специальной «Нормальной школы». — Циркуляръ по этому предмету г. Дюрюи. — Специальныя коллегіи во Франціи и реальныя гимназіи у насъ.

Насъ увѣряютъ постоянно въ послѣднее время, что классическое образованіе есть единственная основа народной образованности, что западныя страны только и заботятся о распространеніи классическаго образованія, и что стремленіе къ введенію у насъ реальныхъ наукъ могутъ обнаруживать или люди невѣжественныя, или тѣ, которые желали бы видѣть наше отечество униженнымъ по сравненію съ западными народами. Положимъ, для утвержденія перваго положенія, а именно объ исключительной важности классическихъ языковъ, достаточно нѣкоторой диалектической ловкости и декламации, но увѣрять, что въ западныхъ странахъ только и заботятся о распространеніи классическаго образованія — нельзя безъ того, чтобы не сознаться въ рѣшительномъ незнаніи того, что дѣлается на западѣ для народнаго образованія, или знать это, но показывать видъ, что мы будто бы не знаемъ. Надобно думать, что послѣдній образъ дѣйствія не можетъ быть не вреденъ для нашего общества, особенно, если мнѣніе этихъ людей можетъ склонить на свою сторону и тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ практическое рѣшеніе различныхъ педагогическихъ вопросовъ.

Народное образованіе — это признано — есть одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ защитѣ страны и къ охраненію ея интересовъ. Даже и въ минуты кровавыхъ столетовеній между народностями, когда, по видимому, рѣшеніе международныхъ вопросовъ предоставляется жребію войны, — даже и въ такія минуты господства случая окончательный исходъ борьбы зависитъ отъ внутренняго развитія страны, отъ ея экономическаго быта и качества хозяйства и администраціи. Будетъ ли при этомъ справедливо увѣрять наше общество, что въ западной Европѣ

все народное образованіе покоится на изученіи классическихъ языковъ, когда въ минуту столкновенія съ этою классическою Европою намъ пришлось бы убѣдиться, что ея образованность богата и другими матеріалами?

При этомъ мы не можемъ не замѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ, что нашъ взглядъ на классическое образованіе, какъ на весьма важный органъ народнаго просвѣщенія, но который тѣмъ не менѣе можетъ быть крайне вреденъ, — находить, наконецъ, защиту и опору въ такихъ авторитетахъ русской исторической науки, какимъ служитъ профессоръ С. М. Соловьевъ. Мы рѣдко встрѣчали такую краснорѣчивую оцѣнку классическаго знанія и вмѣстѣ такое вѣрное указаніе на его вредъ въ данномъ случаѣ, какъ именно въ помѣщенномъ у насъ выше его сочиненіи: «Эпоха конгрессовъ» (стр. 238):

«Въ наше время, говоритъ С. М. Сольвьевъ, классическое образованіе сообщаетъ человѣку, его получившему, полноту знанія жизни человѣчества, дѣлая человѣка живымъ, непосредственнымъ соучастникомъ жизни юнаго человѣчества, оно освѣжаетъ его, восстанавливаетъ его силы, какъ сельская жизнь лѣтомъ, соединеніе съ безыскусственною, и потому великою художницею природою, освѣжаетъ, восстанавливаетъ силы человѣка, истомленнаго городскою живнію, городскою дѣятельностію. Въ наше время *классическое образованіе лишено своею односторонностію, вреднаго вліянія*, благодаря тому, что мы относимся свободно къ древнему міру, благодаря усиліямъ исторіи, науки человѣческаго и народнаго самопознанія, благодаря усиленному изученію исторіи, и другого, европейско-христіанскаго міра, благодаря изученію своего, народнаго. Въ Англии и въ вѣка предшествовавшіе вліяніе классическаго образованія *умѣрялось* практическою дѣятельностію классически образованныхъ людей, которая безпрестанно обращала ихъ къ своему, заставляла изучать его, заставляла съ любовію и уваженіемъ относиться къ своей *старой Англии*. Не такъ было во Франціи, гдѣ впечатлѣнія, полученныя въ школахъ отъ изученія явленій древняго міра, оставались во всей своей силѣ. Древній міръ былъ поднятъ высоко, явленія греческой и римской исторіи являлись образцовыми, исключительно достойными подражанія, свое было унижено, считалось варварскимъ, съ презрѣніемъ и даже ненавистью отзывались о среднихъ вѣкахъ. И здѣсь мы не должны упускать изъ виду народнаго характера французовъ, которые, не изучая внимательно подробностей, особенно увлекались блестящею, картинною дѣятельностію Греціи и Рима, увлекались сценическою постановкою дѣятелей, а извѣстно, какіе охотники французы до этой сценической постановки. Жизнь древнихъ республикъ являлась великолѣпнымъ театральнымъ представленіемъ, и какъ сильно хотѣлось участвовать въ подобномъ же представленіи, дѣйствовать на такой мировой сценѣ. Это вліяніе односто-

роннаго изученія древняго міра обнаружилось болѣе или менѣе повсюду, рѣзко выразилось въ сочиненіи, которое болѣе всѣхъ другихъ пришлось по настроенію французскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка и, въ свою очередь, наиболѣе содѣйствовало этому настроенію, въ сочиненіи, которое имѣло самое сильное вліяніе на ходъ революціонныхъ явленій: я говорю о *Contrat social* Ж. Ж. Руссо. Ясно видно, что когда авторъ писалъ это сочиненіе, онъ постоянно имѣлъ передъ глазами Грецію и Римъ, формы ихъ политической жизни: отсюда такъ понятна знаменитая выходка его противъ представителей формы: «идея представительства есть идея новая; мы ее получили отъ феодальнаго правительства, отъ этого несправедливаго и нечѣстнаго правительства, въ которомъ человѣчество унижено, въ которомъ самое имя человѣка употреблялось въ унижительномъ значеніи. Въ другихъ республикахъ, и даже въ древнихъ монархіяхъ, никогда народъ не имѣлъ представителей.»

Мы спрашиваемъ нашихъ ученыхъ противниковъ, чѣмъ, они думаютъ, *умѣрялось* бы у насъ изученіе классическихъ языковъ, если, благодаря ихъ горячимъ усиліямъ и невѣдѣнія тѣхъ, которые могутъ стать подъ ихъ вліяніе, дѣйствительно все народное образованіе опочило бы на классической почвѣ? Они указываютъ намъ на примѣръ Англіи и прикрываютъ отъ насъ въ Англіи то, что служить тамъ противовѣсомъ вреду, который могло бы и тамъ причинить классическое образованіе. Они хотятъ насъ сдѣлать англичанами, но имъ можетъ удасться одно: сдѣлать насъ семинаристами, да и то стараго времени. Можно ли сказать о нашемъ обществѣ и народѣ, что они уже истомлены «городскою жизнью, городскою дѣятельностью», и имъ необходимо возстановить, освѣжить силы изученіемъ юношеской эпохи человѣчества, т. е. эпохи классицизма, какъ то справедливо можно сказать объ обществѣ западной Европы, или, вѣрнѣе сказать, о той его части, которой доступно классическое образованіе?

Впрочемъ, мы не будемъ, какъ наши ученые противники, обвинять ихъ самихъ вслѣдствіе того въ затаенной враждѣ къ своему отечеству и въ желаніи держать его ниже уровня западныхъ народовъ. Ихъ односторонность проистекаетъ, вѣроятно, изъ одного духа противорѣчія; обманывая другихъ, они обманываютъ и сами себя, если только мы не ошибаемся. По той же причинѣ, они не доводятъ до нашего свѣдѣнія тѣ факты, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ предвзятыми мыслями. Къ числу такихъ фактовъ мы относимъ циркуляръ французскаго министра народнаго просвѣщенія, отъ 6 апрѣля нынѣшняго года, съ которымъ онъ обратился къ ректорамъ академіи ¹⁾ имперіи, по поводу императорскаго декрета,

¹⁾ Во Франціи министерство народнаго просвѣщенія называется «Университетомъ»

отъ 28 марта, объ основаніи «Нормальной школы» для образованія учителей *спеціальнаго* преподаванія. Какъ мы увидимъ сейчасъ, во Франціи подь *спеціальнымъ* образованіемъ разумѣется именно то, что въ нашемъ новомъ уставѣ было названо *реальнымъ*.

Чтобы сдѣлать понятнымъ значеніе этого циркуляра, а вмѣстѣ съ нимъ и самаго декрета, отъ 28 марта, на которые мы обращаемъ все вниманіе своихъ читателей, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ вообще о планѣ народнаго образованія во Франціи.

Во Франціи, еще со временъ первой имперіи существуютъ лицеи, коллегіи (гимназій), преподаваніе въ которыхъ основано исключительно на гуманитарныхъ и математическихъ наукахъ; къ числу первыхъ относятся и классическіе языки. Процвѣтаніе лицеевъ обусловливалось учрежденіемъ, которое гарантировало имъ возможность имѣть превосходно приготовленныхъ учителей. Такимъ учрежденіемъ и можетъ назваться знаменитая во Франціи *École Normale*. Главный контингентъ преподавателей во Франціи выходитъ изъ этой «Нормальной школы»; и не только преподаватели, но и весьма многіе литературные и критическіе дѣятели обязаны своимъ солиднымъ образованіемъ этой же самой школѣ. Къ числу такихъ принадлежатъ, напримѣръ, и Тэнъ. Мы имѣли въ прежнее время нѣчто подобное въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. При всемъ своемъ неудовлетворительномъ устройствѣ, Главный педагогическій институтъ однако и у насъ обезпечивалъ *лучше* нынѣшнихъ мѣръ занятіе учительскихъ кафедръ; можно было тогда говорить, что учителя недостаточно приготовлены, что духъ заведенія не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, но нельзя было сказать, что учительскія кафедры остаются пустыми, что учителей совсѣмъ нѣтъ, на что пришлось жаловаться по закрытіи института. Справедливость требуетъ сказать, что главный педагогическій институтъ далъ намъ не только учителей, но и многихъ замѣчательныхъ ученыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, напримѣръ, покойный профессоръ Д. Мейеръ. Можетъ быть даже, педагогическій институтъ находился въ послѣднее время въ такомъ упадкѣ, что нельзя было его преобразовать иначе, какъ предварительно закрыть; но у насъ преобразованіе ограничилось закрытіемъ, и это закрытіе не повело въ созданію чего нибудь новаго. Между тѣмъ во Франціи и до сихъ поръ считаютъ необходимымъ поддержаніе Нормальной школы; Франція не рассчитываетъ, что достаточно общественной инициативы для рекрутированія учителей; обязанность учителя не такъ привлекательна, чтобы родители направляли своихъ дѣтей къ тому, чтобы они добровольно избирали педагогическое поприще, а съ другой сто-

---

Франціи». Университетъ подраздѣляется на академіи, т. е. учебные округа, а потому «ректоръ академіи» соотвѣтствуетъ у насъ званію попечителя округа.

роны обязанность учителя такъ важна и требуетъ такой подготовки, что нельзя рассчитывать на такихъ, которые вступили бы въ эту должность только потому, что они вынуждены обстоятельствами считать даже и содержаніе учителя достаточнымъ для себя. Уничтоживъ Главный педагогическій институтъ и не замѣнивъ его ничѣмъ, мы какъ будто поставили интеллектуальное развитіе нашего общества выше общества французскаго; но опытъ показалъ, что расчетъ былъ не совсѣмъ вѣренъ. Говоря такъ, мы не думаемъ защищать бывшаго педагогическаго института такимъ, какимъ онъ былъ особенно въ послѣднее время, и сознаемъ, что вообще защитнику его придется сдѣлать тотъ же рѣшительный шагъ, который сдѣлалъ Гнѣдичъ, рискуя ввязаться за экзаметръ, послѣ того какъ Тредьяковскій написалъ экзаментомъ свою «Телемахиду»; но, во-первыхъ, мы уже указали выше, что нашъ педагогическій институтъ не во всемъ и не всегда былъ Телемахидой, а во-вторыхъ, мы никогда бы не подумали, что основать учительскій институтъ значитъ воскресить бывшій Главный педагогическій институтъ.

Всѣ наши споры о пользѣ классическихъ наукъ утратили бы много для себя матеріаловъ, если бы классическое преподаваніе въ гимназіяхъ было ведено солидно, а это невозможно до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ обеспечены относительно преподавателей. Откуда же мы себѣ ожидаемъ въ настоящее время учителей? Конечно историко-филологическіе факультеты могутъ доставлять намъ отличныхъ ученыхъ и весьма образованныхъ людей; но историко-филологическій факультетъ, какъ и всѣ прочіе факультеты университетовъ, не должны и не могутъ имѣть специальныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ должность учителя, какъ и всякая другая должность, есть специальность. Всякій, сколько нибудь близкій къ этому дѣлу, знаетъ, что лучший профессоръ университета, можетъ быть даже европейская знаменитость по отдѣлу своей науки, будетъ самымъ плохимъ учителемъ гимназіи, и наоборотъ, самый опытный педагогъ и лучший учитель гимназіи окажется невозможнымъ для кафедры университета. Кромѣ того, историко-филологическіе факультеты, вообще бѣдные числомъ своихъ слушателей, могутъ поставлять намъ десятки учителей, между тѣмъ какъ мы нуждаемся въ сотняхъ. Представьте себѣ, что наша армія поставлена была въ необходимость ждать себѣ офицеровъ отъ случайнаго заявленія желаній въ обществѣ поступать въ высшую военную службу; но и армія учащихся представляетъ для государства не меньшую важность, и оставлять ее совсѣмъ безъ преподавателей намъ кажется не менѣе ужаснымъ, какъ оставить армію безъ офицеровъ.

Вотъ причина, почему въ предъидущихъ педагогическихъ хроникахъ мы старались убѣдить и противниковъ классицизма и его защитниковъ, которые въ сущности оказываютъ такую же худую услугу,

какъ и противники, что намъ слѣдуетъ не спорить о пользѣ классицизма, а согласиться въ томъ, что *хорошее* классическое образование необходимо для страны, но само по себѣ знаніе латинскаго языка не имѣетъ никакого мистическаго вліянія на развитіе учащихся, или по крайней мѣрѣ не большее того, какое представляетъ латинская месса.

Обратимся теперь къ нашему главному предмету. Какъ ни велики заботы «университета Франціи» и его министровъ о классическомъ образованіи во Франціи, но онѣ вовсе не такъ односторонни и такъ обширны, въ чемъ насъ стараются увѣрить. Какъ мы увидимъ изъ апрѣльскаго циркуляра Дюрюи, во Франціи очень хорошо понимаютъ то, что мы уже высказали въ предъидущихъ хроникахъ, и что возбудило такіа насмѣшки со стороны нашихъ почтенныхъ противниковъ, а именно, что лицейское (гимназическое) образованіе, основанное на классическихъ языкахъ, обращено къ ничтожному меньшинству страны; что оно требуетъ отъ семейства извѣстной достаточности, чтобы не быть насильственнымъ и подогрѣтымъ; потому, говоритъ министръ «университета Франціи», «необходимо было устроить специальное образованіе для дѣтей, которыя не могутъ располагать столь огромнымъ капиталомъ времени и денегъ¹⁾». Изъ этихъ словъ столь извѣстнаго поклонника классической образованности и вмѣстѣ знатока, какъ Дюрюи, слѣдуетъ довольно ясно, что заботиться исключительно о классическомъ обученіи, — это значитъ заботиться исключительно о тѣхъ, которые имѣютъ un gros capital de temps et d'argent, т. е. заботиться о тѣхъ, которыхъ весьма не много, которые въ крайнемъ случаѣ и безъ другихъ могутъ хорошо позаботиться о себѣ.

Во Франціи съ лицеями случилось то же, что и у насъ съ гимназіями, а именно: тамъ гимназическій курсъ устроенъ такъ, что онъ *приноситъ пользу только для тѣхъ, которые имѣютъ время и деньги пройти его весь отъ начала до конца, т. е. сдѣлать значительное пожертвованіе временемъ и деньгами*. Между тѣмъ оказалось, что и во Франціи, какъ у насъ, въ лицеяхъ выходилъ ничтожный процентъ изъ числа поступившихъ туда. Недостаточные люди не могли выдерживать цѣлаго курса, который притомъ оторвалъ бы окончательно юношу отъ практической дѣятельности и сдѣлалъ бы его способнымъ для однихъ artes liberales; реальныхъ же высшихъ школъ не было, и поневолѣ приходилось отдавать въ тотъ же классическій лицей года на два, на три, много на четыре. Дюрюи сознается, что «почти всѣ плоды классическаго обученія потеряны для того, кто не кончитъ цѣлаго

¹⁾ L'enseignement spécial a été institué en faveur des enfants qui ne peuvent disposer d'un aussi gros capital de temps et d'argent.

курса наукъ въ лицей.» Потеря страшная для общества! Большинство его осуждено, или отдать дѣтей на бесплодное обученіе въ классическихкихъ школахъ, или ограничиться почти школами грамотности. Многие родители охотно пожертвовали бы капиталомъ и временемъ, если бы рядомъ съ классическими заведениями существовали реальные гимназіи, которыя бы давали высшее специальное образованіе, возвращающее каждаго къ его ремеслу, но съ развитыми силами и умомъ; но они осуждены пожертвовать частью своего состоянія для классическихкихъ гимназій, которыя отрываютъ обширное поприще уму человѣка, но требующее и впоследствии нѣкоторой обеспеченности, или обязующее общество содержать такую личность, какъ содержится fellow при Оксфордскомъ университетѣ. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ неудобствъ, во Франціи были открыты специальные школы, рядомъ съ лицеями, и въ октябрѣ 1863 г. изданы въ видѣ двухлѣтняго опыта программы обученія въ такихъ специальныхъ школахъ, соотвѣтствующихъ тому, что у насъ получило названіе реальныхъ гимназій.

Срокъ положенный для программъ окончился. Въ теченіе двухъ лѣтъ, можно было сдѣлать всѣ наблюденія, собрать замѣчанія свѣдущихъ людей; эти наблюденія и опыты привели къ необходимости произвести перемѣны въ прежнемъ планѣ, и на основаніи всего этого въ нынѣшнемъ году были составлены:

- 1) Программы преподаванія;
- 2) Таблица распредѣленія предметовъ по различнымъ годамъ курса;
- 3) Инструкціи метода, которому должно слѣдовать при этомъ новомъ преподаваніи;
- 4) Предписаніе, отъ 6 марта 1866 г., о составленіи комиссіи (des jurés) для выдачи дипломовъ, установленныхъ закономъ;
- 5) Предписаніе, отъ 6 марта 1866 г., о составленіи «совѣтовъ усовершенствованія», учрежденныхъ §§ 3 и 5 закона 21 іюня 1865 г.;
- 6) Декретъ 28 марта 1866 г., опредѣляющій денежныя условія для учителей специального образованія, и устанавлиющій въ ихъ пользу особую агрегацию;
- 7) Декретъ 28 марта 1866 г., опредѣляющій условія агрегации для специального преподаванія;
- 8) Декретъ отъ 28 марта 1866 г., касающійся стипендій для специального преподаванія;
- 9) Декретъ отъ 28 марта 1866 г., объ основаніи *Нормальной школы, гдѣ будутъ приготавливаться учителя для новаго преподаванія.*

Изъ всѣхъ этихъ постановленій, имѣющихъ цѣлью произвести существенную реформу въ специальномъ народномъ просвѣщеніи, самымъ важнымъ по массѣ населенія, къ которой оно обращено, мы

останавливаемся на послѣднемъ, а именно на декретѣ объ основаніи Нормальной школы, которая готовила бы учителей для специальныхъ учебныхъ заведеній, какъ другая Нормальная школа готовится для классическихъ лицеевъ.

Очевидно, специальные учебныя заведенія, гдѣ нѣтъ классическихъ языковъ, страдали во Франціи отсутствіемъ какъ хорошихъ преподавателей, такъ и удовлетворительныхъ учебниковъ. Хорошо подготовленные учителя и отличные учебники и пособия служили главною причиною успѣховъ классическихъ заведеній; и тѣмъ и другимъ Франція признаетъ себя обязанною «высшей Нормальной школѣ» (École normale supérieure), основанной, какъ извѣстно, Наполеономъ I въ 1808 году, на основаніи декрета національнаго конвента, отъ 9 брюмера III года; даже § 1 наполеоновскаго декрета буквально повторяетъ § 1 декрета національнаго конвента: «Учреждается въ Парижѣ нормальная школа, куда будутъ призваны, изъ всѣхъ концовъ республики, граждане уже свѣдущіе въ полезныхъ наукахъ, чтобы, подъ руководствомъ наставниковъ самыхъ искусныхъ во всѣхъ родахъ, научиться искусству обученія.» Специальныя училища были лишены до сихъ поръ этого главнаго условія успѣха, а именно обезпеченія себя относительно преподавателей, и декретъ 28 марта дастъ, наконецъ, имъ «спеціальную Нормальную школу», учрежденную съ тою же цѣлью, съ какою была основана «высшая Нормальная школа».

Мы надѣемся со временемъ сообщить анализъ всѣхъ распоряженій, относящихся къ учрежденію «спеціальной Нормальной школы»; нынѣшній разъ ограничимся извлеченіемъ изъ вышеупомянутаго циркуляра, въ которомъ объясняется основная идея учрежденія и вообще характеръ, цѣль и значеніе спеціального преподаванія для успѣховъ народной образованности.

Исчисливъ документы, разосланные по академіямъ (округамъ) и указанные нами выше, министръ народнаго просвѣщенія, въ своемъ обращеніи къ ректорамъ (попечителямъ), говоритъ такъ:

«Я не буду говорить вамъ, господинъ ректоръ, о программахъ (т. е. специальныхъ учебныхъ заведеній): онѣ говорятъ сами за себя. Бывъ обнародованы въ первый разъ, въ видѣ опыта, въ октябрѣ 1863 г., онѣ оставались въ этомъ видѣ два года.

«Собравъ замѣчанія провизоровъ, инспекторовъ академій и ректоровъ, начальство передѣлало часть этихъ первоначальныхъ программъ, составило новыя и подвергло ихъ пересмотру высшаго совѣта спеціального обученія, и потомъ императорскаго совѣта народнаго просвѣщенія. Послѣ этого двойнаго пересмотра онѣ вступаютъ въ дѣйствіе въ нашихъ школахъ; и надѣюсь, онѣ вызовутъ вскорѣ много существенныхъ и краткихъ книгъ, которыя наконецъ положатъ начало настоящей литературы народа.»

«Рассматривая, какъ эти программы распределены по классамъ ежегоднаго преподаванія, вы признаете, что общій планъ новаго курса существенно различается отъ курса классическаго преподаванія.

«Когда воспитанникъ вступаетъ въ лицей (классическую гимназію), то именно для того, чтобы прослѣдить послѣдовательно всѣ ея классы. Такимъ образомъ, намъ гарантированы его вниманіе и его трудъ лѣтъ на семь или на восемь, и мы, имѣя то въ виду, распредѣляемъ соотвѣтственно наши методы. Почти всѣ труды классическаго обученія потеряны для того, кто не окончитъ цѣлаго курса наукъ въ лицей. Но специальное обученіе устроено для тѣхъ дѣтей, которыя не могутъ располагать столь большимъ капиталомъ времени и денегъ. Многие не доходятъ до конца курса; нѣкоторые даже не остаются болѣе одного года или двухъ лѣтъ ¹⁾. А потому необходимо было въ специальныхъ заведеніяхъ расположить предметы преподаванія такъ, чтобы каждый годъ специальнаго обученія составлялъ самъ по себѣ замкнутое цѣлое, и чтобы самое необходимое было помѣщено въ первыхъ курсахъ, съ тѣмъ чтобы, еслибъ домашнія обстоятельства вынудили ученика оставить специальную коллегию (collège spécial, реальная гимназія), онъ былъ обезпеченъ въ томъ отношеніи, что во всякую эпоху своего выхода унесетъ съ собою непосредственно полезныя знанія. Курсы различныхъ годовъ, посвященные этому обученію, образуютъ такимъ образомъ цѣлое, которое въ то же время состоитъ изъ концентрическихъ круговъ.

«Вы замѣтите еще, г. ректоръ:

«Что литературное обученіе и упражненія занимаютъ въ специальныхъ коллегіяхъ болѣе мѣста въ первые годы, и что науки точныя увеличиваютъ свое значеніе вмѣстѣ съ возрастомъ учащихся;

«Что рисованіе, эта письменность промышленности, имѣетъ для себя постоянно 4 часа въ недѣлю, въ первые годы, и 6 въ два послѣдніе;

«Что общая продолжительность классовъ уменьшена до одного часа, чтобы не истощать ни силъ преподавателя, ни вниманія учениковъ;

«Что, наконецъ, эти программы составлены для специальнаго преподаванія въ лицейяхъ и въ коллегіяхъ такимъ образомъ, что онѣ могутъ служить конспектомъ для высшихъ классовъ и вспомогательнымъ средствомъ для учителей.

«Я не имѣю надобности присоединять, что эти программы не обязательны для всѣхъ специальныхъ школъ; ибо, за исключеніемъ нѣ-

¹⁾ Тоже явленіе мы видимъ непрерывно у себя: въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ кончаетъ курсъ самый ничтожный процентъ, и это нисколько не удивительно, если, мы видимъ, во Франціи лицея имѣютъ не лучшую участь.

которыхъ курсовъ, необходимыхъ повсюду, основной характеръ этого обученія состоитъ въ томъ, чтобы видоизмѣняться соотвѣтственно потребностямъ каждой мѣстности. Съ этою цѣлью, § 3 закона учредилъ «совѣтъ усовершенствованія», котораго мнѣнія будутъ имѣть всегда значительный авторитетъ.

«Я не полагаю, чтобы было возможно помѣщать въ школы мастерскую, по крайней мѣрѣ въ нашихъ; но я полагаю, что въ специальной коллегіи можно устроить упражненія для руки, какъ посредствомъ музыки упражняютъ слухъ, — рисованія, глазъ; — гимнастики, все тѣло. Потому я нашелъ бы превосходнымъ приучать воспитанниковъ обращаться съ нѣкоторыми инструментами, не съ цѣлью научить ихъ какому нибудь ремеслу, но чтобы ихъ рука, обученная держать молотъ, долото, рѣзецъ, была подготовлена для мастерской, какъ ихъ умъ подготовится для конторы или для лабораторіи.

«Спеціальное обученіе будетъ отличаться своими программами; но оно будетъ имѣть и отличныя методы. Я обращаю все ваше вниманіе на распоряженіе, въ которомъ изложены методы, какимъ должно слѣдовать въ каждой отрасли обученія. Вы внушите преподавателямъ никогда не забывать, что въ специальной коллегіи дѣло не идетъ, какъ въ классическомъ лицей, о томъ, чтобы приготовить людей, предназначенныхъ для самыхъ высшихъ спекуляцій математики или основной науки, но о томъ, чтобы образовывать промышленниковъ, негоціантовъ, сельскихъ хозяевъ, изъ которыхъ многіе впрочемъ, распространивъ опытомъ жизни то обученіе, которое, повидимому, имѣетъ тѣсныя предѣлы, *догонятъ* тѣхъ, чей умъ искалъ широкаго развитія въ изученіи болѣе безкорыстномъ.

«Начиная съ пригготовительнаго курса до послѣдняго класса специального обученія, слѣдуетъ постоянно направлять вниманіе учениковъ къ реальной сторонѣ жизни; приучить ихъ не смотрѣть безъ того, чтобы самому не видѣть; обязывать ихъ отдавать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, которыя совершаются въ ихъ средѣ, и дать имъ почувствовать удовольствіе понимать до того, чтобы это обратилось у нихъ въ потребность; однимъ словомъ, развить въ ребенкѣ духъ наблюдательности и сужденія, который дѣлаетъ человека и благоразумнымъ и рѣшительнымъ во всѣхъ предпріятіяхъ, такъ что онъ сумѣетъ вести свое дѣло самъ.

«Между тѣмъ какъ прикладныя науки направятъ его умъ къ практикѣ, курсъ словесныхъ наукъ и исторіи сообщитъ ему охоту возвышаться надъ дѣйствительностью физическаго міра, чтобы подняться до прекраснаго, добраго и божескаго, откуда истекаетъ и въ которомъ сливается всякое совершенство.

.....«Три причины задерживали до сихъ поръ развитіе специального обученія. Недоставало дѣятелей, соотвѣтствующихъ потребности;

учрежденіе Нормальной школы восполнить этотъ недостатокъ. Жалованье было жалкое; декретъ, утвержденный государственнымъ совѣтомъ дозволяетъ увеличить жалованье и обезпечить учителямъ спеціальныхъ курсовъ достоинство внѣшней жизни, которое необходимо для достоинства самаго званія. Наконецъ, учителя находились въ униженномъ состояніи; другой декретъ уничтожаетъ и это препятствіе.....

«Я надѣюсь, что совокупность всѣхъ трехъ мѣръ послужитъ основою средняго образованія народа. Время наступило торопиться. *Въ жарной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами, побѣда предназначена не тому, кто будетъ располагать наибольшимъ числомъ рукъ и капиталовъ, но той націи, среди которой трудящаяся классъ будетъ имѣть болѣе благоустройства, смысла и познаний.*

«Наука продолжаетъ свои открытія и каждый день добываетъ новаго агента на службу промышленности; но чтобы быть хорошо примѣнимыми, эти могущественные агенты желаютъ для себя умѣнья съ ними обращаться. Вотъ, почему въ наше время успѣхъ промышленности тѣсно связанъ съ успѣхомъ школы, и вотъ почему вопросы, изучаемые «университетомъ» (минист. народн. просв.), приобрѣли такую важность даже для матеріальнаго благосостоянія Франціи.

«Если кто нибудь усомнится въ важности совершившагося переворота, пусть тотъ взглянетъ на Швейцарію, эту страну озеръ и горъ, которую природа сдѣлала столь красивою, но отказала ей во всѣхъ условіяхъ промышленной страны; эта страна, любимая поэтами и артистами, не имѣетъ ни гаваней, ни судоходной рѣки, ни каналовъ, ни рудъ. Между тѣмъ, изъ этихъ пустынныхъ скалъ вывозится ежегодно достаточно произведеній, чтобы покрыть ввозъ иностранныхъ товаровъ; одна Франція продаетъ этому народу, не знавшему прежде другого промысла, кромѣ наемника, на 200 милліоновъ ежегодно. Кромѣ того, въ Швейцаріи образуется довольно опытныхъ негоціантовъ, чтобы найти въ каждомъ торговомъ городѣ всего міра швейцарскій торговый домъ перваго класса, и, во всѣхъ значительныхъ торговыхъ домахъ, дѣльныхъ служащихъ, которые вышли изъ Базеля, Цюриха и Невшателя.

«Но въ Швейцаріи послѣдній ремесленникъ знаетъ читать, и никто не оставляетъ школы ранѣе пятнадцати или шестнадцати лѣтъ.»

Мы считаемъ этотъ циркуляръ весьма важнымъ документомъ въ исторіи педагогіи. Дѣйствительно, въ наше время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дюрин, совершился переворотъ, существованіе котораго отвергать было бы вредно для тѣхъ, которые рѣшились оспаривать очевидное во что бы то ни стало. Заботиться исключительно о классическомъ обученіи, это значить заботиться о тѣхъ, которые

имѣють «*gros capital de temps et de l'argent*», и думать, что это немногимъ доступное образованіе есть вмѣстѣ народное просвѣщеніе. Нельзя не обратить вниманія на торжественное признаніе министра народнаго просвѣщенія во Франціи, что въ наше время такъ измѣнились всѣ отношенія, что «успѣхъ промышленности тѣсно связанъ съ успѣхомъ шеола», что «вопросы, занимающіе министерство народнаго просвѣщенія, приобрѣли важность даже для *материальнаго* благосостоянія страны», что, наконецъ, «въ мирной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами, побѣда предназначается не тому, кто будетъ располагать наибольшимъ числомъ рукъ и капиталовъ, но той націи, среди которой *трудящійся классъ будетъ имѣть* болѣе благоустройства, смысла и познаній.»

Такъ называемыя *спеціальныя коллегіи* во Франціи, и недавно наименованныя *реальныя гимназіи* у насъ, должны были имѣть въ виду именно этотъ «трудящійся классъ». Ему до сихъ поръ предоставлено на выборъ или научиться кое-какъ грамотности, арифметики, или отдать въ классическую гимназію года на два, на три, но не многіе рѣшались дать дѣтямъ полное гимназическое образованіе. Первые два предложенія оставляли будущаго труженника при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дюрюи, не кончить курса въ классической гимназіи значитъ совершенно потерять свое время. Отдать дѣтей въ классическую гимназію на весь курсъ — но это требуетъ, во-первыхъ, un gros capital de temps et de l'argent; а, во-вторыхъ, классическое образованіе сдѣлаетъ человѣка весьма способнымъ «къ высшимъ спекуляціямъ науки,» но вмѣстѣ отвлечетъ человѣка отъ практическаго труда. У насъ, правда, «высшія спекуляціи науки», о которыхъ говоритъ Дюрюи, какъ о результатѣ классическаго образованія, обыкновенно замѣнялись выгодами по службѣ, но для «трудящагося сословія» результатъ оставался равнымъ нулю.

Между тѣмъ мысль объ основаніи у насъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующихъ французскимъ «спеціальнымъ коллегіямъ», вызвала оппозицію, которой смыслъ мы можемъ оцѣнить по достоинству въ виду того, что дѣлается въ странѣ, которая въ образованномъ мірѣ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Не было ли бы благоразумнѣе съ нашей стороны замѣнить игру словъ и намѣковъ дѣльнымъ обсужденіемъ столь важнаго вопроса, какъ народное просвѣщеніе? Наши реальныя гимназіи имѣють въ пользу себя только одну основную идею, но выполненіе этой идеи, какъ и всякой новой идеи, кромѣ недоброжелательства во Франціи такихъ органовъ, какъ Union, Monde, и у насъ, соотвѣтствующихъ имъ въ этомъ отношеніи, встрѣтило много препятствій. Во Франціи, послѣ двухлѣтняго опыта, оказалось необходимымъ многое замѣнить, дополнить; нашимъ критикамъ слѣдовало

бы также указать недостатки новаго учрежденія, а не увѣрять хвально, что въ западной Европѣ о реальныхъ гимназіяхъ не имѣютъ и понятія. Между тѣмъ справедливость требовала бы сказать, что въ западной Европѣ и классическія и реальныя учебныя заведенія дѣлятся одинаково и одинаково составляютъ предметъ заботы высшей администраціи. Мы вовсе не думаемъ безусловно восторгаться всѣми идеями г. Дюрви, и именно по той причинѣ, что глубоко убѣждены въ томъ, что вопросы воспитанія не должны быть разрѣшаемы съ политическими цѣлями, какъ то случается во Франціи не рѣдко; но на этотъ разъ мы видимъ, что и оппозиціонные органы принуждены были отдать справедливость намѣреніямъ нынѣшняго министерства позаботиться о развитіи той массы населенія, которая должна выдерживать конкуренцію съ другими странами. Мы даже думаемъ, что отъ процвѣтанія гуманитарныхъ наукъ много зависитъ успѣховъ, которые дѣлаютъ промышленный классъ; только въ такомъ случаѣ начинается въ странѣ образовываться тотъ gros capital de temps et de l'argent, о которомъ говоритъ Дюрви, и который даетъ возможность и досугъ для «внѣшнихъ спекуляцій науки.» И процвѣтаніе классическаго ученія и вообще гуманнаго, будетъ имѣть въ такомъ случаѣ солидную почву подъ собою, свой gazon d'être, а не пустыня разглагольствованія, на которыхъ у насъ думаютъ нѣкоторые органы журналистики построить весьма жидкое и тощее зданіе классической науки.

О «ЗАПИСКѢ» И «ПРОГРАММѢ УЧЕБНИКА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ,»

СОСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ 1850 Г.

Т. Н. ГРАНОВСКИИЪ.

«Записка» и «Программа учебника всеобщей исторіи,» составлены, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, въ 1850 г., покойнымъ профессоромъ Московскаго университета *Т. Н. Грановскимъ*, представляютъ въ одно и то же время интересъ, какъ вѣрный документъ изъ исторіи нашей педагогики и вмѣстѣ памятникъ своего времени, въ которомъ рисуется и характеръ эпохи и нравственное достоинство лица, взявшаго на себя рѣшить вопросъ трудный, но который къ сожалѣнію остается вопросомъ и до настоящаго времени ¹⁾.

¹⁾ Подлинникъ этой работы проф. Грановскаго, не изданный до сихъ поръ, хранится въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, № дѣла 404, 1850 г.

Впрочемъ, мы полагаемъ, что многія идеи Грановскаго не утратили своей силы и значенія и въ настоящее время, а потому будущему составителю историческаго учебника необходимо принять ихъ въ соображеніе.

Вотъ исторія самаго дѣла. Въ 1850 году, слѣдовательно какъ разъ вслѣдъ за тѣмъ годомъ, когда послѣ февральской революціи въ Парижѣ, у насъ почти было прекращено обученіе классическимъ языкамъ, на которые тогда смотрѣли точно такъ же недоувѣрчиво, какъ нынѣ смотрятъ на естественныя науки, въ эпоху, слѣдовательно, весьма трудную и тяжелую вообще для гуманитарныхъ наукъ, къ числу которыхъ относится исторія, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ обратился къ попечителю Московскаго университета В. И. Нахимову съ объясненіемъ «о необходимости предварительнаго начертанія программъ, которыя могли бы служить основаніемъ при составленіи новаго руководства.» Побужденіемъ къ тому выставлялась «давно ощущаемая у насъ потребность въ *хорошемъ* руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанной въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія.» Руководства (между которыми царилъ тогда руководство Смарагдова, худшее даже своего предшественника Кайданова) дѣйствительно были неудовлетворительны; но относительно ихъ духа и точки зрѣнія, справедливѣе было бы сказать, что они были не только не русскіе, но и вообще не представляли никакого духа и никакой точки зрѣнія. Принимая въ соображеніе переворотъ, который произошелъ въ нашихъ педагогическихъ идеяхъ послѣ 1849 года, мы поймемъ легко настоящую дѣль побужденія къ составленію новаго историческаго учебника въ 1850 г. До 1849 руководства были тѣ же, слѣдовательно ни хуже, ни лучше, и никто не заботился о ихъ исправленіи; если въ 1850 году оказалась вдругъ потребность къ тому, то собственно дѣло шло опять не о *хорошемъ* учебникѣ, а о таковомъ, въ которомъ не было бы и тѣни вліянія классическаго духа. Дѣйствительно, въ ту эпоху нашлись у насъ такіе педагоги, которые безъ улыбки, самымъ серіознымъ образомъ утверждали, что вся греческая и римская исторія до временъ Августа должны быть исключены изъ историческаго курса; они полагали, что греческая и римская исторія, написанныя республиканскими историками, какъ Геродотъ, Фукидидъ, или по крайней мѣрѣ выросшими въ республиканской сферѣ, какъ Титъ-Ливій и особенно Тацитъ, должны вредно дѣйствовать на умы молодыхъ людей; притомъ же всѣ эти писатели были язычники, слѣдовательно есть опасность и со стороны морали.

Всѣ эти факты мы приводимъ, чтобы понять положеніе того лица, которому приходилось въ такую эпоху не столько написать, сколько «начертать» программу историческаго курса, на основаніи которой должно было потомъ составить и то хорошее руководство. Намъ сва-

жуть, что Т. Н. Грановскій могъ отклонить отъ себя дѣло, которое могло поставить его въ ложное положеніе. Такой образъ дѣйствія весьма легкій, но мало великодушный, и Грановскій, очевидно, понималъ, что дѣло идетъ не о его честолюбіи, а о дѣломъ поколѣніи, которое будетъ лишено важнаго условія для одной изъ главныхъ вѣтвей своего образованія. Въ то же время Грановскій не прибѣгнулъ, какъ мы увидимъ, ни къ какой недостойной хитрости, чтобы выразиться двусмысленно. Онъ раздѣлялъ съ одной стороны мнѣніе предлагающихъ: наличныя историческія руководства были изъ-рукъ-вонъ плохи, и съ этимъ онъ не могъ быть несогласенъ; съ другой стороны, всѣ наши историческія руководства большею частью безсознательныя воиія съ иностранныхъ, а потому мы осуждены интересоваться тѣмъ, что дѣйствительно интересуется въ той странѣ, которая родила руководство, и опускать то, что также по законной причинѣ опущено иностраннымъ авторомъ, но должно интересоваться насъ. Въ этомъ именно смыслѣ, наши историческіе учебники не были *русскіе*, не представляли *русской точки зрѣнія*. Потому Грановскій, во имя интересовъ науки и общества, помимо временныхъ и преходящихъ интересовъ лицъ, писалъ свой планъ учебника такъ, какъ онъ самъ понималъ свое дѣло. Все, что можно сказать: положеніе составителя было трудно, но Грановскій рѣшилъ свою задачу съ соблюденіемъ полного достоинства. Не смотря на говеніе классической науки, онъ въ ту пору тѣмъ не менѣе настаивалъ на необходимости и пользѣ изученія исторіи Греціи и Рима, точно также какъ и нынѣ онъ, вѣроятно, не настаивалъ бы на томъ, чтобы изучали только одну греческую и римскую исторію, какъ того требуетъ ученіе времени. Но прежде нежели мы представимъ разборъ труда Грановскаго, познакоимъ читателей съ самимъ его текстомъ.

Программѣ предшествуетъ объяснительная записка слѣдующаго содержанія:

Записка Т. Н. Грановскаго

кз

программѣ учебника всеобщей исторіи.

Недостатокъ хорошаго руководства къ изученію всеобщей исторіи давно ощутителенъ въ нашей учебной литературѣ. Удовлетворить этой потребности, повидимому, весьма нетрудно. Стѣбитъ только перевести на русскій языкъ одно изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій такого рода, которыми такъ богаты Германія и Франція. Неоднократно повторенные и постоянно неудачные опыты однако убѣждаютъ въ противномъ. Признавая вполне ученнаго достоинства, которыми отличаются многіе изъ иностранныхъ курсовъ всеобщей исторіи, мы не можемъ не замѣ-

тить, что они составлены *подъ вліяніемъ совершенно друмихъ научныхъ и общественныхъ условий*. Они не въ состояніи удовлетворить ни учебнымъ, ни гражданскимъ потребностямъ русскаго юношества.

Иностранныя руководства въ изученіи всеобщей исторіи опираются на обширную историческую литературу, въ которой не только наставникъ, но и ученикъ легко могутъ найти дополненія къ намѣкамъ и указаніямъ, которыя содержатся въ учебной книгѣ. Не имѣя подъ рукою такихъ богатствъ, мы должны требовать отъ русскаго учебника такого полнаго изложенія фактовъ, которое могло бы служить *достаточнымъ запасомъ для всякаго образованнаго челоѣка*. Слѣдовательно, наши руководства должны быть подробнѣ иностранныхъ, не превышая ихъ объемомъ, ибо въ противномъ случаѣ затруднится самое преподаваніе. Составитель русскаго учебной книги долженъ съ особенною осторожностію выбирать факты и вносить въ свое сочиненіе только то, что дѣйствительно необходимо для яснаго понятія объ исторіи челоѣчества. *При этомъ не мѣшало бы, въ видѣ пособія, ввести въ наши учебныя заведенія историческую хрестоматію*, составленную изъ замѣчательныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей ¹⁾. Такая книга познакомитъ ученика съ литературою предмета не по однимъ именамъ и поставитъ его въ непосредственное отношеніе съ первоначальнымъ источникомъ нашей науки. Для трехъ послѣднихъ вѣковъ такая хрестоматія невозможна по самому свойству относящихся къ новой исторіи источниковъ. Участіе и любознательство ученика не могутъ быть возбуждены выписками изъ дипломатическихъ актовъ и другихъ памятникѣвъ такого рода.

Разсматривая иностранныя руководства къ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія нашей церкви и нашихъ государственныхъ учрежденій, мы найдемъ, что они вовсе не приспособлены къ употребленію въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ. Византійская исторія, столь важная для насъ по связи съ судьбою славянъ вообще и древней Руси въ особенности, излагается въ заграничныхъ сочиненіяхъ весьма поверхностно. Нѣмецкіе и французскіе ученые показываютъ намъ только темную сторону Византіи и не обращаютъ вниманія на живое религиозное начало, которое оттуда перешло къ славянскимъ племенамъ.

¹⁾ Не зная этого плана Грановскаго, мы, въ 1863 г., начали приводить его въ исполненіе своимъ изданіемъ: «Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ», которая доведена нами въ первыхъ трехъ томахъ до конца крестовыхъ походовъ, и теперь остались только два послѣднія столѣтія, XIV и XV. Основная мысль нашей работы почти тѣми же словами высказана была, какъ оказывается, и Грановскимъ. Между тѣмъ нашъ трудъ былъ встрѣченъ, какъ какое-то опасное нововведеніе, сдѣланное съ цѣлью «расшатывать столбы общественнаго зданія.» Мы въ отвѣтъ на это просили дозволить времени рѣшить нашъ споръ, и теперь считаемъ себя удовлетворенными, найдя въ идеяхъ Грановскаго оправданіе своему труду.

Столько же неудовлетворительно оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своемъ монархическая форма правленія. Возрѣніе на эту форму писателей либеральной школы извѣстно; о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. *Сильно думать, что учебныя сочиненія, отшедшія изъ-подъ пера западныхъ писателей, враждебныя либерализму, далеко не достигаютъ своей цѣли и болѣе принесли вреда, чѣмъ пользы.* Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него, или представивъ ему въ ложномъ видѣ факты важныя, но не подходящія подъ точку зрѣнія автора. Такіе учебники употреблялись въ австрійскихъ школахъ и не мало содѣйствовали къ развитію превратныхъ понятій, обнаруженныхъ тамошнимъ юношествомъ въ 1848 году¹⁾. Умышленная утайка, или обманъ, внесенный въ учебную книгу, не могутъ не открыться любознательному и опытному ученику. Последствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьетъ въ юношахъ губельный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, влияніе которыхъ можетъ быть устранено только *честными и строгими изложеніями науки.*

Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ. Непросвѣтленныя христіанствомъ, чуждыя понятію о правѣ и законности, деспотіи востока и основанная на случайномъ успѣхѣ и матеріальной силѣ Римская имперія являются равно искаженіемъ монархической формы. Даже въ христіанскихъ государствахъ новой Европы форма эта не всегда сохранялась въ должной чистотѣ. Латино-германскія государства возникли большею частію вслѣдствіе завоеванія, результатомъ котораго было рѣзкое отдѣленіе и потомъ борьба словій, образовавшихся изъ покорившихъ и покоренныхъ племенъ. Государя западной Европы не могли не принять участія въ этихъ междоусобныхъ спорахъ, чрезъ что дѣятельность ихъ утратила тотъ

¹⁾ Въ статьѣ «Новѣйшая исторія Австріи», помѣщенной у насъ въ томѣ II, можно видѣть нѣмалодо, кого воспитала себѣ Австрія системою своихъ quasi-антилиберальныхъ учебниковъ, и вообще какіе плоды даетъ педагогія, руководимая политическою властью.

высокій характеръ безпристрастія и безкорыстія, который по мирному происхожденію своему и ходу нашей исторіи сохранило русское самодержавіе. Между тѣмъ какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе положило свою печать на всѣ важныя русскія явленія жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство отъ Іоанновъ, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ ¹⁾. Положивъ такое чисто русское воззрѣніе въ основаніе своему труду, составитель предполагаемаго руководства къ всеобщей исторіи будетъ имѣть надежное и вѣрное мѣрило для оцѣнки политической жизни у другихъ народовъ. Полное и отчетливое изложеніе исторіи древнихъ и новыхъ республикъ не представитъ ему особенныхъ трудностей, когда напередъ будутъ объяснены географическія и историческія условія, при которыхъ подобныя явленія становятся возможными. Но при этомъ надобно показать учащемуся, что благосостояніе правильно устроенныхъ республиканскихъ государствъ основано также на уваженіи и довѣрїи гражданъ къ той власти, которая замѣняетъ у нихъ монархическую. Политическая сила и значеніе народа выражается постоянно въ силѣ правительства, ослабленіе котораго неминуемо ведетъ государство къ упадку. Съ другой стороны, составитель русскаго учебника, опредѣливъ по достоинству святость монархической идеи и показавъ ея благотворное осуществленіе на родной почвѣ, не будетъ поставленъ въ необходимость искушать юные умы безусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно только искаженіе этой идеи.

Программа всеобщей исторіи.

Содержаніе всеобщей исторіи составляетъ земная жизнь человѣчества. Обиравъ эту жизнь во всей ея полнотѣ и цѣлости, исторія не есть только наука прошедшаго. Она принимаетъ въ себя настоящее и, слѣдуя въ этомъ случаѣ методу естественныхъ наукъ, выводитъ изъ извѣстныхъ, уже совершившихся, явленій вѣчные законы, которымъ подчинена судьба человѣческихъ обществъ. Отношеніе всеобщей исторіи къ другимъ наукамъ. Общее понятіе о лѣтоисчисленіи. Лѣтоисчисленіе у древнихъ, средневѣковыхъ, новыхъ народовъ. Географія и этнографія. Важность географическихъ условій въ исторіи. Языковѣдѣніе. Историческое значеніе языковъ. Историческіе источники: а) преданія; б) памятники: надписи, грамматы и дипломатическіе акты; разные виды историческихъ сочиненій. Значеніе нашей науки въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время.

¹⁾ Живя въ наше время, Грановскій могъ бы прибавить къ политическому значенію въ Европѣ еще болѣе важное *статутное значеніе у самихъ себя*, которому начало положило 19-ое февраля 1861 года и судебныя учрежденія нынѣшняго года.

Прежсжеденіе нашей планеты. Геологическій очеркъ ея образованія. Домо-тонныя животныя и растительное царство. Истина Моисеевыхъ сказаній под-тверждается наукою. Появленіе человека на землѣ. Породы.

Начало человеческихъ обществъ. Выводъ монархическаго начала изъ се-мейнаго.

Китай. Географическій очеркъ страны. Краткая исторія. Однообразіе этой исторіи. Патріархальный и неподвижный характеръ учреждений. Исключитель-ная образованность. Характеръ народа. Индія. Географическій очеркъ страны. Взглядъ на исторію. Религія. Касты. Характеръ индійской образованности. Ли-тература и искусство. Буддизмъ.

Ассирія и Вавилонія. Обзоръ исторіи. Необходимо упомянуть объ открытійхъ недавно памятникахъ искусства. Клиннообразныя надписи.

Египетъ, Меропе и Синопузм. Географическій характеръ страны. Исторія древняго Египта. Бытъ, учрежденія, искусство египтянъ.

Племена семитическія. Театръ ихъ исторіи. Народъ израильтвъ. (Такъ какъ исторія евреевъ подробно излагается въ учебныхъ книгахъ священной исторіи, здѣсь достаточно будетъ краткаго перечня событій съ указаніемъ на великое значеніе Іудей въ всеобщей исторіи человечества). Время патріарховъ. Исходъ изъ Египта. Моисей. Судбы. Форма правленія. Переходъ къ монархіи. Саулъ и Самуилъ. Давидъ и Соломонъ. Пророки. Раздѣленіе царства. Ассирійское и Ва-вилонское плѣненіе. Ветхій заветъ. Языческія вѣрованія семитовъ. Сирія. Фи-никія. Исторія. Судходство. Промышленость. Торговля. (Характеръ торговли у древнихъ). Колонія. Караагенъ. Обзоръ караагенской исторіи до перваго столк-новенія съ римлянами. Формы правленія. Характеръ народа.

Племена иранскія. Индія. Персія. Религіозныя вѣрованія. Зороастръ. Зен-давеста. Обзоръ исторіи—до Дарія Истаспа. Устройство персидскаго государства. Взглядъ на его составныя части.

Географическія отличія Европы отъ другихъ частей свѣта. Первобытное на-селеніе Европы.

Греція. Географическій очеркъ страны. Древнѣйшее народонаселеніе. Паматги. Пришельцы съ востока. Греки. Раздѣленіе на племена. Героическій періодъ. Бытъ и вѣрованія тогдашнихъ грековъ. Нашествіе дорійцевъ. Колонія. Общія греческимъ племенамъ учрежденія: амфитіонія, игры, оракулы. Эпическая поэ-зія. Исторія Спарты. Лякуртъ и его учрежденія. Мессенскія войны. Обзоръ исто-ріи остальныхъ дорійскихъ государствъ. Характеръ древней тиранинъ.

Аттика до Солона. Законодательство Солона. Пизистратъ и его сыновья. Изгнаніе Гиппія. Клисеентъ.

Умственная жизнь Греціи предъ началомъ Персидскихъ войнъ. Лирика. Фи-лософія. Начатки исторіи.

Востаніе мало-азіатскихъ грековъ. Вмѣшательство Аѳинъ. Первыя пред-пріятія персовъ противъ собственной Греціи. Мардоній. Мараонская битва. Миллѣтиадъ. Фемистокль и Ариэтидъ. Походъ Ксеркса. Пораженіе персовъ. При-чины и результаты этихъ событій. Нравственное превосходство грековъ надъ врагами. Перемиѣна отношеній между греческими республиками. Образованіе оююза, во главѣ котораго становятся Аѳины. Зависть Спарты. Продолженіе войны съ персами. Кимонъ. Внутренняя исторія Греціи. Периклъ. Его характеръ и значеніе. Аѳины на высшей степени могущества. Причины Пелопонесской войны.

Исторія Пелопонесской войны. Походъ афинявъ въ Сицилію. Исторія этого острова. Сиракузы. Участіе персовъ въ междоусобицахъ грековъ. Алкивиадъ и Лизандръ представители нравственнаго состоянія тогдашнихъ Афинъ и Спарты. Паденіе Афинъ. 30 тирановъ. Возстановленіе прежнихъ формъ правленія. Взглядъ на умственную жизнь Греціи отъ начала Персидской до конца Пелопонесской войны. Сократъ и Аристофанъ. Исторія Греціи до войны Фивъ съ Спартою. Отношеніе къ персамъ. Агезилай. Эпаминондъ. Отличіе его отъ прежнихъ государственныхъ людей Греціи. Неудачная попытка возстановить на новыхъ философскихъ основаніяхъ разрушавшійся политическій бытъ. Безсиліе отдѣльныхъ республикъ послѣ Мантинейской битвы. Фессалия. Священная война. Македонія. Ея вѣдательство въ дѣла Греціи при Филиппѣ. Филиппъ. Демосоевъ и Фокіонъ. Послѣднія усилія старой Греціи. Битва Херонейская. Александръ Великій. Его войны и планы. Характеръ его завоеваній. Распространеніе эллинизма. Платонъ и Аристотель. Войны полководцевъ Александра.

Государства, образовавшіяся изъ Александровой монархіи. Египеть. Сирія. Государства въ Малой Азіи. Македонія. Греція. Союзы Этольскій и Ахейскій. Александрійскій періодъ науки. Окончательный выводъ изъ греческой исторіи.

Италія въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Древнее народонаселеніе края. Начало Рима. Періодъ царей. Мнѣнія Нибура и О. Мюллера. Патриціи и плебеи. Законодательство Сервія Туллія. Изгнаніе царей. Аристократическая республика. Угнетеніе плебеевъ. Войны съ сосѣдними племенами. Учрежденіе трибуната. Споръ патриціевъ съ плебеями. Децемвиры. Законы XII таблицъ. Двойная борьба: внутренняя и внѣшняя. Наступленіе галловъ. Законы Лицинія. Покореніе Италіи. Вѣдательство Пирра. Столкновеніе съ Карфагеномъ. Римъ предъ началомъ Пуническихъ войнъ. Важность Пуническихъ войнъ. Исторія двухъ первыхъ Пуническихъ войнъ. Аннибалъ. Его великіе замыслы. Опасность, грозившая Риму. Побѣда Рима надъ Аннибаломъ въ Азіи. Вліяніе этихъ завоеваній на римскую жизнь. Сципіонъ и Катонъ, представители древнихъ и новыхъ идей. Упадокъ плебейскаго сословія. Правы; религія; литература; право. Вліяніе Греціи. Цензура Катона. Усилія его безплодны. Попытки великихъ гражданъ примирить новыя идеи съ древнею нравственностію. Сципіонъ младшій. Возстаніе рабовъ. Понятіе объ античномъ рабствѣ. Оно усложнялось язычествомъ. Возстаніе римскихъ рабовъ въ 132 году. Гракхи и аграрные законы. Характеристика Гракховъ и оцѣнка ихъ намѣреній. Аристократическое противодѣйствіе. Война съ Югуртою. Марій. Появленіе новыхъ народовъ въ исторіи. Бимбры и Тевтоны. Побѣды Марія. Новое возстаніе рабовъ. Война союзническая: ея причины, ходъ и результатъ. Вражда между новыми и прежними гражданами. Борьба Марія съ Суллою. Смерть перваго. Возстаніе угнетенныхъ провинцій. Война съ Митридатомъ. Диктатура Суллы. Прокришціи. Законодательныя реформы. Возвратъ къ прошедшему. По смерти Суллы Помпей защищаетъ его учрежденія. Война съ Серторіемъ. Возстановленіе трибуната. Бонецъ войны съ Митридатомъ. Цезарь и Катилина. Эти два явленія характеризуютъ римское общество въ эпоху, о которой идетъ рѣчь. Цицеронъ консулъ. Заговоръ Катилины. Катонъ. Брассъ. Политика Цицерона. Первый триумvirъ. Консулъство Цезаря. Клодій. Изгнаніе Цицерона. Удаленіе Катона. Законы Цезаря. Его характеръ. Война галльская. Слава Цезаря. Римъ во время его отсутствія. Борьба между Цезаремъ и Помпеемъ. Характеристика враждебныхъ партій, Пораженіе и смерть Помпея. Войны Александрійская, Африканская и

Испанская. Великіе планы и идеи Цезаря. Брутъ и защитники стараго порядка. Смерть Цезаря. Невозможность дальнѣйшаго существованія республики. Состояніе Рима—въ это время. Нравы. Образованность. Литература. Брутъ и его партія. Второй триумвиратъ. Антоній и Октавій. Августъ. Его личность и планы. Измѣненія въ Римѣ. Исторія императоровъ Августова дома. Состояніе древняго міра въ I столѣтіи по Р. Х. Веспасіанъ и смѣныя его. Траянъ. Антонины. Золотой вѣкъ имперіи. Характеръ этого періода. Образованность. Литература. Паденіе древнихъ вѣрованій и формъ. Скорбь отходящаго языческаго міра. Сенека, Плиній, Тацитъ. Имперія до Константина Великаго.

Начало христіанской церкви. Явленіе Христа. Апостолы. Гоненія на христіанъ. Устройство церкви въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ. Начало ересей. Константинъ Великій отрываетъ имперію отъ языческихъ и республиканскихъ преданій. Никейскій соборъ. Монашество. Церковная литература. Паденіе язычества. Юліанъ отступникъ.

Германія. Обзоръ германскаго міра. Бытъ и учрежденія германскихъ племенъ. Отношенія къ Римской имперіи. Нашествіе гунновъ. Происхожденіе этого народа. Бѣдствія Восточной имперіи. Феодосій Великій. Окончательное раздѣленіе имперіи. Постепенное занятіе римскихъ провинцій германскими дружинами. Атила. Паденіе Гунскаго государства. Паденіе Западной имперіи.

Исторія среднихъ вѣковъ. Общій характеръ этого періода. Отличія отъ древней и новой исторіи. Основаніе германскихъ государствъ на римской почвѣ. Англо-саксы. Вандалы. Вестъ-готы. Остъ-готы. Бургунды. Франки. Туринги. Вліяніе церкви и римскихъ идей. Отношенія государей къ германской дружинѣ и новымъ подданнымъ.

Византійская имперія. Ея значеніе въ исторіи среднихъ вѣковъ. Отношенія къ славянскимъ племенамъ. Религіозные споры. Юстиніанъ. Партія цирка. Законодательство. Мысль о возстановленіи прежней имперіи. Завоеванія. Паденіе царствъ Вандальскаго и Остъ-Готскаго. Преемники Юстиніана. Лонгобарды въ Италіи. Персы. Ираклій.

Исламъ. Аравія до Магомета. Магометъ. Его ученіе. Коранъ. Калифатъ. Завоеваніе арабовъ. Расколъ. Оммайдяды. Появленіе арабовъ въ Европѣ. Войны съ Византією. Положеніе Византіи. Паденіе Вестъ-Готскаго государства. Магометанская образованность. Противоположность ея христіанству и безконечное превосходство послѣдняго. Аббасиды. Распаденіе калифата.

Государство франковъ при Меровингахъ. Палатныя мэры. Упадокъ королевской власти. Каролинги. Карлъ Мартелъ. Опасность, угрожающая христіанской Европѣ. Побѣды Карла надъ арабами и германскими язычниками. Св. Бонифацій. Пепинъ короткій. Низложеніе Меровинговъ.

Положеніе Европы предъ вступленіемъ на престолъ Карла Великаго. Германскія и славянскія языческія племена. Византійская имперія. Иконоборство. Отпаденіе Италіи отъ Византіи. Римскіе папы. Ихъ отношенія къ лонгобардамъ.

Карлъ Великій. Его войны. Характеръ и результатъ этихъ войнъ. Марки,

Восстановленіе Западной имперіи. Законодательство. Заботы Карла о распространеніи образованности.

Распаденіе Каролинскаго государства. Лудовикъ Благочестивый и его сыновья. Договоръ Вердунской. Раздѣлъ Имперіи по низложеніи Карла Толстаго. Норманы. Славяне. Мадьяры.

Возрастаніе папской власти. Ложныя декретагіи.

Скандинавскій полуостровъ. Исландія. Открытія. Завоеванія нормановъ. Исторія англо-саксовъ до появленія датчанъ. Альфредъ Великій. Его ученая дѣятельность. Кануть Великій.

Норманы во Франціи. Покореніе ими Англіи. Норманы въ южной Италіи. Начало Русскаго государства.

Пресѣченіе Каролинскаго рода въ Германіи. Императоры саксонской династіи. Обзоръ германскихъ герцогствъ. Оттонъ Великій. Отраженіе мадьяровъ. Походы въ Италію. Состояніе Рима. Подчиненіе папства императору. Франконская династія. Генрихъ III. Малолѣтство Генриха IV.

Франція при первыхъ Капетингахъ. Филиппъ I.

Пиринейскій полуостровъ. Образованіе христіанскихъ государствъ на сѣверѣ. Паденіе Кордовскаго калифата.

Восточная Европа. Россія. Остальныя славянскія государства.

Составныя ступени средневѣковой общественности: феодализмъ (рыцарство); городъ (община); церковь. Здѣсь должно показывать, что такихъ явленій, какъ феодализмъ, у насъ не было вовсе, а церковь и города носили совсѣмъ другой характеръ.

Споръ между императорскою и папскою властію. Значеніе этого спора. Теорія средневѣковыхъ властей. Григорій VII и Генрихъ IV. Генрихъ V.

Крестовые походы. Причины этого движенія заключались не въ однихъ религиозныхъ побужденіяхъ, а въ хаотическомъ состояніи общества, котораго отдѣльные элементы надѣялись осуществить свои цѣли внѣ Европы, на почвѣ, завоеванной общими усиліями и освященной земною жизнію Спасителя.

Внѣ Гогенштауфеновъ. Вельфы и Вайблинги (Гибелины). Конрадъ III. Второй крестовый походъ. Фридрихъ I (Барбаросса). Его цѣли и характеръ. Борьба съ лонгобардскими городами. Вмѣшательство папъ. Миланъ. Битва при Леньяно. Генрихъ Гордый. Костницкій миръ. Государство нормановъ въ южной Италіи. Крестовый походъ и смерть Фридриха I. Генрихъ VI. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV. Иннокентій III. Фридрихъ II, величайшій изъ Гогенштауфеновъ. Его борьба съ папами и городами сѣверной Италіи. Четвертый и пятый крестовый походъ. Латинскіе императоры въ Византіи. Гибель Гогенштауфеновъ. Манфредъ. Конрадинъ. Упадокъ папства и императорской власти. Крестовые походы Лудовика IX. Монголы въ Азіи. Паденіе христіанскихъ государствъ на востоцѣ.

Франція до смерти Лудовика IX. Утвержденіе монархической власти. Англія отъ смерти Вильгельма завоевателя до Эдуарда I. Великая хартія. Парламентъ. *Пиринейскій полуостровъ* до конца XIII столѣтія. *Скандинавскій полуостровъ.* *Венгрія* и *славянскія земли.* Покореніе Россіи монголами.

Наука, литература и искусство среднихъ вѣковъ. Университеты.

Вліяніе крестовыхъ походовъ. Разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни.

Состояніе Германіи послѣ Гогенштауфеновъ. Союзы городовъ. Ганза. Междуцарствіе. Рудольфъ Габсбургскій. Его преемники. Швейцарія. Отношеніе къ Италіи. Генрихъ VII. Домъ Люксембургскій. Домъ Австрійскій: Максимилианъ I. Италія въ XIV и XV вѣкѣ.

Франція и *Англія* въ XIV и XV вѣкѣ. Филиппъ Красивый. Домъ Валуа. Войны

Франція съ Англією. Дѣла Орлеанская. Карлъ VII. Лудовикъ XI. Война алой и бѣлой розы. Генрихъ VII.

Ирландскій полуостровъ. Фердинандъ и Изабелла. Иоаннъ II въ Португаліи.

Скандинавскій полуостровъ до Христіана II.

Славянскія земли до исхода XV вѣка. Венгрія. Россія до Иоанна IV.

Византійская имперія и турки. Османн. Взятіе Константинополя. Магометъ II.

Упадокъ западной церкви. Расколъ. Соборы въ началѣ XV вѣка. Предрѣшныя реформаціи.

Умственное движеніе въ XIV и XV вѣкѣ. Литература. Возвращеніе къ классической древности. Изобрѣтеніе книгопечатанія.

Открытія и изобрѣтенія. Порохъ. Компасъ. Открытіе пути въ Востъ-Индію. Открытіе Америки. Вліяніе этихъ явленій на общество.

Новая исторія. Характеристическія отличія исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Преобладаніе монархическаго и національнаго начала.

Состояніе Европы въ исходѣ XV вѣка. Итальянскія войны. Карлъ VIII. Лудовикъ XII. Вѣнзательство Испаніи. Упадокъ Венеціи. Уклоненіе папства отъ своего назначенія. Швейцарцы. Францъ I. Битва при Мариньяно. Значеніе Итальянскихъ войнъ. Макіавелли.

Начало религиознаго движенія въ Германіи. Связь съ предыдущими явленіями. Борьба старихъ и новыхъ мнѣній. Рейхлинъ. Эразмъ Роттердамскій. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Левъ X. Лютеръ. Ученіе объ индульгенціяхъ. 96 положеній. Начало и ходъ реформаціи. Смерть Максимилиана. Избраніе Карла V. Могущество австрійскаго дома. Вормскій сеймъ. Переводъ священнаго писанія Лютеромъ во время егo заключенія въ Вартбургъ. Меланхтонъ. Волненіе въ народѣ. Восстаніе имперскаго рыцарства. Крестьянская война. Секуляризація Пруссіи. Война Франца съ Карломъ V. Участіе Англіи. Битва при Павіи. Мадридскій договоръ. Конетабль Бурбонъ.

Взятіе Рима императорскими наемниками. Новая война съ Францією. Миръ Камбрійскій. Распространеніе новыхъ ученій въ Германіи.

Сеймы. Протестація 1529. Аугсбургское исповѣданіе. Нюрнбергскій религиозный миръ. Ульрихъ Цвинглии швейцарскій реформаторъ. Его дѣятельность и смерть. Отношенія къ Лютеру. Политическая дѣятельность Карла V. Солиманъ Турецкій. Походы въ Тунисъ и Алжиръ. Третья война съ Францією. Филиппъ Гессенскій. Анабаптисты. Усилія императора примирить католиковъ и протестантовъ. Попытка къ соглашенію обѣихъ партій въ Регенсбургѣ. Послѣдняя война съ Францомъ. Миръ въ Брессіи. Смалькальденская война. Пораженіе протестантовъ. Тридентскій соборъ. Аугсбургскій interim. Магдебургъ. Морицъ Саксонскій. Перемиріе въ Нассау. Смерть Морица. Бесѣліе Карла. Аугсбургскій миръ. Карлъ слагаетъ съ себя корону. Фердинандъ I и Филиппъ II.

Ходъ реформаціи въ остальной Европѣ. Кальвинъ въ Женевѣ. Характеръ и распространеніе кальвинизма. Генрихъ VIII въ Англіи. Начало англиканской церкви. Эдуардъ II. Марія Тюдоръ. Временное возстановленіе католицизма. Елисавета. Христіанъ II въ Даніи и Швеціи. Окончательный разрывъ Кальмарскаго союза. Густавъ Ваза. Ганза. Реформація на Скандинавскомъ северѣ. Польша.

Противодѣйствіе католицизма. Орденъ іезуитовъ. Тридентскій соборъ. Дѣятельность папъ.

Филиппъ II. Объемъ его владѣній. Завоеванія испанцевъ въ новомъ мірѣ.

Миръ съ Франціею. Планы Филиппа. Война съ Нидерландами. Вильгельмъ Оранскій. Вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ. Армада. Упадокъ Испанія. Португалія. Независимость Нидерландовъ. Ихъ торговля и сила на морѣ. Дортрехтскій соборъ.

Исторія Франціи при послѣднихъ Валуа. Религіозныя войны. Гизы. Екатерина Медичи.

Вареоломеевская ночь. Генрихъ Наварскій. Лига. Генрихъ IV. Возстановленіе покоя во Франціи.

Англія при Елисаветѣ. Религіозныя партіи. Шотландія. Марія Стюартъ. Величіе Англіи, которая становится во главѣ протестантской Европы. Смерть Елисаветы. Взглядъ на тогдашнее состояніе Англіи.

Европа предъ 30-ти лѣтнею войною. Императоръ Рудольфъ. Унія и лига. Матвѣй. Начало войны въ Чехіи. Фердинандъ II. Фридрихъ V Пфальцскій. Битва при Бѣлой горѣ. Сила лиги и Максимилиана Баварскаго. Тилли и Мансфельдъ. Валленштейнъ. Вмѣшательство Даніи. Могущество Австріи. Реституціонный эдиктъ. Удаленіе Валленштейна. Швеція. Густавъ Адольфъ въ Германіи. Его побѣды, дѣла и смерть. Валленштейнъ. Гейльбронскій союзъ. Явное участіе Франціи. Бернардъ Саксенъ-Веймарскій. Жестокій характеръ войны. Вестфальскій миръ и его послѣдствія.

Христина Шведская. Карлъ X. Война съ Польшею и съ Даніею. Измѣненіе государственныхъ учрежденій на Скандинавскомъ сѣверѣ.

Англія при первыхъ Стюартахъ. Слабость Якова I. Умственная жизнь въ Англіи. Шекспиръ. Баконъ. Религіозное броженіе. Карлъ I. Первые парламенты. Страфордъ. Шотландія. Долгіи парламенты. Междоусобія. Характеристика партій. Смерть Карла. Республика. Возстановленіе Стюартовъ. Испанія при Филиппѣ III и Филиппѣ IV. Отпаденіе Португаліи. Карлъ II. Франція. Укрѣпленіе монархической власти. Сюлли. Ришелье. Мазарини. Вѣкъ Лудовика XIV:

1) Внутреннее состояніе Франціи при Лудовикѣ XIV. Централизація. Промышленность и благосостояніе народа (Кольберъ). Отмѣна Нантскаго эдикта. Упадокъ въ концѣ царствованія. Умственная жизнь. Вліяніе на Европу.

2) Обзоръ исторіи европейскихъ государствъ въ это время. Отношеніе ихъ ко Франціи. Великая роль Нидерландовъ. Курфирсть Бранденбургскій. Паденіе Стюартовъ. Вильгельмъ Оранскій. Испанія.

3) Обзоръ войнъ Лудовика XIV. Ослабленіе Франціи. Мирн Утрехтскій и Раштатскій. Смерть короля. Регентство герцога Орлеанскаго. Кардиналъ Флеріи.

Сѣверная война. Обзоръ русскои исторіи до Петра Великаго. Вступленіе Россіи въ систему сѣверныхъ государствъ. Здѣсь необходимо показать различіе между развитіемъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Характеръ русскаго самодержавія. Исторія сѣверной войны, излагаемая подробно въ учебныхъ книгахъ русскои исторіи, можетъ быть изложена короче. Упадокъ Швеціи.

Борьба съ средневѣковыми идеями и учрежденіями. Французскіе писатели XVIII вѣка. Возвышеніе Пруссіи. Великій курфирсть и его преемники. Фридрихъ Великій. Состояніе Германіи при его вступленіи на престолъ: 1) гражданскій бытъ, 2) образованность. Вліяніе Франціи. Войны Австріи съ турками. Война за австрійское наслѣдство. Война семилѣтняя. Пруссія въ послѣдніе годы Великаго Фридриха. Германія.

Россія отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II. Вѣкъ Екатерины. Возрастающее вліяніе Россіи. Раздѣлъ Польши.

Скандинавскій полуостровъ. Струензе: Густавъ III.

Англія при Ганноверскомъ домѣ. Развитіе учрежденій. Отпаденіе Америки. Востъ-Индіа.

Испанія при Бурбонахъ. Португалія. Италія. Турція. Внутреннія преобразованія въ европейскихъ государствахъ.

Исторія революцій. Изложеніе причинъ: порча нравовъ; вліяніе вредныхъ сочиненій, безпечность правительства во Франціи. Запутанные финансы.

Событія революціоннаго періода должны быть разсказаны кратко, но отчетливо, такъ чтобы ученікъ могъ видѣть внутреннюю связь явленій. Крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ быть доведено изложеніе событій въ учебной книгѣ всеобщей исторіи, должно принять 1815 годъ.

Предъ каждымъ отдѣломъ должны быть приведены лучшія, относящіяся къ этому отдѣлу, историческія сочиненія.

Т. Грановскій.

Прошло 15 лѣтъ съ того времени, какъ Грановскій составилъ свою программу, но вопросъ объ историческомъ учебникѣ у насъ не подвинулся далеко. Программа была одобрена, и министерство возложило на самаго же ея составителя приготовить учебникъ на изложенныхъ имъ въ программѣ основаніяхъ, «съ обязательствомъ подвергнуть оный предварительному розсмотрѣнію министерства». Что же касается до упоминаемой въ запискѣ исторической хрестоматіи, то къ составленію ея рекомендовалось приступить не прежде какъ по изданіи самаго учебника. Но Грановскій не успѣлъ, къ сожалѣнію, исполнить даннаго ему порученія.

Припоминая сказанное нами выше о характерѣ эпохи, въ которую Грановскій долженъ былъ высказать руководящія начала для составленія историческаго учебника, мы не можемъ не отдать справедливости той твердости характера, съ которою онъ осудилъ всякое намѣреніе обмануть учащагося, скрывая отъ него или представляя ему въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящія подъ точку зрѣнія, которая можетъ быть заказана автору, или которую иной догадливый пойметъ безъ заказа, зная, что въ извѣстную эпоху могутъ отъ него требовать. Его указаніе на австрійскіе учебники исторіи и вообще на прежнюю австрійскую методу дѣлать изъ воспитанія политическое орудіе, не могло не быть убѣдительно. Нѣтъ ничего также справедливаго того мнѣнія Грановскаго, что всякій губительный духъ въ учащихся развивается не въ школѣ: школа только помогаетъ этому развитію, заставляя искать истины внѣ школы, и часто не въ лучшихъ источникахъ; только «честнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ науки», говоритъ Грановскій, можно предупредить смуту, зарождающуюся иногда въ умахъ.

Въ программѣ всеобщей исторіи у Грановскаго мы замѣчаемъ одну важную особенность, а именно желаніе слить органически преподаваніе отечественной и всеобщей исторіи, и чрезъ то, такъ сказать, ввести русскую исторію въ семью прочихъ народовъ человѣчества. Мы даже находимъ, что Грановскій въ этомъ отношеніи не совершенно отрѣшился отъ прежняго метода и ввелъ отечественную исторію до-

волью поздно, а именно по окончаніи курса древней исторіи, начинающая съ эпохи Карла Великаго, подъ рубрикою: Восточная Европа. Главное правило при обученіи и вообще при передачѣ познанія состоитъ въ томъ, чтобы начинать съ сколько нибудь извѣстнаго и потомъ переходить въ извѣстномъ порядкѣ къ неизвѣстному, которое связано чѣмъ нибудь съ тѣмъ извѣстнымъ. Намъ всегда казалось потому страннымъ начинать преподаваніе исторіи съ Ассиріи или Вавилоніи; Грановскій начинаетъ покрайней мѣрѣ съ Китая: это лучше уже потому, что, при всей своей древности, Китай существуетъ и въ настоящее время. Точно также средневѣковый приемъ начинать всякую исторію съ исторіи евреевъ имѣлъ свое преимущество, хотя невольно давалъ невѣрную и одностороннюю идею объ историческомъ порядкѣ событій и ихъ внутреннемъ сдѣвленіи. Но почему каждому народу не начинать всеобщую исторію собственною исторіею? Если исторія своего народа не представляетъ китайской древности, то земля у всѣхъ можетъ считаться одинаково древнею. Между тѣмъ такое начало несравненно вразумительнѣе общепринятаго; въ тѣ лѣта, когда начинаютъ учиться исторіи, умъ учащагося не представляется уже *tabula rasa*; онъ знаетъ современность на столько, чтобы понять, что окружающее его не всегда существовало въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ настоящую минуту. И такъ, исторія своей земли, исторія территоріи отечества есть самое естественное начало для всеобщей исторіи и переходъ ко всему остальному. Нѣкоторыя мѣстности нашего отечества, заселенныя абориченами, какъ напр. кочующія племена, племена финскія, и сибирскія представляютъ еще и теперь картину самаго древняго быта. Такимъ образомъ, избравъ исторію своей земли за естественную основу, можно параллельно и сравнительно съ нею вводить исторію другихъ странъ до тѣхъ поръ пока исторія Россіи не сливается съ исторіею остальной Европы въ одну цѣлую и неразрывную систему.

Грановскій не объясняетъ, почему крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ быть доведено изложеніе событій въ учебной книгѣ всеобщей исторіи, должно принять 1815 годъ. Въ наше время это еще менѣе важно, такъ какъ теперь отъ порядка, установленнаго Вѣнскимъ трактатомъ, не остается почти и тѣни. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ постановить скорѣе правиломъ, что курсъ историческій долженъ подводить учащагося по крайней мѣрѣ къ предѣламъ извѣстнаго ему курса политической географіи, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи, какъ описаніе не только политическаго вида, но и промышленнаго, общественнаго и культурнаго состоянія. Безъ этого всегда останется въ представленіи учащагося какая то пустыня между тѣмъ, что онъ узналъ изъ политической географіи, и тѣмъ, что ему говоритъ конецъ историческаго учебника.

Судя по отзывамъ преподавателей исторіи мы и по настоящее

время не можем назвать ни одного изъ существующихъ учебниковъ вполне удовлетворительнымъ. Едва ли этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ конкурсами. Самая идея конкурса предполагаетъ до извѣстной степени такое обиліе трудящихся силъ, что необходимо рѣшить вопросъ объ относительномъ ихъ достоинствѣ состязаніемъ. У насъ пришлось бы открыть состязаніе именно потому, что нѣтъ желающихъ посвятить себя на такую работу. Оттого у насъ конкурсъ всегда приводитъ къ одному результату, къ удостовѣренію въ томъ, въ чемъ мы и безъ конкурса не сомнѣваемся, а именно, что нѣтъ желающихъ участвовать въ конкурсѣ.

По нашему убѣжденію, вопросъ объ историческихъ учебникахъ едва ли можетъ быть благополучно разрѣшенъ прямыми усиліями администраціи и даже денежными пожертвованіями съ его стороны, какъ бы послѣднія ни были значительны при назначеніи конкурсовъ. Косвенное вспомошествованіе было бы гораздо дѣйствительнѣе, а подъ этимъ мы разумѣемъ содѣйствіе со стороны подлежащаго вѣдомства преподавателямъ исторіи, которые одни могли бы заняться составленіемъ учебниковъ, пригодныхъ для класснаго руководства. Между тѣмъ у насъ преподаватель, посвящающій свой досугъ на педагогическую литературную дѣятельность, до чрезвычайности рѣдокъ, и главная причина того заключается не въ томъ, чтобы не нашлось людей способныхъ и усердныхъ, но сѣсть за трудъ безъ малѣйшей надежды найти себѣ издателя — было бы подвигомъ, котораго нельзя ни требовать, ни ожидать. Собственныя же средства преподавателей далеко не таковы, чтобы они могли быть въ одно и тоже время авторами и издателями. Въ этомъ отношеніи, самое незначительное пожертвованіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія принесло бы огромную пользу; притомъ, деньги по изданію могли бы возвращаться или сполна, или частью. Для преподавателей довольно имѣть въ перспективѣ возможность издать свой трудъ, чтобы они мало по малу принялись за литературную обработку своихъ практическихъ занятій. Въ Германіи нѣтъ почти ни одного преподавателя, который въ теченіе своей карьеры не озаботился бы составить руководство, не смотря на обиліе хорошихъ изданій по его предмету. Между массою нѣмецкихъ учебниковъ, конечно, большинство весьма посредственное, но въ Германіи никогда не встрѣчаютъ съ такимъ озлобленіемъ новый учебникъ, какое мы видимъ у себя. Доказательствомъ того служить нонѣйшій трудъ г. Овсянникова, едва ли не единственнаго преподавателя, который обратился къ литературной дѣятельности. Какъ бы ни были велики недостатки руководства г. Овсянникова, мы всегда найдемъ возможность отнестись съ уваженіемъ къ тому лицу, которое не ограничилось однимъ тѣснымъ исполненіемъ своего долга, и предпочтемъ болѣе трудное дѣло, указаніе достоинствъ — самому легкому, а именно подбору

недостатковъ. Впрочемъ, въ литературахъ болѣе бѣдныхъ и тощихъ всегда обнаруживаются и большее озлобленіе — результатъ литературнаго худосочія.

Знакома теперь нашихъ преподавателей съ программой, составленною Грановскимъ, мы имѣли въ виду доставить имъ возможность принять въ соображеніе этотъ трудъ, который во многомъ не утратилъ и до сихъ поръ своего интереса.

М. Стасюлевичъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Сентябрь. 1866.

Когда пятьдесят лѣтъ тому назадъ, въ 1816 году, Германія окончательно свергла съ себя иго чужеземнаго господства, когда все ликовало и восторгалось въ упоеніи отъ завоеванной кровью національной независимости, Гегелю пришлось отрываться въ Гейдельбергъ курсъ вступительною рѣчью. Профессоръ, оглядываясь на славное прошедшее, объявилъ, что главная выгода возвращенной независимости состоитъ въ томъ, dass die Deutschen sich nun wieder dem Aufbehahren des heiligen Feuers der Philosophie hingeben könnten, т. е., «что нѣмцы снова могутъ предаться храненію священнаго огня философіи». Можеть ли философія выразить въ наше время подобныя же надежды послѣ услугъ, оказанныхъ Пруссіею Германіи? Это вопросъ, окончательное разрѣшеніе котораго возможно въ будущемъ, теперь же о немъ можно судить приблизительно по обстоятельствамъ, вызвавшимъ послѣднюю борьбу Австріи съ Пруссіею, сопровождавшимъ ее, и заключившимъ, если только это заключеніе окажется прочнымъ на практикѣ.

Въ эти три мѣсяца, или вѣрнѣе сказать, въ нѣсколько дней изъ этихъ трехъ мѣсяцовъ, центръ Европы былъ потрясенъ до основанія, и потому почти буквально справедливо назвали послѣднюю борьбу Австріи съ Пруссіею «Семидневною войною», въ противоположность такой же борьбѣ и между тѣми же государствами, которой сто лѣтъ тому назадъ дали названіе «Семилѣтней войны». Общественное мнѣніе находится еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ необыкновеннаго успѣха одной стороны, чтобы дать себѣ ясный отчетъ и относительно причинъ совершившагося переворота и возможныхъ его результатовъ въ будущемъ.

Если разсматривать Германскій союзъ, какъ государственное тѣло, подобное которому представляютъ Сѣверо-Американскіе штаты, то

Пруссія и Австрія являются, наравнѣ со всякимъ другимъ членомъ союза, простыми его штатами. Въ такомъ случаѣ, война Пруссіи съ Австріею и Германскимъ союзомъ есть собственно мятежь одного штата противъ остального государства. Если бы Германскій союзъ одержалъ надъ возмущившимся сѣверомъ верхъ, то мы увидѣли бы повтореніе того, что случилось съ южными штатами Америки по усмиреніи ихъ сѣверомъ. Таково внѣшнее сходство двухъ аналогическихъ событій, съ точки зрѣнія государственнаго права: Пруссія нарушила точно также это право, какъ нарушили его южные штаты Америки. Однимъ словомъ, война Австріи съ Пруссіею была не международная, но гражданская война. Европа и отнеслась къ ней, какъ къ войнѣ гражданской, какъ она отнеслась и къ междоусобию въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Исключеніе дозволено было для одной Италіи на совершенно особенномъ основаніи: Пруссія объявила себя въ пользу реформы Германскаго союза съ тѣмъ, чтобы германская нація составляла одно твердое политическое тѣло, и слѣдовательно, она тѣмъ самымъ какъ бы не допускала, чтобы какою нибудь штатъ Германскаго союза владѣлъ землями другого языка; такъ явилась общность интересовъ Пруссіи и Италіи, которая давно домогалась получить отъ Австріи Венецію.

Но, въ практикѣ, принципамъ часто слѣдуютъ только до тѣхъ поръ, пока они служатъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а потому всѣ принципы въ практикѣ собственно не суть принципы. Если Пруссія помогала Италіи въ завоеваніи Венеціи у Австріи, то она должна была, на примѣръ, подать помощь Даніи противъ самой себя, чтобы дать ей возможность овладѣть сѣвернымъ Шлезвигомъ, и Франціи пришлось бы помогать Австріи удержатъ Венецію, такъ какъ она удерживаетъ Эльзасъ, въ противность принципамъ національностей. Однимъ словомъ, гражданская война въ Германіи должна была бы собственно повести къ всеобщей международной войнѣ въ Европѣ, но на дѣлѣ все ограничилось только одною международною войною Австріи и Германскаго союза съ Италіею. Эту аномалію объяснить позднѣйшая исторія и покажетъ, почему для Италіи было сдѣлано исключеніе изъ всеобщаго невмѣшательства остальной Европы. Въ настоящее время, такое исключеніе можетъ только свидѣтельствовать, что невмѣшательство самыхъ вліятельныхъ государствъ было только новою формою вмѣшательства, быть можетъ, худшею самаго открытаго вмѣшательства, и именно такимъ явилось невмѣшательство Франціи въ междоусобіе Германскаго союза. Притомъ, самое вмѣшательство Италіи, при ея зависимости отъ французской политики, могло быть разсматриваемо, какъ замаскированное вмѣшательство самой Франціи. Наконецъ, Пруссія могла свободно выполнитъ то, о чемъ она иначе не осмѣливалась бы думать, и остановилась опять тогда, когда именно

казалось, что довершенія нѣмецкаго вопроса можно было достигнуть одною военною прогулкою въ Вѣну и Мюнхенъ. Предложенныя услуги Россіею были отвергнуты, что опять намекаетъ только на то, что она не участвовала въ политической игрѣ, предшествовавшей военному столкновению, и слѣдовательно, могла бы слишкомъ искренне держаться интересовъ Германскаго союза. Однимъ словомъ, все убѣждаетъ, что война имѣла далеко не чисто-германскій характеръ: Италия была спущена на Австрію, и таже рука прикрыла Австрію отъ Пруссіи, когда германское дѣло начало принимать слишкомъ самостоятельный характеръ. Очевидно, надъ частными планами войны, который серьезно выполняли прусскіе и итальянскіе стратеги, господствовалъ другой общій планъ, не вполне зависѣвшій отъ нихъ. Все это предстоитъ распутать или позднѣйшимъ историкамъ, или ближайшимъ фактамъ, которые, какъ говорится, выведутъ на чистую воду то, что составляетъ пока предметъ кабинетскихъ тайнъ. Весь вопросъ въ томъ, окажется ли возможнымъ держать Пруссію въ такомъ почтительномъ повиновеніи, въ какомъ находилась въ послѣднее время Италия, которой было сказано однажды: *non plus ultra!* Но для рѣшенія этого вопроса нужно принять въ соображеніе духъ нѣмецкой націи, ея предшествовавшую исторію, и провидѣть, найдетъ-ли Германія для себя лучшихъ руководителей, нежели какими явились преемники Кавура въ Италиі.

Разсматривая настоящую войну съ чисто-германской точки зрѣнія, слѣдовательно, какъ внутренній переворотъ, который страна не могла рѣшить, къ сожалѣнію, какъ это не рѣдко случается, безъ кроваваго междоусобія, безъ ордалій, мы поражаемся опять той же двойственностью. Единство Германіи не есть идея собственно прусскаго правительства; она развилась въ самой націи и составляетъ ее внутреннюю потребность; еще не такъ давно прусское правительство само душило своими руками поползновеніе къ осуществленію этой идеи. Теперь Пруссія становится во главѣ агитаціи въ пользу единства Германіи. Наконецъ, одержана побѣда, и оказывается, по словамъ прусскихъ правительственныхъ органовъ, что побѣда одержана вовсе не надъ одними внѣшними врагами, т. е. тѣми нѣмецкими правительствами, которыя вредили національному единству, но и еще надъ внутренними врагами Пруссіи, т. е. надъ своими собственными подданными. Но въ такомъ случаѣ поглощеніе Пруссіею Германіи и увеличеніе числа ея подданныхъ не будетъ ли въ то же время и увеличеніемъ внутреннихъ враговъ Пруссіи? Прусскіе официальныя органы сознаются, что увеличеніе политическаго могущества Пруссіи пришлось ей кстаті для укрощенія внутреннихъ враговъ, а слѣдовательно, часть силъ правительства должна пойти противъ своихъ собственныхъ подданныхъ, масса которыхъ значительно увеличилась.

Наконецъ, съ чѣмъ и съ кѣмъ боролось прусское правительство въ своей войнѣ противъ остальныхъ членовъ Германскаго союза? Внутреннее состояніе штатовъ Германскаго союза, какъ напримѣръ, Бадена, Баваріи, Гессенъ-Дармштадта, никакъ не можетъ быть сравниваемо съ итальянскими государствами до объединенія Италіи съ Сардиніею. Прежніе австрійскіе васаллы въ сѣверной Италіи и неаполитанскіе Бурбоны не представляютъ и тѣни сходства съ малогерманскими правительствами; а потому Пруссія не боролась съ деспотизмомъ мелкихъ владѣтелей, державшихъ свою страну въ цѣпяхъ рабства и невѣжества; даже наоборотъ, такое правительство, какъ напримѣръ, баденское, могло бы многому научить прусское правительство. Однимъ словомъ, Германіи оказался нужнымъ переворотъ не для внутреннего прогресса, не для большаго развитія гражданственности, но для вышнихъ цѣлей, напримѣръ, для пріобрѣтенія политической силы, чтобы быть независимой отъ вліянія такихъ сплоченныхъ массъ, какъ Франція; въ отношеніи внутреннемъ, Пруссія могла опять желать только большаго силы противъ своихъ внутреннихъ враговъ, которые въ то же время жарко преслѣдуютъ мысль объединенія Германіи. Что же представила намъ на дѣлѣ послѣдняя борьба? Французскій имперіализмъ говоритъ съ теплотою о германскомъ единствѣ, которое въ Германіи понимаютъ какъ средство къ обузданію этого французскаго имперіализма; либералы въ Германіи ратуютъ за Пруссію въ ея усиліяхъ объединить Германію, что прусскому правительству представляется вѣрнымъ средствомъ къ обузданію этой либеральной партіи. При такомъ положеніи дѣлъ, всякій миръ для послѣдующей и можетъ быть даже весьма близкой исторіи можетъ явиться прочнымъ основаніемъ или для европейской войны или для германской революціи.

Стремленіе Германіи достигнуть политическаго единства, какъ средства къ успѣхамъ гражданственности, не можетъ быть не одобрено тѣми, которые руководятся правиломъ не желать другому того зла, котораго не желаешь самому себѣ. Невмѣшательство Европы въ этотъ внутренній вопросъ, хотя со стороны нѣкоторыхъ державъ это невмѣшательство было только маскированное, доказываетъ огромный прогрессъ нашего времени. Дѣйствительно, какое право имѣлъ бы ктонибудь, видя, напримѣръ, что указъ 19 февраля 1861 года у насъ содѣйствуетъ увеличенію единства государства и его силы, на этомъ основаніи разсматривать такой внутренній переворотъ, какъ нарушеніе Россіею политическаго равновѣсія Европы, и требовать отъ нея соразмѣрной уступки территоріи, которая ослабила бы Россію настолько же, насколько новое положеніе крестьянскаго сословія увеличило ея политическое и экономическое могущество? То же самое должно быть примѣнено и къ Германіи. Притомъ, увеличеніе терри-

торіи Пруссіи и ея экономическихъ силъ прежде всего представляетъ опасность для прусскаго правительства, или во всякомъ случаѣ предметъ серьезной заботы о разрѣшеніи многихъ внутреннихъ вопросовъ, созданныхъ новымъ положеніемъ Германіи. Опасность могла бы быть велика только въ томъ случаѣ, если бы будущая Германія сложилась по началамъ французскаго имперіализма, но и въ этомъ случаѣ дипломаты, можетъ быть, замѣтятъ, что для спокойствія Европы выгоднѣе имѣть двѣ французскія имперіи, нежели одну: будетъ по крайней мѣрѣ надежда, что преобладаніе одного лица и одной воли въ Европѣ сдѣлается невозможнымъ.

Перваго сентября новаго стіля миръ между воевавшими правительствами бывшихъ членовъ Германскаго союза заключенъ окончательно; но будетъ ли это вмѣстѣ и миромъ народовъ?.....

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія болѣе всего нуждается въ народномъ образованіи и въ устройствѣ путей сообщенія. Дайте двухъ этихъ великихъ двигателей нашему народу, и остальное все придетъ само собою, — какъ приходило оно вездѣ. До тѣхъ же поръ, пока народное образованіе не двинется впередъ, а устройство желѣзныхъ дорогъ останется предметомъ бумажной переписки и газетныхъ толковъ, — мы, разумѣется, будемъ только переходить отъ одного затрудненія къ другому, — ибо въ отвѣтъ на всѣ требованія жизни встрѣтимъ одинъ отвѣтъ: недостатокъ людей и денегъ. Люди приготовляются образованіемъ; а капиталы, деньги — создаются усиленными оборотами внутренней промышленности такой обширной страны, какъ Россія, — что безъ дорогъ невозможно. Вотъ почему, исполняя наше обѣщаніе о продолженіи обзора дѣятельности земскихъ учрежденій ¹⁾, мы прежде всего разсмотримъ, въ какой мѣрѣ выразилась ихъ дѣятельность въ отношеніи къ этимъ двумъ самымъ важнымъ, самымъ настоятельнымъ и вмѣстѣ наименѣе удовлетвореннымъ потребностямъ настоящей минуты.

1) Дѣятельность земскихъ учрежденій по народному образованію.

Гласный Милютинъ заявилъ въ Воронежскомъ губернскомъ собраніи, что «народъ, гдѣ бы ни открылось училище, шлетъ туда дѣтей

¹⁾ См. предъидущее въ томъ II, отд. V, стр. 14—83.

своихъ и не отказывается въ средствахъ на содержаніе школъ: стало быть въ народѣ есть *готовность къ образованію*. Этотъ громадной важности фактъ,—готовность цѣлаго народа къ образованію,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, и изъ каждаго земскаго собранія,—гдѣ только возбуждался вопросъ о народномъ образованіи,—можно бы было привести неопровержимое тому подтвержденіе. Въ первомъ же Самарскомъ собраніи, гласный отъ крестьянъ, Авралева, заявилъ о необходимости *обязательнаго образованія*; о томъ же просили гласные отъ крестьянъ Бобровскаго уѣзда.

Въ Купянскомъ уѣздномъ собраніи (Харьковской губ.) гласные отъ крестьянъ сдѣлали слѣдующее заявленіе: они просятъ 1) чтобы земская управа немедленно озаботилась о наймѣ учителей, съ жалованьемъ хотя бы до 200 р.; мѣстные же священники, какъ лица озабоченныя своими обязанностями по приходу, преподавали бы лишь законъ Божій; 2) по окончаніи курса въ школахъ, лучшихъ учениковъ они готовы переводить и содержать на свой счетъ въ гимназіяхъ, а лучшимъ изъ этихъ дать средства продолжать воспитаніе въ университетѣ; для достиженія этой цѣли они указываютъ на общественные вспомогательные капиталы, раздаваемые въ ссуду изъ 6%, сборъ съ ярмарокъ, и на оброчныя статьи съ земель. Въ Тверской губерніи въ прошломъ и нынѣшнемъ году, подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ, возбуждено было сильное движеніе по устройству сельскихъ школъ въ волостяхъ, такъ что не осталось почти ни одной волости, гдѣ бы крестьяне, на сходахъ, не внесли въ приговоръ рѣшеніе свое объ основаніи школъ и ассигнованіи сборовъ на ихъ устройство. Даниловская уѣздная управа (Яросл. губ.) избрала самый прагматическій путь для составленія предположеній своихъ объ устройствѣ народнаго образованія въ уѣздѣ: она обратилась къ волостнымъ и сельскимъ сходамъ своего уѣзда и почти отъ всѣхъ получила въ отвѣтъ заявленіе готовности на устройство школъ и ассигнованіе средствъ на ихъ содержаніе; многія изъ волостей,—отзываясь бѣдностію,—находили только нужнымъ разсчитать на нѣсколько лѣтъ устройство училищъ и предлагали разные источники покрытія необходимыхъ для того суммъ (такъ, Вухаловская волость—сборъ съ паспортовъ по 20 к. и билетовъ по 5 к.). Такихъ фактовъ можно собрать весьма много; но мы удовольствуемся приведеніемъ первыхъ, попавшихся подъ руку. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ факты, *повидимому*, противорѣчатъ этому общему направленію, въ сущности, взглядыаясь ближе, мы въ этихъ же самыхъ данныхъ встрѣчаемъ новое подтвержденіе связаннаго. Такъ, Рыбинская управа, въ своемъ докладѣ, жалуется на закрытіе существовавшихъ мѣстныхъ училищъ за «несочувствіемъ жителей къ дѣлу народнаго образованія»; но въ то же время она замѣчаетъ, что крестьяне перестали платить сборъ на училища,—«вида, по истеченіи

болѣе полугода, что дѣти ихъ, отвлеченныя отъ частныхъ учителей и помѣщенныя въ училища, — *несколько не достигаютъ желаемую успѣха*, и потому заблагоразсудили взять своихъ дѣтей обратно и *отдать къ прежнимъ частнымъ учителямъ* — мѣстнымъ церковнымъ причетникамъ и другимъ лицамъ. Это же самое подтвердилъ въ собраніи гл. Глѣбовъ, прямо указавшій, что такое равнодушіе къ учрежденнымъ школамъ прямо доказываетъ, что крестьяне находятъ ихъ устройство неудовлетворительнымъ. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что почва готова, — народъ жаждаетъ учиться! Этому всего болѣе содѣйствовало самое введеніе земскихъ учреждений: здѣсь въ глазахъ крестьянина всего рѣзче и рельефнѣе высказалось преимущество грамотнаго человѣка и въ нравственномъ и въ денежномъ отношеніи: выбирать на должности они по неволѣ должны грамотныхъ, отдавать дѣло — въ руки грамотныхъ, — подчиниться влиянію получившихъ образованіе, — однимъ словомъ, вездѣ крестьянинъ самъ долженъ становиться на задній планъ и только потому, что онъ неграмотный, не учился. Что же сдѣлало земство, чтобы большинству своихъ членовъ дать средства къ образованію и поставить его въ тѣ одинаковыя отношенія, которыя указаны членамъ земства смысломъ и буквою Положенія? .

Очевидно, что первый вопросъ, здѣсь представляющійся: *какое реальное отношеніе земства къ дѣлу народнаго образованія определено самимъ Положеніемъ?* Положеніе говоритъ объ этомъ весьма мало и притомъ довольно неопредѣленно: вѣдѣнію земскихъ учреждений, въ губерніи или уѣздѣ по принадлежности, подлежитъ «участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи (Ст. 2, п. VII Полож. зем. учр.)». Слово *преимущественно* показываетъ, что, — внѣ хозяйственныхъ попеченій, заключающихся въ доставленіи средствъ и наблюденій надъ ихъ расходованіемъ, земству предоставлены еще другія права, — въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ — относительно попеченія о народномъ образованіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что земскія учрежденія, — во время возбужденныхъ преній о народномъ образованіи, нигдѣ не ограничивались одной хозяйственной стороною этого дѣла, да и не могли ограничиться: если вообще хозяйственная сторона дѣла не легко отдѣляется сама по себѣ отъ общаго его направленія, то всего труднѣе отдѣлить ее въ народномъ образованіи, гдѣ самымъ важнымъ представляется результатъ и направленіе всей образовательной дѣятельности къ его достиженію; всего менѣе можетъ здѣсь именно согласиться земство ограничить себя простою выдачею денежныхъ средствъ безъ права голоса въ способахъ и общемъ ходѣ преподаванія дѣтамъ земства учителями, содержимыми на его счетъ въ школахъ, учрежденныхъ по его инициативѣ. Смотри на народное образованіе, какъ на одну изъ самыхъ коренныхъ и насущныхъ по-

требностей земства, отъ правильнаго удовлетворенія которой зависятъ прочность основъ гражданственности, нѣкоторыя губернскія собранія обратили вниманіе на общее направленіе у насъ образованія и въ этомъ смыслѣ составили свои ходатайства къ высшему правительству. Такъ, среди волнующаго наше общество спора о преимуществѣ классическаго и реальнаго образованія, земство многихъ губерній не осталось чуждымъ этому вопросу.

Онъ возбужденъ былъ въ *Черниовскомъ* губернскомъ собраніи. Губернскіе гласные Нѣжинскаго уѣзда предложили собранію ходатайствовать о предоставленіи воспитанникамъ реальныхъ гимназій, при поступленіи ихъ въ университетъ на нѣкоторые факультеты, одинаковыхъ правъ съ воспитанниками классическихъ гимназій. Губернское собраніе отклонило это предложеніе, по замѣчанію гласнаго Рачинскаго, что собраніе не имѣетъ необходимыхъ данныхъ для обсужденія этого вопроса, принадлежащаго къ разряду специальныхъ педагогическихъ. Казанское же собраніе, по заявленію гласнаго Пантусова, — большинствомъ 26 голосовъ противъ 3, постановило, ходатайствовать предъ правительствомъ, о предоставленіи кончившимъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ правъ равныхъ съ тѣми, которыя предоставляются окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ классическихъ. Напротивъ, въ Москвѣ и Калугѣ, отдѣльные гласные высказались въ пользу классическаго образованія, на сторонѣ котораго осталось и сочувствіе большинства. По случаю заявленія на Московскомъ 2-мъ собраніи, въ докладѣ комиссіи и запискѣ кн. Мещерскаго, о недостаточности надзора закономъ предоставленнаго членамъ отъ земства по отношенію къ училищамъ вообще, *сообщенная статья* Сѣверной Почты (№ 67, 1866 г.) содержитъ въ себѣ нѣкоторыя важныя указанія и разъясненія отношеній земства къ правительственнымъ учрежденіямъ по народному образованію. Статья эта признаетъ и объясняетъ неопредѣленность приведенной выше статьи Положенія: «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года утверждено раньше Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 года; степень будущаго участія земства въ народныхъ училищахъ по этому не могла быть опредѣлена съ точностію въ первомъ изъ этихъ положеній до выработки второго, а потому Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ удовольствовалося указаніемъ вліянія земства на народныя училища въ общихъ выраженіяхъ, употребивъ слова: «въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ.»

Далѣе, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній и приведенной статьи, участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) Вообще основаніемъ всякаго земскаго или общественнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія, законъ признаетъ большее или

меньшее участіе въ издержкахъ по содержанію учебныхъ заведеній наивѣстнаго разряда, что, конечно, и не можетъ быть иначе.

2) Среднія учебныя заведенія (гимназіи и др.) и уѣздныя училища изъяты отъ прямого земскаго контроля. Общее вмѣшательство во всѣ части гимназическаго управленія, не исключая и учебной, предоставленное почетнымъ попечителямъ гимназій изъ дворянъ уставомъ 1828 года, въ новомъ уставѣ отиѣнено и замѣнено болѣе опредѣленнымъ разграниченіемъ обязанностей попечителей по хозяйственной части лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общество, сословія или частныя лица устраиваютъ на собственный счетъ пансіоны при заведеніяхъ или помогаютъ въ средствахъ содержанія самихъ заведеній; вслѣдствіе чего въ 10 губерніяхъ должности почетныхъ попечителей упразднились. Прежній уставъ (§ 221) предоставлялъ почетному попечителю изъ дворянъ *общій надзоръ*, вмѣстѣ съ директоромъ, *за ходомъ управленія и состояніемъ гимназіи*. Сообщенная статья совершенно справедливо замѣчаетъ, что на дѣлѣ этотъ надзоръ ни въ чемъ не высказывался, но только благодаря постоянному уклоненію выборныхъ попечителей отъ серіозныхъ обязанностей, въ виду получаемыхъ ими чиновъ и знаковъ отличія за пожертвованія, что собственно и составляло главную заботу искателей этой должности; тѣмъ не менѣе *право* общаго надзора или вмѣшательства во всѣ части существовало въ старомъ уставѣ и ограничено въ новомъ. Насколько въ прежнее время полезна былъ сословный надзоръ въ педагогическомъ отношеніи, нужно ли въ настоящее время общественное вмѣшательство собственно въ педагогическую сторону образованія, и при какихъ условіяхъ оно всего разумнѣе можетъ быть достигнуто, если сознается его необходимость, все это вопросы, до насъ въ эту минуту не касающіеся. Важно для насъ то, что если земство, сочувствуя общему направленію правительства въ дѣлѣ народнаго образованія, вызвалось помочь матеріальными средствами гимназіи или другому учебному заведенію, то, прижѣняясь къ смыслу устава, оно получило бы право избрать почетнаго попечителя, засѣдающаго и въ совѣтѣ этого заведенія, правда, на первомъ мѣстѣ, но съ голосомъ равнымъ всѣмъ остальнымъ, тогда какъ всѣ члены училищнаго совѣта суть единицы, представляющія лишь самихъ себя, а почетный попечитель есть представитель цѣлаго земства, участвующаго въ матеріальномъ обезпеченіи даннаго учрежденія. Голосъ его при такой постановкѣ настолько незначителенъ среди остальныхъ, что онъ во всякомъ случаѣ теряется; и потому, при очевидной несообразности такой мѣры, кн. Мещерскій имѣлъ полное право сказать: «земство или сословіе даетъ, напримѣръ, въ пользу гимназіи половинну суммы, потребной для ея содержанія, и имѣетъ чрезъ почетнаго попечителя на это заведеніе не болѣе вліянія, чѣмъ тотъ или другой учитель гимназіи.»

Сообщившее же вѣдомство вынуждено было противъ этого оговориться, что, «быть можетъ, правительство, по мѣрѣ усиленія пожертвованій со стороны общества, и признаетъ возможнымъ и справедливымъ дать обществу въ будущемъ и болѣе широкое вліяніе на гимназіи.»

3) За то образованіе массы, первоначальныя народныя училища—подчинены впервые болѣе или менѣе непосредственному надзору земства. Московское земство возбудило въ этомъ смыслѣ весьма важный вопросъ: имѣетъ ли земство право открывать само начальныя училища, или, по статьѣ 10 Полож. о народныхъ училищахъ, должно, наравнѣ съ обществами и частными лицами, испрашивать разрѣшенія училищнаго совѣта, подвергаясь въ случаѣ беспорядка и вреднаго направленія ученія—обязанности закрывать таковыя училища по распоряженію губернскаго училищнаго совѣта. Московское и Полтавское собранія сомнѣваются въ правѣ земства открывать самостоятельно училища; хотя толкованіе сообщенной статьи, будто земскія учрежденія, какъ *правительственныя вѣдомства*, дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ сами собою, на основаніи ст. 9, нельзя не назвать произвольнымъ и не совсѣмъ вѣрнымъ (что совершенно доказано ст. гр. Уварова въ № 92 Московскихъ Вѣдомостей); но съ другой стороны и прямое приравненіе правъ земства къ правамъ отдѣльныхъ обществъ и частныхъ лицъ, какъ сдѣлало Московское собраніе, также произвольно и несправедливо. Въ этомъ смыслѣ, сообщенная статья весьма основательно сомнѣвается, что каждому городскому и сельскому обществу и частному лицу законъ предоставляетъ болѣе права, чѣмъ земству, или земскимъ собраніямъ, состоящимъ изъ избранныхъ представителей упомянутыхъ обществъ,—признавая впрочемъ, вопросъ о правѣ земскихъ учреждений открывать, безъ разрѣшенія училищныхъ совѣтовъ, начальныя училища, *вопросомъ, требующимъ законодательнаго разрѣшенія*. По смыслу же и духу Положенія о начальныхъ училищахъ, а равно по суммѣ правъ, предоставленныхъ Положеніемъ представителямъ отъ земства, сообщенная статья заключаетъ, что «нельзя не сомнѣваться въ правѣ земскихъ собраній учреждать на свой счетъ и закрывать начальныя народныя училища, назначать содержаніе на нихъ и вести полный и безотчетный контроль за суммами училищными»¹⁾.

¹⁾ Министерство народнаго просвѣщенія разослало по управамъ брошюру подъ названіемъ: «Замѣтка объ участіи нашихъ городовъ въ издержкахъ на народное образованіе и о правахъ земства на училища, которыя онымъ будутъ утверждены,» въ которой также видно, что министерство признало за земствомъ и обществами, учреждающими и содержащими начальныя училища, полную власть распорядиться ими по собственному усмотрѣнію не только въ хозяйственномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подъ однимъ наблюденіемъ членовъ училищнаго совѣта, гдѣ присутствуютъ и выборные представители земства и общества. Въ законѣ этого положительно не выражено; войдетъ ли это въ наказъ членамъ училищнаго совѣта, состав-

Кромѣ того земскія собранія, по Положенію о народныхъ училищахъ, имѣютъ и другія права, дающія имъ значительное и неоспоримое вліяніе на народныя училища. Уѣздныя и губернскія земскія собранія выбираютъ по два члена отъ земства въ уѣздные и губернскіе училищные совѣты, завѣдывающіе начальными народными училищами. Участвуя вмѣстѣ съ другими членами въ дѣлахъ училищныхъ совѣтовъ, члены отъ земства представляютъ земскимъ собраніямъ ежегодно свѣдѣнія о состояніи народныхъ училищъ въ уѣздѣ или губерніи, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство (ст. 19-я и 21-я Полож.). Члены отъ земства, засѣдающіе въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, между прочимъ обязаны, наравнѣ съ прочими членами, наблюдать за преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, заботиться о снабженіи ихъ учебными пособиями, объ отысканіи достойныхъ и объ удаленіи неблагонадежныхъ учителей, и вообще принимать мѣры къ улучшенію училищъ своего уѣзда (ст. 24-я Положенія). Члены отъ земства, присутствующіе въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, имѣютъ вмѣстѣ съ прочими членами высшее попеченіе о *всѣхъ* начальныхъ народныхъ училищахъ губерніи, участвуя и въ назначеніи пособій достойнымъ учителямъ и учительницамъ и въ разрѣшеніи всѣхъ вообще дѣлъ, превышающихъ власть уѣздныхъ совѣтовъ (ст. 29 Положенія).»

Такимъ образомъ, все способствуетъ къ тому, чтобы земство сосредоточило свои усилія по народному образованію на *начальныхъ народныхъ училищахъ*. Въ одномъ изъ прошлогоднихъ листовъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей напечатана была статья, въ которой было разъяснено, что вездѣ начальное образованіе лежитъ на мѣстныхъ средствахъ, а у насъ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, правительство отдѣляло весьма незначительную часть своего скромнаго по части народнаго образованія бюджета на распространеніе грамотности въ массѣ. Между тѣмъ народъ ищетъ образованія, а единственный просторъ земской дѣятельности пока правительство предоставило въ отношеніи къ начальнымъ училищамъ. Все это отлочно понято самими земскими учрежденіями, и хотя нигдѣ не отвергается въ теоріи, что земство, представляющее совокупность всѣхъ сословій, обязано заботиться равномѣрно объ образованіи каждаго изъ нихъ, — тѣмъ не менѣе почти всѣ денежные средства, до сихъ поръ ассигнованныя на распространеніе образованія, — предназначены или въ пособіе сельскимъ школамъ, или на открытіе учительскихъ семинарій. Оттого толкъ объ открытіи земскихъ гимназій или о пособіи различнымъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ и пансіонамъ, безспорно полезнымъ и нуждающимся,

---

ленный, какъ видно изъ «Сѣверной Почты,» по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и духовнаго вѣдомства, и разосланный на предварительное разсмотрѣніе самихъ училищныхъ совѣтовъ?

какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, — едва ли не слѣдуетъ считать преждевременными, въ виду недостатка земскихъ средствъ на главный предметъ, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ эти толки не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ ¹⁾. Въ дѣлѣ образованія, — какъ и во всякомъ другомъ, необходимо, чтобы земскія собранія составили для себя и всегда имѣли передъ глазами опредѣленную, не слишкомъ широкую и сподручную по средствамъ программу, и придерживались ее строго, не смотря на заманчивую полезность различныхъ частныхъ уклоненій.

Такъ, въ первое Нижегородское губернское собраніе докладывавшая ему коммиссія внесла перечень слѣдующихъ мѣръ для поднятія народнаго образованія, принятыхъ собраніемъ въ видѣ программы: 1) приступать къ этому дѣлу безъ вынужденія, безъ поголовнаго сбора, — приступать подготовившись, т. е. выбирать изъ священниковъ учителей только способныхъ на это по своему образованію, по своимъ правиламъ и жизни, или назначать людей постороннихъ, приготовленныхъ къ этому специально, въ особыхъ педагогическихъ классахъ при семинаріяхъ или прогимназіяхъ; 2) заводить школы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣтилась въ самомъ обществѣ въ томъ дѣйствительная потребность, заявленная приговоромъ двухъ третей домохозяевъ; 3) въ члены училищныхъ совѣтовъ выбирать людей, сочувствующихъ народному образованію и готовыхъ на это дѣло; 4) образовать со стороны земства небольшой капиталъ съ цѣлію покупки на проценты

---

¹⁾ Такъ, между прочимъ въ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи поднять былъ вопросъ о преобразованіи Нѣжинскаго лицея, подавшій въ свое время поводъ къ полемикѣ между столичными газетами. Нѣжинскому земскому собранію между прочимъ заявлено было предположеніе министра народнаго просвѣщенія объ образованіи изъ Нѣжинскихъ лицея и гимназіи одного высшаго реальнаго училища, при чемъ было также заявлено, что Нѣжинскій лицей, по недостатку средствъ, не можетъ долѣе существовать и для поддержки его требуется ежегодно всего 5,000 руб. Нѣжинское уѣздное земское собраніе предложило губернскому обратить 5,000 р., ежегодно расходуемыхъ на землеѣро-таксаторскія классы, объ уничтоженіи которыхъ рѣшило ходатайствовать губернское собраніе, на поддержаніе лицея. Тогда возбудился вопросъ: долженъ ли лицей быть высшимъ реальнымъ или классическимъ учебнымъ заведеніемъ. Большинство говорившихъ высказались въ пользу реального характера лицея; но тѣмъ не менѣе собраніе рѣшило: не находя въ настоящее время возможнымъ дать какое либо вспомошествованіе Нѣжинскому лицей, и, не разрѣшая вопроса, какое полезнѣе устроить заведеніе въ Нѣжинѣ, высшее реальное или юридическое — ходатайство о вспомошествованіи лицея отложить до болѣе удобнаго времени. Но независимо отъ того ходатайствовать: а) объ оставленіи въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія, въ томъ видѣ, въ какомъ правительство признаетъ болѣе полезнымъ, съ назначеніемъ необходимаго для этого существованія изъ суммъ государственнаго казначейства; б) если же правительство признаетъ необходимымъ закрытіе лицея по недостатку средствъ, чтобы капиталъ, завѣщанный кн. Безбородко, согласно волѣ его, всегда составлялъ фондъ для утвержденія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія.

ежегодно учебныхъ принадлежностей, книгъ для народнаго чтенія и для выдачи премій тѣмъ изъ школьныхъ учителей, у которыхъ успѣхъ по школамъ окажется серіознѣе; 5) вполсѣдствіи, съ развитіемъ средствъ земства, заведеніе ремесленныхъ школъ тамъ, гдѣ земля не составляетъ единственный источникъ пропитанія для сельскаго населенія, куда могли бы поступать на счетъ земства сироты и дѣти бѣднѣйшихъ крестьянъ; тогда же можно приступить 6) и къ учрежденію исправительныхъ школъ для дѣтей, находившихся въ тюрьмѣ или собирающихъ подаяніе по волѣ родителей, составившихъ себѣ изъ того незаконный промыселъ. Но большая часть собраній еще не выработали подобной программы, ссылаясь на недостатокъ статистическихъ данныхъ о мѣстномъ состояніи народнаго образованія и поручая собраніе ихъ управамъ или членамъ училищныхъ совѣтовъ.

Остановившись, такимъ образомъ, на томъ заключеніи, что главною задачею земскихъ учреждений должно оставаться устройство сельскихъ народныхъ училищъ, и показавъ предѣлы дѣятельности на этомъ поприщѣ со стороны земства, — мы перейдемъ къ слѣдующему существенно важному вопросу: *какими органами располагаетъ земство для распространенія школъ грамотности и надзора за ними.* Земское собраніе можетъ дать денегъ и поручить своей управѣ собрать и расходовать ихъ для извѣстнаго назначенія, но всего этого, какъ и оказалось уже, *слишкомъ мало*: во многихъ случаяхъ деньги ассигнованы и собраны, но лежатъ безъ производительнаго употребленія. За чѣмъ же дѣло? За тѣмъ, что сама по себѣ управа, а тѣмъ болѣе собраніе, не въ состояніи слѣдить за такимъ мѣстнымъ, сложнымъ и требующимъ постояннаго надзора и особой подготовки дѣломъ, какъ народное образованіе. У членовъ управы есть свои и притомъ обширныя занятія, имъ нѣкогда, да и нѣтъ прямой обязанности заботиться объ устройствѣ школъ, о ходѣ въ нихъ преподаванія, о снабженіи ихъ пособиями и т. д. Для этого у земства должны быть спеціальныя органы.

Такимъ спеціальнымъ, непосредственнымъ, отъ самаго правительства указаннымъ органомъ являются *училищные совѣты*, кругъ дѣятельности которыхъ мы указали выше. Въ каждой губерніи учреждается губернской совѣтъ, въ уѣздахъ — уѣздный, въ столицахъ по нѣскольку училищныхъ совѣтовъ. Уѣздный совѣтъ составляютъ члены отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, два члена отъ земства и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя народныя училища (т. е. отъ городского или сельскаго общества). Члены эти изъ своей среды избираютъ предсѣдателя. Въ губернскомъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ мѣстный архіерей, а члены: губернаторъ, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Всѣ земскія собранія, тамъ гдѣ открыты училищныя совѣты (Псков-

ское 2, Смоленское и мн. др.), обратились къ училищнымъ совѣтамъ, съ просьбою собрать свѣдѣнія о существующихъ училищахъ и составить предположенія объ устройствѣ народнаго образованія; нѣкоторые собранія предложили съ этою цѣлю раздѣлить уѣздъ на участки между членами училищнаго совѣта; но, говоря вообще, до сихъ поръ никакой дѣятельности со стороны училищныхъ совѣтовъ не замѣтно, и во многихъ мѣстахъ они не открывались. Московское земское собраніе видитъ причину этому въ слабости земскаго элемента въ средѣ училищныхъ совѣтовъ и на этомъ основаніи ходатайствуетъ объ увеличеніи числа членовъ отъ земства въ уѣздныхъ совѣтахъ; предсѣдатель Московской комиссіи по предмету народнаго образованія, гр. Уваровъ, объясняетъ эту необходимость увеличить число членовъ отъ земства слѣдующимъ образомъ (Моск. Вѣд. № 92): «Въ члены училищныхъ совѣтовъ отъ министерства вездѣ назначены: отъ духовнаго вѣдомства — священникъ соборнаго или другого прихода уѣзднаго города; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ — исправникъ, и отъ министерства народнаго просвѣщенія — штатный смотритель. Соборный священникъ, какъ и всякій другой священникъ городского прихода, почти неразлучно связанъ съ городомъ всеми обязанностями своей должности, исполненіемъ требъ, и не можетъ имѣть много времени на отлучки въ уѣздъ для осмотра народныхъ училищъ. Исправникъ, кромѣ полицейскихъ дѣлъ по уѣзду, долженъ еще почти постоянно предсѣдательствовать въ полицейскомъ управленіи. По этимъ причинамъ отъ одного исправника уже поступило прошеніе о необходимости избирать, кромѣ предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, и помощника къ нему. Если исправникъ не всегда можетъ имѣть время на предсѣдательство въ совѣтѣ, то тѣмъ менѣе будетъ онъ его имѣть для частныхъ разъѣздовъ по училищамъ уѣзда. Штатный смотритель, наконецъ, имѣть можетъ быть еще менѣе свободнаго времени, чѣмъ первые два члена: онъ завѣдуетъ уѣзднымъ училищемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преподаетъ въ немъ каждый день, да кромѣ того, по § 22 «постоянное завѣдываніе дѣлопроизводствомъ сего совѣта возлагается на штатнаго смотрителя училища». Слѣдовательно, и этотъ членъ можетъ удѣлить весьма мало времени для наблюденія за народными училищами. Кромѣ того, мы знаемъ, также по опыту, что одно изъ первыхъ заявленій членовъ совѣта состояло въ вопросѣ: «На счетъ какаго вѣдомства будутъ отнесены расходы на разъѣзды?» Затѣмъ у насъ остаются еще два члена отъ земства, но, по справедливости, можно ли отъ двухъ членовъ требовать, чтобъ они могли постоянно и зорко слѣдить за училищами всего уѣзда, раскинутыми иногда на 50 и болѣе верстъ? Вѣдь и у этихъ двухъ членовъ есть свои домашнія дѣла, да кромѣ того, если они гласные мѣстнаго собранія, то заняты и по этой части.»

Къ этому должно прибавить, что (насколько намъ известно) изъ губернскихъ одно Самарское, а изъ уѣздныхъ Рязанбургское и Пензенское, поручая членамъ училищнаго совѣта осмотрѣть училищъ, ассигновали имъ и прогоны; между тѣмъ въ очень многихъ уѣздахъ членами избраны гласные отъ священниковъ, лица — какъ известно, недостаточныя, — а разѣзды въ большинствѣ уѣздовъ предстоятъ на сотни верстъ. Очевидно, что самый составъ училищныхъ совѣтовъ не обѣщаетъ многого: члены отъ правительства вступили туда, принявъ къ прежней должности эту новую обязанность, по призыванію начальства, а известно изъ прежняго времени, какъ исполняются подобныя придаточныя обязанности; члены отъ земства, для исполненія данныхъ имъ порученій, должны тратить свои деньги, къ чему многие не имѣютъ средствъ, а другіе желанія. И такъ, можно сказать утвердительно, что успѣхъ училищныхъ совѣтовъ зависить единственно отъ избранія въ члены изъ такихъ рѣдкихъ, готовыхъ на пожертвованіе друзей этого дѣла, которые вездѣ представляются исключеніями: надежды, какъ видно, не особенно блестящія, что и подтверждается дѣятельностію этихъ учрежденій на самыхъ первыхъ порахъ. Кромѣ того, подобное совмѣстно-зависимое сопоставленіе представителей земства и администраціи скорѣе всего можетъ подать поводъ къ безплоднымъ пререканіямъ, во вредъ дѣлу. Такъ, напримѣръ, ярославскій губернаторъ сообщилъ Ярославской уѣздовой управѣ (12-го сентября 1865 г. № 354): «Въ постановленіи собранія отъ 2-го сентября, между прочимъ, есть статья о предоставленіи въ распоряженіе двухъ гласныхъ, избранныхъ въ члены училищнаго совѣта, опредѣленной на содержаніе училищъ въ уѣздѣ земствомъ суммы, съ тѣмъ что собраніе возлагаетъ на нихъ озаботиться улучшеніемъ школъ уже существующихъ въ уѣздѣ, а равно и открытіемъ вновь таковыхъ. При этомъ на управу возлагается обязанность употреблять изъ ассигнованной суммы требуемое количество денегъ на улучшеніе и открытіе школъ. Находя это постановленіе не совершенно яснымъ, ибо имъ какъ будто предоставляется избраннымъ гласнымъ въ отношеніи улучшенія и открытія училищъ въ уѣздѣ *власть независимая* отъ училищнаго совѣта, между тѣмъ какъ они въ семъ случаѣ могутъ дѣйствовать только какъ члены сего совѣта, и въ предѣлахъ, указанныхъ существующими правилами, — начальникъ губерніи, на основаніи ст. 94 Пол. о земск. учр., покорнѣйше просить управу предложить уѣздному собранію, не привнаетъ ли оно необходимымъ разъяснить свое постановленіе въ смыслѣ, согласномъ съ законами, существующими для народныхъ училищъ.» Собраніе, за исключеніемъ 2 голосовъ, приняло предложеніе гласнаго Лео: «чтобы употребленіе 2,000 руб., ассигнованныхъ собраніемъ на народное образованіе, производилось по усмотрѣнію училищнаго совѣта, если на сторонѣ постановленій совѣта будутъ оба члена

земства, въ случаѣ же ихъ разногласія, сумма остается неприкосновенною, впредь до другого постановленія, гдѣ будетъ соблюдено условіе ихъ взаимнаго согласія.» При такой малообъщающей будущности училищныхъ совѣтовъ, какъ официального органа въ дѣлѣ распространенія образованія со стороны земства, — послѣднему необходимо обратиться еще къ другимъ, болѣе подручнымъ общественнымъ силамъ и имъ передать заботу о народномъ образованіи.

Такимъ элементомъ являются прежде всего *приходскія попечительства*, учрежденныя не только для благоустройства церквей и улучшенія быта духовенства, — но и для открытія и поддержанія школъ и вообще благотворительныхъ учреждений (Пол. о прих. попеч. ст. 5). Они представляютъ всѣ удобства, чтобы сдѣлаться первоначальными, прочными и органическими вѣточками водворенія образованія въ народѣ. Во первыхъ, они, по самому слову закона, суть *общественныя учрежденія*, пользующіяся покровительствомъ духовнаго и гражданскаго начальства (ст. 8). Въ общихъ собраніяхъ, избирающихъ попечительство, опредѣляющихъ сборы и выслушивающихъ отчетъ о дѣйствіяхъ попечительства, участвуютъ, каждый съ правомъ одного голоса, *все домохозяева прихода*, и изъ прихожанъ, домами въ приходѣ не владѣющихъ, тѣ, которые имѣютъ право участія въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества или въ собраніяхъ дворянства (ст. 9). Такимъ образомъ, общее собраніе представляетъ сходъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, безъ всякихъ сословныхъ различій, и въ этомъ смыслѣ оно всего скорѣе и удобнѣе составляетъ ту мѣстную зародышъ земскаго объединенія, на который должны опираться уѣздныя земскія собранія. При растанутости нашихъ уѣздовъ, уѣздное земское собраніе все таки представляетъ слишкомъ крупную единицу, которая способна направлять дѣло, — а приведеніе его въ исполненіе по такимъ сложнымъ и требующимъ неусыпнаго надзора предметамъ, какъ народное образованіе, общественное призрѣніе и т. п., собраніе должно поручить не управѣ, имѣющей свой опредѣленный кругъ дѣятельности по уѣздному земскому хозяйству, но близкимъ, мѣстнымъ элементамъ и всего лучше приходскимъ попечительствамъ. Они ближе стоятъ къ мѣстности, нежели училищные совѣты, имѣютъ болѣе обширное поле для выбора людей, ибо, не ограничиваясь гласными, они въ каждомъ приходѣ избираютъ изъ числа всѣхъ домохозяевъ, не стѣсняясь даже ценомъ, и выбранные ими люди не несутъ никакихъ пожертвованій, ибо должны дѣйствовать, такъ сказать не выходя изъ дому, изъ своего прихода. Въ этомъ смыслѣ г. Качаловъ совершенно справедливо назвалъ приходъ *«единицею, работающею жизнью»*. По его словамъ, — совершенно достовернымъ и подтверждаемымъ всѣми людьми, близко знакомыми съ жизнію сельскихъ приходовъ — вліяніе приходскаго общества на своихъ членовъ

огромно и благотворно, крестьянинъ не побоятся не только выговора, но даже наказанія на волостномъ или сельскомъ сходѣ, но постыдится быть уличеннымъ въ дурнобъ поступивъ въ приходскомъ обществѣ. Не только крестьяне, но даже помѣщики при крѣпостномъ правѣ, очень дорожили мнѣніемъ объ нихъ своихъ прихожанъ, часто состоящихъ изъ собственныхъ крестьянъ. Правительство сознаетъ важность этого нравственного кружка, какъ видно изъ того, что, при составленіи волостей, предписывалось не дробить приходовъ, такъ и изъ узаконеній объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ.

Все это прямо указываетъ на необходимость прямой, непосредственной и живой связи между земствомъ и приходскими попечительствами. Многія изъ губернскихъ собраній уже обратили вниманіе на приходскія попечительства, какъ на средства улучшенія быта духовенства, напримѣръ 2-е Пензенское, Казанское, Калужское, Тульское, многія уѣздныя собранія Нижегородской губерніи и пр.; Новгородское собраніе, по предложенію г. Качалова, признало необходимымъ воспользоваться приходскими попечительствами, какъ средствомъ «утвержденія нравственности, религіи и образованія въ народѣ и тѣмъ самымъ ослабленія гнетущаго его порока, пьянства,» и предположило выработать проектъ о соединеніи званія приходскаго попечителя съ должностію сельскаго старосты, для представленія высшему правительству ходатайства своего о введеніи попечительствъ, какъ удовлетворенія самой крайней потребности всего земства. Но вообще говоря, — необходимость обратиться къ попечительствамъ, какъ къ начальному и самому дѣятельному элементу распространенія образованія въ народѣ — далеко не выяснено земскими собраніями. Съ этой стороны на попечительство взглянуло только Рязское собраніе ¹⁾, а вслѣдъ за нимъ и губернское Рязанское поручило предсѣдателю ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи въ дѣйствіе попечительствъ, съ цѣлію улучшенія быта не одного духовенства, но и самаго народа. Но мы встрѣчаемъ и обратные примѣры.

---

¹⁾ Въ этомъ же смыслѣ особенно замѣчательны дѣйствія Рязскаго собранія, постановившаго 1) пригласить гласныхъ изъ среды крестьянъ, чтобы они въ мѣстахъ своего жительства и по сосѣдству старались разъяснить крестьянамъ всю пользу учрежденія приходскихъ попечительствъ и тѣмъ ускорить открытіе ихъ; 2) съ этою же цѣлію просить гласныхъ священниковъ, чтобы они какъ сами, такъ и подвѣдомственные имъ священники, пастырскими внушеніями, расположили своихъ прихожанъ къ открытію попечительствъ, для чего какъ имъ, такъ и прочимъ благочиннымъ Рязскаго уѣзда разослать копии съ постановленія о томъ упрямъ; и 3) просить о проведеніи той же мысли между всѣми сословіями прочихъ гласныхъ собраній. Замѣтимъ кстати, что еще въ первомъ Самарскомъ собраніи гласный Шалашиниковъ указывалъ на приходскія попечительства, какъ на главное средство распространенія образованія въ народѣ.

Такъ, когда Корчюдомовское попечительство, — единственное, о полезной дѣятельности котораго существуютъ печатныя извѣстія, обратилось къ Любимскому уѣздному собранію, прося пособія его на открытое при попечительствѣ училище, — «вслѣдствіе крайне недостаточныхъ собственныхъ средствъ;» собраніе не исполнило этой просьбы, несмотря на то, что наставникъ училища, гласный свѣц. Любимовъ указывалъ на остатокъ земскихъ суммъ по смѣтѣ 1866 г. и на необходимость такого пособія въ видахъ поощренія и для предупрежденія закрытія училища. Единственнымъ оправданіемъ для земскихъ собраній въ этомъ случаѣ служить то, что вообще приходскія попечительства мало распространены у насъ, и главною причиною, насколько можно убѣдиться изъ мѣстныхъ отзывовъ, служить нерасположеніе къ нимъ епархіальнаго начальства, которому предоставлено право открытія попечительствъ. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что въ Костромской губерніи положеніе о приходскихъ училищахъ передано было мѣстными священниками въ нѣкоторыхъ приходахъ, какъ обязательство со стороны прихожанъ выстроить немедленно *каменные дома для причта!*? Неудивительно, что прихожане съ ужасомъ отказались отъ такого попечительства. Вообще положеніе о приходскихъ попечительствахъ или вовсе не разъясняется въ народѣ или толкуется въ смыслѣ немедленнаго пособія духовенству, не обращая вниманія на другія полезныя стороны этихъ учреждений: оттого какъ самъ народъ, такъ и земскія учрежденія смотрятъ на нихъ очень холодно и односторонне.

Чтобы облегчить дѣятельность земскихъ управъ на мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (Лукояновскій, Васильскій), уѣздныя собранія раздѣляли свой уѣздъ между избранными изъ гласныхъ *уполномоченными*, на обязанность которыхъ возложены всѣ мѣстныя хозяйственно-распорядительныя дѣйствія, подъ указаніемъ и наблюденіемъ управъ. Такіе уполномоченные могли бы принять на себя попеченіе объ устройствѣ училищъ и наблюденіе за ними, насколько это дозволяется вообще всѣмъ частнымъ лицамъ, заботящимся о распространеніи образованія, съ правомъ непосредственно въ нужныхъ случаяхъ сноситься съ членами училищнаго совѣта отъ земства. Но гораздо цѣлесообразнѣе сдѣлано было предложеніе въ Харьковскомъ губернскомъ собраніи гласнымъ Данилевскимъ — возобновить ходатайство объ учрежденіи *частнаго комитета распространенія народной грамотности*. Ходатайства изъ губерній объ учрежденіи такихъ комитетовъ поступали не въ одномъ Харьковѣ (въ Костромѣ напримѣръ) и всегда были отклоняемы правительствомъ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что учрежденіе такихъ дозволенныхъ правительствомъ обществъ, при участіи въ нихъ земства, много подвинуло бы распространеніе грамотности. Подобныя общества не только

сгруппировали бы разрозненные и часто безслѣдно пропадаящія усилія отдѣльныхъ единицъ, но и дали бы возможность принять въ дѣлѣ народнаго образованія женщинамъ, элементу чрезвычайно важному, но исключенному изъ приходскихъ попечительствъ.

Показавъ такимъ образомъ тѣ общественные элементы, на которые можетъ земство равсчитывать въ дѣлѣ народнаго образованія, намъ слѣдуетъ указать нѣкоторые общіе вопросы, которые выяснились въ теченіе первыхъ занятій земства и такъ или иначе имъ разрѣшены. На первомъ планѣ стоитъ весьма важный и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма трудный вопросъ: *должно ли быть первоначальное народное образованіе обязательное или свободное?* Въ пользу обязательнаго образованія на губернскихъ собраніяхъ высказались не многіе голоса: гр. Уваровъ въ Московскомъ собраніи, гласный Потуловъ въ Харьковскомъ, гласный изъ крестьянъ Авралевъ въ Самарскомъ. Но всѣ вообще губернскія собранія отчасти прямо — внесеніемъ въ свою программу, въ видѣ необходимаго условія, свободы образованія (Новгородское, Нижегородское, Полтавское и др.), частью косвенно — непринятіемъ предложеній объ обязанности образованія, высказались въ пользу свободнаго образованія. Гораздо важнѣ этихъ личныхъ мнѣній факты, встрѣтившіеся на нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ. Такъ Бобровскіе гласные отъ крестьянъ (Воронежской губ.) заявили всѣ необходимость обязательнаго образованія. Ананьевское, Можайское, Берейское ¹⁾ и Ростовское (Яросл. губ.) уѣздныя собранія признали *въ принципѣ* также необходимость обязательнаго образованія. Ананьевское собраніе ходатайствуетъ предъ правительствомъ, чтобы ученіе признано было обязательнымъ для дѣтей обоюго пола отъ 10—15 лѣтъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ поселеніяхъ (не менѣе 100 дворовъ), гдѣ устройство училищъ признается также обязательнымъ. Ростовское собраніе, въ первую сессію, единогласно постановило признать грамотность обязательною для всѣхъ мальчиковъ и дѣвушекъ отъ 10 до 13 лѣтъ. Противъ этого постановленія протестовалъ начальникъ губерніи, признавая вопросъ объ обязательномъ ученіи законодательнымъ и подлежащимъ разрѣшенію верховной власти. Въ объясненіе управа, въ своемъ докладѣ, приводитъ *исключительное* положеніе Ростовскаго уѣзда, и предлагаетъ собранію слѣдующее заключеніе: «Ростовское уѣздное земское собраніе, принимая въ соображеніе промышленное состояніе Ростовскаго уѣзда и особенную развитость крестьянъ, *въ виду исключительности положенія*, признаетъ совершенную необходимость всеобщаго

¹⁾ По переданному Московскимъ губернскимъ собраніемъ вопросу о даровомъ и обязательномъ обученіи, Рувское, Серпуховское, Водоколамское, Вронинское и Звенигородское нашли этотъ вопросъ преждевременнымъ; Подольское оставило его открытымъ; Московское и Клинское высказались противъ обязательнаго ученія.

обученія грамотѣ, почему и назначается обложить всѣхъ молодыхъ людей съ 18 до 25 лѣтняго возраста рублевымъ ежегоднымъ сборомъ на предметъ учрежденія повсемѣстно начальныхъ училищъ, *предоставитъ всемъ учиться или не учиться*, но на содержаніе училищъ вносить, такъ какъ безъ этого сбора обезпечить содержаніе училищъ вездѣ и для всѣхъ желающихъ обучиться, средствъ не предвидится. Послѣ довольно продолжительныхъ преній, гдѣ большинство говорившихъ высказывалось за обязательное образованіе, 32 голосами противъ 6 заключеніе управы принято. Замѣчательно, что рѣшеніе объ обязательномъ образованіи сложилось въ Анапьевскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, въ значительной степени промышленныхъ и развитыхъ, гдѣ уровень народнаго образованія стоитъ и безъ того сравнительно весьма высоко. Оставляя въ сторонѣ не касающійся до насъ вопросъ о принципѣ свободнаго и обязательнаго образованія, съ практической точки зрѣнія земскихъ учрежденій возможенъ въ этомъ случаѣ только одинъ вопросъ: имѣютъ ли право земскія учрежденія признать вообще ученіе обязательнымъ, если большинство населенія высказалось въ этомъ смыслѣ? Очевидно, что только при такомъ условіи можно съ практической стороны говорить объ обязательномъ образованіи, соединенномъ, конечно, съ принудительнымъ сборомъ; въ противномъ же случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ членъ Помолотовъ, въ Ростовскомъ собраніи, «налогъ и образованіе вызовутъ только неудовольствіе со стороны крестьянъ.» Если, въ случаѣ желанія большинства, собраніе находитъ возможнымъ признать ученіе обязательнымъ, то, безъ сомнѣнія, оно прежде всего должно удостовѣриться *въ дѣйствительности этою желаніемъ*. Съ этой стороны въ Ростовѣ, гласный Болдыревъ совершенно справедливо предлагалъ прежде постановленія рѣшенія, спросить о томъ волостные сходы, что было въ собраніи устранено замѣчаніемъ гласнаго Соколова, находившаго мѣру эту совершенно лишнею, «тѣмъ болѣе что въ уѣздѣ есть мѣстности, вообще не сочувствующія нововведеніямъ.» Вообще распоряженіе объ обязательномъ образованіи и общемъ для того сборѣ, если и можетъ принести пользу, то только въ тѣхъ волостяхъ, *идѣ большинство волостного или селскаго схода, безъ всякаго посторонняго вліянія, признало эту мѣру полезною и удобопримѣнимою*.

Второй вопросъ: *какія всего нужны школы для народа, рѣшенъ вездѣ въ пользу начальныхъ училищъ или школъ грамотности*. Отдѣльные гласные ¹⁾ въ большей части земскихъ собраній возбуждали вопросъ о необходимости заведенія у насъ *ремесленныхъ школъ*, но собранія, воплія сознавая ихъ пользу и настоящую потребность,

¹⁾ Багриновскій въ Москвѣ, Васильевъ въ Ярославѣ, Фирсовъ въ Новгородѣ Хрущевъ въ Харьковѣ и пр.

отклонили эти предложенія по немѣнѣю матеріальныхъ средствъ. Программа этихъ школъ грамотности опредѣлена закономъ; въ нихъ преподается: законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариметики и церковное пѣніе, тамъ гдѣ преподаваніе его возможно (Пол. о нар. учил. ст. 3). Законъ Божій преподается приходскими священникомъ, которому вообще поручается надзоръ за религиозно-нравственнымъ направленіемъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію училищнаго совѣта. Прочимъ предметамъ могутъ обучать или священно-церковно-служители, или лица, получившія на званіе учителя или учительницы особыя разрѣшенія училищнаго совѣта, по представленію удостовѣренія въ доброй ихъ нравственности и благонадежности, отъ лицъ совѣту извѣстныхъ (ст. 15, 16 и 17). Отъ надзора священниковъ устранены волостныя и сельскія школы, учреждаемыя крестьянами въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ на свой счетъ и надзоръ возложенъ на волостного старшину и сельскаго старосту (Общ. Пол. о кр. ст. 84, п. 9 и ст. 58, п. 8).

Въ отношеніи къ устройству начальныхъ народныхъ училищъ особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣщенное въ Сѣверной Почтѣ (№ 62 1866 г.) письмо г. оберъ-прокурора св. Синода къ предсѣдателямъ управъ, отъ 5-го марта 1866 г., слѣдующаго содержанія:

«Въ послѣдніе годы, при пробудившейся въ народѣ потребности къ образованію, возникло въ духовномъ вѣдомствѣ значительное число небольшихъ школъ для первоначальнаго обученія, извѣстныхъ подъ названіемъ церковно-приходскихъ училищъ. Число ихъ простирается до 21,420 съ 413,524 учащихся; такимъ образомъ, они представляютъ въ настоящее время главное средство для образованія народа, потому что ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ нѣтъ такого числа учащихся.

«При столь важномъ значеніи сихъ школъ для народнаго образованія, поддержаніе ихъ и возможное улучшеніе должно составлять, конечно, одинъ изъ существенныхъ предметовъ общественной заботливости.

«Между тѣмъ, по собраннымъ недавно свѣдѣніямъ, оказывается, что училища эти, открытыя самимъ духовенствомъ, и въ конхъ обученіемъ дѣтей занимаются почти исключительно члены причтовъ, находятся въ положеніи далеко не благопріятномъ, и что причины тому заключаются главнѣйше въ разныхъ матеріальныхъ недостаткахъ. Училища не имѣютъ удобныхъ помѣщеній, не обезпечены отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою, терпятъ недостатокъ въ учебныхъ пособияхъ и другихъ предметахъ, и если поддерживаютъ еще свое существованіе, то большею частію однимъ усердіемъ и пожертвованіями самихъ священнослужителей, которыхъ собственныя матеріальныя средства, и

безъ того весьма скудна, слишкомъ недостаточны для постоянного обезпеченія этихъ заведеній. Само собою разумѣется, что при такомъ состояннн училищъ и при отсутствіи почти повсемѣстно опредѣленнаго вознагражденія за труды учащаго въ нихъ духовенства, и самое обученіе не исполнѣ удовлетворительно, и училища не могли еще получить правильной организаціи.

«При немѣннн въ распоряженіи духовнаго вѣдомства и сельскаго духовенства денежныхъ средствъ для поддержанія училищъ и при невозможности разсчитывать на существенное пособіе государственнаго казначейства, будущность этихъ училищъ зависитъ преимущественно отъ сочувствія и участія земства, соединившаго въ себѣ всѣ мѣстныя хозяйственныя распоряженія и средства.»

Поэтому г. оберъ-прокуроръ проситъ предсѣдателей земскихъ управъ предложить на разсужденія земству объ оказаннн училищамъ, по мѣстному усмотрѣнн, пособія: 1) въ устройствѣ домовъ для училищъ и снабженн ихъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; 2) въ назначенн содержанія преподавателямъ, и 3) въ приобрѣтенн руководствъ и книгъ для чтенія.

При этомъ онъ прибавляетъ, что «хотя до полученія матеріальныхъ средствъ трудно ожидать лучшаго устройства церковно-приходскихъ училищъ, при всемъ томъ высшее духовное начальство нынѣ же вмѣняетъ сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность въ проповѣдяхъ и поученіяхъ ихъ стараться располагать крестьянъ къ грамотности и начальному образованн, вводитъ въ семинарскій курсъ преподаваніе педагогикн, какъ предмета, необходимаго для будущаго учителя, и учреждать воскресныя школы при семинаріяхъ, гдѣ воспитанники, подѣ руководствомъ преподавателя педагогикн и подѣ наблюденіемъ ректора, будутъ заниматься обученіемъ приходскихъ дѣтей, и такимъ образомъ приготавливаться къ учительству въ церковно-приходскихъ школахъ» (См. Высочайшее повелѣніе 27 февраля 1866 г. о нѣкоторыхъ мѣрахъ для содѣйствія со стороны духовенства дѣлу народнаго образованія въ Сѣв. Почтѣ № 83). Письмо г. оберъ-прокурора, по самому времени своего появленія, вызвало еще мало отвѣтовъ ¹⁾ со стороны земскихъ собраній. Вообще, въ нихъ, со стороны представителей разныхъ сословій, высказано было много рѣзкихъ и категорическихъ заявленій противъ сосредоточенія народнаго образованія исключительно въ рукахъ духовенства. Мы сами не принадлежимъ къ сторонникамъ клерикальнаго направленія въ этомъ дѣлѣ и при томъ съ чисто практической стороны, въ виду той совершенной неуснѣш-

¹⁾ Между прочимъ Зарайское земское собраніе (Рязанской губерніи) вслѣдствіе этого письма поручило членамъ училищнаго совѣта осмотрѣть церковно-приходскія училища и представить свои соображенія на нынѣшнее сентябрьское засѣданіе.

ности, которою до сихъ поръ сопровождалась постоянно дѣятельность нашего духовенства на этомъ поприщѣ. Но вообще въ дѣлѣ земства фантазировать неумѣстно и надобно относиться къ дѣйствительности такъ, какъ она есть; надобно не терять изъ виду, что правительствомъ уже высказалось въ смыслѣ порученія надзора за образованіемъ мѣстными священникамъ, а собственная инициатива частныхъ лицъ въ устройствѣ народныхъ школъ до сихъ поръ оказалась въ высшей степени слабою и безуспѣшною, въ силу многихъ причинъ, въ настоящее время нисколько не устраненныхъ. Поэтому предложеніе г. оберъ-прокурора заслуживаетъ серьезнаго вниманія земства, вдругъ увеличивая подручныя его средства такою массою устроенныхъ уже школъ; 21,420 школъ и 413,000 учащихся! Но прежде всего земство должно взвѣсить со всѣхъ сторонъ это предложеніе, ибо принятіе его на долго замыкаетъ народное образованіе въ извѣстномъ вѣружѣ, съ опредѣленнымъ направлениемъ и съ легко-предвидимыми результатами. Г. оберъ-прокуроръ самъ указываетъ на недостатки этихъ школъ. Но прежде этого возникаетъ еще вопросъ: много ли изъ нихъ существуетъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только? Вѣрный на это отвѣтъ можетъ дать только земство, ибо свѣдѣнія г. оберъ-прокурора основаны на официальныхъ вѣдомостяхъ епархіальныхъ начальствъ. Въ Костромской губерніи, напримеръ, по вѣдомости показано 705 церковно-приходскихъ школъ, но существуетъ ли ихъ на дѣлѣ половина? вслѣдствіе распоряженія епархіальнаго начальства, священники завели вѣдомости о числѣ учащихся въ открытыхъ, будто бы, ими школахъ, но на дѣлѣ, — за весьма малыми исключеніями, большинство можетъ быть, для очищенія совѣсти, по временамъ зазываетъ 2—3 свободныхъ мальчиковъ, которымъ показывается азбука, но читать они не выучиваются. По той же вѣдомости, въ Самарской губерніи показано 289 училищъ, но вотъ что о нихъ доложено было губернскому собранію, въ запискѣ о состояніи народнаго образованія: «такъ называемыя церковно-приходскія училища, въ числѣ 129, находятся въ далеко незавидномъ положеніи; они не имѣютъ никакого опредѣленнаго содержанія, помѣщаются гдѣ ни попало, наставники не получаютъ никакого вознагражденія и пользуются иногда едновременно пособіями отъ сельскихъ обществъ хлѣбомъ или деньгами. Обученіе идетъ лучше всего въ приходскихъ училищахъ, за ними слѣдуютъ училища въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ удѣльныхъ, а на послѣдней ступени стоятъ церковно-приходскія.» Поэтому, вопросъ ставится въ настоящее время такимъ образомъ: что выгоднѣе для земства, употребить свои средства на содержаніе этихъ на бумагѣ существующихъ училищъ или поберечь эти средства для другихъ цѣлей?... Впрочемъ церковно-приходскія училища подчинены наравнѣ съ прочими надзору училищнаго совѣта, — и при надлежащемъ устройствѣ этого надзора, при обезпе-

ченіи ихъ необходимыми средствами со стороны земства, при бѣльшемъ участіи въ дѣлу самаго духовенства, — этотъ порядокъ можетъ и измѣниться.

Озабочиваясь вопросомъ о распространеніи образованія въ народѣ, земство всѣхъ губерній пришло къ одному и тому же заключенію, что самая настоятельная потребность, на которую должны быть обращены средства земства, есть устройство *учительскихъ семинарій*, такъ какъ главное препятствіе къ устройству школъ и причина ихъ неуспѣха заключается въ неимѣніи наставниковъ.

Прежде всего, напомнимъ, что въ послѣднее время сдѣлано съ этою цѣлью правительствомъ.

По Высочайшему повелѣнію, 23-го марта 1865 года, учреждены въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Одессѣ, въ видѣ опыта, педагогическіе курсы при уѣздныхъ училищахъ, куда принимаются лица всѣхъ состояній не моложе 16-ти лѣтъ, выдержавшіе экзаменъ въ познаніяхъ, соотвѣтствующихъ курсу уѣзднаго училища или представившіе свидѣтельство объ окончаніи курса въ уѣздномъ или высшемъ училищѣ. Въ педагогическихъ курсахъ преподаются: законъ Божій, главныя положенія о воспитаніи и методика первоначальнаго обученія, русскій и славянскій языки, русская исторія и географія, ариметика, главныя основанія физики и естественной исторіи, чистописаніе и черченіе съ объясненіемъ геометрическихъ фигуръ, пѣніе. Курсъ продолжается 2 года.

По Высочайшему повелѣнію, 27-го февраля 1866 года ¹⁾, отиѣнено преподаваніе въ семинаріяхъ медицины ²⁾, сельскаго хозяйства и естественной исторіи, и въ замѣнъ введена въ семинарскій курсъ педагогика, какъ предметъ болѣе необходимый для будущихъ пастырей и учителей народа. Для преподаванія ея назначены особые наставники, которымъ предоставлено, по распоряженію святѣйшаго синода, соотвѣтственное содержаніе на счетъ суммъ отъ упраздняемыхъ кафедръ. А дабы не ограничиваться одною теоріею, въ настоящемъ случаѣ недостаточною для практическихъ цѣлей, предписано учредить при семинаріяхъ воскресныя школы, гдѣ воспитанники семинарій, подъ руководствомъ преподавателя педагогики и подъ наблюденіемъ ректора, могли бы заниматься обученіемъ приходящихъ дѣтей. Духовно-учеб-

¹⁾ Подобную мѣру — открытіе педагогическихъ курсовъ при семинаріяхъ, — предлагалъ гласный Готовъ въ Воронежскомъ земскомъ собраніи, съ тѣмъ чтобы выдержавшіе на эти курсы приняты были на себя земствомъ. Собраніемъ это предложеніе не принято.

²⁾ Ярославское собраніе, по заявленію Ростовскаго собранія, постановило: представить правительству, какъ мѣру, крайне полезную для всей губерніи, о введеніи въ семинаріяхъ для готовящихся въ священническое *положительнаго* медицинскаго образованія, а для готовящихся въ причетники обязательный фельдшерскій экзаменъ.

ному управленію при святѣйшемъ синодѣ предоставлено снабдить семинаріи педагогическими руководствами какъ русскими, такъ и иностранными.

Кромѣ того, есть свѣдѣнія объ основаніи учительскихъ семинарій частными лицами. Такъ гласный Кочетовъ, въ Харьковскомъ губернскомъ собраніи указалъ на школу, основанную въ 1862 году по мысли проф. Бекетова и учителя 1-й Харьковской гимназіи Ладовскаго, куда присланы 5 мальчиковъ изъ 3-хъ волостей Сумскаго уѣзда и 1 изъ Полтавской губерніи. За помѣщеніе въ школу вносится 80 р. сер., но такъ какъ сельскія общества отказались платить за своихъ воспитанниковъ, то школа, по недостатку средствъ, должна закрыться. Предложеніе г. Кочетова одновременно выдать этой школѣ пособіе въ 500 р. изъ земскихъ суммъ, не было принято Харьковскимъ собраніемъ, по неимѣнію свободныхъ суммъ, но собраніе признало необходимымъ для поддержанія этой школы ходатайствовать о выдачѣ г. Бекетову единовременнаго пособія въ 500 р. сер. изъ могущихъ образоваться остатковъ отъ суммъ, ассигнованной министерствомъ народнаго просвѣщенія на содержаніе педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ уѣздомъ училищѣ.

Правительственныя учрежденія для образованія учителей такъ недавно, что объ успѣшности ихъ судить нѣтъ данныхъ и потому неудивительно, что земство ими пока не воспользовалось. Многія изъ земскихъ собраній задалась сами задачею, какимъ образомъ слѣдуетъ устроить учительскія семинаріи, но немногія, какъ увидимъ ниже, пошли далѣе простыхъ о томъ разсужденій. Большею частію вопросъ вертѣлся на томъ, на какое именно сословіе должна упадать обязанность приготовить на будущее время наставниковъ для народа. Кн. Васильчиковъ въ Новгородскомъ собраніи указывалъ на самихъ сельскихъ жителей: по его мнѣнію, положеніе сельскихъ учителей такъ трудно, что переносить его едва ли можетъ кто нибудь другой кромѣ лицъ, вышедшихъ изъ той среды, въ которой всегда долженъ оставаться сельскій учитель, и привыкшихъ съ малолѣтства къ ихъ образу жизни, а потому онъ полагалъ бы, что въ учительской школѣ должны готовиться для сельскихъ учителей только лица сельскаго сословія. Подобное мнѣніе высказалъ гласный Вагановъ въ Псковскомъ собраніи, гдѣ онъ, отрицая возможность соединенія въ одномъ лицѣ званіе сельскаго наставника и приходскаго священника, по прямымъ обязанностямъ сана послѣдняго, настаивалъ на учрежденіе учительской семинаріи для воспитанниковъ преимущественно изъ крестьянскаго сословія. Г. Герстфельдъ указалъ, что хорошимъ сельскимъ учителемъ можетъ быть только человѣкъ, имѣющій особое призваніе къ этого рода дѣятельности, и такъ какъ въ учительскую школу будутъ поступать мальчики въ молодомъ возрастѣ, въ которомъ сознатель-

нихъ еще стремленій къ какому бы то ни было поприщу едва ли можно ожидать, то онъ не надѣется, чтобы изъ этой школы вышло достаточное количество хорошихъ учителей, для того, чтобы удовлетворить большой потребности въ нихъ, а потому, не отвергая безусловно полезности устройства учительской школы, онъ видитъ возможность восполнить этотъ недостатокъ приглашеніемъ на учительскія должности тѣхъ унтеръ-офицеровъ изъ гвардейскихъ полковъ, которые, получивъ удостовѣреніе въ хорошей нравственности, имѣютъ аттестатъ на право быть сельскими учителями; этимъ способомъ, земство получить не только хорошихъ учителей, потому что они пойдутъ по собственному призванію, но и умныхъ, нравственныхъ и опытныхъ наставниковъ.

Подобное мнѣніе высказано было въ Полтавскомъ собраніи гл. Оболонскимъ, который предложилъ: просить военное министерство обратить особенное вниманіе на разумное обученіе грамотъ солдатъ, предназначенныхъ въ безсрочный отпускъ и отставку. Было много голосовъ за воспитанниковъ семинарій и противъ нихъ; за допущеніе въ званіе учителей лицъ всѣхъ сословій и даже за исключеніе изъ этого званія самихъ крестьянъ, «изъ опасенія потери рабочей силы» (гл. кн. Шаховской въ Псковѣ). Гласный гр. Ростовцевъ (въ Псковѣ) предложилъ устройство учительскихъ семинарій для женщинъ. Далѣе этихъ разнообразныхъ толковъ земскія собранія въ этомъ вопросѣ не подвинулись. Принявъ за правило одно фактическое изложеніе дѣйствій собраній, мы воздерживаемся на этотъ разъ отъ проведенія собственнаго нашего взгляда на устройство учительскихъ семинарій, тѣмъ болѣе, что другой земскій дѣятель, какъ намъ извѣстно, намѣренъ въ томъ же журналѣ изложить свой взглядъ на этотъ предметъ.

Наконецъ, земскія собранія обратили вниманіе и на *разнообразность различныхъ сословій* въ дѣлѣ образованія; по предложенію гласныхъ Шарикова и Сорокина, Московское и Смоленское губернскія собранія положили ходатайствовать о свободномъ допущеніи въ гимназій и университетъ лицъ податныхъ состояній, безъ полученія ими увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ.

Обращаясь къ мѣстной дѣятельности земскихъ собраній по части народнаго образованія, мы видимъ, что особенно въ этомъ случаѣ выдаются дѣйствія *самарскихъ* и *херсонскихъ* земскихъ учреждений.

Самарское уѣздное собраніе назначило на усиленіе учебной части въ Самарскомъ уѣздѣ 1,500 р., Ставропольское 2,880 р. на 1865 г., въ пособіе 8 сельскимъ училищамъ, въ размѣрѣ 360 р. сер. на каждое училище, и 8,000 р. на распространеніе народнаго образованія, вообще; но вслѣдствіе возникшихъ преній, приведеніе въ исполненіе этой статьи приостановлено; Бугурусланское собраніе опредѣлило учредить въ Бугурусланѣ женское училище 2 разряда и ассигновало на

него ежегодно 1,500 р. сер.; Бузулуковское изъ числа 53 сельскихъ школъ въ уѣздѣ на поддержаніе 31—5,500 р. сер.; Бугульминское— на жалованье учителямъ предположенныхъ собраніемъ къ открытію въ уѣздѣ 10 школъ и на учебныя пособія ежегоднаго расхода 2,600 р., на приготовленіе въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ 10 мальчиковъ, для опредѣленія ихъ въ послѣдствіи на должности учителей, ежегодно 1,000 руб. и на устройство помѣщеній для училищъ 1,000 руб. ежегодно (всего 4,500 руб. по уѣзду); Николаевское на вспомошествованіе училищамъ 3,000 руб. сер. ежегодно, въ распоряженіе училищнаго совѣта, и кромѣ того, на обученіе и подготовленіе въ уѣздномъ училищѣ 20 мальчиковъ въ званіе сельскихъ учителей 1,500 р. (всего 4,500 р. на уѣздѣ); Новоузенское опредѣлило вновь учредить 7 земскихъ школъ съ 4 лѣтнимъ курсомъ ученія и на каждую ассигновало 1,500 р. (всего 10,500 р.), предоставивъ управѣ, не выходя вообще изъ смѣтнаго назначенія, употребить на устройство школъ и болѣе 1,500 р., на слѣдующее же собраніе (1866 г.) внести соображенія объ устройствѣ еще 3 земскихъ школъ.

Такимъ образомъ, въ смѣты уѣздныхъ потребностей на 1866 годъ, по всѣмъ 7 уѣздамъ Самарской губерніи, внесено на усиленіе средствъ народнаго образованія вообще 38,880 р. сер. Губернская управа предложила собранію ассигновать въ пособіе Самарской гимназіи на учрежденіе приготовительнаго при ней класса 700 р. и на вспомошествованіе бѣднымъ и отличнымъ ученикамъ 200 р., Самарскому женскому училищу 1 разряда 1,500 р. (всего 2,400 р.), на что 2 Самарское собраніе согласилось и увеличило пособіе женскому училищу до 2,000 р. (всего 2,900 р. ¹⁾). Но какъ ни краснорѣчивы эти цифры, отъ нихъ до дѣла еще довольно далеко. Насколько мы убѣдились на мѣстѣ, сборы эти пока еще производительно на народное образованіе не затрачены, да едва ли и поступать производительно: въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ земскій сборъ въ Самарской губерніи такъ тяжелъ, что составляетъ около 25% контрактной арендной платы за земельныя оброчныя статьи. При такомъ возвышенномъ окладѣ, бездомочное поступленіе сбора едва ли можно ожидать, особенно принимая во вниманіе весьма значительное накопленіе недоимокъ по сборамъ на мировыя учрежденія по Самарской губерніи съ владѣльческихъ земель въ таковой мѣрѣ, что предвидится ходатайство о разсрочкѣ этого сбора.

Состояніе народнаго образованія вообще въ Херсонской губерніи

¹⁾ Кромѣ того, не внесенныхъ въ смѣту 500 р. на учрежденіе стипендіи при самарскомъ женскомъ училищѣ для ученицъ Старомайнскаго женскаго училища (Старопольскаго уѣзда) съ цѣлію подготовленія ихъ къ должности учительницъ, по письму ген. Половцова.

и до введенія земскихъ учреждений было, сравнительно, довольно удовлетворительно: въ 4 уѣздахъ (Херсонскомъ, Одесскомъ, Александрійскомъ и Тираспольскомъ) считалось 368 школъ и обучающихся мальчиковъ 9,878, дѣвочекъ 3,147: едва ли многія изъ другихъ нашихъ мѣстностей могутъ похвалиться такимъ распространеніемъ образованія. Одну изъ самыхъ образованныхъ мѣстностей въ сѣверной промышленной Россіи составляетъ Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи: въ немъ на уѣздъ и городъ приходится 14 училищъ (1 уѣздное, 1 женское и 12 приходскихъ) съ 623 мальчиками и 265 дѣвочками. Замѣчательно, что рядомъ съ этимъ официальнымъ числомъ, по собраніемъ управою свѣдѣніямъ, училось у *частныхъ* наставниковъ, 1,095 мальчиковъ и 89 дѣвочекъ, такъ что въ Шулецевои волости число обученныхъ мальчиковъ составляетъ 7% всего мужскаго населенія, а въ Ивашевской дѣвочекъ $4\frac{1}{2}\%$.

Уѣздныя земскія собранія приняли слѣдующія мѣры:

Херсонское постановило: 1) для приготовленія народныхъ учителей въ Херсонскомъ приходскомъ училищѣ назначить учениками 20 мальчиковъ, содержаніе которыхъ, вмѣстѣ съ платою за обученіе, отнести на счетъ земства. Размѣръ этого содержанія для каждаго мальчика, предполагается опредѣлить въ 25 руб. въ годъ, всего 500 р. сер., что и предполагается внести въ смѣту на 1866 годъ. 2) Членамъ училищнаго совѣта на разѣздныя и суточные опредѣлить по 500 р. на каждаго. 3) Выдать пособіе въ размѣрѣ 1,000 р. Херсонской женской прогимназій, съ тѣмъ, что на эту сумму должны воспитываться безвозмездно 20 дѣвушекъ, безъ различія сословій, подъ наблюденіемъ управы. 4) Для открытія первоначальныхъ школъ и назначенія существующимъ школамъ пособія предоставить на усмотрѣніе управы 1,000 р. Вообще Херсонское уѣздное собраніе пожертвовало на дѣло народнаго образованія 3,500 р.

Александрійское: на поддержаніе и устройство народныхъ школъ опредѣлило 1,126 р., предоставивъ управѣ изъ этой суммы дѣлать вспомошествованіе нуждающимся сельскимъ школамъ.

Емсаветрадское предполагаетъ учредить на земскій счетъ гимназію и при ней школу для учителей, о чемъ и вошло въ сношеніе съ Александрійскимъ земствомъ.

Ананьевское постановило: 1) заняться составленіемъ полнаго училищнаго совѣта, въ которомъ недостаетъ членовъ со стороны вѣдомствъ народнаго просвѣщенія, духовнаго, палаты государственныхъ имуществъ и городского общества; 2) ходатайствовать у правительства объ устройствѣ особыхъ зданій для учителей тѣхъ селъ и мѣстечекъ Ананьевскаго уѣзда, которыя состоятъ по крайней мѣрѣ не менѣе какъ изъ 100 дворовъ; 3) ходатайствовать, чтобы признано было обязательнымъ ученіе для дѣтей обоего пола отъ 10—15 лѣтъ,

по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ будутъ признаны обязательными устройство и помѣщеніе школъ; 4) тамъ, гдѣ менѣе 100 дворовъ, пригласить мировыхъ посредниковъ, чтобы они на волостныхъ сходахъ убѣждали временно-обязанныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ въ необходимости устраивать у себя особия помѣщенія для школъ или посылать своихъ дѣтей въ селенія, гдѣ онѣ уже устроены; 5) просить губернской училищный совѣтъ, чтобы изъ 100 т. руб., ассигнованныхъ правительствомъ на расходы по этому дѣлу въ 1865 г., выслана была та часть, какая прійдется по ассигнованію на уѣздъ, для передачи этихъ денегъ въ уѣздный училищный совѣтъ; 6) такъ какъ дворяне въ теченіе 20 лѣтъ собирали деньги на открытіе уѣзднаго училища, но его не открыли, то просить уѣзднаго предводителя сообщить о собранныхъ суммахъ и положеніи дѣла; 7) ассигновать единовременно въ распоряженіе училищнаго совѣта изъ земскихъ суммъ 1,000 р. для употребленія ихъ, по усмотрѣнію совѣта, на надобности сельскихъ школъ.

Одесское предоставило въ распоряженіе управы ежегодно по 1,000 руб. для выдачи пособія тѣмъ обществамъ, которыя окажутъ расположеніе къ пожертвованіямъ на устройство школъ и по недостатку средствъ обратятся въ управу съ просьбою о пособіи.

Въ *Тирасполѣ*, гдѣ число школъ и учащихся всего менѣе, ничего по народному образованію не предпринято.

Херсонское губернское собраніе, согласно докладу управы, отложило свое заключеніе о мѣрахъ содѣйствія съ своей стороны этому важному дѣлу, за неполнотою свѣдѣній, необходимыхъ для тщательной разработки вопроса.

Изъ уѣздныхъ собраній Костромской губерніи ассигновали на поддержаніе сельскихъ школъ: Ветлугское 400 р. сер., Варнавинское 1,000, Костромское 1,500, Солигаличское 500 р., Кологривское 1,000, Чухломское 500 (вмѣстѣ съ пособіемъ мѣстному земскому училищу). Впрочемъ болѣею частію эта ассигновка осталась только цифрою на бумагѣ, не перейдя въ дѣло.

Новгородская губернская управа, по разсмотрѣніи свѣдѣній доставленныхъ уѣздными управами, доложила 2-му Новгородскому собранію слѣдующее:

«Результаты обсужденія вопроса о народномъ образованіи въ уѣздныхъ собраніяхъ содержатъ наиболѣе общія отъ уѣздныхъ собраній заявленія: о недостаткѣ средствъ, необходимости пособій, недостаткѣ и неудовлетворительности учителей, необходимости учрежденія школъ, преимущественно при приходкахъ и волостныхъ правленіяхъ. Въ пяти уѣздахъ назначены денежные пособія отъ 1,000 до 3,000 р.; въ двухъ уѣздахъ предложены сборы по назначенію и кружечный; одна изъ управъ проситъ о пособіи изъ губернскаго сбора въ 1,000 р. сер. Общей же идеи не выработано, и всѣ постановленія собраній весьма разнообразны. Мнѣніе по этому предмету, выработанное гл. членами губернской управы, заключаетъ въ себѣ систему послѣдовательныхъ мѣръ

необходимыхъ для развитія нравственнаго образованія народа, единственной цѣли, достиженіе которой гг. члены управы поставили себѣ задачей. Мѣры эти по мнѣнію ихъ слѣдующія: прежде всего приготовить народныя учебники и воспитателей. Достигнуть этого можно: назначеніемъ нѣкоторыхъ премій составителямъ лучшихъ учебниковъ, или принятіемъ на счетъ земства печатанія ихъ и строгимъ выборомъ личностей, которымъ ввѣрено будетъ народное образованіе, съ удостовѣреніемъ въ ихъ способности и нравственности училищными совѣтами; при чемъ исходитьствовать для обучающихъ ремесламъ нѣкоторыя льготы, по примѣру оспопрививателей. За тѣмъ уже, имѣя курсы и воспитателей, приступить къ устройству и открытію школъ при приходсахъ и волостныхъ правленіяхъ. Въ послѣдствіи же надобно приготовить и чтеніе для народа. Матеріальными средствами къ принятію мѣръ этихъ послѣдовательно, по мнѣнію гг. членовъ управы, могутъ быть: 1) добровольныя приношенія, 2) земскій сборъ, 3) установленіе нѣкоторой плати съ учащихся.

Собраніе единогласно утвердило это заключеніе управы. Но, кромѣ того, оно приняло слѣдующія мѣры: 1) рѣшило весьма важный вопросъ о раздѣленіи трудовъ по народному образованію между губернскимъ и уѣзднымъ собраніями, признавъ за первымъ обязанности по отысканію лучшихъ народныхъ учебниковъ, по приготовленію учителей и развитію ремеселъ посредствомъ устройства для нихъ школъ; устройство же и распространеніе первоначальныхъ школъ грамотности предоставлено уѣзднымъ управамъ. Кромѣ того, собраніе поручило управѣ къ будущей сессіи 2) составить проектъ устройства учительской школы для образованія сельскихъ учителей, которые могли бы быть одновременно фельдшерами и коновалами изъ среды сельскаго сословія и пользовались правами наравнѣ съ оспопрививателями; 3) рассмотреть подробно вопросъ о распространеніи ремеселъ и объ учрежденіи ремесленныхъ школъ, и если окажется для этого достаточно средствъ, то представить объ этомъ проектъ собранію; 4) выработать программу, при содѣйствіи гг. членовъ училищнаго совѣта, для народнаго учебника съ тѣмъ, чтобы предложить денежную премію отъ земства Новгородской губерніи за лучшее сочиненіе по этой программѣ, и внести эту программу на утвержденіе собранія, а такъ же и предположеніе о размѣрѣ преміи.

Кромѣ того, Новгородское собраніе утвердило по смѣтѣ на 1866 годъ 1,000 р. пособія вновь открытой женской гимназіи въ Новгородѣ для всѣхъ сословій, и 100 р. на покупку книгъ для народнаго чтенія для устроенной въ Новгородѣ народной читальни, съ тѣмъ чтобы реестръ купленныхъ книгъ былъ представленъ къ будущему собранію.

Изъ уѣздныхъ собраній Пензенской губерніи только Керенское назначило 664 р. на открытіе народныхъ школъ въ г. Керенскѣ и его уѣздѣ и Чембарское 272 р. на вспомошествованіе народному образованію. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, на народныя училища Керенскаго уѣзда переданы мѣстной управѣ 1,375 р. жалованья, слѣдовавшаго посреднику Логвинову и пожертвованнаго имъ въ пользу

правительства. Губернское собраніе положило 6,003 р. земскихъ сборовъ, оставшихся отъ упраздненной земской конюшни, присоединить къ собранному прежде капиталу на устройство женской гимназіи въ г. Пензѣ и поручить губернской управѣ къ слѣдующему собранію представить свои соображенія объ открытіи этого учрежденія.

Изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Московской губерніи болѣе дѣятельное участіе въ народномъ образованіи приняло одно Серпуховское собраніе. Оно постановило: оказывать существующимъ народнымъ школамъ въ уѣздѣ ¹⁾ пособие отъ 75—100 р. въ годъ, если онѣ не достаточно обеспечены, а равно на каждую школу, которую крестьянское общество вознамѣрилось бы открыть на собственные средства и они оказались бы недостаточными. На пособие отъ земства имѣютъ право тѣ училища (въ настоящее время временно-обязанныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ), которыя, кромѣ устройства и содержанія помѣщенія или найма квартиры и пріобрѣтенія необходимыхъ учебниковъ, не могутъ дать учителю, по недостатку средствъ, вознагражденія болѣе 20 р. въ мѣсяцъ. Право на получение пособия отъ земства должно быть основано на приговорѣ общества, писанномъ въ книгу волостнаго правленія, въ которомъ бы члены общества обязались устроить или нанять помѣщеніе для училища и обезпечить учителю ежегодное жалованье не менѣе 8 р. въ мѣсяцъ. Обязанность разсматривать эти приговоры возлагается на членовъ училищнаго совѣта, которые обязаны удостовѣриться въ дѣйствительной надобности пособия, назначать его размѣры въ предѣлахъ, указанныхъ земскимъ собраніемъ, и представлять ежегодно собранію свѣдѣнія о состояніи училищъ, получающихъ пособие отъ земства, для чего признается полезнымъ раздѣлить между ними уѣздъ на 2 участка. Для приведенія въ дѣйствіе этихъ мѣръ Серпуховское земство ассигновало ежегодно до 2,000 р. въ годъ, но исполненія до сихъ поръ не сдѣлано, такъ какъ серпуховская раскладка, по протесту губернатора, разсматривается сенатомъ.

Изъ Ярославскихъ уѣздныхъ собраній болѣе всѣхъ ассигновало на народное образованіе Рыбинское 3,200 р. вообще на распространеніе грамотности, Ярославское 2,000 р., Угличское 2,000 р. ²⁾ Гласный Селифонтовъ на устройство школъ въ Мологскомъ уѣздѣ пожертвовалъ 1,000 р. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ открыты на счетъ земства 14 школъ,

¹⁾ По докладу мѣстной управы, въ Серпуховскомъ уѣздѣ находится у временно-обязанныхъ и собственниковъ крестьянъ 27 сельскихъ училищъ, въ нихъ учениковъ мужскаго пола 757 человекъ и дѣвочекъ 120; 21 училище содержится на общественный сборъ съ крестьянъ, 3 на средства родителей, 2 на счетъ землевладельцевъ (гр. Соллогуба и г. Жукова) и 1 на счетъ купца (г. Шибалева).

²⁾ Расходъ этотъ не внесенъ въ свѣту и предполагается къ пополненію въ будущемъ году, сообразно дѣйствительной потребности.

какъ извѣстно изъ частныхъ слуховъ. (Журналы Пошехонскаго собранія еще не были напечатаны, когда мы были въ Ярославлѣ).

Черниговское губернское собраніе (по предложенію гласнаго Карачевского-Волка) постановило ассигновать 2,800 р. изъ остатковъ губернскаго земскаго сбора на открытіе при Черниговской гимназій педагогическаго училища, состоящаго изъ 30 стипендіатовъ, по образцу существующихъ школъ, для приготовленія учителей народныхъ училищъ. Каждый изъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Черниговской губерніи будетъ представлять двухъ лицъ, по своему выбору, для поступления въ педагогическое училище.

Харьковское назначило премію въ 250 р. за составленіе лучшей книги для чтенія народа, съ тѣмъ что эта премія будетъ выдана, по рассмотрѣніи представленныхъ къ сонсканію сочиненій въ самомъ собраніи.

Рязанское губернское собраніе, въ экстренномъ засѣданіи 17 апрѣля, по предложенію гласнаго Офросимова, положило, въ память дня чудеснаго избавленія Государя и отечества отъ гибели, основать центральное учебное заведеніе для приготовленія изъ мѣстныхъ жителей учителей для сельскихъ школъ, и наименовать его Александровскимъ. Изъ уѣздныхъ собраній Рязанской губерніи, одно Ражское собраніе, по ходатайству членовъ училищнаго совѣта, ассигновало 500 р. на поддержаніе сельскихъ училищъ; оно же приняло необходимымъ для устройства сельскихъ школъ установить сборъ съ браковъ, «не обременительный и для послѣдняго простолюдина, дѣти котораго болѣе всего нуждаются въ подобныхъ заведеніяхъ».

Въ Нижегородской губерніи чиновники III окружнаго акцизнаго управленія пожертвовали половинную сумму приходящихся на долю ихъ штрафовъ въ пользу Арзамасскаго женскаго училища, а другую половину на открытіе сельскихъ школъ въ томъ же уѣздѣ.

Тульское губернское собраніе ассигновало Тульской женской гимназій пособіе въ 3,000 руб. сер. изъ дополнительныхъ земскихъ сборовъ въ теченіе 3 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы въ израсходованіи этихъ суммъ собраніе получало отчетъ и имѣло преимущественное право помѣщенія 78 воспитанницъ пансіонерками за 175 р. въ годъ, по усмотрѣнію уѣздныхъ собраній, соображаясь съ долею взноса пособія, платимаго каждымъ уѣздомъ.

Казанское губернское собраніе, выслушавъ заявленіе гласнаго Якоби о школѣ для сельскихъ учителей, просило его, всѣ свои предложенія объ устройствѣ этой школы передать въ губернскую управу, для представленія заключенія въ слѣдующую сессію. Въ то же время поручить уѣзднымъ управамъ представить соображенія свои по этому предмету на уѣздныя земскія собранія и, если то окажется возможнымъ и по-

левнымъ, прислать нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ для помѣщенія ихъ въ школу, по распоряженію губернской управы.

Такимъ образомъ, большинство губернскихъ собраній, Псковское ¹⁾, Полтавское, С.-Петербургское, Московское, Нижегородское, Смоленское, Воронежское, Тверское, Херсонское, Калужское, отложили принятіе дѣйствительныхъ мѣръ по части народнаго образованія до слѣдующей сессіи, хотя на нихъ и возбуждены были довольно оживленные иренія по этому вопросу. Въ Курскомъ, Тамбовскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ и Симбирскомъ губернскихъ собраніяхъ вопросъ объ образованіи вовсе не былъ поднятъ.

Вотъ все ²⁾, что сдѣлали земскія учрежденія по части народнаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени, *еще до одной* земскія собранія, по мѣрѣ средствъ, обратятъ свое вниманіе на этотъ важный предметъ. Въ какомъ онъ у насъ положеніи, приводимъ любопытныя данныя изъ рѣчи гл. Давилевскаго въ Харьковскомъ губернскомъ собраніи: «По изысканіямъ въ харьковскихъ архивахъ пресвященнаго Филарета, въ 1732 году въ Харьковской губерніи было 135,000 жителей и 47 сельскихъ школъ. Теперь въ губерніи 1,590,000 жителей и 285 школъ. Слѣдовательно въ эти 133 года народонаселеніе губерніи увеличилось въ 12 разъ, а число народныхъ школъ только въ 6 разъ или иначе съ 1732 года число народныхъ школъ *уменьшилось вдвое*. Тогда 1 школа приходилась почти на 3,000 человекъ, теперь 1 школа приходится почти на 5,000 жителей губерніи. Въ 1864 году, число учащихся въ этихъ школахъ было 9,790 человекъ, слѣдовательно, 1 учащійся на 14 или 15 неучащихся. Если дѣло грамотности въ Харьковской губерніи останется въ настоящемъ положеніи, то крестьянское населеніе, т. е. $\frac{5}{8}$ ея жителей, станетъ все грамотнымъ только почти *чрезъ полтора ста лѣтъ*, т. е. въ 2,020 г. послѣ Р. Хр. На 285 школъ въ губерніи только въ 25 находятся теперь свѣтскіе учителя и учительницы, въ 260 школахъ учить духовенство. Слѣдовательно, только $\frac{1}{16}$ доля наставниковъ выносить на себѣ послѣдній учительскій трудъ, а $\frac{15}{16}$ несутъ его мимоходомъ и между прочимъ, постоянно отрываясь отъ него своими духовными обязанностями.» Замѣтимъ при этомъ, что Харьковская губернія еще одна изъ самыхъ просвѣщенныхъ!
и. колюпановъ.

¹⁾ Въ Псковскомъ собраніи былъ между прочимъ предложенъ сборъ съ ведра вина по 5 коп. на устройство народныхъ школъ.

²⁾ Что касается до уѣздныхъ собраній, то о многихъ изъ нихъ мы не собрали никакихъ свѣдѣній и потому не можемъ ручаться за пропускъ. Большая часть свѣдѣній могла быть нами собрана только лично на мѣстахъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

НОВѢЙШІЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ.

Въ ряду великихъ преобразованій, совершившихся на нашихъ глазахъ съ 1855 года, одно преобразование прошло лишь незамѣченнымъ, между тѣмъ какъ оно не менѣе важно, и — мы готовы сказать — обуславливаетъ даже своимъ успѣхомъ многія другія начинанія. Говоря такъ, мы разумѣемъ послѣднія преобразованія по государственной отчетности. Публикѣ они знакомы подъ неприятымъ для многихъ именемъ «единства кассы», которое рождаетъ въ головѣ каждаго одну мысль о какомъ-то новомъ стѣсненіи и сожалѣніе о прежнихъ утраченныхъ удобствахъ. Мы понимаемъ этотъ взглядъ, ведущій начало изъ той эпохи, когда оцѣнка государственныхъ порядковъ производилась съ иныхъ точекъ зрѣнія, которыя уже сдѣлались невозможными въ наше время. Кто нибудь, положимъ, имѣлъ прежде расчетъ съ казною; онъ скоро получалъ свои деньги, и если бы ему при этомъ связать, что его личное удобство сопряжено съ разстройствомъ государственнаго хозяйства и даже основано на немъ, то многіе отвѣтили бы, что до послѣдняго ему мало дѣла, лишь бы скорѣе получить свое. Но необходимо желать соединенія выгодъ частнаго лица съ выгодами общественной казны, и понимать, что беспорядокъ въ послѣдней рано или поздно отзовется и на частномъ хозяйствѣ каждаго.

При такомъ убѣжденіи, всякое преобразование и улучшеніе въ государственной отчетности есть дѣло чрезвычайной важности, и нельзя не удивляться, какъ то, что было дѣлано по этому предмету, обратило мало на себя вниманіе общества, по сравненію съ другими реформами послѣднихъ лѣтъ *).

Правда, у насъ не вошло въ нравы частнаго хозяйства все основывать на строгой отчетности, потому неудивительно, что равнодушіе отнеслись къ тому же явленію въ государственной жизни, и даже остановились въ сужденіяхъ на мысли, что это — новое бремя, а «един-

*) Историческіе примѣры другихъ странъ и другого времени еще краснорѣчивѣе убѣждаютъ насъ въ важности строгого и яснаго порядка въ государственной отчетности. Наприм., финансовая исторія Франціи въ концѣ прошедшаго столѣтія, съ которою такъ тѣсно связана была и политическая судьба этого государства, доказываетъ, что отчетное положеніе французскихъ финансовъ наканунѣ французской революціи заключалось не столько въ бѣдности казны, сколько въ полномъ отсутствіи извѣстности относительно дѣйствительнаго состоянія. Невозможность знать свои денежные обороты можетъ быть названа своего рода бѣдностью и, можетъ быть, самое опасную.

ство кассы» сдѣлалось какою-то *bête noire*. Но предложите какому нибудь банкирскому дому зачитать отчетную часть, или поставьте его въ невозможность знать точно свои обороты, и дѣло его будетъ невозможно. Между тѣмъ, наше государственное хозяйство до послѣднихъ лѣтъ именно походило на подобный банкирскій домъ, не знавшій, чѣмъ и какъ онъ владѣеть.

Но желая лучше разяснить характеръ и сущность нашей реформы по государственной отчетности, мы представимъ прежде исторически ходъ всего дѣла, и укажемъ въ заключеніе, чего намъ слѣдуетъ ожидать отъ новой реформы, и чего самая реформа ждетъ отъ насъ, т. е. какія дополненія необходимы для нея, чтобы имѣть наилучшее практическое осуществленіе.

Состояніе отчетности у насъ, до 1856 года, само, какъ мы увидимъ, говорило о необходимости предпринять мѣры для упорядоченія того, что обуславливаетъ всякое хозяйство, какъ частное, такъ и общественное; но приступить къ самой реформѣ безъ близкаго ознакомленія съ состояніемъ того же предмета въ чужихъ краяхъ, значило бы отказаться отъ чужого опыта, необходимаго и полезнаго во всякомъ дѣлѣ*). Дѣйствительно, въ 1856 году, былъ командированъ предварительно съ этою цѣлью за границу В. А. Татариновъ. По возвращеніи въ Россію въ 1858 году, онъ представилъ составленныя имъ записки о государственной отчетности во Франціи, Бельгіи, Австріи и Пруссіи, и объ отчетности собственно военного и морского вѣдомства во Франціи, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ же общимъ сравнительнымъ обзоромъ дѣйствующихъ за границею системъ государственной отчетности. Въ этомъ обзорѣ было изложено: — что государственная

*) Въ 1864, австрійскій министръ фонъ Пленеръ, имѣя въ виду подобную же реформу, поручилъ Карлу фонъ Церингу, председателю статистическаго центрального комитета въ Вѣнѣ, составить обстоятельный обзоръ учреждений по бюджету, государственному счетоводству и отчетности въ Австріи, Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ, Франціи и Бельгіи. Эта работа не предназначалась для печати, но въ нѣлѣпнѣмъ году авторъ издалъ свой трудъ, на который мы сѣмъ указавъ спеціально, какъ на весьма полезную справочную книгу (*Darstellung der Einrichtungen über Budget, Staatsrechnung und Controlle in Oesterreich, Preussen, Sachsen, Baden, Württemberg, Baden, Frankreich und Belgien, von Carl Freiherrn von Szoernig. Wien. 1866. 187 стр.*). Каждое изъ вышеупомянутыхъ государствъ разсматривается въ особомъ отдѣлѣ, гдѣ нѣсколько параграфовъ посвящается и на *Buchungs-Controlle*; *Administrative Controlle*, *Staatscontrolle* и проч. Въ концѣ сочиненія приложенъ сравнительный обзоръ тѣхъ же государствъ, вмѣстѣ вытѣхъ. Общее заключеніе представляетъ слѣдующую мысль: формъ бюджета и отчетности въ зап. Европѣ образуются двѣ группы, а именно, нѣмецкую и французскую. Въ нѣмецкой формѣ мы видимъ переходное состояніе отъ прежнихъ патриархальныхъ началъ къ началамъ рациональнымъ; французская же форма во Франціи и Бельгіи, вслѣдствіе вліянія революціи, построена на *tabula rasa*, и потому проведена съ неумолимою логическою послѣдовательностью.

отчетность всѣхъ вышеупомянутыхъ странъ тѣсно связана съ ихъ финансовыми учрежденіями, и что движеніе капиталовъ и ихъ учетъ вездѣ совершаются при слѣдующихъ основныхъ началахъ:

1. Въ основаніе составленія смѣтъ вездѣ принято, чтобы каждое назначеніе дохода и расхода подкрѣпляемо было указаніемъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, коими руководствовались, при исчисленіи цифръ, составители смѣтъ.

2. Государственный бюджетъ вездѣ составляется министерствомъ финансовъ изъ частныхъ смѣтъ, доставляемыхъ подлежащими управленіями, которыя въ этихъ смѣтахъ заявляютъ не только о всѣхъ предстоящихъ расходахъ и постоянныхъ доходахъ, но и о всѣхъ поступленіяхъ случайныхъ, равно и доходахъ съ капиталовъ экономическихъ, чѣмъ и преграждается возможность управленіямъ увеличивать свои смѣтные средства посторонними поступлениями; вслѣдствіе сего и общій государственный бюджетъ изображаетъ всѣ средства и потребности государственныя. Кромѣ того, вездѣ въ бюджетѣ общіе государственные доходы тщательно отдѣлены отъ расходовъ потребныхъ на взиманіе доходовъ, что и даетъ средства опѣивать безошибочно дѣйствительную производительность каждой отрасли доходовъ.

Смѣты разсматриваются и утверждаются: — во Франціи, Бельгій и Пруссіи избирательными палатами, а въ Австріи императоромъ, отъ котораго зависитъ передать бюджетъ на предварительное обсужденіе государственнаго совѣта. Палаты разсматриваютъ бюджеты весьма подробно; при чемъ въ Пруссіи принято правиломъ, повѣрять бюджетъ совмѣстно съ послѣднимъ, обревизованнымъ счетною палатою, государственнымъ отчетомъ; черезъ что достигается два весьма важныхъ условія: полученіе вѣрныхъ данныхъ для назначенія и своевременность обревизованія и составленія общаго государственнаго отчета, который по необходимости долженъ быть готовъ ко времени внесенія смѣтъ.

Сроки утвержденія бюджетовъ различны: въ Бельгій и Франціи бюджеты утверждаются за 10 мѣсяцевъ, въ Австріи за 4 мѣсяца, а въ Пруссіи въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ начавшагося уже года. При исполненіи смѣты, замѣна недостатковъ сбереженіями допускается — во Франціи и Пруссіи только по второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты, по главнымъ же статьямъ замѣны нигдѣ не допускаются. Во Франціи, въ 1852 году, разрѣшено было это, но какъ такое допущеніе обнаружило произвольные расходы, небреженіе въ составленіи смѣты и запутанность въ отчетности, то съ 1856 года это снова воспрещено.

Дѣйствіе смѣты ограничено: въ Пруссіи — 12-ю мѣсяцами, въ Бельгій 10-ю, во Франціи 8-ю мѣсяцами по окончаніи того года, который

даетъ наименование бюджету, а въ Австріи дѣйствіе смѣты продолжается только въ теченіе года. Переносъ невыполненныхъ расходовъ изъ одной смѣты въ другую вовсе не допускается только въ Австріи, въ прочихъ государствахъ это допускается по расходамъ строительнымъ. Расходы сверхсмѣтные только въ Бельгіи подвергаются предварительному разбору палаты депутатовъ, во Франціи и Пруссіи они разрѣшаются высочайшею властію. Общіе государственные отчеты утверждаются тѣми же учреждениями, которыя утверждаютъ смѣты.

3. Основаніемъ организаціи кассъ и порядка движенія капиталовъ во Франціи и Бельгіи служить правило, что *распорядитель кредиторомъ не можетъ быть отчетнымъ хранителемъ денегъ*; отсюда прямымъ слѣдствіемъ является — единство кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ одного министерства финансовъ, которое непосредственно удовлетворяетъ всѣхъ кредиторовъ казны въ государствѣ, а министерства и управленія распорядительныя не имѣютъ у себя на рукахъ никакихъ капиталовъ, кромѣ незначительныхъ авансовъ, на мелочные, нетерпящіе отлагательства, расходы, отпускъ которыхъ изъ государственнаго казначейства всегда обусловливается представленіемъ отчета въ авансѣ предшествующемъ. Правило это столь выгодное для государственнаго хозяйства, по устраненію мертвыхъ капиталовъ и случаевъ ихъ растраты, упрощающее счетоводство и отчетность, существуетъ и въ Германіи, но развито тамъ не въ такой полнотѣ и рациональности, какъ въ Бельгіи и Франціи. Такъ, въ Пруссіи и Австріи расходы мѣстные провинціальныя удовлетворяются одними кассами вѣдомства министерства финансовъ съ небольшими исключеніями; затѣмъ расходы центральныя частію уплачиваются изъ столичныхъ кассъ, но нѣкоторыя управленія имѣютъ непосредственно имъ подчиненныя, находящіяся въ Вѣнѣ и Берлинѣ, кассы.

Взиманіе податей вездѣ отдѣлено отъ производства расходовъ. Въ Бельгіи и Франціи на сборщики возложено и преслѣдованіе своевременной уплаты податей, при денежной отвѣтственности за недоимки. Сложеніе недоимокъ, по особымъ обстоятельствамъ, вездѣ предоставляется мѣстнымъ учреждениямъ, какъ ближайшимъ дѣнителямъ случаевъ, воспрепятствовавшихъ уплатѣ податей. Сборщики уплачиваютъ самостоятельно только издержки по взиманію ввѣренныхъ имъ доходовъ и затѣмъ передаютъ собранныя ими деньги, т. е. чистые государственные доходы, въ провинціальныя денежные центры, откуда они, по удовлетвореніи мѣстныхъ государственныхъ расходовъ, направляются уже къ общимъ денежнымъ кассамъ или центрамъ столичнымъ. Провинціальныя денежные центры составляютъ въ Бельгіи — *конторы бельгийскаго національнаго банка*, представляющаго собою *общаго кассира юсударственнаго*; во Франціи — департаментскіе финансовыя сборщики; въ Австріи и Пруссіи — провинціальныя и окру-

вня кассы. Такимъ образомъ, бельгійская счетная процедура по обороту капиталовъ является самою рациональною, потому что централизація государственныхъ доходовъ ничего не стоитъ правительству, тогда какъ во Франціи эта статья представляетъ расходъ въ 8-мъ милліоновъ. Общіе государственные расходы уплачиваются изъ денежныхъ центровъ провинціальныхъ и столичныхъ прямымъ кредиторамъ казны непосредственно. Расходныя предписанія исходятъ или отъ самихъ министровъ или отъ уполномоченныхъ ими второстепенныхъ распорядителей капиталами: при чемъ во Франціи эти послѣдніе имѣютъ право назначать въ выдачу только до $\frac{5}{6}$ причитающихся кредиторамъ казны денегъ, а послѣдняя часть назначается самимъ министромъ по повѣрствъ предварительныхъ платежей и по признаніи ихъ правильными. Всѣ вообще денежные предписанія проходятъ черезъ министерство финансовъ, агенты котораго дѣлаютъ на нихъ свои надписи кассамъ о производствѣ уплатъ. Самый замѣчательный процессъ ассигнованія, по своей ясности, существуетъ въ Бельгій, гдѣ предписаніе, исходящее отъ распорядительнаго министерства, проходитъ счетную палату и министерство финансовъ, не прерываясь, такъ что на томъ же листѣ кладутся лишь надписи и штемпеля, и, такимъ образомъ, это предписаніе представляетъ собою полный документъ для повѣрки его движенія и выдачи денегъ. Вездѣ существуетъ, предварительная выдача, повѣрка правильности требованія, и исполняется это: во Франціи, Пруссіи и Австріи кассирами и контролерами, при кассахъ находящихся и подчиненными министерству финансовъ; въ Бельгій же, гдѣ централизація государственныхъ доходовъ и обязанность расходчика исполняютъ банки и его конторы, предварительный контроль каждаго расходнаго предписанія возложенъ на счетную палату.

Двойная, такъ называемая италіанская, бухгалтерія примѣнена всего болѣе во Франціи, гдѣ ввели ее, еще въ 1718 году, банкиры, братья Парисъ, при отдачѣ имъ на откупъ, во времена регентства, всѣхъ отраслей государственныхъ доходовъ; впоследствии, система эта сохранена и правительствомъ; въ Бельгій, принявшей во многомъ французскія формы счетоводства, ввелась тоже эта система. Въ Германіи же, гдѣ знаніе двойной бухгалтеріи распространено повсемѣстно и примѣнено даже къ хозяйству самыхъ малыхъ экономій, счетоводство и отчетность по оборотамъ государственнымъ располагаются по правиламъ простой бухгалтеріи, а къ двойной обращаются лишь въ такихъ случаяхъ, когда правительство является само хозяйственнымъ производителемъ какой либо отрасли дохода, напр. горной, и отъ своихъ операцій получаетъ выгоды или убытокъ, что, какъ извѣстно, и составляетъ существенную цѣль двойной бухгалтеріи.

4. Всѣ дѣйствующія въ Европѣ системы отчетности основаны на слѣдующихъ трехъ коренныхъ началахъ: а) окончательная ревизія

счетовъ вездѣ предоставляется высшему учрежденію, вполне независимому отъ управленій, распоряжающихся капиталами; б) учрежденіе это повѣряетъ движеніе капиталовъ по подлиннымъ документамъ; и в) при этой повѣркѣ ревизіонное учрежденіе рассматриваетъ дѣйствія какъ исполнителей (кассы), такъ и распорядителей, съ тѣмъ однако различіемъ, что при повѣркѣ дѣйствія исполнителей оно постановляетъ окончательные надъ кассирами приговоры, тогда какъ, при повѣркѣ дѣйствій распорядителей, подобные приговоры имѣютъ мѣсто только по обстоятельствамъ безспорнымъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, въ особенности при оцѣнѣ выгодности операцій и хозяйства отчетныхъ управленій, высшее ревизіонное учрежденіе дѣлаетъ только выводы и замѣчанія, передаваемые на окончательное заключеніе высочайшей власти или палаты.

При дѣйствіи этихъ общихъ началъ, главнѣйшія различія особенностей каждой системы заключаются въ слѣдующемъ:

Въ Бельгіи, контроль счетной палаты предшествуетъ совершенію расхода, поэтому всякое расходное предписаніе, со всѣми документами, оправдывающими его, поступаетъ въ счетную палату и, признанное ею правильнымъ, передается въ кассу для уплаты; каждые три мѣсяца кассы возвращаютъ въ счетную палату оплаченные ими расходными предложеніями съ вѣдомостями о своихъ оборотахъ. Изъ этого всего составляется счетною палатою годовою отчетъ и представляется на разсмотрѣніе и утвержденіе въ палату департаментовъ, куда представляются и годовые отчеты распорядительныхъ министерствъ, помимо равенія ихъ въ счетной палатѣ. Кромѣ того, бельгійская счетная палата наблюдаетъ за совершеніемъ и движеніемъ государственныхъ долговъ, за выпускомъ и погашеніемъ билетовъ государственнаго казначейства и за назначеніемъ пенсій.

Во Франціи, счетная палата касается дѣйствій совершившихся. По центральной кассѣ въ Парижѣ отчетность представляется ежемѣсячно, а по остальнымъ кассамъ — по истеченіи года. По обрѣзываніи этихъ отчетовъ, палата слышаетъ ихъ съ общимъ государственнымъ отчетомъ, составляемымъ въ министерствѣ финансовъ, и заключенія свои представляетъ императору и законодательному корпусу.

Въ Австріи, въ государственномъ контролѣ сосредоточена не только ревизія оборотовъ по документамъ, но и счетныя занятія, предшествующія движенію капиталовъ, какъ-то: составленіе смѣтъ, расчетовъ, и вообще занятія, составляющія у насъ въ Россіи и въ другихъ государствахъ предметъ дѣйствія счетныхъ отдѣленій министерствъ и распорядительныхъ управленій. Ревизія производится по ежемѣсячнымъ журналамъ.

Въ Пруссіи, кассы доставляютъ счетной палатѣ свои счета еже-

годно, а періодическія отчетныя вѣдомости, по третямъ, доставляютъ министерствамъ.

Главный предметъ ревизіи счетной палаты составляетъ повѣрка дѣйствій распорядителей и хозяйственность отчетныхъ управленій. Этотъ видъ ревизіи въ Пруссіи развитъ и опредѣленъ положительно и ясно законами, на основаніи коихъ прусской счетной палатѣ предоставлено наблюдать при ревизіи: не уклоняются ли управленія отъ главныхъ основаній государственнаго управления, согласны ли распоряженія ихъ съ законами, и самыя законы не подлежатъ ли измѣненію.

Такимъ образомъ, системы отчетности 4-хъ западныхъ государствъ, согласныя между собою въ основныхъ началахъ, разнятся въ частности, свойственныхъ каждой системѣ, или при дѣйствіи ея болѣе развитыхъ въ одномъ государствѣ нежели въ другомъ; напр. въ Бельгій отчетности характеризуется полнымъ правильнымъ развитіемъ контроля предварительнаго. Таковой контроль, кромѣ Бельгій, существуетъ въ Англіи, Голландіи, Баваріи и Италіи.

Особенность австрійской системы отчетности состоитъ въ сосредоточеніи всего счетно-ревизіоннаго дѣла въ одномъ государственномъ контролѣ и отсутствіи счетныхъ частей при распорядительныхъ управленіяхъ. Рѣзкая черта прусской системы отчетности состоитъ въ полномъ и весьма опредѣленномъ развитіи повѣрки дѣйствій распорядителей, которая, касаясь самыхъ высшихъ сферъ государственнаго хозяйства, всегда идетъ рядомъ съ повѣркою исполнителей, и составляетъ необходимое дополненіе послѣдней. Во Франціи нѣтъ никакой черты рѣзко характеризующей отчетность, которая бы не встрѣчалась въ системахъ отчетности другихъ государствъ. Французская счетная палата, имѣвшая, въ свое время, вполнѣ заслуженную европейскую извѣстность, служила во многихъ случаяхъ образцами для другихъ государствъ, которыя не только воспользовались опытомъ старѣйшаго въ этомъ родѣ ревизіоннаго учрежденія, но и нерѣдко развивали принятыя ею правила съ болѣею полнотою и рациональнію. Такъ, идея предварительнаго контроля, выразившаяся во Франціи предшествующею выдачѣ денегъ повѣркою каждаго расходнаго предписанія департаментскимъ расходчикомъ министерства финансовъ, въ Бельгій развита предоставленіемъ этого права самой счетной палатѣ, — учрежденію ревизіонному и независимому; періодическая повѣрка счетовъ, останавливающаяся во Франціи на половинѣ пути своего ревизіоннаго процесса, производится въ Бельгій счетною палатою безостановочно, вслѣдъ за совершеніемъ ревизіи, въ министерствѣ финансовъ; повѣрка распоряженій, хотя и ясно проявляется во Франціи въ замѣчаніяхъ о дѣйствіяхъ распорядителей, представляемыхъ счетною палатою на усмотрѣніе императора и законодательнаго собранія, но не опредѣлена тамъ достаточно полными правилами, тогда какъ въ Пруссіи

этотъ способъ ревизіи развитъ окончательно законами, опредѣляющими, какимъ образомъ долженъ быть повѣряемъ счетною палатою каждый видъ распоряженій и хозяйства отчетныхъ управленій.

Вездѣ кассы подлежатъ отчетности періодической и годовой, съ тѣмъ существенныхъ различіемъ, что въ Бельгій, Франціи и Австріи періодическая отчетность сопровождается всѣми документами, по которымъ и производится ревизія оборотовъ, а въ Пруссіи ревизія по документамъ производится по счетамъ годовымъ.

Отчетность матеріальная вездѣ служитъ пособіемъ и дополненіемъ отчетности денежной и ревизуется контролемъ, какъ и денежная, по подлиннымъ документамъ. Лучшая и болѣе подробная матеріальная отчетность существуетъ въ Пруссіи.

При подробной со стороны контроля ревизіи счетовъ всѣхъ кассъ, составленіе изъ нихъ общихъ по государству отчетовъ казалося бы простымъ и нисколько не затруднительнымъ дѣломъ самаго контроля. Между тѣмъ видно, что такъ дѣлается только въ Австріи, а въ другихъ государствахъ обязанность эта возлагается на министерство финансовъ, съ обязанностию для контроля провѣрять отчетъ и свидѣльствовать въ его вѣрности.

Срокъ представленія таковыхъ отчетовъ въ Бельгій, Франціи и Австріи — полугодовой со времени окончанія отчетнаго періода, а въ Пруссіи, гдѣ подробная ревизія совершается по счетамъ годовымъ, представленіе общаго отчета совершается черезъ полтора года.

Организація и численный составъ контрольныхъ учрежденій являются въ такомъ видѣ: въ Бельгій, Франціи и Пруссіи ревизія всѣхъ вообще счетовъ централизована въ столицахъ, въ счетныхъ палатахъ, составъ которыхъ слѣдующій: въ Бельгій 30-ть ревизоровъ, въ Пруссіи 50-ть и во Франціи 105-ть ревизоровъ. Содержаніе ревизоровъ разнообразно — отъ 3,000 до 9,000 франковъ. Въ Австріи существуютъ для ревизіи 11-ть бухгалтерій въ Вѣнѣ и 21 въ провинціяхъ, несвязанныя между собой никакою подчиненностію, но непосредственно зависящія отъ главнаго управленія государственнаго контроля.

Коллегіальное начало въ учрежденіяхъ государственнаго контроля существуетъ только въ Бельгій и Франціи. Затѣмъ, заканчивая свою записку изложеніемъ краткаго перечня главнѣйшихъ основныхъ началъ, принятыхъ государствами западной Европы, В. А. Татариновъ заявлялъ, что повсемѣстное принятіе этихъ началъ служить неоспоримымъ доказательствомъ ихъ пользы и необходимости.

Одновременно съ сими сводомъ представлены были соображенія о примѣненіи къ Россіи основныхъ началъ государственной отчетности, принятыхъ иностранными государствами.

Этотъ докладъ начинается сравненіемъ началъ отчетностей иностранныхъ съ русскою; отсюда выводилось: что смѣты въ Россіи не

представляли всѣхъ средствъ и потребностей государственныхъ, потому что въ нихъ не вносились: ни капиталы экономическіе, ни такъ называемые ресурсы экстраординарные. Вводимыя въ смѣты назначенія не подкрѣплялись достаточно полными данными. Общіе расходы не отдѣлялись отъ расходовъ на взыманіе доходовъ. При исполненіи смѣты, статьи смѣтныхъ назначеній не служили неизмѣняемыми предѣлами. Дѣйствіе смѣты не было ограничено никакимъ срокомъ, такъ что распорядители требовали суммъ вдругъ по нѣсколькимъ смѣтамъ, а остатки обращали въ экономическіе капиталы, которые лежали по нѣскольку лѣтъ непроизводительно, служа лишь распорядителямъ ресурсами къ произвольнымъ, нигдѣ незаывляемымъ, расходамъ.

Единства кассы въ Россіи не было и тѣни, напротивъ, каждое министерство хранило суммы у себя и распоряжалось ими совершенно произвольно, относя на собственные средства такіе расходы, которые не оправдывались необходимостію по общимъ положеніямъ государственнаго казначейства; вслѣдствіе такого порядка, послѣднее весьма часто затруднялось въ средствахъ и прибѣгало къ займамъ, когда въ распорядительныхъ управленіяхъ хранились непроизводительно, въ значительномъ размѣрѣ, экономическіе капиталы. Такъ напр. къ 1-му января 1855 года, въ кассахъ вѣдомства министерства финансовъ состояло всего *75-тъ милліоновъ рублей*, а въ кассахъ постороннихъ управленій хранилось *болѣе 200 милліоновъ*.

Контроль предварительный не имѣлъ у насъ мѣста, потому что исполнителей, т. е. кассировъ, повѣряли сами управленія, распоряжающіяся суммами, а государственный контроль повѣрялъ дѣйствія распорядителей, но не по подлиннымъ документамъ, а по генеральнымъ отчетамъ, представлявшимъ собою своды голыхъ цифръ съ удостовѣреніемъ самихъ распорядителей, что показанные въ отчетѣ обороты согласны съ документами ея. Такимъ образомъ, ревизія по документамъ лежала на обязанности распорядителей, а слѣдовательно, строгой ревизіи и невозможно было ожидать, ибо *распорядителямъ приходилось потвѣрять свои собственныя дѣйствія*. Ко всему этому, относительно благоустройства мѣстной ревизіи, приведены, между прочимъ, въ докладѣ такіа данія, что напр. къ 1856 году въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было не обревизовано до 13 т. счетовъ; отъ министерства юстиціи не доставлено отчетовъ съ 1843 года, т. е. за 15 лѣтъ; въ главномъ управленіи путей сообщенія было болѣе 10 т. счетовъ не обревизовано, а неразсмотрѣнныхъ дѣлъ на 78 милліоновъ рублей. Наконецъ, окончательное заключеніе ревизіи совершалось у насъ весьма часто по прошествіи 5 и 6 лѣтъ со времени отчетнаго дѣйствія, да и то, положительно государственный контроль не можетъ сказать, за каковой именно годъ имъ повѣрены окончательно государственные обороты, потому что неизвѣстно, въ какихъ суммахъ

должны быть представляемы отчеты, а вследствие неопредѣленія срока заключенія смѣты, можно было всякій годъ ожидать расходовъ на смѣты давнопрошеднія. Такимъ образомъ, система наша являлась вполне противоположною системамъ выработаннымъ на западѣ, часто обращала вниманіе лицъ, имѣвшихъ случай близко ознакомиться съ ея основаніями, на положительную необходимость принять основнымъ орудіемъ въ дѣлѣ ревизіи—документъ. Всѣ улучшения, предлагаемыя бывшимъ контрольнымъ комитетомъ въ сущности относились къ тому же; и если онъ не предлагалъ полного возложенія на государственннй контроль всей ревизіи документальной, а призналъ возможнымъ ограничиться смѣшаннымъ контролемъ, то собственно потому, что въ программѣ его было указано: не увеличивать цифры бюджета на содержание контроля. Независимо отъ сего, еще ранѣе, въ 1837 году, при разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ представленія генералъ-адъютанта Киселева, предлагавшаго ввести въ государственномъ контролѣ систему ревизіи документальной, совѣтъ призналъ эту систему основанною на началахъ непреложныхъ, и вмѣстѣ съ симъ о системѣ генеральной отчетности, тогда только-что введенной, выразился какъ о системѣ принятой по необходимости, которую слѣдуетъ сохранить по недавнему введенію, до тѣхъ поръ, пока на опытѣ не обнаружатся ея недостатки, и тогда тотъ же опытъ покажетъ возможные и вѣрные способы ее исправленія.

Выяснивъ такимъ образомъ осязательные недостатки нашей системы отчетности, и подтвердивъ ихъ указаніями опыта и мнѣніемъ государственныхъ лицъ, предложили примѣнить къ государственной нашей отчетности слѣдующія основныя начала движенія и повѣрки капиталовъ: 1) для всѣхъ управленій однообразное и рациональное составленіе, исполненіе и заключеніе смѣты; 2) единство кассы; 3) контроль предварительный; 4) ревизію государственныхъ оборотовъ въ учрежденіи независимо, по подлиннымъ документамъ; и 5) соединеніе въ этомъ учрежденіи повѣрки исполнителей и распорядителей. При этомъ оговорено, что подробности и степень примѣненія каждаго изъ этихъ началъ къ нашей отчетности надо заимствовать изъ тѣхъ именно государствъ, гдѣ они являются развитыми съ бѣльшею полнотою и законченностію.

По прочтеніи этого Всеподданнѣйшаго доклада, Его Величество собственноручно изволилъ изложить на немъ: «По важности сего дѣла желаю, чтобы оно было прочтано въ совѣтѣ министровъ. Я съ своей стороны совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желаю бы, чтобы и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей».

Вслѣдствіе означенной Высочайшей воли, представленнаго государ-

ственными контролерами бумаги рассмотрѣны были 5-го ноября 1858 года въ совѣтѣ министровъ, въ присутствіи Его Величества; при чемъ Высочайше повѣлено: для рассмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости принятія коренныхъ началъ, кои должны служить основаніемъ для установленія правильного движенія капиталовъ и рациональной отчетности и ревизіи, учредить особую комиссію изъ предсѣдателей департаментовъ экономіи и законовъ государственнаго совѣта, члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина, государственнаго контролера и министра финансовъ, назначивъ предсѣдателемъ ея старшаго члена, предсѣдателя департамента экономіи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Гурьева, а производителемъ дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Татаринова. По обсужденіи коренныхъ началъ и соображеніи ихъ съ отзывами и мнѣніями министровъ, и по опредѣленіи порядка разработки ихъ въ имѣющей учредиться комиссіи для примѣненія ихъ къ дѣлу, представить окончательный по сему дѣлу докладъ на Высочайшее утвержденіе.

Упомянутый докладъ былъ представленъ комиссіею 13 февраля 1859 года, въ коемъ обсужденныя и по единогласному заключенію комиссіи признанныя не только полезными, но даже необходимыми 11 пунктовъ коренныхъ началъ, изложены со всѣми отзывами министровъ, какъ общими, такъ и частными, и съ возраженіями комиссіи на эти отзывы. Изъ нихъ укажемъ здѣсь на главнѣйшіе и по существу дѣла самые замѣчательные отзывы и возраженія.

Относительно общей идеи предполагаемой реформы высказано было, что предложенныя преобразованія заслуживаютъ полнаго одобренія, и нельзя не желать введенія въ Россіи порядка отчетности принятаго иностранными государствами, но возможно ли привить тотъ или другой порядокъ къ данному финансовому управленію, ибо система отчетности есть послѣдствіе финансовой организаціи и коренныхъ началъ государственнаго устройства. И въ иностранныхъ государствахъ существующія нынѣ системы образовались постепенно, вслѣдствіе сосредоточенія средствъ въ финансовомъ управленіи, а строгій контроль, въ формѣ высшаго трибунала, самостоятельнаго и независимаго отъ исполнительной власти, могъ образоваться только по мѣрѣ большаго подчиненія государственныхъ расходовъ и доходовъ суду гласности и общественнаго мнѣнія. Правильность контроля и распреденія государственныхъ средствъ между управленіями обезпечиваются тамъ гласностію законодательной власти и правительственныхъ лицъ, и утвержденіемъ смѣтъ, въ формѣ особаго закона, комиссіею законодательнаго учрежденія. Исполненію же требованій отчетности способствуютъ существующія за границею: строгое распреденіе обязанностей управленія, упрощеніе дѣйствій казначейства черезъ постороннія

кредитныя учрежденія и вексельные переводы, знакомство публики съ финансовыми операціями и счетоводство по двойной системѣ, и, наконецъ, еще то, что едва ли самыя справедливыя начала отчетности и ревизіи могутъ быть исполнены въ одинаковой мѣрѣ, при различной степени централизаціи управленія, пространства имперіи и быстроты сообщенія. Рассматривая это возраженіе, коммиссія выразила: что она имѣла въ виду ту мысль, что отчетность должна вытекать изъ финансовой организаціи государства, а потому на первомъ планѣ реформы и поставлена новая система смѣтъ, организація кассъ и порядокъ ассигнованія кредитовъ; что же касается того, что будто контроль правильный, самостоятельный и независимый отъ распорядителей, можетъ существовать только при гласности общественнаго мнѣнія и гласности законодательной власти, коммиссія говоритъ слѣдующее: *гласность, въ томъ и другомъ случаѣ, представляетъ особый видъ контроля, существующій, такъ сказать, въ установленнахъ контрольныхъ учреждений, и такъ, идъ гласность законодательной власти и общественнаго мнѣнія развита не вполне, самостоятельное государственное контрольное учрежденіе еще болѣе необходимо, потому что оно, въ известной степени, должно замѣнять собою контроль общественнаго мнѣнія.* Наконецъ, не отвергая вполне мысли о томъ, что болѣшая или меньшая степень централизаціи, пространство государства, быстрота или медленность передвиженія, должны имѣть вліяніе на систему государственной отчетности, необходимо однако замѣтить, что примѣненіе сдѣланное къ данному случаю не вполне вѣрно, потому что предметы эти должны быть приняты въ соображеніе не при опредѣленіи коренныхъ началъ, а при примѣненіи ихъ къ дѣлу; такъ напр., въ отношеніи повѣрки оборотовъ со стороны государственнаго контроля, какъ Австрія, такъ и Бельгія, столь различныя между собою въ географическомъ и политическомъ отношеніи, приняли одно и тоже коренное правило, повѣрять обороты капиталовъ по подлиннымъ документамъ; но достигаютъ этого разными формами: Австрія — черезъ учрежденія мѣстныя, а Бельгія — при централизаціи всего въ одной счетной палатѣ, находящейся въ Брюсселѣ.

Всѣ частныя возраженія, сдѣланныя на проектированныя основныя начала, группируются въ слѣдующемъ видѣ: составленіе смѣтъ по формѣ однообразной для всѣхъ управленій съ приведеніемъ всѣхъ данныхъ для удостовѣренія необходимости назначенія, съ неизмѣнимою нормою ассигнованія по главнымъ ее подраздѣленіямъ, съ заключеніемъ смѣтъ въ опредѣленный срокъ, послѣ котораго кредиты должны быть закрыты, принято почти всѣми министерствами, но, между прочимъ, заявлено было о невозможности излагать по смѣтамъ строительнымъ всѣ безъ исключенія данныя, потребныя для удостовѣренія правильности назначенія, а потому предложено было, въ устраненіе

этого обстоятельства, опредѣлять въ смѣтках нормальныя суммы, въ коихъ бы управленіи не имѣли права выходить. При разборѣ этого заявленія, комиссия между прочимъ высказала, что опытъ нормальныхъ смѣтъ у насъ уже былъ и не послужилъ для государственнаго казначейства никакимъ облегченіемъ, потому что нормы эти соблюдались не на долго. Да и вообще, ни собственный нашъ опытъ, ни указанія науки, ни примѣры иностранныхъ государствъ, не могли бы оправдать системы нормальныхъ смѣтъ, и введеніе ихъ было бы очевиднымъ отступленіемъ отъ общеустановленныхъ понятій въ дѣлѣ финансовомъ.

Учрежденіе единства кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ одного министерства финансовъ, которое бы, вмѣстѣ съ доходами въ государствѣ, удовлетворяло всѣхъ прямыхъ кредиторовъ казны непосредственно, по предписаніямъ распорядителей, ввереннымъ министромъ финансовъ, съ допущеніемъ изъятія изъ этого общаго правила только по отпуску распорядителямъ незначительныхъ авансовъ на мелочныя, нетерпящія отлагательства, расходы, но съ тѣмъ, чтобы отпускъ новаго аванса обуславливался представленіемъ отчета въ авансъ предшествующемъ, встрѣчено было общою энергіею возраженій. Такъ, нельзя не замѣтить въ отзывахъ желаніе выгородить отъ единства кассы хотя часть экономическихъ капиталовъ и достигнуть другихъ тому подобныхъ изъятій; доказывалась, напр., необходимость собственныхъ министерскихъ капиталовъ, для нѣкоторыхъ секретныхъ цѣлей; какъ бы въ доказательство малой пользы, которую министерство финансовъ пріобрѣтеть отъ этой мѣры, въ экономическомъ отношеніи, приводили то обстоятельство, что необходимо будетъ увеличить по смѣткамъ ассигнованіе на тѣ расходы, которые производились изъ суммъ экономическихъ; и наконецъ предлагалось устройство единства кассы по каждому министерству. Само собою разумѣется, что всѣ эти возраженія, какъ невыдерживающія строгой критики, и напоминающія намъ утопающаго, который хватается за соломинку, были опровергнуты доводами комиссіи, которая, между прочимъ, изложила свои опроверженія такъ: изъятія должны быть отъ единства кассы, не существу своему, только капиталы сословныя и, кромѣ того, еще нѣкоторые капиталы, какъ особые исключенія, какъ уступка духу времени. Что касается увеличенія смѣтныхъ назначеній отъ обращенія экономическихъ капиталовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, то само собою разумѣется, что увеличеніе это должно быть, но черезъ это ховяйство государства не пострадаетъ, а напротивъ выиграетъ въ томъ отношеніи, что получится возможность контролировать такіе расходы, которые прежде нигдѣ не заявлялись. Необходимость имѣть собственные капиталы для секретныхъ цѣлей устраняется возможно исправлять въ данное время особые сверхсмѣтные секретные кре-

дти: Затѣмъ обращаемся къ разбору мысли, относительно предлагаемаго устройства единства кассы по каждому министерству, къ которому доводомъ послужило то, что соединеніе въ одномъ министерствѣ финансовъ всѣхъ средствъ, разбѣянныхъ по разнымъ управленіямъ, и удовлетвореніе имъ всѣхъ расходовъ потребуетъ коренныхъ преобразованій; это соединеніе капиталовъ не будетъ равносильно открытію новой отрасли доходовъ, потому что тамъ, гдѣ эти средства существовали, были и расходы, которые должны упасть, при новомъ порядкѣ, на государственное казначейство, и наконецъ употребленіе этихъ суммъ на расходы постороннихъ вѣдомствъ отниметъ у министерствъ побужденіе къ сбереженію суммъ, и такимъ образомъ не принесетъ пользы общему управленію. На это комиссія высказала: во-первыхъ, что введеніе единства кассы не потребуетъ отъ министерства финансовъ коренныхъ преобразованій, потому что при немъ уже существуютъ казначейства губерскія и уѣздныя, которыя придется только реорганизовать; что же касается того, что единство кассы не можетъ усилить средствъ государственнаго казначейства, то на это комиссія, въ своемъ возраженіи, говоритъ: «что однимъ существеннымъ неудобствъ разбѣденія кассъ состоитъ въ томъ, что при этой системѣ каждое министерство въ финансовомъ отношеніи существуетъ, такъ сказать, отдѣльною жизнью, руководствуется побужденіями односторонними, часто неоправдываемыми ни состояніемъ общихъ государственныхъ средствъ и потребностей, ни положеніемъ нашей казны. Учрежденіе, имѣющее огромныя смѣтныя средства, найдетъ конечно всегда возможнымъ сдѣлать сбереженія отъ смѣты и удовлетворять ими потребности, можетъ быть и полезныя, но не крайне необходимыя, тогда какъ учрежденіе, имѣющее средства по бюджету ограниченныя, будетъ затруднено въ удовлетвореніи строго необходимыхъ потребностей, если общее положеніе государственнаго казначейства не дозволитъ увеличить его бюджетныхъ средствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правильная оцѣнка потребностей каждаго управленія возможна только при общемъ ихъ сравненіи по всѣмъ управленіямъ и въ особенности при соглашеніи этихъ потребностей съ имѣющимися въ виду средствами государства. Ни то, ни другое неизвѣстно ниимъ учрежденіямъ разсматривающимъ смѣты, потому что каждое распорядительное учрежденіе, имѣя атрибуты министерства финансовъ, обладаетъ особыми собственными средствами, вовсе неизвѣстными государственному казначейству. Если же ко всему этому прибавить, говорить комиссія, что большая часть этихъ средствъ образовалась изъ источниковъ, принадлежащихъ государственному казначейству, которое для образованія этихъ самыхъ постороннихъ средствъ прибѣгало къ займамъ, то возможно ли осваривать тѣ благіе результаты, ту силу, которую получить государственное казначейство съ переда-

чемъ въ его распоряженіе всѣхъ постороннихъ средствъ, разобинныхъ по всѣмъ министерствамъ и управленіямъ». Кроме того, по поводу введенія единства кассы, высказана была еще мысль о необходимости постепеннаго введенія этой мѣры. Признавая мысль о подобной постепенности совершенно основательною въ дѣлѣ такой важности какъ водвореніе порядка въ движеніи капиталовъ, коммиссія однако не могла согласиться съ тѣмъ, что постепенность этого развитія должна заключаться въ принятіи внутреннихъ мѣръ по каждому министерству, которыя бы, не касаясь министерства финансовъ, выражались ежегоднымъ упраздненіемъ кассъ въ разныхъ управленіяхъ, и заявляла, что не можетъ даже себя представить: какое можетъ быть соотношеніе между внутренними, чисто административными мѣрами, и тѣми результатами и порядкомъ, которыхъ надо ожидать отъ введенія у насъ единства кассы. Можетъ ли напр. министерство финансовъ приготовиться къ принятію новаго порядка оттого, что въ томъ или другомъ управленіи будетъ вмѣсто 100, сначала 50, потомъ 40, наконецъ 20 кассъ, которыя по прежнему будутъ распоряжаться всѣми суммами, назначаемыми на потребности министерства и накопящимися въ его распоряженіи? Независимо отъ сего предлагаемая мѣра не только не подготовитъ къ порядку новому, но затруднитъ къ нему переходъ, возбудивъ опасеніе въ рациональности и пользѣ того начала, къ которому подходятъ ежегодно возобновляемыми частными преобразованіями; это не можетъ не образовать періодически тревожнаго положенія, новаго круга совершенно безплодной дѣятельности, потому что конечнымъ результатомъ во всякомъ случаѣ должна быть передача всего денежнаго движенія въ непосредственное распоряженіе министерства финансовъ, которому нисколько не будетъ труднѣе принять эту обязанность отъ настоящаго числа кассъ, чѣмъ отъ уменьшеннаго. Подобныя пріуготовительныя средства дадутъ только противникамъ единства кассы орудія для опроверженія благихъ результатовъ, ожидаемыхъ отъ этой мѣры. Такимъ образомъ, это новое, болѣе подробное обсужденіе существа и удобопримѣнности единства кассы не поколебало нисколько убѣжденій коммиссіи въ прямой пользѣ и очевидной въ финансовомъ отношеніи необходимости принятія означенной мѣры.

Относительно установленія производства ревизій въ одномъ независимомъ учрежденіи — государственномъ контролѣ, по подлиннымъ документамъ, нѣкоторыя возраженія указывали на то, что мѣра эта повлечетъ лишь къ увеличенію контроля безъ всякой видимой пользы, примѣрами чему должны будто служить опыты таковой ревизіи съ 1736—1822 годъ, неприведшіе ни къ какимъ результатамъ, а потому высказано было предположеніе, что не возможно ли достигнуть той же цѣли и при бывшей системѣ мѣстной ревизіи. Такого рода возра-

женіе устранено комиссією на томъ основаніи, что ко введенію, въ указанное время, предполагаемой нынѣ системы были только одѣ попытки, да и самыя то опыты относятся къ такому отдаленному времени (1736 г.), что неуспѣхъ ихъ гораздо вѣрнѣе приписать общему тогдашнему неустройству въ дѣлахъ административныхъ, финансовыхъ и счетныхъ. Наконецъ, комиссія говоритъ, какъ ни важенъ въ дѣлѣ ревизіи вопросъ современности, къ которому стремился и манифестъ 1811 года, образовавшій учрежденіе государственнаго контроля, но это далеко не единственная польза предлагаемой системы; главнѣйшая сущность ея, есть устраненіе отъ ревизіи лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ дѣлу.

Затѣмъ большинство возраженій, весьма энергическихъ, направлено было противу предоставленія государственному контролеру права разбирать и доводить до свѣдѣнія высочайшей власти объ обнаруженной нехозяйственности распоряженій министровъ, которыя можно мотивировать такъ: какъ можетъ судить равный равнаго. Но это постановленіе не заключало въ себѣ никакого новаго присвоенія права государственному контролеру, и существовало уже въ законахъ (какъ видно, одною изъ мертвыхъ буквъ), а именно въ статьѣ 1671 т. I, Свода законовъ гражданскихъ сказано, что государственный контроль обявывается оцѣпывать выгоды, приобретаемыя казною при разныхъ операціяхъ или убытки ею понесенныя, хотя бы самыя счеты и найдены были въ порядкѣ; возможность же развитія этихъ правъ устранена редакціею основныхъ началъ, въ которыхъ сказано, что государственный контроль постановляетъ окончательныя ревизіонныя приговоры только по дѣйствіямъ исполнителей, т. е. кассъ, а заключенія свои по повѣркѣ дѣйствій распорядителей представляетъ на обсужденіе высшихъ учреждений или высочайшей власти; потому при ошибочномъ или неполномъ взглядѣ государственнаго контроля на хозяйственность распоряженій, замѣчанія его не могутъ имѣть послѣдствій. При этомъ, говоритъ комиссія, нелишнее замѣтить, что нѣтъ въ Европѣ ни одного ревизіоннаго учрежденія, которое бы не касалось дѣйствій распорядителей.

Значительно сильную также бурю возраженій возбудилъ вопросъ о предварительномъ контролѣ, но какъ онъ, хотя и утвержденный въ числѣ основныхъ началъ, впоследствии не введенъ въ дѣло, то нѣтъ основанія и касаться здѣсь бывшихъ по этому предмету преній.

Обсужденныя, такимъ образомъ, высшею комиссією коренныя начала преобразования нашей государственной отчетности удостоены были высочайшаго одобренія въ видѣ слѣдующихъ 11 пунктовъ: — 1) составленіе смѣтъ по системѣ однообразной для всѣхъ управленій, съ приведеніемъ всѣхъ данныхъ, потребныхъ для удостовѣренія въ необходимости назначенія. 2) Тщательное отдѣленіе въ смѣтѣ расхо-

довъ по взиманію доходовъ отъ общихъ расходовъ государства. 3) Классификація расходовъ и доходовъ временныхъ. 4) Одновременность разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству, какъ матеріала, представляющаго для всѣхъ постоянныхъ расходовъ лучшее мѣрило назначеній. 5) Обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ, съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормою всѣхъ главныхъ подраздѣленій. 6) Заключеніе смѣтъ въ опредѣленный срокъ, послѣ котораго всѣ кредиты должны быть уничтожены. 7) Установленіе въ Россіи единства кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ одного министерства финансовъ, которое взимая всѣ въ государствѣ доходы, удовлетворяло бы изъ нихъ всѣхъ прямыхъ кредиторовъ казны непосредственно, по предписаніямъ распорядителей, взысканнымъ министерствомъ финансовъ. При установленіи этого правила имѣть въ виду: а) что изытіе отъ него можетъ быть допущено только въ отношеніи отпуска распорядителямъ однихъ незначительныхъ авансовъ, на мелочные и нетерпящіе отлагательства расходы, но съ тѣмъ, чтобы отпускъ новаго каждому управленію аванса всегда обусловливался представленіемъ отчета въ авансѣ предшествующемъ; б) что хотя строгое и рациональное примѣненіе къ дѣлу правила о единствѣ кассы и предполагаетъ непосредственное подчиненіе министерству финансовъ взиманія всѣхъ вообще доходовъ, но безусловному утвержденію этого правила долженъ предшествовать подробный со стороны специальной комиссіи разборъ степени возможности примѣненія этого правила ко всѣмъ отраслямъ государственныхъ доходовъ. При этомъ названная комиссія должна имѣть въ виду, что если бы правило это оказалось въ настоящее время неудобопримѣнимымъ въ отношеніи какой либо отрасли доходовъ, то доходы этого вида должны быть, во всякомъ случаѣ, немедленно и въ полной цифрѣ сбора передаваемы въ вѣдѣніе министерства финансовъ; и в) единство кассы предполагаетъ обращеніе въ государственное казначейство капиталовъ разныхъ управленій, называемыхъ экономическими и хозяйственными. Это обращеніе должно быть безусловное для всѣхъ капиталовъ, образовавшихся изъ источниковъ принадлежащихъ государственному казначейству, а равно и для тѣхъ, кои хотя и составились изъ суммъ или сборовъ негосударственныхъ, но употребляются для потребностей государственныхъ, а не сословныхъ или мѣстныхъ. Условное обращеніе, съ допущеніемъ отдѣльнаго существованія капиталовъ, съ обязанностію составленія особыхъ по нимъ смѣтъ и веденія отдѣльныхъ счетовъ, можетъ быть допущено, независимо отъ разныхъ частныхъ пожертвованій для цѣлей и назначеній специальныхъ, по капиталамъ разныхъ сословій и обществъ, употребляемыхъ на мѣстныя этихъ сословій или

обществѣ потребности. Если бы при подробномъ, предстоящемъ специальной комиссіи, въ вышеизложенномъ смыслѣ, разборѣ капиталовъ оказались капиталы представляющіе характеръ смѣшанный, какъ, напримеръ, сборы съ сословій или обществъ, употребляемые частію на сословныя или мѣстныя нужды, то специальной комиссіи предлежитъ рассмотреть вопросъ о томъ: какому виду обращенія и учета должны подлежать эти капиталы. 8) Установленіе для производства ревизіи одной ревизіонной инстанціи, государственнаго контроля, который бы повѣрялъ по подлиннымъ актамъ и документамъ какъ дѣйствія исполнителей, такъ и дѣйствія распорядителей (лицъ, дающихъ предписанія и дѣлающихъ распоряженія по движенію капиталовъ), съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствія исполнителей ревизіонными приговорами контроля судятся окончательно, а дѣйствія распорядителей, по подлежащей оцѣнкѣ правильности и выгоды распоряженій, представляются, съ заключеніями министровъ, на высочайшее усмотрѣніе черезъ установленныя учрежденія, или во всеподданнѣйшихъ отчетахъ и докладахъ государственнаго контролера. 9) Введеніе въ ревизію государственнаго контроля потребностей государственныхъ и частію на повѣрку контроля предварительнаго, который, имѣя цѣлю предупрежденіе неправильныхъ выдачъ, выражался бы предшествовавшею уплатѣ денегъ повѣркою предписаній, выдаваемыхъ распорядителями кредитовъ. При этомъ должны быть установлены правила, при дѣйствіи которыхъ предварительная ревизія не могла бы препятствовать безостановочному исполненію административныхъ обязанностей. 10) По ревизіи послѣдующей установленіе періодической присылки государственному контролю документовъ и счетовъ съ правомъ производства мѣстной ревизіи, и 11) Составленіе общаго по государственнымъ оборотамъ отчета самимъ государственнымъ контролемъ съ установленіемъ движенія счетовъ и ревизіи такимъ образомъ, чтобы отчетъ сей былъ представляемъ на высочайшее усмотрѣніе не позже конца года слѣдующаго за отчетнымъ и такимъ образомъ могъ быть принимаемъ въ соображеніе при рассмотрѣніи сметы на слѣдующій годъ.

Затѣмъ высшею комиссіею былъ обсужденъ вопросъ объ изыятіяхъ отъ ревизіи государственнаго контроля нѣкоторыхъ капиталовъ, и программа работъ специальной комиссіи, долженствовавшей развить и выработать окончательно приложеніе къ дѣлу по порядку введенія коренныхъ началъ въ подробностяхъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь происходившей по этимъ предметамъ, особенно по первому, полемики съ административными учрежденіями, хотя она представляетъ собою рядъ назидательныхъ данныхъ для размышленія, а представимъ лишь краткій перечень изыятыхъ отъ ревизіи статей, а именно: министерство Императорскаго двора;

суммы по министерству иностранныхъ дѣлъ, назначаемыя на предметы тайнѣ подлежащія и извѣстные Его Величеству; по всѣмъ вообще управленіямъ суммы ассигнуемыя на извѣстное Его Величеству употребленіе; суммы дворянскія, городскія и мірскія; тѣ изъ заведеній или капиталовъ вѣдомствъ: Императрицы Маріи, Императорскаго человѣколюбиваго общества и благотворительныхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и другихъ, ревизія которыхъ представлена самимъ жертвователямъ, учредителямъ или специально указаннымъ ими мѣстамъ и лицамъ; и по вѣдомству святѣйшаго синода: по сбору отъ продажи свѣчъ, вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; по доходамъ съ недвижимыхъ имѣній, заведеній и капиталовъ, принадлежащихъ архіерейскимъ домамъ, соборамъ и монастырямъ суммъ, поступающихъ отъ добродѣтельныхъ дателей, а равно и суммы, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства на нештатное содержаніе означенныхъ учреждений, и по доходамъ и расходамъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія.

Учрежденная при государственномъ контролѣ, подъ предсѣдательствомъ В. А. Татаринова, специальная коммиссія, дѣйствуя на основаніи данной ей программы, основанной на вышеупомянутыхъ высочайше утвержденныхъ коренныхъ началахъ, вносила труды свои, по мѣрѣ выполненія работъ, на утвержденіе высочайшей власти.

Такъ были утверждены и введены въ дѣйствіе:

1) Правила составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ, высочайше утвержденныя 22 мая 1862 года, главными статьями коихъ считать должно слѣдующія: никакой расходъ въ финансовыхъ смѣтахъ непоказанный и неразрѣшенный экстраординарнымъ кредитомъ не допускается къ исполненію.

Дѣйствіе смѣтъ оканчивается 31 декабря того года, который даетъ наименованіе смѣтѣ; но по нѣкоторымъ кредитамъ допускается льготный срокъ въ 6 мѣсяцевъ, по истеченіи коего всѣ кредиты по этой смѣтѣ закрываются.

Кредиты экстраординарные испрашиваются въ законодательномъ порядкѣ черезъ государственный совѣтъ. И наконецъ дополнительными правилами постановлено было: всѣ остатки отъ прежнихъ смѣтъ передать въ кассы министерства финансовъ непремѣнно къ 30 іюля 1864 года.

2) Организациія единства кассы, т. е. правила о поступленіи государственныхъ доходовъ и производствѣ расходовъ высочайше утверждены были въ іюнѣ 1863 года и введены въ видѣ опыта въ Петербургѣ съ 1 января 1864 года, а съ 1 января настоящаго года повсемѣстно. Причемъ вопросъ о введеніи контроля предварительнаго,

по рассмотрѣніи его вновь 6 іюня въ совѣтѣ министровъ, признанъ возможнымъ отложить на время.

Общее положеніе развитое подробно въ этихъ правилахъ заключается въ слѣдующемъ: ст. 1. Всѣ вообще доходы государственные сосредоточиваются въ кассахъ министерства финансовъ (казначействахъ), и изъ нихъ уплачиваются въ руки прамыхъ кредиторовъ казны непосредственно всѣ расходы управленій. Ст. 2. Никто изъ распорядителей не получаетъ на руки суммъ для расходованія, кромѣ незначительныхъ авансовъ. Ст. 3. Для производства выдачи денегъ необходимо существованіе кредита испрошеннаго въ законодательномъ порядкѣ, выше размѣра коего никакой расходъ не допускается. Ст. 4. Платежи производятся кассами министерства финансовъ по ассигновкамъ выданнымъ распорядителями кредитовъ. Ст. 5. Правила эти распространяются на всѣ вообще суммы какъ казенныя, такъ спеціальныя средства и поступающія въ управленія суммы партикулярныя и депозиты. Ст. 6. Взиманіе и расходованіе суммъ общественныхъ и сословныхъ возлагается на кассы министерства финансовъ не иначе какъ по соглашенію подлежащихъ министерствъ или хозяйственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учреждений съ министерствомъ финансовъ.

При этомъ государственныя кассы организованы такъ: взиманіе доходовъ предоставлено кассамъ спеціальныхъ сборщиковъ и уѣзднымъ казначействамъ, а расходованіе суммъ самостоятельно (уплата по ассигновкамъ) — губернскимъ казначействамъ и расходнымъ ихъ отдѣленіямъ, открытымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ движеніе по уплатамъ значительны, а нѣтъ вблизи казначействъ уѣздныхъ. Для оборотовъ центральныхъ управленій и расчетовъ съ государственнымъ банкомъ учреждено главное казначейство въ Петербургѣ.

Представляемые платежи вносятся въ казначейства и кассы при объявленіяхъ на простой бумагѣ, въ которыхъ излагается: отъ кого, за что и сколько вносится денегъ; причемъ не установлено никакой формы для этихъ объявленій, чтобы не стѣснять плательщиковъ формальностію. Доходныя кассы не производятъ самостоятельно никакихъ расходовъ, но уплачиваютъ деньги по тѣмъ ассигновкамъ, на которыхъ сдѣланы надписи объ уплатѣ губернскимъ казначействамъ. Расходныя кассы уплачиваютъ деньги по ассигновкамъ составляемымъ распорядителями кредитовъ, талонъ отъ которыхъ вручается кредиторы казны, по коему онъ можетъ получить деньги изъ назначенной на талонѣ кассы. Касса отказываетъ въ удовлетвореніи платежа только при неимѣніи кредита.

Для того, чтобы въ извѣстныхъ кассахъ къ данному времени были фонды для производства уплатъ, департаментъ государственнаго казначейства, изъ получаемыхъ имъ отъ распорядительныхъ управленій

частныхъ росписаній сроковъ уплатъ, составляетъ годовыя по губерніямъ росписанія, для наблюденія за исполненіемъ коихъ оставлены казенныя палаты.

Занятіе мѣста казначея требуетъ извѣстнаго ценза, опредѣленнаго относительно мѣстностей и круга дѣятельности кассъ.

Отчетность всѣхъ кассъ вмѣстѣ съ ассигновками распорядителей и оправдывающими ихъ документами поступаетъ ежемѣсячно на ревизію въ учрежденія государственнаго контроля, въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія, отъ 21 декабря 1864 года, временно образованныя съ 1 января 1865 года въ 12 губерніяхъ, а съ 1 января настоящаго открытыя во всѣхъ губерніяхъ Имперіи. Учрежденія эти — контрольныя палаты, по составу своему не причислены къ общимъ губернскимъ учрежденіямъ, но подобно судебнымъ учрежденіямъ состоятъ въ исключительномъ веденіи государственнаго контролера. Они производятъ самостоятельно ревизію мѣстныхъ по губерніи оборотовъ капиталовъ, и обязаны: наблюдать за правильностію движенія и сохранностію денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, и составлять особыя соображенія о выгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства. Кромѣ того, контрольныя палаты обязаны производить внезапныя свидѣтельства мѣстныхъ кассъ, при депутатѣ отъ подлежащаго вѣдомства. Всѣ учрежденія государственнаго контроля, по дѣламъ ревизіи, имѣютъ характеръ коллегіальный.

Изъ изложеннаго такимъ образомъ очерка всего хода преобразованія съ указаніемъ главнѣйшихъ основаній, на которыхъ зиждется въ настоящее время вся наша система движенія капиталовъ, отчетность; и ихъ ревизія, читатель увидитъ полную картину важности и значенія для государственнаго хозяйства новой системы и помирится вѣроятно съ тѣми затрудненіями, которыя есть въ ней, какъ въ системѣ новой, только что прививающейся къ жизни, но которая въ главныхъ основаніяхъ положительно выше прежняго порядка вещей, и обѣщаетъ намъ возможность въ недалекомъ будущемъ, а именно: въ 1867 году, увидѣть наше государственное денежное хозяйство изложеннымъ въ ясномъ и точномъ отчетѣ по выполненію бюджета на 1866 годъ.

Этимъ отчетомъ разъяснятся всѣ недоумѣнія, а слѣдовательно государство достигнетъ того, что отчасти не дозволяетъ нашему финансовому положенію пріобрѣсти твердость и самостоятельность. Само собою разумѣется, что достиженіе этого возможно только при энергическомъ содѣйствіи общества, когда оно сознаетъ всю важность основныхъ началъ реформы; убѣжденное въ пользѣ дѣла, оно дастъ большую гарантію успѣха уже тѣмъ, что будетъ владѣть орудіемъ для отраженія нападковъ административныхъ чиновъ на новыя кассовыя правила, — нападений, объясняемыхъ тѣмъ, что иногда административные

чины наши далеко не сознаютъ еще всю силу значенія для государства строгой экономіи въ расходахъ, и слишкомъ дорожа излишнимъ трудомъ на пользу общую, они отдѣляютъ себя отъ массы согражданъ платящихъ повинности, можетъ быть это происходитъ отъ того, что они ихъ не платятъ. На основаніи всего этого, слово — единство кассы, соединяющее въ себѣ излишній трудъ и необходимость заранѣе соображать всѣ потребности и строго обдумывать ихъ, а не дѣйствовать спустя рукава, какъ было прежде, можетъ быть ненавистно хозяйственной администраціи, и каждый почти членъ ея готовъ употребить всякаго рода препирательства, чтобы повредить этому благу, для народнаго хозяйства, преобразованію; а общество не владѣетъ убѣжденіемъ въ его пользѣ настолько, чтобы сдерживать эти стремленія.

Вотъ причины, побудившія насъ изложить все дѣло преобразованія въ настоящемъ, сколь возможно подробномъ очеркѣ. Что же касается до существующаго мнѣнія и высказаннаго нѣкоторыми органами нашей журналистики, что инициатива этого дѣла принадлежитъ министерству финансовъ, то въ такомъ случаѣ, какъ объяснить то обстоятельство, что именно съ его стороны мы и не видимъ надлежащей энергіи къ устраненію тѣхъ кассовыхъ затрудненій, которыя не были предусмотрѣны въ началѣ. Изъ нихъ укажемъ на одно, какъ на весьма важное по нашему мнѣнію, это—*несвоевременность уплаты денегъ кредиторамъ казны по выданнымъ имъ распорядителями талонамъ отъ ассигновокъ*. Правительство, выдавая документъ съ обязательствомъ немедленной уплаты, по его предъявленіи, и не исполняя этого обязательства, подрываетъ общественный кредитъ къ себѣ и при этомъ къ такой системѣ, которая проникнута государственною пользою; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, относясь съ должнымъ вниманіемъ къ нуждамъ общества, вопросъ о причинѣ нераспорядительности и нерадѣнія управленія, допустившаго такой беспорядокъ въ своемъ счетоводствѣ, что касса затруднена въ уплатѣ, долженъ стоять на второмъ планѣ, какъ вопросъ чисто административный. Намъ кажется, что, горячо сочувствуя дѣлу, слѣдовало бы исходатайствовать разрѣшеніе производить такіе платежи, но съ тѣмъ, чтобы о подобныхъ фактахъ, какъ бы малы ни были суммы уплатъ, тотчасъ доводить до свѣдѣнія высочайшей власти или государственнаго совѣта; ибо тутъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ факта. Иному человѣку 10 рублей въ извѣстный моментъ важнѣе чѣмъ другому тысячи. Во вторыхъ, исходя изъ той мысли, что одна изъ главныхъ цѣлей новаго кассоваго порядка, есть достиженіе государственной экономіи въ расходахъ, невольно недоумѣваешь — почему же для администраціи финансовъ, управляющей всѣмъ ходомъ экономическаго начала, оказалось недостаточно имѣть въ губервіи одно центральное

учрежденіе — губернское казначейство? Существованіе казенныхъ палатъ стоящихъ ежегодно болѣе милліона рублей не вѣжется ни съ общимъ планомъ коренныхъ началъ кассоваго устройства, ни съ подражаніемъ западу, гдѣ невидно въ провинціяхъ, при единствѣ кассы, такихъ мѣстныхъ учрежденій министерства финансовъ, которыя бы составляли лишь обременительную для государственнаго казначейства ступень.

Выше мы сказали, что имѣемъ право ожидать на будущій годъ подробнаго отчета по исполненію смѣты настоящаго года, вслѣдствіе повсемѣстнаго введенія съ 1 января единства кассы, но въ этомъ отчетѣ мы не увидимъ еще какъ въ зеркалѣ отраженнымъ наше государственное хозяйство. Отчетъ этотъ представить вамъ только подробное движеніе денежныхъ капиталовъ, не касаясь имуществъ матеріальныхъ во всей подробности, потому что отчетность въ ихъ движеніи ведется еще разрозненно, по старымъ, весьма разнообразнымъ формамъ, изъ которыхъ невозможно получить ни общаго вывода, ни оцѣнки правильнаго, цѣлесообразно употребленія его въ дѣло.

Такимъ образомъ, видно, что программа преподанная спеціальной комиссіи, въ которой указано на установленіе правильной матеріальной отчетности — еще не закончена, но что, какъ слышно, да и въ журналистикѣ нашей было заявлено, начала матеріальной отчетности уже разрабатываются въ особой комиссіи при государственномъ контролѣ и, говорятъ, скоро поступать на разсмотрѣніе министерства. Скорѣйшее окончаніе этого дѣла очень важно, ибо безъ него вся система преобразованія имѣетъ неоконченный видъ; всюду въ ней отъ недостатка правильной, подобной денежной, матеріальной отчетности оказываются довольно значительныя неполноты и даже пробѣлы, начиная съ порядка составленія смѣтъ. Основныя начала по этому предмету говорятъ, что всякое требованіе расхода должно подтверждаться всѣми данными, объясняющими его необходимость; стало быть, при исчисленіи, напримѣръ, для войскъ, на извѣстный годъ провіанта, обмундированія и вооруженія слѣдуетъ показать: сколько полагается этихъ предметовъ по положенію на годъ, сколько имѣется въ остаткѣ или въ запасѣ, и затѣмъ сколько должно быть заготовлено или сдѣлано въ смѣтномъ году; но тутъ являются факторами остатокъ или запасъ, которые, противно смѣтнымъ правиламъ, приходится принять на вѣру, потому что къ повѣркѣ показаній распорядителя нѣтъ данныхъ. Далѣе, составленіе отчета о государственномъ хозяйствѣ, обусловливаетъ необходимость подведенія баланса, требуемаго правительствомъ даже отъ отчетовъ всѣхъ обществъ и торговыхъ домовъ, а для него не достаетъ въ настоящее время весьма важной статьи — стоимости государственнаго имущества, которое, вслѣдствіе нераціо-

нальности системы матеріальнаго счетоводства, не приведено еще въ полную извѣстность и не получило соотвѣтственной ему цѣнности. Вопросъ о цѣнѣ и стоимости матеріаловъ, издѣлій и имущества тоже весьма нелюбъ административнымъ хозяйствамъ, и намъ не разъ приходилось слышать: зачѣмъ обозначать въ счетахъ всему цѣну? да и возможно ли ее получить на всѣ предметы, составляющіе имущество государства? На это мы отвѣтимъ вопросами же: возможенъ ли въ какой либо операціи правильный выводъ результата хозяйства безъ сопровожденія всего счетоводства цѣнами предметовъ въ него вошедшихъ? и возможенъ ли вѣрный балансъ отчета безъ опредѣленія стоимости всего имущества извѣстнаго дѣла? Кто не совѣмъ чуждъ бухгалтеріи, тотъ, конечно, не дастъ отрицательнаго отвѣта на эти вопросы, а стало быть должно признать необходимость всему оцѣнки, на первое время хотя приближенной, если нельзя или трудно получить вѣрную, тогда по крайней мѣрѣ получится возможность исправлять ее и впоследствии достигнуть истинной всему стоимости. Относительно же необходимости обозначенія въ счетахъ цѣнъ матеріаловъ, приобретаемыхъ на деньги, должно еще сказать, что въ этомъ случаѣ матеріалъ представляетъ тотъ же денежный капиталъ, только въ измѣненномъ видѣ; слѣдовательно, онъ долженъ сохранять свое соотвѣтственное видоизмѣненіе. Наконецъ, нѣкоторые говорятъ съ боязнію о правильной и ясной матеріальной отчетности, какъ о какомъ то пугалѣ; многихъ пугаетъ ея будто бы неизбежная сложность; въ подтвержденіе своихъ опасеній они приводятъ то обстоятельство, что матеріальная отчетность не выработана съ полнотою и точностію и въ заграничныхъ государственныхъ хозяйствахъ; такъ, напримѣръ, самая лучшая матеріальная отчетность по производству работъ прусская основана вся на урочныхъ положеніяхъ, а во Франціи матеріальная отчетность ведется въ официальныхъ цѣнахъ, однажды принятыхъ для всего государства. Правда, что они до извѣстной степени просты, но первая неудовлетворительна потому, что урочныя положенія, чтобы быть современно вѣрными, должны часто измѣняться; а это трудъ и трудъ очень сложный, да и вообще вѣрность урочнаго положенія только и возможна, когда она вытечетъ изъ самыхъ счетовъ по производству однозначныхъ работъ; французская же система матеріальной отчетности, ведущаяся въ официальныхъ цѣнахъ, создана лишь для подведенія баланса, но она не можетъ показать состоянія хозяйства въ данное время и въ данной мѣстности, потому что официальные ея цѣны бываютъ иногда черезъ мѣру далеки отъ истинныхъ цѣнъ, и притомъ эта разность въ разныхъ мѣстахъ различная. Въ отвѣтъ на послѣднеразбираемыя мнѣнія можно напротивъ сказать, что для государства опасна настоящая система матеріальной отчетности, потому что она не даетъ намъ возмож-

ности узнать собственныя наши матеріальныя средства, а знаніе это безъ сомнѣнія повліяло бы на положеніе нашего курса, представляющаго тогда болѣе осязательное матеріальное имущество государства, выведенное въ цифрѣ его меньшей стоимости. Что же касается того, что рациональнаго и полнаго развитія матеріальнаго счетоводства нѣтъ еще и на западѣ, то неужели это помѣха для выработки его у насъ самостоятельно? Время же и самимъ намъ приняться за самостоятельность, къ которой общество уже вызывается и правительственной инициативой! Здѣсь, кстати будетъ повторить высказанное высшею комиссіею, при разсмотрѣніи основныхъ началъ изложеннаго преобразованія, что намъ надо сильнѣе запада стремиться къ положительности государственной отчетности, потому что у насъ нѣтъ избирательныхъ камеръ, которыя могли бы строго контролировать веденіе государственнаго хозяйства.

Пришла пора намъ строго вдумываться въ государственный нашъ строй; а въ немъ дѣло счетное, дѣло немаловажное. Если отъ него зависить многое въ преуспѣяніи и развитіи всякаго частнаго хозяйства, то тѣмъ болѣе оно важно въ хозяйствѣ, принадлежащемъ не одному лицу, ни нѣсколькимъ акціонерамъ, а цѣлому народу; а потому надѣмся, что читатель проникнется той силой убѣжденія, въ важности предпринятаго правительствомъ преобразованія въ дѣлѣ счетоводства и отчетности, какая руководила нами при изложеніи настоящей статьи, и отъ искренней души пожелаетъ успѣха, а при случаѣ и пособить разумнымъ словомъ государственному контролю необходимо стать твердо среди нашей администраціи; скорѣйшая выработка и введеніе матеріальнаго счетоводства обуславливаетъ всякое движеніе въ государственной жизни, и представляетъ ему твердыя основы, а не гадательныя и абстрактныя принципы. z.

II.

О СОВРЕМЕННОМЪ ГОРОДСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

Значеніе нашего городского общественнаго управленія въ прошедшемъ и настоящемъ. — Историческій его очеркъ. — Существующія постановленія о городахъ и ихъ общественномъ устройствѣ. — Недостатки нынѣшняго городского общественнаго управленія. — Ходатайство петербургской общей думы о дарованіи городскому самоуправленію большей самостоятельности. — Ревизія петербургской распорядительной думы и неудовлетворительность этого учрежденія. — Необходимость въ этомъ вопросѣ децентрализаціи.

Наше городское общественное управленіе обращаетъ на себя особенное вниманіе не столько по тому значенію, которое оно имѣло въ нашей общественной жизни до сихъ поръ, но и по тому вліянію,

которое оно может имѣть на наше дальнѣйшее развитіе съ готовящимся преобразованиемъ самоуправленія русскихъ городовъ. Преобразование это отъ насъ не въ далекомъ будущемъ, такъ какъ еще 20 марта 1862 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ поручено министру внутреннихъ дѣлъ «безотлагательно приступить къ составленію соображеній объ улучшеніи общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи, примѣняясь къ основнымъ началамъ общественнаго управленія въ С.-Петербурѣ и Москвѣ.»

Нельзя не видѣть, конечно, что въ существующемъ общественномъ управленіи нашихъ городовъ лежали различныя начала. Во всѣхъ городахъ, кромѣ Петербурга, Москвы и Одессы, до сихъ поръ сохранилась, внесенная къ намъ изъ западной жизни Петромъ I и Екатериною II, организація сословная, такъ плохо привившаяся на чуждой для нея почвѣ. Преобразованное въ 1846 году городское Положеніе Екатерины II внесло въ петербургское городское устройство уже неисключительно сословное, а, болѣе широкое, устройство общинное. Здѣсь оно первоначально получило практическое примѣненіе, сохранивъ въ себѣ лежащіе въ основѣ городского права общенародные элементы. Отсюда оно перешло сначала въ Москву и Одессу, а потомъ распространилось дальше на цѣлыя губерніи въ земскихъ учрежденіяхъ. Уже это одно показываетъ, — какое значеніе имѣло городское устройство въ исторіи развитія нашего самоуправления.

Но для того, чтобы ознакомиться, хотя поверхностно, съ нашимъ теперешнимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ и понять его недостатки, необходимо припомнить начала городского устройства, положенныя реформами Петра I, городское положеніе Екатерины II и тѣ статьи Свода законовъ, которыя опредѣляютъ нынѣшнее городское управленіе, его права и обязанности въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и другихъ городахъ. Мы считаемъ это необходимымъ также и въ томъ предположеніи, что наша читающая публика едва ли не больше знакома со стариннымъ бытомъ русскихъ городовъ, нежели съ тѣмъ порядкомъ, который въ нихъ существуетъ въ настоящее время. Это мнѣніе тѣмъ вѣроподобнѣе, что въ нашей литературѣ есть довольно много сочиненій, вполне знакомящихъ съ стариннымъ бытомъ городовъ. Таковы, напримѣръ: «Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», соч. Н. Костомарова; «Русскій народъ и государство», соч. Лешкова; «Областные учрежденія», соч. Чичерина. Что же касается до нашихъ нынѣшнихъ городовъ и существующаго въ нихъ общественнаго управленія, то объ этомъ печаталось, сравнительно, не много. Кромѣ мало удовлетворительнаго сочиненія Л. Плошинскаго, — «Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи отъ начала Руси до

новѣйшихъ временъ», и статей въ разныхъ журналахъ, можно указать на нѣсколько изданій министерства внутреннихъ дѣлъ, изданій, впрочемъ слишкомъ обширныхъ и специальныхъ и потому мало доступныхъ большинству нашей читающей публики ¹⁾. Самыя же статьи законовъ, на которыхъ основанъ нынѣшній порядокъ городского общественнаго управленія, разбѣяны въ различныхъ томахъ Свода законовъ, и съ ними такъ мало знакомо наше общество, что даже въ Петербургской общей думѣ, для которой въ 1860 г. изданъ особый Сборникъ постановленій по с.-петербургскому общественному управленію, сборникъ, теперь, правда, уже нѣсколько устарѣвшій, не рѣдко возникали вопросы и сомнѣвія единственно потому, что даже лица, участвующія въ общественномъ управленіи, не знакомы съ его правами и обязанностями.

«Есть города разнаго существа, болѣе или менѣе важные по своему положенію. Въ иныхъ городахъ болѣе обращеній торга сухимъ или водянымъ путемъ. Въ другихъ лишь единственно товары привезенные складываютъ для отпуска. Есть и такіе, кои единственно служатъ въ продажѣ продуктовъ прѣвзжающихъ земледѣльцевъ, того или другого уѣзда. Иной цвѣтетъ фабриками. Другой близъ моря лежя соединяетъ всѣ сии и другія выгоды. Третій пользуется ярмарками. Иныя суть столицы и проч.» Такой взглядъ на города выразила императрица Екатерина II въ Наказѣ, давномъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Подъ городомъ же вообще мы привыкли и теперь разумѣть такое поселеніе, гдѣ преимущественно производится торговля и промыслы, а не земледѣліе, — главное занятіе въ селахъ.

Но это понятіе о городахъ весьма часто не согласно съ дѣйствительностью. Объясненіе этого мы находимъ въ самомъ происхожденіи нашихъ городовъ. Весьма небольшая часть ихъ развивалась изъ селеній естественно-историческимъ путемъ по мѣрѣ развитія въ нихъ промысловъ и торговли. Очень многіе города обязаны своимъ происхожденіемъ одной волѣ правительства, цѣлямъ стратегическимъ и административнымъ. Не заходя въ слишкомъ отдаленныя времена, стоитъ только припомнить, что такимъ способомъ образовалось нѣсколько городовъ при Петрѣ I и Екатеринѣ II, въ одно царствованіе которой 216 селеній преобразованы въ города, по удобству ихъ географическаго положенія для администраціи. Это послѣднее, искусственное происхожденіе городовъ отражается на многихъ изъ нихъ до сихъ поръ.

¹⁾ Общественное устройство и хозяйство городовъ, изд. 1859 г. 2 т. Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. 1860 г. 4 ч. Городскія поселенія въ Россійской Имперіи. 1861 г. 3 ч. Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи въ 1861 и 1862 г. Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству городского общественнаго управленія 1864 г.

Въ нихъ не видно развитія промысловъ и торговли; нѣкоторые изъ нихъ и повнѣ сохранили сельскій характеръ. Подтверженіе этого не трудно найти въ статистическихъ данныхъ относительно 595 городовъ Европейской Россіи въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ «Экономическое состояніе городскихъ поселеній европейской Россіи.» Въ числѣ этихъ 595 городовъ, 27 (въ томъ числѣ 6 уѣздныхъ) имѣютъ населеніе менѣе 1,000 душъ обоюга пола, и только въ 8-ми городахъ населеніе превосходитъ 50,000 душъ; въ 13 городахъ обыкновенные ежегодные доходы не достигаютъ 250 рублей, и только въ 13 превышаютъ 50,000 р.

Мы не станемъ перечислять классы городскихъ обывателей въ до-Петровской Руси; скажемъ только, что и тогда, какъ и въ послѣдующее время городскими обывателями въ настоящемъ ихъ значеніи были купцы, и черные городскіе люди, хотя кромѣ нихъ жили въ городахъ еще и служилые люди. Произволъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, намѣстниковъ и воеводъ, ограничивался выборными людьми, принимавшими участіе въ дѣлахъ судебныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ. На сколько это приносило дѣйствительной пользы, — видно изъ указа Петра I-го 1699 года, въ которомъ сказано, что гости, купецкіе и промышленные люди по торговымъ и расправочнымъ дѣламъ состоятъ въ вѣдѣніи разныхъ приказовъ; что симъ отъ приказныхъ волкитъ, отъ приказныхъ и иныхъ чиновныхъ людей въ торгахъ и во всякихъ промыслахъ чинятся большіе убытки и разоренья. Средство пресѣчь это зло Петръ I видѣлъ въ одномъ: въ освобожденіи купцовъ и промышленниковъ отъ вѣдомства приказныхъ судей и приказныхъ людей въ отношеніи суда и расправы, торговыхъ дѣлъ, службъ и всякихъ поборовъ и въ подчиненіи ихъ вѣдомству избранныхъ ими «изъ добрыхъ и правдивыхъ людей» бурмистровъ. Такимъ образомъ, въ 1699 году учреждена въ Москвѣ бурмистрская палата, переименованная вскорѣ въ ратушу, а по провинціямъ земскія избы и бурмистры. За этимъ началомъ послѣдовали указы въ 1721 году объ устройствѣ, по образцу рижскому и ревальскому, главнаго магистрата въ Петербургѣ, а въ 1724 году объ учрежденіи въ прочихъ городахъ магистратовъ, обязанныхъ судить гражданъ, имѣть подъ своимъ надзоромъ полицію, собирать положенные съ гражданъ доходы и отсылать ихъ по принадлежности, учреждать всю экономію (домостроительство) города, какъ-то: купечество, ремесла и искусства и вообще все, что касается гражданской пользы. Магистраты основаны на выборномъ началѣ, «ни въ отношеніи суда, ни въ отношеніи экономіи не подчинены ни губернаторамъ, ни воеводамъ, ни гражданскому, ни военному начальникамъ,» такъ какъ магистратъ есть «глава и начальство всему гражданству ¹⁾»

¹⁾ Истор. обозр. стр. 59.

Со смертью Петра I дарованныя имъ учрежденія подверглись различнымъ измѣненіямъ. Сначала магистраты были подчинены губернаторамъ, потомъ вовсе уничтожены и опять восстановлены при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

На второй годъ по вступленіи своемъ на престолъ (1763) императрица Екатерина II, назначая всѣмъ членамъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярскимъ служителямъ жалованье, прямо выразила, что имѣтъ цѣлью избавить гражданъ отъ притѣсненія и взятковъ безжалостныхъ судей и канцелярскихъ служителей. Не ограничиваясь частными мѣрами въ улучшеніи разныхъ отраслей государственнаго управленія, Екатерина II въ 1766 году дала сенату указъ объ учрежденіи въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Въ числѣ депутатовъ, которые составляли эту комиссію были и депутаты отъ городовъ, избравшіеся изъ своей среды всѣми хозяевами, имѣвшими въ городѣ домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или же домъ и промыселъ. Для руководства при выборахъ депутатовъ избирался по городамъ городской голова, который и самъ могъ быть выбранъ въ депутаты.

Въ данномъ комиссіи Наказѣ между прочимъ такъ говорится о «городскомъ или среднемъ родѣ людей»: «тѣмъ, кои обязаны принимать участіе въ добромъ состояніи города, имѣвъ въ немъ домъ и имѣнія, дается имя мѣщанъ. Сія суть обязаны для собственнаго своего же благосостоянія и для гражданской ихъ безопасности въ жизни, имѣнія и здоровья, платить разныя подати, дабы пользоваться сими выгодами и прочимъ своимъ имѣніемъ безпрепятственно. Кои же не дають сего общаго, такъ сказать, залога, тѣ и не пользуются правомъ имѣть мѣщанскія выгоды.»

Затѣмъ въ 1775 году издано Учрежденіе для управленія губерній Всероссийской Имперіи. «Учрежденіе», измѣнивъ характеръ магистратовъ, сдѣлавшихся почти исключительно сословными судебными мѣстами и состоявшими изъ бургомистровъ и ратмановъ по выбору городского мѣщанства и купечества, установило при магистратахъ сиротскіе суды, для попеченія объ оставшихся въ городѣ послѣ лицъ всякаго званія малолѣтнихъ сиротахъ и ихъ имѣніи, такъ и вдовахъ и ихъ дѣтяхъ.

Наконецъ, 21-го апрѣля 1785 года дана была «Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи.» Въ этой грамотѣ сначала опредѣлены права и преимущества городовъ и затѣмъ права и преимущества городского состоянія; послѣднее собственно и есть городское Положеніе.

Этотъ законодательный актъ, измѣненный императоромъ Павломъ I и восстановленный 2-го апрѣля 1801 Александромъ I, сохраняетъ свою силу до сихъ поръ и, съ небольшими измѣненіями войдя въ Сводъ за-

коновъ, служить основаніемъ нашего городского общественнаго управленія въ настоящее время. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ лишь губерніи сибирскія, области кавказская и бессарабская, которыя, вслѣдствіе исключительнаго ихъ положенія, пользуются особымъ управленіемъ.

Городовое Положеніе подверглось затѣмъ значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ только въ 1846 году при преобразованіи петербургскаго общественнаго управленія. Объ этомъ преобразованіи такъ выражено въ Высочайшемъ указѣ 13-го февраля 1846 года: «Въ видахъ лучшаго устройства общественнаго управленія с.-петербургской столицы и для отвращенія вкравшихся въ оное, со времени изданія, въ 1785 году, городского Положенія, безпорядковъ и разныхъ отъ силы и истиннаго разума постановленія сего отступленій, составлено въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ новое о томъ Положеніе, примѣненное въ подробностяхъ его къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ и потребностямъ столицы.» Въ этомъ Положеніи, по отзыву тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, сохранены всѣ главныя основанія прежняго городского устройства, съ устраненіемъ лишь уклоненій отъ основнаго закона. То же высказало, чрезъ 12-ть лѣтъ, въ 1858 году, министерство внутреннихъ дѣлъ, утверждая, что «Положеніе 13-го февраля 1846 года не есть постановленіе, основанное на новыхъ казыхъ либо началахъ; что оно есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе городского Положенія 1785 года, которымъ устранены недостатки, указанные опытомъ¹⁾.» На основаніи новаго положенія общественное управленіе Петербурга раздѣлено на общее, всего городского общества, и частное, по сословіямъ; общее управленіе составлено изъ городского головы, общей и распорядительной городскихъ думъ; частное управленіе — изъ купеческой управы, мѣщанской, ремесленной иностранныхъ и ремесленныхъ цеховъ, наемныхъ служителей и рабочихъ.

Сознанные еще въ 1846 году «безпорядки и разныя отъ силы и значенія» городского Положенія 1785 года «отступленія» продолжали все болѣе и болѣе развиваться, и только въ двухъ городахъ Москвѣ и Одессѣ городское управленіе преобразовано по образцу Петербурга въ 1862 и 1863 годахъ.

Напомнивъ въ общихъ чертахъ исторію законодательства нашего городского самоуправленія, обратимся теперь къ изложенію правъ и преимуществъ городовъ и ихъ общественному устройству по Своду законовъ.

Каждому городу выдается верховною властью жалованная грамота, содержащая въ себѣ отъ слова до слова всѣ, изложенныя въ городо-

¹⁾ Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Ч. III, кн. 3, стр. 308—310.

номъ Положеніи 1785 года, личныя и общественныя выгоды. Города имѣютъ гербы; они строятся не иначе, какъ по планамъ Высочайше утвержденнымъ. Имъ отводятся въ опредѣленномъ размѣрѣ выгоны изъ казенныхъ пустопорожныхъ земель, — если за полнымъ надѣленіемъ ими сосѣднихъ крестьянъ представляется къ тому возможность. Города, какъ лица юридическія, имѣютъ право владѣть недвижимыми имуществами, заключать договоры, защищать свои права передъ судомъ; имъ присвоены опредѣленныя статьи доходовъ, которые не иначе могутъ быть употребляемы, какъ на опредѣленные расходы. Городскія права могутъ быть предоставляемы тѣмъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ промышленность усидится до такой степени, что способы содержанія обывателей зависать болѣе отъ промысловъ, чѣмъ отъ земледѣлія. Селеніямъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ городскія права предоставляются въ томъ случаѣ, когда на то будетъ изъявлено согласіе большинства, по крайней мѣрѣ, двухъ третей всѣхъ домохозяевъ селенія и, сверхъ того, согласіе владѣльца, если крестьяне водворены не на своихъ собственныхъ, или же выкупленныхъ ими въ собственность, земляхъ и состоятъ еще въ обязательныхъ отношеніяхъ за пользованіе землею своего надѣла. Съ обращеніемъ селенія въ городъ, обыватели его, вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисляются изъ сельскаго въ городское состояніе, при чемъ отъ нихъ отбираются владѣмыя ими (казенныя) земли, кромѣ усадебныхъ. Городскіе обыватели въ тѣсномъ значеніи (купцы, почетные граждане, мѣщане, цеховые, вольные люди, рабочіе люди) причисляются закономъ къ среднему роду людей, пользуются нѣкоторыми особыми правами и несутъ нѣкоторыя особыя повинности. Городскимъ обывателямъ дозволяется для совѣщаній по ихъ общественнымъ дѣламъ составлять собранія; для отправленія же текущихъ общественныхъ дѣлъ состоятъ въ городахъ, по выборамъ городскихъ обществъ, особенныя установленія и должности ¹⁾.

Такимъ образомъ, наше законодательство съ понятіемъ о городѣ очевидно соединяетъ представленіе о нѣкоторой многолюдности его и о развитіи въ немъ промысловъ и торговли. Но мы уже говорили, что большая часть нашихъ городовъ, какъ произведеніе не мѣстной жизни и потребностей, а лишь административныхъ цѣлей, до сихъ поръ сохранили свой первоначальный сельскій характеръ. Въ то же время нѣсколько селеній въ европейской Россіи, соединяющія въ себѣ всѣ условія городской жизни, до сихъ поръ остаются селеніями, каковы, напримѣръ, сел. Иваново, Холуй, Лысково и проч.

¹⁾ Св. зак. изд. 1857 г. Т. II, общ. губ. учр. ст. 1491; Т. IX, зак. о сост. ст. 424, 439, 440, 448, 454, 497, 498, 504, 505, 516, 521, 522, 528 и слѣд.; Т. X, ч. 1 зак. гражд. ст. 414, 415, 1745; ч. 8, зак. межев. 435, 449; Т. XII, ч. 1 ст. 298, ч. 2 ст. 5, 22, 59. Выс. утв. мѣстн. госуд. сов. 11-го ноября 1863.

Названіе «городскихъ обывателей» законъ употребляетъ въ двухъ значеніяхъ. Городскими обывателями вообще называются всѣ лица, считающіяся осѣдлыми въ городѣ или по рожденію, или по владѣнію недвижимою собственностью, или по промыслу, или наконецъ по отбываемымъ повинностямъ. Городскими обывателями въ особенности признаются лица, принадлежащія къ такъ называемому среднему роду людей и образующія особое состояніе въ государствѣ. Лица эти, носящія общее наименованіе «гражданъ», подраздѣляются на нѣсколько званій или сословій, а именно: гильдейское купечество, мѣстное и иногородное; почетные граждане, граждане въ городахъ западныхъ губерній, переименованные въ это званіе изъ бывшей шляхты; мѣщане или посадскіе; вольные люди, приписанные къ нѣкоторымъ городамъ западныхъ губерній; рабочіе люди. Что же касается дворянъ, лицъ духовнаго званія, разночинцевъ, сельскихъ обывателей и иностранцевъ, то хотя они и владѣютъ въ городѣ недвижимою собственностью и причисляются къ составу городского общества, но не считаются дѣйствительными гражданами и сохраняютъ особое свое состояніе и права, ему присвоенныя. Актомъ состоянія городскихъ обывателей, кромѣ дворянъ, служитъ городова обывательская книга, въ которую вносятся не только имѣющіе въ городѣ недвижимую собственность, но и личные дворяне, почетные граждане, а равно записанные въ гильдію или цехъ или имѣющіе въ городѣ мѣщанскій промыселъ ¹⁾).

Постановленія о городскихъ обывателяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ отличаются отъ постановленій, имѣющихъ силу въ другихъ городахъ. Такъ въ этихъ трехъ мѣстностяхъ условіями для того, чтобы принадлежать къ городскому обществу, считаются: владѣніе недвижимою собственностью въ городѣ и приписка къ городу для отправленія государственныхъ повинностей. Владѣльцы недвижимой собственности подраздѣляются въ столицахъ, на два разряда, изъ коихъ первый составляютъ потомственные дворяне, а второй: въ Петербургѣ личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, въ Москвѣ же — личные дворяне, почетные граждане въ гильдіи не записанные, иностранцы, и другихъ званій лица, не принадлежащія къ купеческому и городскимъ податнымъ сословіямъ; въ Одессѣ всѣ владѣльцы недвижимой собственности, не записанные въ число мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, какого бы званія и происхожденія ни были, — составляютъ одинъ разрядъ. Приписанные къ городу лица раздѣляются въ столицахъ на три разряда — купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, записанныхъ въ цехи, а въ Одессѣ только на два разряда — купцовъ и мѣщанъ, такъ какъ ремесленники не составляютъ тамъ отдѣльнаго

¹⁾ Т. IX, ст. 2, 428—425, 1661, 1662.

общества. Такимъ образомъ всѣ городскіе обыватели раздѣляются въ Петербургѣ и Москвѣ на пять, а въ Одессѣ на три разряда ¹⁾.

Мы выше сказали, что для совѣщаній по общественнымъ дѣламъ городскимъ обществамъ предоставлено составлять собранія. Для управленія же текущихъ общественныхъ дѣлъ учреждены въ городахъ, по выборамъ отъ городскихъ обществъ, особенныя установленія. Эти установленія, завѣдывающія дѣлами, относящимися до всѣхъ городскихъ сословій, суть: 1) въ городахъ многолюдныхъ—городскія думы, 2) въ малолюдныхъ городахъ и посадахъ—ратуши, 3) въ нѣкоторыхъ же городахъ—городскіе старосты. Кромѣ того къ установленіямъ общественнаго управленія относятся: городское депутатское собраніе, состоящее изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, не исключая и дворянъ, на обязанности котораго лежитъ разсмотрѣніе доказательствъ городского состоянія и содержаніе обывательской книги, квартирныя коммиссіи, состоящія изъ полиціймейстера или городничаго и депутатовъ отъ сословій, для распредѣленія постоя въ городѣ; и депутація отъ всѣхъ сословій для повѣрки отчетовъ о городскихъ доходахъ и расходахъ ²⁾.

Собранія городского общества составляются изъ всѣхъ наличныхъ гражданъ не моложе 25-ти лѣтъ, не опороченныхъ судомъ и имѣющихъ капиталъ, проценты съ котораго не ниже 15 рублей. Въ городахъ же, гдѣ такихъ капиталовъ въ гильдіяхъ не имѣется, приобретаютъ право голоса владѣющіе и меньшимъ капиталомъ. Городское общество собирается по приказанію и дозволенію начальника губерніи чрезъ каждые три года въ зимнее время двумя днями позже собраній дворянскихъ, или и въ другое время, когда польза и нужда городская потребуетъ. Совѣщанія городского общества касаются слѣдующихъ предметовъ: 1) оно выбираетъ лицъ на должности, замѣщеніе которыхъ предоставлено городскимъ обывателямъ; 2) оно выслушиваетъ предложенія начальника губерніи и отвѣчаетъ на нихъ; 3) оно входитъ въ разсмотрѣніе пользы и нужды общественныхъ и представленія свои о томъ обращаетъ къ начальнику губерніи, и 4) оно повѣряетъ городскую обывательскую книгу. Городскому обществу запрещается дѣлать постановленія противныя законамъ, или требованія въ нарушеніе законовъ подъ опасеніемъ за первыя, кромѣ уничтоженія ихъ, денежнаго взыскаія 100 руб. со всѣхъ присутствовавшихъ и подписавшихъ такія постановленія и сверхъ того особенно 30 руб.

¹⁾ Т. II, ст. 4429 по прод. прил. п. 5; Т. III, уст. служб. выборн. ст. 802 прил. 5; Полож. объ обществ. упр. Одессы.

²⁾ Т. II, ст. 4450 и слѣд.; Уст. о зем. пов. ст. 281—283; Т. XII, уст. город. хоз. ст. 88.

сь городского головы; а за послѣднія, — уничтоженія не дѣльныхъ требованій ¹⁾).

Городскую думу составляютъ: городской голова, въ качествѣ ея предсѣдателя, и гласные отъ сословій, избранные въ каждой части города по одному каждому сословію городскихъ обывателей, имѣющихъ голосъ въ городскомъ обществѣ ²⁾).

Гласные отъ сословій присутствуютъ въ думѣ или всѣ, или не болѣе известнаго числа. Когда дума собирается для выбора гражданъ въ общественныя должности или для подобныхъ тому дѣлъ временныхъ, общихъ всѣмъ сословіямъ обывателей, и дума представляетъ собою цѣлое общество города или посада, называясь тогда «общей городской думою,» тогда въ ея сужденіяхъ и рѣшеніяхъ участвуютъ всѣ гласные города или посада. Для всегдашняго же отправленія общественныхъ дѣлъ, гласные присутствуютъ въ думѣ, если число ихъ не опредѣлено особымъ штатомъ ея, не болѣе, какъ по одному отъ каждаго сословія, по избранію общей думы, и въ этомъ случаѣ дума называется «шестигласною городской думою.» Шестигласная дума собирается разъ въ недѣлю, кромѣ дѣлъ чрезвычайныхъ, или если нужда или польза города потребуеть особенныхъ засѣданій. При шестигласной думѣ состоятъ: 1) торговая депутація (если городъ большой торговый), торговые смотрители или гласные, торговые и рядскіе старосты, для наблюденій за правильнымъ производствомъ торговли и промысловъ, и 2) смотрители или комиссары при городскихъ вымуществахъ ³⁾).

Въ городскомъ общественномъ управленіи нѣкоторые предметы относятся къ вѣдомству городского головы, а другіе подлежатъ сужденію и опредѣленію думы.

На обязанности городского головы лежитъ: охраненіе порядка при общественныхъ выборахъ, представленіе избранныхъ на утвержденіе, приводъ ихъ къ присягѣ и введеніе въ должности; представительство, по уполномочію обществъ, о пользахъ и нуждахъ общественныхъ; представленія приказу общественнаго призрѣнія о благотворительныхъ заведеніяхъ городского вѣдомства; предсѣдательство въ депутатскомъ собраніи и сиротскомъ судѣ; участіе въ разныхъ комитетахъ, комиссіяхъ и присутствіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ по особымъ о нихъ положеніямъ.

Вѣдомство шестигласной думы касается различныхъ предметовъ. Сюда относятся: а) дѣла общественныя, къ числу которыхъ принадлежатъ городскіе выборы, жалобы начальству въ случаѣ незаконнаго

¹⁾ Т. IX, ст. 500, 502, 507—513.

²⁾ Т. II, ст. 4433; Т. III, ст. 451 и слѣд.

³⁾ Т. II, ст. 4433, 4436, 4437, 4440.

требованія податей, службъ и нарядовъ, представленія начальству о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ, записка въ разныя городскія состоянія, опись и оцѣнка продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ имущества, кружечный сборъ при церквахъ въ пользу бѣдныхъ; б) по городскому хозяйству: попеченіе о продовольствіи городскихъ жителей, поощреніе привоза въ городъ и продажи всего, что, какъ сказано въ законѣ, ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ, наблюденіе за городскими зданіями и устройство пристаней, амбаровъ, магазиновъ и т. п., установленіе таксы на жизненные припасы, управленіе городскими доходами и расходами, наблюденіе за городскими лѣсами; в) по торговой полиціи: наблюденіе за исполненіемъ въ городѣ правилъ по торговлѣ установленныхъ, выдача свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, а равно билетовъ на лавки и другія промышленныя заведенія, свѣдѣнія о торговыхъ домахъ, свидѣтельство кредитныхъ довѣренностей, выдаваемыхъ купцами ихъ прикащикамъ, и выдача шнуровыхъ книгъ учредителямъ акціонерныхъ компаній, для записки раздаваемыхъ акцій, разрѣшеніе на открытіе въ городѣ питейныхъ заведеній, выдача мастерамъ дозволительныхъ свидѣтельствъ на производство металлическихъ сплавовъ и выдѣлки изъ оныхъ разныхъ вещей, выдача свидѣтельствъ содержателямъ трактирныхъ заведеній, выдача бандеролей по торговлѣ, клейменіе мѣръ и вѣсовъ; г) дѣла казенныя: раскладка и взысканіе казенныхъ и городскихъ податей и сборовъ на земскія повинности, дѣла по отправленію городскими сословіями рекрутской повинности, и д) дѣла судныя: содержаніе особыхъ книгъ для записки проступковъ мѣщанъ неблагонадежнаго поведенія и понесенныхъ ими исправительныхъ наказаній, утвержденіе общественныхъ приговоровъ объ употребленіи исправительныхъ мѣръ противъ порочныхъ податныхъ лицъ городского сословія и разныя другія обязанности по удаленію ихъ изъ общества, рассмотрѣніе общественныхъ приговоровъ о наложеніи опеки на имѣніе расточителей изъ почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ и представленіе этихъ приговоровъ въ губернское правленіе ¹⁾).

Городской думѣ предоставлено право непосредственно представлять правительствующему сенату о налагаемыхъ на городъ противозаконныхъ службахъ и тягостяхъ и входить въ прямыя сношенія съ министерствомъ финансовъ по дѣламъ о торговыхъ товариществахъ. Но думѣ запрещается вмѣшиваться въ дѣла судебныя, въ распоряженія мѣщанскихъ и цеховыхъ обществъ по раскладкѣ денежныхъ сборовъ ²⁾, въ дѣла полиціи и другихъ установленныхъ мѣстъ и лицъ.

По большей части дѣлъ, ввѣренныхъ завѣдыванію городской думы,

¹⁾ Т. II, ст. 4441—4443 и прод.

²⁾ Т. II, ст. 4444—4445 уст. подат. ст. 264.

она обязана свои приговоры представлять губернскому начальству, которое или само дает разрѣшеніе или испрашивает утверженія высшихъ властей, какъ-то: по составленію росписей доходамъ и расходамъ, по предположеніямъ объ установленіи новыхъ сборовъ, заключенію займовъ, по торгамъ и подрядамъ, по отдачѣ оброчныхъ статей въ содержаніе и т. под.; о назначеніи общественныхъ собраній, о допущеніи выбранныхъ лицъ къ должностямъ и увольненіи ихъ; по приговорамъ объ удаленіи порочныхъ лицъ изъ обществъ. По распоряженію городскими доходами и расходами дума обязана представлять ежегодно отчетъ губернатору и казенной палатѣ ¹⁾.

Жалобы на городскую думу приносятся губернскому правленію; дума подвергается ответственности: за постановленія противныя законамъ, за неисполненіе своей должности или противныя ей поступки ²⁾.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ совѣщаніе по дѣламъ общественнымъ и постановленіе по нимъ приговоромъ предоставлено опредѣленному числу уполномоченныхъ (гласныхъ) отъ всѣхъ сословій, изъ которыхъ состоитъ общая дума, а распорядительная часть общественнаго управленія лежитъ на думѣ распорядительной. До 1863 года общая дума въ Петербургѣ по Положенію 13 февраля 1846 года дѣлилась по числу сословій, участвовавшихъ въ выборѣ ея гласныхъ, на пять отдѣленій; каждое изъ этихъ отдѣленій представляло собою городское сословіе, изъ среды котораго избрано, и входило въ обсужденіе только дѣлъ, относившихся до сословія, а всѣ отдѣленія вмѣстѣ замѣняли цѣлое городское общество и рассматривали дѣла, касавшіяся всего городского общества. Такъ какъ каждому сословію предоставлено назначать отъ себя отъ 100 до 150 представителей, то общая дума могла состоять изъ 500 — 750 членовъ. Неудобства, сопряженныя съ этимъ положеніемъ, вызвали пересмотръ закона 1846 года, и вновь изданными 20 марта 1864 года правилами отдѣленія общей думы переименованы въ собранія выборныхъ, безъ измѣненія состава, правъ и обязанностей. Общая же дума, какъ представительница цѣлого городского общества, уменьшена въ своемъ составѣ; вмѣсто 750 въ ней положено только 250 гласныхъ, по 50 отъ cadaго сословія, которыя избираются выборными изъ своей среды. Эта организація общей думы распространена на Москву и Одессу. Такимъ образомъ въ Москвѣ общая дума состоитъ изъ 175 гласныхъ, по 35 отъ cadaго изъ 5 городскихъ сословій, а въ Одессѣ изъ 75 гласныхъ, по 25 отъ cadaго изъ трехъ разрядовъ обывателей. Въ общей думѣ

¹⁾ Т. II, ст. 467—470, 473—475; Т. III, ст. 308, 309, 404, 417, 441, 448; Т. IX, ст. 502, 521, 523; Т. XII, уст. гор. хоз. ст. 8—11, 16, 17, 21, 28, 43, 47, 51, 72, 86; Уст. пред. прест. ст. 318.

²⁾ Т. II, ст. 4448 и слѣд.

предсѣдательствуетъ городской голова, который считается главнымъ уполномоченнымъ всего городского общества, и присутствуютъ, въ качествѣ членовъ думы — сословные старшины.

Представляя собою городское общество, общая дума входитъ въ обсужденіе дѣлъ, касающихся всего городского общества, и дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ, по этимъ дѣламъ, требуетъ общественнаго постановленія или приговора.

Засѣданія общей думы въ Петербургѣ при существованіи должности военнаго генералъ-губернатора открывались и закрывались по его распоряженію. Въ Москвѣ и Одессѣ засѣданія общей думы назначаются по распоряженію городского головы, доводящаго о томъ до свѣдѣнія главнаго начальника губерніи, и бываютъ срочныя и чрезвычайныя.

Срочныя, — два раза въ годъ для разсмотрѣнія росписей доходовъ и расходовъ, отчетовъ распорядительной думы, и разныхъ предметовъ, касающихся городского хозяйства; чрезвычайныя, — для разсмотрѣнія общественныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства. Въ Одессѣ открытіе чрезвычайнаго засѣданія допускается по желанію, изъявленному десятью гласными, или по требованію начальства.

Собраніе общей думы признается дѣйствительнымъ, когда въ немъ присутствуютъ: городской голова, сословные старшины или ихъ товарищи и не менѣ одной трети гласныхъ.

Предварительное разсмотрѣніе обширныхъ и сложныхъ дѣлъ возлагается на особія комиссіи, составляемыя по выбору общей думы.

Приговоры общей думы считаются дѣйствительными, когда они подписаны и утверждены не менѣ, какъ двумя третями членовъ ея, присутствовавшихъ въ собраніи.

Общая дума не дѣлаетъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій. Она ограничивается только составленіемъ общественныхъ приговоровъ, исполненіе которыхъ или предварительное представленіе начальству лежитъ на обязанности распорядительной думы.

При общей думѣ состоитъ городское депутатское собраніе изъ депутатовъ (въ Петербургѣ и Москвѣ по 5, а въ Одессѣ по 3) отъ cadaго собранія сословныхъ выборныхъ. Кромѣ предметовъ, лежащихъ на депутатскомъ собраніи другихъ городовъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ оно еще составляетъ списки лицъ, допускаемыхъ къ участию въ общественныхъ выборахъ.

Распорядительная дума, которая въ правахъ и обязанностяхъ сравнена съ шестигласными думами, существующими въ другихъ городахъ, состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы въ Петербургѣ изъ 12, въ Москвѣ изъ 10 и въ Одессѣ изъ 9 членовъ, избранныхъ собраніями выборныхъ. Кромѣ этихъ выборныхъ членовъ въ Петербургѣ, по положенію 1846 года, была учреждена въ распо-

распорядительной думѣ должность члена отъ короны, обязаннаго наблюдать за правильностью канцелярскаго порядка и счетоводства и за отчетностью вообще по думѣ. Должность эта, по высочайше утвержденному мѣстному государственнаго совѣта, 28 марта 1866 года, упразднена.

Отношенія распорядительной думы къ правительственнымъ властямъ въ столицахъ и Одессѣ не одинаковы. Въ Петербургѣ и Москвѣ сверхъ подчиненности въ общемъ порядкѣ управленія сенату, а въ мѣстномъ главному начальнику губерніи, дума находится въ непосредственномъ вѣдѣніи гражданскаго губернатора. Въ Петербургѣ и Москвѣ гражданскій губернаторъ въ важнѣйшихъ, по его усмотрѣнію, случаяхъ можетъ самъ предсѣдательствовать въ распорядительной думѣ. Въ Одессѣ распорядительная дума состоитъ подъ главнымъ наблюдениемъ генераль-губернатора и въ вѣдѣніи градоначальника. По тѣмъ дѣламъ, которыя восходятъ на разсмотрѣніе губернскаго начальства, дума представляетъ постановленія свои на подписаніе градоначальника. При этомъ, если дума не находитъ возможнымъ исполнить распоряженіе градоначальника, то доноситъ генераль-губернатору, который, въ случаѣ своего несогласія съ постановленіемъ думы, представляетъ его въ сенатъ.

Жалобы на распорядительную думу въ Петербургѣ и Москвѣ приносятся правительствующему сенату, а въ Одессѣ градоначальнику или правительствующему сенату, смотря по тому, — утверждено ли постановленіе думы градоначальникомъ или нѣтъ.

При распорядительной думѣ состоятъ: 1) городская торговая полиція, состоящая изъ торговой депутаціи, и смотрителей торговыхъ, базарныхъ и рыночныхъ; 2) городская хозяйственная полиція изъ комиссаровъ для сбора городскихъ суммъ, смотрителей городскихъ имуществъ, и депутатовъ для оцѣнки недвижимой собственности, подлежащей городскому налогу, и 3) аукціонная камера изъ управляющаго и присяжныхъ аукціонистовъ. Сверхъ того, въ вѣдѣніи ея состоятъ: 1) городские публичные нотариусы и частные маклера; 2) присяжные добросовѣстные свидѣтели при публичной описи имѣній; и 3) присяжные городские оцѣнщики ¹⁾.

Выборы, какъ въ гласные общей думы, такъ и во всѣ должности по городскому общественному управленію, производятся городскими обывателями, имѣющими голосъ въ городскомъ обществѣ. Въ собраніяхъ общества для выборовъ участвуютъ: 1) почетные граждане, владеющіе въ томъ городѣ недвижимою собственностью; 2) наличные купцы, мѣщане и цеховые, внесенные въ обывательскую книгу;

¹⁾ Т. II, ст. 4472 — 4490 по прод. 4481 — 4490; прилож. къ ст. 4429 и. 4 — 24 по прод. Полож. объ общ. управ. г. Одессы и. 4 — 24.

3) дворяне, записанные въ томъ городѣ въ гильдію, и 4) иногородные купцы, если имѣютъ въ томъ городѣ недвижимую собственность и постоянное жительство.

Не допускаются въ выборы: проторговавшіеся купцы и бакары, опороченные судомъ и лица, состоящіе подъ слѣдствіемъ, если городское общество признаетъ нужнымъ удалить ихъ отъ участія въ своихъ дѣлахъ. Лица, не явившіеся на выборы безъ законныхъ причинъ (наказы болѣзни, дѣла въ другомъ городѣ), подлежатъ денежному штрафу отъ 1 до 10 руб. ¹⁾.

По выбору всего городского общества замѣщаются должности: по внутреннему управленію городского общества, какъ-то: городского головы, депутатовъ городского депутатскаго собранія, писаря городского общества, старостъ для составленія обывательской книги и депутатовъ для составленія раскладки земской повинности; по судебному управленію: бургомистры, ратманы магистрата или ратуши, судьи словесныхъ судовъ при магистратахъ и частяхъ города и выборные этихъ судовъ; по полицейскому управленію: ратманы урваны благочинія или полиціи, депутаты городскихъ квартирныхъ комиссій. Кромѣ того, въ губернскихъ городахъ городское общество выбираетъ засѣдателей гражданскихъ и уголовныхъ палатъ.

Въ должности, замѣщаемыя отъ городского общества, могутъ быть выбраны всѣ тѣ же лица, которымъ предоставленъ голосъ на выборахъ; при чемъ болѣе почетныя должности замѣщаются изъ почетныхъ гражданъ и купцовъ. Ограниченія въ этомъ отношеніи существуютъ для раскольниковъ и евреевъ. Срокъ службы по выборамъ болѣею частью трехлѣтній ²⁾.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ всѣ должности городского общественнаго управленія замѣщаются не по выбору городскихъ обывателей, а по выбору избранныхъ ими выборныхъ и гласныхъ общей думы. Право голоса въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ имѣютъ всѣ городскіе обыватели, принадлежащіе къ одному изъ сословій или разрядовъ, на которые раздѣлено городское общество, не моложе 21 года отъ роду, не опороченные судомъ или не лишенные голоса по приговору собранія выборныхъ, владѣющіе въ городѣ недвижимою собственностью или капиталомъ или товаромъ, приносящимъ въ годъ дохода не менѣе 100 рублей, и притомъ записанные въ обывательскую книгу или приписанные къ городу не менѣе 2-хъ лѣтъ. Лица женскаго пола, не участвуя сами въ выборахъ, могутъ передавать свой голосъ отцу, мужу, сыну, дядѣ, брату или зятю. Генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, а въ Одессѣ градоначальникъ, чины

¹⁾ Т. III, ст. 302, 345, 347, 349, 353, 451; Улож. о нак., изд. 1866 г., ст. 1436.

²⁾ Т. III, ст. 303, 305, 308, 355, 393 — 395, 524, 525.

городской полиціи и лица прокурорскаго надзора голоса на выборах не имѣть.

Въ должность городского головы выбираются въ Петербургѣ почетнѣйшія лица отъ сословій дворянскаго, почетныхъ гражданъ или купцовъ 1-й гильдіи, а въ Москвѣ и Одессѣ лица всѣхъ сословій, владѣющія въ городѣ собственностью, стоимостью не менѣе 15,000 рублей. Въ столицахъ голова назначается верховною властью изъ двухъ избранныхъ кандидатовъ, а въ Одессѣ избранное на эту должность лицо утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Срокъ службы для городского головы, членовъ распорядительнаго думы и управляющаго аукціонною камерою четырехлѣтній, для городского секретаря шестилѣтній; прочія должностныя лица избираются на 3 и на 2 года. Должностныя лица по выбору, кромѣ головы, утверждаются въ должностяхъ: генералъ-губернаторомъ, или гражданскимъ губернаторомъ или распорядительною думою ¹⁾.

Со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, 20 ноября 1864 г., измѣняется и право городскихъ обществъ относительно выбора лицъ по судебному и полицейскому управленію; входя въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній, они участвуютъ только въ выборѣ мировыхъ судей и въ составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей. Петербургская же и московская общія думы, пользующіяся правами уѣздныхъ земскихъ собраній, сами выбираютъ мировыхъ судей въ обѣихъ столицахъ.

Изложивъ главнѣйшія постановленія о городскомъ общественномъ управленіи, мы не будемъ долго распространяться о его недостаткахъ, вызвавшихъ преобразованія въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Скажемъ только, что недостатки эти происходятъ отъ различныхъ и весьма разнородныхъ причинъ. Мы уже замѣтили, что большая часть нашихъ городовъ до сихъ поръ не представляетъ необходимыхъ условій городской жизни, сохраняя не рѣдко характеръ сельскій, не имѣя у себя ни промышленности, ни торговли. Главная масса городскихъ обществъ состоитъ изъ мѣщанъ, при чемъ въ составъ его не входятъ наиболѣе образованныя лица изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и духовныхъ лицъ, пользующіяся меньшими, сравнительно съ мѣщанами, правами. «Отсюда произошло, что значеніе городскихъ выборовъ въ общемъ мнѣніи упало, и почетнѣйшія лица стали отъ нихъ уклоняться. Точно также столь важный въ настоящемъ случаѣ законъ относительно опредѣленія права голоса потерялъ всякое значеніе и силу: вмѣсто однихъ домохозяевъ, которые должны бы были исключительно принимать участіе въ выборахъ, къ нимъ допускался

¹⁾ Т. II, прил. къ ст. 4429 в. 41—59 по прод.; Т. III, прил. къ ст. 302 н. 2, 6—15, 18—23 и прод. полож. объ общ. управ. Одессы в. 85—84.

всякій по произволу. Самый обрядъ городскихъ выборовъ, за отсутствіемъ обстоятельныхъ постановленій въ законодательствѣ, производился разнообразно и произвольно, цѣлымъ обществомъ, иногда весьма многолюднымъ и, притомъ, состоящимъ изъ лицъ разныхъ званій, различнаго образованія, привычекъ и самыхъ нравовъ; при семъ въ дѣлѣ выборовъ весьма невыгодное вліяніе оказывала необразованность большей части гражданъ, не рѣдко самихъ распорядителей выборовъ, потворствовавшихъ другъ другу по личнымъ отношеніямъ и видамъ користи, стремившихся къ возвышенію не по достоинству, а посредствомъ разныхъ происковъ. Ясно, что при такомъ состояніи общественныхъ выборовъ не могло быть дѣятельнаго участія въ нихъ со стороны самой почетной и просвѣщенной части городского общества ¹⁾.» Напрасно было бы думать, что это нерадѣніе къ общественному дѣлу со стороны лучшей и образованнѣйшей части общества обнаружилось только въ послѣднее, недавнее время. Напротивъ того, оно уже ясно видно было болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вотъ, напримѣръ, что говорилось въ высочайшемъ указѣ 20 августа 1802 года: «Доходитъ до свѣдѣнія Нашего, что будто лучшее дворянство, а также и граждане уклоняются отъ выборовъ, слѣдовательно и службы. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы по нерадѣнію къ общему благу въ самъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ соревнованіе угасло. А потому повелѣваемъ правительствующему сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству чрезъ своихъ предводителей, а гражданамъ чрезъ градскихъ головъ, дали знать волю Нашу, что Намъ пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностью собираться стануть къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага. Сіе самое между исполненіемъ другихъ обязанностей будетъ достовѣрнымъ знакомъ истинной ихъ любви къ отечеству, вѣрной службы и соотвѣтствіемъ Нашего о нихъ попеченія ²⁾.» Если такъ приходилось убѣждать городскія общества въ 1802 году, то съ тѣхъ поръ положеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только не стало лучше, но еще ухудшилось. Тамъ въ мѣстностяхъ, преимущественно населенныхъ раскольниками, изъ которыхъ не рѣдко многіе умѣли приобрѣсти общественное довѣріе и уваженіе, они, изданными въ сороковыхъ годахъ узаконеніями, устранены отъ выборовъ, къ которымъ допускались, наравнѣ съ прочими лицами, городскимъ Положеніемъ 1785 и указомъ 12 августа

¹⁾ Истор. обзор. правит. мѣръ, П. Муллова, стр. 160.

²⁾ Именной указъ сенату 20 авг. 1802 г. Полн. собр. зак., Т. XXVII, № 20381.

1786 года. Кроме того, одною изъ важнѣйшихъ причинъ разстройства городскихъ общественныхъ мѣстъ и происходящаго отъ того беспорядочнаго управленія общественными дѣлами и хозяйствомъ служить еще и то, что ни одно изъ городскихъ учрежденій не сохранило того значенія, которое указано было городовымъ Положеніемъ 1785 г.; такъ, наприѣръ, общей думы не существуетъ нигдѣ, кромѣ Петербурга, Москвы и Одессы. Въ дополненіе ко всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что неопредѣленность и спутанность отношеній городского общественнаго управленія къ мѣстной администраціи даетъ не рѣдко поводъ къ излишнему ея вмѣшательству и взаимнымъ столкновеніямъ или же подчиняетъ безусловно общественное управленіе административной власти, при чемъ всегда одинаково страдаютъ городскіе обыватели и городское хозяйство.

Сенаторъ Сафоновъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ послѣ ревизіи Пензенской губерніи, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Городскіе головы и члены думы, какъ люди, большею частію, съ ограниченными понятіями, и, по положенію своему и торговлѣ, болѣе зависимые, полагаютъ главною и единственною своею обязанностію какъ можно скорѣе исполнять всѣ требованія начальства, не понимая, или не смѣя понимать, что, кромѣ исполненія этихъ, лежащихъ на нихъ по закону, обязанностей, они имѣютъ не менѣ важную обязанность—заботиться о нуждахъ и пользахъ города и его обывателей и быть ходатаями въ этомъ предъ начальствомъ. Съ одной стороны рѣдко случается, чтобы городская дума вошла къ начальнику губерніи съ какимъ либо представленіемъ, касающимся общественной пользы; а съ другой также очень рѣдки примѣры, чтобы начальникъ губерніи потребовалъ мнѣнія думы о пользѣ или неудобствѣ какого либо предложенія, исключая того, что обыкновенно требуется заключеніе думы только о томъ, можно ли отнести на счетъ города требующуюся какую либо издержку. Такимъ образомъ, городскія думы, въ настоящемъ ихъ положеніи, вмѣсто того, чтобы судить и совѣщаться о благѣ города и его жителей, обратились почти въ исполнительныя учрежденія ¹⁾.» Все это достаточно объясняетъ полнѣйшее недовѣріе, съ которымъ общество относится къ городскому управленію, очевидно не выполняющему своей дѣли. Москва первая начала въ 1859 году ходатайствовать объ измѣненіи существовавшаго въ ней городского управленія, и 20 марта 1862 года Высочайше утверждено Положеніе объ общественномъ городскомъ управленіи Москвы, сходное въ главныхъ основаніяхъ съ петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Примѣру Москвы послѣдовала Одесса, Положеніе объ общественномъ управленіи которой Высочайше утверждено 30 апрѣля 1863 года. Затѣмъ ходатайства объ

¹⁾ Истор. обзор. правит. мѣръ, П. Мулова, стр. 198—194.

намѣненіи городского общественнаго устройства стали поступать и въ другихъ городовъ: изъ Могилева, Пензы, Костромы, Нижняго-Новгорода, Казани, Самары, Калуги, Симбирска, Полтавы и др.

Такимъ образомъ, привлекательнымъ образцомъ городского общественнаго управленія для всѣхъ городовъ представляется до сихъ поръ общественное управленіе Петербурга, Москвы и Одессы. Намъ остается теперь рассмотретьъ, — дѣйствительно ли порядокъ самоуправленія этихъ городовъ можетъ считаться образцовымъ, и не требуетъ ли и онъ также нѣкоторыхъ, довольно глубокихъ, намѣненій.

Одно перечисленіе предметовъ вѣдомства городской думы показываетъ, какъ многостороння ея дѣятельность и какъ близко дѣятельность эта касается мѣстныхъ жителей. Тѣмъ, повидимому, непонятнѣе то равнодушіе петербургскаго городского населенія, которое оно постоянно проявляетъ къ городскому управленію. Равнодушіе это проглядываетъ во всемъ: на послѣднихъ общихъ выборахъ въ Петербургъ въ 1865 году едва участвовала третья доля лицъ, имѣющихъ право голоса; наданія, въ которыхъ помѣщаются исключительно завѣтія петербургскаго и одесскаго городского общества, едва насчитываютъ нѣсколько десятковъ постороннихъ подписчиковъ; наконецъ, самыя засѣданія общей думы почти не посѣщаются публикою, несмотря на то, что они открыты для всѣхъ желающихъ въ Петербургъ безъ всякихъ формальностей, а въ Москвѣ съ билетами, получаемыми отъ городского головы. Послѣднее обстоятельство особенно обращаетъ на себя вниманіе. Публичность засѣданій, какъ одна изъ гарантій правильности дѣйствій лицъ, на которыхъ возложено управленіе городскими дѣлами, существуетъ въ Бельгіи, Италіи, Пруссіи и Австріи. Ея нѣтъ только во Франціи, гдѣ правительство боялось сдѣлать засѣданія муниципальнаго совѣта открытыми для всѣхъ, чтобы не возбудить политическія страсти. Но городское населеніе во Франціи интересуется знать, чѣмъ занимаются и что дѣлаютъ его уполномоченные, требуетъ, добивается публичности засѣданій муниципальнаго совѣта, и правительство вѣроятно будетъ вынуждено сдѣлать эту уступку. У насъ правительство не боялось дать это право обществу, но за то общество само какъ будто не хочетъ имъ пользоваться.

Было бы странно, говоря о такомъ равнодушіи петербургскаго населенія къ своимъ собственнымъ дѣламъ, не стараться объяснить причины этого явленія. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что причина таковаго явленія кроется главнымъ образомъ въ отсутствіи самостоятельности городского общественнаго управленія. При существующемъ порядкѣ, общественныя постановленія переходятъ различныя инстанціи прежде ихъ утвержденія, многія, весьма важныя и полезныя для города, дѣла не получаютъ окончанія по цѣлымъ годамъ. Мы не будемъ набирать много примѣровъ, хотя знаемъ ихъ довольно, но для

подтвержденія того, что сказали, укажемъ хоть на учрежденіе Общества взаимнаго страхованія. Уже въ 1847 году Петербургская дума обратила вниманіе на этотъ важный вопросъ и составила проектъ Общества взаимнаго страхованія. Съ 1847 года проектъ этотъ проходилъ разныя инстанціи, дополнялся, измѣнялся, сокращался и передѣлывался такъ, — что утвержденіе его послѣдовало только въ октябрѣ 1864 года. Въ противоположность этому крупному предмету, мы можемъ указать, въ видѣ доказательства того, — до какой степени городское управленіе въ недавнее время имѣло тѣсный кругъ власти, — на то обстоятельство, что самое зданіе, въ которомъ собирается петербургская общая дума, находилось въ завѣдываніи посторонняго вѣдомства, и гласнымъ приходилось ѣздить отъ холода въ ожиданіи «надлежащаго распоряженія подлежащей власти» объ исправленіи поврежденной въ залѣ печи. Такое стѣсненіе, ослабленное лишь по нѣкоторымъ предметамъ и то въ послѣднее время, не могло не дѣйствовать губительно на все общество. Лица, сначала горячо принявшіяся за городское общественное дѣло, не могли не охладѣть отъ бесплоднаго ожиданія. Общество, привыкшее къ тому, что съ нимъ обращаются, какъ съ ребенкомъ, само подъ конецъ начинаетъ вѣрять своему дѣтству и отучается рассчитывать на самого себя, на свои собственныя силы.

Выше мы вскользь замѣтили, что въ послѣднее время въ порядкѣ управленія дѣлами городского хозяйства произошли нѣкоторыя измѣненія, расширившія нѣсколько предѣлы его вѣдомства. Такъ въ недавнее время вѣдѣнію города предоставлена строительная часть, ему предоставлено право учрежденія городскихъ школъ, городскихъ банковъ, въ его хозяйственное завѣдываніе передано городское освѣщеніе, ему предоставлено и попеченіе о народномъ продовольствіи. Но какъ ни важны предметы, по которымъ дана нѣкоторая свобода дѣйствій самому городскому управленію, тѣмъ не менѣе еще по многимъ предметамъ его постановленія долго путешествуютъ по разнымъ инстанціямъ прежде приведенія въ исполненіе, и «дѣло тянется по годамъ, благодаря обязательному вмѣшательству вѣдомствъ¹⁾». Испытывая на себѣ всю невыгоду такого положенія вещей, Петербургская общая дума въ 1865 году признала необходимымъ возбудить ходатайство «о разграниченія городскихъ дѣлъ, которыя по существу своему требуютъ разсмотрѣнія и утвержденія правительства, отъ дѣлъ, которыя по свойству своему, съ пользою для города и безъ вреда для общихъ государственныхъ интересовъ, могли бы быть окончательно рѣшаемы са-

¹⁾ Такъ остроумно выразился императоръ Наполеонъ III въ письмѣ своемъ къ Руз, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, возставшаго противъ бюрократіи и централизаціи въ пользу личной самостоятельности и самоуправленія во Франціи.

нимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.» Особая комиссія, которой поручено было составить по этому предмету докладъ, между прочимъ высказала въ немъ слѣдующее: «Общественныя постановленія переходятъ на окончательное утвержденіе чрезъ разныя административныя инстанціи, чуждыя интересамъ городского общества, но имѣющія право голоса при рѣшеніи его дѣлъ. Постановленія подвергаются измѣненіямъ, часто вопреки желаніямъ и насущнымъ потребностямъ города; и для всякаго, вникнувшаго въ этотъ вопросъ и не отстаивающаго какую либо напередъ заданную себѣ мысль, ясно будетъ, какъ то доказано и многолѣтнимъ опытомъ, что, при существующихъ условіяхъ, дѣятельность городского общественнаго управленія не можетъ быть успѣшна и что даже его вліяніе на устройство города и на дѣла городскія самое ничтожное. Всѣ предположенія общей думы, за немногими исключеніями, требуютъ утвержденія законодательнымъ порядкомъ или же согласія административныхъ правительственныхъ учрежденій, и затѣмъ думѣ предоставляется лишь приведеніе въ исполненіе этихъ одобренныхъ постановленій. Но и тутъ: или она обязана передавать свои суммы въ постороннія вѣдомства, въ ихъ безотчетное распоряженіе, или же на нее налагается какой либо новый расходъ, а иногда какой либо непредвидѣнный порядокъ дѣйствій. И такъ можно сказать, что участіе думы въ городскомъ управленіи заключается по преимуществу въ исполненіи обязанностей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ казначея, въ другихъ же сборщика податей или подрядчика работъ; очевидно, что при подобной обстановкѣ самоуправленіе есть призракъ.» Исходя изъ этой, почерпнутой не въ теоріи, а въ двадцатилѣтней практикѣ, мысли, особая комиссія, а за нею Петербургская общая дума, руководствуясь уже существующими въ Положеніи о городскомъ общественномъ управленіи, какъ учрежденіи хозяйственномъ, основанномъ на выборномъ началѣ, постановленіями, происшедшими затѣмъ измѣненіями и Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, остановилась на слѣдующихъ заключеніяхъ: 1) Въ отношеніи законодательной власти. Общественному городскому управленію, какъ учрежденію не законодательному, не можетъ быть предоставлено окончательное разрѣшеніе какаго либо законодательнаго вопроса, и потому: *каждое постановленіе общей думы, клонящееся къ измѣненію дѣйствующихъ узаконеній, должно получить утвержденіе законодательнымъ порядкомъ.* 2) Въ отношеніи административной власти. Городское общественное управленіе завѣдываетъ городскимъ хозяйствомъ на основаніи уполномочія самихъ хозяевъ, слѣдовательно не можетъ подлежать сомнѣнію, что тутъ оно нравственно отвѣтствуетъ передъ своими довѣрителями, но въ отношеніи ко всѣмъ другимъ мѣстамъ и лицамъ самостоятельно въ чертѣ закона; исполнительная же дѣятельность городского общественнаго управленія точно опредѣляется закономъ, и

Поэтому по вопросам хозяйственным и исполнительным, постановленным общей думой не должны подлежать какому либо утверждению. По городское общественное управление, кроме общаго подчинения закону, имѣть еще опредѣленныя обязанности въ отношеніи государственныхъ интересовъ и государственнаго благоустройства. А какъ административной власти предоставлено право имѣть наблюденіе за исполненіемъ закона, за государственнымъ благоустройствомъ и за огражденіемъ государственныхъ интересовъ, то дабы ей дать возможность пользоваться своимъ правомъ, каждое постановление общей думы, предварительно его исполненія, должно быть сообщаемо установленной административной власти. 3) Въ отношеніи къ судебной власти. Какъ всѣ вообще нарушенія закона, правъ и обязанностей въ государствѣ, восстанавливаются судебною властью, и какъ рѣшеніе подобныхъ дѣлъ выходить изъ естественнаго круга дѣйствій учреждений какъ административныхъ, такъ и хозяйственныхъ, то всѣ спорные вопросы, могущіе возникнуть между городскимъ общественнымъ управленіемъ и исполнительною властью, или частными лицами по нарушеніи закона и правъ или по неисполненію обязанностей, должны рѣшаться судебнымъ порядкомъ.

Опредѣлявъ такимъ образомъ тѣ основанія, на которыхъ могли бы быть распределены дѣла городского общественнаго управленія, комиссія составила: 1) сводъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію городской общей думы, котораго нѣтъ въ настоящемъ Положеніи объ общественномъ управленіи, и 2) отдѣльными статьями сдѣлала дополненія къ этому Положенію. § 1. Такимъ образомъ, къ вѣдомству и обязанностямъ городской общей думы отнесены: I. Завѣдываніе всѣми городскими имуществами, капиталами и денежными въ доходъ города сборами.—II. Назначеніе суммъ на содержаніе всѣхъ городскихъ учреждений и разрѣшеніе ассигновокъ по всѣмъ предметамъ городского хозяйства и управленія.—III. Разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной росписи городскимъ доходамъ и расходамъ.—IV. Производство на нужды города займовъ и позамыслованій изъ городскихъ капиталовъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе, а также разрѣшеніе временныхъ позамыслованій и отступленій отъ смѣтъ, по не терпящимъ отлагательства надобностямъ.—V. Утвержденіе торговъ на всѣ подряды и поставки по городскому управленію и на отдачу въ арендное содержаніе всѣхъ оброчныхъ статей.—VI. Повѣрка отчетовъ по расходованію всѣхъ суммъ, отпускаемыхъ изъ городскихъ капиталовъ и доходовъ на городскія надобности.—VII. Попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности и объ удешевленіи предметовъ первой жизненной потребности.—VIII. Принятіе мѣръ, въ случаѣ надобности, для обезпеченія продовольствія столицы.—IX. Установленіе правилъ для надзора за содержаніемъ торговыхъ рынковъ, площадей и лавокъ въ домахъ.—X. Предѣленіе

условія на открытіе въ столицѣ трактирныхъ, питейныхъ и другихъ торговыхъ заведеній. — XI. Участіе въ попеченіи о народномъ здоровіи и образованіи. — XII. Учрежденіе городскихъ шеольтъ, банковъ и ссудныхъ кассъ. — XIII. Завѣдываніе всѣми содержимыми на счетъ города благотворительными учрежденіями, и прочія мѣры призрѣнія. — XIV. Устройство, содержаніе и завѣдываніе всѣми принадлежащими городу и на его счетъ содержимыми зданіями, сооружеиіями, путями сообщенія, набережными и пристанями, завѣдываніе освѣщеніемъ, очисткою улицъ и площадей и вообще исполненіе всѣхъ закономъ возложенныхъ на городъ потребностей благоустройства столицы, городского управленія и городской полиціи. — XV. Раскладка государственныхъ денежныхъ сборовъ, налагаемыхъ на городскихъ обывателей. — XVI. Пропзводство выборовъ и назначеніе въ должности общею думою замѣщаемыя. — XVII. Обсужденіе всѣхъ предположеній и мѣропріятій, касающихся пользы, нужды или доходовъ города, въ чемъ бы они ни заключались и гдѣ бы они ни возникали. — XVIII. Обсужденіе и приведеніе въ исполненіе всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для успѣшнаго хода дѣлъ, ввѣренныхъ вѣдѣнію городского общественнаго управленія. § 2. Городская общая дума дѣйствуетъ самостоятельно въ кругу ввѣренныхъ ей дѣлъ и на основаніи существующихъ узаконеній. § 3. Всякое предположеніе общей думы, какъ о новомъ налогѣ или сборѣ, такъ и вообще о всякомъ измѣненіи и дополненіи существующихъ общихъ узаконеній или положенія о городскомъ общественномъ управленіи, представляется, черезъ главнаго начальника столицы, на разсмотрѣніе и утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. § 4. Всѣ постановленія городской общей думы сообщаются послѣ каждого засѣданія главному начальнику столицы; постановленія же по ежегодной росписи городскимъ доходамъ — за мѣсяцъ до срока приведенія ея въ дѣйствіе. § 5. Главному начальнику губерніи предоставляется право несогласія на постановленія общей думы: а) по ежегодной росписи городскимъ доходамъ и расходамъ, когда: 1) въ оную не внесены всѣ потребности, обязательныя для города по закону, и 2) когда обязательныя же по закону для города расходы не покрываются доходами и сборами. б) По всѣмъ вообще постановленіямъ: 1) когда въ постановленіи облагаются сборомъ или натуральною повинностью источники, изъятые отъ этого по закону; 2) когда постановленіе клонится къ неисполненію потребности, обязательной для города по закону, и 3) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда постановленіе не согласно съ существующими узаконеніями. § 6. Отзывъ о несогласіи главнаго начальника столицы на какое либо изъ постановленій общей думы, кромѣ годовой росписи, долженъ имъ быть сообщенъ думѣ, въ теченіе 7 дней, со дня полученія имъ постановленія; отзывъ же о несогласіи на годовую роспись въ теченіи 2-хъ недѣль. § 7. Если отъѣздъ главнаго начальника столицы не послѣдовало въ

вышеозначенные сроки, то постановленія считаются вошедшими въ законную силу. § 8. По полученіи отзыва главнаго начальника столицы о несогласіи его на какое либо постановленіе общей думы, она разсматриваетъ обстоятельства, подавшія поводъ къ несогласію, и постановляетъ свое заключеніе, копія съ котораго сообщается главному начальнику столицы. § 9. Вторичное постановленіе общей думы входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, но главный начальникъ столицы имѣетъ право, подѣ личною своею отвѣтственностію, остановить исполненіе постановленія; общая же дума имѣетъ право немедленно обжаловать въ правительствующій сенатъ распоряженіе главнаго начальника столицы. § 10. Городской общей думѣ предоставляется право, на всѣ относящіяся до городского управленія распоряженія главнаго начальника столицы и другихъ административныхъ властей, приносить жалобы правительствующему сенату. § 11. Всѣ вопросы, могущіе возникнуть между городскимъ общественнымъ управленіемъ и административными властями и поступившіе на разсмотрѣніе въ правительствующій сенатъ, по представленію административныхъ властей или по жалобѣ городской общей думы, разрѣшаются окончательно правительствующимъ сенатомъ.

Петербургская общая дума, утвердивъ вполнѣ докладъ комиссіи въ собраніи 14-го января 1866 г., поручила городскому головѣ войти въ законномъ порядкѣ съ ходатайствомъ о введеніи, согласно докладу комиссіи, въ Положеніе о петербургскомъ городскомъ общественномъ управленіи: 1) свода предметовъ, подлежащихъ вѣденію городской общей думы, и 2) дополнительныхъ статей, относительно порядка разсмотрѣнія, рѣшенія и утвержденія дѣлъ общественныхъ ¹⁾).

Судьба этого ходатайства петербургской думы еще неизвѣстна. Но едва ли можно сомнѣваться въ его основательности, а также и въ томъ, что оно окажетъ вліяніе на готовящееся измѣненіе въ общественномъ управленіи городовъ Россіи. Это можно сказать съ тою большею увѣренностію, что въ своемъ ходатайствѣ петербургская дума не просила себѣ какихъ либо новыхъ правъ, но она имѣла въ виду преимущественно тотъ кругъ дѣятельности, который предоставленъ сельскимъ общинамъ Положеніемъ 19-го февраля и земскими учрежденіями. А едва ли можно доказать въ настоящее время пользу неравноправности городскихъ и сельскихъ общинъ. Въ этомъ отношеніи, зная, что общинное устройство перенесено къ намъ изъ западноевропейской жизни, вполнѣ позволительно къ ней обратиться за примѣрами. Въ западной Европѣ мы найдемъ слѣдующее: въ Пруссіи, общины городскихія отличаются отъ сельскихъ тѣмъ, что городамъ предоставлена въ управленіи своими общественными дѣлами большая

¹⁾ Извѣст. С.-Пбур. гор. общей думы. 1866 г., № 5, стр. 217.

самостоятельность, нежели селеніямъ. Въ Австріи, общины городскія и сельскія пользуются одинаковыми правами и управляются на основаніи общихъ правилъ. Въ Бельгіи, общины по ихъ внутреннему управленію раздѣляются на два разряда, смотря по количеству населенія общинъ. Во Франціи, хотя и возникла мысль возстановить различіе между городами и селеніями, но мысль эта осталась до сихъ поръ безъ послѣдствій. По поводу такого раздѣленія, вотъ что говорилось въ докладѣ государственнаго совѣта, въ 1851 году: «Всякое дѣленіе было бы произвольно. Если общины имѣютъ свою самобытность, то каждая изъ нихъ имѣетъ право, съ одной стороны, на одинаковую независимость, а съ другой на одинаковое покровительство. Невозможно устанавливать категорій между большими и малыми общинами, не затронувъ самыхъ живыхъ чувствъ, не возбудивъ самаго энергическаго противодѣйствія¹⁾.» Также равноправность общинъ существуетъ и въ Италіи, потому, какъ сказано въ докладѣ комиссіи, учрежденной при государственномъ совѣтѣ, «что съ подчиненіемъ администраціи малыхъ общинъ болѣе строгой опеки, будетъ стѣснена общинная свобода и отвергнуто начало равенства; потому что пользованіе общинными правами есть первая школа для общественной дѣятельности; потому что опекающей власти затруднительно знать сущность справедливыхъ желаній и многообразныхъ интересовъ общинъ такъ хорошо и основательно, какъ знаютъ то сами мѣстные жители²⁾.» Всѣ эти примѣры еще болѣе подкрѣпляютъ основательность ходатайства петербургской городской общей думы и подають надежду на его удовлетвореніе. Къ тому же наше общество никогда не стремилось къ централизаціи, само правительство въ послѣднее время въ Положеніи 19-го февраля и въ земскихъ учрежденіяхъ выразило необходимость возвратить странѣ самостоятельность въ дѣлахъ, въ которыхъ можно обойтись безъ вмѣшательства администраціи. Послѣ этого, конечно, мы въ правѣ ожидать кореннаго улучшенія нынѣ существующаго городского общественнаго управленія и освобожденія его отъ избытка правительственнаго элемента. Тогда никто, конечно, не рѣшится примѣнить къ намъ тотъ упрёкъ, который дѣлаетъ одинъ англійскій писатель всѣмъ континентальнымъ государствамъ и преимущественно Франціи, говоря, что «правительство, дѣлающее все само чрезъ посредство своихъ агентовъ, мелочно вмѣшивающееся своимъ надзоромъ и регулированіемъ во все, не позволяющее дѣлать и предпринимать ничего безъ предварительнаго согласія власти, — такое правительство извращаетъ и обезсиливаетъ не только въ политическомъ, но даже въ значительной мѣрѣ

¹⁾ St. Hermine. Traité de l'organisation communale. Paris, 1860, p. 65.

²⁾ Сравнительное обозрѣніе муниципальных учреждений, сост. Н. Второвымъ. Стр. 100—103.

и въ практическомъ отношеніи, прирожденныя способности народа, отражаясь столь же невыгодно и на его умственной и нравственной дѣятельности ¹⁾.»

Изложивъ подробно мнѣніе самой петербургской думы о необходимости предоставить ей большую самостоятельность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, избавивъ ее отъ излишней опеки, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что предоставленіе общей думѣ болѣе самостоятельности тѣсно связано съ преобразованиемъ распорядительной думы. Мы даже думаемъ, что еслибы петербургская общая дума получила право, то она прежде всего преобразовала бы думу распорядительную и измѣнила бы ее не по какому либо чужому или новому образцу, а по тому устройству, которое представляетъ собою земская управа. Въ настоящемъ же своемъ видѣ распорядительная дума далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Съ 1846 года, она до сихъ поръ подверглась самымъ незначительнымъ измѣненіямъ и представляетъ собою одинъ изъ немногихъ, еще сохранившихся, образцовъ того времени, когда всюду царили не дѣло, не живая мысль, а формалистика, многописаніе и канцелярская рутина. Она является совершенной аномаліей въ ряду другихъ современныхъ учреждений. Не нужно вовсе продолжительнаго изученія, чтобы убѣдиться въ необходимости ея перестройки. Это дѣлается яснымъ изъ «доклада особой комиссіи, образованной для ревизіи дѣлопроизводства петербургской городской распорядительной думы», это сознается и въ Москвѣ и въ Одессѣ, гдѣ распорядительныя думы начали свою дѣятельность всего три или четыре года тому назадъ.

По своему назначенію, распорядительная дума имѣетъ характеръ исполнительный. Казалось бы всего естественнѣе, чтобы этотъ характеръ исключительно былъ присвоенъ ей, точно также, какъ общей думѣ принадлежитъ характеръ совѣщательнаго собранія по дѣламъ, предоставленнымъ ея вѣдомству. Между тѣмъ при настоящемъ положеніи распорядительная дума имѣетъ право обсуждать постановленія общей думы. Право это предоставлено ей статьею 4479, Т. II общ. губ. учр.; въ этой статьѣ сказано, что исполненіе общественныхъ приговоровъ принадлежитъ распорядительной думѣ, которая, при несогласіи на эти приговоры, или предлагаетъ о причинахъ своего несогласія черезъ городского голову на разсужденіе общей думы, или представляетъ о томъ начальнику губерніи. Такимъ образомъ, почти выходитъ, что распорядительная дума есть учрежденіе не только равное, но высшее общей думы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, комиссія, ревизовавшая петербургскую распорядительную думу приводитъ слѣдующій примѣръ: «еслибы въ общей думѣ присутствовало 150 гласныхъ и по баллотировкѣ 50 человекъ имѣли особое отъ остальныхъ ста мнѣніе,

¹⁾ Сравн. обзор. мун. учрежд., стр. 289.

то оно (по ст. 4478, общ. губ. учр.) остается безъ вліянія на дальнѣйшее движеніе дѣла. Между тѣмъ, если по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, такіе же равноправные имъ гласные, въ числѣ 12, но засѣдающіе въ распорядительной думѣ, найдутъ нужнымъ возражать, то ихъ возраженіе получаетъ ходъ. Послѣдній выводъ изъ приведеннаго примѣра тотъ, что 50 гласныхъ общей думы имѣютъ гораздо меньшее значеніе въ рѣшеніи дѣла, нежели 12 гласныхъ той же общей думы, если они засѣдаютъ въ думѣ распорядительной.» Само собою разумѣется, что подобное отношеніе распорядительной думы и думы общей совершенно несообразно съ понятіемъ о правильномъ устройствѣ учрежденія, и что, по этому, мнѣніе городской комиссіи—о необходимости поставить распорядительную думу въ положеніе учрежденія исполнительнаго и подчиненнаго общей думѣ, представляется совершенно основательнымъ. Конечно, при этой подчиненности необходимо также освободить городского голову отъ предсѣдательства въ распорядительной думѣ. Какъ предсѣдатель общей думы, голова имѣетъ обширный кругъ обязанностей, непосредственно на немъ лежащихъ. Какъ представитель городскихъ интересовъ въ разныхъ постороннихъ учрежденіяхъ, онъ долженъ и въ нихъ нести известную долю труда. При такомъ обширномъ кругѣ дѣятельности, предсѣдательство головы въ распорядительной думѣ, какъ убѣдилась петербургская комиссія, часто номинальное. «Опытъ удостовѣряетъ», продолжаетъ та же комиссія, «что городской голова не можетъ, не только въ точности, но даже и съ нѣкоторою только удовлетворительностью исполнять все, что возлагается на него по распорядительной думѣ. При одномъ подписываніи бумагъ, само собою разумѣется, не можетъ быть со стороны головы ни дѣятельнаго надзора, ни энергическихъ распоряженій по водворенію и охраненію въ распорядительной думѣ порядка и благосостоянія. Этому характеру трудовъ городского головы по распорядительной думѣ слѣдуетъ въ немалой части приписать то неустройство, въ которомъ дѣлопроизводство ея найдено при ревизіи.»

Настоящій составъ петербургской распорядительной думы съ канцеляріею поражаетъ своею многочисленностью. Кромѣ предсѣдательствующаго, городского головы и 12 выборныхъ членовъ (по три отъ сословій: потомственныхъ дворянъ, личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ), при ней состоятъ 3 казначея съ помощниками, бухгалтеры, контролеръ съ помощниками, общій и частные регистраторы, 4 секретаря, 15 столоначальниковъ съ помощниками, журналистъ, экзекуторъ и писцы. Всего же въ канцеляріи распорядительной думы до 150 человекъ. И весь этотъ персоналъ занимается ежедневно въ хозяйственномъ учрежденіи, весь годовой оборотъ котораго простирается всего до шести милліоновъ

рублей. Невольно при этомъ повторить вопросъ, который задаетъ и ревизовавшая комиссія: какіе же громадныя размѣры должны были бы имѣть банкирскія и торговыя конторы, если бы онѣ подражали веденію дѣлъ въ думской канцеляріи. Но въ томъ-то и дѣло, что подражателей никогда не найдется, а измѣнить этотъ порядокъ сама общая дума не можетъ, такъ какъ не въ одномъ искаженномъ, противъ установленнаго закономъ, дѣлопроизводствѣ кроется недостатокъ распорядительной думы. Производство дѣлъ въ думѣ имѣетъ характеръ чисто механической. Члены, не исключая и самыхъ дѣятельныхъ, по большей части подписываютъ представляемыя имъ бумаги не провѣряя ихъ съ дѣлами и даже съ собственными резолюціями, не имѣя на то времени по причинѣ многочисленности бумагъ ¹⁾. Многописаніе достигло такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что между чиновниками, сидящими въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ, пишутся цѣлыя десятки отношеній и подтвержденій вмѣсто того, чтобы пойти и лично спросить въ чемъ дѣло; что въ казначействѣ ведется 67 книгъ, вмѣсто которыхъ ревизіонная комиссія признала нужными всего только 5. Относительно медленности и неправильности въ производствѣ дѣлъ докладъ комиссії представляетъ не менѣе любопытныя примѣры. Такъ, между прочимъ, однимъ домовладѣльцемъ переплачено было 4,725 рублей процентнаго сбора за принадлежащія ему имущества; въ 1860 году, подано имъ прошеніе о зачисленіи этой суммы въ счетъ числившейся на немъ за 1859 годъ недоимки; по этому прошенію 4 года не сдѣлано никакого распоряженія,—излишне внесенныя деньги ему не возвращены, а на недоимку насчитывается въ годъ 12 процентовъ. По окладнымъ книгамъ значатся имущества, которыхъ давно нѣтъ въ дѣйствительности, недоимки не взыскиваются по десяткамъ лѣтъ, увеличавъ ежегодно нарастающими процентами, многія совершенно однородныя дѣла разрѣшались самымъ разнообразнымъ образомъ.

Но какъ же могли существовать такія неправильности и нарушенія закона; подъ надзоромъ прокурора, обязаннаго, до недавняго времени, просматривать всѣ постановленія распорядительной думы съ цѣлью наблюденія за ихъ правильностью и законностью. Вотъ, что говоритъ ревизовавшая комиссія объ этомъ предметѣ: «Какое значеніе имѣлъ прокурорскій надзоръ въ дѣлахъ думы, видно изъ того, что во всѣхъ, разсмотрѣнныхъ комиссіею, дѣлахъ за многіе годы (среднимъ числомъ къ прокурору поступало ежегодно на просмотръ болѣе 5,000 постановленій) нашлось лишь два протеста, и по одному дѣлу прокуроръ просилъ доставленія свѣдѣній. Вообще этотъ надзоръ не имѣлъ дѣйствительнаго значенія: доказательствомъ тому слу-

¹⁾ Такъ, напр., по одной 4-й экспедиціи, въ 1863 году, вступило 13,570 бумагъ.

жить пропускъ прокуроромъ всѣхъ возможныхъ постановленій, которыя грѣшатъ относительно дѣйствующихъ общихъ узаконеній и противъ мѣстныхъ правилъ, и наконецъ противъ установленныхъ закономъ формъ. Кроме того, самъ прокуроръ представлялъ въ дѣлахъ думы постоянное нарушение закона: будучи обязанъ пропускать доставляемыя на просмотръ постановленія не долѣе трехъ дней, онъ ихъ, тѣмъ не менѣе, задерживалъ по недѣлямъ, а иногда и по цѣлымъ мѣсяцамъ. Затѣмъ и дума относилась къ надзору прокурора вполне безразлично; постановленія исполнялись до воспослѣдованія прокурорскаго пропуска, которому такимъ образомъ не придавалось никакой цѣны.» Мы уже сказали выше, что въ недавнее время прокурорскій надзоръ по дѣламъ думы значительно сокращенъ.

Но если такъ безплоденъ и ненуженъ былъ этотъ надзоръ, то, быть можетъ, полезны и необходимы для думы другія начальствующія мѣста и лица, каковыми были до сихъ поръ: министерство внутреннихъ дѣлъ, генераль-губернаторъ, гражданскій губернаторъ. Значеніе этихъ мѣстъ и лицъ для дѣлъ думы выражается между прочимъ тѣмъ, какъ говоритъ коммиссія, «что многія дѣла не получаютъ движенія по нѣскольку дѣтъ, исключительно за неполученіемъ ожидаемыхъ разрѣшеній.» Что же касается отношеній думы къ гражданскому губернатору, то они, при существованіи еще другого начальственнаго лица, въ лицѣ генераль-губернатора, не имѣли никакого опредѣленнаго характера. «Изъ дѣлъ думы», говоритъ ревизовавшая коммиссія, «ясно видно, что ни одинъ, ни другая не знаютъ въ точности ни границъ власти, ни предѣловъ подчиненности. По однимъ и тѣмъ же дѣламъ, въ однихъ случаяхъ дума испрашиваетъ разрѣшеній и утвержденій губернатора, которыя онъ даетъ безъ затрудненій, въ другихъ она не спрашиваетъ ни того, ни другого, и дѣло отъ того не страдаетъ. Больше или меньше внимательство губернатора въ дѣла думы обуславливается личнымъ его взглядомъ на дѣло. Самое утвержденіе губернаторомъ постановленій думы составляетъ одну формальность, исполняемую безъ разсмотрѣнія дѣлъ, по одному, весьма краткому докладу секретаря. Во время трудовъ коммиссіи, губернаторъ для занятія дѣлами думы прибывалъ въ присутствіе ея одинъ разъ въ недѣлю; самыя занятія продолжались не болѣе четверти часа. Гражданскій губернаторъ никакой дѣйствительной пользы для дѣла своимъ участіемъ въ городскомъ общественномъ управленіи не приносятъ. Напротивъ, при всемъ добромъ желаніи быть полезнымъ, внимательство губернатора приноситъ вредъ уже тѣмъ, что служитъ къ неизбѣжной проволочкѣ дѣла. Притомъ же, что отношенія его къ думѣ вовсе не поставлены въ опредѣленныя границы, губернаторъ или бездѣйствуетъ или стремится вліять на дѣла, составляющія предметъ власти самой думы.» По всѣмъ этимъ причинамъ коммиссія

пришла къ убѣжденію, что при существовавшей должности генераль-губернатора, какъ главнаго начальника столицы, устраненіе гражданскаго губернатора отъ дѣлъ думы можетъ принести только пользу.

Докладъ комиссіи не говоритъ впрочемъ подробно, до какой степени полезно было вмѣшательство главнаго начальника столицы, т. е. генераль-губернатора, на хозяйственныя дѣла города. Но этотъ недостатокъ «доклада комиссіи» пополняется фактами, представляемыми Извѣстіями петербургской городской общей думы. Въ этихъ Извѣстіяхъ мы находимъ, между прочими, два любопытныхъ дѣла, изъ которыхъ въ одномъ вмѣшательство генераль-губернатора въ дѣла распорядительной думы послужило поводомъ къ жалобамъ городскихъ обывателей, удовлетворить которыя дума теперь не въ состояніи; въ другомъ же дѣлѣ главный начальникъ столицы, несмотря на возможность къ тому, не освободилъ думу отъ необходимости обжаловать дѣйствія, подчиненнаго ему, полицейскаго начальства правительствующему сенату. Первое дѣло, о которомъ мы говоримъ,— есть дѣло о заложеніи г. Овсянниковымъ Малоохтенскаго проспекта; въ этомъ дѣлѣ участіе генераль-губернатора обнаружилось въ томъ, что, несмотря на отказъ распорядительной думы выдать деньги г. Овсянникову впередъ, до окончанія работъ, деньги эти, 20,000 рублей, были выданы впередъ по распоряженію генераль-губернатора; когда же потомъ мѣстные городскіе обыватели стали жаловаться генераль-губернатору на неправильное исполненіе работъ и нарушеніе правъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ г. Овсянниковымъ, то жалобы эти были переданы въ думу, которая, не будучи въ состояніи ихъ удовлетворить, была поставлена въ крайне затруднительное положеніе¹⁾. Второй случай, о которомъ мы упомянули, касается сборовъ, взимаемыхъ полиціею за выдачу свидѣтельствъ на право разгрузки и за билетъ на право входа судовъ въ рѣку Фонтанку. Хотя бывшій оберъ-полиціймейстеръ и объяснилъ, что сборъ этотъ установленъ на основаніи указа правительствующаго сената, отъ 15-го апрѣля 1858 года за № 13,610; но общая дума, выслушавъ этотъ указъ, не нашла въ немъ разрѣшенія на установленіе подобнаго сбора, и потому, считая его наложеніе на городъ противозаконною тягостью, поручила распорядительной думѣ представить о томъ правительствующему сенату²⁾.

Изъ того, что мы до сихъ поръ сказали о распорядительной думѣ, уже достаточно ясно видно, какъ мало удовлетворяетъ она своему назначенію. Мы также замѣтили, что неудовлетворительность этого

¹⁾ Извѣст. С.-Петербургской городской общей думы, 1866 г., № 8, докладъ комиссіи для изслѣдованія жалобъ на г. Овсянникова по замощенію имъ Малоохтенскаго проспекта.

²⁾ Извѣст. 1866 г., № 2, собр. общей думы 28 ноября 1865, ст. 73—75.

учрежденія сознается въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ; по крайней мѣрѣ въ этихъ трехъ городахъ, обладающихъ преобразованнымъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, одинаково выражается недовѣріе къ учрежденію, въ которомъ сосредоточивается исполнительная власть городского управленія, и отдѣльныя отрасли городского хозяйства, какъ, на примѣръ, строительная часть, наблюденіе за городскимъ освѣщеніемъ, охотнѣе всегда поручаются особымъ комиссіямъ, нежели распорядительной думѣ.

Въ чемъ же должно заключаться преобразование распорядительной думы? На этотъ вопросъ находимъ отвѣты частью въ докладѣ ревизовавшей комиссіи, частью отвѣты эти высказываются при знакомствѣ съ нынѣшнимъ порядкомъ городского общественнаго управленія. Кромѣ необходимости измѣнить внутренній порядокъ дѣлопроизводства и сократить бесполезную письменность, нужно обратить распорядительную думу съ особымъ ея предсѣдателемъ въ учрежденіе чисто исполнительное, подчиненное общей думѣ. Число членовъ распорядительной думы должно быть уменьшено на половину, и самые выборы членовъ должны производиться не сословными собраніями, а общею думою, которая ближе знакома съ дѣятельностью и способностью своихъ членовъ. Главное же измѣненіе должно касаться подчиненія распорядительной думы различнымъ административнымъ вѣдомствамъ. На это достаточно ясно указала въ своемъ ходатайствѣ и петербургская общая дума. Мы уже сказали о тѣхъ причинахъ, которыя даютъ право предполагать, что это ходатайство не останется безъ послѣдствій, такъ какъ городское общественное управленіе уже достигло возраста, когда опека дѣлается лишнею.

Остановившись такъ долго на тѣхъ недостаткахъ, которыя обнаружались въ городскомъ общественномъ управленіи Петербурга, мы хотѣли показать, что и городское устройство, преобразованное въ 1846 году, вовсе не можетъ служить безусловнымъ образцомъ, по которому бы желательно было устроить общественное управленіе въ другихъ городахъ. Не отвергая тѣхъ началъ, которыя легли въ основаніе преобразования 1846 года, мы хотѣли показать, что городское общественное управленіе Петербурга, Москвы и Одессы также требуетъ глубокихъ измѣненій, если только желать, чтобы наше городское хозяйство улучшилось и чтобы въ этомъ дѣлѣ приняло дѣятельное участіе все наше общество, которое до сихъ поръ въ правѣ было говорить и думать, какъ это выразила и комиссія Петербургской думы, что наше городское самоуправленіе есть призракъ. До сихъ поръ города наши, не исключая Петербурга, Москвы и Одессы, уже достаточно ясно показали весь вредъ, порождаемый вмѣшательствомъ административной власти, господствомъ централизаціи, убивающей общественную самодѣятельность. Наше правительство уже вступило на путь децентра-

лизациі. Остается только идти по этому пути до конца, такъ какъ «истинная децентрализація состоитъ не въ томъ лишь, чтобы нѣкоторыя отрасли общественныхъ дѣлъ были изъяты изъ вѣдѣній центральной власти и ввѣрены попеченію мѣстныхъ управленій; она состоитъ сверхъ того въ возможномъ устраненіи всякаго вмѣшательства правительственныхъ властей и въ предоставленіи самимъ гражданамъ распоряжаться дѣлами, касающимися ихъ общаго интереса 1).» Л.

III.

ОБЗОРЪ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ 1858 ГОДУ, ВЪ СВЯЗИ СЪ НЕОБХОДИМОСТІЮ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ.

Статья первая.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей у насъ исторической науки сказалъ недавно на страницахъ этого же самаго журнала, что мы вступаемъ въ новый періодъ народной жизни, гдѣ заимствование иноземныхъ формъ смѣняется пробужденіемъ самосознанія и устройствомъ внутренняго быта на своеобразныхъ, народныхъ началахъ. Реформы настоящаго царствованія дѣйствительно отличаются тою цѣльностью, которая знаменуетъ вступленіе въ новую эпоху развитія: несмотря на свое колеблющееся, тревожное осуществленіе, неразлучное со всякимъ переворотомъ, онѣ охватываютъ всѣ стороны народной жизни, и на нихъ ложится постепенно свой однообразный отливъ, составляющій характеристику господствующаго направленія, о которое сокрушаются удары реакціи, безсилны всѣ попытки возврата къ «добрымъ старымъ временамъ». Безпрестанно и отвсюду возникаютъ новые вопросы, требующіе разрѣшенія, и напрасно стараются объяснить ихъ одною страстью въ реформахъ, модою на ломку и преобразование: они также послѣдовательно задаются жизнью и также неизбежно требуютъ разрѣшенія, какъ вся то, что было совершено до сихъ поръ. Изъ числа такихъ возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ, вопросовъ на первомъ планѣ стоитъ *городской вопросъ*, который, по своему значенію, представляется однимъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ, отъ разумнаго и вѣрнаго разрѣшенія которыхъ зависить спокойствіе и преуспѣяніе нашего дальнѣйшаго развитія.

Значеніе городовъ не можетъ быть оспариваемо: какъ ни малочисленъ составъ нашего городского сословія, сравнительно съ земскимъ, какъ ни скромна доля участія нашихъ городовъ въ исторіи нашего

1) Franqueville. Les institutions de l'Angleterre. Муницип. учрежд. западной Европы, стр. 325.

политическаго и экономическаго развитія, нельзя однакоже отрицать, что и наши города представляютъ фокусы или узлы народной жизни, гдѣ сосредоточенный обмѣнъ вызываетъ ускоренное обращеніе экономическихъ и умственныхъ интересовъ, дающее направленіе окружающей мѣстности, сельскому земству. Мы полагаемъ, что фактъ этотъ, неоспоримый самъ по себѣ, легко можетъ быть доказанъ и перечнемъ историческихъ событій, и рядомъ статистическихъ данныхъ о размѣрахъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, въ главнѣйшихъ центрахъ нашей внутренней, экономической дѣятельности. Между тѣмъ соответствуетъ ли такому значенію городовъ настоящее ихъ положеніе въ отношеніи къ администраціи, послѣ сдѣланныхъ уже реформъ? Общій характеръ совершившихся реформъ нельзя выразить точнѣе, какъ назвавши ихъ *эпохою зарожденія мѣстнаго самоуправления*: но права мѣстнаго самоуправления въ лицѣ городскихъ сословій стоятъ ли въ уровень съ правами, дарованными сельскому земству? Самый многочисленный у насъ классъ обывателей,—крестьянскія сельскія общества, пользуется правами самаго широкаго самоуправления, которое создано для него Положеніемъ 19-го февраля. Затѣмъ начало мѣстнаго самоуправления, менѣе зависимаго отъ администраціи, предоставлено земству, какъ слянію всѣхъ мѣстныхъ элементовъ: но въ средѣ земства городѣ заняли условно-подчиненное положеніе, зависящее отъ числовой пропорціи городскихъ гласныхъ, всегда остающихся въ меньшинствѣ. Отдѣльное муниципальное значеніе сохранили только преобразованныя думы Петербурга, Москвы и Одессы, признанныя наравнѣ съ уѣздными земствами, но далеко не пользующіяся тѣми же правами, даже по буквѣ закона. Въ то время, какъ земства самыхъ отдаленныхъ и небогатыхъ уѣздовъ пользуются правами извѣстной независимости отъ мѣстной администраціи въ чертѣ своего внутренняго хозяйства и въ спорахъ своихъ съ нею разбираются правительствующимъ сенатомъ, городскія общества самыхъ значительныхъ и привилегированныхъ городовъ не имѣютъ этихъ преимуществъ и находятся въ самыхъ подчиненныхъ отношеніяхъ къ высшей или мѣстной администраціи. Достаточно указать, что земскія смѣты составляются самими земскими собраніями и могутъ быть оспариваемы губернаторомъ только въ случаѣ явнаго отступленія отъ буквы закона; между тѣмъ какъ городскія росписи разсматриваются и утверждаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ или губернскимъ правленіемъ и могутъ быть измѣнены по усмотрѣнію, безъ всякаго права апелляціи со стороны городскихъ сословій. Въ этомъ смыслѣ представляется неизбѣжнымъ уравненіе правъ на мѣстное хозяйственное самоуправленіе со стороны городскихъ обществъ и земскихъ учреждений: такое желаніе уже было заявлено въ одномъ изъ докладовъ С.-Петербургской общей думы, гдѣ указывалось именно на это неравенство положенія городскихъ сосло-

вій, сравнительно съ земскими, волостными и дворянскими собраниями. Оказывается, что города, — эти фокусы или узлы народной жизни, пользуются, наоборотъ *наименьшею суммою правъ*. Положение это осложняется и отягощается еще тѣмъ, что города служатъ резиденціею мѣстной администраціи, и слѣдовательно, представляютъ болѣе обширное поле для безпрестанныхъ и непосредственныхъ столкновений съ общественною самодѣятельностію: очевидно, что такое положение городовъ, при общемъ направленіи правительственныхъ преобразований, противоестественно и не можетъ не измѣниться въ общемъ смыслѣ расширенія правъ мѣстнаго городского самоуправления: посмотримъ же, какое направленіе получилъ доселѣ городской вопросъ со стороны правительства и какъ относилось къ нему само общество.

Правительство начало свои реформы съ городовъ. Учрежденіе въ 1846 г. С.-Петербургской общей городской думы, по образцу которой впоследствии образованы Московская и Одесская, были первыми начатками менѣе зависимаго, хозяйственнаго мѣстнаго самоуправления и слиянія сословій. Въ первый разъ въ общей думѣ привилегированное дворянское сословіе сошло на равныхъ правахъ съ купечествомъ и ремесленнымъ классомъ, подчиняясь выборному головѣ, какъ представителю *бессословнаго начала*; въ первый разъ собраніе общественныхъ представителей или *мэсовъ* получило дѣйствительное и легальное право разсуждать о своихъ мѣстныхъ, хозяйственныхъ интересахъ, хотя и подъ непосредственнымъ контролемъ администраціи. Но фактически городская реформа, введенная въ видѣ образца или опыта, остановилась на трехъ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, хотя мысль о преобразованіи вообще городского управления никогда не была оставлена, и въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ занимались собраніемъ матеріаловъ и разработкою новыхъ началъ городской реформы. Въ это время, вмѣстѣ съ положеніями о крестьянахъ и о земскихъ учрежденіяхъ, прежняя рутинная безусловнаго подчиненія мѣстныхъ обществъ преобладанію административнаго элемента была окончательно подорвана, и сложилось новое, болѣе разумное и живое пониманіе отношеній гражданъ къ мѣстной администраціи: эти послѣднія реформы, какъ мы видѣли, далеко раздвинули предѣлы мѣстнаго самоуправления въ отношеніи къ той мѣрѣ, которая на первый разъ была указана правительствомъ при учрежденіи общихъ городскихъ думъ. Нѣтъ сомнѣній, что вновь разрабатываемый проектъ городского управления не останется позади совершившихся фактовъ: нарушеніе въ этомъ смыслѣ гармоніи правительственно-народнаго строя немислимо, и поэтому о немъ не можетъ быть и рѣчи, такъ что расширеніе правъ городского самоуправления, съ точки зрѣнія самого правительства, представляется неизбежнымъ результатомъ предъидущей его дѣятельности.

Но въ совершающихся на нашихъ глазахъ преобразованіяхъ есть еще другая, новая и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительная сторона. Реформы, по прежнему, идутъ *сверху*, но имъ начинается вторить и общество *снизу*. Оно начинаетъ принимать ихъ не по прежнему, то есть, не съ той безотрадной непробудной апатіей, которая напередъ говоритъ: «дѣлайте со мною что хотите, худо или хорошо это выйдетъ, я ни съ мѣста», и съ тѣмъ дикимъ, отталывающимъ всею новизну протестомъ, который видѣлъ залогъ своего благоденствія только въ сохраненіи самыхъ недѣльныхъ обычаевъ и самаго грубаго невѣжества; общество начинаетъ относиться къ совершающимся реформамъ сознательно, начинаетъ заявлять свои пользы и нужды, искать ихъ удовлетворенія въ движеніи впередъ, въ немедленномъ исправленіи того, что осталось недоконченнымъ или невѣрно приложено къ условіямъ народной жизни.

Городской вопросъ, прежде окончательнаго его разрѣшенія правительствомъ, вступилъ въ новую фазу съ открытіемъ земскихъ учрежденій. Земство, въ смыслѣ мѣстности (губерніи или уѣзда), представляетъ дѣйствительное сліяніе сельскаго и городского населенія; но процессъ этого сліянія не можетъ быть указанъ безошибочно отвлеченными соображеніями, а долженъ быть найденъ и выведенъ самою жизнью. Жизнь, экономическое и умственное значеніе извѣстнаго центра и вліяніе его на окружающую мѣстность или закрѣпляютъ за нимъ право на отдѣльное, муниципальное существованіе, или ставятъ его въ безусловное и вполне оправдываемое подчиненіе преобладающему значенію окрестнаго сельскаго населенія. У насъ есть города (Нижній - Новгородъ, Саратовъ, Кіевъ, Ростовъ на Дону, Кременчугъ, Ирбитъ, и мн. др.), которые по своему экономическому и умственному развитію имѣютъ полное право на такое же отдѣльное отъ своего уѣзда, самостоятельно муниципальное существованіе, какъ Петербургъ, Москва и Одесса; а съ другой стороны есть города (Варнавинъ, Тетюшъ, Лаишевъ и мн. др.), которые меньше многихъ уѣздныхъ сель, и для которыхъ отдѣльное городское управленіе въ тѣхъ же самыхъ формахъ составило бы лишнюю и бесполезную тягость. Въ этомъ смыслѣ, — осуществленія сліянія городского и сельскаго населенія въ общемъ мѣстномъ земствѣ посредствомъ общаго установленія извѣстной пропорціи гласныхъ отъ того и другого сословія — не представляется окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса и самимъ правительствомъ постановлено въ видѣ опыта, сужденіе о которомъ должно быть произнесено жизнью¹⁾. Дѣйстви-

¹⁾ Насколько эта пропорція гласныхъ соответствуетъ дѣйствительному экономическому развитію городовъ, видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ означено число *гласныхъ, посылаемыхъ отъ городовъ въ уѣздное земское собраніе*:

Стародубъ 17 гласныхъ; Петергофъ 17; Царское Село 14; Ростовъ на Дону 12; Нижній-Новгородъ 11; Псковъ 10; Самара 9; Полтава, Екатеринбургъ, Оренбургъ,

тельно, мы видимъ выраженіе общественнаго сознанія объ отношеніяхъ города къ земству, заявленное съ обѣихъ сторонъ, — въ смыслѣ отдѣленія и въ смыслѣ болѣе непосредственнаго подчиненія городовъ земству. Представителемъ перваго направленія явилось Петербургское земское собраніе, представителями второго—Рязанское и Смоленское.

Петербургское земское собраніе затронуло вопросъ о совершенномъ отдѣленіи Петербурга отъ *губернскаго* земства въ смыслѣ равнаго и независимаго цѣлаго. Хотя мы не сочувствуемъ вполне этому стремленію въ той формѣ, какъ оно заявлено, но мы видимъ въ немъ проявленіе несовершенно естественнаго и законнаго *инстинкта независимости* со стороны большихъ городовъ, имѣющихъ право на отдѣльное муниципальное устройство.

Вопросъ о томъ, долженъ ли городъ, какъ отдѣльная, самостоятельная отъ уѣзда единица, входить въ губернское собраніе въ смыслѣ части общаго цѣлаго, — зависитъ отъ разрѣшенія другаго основнаго вопроса о кругѣ дѣятельности губернскаго собранія. Если этотъ кругъ будетъ очерченъ правильно, и губернское собраніе, вполне передавъ всѣ потребности уѣзднаго и мѣстно-городскаго хозяйства самостоятельному завѣдыванію подлежащихъ мѣстныхъ земствъ, оставитъ за собою централизацію лишь безусловно-общихъ губернскихъ нуждъ и потребностей, удовлетворяемую бюджетомъ, равномерно распределеннымъ между отдѣльными уѣздами и городами, сообразно цѣнности и доходности имущества каждаго, — то выдѣленіе столицъ и губернскихъ городовъ представится явною несообразностію, ибо противорѣчитъ мѣстному ихъ прикрѣпленію къ существующей высшей мѣстной инстанціи. Если же наоборотъ, напримѣръ, гласные отъ уѣздовъ Петербургской, Московской или Херсонской губерній, пользуясь численнымъ своимъ перевѣсомъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, успѣютъ часть своихъ уѣздныхъ, мѣстныхъ потребностей перекинуть на Петербургъ, Москву ¹⁾ или Одессу, подъ предлогомъ сравнительно большаго благосостоянія этихъ городовъ, — то это будетъ только непрочнымъ дѣломъ минуты и подходящихъ обстоятельствъ, указаніемъ на несовершенство закона, дозволившаго дѣйствіе такое несправедливое и нарушающее мѣстные интересы извѣстнаго центра. Такимъ образомъ, правильный взглядъ на необходимость отдѣленія большихъ городовъ отъ *губернскаго* земства подчиненъ правильному разрѣшенію вопроса о *раздѣленіи земскихъ повинностей на губернскія и уѣздныя*, предоставленнаго усмотрѣнію самихъ земскихъ собраній: разумный тактъ

Темниковъ, Солкамскъ и Суджанскъ 8; Шадринскъ 7; Шуя и Моршанскъ 6; Рыбинскъ и Челябинскъ 5; Лебедянъ 4; Ирбитъ 2.

¹⁾ Такъ дѣйствительно и случилось въ Москвѣ, гдѣ большая часть земскихъ тяготъ, и прежде лежавшая на Москвѣ, пропорціонально увеличилась со введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учреждений.

большинства, выразившійся въ наибольшей *децентрализаци* въ пользу уѣздныхъ собраній, закрѣпить навсегда этотъ союзъ, — или наоборотъ нарушить его, какъ проводникъ неразумнаго насилія большинства надъ меньшинствомъ. Но совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ объ *отдѣленіи большихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ отъ уѣзднаго земства*, въ смыслѣ самостоятельныхъ, муниципальных единицъ. Фактъ этотъ совершился въ отношеніи къ Москвѣ, Петербургу и Одессѣ, вмѣстѣ съ преобразованіемъ ихъ городскихъ управленій, безъ сомнѣнія на томъ основаніи, что города эти, по экономическому своему развитію, имѣютъ право на независимое существованіе и представляютъ центры, стягивающіе промышленную и торговую дѣятельность не только своего уѣзда, но и отдаленныхъ мѣстностей. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе, на тѣхъ же началахъ и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, городского управленія въ другихъ городахъ и будетъ имѣть послѣдствіемъ тотъ же самый результатъ. Развѣ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Кострома, Саратовъ, Рыбинскъ, Кременчугъ, Чистополь, Ростовъ на Дону, и пр. и пр., не также стягиваютъ дѣятельность изъ отдаленныхъ мѣстностей, не также мало обязаны своимъ благосостояніемъ одному своему уѣзду и не также скорѣе сами преобладаютъ надъ окружною мѣстностію всѣмъ избыткомъ своего развитого положенія, чѣмъ находятся въ зависимости отъ своего сельскаго земства. За что же они подчинены ему такъ безусловно въ земскомъ собраніи, устанавлиющемъ направленіе всей мѣстной хозяйственной дѣятельности. На необходимость такого выдѣленія большихъ городовъ ясно указываютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Во многихъ случаяхъ сельское земство, пользуясь численнымъ преобладаніемъ голосовъ старалось распределить земскіе налоги неравномѣрно опѣивая, сравнительно съ сельскими, по высшей нормѣ городскія имущества. Само собою разумѣется, что здѣсь крестьяне подають голоса вмѣстѣ съ личными землевладѣльцами, сплошною массою.

2) Напротивъ, при расходованіи сельскихъ сборовъ, по той же самой причинѣ, сельское земство преимущественно заботилось объ учрежденіяхъ, исключительно полезныхъ для него самаго.

3) Самыя имущества, городскія и сельскія, какъ справедливо замѣтилъ г. Крузе въ Петербургскомъ собраніи, на столько по существу своему различны, что нѣтъ никакихъ средствъ подвести ихъ подъ общій уровень. До сихъ поръ для всѣхъ земскихъ собраній осталась неразрѣшимою задачею, какимъ образомъ найти правильное отношеніе между сельскими имуществами, заключающимися преимущественно въ поземельномъ богатствѣ, и городскими, т. е. торговыми свидѣтельствами, торговыми и промышленными заведеніями и проч. Земскія собранія принимаютъ для этого опредѣленія или условный

масштабъ въ видѣ болѣе или менѣе произвольной пропорціи, или путь добровольнаго соглашенія, не всегда возможный и не всегда для обѣихъ сторонъ, по существующимъ условіямъ, безобидный.

Съ другой стороны, противоположное стремленіе, желающее безусловно подчинить города уѣздному или, правильнѣе, сельскому земству, — заявлено было сначала въ Рязанскомъ, а затѣмъ въ Смоленскомъ губернскомъ собраніи. Двадцать изъ числа 53 присутствовавшихъ губернскихъ гласныхъ Рязанскаго собранія заявили слѣдующее: «хозяйство губернскихъ и уѣздныхъ городовъ остается по прежнему въ распоряженіи городскихъ думъ. Между тѣмъ земскія учрежденія приобрѣли право облагать городскую недвижимую собственность, промыслы и торговлю сборами въ пользу земства, а по смѣтѣ земство употребляетъ свои суммы на нѣкоторые, чисто городскіе расходы и даже участвуетъ въ содержаніи многихъ, находящихся въ городахъ сооружений, какъ напримѣръ, мостовъ, гатей и др. Отсюда происходитъ *смѣшеніе между собою двухъ хозяйствъ и двойственное заведеніе собственно городскимъ хозяйствомъ*, что представляетъ на дѣлѣ большія неудобства. Съ одной стороны дума, подчиненная во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ административнымъ властямъ, производитъ расходы на городскія потребности безъ всякаго вѣдома земскихъ учреждений, а съ другой стороны земство обязано выполнять недостатокъ городскихъ доходовъ, въ иныхъ случаяхъ постоянно (какъ напримѣръ, на содержаніе дамбъ и мостовъ въ городѣ), а въ другихъ временно, при недостаткѣ городскихъ доходовъ. Обложеніе городскихъ имуществъ представляетъ еще болѣе затрудненій, отъ отдѣльныхъ дѣйствій земскихъ учреждений и городскихъ думъ; по размѣру и предметамъ обложенія произойдетъ то, что налоги на городскія имущества могутъ упасть весьма произвольно и слѣдовательно неравномѣрно. Такимъ образомъ соединеніе земскаго хозяйства съ хозяйствомъ тѣхъ городовъ, которые, за недостаткомъ дохода, не могутъ самостоятельно существовать, представляется для обѣихъ сторонъ мѣрою полезною и необходимою. И потому 20 гласныхъ предложили: ходатайствовать о соединеніи городского хозяйства такихъ городовъ Рязанской губерніи съ земскимъ, сосредоточивъ и городское хозяйство въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ; а до времени осуществленія этого ходатайства, предоставить по крайней мѣрѣ общему присутствію уѣздной управы и думы составлять смѣты на городскія потребности и на нужды земства съ городскихъ имуществъ, смѣты эти предварительно разсматривать въ уѣздномъ собраніи и затѣмъ уже посылать на утвержденіе губернатору.» Собраніе большинствомъ приняло это предложеніе и положило ходатайствовать въ этомъ смыслѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи представитель Раненбургскаго земства, купецъ Шестаковъ, заявилъ, что доходы города Раненбурга достаточны для покрытія издержекъ на городскія

потребности, а потому соединеніе думы и управы въ одно присутствіе окажется стѣснительнымъ для *мелкихъ городскихъ хозяйственныхъ распоряженій*; но въ то же время онъ призналъ полезнымъ соединеніе думы и управы въ одно *временное присутствіе* для разрѣшенія общихъ вопросовъ у города съ земствомъ, въ интересахъ той и другой стороны. При этомъ гласные Офросимовъ и Кичкинъ указали, что *ходатайство* земскаго собранія относится только до городовъ, не имѣющихъ средствъ покрыть свои расходы собственными средствами, — а гласный Афонасьевъ заявилъ, вопреки прежнему постановленію, что соединеніе городского и земскаго хозяйства должно быть введено во *всѣхъ* городахъ Рязанской губерніи, — но собраніе осталось при первоначальномъ заключеніи. Насколько намъ извѣстно, *ходатайство* Рязанскаго собранія и въ этомъ смыслѣ до времени утвержденія проекта преобразованія городского управления, — отклонено. Смоленское собраніе пошло еще далѣе. Тамъ двое гласныхъ (Сорокинъ и Криштафовичъ) заявили, что городское хозяйство не имѣетъ желаемого благоустройства, несмотря на безпрестанно возвышающіеся съ землевладельцевъ сборы; почему они находятъ весьма полезнымъ, чтобы отчеты городскихъ управленій повѣрялись земскими учрежденіями. На это предсѣдатель совершенно справедливо замѣтилъ, что это возможно только при совершенномъ сліяніи общественнаго городского хозяйства съ земскимъ. Собраніе, имѣя въ виду, что города принимаютъ участіе въ земскихъ повинностяхъ и сверхъ того получаютъ пособіе изъ суммъ земскаго сбора, — опредѣлило: *«ходатайствовать объ общемъ завѣдываніи городского уезднаго хозяйства земскими учрежденіями»*.

Не такъ давно въ газетахъ было помѣщено извѣстіе, что проектъ преобразованія городского управления внесенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ. Безъ сомнѣнія и министръ, при составленіи проекта, и высшее правительственное мѣсто, при его рассмотрѣніи, обратили должное вниманіе на новый фазисъ городского вопроса, послѣ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій. Съ своей стороны, мы считаемъ совершенно своевременнымъ сообщать читателямъ нѣсколько данныхъ, разъясняющихъ этотъ сложный вопросъ. Экономическое значеніе городовъ и современное положеніе ихъ хозяйства всего нагляднѣе выражается въ ихъ бюджетѣ и смѣтахъ прихода и расхода городскихъ суммъ. Хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — уже подарившій обществу цѣлымъ рядомъ изданій, наполненныхъ въ высшей степени важными и любопытными матеріалами относительно нашихъ городовъ, во II томѣ «Общественнаго устройства и хозяйства городовъ» напечаталъ сводъ городскихъ росписей и смѣтъ за 1858 годъ. Трудъ этотъ, состоящій изъ толстаго тома, наполненнаго однѣми цифрами, — самъ по себѣ

составляет только драгоценный материалъ для разработки и бесполезенъ вслѣдствіе этого большинству читателей; но кромѣ того изданіе это сторило во время послѣднихъ петербургскихъ пожаровъ и сдѣлалось величайшею біографическою рѣдкостію. Сообщеніемъ одного экземпляра, а равно и вообще свѣдѣній о городскомъ хозяйствѣ мы обязаны участію къ нашему труду покойнаго вице-директора хозяйственнаго департамента, Н. И. Второва. Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за помѣщеніе значительнаго числа таблицъ, стоившихъ намъ продолжительныхъ и многосложныхъ исчисленій, на основаніи упомянутыхъ нами официальныхъ источниковъ. Всѣ эти числа и матеріалы послужатъ намъ достаточнымъ основаніемъ къ фактическому разрѣшенію двухъ, въ настоящее время, весьма важныхъ и серьезныхъ вопросовъ: 1) въ какомъ положеніи находится теперешнее городское хозяйство и въ чемъ именно оно требуетъ исправленія? 2) насколько способны наши города вести хозяйство собственными средствами, не прибѣгая къ помощи земства или государства, и что поэтому для нихъ выгоднѣе: искать ли сліянія съ сельскимъ земствомъ или напротивъ стремиться къ отдѣленію и самостоятельной, муниципальной жизни.

Вообще всякое изученіе живыхъ явленій, даже въ области наукъ политическихъ, при современномъ ихъ состояніи, недостаточно безъ употребленія *сравнительнаго* метода, такъ упрочившагося въ послѣднее время. Во время поѣздокъ нашихъ за границу, мы присматривались къ городскому хозяйству на западѣ и остановились на Бельгійскомъ. Выборъ нашъ не случайный, а основанъ на уважительныхъ причинахъ:

Правда, экономическія условія нашей жизни настолько отличны отъ западной, что объ этомъ не стоить распространяться. Какое бы изъ европейскихъ государствъ мы не выбрали для сравненія съ Россією, вездѣ мы должны, въ заголовкѣ нашей статьи, начать съ общеизвѣстныхъ фразъ, о пустынной громадности нашего отечества, недостаткѣ путей сообщенія, отсутствіи кредита, застоѣ торговли и промышленности, и проч. и проч. Тѣмъ болѣе эти преимущества западной жизни выдѣляются въ маленькой, густонаселенной Бельгіи, которая ранѣ другихъ европейскихъ государствъ покрылась повсемѣстно цѣпью желѣзныхъ дорогъ; а промышленность и торговля въ послѣднее время начали подвигаться такъ быстро, что въ 1862 году количество употребляемыхъ на тамошнихъ фабрикахъ паровыхъ машинъ возрасло до 5,678 на 188,080 силъ. Такое отличіе западной жизни отъ русской прешагтствуетъ вообще безусловному перенесенію съ чужой почвы на отечественную законодательныхъ мѣръ и учреждений; но не исключаетъ возможности сравненія земскихъ учреждений, занимающихъ вездѣ извѣстное, определенное мѣсто въ общественной жизни. Но Бельгія впрочемъ и съ экономической и съ общественной точки

зрѣнія представляетъ больше сходныхъ данныхъ для сравненія съ Россією, нежели остальные западныя государства.

1) Бельгія, недавно, на нашихъ глазахъ, перешла тяжелый періодъ сильнаго промышленнаго кризиса, вслѣдствіе отдѣленія ея отъ Голландіи, въ 1830 году. До отдѣленія, Бельгія была промышленною страной, работающею на иномезный, обезпеченный за нею рынокъ: свои произведенія она сбывала главнымъ образомъ въ Голландію и ея колоніи, куда, съ 1830 года, вслѣдствіе политическихъ несогласій, доступъ бельгійскихъ произведеній былъ прекращенъ и ввозъ туда издѣлій перешелъ нераздѣльно въ руки Англіи, такъ, что этотъ огромный рынокъ безвозвратно былъ утраченъ для Бельгіи. Оттого въ 1840 годахъ Бельгія считалась классической страной пролетаріата, въ размѣрахъ неизвѣстныхъ самой Англіи. Отъ таковаго кризиса страна поднялась энергическими усиліями народа, не расхोдившагося съ правительствомъ и огражденнаго свободою своего внутренняго самоуправленія, направленнаго на поддержаніе отечественной промышленности, подъ руководствомъ предприимчивыхъ и готовыхъ на самопожертвованіе общественныхъ дѣятелей.

2) Этого мало: въ самомъ земскомъ своемъ хозяйствѣ, Бельгія внесла также замѣчательный кризисъ вслѣдствіе смѣлой, но благодѣтельной реформы. Городскія ввозныя пошлины (*octrois*), составлявшія самый главный источникъ дохода въ бельгійскихъ городахъ, несмотря на то, что пошлины эти до сихъ поръ вездѣ остались на Западѣ, были уничтожены въ іюль 1860 года и замѣнены *уравнительнымъ* пособіемъ городамъ и сельскимъ общинамъ отъ правительства изъ почтовыхъ доходовъ и внутреннихъ акцизныхъ пошлинъ.

3) Наконецъ, полную статистику земскихъ бюджетовъ мы встрѣтили только въ Бельгіи, гдѣ она недавно напечатана въ первый разъ (*Documents statistiques, t. VIII, Bruxelles 1864*); а собирать ихъ лично, даже на мѣстахъ, мы не имѣли ни средствъ, ни времени.

Земское хозяйственное устройство и управленіе въ Бельгіи представляется всего болѣе сходнымъ съ нашимъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и новымъ городскимъ устройствомъ въ томъ видѣ, какъ оно введено до сихъ поръ въ столицахъ и Одессѣ. Изъ всѣхъ государствъ европейскаго материка—кромѣ Скандинавскихъ государствъ и Швейцаріи,—земское самоуправленіе всего независимѣе и самостоятельнѣе развилось въ Бельгіи. Ни во Франціи, ни въ Германіи,—обыкновенныхъ нашихъ образцахъ, какъ скоро говорится о западѣ,—земство не ограждено настолько отъ вмѣшательства централизаціи и бюрократизма, и потому, если мы желали избрать для сравненія страну съ сравнительно болѣе широкимъ самоуправленіемъ, оставляя въ сторонѣ Англію, Скандинавскія государства и Швейцарію,—этотъ отдѣльный европейскій міръ, гдѣ условія политическаго быта такъ далеки

отъ остальнаго европейскаго материка,—то выборъ нашъ естественно долженъ былъ остановиться на Бельгii.

При сравненii цифръ годовыхъ городскихъ бюджетовъ въ Бельгii и Россii, намъ прежде всего бросается въ глаза слѣдующiй замѣчательный фактъ:

Въ Бельгii въ 1861 году:

	франковъ
Обыкновенныхъ городскихъ доходовъ получило	18,194,242
Обыкновенныхъ или обязательныхъ расходовъ про- изведено было	16,036,561
Въ балансѣ <i>избытокъ</i> доходовъ надъ расходами.	2,157,681

Въ Россii по росписямъ на 1858 годъ:

	рублей
Обыкновенныхъ доходовъ	7,723,143
Обязательныхъ расходовъ	8,634,789
Въ балансѣ <i>дефицитъ</i> доходовъ противъ расходовъ.	911,646

И такъ, съ одной стороны мы видимъ *экономiю* правильнаго городского хозяйства въ Бельгii, съ другой стороны *разстройство* его дефицитомъ у насъ въ Россii. Оттого неудивительно, что въ то время, какъ городскiе доходы постоянно у насъ возрастаютъ, еще болѣе растутъ *расходы*; что въ то время, какъ городскiе *капиталы* увеличиваются, *накаплиются долги и недочетки*.

Разность между *текущими* или обязательными *расходами* и *обыкновенными* или постоянными городскими *доходами* мы назовемъ *балансомъ* городского хозяйства. Если мы раздѣлимъ всю Россii по *полосамъ* или группамъ губерний, представляющихъ болѣе однородныя экономическiя условiя ¹⁾, то балансъ представится въ слѣдующей та-

¹⁾ Мы принимаемъ слѣдующее дѣленiе европейской Россii на полосы или группы губерний, по однообразiю промышленныхъ или экономическихъ условiй.

1) *Сѣверозападная лѣсная полоса*: губ. Архангельская, Вологодская, Костромская, Олонечская, Новгородская, Псковская, С.-Петербургская, Смоленская.

2) *Центральная промышленная*: губ. Московская, Ярославская, Тверская, Владимирская, Нижегородская.

3) *Промышленно-земледѣльческая*: губ. Калужская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская.

4) *Черноземная полоса*: губ. Воронежская, Курская, Симбирская.

5) *Черноземная степная*: губ. Екатеринославская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Херсонская и Бессарабiя.

6) *Восточная*: губ. Астраханская, Вятская, Казанская, Уфимская, Пермская.

7) *Западная*: губ. Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская.

8) *Малороссiйская*: губ. Кiевская, Полтавская, Харьковская, Черниговская.

блицѣ, гдѣ + или *избытокъ* означаетъ перевѣсъ *доходовъ* надъ расходами, а — или дефицитъ перевѣсъ *расходовъ* надъ *доходами*.

	Сумма дефицита (—) или избытка (+).	Процентъ дефицита
Лѣсная полоса	— 95,957	13,0
Промышленная полоса.	— 144,900	19,7
Промышленная земледѣльческая группа.	— 68,826	9,3
Черноземная группа	— 70,204	9,5
Южная черноземная степная	— 75,078	10,2
Восточная	— 67,360	9,1
Западная	— 144,374	19,6
Малороссійская	— 66,637	9,1
Итого	— 733,336	100%
Остзейскія губерніи.	+ 32,703	»

Здѣсь съ перваго раза, съ поразительною очевидностію проявляются два замѣчательные факта:

а) Тогда какъ вся масса губерній остальной Россіи страдаетъ *дефицитомъ*, въ Остзейскихъ оказывается *избытокъ* доходовъ надъ расходами: значить нѣмецкое хозяйство и въ этомъ случаѣ лучше русскаго. Вообще, вмѣстѣ съ изученіемъ неприменимаго западнаго европейскаго хозяйства, не мѣшало бы ознакомиться съ городскимъ бытомъ Остзейскаго края, дающаго совсѣмъ другіе результаты, при одинаковыхъ отношеніяхъ къ правительству; люди знающіе этотъ край оказали бы большую услугу объясненіемъ муниципальнаго устройства Остзейскаго края, а главное — системы его городского хозяйства.

б) Вычисляя процентныя отношенія по всѣмъ другимъ сторонамъ городского хозяйства (какъ увидимъ ниже), мы поражены были слѣдующимъ явленіемъ: тогда какъ проценты эти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ по различнымъ полосамъ отличаются самымъ прихотливымъ, не объясняемымъ одними экономическими условіями данныхъ мѣстностей разнообразіемъ, здѣсь — въ этой таблицѣ общаго дефицита въ городскомъ балансѣ обнаруживается какое-то замѣчательное однообразіе процентнаго отношенія. Въ другихъ таблицахъ, мы получали крайними предѣлами процентовъ напр. 85 и 13, — здѣсь крайніе предѣлы

9) *Остзейская*: губ. Курляндская, Лифляндская, Эстляндская.

Во всѣхъ нашихъ таблицахъ мы исключили Петербургъ, Москву и Одессу, городское хозяйство которыхъ подчинено совершенно иному устройству, нежели въ остальной Россіи. Дѣленіе это, конечно, не совсѣмъ точно, ибо наша губернія есть единица слишкомъ крупная, заключающая въ себѣ уѣзды и мѣстности съ самыми разнообразными экономическими условіями, но необходимость сохранять эту административную единицу не позволяетъ намъ прибѣгнуть къ болѣе характеристическому распределенію по отдѣльнымъ уѣздамъ.

19 и 9. Промышленная полоса—средоточіе нашей внутренней дѣятельности и западной, извѣстна бѣдностію своихъ городовъ, стоитъ здѣсь съ однимъ и тѣмъ же процентомъ дефицита (19, 7 и 19, 6%), точно также какъ и непохожія другъ на друга губерніи восточной, черноземной и промышленно-земледѣльческой полосѣ. Существуетъ, значитъ, въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ какой-то внутренней, глубокой, органической недостатокъ, который тяготѣетъ одинаково надъ цѣлою страной и неотразимой силою своей закрываетъ всѣ другія, столь разнообразныя условія экономическаго быта различныхъ губерній. Недостатокъ этотъ есть цѣлый строй нашего городского хозяйства въ томъ видѣ, какъ оно представлялось до настоящаго времени, и разбору котораго посвящена вся наша статья.

Разсматривая за 1858 годъ балансъ городского хозяйства въ *отдѣльныхъ губерніяхъ*, мы видимъ что съ + являются губерніи Владимірская, Московская, Таврическая, Вятская, Казанская и Полтавская. Причины этого явленія лежатъ, конечно, въ извѣстныхъ условіяхъ ихъ городского хозяйства въ разсматриваемомъ году. Вообще изъ фактовъ одного года странно было бы выводить заключеніе, что извѣстная губернія должна постоянно являться съ + или —, если она разъ, въ этомъ именно году, явилась съ тѣмъ или другимъ знакомъ. Такъ, напримѣръ, разсматривая балансъ Московской губерніи съ 1838 — 1854 годъ ¹⁾, мы видимъ, что въ Московской губерніи городское хозяйство представляетъ *избытокъ* (+) въ 1843, 44, 45, 47, 48, 51, 52 и 53 годахъ, *дефицитъ* (—) въ 1838, 39, 40, 41, 42, 46, 49 и 50 годахъ. Съ болѣе постояннымъ избыткомъ представляется Вятская губернія, — страна крестьянскихъ промысловъ и отсутствія крѣпостнаго права: съ 1839 — 1854 годъ, въ теченіе 16 лѣтъ, дефицитъ тамъ оказывался только *три* раза (въ 1838, 1850 и 1852 годахъ), а въ Москвѣ, какъ мы видѣли, въ тотъ же періодъ *8 разъ*. Вообще избытокъ доходовъ встрѣчается преимущественно въ губерніяхъ промышленныхъ (Владимірской, Казанской и проч.).

Если въ какомъ нибудь хозяйствѣ замѣчается дефицитъ, т. е. избытокъ расходовъ надъ доходами, то отсюда неизбежно заключеніе: хозяинъ тратитъ не по средствамъ, проживаетъ то, чего не имѣетъ возможности получать. Итакъ, самое первое заключеніе изъ разсмотрѣнія нашего городского баланса таково: *городскіе расходы должны быть сокращены, для того, чтобы они покрывались обыкновенными городскими доходами*. Такъ ли это? дѣйствительно ли въ числѣ нашихъ городскихъ расходовъ есть излишніе, которые могутъ быть сокращены, или всѣ текущіе расходы принадлежатъ къ числу *необходимыхъ, неизбежныхъ*, которые тѣмъ или другимъ путемъ должны быть удовлетво-

¹⁾ Общественное устройство и хозяйство городовъ. Т. I, стр. 312.

рени; а недостатокъ городскихъ средствъ указываетъ только крайнюю степень бѣдности нашихъ городовъ, — какъ бюджетъ пролетарія, не имѣющаго возможности въ покрытію издержекъ на насущное пропитаніе? Для этого необходимо рассмотретьъ подробно всѣ статьи нашихъ городскихъ расходовъ.

Прежде всего, вотъ сравнительная таблица городскихъ расходовъ въ Бельгіи и Россіи:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ГОРОДСКИХЪ РАСХОДОВЪ:

РОССІЯ.

БЕЛЬГІЯ.

А. Обыкновенные или текущіе расходы по городскому управленію:

1. Содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія	Сумма въ рубляхъ: 3.890,562	Процентныя отношенія: 37,8%	1. Жалованье бургомистрамъ и друг. членамъ общественной администраціи	Сумма въ франкахъ: 1.643,289	Процентныя отношенія: 5,25%
2. Содержаніе городскихъ имуществъ и наемъ отъ города помѣщенія. . .	703,982	6,8	2. Жалов. чинамъ мѣстной полиціи и пожарной команды и инструментовъ	1.556,100	4,97
			3. Наемъ помѣщен., ремонтъ обществ. зданій и уплата за нихъ повинностей	625,963	1,99
Итого . . .	4.594,544	44,6%	Итого . . .	3.825,352	12,21%

В. По военной части:

1. Военная часть . .	812,479	7,9	1. Внутренняя городск. стража, или милиція .	148,002	0,58
			2. Помѣщеніе войскъ .	234,581	0,75
Итого . . .	812,479	7,9%	Итого . . .	382,583	1,33%

С. По части благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій:

1. На содержан. благотворительныхъ и общепользныхъ учрежденій	950,927	9,2	1. Посobie на содержаніе богадѣленъ и комитетовъ призрѣнія .	1.078,635	3,45
			2. Посobie другимъ благотворительн. учреждениямъ, содержаніе сумасшедшихъ, глухонѣмыхъ и содержащихся въ рабоч. домахъ нищихъ	613,621	1,96
			3. На содержаніе подкидышей	188,970	0,61

Сумма въ рубляхъ:	Процентами отношенія:		Сумма въ франкахъ:	Процентами отношенія:
		4. Обязательн. расходы по народному образованію	1.346,710	4,29%
		5. Расходы на поддержаніе народн. здравія	323,624	1,03
		6. Необязательные расходы по общественному образованію	582,692	1,86
<hr/>			<hr/>	
Итого . . .	950,927 9,2 %		Итого . . .	4.134,252 13,20%

D. Наружное благоустройство города:

1. На содержаніе по наружному благоустройству города	1.234,685	12,0	1. На содержан. дорогъ и путей сообщенія	742,785	2,87
			2. На общественныя постройки, содержаніе набережныхъ, пристаней, бассейновъ, мостовъ, канал. и рѣкъ, отнесенныхъ на счетъ земства	483,998	1,56
			3. Освѣщеніе улицъ и площадей	914,748	2,59
			4. Расходы на поддержаніе театровъ и на изящныя искусства	554,703	1,77
<hr/>			<hr/>		
Итого . . .	1.234,685	12,0%	Итого . . .	2.701,234	8,29%

E. Уплата городскихъ доходовъ:

На уплату долговъ	793,946	7,7	На уплату процентовъ по городскимъ займамъ	3.631,479	11,58
-----------------------------	---------	-----	--	-----------	-------

F. На духовенство:

На пособіе и жалованье священнослужител.	134,883	0,44
--	---------	------

G. Расходы особо не поименованные:

Мелочн. и экстраординарн. издержки	239,205	2,3	Другіе обыкновен. расходы	1.232,828	3,93
<hr/>			<hr/>		
Всего обыкновен. расходовъ	8.634,789	84,0%	Всего обыкновен. расходовъ	16.036,561	50,97%

H. Чрезвычайные расходы:

1. Чрезвычайн. расх.	63,650	0,6	1. По уплатѣ и погашенію долговъ	6.129,112	19,45
------------------------------	--------	-----	--	-----------	-------

	Сумма въ рубляхъ:	Процентны отношенія:		Сумма въ франкахъ:	Процентны отношенія:
2. По строительной части	1.199,796	11,6%	2. Чрезвычайн. постройки и вообще полезныя сооружения	6.069,816	19,27%
3. Чрезвычайн. издержки по друг. город. надобностямъ	380,573	3,7	3. Издержки на общественныя увеселенія	1.046,520	3,32
			4. Приобрѣт. недвижимыхъ имуществъ и погашеніе фондовъ	2.182,437	6,99
Всего чрезвычайн. расходовъ	1.643,960	15,9%	Всего чрезвычайн. расходовъ	15.427,885	49,08%
Всѣхъ вообще городскихъ расход.	10.278,749	100%	Всѣхъ вообще городов. расходовъ	31.464,446	100%

Статьи городскихъ расходовъ въ нашихъ официальныхъ документахъ о городскомъ бюджетѣ не специализированы, т. е. не показаны особыми статьями по каждой категоріи расходовъ поровнь, какъ въ Бельгіи, — а безъ этого сравненіе невозможно.

Чтобы показать, какія именно *частныя статьи* расходовъ заключаются подъ перечисленными нами выше и принятыми въ официальныхъ документахъ общими категоріями, мы разберемъ статьи городскихъ расходовъ на основаніи дѣйствующей инструкціи о составленіи городскихъ росписей. Такое мелочное перечисленіе всѣхъ отдѣльныхъ статей нашихъ городскихъ расходовъ необходимо 1) потому, что его нельзя извлечь иначе какъ изъ инструкціи, нами упомянутой, въ Сводѣ же законовъ статьи эти частію разбросаны, частію вовсе не указаны; 2) потому, что именно такой анализъ и можетъ довести насъ до основательныхъ и практически полезныхъ выводовъ.

Городскіе расходы раздѣляются вообще на *текущіе* и *единовременные*.

Текущими расходами называются тѣ, которые должны быть выполнены городами *обязательно*.

Единовременные расходы суть тѣ, выполненіе которыхъ зависитъ отъ мѣстныхъ средствъ города, и потому они вносятся въ роспись не иначе, какъ съ присканіемъ способовъ къ ихъ покрытію.

Къ числу *текущихъ* расходовъ относятся:

Общая категорія А: содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія: хозяйственнаго, судебного и полицейскаго. Эта *общая категорія* включаетъ въ себѣ слѣдующія частныя статьи:

I. По *хозяйственному* управленію, сюда относится содержаніе:

- 1) Канцеляріи градской думы или ратуши;
- 2) Ремесленныхъ управъ;
- 3) Квартирной комиссіи;
- 4) Канцеляріи городского депутатскаго собранія или торговой депутаціи;

- 5) Аукционныхъ камеръ;
- 6) Оцѣночныхъ комиссій;
- 7) Строительныхъ комитетовъ;
- 8) Ярмарочныхъ учреждений: ярмарочнаго комитета, сборщиковъ податей и проч.;

9) Издержки по городской медицинской части: жалованье городскимъ врачамъ, ихъ ученикамъ, повивальнымъ бабкамъ и оспопрививателямъ, содержаніе конторъ при городскихъ больницахъ и проч.;

10) Содержаніе городскихъ архитекторовъ, ихъ помощниковъ и учениковъ;

11) Сюда же отнесены по формѣ росписей всѣ издержки на *чиновъ управленія и заступанія городскими имуществами*; таковы лѣсничіе при городскихъ лѣсныхъ дачахъ, комиссары по наблюденію за городскими имуществами, наемъ сторожей, мастеровъ для клейменія мѣръ и вѣсовъ и проч.

II. По *судебному* управленію, сюда относится содержаніе:

- 1) Городового магистрата;
- 2) Сиротскаго суда;
- 3) Словесныхъ судовъ;
- 4) Коммерческаго суда;
- 5) Депутатовъ городского сословія въ общихъ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ (гражданскихъ палатахъ и уѣздныхъ судахъ);
- 6) Содержаніе канцелярїи уѣзднаго стряпчаго;
- 7) Содержаніе смотрителя тюремнаго замка или городского острога и канцелярскіе расходы по управленію тюрьмами;
- 8) Расходы на содержаніе арестантскихъ ротъ, гдѣ они обращены на городскіе доходы;

III. По *полицейскому* управленію:

- 1) Содержаніе полиціймейстера или городничаго, частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей;
- 2) Содержаніе слѣдственныхъ приставовъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;
- 3) Содержаніе полицейской команды;
- 4) Содержаніе пожарной части;
- 5) Сюда же относится вообще выдача пенсій и единовременныхъ пособій чиновникамъ и ихъ семействамъ, получающимъ жалованье изъ городскихъ доходовъ;

Общая категорія В: содержаніе городскихъ имуществъ и наемъ отъ города помѣщеній. Сюда относятся:

1) Наемъ помѣщеній для мѣстъ и лицъ *хозяйственнаго* управленія: думъ, ремесленныхъ управъ, аукционныхъ камеръ; городского врача, повивальной бабки, и пр.;

2) Наемъ помѣщеній для мѣстъ и лицъ *судебнаго* управленія: ма-

гистратовъ, судовъ и пр. — смотрителя тюремнаго замка и чиновниковъ при острогѣ;

3) Наемъ помѣщеній для мѣстъ и лицъ *полицейскаго* управления: городничаго, полиціймейстера и пр.; помѣщеніе полицейскихъ и пожарныхъ командъ и пр.;

4) Расходы города по помѣщеніямъ мѣстъ и лицъ, содержаніе которыхъ *не возложено исполнить на городскіе доходы*, но фактически распределяется совершенно случайно между городомъ и земствомъ, смотря по состоятельности перваго:

а) Отопленіе, освѣщеніе и мелочныя издержки по тюремному замку;

б) Помѣщеніе арестантовъ во время производства надъ ними слѣдствія;

в) Отопленіе и освѣщеніе губернаторскихъ канцелярій и домовъ начальниковъ губерній;

г) Отопленіе и освѣщеніе караульни при уѣздномъ казначействѣ;

д) Помѣщеніе пробирной палатки;

е) Отопленіе и освѣщеніе домовъ, городскихъ больницъ и богадѣлень;

ж) Отопленіе и освѣщеніе казармъ, кордегардій, карауленъ, полицейскихъ будокъ и пр.;

з) Освѣщеніе конюшенъ жандармской команды;

и) Собственно издержки на *содержаніе городскихъ имуществъ*:

а) Уплата денегъ за занятую городскими строеніями не принадлежащую городу землю;

б) Содержаніе городского скота, который заведенъ многими городами для улучшенія породы;

в) Застрахованіе городскихъ зданій и пр.;

Общая категорія С: издержки на наружное благоустройство города. Сюда относятся:

1) Ремонтъ городскихъ зданій и заведеній, какъ приносящихъ доходъ, такъ и обращенныхъ на помѣщеніе мѣстъ и лицъ, которыхъ исчислены выше, въ разрядѣ о помѣщеніяхъ;

2) Содержаніе извозовъ, мостовъ и переправъ;

3) Устройство временныхъ пристаней;

4) Содержаніе въ городѣ мостовой предъ городскими зданіями и домами бѣдныхъ городскихъ обывателей;

5) Содержаніе заведеній для общественныхъ удовольствій, садовъ, бульваровъ, аллей и пр.;

6) Освѣщеніе города;

7) Очистка улицъ, канавъ, колодцевъ, водопроводныхъ трубъ и пр.;

8) Разныя мелочныя расходы, какъ, напр., устройство мостковъ при священнѣхъ церемоніяхъ, иллюминаціи въ высокаторжественныя дни и проч.

Общая категория D: издержки по военной части. Сюда относятся:

а) Пособіе изъ городскихъ доходовъ, по облегченію падающей на жителей квартирной повинности, состоящее въ выдачѣ изъ городскихъ доходовъ воинскимъ чинамъ квартирныхъ денегъ, на основаніи частныхъ положеній о городскихъ доходахъ и расходахъ;

б) Пособіе на содержаніе мѣстной инвалидной команды; отопленіе и освѣщеніе канцелярій, пейхгауза, амбара, сборной, шваленъ, кухонъ, постройка тулуповъ и кенегъ для караульныхъ и пр.;

в) Отопленіе и освѣщеніе дома, занимаемаго нижними чинами вѣдомства путей сообщенія;

г) Отопленіе и освѣщеніе канцеляріи коменданта;

е) Ремонтъ воинскихъ учрежденій: экзерциргаузовъ и кордегардій, конюшенъ жандармской команды, гауптвахтъ;

Общая категория E: содержаніе учебныхъ, благотворительныхъ и другихъ общественныхъ заведеній. Сюда относятся:

1) Содержаніе губернской гимназіи, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, библиотекъ, музеевъ и пр.;

2) Обученіе бѣдныхъ сиротъ мастерствамъ;

3) Содержаніе городскихъ больницъ и богадѣленъ;

4) Лечение бѣдныхъ мѣщанъ въ больницахъ приказа;

5) Содержаніе подвидышей;

6) Содержаніе священно-церковно-служителей при кладбищенскихъ церквахъ;

7) Содержаніе при театрѣ актеровъ.

Общая категория F: уплата долговъ и составленіе запасныхъ капиталовъ. Сюда относятся:

1) Собственно уплата долговъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ и частнымъ лицамъ и обществамъ;

2) Выполненіе расходовъ прежнихъ лѣтъ;

3) Составленіе запасныхъ капиталовъ;

Общая категория G: мелочные, случайные и непредвидѣнные расходы:

1) Выписка газетъ и журналовъ для присутственныхъ мѣстъ, лицъ управленія и приходскихъ церквей;

2) Печатаніе объявленій;

3) Почтовые издержки;

4) Заготовленіе переплетовъ для книгъ по хозяйственному управленію, жестяныхъ билетовъ для извозчиковъ и пр.;

5) Составленіе экстраординарной суммы, назначенной на случайные и непредвидѣнные расходы.

Изъ этого перечисленія частныхъ статей видно, что онѣ не соотвѣтствуютъ общимъ категориямъ городскихъ расходовъ, установленнымъ инструкціею о составленіи городскихъ росписей и принятыхъ

въ росписяхъ по городскому хозяйству; такъ что, напримѣръ, первая общая категорія «расходы по управленію» раздѣляется частными статьями не только въ *общей категоріи А*, носящей это названіе, но и въ другихъ, какъ сейчасъ увидимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вторая общая категорія В, «содержаніе городскихъ имуществъ и наемъ отъ города помѣщеній», поглощается также частными статьями расходовъ по управленію, ибо главныя въ ней частныя статьи составляютъ издержки на содержаніе городскихъ домовъ, занятыхъ мѣстами и лицами по администраціи, на что, какъ извѣстно, отводится большая часть общественныхъ зданій; а за тѣмъ почти все остальное идетъ на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ учреждений, содержаніе которыхъ собственно до города не относится. Издержки собственно на содержаніе городскихъ имуществъ могутъ у насъ представить самую ничтожную цифру; большая часть понименованныхъ на этотъ предметъ расходовъ существуетъ только въ немногихъ городахъ, какъ напр. наемъ лѣсныхъ, плата за землю постороннихъ владѣльцевъ, занятую городскими зданіями, содержаніе городского скота и пр., или по существу своему крайне не значительны (страховая премія, наемъ сторожей и пр.). Самую существенную часть ихъ могъ бы составить ремонтъ городскихъ зданій, отданныхъ въ арендное содержаніе, но въ этомъ случаѣ издержки ихъ поддержанія или переходятъ на арендатора и въ такомъ случаѣ городъ не несетъ никакой затраты, или остаются на обществѣ и тогда городскія имущества вовсе не поддерживаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ арендная плата постоянно понижается. Притомъ, главная статья нашихъ городскихъ имуществъ, земля розданная въ оброкъ, почти никакихъ издержекъ содержанія и затратъ для возвышенія капитальной цѣнности со стороны города не требуетъ. Точно также послѣдняя общая категорія «мелочныя издержки и экстраординарныя суммы» идетъ почти исключительно на издержки по управленію.

Такимъ образомъ, мы получаемъ, независимо отъ officialнаго термина, на расходы по управленію слѣдующія officialныя общія категоріи:

1) Собственно издержки по управленію	45,	0 ⁰ / ₁₀₀	} однихъ обыкновенныхъ доходовъ.
2) Издержки по помѣщенію	8,	1	
3) Издержки мелочныя и случайныя	2,	7	
Итого	55	8 ⁰ / ₁₀₀ .	

Но это еще не всё. За тѣмъ остается общая категорія «издержки на благоустройство города» (14, 4⁰/₁₀₀).

Мы видимъ, что и изъ нихъ большая часть издержекъ поступаетъ на ремонтъ городскихъ помѣщеній, занятыхъ присутственными мѣстами и лицами, т. е. относится къ категоріи издержекъ по управленію. То, что можетъ быть собственно названо постоянными и необхо-

данными издержками *по благоустройству*, обнимаетъ слѣдующія частныя статьи этой категоріи: освѣщеніе города, мощеніе улицъ, очистка улицъ и площадей и содержаніе путей сообщенія (мостовъ и перевозовъ, гатей и пр.). Но мы видимъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ «экономическомъ состояніи городовъ», что большая часть нашихъ городовъ не освѣщается, что особые комитеты, учрежденные въ городахъ по мощенію улицъ, отличаются (какъ въ Костромѣ) совершенною не дѣятельностію. Итакъ, и этотъ разрядъ расходовъ по большинству городовъ слѣдуетъ отнести къ «*расходамъ по управленію*».

Чтобы глубже вникнуть въ распредѣленіе у насъ издержекъ по управленію по *отдѣльнымъ* губерніямъ и городамъ, мы представляемъ слѣдующую таблицу таковыхъ расходовъ по *мѣстной и промышленной* полостѣ въ процентномъ ихъ содержаніи къ суммѣ обыкновенныхъ доходовъ ¹⁾.

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІИ и ГОРODOBЪ.	КАТ. А. ИЗДЕРЖКИ ПО УПРАВЛЕНІЮ.	КАТ. В. ИЗДЕРЖКИ ПО СОДЕРЖАНІЮ ИМУЩЕСТВЪ И ПО- МЪЩЕНІЮ.	КАТ. Г. ИЗДЕРЖКИ МЕЛОЧНЫЕ И СЛУ- ЖАВНІЕ.	ИТОГО.
	Въ процент. отношеніи къ общей суммѣ доходовъ.			
Московская	72,1	14,3	0,1	86,5
Вологодская	61,1	15,8	4,4	81,3
Олонедкая	61,8	13,1	4,0	78,9
Псковская	66,6	6,7	9,7	83,0
С.-Петербургская	57,2	15,2	5,4	77,8
Костромская	50,9	14,3	16,5	81,7
Архангельская	63,6	10,5	7,5	81,6
Нижегородская	62,3	9,5	4,4	76,2
Смоленская	63,8	8,8	5,4	78,0
Новгородская	47,8	19,5	6,9	74,2
Ярославская	57,2	14,5	6,6	78,3
Владимірская	52,4	15,2	5,2	72,8
Тверская	47,0	10,1	3,9	61,0

¹⁾ Здѣсь итогъ мы можемъ смѣло считать за *приблизительное исчисленіе расходовъ по управленію*, ибо для покрытія заключающихся въ поименованныхъ категоріяхъ издержекъ на содержаніе городскихъ имуществъ, мы вовсе опустили издержки на благоустройство, несмотря на то, что значительная ихъ доля, какъ мы видѣли, также идетъ на расходы по управленію.

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІИ И ГОРОДОВЪ.	КАТ. А. ИЗДЕРЖКИ ПО УПРАВЛЕНІЮ.	КАТ. В. ИЗДЕРЖКИ ПО СОДЕРЖАНІЮ ИМУЩЕСТВЪ И ПО- МѢЩЕНІЮ.	КАТ. С. ИЗДЕРЖКИ МЕЛОЧНЫЕ И СУ- ЩАЯ ЧАСТЬ.	ИТОГО.
	Въ процент. отношеніи къ общей суммѣ доходовъ.			
Смоленскъ	59,0	5,8	9,5	74,3
Владиміръ	49,2	10,2	3,3	62,7
Кострома	58,2	6,8	10,1	75,1
Тверь	66,3	5,5	3,1	74,9
Псковъ	61,4	9,6	2,8	73,8
Вологда	58,7	10,7	1,6	71,0
Ярославль	49,7	9,6	7,1	66,4
Петрозаводскъ	47,2	1,8	2,0	51,0
Новгородъ	48,2	6,3	2,0	56,5
Нижній-Новгородъ	47,3	6,3	2,0	55,6
Архангельскъ	24,9	6,6	1,3	32,8

Вглядываясь въ эту таблицу, мы видимъ, что процентъ издержекъ на администрацію въ двухъ полосахъ, настолько различныхъ между собою по экономическимъ условіямъ и развитію городской жизни, довольно одинаковъ и притомъ, кромѣ Архангельска, Петрозаводска и Нижняго, выше *средняго* выведеннаго нами процента (55,8%).

Далѣе мы подмѣчаемъ здѣсь же одну очень любопытную черту, это постоянное направленіе мѣстной администраціи къ увеличенію средствъ ея содержанія, по мѣрѣ развитія городскихъ доходовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на соответствіе всѣхъ трехъ категорій исчисленныхъ нами издержекъ, взаимно дополняющихъ другъ друга и служащихъ главнымъ образомъ къ удовлетворенію одной цѣли, то увидимъ, что чѣмъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ *ниже* процентъ въ категоріи собственно по содержанію управленія, тѣмъ онъ выше въ графахъ расхода на помѣщеніе и на мелочные издержки и наоборотъ. Въ Новгородской губерніи, напр., процентъ на управленіе 47,8, а на издержки помѣщенія 19,5; въ Смоленской, процентъ на управленіе 63,8, но за то на помѣщеніе только 8,8, и т. д. Разница на *содержаніе* мѣстъ и лицъ городского управленія менѣе зависитъ отъ собственныхъ распоряженій мѣстной администраціи, ибо размѣръ ихъ опредѣляется штатами; но издержки на помѣщеніе и мелочныя траты, составляютъ болѣе или менѣе предметъ мѣстныхъ соображеній и назначеній, а потому и обращены до нѣкоторой степени въ подкрѣпленіе первыхъ, смотря по средствамъ города.

Другая причина возвышенности городскихъ затратъ на администрацію лежитъ въ цѣлой системѣ прежняго законодательства о земскихъ повинностяхъ. Главный ея недостатокъ, по замѣчанію высочайше утвержденной комиссіи о податяхъ (въ изданіи ея о земскихъ повинностяхъ), состоялъ въ отсутствіи разграниченія между потребностями и повинностями государственными и земскими, городскими и уѣздными. Сложившееся исторически понятіе о статьяхъ государственныхъ расходовъ и источникахъ ихъ удовлетворенія сохранялось неизмѣнно, несмотря на быстрое увеличеніе новыхъ потребностей растущаго государственнаго организма. Всѣ эти новыя потребности слагались на *земство* и дѣлились между *уѣздами* и *городами*, не сходясь съ участіемъ каждаго изъ нихъ въ пользованіи тѣми выгодами гражданской жизни, которыя доставлялись той или другой мѣстности выполненіемъ лежавшаго на ней налога, а сообразно тѣмъ денежнымъ средствамъ, которыми въ данную минуту владѣли уѣздъ или городъ. Оттого мы видимъ, что городамъ помогаетъ земство въ случаѣ несостоятельности ихъ къ выполненію обязательныхъ своихъ расходовъ; а съ другой стороны городскіе обыватели несутъ тягости чисто уѣздныхъ повинностей, не только въ равной, но въ большей степени, нежели сами мѣстные жители. Въ губерніяхъ С.-Петербургской и Московской четверть процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ составляетъ въ первой 64,9, а во второй 21,0% всей суммы земскихъ сборовъ ¹⁾.

Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ впервые прекратило этотъ хаосъ смѣшанныхъ государственныхъ и земскихъ повинностей перечисленіемъ, такъ называемыхъ, *государственныхъ* земскихъ повинностей прямо въ государственный бюджетъ; но оно, по самому существу своему, ограничилось тѣми повинностями, которыя признавало *земскими* прежнее законодательство, и на этомъ основаніи новое положеніе не коснулось городскихъ. Изъ трудовъ учрежденной при министерствѣ финансовъ комиссіи о податяхъ видно, что она, провѣряя всю сложную систему нашихъ повинностей, не привяла въ расчетъ городскіе расходы, потому что они вѣдались исключительно хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и свѣдѣній о нихъ ни въ министерствѣ финансовъ, ни въ государственномъ совѣтѣ не было. Между тѣмъ, мы видимъ, что многіе расходы, по существу своему относящіеся нераздѣльно до города и уѣзднаго земства, возлагаются иногда исключительно на городскихъ обывателей, что и произвело уже большую запутанность и сложную переписку между думами и земскими управами. Окончательный результатъ

¹⁾ См. статью мою «Распределеніе денежныхъ земскихъ повинностей», въ «Сѣверной Почтѣ», №№ 87, 88, 89, 1863 года.

получится только при отчисленіи изъ настоящихъ *городскихъ* повинностей въ разрядъ *земскихъ* тѣхъ статей расхода, въ выполненіи которыхъ участвуютъ какъ *земство*, такъ и городъ — пока отдѣльно. А до тѣхъ поръ смѣшеніе государственныхъ и мѣстныхъ, земскихъ и чисто городскихъ повинностей, смѣшеніе, прекращенное дѣйствующимъ законодательствомъ въ земскомъ хозяйствѣ, завѣдуемомъ земскими учреждениями, останется во всей силѣ въ городскомъ нашемъ хозяйствѣ.

Какъ бы то ни было, если мы возьмемъ въ расчетъ одни обыкновенные городскіе расходы, то увидимъ, на основаніи предъидущаго разбора по частнымъ статьямъ расхода, такое соотвѣтствіе расходовъ на одинакія опредѣленныя потребности въ Бельгіи и Россіи:

	Въ Россіи.	Въ Бельгіи.
На издержки по управленію. . .	55,8%	23,7%
На военныя издержки	9,3	2,3
		Часть ихъ возвра- щается городамъ.
На благоустройство города . . .	14,4	16,7
	Въ томъ числѣ боль- шая часть также соб- ственно на издержки по управленію.	Исключительно на благоустройство.
На учебныя и благотворительныя и вообще полезныя заведенія.	11,0	25,1
На уплату долговъ	9,1	22,6

А потому напрасно мы удивляемся, что города наши не украшаются великолѣпными зданіями и не заводятъ школы, пріютовъ и богадѣленъ: на всѣ эти роскоши они въ кругломъ счетѣ едва ли располагаютъ 15% своихъ обыкновенныхъ доходовъ; сумма же обыкновенныхъ городскихъ расходовъ въ большинствѣ нашихъ городовъ не выше 300 р., съ которыхъ 15% составятъ 45 р. въ годъ. Послѣ этого фактъ, что городъ Кола, на примѣръ, въ годовой росписи, для очистки графы, назначилъ на благоустройство города 3 *кон. сер.*, представляется не столько страннымъ и смѣшнымъ, сколько прискорбно неизбежнымъ.

Очевидно, что при такомъ поглощеніи городскихъ доходовъ расходами на администрацію и военные потребности, отличительные признаки нашего городского хозяйства, — постоянный дефицитъ, увеличеніе городскихъ долговъ, быстрое исчезаніе накопившихся капиталовъ и пр., будетъ по прежнему обычнымъ тяжкимъ явленіемъ, отнимающимъ всякую надежду на поправленіе нашего городского хозяйства.

Очевидно также, что всего естественнѣе приступить къ поправле-

нiю городского хозяйства *сокращенiемъ* такихъ расходовъ. Спрашивается: есть ли возможность сократить ихъ у насъ, и отчего они такъ сравнительно незначительны въ Бельгiи и вообще за границей?

Такое сокращенiе городскихъ расходовъ возможно, если на городъ останутся только тѣ расходы, выполнение которыхъ касается *собственно интересовъ* однихъ городскихъ обывателей, а всѣ остальные расходы на учрежденiя необходимыя или полезныя, какъ съ *государственной* точки зрѣнiя вообще, такъ и съ *жyстной* для города *обще съ уѣзднымъ земствомъ*, перечислены будутъ, по принадлежности, или въ *государственный бюджетъ* въ видѣ постоянного-налога съ городскихъ имуществъ по соразмѣрности, или въ *земскiй бюджетъ*, распределяемый земскими собранiями по цѣнности и доходности уѣздныхъ и городскихъ имуществъ. Только въ такомъ случаѣ земскiй налогъ можетъ быть *прямо и уравнительно* распределенъ между городомъ и уѣдомъ и не будетъ надобности въ вспомошествованiи городу со стороны земства, или земству со стороны города.

Въ настоящее время, когда городъ несетъ земскiя повинности и вѣсть съ земствомъ по земской раскладкѣ и отдѣльно самъ по себѣ по городской, онъ при самой *уравнительной* раскладкѣ переплачиваетъ, ибо на его ответственности лежитъ много расходовъ, выполнение которыхъ необходимо и полезно точно также и для уѣзднаго земства; между тѣмъ, во всемъ, что необходимо и полезно для него самого, уѣздное земство заставляетъ городъ, при уравнительной раскладкѣ, нести повинность въ равной съ нимъ степени. Такъ, напримеръ, внутреннiя войска, расположенныя по городамъ, охраняютъ безопасность не однихъ городскихъ жителей, но и всего уѣзда, ибо они при всякомъ нужномъ случаѣ командируются на пространства цѣлой губернiи, а расходъ на нихъ несетъ одинъ городъ; губернаторъ, лице необходимое для цѣлой губернiи, а домъ его отопляетъ одинъ губернскiй городъ и т. д. Между тѣмъ, земство заводитъ, напримеръ, уѣздную лечебницу, школу для образованiя сельскихъ наставниковъ и пр.; оно въ правѣ требовать равнаго участiя и отъ городскихъ обывателей, ибо земскiе сборы общемо суммою распределяются равно между городомъ и уѣдомъ, и слѣдовательно, если по какой нибудь частной статьѣ земскiй расходъ оказывается полезнымъ исключительно для уѣзднаго земства, городъ не въ правѣ требовать, чтобы соотвѣтственная этой статьѣ сумма сложена была съ городской общей доли земскихъ повинностей. Теперь посмотримъ, какiя изъ исчисленныхъ нами теперешнихъ статей городскихъ расходовъ необходимы или полезны исключительно для городскихъ обывателей. Сюда относятся:

1) Содержанiе участковыхъ мировыхъ судей и слѣдственныхъ при-

ставовъ, предвѣщенныхъ собственно для города, отнесенное на мѣстные расходы;

2) Содержаніе городской полиціи, гдѣ она существуетъ отдѣльно отъ уѣздной, и вообще нижнихъ полицейскихъ служителей, для охраненія безопасности собственно внутри города;

3) Расходы по пожарной части;

4) Всѣ вообще расходы на городское благоустройство;

5) Расходы на благотворительныя и учебныя заведенія, основанныя городомъ собственно для своихъ гражданъ (въ томъ числѣ городскихіа приходскія училища);

6) Расходы по городской медицинской части (городовые врачи, повивальныя бабки, фельдшера и пр.);

7) Расходы по хозяйственному городскому управленію, производству и уплатѣ городскихъ долговъ, ремонту и содержанію городскихъ имуществъ и вообще по веденію городскихъ общественныхъ дѣлъ; и

8) Издержки по содержанію помѣщеній для воинскихъ постовъ и карауловъ при общественныхъ городскихъ зданіяхъ и для содержанія безопасности собственно въ чертѣ городской земли.

Ясно, что все то, что не подходитъ подъ одну изъ этихъ категорій, не можетъ быть отнесено къ числу издержекъ, необходимыхъ и полезныхъ для однихъ городскихъ обывателей, и потому не можетъ лежать исключительно на городѣ, безъ всякаго пособія со стороны земства. Такому исключенію положено уже начало соединеніемъ городской и уѣздной полиціи въ одно уѣздное управленіе, съ отнесеніемъ издержекъ на общій государственный бюджетъ и судебною реформою, прекратившею сословные суды. Но необходимо продолжать такое соединеніе городскихъ и земскихъ расходовъ не только въ административномъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи. Не касаясь судебного и полицейскаго управленія, подвергнутыхъ кореннымъ реформамъ, совершенно измѣняющимъ городскіе расходы въ этихъ отношеніяхъ, было бы полезно отнести не на городской, но на общій земскій или государственный счетъ:

1) Издержки по тюремному замку: содержаніе смотрителя, служителей при острогѣ, канцелярскіе расходы, отопленіе, освѣщеніе, и мелочные расходы по тюремному замку;

2) Помѣщеніе и содержаніе слѣдственныхъ арестантовъ;

3) Отопленіе и освѣщеніе губернаторскихъ домовъ и канцелярій, карауленъ при уѣздомъ казначействѣ, пробирныхъ палатокъ, городскихъ больницъ и богадѣленъ (содержаніе которыхъ отнесено уже на общій земскій счетъ), конюшенъ жандармской команды;

4) Содержаніе губернской гимназіи, уѣздныхъ училищъ, библиотекъ, музеевъ и вообще всѣхъ учебныхъ и благотворительныхъ за-

ваденій, не предназначенныхъ исключительно для городскихъ обывателей;

б) Всѣ вообще издержки города по расквартированію, по содержанию, освѣщенію и ремонту военныхъ помѣщеній внутреннихъ губернскихъ войскъ, а также по содержанию помѣщеній для воинскихъ постовъ и карауловъ въ городѣ не при общественныхъ городскихъ зданіяхъ или не для сохранения общественной безопасности собственно въ чертѣ городской земли; и

б) Издержки по охраненію народнаго здравія, коль скоро они касаются не только города, но и уѣзда.

Какъ скоро всѣ эти издержки или перенесены будутъ въ государственный бюджетъ или переданы въ общій земскій, такъ городѣ не будутъ переплачивать по общимъ земскимъ повинностямъ, и слѣдовательно, общая земская раскладка, утверждаемая уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, можетъ быть и *правильна и уравнительна*. До тѣхъ поръ самая *уравнительность* земской раскладки есть первоначальный и неизбежный источникъ *переплаты* со стороны городскихъ обществъ. Между тѣмъ, какъ скоро *собственно городскіе расходы* будутъ выдѣлены и для ихъ пополненія будутъ предназначены исключительно *собственно городскіе доходы*, такъ хозяйство нашихъ городовъ можетъ подняться, и только при такомъ единственно условіи, что и надѣемся доказать дальнѣйшимъ изложеніемъ.

Остается вкратцѣ отвѣтить на второй вопросъ: отчего въ Бельгій такъ мало тратится на издержки по городскому управленію? Оттого, что оно менѣе сложно!

Простота эта заключается главнымъ образомъ въ соединеніи мѣстнаго полицейскаго и хозяйственнаго управленія въ рукахъ однихъ и тѣхъ же выборныхъ лицъ. Хозяйственное или общественное управленіе въ Бельгій лежитъ на земскомъ совѣтѣ (Conseil Communal), котораго значеніе весьма схоже съ нашимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, съ тѣмъ различіемъ, что земскій совѣтъ въ Бельгій есть учрежденіе постоянное, собирающееся во всякое время, по встрѣтившейся надобности, но члены котораго никакого жалованья не получаютъ. Высшая же полицейская власть и хозяйственно-административная или исполнительная возложена на палату Бургомистра и Эшевенновъ (College du Bourgmestres et Echevins), которые, такимъ образомъ, въ своемъ лицѣ, представляютъ соединеніе нашихъ уѣздныхъ полицейскаго управленія и земской управы. Бургомистръ и Эшевени назначаются изъ числа выборныхъ совѣтниковъ королемъ, и они только получаютъ жалованье отъ земства. Число Эшевенновъ измѣняется по населенію, начиная съ 2 для общинъ съ 20,000 и менѣе жителей и до 4 — для общинъ болѣе населенныхъ. Кромѣ того, въ Бельгій судебная часть возложена исключительно на государственный бюджетъ.

и земство не несетъ никакихъ повинностей по судебной администраціи. Само собою разумѣется, что то, что хорошо и удобно въ Бельгіи, можетъ быть и неудобно и неприложимо въ Россіи. Но между тѣмъ, — даже при настоящей законодательной постановкѣ городской администраціи, соединеніе должностей могло бы принести пользу въ слѣдующемъ отношеніи. Настоящій составъ городского хозяйственнаго управленія (городскія думы, ремесленныя управы и пр.), долженъ въ скоромъ времени измѣниться: по крайней мѣрѣ вопросъ этотъ разрабатывается, какъ извѣстно, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Со стороны нашихъ мелкихъ городовъ, — а такихъ большинство, — заявлено единственное желаніе, чтобы составъ этотъ (разумѣется выборный), былъ какъ можно *малочисленнѣе* и стоилъ *дешевле*, не дѣлая ни какихъ уступокъ сословнымъ отгѣнкамъ, не имѣющимъ мѣста при измѣненіи юридическаго состава городского населенія общими выборными собраніями, допускающими безразлично всѣхъ городскихъ собственниковъ. А потому значительное сокращеніе расходовъ по этой части могло бы быть достигнуто дозволеніемъ соединенія, въ случаѣ общественнаго желанія, городского управленія съ земскимъ, съ правомъ городскому обществу избрать одного изъ членовъ управы завѣдующимъ городскимъ хозяйствомъ на правахъ городского головы, съ надлежащею отвѣтственностію предъ городскимъ обществомъ.

Кромѣ текущихъ расходовъ, сказали мы, есть еще единовременныя. Единовременными расходами (по инструкціи 1849 г. § 4) признаются новыя общественныя постройки и капитальныя перестройки городскихъ зданій, покупка недвижимыхъ имуществъ, пособія постороннимъ вѣдомствамъ и пр.

По формѣ росписей и министерскимъ изданіямъ, единовременныя расходы раздѣляются на три категоріи.

1) *Расходы по городскому управленію*: въ росписи подъ этою рубрикою значится: заготовленіе касокъ для пожарной команды, плата землемѣрамъ и топографамъ за съемку и таксацію городскихъ земель, расходы на чиновниковъ, командируемыхъ для мѣстныхъ изслѣдованій и нанимаемыхъ для приведенія въ порядокъ прежняго дѣлопроизводства и пр.;

2) *Расходы по строительной части*: постройка будокъ, дамбъ, замощенія вновь улицъ и пр.; вообще всѣ новыя городскія постройки и капитальныя поправки старыхъ;

4) *Расходы по другимъ городскимъ надобностямъ*, куда причисляются всѣ расходы, не подходящіе подъ обѣ приведенныя выше категоріи.

Въ 1858 году расходы эти по росписямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

По городскому управленію	63,650 руб.	3,8%
По строительной части	1,199,796	> 72,9
По другимъ надобностямъ	380,513	> 23,1

Итого чрезвычайныхъ расходовъ 1,643,960 руб. 100%

Мы скажемъ два слова только о второй категоріи, какъ болѣе существенной. Города наиболѣе (больше 10,000 р.) израсходовавшіе въ 1858 году на постройки были:

Петербургъ	329,923
Москва	188,588
Рига	62,350
Архангельскъ	57,929
Кіевъ	47,855
Одесса	40,837
Рыбинскъ	27,163
Казань	25,594
Нижній-Новгородъ	17,581
Ростовъ	16,458
Нарва	13,806
Подольскъ	12,242
Керчь	12,754
Сухиничъ	11,259
Полтава	11,249

Итого . . . 873,588, т. е. 72,8% всей суммы.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ этихъ городовъ, за исключеніемъ шести послѣднихъ, остальные, въ таблицѣ о долгахъ (смот. ниже), занимаютъ самыя видныя мѣста. Что же это значить? что хотя потребности въ постройкахъ превышаютъ денежные средства города, но онѣ признаются крайне необходимыми и потому строятся на заемныя деньги, а сколько дохода города получаютъ съ своихъ построекъ— незнаемъ. Между тѣмъ города эти принадлежатъ къ самымъ значительнымъ въ Россіи, и потому ясно, что недостатокъ въ нихъ денежныхъ средствъ на необходимыя постройки зависитъ не отъ другого чего, какъ отъ поглощенія этихъ средствъ *обязательными* расходами. Между губернскими и уѣздными городами расходы на постройку распределяются слѣдующимъ образомъ:

Въ столицахъ и губернскихъ городахъ	858,683	72,7%
Въ уѣздныхъ городахъ	319,488	27,2%

Итого 1,178,171 100%

Изъ всей общей суммы на объ столицы приходится 578,511, т. е. 44%. Замѣчателенъ еще общій результатъ, что *стертые* города, рас-

полагающіе меньшими средствами, истратили на общественныя постройки болѣе южныхъ, сравнительно болѣе богатыхъ.

Правильное распредѣленіе городскихъ расходовъ повело бы естественно къ ихъ сокращенію: ибо часть лежащихъ въ настоящее время исключительно на городахъ расходовъ перешла бы тогда на земство. Но для того, чтобы города, употребляя собственныя свои средства, могли возвысить городское благоустройство, такого сокращенія расходовъ не достаточно, ибо мы видѣли, что въ настоящее время въ большинствѣ нашихъ городовъ на городское благоустройство не тратится *ничего*, или, какъ въ Колѣ, *три копѣйки*, и именно въ слѣдствіе ограниченности настоящихъ городскихъ доходовъ.

Въ такомъ случаѣ, остается помочь дѣлу *возмнѣніемъ доходовъ*. Возможно ли это, безъ отягощенія городскихъ обывателей, и если возможно, то какими именно средствами? Отвѣчать на этотъ вопросъ сравненіемъ бельгійскихъ доходовъ съ русскими мы не будемъ. Мы не принадлежимъ къ числу людей, думающихъ порѣшить это дѣло учрежденіемъ, напр., податей на собакъ по заграничному образцу, потому что такая подать существуетъ въ Англіи, во Франціи, въ Бельгійи и пр. Пробовали ее въ Пруссіи, но оставили, потому что она ничего не приносила; а во Франціи, послѣ перваго года,—она новела только къ сильному истребленію собачьяго рода и соразмѣрному пониженію доходности этого налога. Вообще въ каждой странѣ есть свои источники дохода, соотвѣтствующіе ея экономическому развитію, а учрежденіе новыхъ, по примѣру съ запада — тоже, что перенесеніе непримѣнимыхъ къ нашей почвѣ орудій: сломаются, а толку не будетъ! Вотъ, почему мы намѣрены въ слѣдующей статьѣ перейти прямо къ подробному анализу уже существующихъ у насъ городскихъ доходовъ.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМѢ ВЪ АНГЛІИ 1866 ГОДА.

Вопросъ о парламентской реформѣ въ Англіи. — Значеніе парламентской реформы 1832 года. — Чартистскія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — Проекты парламентскихъ реформъ, появившіяся послѣ 1848 года: проекты 1852, 1854, 1859 и 1860 годовъ. — Проектъ реформы, обсуждаемой въ настоящее время въ англійскомъ парламентѣ. — Отношеніе къ этому проекту рабочаго сословія различныхъ парламентскихъ партій.

Проектъ парламентской реформы, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ внесенъ на обсужденіе англійской палаты депутатовъ, и

историческій былъ отвергнутъ палатою послѣ трехъ-мѣсячной упорной борьбы изъ за него, не былъ явленіемъ случайнымъ: напротивъ, онъ находился въ самой тѣсной связи съ дѣльми рядомъ проектовъ, появившихся въ свѣтъ раньше его, но по разнымъ причинамъ не получавшихъ силу закона. Точно также и настоящее реформистское движеніе въ Англіи, направленное къ тому, чтобы произвести существенныя измѣненія въ парламентскомъ законѣ 1832 года, не есть явленіе случайное, и притомъ явленіе новое и принадлежащее исключительно только нашимъ днямъ: оно началось почти немедленно послѣ осуществленія парламентской реформы 32-го года, и не переставало проявляться съ тѣхъ поръ до нашихъ дней, обнаруживаясь съ большей или меньшей силою, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ или мягкихъ формахъ. Но именно вслѣдствіе разнообразія формъ, въ которыхъ проявлялось это движеніе въ разные времена и въ разныхъ слояхъ англійскаго общества, нѣкоторые не замѣчаютъ тѣсной внутренней связи между различными фазами этого движенія, и готовы видѣть, напр., въ чартистскихъ движеніяхъ конца тридцатыхъ годовъ и въ настоящемъ реформистскомъ движеніи въ Англіи, два явленія совершенно различнаго происхожденія, которыя не имѣютъ между собою ничего общаго; между тѣмъ какъ оба эти явленія происходятъ изъ одного и того же источника, и суть только различныя проявленія стремленія рабочихъ къ приобрѣтенію политическихъ правъ, посредствомъ которыхъ они надѣются достигнуть улучшенія общественнаго положенія своего. Но если движенія рабочихъ въ пользу избирательной реформы имѣютъ одно общее происхожденіе и одну общую цѣль, не смотря на различныя проявленія ихъ, то съ другой стороны часто стремленія и цѣли лицъ, повидимому, преслѣдующихъ одну общую цѣль въ стремленіи своемъ къ осуществленію какого либо проекта реформы, въ сущности весьма значительно разнятся между собою. Исторія парламентской реформы 1832 года показываетъ намъ, напр., что парламентскіе виги, парламентскіе радикалы и рабочія массы, отстаивавшіе всѣ вмѣстѣ реформу 32-го года противъ торіевъ и землевладѣльцевъ, и преслѣдовавшіе такимъ образомъ одну общую, ближайшую цѣль, стремились на самомъ дѣлѣ къ совершенно различнымъ конечнымъ цѣлямъ, которыхъ они надѣялись достигнуть посредствомъ достиженія ближайшей цѣли своей, т. е. посредствомъ осуществленія парламентской реформы. Тоже самое можно сказать и въ настоящее время относительно виговъ или парламентскихъ либераловъ, и радикаловъ или членовъ манчестерской партіи, и наконецъ опять таки относительно собственно рабочаго сословія. — Въ настоящей статьѣ нашей мы имѣемъ въ виду указать въ немногихъ словахъ на то, къ чему собственно стремятся различныя партіи Англіи, добывающіяся парламентской реформы, и представить краткій очеркъ реформист-

скаго движенія Англіи, начавшагося вскорѣ послѣ 1832 года, и продолжающагося безъ перерывовъ до настоящаго времени; при этомъ намъ придется касаться содержанія главныхъ проектовъ реформъ, представленныхъ англійскому парламенту въ теченія послѣднихъ 15—16 лѣтъ; при этомъ мы намѣрены остановиться долѣе на судьбѣ послѣдняго проекта реформы, представленнаго въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года г. Гладстономъ, и павшаго подъ ударами оппозиціи въ засѣданіи палаты 18 іюня. 7-го іюня 1832 года окончилась въ Англіи борьба за парламентскую реформу, продолжавшаяся болѣе 10 лѣтъ, и окончилась, какъ извѣстно, побѣдой сторонниковъ реформы. Борьба по поводу парламентской реформы была не столько борьбою націи противъ короны, сколько борьбою среднихъ и низшихъ классовъ англійскаго народа съ англійскою аристократіею: поэтому исходъ ея не имѣлъ почти никакого вліянія на отношенія центральной власти къ представителямъ націи, но имѣлъ за то очень важное вліяніе на дальнѣйшія отношенія между собою высшихъ и среднихъ классовъ Англіи. До реформы 1832 года, многіе изъ городовъ Англіи, и притомъ города весьма значительные, или вовсе не имѣли права посылать представителей въ парламентъ, такъ какъ они еще вовсе не существовали въ тѣ далекія, историческія времена, когда города получили эту привилегію; или же число посылаемыхъ ими въ парламентъ представителей вовсе не было соразмѣрно съ населеніемъ ихъ. Напротивъ, нѣкоторые города, сдѣлавшіеся съ теченіемъ времени незначительными мѣстечками, посылали въ парламентъ по одному, по два и болѣе представителей, только потому что они въ прежнія времена пользовались этимъ правомъ. Кромѣ того, населеніе маленькихъ городовъ и мѣстечекъ зависѣло обыкновенно отъ мѣстнаго крупнаго земельнаго владѣтеля, который по своему вліянію на населеніе этихъ мѣстечекъ могъ раздарить или продать парламентскія мѣста по своему благоусмотрѣнію. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстечекъ было не болѣе 100, иногда даже не болѣе 50 жителей, пользовавшихся правомъ голоса, да и тѣ часто находились въ услуженіи у мѣстнаго землевладѣльца-аристократа. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ отношеній было то, что подъ-конецъ изъ 513 депутатовъ, посылаемыхъ въ парламентъ Англіей и Валлісомъ, не болѣе 70 членовъ были назначаемы помимо вліянія мѣстныхъ аристократовъ. Эти и подобныя тому злоупотребленія при выборахъ давали торіямъ возможность располагать постоянно значительнымъ большинствомъ въ палатахъ, не смотря на то, что управленіе ихъ было въ большей части случаевъ въ высшей степени ненавистно странѣ. Эти-то злоупотребленія торіи отстаивали съ замѣчательнымъ упорствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ; противъ этихъ-то злоупотребленій направлены были въ теченіе многихъ же лѣтъ усилія тѣхъ, которые желали положить конецъ ис-

ключительному преобладанію англійской аристократіи въ пользованіи законодательной властью въ странѣ. Парламентскою реформою 1832 года преобладанію этому нанесенъ былъ чувствительный ударъ, и злоупотребленія эти, если не совершенно уничтожены, то значительно уменьшены. Главнымъ результатомъ парламентской реформы 1832 года было то, что съ этихъ поръ судьба выборовъ зависѣла не отъ однихъ только крупныхъ землевладѣльцевъ, но въ значительной степени также отъ вліянія среднихъ классовъ; вслѣдствіе этой перемены промышленныя провинціи сѣвера и запада Англій получили большее значеніе сравнительно съ земледѣльческими провинціями юга и востока. Число парламентскихъ представителей осталось прежнее (658 для трехъ соединенныхъ королевствъ); но распредѣленіе ихъ по графствамъ и городамъ и условія выбора ихъ значительно измѣнились. У 56 маленькихъ мѣстечекъ (такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ, rotten boroughs) вовсе отнато было право посылать представителей въ парламентъ, а 30 другихъ мѣстечекъ должны были посылать впредь по одному представителю въ парламентъ вмѣсто прежнихъ двухъ; зато право посылать по два депутата въ парламентъ даровано было городамъ, которые до сихъ поръ вовсе не имѣли представителей въ парламентъ (въ томъ числѣ были города Манчестеръ, Бирмингемъ, Лидсъ, Шеффилдъ, и др.); 20 другихъ городовъ получили право посылать въ парламентъ по одному депутату. Въ городахъ право голоса получили всѣ граждане, которые владѣли домомъ, приносящимъ 10 ф. ст. ежегоднаго дохода, или которые платили за наемъ дома такую же сумму; этимъ же правомъ пользовались въ городахъ всѣ тѣ, которые платили налоги съ домовъ, съ оконъ, и налоги въ пользу бѣдныхъ. Число представителей графствъ тоже было измѣнено согласно съ тогдашней численностью населенія ихъ; право голоса въ графствахъ получилъ всякій, который владѣлъ пожизненною собственностью, приносящей не менѣе 10 ф. ст. чистой ренты (такъ называемые freeholders), или кто пользовался на правахъ фермера собственностью, приносящей не менѣе 50 ф. ст. ренты; до реформы 1832 года избирательнымъ правомъ въ графствахъ пользовались только пожизненные земельные владѣтели, а фермеры были совершенно исключены отъ него. Число избирателей во всемъ Великобританскомъ королевствѣ было увеличено вслѣдствіе парламентской реформы 1832 года приблизительно на одинъ миллионъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ главные результаты знаменитой парламентской реформы 1832 года. Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о послѣдующихъ реформистскихъ движеніяхъ въ Англій, слѣдуетъ предварительно рассмотретьъ, изъ кого состояли ряды бойцовъ, которые боролись съ торіями для осуществленія этой реформы, и разрѣшить вопросъ о томъ, были ли у всѣхъ этихъ бой-

новъ одинаковыя стремленія, и могли ли поэтому одинаково удовлетворить ихъ всѣхъ результаты одержанной ими побѣды.

Въ числѣ бойцовъ за парламентскую реформу были троякаго рода люди, вступившіе въ временной между собою союзъ для достиженія одной общей цѣли. Во первыхъ, парламентской реформы желали *они*, наскучившіе долгимъ бездѣйствіемъ во время управления торійскихъ министерствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ почти безъ всякихъ перерывовъ со времени окончанія наполеоновскихъ войнъ. Для предводителей виговъ, для Греевъ, Росселей, и т. д., которые такъ усердно хлопотали о проведеніи билля парламентской реформы, тутъ конечно не могло быть и рѣчи о соблюденіи интересовъ среднихъ и низшихъ классовъ на счетъ высшихъ классовъ. Для нихъ дѣло просто шло о томъ, чтобы при помощи новаго избирательнаго закона, котораго они будутъ творцами и защитниками, вырвать власть изъ рукъ торіевъ и упрочить ее за собою. Другого смысла ихъ дѣятельность не могла имѣть, да никто въ Англіи никогда не придавалъ имъ иного смысла; и если бы даже кто нибудь вздумалъ придавать иное значеніе ихъ дѣятельности относительно парламентской реформы, то они дальнѣйшими своими дѣйствіями весьма скоро разубѣдили бы всякого въ такомъ заблужденіи его. Во вторыхъ, въ пользу парламентской реформы энергически агитировали промышленные, буржуазные *средніе классы*, классъ фабрикантовъ, крупныхъ ремесленниковъ, купцовъ, банкировъ, и т. д. Этотъ классъ, который съ конца XVIII и съ начала XIX столѣтія получилъ въ странѣ особенное развитіе и значеніе, вслѣдствіе замѣтнаго усиленія промышленной жизни въ Англіи, съ завистью смотрѣлъ на то, что законодательная власть въ странѣ, вслѣдствіе средневѣковнѣйшихъ преданій и обычаевъ, сосредоточивается исключительно въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Средніе классы поэтому поставили себѣ задачей добиться того, чтобы участіе въ законодательствѣ было раздѣлено между ними и высшимъ землевладѣльческимъ классомъ, и чтобы въ вопросахъ законодательныхъ, близко касающихся ихъ личныхъ интересовъ, они могли тоже имѣть рѣшающій голосъ, и не были вынуждены представлять разрѣшеніе этихъ вопросовъ исключительно только классу землевладѣльческому, часто весьма дурно понимающему интересамъ промышленности. Всѣ послѣдующія дѣйствія новыхъ законодателей изъ среднихъ классовъ, въ томъ числѣ и знаменитая агитация въ пользу отмены хлѣбныхъ законовъ, имѣла главнымъ образомъ въ виду добиться удешевленія производства, для того, чтобы облегчить англійской промышленности конкуренцію съ промышленностями всѣхъ прочихъ странъ. Наконецъ, въ третьихъ, въ пользу парламентской реформы агитировали также и *низшіе классы* Англіи, массы городского рабочаго населенія. Когда науперивъ въ Англіи усилился въ ужасающихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, когда

неудались сдѣланныя англійскими рабочими вскорѣ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ попытки къ улучшенію своего политическаго и соціальнаго положенія путемъ насилія и восстаній (первыя чартистскія движенія, заговоры и восстанія Гунта, Тистльвуда, и другихъ)—тогда массы англійскихъ рабочихъ рѣшились искать улучшенія своего положенія въ расширеніи политическихъ правъ своихъ; тогда рабочія массы тоже начали обращаться къ привилегированнымъ законодателямъ Англій съ требованіями относительно парламентской реформы, въ которой они надѣялись найти средство къ измѣненію плачевнаго своего соціальнаго положенія. Люди, которымъ необходима была поддержка массъ для своихъ цѣлей, воспользовались этимъ настроеніемъ англійскаго пролетаріата, и организовали въ средѣ его сильное движеніе въ пользу парламентской реформы. Во всей странѣ происходили реформистскіе митинги; въ парламентъ подавались прошенія о реформѣ, подписанныя иногда сотнями тысячъ именъ; министрамъ и вліятельнѣйшимъ членамъ палаты, благопріятствовавшимъ реформѣ, дѣлались различныя оваціи, а главнымъ противникамъ реформы народныя массы шумными демонстраціями выказывали свое неодобреніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшено было отказывать въ уплатѣ податей до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ билль о реформѣ, и т. д. Однимъ словомъ, броженіе въ народныхъ массахъ было сильное, и агитація ихъ въ пользу парламентской реформы дѣйствительно была не незначительна. Но странно было выводить изъ этого факта то заключеніе, будто массы англійскихъ рабочихъ, англійскіе промышленники и партія виговъ дѣйствовали въ этомъ вопросѣ съ одинаковою цѣлью, стремились къ одинаковымъ результатамъ, и стали бы дѣйствовать на достиженіи перваго результата своихъ усилій въ одинаковомъ смыслѣ. Виги стремились къ тому, чтобы захватить въ свои руки власть исполнительную; промышленники стремились къ тому, чтобы, захвативши въ свои руки долю законодательной власти, употребить ее для возможнаго удешевленія производства, а рабочіе классы надѣялись получить тоже нѣкоторое участіе въ управленіи, и употребить это свое вліяніе на улучшеніе соціальнаго положенія рабочихъ классовъ Англій (что не только не равносильно, но часто даже диаметрально противоположно удешевленію производства, котораго добивалась буржуазія). Борьба шла между вигами и торіями о томъ, которой изъ этихъ двухъ партій быть партией правительственной или оппозиціонной; между денежною и родовою аристократіей, между капиталистами и крупными землевладѣльцами, борьба шла о томъ, кому изъ нихъ имѣть большее вліяніе въ законодательствѣ. Рабочимъ же классамъ приходилось вникать изъ горячей зои капитаны для виговъ и для среднихъ классовъ, потому что завоеванная съ ихъ помощью у аристократіи и у торіевъ парламентская реформа послужила только на пользу партіи виговъ,

державшей послѣ этого болѣе чѣмъ въ теченіи 10 лѣтъ правительственную власть въ своихъ рукахъ, и на пользу промышленниковъ, которые получили съ этихъ поръ широкій доступъ въ парламентъ, и которымъ удалось провести тамъ многіе законы, способствующіе къ удешевленію производства, въ томъ числѣ и невыгодный для аристократовъ законъ объ отгнѣнъ хлѣбной пошрины.

Въ первое время, послѣ того какъ билль о парламентской реформѣ получилъ силу закона, рабочіе классы, вмѣстѣ съ вигами и промышленниками, торжествовали этотъ результатъ многолѣтней борьбы своей, какъ великую побѣду. Но заблужденіе ихъ продолжалось не долго: уже два года спустя послѣ созданія закона о парламентской реформѣ, первый парламентъ избранный въ силу этого новаго закона, доказалъ рабочимъ классамъ, что участіе промышленной и денежной аристократіи въ законодательствѣ приносятъ рабочимъ классамъ немного болѣе пользы, нежели исключительное участіе въ немъ аристократіи родовой и земельной. Изданный въ 1834 году законъ о бѣдныхъ, и другія подобныя мѣры, разочаровали рабочихъ на счетъ столь горячо поддерживаемой ими реформы, и доказали имъ, что, добиваясь этой реформы, средніе классы преслѣдовали исключительно только свои узкосословные интересы. Когда рабочіе замѣтили, что, не смотря на сильное расширеніе избирательнаго права, нижняя палата въ сущности мало измѣнилась въ характерѣ дѣятельности членовъ ея, они весьма скоро забыли о томъ, съ какою энергіей они поддерживали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ агитацію въ пользу парламентской реформы. Они теперь съ новымъ жаромъ ухватились за ученіе о государствѣ и объ отношеніи между собою различныхъ сословій въ государствѣ, въ томъ видѣ какъ ученіе это исходило отъ той части англійскихъ радикаловъ, которые въ новѣйшей исторіи Англій извѣстны подъ именемъ чартистовъ. Уже въ первые годы послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, крайніе радикалы въ англійскомъ обществѣ поняли необходимость произведенія значительныхъ политическихъ и социальныхъ реформъ въ строѣ англійскаго общества: но въ то время они искали средствъ къ совершенію этихъ реформъ въ физической силѣ, въ мѣрахъ насилія, въ открытыхъ бунтахъ и возмущеніяхъ рабочихъ; при подобномъ образѣ дѣйствій они не могли имѣть ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Горькій опытъ показалъ имъ и рабочимъ, что посредствомъ возмущеній, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать почти что голыми руками противъ хорошо вооруженныхъ солдатъ, они ничего не добьются. Поэтому руководители рабочихъ рѣшили перемѣнить тактику: они стали заботиться о приобрѣтеніи для рабочихъ классовъ политическихъ правъ, и вообще объ отысканіи средствъ къ болѣе мирной, но въ то же время и болѣе дѣйствительной борьбѣ съ господствующими классами. Средства эти должны были состоять въ ор-

ганизации рабочих домовъ, торговых союзовъ, стачекъ, а также въ осуществленіи широкой парламентской реформы, которая дѣлала бы рабочихъ участниками въ законодательствѣ. Поэтому они согласились не только не противиться, но напротивъ даже содѣйствовать осуществленію парламентской реформы 1832 года, которая хотя исходила не отъ нихъ, а отъ умѣренныхъ либераловъ, однако могла служить, по ихъ мнѣнію, первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ реформамъ. Послѣ первыхъ законодательныхъ мѣръ новаго парламента, избраннаго въ силу избирательнаго закона 1832 года, радикалы однако опять возобновили свою агитацію въ рабочихъ классахъ Англіи, агитацію, которая должна была повести къ приобрѣтенію англійскими рабочими гораздо болѣе обширныхъ политическихъ правъ, нежели тѣ, которыя соглашались дать имъ родовая и денежная аристократія. Уже три года спустя послѣ совершенія парламентской реформы, въ Англіи образовался обширный союзъ рабочихъ, который названъ былъ сначала, радикальнымъ союзомъ, а потомъ союзомъ рабочихъ людей (*Radical association and Working men's association*). Союзъ этотъ въ первые годы своего существованія былъ не слишкомъ многочисленъ; но, начиная съ 1838 года, онъ принялъ болѣе обширные размѣры. Въ этомъ году, въ Бирмингемѣ созванъ былъ большой митингъ рабочихъ. На этомъ митингѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ радикаловъ, Лоуэттъ, предложилъ собравшимся членамъ союза рабочихъ шесть пунктовъ, которые должны были лечь въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ требованій ихъ относительно реформъ въ политическомъ устройствѣ страны. Эти шесть пунктовъ, которые являются первой попыткой, сдѣланной послѣ 1832 года, къ поколебанію основъ выстроеннаго въ томъ году парламентскаго зданія, состояли въ слѣдующемъ: совершенное уничтоженіе избирательнаго ценза, введеніе въ Англіи *всеобщей подачи голосовъ*, введеніе тайной подачи голосовъ, ежегодное возобновленіе парламента (вмѣсто существующаго 7 лѣтняго періода), раздѣленіе страны на избирательные округа по числу населенія, и вознагражденіе депутатовъ. Вскорѣ послѣ принятія этихъ шести пунктовъ на бирмингемскомъ митингѣ, союзъ рабочихъ людей созвалъ въ Лондонѣ собраніе всѣхъ сочувствующихъ требованіямъ, изложеннымъ въ шести пунктахъ, и желающихъ содѣйствовать осуществленію этихъ требованій. Это собраніе состоялось подъ именемъ Национальнаго конвента въ началѣ 1839 года, и продолжалось около шести мѣсяцевъ. Въ этомъ собраніи обнаружилось, что англійскіе радикалы распались на двѣ части: одни желали, по примѣру Гунта и Тистльвуда, стремиться къ осуществленію требованій рабочихъ при помощи физической силы (*physical-force men*); другіе же желали стремиться къ тѣмъ же результатамъ при помощи моральной силы (*moral-force men*). Первые изъ нихъ соста-

или из своей среды комитетъ, который долженъ былъ организовать всеобщее возстаніе рабочихъ въ Англіи; главные роли при этомъ были распределены между руководителями всего этого движенія. Наконецъ, въ концѣ 1839 г., возстаніе рабочихъ вспыхнуло въ южномъ Валлисѣ: 8,000 инсургентовъ, подъ предводительствомъ Фроста, Уильямса и Джонса, напали на городъ Ньюпортъ, но были въ скоромъ времени обращены въ бѣгство регулярными войсками и милиціей; предводители возстанія приговорены были къ пожизненной ссылке, и эта новая попытка английскихъ рабочихъ силой добиться дарованія имъ политическихъ правъ не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ результатовъ.

Гораздо важнѣе была мирная агитація, поднятая другою частью английскихъ радикаловъ для доставленія рабочимъ политическихъ правъ. Национальной конвентъ, созванный въ 1839 году въ Лондонѣ, рѣшилъ обратиться къ парламенту съ прошеніемъ, въ которомъ его просили исполнить требованія, изложенныя въ такъ называемой народной *чартіи*. (Отсюда и произошло названіе *чартистовъ*, которымъ, въ отличіе отъ парламентскихъ радикаловъ изъ манчестерской партіи, стали обозначать съ этихъ поръ тѣхъ крайнихъ радикаловъ, которые признавали необходимымъ исполненіе требованій, изложенныхъ въ народной чартіи 1839 года; именемъ же *радикаловъ* въ английскомъ парламентѣ стали называть представителей интересовъ среднихъ классовъ, которые идутъ нѣсколько далѣе выговъ по пути либерализма, какъ наприимѣръ, Брайтъ, Мильнеръ Джибсонъ, и имъ подобныя.) Народная чартія, въ томъ видѣ какъ она утверждена была лондонскимъ конвентомъ 1839 года, состояла изъ 39 статей, въ которыхъ, сверхъ вышеупомянутыхъ уже шести пунктовъ, предъявлялись еще разныя другія требованія, имѣвшія въ виду интересъ рабочихъ классовъ, какъ-то уменьшеніе податей, введеніе налога на доходъ, отмену изданнаго въ 1834 году закона о бѣдныхъ, и т. д. Въ іюлѣ 1839 г., английскому парламенту подано было прошеніе английскихъ чартистовъ. Оно было покрыто 3,317,702 подписями, и его привезли въ парламентъ на нѣсколькихъ повозкахъ, за которыми шли нѣсколько десятковъ тысячъ лондонскихъ чартистовъ. Въ этомъ прошеніи не было никакихъ восвешенныхъ призывовъ рабочаго населенія къ насилію и безпорядкамъ, никакой угрозы противъ собственности: въ немъ излагались только требованія широкой парламентской реформы, и указывалось на нѣкоторыя мѣры, которыя въ состояніи были облегчить положеніе рабочаго населенія Англіи. Но парламентъ не сумѣлъ оцѣнить сравнительной умѣренности требованій чартистовъ (требованій дѣйствительно умѣренныхъ сравнительно съ требованіями предводителей возстаній рабочихъ въ 1817, 1819 и 1839 годахъ), и не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Прошеніе чартистовъ было

отвергнуто въ парламентѣ большинствомъ 235 голосовъ противъ 48; да кромѣ того, нѣкоторые изъ предводителей умѣренныхъ чартистовъ (Джуэть, Колинсъ) были арестованы, а сборища чартистовъ разогнаны при помощи вооруженной силы. Такимъ образомъ, и мирная попытка чартистовъ произвести дальнѣйшія измѣненія въ парламентской реформѣ 1832 года не удалась. Но эта первая неудача не обескуражила ихъ, и чартистское движеніе въ Англіи продолжалось въ теченіе всѣхъ сороковыхъ годовъ. Въ это время, чартисты усилились какъ въ числѣ своемъ, такъ и по своему значенію. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ Лондонѣ было болѣе 200,000 чартистовъ, а въ 370 городахъ Англіи ихъ насчитывалось нѣсколько милліоновъ; и послѣ 1839 года парламенту еще нѣсколько разъ были подаваемы прошенія чартистовъ, покрытыя милліонами подписей. Для того, чтобы не подвергаться неудачамъ, испытаннымъ около двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, чартисты тщательно старались придать своей агитаціи исключительно политическій характеръ, и уплатить все, что могло придать ей характеръ социалистическій; поэтому предводители чартистовъ высказались, напримѣръ, неодобрительно о новомъ возстаніи рабочихъ, всплкнувшемъ въ началѣ сороковыхъ годовъ въ промышленныхъ округахъ Англіи, и отказали ему въ своей поддержкѣ. За то они и получили возможность явиться въ исторіи Англіи вліятельной политической силой, которая преслѣдуетъ свои собственные интересы совершенно самостоятельно и независимо отъ среднихъ классовъ: такъ, они помогли торіямъ низвергнуть министерство виговъ, и за то въ свою очередь пользовались поддержкой торіевъ въ агитаціи своей противъ закона о бѣдныхъ. Во время движенія въ пользу свободы торговли и отмены хлѣбныхъ законовъ, чартизмъ на время отступилъ на задній планъ, такъ какъ рабочія массы увлечены были пріятной перспективой дешевой цѣны хлѣба, и не поняли, что первымъ послѣдствіемъ отмены хлѣбныхъ законовъ будетъ пониженіе заработной платы, и что такимъ образомъ эта преимущественно англійская фри-тредерами мѣра принесетъ пользу собственно не рабочему населенію, а фабрикантамъ и промышленникамъ, тѣмъ называемымъ въ Англіи коттонлордамъ. Но за то съ началомъ февральской революціи 1848 года, и послѣдовавшихъ вслѣдъ за нею революцій на различныхъ мѣстахъ европейскаго материка, чартистское движеніе въ Англіи получило новую силу, и чартисты съ удивительнымъ усиліемъ начали домогаться распространенія политическихъ правъ на массу англійскихъ рабочихъ. Въ Бермингемѣ, Шеффилдѣ, Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ опять стали происходить многочисленныя собранія чартистовъ. На 10 апрѣля, въ Лондонѣ, снова собранъ былъ національный конвентъ ихъ, который долженъ былъ продолжаться до 15 апрѣля; целью его было составленіе и представленіе парламенту ко-

вой петиціи, въ родѣ той, которая была представлена ему въ 1839 году, и которая въ то время не имѣла никакого успѣха. Этотъ конвентъ состоялся въ назначенное время, не смотря на запрещенія правительства. Въ первый же день собранія конвента рѣшено было представить парламенту новую петицію съ изложеніемъ требованій рабочихъ, и притомъ представить ее не черезъ депутацію, а цѣлою массою, составлявшею конвентъ. Правительство (въ то время первымъ министромъ былъ лордъ Джонъ Россель) опасалось, что эта подача петиціи можетъ повести къ такой же уличной борьбѣ, свидѣтельницами которой недавно были многія изъ европейскихъ столицъ; поэтому оно заблаговременно приняло мѣры предосторожности, усилило число войскъ въ столицѣ, привело къ присягѣ 12,000 новыхъ, специальныхъ констеблей. Но все обошлось благополучно: подача парламенту петиціи, покрытой на этотъ разъ 5,760,000 подписей, не сопровождалась никакими беспорядками или сценами насилія; вслѣдствіе позднѣйшихъ совѣтовъ предводителей чартистовъ, массы рабочихъ отказались даже сопровождать повозки, на которыхъ везли петицію, до парламентскаго зданія. Это новое прошеніе-монстръ имѣло и на этотъ разъ тѣ же самые результаты, какъ и первая, подобныя же прошенія: предъявленныя въ немъ требованія были отвергнуты огромнымъ большинствомъ голосовъ. Послѣ успокоенія волненія, вызваннаго въ Англіи континентальными революціями, чартисты опять отступили на нѣкоторое время на задній планъ.

Но если чартистскія движенія 1838, 1839, 1842 и 1848 годовъ и не привели ни въ какихъ прямыхъ результатахъ, если они и не повели къ тому, чтобы рабочіе классы Англіи получили немедленно тѣ политическія права, которыхъ они домогались, то все таки нельзя отрицать серьезнаго значенія всѣхъ этихъ движеній, возбужденныхъ чартистами. Эти движенія, въ которыхъ принимали участіе миллионы рабочаго, и преимущественно городского рабочаго населенія Англіи, показывали самымъ яснымъ образомъ, что рабочія массы, такъ усердно содѣйствовавшія осуществленію реформы 1832 года, нисколько не были удовлетворены практическими результатами этой реформы и настойчиво требовали болѣе радикальной реформы. Можно было не признавать въ равной мѣрѣ основательными всѣ ихъ требованія; можно было находить, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ требованій они заходили слишкомъ далеко, и что интересы прочихъ сословій не дозволяютъ исполненія этихъ требованій. Но нельзя было отрицать того факта, что недовольство рабочихъ массъ реформой 1832 года проявляется самымъ недвусмысленнымъ образомъ, что требованіе измѣненія ея въ смыслѣ распространенія политическихъ правъ на рабочихъ раздается все громче и громче; нельзя было не прийти къ тому заключенію, что если не открыть спасительнаго клапана, то

усилившиеся въ рабочихъ классахъ, вслѣдствіе неисполненія требованій ихъ, броженіе угрожало опаснымъ взрывомъ. Все это были факты, которыхъ нельзя было не признать, хотя долгое время высшіе и средніе классы и пытались не признавать ихъ. Консерваторы и торіи враждебныя самому принципу реформы, виги и представители интересовъ среднихъ классовъ (такъ называемая манчестерская партія), которые были весьма довольны реформой 1832 г., вполне обеспечивавшей ихъ интересы, долгое время отрицали серьезный характеръ чартистскаго движенія, подсмѣивались надъ нимъ, старались представить его движеніемъ искусственно-раздутымъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ же лѣтъ существованія новаго парламентскаго устройства, между главными виновниками его, вигами и промышленниками съ одной стороны, и рабочими съ другой стороны, обнаружилось весьма серьезное разногласіе относительно достоинства этой реформы: то, что одни считали удовлетворительнымъ и законченнымъ, то другіе признавали въ высшей степени неудовлетворительнымъ и недостаточнымъ. Одни готовы были остановиться на созданномъ въ 1832 году парламентскомъ строѣ, если не на всегда, то весьма на долго, считая этотъ строй весьма близкимъ къ совершенству; другіе же требовали немедленнаго пересозданія этого строя. Не смотря на стараніе первыхъ уменьшить значеніе рабочихъ движеній тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, не смотря на желаніе ихъ игнорировать эти движенія, факты стали однако, наконецъ, такъ краснорѣчивы, что дальнѣйшее игнорированіе ихъ было бы безуміемъ. Факты эти должны были доказать всякому англичанину, который только не былъ пораженъ политической близорукостью, что увѣренія творцевъ реформы 1832 года, на счетъ совершенной оконченности ея, не совсѣмъ справедливы. Среди болѣе благоразумной и не ослѣпленной части англійскихъ среднихъ классовъ стало вкореняться убѣжденіе, что, хотя англійское государственное зданіе и устояло противъ урагана 1848 года, однако не мѣшало бы приняться за изысканіе средствъ, которыми можно бы предупредить повтореніе подобнаго урагана. Хотя они сами и были вполне довольны реформой 1832 года, однако стали понимать, что при усиливающемся въ рабочихъ массахъ движеніи противъ этой, реформы, рано или поздно можетъ дойти до того, что столь любезное имъ политическое зданіе 1832 года будетъ разрушено до основанія, и что тогда они будутъ уже не въ состояніи поддержать его и сохранить его отъ разрушенія. Поэтому они рѣшились изъ двухъ золъ выбрать меньшее, и лучше допустить, даже самимъ произвести въ некоторыя измѣненія въ парламентскомъ законѣ 1832 года, нежели дожидаться того, что онъ будетъ совсѣмъ испровергнутъ. Такимъ образомъ, мы, начиная съ 1849 и 1850 года и до нашихъ дней, видимъ цѣлый рядъ реформистскихъ проектовъ и попытокъ, исходящихъ отъ представи-

телей англійскихъ промышленниковъ (парламентскихъ радикаловъ и манчестерской партіи), отъ парламентскихъ либераловъ или виговъ, и даже отъ парламентскихъ консерваторовъ или торіевъ. Но, рассматривая всѣ эти попытки и проекты, нужно постоянно имѣть въ виду одно, а именно, что всѣ они стремятся собственно къ тому, чтобы отвлечь рабочіе классы отъ реформистскаго движенія, несогласнаго съ видами и интересами настоящихъ господствующихъ классовъ Англіи. Нужно имѣть въ виду, что и во всѣхъ позднѣйшихъ реформистскихъ попыткахъ рабочіе классы, поддерживавшіе иногда эти попытки, и высшіе и средніе классы, бравшіе реформистское движеніе въ свои руки, преслѣдовали собственно, какъ и въ 1832 году, совершенно различныя цѣли, и что поэтому удовлетворительнаго и окончательнаго разрѣшенія вопроса о пользованіи рабочимъ сословіемъ политическими правами отъ всѣхъ этихъ попытокъ невозможно ожидать. Во всѣхъ попыткахъ и проектахъ, о которыхъ мы говорили ниже, ясно проглядываетъ желаніе высшихъ и среднихъ классовъ дать рабочимъ *minimum* политическихъ правъ, и сохранить въ своихъ рукахъ *maximum* политической власти въ странѣ. Низшіе же классы Англіи, классы рабочіе, имѣли, въ народной партіи 1839 года, такую твердую и ясно опредѣленную политическую программу, осуществленіе которой должно было казаться имъ единственной прочной гарантіей улучшенія ихъ дѣйствительно бѣдственнаго положенія. Эта программа ихъ такъ значительно разнилась отъ *minimum*'а уступокъ, который предлагали имъ господствующіе классы въ теченіе пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, что во всякомъ компромиссѣ рабочихъ съ прочими классами можно видѣть только отсрочку окончательнаго разрѣшенія вопроса о политическомъ положеніи рабочихъ классовъ въ странѣ, а никакъ не окончательное разрѣшеніе этого вопроса. Осуществленіе парламентской реформы на тѣхъ основаніяхъ, которыя предлагались въ 1852, 1859, 1860 г., которыя, наконецъ, предлагаются теперь, въ 1866 году, можетъ повести только къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ повела реформа 1832 года, т. е. къ временному перемирію, къ временному прекращенію стремленій рабочихъ, добывающихся политическихъ правъ. Всякую дѣлаемую имъ теперь уступку рабочіе принимаютъ только *въ счетъ* дальнѣйшихъ приобрѣтеній своихъ. Эту двойственность стремленій—рабочихъ классовъ съ одной стороны, и прочихъ, господствующихъ, въ настоящее время, классовъ Англіи, съ другой стороны, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи новѣйшихъ реформистскихъ движеній въ Англіи; двойственность эту, обнаружившуюся между прочимъ и въ движеніи 1832 года, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду даже тогда, когда, повидимому, между рабочими и средними классами господствуетъ полное согласіе въ реформистскихъ стремленіяхъ ихъ.

Уже вскорѣ послѣ 1848 года, самые благоразумные и дальновидные изъ политическихъ людей Англїи, представлявшихъ интересы среднихъ классовъ, начали толковать о томъ, что послѣ отстраненїя безумныхъ и неумѣренныхъ притязаній, предъявленныхъ чартистами въ апрѣлѣ 1848 года, можно было безбоязненно, и даже должно было приняться за исправленіе незначительныхъ недостатковъ реформы 1832 года; они доказывали также, что нельзя не обратить вниманїя на справедливыя притязанія той части англійскихъ рабочихъ, которые въ 1849 и 1850 году стояли на той же степени благосостоянїя и развитїя, на которой въ 1832 году стояли ремесленники и лавочники. Дѣло дошло даже до того, что парламентскіе радикалы изъ манчестерской партїи составили подъ предводительствомъ Кобдена союзъ реформы. Одинъ изъ членовъ этого союза, Юмъ, внесъ въ началѣ 1849 года въ парламентъ предложеніе о расширенїи избирательнаго права, о введенїи трехъ-годичнаго (вмѣсто семигодичнаго) срока для существованїя парламентовъ, о введенїи тайной подачи голосовъ, о перемѣнахъ въ распредѣленїи парламентскаго представительства. Виги, подъ предводительствомъ перваго-министра Росселя, энергически возстали противъ этихъ требованій: результатомъ происшедшихъ по этому поводу парламентскихъ преній было то, что радикальная парламентская партїя окончательно отдѣлилась отъ партїи виговъ, и что предложеніе Юма, противъ котораго соединились теперь виги и консерваторы, было отвергнуто большинствомъ 351 голоса противъ 84. Два года спустя, депутатъ Лок-Кингъ попытался расширить избирательное право для сельскаго населенїя, предложивши ввести для избирателей въ графствахъ одинаковый цензъ съ городскимъ населенїемъ, т. е. цензъ въ 10 ф. стер. арендной платы (вмѣсто опредѣленнаго закономъ 1832 года ценза въ 50 ф. ст.). Это предложеніе было принято палатою. Тогда и виги, и самъ Россель убѣдились въ томъ, что настало время произвести нѣкоторыя измѣненїя въ зданїи, построенномъ въ 1832 году, и сдѣлавшимся слишкомъ тѣснымъ для настоящаго времени. Во первыхъ, лордъ Россель не хотѣлъ, чтобы эти перемѣны и перестройки въ любимомъ его творенїи совершены были чужими руками; а принятіе предложенїя Лок-Кинга показало, что это нешрѣмѣнно случится, если онъ по прежнему упорно будетъ противиться всякимъ передѣлкамъ въ законѣ 1832 года; онъ рѣшилъ, что если передѣлки необходимы, то лучше онъ самъ ихъ сдѣлаетъ, и не поустытъ постороннихъ портить его юношеское созданіе. Во вторыхъ же, онъ видѣлъ, что отпаденіе отъ виговъ радикальной партїи сильно ослабило либеральную партїю въ парламентѣ, и дало перевѣсъ торїямъ, поэтому у него явилось желаніе войти въ компромиссъ съ радикалами, и опять сплотить обѣ фракціи либеральной парламентской партїи. Поэтому онъ еще въ 1851 году, нѣсколько дней послѣ при-

нтя предложенія Лок-Кинга, объявилъ парламенту, что министерство займется въ скоромъ времени вопросомъ о необходимыхъ переи́мънахъ въ парламентскомъ представительствѣ. Дѣйствительно, въ началѣ 1852 года, министерство Росселя внесло въ парламентъ свой билль о реформѣ. Съ одной стороны, оно предлагало болѣе справедливое распредѣленіе парламентскаго правительства, которое должно было состоять въ томъ, что мѣстечки, имѣвшія менѣе 5,000 жителей, лишились права посылать представителей въ парламентъ; съ другой же стороны, оно предлагало понизить въ городахъ цензъ съ 10 на 5 ф. стер. наемной платы, и дать право голоса въ графствахъ тѣмъ, которые платятъ 20 ф. ст. арендной платы за землю (вмѣсто 50 ф. ст. по закону 1832 года), и которые получаютъ 5 ф. ст. (вмѣсто 10) налогу съ пожизненной поземельной собственности; кромѣ того, правомъ голоса долженъ былъ пользоваться всякій, кто два года сряду платилъ по 2 ф. ст. прямыхъ налоговъ въ пользу государства. Это предложеніе не удовлетворило никого изъ противниковъ министерства: торіи видѣли въ немъ опасную уступку демократическимъ требованіямъ и явную опасность для существованія государства; радикалы же нашли ее неполною, потому что они не находили въ ней тайной баллотировки и сокращенія сроковъ существованія парламентовъ. Нѣсколько недѣль послѣ внесенія этого билля, прежде еще нежели было приступлено ко второму чтенію его, соединеннымъ усиліямъ торіевъ и сторонниковъ Пальмерстона, разсорившагося въ это время съ Росселемъ, удалось низвергнуть министерство Росселя по одному изъ вопросовъ иностранной политики, и вмѣстѣ съ Росселемъ палъ и его проектъ парламентской реформы.

Министерство Дерби-Дизраэли, смѣнившее въ 1852 году министерство Росселя, просуществовало не долго, и мѣсто его скоро опять заняло министерство, въ которомъ лордъ Россель былъ министромъ (министерство Эбердина). Въ тронной рѣчи, которою открыты были засѣданія парламента въ первый разъ послѣ образованія этого министерства, обѣщано было представленіе проекта парламентской реформы: и дѣйствительно, въ 1854 году, лордъ Россель внесъ въ парламентъ четвертый свой билль о парламентской реформѣ (первый билль 1822 года былъ отвергнутъ, второй 1832 года прошелъ, третій 1852 года не дожилъ до второго чтенія). Что касается измѣненія въ избирательныхъ округахъ, то проектъ 1854 года шелъ значительно далѣе проекта 1852 года: 19 избирательныхъ мѣстечекъ, послывшихъ въ парламентъ 29 депутатовъ, совершенно лишены были, по незначительности числа жителей своихъ, этого права; 33 другихъ мѣстечка должны были посылать въ парламентъ по одному депутату вмѣсто двухъ; освобожденныя такимъ образомъ 62 парламентскихъ мѣста распредѣлены были между большими городами и графствами.

Избирательный цензъ въ городахъ опредѣленъ былъ въ 6 ф. стер. (вмѣсто 10 фунт. по закону 1832, и 5 ф. по проекту 1852 года); въ графствахъ цензъ опредѣленъ былъ въ 10 ф. ст. (вмѣсто 50 по закону 1832, и 20 по проекту 1852 года). Кромѣ того, по этому проекту избирателемъ могъ быть всякій, кто получалъ годовой доходъ въ 100 фунт., кто получалъ въ годъ 10 ф. дивидентовъ и процентовъ по акціямъ и государственнымъ бумагамъ, кто платилъ 2 фунта прямыхъ налоговъ, кто имѣлъ вклады въ 50 фун. въ сберегательныхъ кассахъ, и кто имѣлъ наконецъ университетскую степень. Торіи по прежнему видѣли въ этомъ весьма умѣренномъ проектѣ демократическія тенденціи, и предсказывали, что если онъ только осуществится, то мутныя воды охлократіи разольются по избирательнымъ округамъ Англіи. Радикалы и манчестерцы готовы были принять и поддержать эту мѣру, какъ временной компромиссъ. Но тутъ началась великая восточная война, въ которой Англія приняла столь дѣятельное участіе; однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій этой войны было то, что этотъ новый планъ реформы, предложенный Росселемъ, отложенъ былъ въ сторону вмѣстѣ съ опасеніями консерваторовъ и съ надеждою радикаловъ.

Лордъ Пальмерстонъ не только никогда не былъ ревностнымъ сторонникомъ какой либо парламентской реформы, но онъ, напротивъ, чувствовалъ всегда крайнее нерасположеніе ко всякимъ перемѣнкамъ и перестройкамъ въ зданіи англійской конституціи. Поэтому, смѣнивши въ 1855 году министерство Эбердина-Росселя, онъ въ слѣдующіе затѣмъ годы и не думалъ серьезно приниматься за дѣло парламентской реформы, завѣщанное Росселемъ министерству вѣговъ. Въ тронныхъ рѣчахъ, которыми открывались парламентскія сессіи, правда, три раза провозглашалось о необходимости реформы; но Пальмерстонъ нарочно все оттягивалъ это дѣло до тѣхъ поръ, пока въ 1858 году его министерство опять должно было уступить мѣсто торійскому министерству. Тогда-то европейскому политическому міру пришлось быть свидѣтелемъ весьма страннаго явленія—а именно того, какъ англійскіе торіи и консерваторы явились въ англійскомъ парламентѣ проводниками парламентской реформы. Если англійскіе радикалы и виги являлись передъ англійскій парламентъ и націю съ своими проектами реформы только для того, чтобы захватить реформистское движеніе въ свои руки и помѣшать народнымъ вождямъ изъ чартистовъ, — направлять рабочія массы къ требованію болѣе радикальныхъ политическихъ реформъ, то, со стороны консерваторовъ, странно было бы ожидать иныхъ видовъ при этомъ, какъ желаніе затормозить какую бы то ни было реформою хоть на нѣкоторое время реформистское движеніе въ націи. Они тоже стали понимать теперь, какъ манчестерцы и виги поняли 10 лѣтъ тому назадъ, что парламентская ре-

форма стала политической необходимостью. Поэтому, такіе законсѣ-
лые консерваторы, какъ Дерби и Дизраэли, рѣшились воспользоваться
временнымъ пребываніемъ своимъ у дѣлъ, для того чтобы дать этой
реформѣ направленіе какъ можно болѣе благопріятное интересамъ
консерваторовъ и землевладѣльческой аристократіи. Во всѣхъ проек-
тахъ парламентскихъ реформъ дѣло шло о томъ, чтобы понизить из-
бирательный цензъ, и торіи поняли, что безъ пониженія избиратель-
наго ценза имъ не обойтись. Но большая разниа была въ томъ, по-
низить ли избирательный цензъ для городского населенія, въ кото-
ромъ собственно и гнѣзвился самый страшный пауперизмъ, и которое
поэтому было гораздо радикальнѣе въ своихъ требованіяхъ, или въ
сельскомъ населеніи, которое было гораздо консервативнѣе, и которое
можно было гораздо скорѣе склонить къ поддержкѣ политики господ-
ствующихъ классовъ. Торіи рѣшились воспользоваться консерватив-
нымъ настроеніемъ сельскаго населенія, и предполагали оставить изби-
рательный цензъ для городовъ неизмѣненнымъ сравнительно съ тѣмъ,
какимъ онъ былъ опредѣленъ въ 1832 году, т. е. въ 10 ф. стер. и
сравнить цензъ для городского и сельскаго населенія. Это была су-
щественная черта проекта реформы, предложеннаго въ 1859 году ми-
нистерствомъ Дерби-Дизраэли. Кромѣ того въ немъ были еще разныя
другія постановленія на счетъ лицъ, пользующихся избирательнымъ
правомъ: кромѣ тѣхъ изъ условій, дающихъ это право, которыя были
исчислены въ росселевскомъ проектѣ 1854 года, опредѣлено было, что
избирательнымъ правомъ пользуются всѣ духовныя лица, доктора,
швольные учителя, лица, состоящія по судебному вѣдомству, и т. д.

Противъ этого лицемѣрно-реформистскаго проекта возстали парла-
ментскіе радикалы, либералы, и даже нѣкоторые изъ членовъ консер-
вативной партіи, которые по разнымъ причинамъ были недовольны
проектомъ Дизраэли и поэтому вотировали противъ него. Лордъ Рос-
сель и его сторонники настаивали преимущественно на необходимости
понизить избирательный цензъ въ городахъ. Борьба по поводу про-
екта Дизраэли была упорная, и заняла не менѣе семи длинныхъ пар-
ламентскихъ засѣданій. Наконецъ, предложеніе торійскаго министер-
ства было отвергнуто большинствомъ 39 голосовъ. Дерби и Дизраэли
имѣли на столько храбрости, что рѣшились апеллировать къ странѣ;
но при господствующемъ въ низшихъ и среднихъ классахъ нераспо-
ложеніи къ торіямъ результатомъ этой апелляціи было то, что въ но-
вомъ парламентѣ оказалось еще болѣе противниковъ министерства,
нежели въ старомъ; министерству Дерби сдѣлано было формальное за-
явленіе недовѣрія, и оно принуждено было выйти въ отставку послѣ
14 мѣсячнаго управления (май 1859).

Такимъ образомъ, попытка торіевъ, прикинутъ сторонниками пар-
ламентской реформы, взять въ свои руки вопросъ о реформѣ, и дать

ему благоприятное для себя направление, потерпѣла полнѣйшее фіаско. Лорду Росселю, который опять занялъ мѣсто въ новомъ министерствѣ лорда Пальмерстона, еще разъ пришлось приняться за перестройку выстроеннаго имъ въ 1832 году зданія. 1-го марта 1860 года онъ опять внесъ въ парламентъ предложеніе о реформѣ (пятое по счету), которое однако значительно разнилось отъ его же предложеній 1852 и 1854 года. Заразился ли онъ отъ торіевъ боязнью относительно усиленія демократическихъ элементовъ въ парламентѣ, или онъ уступилъ внушеніямъ своего премьера Пальмерстона, который чувствовалъ инстинктивную антипатію ко всякой парламентской реформѣ, или онъ боялся оттолкнуть болѣе радикальнымъ предложеніемъ умѣреннѣйшихъ изъ партіи виговъ, стоявшихъ ближе къ Пальмерстону, нежели къ нему — но только новый его проектъ былъ гораздо скромнѣе, нежели его же проектъ 1852 и 1854 годовъ, въ особенности въ той части его, которая касалась распредѣленія парламентскихъ мѣстъ. Ни одно мѣстечко не лишено было окончательно право посылать въ парламентъ представителей своихъ, и только 25 меньшихъ мѣстечекъ должны были посылать впредь по одному (вмѣсто двухъ) представителей; свободныя мѣста распредѣлены были между 15-ю графствами и 10-ю большими городами; избирательный цензъ въ графствахъ былъ значительно пониженъ — съ 50 на 10 ф. ст., какъ того хотѣли и консерваторы; избирательный цензъ въ городахъ былъ пониженъ съ 10 на 6 ф. ст. (вмѣсто 5, какъ опредѣлялось въ проектѣ 1852 года); другихъ условій, дающихъ избирательное право, подобно тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ въ проектахъ 52, 54 и 59 годовъ, вовсе не было допущено. По предварительному исчисленію, этотъ законъ долженъ былъ увеличить число избирателей въ городахъ и мѣстечкахъ на 200,000 человекъ. Судьба этого новаго проекта лорда Росселя была въ высшей степени плачевна. По удачному выраженію одной изъ англійскихъ газетъ того времени, «онъ не погибъ геройскою смертью среди парламентской борьбы, подобно прошлогоднему проекту Дизраэли, но скончался такъ, какъ кончается иная плохая трагедія, которая не доигрывается до 5-го дѣйствія, потому что зрители и даже часть актеровъ уснули во время представленія ея.» Какъ только этотъ проектъ былъ представленъ, весьма многія изъ англійскихъ газетъ называли его мертворожденнымъ ребенкомъ. Болѣе радикальные изъ парламентскихъ членовъ, сторонниковъ реформы, въ родѣ Кобдена и Брайта, не чувствовали особеннаго расположенія къ этому проекту, вслѣдствіе крайней его умѣренности; съ другой стороны, противъ него возстали всѣ тѣ, которые или вовсе не желали реформы, или не желали ея именно въ это время. А этихъ послѣднихъ было не мало: многіе изъ только-что выбранныхъ членовъ парламента не желали такъ скоро подвергаться случайностямъ и издержкамъ новыхъ выборовъ, что счи-

талось необходимымъ, еслибы парламентъ утвердилъ новый избирательный законъ; къ тому же извѣстно было нерасположеніе лорда Пальмерстона къ реформѣ, и потому многіе изъ либеральныхъ членовъ палаты изъ личнаго расположенія къ нему не желали касаться вопроса о парламентской реформѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться у дѣла. Поэтому не только многіе изъ либеральныхъ членовъ палаты, но даже нѣкоторые изъ членовъ министерства не хотѣли заняться серьезно поддержаніемъ росселевского проекта, на который они стали смотрѣть, какъ на личное дѣло стараго лорда, которое министерство обязано поддерживать только изъ чувства приличія. Во время преній объ этомъ проектѣ, со стороны либеральной партіи неразъ раздавались голоса, утверждавшіе, что, даже съ либеральной точки зрѣнія, на избирательное право можно смотрѣть иначе, нежели какъ смотреть на него почтенный творецъ закона 1832 года. Рабочія массы, которыя держали себя довольно равнодушно относительно проектовъ 52 и 54 годовъ, выказали еще меньшее сочувствіе росселевскому проекту 1860 года, потому что онъ очень хорошо понимали, что этотъ проектъ еще менѣе удовлетворительнымъ образомъ, нежели прежніе проекты, разрѣшаетъ вопросъ о распространеніи на рабочіе классы политическихъ правъ. Такимъ образомъ, этотъ проектъ не нашелъ нигдѣ сильной поддержки, но не встрѣтилъ также и особеннаго сопротивленія со стороны торіевъ, которые понимали всю внутреннюю слабость его, и считали поэтому излишнимъ очень сильно хлопотать о его паденіи, вѣроятное и безъ того. Съ трудомъ и съ немалыми препятствіями были этотъ проектъ допущенъ ко второму чтенію въ палатѣ; спеціальная коммиссія палаты собиралась (хотя очень неохотно) приступить къ обсужденію отдѣльныхъ статей его — когда вдругъ какимъ-то незамѣтнымъ образомъ были этотъ вовсе исчезъ со сцены. Правительство взяло его назадъ, частью потому, что уже скоро пора было закрывать сессію (былъ уже конецъ іюня), частью потому, что оно само убѣдилось въ недостаткѣ живучести у новаго творенія лорда Росселя. Послѣ того въ теченіе пяти лѣтъ правительство уже не касалось этого вопроса, хотя впрочемъ въ тронныхъ рѣчахъ и было указываемо нѣсколько разъ на необходимость измѣненій въ законѣ о парламентскомъ представительствѣ. Лордъ Пальмерстонъ, дѣлавшійся все болѣе и болѣе популярнымъ между высшими и средними классами Англіи, упорно отклонялъ всякую мысль о реформѣ. Самъ Россель, которому тѣмъ временемъ пошелъ уже восьмой десятокъ лѣтъ, тоже убѣдился въ томъ, что онъ уже достаточно потрудился на своемъ вѣку на политическомъ поприщѣ, и надъ парламентскимъ зданіемъ Англіи въ особенности, и что ему теперь уже можно успокоиться и отдохнуть, оглянувшись съ самодовольствіемъ и благодарностью на пройденный имъ длинный путь. А съ себя онъ перенесъ это убѣжденіе на всю англійскую націю, и про-

внесъ осенью 1863 года свои знаменитыя слова, сдѣлавшіяся съ тѣхъ поръ уже на вѣки достояніемъ исторіи: Rest and be thankful (остановиться, отдохнуть съ благодарностью), который онъ отнесъ ко всей Англій. Гладстонъ и другіе изъ болѣе молодыхъ членовъ кабинета не приобрѣли еще на столько авторитета, чтобы явиться проводниками реформъ, помимо двухъ старыхъ предводителей своихъ. Американская война и ея вліяніе на коммерческую и социальную жизнь Англій, дипломатическія затрудненія, вызванныя сначала польскимъ возстаніемъ 1863 г. а потомъ датско-германской распрей — все это служило для министерства желанными поводами для того, чтобъ отстранять всякое предложеніе о парламентской реформѣ, подъ тѣмъ предлогомъ что она не у времени и не у мѣста. А предложенія эти возобновлялись не разъ послѣ 1860 года. Такъ напр., депутатъ Бэнсъ почти ежегодно возобновлялъ въ парламентѣ предложеніе свое о пониженіи въ городахъ избирательнаго ценза до 6 ф. ст., а депутатъ Беркели тоже ежегодно возобновлялъ свое предложеніе о введеніи при выборахъ тайной баллотировки. Были дѣлаемы и разныя другія предложенія въ томъ же смыслѣ (депутатами Лок-Кингомъ, Бильсомъ и другими); но результатъ всѣхъ этихъ предложеній былъ всегда одинаковъ: виги, слѣпо подчинявшіеся вліянію Пальмерстона, соединялись всегда въ подобныхъ случаяхъ съ консерваторами, и всякое предложеніе о реформѣ было отвергаемо значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Во всѣхъ перечисленныхъ нами выше проектахъ реформъ, начиная съ 1848 года, намъ приходилось разсматривать то, какъ относились къ этимъ проектамъ, и вообще къ вопросу о реформѣ, различныя парламентскія партіи, начиная отъ манчестерцевъ и парламентскихъ радикаловъ, и кончая самыми закорепѣлыми торіями. Но при этомъ намъ нигдѣ не приходилось встрѣчаться съ заявленіями желаній и требованій рабочихъ массъ: не смотря на то, что во всѣхъ проектахъ парламентской реформы дѣло шло преимущественно объ участіи рабочихъ въ выборахъ и въ законодательствѣ страны, мы не встрѣчаемъ съ ихъ стороны живого участія къ тому или другому изъ этихъ проектовъ, и не видимъ съ ихъ стороны никакихъ особенныхъ усилій для того, чтобы поддержать тотъ или другой изъ нихъ. Послѣ 1849 года, мы уже не встрѣчаемъ въ Англій той реформистской агитаціи, которую мы могли замѣтить въ ней съ 1835 до 1848 года; мы не находимъ уже ни національныхъ конвентовъ, ни петицій-монстровъ, никакихъ другихъ симптомовъ сильнаго политическаго броженія между рабочими. Съ 1849 до 1864 года въ реформистскомъ движеніи Англій наступаетъ замѣтное затишье. Нѣкоторые изъ противниковъ реформъ старались объяснить это затишье тѣмъ, что низшіе классы Англій совершенно довольны настоящимъ политическимъ устройствомъ Англій и не желаютъ ничего лучшаго, что они поэтому нимало не со-

чувствуютъ всякимъ реформистскимъ попыткамъ, и выводили изъ этого то заключение, что не существовало ни малѣйшей причины поднимать вопросъ о парламентской реформѣ въ Англии. Но эти объясненія и выводы были совершенно невѣрны и въ высшей степени неосновательны. Низшіе классы въ Англии, и въ особенности классъ городскихъ рабочихъ, такъ всецѣло предавшійся въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ чартистскому движенію, не могли вдругъ совершенно измѣнить политическихъ взглядовъ своихъ, превратиться вдругъ изъ недовольныхъ въ довольныхъ, не видѣвши исполненія своихъ требованій, и не получивши ни одного изъ тѣхъ правъ, которыхъ они добивались. Затѣмъ въ реформистскомъ движеніи среди низшихъ классовъ Англии объясняется весьма просто. Замѣтивши вскорѣ послѣ 1832 года, что столь сильно желанная ими и столь много хваленая имъ реформа не принесла собственно рабочимъ классамъ ни малѣйшей пользы, рабочіе усиленно принялись агитировать въ пользу такого политическаго устройства, которое обезпечивало бы и рабочимъ классамъ извѣстныя политическія права; они продолжали эту агитацію все время, пока высшіе и средніе классы твердили, что законъ 1832 года вполне удовлетворителенъ, и что новой реформы не нужно. Когда же послѣ 1848 года предводители важнѣйшихъ англійскихъ партій заговорили инымъ тономъ, и стали допускать необходимость болѣе или менѣе обширной реформы, чартистская агитація прекратилась, и англійскіе рабочіе стали ждать, что сдѣлаетъ парламентъ и различныя смѣнявшія другъ друга министерства для расширенія правъ ихъ. Рабочіе оказались очень терпѣливыми: они ждали болѣе 15 лѣтъ, не стараясь вліять на законодателей своихъ давленіемъ сильной реформистской агитаціи. Они относились къ различнымъ реформистскимъ проектамъ, если не равнодушно, то спокойно. Они не старались поддерживать ихъ сильною агитаціею въ ихъ пользу, потому что не могли не находить, что проекты эти не вполне соотвѣтствуютъ ихъ желаніямъ, и что всѣ они сильно разнятся отъ программы, изложенной въ народной хартіи 1839 года. Но они не агитировали также противъ этихъ реформъ, и не отказывались отъ нихъ окончательно, потому что они считали каждую изъ нихъ хоть однимъ небольшимъ шагомъ впередъ по пути къ осуществленію народной хартіи. Въ такомъ спокойно ожидательномъ положеніи рабочіе классы держались, какъ мы замѣтили уже выше, до начала 1864 года. Въ это время, въ отношеніи ихъ къ вопросу о парламентской реформѣ, произошла замѣтная перемѣна, и агитація въ пользу парламентской реформы началась съ возобновленною силою. Эта перемѣна въ поведеніи рабочихъ классовъ была вызвана съ одной стороны упорнымъ сопротивленіемъ Пальмерстона приступить къ какой бы то ни было реформѣ, и явнымъ провозглашеніемъ имъ того мнѣнія, что не нужно никакой реформы (чего въ

1859 году не дѣлало даже министерство Дерби - Дизраэли, прикиды-вавшееся, хотя для виду, сторонникомъ реформы); съ другой стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ показалось, будто они нашли себѣ преданнаго и надежнаго союзника въ самомъ англійскомъ министерствѣ, а именно въ лицѣ Гладстона, занимавшаго въ министерствѣ Пальмерстонъ - Россель мѣсто министра финансовъ.

Неожиданное заявленіе Гладстона о необходимости широкой парламентской реформы, сдѣланное имъ года два тому назадъ, произвело въ свое время чрезвычайно сильное впечатлѣніе, хотя послѣдующія событія и показали, что ему никакъ не слѣдовало придавать того черезъ чуръ уже важнаго значенія, которое ему придавали въ началѣ. Заявленіе это сдѣлано было по поводу новаго повторенія предложенія денутата Бэнса, предлагавшаго понизить избирательный цензъ въ городахъ. Это предложеніе, какъ и многія другія подобныя имъ, было отвергнуто палатою; но во время преній о немъ Гладстонъ произнесъ рѣчь, въ которой высказался въ пользу распространенія на рабочихъ избирательнаго права, и притомъ высказался объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что многіе увидѣли въ его словахъ чуть-ли не требованіе всеобщей подачи голосовъ, составляющей, какъ извѣстно, первое и самое важное изъ требованій чартистовъ. Замѣтивши, что и по его мнѣнію для правительства еще не наступило время предложить на обсужденіе палаты билль о реформѣ, Гладстонъ объявилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ предложенію Бэнса о распространеніи избирательныхъ правъ на рабочихъ. «Намъ говорятъ, сказалъ онъ между прочимъ, что рабочіе не желаютъ реформы и ни мало не заботятся о томъ, чтобы имъ даны были политическія права; и въ подтвержденіе этого увѣренія указываютъ на отсутствіе волненія среди рабочихъ классовъ. Но неужели мы должны ждать волненія? Не лучше ли предупредить его разумными законодательными мѣрами? Недавно депутація рабочихъ объявила мнѣ относительно парламентской реформы, что въ послѣднее время рабочіе не принимали участія въ вопросахъ, касающихся законодательныхъ реформъ, потому что они имѣютъ полное довѣріе къ палатѣ общинъ; но что несправедливо было бы выводить изъ этого то заключеніе, будто они не интересуются вопросомъ о реформѣ.... Я вполнѣ увѣренъ, что рабочіе классы вовсе не расположены смотрѣть на себя, какъ на какое-либо отдѣльное сословіе, и держаться особо. Напротивъ, они склонны слѣдовать за лицами высшихъ классовъ, довѣряться имъ и полагаться на нихъ; они готовы избирать своими представителями тѣхъ изъ образованныхъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, которые умѣли снискать довѣріе и уваженіе ихъ.... Нынѣшняя избирательная система проводитъ рѣзкое различіе между самыми низшими изъ среднихъ и самыми высшими изъ низшихъ классовъ. Это не сообразно ни съ разсудкомъ, ни съ справедливостью: не-

возможно утверждать, чтобы низшіе слои средних классов и гдѣли какое-нибудь превосходство надъ высшими слоями рабочихъ классовъ; я увѣренъ, что рабочіе не употребили бы во зло избирательное право, если бы оно было даровано имъ.» Преобладающимъ характеромъ впечатлѣнія, произведеннаго въ Англіи этою рѣчью Гладстона, было удивленіе: но у большинства членовъ палаты, органовъ прессы, высшихъ и среднихъ классовъ, удивленіе это соединялось съ негодованіемъ, а у меньшинства же депутатовъ, публицистовъ, капиталистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у большинства рабочаго населенія, это чувство удивленія соединялось съ чувствомъ радости. Даже многие изъ товарищей Гладстона по министерству, какъ-то Пальмерстонъ, Кларендонъ, Грей, высказались очень неодобрительно о томъ, что Гладстонъ такъ смѣло перешелъ Рубиконъ; не мало упрековъ пришлось Гладстону выслушать за то, что онъ «пустился въ погоню за демократическими утопіями», что онъ «сдѣлался приверженцемъ жалкаго французскаго изобрѣтенія *suffrage universel*,» и т. д. Съ другой стороны, Брайтъ провозглашалъ, что Гладстонъ пошелъ дальше его самого по вопросу о реформѣ.

Рабочіе разныхъ мѣстностей посылали къ нему адреса, въ которыхъ благодарили его за то, что онъ въ лицѣ своемъ далъ рабочимъ такого сильнаго и способнаго адвоката. Собственно же говоря, и гнѣвъ, возбужденный рѣчью Гладстона въ однихъ, и живая радость, возбужденная ею въ другихъ, были не слишкомъ-то основательны, и во всякомъ случаѣ преувеличены. Гладстонъ вовсе не предлагалъ всеобщей подачи голосовъ, и вовсе не желалъ видѣть въ парламентѣ законодателей, принадлежащихъ собственно къ сословію рабочихъ. Онъ потому-то и предлагалъ распространить избирательныя права на часть рабочихъ, что считалъ болѣе зажиточную часть ихъ на столько развитою, что она не захочетъ произвести существеннаго измѣненія въ настоящемъ составѣ палаты, и пошлетъ въ нее не грубыхъ и невѣжественныхъ рабочихъ, а образованныхъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ и среднимъ классамъ; онъ потому-то и предлагалъ нѣсколько расширить политическія права рабочихъ, что не замѣчалъ болѣе у этихъ послѣднихъ присутствія буйныхъ и безпокойныхъ элементовъ, а находилъ въ нихъ напротивъ достаточно развитыя элементы консервативныя. Онъ точно также какъ Пальмерстонъ, Кларендонъ, Дерби и т. д. желалъ видѣть англійскія учрежденія неизмѣнными: но онъ расходился съ этими лицами только въ томъ, что на основаніи событій послѣднихъ лѣтъ считалъ рабочихъ достаточно проникнутыми консервативными наклонностями, между тѣмъ какъ тѣ все еще приписываютъ рабочимъ исключительно только разрушительныя и анархическія наклонности. Вся эта рѣчь Гладстона была вѣроятно ни что иное, какъ ловкій маневръ, посредствомъ котораго онъ захотѣлъ выдвинуться впередъ изъ среды своихъ товарищей, и обезпечить себѣ на будущее

время первенствующее мѣсто въ министерствѣ, заручившись для этого предварительно расположеніемъ рабочихъ массъ и парламентскихъ либераловъ. Онъ поэтому самъ чрезвычайно испугался того ложнаго толкованія, которое враги и друзья его придали его словамъ, и спѣшилъ отречься отъ значенія, приписываемаго имъ тѣми и другими. Издавши нѣсколько недѣль спустя рѣчь свою отдѣльной брошюрой, онъ снабдилъ ее предисловіемъ, въ которомъ объяснялъ, какъ слѣдуетъ понимать то, что онъ говорилъ; онъ изъяснялъ въ этомъ предисловіи сожалѣніе о томъ, что словамъ его дано такое ложное толкованіе, и главнымъ образомъ о томъ, что они произвели въ извѣстной партіи чрезмѣрныя надежды, которыя по всей вѣроятности не осуществятся.

Не смотря однакоже на то, что рѣчи Гладстона придано было въ началѣ слишкомъ важное значеніе, отъ котораго онъ самъ спѣшилъ отречься, рѣчь эта не осталась безъ важныхъ послѣдствій для реформистскаго движенія въ Англіи. Она заставила противниковъ реформы открыто и рѣзко высказаться противъ самаго принципа парламентской реформы; она заставила сторонниковъ и защитниковъ реформы энергичнѣе приняться за реформистскую агитацію; она обнадежила рабочихъ, и вообще оживила во всей Англіи реформистское движеніе, которое въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ дѣйствительно какъ будто дремало. Во время приготовленій къ парламентскимъ выборамъ, происходившимъ въ 1865 году, реформистское движеніе въ англійской націи еще болѣе усилилось. Многіе изъ кандидатовъ должны были объявить своимъ избирателямъ, что считаютъ парламентскую реформу необходимою, и обѣщать имъ воспользоваться первымъ представившимся имъ случаемъ, для того, чтобы хлопотать объ осуществленіи реформы. А такіе избирательные манифесты, какъ манифестъ извѣстнаго Дж. Ст. Милля, въ которомъ онъ высказывался не только въ пользу извѣстнаго расширенія избирательнаго права, но даже въ пользу всеобщей подачи голосовъ, распространенной даже и на женщинъ, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на ту часть населенія Англіи, которая уже болѣе 30 лѣтъ стремится къ пересозданію парламентскаго устройства въ Англіи. Такимъ образомъ, реформистское движеніе въ Англіи все болѣе и болѣе усиливалось въ теченіи 1864 и 1865 годовъ. Но друзья реформы не могли ожидать ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока во главѣ англійскаго правительства стоялъ упорный противникъ всякой реформы, лордъ Пальмерстонъ. Гладстонъ самъ объявилъ въ недавней рѣчи своей, произнесенной по поводу представленія имъ билля о реформѣ, что Пальмерстонъ былъ главнымъ препятствіемъ, стоявшимъ на пути ко всякой реформѣ. Какъ скоро Пальмерстонъ умеръ, и при управленіи дѣлами осталось министерство виговъ, во главѣ котораго стали Россель и Гладстонъ, то сдѣлалось очевидно, что, при господствующей во всей странѣ потреб-

ности въ реформѣ, вопросъ о парламентской реформѣ долженъ былъ выступить на первый планъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Можно было предвидѣть, что по вопросамъ внутренней политики однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго министерства будетъ то, что оно снова вступитъ на покинутый шесть лѣтъ тому назадъ путь перестройки зданія 1832 года. Очевидно было, что и для англійскаго правительства окончился періодъ покоя, неподвижности и самодовольнаго чувства благодарности, который Россель такъ восхвалялъ въ знаменитой своей рѣчи 1863 года. Очевидно было, что если Россель желалъ удержать въ своихъ рукахъ высшую власть въ странѣ, то ему приходилось подъ старость лѣтъ опять приниматься за то же дѣло, которымъ онъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ дебютировалъ въ своей политической карьерѣ. Еще тѣло покойнаго лорда Пальмерстона не было похоронено въ Вестминстерѣ, а уже Брайтъ торжествующимъ голосомъ провозглашалъ по всей странѣ, что наконецъ наступило время давно желаннаго прогресса, и что граждане, лишеныя политическихъ правъ, скоро дождутся политической эмансипаціи своей. Скоро появились нѣкоторые признаки того, что и правительство готовитъ уже матеріалъ для перестройки парламентскаго зданія. Скоро въ странѣ стало извѣстно, что въ первомъ же совѣтѣ министровъ, происходившемъ послѣ смерти Пальмерстона, и касавшемся внутреннихъ вопросовъ, рѣшено было заняться немедленно вопросомъ о реформѣ; и рѣшеніе это восторжествовало не смотря на то, что многіе изъ членовъ министерства Росселя (какъ-то Грей, Кларендонъ) сохранили унаслѣдованное имъ отъ Пальмерстона нерасположеніе къ реформѣ. Въ это же время рѣшено было, что вмѣсто лорда Росселя авторомъ и главнымъ защитникомъ билля явится на этотъ разъ Гладстонъ, котораго какъ бы обязывала къ этому рѣчь его, произнесенная въ 1864 году. Въ министерствѣ происходили также нѣкоторое время колебанія на счетъ вопроса, каковъ долженъ быть билль, который предполагалось внести въ палату, долженъ ли онъ быть неполнымъ или полнымъ, т. е. слѣдуетъ ли измѣнить только избирательный цензъ, или коснуться также и другихъ вопросовъ, какъ-то, распредѣленія парламентскаго представительства, способа подачи голосовъ, и т. д. Наконецъ, рѣшено было коснуться на первый разъ только избирательнаго ценза, и въ этомъ, какъ показали послѣдующія событія, заключалась великая ошибка со стороны Гладстона и Росселя.

Какъ скоро въ странѣ стало извѣстно, что министерство напрямъно явится передъ палатою съ своимъ биллемъ о реформѣ, немедленно началась сильная агитація ея враговъ и друзей, прежде даже нежели стали извѣстны главныя основанія предлагаемой реформы. Враги реформы и министерства немедленно стали совѣщаться о планѣ кампаніи, которую они откроютъ противъ правительственнаго про-

екта. Болѣе откровенные консерваторы хотѣли нападать на самый принципъ расширения избирательныхъ правъ націи, и доказывать бесполезность какой бы то ни было реформы; другіе же, вмѣстѣ съ Дизраэли, который уже въ 1859 году считалъ невозможнымъ возставать противъ самого принципа реформы, готовы были признать справедливую идею о расширеніи избирательныхъ правъ, но хотѣли нападать на частности ожидаемаго билля, и этимъ уничтожить его. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и рѣшено было дѣйствовать послѣ представленія билля согласно съ планомъ кампаніи, составленнымъ Дизраэли. Что же касается до радикальной партіи въ парламентѣ, то она, вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ Брайтомъ, рѣшилась не противиться биллю, даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ не вполнѣ соответствовалъ видамъ этой партіи, а, напротивъ, поддерживать его всѣми своими силами, какъ весьма важный первый шагъ къ дальнѣйшимъ, болѣе обширнымъ реформамъ. Къ такому же взгляду на ожидаемый билль члены этой партіи старались склонить и англійскихъ рабочихъ; съ этою цѣлью они еще съ конца прошлаго года принялись за весьма дѣятельную реформистскую агитацію въ странѣ, въ смыслѣ благопріятномъ будущему правительственному биллю. Абсолютные противники реформы опираются въ своихъ нападкахъ на самый принципъ реформы, преимущественно на то, что сама страна вовсе не желаетъ реформы, и что реформистская агитація есть явленіе совершенно искусственное, вызванное только видами и стараніями реформистовъ-теоретиковъ. Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что эти увѣренія далеко не справедливы, и что въ рабочихъ классахъ Англійи существуетъ сильное влеченіе къ приобрѣтенію политическихъ правъ, хотя влеченіе это и не высказывается теперь въ такихъ рѣзкихъ и громкихъ формахъ, какъ во время тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ націи реформистское движеніе было достаточно сильное, и оно, безъ сомнѣнія, было бы еще сильнѣе, если бы не охлаждалось заявленіями министерства. Такъ напр., когда къ Росселю являлись депутаціи отъ митинговъ рабочихъ, требовавшія распространенія избирательнаго права на всѣхъ рабочихъ безъ исключенія, Россель прямо объявлялъ имъ, что ихъ желанія замѣтно разнятся съ его собственными взглядами на этотъ предметъ; при этомъ онъ, правда, присовокуплялъ, что правительство готовить билль о реформѣ, и что оно надѣется удовлетворить всю страну, и создать въ немъ нѣчто, соответствующее желаніямъ всѣхъ партій. Такія обѣщанія относительно реформы, которая должна была удовлетворить всѣ партіи въ странѣ, не могли быть слишкомъ по сердцу англійскимъ рабочимъ, и не предвѣщали имъ ничего особенно хорошаго. Однако большая часть изъ многочисленныхъ, происходившихъ въ это время митинговъ рабочихъ, принимали революціи, согласныя съ совѣтами Брайта, Гюгса и дру-

гихъ парламентскихъ радикаловъ. Резолюціи эти клонились къ тому, чтобы поддерживать ту реформу, которую можно было получить при данныхъ обстоятельствахъ, въ надеждѣ, что благоразумный народъ съумѣетъ съ этими пріобрѣтеніями пойти далѣе; поэтому большая часть митинговъ постановляли отказываться въ своей поддержкѣ только такому проекту реформы, который не пойдетъ хоть на столько далеко, какъ росселевскій проектъ 1860 года. Даже лига для агитаціи въ пользу всеобщей подачи голосовъ рѣшила поддерживать покуда правительственный проектъ, предоставляя себѣ право возобновить свою агитацію послѣ принятія этого проекта.

Съ такимъ настроеніемъ сторонники и противники парламентской реформы готовились встрѣтить Гладстоновскій проектъ реформы, котораго ожидали къ самому началу сессіи. Въ тронной рѣчи, которой открыты были засѣданія парламента нынѣшняго года, сказано было, что парламенту представлены будутъ результаты изслѣдованія, производимаго относительно дѣйствующей нынѣ избирательной системы, и что тогда палату пригласятъ произвести въ системѣ этой необходимыя улучшенія. Вскорѣ послѣ того, когда депутатъ Клей предложилъ палатѣ распространить право голоса на всякаго англійскаго гражданина, умѣющаго читать, писать и считать, Гладстонъ совѣтовалъ палатѣ отклониться отъ преній касательно этого предложенія, потому что въ скоромъ времени правительство намѣрено представить свой собственный проектъ о реформѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначилъ 12-ое марта эпохой представленія палатѣ статистическихъ данныхъ, относящихся къ избирательному вопросу въ Англии, полученныхъ путемъ официальныхъ изслѣдованій, а также и своего проекта реформы въ избирательномъ законѣ. И дѣйствительно, въ назначенный день парламенту сообщены были и результаты статистическихъ изслѣдованій, произведенныхъ специальными комиссіями, согласно тому какъ было обѣщано въ тронной рѣчи, и Гладстоновскій проектъ реформы.

Въ обширномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ результаты изслѣдованій специальныхъ комиссій, приведено было множество цифръ, опредѣляющихъ численность избирателей въ городахъ и графствахъ Англии въ 1833 году, и въ настоящее время. Число избирателей въ городахъ увеличилось съ 1833 года до настоящаго времени отъ 242 до 514 тысячъ; и притомъ, число избирателей увеличилось на 26 процентовъ болѣе, нежели число городского населенія вообще, т. е. число избирателей увеличилось на 108 проц., между тѣмъ какъ городское населеніе умножилось только на 82 проц. Въ докладѣ комиссій указано на тройкую причину этого значительнаго увеличенія числа городскихъ избирателей: во 1-хъ, увеличеніе городского населенія вообще, во 2-хъ, увеличившееся благосостояніе городского населенія, и въ 3-хъ, возвышеніе цѣнъ на всѣ жизненныя потребности, въ томъ

числѣ и на квартиры, имѣющее непосредственное вліяніе на число избирателей, такъ какъ избирательное право обуславливается величиною наемной платы. Такимъ образомъ, въ теченіе 33 лѣтъ существованія настоящей избирательной системы, число городскихъ избирателей почти удвоилось, между тѣмъ какъ избирательная норма осталась неизмѣнною. Въ графствахъ число избирателей, при неподвижности избирательныхъ условій, возвысилось съ 380 до 542 тысячъ. Что же касается собственно городского рабочаго населенія, интересы и требованія котораго преимущественно имѣются въ виду въ настоящемъ фазисѣ парламентской реформы, то изъ представленнаго парламенту доклада явствуетъ, что въ настоящее время въ городахъ Англіи около 108 тысячъ рабочихъ занимаютъ квартиры, за которыя они платятъ не менѣе 10 ф. ст. годовой наемной платы, и что около 22 тысячъ пользуются избирательнымъ правомъ въ силу другихъ условій; такимъ образомъ, общее число избирателей изъ рабочаго класса простирается приблизительно до 130 тысячъ человекъ, что и составляетъ около 11 проц. общаго числа избирателей Англіи, и около 21 проц. общей цифры городскихъ избирателей. Далѣе, въ представленномъ палатѣ докладѣ находятся весьма интересныя исчисленія того, на сколько увеличилось бы число городскихъ избирателей при 9 фунтовомъ цензѣ, при 8 ф., при 7 ф. и т. д. до 4 фунтовъ. На основаніи этихъ точныхъ исчисленій и составленъ былъ проектъ реформы, предложенный Гладстономъ парламенту. Въ длинной рѣчи, которою онъ сопровождалъ представленіе проекта своего, Гладстонъ сначала вдался въ указанія на необходимость реформы, которая была сознаваема всѣми предшествовавшими министерствами, и о которой упоминаемо было въ шести тронныхъ рѣчахъ сряду. За тѣмъ онъ объяснялъ палатѣ, что настоящее министерство, при составленіи настоящаго своего проекта парламентской реформы, старалось извлечь пользу изъ всѣхъ ошибокъ и недостатковъ, которые замѣчены были въ прежнихъ проектахъ, а также изъ богатаго матеріала, доставленнаго правительству точными изслѣдованіями специальныхъ комиссій: при составленіи нынѣшняго проекта своего, оно постоянно старалось сообразоваться съ данными, полученными изъ трудовъ этихъ комиссій. «Такъ напр., объяснялъ Гладстонъ, въ началѣ имѣлось въ виду понизить избирательный цензъ въ городахъ съ 10 на 6 ф. ст., и я самъ считалъ это пониженіе возможнымъ. Но когда статистическія исчисленія показали, что тогда около половины городскихъ избирателей будутъ принадлежать къ рабочему классу, и что такимъ образомъ этому классу дано было бы преобладаніе на выборахъ, то товарищи мои указали мнѣ на опасность могущую произойти для англійскихъ учреждений отъ этого преобладанія одного класса, и посоветовали мнѣ отступить отъ 6 фунтоваго ценза; я долженъ былъ согласиться съ справедливостію

ихъ замѣчаній, потому что я самъ очень хорошо понимаю, что доставленіе преобладанія одному классу, никакъ не можетъ входить въ виды парламента». Главныя основанія проекта реформы, представленнаго Гладстономъ палатѣ 12 марта 1866, заключаются въ слѣдующемъ: относительно распредѣленія парламентскихъ мѣстъ въ немъ не сдѣлано было никакихъ измѣненій, и онъ касается только опредѣленія условій ценза для городовъ и графствъ. Въ городахъ избирательное право должно было принадлежать всякому, кто платилъ за занимаемую имъ квартиру семь фунт. ст. наемной платы, или кто владѣлъ домою, приносящимъ такую же сумму ежегоднаго дохода. Кромѣ того, избирательнымъ правомъ долженъ былъ пользоваться тотъ, кто занималъ часть дома, а также меблированны или немеблированны комбаты, за которыя онъ платилъ не менѣе 10 ф. ст. въ годъ (этого условія въ прежнихъ проектахъ реформы вовсе не было, такъ какъ въ нихъ цензъ опредѣлялся только наемною платою за цѣлыя дома); наконецъ, независимо отъ вышеприведенныхъ условій, избирательное право предлагалось дать тому, кто, въ теченіе двухъ лѣтъ, имѣлъ въ сберегательныхъ кассахъ не менѣе 50 ф. ст. Отъ пониженія избирательнаго ценза съ 10 ф. на 7 число городскихъ избирателей должно было увеличиться, по исчисленію Гладстона, на 144,000 человѣкъ; а вслѣдствіе послѣдующихъ двухъ условій къ этому числу присоединялось еще 60,000 новыхъ избирателей; такимъ образомъ, увеличеніе городскихъ избирателей въ городахъ простиралось бы, согласно проекту Гладстона, отъ 200 до 210 тысячъ. Въ графствахъ избирательный цензъ понижался съ 50 на 14 ф. ст. арендной платы; вслѣдствіе этого пониженія ценза число избирателей въ графствахъ должно было увеличиться приблизительно на 185,000 человѣкъ. Вообще же число избирателей въ Англіи, въ случаѣ если бы прошелъ проектъ Гладстона увеличилось бы почти на 400 тысячъ человѣкъ; изъ этого числа около половины принадлежало къ рабочимъ классамъ, а остальная половина къ нижнимъ слоямъ такъ называемыхъ среднихъ классовъ. Если присоединить эту цифру 400 тысячъ къ числу лицъ, пользующихся въ Англіи избирательнымъ правомъ согласно съ условіями закона 1832 года, то оказалось бы, что по новому закону избирательнымъ правомъ въ Англіи и Валлисѣ пользовались бы отъ 1,400,000 до 1,500,000 человѣкъ, что составляетъ около $\frac{1}{4}$ всего взрослого населенія страны; за тѣмъ еще цѣлыхъ $\frac{3}{4}$ населенія были бы лишены всякаго прямого вліянія на представительство страны.

Представляя проектъ свой, Гладстонъ самъ сознавалъ очень хорошо, что одни найдутъ его проектъ слишкомъ радикальнымъ, а другіе слишкомъ недостаточнымъ; онъ понималъ, что ожесточенные противники какой бы то ни было реформы назовутъ его проектъ благоприятнымъ для демократическихъ тенденцій, а что тѣ, которые ви-

дѣли въ немъ чуть ли не проповѣдника принципа всеобщей подачи голосовъ, найдуть его проектъ реформы крайне мизернымъ, такъ какъ онъ не шелъ даже такъ далеко, какъ росселевскіе проекты 1852, 1854 и 1860 годовъ. Но онъ объявилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, и по зрѣломъ соображеніи съ статистическими данными, онъ и товарищи его считаютъ возможнымъ именно только такой проектъ, что министерство готово защищать его до послѣдней крайности противъ всѣхъ нападеній, откуда бы они ни исходили, и что оно даже намѣрено пасть вмѣстѣ съ этимъ проектомъ. Дѣйствительно, съ самого начала преній о новомъ Гладстоновскомъ проектѣ реформы было очевидно, что правительству придется выдержать изъ за него жестокую борьбу. Дѣло въ томъ, что еслибы ему пришлось имѣть дѣло только съ открытыми врагами реформы, то ему нетрудно было бы одержать побѣду, и проектъ его прошелъ бы безъ особенныхъ затрудненій. Но кромѣ враговъ реформы, оно имѣло противъ себя многихъ ложныхъ друзей реформы, которые, не возставая противъ самого принципа реформы, старались однакоже сдѣлать всякую реформу невозможною посредствомъ разныхъ мелочныхъ придирокъ ко всякому представляемому проекту. Среди самаго лагеря виговъ образовалась довольно многочисленная партія, которая, оставаясь вѣрною преданіямъ, завѣщаннымъ ей Пальмерстономъ, примкнула къ партіи торіевъ, и старалась вмѣстѣ съ нею низвергнуть подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ правительственный проектъ реформы. Эта фракція виговъ, члены которой называемы были вигами-консерваторами, выказала свои враждебныя правительственному проекту наклонности, еще во время преній о допущеніи Гладстаповскаго билля до перваго чтенія. Одни изъ нихъ (Лоу, Горсменъ, Лэнгъ) возставали противъ самой идеи дарованія избирательнаго права грубымъ и невѣжественнымъ рабочимъ. Другіе (какъ напр. графъ Гросвеноръ, Кинглекъ, Готтъ и др.) признавали пользу парламентской реформы, но нападали на правительственный проектъ какъ на мѣру неполную, такъ какъ она касалась только вопроса о цензѣ, и не дѣлала ничего для разрѣшенія вопроса о распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ, и другихъ подобныхъ вопросовъ, касающихся избирательнаго закона. Итакъ, противъ реформы были всѣ торіи и часть виговъ, недовольныхъ правительственнымъ проектомъ, подъ предводительствомъ Лоу, Горсмана, Гросвенора. Безусловно стояли за Гладстоновскій билль министерская партія виговъ и часть радикаловъ изъ фракціи Брайта, который послѣ смерти Пальмерстона совершенно перешелъ на сторону министерства по всѣмъ главнымъ вопросамъ внутренней политики. Другая часть радикаловъ, вмѣстѣ съ депутатомъ Бэнсомъ, выражала сожалѣніе о томъ, что министерство не понизило ценза въ городахъ до 6 ф. ст., и не сочло нужнымъ произвести болѣе справедливое распредѣле-

нѣе парламентскихъ мѣстъ; они соглашались оказать поддержку правительственному проекту только подѣ тѣмъ условіемъ, что правительство не остановится на настоящей мѣрѣ своей, а постарается усовершенствовать ее дополнительными биллями. При такомъ положеніи парламентскихъ силъ исходъ борьбы за и противъ парламентской реформы былъ съ самаго начала очень сомнителенъ. Правда, первое чтеніе билля было допущено парламентомъ довольно скоро, безъ особенныхъ затрудненій; но дѣло въ томъ, что собственно торійская оппозиція и не принимала участія въ преніяхъ, предшествовавшихъ первому чтенію, рѣшившись произвести генеральное нападеніе на министерство только во время преній о допущеніи билля ко второму чтенію. Такимъ образомъ, легкость, съ которою министерство разрѣшило палатѣ первое чтеніе, еще не означала собственно, что министерство одержало побѣду съ своимъ проектомъ: предстояло еще провести билль черезъ самый важный законодательный фазисъ—черезъ второе чтеніе въ палатѣ, и тогда только мѣра эта могла имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ.

Пренія о допущеніи билля ко второму чтенію должны были начаться 12 апрѣля. Обѣ стороны старались употребить промежутокъ времени между первымъ и вторымъ чтеніемъ съ пользою для себя, собраться съ силами, и вообще приготовиться къ предстоящей серьезной борьбѣ. Дизраэли, какъ ловкій парламентскій боецъ, сразу замѣтилъ слабую сторону правительственнаго проекта, и во время предварительныхъ совѣщаній торійской партіи, предшествовавшихъ началу преній, обратилъ на нихъ вниманіе членовъ своей партіи. Онъ именно рѣшился оставить въ сторонѣ самый принципъ реформы, и воспользоваться только ошибкой Гладстона, представившаго вмѣсто полнаго проекта реформы только отрывочную мѣру, и рѣшился напасть на правительственный проектъ именно съ этой стороны. Онъ представилъ своимъ сторонникамъ, что подобный способъ представленія реформы по кускамъ, а не въ формѣ одного стройнаго цѣлаго, во 1-хъ, весьма опасенъ потому, что никто не можетъ при этомъ предсказать заранѣе, гдѣ наконецъ остановится реформа; и что, во 2-хъ, онъ неудобенъ потому, что предвѣщаетъ нѣсколько разъ къ ряду хлопоты и расходы новыхъ выборовъ. Поэтому, по его предложенію, собраніе консерваторовъ единогласно постановило, что не слѣдуетъ признавать удовлетворительнымъ никакого билля о реформѣ, въ которомъ бы вопросъ не былъ разрѣшенъ окончательно. Этой тактикой предводители торіевъ надѣялись склонить на свою сторону возможно большее число отщепенцевъ изъ лагеря виговъ, и послѣдствіямъ оправдали эту надежду ихъ. Съ своей стороны и сторонники министерства и реформы старались употребить съ пользою промежутокъ времени, остававшійся до окончательнаго рѣшенія судьбы Гладсто-

новскаго билля. Министерство обсуждало вопросъ, не слѣдуетъ ли ему уступить требованіямъ тѣхъ, которые желаютъ представленія полнаго билля, для того, чтобы этою уступкою отнять у противниковъ билля одинъ изъ главныхъ аргументовъ ихъ. Но Гладстонъ считалъ такую уступку унижительною для достоинства министерства, и рѣшено было защищать билль въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ. Особенно энергично заботились о поддержаніи билля радикалы изъ партіи Брайта: они старались склонить рабочія массы къ демонстраціямъ въ пользу настоящаго билля, подобной тѣмъ, которыми онъ поддерживали въ свое время билль 32 года.

Конечно, нельзя не признать того факта, что въ рабочихъ массахъ не замѣтно было той агитаціи и того живого интереса къ судьбѣ билля, который они проявляли въ 1832 году; (что конечно происходило отъ того, что Гладстонскій билль далеко не соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ, и возлагаемымъ ими на Гладстона послѣ 1864 года надеждамъ). Но хотя правительственный проектъ и не соотвѣтствовалъ надеждамъ и требованіямъ рабочихъ, и хотя онъ поэтому не возбуждалъ въ нихъ живого интереса или энтузіазма; однако, съ другой стороны, было бы ошибочно утверждать вмѣстѣ съ торіями и вигами-консерваторами, что рабочія массы Англій проявляютъ въ настоящее время полное равнодушіе къ парламентской реформѣ вообще. Различныя реформистскіе союзы, образовавшіеся между рабочими, нигдѣ не высказывались противъ правительственнаго проекта. Напротивъ, они довольно единодушно высказались въ пользу правительственнаго билля, такъ какъ они увѣрены были въ честныхъ намѣреніяхъ настоящаго министерства, и придавали его предложеніямъ совершенно иное значеніе, нежели напр. реформистскимъ предложеніямъ, сдѣланнымъ въ 1859 году Дизраэли. Даже сторонники всеобщей подачи голосовъ рѣшились, какъ мы замѣтили выше, прекратить на время свою агитацію, и поддерживать правительственный проектъ, предоставивши будущимъ законодателямъ вести дальше дѣло парламентской реформы. При такомъ взглядѣ рабочихъ массъ на правительственный проектъ, взглядѣ чуждомъ энтузіазма, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только не враждебномъ, но и благосклонномъ ему, попытки парламентскихъ радикаловъ въ родѣ Брайта, Вильза, Бэнса, Поттера и др., найти въ средѣ рабочихъ опору для правительственнаго проекта, не могли пропасть даромъ. Какъ только странѣ стала извѣстна опасность, угрожавшая биллю вслѣдствіе союза торіевъ и виговъ отщепенцевъ, въ разныхъ мѣстахъ королевства стали собираться многочисленныя и многочисленныя митинги, на которыхъ народныя ораторы высказывались почти всѣ въ томъ смыслѣ, что въ виду угрожавшей Гладстонскому проекту опасности, всѣ благомыслящіе граждане должны непременно поддерживать его, не смотря на частныя недостатки. Въ большей части ми-

тинговъ высказано было также сильнѣйшее неудовольствіе противъ тѣхъ членовъ либеральной партіи, которые пошли по слѣдамъ торіевъ и вмѣстѣ съ ними старались погубить только-что предложенный проектъ реформы. (Это гласное заявленіе неодобренія имѣло результатомъ, что нѣкоторые изъ либеральныхъ членовъ палаты, высказавшіеся вмѣстѣ съ гр. Гросвеноромъ противъ билля, по причинѣ неполноты его, опять присоединились къ министерской партіи: такъ поступили изъ болѣе извѣстныхъ членовъ палаты напр. Кинглекъ, Олифантъ, Готтъ). Другимъ результатомъ всѣхъ этихъ митинговъ было то, что, къ началу преній о второмъ чтеніи билля, въ палату представлено было множество петицій, благопріятныхъ правительственному проекту, и что такимъ образомъ у противниковъ реформы отнята была возможность опираться въ своихъ нападеніяхъ на билль на равнодушіе заинтересованныхъ въ этомъ биллѣ рабочихъ классовъ къ судьбѣ его.

12 апрѣля начались въ палатѣ депутатовъ пренія о биллѣ, и продолжались болѣе двухъ недѣль, такъ какъ голосованіе о томъ разрѣшить или не разрѣшить второе чтеніе билля происходило не ранѣе 27 апрѣля. Въ продолженіе пятнадцати-дневныхъ преній о биллѣ сказано было огромное количество рѣчей въ пользу билля и противъ него, преимущественно же противъ него. Всѣ эти рѣчи, даже тѣ, которыя произносились болѣе извѣстными ораторами палаты, отличались самымъ утомительнымъ однообразіемъ, такъ какъ все, что можно было сказать и противъ билля, и въ пользу его, сводилось къ весьма немногимъ словамъ: неполнота билля, опасность распространенія избирательнаго права на невѣжественныя массы—вотъ тѣ основныя мотивы, которые противники билля варіировали въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ на всевозможныя лады. На послѣднее изъ этихъ возраженій защитники билля въ свою очередь отвѣчали тѣмъ, что болѣе зажиточные изъ лицъ, принадлежащихъ къ рабочему сословію, уже достаточно развиты для того, чтобы ихъ можно было допустить къ участію въ выборахъ; къ тому же они доказывали, что новый законъ никакъ не можетъ повести къ существенному измѣненію состава палаты. На возраженія же, касающіяся неполноты билля, правительственные ораторы отвѣчали, что правительство потому не коснулось въ своемъ проектѣ распредѣленія парламентскаго представительства, что сомнѣвалось въ томъ, будетъ ли парламентъ имѣть возможность рассмотреть обѣ стороны этого вопроса въ одну сессію; но что въ случаѣ принятія правительственныхъ предложеній о цензѣ, министры не замедлятъ представить свои соображенія относительно способовъ разрѣшенія другой половины вопроса. Однимъ словомъ, Гладстонъ понялъ, какую важную ошибку онъ сдѣлалъ, представивши палатѣ только отрывочный проектъ реформы; но онъ не хотѣлъ немедленно же исправить свою ошибку, боясь, чтобы эта уступка требованіямъ оппозиціи

не показала трусостью со стороны министерства: онъ хотѣлъ, чтобы палата посредствомъ предварительнаго принятія отрывочнаго предложенія его, дала ему возможность отступить съ честью, а послѣ того онъ соглашался исполнить требованіе многихъ изъ противниковъ настоящаго проекта его, и дополнить, согласно съ желаніями ихъ, свой проектъ реформы. Итакъ, многочисленныя рѣчи, произнесенныя по поводу Гладстоновскаго проекта реформы, представляютъ однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же аргументовъ противъ проекта и въ пользу его; и это безконечное варіированіе однихъ и тѣхъ же, весьма немногочисленныхъ, аргументовъ было такъ утомительно, что подъ конецъ преній и палата и публика перестали интересоваться произносимыми за или противъ проекта рѣчами. Изъ болѣе извѣстныхъ ораторовъ, говорившихъ противъ проекта, можно назвать Гросвенора, Стэнли, Поля, Горсмэна, Бульверъ Литтона, Лэнга, Вальполя, и наконецъ двухъ главныхъ противниковъ реформы, Лоу и Дизраэли; изъ числа рѣчей защитниковъ оппозиціи наибольшее вниманіе обратили на себя рѣчи Дж. Милля, Фостера, Брайта, Бэнса, консерватора Гарвэ, и наконецъ членовъ министерства—Грей, Лейярда, Гёшена и самого Гладстона. Наконецъ, палата съ нетерпѣніемъ стала требовать прекращенія преній и голосованія о допущеніи билля ко второму чтенію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результата подачи голосовъ: въ началѣ преній, когда всѣ находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ демонстрацій, происходившихъ въ пользу билля, шансы на успѣхъ правительственнаго проекта казались довольно значительными; но съ продолженіемъ преній шансы эти все болѣе и болѣе уменьшались, и результатъ голосованія становился все болѣе и болѣе сомнительнымъ. Наконецъ, пренія были заключены, и 27 апрѣля приступлено было къ подачѣ голосовъ о допущеніи правительственнаго билля ко второму чтенію: въ пользу допущенія его оказалось 318 голосовъ, противъ допущенія—313 голосовъ. Такимъ образомъ, правительственный проектъ прошелъ черезъ второе чтеніе крайне незначительнымъ большинствомъ пяти голосовъ. Парламентскіе обычаи Англіи собственно требуютъ, чтобы министерство, получившее въ одномъ изъ весьма важныхъ вопросовъ, съ которыми оно само соединило свое существованіе, такое незначительное большинство голосовъ, подавало прошеніе объ отставкѣ. Поэтому самое объявленіе результата голосованія встрѣчено было въ палатѣ громкими рукоплесканіями со стороны оппозиціи, которая видѣла въ этомъ результатѣ скорѣе пораженіе, нежели побѣду министерства. И дѣйствительно, въ первое время послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ результатъ преній, въ странѣ господствовало убѣжденіе, что министерство, получивши такое незначительное большинство голосовъ, должно будетъ подать въ отставку. Само министерство нѣсколько дней какъ будто колебалось. Но въ совѣтѣ министровъ, про-

исходившемъ 30 апрѣля, Гладстонъ представилъ своимъ товарищамъ, что въ числѣ 313 членовъ, подавшихъ голосъ противъ правительственнаго проекта, многіе подали голосъ противъ правительства только потому, что они желали представленія полнаго проекта реформы; изъ этого онъ выводилъ заключеніе, что ихъ собственно нельзя считать противниками правительственнаго взгляда на дѣло реформы, и что поэтому въ сущности число членовъ, готовыхъ одобрить правительственный проектъ, гораздо значительнѣе, нежели 318 человекъ, лишь бы только было исполнено требованіе многихъ изъ нихъ относительно представленія полнаго билля. Поэтому онъ и не считалъ нужнымъ, чтобы министерство выходило въ отставку. Напротивъ, теперь, когда достоинство его соблюдено, когда большинство, хотя и весьма незначительное, высказалось въ пользу реформы даже въ томъ видѣ, какъ она была предложена министерствомъ, можно будетъ, не выходя въ отставку, снизить на требованія фракціи виговъ, требовавшей полнаго проекта реформы, и дополнить прежде внесенный билль постановленіями относительно новаго распредѣленія парламентскихъ мѣстъ.

Доводы Гладстона показались достаточно убѣдительными его товарищамъ по министерству, и рѣшено было не выходить въ отставку, а проводить билль чрезъ остальные законодательныя инстанціи, пополнивши его согласно желанію, выраженному палатою: это должно было послужить къ тому, чтобы снять маску съ ложныхъ друзей реформы, и чтобы отдѣлить тѣхъ, которые искренне желали реформы, только реформы полной, отъ тѣхъ, которые требовали полной реформы только въ той надеждѣ, что они этимъ требованіемъ сдѣлаютъ невозможною всякую реформу. Уже 1-го мая Гладстонъ объявлялъ палатѣ, что правительство не отступаетъ отъ своего билля, и что палатѣ въ скоромъ времени представленъ будетъ билль о новомъ распредѣленіи парламентскаго представительства, и о парламентской реформѣ въ Шотландіи и Ирландіи. И дѣйствительно, пять дней спустя билль этотъ былъ представленъ палатѣ. Этотъ новый проектъ Гладстона не лишалъ окончательно ни одного изъ городовъ Англіи, посылающихъ въ настоящее время представителей въ парламентъ, этого права ихъ. Только нѣкоторые изъ городовъ этихъ, имѣющихъ отъ 8,000 до 15,000 жителей и посылающихъ теперь по два представителя, должны были послать впредь по одному депутату; кромѣ того, болѣе сорока городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ менѣе 8,000 душъ, должны были впредь составлять, согласно географическому положенію своему, 16 избирательныхъ группъ, изъ которыхъ каждая будетъ заключать въ себѣ отъ 15 до 20 тысячъ душъ, и которые будутъ послать по одному или по два члена въ парламентъ. Изъ полученныхъ вслѣдствіе этого измѣненія 49 вакантныхъ парламентскихъ мѣстъ, 29 распредѣлены будутъ между графствами, а 20 между большими городами (Манчестеръ,

Бирмингемъ, Ливерпуль и Лидсъ должны были имѣть каждый по 3 представителя вмѣсто прежнихъ двухъ). Проектъ избирательной реформы для Шотландіи совершенно схожъ съ таковымъ же проектомъ для Англій и Валліса, т. е. тамъ устанавлился цензъ въ 7 ф. ст. для городовъ, и 14 ф. ст. для графствъ; для болѣе бѣдной Ирландіи правительство предлагало установить цензъ въ 6 ф. для городовъ и въ 12 ф. для графствъ. Наконецъ, Гладстонъ объявилъ, что правительство будетъ настаивать на томъ, чтобы палата непременно окончила это дѣло въ нынѣшнемъ же году, даже еслибы для этого понадобилось продлить сессію дольше обыкновеннаго, или еслибы палатѣ пришлось, послѣ двухъ-мѣсячнаго отдыха, собраться въ октябрѣ мѣсяцѣ въ чрезвычайную сессію.

Радикалы должны были найти этотъ дополнительный билль правительства еще болѣе умѣреннымъ, нежели билль относительно пониженія избирательнаго ценза; но согласно съ принятымъ имъ заранѣе рѣшеніемъ, они и теперь рѣшились поддерживать предложеніе правительства, и принять его въ счетъ дальнѣйшихъ уступокъ.—Что касается до торійской партіи, то самымъ законсѣлымъ консерваторамъ трудно было бы найти въ этомъ проектѣ разрушительные элементы, и не признать его крайней умѣренности. Однако роль оппозиціи противъ министерства виговъ заставила торіевъ забыть о томъ, что они прежде требовали преимущественно только представленія полнаго проекта: теперь, когда представленъ былъ полный проектъ они все-таки рѣшились противоудѣйствовать во всѣхъ законодательныхъ инстанціяхъ осуществленію реформы. И 7-го мая, во время преній о первомъ чтеніи билля, и 14-го мая, во время преній о второмъ чтеніи его, Дизраэли и Пиль, предводители оппозиціи, напали на дополнительный билль Гладстона. Дизраэли доказывалъ, что правительственная система распределенія парламентскихъ мѣстъ не даетъ странѣ представительства, согласнаго съ дѣйствительными интересами населенія, и что вмѣсто того чтобы уничтожить прежнія несообразности, система эта создаетъ еще новыя несообразности. Въ заключеніе своей рѣчи онъ съ ироніей предлагалъ правительству еще позаняться изученіемъ вопроса о народномъ представительствѣ, и тѣмъ временемъ отложить разсмотрѣніе представленнаго имъ проекта. Изъ правительственныхъ лицъ на эту рѣчь отвѣчалъ только одинъ изъ сравнительно малозвѣстныхъ членовъ министерства, министръ колоній Кардуэлль. Онъ замѣтилъ предводителю оппозиціи, что нападки его на билль потому уже мало основательны, что билль этотъ весьма мало разнится отъ проекта, представленнаго въ 1859 году самимъ Дизраэли; онъ объявилъ, что правительство рѣшительно отклоняетъ всякую отсрочку въ обсужденіи билля его. Этими немногими рѣчами и ограничили пренія о допущеніи дополнительнаго правительственнаго

билля ко второму чтенію. Съ одной стороны фракція виговъ, требовавшая вмѣстѣ съ графомъ Гросвеноромъ полной парламентской реформы, понимала, что теперь, послѣ исполненія ея требованія, ей странно было бы возставать противъ Гладстона именно за то, что онъ исполнилъ эти требованія; съ другой стороны, тори понимали, что безъ поддержки этой фракціи виговъ они ничего не могутъ сдѣлать противъ правительственнаго проекта, и поэтому они считали бесполезнымъ употреблять теперь тѣ же усилія, которыя они употребили для того, чтобы не допустить первый проектъ Гладстона ко второму чтенію; наконецъ, вниманіе палаты и страны было отвлечено во время преній о второмъ чтеніи дополнительнаго билля событіями, происшедшими на материкѣ, и финансовымъ кризисомъ неожиданно обнаружившимся въ лондонскомъ Сити около этого же времени. Всѣми этими причинами объясняется то обстоятельство, что въ то время какъ пренія о первомъ реформистскомъ биллѣ Гладстона продолжались болѣе двухъ недѣль, пренія о допущеніи ко второму чтенію дополнительнаго билля окончились въ одно засѣданіе, да притомъ еще въ самое непродолжительное засѣданіе: послѣ того какъ Гладстонъ завершилъ уступку свою, объявивши въ палатѣ, что правительство ничего не имѣетъ противъ того, чтобы въ дальнѣйшихъ обсужденіяхъ оба билля его слиты были воедино, палата безъ всякихъ разсужденій разрѣшила второе чтеніе дополнительнаго билля. Но оппозиція не теряла надежды достигнуть паденія билля, и, что для нея было еще важнѣе, паденія министерства, во время обсужденія билля по отдѣльнымъ статьямъ его. Такъ какъ ей не удалось воспрепятствовать первому и второму чтенію билля, то она рѣшилась перемѣнить тактику, и стала стремиться къ тому, чтобы погубить ненавистный ей проектъ о реформѣ внесеніемъ различныхъ измѣненій и поправокъ во время обсужденія его по отдѣльнымъ статьямъ.

28-го мая, парламентъ приступилъ къ обсужденію отдѣльныхъ статей двухъ соединенныхъ воедино правительственныхъ биллей о парламентской реформѣ, т. е. билля объ измѣненіи имущественнаго ценза, и билля о новомъ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. Въ первый же день послѣ возобновленія преній о реформѣ, противники реформъ начали, согласно съ новымъ составленнымъ ими планомъ, свои нападенія на правительственные проекты. Дѣйствуя также неискренно, какъ и въ началѣ, консерваторы и теперь продолжали нападать на билль за «неполноту его»; и на первый же разъ нападеніе ихъ было довольно удачнымъ. Консерваторъ Найтли предложилъ палатѣ потребовать отъ правительства, чтобы оно присоединило къ внесеннымъ имъ уже двумъ биллямъ еще дополнительныи билль «о лучшемъ предупреденіи подкуповъ при выборахъ». Это предложеніе консервативнаго депутата было принято палатою, несмотря на сопротивленіе ми-

нистерской и радикальной партій, большинствомъ 248 голосовъ противъ 238. Поправка Найтли имѣла конечно только ту цѣль, чтобъ причинить правительству новыя затрудненія въ проведеніи его биллей о реформѣ, не нападаая однакоже прямо на самую идею реформы. Предложеніе этой поправки было новымъ маневромъ со стороны противниковъ реформы, имѣвшимъ цѣлью убить правительственный билль посредствомъ продолжительности преній, или отсрочить по крайней мѣрѣ, насколько возможно, дѣло реформы. Но министерство не намѣрено было такъ легко уступить побѣду противникамъ своимъ. Министерство на этотъ разъ еще не сдѣлало имъ одолженія, и не вышло въ отставку послѣ принятія палатою предложенія Найтли. Гладстонъ объявилъ палатѣ, послѣ принятія ею поправки Найтли, что правительство будетъ ждать предложенія мѣръ, имѣющихъ цѣлью пресѣченіе подкуповъ, и что, послѣ того какъ предложенія эти будутъ сдѣланы, оно попроситъ палату подвергнуть вопросъ этотъ серіозному обсужденію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что принатіе палатою означенной поправки все-таки не помѣшаетъ правительству проводить оба свои билля о реформѣ. «Это одобреніе палатою предложенія г. Найтли, говорилъ Гладстонъ, не даетъ правительству права ни отступаться отъ самой сущности своихъ биллей, ни отказаться отъ проведенія ихъ въ нынѣшнюю же сессію. Министерство готово не закрывать сессіи до ноября, если палата того пожелаетъ, лишь бы довести до конца дѣло реформы.» Такимъ образомъ, надежда консерваторовъ на то, что имъ удастся погубить реформу посредствомъ разныхъ косвенныхъ нападеній, на первый разъ не оправдалась. Еще неуспѣшнѣе, нежели нападеніе консерватора Найтли, было нападеніе, произведенное, почти одновременно съ нимъ, либеральнымъ депутатомъ, капитаномъ Гейтеромъ, который еще разъ ясно показалъ, что для известной части либеральной партіи дѣло идетъ не о сущности реформы, а только о томъ, чтобы какъ нибудь низвергнуть настоящее министерство. Послѣ того, какъ правительство согласилось соединить оба билля—объ избирательномъ цензѣ и о распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ, капитанъ Гейтеръ предложилъ палатѣ объявить, что проектъ распредѣленія парламентскихъ мѣстъ имѣетъ важныя недостатки; поэтому онъ предлагалъ палатѣ отказать правительству въ немедленномъ разсмотрѣніи этого проекта вмѣстѣ съ первою частью билля, и пригласить правительство взять его назадъ и исправить его. Министерство сильно возстало противъ этого предложенія, и слѣдствіемъ его возраженій было то, что капитанъ Гейтеръ изъявилъ желаніе взять назадъ свое предложеніе, не подвергая его баллотировкѣ. Но правительство желало придать болѣе блеска своей побѣдѣ, и потребовало баллотировки. Консерваторы, видя, что ихъ ожидаетъ рѣшительное пораженіе, прибѣгли къ весьма рѣдкому въ парламентской

исторіи Англіи маневру, и удалились всё до послѣдняго человѣка изъ палаты. Оставшіеся въ палатѣ либералы единогласно отвергли поправку капитана Гейтера.

Но эта побѣда правительства, побѣда, правда, довольно рѣшительная и блистательная, была послѣдней побѣдой, одержанной министерствомъ Россель-Гладстона въ неслишкомъ удачной для нея съ самаго начала реформистской кампаніи 1866 года. Вскорѣ послѣ этой побѣды министерство понесло весьма чувствительное поражение, послѣ котораго оно сочло невозможнымъ продолжать дѣло парламентской реформы и оставаться во главѣ управленія Англіей. Пораженіе это было слѣдствіемъ той тактики оппозиціи, которою рѣшено было представлять одну поправку за другою къ отдѣльнымъ статьямъ билля о реформѣ, въ надеждѣ, что хоть одна изъ этихъ поправокъ пройдетъ въ палатѣ, и что такимъ образомъ правительство будетъ поставлено въ неловкое положеніе. Послѣ того какъ министерство довольно ловко отклонило отъ себя послѣдствія пораженія, нанесеннаго ему принятіемъ поправки Найтли, послѣ того какъ оно осталось побѣдителемъ въ дѣлѣ о поправкѣ Гейтера, ему пришлось еще бороться съ цѣлымъ рядомъ поправокъ, предлагаемыхъ оппозиціей къ той или другой статьѣ билля. Сначала оппозиція предложила повысить нѣсколько избирательный цензъ въ графствахъ. Когда это не удалось ей, она предложила измѣнить наемный цензъ въ податной (поправка лорда Донкалина). На тотъ случай, если бы эта поправка не прошла въ палатѣ, депутатъ Боволдъ уже приготовилъ предложеніе о томъ, чтобы повысить цензъ съ 7 ф. ст. на 8 ф. Однимъ словомъ, оппозиція предполагала дѣлать на каждомъ шагѣ нападенія на правительственный проектъ реформы, пока она на какой-нибудь поправкѣ не одержитъ побѣду. Но дальше поправки Донкалина ей не пришлось идти, потому что на этой поправкѣ министерство понесло весьма чувствительное поражение, которымъ окончилась послѣдняя реформистская кампанія.

18-го іюня, палата депутатовъ приступила къ разсмотрѣнію пятой статьи «Гладстоновскаго билля объ избирательномъ цензѣ». Этой статьєю избирательный цензъ въ городахъ опредѣленъ былъ въ 7 ф. ст. наемной платы. Либеральный депутатъ, ирландскій лордъ Донкалинъ, представилъ къ этой статьѣ поправку, которой онъ предложилъ дать избирательное право въ городахъ не тому, кто платитъ 7 ф. ст. наемной платы, а тому, кто платитъ столько же ф. ст. налоговъ и податей. Въ рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю, онъ доказывалъ, что податной цензъ гораздо справедливѣе и практичнѣе наемнаго ценза, и ссылаясь при этомъ на Ирландію, гдѣ податной цензъ уже существуетъ. Онъ указывалъ на то, что при податномъ цензѣ не можетъ сдѣлаться избирателемъ ни одно лицо, не платящее налоговъ въ пользу страны. Въ доказательство справедливости предлагаемой имъ мѣры,

онъ ссылался на нѣкоторые политическіе авторитеты Англіи: въ пользу этого рода ценза былъ знаменитый Фоксъ; его же отчасти предлагалъ лордъ Россель въ своихъ проектахъ реформы 1852 и 1854 годовъ; наконецъ, Брайтъ тоже будто бы неразъ высказывался въ своихъ рѣчахъ въ пользу податного ценза. Донкеллинъ сознавался, что введеніе податного ценза, вмѣсто наемнаго, значительно сократитъ число избирателей; но онъ полагалъ, что для избѣжанія этого можно бы понизить цензъ, напр., съ 7 ф. на 6. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ сказалъ, что онъ, какъ членъ либеральной партіи, сочувствуетъ настоящему министерству и не желаетъ паденія его. Но консервативные члены, которые съ радостью ухватились за его предложеніе и съ жаромъ поддерживали его, были гораздо откровеннѣе его, какъ въ вопросѣ объ удаленіи въ отставку министерства, такъ и въ вопросѣ о расширеніи избирательнаго права. Они прямо объявили, что придаютъ важное значеніе поправкѣ лорда Донкеллина именно потому, что она не допустить слишкомъ обширнаго расширенія избирательнаго права; поэтому они воспротивились брошенной лордомъ Донкеллиномъ мысли о пониженіи податного ценза. Нужно замѣтить, что измѣненіе ценза изъ наемнаго въ податной, дѣйствительно имѣетъ такое важное значеніе, что въ случаѣ принятія послѣдняго, правительственный билль почти терялъ бы всякій смыслъ. Цензъ, предложенный правительствомъ, давалъ избирательное право 144,000 англійскихъ гражданъ, которые до сихъ поръ были лишены этого права. При податномъ же цензѣ въ 7 ф. ст. избирательное право получило бы не болѣе 45,000 чловѣкъ. Такимъ образомъ, весьма незначительное само по себѣ приращеніе англійскихъ избирателей, предлагаемое биллемъ Гладстона, сокращалось вслѣдствіе поправки Донкеллина на 100,000 чловѣкъ, т. е. болѣе чѣмъ на двѣ трети. Кромѣ того, Гладстонъ замѣтилъ въ отвѣтной рѣчи своей лорду Донкеллину, что въ Англіи и въ Валлисѣ подати распредѣляются мѣстными властями, и потому размѣръ ихъ весьма не постояенъ: достаточно будетъ общинной власти произвести самое малѣйшее измѣненіе въ платежъ податей для того, чтобы завтра лишить избирательнаго права того, кто пользовался имъ сегодня. Поэтому Гладстонъ совершенно справедливо видѣлъ въ поправкѣ Донкеллина желаніе ограничить число избирателей; но правительство не можетъ согласиться на это, и лучше падеть, нежели допустить въ свой билль поправку Донкеллина, которая совершенно измѣнитъ смыслъ его и дастъ преобладаніе на выборахъ сельскимъ округамъ. Въ томъ же смыслѣ, какъ и Гладстонъ, говорили многіе изъ извѣстнѣйшихъ либеральныхъ депутатовъ палаты, какъ-то: Фостеръ, Вилліерсъ, Осборнъ, Брайтъ. Послѣдній особенно зло и ядовито отзывался о той части либеральной партіи, которая въ настоящемъ случаѣ шла впереди консерваторовъ при нападеніи ихъ на правительственный билль, о тѣхъ

«честныхъ» либералахъ и «вѣрныхъ» друзьяхъ министерства, которые не хотѣтъ допустить даже такого ограниченнаго расширенія избирательнаго права, какое предложено было министерствомъ. Но на этотъ разъ ни дѣльныя возраженія Гладстона, ни ядовитыя насмѣшки Брайта не спасли министерство отъ пораженія. Соединенныя силы консерваторовъ и такъ называемыхъ адулламитовъ (т. е. тѣхъ 30—40 либеральныхъ членовъ, которые стали въ вопросѣ о реформѣ на сторону оппозиціи) одержали верхъ надъ соединенными же силами министерской партіи и радикаловъ: послѣ долгихъ и оживленныхъ преній было наконецъ приступлено въ 4-мъ часу утра (въ ночь съ 18-го на 19-е іюня) къ подачѣ голосовъ, и предложеніе Донкеллина было принято большинствомъ 315 голосовъ противъ 304. Предсѣдатель палаты предложилъ - было послѣ этого внести одобренную палатою поправку въ правительственный билль; но либеральный депутатъ Эйртонъ воспротивился этому, ссылаясь на слова самаго Гладстона, который объявилъ, что принятіе поправки Донкеллина совершенно измѣнило бы смыслъ его билля, и что онъ поэтому никакъ не можетъ согласиться на допущеніе этой поправки. Самъ Гладстонъ объявилъ, что правительство черезъ нѣсколько дней объявитъ палатѣ объ окончательномъ рѣшеніи своемъ.

Въ виду принятія палатою поправки Донкеллина, министерству оставалось принять одно изъ слѣдующихъ рѣшеній: или допустить включеніе этой поправки въ свой билль, или продолжать проводить реформу, не обращая вниманія на принятіе палатою поправки оппозиціоннаго члена, или отложить проведеніе своего билля до слѣдующаго года, или распустить парламентъ, или же наконецъ выйти въ отставку. Отъ перваго изъ этихъ исходовъ министерство тотчасъ же рѣшительно отказалось; оно полагало, что было бы несомнѣнство съ его достоинствомъ допускать подобное искаженіе его билля. Второй изъ этихъ исходовъ былъ несомнѣстенъ съ парламентскими обычаями Англіи. Отложить проведеніе билля своего до будущаго года министерство не хотѣло, потому что это значило бы подвергать свой билль въ слѣдующемъ году, при томъ же самомъ составѣ парламента, такимъ же точно систематическимъ нападеніямъ. Многіе изъ друзей и сторонниковъ министерства совѣтовали ему рѣшиться на распушеніе парламента, предсказывая ему болѣе благопріятный составъ палаты; это предсказаніе ихъ основывалось на томъ, что масса народа, и даже весьма значительная часть настоящихъ избирателей, стоятъ на сторонѣ министерства. Наконецъ нѣкоторые изъ сторонниковъ министерства Россель-Гладстона считали возможнымъ внести въ палату предложеніе объ изъявленіи довѣрія къ министерству; они полагали, что послѣ того какъ большинство палаты выскажется въ пользу подобнаго изъявленія довѣрія, министерство могло бы остаться при управленіи

съ полнымъ соблюденіемъ парламентскихъ приличій. Но Гладстонъ и Россель нашли неудобнымъ приступить, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, къ распущенію парламента (хотя королева и дала имъ на то полномочіе). Управлять же страню съ такимъ парламентомъ, въ которомъ они видѣли враждебную для себя коалицію, въ которомъ люди, причисляющіе себя къ ихъ лартіи, стояли на сторонѣ его противниковъ, они считали невозможнымъ. Поэтому они настаивали на томъ, чтобы королева приняла ихъ прошенія объ отставкѣ, хотя королева нѣсколько разъ изъявляла желаніе, чтобы министерство, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не удалялось съ своего поста. Наконецъ, желаніе ихъ было исполнено, и въ засѣданіи 26-го іюня лордъ Россель объявилъ въ Верхней, а Гладстонъ въ Нижней палатѣ, что королева приняла прошеніе министерства объ отставкѣ. Такимъ образомъ, вигское министерство, управлявшее страню въ теченіе 7 лѣтъ (съ іюня 1859 года), пало на вопросъ о парламентской реформѣ, съ которымъ оно послѣ смерти лорда Пальмерстона связало свое существованіе. Нѣкоторые изъ друзей парламентской реформы и сторонниковъ министерства утверждали, что въ настоящемъ случаѣ Гладстону не слѣдовало такъ безусловно отвергать поправки оппозиціи, что ему, ради спасенія билля, можно было уступить этому требованію ея и допустить поправку Донкеллина, которая, по словамъ ихъ, не имѣла даже особенной важности. Но, во-первыхъ, это послѣднее увѣреніе невѣрно: допущеніе поправки Донкеллина, какъ мы уже видѣли выше, совершенно измѣнило бы значеніе и объемъ реформы. Во-вторыхъ, достоинство министерства не позволяло ему принять въ свой билль рѣшеніе, навязанное ему оппозиціей, послѣ того какъ оно объявило заранѣе, что связываетъ существованіе свое съ принятіемъ билля о реформѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ имъ. А въ третьихъ, подобная уступчивость, только уронила бы министерство въ глазахъ страны, и не принесла бы ему ни малѣйшей пользы, не спасла бы его билля. Факты ясно доказали, что уступчивость его была бы совершенно бесполезна въ виду той систематической оппозиціи, которую оказывала биллю министерства коалиція консерваторовъ и лжелибераловъ. Гладстонъ показалъ, по поводу предложенія Гросвенора, когда правительство получило только весьма сомнительное большинство пяти голосовъ, что онъ готовъ сдѣлать уступки по тѣмъ вопросамъ, которые не касаются сущности его билля; онъ исполнилъ требованіе мнимыхъ друзей реформы, и дополнилъ свой билль внесеніемъ закона о распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. Если бы они дѣйствительно были друзьями реформы, если бы они не имѣли цѣлю погубить билль о реформѣ во что бы то ни стало, то они очень легко могли удовольствоваться сдѣланной имъ министерствомъ уступкою. Однако псевдо-либералы не только не удовлетворились уступчивостью Гладстона, но увидѣли

въ ней какъ бы признакъ слабости, и вмѣстѣ съ консерваторами продолжали свои усилія, имѣвшія цѣлью погубить билль о реформѣ посредствомъ представленія различныхъ поправокъ и измѣненій къ нему; правительство уступило по первому требованію ихъ (предложеніе Гросвенора), — явилось второе требованіе (предложеніе Найтли); затѣмъ третье и четвертое (предложеніе Гайтера и Донкеллина). Если бы правительство уступило этому послѣднему требованію, то систематическая оппозиція биллю нисколько не прекратилась бы, а напротивъ, враги реформы и министерства увидѣли бы въ этой уступчивости новыя побудительныя причины къ усиленію своихъ нападеній; явились бы пятая и шестая поправки, и т. д., пока ничего бы не осталось отъ правительственнаго билля. Въ виду всего этого министерству оставалось только распустить парламентъ или выйти въ отставку: оно рѣшилось на послѣднее.

Министерская партія въ парламентѣ, точно также какъ и друзья реформы въ народѣ, очень хорошо понимали, кому собственно министерство обязано было своимъ пораженьемъ и паденьемъ билля о реформѣ. Поэтому и въ парламентѣ, и на многочисленныхъ митингахъ, имѣвшихъ цѣлью выраженіе сочувствія настоящему министерству и биллю его о реформѣ, неразъ высказано было мнѣніе, что не явине враги реформы, тори и консерваторы, а тайные враги и ложные друзья его, разные Горсмены, Лоу, Эльхо, Гросвеноры, Гайтеры, Донкеллины и друг. были главными виновниками паденія билля; безъ ихъ содѣйствія консерваторамъ никогда не удалось бы погубить билль. Противъ этихъ-то ложныхъ либераловъ, жадныхъ до министерскихъ портфелей, и ради нихъ предавшихъ партію свою, обратился главнымъ образомъ гнѣвъ народа, массы котораго, какъ мы видѣли, все-таки сочувствовали гладстоновскому проекту реформы, хотя онѣ, можетъ быть, и не находили его достаточно радикальнымъ. Въ первые дни послѣ паденія билля, разные господа въ родѣ Гросвенора, Эльхо, Лоу и т. д. не могли нигдѣ явиться публично; толпы народа вездѣ встрѣчали ихъ свистомъ, свистками, гиканьемъ и другими заявленіями своего неудовольствія. Напротивъ министерство Гладстонъ-Росселя получало съ разныхъ сторонъ многочисленныя заявленія сочувствія и желанія, чтобы оно оставалось при управленіи страной. Какъ скоро стало извѣстно, что министерство потерпѣло пораженіе, и что оно намѣревается выйти въ отставку, въ разныхъ концахъ королевства стали собираться митинги, имѣвшіе цѣлью изъявить довѣріе страны къ министерству, и просить его не выходить въ отставку. Къ Гладстону являлись депутація съ изъявленіемъ подобныхъ просьбъ и т. д. Вообще все, что есть въ Англіи болѣе либеральнаго, было раздражено результатами послѣднихъ парламентскихъ преній и огорчено рѣшимостью министерства удалиться отъ дѣлъ; употреблены были всевозможныя усилія для

того, чтобы отклонить его от этого рѣшенія. Либеральъ Осборнъ даже въ палатѣ порицалъ министерство за то, что оно исполняетъ желаніе своихъ противниковъ и отступаетъ отъ своей политической задачи, только вслѣдствіе того, что 44 члена либеральной партіи сочли нужнымъ измѣнить своей партіи. Но министерство оставалось непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи, и 26-го іюня уступило мѣсто свое торійскому министерству графу Дерби.

Вигское министерство пало на вопросъ о реформѣ. Удаляясь на время съ министерскихъ мѣстъ, оно завѣщало наследникамъ своимъ, торіямъ, разрѣшеніе труднаго вопроса о парламентской реформѣ. Врядъ ли ошибутся тѣ, которые предсказываютъ уже теперь, что торійское министерство, низвергнувшее министерство виговъ на вопросъ о реформѣ, не будетъ счастливѣе своихъ предшественниковъ при разрѣшеніи этого вопроса. Хотя Гладстонъ и объявилъ въ прощальной рѣчи своей, что онъ и друзья его отнесутся съ полнымъ безпристрастіемъ ко всякому проекту реформы, который будетъ представленъ преемниками его по министерству; однако, несмотря на то, весьма вѣроятно, что настоящее министерство потому такъ и настаивало на своей отставкѣ, что рассчитывало на близкое пораженіе торійскаго министерства, которое должно опять открыть вигамъ доступъ къ министерскимъ скамьямъ. Эта надежда проглядываетъ даже въ словахъ, которыми лордъ Россель возвѣстилъ Верхней палатѣ о выходѣ въ отставку его министерства. Если даже предположить, что ожиданія старика Росселя не оправдаются, что ему суждено уже окончательно сойти съ политической сцены, то во всякомъ случаѣ остается весьма вѣроятнымъ, что Гладстонъ, Джибсонъ и другіе болѣе молодые члены бывшаго министерства Росселя въ весьма непродолжительномъ времени вновь будутъ призваны къ дѣламъ. Въ Гладстонѣ англійская нація видитъ чело-вѣка, который осуществитъ парламентскую реформу и расширитъ избирательныя права націи, хотя бы и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ этого желала бы, можетъ быть, значительная часть англійскихъ рабочихъ.

Торійскому министерству, члены котораго отличаются глубокою ненавистью къ расширенію избирательныхъ правъ англійскаго народа, и которые напротивъ, повидимому, готовы скорѣе ограничить ихъ, если бы только это было возможно, невозможно будетъ однакоже обойти важный вопросъ о парламентской реформѣ. Если уже торійское министерство 1868 г. сочло необходимымъ представить какой-нибудь проектъ парламентской реформы, то теперь ему еще труднѣе будетъ обойти этотъ важный вопросъ. Во-первыхъ, то положеніе, которое, повидимому, намѣрено занять новое англійское министерство относительно прочихъ европейскихъ державъ, уже указываетъ на то, что въ его управленіи должны выступить на первый планъ вопросы внутренней политики. Влѣтательнѣйшіе члены новаго министерства, Дерби, Дизраэли, Стэнли,

въ одинъ голосъ объявили въ палатѣ, что они намѣрены по возможности придерживаться строгой политики невмѣшательства въ европейскія дѣла, и что консервативное министерство нисколько не намѣрено вмѣшиваться во всѣ возникающія въ Европѣ распри. Они замѣтили, что Англія по своему положенію скорѣе держава не-европейская, нежели европейская, что интересы Европы вообще касаются ея очень мало, что поэтому они не видятъ особенной надобности вмѣшиваться въ событія на материкѣ Европы, и считаютъ совершенно излишними старанія о томъ, чтобы Англія имѣла рѣшительное вліяніе на ходъ европейскихъ событій. Этотъ взглядъ на отношенія Англіи къ европейскимъ событіямъ (по нашему мнѣнію, взглядъ гораздо болѣе благо-разумный, нежели тѣ взгляды, которыми руководствовался Россель въ своей внѣшней политикѣ) влечетъ однако неминуемо за собою то, что вниманіе правительства и законодательства, должно обратиться преимущественно на вопросы внутренней политики. А среди вопроса внутренней политики на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о реформѣ: слѣдовательно, правительству никакъ нельзя будетъ обойти этого вопроса. Во-вторыхъ же, министерству Дерби-Дизраэли невозможно будетъ не заняться этимъ вопросомъ и потому, что реформистская агитація приняла въ Англіи въ послѣднее время весьма обширные размѣры, и грозитъ принять еще болѣе обширные, и даже опасные для общественнаго спокойствія, если требованія народа относительно реформы не будутъ исполнены. Враги парламентской реформы ссылались постоянно на то, что въ народѣ вовсе не чувствуется потребность реформы, что реформистская агитація была движеніемъ искусственнымъ, вызваннымъ извнѣ, и не имѣвшимъ никакихъ твердыхъ корней въ народѣ. Мы говорили уже выше о томъ, что эти увѣренія враговъ реформы были неполнѣ основательными. Начиная съ 1858 года, реформистское движеніе въ Англіи не прекращалось, а послѣ смерти лорда Пальмерстона оно значительно усилилось. Если же оно не принимало характера движенія порывистаго, безпокойнаго, угрожающаго опасностью общественному порядку и благосостоянію, то это происходило отъ того, что большинство рабочихъ классовъ и вообще лицъ, желавшихъ реформы, довѣряло Гладстону и Брайту; большинство это было увѣрено въ томъ, что эти лица, взявшись разъ за осуществленіе парламентской реформы, сдѣлаютъ все, что будетъ возможно, для доставленія избирательныхъ правъ тѣмъ классамъ, которые ими не пользовались. Поэтому всѣ друзья реформы, даже тѣ, которые желали реформы гораздо болѣе радикальной, нежели какую предлагалъ имъ Гладстонъ, рѣшили принять покуда то, что даетъ имъ гладстоновскій проектъ реформы, и прекратить всякую агитацію въ пользу болѣе радикальной реформы, для того чтобы поддержать хотя и умѣренную, но искреннюю и честную реформу Гладстона. Въ такомъ смыслѣ слѣ-

Дусть понимать реформистское движеніе въ Англіи съ октября 1865 до іюня 1866 года. Изъ того, что движеніе это лишено было бурнаго характера, что оно не приводило къ радикальнымъ резолюціямъ, что оно не обнаруживалось съ шумомъ и громомъ, не слѣдуетъ выводить заключенія о томъ, что народъ не желалъ парламентской реформы, что народъ былъ равнодушенъ къ ней, что реформистское движеніе имѣло характеръ искусственный. Консерваторы и враги реформы, которые были убѣждены или дѣлали видъ, будто они убѣждены въ неестественности реформистскаго движенія и въ апатіи народа ко всякой реформѣ, должны были понять въ самомъ непродолжительномъ времени, что имъ невозможно болѣе продолжать свои искреннія или неискреннія увѣренія относительно искусственности реформистскаго движенія. Какъ только сошло со сцены министерство, желавшее осуществить умѣренную, но честную реформу, и пользовавшееся довѣріемъ большинства англійскаго народа, реформистское движеніе приняло характеръ острый, который оно и сохраняетъ доселѣ. Первымъ проявленіемъ той «естественности» и силы реформистскаго движенія, которыхъ враги реформы не хотѣли замѣтить до сихъ поръ, были гайдъ-паркскіе беспорядки, происходившіе въ Лондонѣ съ 23-го до 26-го іюля. Усиленіе агитаціи въ пользу парламентской реформы, обнаружившееся въ первое же время послѣ удаленія министерства, было очень непріятно для министерства, враждебно расположеннаго къ реформѣ; поэтому у него весьма понятнымъ образомъ явилось желаніе заглушить это движеніе насколько возможно. Когда стало извѣстно, что такъ называемая «Лига реформы» желаетъ собрать многочисленный митингъ въ Гайдъ-Паркѣ, министерство рѣшилось не допустить этого митинга, подъ тѣмъ предлогомъ, что паркъ составляетъ собственность короны и открыть ея «для спокойныхъ и порядочныхъ людей, желающихъ гулять въ немъ, а не для того, чтобы народная чернь производила въ немъ демонстраціи». Но истинной причиной этого запрещенія было то, что министерство, по словамъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ Вальпола, ожидало «мятежа и беспорядковъ, въ томъ случаѣ, когда въ публичномъ мѣстѣ соберется такое множество враждебныхъ министерству лицъ». Населеніе Лондона увидѣло въ этомъ запрещеніи митинга ограниченіе одного изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ англичанъ, въ которомъ они видятъ самую твердую основу и опору своей конституціи—право безпрепятственно собираться для обсужденія и заявленія своихъ нуждъ. Слѣдствіемъ такого взгляда ихъ на запрещеніе гайдъ-паркскаго митинга были плачевныя сцены, происходившія въ окрестностяхъ Гайдъ-Парка въ концѣ іюля. Послѣдующія затѣмъ событія тоже должны были убѣдить торійское министерство въ томъ, что въ Англіи дѣйствительно существуетъ сильное реформистское движеніе, далеко не благоприятное взглядамъ консерваторовъ на вопросъ реформы. Въ теченіе всего іюля

и августа мѣсяцевъ въ разныхъ концахъ Англіи происходили многочисленныя митинги рабочихъ и другихъ сторонниковъ реформы, которые всѣ имѣли цѣлью заявить о необходимости приступить къ немедленной, и притомъ къ возможно болѣе широкой парламентской реформѣ. Эти заявленія дѣлались въ простыхъ резолюціяхъ, въ адресахъ къ различнымъ государственнымъ людямъ Англіи, даже въ письмахъ къ королевѣ. Общій мотивъ всѣхъ постановленій и рѣшеній этихъ митинговъ былъ тотъ, что теперь нельзя уже ограничиться реформой, подобною той, которая была предложена Гладстономъ. Тѣ самыя люди, которые готовы были удовольствоваться весьма умѣреннымъ расширеніемъ избирательнаго права, предлагаемаго имъ людьми популярными, въ родѣ Брайта и Гладстона, теперь уже требовали гораздо большаго отъ людей непопулярныхъ и неполюзуемыхъ довѣріемъ страны. Агитация въ пользу введенія въ Англіи всеобщей подачи голосовъ, прекратившихся было совершенно послѣ представленія гладстоновскаго проекта реформы, возобновилась опять съ новою силою, и въ большей части резолюцій митинговъ упоминалось о томъ, что англійскій народъ можетъ признать удовлетворительнымъ только такой проектъ реформы, который бы давалъ избирательное право всякому совершеннолѣтнему англійскому гражданину. Наконецъ, это возобновившееся съ новою силою реформистское движеніе привело къ недавней, бирмингэмской демонстраціи, къ которой мы возвратимся еще впоследствии.

Съ такимъ-то сильнымъ реформистскимъ движеніемъ, обнаружившимся во всей странѣ, приходится имѣть дѣло новому торійскому министерству, члены котораго отличались самою глубокою ненавистью ко всякому расширенію избирательнаго права въ англійскомъ народѣ. Очевидно, что при всей своей ненависти къ самому принципу реформы, торійское министерство и теперь, точно также какъ и въ 1859 году, должно будетъ явиться однако же передъ законодательными собраніями страны съ какимъ бы то ни было проектомъ реформы. Но точно также несомнѣнно и то, что оно теперь, точно также какъ и въ 1859 году, будетъ стараться затормозить своимъ проектомъ всякое реформистское движеніе въ странѣ, и устроить такимъ образомъ, чтобы извлечь по возможности какую либо пользу для своей партіи изъ расширенія избирательнаго права, безъ котораго ему очевидно нельзя обойтись. Иначе торійское министерство конечно не можетъ отнестись къ идее о парламентской реформѣ. Самый вліятельный членъ министерства, г. Дизраэли, выразилъ это даже отчасти въ тѣхъ своихъ рѣчахъ, гдѣ онъ долженъ былъ касаться этого важнаго для Англіи вопроса. Вызванный на объясненіе относительно взглядовъ своихъ на дѣло реформы, онъ притворился, что видитъ въ отверженіи гладстоновскаго билля о реформѣ доказательство сочувствія страны по взглядамъ на реформу, не разъ высказаннымъ торіями. Онъ увѣрялъ, будто всѣ

поправки къ реформѣ, внесенныя либеральными членами палаты, служили косвеннымъ одобреніемъ принциповъ Дизраэлевскаго билля 1859 года. Онъ далѣе замѣтилъ съ ироніей, что не его партія, а партія либераловъ взяла на себя трудъ защищать во время послѣднихъ преній его билль о реформѣ. «Министерство, говорилъ онъ, видитъ въ этомъ новое побужденіе рѣшить вопросъ о парламентской реформѣ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ составленъ былъ и билль 1859 года. Въ нынѣшнюю сессію правительство не намѣрено приступать къ разрѣшенію этого вопроса. Когда же оно коснется его, то оно постарается разрѣшить его въ духѣ англійской конституціи, а не станетъ подражать при этомъ иностраннымъ образцамъ, не станетъ копировать американскихъ и французскихъ учреждений. «Министерство наше не считаетъ нужнымъ основывать избирательнаго закона ни на правахъ человѣка, ни на правахъ числа; оно желаетъ только, чтобы избирательное право принадлежало «лучшимъ людямъ въ странѣ» (т. е. тѣмъ, которые платятъ большую сумму арендной или наемной платы)».

И такъ никакой реформы, а если уже нельзя будетъ обойтись безъ реформы — реформа въ смыслѣ проекта 1859 года, который Дизраэли считаетъ верхомъ совершенства: вотъ программа нынѣшняго министерства въ вопросѣ о парламентской реформѣ. Очень не мудро, что классы, лишеныя политическихъ правъ, приняли провозглашеніе этой программы или за неумѣстную шутку, или за злую иронію, или же за открытое объявленіе войны. Они отвѣтили на него такою внушительною демонстраціей, на которую министерству невозможно было не обратить вниманія, и которая напоминаетъ собою громадныя демонстраціи, производившіяся въ Англiи во время перваго реформистскаго движенія, или во время агитации въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. 27 августа, на равнинѣ вблизи Бирмингэма собрался громадный митингъ, въ которомъ принимало участіе до 250,000 человѣкъ. Этотъ митингъ не повелъ ни къ какимъ беспорядкамъ, онъ имѣлъ характеръ совершенно мирный, спокойный и легальный. Собравшіяся массы народа спокойно выслушивали ораторовъ, принадлежавшихъ болѣею частію къ членамъ «Лиги реформы». Ораторы эти доказывали необходимость болѣе или менѣе широкой избирательной реформы, и предлагали митингу принять резолюціи, въ которыхъ была бы выражена эта необходимость. Считаемо нелишнимъ привести здѣсь болѣе замѣчательныя мѣста изъ рѣчи Брайта; изъ этой рѣчи его, равно какъ и изъ резолюцій, принятыхъ митингомъ, видно, что реформистское движеніе, которое при Гладстонѣ приняло направленіе въ высшей степени умѣренное, является уже въ настоящее время въ нѣсколько иной формѣ, съ нѣсколько иными требованіями, и что оно

можетъ принять въ близкомъ будущемъ еще болѣе серіозныя размѣры и еще болѣе угрожающія формы.

Упомянувши объ интригѣ, при помощи которой отвергнуть билль крайне умѣренный билль Гладстона, Брайтъ перешелъ къ вопросу о томъ, какъ смотрять противники реформъ на способность рабочихъ пользоваться политическими правами. Онъ прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ извѣстной рѣчи депутата Лоу, направленной противъ рабочихъ классовъ, и совѣтовавшей не давать право голоса «невѣжественнымъ людямъ», которые не въ состояніи платить 10 ф. ст. арендной или наемной платы.

«Совѣты эти приняты и одобрены парламентомъ, благодаря стараніямъ и интригамъ торіевъ, говорилъ г. Брайтъ. Но я утверждаю, что эта политика опасная, политика, которой не можетъ желать ни одинъ искренній приверженецъ нашихъ учреждений, политика, которая произвела въ другихъ странахъ кровавые перевороты: вслѣдствіе подобной политики утрачиваемы были короны, и я не увѣренъ въ томъ, чтобы и у насъ политика эта не могла бы привести къ подобнымъ печальнымъ результатамъ. Меня увѣряли люди, хорошо знакомые съ исторіей Франціи, что престолъ Лудовика-Филиппа палъ именно вслѣдствіе попытки, сдѣланной королемъ этимъ, управлять Франціей посредствомъ парламента, служившаго представителемъ только незначительнаго меньшинства народа. Министерство Дерби, вступившее недавно въ управленіе нашею страню, придерживается того же самаго принципа: оно теперь управляетъ страню при помощи парламента, избраннаго самымъ незначительнымъ большинствомъ народа, и оно, повидимому, намѣревается управлять такимъ образомъ по возможности долѣе. Рабочіе! я говорю вамъ, и скажу, путемъ печати, рабочимъ всего королевства, что вступленіе лорда Дерби въ министерство есть объявленіе войны рабочимъ классамъ (*Громкое одобрение*, и крики: «*Мы принимаемъ ее*»). Событія, происходившія недавно въ Гайдъ-Паркѣ, служатъ нагляднымъ изображеніемъ доктринъ, которыхъ придерживаются лордъ Дерби и его министры. Они не питаютъ ни малѣйшаго уваженія къ конституціи своей страны, къ конституціи, которая виѣняетъ такое же уваженіе къ народу, какъ и къ коронѣ и аристократіи, къ конституціи, считающей палату общинъ, представительницу націи, столь же существенной частью правительственной системы, какъ палату лордовъ или самую корону. Пренебрегая конституціей, они пренебрегаютъ точно также притязаніями пяти или шести милліоновъ людей, лишенныхъ права представительства. Вамъ предоставлено право трудиться, право платить подати, право служить въ арміи и во флотѣ и проливать вашу кровь; но вы не считаетесь способными и достойными исполнять столь простое дѣло, какъ подача вашего голоса въ пользу вашихъ нынѣшнихъ или будущихъ представителей (*Громкое*

одобрение). Вы не должны имѣть голоса, не должны принимать участія въ управленіи. Страна, въ которой вы живете, не ваша страна. Съ вами можно поступать какъ съ куліями, которые должны работать, но не принимать никакого участія въ судьбахъ страны и не считать ее своею. Но мало того, что васъ лишаютъ самаго обыкновеннаго права, васъ еще оскорбляютъ. Вамъ говорятъ, что вы столь невѣжественны, столь продажны, столь невоздержны, столь неблагоразумны и столь безпояснны, что невозможно принять въ палату общинъ даже лучшихъ изъ васъ. Такова консервативная теорія, таковъ символъ вѣры графа Дерби.» Затѣмъ Брайтъ говорилъ, что въ настоящее время рабочимъ слѣдуетъ стремиться къ достиженію всеобщей подачи голосовъ и тайной баллотировки, и обратился ко всѣмъ «благоразумнымъ, трезвымъ и мыслящимъ рабочимъ» съ слѣдующимъ совѣтомъ: «Пойдемте вмѣстѣ къ достиженію нашей цѣли, и не станемъ разбивать вопроса по мелочамъ. Будемъ вести дѣло такъ, какъ вели его наши дѣды 34 года тому назадъ. Распространимъ повсюду наше общество: пусть каждая фабрика, каждая мастерская превратится въ общество реформы. Я сохвѣтую напечатать на особыхъ картонахъ прочтенные мною отрывки изъ знаменитой и прискорбной рѣчи Лоу, и развѣсить эти картонки по всѣмъ комнатамъ фабрикъ, мастерскихъ, клубовъ—словомъ вездѣ, гдѣ собираются рабочіе люди (*Одобрение*). Возбудимъ духъ народа противъ этихъ клеветниковъ на великую и славную націю. Когда наступитъ время новыхъ выборовъ, рабочіе могутъ организовать въ могущественное общество и поддержать всюду, всѣмъ своимъ влияніемъ, такихъ кандидатовъ, которые дадутъ имъ слово провести реформу. Нужно также, чтобы изъ всѣхъ частей королевства въ парламентъ были представлены прошенія, покрытыя огромнымъ числомъ подписей. Вообще вы должны употребить всѣ усилія и всѣ средства, которыя только допускаются законами и нравственностью. Вы должны также помнить и то, что ваши требованія относительно реформы могутъ быть исполнены только такимъ правительствомъ, которое само честно желаетъ реформы. Помните, что мы беремъ за великое дѣло, и не обращайтесь на клеветы и на ложь. Наша цѣль заключается въ возстановленіи британской конституціи, и вмѣстѣ съ нею свободы британскаго народа.»

Митингъ, на которомъ произнесена была эта энергическая и сильная рѣчь, окончился принятіемъ слѣдующей замѣчательной резолюціи: «Нижняя палата общинъ, отвергнувъ весьма умѣренный билль о парламентской реформѣ, предложенный прежнимъ правительствомъ, доказала, что она не заслуживаетъ довѣрія и поддержки рабочихъ классовъ Англій, и ни въ какомъ случаѣ не служитъ представительницею желаній большинства англійской націи. Мы торжественно обѣщаемъ требовать всеобщей подачи голосовъ, основанной на числѣ

жителей, внесенныхъ въ городскіе списки; мы признаемъ во всеобщей подачѣ голосовъ единственную, справедливую основу для народнаго представительства, и поэтому обязываемся употреблять всѣ законныя средства для достиженія ея; мы далѣе обязываемся требовать тайной баллотировки, какъ единственнаго средства обезпечить рабочихъ отъ системы устрашенія и отъ всякихъ постороннихъ вліяній.»

Итакъ, мы видимъ, что теперь борьба за парламентскую реформу вступаетъ въ новый фазисъ. Она теряетъ тотъ спокойный характеръ, который она имѣла въ послѣдніе годы, и даже еще въ началѣ нынѣшняго года, и получаетъ характеръ болѣе страстный и рѣзкій. Нечего и говорить о томъ, что отъ торійскаго министерства невозможно ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о реформѣ. Первымъ послѣдствіемъ начавшейся въ настоящее время серіозной борьбы должно явиться удаленіе министерства Дерби-Дивразли, и замѣненіе его министерствомъ Гладстона или кого либо другого изъ этой партіи. Тогда только рабочіе, можетъ быть, согласятся умѣрить нѣсколько свои требованія, отступить отъ требованія всеобщей подачи голосовъ и ограничиться болѣе или менѣе значительнымъ понижениемъ избирательнаго ценза. Но даже и тогда они уже врядъ ли удовольствуются такою умѣренной реформой, какъ тѣмъ, которую Гладстонъ предложилъ въ началѣ нынѣшняго года, и которою они до сихъ поръ готовы были удовольствоваться. Въ настоящее время требованія ихъ безъ сомнѣнія пойдутъ нѣсколько далѣе. w.

II

ПАДЕНІЕ ГЕРМАНСКАГО СОЮЗА.

Статья перекл.

Событія, совершившіяся въ Германіи и Италіи въ продолженіи весны и лѣта 1866 года, произвели на большую часть общества и кабинетовъ Европы довольно странное впечатлѣніе изумленія и безпокойства. Непреодолимое влеченіе обѣихъ враждующихъ сторонъ окончить оружіемъ многолѣтній споръ, рѣшительность дѣйствій и быстрота успѣховъ побѣдителя также какъ и слабость, безсвязность и смущеніе оказаннаго ему сопротивленія, а болѣе всего обширность видовъ и величіе замысловъ, обнаружившихся какъ логичныя и неоспоримыя послѣдствія побѣды, приводили, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, и приводятъ еще и нынѣ большую часть Европы въ какое-то непостижимое недоумѣніе, какъ будто во всѣхъ этихъ фактахъ, очевидно предназначенныхъ служить исходною точкой дальнѣйшихъ переворотовъ, высказывались передъ нею совершенно неожиданныя,

непредвидѣнныя и никогда небывалыя стремленія, замыслы и домогательства.

Таково впечатлѣніе, обнаруживаемое до сихъ поръ большею частью той европейской печати, которая не служитъ органомъ самихъ дѣятелей, и которая, съ постоянно возрастающимъ изумленіемъ, записываетъ изо дня въ день великія событія, обнимающія весь центръ Европы, отъ Нѣмецкаго моря до Адриатики, отъ Чернаго моря до Рейна. Сами побѣжденные пытаются оправдаться въ своихъ пораженіяхъ, утверждая, что они захвачены въ-расплохъ чрезмѣрными требованіями, рѣшительностью дѣйствій и быстротою вторженія своихъ соперниковъ; а между тѣмъ, изучая историческое развитие этихъ событій и восходя отъ дѣйствій къ причинамъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что замыслы и домогательства, обнаруженныя войною 1866 года, не переставали высказываться со времени самой февральской революціи, мысли и стремленія которой, попеременно служа орудіемъ то одной, то другой враждующей сторонѣ, нынѣ окончательно выполняются тою именно изъ политическихъ партій Германіи, которая болѣе прочихъ послужила къ мнимому подавленію ихъ въ 1849—50 годахъ.

Это постоянство, эта жизненность движенія, развившагося при содѣйствіи и подъ вліяніемъ революціи 1848 г., доказываютъ, что самое движеніе это было отнюдь не отдѣльной вспышкой революціоннаго взрыва 1848 г., а служило, напротивъ, выраженіемъ дѣйствительной, непреодолимой потребности развитія гражданскаго и политическаго самосознанія образованнѣйшей части Европы и неизбежнымъ кризисомъ органическаго недуга, томящаго ея общество вслѣдствіе насильственнаго подавленія этихъ самыхъ потребностей. Въ политическомъ мірѣ, какъ и въ матеріальномъ, жизненною одарено лишь то, что соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ народовъ и природы. Еслибы движеніе, обнаружившееся почти во всей Европѣ въ 1848 г., было единственно проявленіемъ необузданнаго насилія необразованныхъ массъ, увлеченныхъ нелѣпыми или коварными обѣщаніями какихъ нибудь обезумѣвшихъ мечтателей или презрѣнныхъ уличныхъ честолюбцевъ, неизвѣнно являющихся на сценѣ каждой революціи, то оно неминуемо подверглось бы той же участи, какъ ея дѣятели, и было бы подавлено вмѣстѣ съ силами, которыя произвели его. А между тѣмъ, несмотря на потоки пролитой крови, несмотря на многочисленныя измѣны и продолжительныя насилія, мысль, поднявшая Европу въ 1848 г., не только устояла противъ отчаянныхъ усилій поклонниковъ существовавшаго порядка, но, обратившись въ орудіе своихъ первоначальныхъ противниковъ, она окончательно подавила нынѣ самый принципъ этого порядка.

Первое логичное заключеніе, которое само собою выводится изъ этихъ соображеній, состоитъ въ томъ, что если Пруссія такъ быстро

и такъ легко достигла перваго этапа замышленнаго ею переворота, то этимъ обязана она не столько превосходству своихъ пресловутыхъ игольчатыхъ ружей, не помѣшавшихъ Даніи бороться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ съ соединенными силами двухъ германскихъ великановъ, какъ тому, что приводимая ею мысль уже успѣла достигнуть достаточной зрѣлости, и что событія послѣднихъ 18 лѣтъ сдѣлали осуществленіе ея преобладающею потребностью Германіи и Италіи. Дѣйствительно, если вникнуть въ постепенное развитіе этихъ событій, то оказывается, что они не только успѣли привести обѣ враждующія стороны къ глубокому убѣжденію въ безусловной несомнѣтельности двухъ великихъ державъ въ составѣ одной федеральной организациіи и въ естественномъ родствѣ двухъ однородныхъ вопросовъ—объединенія Германіи и объединенія Италіи, — но что и самая быстрота, самонадѣянность, рѣшительность и непреклонность, послужившія главными средствами успѣховъ Пруссіи, составляютъ плодъ горькаго, тяжелаго опыта, вынесеннаго ею изъ споровъ съ Австрією, послѣдовавшихъ за укрощеніемъ революціоннаго движенія 1848 года. Изучивъ, въ борьбѣ съ нею, всю силу основной мысли этой революціи, тогдашніе реакціонеры — а нынѣ герои революціонной войны 1866 года — освоили себѣ эту силу, способствовали созрѣванію этой мысли, воспользовались назиданіями претерпѣнныхъ ею превратностей и, взявъ въ руки дѣло ея осуществленія, избрали для этого самое благоприятное время, — но, сами по себѣ, они не создали и не изобрѣли ничего новаго. Выдвинувъ на арену политической жизни дѣятелей революціи 1848 года, основная мысль этой революціи пережила ихъ кратковременное существованіе и легла нынѣ въ основаніе величія своихъ прежнихъ враговъ. Благодаря ея силѣ, консерваторы, феодалы и абсолютисты Пруссіи увѣнчиваются нынѣ лаврами, выращенными трудомъ и горькою опытностью революціонеровъ 1848 года.

Изъ всего этого видно, что для того, чтобы получить ясное понятіе объ историческомъ значеніи, о причинахъ и даже о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ войны 1866 года, необходимо, прежде всего, изучить сущность и историческое развитіе этой мысли, осуществленіе которой составляетъ цѣль этой войны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живительный источникъ нравственныхъ силъ, болѣе всего способствовавшихъ одержанію побѣды. Эта мысль есть не что иное, какъ естественная реакція силъ, подавленныхъ международными законодателями, собранными въ Вѣнѣ, въ 1815 году, для установленія новаго порядка вещей, на развалинахъ всемірнаго господства, мечтаемаго и до нѣкоторой степени осуществленнаго Наполеономъ I. Исходной точкою бѣдствій, постигнувшихъ въ то время Европу, была признана революція 1789 года, предпринявшая огромную задачу уничтоженія всѣхъ основаній, на которыхъ покоялся *status quo*, установленный Вестфальскимъ миромъ.

Вѣнскій конгрессъ, руководимый княземъ Меттернихомъ, олицетворилъ собою безусловную реакцію противъ всѣхъ стремленій и домогательствъ, обнаруженныхъ или произведенныхъ французскою революціей, и предположилъ себѣ единственную цѣль: сдѣлать навсегда невозможнымъ возвращеніе порожденныхъ ею бѣдствій. Имѣя въ виду эту цѣль, первымъ дѣломъ конгресса было возвратить Францію въ ея до-революціонные предѣлы и ослабить, всѣми возможными средствами, созданную ею сѣверо-итальянскую державу. Затѣмъ, дабы лишить Францію всякой возможности сдѣлаться когда нибудь угрозой для независимости ея сосѣдей, на сѣверѣ ея образовано разнородное Нидерландское королевство, въ восемь милліоновъ жителей, и самыя важныя военныя позиціи его вѣрены оборонѣ обширной федеративной системы, огибающей всю сѣверо-западную границу Франціи и обхватывающей всю Германію, Данію именемъ Голштиніи и Лауэнбурга, Пруссію, за исключеніемъ Познани, и Австрію, за исключеніемъ Галиціи, Венгріи, Военныхъ границъ, Далмаціи и королевства Ломбардо-Венеціанскаго. Наконецъ, на юго-западной границѣ Франціи, ручательствомъ цѣлой Европы обезпечена неприкосновенность нейтралитета Швейцаріи, а Италія раздроблена на мелкія государства, не только лишеныя всякой федеральной связи между собою, но большая часть которыхъ или включена въ составъ австрійской имперіи, или поставлена въ непосредственную зависимость отъ нея, назначеніемъ государей изъ австрійскаго царственнаго дома во всей полосѣ отдѣляющей сѣверо-западную Италію отъ южной, въ которыхъ оставлены были прежнія итальянскія династіи.

Таковы были главныя основанія передѣлки карты Европы въ 1815 г. подъ вліяніемъ князя Меттерниха, очевидно озабоченнаго въ Италіи гораздо болѣе обезпеченіемъ господства Австріи, чѣмъ огражденіемъ Европы отъ возобновленія бѣдствій, разразившихся надъ нею съ 1792 по 1815 годы. Нѣтъ сомнѣнія, что подобная же цѣль имѣлась у него въ виду и для преобразованія Германіи; но, на этомъ поприщѣ, эту цѣль достигнуть было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Италіи, такъ какъ Германія считала себя въ числѣ побѣдителей, а не въ числѣ побѣжденныхъ, и за независимость ея неизбѣжно должна была вступить Пруссія. Къ тому же, Германія должна была служить непреодолимою преградой Франціи, а потому не могла быть обезсилена подобно Италіи. Образованіе обширной федеральной системы съ точнымъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей членовъ ея и съ обезпеченіемъ ей поддержки Нидерландовъ, Даніи, Пруссіи и Австріи должно было надѣлать Германію силою, необходимою для того, чтобы сдѣлать изъ нея блюстителя и оплотъ мира и безопасности Европы. Но эта мощная федеральная организація, въ свою очередь, легко могла сдѣлаться угрозой для своихъ сосѣдей. Задача, слѣдовательно,

состояла въ томъ, чтобы надѣлать Германію великою оборонительною силой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе великою силой инерціи, которая сдѣлала бы ее неспособною ни къ какому наступательному предпріятію. Лишь такимъ образомъ надѣялись создать въ Германіи непреодолимое препятствіе всякому столкновенію, способному раздѣлить всю Европу на два враждебныя лагеря, но препятствіе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы совершенно безвредно для независимости и спокойствія своихъ сосѣдей. Понятно, что на Вѣнскомъ конгрессѣ условія эти должны были явиться естественными и непроходимыми предѣлами честолюбивымъ замысламъ вѣнскаго кабинета.

Естественнымъ выводомъ этой обстановки вопроса о перерожденіи Германіи было то, что Вѣнскій конгрессъ, хотя и не возвращаясь къ прежней дробности Германіи (слишкомъ на 300 отдѣльныхъ владѣній), оказавшейся главною причиною ея безсилія и открывавшей постоянный доступъ интригамъ Франціи ¹⁾, счелъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ сохранить самый принципъ этого раздѣленія ея на множество второстепенныхъ и мелкихъ державъ, облеченныхъ совершенною независимостью и участвующихъ въ управленіи всѣми общими дѣлами Германіи. Этихъ государствъ оказалось 35 ²⁾; въ случаѣ войны Германскаго союза ни одно изъ нихъ не пользовалось правомъ ни входить въ сношенія съ непріятелемъ, ни оставаться нейтральнымъ; но каждому изъ нихъ предоставлялось право участвовать, по своему усмотрѣнію, въ войнахъ между иностранными державами, когда эти войны не касались интересовъ Германіи. Дѣла общія всему союзу рѣшались

¹⁾ Изъ замѣчательнаго сочиненія Янсена, подъ заглавіемъ: *Frankreichs Rheingelüste und deutsch-feindliche Politik* (Франкфуртъ, 1861 года), видно, что уже при Людовикѣ XIII въ ежегодные расходы по иностраннымъ дѣламъ французскаго правительства вносились постоянно весьма значительная сумма, назначенная на подкупъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ. «Будучи дофиномъ», говоритъ г. Янсентъ, «Людовикъ XI былъ изгнанъ за границу въ наказаніе за бунтъ противъ своего отца. Странствуя нѣсколько лѣтъ въ Германіи, въ Бургундіи и въ Швейцаріи, онъ изучилъ средства, приложенныя имъ къ дѣйствительности по восшествіи на французскій престолъ, сѣять вездѣ сѣмена международныхъ раздоровъ и попирать ногами права прочихъ державъ....» Царствованіе его дѣйствительно доказало, что онъ умѣлъ извлечь пользу изъ приобретенныхъ имъ назиданій. Съ его времени начинаются безпрестанныя интриги Франціи въ Германіи, вслѣдствіе чего каждый разъ когда возникала между ними война, часть владѣтельныхъ принцевъ Германіи постоянно оказывала то тайное, то явное пособіе племенному врагу ея отечества.

²⁾ Германскій союзъ, учрежденный актами Вѣнскаго конгресса отъ 1815 и 1820 годовъ, состоялъ всего изъ 40 отдѣльныхъ частей со включеніемъ Австріи, Пруссіи, Дании за Голштинію и Лауэнбургъ, Нидерланды за герцогство Лимбургъ и великое герцогство Мекленбургское, принадлежащее не королевству, а королю Нидерландовъ, какъ главѣ дома Оранскаго. Въ 1849 истребили дѣя изъ этихъ державъ: герцогства Гогенцоллернъ-Гехингенъ и Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ вслѣдствіе отреченія ихъ владѣтелей въ пользу прусской династіи Гогенцоллернъ.

сеймомъ, составленнымъ изъ представителей всѣхъ державъ, входящихъ въ составъ союза; самыя населенія Германіи исключены отъ всякаго участія въ этихъ совѣщаніяхъ. Всѣ державы, участвовавшія въ союзѣ раздѣлялись для совѣщаній сейма на XVII курій, при полномъ собраніи которыхъ (Plenum) число голосовъ было 66, при чемъ двѣ великія державы и четыре второстепенныхъ королевства имѣли по 4 голоса каждый, 5 державъ имѣли по три голоса, три по 2, три по одному, а остальные четыре куріи (XII, XV, XVI и XVII) были составлены изъ нѣсколькихъ мелкихъ державъ и вольныхъ городовъ, и пользовались однимъ составнымъ голосомъ каждая. Рѣшенія, въ полномъ собраніи сейма, принимались по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ. Кромѣ полного собранія, сеймъ совѣщался и въ отдѣльныхъ комитетахъ своихъ, гдѣ всѣ куріи имѣли одинаково по одному лишь голосу, и рѣшенія принимались по простому большинству голосовъ. Большая часть рѣшеній комитетовъ имѣли характеръ приготовительный, но безъ этого предварительнаго рѣшенія не могла быть принята почти ни одна военная резолюція полного собранія; а между тѣмъ, въ комитетахъ, равенство числа голосовъ позволяло, напримѣръ, XVI куріи, составленной изъ семи отдѣльныхъ государствъ, совокупный военный контингентъ коихъ простирался всего на 4,407 человекъ, перевѣшивать голосъ Австріи или Пруссіи, тогда какъ первая ставила въ распоряженіи сейма 154,460 головъ, а вторая 147,632 человекъ военного контингента. Съ другой стороны, для рѣшеній полного собранія, обремененнаго правомъ объявлять войну, требовалось большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ, что, разумѣется, значительно затрудняло всякое рѣшеніе подобнаго рода. Такимъ образомъ, какъ въ комитетахъ, такъ и въ полномъ собраніи сейма, перевѣсъ очевидно предоставлялся интересамъ второстепенныхъ государствъ Германіи, уже по самому существу своему лишенныхъ всякихъ причинъ и всякой возможности предаваться случайностямъ и опасностямъ честолюбивой и предприимчивой политики.

Итакъ, создать изъ Германіи грозную оборонительную массу, лишенную всякой возможности увлечься завоевательными поползновеніями и одаренную, въ высшей степени, силою инерціи, таковы были главныя основанія системы, помощью которой Вѣнскій конгрессъ, надѣялся устранить навсегда всякую возможность возобновленія бѣдствій, опустошавшихъ Европу отъ 1792 по 1815 годы. Расчеты его, можетъ быть, оказались бы болѣе прочными, еслибы эта новая организація предшествовала событіямъ, возобновленію которыхъ она назначена была служить непреодолимымъ препятствіемъ. Но, въ продолженіе этихъ событій, въ самой Германіи, — этомъ основномъ оплотѣ будущаго мира, — вліяніемъ претерпѣнныхъ ею бѣдствій и усиліями самихъ правительствъ ея вызванъ былъ на сцену политической жизни новый дѣятель, принявшій самое страстное, самое восторженное участіе въ

низверженіи общаго врага, и исключенный изъ среды побѣдителей, какъ только дѣло дошло до разверстанія и распредѣленія дослѣдствъ разбитаго непріятеля. Этотъ новый дѣятель былъ духъ германской народности, ни разу не подававшій до тѣхъ поръ никакого признака жизни, до такой степени даже, что самъ Лессингъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей литературнаго движенія, проявившагося въ Германіи съ 1750 года, съ прискорбіемъ сознавался, что отличительная черта характера нѣмецкой національности состоитъ въ томъ, что у нея нѣтъ никакого характера. Это странное отсутствіе всякаго энергическаго національнаго чувства, общаго всей Германіи, выражалось въ продолженіе всѣхъ войнъ Французской республики и первой имперіи безпрепятственнымъ и почти безропотнымъ смиреніемъ, постоянно оказываемымъ германскими народами завоеваніямъ своего грознаго сосѣда. За исключеніемъ весьма незначительныхъ тайныхъ заговоровъ нѣмецкихъ студентовъ, Германія, до самаго 1813 года, не проявляла ни разу ничего подобнаго тому истинно національному движенію, которое такъ удивило Наполеона I, когда войска его вступили въ предѣлы нашей народности. Въ продолженіе всего своего существованія съ тѣхъ поръ какъ она стала просвѣщаться христіанствомъ и латинскою наукою, Германія не выработала ни одного факта, проявившаго существованіе какой нибудь мысли объ отдѣльной германской національности. Всѣ проявленія ея нравственной и политической жизни, напротивъ, были проникнуты постоянно характеромъ космополитическимъ, исключающимъ всякое понятіе объ отдѣльной національности. Такъ, учрежденіе священной Римской имперіи, о которой Вольтеръ остроумно замѣтилъ, что она не была ни *священною*, ни *римскою*, ни даже *имперіей*, въ смыслѣ придаваемомъ до нея этому слову исторіею, — священная Римская имперія, какъ означаетъ самое названіе ея, не имѣла и не могла имѣть никакого исключительнаго національнаго характера, такъ какъ, въ сущности, она была лишь заявленіемъ правъ свѣтской власти въ присутствіи домогательствъ духовной власти Рима, стремящейся къ всемірному господству. Тоже самое можно сказать и о реформѣ, возникшей инициативою богемскихъ славянъ, поддержанной въ борьбѣ своей геройствомъ шведскихъ скандинавовъ и восторжествовавшей надъ своими врагами усиліями французскихъ латиновъ и католиковъ. По самому существу своему, оспаривая притязанія власти въ высшей степени космополитической по домогательствамъ своимъ къ всемірному господству, и Реформація и священная Римская имперія, — эти два величайшія проявленія нравственной и политической жизни Германіи до 1813 года, должны были сами проникнуться характеромъ космополитическимъ, исключающимъ всякія племенные различія. Глубокое вліяніе этого факта высказывалось на всякомъ шагѣ въ продолженіе войнъ, выдержанныхъ германскими пра-

вительствами противъ Французской республики и первой имперіи. Война происходила исключительно между германскими правительствами и французскимъ народомъ; народы Германіи не считали себя участниками въ ней. Сами правительства какъ бы поощряли эту космополитическую апатію, несмотря на то, что, поразивъ ихъ войска и захвативъ ихъ столицы, Наполеонъ предписывалъ имъ самыя тягостныя и унижительноя условія мира, и сами жители столь патріотическаго нынѣ Берлина не оказали ни малѣйшаго негодованія, когда, по полученіи извѣстія о наступленіи наполеоновскихъ полчищъ послѣ побѣдъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, разгромившихъ прусскую армію, само правительство обнародовало прокламацію, въ заключеніи которой было сказано, что «въ виду предстоящихъ опасностей, первый долгъ гражданина есть *оставаться спокойнымъ*».

Какъ ни гордится нынѣ Германія своимъ просвѣщеннымъ патріотизмомъ; какъ ни иронически спрашиваетъ ея печать, по примѣру Франціи: неужели свѣтъ придетъ къ ней съ Сѣвера?—а все таки ей нельзя не признаться въ томъ, что первыя проявленія чувства и самаго сознанія германской національности произошли лишь въ 1813 году, въ подражаніе великихъ событій совершившихся на *Сѣверѣ* и при свѣтѣ высокихъ назиданій единодушнаго возстанія русской народности противъ дерзкихъ попытокъ иностраннаго завоевателя. Эти назиданія впервые убѣдили нѣмецкія правительства въ необходимости сблизиться съ народами и вызвать въ нихъ чувства національнаго достоинства и независимости, какъ единственныя средства одержать верхъ въ борьбѣ съ французскимъ народомъ. Знамя народной войны, водруженное впервые Испанію и Россію, стало развѣваться и въ Германіи, гдѣ оно впервые поднято Пруссією и встрѣтило горячее сочувствіе, готовое на самопожертвованіе, преимущественно въ средѣ германскихъ университетовъ, но впервые же возбудило противъ себя недовѣріе австрійскаго правительства.

Таковъ былъ новый дѣятель, вызванный въ 1813 году къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія Германіи. Для всѣхъ германскихъ патріотовъ того времени поработаніе ея Наполеономъ I явилось логичнымъ, неотвратимымъ послѣдствіемъ разъединенія ея силъ, подъ вліяніемъ не только географической дробности ея, но также и внутренняго раздѣленія каждой ея части, лишенной всякой опоры со стороны своего населенія и предоставленной единственно защитѣ своего правительства. Объединеніе Германіи и призваніе ея гражданъ къ участію въ управленіи ихъ родиною, другими словами: *единство и свобода*, таковы были слѣдовательно первыя требованія вновь созданнаго чувства германской національности, въ виду необходимости отградить отъ новыхъ нападокъ достоинство и независимость общаго *нѣмецкаго отечества*. Влеченіе это выразилось такъ сильно, что не

смотря на консервативные принципы короля Пруссіи Фридриха Вильгельма III, правительство ея не могло устоять противъ этого напора общественнаго мнѣнія, и прусскіе министры, Штейнь и Гарденбергъ, пытались войти въ соглашеніе съ самимъ княземъ Меттернихомъ, дабы сосредоточить всѣ силы Германіи въ двухъ мощныхъ рукахъ,— Австріи и Пруссіи, назначивъ теченіе Майна границею между обоими предводительствами, сѣвернымъ и южнымъ.

Но князь Меттернихъ имѣлъ другіе виды; во всякомъ случаѣ, ему, какъ министру австрійской имперіи, прямой наслѣдницы космополитическаго цезаризма священной Римской имперіи, менѣе чѣмъ кому нибудь подобало взять въ руки вопросъ независимаго существованія какова бы то ни было національнаго чувства, точно также какъ и вопросъ о самоуправленіи Германіи и, наконецъ, даже вопросъ ея объединенія. Дробность Германіи, подъ предсѣдательствомъ Австріи, представляла ей возможность сосредоточить все управленіе центральною властью въ рукахъ вѣнскаго кабинета; во всякомъ случаѣ, ему противна была самая мысль подѣлиться центральною властью надъ Германіею съ бывшимъ васалломъ Габсбургскаго дома¹⁾. Къ тому же, эта дробность казалась необходимымъ залогомъ безопасности и независимости сосѣднихъ державъ, вслѣдствіе чего понятно, что основная мысль кн. Меттерниха должна была встрѣтить значительное сочувствіе въ кругу дипломатовъ Вѣнскаго конгресса. Эта мысль дѣйствительно одержала верхъ, а вмѣстѣ съ нею, германскія державы, участвовавшія въ Вѣнскомъ конгрессѣ, по неволѣ должны были принять за основаніе своей внутренней политики и систематическое угнетеніе всякаго выраженія свободной мысли народовъ, такъ какъ это угнетеніе служило необходимымъ дополненіемъ и естественной поддержкой политической системы князя Меттерниха, основанной вопреки и на перекоръ самымъ единодушнымъ требованіямъ этой мысли.

Такимъ образомъ, съ самаго начала дѣла ожидаемаго вѣнскими трактатами, Пруссія, силою самихъ событій, сдѣлалась безсознательнымъ и невольнымъ представителемъ требованій германскаго народа, а Австрія—защитницею порядка вещей, основные принципы котораго признаны были главными причинами немощности, оказанной Германіею въ борьбѣ съ французскою республикою. Къ тому же, подъ влияніемъ завистливой недовѣрчивости Австріи, Пруссія, хотя и значительно увеличенная вѣнскими трактатами, вынесла изъ тогдашней передѣлки карты Европы самое противоестественное и нелогичное географическое очертаніе, такъ какъ владѣнія ея были раздѣлены на двѣ об-

¹⁾ Въ 1701 г., императоръ Леопольдъ даровалъ курфюрсту Бранденбургскому Фридриху III титулъ короля, въ награду за помощь оказанную имъ имперіи въ войнѣ съ турками. Князь Меттернихъ неоднократно говаривалъ, что министры, посовѣтовавшие Леопольду подобную глупость, были достойны висѣльцы.

ширныя части, разрозненныя одна отъ другой цѣлою группою второстепенныхъ и мелкихъ владѣній. Недовольная новымъ порядкомъ, Пруссія, по неволѣ, стала сливать дѣло своего собственнаго объединенія съ дѣломъ объединенія Германіи и сдѣлалась, почти безсознательно, предметомъ темныхъ, неопредѣленныхъ, но пылкихъ надеждъ насильно подавленнаго и замятаго чувства германской національности, между тѣмъ какъ Австрія сдѣлалась естественною опорой (принципа нѣмецкаго *партикуляризма*, лежащаго въ основаніи существованія отдѣльныхъ, второстепенныхъ и мелкихъ правительствъ Германскаго союза. Такимъ образомъ, объясняется огромный перевѣсъ пріобрѣтенный въ цѣлой Германіи, а слѣдственно и въ цѣлой Европѣ, княземъ Меттерникомъ, служившимъ, въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ, олицетвореніемъ консервативной реакціи противъ народнаго движенія вызваннаго Пруссією, по примѣру Россіи, для низверженія ига французскаго завоеванія. Германскій сеймъ, составленный изъ представителей не народовъ, а правительствъ Германіи, долженъ былъ безусловно покоряться кн. Меттернику, считая его систему и его волю вѣрнѣйшимъ оплотомъ самаго существованія этихъ правительствъ. Предсѣдательствуя надъ преданнымъ ей германскимъ сеймомъ, владѣя, съ другой стороны, сѣверною, и господствуя надъ среднею Италіею при посредствѣ ея владѣтелей, членовъ габсбургскаго дома, Австрія, очевидно, сдѣлалась осью вращенія политической жизни всей центральной Европы и естественнымъ оплотомъ и основаніемъ зданія, сооруженнаго вѣнскими трактатами.

Понятно, что вліяніе этого преобладанія системы князя Меттерника не могло выражаться иначе во внутренней жизни германскихъ и италіанскихъ государствъ, какъ повсемѣстнымъ угнетеніемъ всякихъ проявленій свободной мысли и воли ихъ обществъ, требовавшихъ, прежде всего, обезпеченія національной независимости, путемъ единства и самоуправленія. Съ свойственною ему пронизательностью, князь Меттерникъ взиралъ съ одинаково враждебнымъ взглядомъ на проявленія этихъ чувствъ въ Германіи и въ Италіи, и тягость его опасеній испытали въ одинаковой мѣрѣ и италіанскіе *Карбонари* и нѣмецкій *Тугендбундъ*, образовавшійся подъ вліяніемъ патріотическихъ порывовъ 1813 года, съ цѣлью изгнать французовъ изъ Германіи, но принужденный послѣ 1815 года сдѣлаться тайнымъ убѣжищемъ повсемѣстно преслѣдуемаго нѣмецкаго патріотизма, и впавшій, вслѣдствіе этого, во всѣ нелѣпыя неистовства, неразлучныя съ тайными обществами, съ подавленными сознаніями права, съ отсутствіемъ свободного и гласнаго обсужденія ¹⁾. Не находя возможности высказаться

¹⁾ Жертвою политическихъ мщеній *Тугендбунда* палъ въ 1819 году, въ Мангеймѣ, вѣстный нѣмецкій писатель Коцебу.

на своей родинѣ, патриотическій либерализмъ Германіи, подчиняясь давленію, вытѣснявшему его съ юга на сѣверъ, нашелъ убѣжище въ герцогствѣ Голштиніи, подвластномъ Даніи, пользовавшейся несравненно болѣе либеральнымъ правительствомъ чѣмъ вся Германія, безпрекословно подчинившаяся всѣмъ насиліямъ политической доктрины князя Меттерниха. Фридрихъ VI, король Даніи, любилъ Германію, восхищался сокровищами нѣмецкой словесности ¹⁾, цѣнилъ достоинства нѣмецкаго языка и дорожилъ глубокомысленностью нѣмецкой науки. Подъ сѣнію его благодушнаго правительства, Кильскій университетъ сдѣлался вскорѣ пріютомъ самыхъ восторженныхъ либераловъ и патриотовъ Германіи, вліянію которыхъ предоставлено было все народное просвѣщеніе, не только въ Голштиніи и Лауэнбургѣ, странахъ чисто нѣмецкихъ и входившихъ въ составъ Германскаго союза, но даже и въ Шлезвигѣ, гдѣ главная масса населенія принадлежитъ скандинавскому племени, но которое, несмотря на то, въ силу древняго обычая, имѣло общую, болѣею частью нѣмецкую, администрацію съ Голштиніею. Никто не подозрѣвалъ въ то время гибельныхъ послѣдствій этой пропаганды, выработывавшей по-немногу теорію «великаго нѣмецкаго отечества.» Олицетвореніемъ этой пропаганды явилась страстная, но даровитая личность извѣстнаго профессора Дальмана, посвятившаго цѣлую жизнь свою на изысканіе доказательствъ вымышленнаго имъ права Голштиніи и Шлезвига пользоваться нераздѣльнымъ и независимымъ политическимъ существованіемъ, въ федеральной связи единственно съ «великимъ германскимъ отечествомъ.» Право это исчезло уже въ 1490 году, когда Шлезвигъ составилъ особый удѣлъ датской монархіи, а затѣмъ, окончательно въ 1658 г., когда большая часть его была уступлена Швеціи. Довѣрчивое правительство Фридриха VI, несмотря на полное и безусловное присоединеніе Шлезвига къ Даніи, въ 1720 г. (при королѣ Фридрихѣ VI), единственно во уваженіе древняго обычая, сохранило обоимъ герцогствамъ общую администрацію, хотя Вѣнскимъ конгрессомъ окончательно признано, *de jure*, раздѣленіе герцогствъ, введеніемъ одной Голштиніи въ

¹⁾ Копенгагенскій дворъ постоянно славился покровительствомъ оказаннымъ имъ нѣмецкимъ ученымъ и поэтамъ. Такъ, Фридрихъ V пріютилъ странствующаго Клопштока; Крамеръ, Шлегель, Штурцъ, Крауенштейнъ постоянно находили въ Копенгагенѣ вѣрный пріютъ и щедрое гостепримство. Геттингенскіе ученые возносили тогда до небесъ *Danos dona ferentes*. При Христіанѣ VIII тотъ же самый Геббель, который привѣтствовалъ, въ 1861 году, прусскаго короля Вильгельма I прозваніемъ «освободителя», получалъ пенсію отъ датскаго правительства, и даже самъ Дальманъ, творецъ теоріи *Шлезвигъ-Голштинизма*, долгое время пользовался въ Копенгагенѣ весьма доходнымъ казеннымъ мѣстомъ. Съ конца прошлаго столѣтія, вся Германія не переставала воспѣвать просвѣщенную и либеральную щедрость «копенгагенскихъ меценатовъ», сдѣлавшихъ изъ кильскаго университета настоящую *alma mater* нѣмецкой науки и словесности (*Revue des deux Mondes*, отъ 1 апрѣля 1865 г.).

составъ Германскаго союза. Дальманъ, тѣмъ не менѣе, утверждалъ, что отысканное имъ право стоитъ выше всѣхъ возможныхъ трактатовъ, такъ какъ, въ 1386 г., девизомъ обоихъ герцогствъ было: *in ewig ungedeelt* (на вѣчно нераздѣльны).

Такимъ образомъ, подъ благодушнымъ покровительствомъ датскаго либерализма, открыта въ кильскихъ архивахъ и выработана въ кильскомъ университетѣ пресловутая теорія *Шлезвигъ-голштинизма*, въ видѣ перваго протеста чувства германской національности противъ постановленій Вѣнскаго конгресса. Само собою разумѣется, что эта пропаганда не могла удовлетвориться проведеніемъ отвлеченной теоріи; ей, прежде всего, нуженъ былъ претендентъ, олицетворяющій эту теорію, и способный взять въ руки дѣло возстановленія независимости вновь изобрѣтенной составной народности, независимости, не существовавшей съ 1460 года, и явно противорѣчащей постановленіямъ Вѣнскаго конгресса. Такимъ претендентомъ оказался принцъ Христіанъ Карлъ Августъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ-Августенбургъ, династическія права котораго на мечтаемый престолъ независимаго и обнѣмеченнаго Шлезвигъ-Голштейна сдѣлались любимой темой ученыхъ, но пристрастныхъ диссертаций неугомонныхъ агитаторовъ кильскаго университета ¹⁾.

Понятно, что при слѣпномъ покровительствѣ, оказываемомъ нѣмецкой пропагандѣ самимъ правительствомъ Даніи, многолѣтнія, настойчивыя и искусныя усилія Дальмана и его послѣдователей, Дройзена и Вайца, не могли не имѣть успѣха въ чисто нѣмецкой Голштиніи. Въ Шлезвигѣ, древнемъ достояніи скандинавскаго племени и датской монархіи, усилія эти могли имѣть успѣхъ лишь между крупными землевладѣльцами и богатыми промышленниками, служившими какъ бы

¹⁾ Уже въ началѣ XVIII вѣка принцы Августенбургскіе отказались отъ всякихъ правъ на Шлезвигъ. Въ 1758, они продали датскому королю свои наслѣдственныя княжества. Но, въ концѣ XVIII вѣка, принцъ Фридрихъ-Христіанъ, отецъ принца Христіана-Карла и принца Нозеръ, сочетался бракомъ съ дочерью датскаго короля Христіана VII, сестрою короля Фридриха VI. Сблизившись съ престоломъ, принцы Августенбургскіе, жившіе съ 1758 г. какъ частные люди, стали увлекаться честолюбивыми замкслими, мечта сначала о достиженіи королевскаго престола либо въ Даніи, либо въ Швеціи. Въ 1809 г., происки ихъ было увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе избранія принца Христіана-Августа Августенбургскаго наслѣднимъ принцемъ шведскимъ; но скоропостижная смерть поразила его вскорѣ по прибытіи въ Швецію. Не предвидя возможности достигнуть королевскаго престола, принцы Августенбургскіе стали мечтать о созданіи новаго герцогскаго престола Шлезвигъ-Голштиніи, несмотря на то, что совершенное присоединеніе Шлезвига къ Даніи, вслѣдствіе его завоеванія, было признано дѣломъ Европою въ 1720—21 годахъ, а Голштейнъ въ 1773 году окончательно уступленъ Даніи, *въ замѣну Ольденбургъ*, Павлу Петровичу, какъ герцогу Голштейнъ-Готторъ-Ейтинъ (Еutin), передавшему его при вступленіи на російскій престолъ младшей отрасли герцоговъ Голштейнъ-Готторъ.

авангардомъ безпрестанно усиливавшася наплыва германскаго элемента. Сельское населеніе Шлезвига долгое время оставалось непоколебимо вѣрно своимъ родственнымъ узамъ съ скандинавскимъ населеніемъ Ютландіи. Но эта неудача пропаганды кильскихъ профессоровъ въ Шлезвигѣ была совершенно вознаграждена всеобщимъ восторгомъ встрѣтившимъ ее въ Германіи. Этотъ первый успѣхъ до такой степени ободрилъ голштинскихъ агитаторовъ, что уже въ 1822 году, два года по окончательномъ включеніи Голштиніи въ составъ германскаго союза, депутація ея *прелатовъ и дворянъ* (Prälaten und Rittern) подала франкфуртскому сейму прошеніе съ жалобами на угнетенія, будто бы претерпѣваемые ихъ шлезвигскими «братями». Но эта первая попытка,—перенести вновь созданный шлезвигъ-голштинскій вопросъ изъ области ученой полемики на поприще политической дѣятельности, оказалась рѣшительно преждевременною. Надъ цѣлою Германіей господствовала во всей силѣ мысль и воля князя Меттерниха, а всякій вопросъ, такъ или иначе касавшійся права нѣмецкой національности, не могъ не возбудить его справедливыхъ опасеній. Само собою разумѣется, что, подчиняясь вліянію его, ни одно правительство Германіи не чувствовало ни малѣйшаго поползновенія стать въ головѣ движенія, обнаруживавшагося въ общественномъ мнѣніи въ пользу германской пропаганды въ Шлезвигѣ. Такимъ образомъ вышло, что, при обсужденіи голштинскаго прошенія, въ засѣданіи сейма 10-го іюля 1823 г., даже прусскій уполномоченный объявилъ, что, «не говоря уже о всѣхъ возможныхъ возраженіяхъ противъ требованія подписчиковъ прошенія о соединеніи Шлезвига съ Голштиніею, *федеральный Сеймъ не можетъ имѣть никакого вліянія на этотъ предметъ*, такъ какъ Шлезвигъ не входитъ въ составъ федеральной организаціи, и слѣдовательно *остается въ сторонѣ отъ дѣйствія власти Германскаго союза*;» а въ засѣданіи 17-го ноября 1823 г., сеймъ рѣшительно объявилъ депутаціи представившей голштинское прошеніе, что онъ «находитъ ея жалобы неосновательными.»

Между тѣмъ, во Франціи произошла іюльская революція 1830; а вслѣдъ за нею, бельгійская революція нанесла первый чувствительный удар системѣ князя Меттерниха, отдѣленіемъ Бельгіи отъ Голландіи. На сѣверо-западной границѣ Франціи оказалось малосильное королевство въ 4,500,000 жителей, не состоящее въ связи съ федеративною организаціей центральной Европы. Въ замѣнъ этой опоры, нейтралитетъ Бельгіи былъ гарантированъ цѣлою Европой, за исключеніемъ Россіи, признавшей новое королевство лишь въ 1849 г. Миротлюбіе и смиренность оказанныя новымъ французскимъ правительствомъ, а болѣе всего воздержаніе Германіи отъ всякаго участія въ революціонномъ движеніи Франціи, Бельгіи и Польши, успокоили вѣнскій кабинетъ на счетъ возможныхъ послѣдствій этого движенія. Вся Герма-

нiя была погружена въ то время въ философскiя отвлеченности; никто въ ней не обращалъ вниманiя на восторженные мечтанiя *юной Германiи*, и только одинъ *Шлезвигъ-Голштинизмъ* имѣлъ силу переносить вниманiе общественнаго мнѣнiя отъ пренiй объ Гегелѣ и Фихте къ вопросамъ, касающимся дѣйствительной жизни нѣмецкаго народа. *Шлезвигъ-Голштинизмъ* сдѣлался такимъ образомъ единственнымъ фактомъ, въ которомъ еще высказывалось замѣтое чувство германской національности, и вотъ почему вѣнсскiй кабинетъ, руководимый княземъ Меттернихомъ, оказалъ ему, съ самаго начала, покуда онъ казался безвреднымъ, совершенное равнодушию, а впоследствии даже явное нерасположенiе, когда этотъ вопросъ видимо сталъ переходить изъ области литературы въ область политической агитацiи. Покуда вся Германiя подчинялась безпрекословно волѣ и мысли князя Меттерниха, всѣ правительства ея держались той же постановки относительно призыванiй германскаго патриотизма на отдѣленiе Шлезвигъ-Голштейна отъ Дании, вслѣдствiе чего, всякое измѣненiе этой постановки должно было служить въ исторiи новѣйшей Германiи вѣрнымъ признакомъ ослабленiя консервативнаго начала, олицетвореннаго кабинетомъ князя Меттерниха, и соотвѣтственнаго усиленiя принципа національной реакцiи, облеченной въ страстныя и насильственныя формы истинной революцiи. Такимъ образомъ выходитъ, что Шлезвигъ-Голштейнскiй вопросъ становится какъ бы мѣриломъ нравственнаго состоянiя Германiи, пульсомъ, биенiями котораго означается состоянiе ея политическаго здравiя.

Въ 1830 году, этотъ пульсъ былъ совершенно спокоенъ, благодаря, преимущественно, отвлеченному направленiю тогдашняго германскаго общества и безпрекословной покорности, оказываемой всѣми нѣмецкими правительствами, политическому направленiю указанному имъ вѣнскимъ кабинетомъ. Теорiя *Шлезвигъ-Голштинизма* оставалась въ предѣлахъ ученой полемики; однихъ слуховъ и газетныхъ намѣковъ на права какаго то неизвѣстнаго претендента было недостаточно для придаванiя этой теорiи положительнаго характера политическаго вопроса, олицетвореннаго истцемъ, требующимъ признанiя доказаннаго права. Этотъ недостатокъ былъ до нѣкоторой степени отвращенъ, въ 1837 году, появленiемъ, въ Галлѣ, брошюры, подъ заглавiемъ: «*О престолонаследiи въ Шлезвигъ-Голштейнѣ*», въ которой доказывалось, что въ случаѣ предвидѣннаго въ то время пресѣченiя датской династiи дома Ольденбургскаго, на несуществовавшей съ 1460 года отдѣльный престоль Шлезвигъ-Голштинiи долженъ былъ вступить герцогъ Христианъ Карлъ-Августъ Августенбургскiй, и упускалось изъ виду, что Шлезвигъ отъ 1658 до 1720 года былъ во власти Швецiи, и возвращенъ Дании силою ея оружiя, послѣ чего вся Европа признала въ 1720 и 21 годахъ нераздѣльность его съ Даниею, что было подтверждено и

завключительнымъ актомъ Вѣнскаго конгресса въ 1820 году. Авторомъ этой брошюры въ послѣдствіи оказался самъ герцогъ; но, несмотря на то, что она торжественно заявляла притязанія Августенбургскаго дома на распадѣніе Датской монархіи, несмотря на всеобщее движеніе, произведенное ею въ Германіи, въ Голштиніи и даже въ Шлезвигѣ, король Даніи, Христіанъ VIII (1839 по 1848), до такой степени былъ ослѣпленъ непостижимымъ довѣріемъ своимъ къ официальнымъ завѣреніямъ преданности голштинцевъ, что самое управление обоими герцогствами было ввѣрено имъ брату претендента, принца Августенбургскаго ¹⁾, изболченному въ послѣдствіи въ многолѣтней, систематической, тайной измѣнѣ, въ пользу пропаганды германской національности, а еще болѣе, въ пользу домогательствъ своего брата.

Такимъ образомъ, съ 1837 года, теорія Шлезвигъ-Голштинизма облеклась, въ глазахъ германскаго общества, въ форму настоящаго политическаго вопроса, которому недоставало лишь сочувствія нѣмецкихъ правительствъ, но служившему, несмотря на то, единственнымъ выраженіемъ чувствъ германской національности. Въ 1840 году, по поводу нѣсколько воинственной постановки французскаго министерства Тіэръ, на берегахъ Рейна произошла всеобщая тревога, пробудившая съ новою силой давно усыпленный національный восторгъ Германіи. Само собою разумѣется, что это пробужденіе, съ самаго начала, проявилось въ видѣ воинственнаго протеста противъ предполагаемыхъ домогательствъ Франціи; но, при этомъ, вполне обнаружилось, до какой степени пропаганда Дальмана, Дройзена и Вайца, и интрига принца Августенбургскаго успѣли слить притязанія Германіи на Эльбскія герцогства съ самымъ чувствомъ германской національности. — Поводомъ къ пробужденію этого чувства была Франція, а разразилось оно грозю на Данію, провозглашая явно и рѣшительно, что уже не одинъ Голштейнъ и не одинъ Шлезвигъ, а весь Ютландскій полуостровъ необходимъ нѣмецкой національности для созданія *адмиральской державы* (Admiralstaat) Германскаго союза. Безопасность нѣмецкой національности требовала, по мнѣнію агитаторовъ того времени, чтобы между обоими морями Германіи не было промежутка, принадлежащаго враждебному скандинавскому племени, и чтобы естественною границей Шлезвигъ-Голштиніи, а потому и Германіи, было на сѣверѣ одно море.

Эта новая пропаганда въ пользу *адмиральской державы* Германскаго союза разошлась также быстро, какъ и дальманская пропаганда Шлезвигъ-Голштинизма, и была принята съ такимъ же восторгомъ вильскимъ университетомъ, голштинскимъ дворянствомъ и шлезвиг-

¹⁾ Грамотою (*Patent*), отъ 6 октября 1864 г., австрійскій императоръ пожаловалъ этого измѣнника титуломъ «Принца Ноэръ».

скими вѣмецкими колоніями. Года черезъ три-четыре послѣ тревоги 1840 года, никто, въ Германіи, не вспоминалъ о предполагаемыхъ домогательствахъ министерства Тіеръ; а произведенная имъ шлезвигъ-голштейнская агитація продолжала расти и принимать съ каждымъ днемъ болѣе грозный видъ для Даніи, до такой степени даже, что Христіанъ VIII, несмотря на слѣпое благодушіе свое, несмотря на непостижимое довѣріе свое къ измѣнническимъ завѣреніямъ своего на-мѣстника (принца Ноэръ), нашелъ нужнымъ, въ 1846 году, сдѣлать формальное заявленіе и подтвержденіе правъ датской короны на Шлезвигъ. Этимъ ограничилось противодѣйствіе, оказанное датскимъ правительствомъ дѣятельной, страстной, неотступной пропагандѣ теоріи Шлезвигъ-Голштинизма, правъ Аугустенбургскаго дома и необходимости созданія «*адмиральской державы*». Тѣмъ не менѣе, этого простого заявленія правъ обезпеченныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ было достаточно для поднятія въ цѣлой Германіи противъ датскаго правительства такой бури, какой оно до тѣхъ поръ еще не видало. На этотъ разъ сдѣлалось очевидно, что движеніе, уже тридцать лѣтъ производимое въ обществѣ всякаго рода рѣчами, брошюрами и частными статьями, начинало сообщаться и правительствамъ Германіи. Не только въ университетахъ Гейдельберга, Бонна, Гёттингена, Лейпцига и прочихъ, но и въ палатахъ представителей Бадена, Виртемберга и Баваріи выразилось самое ожесточенное негодованіе противъ Даніи; принцы Аугустенбургъ и Глюксбургъ и герцогъ Ольденбургскій подали сейму протесты противъ «угнетательныхъ притязаній» датскаго правительства, вслѣдствіе чего «высокое» франкфуртское собраніе, забивъ вѣроятно образъ мыслей, высказанный имъ въ 1823 году, резолюціей отъ 17 сентября 1846 года признало необходимость «имѣть въ виду права всѣхъ и cadaго, но особенно *права германскаго сейма* и агна-товъ (сродниковъ по мужескому колѣну), и отдать справедливость патриотическому чувству, обнаруженному, въ этомъ случаѣ, многими правительствами Германіи.»

Это рѣзкое различіе между резолюціями, принятыми германскимъ сеймомъ въ 1823 и въ 1846 годахъ, по поводу шлезвигъ-голштейнскаго дѣла, опредѣляетъ размѣры побѣды, одержанной въ этотъ промежутокъ времени реакцію чувства германской національности надъ консервативными принципами меттернихской политики. Движеніе, возникшее въ 1840 году, на берегахъ Рейна, начинало рѣшительно одерживать верхъ надъ неоспоримымъ до того времени преобладаніемъ вѣнскаго кабинета надъ Германією, и не только сами правительства явно начинали переходить на сторону его соперниковъ, но и созданіе кн. Меттерниха, франкфуртскій сеймъ, начиналъ обнаруживать стремленія, совершенно несогласныя съ основными принципами меттернихской политики. Обстоятельство, болѣе всего способствовавшее этому

перевороту, было то, что 7 июня 1840 г., въ самомъ разгарѣ патриотическаго восторга, возбужденнаго въ Германіи хвастливыми выходками министерства Тіэръ, на престолъ Пруссіи вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, не скрывавшій никогда своего убѣжденія въ необходимости преобразовать организацію федеральнаго сейма, съ цѣлью дать Германіи болѣе единства и силы, но сознававшійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что для достиженія этой цѣли, онъ «полагаетъ много надеждъ на добрую волю нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ.» Новый король Пруссіи былъ ревностный протестантъ и окружилъ себя министрами извѣстными своимъ мистическимъ піетизмомъ, подъ влияніемъ котораго, въ первые годы царствованія Фридриха Вильгельма IV, Пруссія какъ будто отставала отъ движенія общественнаго мнѣнія, обнаружившагося на берегахъ Рейна, предаваясь единственно теологическимъ и философскимъ преніямъ. Дѣйствительно, все вниманіе прусской публики сосредоточилось въ то время на ученыхъ выводахъ протестантской теологіи общества *Друзей Свѣта* (Lichtfreunde) и на усиліяхъ *нео-католиковъ* освободить католицизмъ отъ ига папской теократіи. Судя по Пруссіи, Германія, эта великая лабораторія человѣческой мысли, по-видимому, посвящалась тогда единственно своему первоначальному призванію, избавившись отъ развлеченій дѣятельной политической жизни. На дѣлѣ однако оказалось, что, для большей части этихъ партій, но особенно для «Друзей Свѣта», теологія служила лишь предлогомъ и личиною оппозиціи противъ туманнаго піетизма, руководившаго дѣйствіями министерства Эйхорнъ. Чисто-схоластическая полемика приняла вскорѣ направленіе чисто-политическое; чувство національнаго достоинства, которое, во всякой странѣ достигшей высокой степени умственнаго развитія, должно быть неразлучно съ непреодолимою потребностью всевозможнаго расширенія круга гражданскихъ и политическихъ свободъ, рѣшительно взяло верхъ надъ отвлеченностями теологіи. Уступая справедливымъ и умѣреннымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, само правительство Пруссіи стало, хотя и медленно и нерѣшительно, ослаблять, по-немногу, систему непреклонной строгости противъ всякаго выраженія свободной мысли, системы, введенной и поддержанной преобладаніемъ вѣнскаго кабинета надъ германскимъ сеймомъ. Какъ ни робки были эти первыя либеральныя попытки берлинскаго кабинета, но ихъ оказалось достаточно, чтобы доказать Германіи, что Фридрихъ Вильгельмъ IV уже далеко отошелъ отъ своего предшественника, извѣстнаго цѣлой Германіи своею безотчетной податливостью реакціонернымъ стремленіямъ кн. Меттерниха. Одушевленное и ободренное этимъ сознаніемъ, либеральное и національное движеніе, произведенное на Рейнѣ тревогою 1840, видимо стало распространяться, сосредоточиваться и устроиваться; между разными политическими партіями цѣлой Германіи завязались

постоянныя сношенія; извѣстный ученый, Гервинусъ, сталъ издавать въ Гейдельбергѣ *Нѣмецкую газету*, явно заявившую себя органомъ національнаго и конституціоннаго движенія, программа которой выражалась тремя словами: *Единство путемъ свободы*. Развитие самоуправленія въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ должно было служить основаніемъ сближенія и сплоченія всѣхъ государствъ въ одно стройное федеральное цѣлое, имѣющее въ основаніи своемъ, наравнѣ съ всѣми своими составными частями, принципъ народнаго представительства. Такимъ образомъ, въ первый разъ, постановлена и проведена мысль о созданіи *германскаго парламента*, общаго всей германской національности, какъ сосредоточеніе воли и стремленій мѣстныхъ парламентовъ, соответствующихъ политическимъ раздѣленіямъ края, и проникнутыхъ убѣжденіемъ необходимости объединенія его. Такимъ образомъ также неволью должна была появиться мысль о необходимости исключить изъ этого союза меттернихскую Австрію, оказавшуюся рѣшительно несовмѣстною съ принципомъ самоуправленія германскаго народа. Эта необходимость исключенія Австріи признана была только временною, такъ какъ недовѣріе гейдельбергскихъ патріотовъ обращалось, разумѣется, не къ «австрійскимъ братьямъ», а къ меттернихской системѣ, подъ влияніемъ которой Австрія признана была непреодолимымъ препятствіемъ всякому развитію правъ народа и національности Германіи. Къ Пруссіи, напротивъ, обращались самыя теплыя надежды либеральныхъ патріотовъ Германіи; но такъ какъ въ основаніи замысленной ими объединительной реформы долженъ былъ лечь принципъ народнаго самоуправленія, то всѣ усилія ихъ, прежде всего, имѣли цѣлью направить Пруссію на путь конституціоннаго развитія, съ тѣмъ, чтобы примѣромъ ея увлеклись бы впоследствии и второстепенныя правительства Германіи.

И такъ: добросовѣстное учрежденіе самоуправленія во всѣхъ государствахъ Германіи, начиная съ Пруссіи; сосредоточеніе этого самоуправленія въ нѣмецкомъ парламентѣ, изъ котораго временно исключилась бы Австрія; наконецъ, подъ влияніемъ этого парламента, постепенное поглощеніе, въ пользу прусской *гегемоніи* (предводительства), всей власти и самаго существованія второстепенныхъ правительствъ,—такова была политическая программа, уже совершенно выработанная и проведенная въ цѣлой Германіи «Нѣмецкою газетою», такъ сказать, наканунѣ февральской революціи 1848 года. Программа эта, по большей части, была принята партією извѣстною подъ названіемъ *партіи Готы* (Gotha-Partei), существовавшей въ то время въ видѣ тайнаго общества, составленнаго первоначально изъ остатковъ разогнаннаго и подавленнаго *Тупендбунда*, и съ 1840 года начавшаго собирать денежные пожертвованія всѣхъ временныхъ па-

тріотовъ въ пользу дѣла объединенія «великаго германскаго отечества.»

Эта программа гейдельбергскихъ патріотовъ въ сущности сходилась съ мнѣніемъ, заявленнымъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV на счетъ необходимости сосредоточенія силъ федеральной Германіи. И король и патріоты прежде всего сознавали необходимость этого сосредоточенія; расходились же мнѣнія ихъ болѣе въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли, чѣмъ въ самой цѣли, такъ какъ король неоднократно заявлялъ, что онъ, въ этомъ случаѣ, «полагаетъ большія надежды на добрую волю владѣтельныхъ принцевъ», а патріоты рассчитывали на нихъ только для дарованія, въ подражаніе Пруссіи, болѣе или менѣе либеральныхъ конституцій своимъ народамъ, а для всего остального, а особенно для объединенія Германіи, они рассчитывали единственно на инициативу представительныхъ учреждений и на энергическое содѣйствіе прусскаго правительства. Расчеты ихъ, повидимому, стали оправдываться, такъ какъ, къ неопысанному восторгу всей патріотической Германіи, въ 1847 году, Фридрихъ Вильгельмъ IV. внезапно даровалъ Пруссіи грамоту (Patent), положившую первыя основанія народному представительству; сверхъ того, поручилъ своему министру и наперснику, генералу Радовицъ, войти въ сношенія съ кн. Меттернихомъ для преобразованія федеральнаго договора, и даже уполномочилъ его объявить канцлеру австрійской имперіи, что, въ случаѣ нужды, Пруссія рѣшилась обойтись и безъ содѣйствія Австріи.

А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

III.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ ЮЖНОЙ ИТАЛІИ.

..... Мнѣ пришлось провести нынѣшнее лѣто въ одной изъ воевавшихъ странъ, но вдалекѣ отъ самаго театра войны, и потому я долженъ ограничиться передачею тѣхъ случайныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, которыя я выносилъ прямо изъ общественной жизни. Большое различіе между абстрактными названіями предметовъ и самими предметами, какъ они являются въ дѣйствительной жизни! Выраженіе: «итальянское королевство» — уже готово, но самый предметъ еще, такъ сказать, въ работѣ, и притомъ далеко неоконченной, тѣмъ болѣе что въ трудахъ прежнихъ его мастеровъ много есть непрочнаго, требующаго можетъ быть передѣлки. Все это сознаешь только тогда, когда живешь на мѣстѣ, на днѣ самаго общества, и когда кротъ

можетъ лучше орла судить о прочности дерева. Только въ такія минуты, какія пережила Италія нынѣшнимъ лѣтомъ можно видѣть наглядно, какъ глубоко и до сихъ поръ различіе сѣверной отъ южной Италіи, между которыми лежитъ пустынею Римъ. Въ Римѣ и въ Неаполѣ до меня только долетали слухи о неистовомъ энтузіазмѣ къ войнѣ, о готовности жертвовать имуществомъ, жизнію, лишь бы наказать стараго врага — я не былъ свидѣтелемъ этого шума и гвалта. Южная Италія отнеслась къ послѣдней войнѣ довольно холодно — я не хочу этимъ сказать, чтобы она вовсе не интересовалась ею, — нѣтъ! и тутъ спорять, говорить, бранятся и бранять, но все это дѣлается съ удивительнымъ спокойствіемъ, которое невольно поражаетъ всякаго новичка въ этой странѣ, такъ много слышавшагося о бурной крови, жарѣ южной итальянской природы. Но нѣсколько присмотрѣвшись, послушавъ, поговоривъ съ туземцами, перестанешь удивляться этому спокойствію и начинаешь понимать, что оно происходитъ даже не отъ того, что Неаполь еще не успѣлъ привыкнуть къ новымъ формамъ существованія: въ немъ не жалѣютъ о прежнемъ павшемъ порядкѣ, но и не считаютъ себя удовлетворенными тѣмъ, что явилось взаимѣнъ прошедшаго.

Судя по газетамъ, по слухамъ, по тому, что говорятъ приѣзжающіе изъ Милана, Генуи, Ливорно, Флоренціи, политическая лихорадка достигла тамъ въ послѣдніе мѣсяцы самыхъ крайнихъ предѣловъ. Вся Флоренція превратилась въ одну народную площадь, на которой обсуждался великій вопросъ существованія или уничтоженія Италіи? по крайней мѣрѣ такъ казалось итальянцамъ! Изъ вопроса, будутъ ли побѣдителями или нѣтъ, они дѣлали вопросъ жизни и смерти. Политическія страсти поглотили собою всѣ интересы, общество суетилось, волновалось, и какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, угрожало и угрожаетъ! одинъ угрожаетъ тому, другой другому, но все таки угрожаетъ! Флоренція внѣшнимъ образомъ походила на римскій форумъ въ его жизненную эпоху, или на публичное мѣсто древнихъ Аѳинъ. Одинъ флорентинецъ за нѣсколько дней до Кустоцы говорилъ мнѣ: «если бы вы только взглянули въ эту минуту на нашъ городъ, вы бы поняли, что нѣтъ силы, которая способна устоять противъ этого народа!» Энтузіазмъ былъ до того великъ, что онъ рѣшительно ослѣпилъ итальянцевъ, заставилъ ихъ позабыть всѣ слова, за исключеніемъ одного: побѣда! Если бы кто нибудь на улицѣ посмѣлъ усомниться въ успѣхѣ, то его объявили бы или безумнымъ или врагомъ отечества — до того велика была вѣра, не въ слабость враговъ, но въ свою собственную силу. Всѣ были просто упоены, одна греза смѣнялась другою, это былъ какой то удивительный сладкій сонъ, чудная дремота, изъ которой безжалостно вывела несчастная битва при Кустоцѣ — забытыя были такъ глубоко, что они едва не закричали: побѣда! Но

тѣмъ глубже и слаще былъ сонъ, тѣмъ сильнѣе почувствовалось пробужденіе, тѣмъ болѣе оно было горько! Энтузіазмъ надеждъ смѣнился энтузіазмомъ негодованія!

Яркій контрастъ этому движенію, этой бурной жизни представлялъ собою Римъ. Спокойствіе, самое глубокое спокойствіе не было въ немъ нарушено ни на одинъ часъ, ни на одну минуту. Живя въ Римѣ, я долго искалъ съ тѣмъ бы можно было сравнить этотъ мертвый городъ, но сравненіе не приходило мнѣ на умъ, я не находилъ его; но едва я вошелъ въ Помпею, какъ оно невольно бросилось мнѣ въ глаза. Да, между Помпеей и Римомъ существуетъ поразительное сходство—это два огромныя кладбища великой жизни великаго народа; съ тою только разницею, что Римъ даетъ болѣе грандіозныя доказательства своей силы, своего могущества. Какъ небольшія буден для сторожей, выстроенныя въ самой Помпеей теряются въ ея развалинахъ, точно также весь новый Римъ съ его безчисленными дворцами поглощается собою такими тремя памятниками какъ Форумъ, Колизей, Пантеонъ! но они кажутся исключеніями посреди новаго города, а всѣ эти улицы и всѣ дома являются мизерными придѣлками къ этимъ колоссамъ. Что будетъ съ Римомъ, когда онъ снова сдѣлается сердцемъ Италіи, я не знаю, но теперь, въ эту минуту, въ немъ полнѣйшее отсутствіе жизни; все заставляетъ теперь смотрѣть на него какъ на богатое, полное интереса, замѣчательное, но все таки не болѣе какъ кладбище. Такому впечатлѣнію помогаютъ и сами римляне, которые едва смѣютъ сказать громко слово, точно боясь нарушить спокойствіе давно умершихъ. Причину этого внѣшняго спокойствія, какой то апатіи Рима не нужно и говорить, она вся кроется хотя и въ святыхъ, но все же ежовыхъ рукавицахъ папскаго правительства, упирающагося на французскія байонеты. Эта тишина была еще болѣе чувствительна въ послѣднее время, когда каждый день приносилъ новыя извѣстія, такъ близко касавшіяся Италіи. Тутъ можно было смѣло прожить нѣсколько мѣсяцевъ, и, выѣхавши разъ изъ этого заколдованнаго круга, недовѣрчиво отнестись ко всѣмъ тѣмъ, которые стали бы увѣрять, что была война, заключенъ миръ и т. д. Чтобы понять эту могильную тишину Рима среди окружающей его тревоги, нужно хорошо присмотрѣться къ свойствамъ правительства и къ тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаетъ св. отецъ, чтобы охранить своихъ подданныхъ отъ всякаго соблазна, отъ всякаго прикосновенія къ нимъ вредной мысли или пагубнаго примѣра. Всякій упрекъ, всякое обвиненіе римлянъ въ апатіи невольно останавливается на языкѣ, когда думаешь о тѣхъ густыхъ какъ нравственныхъ такъ и физическихъ сѣтяхъ, которыми обвита и перевита вся ихъ жизнь — вмѣсто упрека является сожалѣніе и самая искренняя нелюбовь къ тѣмъ, которые держатъ людей въ какомъ то грубомъ невѣжествѣ, дикомъ суевѣрїи и предрасудкахъ. Если внутренняя, самая

скровенная сторона ихъ жизни находится подъ вѣчнымъ вліяніемъ «братевъ», то, что же сказать объ общественной ея сторонѣ. Объ образованіи нечего и говорить — оно все въ рукахъ духовенства! да и какое образованіе можно получить въ Римѣ?! Есть нѣсколько элементарныхъ школъ, и за тѣмъ одно такъ называемое высшее учебное заведеніе, управляемое иезуитами,—заведеніе, въ которомъ едва ли смѣютъ заняться о томъ, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вокругъ солнца. Все преподаваніе подводится непремѣнно къ одной идеѣ, весь разумъ направленъ къ одной цѣли, чтобъ доказать несостоятельность разума, происходящей отъ него вредъ и гибель, и напротивъ убѣдить въ величии и глубинѣ слѣпой вѣры въ папское могущество. Чтобы труды перваго воспитанія и дальнѣйшаго ихъ высшаго образованія не пропадали даромъ и не дѣлались бы безплодными, для этого заботятся также и о томъ, чтобы и по окончаніи ученья взрослому человѣку не попалась какая нибудь книга или журналъ, который могъ бы уничтожить посѣянные добрыя сѣмена. Отсюда совершенно естественно вытекаетъ, что всѣ книги, написанныя сколько нибудь въ духѣ противномъ римскому католицизму (а что ему не противно), подвергаются самому строгому остракизму. Каждую почти недѣлю официальная газета публикуетъ довольно длинный списокъ книгъ, подвергнувшихся запрещенію какъ вредныя для истинныхъ христіанъ.

Я крайне жалѣю, что у меня нѣтъ съ собою одного изъ такихъ списковъ, чтобы дать вамъ понятіе, какаго рода книги заслуживаютъ громкое имя вредныхъ. Я всегда дивился только одному, именно, откуда выкапываютъ они такія допотопныя книги, и почему, напр., въ продолженіе тридцати или пятидесяти лѣтъ книга не считалась вредною, а вдругъ въ 1866 году сдѣлалась пагубною. Чѣмъ руководствуются они при одобреніи или при запрещеніи книгъ, трудно опредѣлить, такъ какъ въ этихъ спискахъ попадаются книги самаго невиннаго содержанія рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ; конечно лучше было бы уже прямо предать проклятію всѣ книги, всю печать; они бы это и сдѣлали съ удовольствіемъ, да не хватаетъ силы быть откровеннымъ. Въ связи съ книгами находятся разумѣется и всѣ газеты, которыя притѣсняются еще болѣе первыхъ. Изъ французскихъ газетъ я видѣлъ одни Débats, и то въ послѣднее время они задерживались раза два, три въ недѣлю. Другихъ журналовъ достать нѣтъ возможности. Объ итальянскихъ нельзя и думать—они всѣ подвержены самому строжайшему запрещенію! Единственно, чѣмъ питаютъ несчастныхъ римлянъ—это два или три журнальчика, которые издаются въ самомъ Римѣ и издаются, разумѣется, духовными. Сказать, чтобы эти газетки были безцвѣтны, нѣтъ, это трудно сказать, потому что ежедневною бранью, ругательствами, которыя они разсыпаютъ на все, что творится въ цѣломъ мірѣ, они очень рѣзко характеризуютъ свое направленіе. Всѣ эти

журналы, какъ *Unita Cattolica*, интересны тѣмъ, что показываютъ до какой критической эпохи дошло римское католичество, и до какихъ абсурдовъ должна идти газета или дѣлая пресса, желающая его поддерживать. Не смотря на то, что 1866 г. не можетъ похвалиться излишнимъ прогрессомъ, годъ, ознаменовавшій себя въ Англии развѣ тѣмъ, что провалился проектъ реформы, во Франціи тѣмъ, что услужливымъ сенатомъ урѣзана была и безъ того незамысловатая конституція, объ Австріи, Пруссіи нечего и говорить: тутъ, и особенно въ послѣдней странѣ, все было задавлено военнымъ движеніемъ; и тѣмъ не менѣе, именно, въ этотъ годъ римскія газеты вопили и вопятъ противъ летящаго на паряхъ прогресса западной Европы. Но если бы эти журнальчики брались и при этомъ говорили правду, передавали событія, такъ какъ они есть, то можно было бы помириться, отдѣляя въ сторону горькія, но не пивантныя соуса. Но и этого нѣтъ! О многомъ они вовсе умалчиваютъ, другое же они до того съ одной стороны увеличиваютъ, съ другой уменьшаютъ, до того обезображиваютъ всякое извѣстіе, что рѣшительно начинаешь теряться въ догадкахъ о томъ, что дѣлается на землѣ. Въ то время, когда приготовлялась война, они едва упоминали о переговорахъ, депешахъ, нотахъ, и т. д., желая, вѣроятно, сдѣлать публикѣ сюрпризъ, объявивъ въ одно жаркое утро, что война началась, и «наши враги» *сардинцы*, разбиты. Оно на самомъ дѣлѣ почти такъ и было. Удивительно ли послѣ этого, что въ римскомъ народѣ не видно было никакого движенія, никакого энтузіазма, когда они дурно даже знали, въ чемъ дѣло. Наконецъ, есть еще и другая причина, которая заставляла ихъ скрывать свои чувства, если бы они и хотѣли ихъ обнаружить — это папская полиція, папскія тюрьмы и ссылка. Бросаютъ въ тюрьмы, высылаютъ на *отчужденныя времена* за пустое подозрѣніе, за простыя слова; такъ, напр., въ этомъ году въ началѣ мая мѣсяца собралось нѣсколько человѣкъ пообѣдать, и за десертомъ одинъ изъ нихъ провозгласилъ тостъ за Виктора Эммануила, всѣ остальные поддержали его! Въ тотъ же вечеръ полиція узнала объ этомъ преступленіи и отдано было приказаніе посадить заговорщиковъ въ тюрьму, и только вслѣдствіе сильной протекціи (такъ какъ тутъ было замѣшано двое или трое изъ римской аристократіи) для нѣсколькихъ человѣкъ, болѣе вредныхъ, тюрьму смѣнили на высылку изъ Рима, а другихъ великодушно простили. Высылка изъ Рима — это самая человѣчная мѣра папскаго правительства, и, нужно отдать справедливость, въ послѣднее время чаще всего употребляемая. Большую часть получившихъ образованіе внѣ Рима, и потому отличающихся извѣстнымъ свободомысліемъ, да не только отличающихся, но хоть разъ отличившихся, тотчасъ высылаютъ изъ вѣчнаго города. Въ эту минуту число римскихъ эмигрантовъ простирается до очень значи-

тельной цифры—15 тысяч человек! Отсутствие этого лучшего элемента общества крайне чувствительно для Рима.

Я упомянул теперь, хотя и очень коротко, о тѣхъ положительных мѣрахъ, которыми святая братья старается оградить врученное ему стадо отъ всякой европейской заразы, а себя отъ всякаго народнаго движенія. Но если у народа отнимаютъ всякую возможность образованія, если ему не дадутъ ни книгъ, ни газетъ, если его насильно отчуждаютъ, или по крайней мѣрѣ стараются отчуждать, отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ, то ему необходимо дать что нибудь вмѣсто этого, ему нужно замѣнить это чѣмъ нибудь другимъ, однимъ словомъ нужно вознаградить его! Папское правительство и вознаграждаетъ его разными азартными играми, лотереями, процессіями, церемоніями, наивными чудесами и т. д.; оно старается заглушить всякую мысль, всякое пробужденіе, распространяя въ народѣ суевѣріе, предрасудки, вѣру въ разныя небылицы и тому подобное. Безчисленное количество католическихъ церемоній, безъ всякаго сомнѣнія, оказываетъ серьезную помощь папской власти, развлекая народъ и давая его уму болѣе спокойное направленіе. Не проходитъ недѣли, много двухъ, чтобы не было какого нибудь праздника, на который не являлся бы папа со всѣми своими кардиналами въ красныхъ, черныхъ, лиловыхъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ платьяхъ и каретахъ, со всѣми монсиньорами, со всевозможными орденами монаховъ съ бритыми, полубритыми и рѣдко почти не бритыми головами, тутъ и черныя капюцины, и бѣлые, и сѣрые.... Нельзя смотрѣть хладнокровно на это безконечное множество отпѣтыхъ для общества лицъ съ какимъ то своимъ собственнымъ характеромъ, однимъ и тѣмъ же у всѣхъ, котораго никогда и нигдѣ не увидишь кромѣ Рима. Народу на подобныхъ церемоніяхъ множество, и всѣ толкаются, чтобы взглянуть на улыбающагося старца, котораго несутъ подъ балдахиномъ на высокихъ креслахъ, толкаются не смотря на то, что двадцать разъ его видѣли, двадцать разъ получали благословеніе и наизусть знаютъ всю церемонію. Если эти церемоніи чѣмъ нибудь еще полезны папскому правительству, то это тѣмъ, что даютъ возможность показывать народу, на всякій случай, нѣсколько тысячъ хорошо вооруженнаго французскаго войска—я не видѣлъ безъ него ни одной святой церемоніи, войско въ церкви, войско на площади, войско въ самой процессіи. Если церемоніи служатъ для развлечения народа, то этому еще болѣе помогаютъ лотереи, дѣлающіяся каждую субботу министерствомъ финансовъ. Нужно сказать, что эти лотереи составляютъ главную и постоянную статью дохода для папскаго правительства. Кромѣ того этою игрою отвлекается народное вниманіе отъ другихъ болѣе серьезныхъ предметовъ. По поводу ихъ я могу упомянуть о дѣлой бездѣй господствующихъ предрасудковъ! Никогда, напримѣръ, истинный римлянинъ

не возьметъ тѣхъ номеровъ, которые просто попадутся ему въ руки, нѣтъ, въ Римѣ продаются на каждомъ шагѣ книжонки, въ которыхъ подробно объясняется, какое событіе совпадаетъ съ какимъ номеромъ; напр. околѣветъ собака, нужно брать такой-то номеръ, лошадь—такой, родится кто, упадетъ кто, сломаетъ себѣ руку, ногу, каждое такое событіе имѣетъ свой номеръ. Провалился какъ-то недавно въ Римѣ домъ, и погибло нѣсколько человѣкъ, тотчасъ всѣ стали искать, какой номеръ совпадаетъ съ такимъ случаемъ; нашли, и чуть не весь городъ записалъ себѣ этотъ номеръ. Книжонки эти имѣютъ самый лучший сбытъ. О сохраненіи такого рода предразсудковъ римское духовенство заботится какъ о своемъ оубѣ, и чуть невѣріе начинаетъ показывать уши, оно тотчасъ рѣшается на какое нибудь сильное средство въ видѣ такого или другого чуда, которое снова возстановляетъ испортившіяся духъ. Недавно они объявили, что Мадонна чудесно спасла одного злодѣя, недопустивъ ножъ гильотины упасть на его шею. Исторія эта надѣлала множество шума, женщины плакали, всѣ только и толковали объ этомъ, а черезъ мѣсяцъ этотъ самый злодѣй убѣжалъ изъ тюрьмы, куда былъ посаженъ, и соблазнилъ также сдѣлаться разбойникомъ тюремнаго сторожа — не извѣстно, объявили они, или нѣтъ, что и въ этотъ разъ Мадонна отворила ему двери темницы! Все это происходило въ іюнѣ 1866 года.

Если папское правительство всѣми своими мѣрами достигаетъ совершенно своей цѣли, т. е. спокойствія Рима, то оно въ значительной степени обязано тому обстоятельству, что въ этомъ стремленіи оно находитъ себѣ дѣятельнаго помощника въ самомъ врагѣ своемъ, т. е. въ національномъ комитетѣ. Это требуетъ объясненія. Съ 1859 г. существующій въ Римѣ національный тайный комитетъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ итальянскимъ правительствомъ. Этотъ комитетъ состоитъ изъ десяти членовъ, людей совершенно преданныхъ, разумѣется, единству Италіи и королю. Онъ дѣйствуетъ по инструкціямъ, которыя получаетъ изъ Флоренціи, и строго исполняетъ всѣ приказанія кабинета; само собою ясно, что комитетъ этотъ получаетъ отъ итальянскаго правительства постоянныя немаловажныя суммы на всевозможныя расходы. Въ народѣ онъ пользуется значительнымъ моральнымъ вліяніемъ. Весь этотъ совѣтъ десяти хорошо извѣстенъ какъ папскому, такъ и французскому правительству. Какъ же, можно спросить, Франція, а за нею и папа, допускаютъ его существованіе? Дѣло въ томъ, что если комитетъ преданъ Италіи, то онъ точно также преданъ и Франціи; онъ, какъ и само итальянское правительство, рѣшительно находится въ рукахъ Наполеона, смотреть и видать глазами французскаго правительства, которое, въ свою очередь, благодаря существованію комитета, его вліянію, авторитету въ народѣ, освобождается отъ болѣе напряженнаго надзора, а подчасъ

можетъ быть и отъ непріятныхъ столкновеній. Комитетъ справедливо или не справедливо думаетъ, что въ Франціи нѣтъ спасенія, что если Парижъ не захочетъ еще подарить Риму Италию, значитъ и ненужно, что Наполеонъ знаетъ, когда прійдетъ время изъ Рима сдѣлать столицу и т. д.; однимъ словомъ, французское правительство — это альфа и омега національнаго комитета. Сдѣлать что нибудь неугодное Наполеону III, да это значитъ губить Италию — вотъ ихъ исходная точка. Они предписываютъ народу полнѣйшее спокойствіе, говоря: «у васъ была революція 48-го года, Франція была противъ, что же вы сдѣлали, до чего вы дошли? вами по прежнему управляетъ духовенство! слушайте же и будьте смиренѣе, пока Франція не дастъ своего согласія»; и народъ повинуется и молчитъ. Онъ повинуется, далеко не раздѣляя о французахъ мнѣнія комитета, онъ питаетъ къ этому народу самыя непріязненные чувства, имѣя вѣчно предъ глазами французскихъ солдатъ, на которыхъ смотритъ изъ подлобья и уже никогда конечно съ ними не сходитса. Любить ли народъ итальянское правительство трудно сказать, самое вѣрное, что онъ не имѣетъ о немъ никакого понятія.

Кромѣ національнаго комитета, въ Римѣ существуетъ еще комитетъ движенія — представитель партіи, не довольный раболѣпствомъ передъ Франціей. Онъ обвиняетъ національный комитетъ въ томъ, что онъ парализируетъ всякое движеніе, что безъ него Римъ уже былъ бы столицей Италиі, что онъ остановилъ народное возстаніе, которое было готово въ день взятія Гаэты, точно такъ какъ остановилъ и въ 59 г. Вражда между этими двумя комитетами, національнымъ и комитетомъ движенія, конечно, гораздо сильнѣе нежели между папскимъ и итальянскимъ правительствами. Но главная сила, я еще разъ повторяю, все-таки остается за національнымъ комитетомъ, котораго назначеніе — заботиться объ отсутствіи движенія. Вотъ, слѣдовательно, положеніе Рима, когда пришло извѣстіе о войнѣ. Физическая сила, находящаяся въ рукахъ правительства, естественно, дѣлаетъ все для сохраненія покойствія; нравственная сила, въ рукахъ національнаго комитета, врага правительства, выбивается изъ силъ для достиженія той же цѣли. Неудивительно, что римляне, повинувшись и той и другой, остаются спокойны.

Вѣдншее движеніе, по случаю готовившейся войны и потомъ когда она уже разразилась, ограничивалось все только тѣмъ, что *Osservatore Romano* — вечерняя газета, расходилась въ нѣсколько большемъ количествѣ экземпляровъ, да еще тѣмъ, что каждый день около его бюро тѣснилась небольшая кучка людей, ожидавшихъ выпуска журнала; на улицѣ попадались иногда люди съ газетою въ рукахъ, что не бываетъ часто, такъ какъ мало кто интересуется въ обыкновенное время литературными упражненіями.

Внутреннимъ, незамѣтнымъ для глазъ движеніемъ римская молодежь доказала всетаки болѣе или менѣе свою симпатію послѣдней войнѣ. Это движеніе выразилось тѣмъ, что отъ 800 до 1000 молодыхъ римлянъ бѣжало къ Гарибальди. Национальный комитетъ собирался нѣсколько разъ въ недѣлю по ночамъ, и въ эти ночныя засѣданія являлись всѣ тѣ, которые желали идти къ Гарибальди; тѣмъ, кто не имѣлъ никакихъ средствъ, комитетъ вручалъ 20 fr. и назначалъ день и группу, съ которой онъ долженъ бѣжать. Почти каждую ночь изъ Рима выходила партія въ 15 и 20 человекъ молодежи. Дѣлалось это очень просто: собираются у когонибудь ночью, не прибѣгая къ сильному освѣщенію; это семья провожаетъ какогонибудь юношу на войну. Мать, сестры не могутъ удерживать своихъ слезъ и тихо плачутъ, отецъ молчитъ и только изрѣдка глаза его останавливаются на сынѣ, юноша нетерпѣливо ходитъ взадъ и впередъ—всѣ ждутся условнаго знака. Наконецъ, подъ окномъ раздалось тихое, ночное пѣніе нѣсколькихъ человекъ, шедшихъ также какъ и этотъ юноша на войну. Всѣ перемигнулись. Юноша бросился на шею стариковъ, обнялъ всю семью и мигомъ вылетѣлъ на улицу, быть можетъ на всегда оставляя свой домъ... черезъ минуту снова слышалось замолкнувшее—было пѣніе, но съ каждою секундою оно становилось все тише и тише, наконецъ пропали и послѣдніе слабыя звуки, но за то въ комнатѣ раздавалось громкое рыданье! Папское правительство очень хорошо знало о бѣгствѣ молодежи, но оно смотрѣло сквозъ пальцы, давая на него молчаливое согласіе! Молчаніе правительства объясняется очень просто: оно избавлялось отъ самого безпокойнаго элемента и видѣло въ этомъ гарантію, что порядокъ не будетъ нарушенъ! внутренне, конечно, правительство могло только радоваться этому отплыву горячей молодежи, навсегда освобождаясь отъ него—такъ какъ тѣ, которые ушли изъ Рима безъ дозволенія, навсегда лишаются права возвратиться назадъ.

Стали долетать наконецъ первыя депеши о движеніи пруссаковъ, объ ихъ стычкахъ съ австрійцами; но хотя Пруссія и была союзницей Италіи, глаза римлянъ всетаки главнымъ образомъ были обращены на италіанскій лагерь; безмолвно дожидались они извѣстія о первомъ сраженіи—наконецъ это извѣстіе пришло; римскія газеты чуть не съ торжествомъ объявили, что австрійцы одержали побѣду—это извѣстіе было изъ Кустоцы. Физиономія Рима осталась также спокойною, какъ будто ничего и не было, какъ будто и не приходило никакого извѣстія, въ Café говорили также тихо о войнѣ и также громко о всемъ остальномъ, не было видно ни злобы, ни негодованія! Только на немногихъ лицахъ мнѣ удалось прочесть какую-то затаенную печаль, какое-то отчаяніе, ихъ глаза казались такъ и говорили: еще, еще—отдалился часъ нашего освобожденія!

Въ день полученія извѣстія о Кустоцѣ, въ зданіи Квиринала нѣсколько монсиньоровъ давали торжественный балъ по случаю того, что за два, за три дня они получили кардинальскую шапку. Съѣздъ былъ огромный, всѣ посольства, вся знать, все высшее римское общество! На этомъ балѣ всѣ кардиналы, монсиньоры и многіе другіе тѣснились около австрійскаго посланника — они ликовали побѣду надъ своими врагами—италианцами! Черезъ нѣсколько дней послѣ этой несчастной битвы папа произнесъ въ какой-то церкви самую удивительную рѣчь, которую закончилъ слѣдующаго рода словами: «Если увѣщанія не дѣйствуютъ на враговъ церкви, то Богъ заставитъ ихъ смириться предъ побѣдоноснымъ оружіемъ и накажетъ ихъ за всѣ преступленія.» Это не подлинныя слова, но я могу себя скорѣй упрекнуть въ томъ, что я смягчилъ смыслъ ихъ, нежели наоборотъ. Совершенно иначе дѣйствуетъ національный комитетъ; вѣчно опасаясь какого-то движенія, опасаясь, что народомъ овладѣетъ безпокойство вслѣдствіе неудачъ, онъ, для успокоенія послѣ каждаго несчастнаго сраженія, какъ Кустоца и Лисса, распространяетъ въ народѣ свои депеши, въ которыхъ объявляетъ о новыхъ побѣдахъ италианцевъ надъ австрійцами — побѣдахъ своего собственнаго изобрѣтенія! Черезъ нѣсколько дней послѣ Кустоцы всѣхъ какъ громомъ поразило извѣстіе, болѣе неожиданное, нежели самое извѣстіе о пораженіи италианцевъ — уступка Венеціи Франціи! Кто могъ это ожидать! Что дѣлать италианцамъ? Они дерутся за Венецію, разъ что она принадлежитъ Франціи, они не могутъ продолжать войну противъ Австріи! Италианцы не могутъ оставить пруссаковъ, они связаны честнымъ словомъ. Всѣ недоумѣвали, всѣ удивлялись, но больше всего безпокоились, что будетъ; больше всего боялись, чтобы Италія не измѣнила своей чести, своему слову, данному Пруссіи. Вообще можно сказать, что даже новое извѣстіе о пораженіи не произвело бы на римлянъ такого тяжелаго, такого неприятнаго, такого безпокойнаго впечатлѣнія, какъ уступка Венеціи. Если въ тотъ вечеръ многіе голоса возставали съ ненавистью противъ надмѣнной Австріи, то было много и такихъ голосовъ, которые со злобою отзывались о Франціи, которая какъ мячикомъ играетъ Италію, бросая ее изъ огня въ полымя! Боязливое папское правительство въ ту же минуту испугалось нѣсколько поднятаго голоса, ему тотчасъ стали мерещиться баррикады, возстаніе, революція, и оно немедленно рѣшилось принять свои мѣры! Первая мѣра была та, что въ тотъ вечеръ ровно въ двѣнадцать часовъ во всѣ Сафѣ явились карабинеры съ приказомъ, чтобы публика немедленно расходилась. Римляне подчинились безропотно такому требованію.

Оставимъ теперь Римъ и перейдемъ совершенно въ другой міръ, въ живой, шумный центръ южной Италіи, въ Неаполь, и взглянемъ, какъ тутъ относятся къ тому же вопросу, т. е. къ недавно прошед-

шей уже войнѣ. И тутъ опять я долженъ сказать хоть въ двухъ словахъ о положеніи неаполитанцевъ, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ ихъ взглядъ и отношеніе къ событіямъ. Нѣтъ ничего банальнѣе фразы: страстенъ какъ неаполитанецъ! Страстность, живость всегда считались и до сихъ поръ считаются самыми отличительными качествами этого народа. Большею частью такого рода прописныя мнѣнія оказываются вздорны и пусты, но на этотъ разъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, мнѣніе о неаполитанцахъ дѣйствительно справедливо! Страсть играетъ у нихъ очень значительную роль, минута для нихъ важна, если въ такую минуту дѣлается не по нимъ, бѣда вывести ихъ изъ терпѣнія, бѣда довести ихъ въ эту минуту до крайности; если до этой крайности доводитъ ихъ правительство, то оно платится за это такъ, какъ заплатились Бурбоны! Въ одинъ день точно по электрическому толчку все королевство отдалось Гарибальди. Затѣмъ внѣ этихъ страстныхъ минутъ натура неаполитанца крайне добра, талантлива, умна и спокойна до лѣни, до безпечности. Вотъ мнѣніе одного служебнаго лица, душою и тѣломъ преданнаго правительству, піемонтезца, которое онъ высказалъ мнѣ въ одномъ откровенномъ разговорѣ со мною: «Нѣтъ ничего легче, говорилъ онъ, какъ управлять неаполитанцами, они до того разсудительны, до того добры, что приходится удивляться; это большая ошибка, что правительство боится ихъ порывистаго характера, нужно только умѣть себя съ ними вести, съ ними можно все сдѣлать добротой и ласкою и подчасъ самою маленькою уступкою! Уступи хоть немного Бурбоны въ данную минуту, и по всей вѣроятности Неаполь остался бы за ними! Не нужно ихъ только доводить до той минуты, когда ими овладѣваетъ исключительно страсть—тогда уже нѣтъ спасенія! Они вышли изъ терпѣнія, добавилъ онъ, но ненависти къ Бурбонамъ у нихъ нѣтъ!» Неаполитанскій народъ, вошедши въ составъ итальянской монархіи, во многомъ переменялъ прежнія неудобства на новыя. Первая фраза, которую вы услышите отъ простаго народа въ отвѣтъ на вопросъ, довольны ли они: «мы прежде не платили столько налоговъ!» Улучшенія конечно есть, но они еще до того ничтожны, что рѣшительно не могутъ быть чувствуемы народомъ. Война, которая требуетъ увеличенія и безъ того уже значительныхъ налоговъ, не можетъ пользоваться у нихъ большою популярностью. А *единая Италия*, не сдѣлавъ для нихъ въ продолженіе семи лѣтъ, не давъ имъ до сихъ поръ никакой существенной пользы, очевидно не можетъ требовать отъ народа, чтобы онъ съ радостью жертвовалъ своею жизнію и отдавалъ все, что у него есть, ради одной идеи. И то уже много, если онъ безропотно платитъ деньги и даетъ людей въ счетъ будущихъ благъ, вѣря только на слово. Гдѣ тутъ еще требовать энтузіазма. То, что я сказалъ о простомъ народѣ, можно отнести и къ обществу, съ тою только разницею, что въ

послѣднемъ больше лоска, больше внѣшней цивилизаціи, сущность же рѣшительно та же, тѣ же богатя способности, та же доброта, та же страстность и та же необразованность! У неаполитанскаго такъ называемаго образованнаго общества есть два бога: сонъ и бездѣлье! Между тѣмъ и другимъ они раздѣляютъ все свое время! Они ничего не знаютъ, ничѣмъ не интересуются, ничего не читаютъ; все ихъ образованіе заключается во французскомъ языкѣ, на которомъ, хотя и плохо, говорятъ почти всѣ, и также почти всѣ знаютъ музыку, которая достается имъ безъ всякаго сравненія гораздо легче нежели чтеніе, они понимаютъ ее, чувствуютъ и любятъ; если во многихъ домахъ вы не найдете ни одной книги, то за то вы непременно увидите какойнибудь инструментъ! И наконецъ, въ заключеніе этого образованія всѣ они немножко читали, хотя и мѣстами только, отрывками, своихъ вѣковыхъ поэтовъ, какъ Данте, Тассо, Петрарку, Аріоста, да еще Альфіери. Это натуры удивительно богато одаренныя, но онѣ находятся еще въ первобытномъ состояніи, культура еще мало ихъ коснулась, но чего нельзя ждать отъ этой нетронутой почвы! Нѣтъ, кажется, другой такой породы людей, которая такъ легко воспламенялась бы, но за то такъ легко бы и потухла, усвоивалась. Положимъ, получено какоенибудь дурное извѣстіе: напримѣръ, итальянскій флотъ разбитъ; вы видите двухъ или трехъ молодыхъ людей, которые внѣ себя отъ ярости, отъ злости, кричатъ, бранятся, можно подумать по ихъ встревоженнымъ лицамъ, что для нихъ все пропало, что они въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи! Вы отправляетесь черезъ десять минутъ хоть на Villa Reale, и вы встрѣчаете тутъ тѣхъ же самыхъ людей, весело рассказывающихъ около статуи Вико; они все уже позабыли, и извѣстіе о пораженіи, и свою злобу и свое отчаяніе, они слушаютъ музыку, смѣются, болтаютъ, ухаживаютъ какъ ни въ чемъ не бывало. Неаполитанская пресса есть самое блистательное отраженіе общества! Журналовъ въ Неаполѣ бездна: въ продолженіе пѣлаго дня съ раннаго утра и до поздняго вечера только и видишь мальчишекъ, которые бѣгаютъ по всему городу съ пронзительными криками: Roma, Italia, Pungolo, L'Avvenire и т. д.; кажется, нѣтъ часу, въ который не выходилъ бы какойнибудь журналъ.

Но, что же это за журналы! правда, что нѣтъ ни одного, котораго бы нумеръ стоилъ болѣе одного су, но право и это дорого! Ничего самостоятельнаго, никакой мысли, никакого направленія! Всѣ эти журналы не что иное, какъ отдѣльныя, отрывистыя перепечатки изъ другихъ итальянскихъ газетъ, изъ одной газеты кусочикъ, изъ другой и т. д. Эти перепечатки приправлены какоюнибудь маленькою статейкою собственнаго приготовленія, и вотъ вамъ № газеты готовъ! Однимъ словомъ, нѣтъ тутъ ни одного политическаго органа, который бы имѣлъ свою рѣзко опредѣленную линію, какъ напримѣръ,

Diritto или Movimento, и который бы серьезно или поддерживалъ правительство или велъ ему оппозицію. Большая часть неаполитанскихъ журнальчиковъ враждебна правительству, но эта враждебность, заключающаяся только въ рѣзкой фразѣ или въ заносчивомъ словѣ, не должна бы казаться пугать его.

Однимъ словомъ, неаполитанскіе журналы по публикѣ, и только въ одномъ расходятся съ ней: они старались увѣрить, что къ послѣдней войнѣ южная Италія относится точно съ такимъ же жаромъ и пыломъ какъ верхняя Италія, чего на дѣлѣ далеко не было: они кричали, бушевали и метались во всѣ стороны въ то время, какъ неаполитанское общество необнаруживало *дѣломъ* никакого дѣйствительнаго энтузіазма! Лучшимъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ служить количество волонтеровъ, отправившихся къ Гарибальди—изъ Неаполя не ушло даже и трехъ сотъ человекъ! Студенты университета и остальная молодежь массами ходила нѣсколько дней по улицамъ, крича на каждомъ шагѣ: Viva Garibaldi, viva la guerra! казалось, что всѣ съ радостью обрекаютъ себя на смерть, а между тѣмъ когда дошло до дѣла, то изъ всего университета отправилось *семнадцать человекъ*! Какъ же объяснить тотъ фактъ, что въ то время, когда сѣверная Италія тысячами выставила волонтеровъ, Неаполь не набралъ и трехъ сотъ. Тѣ, которые хотятъ во чтобы то ни стало оправдать неаполитанцевъ, говорятъ, что правительство само въ этомъ виновато, что оно боялось вооруженій южной Италіи, боялось возбудить воинственный ея духъ, и потому съ умысломъ дало всего только три дня для записыванія въ волонтеры, что послѣ этого срока нельзя уже было завербоваться. Если въ этомъ есть своя доля правды, то на это всетаки можно возразить, что если бы было серьезное желаніе идти на войну, то въ три дня смѣло могло записаться тридцать тысячъ, а не триста человекъ, тѣмъ болѣе что они впередъ знали, имъ впередъ объявили объ этомъ короткомъ срокѣ. Нѣтъ, причина заключается просто въ томъ, что неаполитанцы отнеслись крайне холодно къ этой войнѣ! А холодно они отнеслись во первыхъ потому, что, сами неиспытавши желѣзной руки Австріи, они не чувствуютъ къ ней такой ненависти какъ сѣверные италіанцы; австріецъ не есть для нихъ такое пугало какъ для верхней Италіи; а во вторыхъ, слова: *единство Италіи*, изъ за которыхъ они нѣсколько лѣтъ тому назадъ, воодушевленные Гарибальди, готовы были драться, во многомъ потеряли свое очарованіе; значительно ослабла та магическая сила, которая заключалась въ нихъ прежде — вотъ самое простое и, мнѣ кажется, самое вѣрное объясненіе. Причина этого охлажденія лежитъ въ очень сильномъ недовольствѣ правительствомъ, недовольствѣ, которое никогда такъ явно невыходило наружу, какъ во время послѣдней войны; каждое событіе, каждый шагъ правительства подавалъ по-

воду къ самымъ ожесточеннымъ нападкамъ, и только въ этихъ нападеніяхъ сказывалась подчасъ энергія неаполитанцевъ, только для нихъ они выходили изъ своей глубокой апатіи! Важно при этомъ не то, что они были недовольны неудачными сраженіями, что страдала ихъ національная гордость! нѣтъ, въ этихъ нападеніяхъ слышно не минутное недовольство, а давно уже крошущееся непріязненное отношеніе къ цѣлому ходу государственной машины.

Уступка Венеціи Франціи, вызвавшая въ первые два, три дня негодованіе неаполитанцевъ, дала только поводъ обнаружиться тѣмъ не совсемъ признаннымъ чувствамъ, которыя итальянцы питаютъ къ французамъ. Они прямо спрашиваютъ: да когда же наконецъ Италия перестанетъ быть послушною рабою Франціи, когда итальянское правительство перестанетъ во всякомъ вопросѣ дожидаться ея приказовъ? Они конечно ни минуты не сомнѣвались въ томъ, что уступка Венеціи есть повтореніе уступки Ломбардіи, но имъ оскорбительно было, что Австрія не хотѣла прямо трактовать съ ними, они обвиняли свое правительство, что оно не сумѣло заставить уважать достоинство Италии. Больше всего имъ было досадно, что и въ дѣлѣ Венеціи не обошлось безъ Франціи; они обвиняютъ французское правительство, что оно своими происками, своимъ вмѣшательствомъ заставило Австрію уступить себѣ Венецію, для того, чтобы еще разъ обязать Италию, чтобы еще разъ напомнить ей о зависимости, а ничто такъ не тяготитъ итальянцевъ, какъ эта обязанность, эта зависимость отъ Франціи. Они говорятъ: «да, Франція намъ помогла въ 59-мъ году, но мы заплатили ей в Савойей и Ниддой и наконецъ семилѣтнимъ рабствомъ — теперь довольно!» Черезъ нѣсколько дней шумъ по поводу Венеціи смолкъ, пришло новое извѣстіе, которое затушевало все остальное. Съ самаго начала войны всѣ глаза были направлены на итальянскій флотъ, о которомъ много кричали, на который затрачены были огромныя суммы; всѣ ожидали, что онъ поправитъ ошибку несчастной Кустоды, всѣ были заранѣе увѣрены въ побѣдѣ, ждали только, чтобы флотъ далъ сраженіе, въ исходѣ не сомнѣвались. Страшное нетерпѣніе было во всей Италии, довольно громкое отъ него эхо раздавалось и въ Неаполѣ, всѣ спрашивали, да когда же, когда? Наконецъ, извѣстіе пришло, огромныя объявленія наклеены были на каждомъ шагу, всѣ читали и въ недоумѣніи спрашивали другъ у друга, что же это? побѣда или поражение? до того темно составлена была депеша! Но такъ какъ всѣ ожидали побѣды, такъ какъ она была просто необходима, то журналы, не дожидаясь дальнѣйшихъ извѣстій, провозгласили, что морское сраженіе при Лиссѣ было una splendida vittoria! нѣсколько человѣкъ только качали головой, читая эту депешу, и видѣли въ ней поразительное сходство съ депешей о Кустодѣ. Но обольщеніе продолжалось недолго: одного, двухъ дней было достаточно, чтобы уничтожить эти бле-

стѣшя надежды и радостный крикъ о побѣдѣ замѣнить отчаяннымъ врикомъ о новомъ пораженіи.

Итальянцы больше не могли, да и не хотѣли себя сдерживать — они громко обвинили правительство во всѣхъ неудачахъ. Въ самомъ дѣлѣ, пораженія при Лиссѣ они были въ полномъ правѣ не ожидать, всѣмъ было извѣстно, что итальянскій флотъ и количествомъ и энергіей выше австрійскаго; въ томъ, что они дрались какъ львы, отдають имъ справедливость и австрійцы, да наконецъ больше всего свидѣтельствуютъ такіе геройскіе поступки какъ «Палестро» — то, что цѣлымъ экипажемъ, всѣ до одного человѣка, предпочель лучше взлетѣть на воздухъ, чѣмъ отдаться въ руки враговъ, чего нибудь да стоять. Если такой фактъ можетъ служить къ чести итальянцевъ, то онъ точно также можетъ служить укоромъ правительству, которое не умѣетъ пользоваться такою рѣшительностію. Въ чемъ же вина правительства? Неаполитанцы, какъ и остальные итальянцы, въ одинъ голосъ всѣ отвѣчаютъ: «Италіей управляетъ консортерія, которая губить ее.» Если Ламармора больше всего виновать въ Кустоцѣ, то про Персано можно смѣло сказать, что на немъ одномъ лежить отвѣтственность за Лиссу; всѣми признано теперь, что итальянцы проиграли это дѣло только благодаря бездарности, благодаря самому непонятному поведенію адмирала Персано. Понятно, что итальянцы крайне возбуждены противъ правительства, которое отнимаетъ главное начальство у людей талантливыхъ, на которыхъ съ самаго начала войны всѣ указывали, отнимаетъ только потому, что они не принадлежатъ къ консортеріи. Несчастье правительства состоитъ въ томъ, что оно не можетъ отдѣлаться отъ своего піемонтскаго характера, и вмѣсто того, чтобы выбирать даровитыхъ и способныхъ людей, къ какой бы партіи они не принадлежали, оно вертится въ своемъ небольшомъ кружкѣ, который почти весь состоитъ изъ піемонтцевъ. Отчего, спрашиваютъ неаполитанцы, да и другіе итальянцы, начальство надъ флотомъ не было дано Ваекѣ, извѣстному за одного изъ самыхъ способныхъ людей? оттого, отвѣчаютъ они, что онъ не піемонтзецъ, а неаполитанецъ!

Въ эту минуту едва ли для итальянцевъ есть два болѣе ненавистныхъ имени, какъ имена двухъ піемонтцевъ, Ламармори и Персано, которые унизили Италію! На перваго падаетъ конечно отвѣтственность и за бездѣйствіе Чіальдини и за невозможность дѣйствія для Гарибальди — двухъ лицъ, больше всѣхъ пользующихся популярностію, и на которыхъ единственно всѣ возлагали надежды. Чіальдини бездѣйствовалъ, потому что былъ подчиненъ общему плану Ламармори, а Гарибальди, что онъ могъ сдѣлать съ своими почти небооруженными и неодрѣтными даже волонтерами — ихъ бездѣйствіе понимаютъ и конечно не осуждаютъ! Все это вмѣстѣ, выборъ однихъ, отстраненіе

другихъ, неудачи, пораженія сдѣлали одно, помимо ненависти къ той или другой личности, вызвали общее недовольство правительствомъ. Такое недовольство, конечно, не можетъ быть успокоено тѣмъ, что когда занята была, напр., часть венеціанской области, правительство какъ нарочно назначило комиссарами въ новую итальянскую провинцію опять тѣхъ самыхъ лицъ, которыя составляютъ консортерію. По поводу такого назначенія, Diritto помѣстилъ статью, которую перепечатали всѣ неаполитанскія газеты, резюмировавшую какъ бы это недовольство консортеріей. Если Италия должна была перенести позоръ Кустоды и Лиссы, между прочимъ говорится въ этой статьѣ, то вина падаетъ не на одного какого нибудь генерала или министра, нѣтъ, всѣ прошедшія министерства, Мингетти, Селла, Перуци, Ратаци, своими дѣйствіями и своими совѣтами помогали и поддерживали ту систему вещей и людей, которой обязана Италия за послѣдніе результаты, и въ ту минуту, продолжаетъ Diritto, когда вся нація требуетъ отчета и суда надъ этими людьми, правительство посылаетъ въ Венецію эти самыя лица, этихъ падшихъ ангеловъ прошедшихъ министерствъ. Правительство, презирая общественное мнѣніе, становится на опасную дорогу и т. д. Я передалъ только сущность статьи. Изъ всѣхъ правительственныхъ людей одинъ Риказоли пользуется большимъ довѣріемъ, никто не отказываетъ ему въ честности и прямотѣ характера; онъ одинъ извѣстенъ во всемъ правительствѣ какъ противникъ Франціи, а это для итальянцевъ не малая заслуга.

Передать, какъ было принято первое извѣстіе о перемиріи, о близости мира, трудно, былъ одинъ общій крикъ: мы хотимъ войны, мы не хотимъ позорнаго мира! Если этотъ крикъ былъ силенъ въ Неаполѣ, который выставилъ 300 волонтеровъ, то не трудно себѣ вообразить, что дѣлалось въ остальной Италиі, что дѣлалось въ войскѣ, что дѣлалось въ лагерѣ волонтеровъ. Въ моихъ рукахъ было нѣсколько частныхъ писемъ изъ лагеря; каждая фраза, каждое слово такъ и звучитъ злобой, отчаяніемъ и ненавистью — ненависть противъ Ламармора и Персано, раздраженіе противъ правительства, отчаяніе за націю! Правительство ведетъ насъ къ гибели, повторяютъ они въ одинъ голосъ, миръ въ эту минуту это самое глубокое оскорбленіе національной чести и національной гордости. Въ Неаполѣ само общество, не говоря уже о прессѣ, имѣло случай протестовать противъ мира — самолюбіе слишкомъ уколото, чтобы не вывести ихъ хоть на нѣсколько минутъ изъ апатіи. Въ пользу семействъ раненыхъ и убитыхъ давался спектакль въ Санъ-Карло. Великолѣпная зала этого театра наполнилась народомъ. Когда одинъ изъ актеровъ провнесъ стихи, въ которыхъ между прочимъ говорилось: война противъ врага, война до послѣдней капли крови! весь театръ затрясся отъ аплодисментовъ, по всей залѣ пробѣжалъ какой то восторженный гулъ. Въ тотъ вечеръ можетъ быть

половина залы отправилась бы на войну, а на другой уже день не пошло бы и сотни! Одна фраза, фраза, въ которой такъ много правды: «Мы принесли столько жертвъ и чѣмъ же мы вознаграждены? унижительнымъ и оскорбительнымъ миромъ!» не сходить съ языка итальянцевъ! Правительство можетъ быть и сознаетъ справедливость этого упрека, но оно бессильно поправить свою ошибку, оно хорошо понимаетъ невозможность драться одной Италиі противъ Австріи! Миръ этотъ чѣмъ болѣе кажется обиднымъ для итальянцевъ, чѣмъ больше сравниваютъ они его съ чѣмъ миромъ, который заключаетъ Пруссія, ея невѣрная и гордая союзница! они бы легче перенесли свою неудачу, ихъ самолюбіе не было бы такъ уязвлено, если бы и Пруссія потерѣла пораженіе. Чувство невольной и совершенно простительной зависти сдѣлало то, что горячій энтузіазмъ къ прусскому имени смѣнился холодностью и недоувѣріемъ. И тутъ справедливъ упрекъ правительству въ томъ, что оно потерпѣло пораженіе и на дипломатическомъ полѣ, подготовивъ свое полнѣйшее изолированіе.

Упомяну еще одну причину недовольства. Здѣсь не могутъ простить правительству, что оно покидаетъ ту часть Тироля, которая уже была занята итальянскими войсками; всѣ хорошо знаютъ, что его жители, принявшіе ихъ съ такимъ восторгомъ, дорого заплатятъ австріяцамъ за этотъ приемъ. Они не забыли 48-го года. Итальянцы знаютъ кромѣ того, что до тѣхъ поръ, пока Тироль, этотъ входъ въ Италию, будетъ въ рукахъ ихъ врага, война не кончена, а только приостановлена, они знаютъ, что вслѣдствіе этого не сегодня такъ завтра отъ нихъ снова потребуютъ новыхъ жертвъ, и что за спокойствіе, которое они надѣялись купить послѣднею войною, имъ придется еще разъ заплатить и быть можетъ заплатить дорого! Надежда, что, послѣ этой войны, они займутъ должное мѣсто, что послѣ нея они получатъ голосъ, всѣхъ и вліяніе въ европейскихъ дѣлахъ, надежда, что наконецъ они въ состояніи будутъ успокоиться и обратиться къ внутреннимъ дѣламъ, эта надежда обманута, и нельзя удивляться, если у нихъ вырывается крикъ: чѣмъ вознаграждены мы за всѣ наши жертвы! Что будетъ дальше, что выйдетъ изъ этого недовольства, рѣшить трудно. Всѣ думаютъ только, что если правительство желаетъ возвратить себѣ довѣріе страны, то оно должно пойти совершенно по иной дорогѣ, и что такого рода уступки, какъ отставка Ламармори и амнистія Мадзини, мало помогутъ дѣлу.

Е. О.

Неаполь, 12/24 августа 1866.

Atlas universel d'histoire et de géographie, par M. N. Bouillet. 1 vol. Par. 1866.

Это — дополнение къ известному *Dictionnaire universel d'histoire et de géographie*. Цѣль новаго труда — представить въ связи то, что разбросано въ первомъ изданіи въ алфавитномъ порядкѣ. Историческая часть подраздѣлена на хронологію и генеалогію; географическая — на историческую и современную географію. Хронологію составляютъ 230 страницъ съ таблицами до 1865, и съ объясненіемъ различія эръ и календарей. Генеалогія заключаетъ около 300 таблицъ съ изложеніемъ геральдическаго искусства. Географію представляютъ 240 страницъ текста и 88 картъ, изъ нихъ 39 для исторической географіи: 23 древней и 16 среднихъ вѣковъ и новой. Въ карты новой географіи внесены результаты путешествій до 60-хъ годовъ. Новый трудъ Булье не имѣетъ себѣ подобнаго въ этомъ родѣ, драгоцененъ для справокъ и также доступенъ по цѣнѣ, какъ и первый его трудъ: 21 франкъ.

Mélanges philosophiques, par Th. Jouffroy. 4 éd. 1 vol. Par. 1866.

Новое изданіе отдѣльныхъ этюдовъ и лекцій Жюффруа заключаетъ въ себѣ между прочимъ *Philosophie de l'histoire*. Такъ какъ главная дѣятельность известнаго профессора Сорбонны относится къ тридцатымъ годамъ, то его прежнія труды имѣютъ большое значеніе для изучающаго эпоху, предшествующую июльской революціи.

Études sur les tragies grecs, par M. Patin, doyen de la faculté des lettres à Paris. 3 éd. 4 vol. 1866.

Главная заслуга этого классическаго труда ученѣйшаго изъ французскихъ филологовъ состоитъ въ томъ, что авторъ умѣлъ представить намъ греческую трагедію въ тѣсной связи съ другими фактами общественной жизни Греціи, какъ съ политическими, такъ и съ литературными, въ средѣ которыхъ она родилась и развивалась. Это столько же исторія греческой трагедіи, сколько и исторія самой Греціи, и глубокой психологической анализъ самыхъ возвышенныхъ общественныхъ вопросовъ. Последнее изданіе обогащено весьма важными приложениями, и между прочимъ превосходными критическими статьями самого Патена изъ *Journal des Savants* 1850 и 1852.

Das moderne Kriegesrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch, von Dr. Bluntschli. 1866.

Имя автора и послѣднія событія дѣлаютъ весьма интереснымъ появленіе этого новаго трактата, какъ этюда изъ международнаго права, который необходимъ не для одного военнаго спеціалиста, но и для историка вообще, сдѣланнаго за прогрессомъ въ международныхъ отношеніяхъ въ такіа минуты, когда, повидимому, всѣ эти отношенія прекращаются.

Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, von den ersten Anfängen historischer Kunde bis zur Gegenwart, von S. Sugenheim. 6 Bde. Leipz. 1866.

Имя Сугенгейма известно въ нашей литературѣ по его сочиненію: «Исторія прекращенія крѣпостнаго права въ Европѣ», получившему премію отъ нашей Академіи Наукъ. Новый его трудъ, котораго первые два тома выходятъ теперь, обращаетъ на себя особенное вниманіе и по ученымъ достоинствамъ, и по отношенію къ дѣйствительнымъ стремленіямъ Германіи достигнуть политическаго единства, въ основѣ котораго она давно уже имѣла единство культуры.

Karte von Palestina, von Van de Velde. Deutsche Ausgabe. Gotha. 1866. J. Perthes.

Нѣмецкое изданіе Карты Палестины по 2-му изданію «*Map of the Holy Land*», въ масштабѣ 1:315,000, оставляетъ далеко за собой все, что было до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету. Нѣмецкій издатель увеличилъ и исправили англійскую работу по изслѣдованіямъ новѣйшихъ путешественниковъ и сдѣлалъ свой трудъ несравненно болѣе доступнымъ оригинала (2½ тал.).

Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwicklung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861. Leipz. 1866.

Бар. Гакстгаузенъ оказалъ уже столько заслугъ Россіи своею учено-литературною дѣятельностію, что пользуется у насъ известностію наравнѣ съ нашими именитыми національными изслѣдователями. Его новый трудъ есть исторія и вмѣстѣ драгоценнѣйшее собраніе документовъ для крестьянскаго вопроса въ Россіи. Авторъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ и доходитъ до 19 февр. 1861, сравнивъ въ заключеніе нашу реформу съ реформами того же рода въ другихъ странахъ. Огромный трудъ разработки и подготовокъ матеріаловъ для этого сочиненія былъ превосходно исполненъ нашимъ соотечественникомъ г. Скребицкимъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Вѣстникъ Европы» выходитъ четыре раза въ годъ, въ мартѣ, юніѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1. Для *городскихъ* подписчиковъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ:

безъ доставки . . . . 8 руб.

съ доставкой . . . . 9 »

2. Для *иностраныхъ*:

съ пересылкою . . . . 9 руб.

3. Для *иностраныхъ*, съ пересылкою: въ Пруссію и въ Германію — 11 руб.; въ Бельгію — 12 руб.; во Францію и Данію — 13 руб.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 14 руб.; въ Швейцарію — 15 руб.; въ королевство Италію и въ Римъ — 16 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Для *городскихъ* подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, при книжныхъ магазинахъ *Д. Е. Кожанчикова, Я. А. Исакова* и *А. О. Базунова*, и въ Москвѣ — *И. Г. Соловьева*.

2. *Иногородные* и *иностранные* подписчики высылаютъ вышеозначенную сумму русскими кредитными билетами, съ приложеніемъ точнаго адреса, исключительно: *Въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ С.-Петербургъ*, и только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за своевременную и точную сдачу экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Желающіе подписаться на 1866 годъ могутъ еще получить полный годовой экземпляръ.

М. Стасюлевичъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

